

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07855833 9

INDEXED

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

ТОМЪ IV.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Невскомъ просп., у Казан. моста,
№ 30.

Экспедиція журнала:
на Екатерингофскомъ проспектѣ,
№ 41.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1869.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
592566
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.
R 1913 L

NOV 21 1913

ДАЧА НА РЕЙНѢ

РОМАНЪ ВЪ ПЯТИ ЧАСТЯХЪ.

(Переводъ съ рукописи.)

КНИГА ВОСЬМАЯ.

ГЛАВА I*).

Г О Д О В Ш И Н А Р О Ж Д Е Н И Я Г Е Т Е .

Рейнъ, образовавъ въ своемъ теченіи множество извилинъ, вдругъ расширяется, точно хочетъ разлиться въ море. Но тѣснѣнія его со всѣхъ сторонъ горы не даютъ ему простора и онъ, по прежнему, продолжаетъ свой путь.

Такое же точно явленіе представляютъ и нѣкоторыя изъ разсказываемыхъ нами событій. Профессорша стремилась къ цѣли, достиженіе которой ей казалось необходимымъ, но на пути ея со всѣхъ сторонъ воздвигались препятствія.

Изъ Вольфсгартена пришло отъ Клодвига письмо, въ которомъ онъ приглашалъ профессоршу и все семейство Зонненкампа къ себѣ, для празднованія годовщины рожденія Гёте. Приглашеніе было принято, но Церера и фрейленъ Пэрини, по обыкновенію, остались на виллѣ.

Эрихъ ничего не говорилъ, но вся наружность его свидѣтельствовала, до какой степени присутствіе матери его ободряло и успокоивало. Онъ не боялся рядомъ съ ней вступить въ домъ своего друга: развѣ она не служитъ живымъ доказательствомъ

*) См. въ 1868 г.: сент. 5; окт. 615; нояб. 142; дек. 595; и въ 1869 г.: янв. 244; февр. 820; мар. 225; апр. 812; май, 275; июнь, 473 стр. и слѣд.

чистоты его помысловъ? Но несмотря на сознание, что онъ можетъ всёмъ смѣло смотрѣть въ глаза, въ глубинѣ души Эриха все-таки таилось легкое сомнѣніе насчетъ первой встрѣчи съ Беллой.

Она, вмѣстѣ съ тетушкой Клавдіей, встрѣтила гостей въ лѣсу. Горячо обнявъ профессоршу, графиня еще разъ поблагодарила ее за то, что она уступила ей дорогую Клавдію. Затѣмъ, протянувъ руку Эриху, Белла съ нѣскольکو смущеннымъ видомъ проговорила:

— Вы, молодой другъ, были сегодня его первой мыслью.

Ей почему-то не хотѣлось назвать мужа по имени.

Общество едва успѣло достигнуть Вольфсгартена, какъ пошелъ дождь, который не переставалъ во весь день, такъ что не было никакой возможности выдти изъ дому. Но несмотря на это, время для всѣхъ прошло быстро и пріятно.

Довольнѣе и счастливѣе всѣхъ былъ Роландъ. Онъ не могъ усидѣть на мѣстѣ, всёмъ весело заглядывалъ въ глаза, переходилъ отъ профессорши къ тетушкѣ, отъ Беллы къ Клодвигу и не могъ нарадоваться, что находится въ обществѣ людей, съ которыми ему такъ хорошо и привольно.

— Ахъ! воскликнулъ онъ внезапно, какъ обрадуется Манна, когда, вернувшись домой, увидитъ, что у насъ на деревьяхъ выросли и дядюшки, и тетушки, и бабушки!

Но гдѣ былъ Пранкенъ? Онъ гостилъ у одного сельскаго хозяина, который отличался большой набожностью и носилъ прозвище монастырскаго крестьянина. Пребываніе у него приходилось Пранкену какъ нельзя болѣе по вкусу, потому что дѣлало его сосѣдомъ Манны. Этотъ сельскій хозяинъ, между прочимъ, арендовалъ на островѣ, прилегавшія къ монастырю, поля и занимался ихъ воздѣлываніемъ.

Послѣ обѣда Белла съ тетушкой Клавдіей сѣли за фортепіано и начали играть въ четыре руки увертюру Бетховена къ Эгмонту Гете.

Клодвигъ между тѣмъ вель съ гостями оживленный разговоръ. Какъ все мудро и соразмѣрно распредѣлено въ мірѣ, говорилъ онъ. Избытокъ знанія въ одномъ человѣкѣ служитъ для пополненія пробѣловъ въ образованіи другого. Эрихъ, богатый самыми разнообразными свѣдѣніями, уча Роланда, дѣлится съ нимъ всёмъ, что есть наилучшаго въ немъ самомъ. Разговоръ совершенно естественно перешелъ съ мальчика на его сестру и Клодвигъ замѣтилъ, что, когда Манна выйдетъ изъ монастыря, для нея было бы большимъ счастьемъ, еслибъ профессорша взяла на себя окончить ея образованіе.

Зонненкампъ и мать Эриха въ изумленіи переглянулись. Этотъ человѣкъ точно прочелъ ихъ мысли и приносилъ вслухъ то, о чемъ они, каждый съ своей стороны, думали втихомолку. Зонненкампъ поблагодарилъ Клодвигъ за участіе, какое тотъ постоянно выказывалъ въ его семьѣ, замѣтилъ, что мнѣніе графа имѣетъ въ его глазахъ силу закона и въ заключеніе выразилъ надежду, что госпожа Дорнэ, когда придетъ время, не откажетъ ему въ своемъ содѣйствіи. Профессорша отвѣчала, что она очень рада быть чѣмъ-нибудь полезной и охотно попробуетъ заняться съ Манной.

Дождь все не переставалъ, и общество перешло въ большую залу, гдѣ Белла угостила его образчиками своихъ разнообразныхъ дарованій. Она, послѣ кратковременнаго отсутствія, явилась съ накинутымъ на плечо, въ видѣ греческаго одѣянія, пунсовымъ бархатнымъ покрываломъ и съ замѣчательнымъ искусствомъ начала подражать одной знаменитой итальянской актрисѣ. Потомъ она поочереди являлась то парижской гризеткой, то тирольской пѣвицей и всякій разъ до такой степени измѣняла себя, сообразно своему костюму, что ее съ трудомъ можно было узнать. Но забавнѣе всего представляла она трехъ нищенокъ: католичку, протестантку и еврейку. Впрочемъ, зрители не менѣе смѣялись и надъ тѣмъ, какъ она изобразила потомъ трехъ другихъ женщинъ, опять католичку, протестантку и еврейку, которыя, страдая зубной болью, приходятъ къ дантисту выдергивать большие зубы. Нисколько не впадая въ карикатуру, Белла такъ вѣрно, отчетливо и въ тоже время граціозно передавала особенности всѣхъ этихъ личностей, что возбудила всеобщій восторгъ.

Клодвигъ, наклонясь къ профессоршѣ и къ Зонненкампу, шепнулъ:

— Вы можете гордиться тѣмъ, что она все это передъ вами разыгрываетъ. Она на это рѣшается только въ кругу самыхъ близкихъ друзей.

Зонненкампъ отвѣчалъ, что жаль было бы хранить исключительно про себя такой рѣдкій и замѣчательный талантъ. Эрихъ, который съ своей стороны не могъ не удивляться искусству Беллы, однако не былъ въ состояніи наслаждаться имъ такъ безусловно, какъ другіе. «Что за богатая натура, думалъ онъ. Какой избытокъ силъ! И всѣ онѣ замкнуты въ тѣсную рамку будничныхъ обязанностей!»

Белла въ этотъ день была особенно оживлена и никогда еще не играла съ такимъ увлеченіемъ. Она явно хотѣла изгладить изъ памяти Эриха и изъ своей собственной все, что между ними произошло. Молодой человѣкъ видѣлъ это и молчалъ, а Белла

всего только разъ обратилась къ нему съ замѣчаніемъ о русскомъ князѣ, который поселился въ Маттенгеймѣ у Вейдемана и часто ей оттуда писалъ. Онъ почти въ каждомъ письмѣ упоминалъ объ Эрихѣ, посылалъ ему поклоны и между прочимъ съ похвалою отзывался о магистрѣ Кнопфѣ, прежнемъ учителѣ Роланда. На словѣ *учитель* Белла сдѣлала особенное удареніе, какъ будто желая снова возстановить между собой и Эрихомъ ту границу, за черту которой они, было, оба переступили.

Клодвигъ и профессорша праздновали память Гёте задушевною бесѣдой, въ которой передавали одинъ другому свои взгляды на великаго поэта и его творенія. Профессорша между прочимъ замѣтила, что сынъ ея очень хорошо читаетъ поэтическія произведенія Гёте, и Эрихъ, не заставляя себя долго просить, немедленно прочелъ нѣсколько отрывковъ. Но на этотъ разъ голосъ ему какъ-то плохо повиновался и онъ читалъ хуже обыкновеннаго, безпрестанно отрывая въ произведеніяхъ поэта намѣки на свои отношенія къ Беллѣ.

Съ наступленіемъ вечера дождь утихъ и гости поспѣшили отправиться домой.

День былъ богатъ впечатлѣніями и Роландъ на возвратномъ пути всю дорогу только и говорилъ, что о необыкновенномъ талантѣ графини. А Зонненкампъ послѣ долгаго молчанія протянулъ профессоршѣ руку и сказалъ:

— Если это васъ не слишкомъ затруднитъ, поѣдемте завтра къ моей дочери.

Профессорша охотно согласилась. У Зонненкампа въ теченіи нѣсколькихъ минутъ было особенно легко на душѣ. Онъ вѣрилъ въ благородныя побужденія матери Эриха и на мгновеніе даже самъ заразился ея великодушіемъ. Все въ мірѣ прерасно, думалъ онъ, и люди дѣйствительно могутъ быть счастливы отъ одного сознанія, что поступаютъ честно и хорошо. Но это мирное настроеніе духа не долго продолжалось и Зонненкампомъ вскорѣ опять овладѣли его обычныя мысли на счетъ собственнаго превосходства и той силы, которая позволяетъ ему играть людьми и по произволу распоряжаться обстоятельствами. Клодвигъ и профессорша вздумали его ловко поддѣть и, чтобы успѣшнѣе достигнуть цѣли, выдали свой планъ за его собственный. Пусть будетъ такъ, а онъ, Зонненкампъ, все-таки заставить ихъ служить себѣ и съ ихъ помощью достигнетъ того, что составляетъ вѣнецъ его желаній.

Онъ въ тотъ же вечеръ отдалъ садовнику приказаніе заготовить къ слѣдующему дню какъ можно болѣе любимыхъ цвѣтовъ *Манны*, въ особенности резеды, и убрать ими ея комнату.

ГЛАВА II.

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Зонненкампъ съ выраженіемъ безграничнаго уваженія и дружеской заботливости помогъ профессоршѣ выдти изъ кареты, провелъ ее на пароходъ и выбралъ для нея мѣсто, защищенное отъ сквознаго вѣтра, но откуда она могла свободно любоваться живописными берегами, мимо которыхъ имъ надлежало плыть. Онъ окружилъ ее всевозможными удобствами и въ заключеніе освѣдомился, не желаетъ ли она еще чего-нибудь. Профессорша сильно встревожилась, замѣтивъ, что забыла дома, на столѣ въ своей комнатѣ, книгу, которую намѣревалась взять съ собой. На вопросъ Зонненкампа, какая это была книга, она не дала прямого отвѣта. Авторъ сочиненія, которое она сама такъ высоко цѣнила, не долженъ былъ, по ея мнѣнію, пользоваться расположеніемъ Зонненкампа. Она успѣшила отдѣлаться отъ его распросовъ шутивымъ замѣчаніемъ на свой собственный счетъ. Жизнь между учеными, говорила она, до такой степени развила въ пей любовь къ книгамъ, что ей трудно было обойтись безъ нихъ даже во время прогулки по Рейну въ ясный лѣтній день. Но теперь ей, нечего дѣлать, надо было довольствоваться собственными мыслями и прелестными видами, которые быстро смѣнялись одинъ другимъ.

Зонненкампъ помѣстился рядомъ съ профессоршей. Въ голосѣ его звучало искреннее чувство, когда онъ говорилъ, что почти завидуешь счастью своихъ дѣтей, которымъ въ ранней молодости привелось жить въ обществѣ такой благородной, высокообразованной женщины. Тонъ его рѣчи становился все мягче и задушевнѣе, въ глазахъ его появился непривычный блескъ, даже какъ будто сверкнула слеза. Его печалило воспоминаніе о собственной молодости, которая прошла въ одиночествѣ. Ни одна женская рука никогда ласково не гладила его по головѣ, ни одинъ женскій голосъ не называлъ его нѣжными именами. Было что-то въ высшей степени трогательное въ томъ, какъ этотъ сильный, обыкновенно твердый мужчина съ сдержаннымъ чувствомъ говорилъ о своемъ дѣтствѣ. Вдругъ онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и быстро перешелъ къ главному предмету ихъ настоящаго путешествія. Онъ просилъ профессоршу прежде всего постараться проникнуть въ тайну внезапнаго отчужденія отъ него Манны.

— Ей, можетъ быть, прибавилъ онъ, передали обо мнѣ что-

нибудь такое, противъ чего мнѣ защищаться—значило бы унижать себя. Прошу васъ, если вы узнаете, въ чемъ дѣло, не вѣрьте ничему: все, что обо мнѣ говорятъ, ложь и низкая клевета.

Профессорша сдѣлала Зонненкампу по этому поводу нѣсколько вопросовъ, на которые онъ отказался отвѣчать, говоря, что въ противномъ случаѣ долженъ сойти съ ума. Лицо его мгновенно утратило свое кроткое выраженіе, а взоръ сдѣлался до того гнѣвнъ и дикъ, что на него было страшно смотрѣть.

Профессорша сказала, что ей теперь всего лучше будетъ отправиться прямо къ настоятельницѣ, какъ будто единственной цѣлью ея пріѣзда въ монастырь было свиданіе съ подругой юности. Она убѣдительно просила Зонненкампа не выражать дочери своего желанія на счетъ ихъ взаимнаго сближенія.

— Съ дѣтьми, прибавила она, въ подобнаго рода дѣлахъ принужденіе никуда не годится. Развѣ можно требовать, чтобы они наслѣдовали отъ родителей любовь и уваженіе, какія тѣ питаютъ къ своимъ друзьямъ? Самое лучшее оставить ихъ въ покоѣ, обращаться съ ними просто, ласково, но безъ навязчивости и выжидать, пока они сами не почувствуютъ къ вамъ влеченія.

Зонненкампъ пришелъ въ восторгъ отъ такой предусмотрительности и съ своей стороны предложилъ не ѣхать на островъ, а остаться въ гостинницѣ на другомъ берегу, пока профессорша не сочтетъ нужнымъ за нимъ прислать.

— Вы столько же умны, сколько и добры, сказалъ онъ ей въ заключеніе.

Въ благоразумной сдержанности профессорши Зонненкампъ видѣлъ искусную тактику и снова почувствовалъ не малое удовлетвореніе при мысли, что насквозь видитъ всѣ чужія хитрости и умѣетъ подчинять ихъ своимъ собственнымъ.

Между тѣмъ, какъ Зонненкампъ и профессорша плыли внизъ по теченію Рейна, на островѣ происходило нѣчто въ высшей степени странное. Тамъ, въ теченіи многихъ лѣтъ, никто не видѣлъ ни одной лошади, а теперь вдругъ на сторонѣ, противоположной монастырю, появился плугъ, запряженный добрымъ конемъ, рядомъ съ которымъ шелъ рослый мужчина, одѣтый въ синюю блузу и съ сѣрой шляпой на головѣ. Дѣти издали смотрѣли на этотъ плугъ, какъ на чудо. Имъ хотѣлось поближе на него взглянуть и они вопросительно поглядывали на Манну, какъ будто прося у ней на то позволенія. Манна кивнула имъ головой и они пошли по дорогѣ, вторая вела къ полю. Человѣкъ, управлявшій плугомъ, поравнявшись съ толпой дѣтей,

связъ шляпу и поклонился. Манна остолбенѣла: неужели это действительно Пранкенъ? Онъ, не говоря ни слова, продолжалъ пахать, но дойдя до конца борозды и оборачивая плугъ, взглянулъ на молодую дѣвушку и ласково ей улыбнулся.

— Что за красавецъ! воскликнула одна изъ дѣвочекъ.

— Онъ вовсе не похожъ на крестьянина: у него такая благородная наружность! подхватила другая. Кто знаетъ: это можетъ быть переодѣтый рыцарь.

Манна позвала дѣтей назадъ въ монастырь. Тамъ она заперлась въ своей кельѣ, изъ окна которой разстился видъ на обрабатываемое поле. Молодая дѣвушка чувствовала себя польщенной тѣмъ, что Пранкенъ, изъ желанія быть къ ней поближе, не побрезгалъ занятіемъ простого крестьянина. Кромѣ того, ей понравилась скромность, съ какой онъ воздержался, чтобъ не заговорить съ ней. Манна была въ раздумьѣ: слѣдуетъ ли ей обо всемъ этомъ рассказать настоятельница, или нѣтъ? Наконецъ, она рѣшила, что не вправѣ выдавать тайну Пранкена, тѣмъ болѣе, что въ ней не было ничего дурного. Напротивъ, его поступокъ и обращеніе развѣ не свидѣтельствовали о благородствѣ его души и о безграничномъ уваженіи, которое онъ питалъ къ ней, Маннѣ?

Молодая дѣвушка подошла къ окну и видѣла, что Пранкенъ по прежнему продолжалъ свою работу. Никогда еще не казался онъ ей такимъ прекраснымъ, какъ въ этомъ простомъ одѣяніи, за этимъ скромнымъ занятіемъ. На окнѣ стоялъ горшокъ съ розовымъ кустомъ, на которомъ распустилась одна поздняя роза. Пранкенъ поднялъ голову и взглянулъ на Манну. Она поднесла руку къ розѣ, намѣреваясь ее сорвать и бросить ее молодому человѣку. Но въ ту самую минуту, какъ она коснулась стебля цвѣтка, къ ней вошла монахиня изъ прислужницъ и объявила, что ее требуютъ въ пріемную. Роза осталась не сорванной.

Манной овладѣло смущеніе. Кто могъ ее требовать въ пріемную? Не Пранкенъ же, который въ ея глазахъ шелъ по полю за плугомъ. Ужъ не графиня ли Белла? и молодая дѣвушка невѣрными шагами направилась въ залу. Тамъ настоятельница представила ее пожилой, нѣсколько полной, но пріятной наружности дамѣ, которую въ свою очередь отрекомендовала Маннѣ словами:

— А это моя бывшая подруга, профессорша Дорнэ, мать учителя твоего брата.

ГЛАВА III.

НЕ ОТЪ МИРА СЕГО.

Профессорша и Манна, при первомъ взглядѣ одна на другую, не могли скрыть своего изумленія. Понятіе, которое каждая изъ нихъ составила себѣ о другой, вполне противорѣчило съ дѣйствительностью.

Въ памяти Манны сохранилась высокая, стройная фигура Эриха съ лицомъ, похожимъ на ликъ св. Антонія. А теперь передъ ней стояла маленькая, полная, престарѣлая блондинка. Профессорша, съ своей стороны, ожидала найти въ сестрѣ Роланда пышную, на него похожую, красавицу. Но изящная фигура Манны, несмотря на всю свою грацію, въ первую минуту не производила впечатлѣнія особенной красоты. На лицѣ ея прежде всего бросались въ глаза два родимыя пятнышка: одно на лѣвой щекѣ, другое на верхней губѣ съ правой стороны. Цвѣтъ кожи ея былъ смуглый. Главная прелесть молодой дѣвушки заключалась въ глубокомъ взглядѣ ея блестящихъ карихъ глазъ, изъ которыхъ сіялъ мягкій, ласкающій душу свѣтъ.

Манна церемонно присѣла передъ профессоршей. Та встала и съ материнской нѣжностью взяла ее за руку, выражая радость, какую ей доставляетъ возможность, наконецъ, познакомиться съ дочерью своихъ гостепріимныхъ хозяевъ. Посѣщеніе монастыря, предпринятое съ цѣлью повидаться со старой пріятельницей, говорила она, теперь оказывается для нея вдвойнѣ пріятнымъ. Затѣмъ профессорша особенно распространилась о своихъ дружескихъ отношеніяхъ съ Церерой.

— Здорова ли матушка? спросила Манна голосомъ, въ которомъ звучала нѣжная заботливость.

Профессорша, какъ могла подробнѣе, рассказала ей о состояніи здоровья Цереры и передала слова доктора Рихардта, который говорилъ, что еще никогда не видалъ ее таковой бодрой и крѣпкой, какъ въ настоящее время.

— А теперь у меня есть до васъ просьба, ласково продолжала профессорша. Съ тѣхъ поръ, какъ я имѣла удовольствіе поселиться въ домѣ вашихъ родителей, я постоянно настаиваю, чтобъ изъ-за меня не нарушался порядокъ уроковъ вашего брата. Съ такой же точно просьбой обращаюсь теперь и къ вамъ: пожалуйста, не прерывайте, ради меня, вашихъ обычныхъ занятій. Я буду обѣдать вмѣстѣ съ вами, и затѣмъ сочту себя счастливой, если вы мнѣ удѣлите четверть часа изъ вашего свободнаго времени.

— Можетъ быть, у васъ есть какое-нибудь особенное порученіе къ Маннѣ? замѣтила настоятельница: въ такомъ случаѣ, я васъ оставлю съ ней вдвоемъ.

— У меня нѣтъ къ ней никакого порученія.

Манна поклонилась, подала профессоршѣ руку и ушла. Ей все это казалось непонятнымъ. Зачѣмъ ее звали, если не имѣли ей ничего сообщить? Такого рода поступокъ былъ болѣе чѣмъ страннымъ со стороны совершенно посторонней женщины, съ которой она не могла имѣть ничего общаго? Но тѣмъ не менѣе, пока Манна шла по длинному корридору, образъ профессорши не выходилъ у ней изъ головы, съ улыбкой на нее смотрѣлъ и какъ будто говорилъ: какое ты странное дитя!

Манна задумчиво вернулась въ келью и приблизилась къ окну. Она видѣла, какъ Пранкенъ вошелъ въ лодку, поставилъ въ нее лошадь и причалилъ къ противоположному берегу.

— А, баронъ Пранкенъ, здравствуйте! закричалъ ему это-то, и эхо въ отдаленіи повторило привѣтствіе. Чей это былъ голосъ?

Пранкенъ быстро выскочилъ на берегъ и скрылся за развѣсистыми ивами.

Манна всей душой стремилась къ тому времени, когда свѣтъ, наконецъ, останется позади нея и ей дозволено будетъ вполне отдаться ничѣмъ невозмутимому покою. Теперь ее тревожили разнаго рода сомнѣнія. Здѣсь, по близости отъ нея, находится Пранкенъ; въ пріемной у настоятельницы сидитъ мать учителя.... Чего они отъ нея хотятъ? что все это означаетъ? Она раскрыла молитвенникъ, но никакъ не могла приковать вниманіе къ тому, что въ немъ читала.

Настоятельница между тѣмъ толковала съ профессоршей о Маннѣ и приводила нѣкоторыя черты изъ ея характера.—Въ молодой дѣвушкѣ, говорила она, уживаются странныя противоположности. Въ ней точно двѣ природы: одна мягкая, кроткая, уступчивая, другая—бурная, повелительная, гордая. У нея серьезный, для ея лѣтъ даже слишкомъ строгій взглядъ на вещи и при всемъ томъ она часто не бываетъ въ состояніи совладать съ движеніями своей души. Но, сказать правду, кто это можетъ въ ея года? По всему видно, что у нея есть какое-то большое горе, источникъ котораго заключается въ разладѣ между ея родителями. Настоятельница попыталась было узнать кое-какія подробности о нравѣ и привычкахъ Зонненкампа, но профессорша очень уклончиво отвѣчала на ея распросы.

Наружность этихъ двухъ женщинъ поражала своей противоположностью. Пріятное лицо профессорши носило отпечатокъ добродушія и умѣренной веселости; руки у нея были маленькія

и полныя. Высокая, худощавая фигура настоятельницы, имѣла въ себѣ что-то повелительное. Съ лица ея не сходило строгое выраженіе, которое заставляло постоянно ожидать отъ нея приказаній. Она тщательно содержала свои бѣлья, прекрасной формы руки. Въ прошломъ обѣихъ женщинъ было много горькихъ испытаній. Профессорша вынесла изъ своего жизненнаго опыта спокойное довольство собой и другими. Настоятельница прибрѣла въ борьбѣ съ житейскими невзгодами силу, которую, казалось, ничто не могло сломить.

Встрѣча пріятельницъ, послѣ почти тридцати-лѣтней разлуки, не отличалась особенной горячностью. Настоятельница сдѣлала видъ, будто не замѣчаетъ, что профессорша, по примѣру прежнихъ лѣтъ, говоритъ ей *ты*.

— Я никакъ не ожидала еще разъ свидѣться съ вами по сю сторону гроба, сказала она ей.

Профессорша стала припоминать нѣкоторыя событія изъ ихъ молодости, но настоятельница холодно ее остановила. Прошлое, говорила она, для нея болѣе не существуетъ. Она успѣла въ конецъ изгладить въ себѣ воспоминанія юности, и теперь всѣ ея помыслы и желанія сосредоточиваются исключительно на великой будущности, которая одна заслуживаетъ, чтобы люди о ней думали и къ ней стремились.

Замѣтивъ, что эти слова сильно озадачили ея бывшую подругу, настоятельница поспѣшила прибавить, что для нея теперь всѣ люди равны. Она научилась не дѣлать различія ни между родными, ни между знаемыми: и тѣ, и другіе стоятъ отъ нея одинаково далеко. «Кто не въ силахъ,—сказала она въ заключеніе,—поставить себя въ такія отношенія къ свѣту, тотъ не долженъ идти въ монастырь».

Профессорша чувствовала себя въ положеніи человѣка, которому указываютъ на дверь, прося его удалиться изъ дому. Однако ей удалось совладать съ собой и она сказала:

— Да, вы и въ молодости отличались строгостью духа, которая тогда меня пугала, а теперь возбуждаетъ во мнѣ удивленіе.

Настоятельница улыбнулась, но затѣмъ ей стало досадно на себя за то, что похвала подруги могла возбудить въ ней чувство самодовольства.

— Милая Клара, сказала она: прошу васъ, не смущайте меня суетными рѣчами. Занимаемый мною постъ возлагаетъ на меня суровыя обязанности, которыя я должна со смиреніемъ выполнять, доколѣ Царь вселенной не призоветъ меня къ себѣ. Въ то время, о которомъ вы говорили, я еще не знала, что намъ

съ вами придется идти по совершенно различнымъ путямъ. Миръ, гдѣ я теперь живу, требуетъ, чтобы мы не признавали за собой никакой силы, но во всемъ полагались на Бога.

Несмотря на личное самоотреченіе и на смиренный тонъ рѣчей настоятельницы, въ нихъ проглядывало горделивое сознание силы и величія священнаго общества, часть котораго она составляла. Профессорша, слушая ее, почувствовала себя въ сравненіи съ ней ничтожной единицей, которая, безъ цѣли вращаясь въ мирѣ, сама не знаетъ куда стремится.

Вскорѣ однако пріятельницамъ удалось найти предметъ для разговора, который ихъ обѣихъ одинаково занималъ. Онѣ коснулись вопроса о воспитаніи дѣтей, и погрузились въ размышленія о томъ, какъ трудно вести кнѣя души по пути къ истинѣ и добру. Настоятельница была въ этомъ дѣлѣ гораздо опытнѣе профессорши, которая, въ подтвержденіе своихъ мнѣній и взглядовъ, могла ссылаться только на книги, да на авторитетъ покойнаго мужа. Видя, какъ охотно, съ какимъ вниманіемъ и даже благодарностью профессорша выслушивала ея замѣчанія, настоятельница смягчилась въ отношеніи къ ней. Она даже почувствовала легкое угрызеніе совѣсти за то, что такъ жестоко обошлась съ этой доброй, благородной женщиной и, какъ всегда бываетъ съ людьми въ подобномъ настроеніи духа, высказалась передъ ней болѣе, чѣмъ сама того желала.

Настоятельница рассказала между прочимъ о томъ, съ какимъ горькимъ опытомъ было сопряжено вступленіе Манни въ монастырь. Появленіе ея въ этихъ стѣнахъ произвело настоящую революцію. Въ числѣ воспитанницъ были двѣ американки высшаго круга, которыя объявили, что ни подъ какимъ видомъ не согласятся сидѣть за однимъ столомъ съ креолою, какою считали Манну. Онѣ рассказали подругамъ, что въ ихъ отечествѣ люди, въ жилахъ которыхъ текла хоть капля негритянской крови, выгонялись изъ общества, на желѣзныхъ дорогахъ ѣздили въ отдѣльныхъ вагонахъ и даже въ церкви сидѣли на нарочно отведенныхъ для нихъ мѣстахъ. Большая часть воспитывавшихся въ монастырѣ дѣвочекъ принадлежала къ нѣмецкой аристократіи и всѣ онѣ, втайнѣ отъ Манни, составили заговоръ съ цѣлью воспрепятствовать поступленію ея въ число ихъ подругъ. Однажды ночью, во время ея сна, три дѣвочки въ присутствіи одной монахини освидѣтельствовали ногти Манни, но, вопреки своимъ ожиданіямъ, не нашли на нихъ черныхъ пятенъ, которыя бы свидѣтельствовали о ея негритянскомъ происхожденіи. Съ той минуты на Манну перестали смотрѣть, какъ на отверженную, и никто болѣе не противился ея поступленію въ монастырь, гдѣ

она, вскорѣ, благодаря своимъ удивительнымъ способностямъ и необыкновенному прилежанію, удостоилась получить голубой бантъ.

У профессорши едва не сорвалось съ языка замѣчаніе, на счетъ того, что настоятельница слѣдовало бы словомъ и примѣромъ вразумить жестокихъ дѣтей и доказать имъ, что Богъ, не дѣлая различія между людьми, каково бы они ни были цвѣта и происхожденія, тоже самое предписываетъ и имъ. Но она во время удержалась и, хотя у ней дрожали губы, однако ни слова не сказала. Минуту спустя, ей еще болѣе понадобилось все ея самообладаніе. Настоятельница сочла нужнымъ просить ее, чтобъ она во время обѣденной молитвы сложила крестомъ руки. Краска разлилась по лицу профессорши, и она съ достоинствомъ отвѣчала:

— Вѣчный судія, принимая у подножія своего трона душу моего покойнаго мужа, безъ сомнѣнія, произнесъ надъ нимъ самый кроткій приговоръ. «Ты жилъ честно — долженъ онъ былъ ему сказать — согласно съ своими вѣрованіями и убѣжденіями и никогда, ни въ рѣчахъ, ни въ поступкахъ ни на шагъ не отступалъ отъ истины». За нашимъ столомъ, правда, никогда не читалась вслухъ молитва, но каждый изъ насъ, прежде чѣмъ приступить къ пищѣ и питью, на минуту погружался въ самого себя и припоминалъ, изъ каковаго источника почерпаетъ онъ первое и главное условіе своего бытія. Кромѣ того, обѣды нашъ всегда бывалъ освященъ самой чистой и задушевною бесѣдой.

— Хорошо, хорошо, сказала настоятельница. Я вовсе не хотѣла васъ оскорбить. До меня уже дошли слухи о вашей потерѣ и я съ сожалѣніемъ узнала о смерти профессора, которому вы съ таинимъ безкорыстіемъ принесли себя въ жертву.

— Я была съ нимъ счастлива, возразила профессорша. Наша любовь съ каждымъ днемъ росла и крѣпла. Но мнѣ суждено было испытать еще и другого рода привязанность, кромѣ той, какою я питала къ мужу. Извините, я хочу сказать, что я мать взрослого сына, но исполнѣ понять мои чувства могутъ только тѣ, которые сами находятся въ одинаковомъ со мной положеніи.

— Мнѣ очень пріятно видѣть васъ счастливою. Но, скажите откровенно, развѣ не правда, что изъ десяти замужнихъ женщинъ, непременно хоть одна несчастна?

Профессорша не отвѣчала.

— Ваше молчаніе, продолжала настоятельница, подтверждаетъ мои слова. Ну, вотъ видите ли, а я смѣло могу сказать, что изъ ста монахинь, врядъ ли найдется одна несчастная.

Профессорша, не желая вступать въ длинныя и бесплодныя

пренія, и на это ничего не возражала. Она была здѣсь въ гостяхъ и не считала себя вправѣ ни спорить, ни учить. Но настоятельница, разъ коснувшись этого предмета, уже болѣе его не оставяла.

— Во всемъ мірѣ, сказала она, врядъ ли найдется существо несчастнѣе молодой дѣвушки, о которой всѣ знаютъ, и которая сама о себѣ знаетъ, что она наслѣдница милліоновъ. Можетъ ли она вѣрить въ любовь корыстолюбивыхъ людей? Можетъ ли она надѣяться, что ее полюбятъ ради ея самой, а не ради ея денегъ? Для такой дѣвушки одинъ исходъ: принести себя и свое богатство въ даръ Всевышнему. Я не знаю, какое на васъ возложено порученіе, — не знаю, съ какой цѣлью вы къ намъ прибыли, но говорю вамъ смѣло и откровенно: мы не стараемся завлечь Манну, не уговариваемъ ее вступить въ монастырь. Напротивъ, мы требуемъ, чтобъ она вернулась въ міръ и примемъ ее къ себѣ обратно не прежде, какъ подвергнувъ ее испытанію. Мы никого не принуждаемъ и не запугиваемъ, но считаемъ своей обязанностью покровительствовать тѣмъ, которыя стремятся преходящія блага промѣнять на вѣчное блаженство.... Но довольно объ этомъ: теперь вамъ все извѣстно.

И съ этими словами настоятельница ушла.

Профессорша отправилась бродить по острову. Ею, послѣ всего слышаннаго, овладѣло сильное раздумье. Вырвать молодую дѣвушку изъ мирной обители, въ которую она добровольно удалилась и гдѣ желала навсегда остаться, казалось теперь матери Эриха непростительной, почти преступной дерзостью. Она долго стояла на берегу, потомъ машинально, едва сознавая, что она дѣлаетъ, велѣла перевезти себя по ту сторону рѣки. Тамъ, подъ тѣнистыми липами, осѣнявшими гостиницу, она увидѣла за столомъ, на которомъ стояло вино, Зонненкампа и Франкена. Послѣдній былъ такъ странно одѣтъ, что профессорша усомнилась, онъ ли это и хотѣла незамѣтно уйти. Но ее окликнули и она вошла въ прилегавшій къ гостиницѣ садикъ.

Зонненкампъ былъ въ отличномъ расположеніи духа и не могъ нарадоваться на случай, который такимъ счастливымъ образомъ свелъ его здѣсь съ другомъ. Превращеніе барона въ крестьянина, его, повидимому, сильно забавляло. Онъ вскользь замѣтилъ, что и самъ нѣкогда былъ способенъ на такого рода проделки и, обратясь къ профессоршѣ, сказалъ:

— У насъ нѣтъ тайнъ отъ нашего друга и потому вы можете мнѣ теперь же сказать, ѣдетъ съ нами Манна, или нѣтъ?

Профессорша отвѣчала, что о возвращеніи молодой дѣвушки въ родительскій домъ пока еще не было рѣчи. По ея мнѣнію,

Манну слѣдовало оставить въ монастырѣ до истеченія назначеннаго срока, и во всякомъ случаѣ не прибѣгать ни къ какимъ рѣшительнымъ или насильственнымъ мѣрамъ.

Пранкенъ былъ согласенъ съ мнѣніемъ профессорши, но Зонненкампу оно вовсе не пришлось по душѣ. Его терзала мысль, что дочь его живетъ точно въ заточеніи, между тѣмъ, какъ дома ее ожидаетъ счастливое существованіе на свободѣ и посреди самой роскошной обстановки.

Съ острова раздался звукъ колокола, призывавшаго къ обѣду. Профессорша сказала, что ей надо вернуться въ монастырь. Зонненкампъ проводилъ ее до берега и на прощанье шепнулъ ей:

— Не бойтесь Пранкена: я намѣренъ предоставить моимъ дѣтямъ во всемъ полную свободу.

Профессорша немного опоздала и застала воспитанницъ уже за обѣдомъ. Она остановилась у назначеннаго для нея стула, сложила руки, съ минуту простояла погруженная въ себя и тогда только сѣла.

Послѣ обѣда настоятельница сказала Маннѣ:

— Теперь пойдѣ, погуляй съ пріятельницей твоихъ родителей.

Профессорша и молодая дѣвушка направились къ тѣнистой рошѣ на противоположномъ концѣ острова. За ними послѣдовала дѣвочка, прозванная сверчкомъ. Она доверчиво смотрѣла на профессоршу и не сопротивлялась, когда ее съ книгой въ рукахъ усадили подъ развѣсистымъ деревомъ, гдѣ и велѣли ей оставаться, пока за ней не придутъ.

— Но ты не уѣдешь, Манна! закричала она со своей низенькой скамеечки.

Молодая дѣвушка и профессорша, обѣ невольно вздрогнули. Ребенокъ, какъ по ясновидѣнію, высказалъ то, чего одна боялась и на что другая надѣялась.

ГЛАВА IV.

ТЫ ЭТО НА СЕБѢ ИСПЫТАЕШЬ.

Манна и ея сопутница долго молчали, наконецъ профессорша сказала:

— Вы, безъ сомнѣнія, призваны къ чему-нибудь особенному въ жизни. Иначе зачѣмъ вамъ было бы такъ много страдать и уже такъ рано испытать на себѣ людскую злобу.

— Мнѣ.... я.... какимъ образомъ? Чтѣ вамъ извѣстно? спросила Манна и вся задрожала.

— Мнѣ извѣстно, отвѣчала профессорша, что вы много и глубоко страдали вслѣдствіе предубѣжденія, которое пятномъ лежитъ на вашемъ прекрасномъ и великомъ отечествѣ.

— На моемъ отечествѣ?... Я? Чтѣ такое? Говорите яснѣе.

— Простите меня, если я неловко прикасаюсь къ еще не совсемъ зажившей ранѣ. Но вынесенное вами горе служить вамъ только новымъ украшеніемъ. Вы не виноваты, бѣдное дитя, что родились при такихъ условіяхъ и сдѣлались жертвой подобнаго разлада.

— Я?

— Да.

— Какимъ образомъ? Скажите мнѣ все, все, чтѣ вы знаете.

— Я говорю только, что униженіе, какому вы подверглись и горечь, которую испытали—васъ, такъ сказать, освящаютъ и возвышаютъ въ глазахъ всѣхъ честныхъ и благородныхъ людей.

— Да говорите же, наконецъ, яснѣе, чтѣ вы знаете?

У Манны отъ волненія захватило духъ и послѣднія слова вырвались у ней съ какимъ-то свистомъ, напоминавшимъ шипѣніе змѣи. Самое лицо ея измѣнилось и обыкновенно кроткіе глаза гнѣвно засверкали.

— Богъ видитъ, сказала профессорша, что я не хотѣла васъ оскорбить. Напротивъ, я васъ съ радостью бы укрыла въ своихъ объятіяхъ и защитила отъ всякой бѣды.

Она протянула руку, намѣреваясь коснуться ею головы молодой дѣвушки, но та въ испугѣ отъ нея отшатнулась и воскликнула:

— Скорѣй, скорѣй говорите, чтѣ все это означаетъ! Кто вамъ сказалъ? Чтѣ вы знаете? Умоляю васъ, не мучьте меня.

— Я знаю только, что вамъ, при вступленіи въ монастырь, пришлось много вынести отъ двухъ американовъ, которыя, по-

лагая, что въ васъ течетъ смѣшанная кровь, отказывались принять васъ въ свое общество.

— А, вотъ оно что! Теперь я понимаю, зачѣмъ Анна Банфильдъ такъ тщательно разсматривала мои ногти. Благодарю тебя, великій Боже, что ты послалъ мнѣ это испытаніе! На мнѣ самой исполнилось.... Я пережила позоръ.... подверглась гоненію, какъ невольница!... Зачѣмъ только опѣ ужъ за одно и не перерѣзали мнѣ жилы!... Благодарю тебя, милосердый Отецъ! Но, скажи, какъ терпишь ты поклоненіе тѣхъ, которые не боялись оскорбить тебя въ лицѣ одного изъ твоихъ созданий?... Такъ вотъ какъ: опѣ приняли меня сюда не изъ уваженія къ моей рѣшимости смириться и признать надъ собой волю Божию, а единственно потому, что во мнѣ течетъ несмѣшанная кровь! Стыдъ и срамъ!

Манна, казалось, сама себя не помнила отъ гнѣва и печали. Обратясь къ лѣсу, она воскликнула:

— Но вѣдь деревьямъ же позволено быть различныхъ породъ. Ихъ никто за это не караетъ! Они растутъ на свободѣ, зеленѣютъ и цвѣтутъ, солнце одинаково ихъ грѣетъ и птицы безразлично въ нихъ поютъ. О, горе, горе мнѣ! Гдѣ я?

— На истинномъ пути, сказала профессорша. Манна дико на нее взглянула, какъ-будто внезапно увидѣла передъ собой привидѣніе, а профессорша продолжала:

— Въ твоихъ словахъ, дитя мое, звучитъ непреложная истина. Когда Лессингъ говорилъ: «Я не хочу, чтобъ на всѣхъ деревьяхъ росла одна и та же кора», — онъ и не подозрѣвалъ, что духъ, навѣявшій ему эти слова, снова заговоритъ здѣсь, въ стѣнахъ монастыря, устами ребенка. Этотъ чистый духъ витаетъ теперь около насъ, дитя мое, и я не сомнѣваюсь, что Лессингъ, еслибъ могъ, сказалъ бы тебѣ: «Прости имъ: придетъ время и они узнаютъ, что Богъ одинъ вѣченъ и неизмѣненъ, а различныя расы людей не что иное, какъ переходящія явленія, которыя подвергаются безконечнымъ измѣненіямъ».

Едва ли Манна слышала, что говорила профессорша. Она схватила ее за руку и спросила.

— Вы мнѣ кажется сказали, что пользуетесь особеннымъ довѣріемъ моей матери: правда ли это?

— Да.

— И она вамъ тоже рассказала тайну?

— Я васъ не понимаю, дитя мое.

— Вы можете говорить со мной вполне откровенно. Я все знаю.

— Ваша матушка не повѣрала мнѣ никакой тайны.

Манна судорожнымъ движеніемъ сжала въ рукахъ висѣвшій у нея на груди крестъ и устремила глаза въ даль.

Профессорша ласково выразила сожалѣніе, что ея слова до такой степени взволновали Манну. Она ни чуть не желала ей навязываться, или вызывать ее на довѣріе, но только отъ души предлагала ей свою дружбу.

Манна долго молчала, потомъ обернулась къ профессоршѣ и подаловала ее прямо въ губы.

— Я цѣлую ротъ, сказала она, изъ котораго слышала грозную вѣсть. Да, мнѣ надлежало черезъ это пройти, на себѣ испытать... Теперь я впервые надѣюсь, что жертва моя будетъ принята.

Профессорша не знала что ей отвѣчать на эти загадочныя рѣчи, и въ страхѣ и недоумѣніи смотрѣла на таинственную дѣвушку. Наконецъ Манна пришла въ себя и общалась вскорѣ совсѣмъ успокоиться. Она сѣла на скамью подъ густой елью и облокотясь о стволъ дерева, устремила взоръ въ голубое пространство.

«Зачѣмъ, думала она, въ наши дни мы болѣе не слышимъ голоса съ неба! Ахъ, съ какимъ восторгомъ послѣдовала бы я за нимъ черезъ горы и долины, во мракъ ночной и даже въ объятія самой смерти!»

Манна вдругъ горько заплакала. Профессорша старалась ее успокоить, но молодая дѣвушка отвѣчала, что не въ силахъ съ собой совладать. Ей было грустно разставаться съ монастыремъ, въ которомъ она теперь считала невозможнымъ оставаться долѣе. Съ ней поступили въ немъ нечестно и сама она невольно лгала передъ людьми, которые не хотѣли быть съ ней правдивыми и искренними.

Теперь только профессорша съ ужасомъ догадалась, что Манна до сихъ поръ ничего не знала о заговорѣ противъ нея двухъ американокъ. Она жестоко себя упрекала за свою опрометчивость, говорила, что никогда не проститъ себѣ горе, которое причинила молодой дѣвушкѣ, и съ материнской нѣжностью старалась ее утѣшить.

А Манна между тѣмъ, простирая къ ней руки, восклицала:

— Вѣрьте мнѣ, ахъ, вѣрьте, что одна правда даетъ человеку миръ и свободу. Въ томъ-то и заключается все мое горе, что паркъ, домъ, вся эта роскошь и блескъ... нѣтъ, нѣтъ я не то говорю!.. Пожалуйста, прошу васъ, не раскаявайтесь въ томъ, что вы мнѣ сказали... Это мнѣ не только не вредитъ, но, напротивъ, меня облегчаетъ. Ахъ, да, пожалуйста.... мнѣ теперь

гораздо легче. Это должно было меня постигнуть... все въ лучшемъ!

Профессорша, сдѣлавъ надъ собой усиліе, спокойно похвалила Манну за ея любовь въ правдѣ, но та, печально качая головой, сказала:

— Не хвалите меня. Я не заслуживаю ни похвалъ, ни того, чтобъ люди были вполне со мной искренни, потому что сама скрываю отъ нихъ тайну.

Профессорша хорошо понимала, какая горечь должна была наполнять сердце бѣдной дѣвушки. Чтобы хоть сколько-нибудь смягчить ея горе, она поспѣшила оправдать въ ея глазахъ настоятельную, которая, говорила она, подобно доктору, врачуя ея недугъ, скрывала отъ нея его названіе.

— Я сама, сказала профессорша въ заключеніе, въ сожалѣнію, не была съ вами вполне искренна.

Манна взглянула на нее широко раскрытыми глазами.

— Какъ, и вы тоже! воскликнула она.

— Да. Я скрыла отъ васъ, что вмѣстѣ со мной пріѣхалъ и вашъ отецъ. Онъ ждетъ меня на противоположномъ берегу и надѣется, что вы согласитесь вернуться съ нами домой.

Манна встала и снова быстро опустилась на скамью.

— Отецъ скрывается отъ дочери и подсылаетъ въ ней постороннихъ... сказала она, какъ бы говоря сама съ собой. Пойдемте къ настоятельница, произнесла она потомъ съ внезапной рѣшимостью и, взявъ профессоршу за руку, быстрыми шагами направилась къ монастырю. Оставленный ею въ роцѣ ребенокъ побѣжалъ въ слѣдъ за ней, съ кривомъ:

— Манна, не оставляй меня здѣсь, пожалуйста не оставляй!

— Пойдемъ со мной, сказала она и взяла его за руку.

Манна просила настоятельную отпустить ее съ профессоршей къ отцу, который ожидалъ ее на другомъ берегу.

— Пригласи его сюда.

— Нѣтъ, я предпочитаю сама къ нему ѣхать.

Она получила желаемое позволеніе, но маленькая дѣвочка, сверчокъ, ни за что не хотѣла ее отпускать. Манна едва ее успокоила обѣщаніемъ скоро вернуться назадъ.

Немного спустя, молодая дѣвушка сидѣла въ лодѣ и задумчиво смотрѣла въ воду. Она вмѣстѣ съ профессоршей вышла на берегъ и вскорѣ очутилась въ маленькомъ садикѣ при гостинницѣ. Тамъ подъ зеленымъ сводомъ деревъ сидѣли Пранкенъ и Зонненкамъ, который встрѣтилъ дочь радостнымъ восклицаніемъ.

— Ты ѣдешь съ нами!

Она позволила отцу себя обнять, но не возвратила ему поцѣлуя. Пранкенъ тоже былъ очень радъ видѣть Манну и, пожимая ей руку, съ улыбкой сказалъ:

— Рука моя погрубѣла, но сердце мое осталось по прежнему нѣжно... можетъ быть слишкомъ нѣжно!

Манна опустила глаза въ землю. Вскорѣ между ними завязался оживленный разговоръ и всѣ весело шутили надъ Пранкеномъ, который вздумалъ поселиться въ такомъ близкомъ соудствѣ съ монастыремъ. Онъ забавно отшучивался и съ увлеченіемъ описывалъ свой настоящій образъ жизни. Тонъ его рѣчи дышалъ такою душевной теплотой, что всѣ были имъ невольно очарованы. Но Пранкенъ остался особенно доволенъ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое произвелъ на Манну.

Молодая дѣвушка, не стѣсняясь присутствіемъ профессорши и Пранкена, которыхъ впрочемъ не считала чужими, объявила о своемъ намѣреніи немедленно вернуться домой. Она еще не рѣшила, долго ли тамъ останется, но теперь думала объ одномъ, а именно, какъ можно скорѣе уѣхать изъ монастыря. Ей даже не хотѣлось возвращаться на островъ для того, чтобъ проститься съ подругами и она поручила отцу и профессоршѣ предупредить настоятельницу о ея внезапномъ отъѣздѣ.

— Дозволено ли будетъ другу также сказать свое слово? спросилъ Пранкенъ, между тѣмъ какъ Зонненгампъ шумно выражалъ свою радость.

Манна просила Пранкена свободно высказать свое мнѣніе и онъ признался, что ему, какъ другу, хотѣлось бы видѣть ее во всѣхъ отношеніяхъ безуворизненной. Какія бы у нея ни были на то причины, говорилъ онъ, она не вправѣ дѣйствовать такъ круто и разомъ цорывать всѣ связи съ монастыремъ, и въ особенности съ настоятельницей. Жесткость и неблагодарность еѣтому же всегда оставляютъ въ душѣ осадокъ горечи. Манна добровольно вступила въ монастырь и не иначе, какъ дружелюбно, должна съ нимъ разстаться. Ей слѣдуетъ туда вернуться, побыть тамъ еще нѣсколько времени и потомъ лично проститься съ подругами и съ монахинями. Онъ, Пранкенъ, ей все это соѣтуетъ, несмотря на то, что самъ горитъ желаніемъ поскорѣй видѣть ее снова въ свѣтѣ, въ кругу родныхъ и знакомыхъ. Но долгъ дружбы предписываетъ, по возможности, предохранять друзей отъ поздняго раскаянія и отъ всякаго рода тревогъ и волненій.

Вся фигура Пранкена, когда онъ это говорилъ, дышала тѣмъ благородствомъ, что слушатели его были невольно обра-

жены, хотя каждый изъ нихъ испытывалъ совершенно различное впечатлѣніе.

Зонненкампъ, несмотря на всю свою досаду, долженъ былъ сознаться, что въ людяхъ высшаго круга дѣйствительно есть врожденное благородство, въ силу котораго они и подчиняютъ себѣ массы. У профессорши мелькнуло подозрѣніе, что Пранкенъ рисовался великодушiемъ, для того, чтобъ ловче поддѣть Манну, которая дѣйствительно была глубоко тронута.

— Вы правы, сказала она Пранкену, крѣпко и долго пожимая ему руку. Вы даете мнѣ хорошій совѣтъ, которымъ я непременно воспользуюсь.

Видя, какъ всѣ его надежды снова разбивались въ прахъ, Зонненкампъ былъ внѣ себя отъ гнѣва. Къ изумленію его, профессорша тоже присоединилась къ Пранкену и вполне одобрила его образъ мыслей.

Манна просила Пранкена избѣгать съ ней всякой встрѣчи до тѣхъ поръ, пока она не вернется въ родительскій домъ. Затѣмъ обѣ женщины, въ сопровожденіи мужчинъ, отправились къ берегу и сѣвъ въ лодку, переправились на островъ.

Маленькая дѣвочка, любимица Манны, уже лежала въ постельѣ, но горько плакала, призывая къ себѣ молодую дѣвушку. Вся подушка малютки была омочена слезами. Манна нѣжно отерла ей глазки и ласково съ ней разговаривала, пока та не заснула. По мѣрѣ того, что она утѣшала дѣвочку и къ ней самой возвращалось спокойствіе.

ГЛАВА V.

НОЧЬ И УТРО ВЪ МОНАСТЫРЬ.

Поздно вечеромъ, Манна съ профессоршей и настоятельницей ходила взадъ и впередъ по широкой аллеѣ передъ монастыремъ. Ей казалось, что двѣ противоположныя силы боролись за нее и каждая въ ея глазахъ заслуживала того, чтобы побѣда осталась за ней.

Профессорша и настоятельница рѣшали разнаго рода нравственные вопросы. Профессорша говорила, что высшая добродѣтель заключается въ готовности сознавать свои ошибки, заблужденія, промахи и въ стараніи по возможности ихъ исправлять. Настоятельница, соглашалась съ пей въ этомъ, однако прибавляла, что ложный взглядъ на вещи легко вновь пріобрѣтается тѣми, которые не успѣли себѣ прочно усвоить обѣ истинѣ твер-

дыхъ, непоколебимыхъ понятій, покоящихся исключительно на откровеніи непогрѣшимаго духа. Безъ этого шаткій умъ чело-вѣка нигдѣ не находитъ себѣ опоры и мучительное отыскиваніе истины никогда не прекращается.

Настоятельница говорила съ увѣренностью чело-вѣка, мнѣніе котораго основано на положительныхъ законахъ, между тѣмъ какъ профессоршѣ для каждаго возраженія приходилось искать подтвержденія исключительно въ собственномъ опытѣ и въ своихъ личныхъ воззрѣніяхъ на жизнь. Вслѣдствіе этого въ словахъ ея проглядывала какая-то нерѣшительность, которая еще болѣе усиливалась отъ мысли, права ли она, вступая въ борьбу съ этой суровой личностью, вѣрованія которой были такъ тверды и плодотворны. Къ тому же ее еще тревожили сомнѣнія, подобныя тѣмъ, какія всегда испытываетъ шпионъ, проникая въ неприятельскій лагерь, хотя бы имъ при этомъ руководили самыя патриотическія побужденія. Она почти раскаявалась, зачѣмъ взяла на себя эту двусмысленную роль. Но отступить было уже поздно и профессорша рѣшилась прибѣгнуть еще къ одному доводу, который, она полагала, непременно долженъ склонить Манну на ее сторону. Она рассказала ей о намѣреніи Зонненкампа въ обширныхъ размѣрахъ заняться благотворительностью и прибавила, что считаетъ за высшее благо возможность участвовать въ такого рода дѣлѣ. Настоятельница предоставила Маннѣ самой отвѣчать.

— Дары, расточаемые моимъ отцемъ, сказала молодая дѣвушка, идутъ не въ настоящія руки. Мы должны возратить богатство тому, кто одинъ имѣетъ право имъ распоряжаться.

Въ словахъ Манны скрывался таинственный смыслъ.

Профессорша замѣтила, что всѣ бѣдные и нуждающіеся одинаково заслуживаютъ состраданія и что никакая помощь невозможна безъ жертвы. Недостаточно давать деньги, но надо еще душой и сердцемъ принимать участіе въ тѣхъ, кого мы благо-дѣтельствуемъ. Не столько важенъ самый даръ, сколько трудность, съ какою онъ для насъ сопряженъ. Какъ часто видимъ мы зимой чело-вѣка, идущаго въ теплой шубѣ и останавливающагося для того, чтобы подать милостыню дрожащему отъ холода бѣдняку. То, что онъ останавливается, растегиваетъ шубу и отыскиваетъ въ карманѣ деньги, — все это, по крайней мѣрѣ для дающаго, имѣетъ гораздо болѣе значенія, чѣмъ самая милостыня.

Манна возразила, что однѣ женщины не могутъ взять на себя выполненія столь обширнаго замысла. Но тутъ сама настоятельница пришла на помощь къ профессоршѣ и сказала, что

съ своей стороны не совѣтуетъ Маннѣ произносить монашескаго обѣта, такъ какъ врядъ ли она способна безропотно подчиниться всѣмъ монастырскимъ постановленіямъ.

Потомъ, обратясь къ профессоршѣ, настоятельница рѣзко продолжала:

— Мы равнодушны къ упреку, какой намъ могутъ сдѣлать, будто мы стремились овладѣть имуществомъ Манны. Мы не презираемъ богатства: оно намъ даетъ возможность совершать много прекраснаго, но мы тѣмъ не менѣе заботились исключительно о спасеніи юной души: вѣрять намъ въ свѣтъ, или нѣтъ, — это намъ все равно.

Профессорша рада была наконецъ удалиться въ назначенную для нея келью. Ей до сихъ поръ еще никогда не приходилось ночевать въ монастырѣ и на нее вдругъ напалъ непреодолимый страхъ, точно она дѣйствительно была шпионкой.

— Хорошо, подумала она улыбаясь, что я забыла взять съ собой книгу съ сочиненіями Парвера. Читать ихъ здѣсь было бы новой измѣной.

И профессорша дала себѣ слово воздерживаться отъ всякаго вліянія на Манну, въ прошломъ и въ настоящемъ которой было такъ много для нея непонятнаго. Въ душѣ молодой дѣвушки явно таилось горе, которое, еслибъ она и рѣшилась когда-нибудь открыть, такъ развѣ только на исповѣди, гдѣ ей, можетъ быть, и слѣдовало искать утѣшенія.

Профессорша спала тяжелымъ, тревожнымъ сномъ. Ей казалось, что она дѣйствительно шпионка въ Валленштейновомъ лагерѣ. Ее берутъ въ плѣнъ и отводятъ къ начальнику войска, который внезапно превращается въ профессора Эйнзиделя и говорить ей: не бойтесь ничего, я здѣсь самовластно распоряжаюсь и сейчасъ же велю васъ освободить. Затѣмъ она увидѣла себя снова при дворѣ въ одеждѣ маркитантки, роль которой она, будучи еще очень молоденькой дѣвушкой, однажды играла въ какой-то пьесѣ. Всѣ надъ ней смѣются, она оборачивается, встрѣчаетъ исполненный укора взглядъ сына и ей становится невыносимо стыдно...

Все это вертѣлось передъ ней въ страшномъ хаосѣ и она почувствовала не малое облегченіе, когда, проснувшись, убѣдилась, что то былъ сонъ.

Въ монастырѣ всѣ рано вставали, но профессорша поднялась еще задолго до того, какъ раздался благовѣстъ къ заутрени. Она, совсѣмъ одѣтая, стояла у окна и ожидала пробужденія молодого дня. Страхъ, навѣянный на нее тревожнымъ сномъ, еще не совсѣмъ разсѣялся и окружалъ ее, какъ легкое облако тумана, ко-

торый, разстилаясь надъ рѣкой, въ эту минуту боролся съ утренней зарей. Профессорша думала о спавшихъ здѣсь дѣтяхъ, которыя росли, мечтая о счастливой будущности, — о монахиняхъ, отрешившихся отъ свѣта и для которыхъ каждый наступающій день не приносилъ ничего новаго, но постоянно одиѣ и тѣ же обязанности.

Она вздрогнула при мысли, что собиралась, было, нарушить спокойствіе одного изъ подобныхъ существованій. Если въ этихъ стѣнахъ и скрывалось много страннаго, за то въ нихъ незамѣтно пребывали миръ и покорность промыслу. Теперь, въ эту утреннюю пору, профессоршѣ невольно пришли на память слова мужа. Возставать противъ господствующей религіи, говорилъ онъ, вправѣ только тотъ, кто взамѣнъ ея предлагаетъ другія, болѣе полныя и удовлетворительныя вѣрованія. Въ мірѣ все чистое и прекрасное подвергается гоненію и посмѣянію: сильна и обильна благодатью должна быть рука, которая съ разрушительной цѣлью проникаетъ въ мирную обитель, гдѣ укрывается идея чистой нравственности.

Солнце между тѣмъ одержало побѣду надъ туманомъ и яркимъ свѣтомъ обдало горы и рѣку. Въ воздухѣ загудѣли колокола, въ большомъ монастырскомъ зданіи все оживилось и задыгалось. Профессорша сошла внизъ въ церковь и встала на колѣни за одной изъ колоннъ. Мало-по-малу туда собрались и всѣ дѣти и монахини. Профессорша, выслушавъ утреннее богослуженіе, отправилась въ столовую проститься съ Манной и съ настоятельницей. Онѣ проводили ее до берега.

Дорогой профессорша убѣждала Манну пока остаться въ монастырѣ и жить, какъ она до сихъ поръ жила въ мірѣ чистыхъ идей. Тепло и искренность ея словъ проникли въ сердце настоятельницы и, повидимому, глубоко ее тронули. Она на прощанье подала своей бывшей пріятельницѣ руку, между тѣмъ какъ губы ея шептали за нее молитву. Профессорша съ облегченнымъ сердцемъ покинула островъ.

Зонненкампъ, все еще надѣявшійся увезти съ собой Манну, опять обманулся въ своихъ ожиданіяхъ, а профессорша объявила ему, что болѣе не станетъ вмѣшиваться въ это дѣло, которое окружено для нея непроницаемой тайной.

Они немедленно отправились на виллу. Дорогой профессорша раскрыла передъ Зонненкампомъ свой планъ благотворительности и совѣтовала какъ можно скорѣе привести его въ исполненіе, для того, чтобы переходъ Манны изъ монастыря въ родительскій домъ былъ не что иное, какъ переходъ изъ одного святилища въ другое. Зонненкампъ слушалъ ее терпѣливо, но не охотно.

Ему казалось, будто весь свѣтъ согласился на томъ, чтобъ сдѣлать изъ него лицемѣра. Вчера Пранкенъ приставакъ къ нему съ такими же точно требованіями, и онъ ему сначала насмѣшливо отвѣчалъ, что, какъ видно, и знать тоже не гнушается лицемѣрія, потому что даже его проповѣдуетъ. Пранкенъ сослался на религію, которая предписываетъ добрыя дѣла. Зонненкампъ въ отвѣтъ только пожалъ плечами, удивляясь тому, что этотъ человѣкъ даже насдинѣ съ нимъ считалъ нужнымъ носить маску. Когда же Пранкенъ замѣтилъ, что благотворительность въ обширныхъ размѣрахъ не только побудить, но даже обяжетъ дворъ выдать ему дворянскій дипломъ, Зонненкампъ пересталъ спорить и болѣе не сопротивлялся. Тенерь профессорша требуетъ отъ него того же самаго и, что всего хуже, дѣлаетъ это, повидимому, искренно, безъ всякой задней мысли.

Возвратный путь совершился далеко не весело. Зонненкампъ вернулся домой съ обманутой надеждой и сердитый на то, что принужденъ былъ уже столько дать, самъ еще не достигнувъ ни одной изъ своихъ цѣлей.

ГЛАВА VI.

ЗАПРЕЩЕННЫЙ ПЛОДЪ ВЪ ЭДЕМѢ.

На виллѣ Эдемъ появился новый духъ, дотолѣ тщательно скрываемый. Въ немъ не было ничего страшнаго, — напротивъ, онъ былъ прекрасенъ и чистъ, по тѣмъ же менѣ надѣлалъ много хлопотъ.

Въ день отъѣзда профессорши, Роландъ пошелъ къ ней въ домикъ за какой-то книгой для Эриха. Доставъ ее изъ библіотеки, онъ вошелъ въ слѣдующую комнату посмотрѣть, какой она имѣетъ видъ безъ профессорши, и увидѣлъ на столѣ развернутую книгу, на заглавномъ листѣ которой стояло: «моему другу Дорнэ — Теодоръ Паркеръ.»

Роландъ вздрогнулъ. Это было имя человѣка, о которомъ профессорша, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, говорила какъ о святомъ, но съ которымъ пока не хотѣла его ближе знакомить. Роландъ взялъ книгу и положилъ ее въ карманъ.

Послѣ обѣда онъ отпросился навѣстить ловчаго. Эрихъ остался дома дописывать письмо, которое онъ уже давно началъ къ профессору Эйнзиделю. Но Роландъ, вмѣсто того, чтобъ идти къ Клаусу, расположился на берегу рѣки, подъ тѣнистыми ивами, и погрузился въ чтеніе.

Что это? Передъ нимъ вдругъ возникла вдохновенная фигура борца, который ратовалъ за чистую нравственность и за свободу негровъ. Роландъ впервые узналъ о существованіи человѣка, по имени Джона Броуна, который, посвятивъ свою жизнь уничтоженію въ Америкѣ рабства, самъ погибъ на висѣлицѣ въ Гарперъ-Ферри. Мальчикъ прочелъ предсказаніе Паркера о великой войнѣ и ему глубоко запали въ душу слова: «Всѣ великія событія въ исторіи человѣчества пишутся кровью». Онъ читалъ далѣе съ жадностью, не останавливаясь, пока не стало смеркаться. Тогда только онъ вспомнилъ о своемъ намѣреніи навѣстить Клауса и поспѣшилъ въ деревню, гдѣ тотъ жилъ. На половинѣ дороги ему встрѣтился Эрихъ, который, думая, что мальчикъ его умышленно обманулъ, очень на него сердился.

— Гдѣ ты былъ? спросилъ онъ.

— Вотъ гдѣ, отвѣчалъ Роландъ, подавая ему книгу.

Мальчикъ вкусилъ отъ запрещеннаго плода древа познанія и Эрихъ былъ пораженъ тѣмъ, какъ все глубоко западало въ эту юную душу. Ему, какъ воспитателю, предстояла новая трудность, а именно отстранять отъ мальчика всякое свѣдѣніе, неблагоприятное для его отца.

— Кто былъ Броунъ? спросилъ Роландъ. Расскажи мнѣ о немъ что-нибудь.

Эрихъ исполнилъ его желаніе. Онъ рассказалъ ему исторію этого мученика и старался доказать необходимость искупительныхъ жертвъ, даже въ такой вѣкъ, какъ нашъ. Самоотверженіе, говорилъ онъ, какъ прежде, такъ и теперь неизмѣнно сообщаетъ человѣку характеръ особеннаго величія, въ какое бы онъ ни былъ облеченъ одѣяніе, не исключая и пестраго капитанскаго мундира.

Эрихъ явно хотѣлъ заговорить Роланда и отвлечь его отъ главнаго предмета, но это ему не удалось и онъ видѣлъ себя вынужденнымъ до нѣкоторой степени защищать мнѣніе Зонненкампа о невольничествѣ.

— Да, да, перебилъ его Роландъ: я помню, когда мы вмѣстѣ съ русскимъ княземъ обѣдали у Клодвига, ты выразилъ сомнѣніе на счетъ возможности воспитывать вмѣстѣ бѣлыхъ и черныхъ мальчиговъ. Ужъ и ты не принадлежишь ли къ числу защитниковъ невольничества?

Эрихъ постарался ему по возможности объяснить свой настоящій образъ мыслей и снова не могъ надивиться на то, какъ все глубоко западало въ душу мальчика и какъ онъ не пропускалъ безъ вниманія ничего, о чемъ при немъ, хотя бы вскользь, упоминалось.

Эрихъ оставался у Роланда далеко за полночь. Ему тяжело было умѣрять въ мальчикѣ благородные порывы его духа и знакомили его съ воззрѣніями, которыя не только оправдываютъ существованіе невольничества, но даже считаютъ его необходимымъ. Роланду предстояло скрывать отъ отца, какъ то, что онъ не раздѣляетъ его мнѣнія объ одномъ предметѣ, такъ и то, что онъ, черезъ профессоршу, случайно познакомился съ духомъ произведеній, которымъ никогда не слѣдовало бы проникать на виллу Эдемъ.

Эрихъ припомнилъ, какъ мать совѣтовала ему ввести въ занятія мальчика болѣе строгую послѣдовательность и, останавливая его вниманіе на томъ, что стоитъ на очереди, не позволять ему исключительно слѣдовать своимъ наклонностямъ. Теперь пытливый умъ мальчика попалъ на слѣдъ того, что хотѣли отъ него скрыть. Онъ самъ всталъ на путь, вести его по которому было бы настоящей задачей воспитателя, а Эриху между тѣмъ надлежало его на немъ какъ можно болѣе задерживать. Ему при такихъ обстоятельствахъ ничего болѣе не оставалось, какъ пустить въ ходъ суровое: «ты долженъ», или «ты не долженъ».

— Я какъ сквозъ сонъ помню, рассказывалъ мальчикъ, что меня носилъ на рукахъ негръ съ плоскимъ лицомъ и курчавыми волосами, за которыя я его часто дергалъ. У него былъ совсѣмъ гладкій подбородокъ.....

— У негровъ не растетъ борода, замѣтилъ Эрихъ, а мальчикъ задумчиво продолжалъ:

— Да, меня носили негры.... негры.... тихо повторилъ онъ нѣсколько разъ, и замолчалъ.

Потомъ, быстро проведя себѣ рукой по лицу, онъ внезапно спросилъ:

— А какъ ты думаешь, невольники любятъ своихъ дѣтей? Не поешь ли ты какой-нибудь негритянской пѣсни?

Затѣмъ мальчикъ пожелалъ узнать, какъ смотрѣли на рабство люди прошлыхъ временъ. Эрихъ, мало знакомый съ этимъ предметомъ, не могъ ему сказать ничего положительнаго. Онъ распечаталъ свое письмо къ Эйзиделю и прибавилъ къ нему нѣсколько строчекъ, въ которыхъ просилъ почтеннаго профессора прислать ему списокъ сочиненій, гдѣ подробно описывалось состояніе рабства у евреевъ, грековъ, римлянъ и древнихъ германцевъ.

Передъ отходомъ ко сну, Роландъ досталъ сочиненія Оомы Кемпійскаго и положилъ ихъ на столъ рядомъ съ енигой Теодора Паркера.

— Воображаю себѣ, сказалъ онъ, какъ бы эти два человѣка смотрѣли одинъ на другого, еслибъ они могли встрѣтиться. Оому

Кемпійскаго я представляю себѣ въ видѣ ревностнаго, суроваго монаха, а въ Паркерѣ вижу истаго внука, или скорѣе правнука Веньямина Франклина.

Все болѣе и болѣе удивлялся Эрихъ, видя какъ мальчикъ успѣлъ проникнуться духомъ этихъ двухъ писателей. Тома Кемпійскій стремится сдѣлать изъ человѣка пустытника; побуждая его углубляться въ самого себя, онъ заставляетъ его возвышаться надъ міромъ и человѣчествомъ. Паркеръ тоже вводитъ человѣка во внутренній міръ его души, но съ цѣлью, посредствомъ изученіе самого себя, сблизить его съ людьми, посреди которыхъ онъ долженъ жить.

Когда Эрихъ и Роландъ на слѣдующій день относили на станцію желѣзной дороги письмо къ профессору Эйнзиделю, они увидѣли на Рейнѣ пароходъ, на которомъ возвращались Зонненкампъ и профессорша. Сдѣлавъ имъ знакъ, они поспѣшили на пристань.

Роландъ, узнавъ, что съ ними не было Манны, сильно огорчился. Отецъ обѣщался ему ее непременно привезти. Зонненкампъ пошелъ съ Эрихомъ впередъ и началъ спрашивать его о домашнихъ дѣлахъ. Онъ казался въ очень дурномъ расположеніи духа. Роландъ съ профессоршей остался позади на довольно большомъ разстояніи отъ нихъ.

— Говорила вамъ Манна, спросилъ онъ внезапно, что она Ифигенія?

— Нѣтъ. Чтò она подъ этимъ подразумѣваетъ?

— Я не знаю.

Профессорша многозначительно сжала губы. Она отчасти понимала горе Манны и благодарность ея Богу за то, что онъ подвергнулъ ея тяжелому испытанію. Она мысленно старалась глубже проникнуть въ тайну молодой дѣвушки, но Роландъ прервалъ ея размышленія, сказавъ, что прочелъ забытую ею на столѣ книгу. Профессорша сначала испугалась, но успокоилась, когда мальчикъ передалъ ей, что Эрихъ ему все объяснилъ и приказалъ хранить въ тайнѣ. Тѣмъ не менѣе у нея на душѣ, по возвращеніи на виллу, осталась тяжесть. Ей казалось, что она внесла въ этотъ домъ духъ раздора, который въ одинъ прекрасный день непременно разразится и произведетъ страшное смятеніе. Профессорша думала, что навсегда утратила свое душевное спокойствіе.

Церера была снова больна. Она не рѣшалась отпустить отъ себя фрейленъ Пэрини, и черезъ слугу послала Зонненкампу и профессоршѣ благодарность въ отвѣтъ на ихъ поклонъ и освѣдомленіе о ея здоровьѣ.

Вскорѣ явился маіоръ, спокойный и веселый, какъ ребенокъ, который, живя только настоящимъ, не терзается никакими заботами и сомнѣніями. Его ровное, мирное настроеніе духа всегда на всѣхъ благотворно дѣйствовало. Такъ и теперь онъ съумѣлъ найти хорошую сторону въ отказѣ Манны вернуться домой. Ей слѣдовало приѣхать сюда, говорилъ онъ, не прежде, какъ когда будетъ оконченъ замокъ, такъ чтобъ она прямо изъ монастыря очутилась въ крѣпости. Маіоръ съ удовольствіемъ думалъ о томъ времени, когда всѣ снова соединятся. Онъ терпѣть не могъ длинныхъ странствованій, продолжительныхъ отсутствій и ненавидѣлъ разлуку, какъ бомбу въ военное время. По его мнѣнію, нигдѣ не жило такъ хорошо и привольно, какъ здѣсь, на дачѣ, гдѣ можно любоваться небомъ, водой, горами, деревьями. Чего еще людямъ желать?

Маіору наконецъ удалось нѣсколько развеселить общество, которое довольно печально сидѣло заужиномъ. Немного спустя профессорша вмѣстѣ съ нимъ отправилась въ фрейленъ Милькѣ. Она имѣла въ виду пригласить ее, въ качествѣ главной помощницы, участвовать въ предпринимаемыхъ Зонненкампомъ благотворительныхъ дѣлахъ.

Фрейленъ Милькѣ, болѣе нежели кто либо, для этого годилась. Она хорошо знала всѣхъ окрестныхъ жителей, ихъ нужды и взаимныя отношенія. Предложивъ, между прочимъ, купить дюжину швейныхъ машинъ и разослать ихъ по сосѣднимъ деревнямъ, она вызвалась сама учить женщинъ, какъ съ ними управляться.

Почерпнувъ въ бесѣдѣ съ фрейленъ Милькѣ новыя силы, профессорша, въ сопровожденіи ея и маіора, отправилась домой. Въ небѣ тихо мерцали звѣзды, на душѣ у ней было ясно, а въ ушахъ звучали, точно ихъ кто-нибудь пѣлъ, слѣдующія слова Гете: «Человѣкъ познаетъ самого себя не посредствомъ размышленія, а посредствомъ опыта и тогда лишь, когда приступаетъ къ выполненію долга».

Профессоршѣ предстояло дѣло, которое должно было ей самой дать удовлетвореніе, а многихъ другихъ избавить отъ нужды и печали.

ГЛАВА VII.

НОВАЯ ДВЕРЬ ВЪ СТѢНѢ.

Профессорша въ теченіи нѣсколькихъ дней сопровождала доктора въ поѣздахъ къ его сельскимъ паціентамъ, и такимъ образомъ сама мало-по-малу ознакомилась съ жизнью тамошнихъ обывателей.

Она, вмѣстѣ съ фрейленъ Мильеъ, составила планъ, по которому намѣревалась дѣйствовать, и представила его на разсмотрѣніе Зонненкампа. Тотъ его вполне одобрилъ и остался особенно доволенъ распоряженіемъ на счетъ швейныхъ машинъ, которое ему пришлось, не столько потому, что имѣло нѣкоторое отношеніе къ Америкѣ, сколько вслѣдствіе того, что общало надѣлать много шуму въ свѣтѣ. Онъ на другой же день самъ отправился въ столицу покупать машины.

Зонненкампу было очень пріятно слушать, какъ профессорша выражала свою радость, вслѣдствіе того, что ей въ жизни приходилось дѣлать такъ много добра, сначала черезъ герцогиню, теперь черезъ него.

— Отчего это, спрашивалъ онъ, бѣдные и недостаточные люди гораздо болѣе стоятъ другъ за друга, чѣмъ богатые?

— Я никогда объ этомъ не думала, съ улыбкой отвѣчала профессорша, но полагаю, что богатые прежде всего стоятъ за свои богатства и имѣютъ въ виду самихъ себя. Иначе и быть не можетъ. Богачу некогда и неохота заниматься судьбою другихъ; его душа и глаза, такъ сказать, лишены той прозорливости, какою обладаетъ одинокій бѣднякъ. Послѣдній постоянно чего-нибудь ожидаетъ, на что-нибудь надѣется. У него руки или совсѣмъ пусты, или держатъ только маленький узелокъ. Онъ зависитъ отъ другихъ, а потому и льнетъ къ нимъ.

Зонненкампъ похвалилъ профессоршу за такой, какъ онъ выразился, дружески вроткій взглядъ на вещи. А она, съ своей стороны, осталась очень довольна добродушіемъ и любезностью этого, на видъ грубаго и себялюбиваго, но въ сущности все-таки добраго человѣка.

— Можетъ быть, сказала профессорша и вся покраснѣла, мнѣ дозволено будетъ заимствовать примѣръ изъ міра животныхъ.

— Какой примѣръ?

Она молчала. Зонненкампъ повторилъ вопросъ.

— Передъ вами, начала профессорша, я не побоюсь выска-

зять даже и не совсѣмъ зрѣлую мысль. Хищные звѣри, видите ли, всегда живутъ въ одиночку. Волки тогда только собираются въ стадо, когда хотятъ одолѣть какую-нибудь значительную добычу. Травоядные животныя, напротивъ, всегда живутъ стадами, количествомъ своимъ обезпечивая свою безопасность.

Надежды Зонненкампа на профессоршу все болѣе и болѣе возрастали. Она внесла въ домъ нѣчто такое, чего нельзя было ни взростить въ саду, ни, какъ добычу, поймать на охотѣ.

Газеты, наперерывъ, одна передъ другой, восхваляли Зонненкампа за его заботливость о народномъ благосостояніи. На виллу не замедлила явиться совѣтница съ извѣстіемъ отъ мужа, что прекрасная дѣятельность Зонненкампа произвела самое благоприятное впечатлѣніе на дворъ.

Рвеніе Зонненкампа удвоилось и онъ хотѣлъ, чтобы газеты ежедневно о немъ говорили. Но Пранкенъ, вернувшійся изъ своей сельской экспедиціи, напротивъ утверждалъ, что лучше имъ на время замоленуть, для того, чтобы послѣ опять сильнѣе подѣйствовать на общественное мнѣніе. Онъ, безъ сомнѣнія, провѣдалъ о томъ, какое пріятное впечатлѣніе оставила по себѣ профессорша въ монастырѣ, и встрѣтилъ полнымъ сочувствіемъ намѣреніе Зонненкампа окончателно ее у себя водворить.

Немедленно было приступлено къ проведенію между виллой и винограднымъ домикомъ новой дороги, которой предстояло идти вдоль берега черезъ поля. По окончаніи работъ Зонненкампу пригласилъ профессоршу прогуляться съ нимъ въ саду.

Въ стѣнѣ, окружавшей паркъ, была пробита новая дверь. Зонненкампу, вручая профессоршѣ отъ нея ключъ, сказалъ, что она первая должна черезъ нее пройти. Профессорша повиновалась, а затѣмъ пошла далѣе по дорогѣ вдоль берега. За ней слѣдовала вся семья, не исключая и Пранкена. Достигнувъ винограднаго домика, профессорша съ изумленіемъ увидѣла, что туда было перевезено изъ университетскаго городка все ея хозяйство и библіотека мужа. Послѣдняя оказалась разставленной въ самомъ строгомъ порядкѣ. Тетушка Клавдія тоже тамъ была: Зонненкампу удалось устроить такъ, чтобы она вернулась къ нему отъ Клодвига.

Затѣмъ онъ не безъ гордости указалъ на своего камердинера Іозефа, который, въ качествѣ природнаго сына университета, взялъ на себя устройство жилища профессорши. Та съ благодарностью протанула ему руку.

Вскорѣ явился и маіоръ. На вопросъ профессорши, отчего фрейленъ Милькъ съ нимъ не пришла, онъ, запинаясь, отвѣчалъ

вины-то неяснымъ извиненіемъ. Его явно огорчала рѣшимость фрейленъ Мильбъ никогда не показываться въ обществѣ.

Профессорша не успѣла еще вполне оправиться отъ своего радостнаго изумленія, какъ пріѣхали Клодвигъ и Белла. Столъ для гостей накрыли въ саду. Роландъ былъ несказанно счастливъ, и то и дѣло приговаривалъ:

— Ну, теперь у меня въ гнѣздышкѣ есть и бабушка и тѣтушка, которые навсегда въ немъ останутся.

Вечеромъ пришли къ Эриху письмо и посылка съ книгами, отъ профессора Эйзиделя. Почтенный ученый хвалилъ его за намѣреніе заняться разработкой такого серьезнаго и въ тоже время благодарнаго предмета, какъ исторія рабства всѣхъ народовъ и временъ.

Эрихъ поспѣшилъ спрятать книги. Онъ былъ радъ тому, что Роландъ повидимому совсѣмъ пересталъ думать о невольничествѣ, о свободномъ трудѣ и о прочихъ тому подобныхъ вещахъ. Мальчишка теперь занимало нѣчто совсѣмъ другое.

Сынъ совѣтницы, кадетъ, находился въ отпуску у матери на вновь пріобрѣтенной ею дачѣ. Роландъ, вслѣдствіе его увѣщаній, хотѣлъ какъ можно скорѣй поступить въ высшій классъ корпуса. У него съ Пранкенемъ только и было рѣчи, что объ этомъ, а отцу онъ положительно не давалъ проходу. Зонненкампъ однажды отвѣтъ его въ сторону и сказалъ:

— Мнѣ пріятно видѣть, сынъ мой, что ты такъ усердно готовишься въ корпусу, но ты поступишь въ него не прежде.... слушай меня внимательно, я говорю съ тобой, какъ съ взрослымъ, какъ съ человѣкомъ, который все понимаетъ и которому я могу вполне довѣрять...

— Когда же я поступлю?

— Подойди ко мнѣ поближе, я скажу тебѣ на ухо. Ты поступишь въ корпусъ, когда будешь дворяниномъ.

— Я — буду дворяниномъ? А ты?

— И я тоже, и всѣ мы. Но я объ этомъ хлопочу только ради тебя. Современемъ ты все поймешь. А теперь, скажи, радъ ли ты будешь сдѣлаться дворяниномъ?

— Знаешь ли, батюшка, гдѣ и когда я въ первый разъ почувствовалъ уваженіе къ знати?

Зонненкампъ вопросительно на него посмотрѣлъ, а Роландъ продолжалъ:

— На станціи желѣзной дороги, когда со мной встрѣтился одинъ пьяный помѣшанный баронъ. Его всѣ окружали уваженіемъ, почтительно говорили съ нимъ, единственно потому, что онъ знатнаго происхожденія. Да, хорошо быть дворяниномъ!

И Роландъ разсказалъ о томъ, какъ онъ, въ утро своего побѣга изъ дому, встрѣтился съ бѣднымъ сумасшедшимъ, который дѣлалъ ему знаки и пытался съ нимъ сблизиться. Зонненкампъ былъ не мало удивленъ, видя, какъ всякая бездѣлица глубоко отзвѣчалась въ сердцѣ мальчика.

— А теперь, сказалъ онъ: дай мнѣ руку въ знакъ того, что ты не разболтаешь этого твоему капитану Эриху. Я самъ, когда придетъ время, ему все разскажу. Итакъ, беру съ тебя слово благороднаго офицера.

Роландъ очень неохотно подалъ руку. Отецъ продолжалъ объяснять ему всѣ невыгоды его положенія въ корпусѣ, еслибъ онъ поступилъ туда до полученія ихъ семействомъ дворянскаго достоинства. Мальчикъ слушалъ разсѣянно, а потомъ спросилъ, зачѣмъ онъ все это долженъ скрывать отъ Эриха. Зонненкампъ уклонился отъ прямого отвѣта и потребовалъ отъ сына безусловнаго повиновенія.

Роланду, такимъ образомъ, приходилось хранить двѣ тайны: одну отъ отца, другую отъ Эриха. Это тяготило его душу и онъ однажды удивилъ Эриха страннымъ вопросомъ:

— Имѣютъ ли негры въ своемъ отечествѣ также аристократовъ?

— Аристократія въ сущности вовсе нѣтъ, отвѣчалъ Эрихъ. Отдѣльныя личности называются аристократами только до тѣхъ поръ, доколѣ другіе соглашаются признавать ихъ за такихъ.

Эрихъ думалъ, что желаніе поскорѣе поступить въ корпусъ изгладило изъ памяти Роланда все то, надъ чѣмъ до сихъ поръ такъ усердно работалъ его умъ. Теперь же ему пришлось убѣдиться, что мысли мальчика шли все по тому же направленію, только въ нихъ появилась какая-то новая связь, въ которой онъ не могъ дать себѣ вполне отчета. Впрочемъ онъ тщательно избѣгалъ наводить мальчика на разговоръ о подобныхъ предметахъ.

Сынъ совѣтницы, во все время своего отпуска, принималъ большое участіе въ занятіяхъ Роланда. Зонненкампъ, съ согласія совѣтницы, предложилъ ему на годъ выдти изъ корпуса и вмѣстѣ съ Роландомъ брать уроки у Эриха. Роландъ пришелъ въ восторгъ отъ этого плана, но Эрихъ сильно ему воспротивился. На возраженія послѣдняго Зонненкампъ замѣтилъ, что онъ сначала находилъ весьма полезнымъ для Роланда заниматься въ обществѣ товарищей его лѣтъ. На это Эрихъ отвѣчалъ, что ученіе мальчика приняло теперь совершенно личный характеръ и участіе въ немъ товарища, который не можетъ идти съ нимъ наравнѣ, должно только служить ему помѣхой и замедлять его

успѣхн. Эрихъ этимъ отказомъ возстановилъ противъ себя не только Зонненкампа и совѣтницу, но и своего воспитанника, который съ отъѣздомъ кадета въ столицу сдѣлался очень раздражителемъ и неповоренъ.

ГЛАВА VIII.

ЗАПАДНИ ВЪ ЦВѢТНИКАХЪ ПОЭЗИИ.

Зонненкампъ по справедливости гордился тѣмъ, что выдѣлывалъ лучшее вино во всей странѣ. Но преданіе о веселыхъ осеннихъ празднествахъ, какими будто бы сопровождается сборъ винограда, по крайней мѣрѣ на этотъ годъ, оказалось чистымъ мифомъ. Каждый день уже съ утра поднимался туманъ, который къ вечеру до того сгущался, что почти совсѣмъ скрывалъ ландшафтъ. Едва сборъ винограда былъ оконченъ, какъ листья съ деревьевъ опали, а обнаженные вѣтви покрылись инеемъ. Майоръ непремѣнно хотѣлъ ознаменовать осенній праздникъ стрѣльбой изъ ружей и не могъ нарадоваться на ловкость своихъ друзей, Эриха и Роланда, которые такъ быстро повиновались его командѣ, что ихъ два выстрѣла и третій его, раздавались одновременно и сливались въ одинъ. Но этимъ и ограничилось празднованіе винограднаго сбора.

На виллѣ уже началась топка и тутъ на дѣлѣ оправдалась теорія Зонненкампа на счетъ того, чтобъ каждая печь непремѣнно имѣла свою отдѣльную трубу. Но настоящій праздникъ былъ въ тотъ день, когда первый разъ затопили каминъ у профессорши въ комнатѣ. Она по этому случаю пригласила къ себѣ Эриха, Роланда, фрейленъ Милькь, и всѣ они сидѣли передъ ярко пылавшимъ огнемъ, наслаждаясь его свѣтомъ и теплотой. Имъ безъ всякой видимой причины было какъ-то особенно пріятно и весело—вѣроятно вслѣдствіе внутренняго довольства самими собой и другими.

Профессорша напомнила Эриху, что онъ въ былое время имѣлъ обыновеніе въ длинные зимніе вечера читать вслухъ величайшія произведенія отечественныхъ и иностранныхъ поэтовъ. Эрихъ съ своей стороны чувствовалъ необходимость чѣмъ-нибудь содѣйствовать общему удовольствію и постараться изгладить дурное впечатлѣніе, какое на всѣхъ произвелъ его отказъ позволить сыну совѣтницы участвовать въ занятіяхъ Роланда.

Зонненкампъ, во владѣніяхъ котораго были мѣстности, изобиловавшія дичью, разослалъ по сосѣдямъ билеты съ приглаше-

ніемъ на охоту. Тѣ отвѣчали ему подобной же любезностью. Эрихъ не видѣлъ ничего предосудительнаго въ томъ, чтобъ Роландъ и самъ онъ, хоть разъ въ недѣлю, участвовали въ большихъ охотахъ.

Роландъ не мало гордился физической силой и ловкостью своего отца. Зонненкампъ вскорѣ приобрѣлъ репутацію лучшаго охотника во всей окрестности, а рассказы его объ американскихъ охотахъ всегда слушались съ большимъ вниманіемъ и удовольствіемъ. Во время одной экспедиціи въ Алжирь, ему даже удалось убить льва, шкура котораго теперь красовалась въ его кабинетѣ, на полу, подъ письменнымъ столомъ. Она первоначально служила полостью для саней, но здѣсь, на дачѣ, въ теченіе зимы не предвидѣлось никакихъ увеселительныхъ поѣздокъ: шкура была снята съ саней и превращена въ коверъ.

Самый веселый охотничій обѣдъ состоялся въ замкѣ, гдѣ нарочно для этого приготовили обширную залу. Тамъ настоящимъ ховяиномъ былъ маіоръ, который во всеуслышаніе объявилъ о намѣреніи Эриха читать по вечерамъ на виллѣ Эдемъ произведенія древнихъ и новыхъ поэтовъ. Въ заключеніе маіоръ похвалилъ способъ чтенія Эриха и замѣтилъ, что до сихъ поръ и не подозрѣвалъ о существованіи столькихъ прекрасныхъ вещей и о возможности одному человѣку, съ помощью только голоса, дѣлать ихъ такими понятными и для всѣхъ доступными.

Эрихъ регулярно посвящалъ одинъ вечеръ въ недѣлю на эти чтенія, о которыхъ говорилъ маіоръ. Впечатлѣніе, производимое имъ на слушателей, было различное. Маіоръ при этомъ обыкновенно сидѣлъ неподвижно, съ руками сложенными какъ на молитву и съ выраженіемъ благоговѣйнаго вниманія на лицѣ. Церера лежала на диванѣ съ закрытыми глазами, которые по временамъ раскрывала съ цѣлью показать, что не спитъ. Фрейленъ Перини съ нескончаемой вышивкой въ рукахъ, по обыкновенію, усердно надъ ней работала, не выказывая ни малѣйшаго волненія, или удовольствія. Профессорша и тѣтушка Клавдія слушали внимательно, но спокойно. Зонненкампъ разъ навсегда извинился въ томъ, что не можетъ сидѣть съ сложенными руками и, обратясь къ Роланду, добродушно замѣтилъ:

— Не приучайся къ этому... вертѣтъ въ рукахъ кусочки дерева и рѣзаетъ ихъ—дурная привычка.

Самъ онъ не выпускалъ изъ рукъ ножа, которымъ стругалъ палочки и вырѣзывалъ разныя фигуры. Иногда онъ вдругъ оставался, дерево у него оставалось въ лѣвой рукѣ, а ножъ въ правой и онъ точно задумывался надъ читаемымъ. Но минутѣ

слуха, онъ приходилъ въ себя и снова принимался стругать и рѣзать.

Роландъ всегда садился прямо противъ Эриха и не спускалъ съ него глазъ. А когда всѣ расходились по своимъ комнатамъ, воспитатель и ученикъ еще долго разговаривали о прочитанномъ.

Однажды послѣ чтенія «Макбета» Роландъ сказалъ Эриху:

— Изъ этой леди Макбетъ вышла бы славная вѣдьма, въ родѣ тѣхъ, которыя появляются въ началѣ драмы.

Въ другой разъ Эрихъ читалъ «Гамлета» и былъ не мало удивленъ слѣдующимъ замѣчаніемъ мальчика:

— Странно! Гамлетъ говоритъ въ своемъ монологѣ, что никогда никто не возвращался съ того свѣта, а незадолго передъ тѣмъ являлась тѣнь его умершаго отца.

Вскорѣ послѣ чтенія «Ифигеніи» Гете, Роландъ въ раздумьѣ сказалъ:

— Я все еще не могу понять, почему Манна называетъ себя Ифигеніей. Въ такомъ случаѣ я—Орестъ. Я, Орестъ? Но почему же? понимаешь ли ты, что она хотѣла этимъ сказать?

Эрихъ отвѣчалъ, что не понимаетъ.

Въ одинъ вечеръ, когда на виллѣ въ числу слушателей присоединились еще докторъ и патеръ, Зонненкампъ обратился къ Эриху съ просьбой прочесть «Отелло» Шекспира. Эрихъ сомнительно посмотрѣлъ на Роланда. Онъ боялся этимъ чтеніемъ снова пробудить въ мальчикѣ, повидимому, заснувшія въ немъ тревожныя мысли о неграхъ и невольникахъ. Но отказать Зонненкампу онъ не сумѣлъ, а къ удаленію мальчика не нашелъ удобнаго предлога.

Эрихъ началъ читать. Его звучный, гибкій голосъ въ совершенствѣ передавалъ всѣ малѣйшіе оттѣнки характеровъ и рѣчей дѣйствующихъ лицъ. Онъ строго держался въ границахъ простоты и естественности и тщательно избѣгалъ всякаго преувеличеннаго эффекта. Въ чтеніи его была, если можно такъ выразиться, пластическая грація и строгость очертаній, которая заботится не о краскахъ, а исключительно о полнотѣ и округленности формъ. Это не безусловное подражаніе жизни, но въ высшей степени наглядный, хотя нѣсколько и смягченный снимокъ съ нея.

Докторъ неоднократно, смотря на профессоршу, одобрительно кивалъ головой. Чтеніе Эриха ему, какъ видно, пришлось по душѣ.

Церера въ первый разъ слушала съ напряженнымъ вниманіемъ. Она въ теченіи всего вечера ни разу не отвынулась на спинку своего кресла, но сидѣла, наклонясь впередъ, а на лицѣ ея было какое-то непривычное выраженіе.

Эрихъ прочелъ всю драму разомъ, безъ малѣйшаго перерыва. А когда онъ, въ заключеніе, взволнованнымъ, точно сдерживающимъ рыданія, голосомъ произнесъ послѣднія слова Отелло, въ которыхъ тотъ жестоко себя упрекаетъ, по блѣдному, прекрасному лицу Цереры заструились слезы.

Драма пришла къ концу.

Церера быстро встала, прося профессоршу отвести ее къ себѣ.

Фрейленъ Пэрини послѣдовала за ними. Мужчины съ шумомъ поднялись съ мѣстъ, одинъ Роландъ оставался точно прикованный къ столу.

Маіоръ, указывая на Эриха, сказалъ доктору:

— Не правда ли, какой онъ удивительный человѣкъ?

Докторъ въ отвѣтъ кивнулъ головой.

Патеръ стоялъ со сложенными руками, а Зонненкамъ, устремивъ неподвижный взоръ на обрѣзки дерева, задумчиво складывалъ ихъ въ кучку, потомъ нагнулся и осторожно, какъ будто это были кусочки золота, подобралъ съ полу нѣсколько стружекъ. Немного спустя онъ обратился къ Эриху съ вопросомъ:

— Какого вы мнѣнія о проступкѣ Дездемоны?

— Природѣ, отвѣчалъ Эрихъ, нѣтъ дѣла до виновности или невинности людей. Степени той и другой опредѣляются не ею, а человѣческими и общественными законами нравственности. Природа знаетъ только свободную игру силъ, и въ этомъ отношеніи произведенія Шекспира могутъ быть ей вполне уподоблены: они изображаютъ свободную игру силъ, вложенныхъ въ человѣка природой.

— Такъ точно, подтвердилъ патеръ. Въ этой драмѣ нѣтъ мѣста религіи, иначе человѣкъ, дѣйствующій въ ней исключительно подъ вліяніемъ природныхъ силъ, непременно явился бы въ болѣе смягченномъ видѣ. Религія развила бы въ немъ самообладаніе и во всякомъ случаѣ подчинила бы его высшимъ законамъ превѣчной мудрости.

— Хорошо, очень хорошо, сказалъ Зонненкамъ. Онъ былъ чрезвычайно блѣденъ. Но позвольте мнѣ, капитанъ, вамъ напомнить, что я еще не получилъ отвѣта на мой вопросъ.

— Я вамъ отвѣчу словами нашего величайшаго эстетика, сказалъ Эрихъ. Вотъ, что онъ говоритъ: «Поэтъ хотѣлъ изобразить льва, для полной характеристики котораго понадобилось представить, какъ онъ раздираетъ овцу. О виновности послѣдней и рѣчи быть не можетъ, но левъ долженъ дѣйствовать сообразно со своими наклонностями». Впрочемъ, мнѣ кажется, что

въ основаніи трагическаго исхода драмы лежить еще другой сокрытый смыслъ.

— Какой?

— Никогда не знавшая ни матери, ни сестры, взрослая посреди мужчинъ, молодая дѣвушка, Дездемона могла полюбить героя съ дѣтски-наивной, безгранично-нѣжной, элегически-настроенной душой, который, подобно укрощенному льву, ласкаясь, лежалъ у ея ногъ. На время уснувшая, но ничуть не отрешаясь отъ своихъ бурныхъ порывовъ сила образуетъ источникъ любви, которая заставляетъ все простить, все забыть, даже различіе расъ и черный цвѣтъ кожи. Первый поцѣлуй Отелло былъ принятъ Дездемоной съ закрытыми глазами и эта добровольная слѣвота длится у нея не одну минуту, но весьма долгое время. Какое страшное смятеніе, горе и ужасъ возникли бы изъ всего этого, еслибъ Дездемонѣ пришлось увидѣть на груди своей младенца, съ наружностью до того ей чуждой, что онъ казался бы пришельцемъ изъ иного, невѣдомаго міра. Какой отчаянный крикъ вырвался бы тогда изъ глубины ея растерзаннаго сердца! Первый взглядъ матери на своего ребенка—взглядъ, о которомъ Гегель говоритъ, какъ о чемъ-то дивно прекрасномъ, для Дездемоны оказался бы гибельнымъ: онъ ее или убилъ бы, или свелъ съ ума.

Зонненкампъ, все время бережно складывавшій въ кучу вусочки дерева, вдругъ быстрымъ движеніемъ сбросилъ ихъ на полъ и, подойдя къ Эриху, протянулъ ему обѣ руки. Вся его высокая, могучая фигура выражала сильное волненіе.

— Вы поистинѣ свободный человѣкъ и свободный мыслитель! воскликнулъ онъ: вы не заражены никакими предрасудками и первый основательно разясняете мнѣ самыя странныя противорѣчія. Да, вы совершенно правы: поэтический тактъ автора вложилъ ему въ уста чудесное пророчество: «Это противно законамъ природы!» говоритъ отецъ Дездемоны и тѣмъ самымъ даетъ ключъ къ уразумѣнію истины. Эти слова разрѣшаютъ всѣ сомнѣнія и приводятъ все въ ясность. Да, это противно законамъ природы!

Еще никогда никто не слышалъ, чтобы Зонненкампъ говорилъ съ такимъ увлеченіемъ. Всѣ были удивлены, а Роландъ, продолжавшій задумчиво сидѣть съ опущенными глазами, внезапно приподнялъ голову и взглянулъ на отца, какъ бы желая удостовѣриться, что это дѣйствительно онъ говоритъ.

Зонненкампъ замѣтилъ впечатлѣніе, какое его слова произвели на слушателей и съ торжествующимъ видомъ продолжалъ:

— Не даромъ римляне выдумали законы о брачныхъ при-

вилегіяхъ для высшаго класса. Они хорошо понимали, что гдѣ бракъ противорѣчитъ природѣ, тамъ и рѣчи быть не можетъ ни о человѣческихъ правахъ, ни о равенствѣ. Плохіе мудрецы всѣ эти филантропы, которые издали судятъ о вещахъ, имъ знакомыхъ только по наслышкѣ! Они и не подозрѣваютъ, какъ тщетны усилія очеловѣчить этихъ звѣрей, которые только тѣмъ и похожи на людей, что получили отъ природы даръ слова. Желалъ бы я посмотрѣть, воскликнулъ Зонненкамъ, быстро шагая по комнатахъ: какъ бы ты, прославленный другъ человѣчества, выдалъ твою дочь за-мужъ за негра! Сдѣлай это, а потомъ ежеминутно трясись отъ страха видѣть свое дитя задушеннымъ!.. Сдѣлай это и ласкай черныхъ внучатъ..... Ха, ха, ха! Сдѣлай все это, благородный другъ человѣчества, и тогда смѣло проповѣдуй о равенствѣ между черными и бѣлыми людьми!

Зонненкамъ стиснулъ кулаки, точно сжимая горло противника, котораго хотѣлъ задушить. Глаза его сверкали злобѣющимъ огнемъ, а дыханіе было быстро и порывисто. Онъ походилъ на тигра, готоваго броситься на добычу. Вдругъ онъ схватился за грудь, какъ бы стараясь утишить поднявшуюся въ ней бурю и съ принужденной улыбкой сказалъ:

— Вы, капитанъ, и Шекспиръ чуть-чуть не свели меня съ ума. — И онъ еще разъ повторилъ, что Эрихъ угадалъ самую сущность дѣла и попалъ прямо въ цѣль. Бѣлая дѣвушка не можетъ быть женой негра: это не предразсудокъ, а законъ природы.

— Благодарю васъ, опять сказалъ онъ Эриху: вы навели меня на прекрасную мысль.

Мужчины въ изумленіи переглянулись, а докторъ съ несвоейственной ему робостью замѣтилъ, что, съ физиологической точки зрѣнія, все это, пожалуй, и справедливо, потому что метисы уже въ третьемъ поколѣніи утрачиваютъ способность плодиться. Но самостоятельная порода людей, какова бы цвѣта она ни была, не можетъ быть исключена изъ круга общечеловѣческихъ правъ, а равно и обязанностей, которыя религія на всѣхъ одинаково налагаетъ.

Послѣднія слова доктора были обращены къ патеру, который такимъ образомъ очутился въ необходимости также высказать свое мнѣніе. — Негры, сказалъ онъ, способны не только ощущать разнаго рода семейныя радости и горести, но и глубоко проникаться религіозными вѣрованіями. Ужъ это одно уравниваетъ ихъ съ другими людьми и упрочиваетъ за ними всѣ общечеловѣческія права.

— Вотъ какъ! воскликнулъ Зонненкампъ. Но отчего же въ такомъ случаѣ церковь не предприниметъ уничтоженія рабства?

— Потому, что это не ея дѣло, спокойно возразилъ патеръ, и заботы церкви устремлены на безсмертную душу, которой она указываетъ путь ко спасенію. Мы не беремъ на себя устраивать общественное положеніе людей: ихъ физическое состояніе до насъ не касается. Ни рабство, ни свобода не препятствуютъ достиженію вѣчнаго блаженства. Господь нашъ Иисусъ Христосъ призываетъ ко спасенію іудеевъ, несмотря на то, что они находились подъ игомъ римлянъ. Онъ черезъ апостоловъ проповѣдывалъ истину всѣмъ народамъ безразлично, каково бы ни было политическое и общественное устройство ихъ страны. Заботы объ этомъ мы предоставляемъ другимъ. Наше царство есть исключительно духовное. Мы имѣемъ дѣло съ душами, — а облечены онѣ въ черныя или бѣлыя тѣла, живутъ посреди республики или подчиняются деспотизму одного лица — намъ это рѣшительно все равно. Мы можемъ радоваться физической свободѣ людей, но устраивать ее не беремся.

— Теодоръ Паркеръ смотрѣлъ на это иначе, вдругъ произнесъ Роландъ.

Зонненкампъ весь встрепенулся, какъ будто мимо головы его внезапно пролетѣла пуля.

— Чтò? грозно закричалъ онъ. Откуда тебѣ знаемо имя этого человѣка? Кто тебѣ о немъ говорилъ?

И Зонненкампъ, схвативъ мальчика за плечи, сильно его трясъ. Роландъ, весь блѣдный и дрожащій, воскликнулъ голосомъ взрослого человѣка:

— Отецъ, у меня тоже свободная душа! Я твой сынъ, но духъ мой никому не принадлежитъ!

Всѣ были поражены, хотя въ первую минуту никто не замѣтилъ переменъ, внезапно происшедшей въ голосѣ Роланда.

Зонненкампъ отпустилъ мальчика и въ теченіи нѣсколькихъ минутъ съ трудомъ переводилъ духъ.

— Я доволенъ тобой, сынъ мой, заговорилъ онъ потомъ: Ты истый американецъ!... Такъ и слѣдуетъ: хорошо, очень хорошо!

Этотъ быстрый переходъ Зонненкампа отъ безграничной ярости къ вротости произвелъ на всѣхъ сильное впечатлѣніе. А онъ почти совсѣмъ спокойно продолжалъ:

— Я радъ, что ты не испугался. У тебя нѣтъ недостатка въ мужествѣ... отлично! Но теперь, скажи мнѣ, когда и гдѣ узналъ ты о существованіи Паркера?

Роландъ разсказалъ все какъ было, но умолчалъ только о

томъ, какъ впервые услышалъ это имя отъ профессорши во время ихъ посѣщенія сосѣдняго городка.

— Отчего ты мнѣ до сихъ поръ ничего объ этомъ не говорилъ? спросилъ Зонненкампъ.

— Я долженъ приучаться и въ себѣ что-нибудь хранить, возразилъ Роландъ. Не потому ли, что я умѣю молчать, и ты самъ мнѣ доверяешь?

— Совершенно справедливо, сынъ мой. Ты вполне оправдываешь мое довѣріе.

— Уже поздно, пора домой, произнесъ вслѣдъ затѣмъ маіоръ, и гости поспѣшили разойтись.

Никогда, въ пылу сраженія, подъ непріятельскимъ огнемъ и въ виду самой большой опасности не билось такъ сильно у маіора сердце, какъ въ нынѣшній вечеръ, во время чтенія и потомъ въ теченіи всего предъидущаго разговора. Онъ безпрестанно качалъ головой, и какъ бы ища защиты или помощи, протягивалъ впередъ дрожащія руки. Ему хотѣлось сказать всѣмъ здѣсь собраннымъ: «Ради Бога, бросьте вы этотъ опасный разговоръ! Онъ васъ не приведетъ къ добру!» Маіоръ взглядывалъ на Зонненкампа и въ недоумѣніи пожималъ плечами. «Чего волнуется и выходитъ изъ себя этотъ человѣкъ? думалъ онъ. Мы ему не мѣшаемъ: къ чему онъ самъ поднимаетъ эти непріятные вопросы. Ему не слѣдовало бы ихъ касаться. Права была фрейленъ Милькъ, когда уговаривала меня сегодня вечеромъ остаться дома! Какъ хорошо было бы теперь сидѣть въ креслѣ, имѣя у ногъ своихъ Леди! Къ тому же можно было бы и пораньше спать лечь, а теперь придется вернуться домой не прежде полуночи». Бѣдный маіоръ почувствовалъ не малое облегченіе, когда, вынувъ часы, могъ заявить, что пора расходиться по домамъ.

Немного спустя въ залу вернулась профессорша и сказала, что Роланда требуетъ къ себѣ мать. Мальчикъ немедленно къ ней пошелъ, а Эрихъ отправился проводить мать и тѣтку въ ихъ виноградный домикъ.

ГЛАВА IX.

НОЧНАЯ ПТИЦА УВИТА.

Они долго шли молча. Профессорша первая заговорила.

— Слова твоего покойнаго отца, сказала она, всегда доставляютъ мнѣ отраду и утѣшеніе, а нерѣдко и руководятъ мои поступками. «Нѣтъ ничего утомительнѣе и бесплоднѣе продолжительнаго раскаянія», говаривалъ онъ: вслѣдъ за сознаніемъ собственной ошибки или вины должно быстро слѣдовать искупленіе. Я глубоко раскаялась въ томъ, что позволила себѣ вступить съ этимъ домомъ въ такія близкія отношенія, которыя дѣлаютъ теперь невозможнымъ всякое отступленіе назадъ. Но разъ что это случилось, мнѣ ничего болѣе не остается, какъ покориться и извлечь изъ моего настоящаго положенія какъ можно болѣе пользы для себя и для другихъ.

Тѣтушка, обыкновенно скупая на замѣчанія, теперь выразила мнѣніе, какъ мучительно состояніе людей, прошлое которыхъ омрачено какимъ-нибудь дурнымъ поступкомъ. Они ничѣмъ не могутъ вполне наслаждаться; для нихъ закрыты всѣ, даже чисто умственныя радости; они всюду видятъ оскорбительныя для себя намеки.

Вдругъ съ вершины одной горы раздался пронзительный крикъ совы, предвѣстницы сильнаго холода. Крикъ этотъ огласилъ окрестность рѣзкими неприятными звуками, въ которыхъ точно выражалось торжество злобной радости.

Всѣ трое остановились.

— Какъ Зонненкампъ ни старался, а не могъ вывести здѣсь этихъ ночныхъ птицъ, замѣтилъ Эрихъ.

И они снова молча продолжали путь. Эрихъ и его спутницы находились въ возбужденномъ состояніи. Наконецъ профессорша едва слышно выразила свое недоумѣніе на счетъ необыкновенной раздражительности Цереры, которая, выйдя изъ залы, бросилась въ ней на шею и долго рыдала, опираясь головою о ея плечо.

— Во всемъ этомъ, прибавила она, кроется какая-то тайна, которая меня несказанно тревожитъ.

Эрихъ съ своей стороны рассказалъ обо всемъ, что произошло въ залѣ послѣ ухода профессорши, когда Роландъ произвѣсь имя Паркера. Зонненкампъ явно старался оправдать существующій фактъ невольничества и даже, если можно, возвести его въ высокій нравственный принципъ.

— Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, возразила профессорша. Человѣкъ, вся жизнь котораго прошла въ извѣстныхъ условіяхъ, совершенно естественно стремится открыть въ нихъ какое-либо нравственное начало, могущее служить ему точкой опоры. При этомъ мнѣ опять невольно приходятъ на память слова твоего отца. «Людямъ, говорилъ онъ, невыносима мысль, что поступки ихъ дурны и вся жизнь безцельна. Поэтому они всегда ищутъ себѣ оправданія въ какихъ-то мнимо нравственныхъ законахъ и причинахъ, на которые и стараются опереться.» Но, повторяю, намъ не слѣдуетъ тревожиться. Наше дѣло вести къ добру юношу, каковаго бы онъ ни былъ происхожденія: послѣднее до насъ даже вовсе не касается. «Прошлое играетъ въ нашей жизни роль судьбы, но настоящее предписываетъ намъ обязанности». Вотъ тебѣ напоследокъ еще одно изреченіе твоего отца, а теперь прощай, спокойной ночи.

Эрихъ вернулся на виллу успокоенный. Сова, покинувъ горную вершину, опустилась на одно изъ деревъ парка и отсюда продолжала наполнять воздухъ своимъ дерзкимъ пронзительнымъ крикомъ.

Зонненкампъ между тѣмъ сидѣлъ въ комнатѣ, рядомъ со спальней жены. Онъ, мужъ и отецъ, принужденъ былъ здѣсь ожидать, пока Церера окончитъ съ Роландомъ разговоръ, при которомъ ему было запрещено присутствовать.

Наконецъ Роландъ вышелъ и Зонненкампъ спросилъ у него, о чемъ съ нимъ говорила мать. Онъ до сихъ поръ никогда этого не дѣлалъ, но теперь видѣлъ себя къ тому вынужденнымъ.

Роландъ отвѣчалъ, что мать, собственно говоря, ничего ему не сказала, а только цѣловала его и плакала, а въ заключеніе просила поддержать ее за руку, пока она заснетъ. Теперь она спокойно спала.

— Дай мнѣ книгу съ сочиненіями Паркера, сказалъ Зонненкампъ.

— Ея у меня нѣтъ. Я принужденъ былъ ее отдать профессоршѣ, которая сдѣлала мнѣ строгій выговоръ за то, что я ее тайно и преждевременно прочелъ.

— Поклонись отъ меня капитану Эриху. У тебя лучшій учитель, нежели я думалъ, сказалъ Зонненкампъ.

Роландъ прямо отъ отца пошелъ въ комнату Эриха, но не засталъ его тамъ.

А сова между тѣмъ, сидя на верхушкѣ дерева въ паркѣ, не переставала кричать. Роландъ потушилъ свѣчу, отворилъ окно и снялъ со стѣны ружье. Вдругъ въ ночной тишинѣ раздался

выстрѣлъ, и сова упала съ дерева. Роландъ стремглавъ бросился въ паркѣ, наткнулся на Эриха, закричалъ ему, что убилъ птицу, и исчезъ въ паркѣ.

Весь домъ всполошился. Церера проснулась съ крикомъ:

— Это онъ себя убилъ!

Зонненкампъ и Роландъ снова должны были пойти къ ней и показаться, что они живы. Роландъ захватилъ съ собой убитую птицу, но Церера не хотѣла на нее смотрѣть и горько жаловалась на то, что потревожили ея сонъ.

Отецъ и сынъ наконецъ ушли отъ нея. Зонненкампъ похвалилъ Роланда за мѣткость выстрѣла.

Эрихъ съ своей стороны тоже отправился къ матери, полагая, что и она должна была встревожиться. Профессорша еще не ложилась спать, но выстрѣлъ ее дѣйствительно испугалъ. Ей тоже пришла на умъ мысль о самоубійствѣ.

Наконецъ всѣ успокоились и все въ домѣ мало-по-малу пришло въ порядокъ.

Роландъ, счастливый и гордый тѣмъ, что ему удалось убить сову, забылъ обо всемъ произошедшемъ въ этотъ вечеръ и вскорѣ крѣпко заснулъ.

Но на верху, въ башнѣ, еще долго свѣтился огонекъ и другой, подобный ему, мелькалъ въ огнѣ у Зонненкампа въ кабинетѣ. Эрихъ сидѣлъ, устремивъ взоръ въ красноватое пламя и въ мысляхъ его проносились одна за другой самыя разнообразныя картины. Передъ нимъ лежалъ томъ сочиненій Шекспира. Онъ думалъ о впечатлѣннн, какое недавнее чтеніе «Отелло» произвело на его слушателей, и особенно старался уяснить себѣ состояніе души Роланда. Мальчикъ въ послѣднее время до того увлекся охотой, что какъ будто забылъ обо всѣхъ вопросахъ, которые его не задолго передъ тѣмъ такъ сильно тревожили. Эрихъ находилъ это большимъ для него счастіемъ. Въ одной только дѣятельности, думалъ онъ, заключается спасеніе. Но гдѣ его найти, это великое, всепоглощающее дѣло, которое могло бы исцѣлить всѣ нравственные недуги и освободить духъ отъ тревожныхъ сомнѣній? Создать его нельзя. Въ мірѣ существуетъ особенный историческій ходъ вещей, впадѣнъ независимый отъ человѣческой воли и самыхъ мудрыхъ соображеній человѣческаго ума. Онъ одинъ воздвигаетъ на пути людей дѣло. Мы не въ силахъ его создать, но отъ насъ зависитъ быть всегда къ нему готовыми.

Наконецъ и Эрихъ заснулъ.

Зонненкампъ между тѣмъ, какъ заключенный въ тюрьмѣ, шагаль взадъ и впередъ по своей комнатѣ. Голова отъ распро-

стертой на полу лъвиной шкуры смотрѣла на него блестящими глазами. Онъ свернулъ шкуру и отодвинулъ ее въ сторону. Его сильно тревожила мысль о томъ, что ему теперь слѣдовало предпринять. Этотъ капитанъ Эрихъ воспитанъ въ Роландѣ духъ противорѣчія, а мать его, которая то и дѣло угощаетъ всѣхъ сохраняемыми ею въ спиртѣ изреченіями своего покойнаго мужа, или какъ говорить Пранкенъ, безпрестанно цитирующая слова блаженной памяти профессора Гамлета... нѣтъ, она честная и благородная женщина.

Но къ чему онъ навязалъ себѣ на шею эту ученую семью нищихъ? Теперь ему нельзя разстаться съ ней, не возбудивъ неблагопріятныхъ для себя толковъ. Да онъ и не разстанется съ ней такъ скоро, — нѣтъ, онъ употребить ее въ дѣло, извлечь изъ нея все, что можетъ, а потомъ съ презрѣніемъ ее отъ себя оттолкнуть.

Наконецъ у него въ головѣ блеснула счастливая мысль, которой удалось его успокоить. Онъ рѣшился прибѣгнуть къ новымъ развлеченіямъ, стать въ новыя отношенія къ людямъ и пойти прямо къ цѣли, которая улыбалась ему впереди.

Послѣзавтра начало новаго года. Онъ въ этотъ день со всей семьей переѣдетъ въ столицу. И съ этой рѣшимостью Зонненкамъ уснулъ.

ГЛАВА X.

ИГРА ВЪ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ КО ДВОРУ.

Ловчій Клаусъ хорошо умѣлъ набивать чучель и Роландъ на слѣдующее утро торопился какъ можно ранѣе отнести къ нему застрѣленную сову, которая лежала передъ его окномъ и замерзла.

Всѣ событія прошлаго дня, казалось, совсѣмъ изгладились изъ памяти мальчика.

— Наконецъ-то я вспомнилъ! воскликнулъ онъ неожиданно, перебирая перья совы. Наконецъ-то я вспомнилъ слово, которое мнѣ во снѣ сказалъ одинъ человѣкъ, похожій на Венъямина Франклина! Мнѣ казалось, что я иду на сраженіе. Вокругъ меня раздавались крики, музыка громко играла и посреди этого шума рѣзко выдѣлялись слова, произносимыя тѣмъ незнакомцемъ: «Человѣческое достоинство!» повторялъ онъ, «человѣческое достоинство!...» и вдругъ, откуда ни возмись, передо мной очутилось цѣлое море черныхъ головъ. Всѣ онѣ злобно скрежетали зубами и я проснулся въ неописанномъ страхѣ!...

Эрихъ не нашелся, что отвѣчать, а мальчикъ продолжалъ:

— Сегодня послѣдній день стараго года, — завтра начинается новый и я жду отъ него какой-нибудь переменны. Я самъ не знаю, чего желаю, но тѣмъ не менѣе ощущаю сильную потребность въ переменѣ.

Эрихъ коснулся рукой головы мальчика, которая была очень горяча.

Роланда позвали къ матери. Онъ пошелъ, а Эрихъ задумчиво смотрѣлъ ему вслѣдъ. Воспитатель, подобно воспитаннику, чувствовалъ, что наступилъ переломъ, но не зналъ, что будетъ потомъ. Онъ прислушивался къ малѣйшему шуму, въ ожиданіи, что его позовутъ къ Зонненкампу. Этотъ человекъ наканунѣ затронулъ нѣсколько вопросовъ, которые сегодня непременно должны быть разъяснены, но какимъ образомъ — этого тоже нельзя было предвидѣть. Эрихъ угадывалъ, что Зонненкампъ теперь сидитъ въ своемъ кабинетѣ, погруженный въ тревожныя думы. Ему даже казалось, что онъ слышитъ его, порой нетерпѣливыя, порой успокоительныя восклицанія. Но вотъ у дверей комнаты Эриха раздался шумъ шаговъ, и мгновеніе спустя, къ нему вошелъ Роландъ объ руку съ отцомъ.

— Маменька опять заснула! сказалъ онъ, но мои ожиданія исполнились и насъ въ самомъ дѣлѣ ожидаетъ нѣчто новое. Знаешь ли, Эрихъ, мы всѣ ѣдемъ въ столицу и останемся тамъ на цѣлую зиму.

— Да, я это окончательно рѣшилъ, подтвердилъ Зонненкампъ слова сына. Надѣюсь, что ваша матушка не откажетъ намъ соупутствовать.

И онъ прибавилъ, что веселая жизнь въ кругу столичнаго общества будетъ для всѣхъ полезна послѣ продолжительнаго пребыванія на дачѣ, посреди сельской тишины и однообразія.

— Насъ въ столицѣ, сказалъ онъ въ заключеніе и зорко взглянулъ на Эриха, ожидаетъ встрѣча съ вашимъ другомъ Клодвигомъ и его прелестной женой.

Молодой человекъ спокойно выдержалъ устремленный на него пристальный взглядъ и замѣтилъ, что считаетъ своей обязанностью жить въ кругу знакомыхъ господина Зонненкампа.

— Я много думалъ о вчерашнемъ вечерѣ, началъ Зонненкампъ, садясь поближе къ Эриху, и пришелъ къ убѣжденію, что вы не только ученый, но и храбрый человекъ.

Онъ говорилъ учтиво, мягко, почти нѣжно. Лстить людямъ, съ цѣлью ихъ одурачить, всегда доставляло ему большое удовольствіе. Мысль, что онъ дальновиднѣе всѣхъ и по произволу всѣми играетъ, дѣлала его несвязанно счастливымъ. Такъ и те-

перь онъ, въ принадлежѣ хорошаго расположенія духа, сказалъ Эриху:

— Я еще не теряю надежды убѣдить васъ въ томъ, что лучше всего живетъ на свѣтѣ въ качествѣ иностранца, которому нѣтъ надобности принимать непосредственнаго участія въ устройствѣ государства и общества.

— Ваше мнѣніе, отвѣчалъ Эрихъ, до нѣкоторой степени раздѣлялъ Аристотель. Онъ большею частью жилъ въ Афинахъ, гдѣ, не будучи гражданиномъ, могъ держаться въ сторонѣ отъ общественныхъ и правительственныхъ дѣлъ, что давало ему возможность исключительно посвятить себя служенію идеѣ.

— Мнѣ это очень пріятно знать. О древнемъ философѣ часто приходится слышать что-нибудь новое и мудрое. Такъ вотъ какъ! Аристотель тоже принадлежалъ къ числу свободныхъ путешественниковъ!

Лицо Зонненкампа приняло веселое выраженіе. «Что за простаки эти господа ученые! думалъ онъ. Съ ними, право, очень пріятно имѣть дѣло. Они во всякомъ эгоистическомъ или безсознательномъ поступкѣ умѣютъ находить высокой исторической смыслъ». Зонненкампъ дружески улыбнулся, несмотря на новое замѣчаніе Эриха, который вслѣдъ затѣмъ поспѣшилъ прибавить, что не всякій можетъ себѣ позволить то, что дѣлалъ Аристотель. Въ противномъ случаѣ, какъ бы существовалъ міръ и кто бы исполнялъ общественныя и государственныя должности?

Улыбка не сходила съ лица Зонненкампа. «Ну, не чудакъ ли, думалъ онъ, этотъ нѣмецкій учитель. Въ минуту отъѣзда онъ все еще возится съ наукой».

— Я вамъ очень благодаренъ, любезно проговорилъ онъ вслухъ, у васъ всегда чему-нибудь научишься и никогда не станешь васъ врасплохъ.

Каждое слово, что онъ произносилъ, имѣло цѣлью кольнуть Эриха, но тотъ, ничего не подозрѣвая, принималъ все за чистую монету и былъ очень благодаренъ Зонненкампу за его любезность. А Зонненкампъ внутренно смѣялся надъ молодымъ человекомъ, который при всей своей учености былъ такъ дѣтски простодушенъ и довѣрчивъ.

Зонненкампъ посовѣтовалъ Эриху и Роланду, не теряя времени, приготовиться къ отъѣзду. Немного спустя явился слуга, который пригласилъ его къ женѣ, и онъ немедленно вышелъ изъ комнаты.

Церера встрѣтила мужа томнымъ взглядомъ, а онъ выразилъ свое удовольствіе, что видитъ ее достаточно сильной и здоровой для того, чтобъ на слѣдующій день отправиться въ столицу.

Зонненкампъ въ привлекательныхъ краскахъ изобразилъ столичную жизнь и замѣтилъ при этомъ, какое для нихъ счастье имѣть въ свѣтскомъ кругу друзей, подобныхъ совѣтницѣ, графу Вольфсгартену, его женѣ и семейству господина фонъ-Эндлиха.

Затѣмъ онъ съ самоувѣренностью прибавилъ:

— Будьте только здоровы и любезны, прекрасная Церера, и вы непременно вернетесь сюда баронессой.

Церера приподнялась на подушкахъ и выразила сожалѣніе, что изъ Парижа еще не прибыли заказанныя тамъ для нея платья. Зонненкампъ обѣщался немедленно туда телеграфировать и, кромѣ того, далъ слово, что съ ними въ столицу поѣдетъ также и профессорша, которая первоначально и введетъ ихъ въ свѣтъ.

— Ты можешь меня поцѣловать, сказала Церера.

Зонненкампъ воспользовался ея позволеніемъ, а она продолжала:

— Я увѣрена, что всѣ мы еще будемъ очень счастливы. Ахъ, какъ бы я желала тебѣ рассказать мой сонъ, но ты никогда ничего не хочешь слышать о моихъ снахъ. Ну, и не надо, я не буду тебѣ рассказывать.... Я видѣла громадную птицу съ непоимѣрной величины крыльями. Я сидѣла на ней, а она вдругъ высоко, высоко полетѣла. Мнѣ стало очень стыдно, потому что на мнѣ не было никакого платья, а внизу стояла толпа народа, которая громко кричала и смѣялась. Птица внезапно повернула во мнѣ голову и превратилась въ профессоршу, которая, посмотрѣвъ на меня, сказала: «Ты прекрасно одѣта». И дѣйствительно, на мнѣ были всѣ мои уборы изъ драгоценныхъ камней и мое атласное съ кружевами платье.... Но я знаю, ты никогда не слушаешь моихъ сновъ.

Зонненкампъ вышелъ отъ нея веселый и довольный. Погода стояла ясная. То былъ свѣжій, блестящій зимній день. Каждое дерево, каждая скала въ ландшафтѣ отчетливо, съ рѣзкимъ очертаніемъ контуровъ выдѣлялась на ярко-голубомъ небѣ. Рейнъ былъ покрытъ льдомъ и въ воздухѣ царствовала невозмутимая тишина.

У Зонненкампа на душѣ также было тихо и свѣтло. Ясный день разогналъ всѣ призраки, въ теченіи ночи смущавшіе его покой. Онъ пошелъ на конюшни и приказалъ немедленно отправить въ столицу четверку лошадей и два экипажа. Когда онъ, часъ спустя, вмѣстѣ съ Эрихомъ и Роландомъ шелъ въ виноградный домикъ, онъ увидѣлъ на большой дорогѣ укутанныхъ въ теплыя попоны лошадей, которыхъ, по его приказанію, уже вели въ городъ.

Роландъ непременно хотѣлъ взять съ собой своего пони.

Желаніе его было исполнено, но изъ собакъ ему позволили увести только одну. Онъ долго не могъ рѣшиться, на второй остановить свой выборъ.

Большая комната профессорши представляла видъ настоящей армарки. На столахъ и стульяхъ, вездѣ лежали кипы тканыхъ и вязаныхъ шерстяныхъ одѣяній для мужчинъ и женщинъ. Фрейленъ Мильбъ просматривала и провѣряла длинный списокъ нуждающихся, съ означеніемъ, что именно слѣдовало каждому изъ нихъ получить. Профессорша и тетюшка Клавдія сличали и приводили въ порядокъ пакеты. Когда все было готово, фрейленъ Мильбъ кликнула со двора Клауса съ женой и дочерью, и Семиствольника съ дѣтьми. Имъ поручено было доставить пакеты по ихъ назначенію.

— Вы отлично дѣлаете, что никому не даете денегъ, сказала ловчій. Но, по моему мнѣнію, здѣсь не достаетъ еще одного и чуть ли не главнаго.

— Чего же именно?

Приходъ Зонненкампа и Роланда помѣшалъ Клаусу отвѣчать.

Зонненкампъ остался очень доволенъ употребленіемъ, какое сдѣлали изъ его денегъ. Онъ даже сказалъ нѣсколько ласковыхъ словъ фрейленъ Мильбъ, которую не видѣлъ со дня бѣгства Роланда.

Онъ освѣдомился о маіорѣ и съ сожалѣніемъ узналъ, что тотъ не совсѣмъ здоровъ, плохо спалъ ночь и только къ утру успокоился. Фрейленъ Мильбъ полагала, что онъ и теперь еще спалъ. У маіора была счастливая натура, которая отъ всѣхъ болѣзней обыкновенно отдѣлывалась сномъ.

Профессорша, извинясь передъ гостями, продолжала свое занятіе. Она обратилась къ Клаусу и повторила вопросъ, чего именно не достаетъ въ приготовленныхъ пакетахъ.

— Господинъ Зонненкампъ, сказалъ ловчій, скорѣй всѣхъ другихъ можетъ пополнить этотъ недостатокъ.

— Каковъ недостатокъ?

— Защищать людей отъ холода, безспорно, прекрасное дѣло, но оно не веселитъ души. Не дурно было бы, прикрывая этихъ бѣдняковъ снаружи, согрѣть ихъ еще и внутри, то-есть послать имъ по бутылкѣ вина. Многіе изъ нихъ круглый годъ смотрятъ на виноградныя горы, обрабатываютъ ихъ, но никогда не имѣютъ капли вина во рту.

— Хорошо, хорошо, сказалъ Зонненкампъ, подите къ погребщику и скажите, чтобъ онъ на каждый пакетъ выдалъ по бутылкѣ лучшаго вина.

На Зонненкампа нашель припадокъ щедрости и онъ во всему

этому прибавилъ еще по золотой монетѣ. Но вслѣдъ затѣмъ онъ чуть-чуть совсѣмъ не испортилъ дѣла, сказавъ ловчему:

— Вы видите, какъ я вамъ довѣряю. Мнѣ и въ голову не приходитъ, чтобъ вы могли недобросовѣстно исполнить мое порученіе.

Веселость мгновенно сбѣжала съ лица Клауса, но онъ поспѣшилъ скрыть свой гнѣвъ, который выразился только крѣпкимъ скатіемъ дрожащихъ губъ.

Роландъ присоединился въ людямъ, которые выносили пакеты и укладывали ихъ на стоявшую передъ домикомъ телѣгу. Зонненкампъ хотѣлъ-было его отъ этого удержать, но профессорша сдѣлала ему знакъ, чтобъ онъ оставилъ мальчика дѣйствовать по произволу.

Вмѣстѣ съ послѣднимъ пакетомъ исчезла и фрейленъ Милькь. Зонненкампъ, стоя посреди опустѣвшей комнаты, объявилъ профессоршѣ о своемъ намѣреніи на время переселиться въ столицу, и просилъ ее ѣхать вмѣстѣ съ ними.

Профессорша ласково, съ благодарностью, но тѣмъ не менѣе рѣшительно отказалась. Никакіе доводы Зонненкампа не могли ее поколебать и ему не малаго труда стоило скрыть свою досаду. Онъ съ учтивымъ поклономъ, но молча, отъ нея вышелъ. А Роландъ, уходя, обѣщался оставить ей въ сторожа своего Грейфа.

Профессорша поняла, что мальчикъ, изъ любви къ ней, приносилъ жертву.

— Ты будешь счастливъ, сказала она ему, взявъ его за руку, въ томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

Роландъ былъ глубоко тронутъ этимъ простымъ, но искреннимъ благословеніемъ.

Профессорша обѣщалась придти вечеромъ на виллу, чтобы вмѣстѣ со всей семьей встрѣтить новый годъ.

При входѣ въ прихожую ее прежде всего поразили огромные, черные ящики, приготовленные для укладки вещей. Въ гостиной Цереры на всѣхъ столахъ и стульяхъ были разложены платья и дорогіе уборы. Сама Церера радовалась какъ ребенокъ, отдавала приказанія, была жива и дѣятельна, какъ никогда.

Наконецъ настало время пить чай и общество отправилось въ столовую, гдѣ расположилось вокругъ большого стола. Всѣ чувствовали приближеніе важной минуты въ жизни, когда въ судьбѣ каждаго долженъ совершиться переломъ. Разговоръ ни на минуту не умолкалъ, какъ будто всѣ присутствующіе думали, что только съ помощью особеннаго напряженія силъ могутъ дотянуть до полуночи. Профессорша болѣе прочихъ ощущала на себѣ вліяніе этого непривычнаго для всѣхъ настроенія духа.

Прошлое въ ея глазахъ отодвинулось на задній планъ и стояло передъ ней въ видѣ печальнаго призрака. Настоящее тоже казалось ей какимъ-то далекимъ, отжившимъ, разлука уже какъ будто совершилась и новая жизнь настала. Стараясь побороть въ себѣ это тревожное, тоскливое чувство, профессорша была разговорчивѣе обыкновеннаго и даже согласилась рассказать о своемъ первомъ вступленіи въ свѣтъ.

Церера вся превратилась въ слухъ и каждый разъ, что профессорша умолкала, неотступно просила ее продолжать. Вдругъ она встала и вмѣстѣ съ мужемъ вышла изъ комнаты. Зонненкампъ вернулся минутой спустя и обратился къ профессоршѣ съ просьбой не отказать его женѣ въ маленькомъ удовольствіи.

Профессорша выразила свою полную готовность исполнить желаніе Цереры, какое бы оно ни было. Оказалось, что та просила ее разыграть роль герцогини, при чемъ Эриху слѣдовало превратиться въ гофмаршала, Зонненкампу въ герцога, тетущкѣ Клавдіи въ обер-гофмейстерину. Послѣдняя вся покраснѣла и ни за что не хотѣла участвовать въ этомъ представленіи. Но профессорша ее уговорила взять на себя роль герцогини.

Послѣ довольно продолжительнаго ожиданія, въ комнатахъ разтворились обѣ половинки дверей.

Стоявшій у порога, съ палкой въ рукахъ, Эрихъ встрѣтилъ Цереру всю въ брилліантахъ и жемчугахъ и подвелъ ее къ тетущкѣ.

Фрейленъ Дорнэ, бросивъ на нее покровительственный взглядъ, сдѣлала легкое движеніе вѣеромъ, а Церера низко и почтительно передъ ней присѣла.

— Подойдите поближе, сказала тетущка. Вы очень хорошо сдѣлали, что поселились въ нашей странѣ.

— Это было желаніе моего мужа, отвѣчала Церера.

— Вашъ супругъ дѣлаетъ много добра.

— О, благодарю васъ! воскликнула Церера.

— На твоемъ мѣстѣ, вмѣшался Зонненкампъ, я бы сказалъ: дѣлать добро, ваше высочество, наша обязанность. Мы уже достаточно вознаграждены тѣмъ, что вы обращаете на насъ вашъ благосклонный взоръ.

— Напиши мнѣ это пожалуйста, я внучу наизусть, сказала Церера, обращаясь къ мужу. Она какъ будто помолодѣла и щеки ея покрылись яркимъ румянцемъ.

Профессорша, казалось, была очень весела.

— Я здѣшняя обер-гофмейстерина, шепнула она Церерѣ и указала ей на стулъ.

— Нѣтъ, не такъ, продолжала она потомъ вслухъ. Вамъ надо позаботиться о шлейфѣ, его слегка приподнять и граціозно

расправить. Вотъ такъ... хорошо! Теперь вы можете открыть вѣрть. Всего лучше его за снурокъ прикрѣпить къ пуговицѣ отъ перчатки, а то онъ легко можетъ у васъ упасть.

Представленіе это всѣхъ очень забавляло.

Пробило полночь и Роландъ внезапно воскликнулъ:

— Въ эту минуту сотни людей пьютъ за твое здоровье, папенька!

Зонненкампъ обнялъ сына, Церера поцѣловала профессоршу и потомъ, склонивъ голову набокъ, спокойно ожидала поцѣлуя мужа. Вдали гудѣли колокола и раздавались ружейные выстрѣлы.

— Да здравствуетъ новый годъ! Ура! воскликнулъ Эрихъ и подавъ своему воспитаннику руку, которую тотъ съ благодарностью поцѣловалъ.

Раздалось нѣсколько выстрѣловъ неподалеку отъ виллы. Зонненкампъ пришелъ въ негодованіе и выразилъ удивленіе, какъ нѣмецкая полиція терпитъ такого рода вещи, которыя свидѣлствуютъ о самой низкой степени умственнаго развитія.

— Но эти выстрѣлы, возразилъ Эрихъ, хотя и не представляютъ ничего изящнаго, могутъ, однако, быть психологически объяснены, какъ выраженіе особаго рода довольства и стремленія поцѣлиться имъ съ наибольшимъ числомъ людей. Человѣкъ, такимъ образомъ стрѣляющій изъ пистолета, безотчетно радуется тому, что многіе изъ его ближнихъ, отъ глазъ которыхъ онъ скрытъ дальнимъ разстояніемъ, тѣмъ не менѣе знаютъ, что онъ дѣлаетъ въ данную минуту. Этимъ объясняется обычай, который на первый взглядъ кажется бессмысленнымъ и грубымъ. Выстрѣлъ въ подобныхъ случаяхъ служитъ только подмогой человѣческому голосу, который ограниченъ и не можетъ раздаваться такъ громко.

Зонненкампъ улыбнулся, а Эрихъ почувствовалъ не малое удовлетвореніе при мысли, что онъ не только своего воспитанника, но и отца его заставляетъ снисходительно и дружелюбно смотрѣть на людей.

Но Зонненкампъ съ своей стороны думалъ:

— Этотъ ходячій университетъ съ неистощимымъ запасомъ правоученій, наконецъ, начинаетъ мнѣ надоѣдать. Счастье, что впередъ мы будемъ жить въ большомъ обществѣ.

Но онъ тѣмъ не менѣе улыбнулся и весело пожелалъ Эриху и Роланду доброй ночи.

Профессорша и тетущка, укутанныя въ теплыя шубы, вернулись къ себѣ въ виноградный домикъ въ сопровожденіи двухъ лакеевъ. На виллѣ вскорѣ все успокоилось и всѣ заснули въ ожиданіи, что новаго принесетъ наступающій годъ.

ГЛАВА XI.

ЛЕДЪ ЛОМАЕТСЯ.

На слѣдующее утро, лишь только Эрихъ и Роландъ успѣли проститься съ обитательницами винограднаго домика, какъ туда явился посланный отъ фрейленъ Мильбъ. Хорошая старушка извѣщала о своемъ намѣреніи вмѣстѣ съ маіоромъ навѣстить профессоршу.

Послѣдняя не могла надивиться такту, съ какимъ эта простая ключница поняла, что ей въ этотъ день должно быть грустно отъ одиночества, въ которомъ она внезапно очутилась.

На дворѣ стояла пасмурная погода и шелъ сильный снѣгъ. Профессорша съвозъ закрытое окно смотрѣла на отъѣздъ семьи и кланялась Эриху и Роланду, ѣхавшимъ въ первой каретѣ. За ними слѣдовалъ другой экипажъ, изъ котораго высунулись Зонненкамъ и фрейленъ Пѣрини. Они тоже усердно кивали головой по направленію къ виноградному домику. Церера, укутанная, лежала въ углу кареты и не двигалась.

Маіоръ и фрейленъ Мильбъ не заставили себя долго ждать. Маіоръ, воспитанный въ строгой военной школѣ, никакимъ недугамъ не позволялъ брать надъ собой верхъ и всегда держался одинаково прямо. Въ этотъ день онъ немножко осипъ, вслѣдствіе чего принужденъ былъ говорить еще менѣе обыкновеннаго. Впрочемъ это ему не помѣшало, въ отборныхъ выраженіяхъ и въ тоже время очень искренно, поздравить профессоршу и тѣтушку Клавдію.

— Въ этомъ году будетъ ровно пятьдесятъ лѣтъ, что мы живемъ вмѣстѣ, сказалъ онъ потомъ, указывая головой на фрейленъ Мильбъ, между тѣмъ какъ лицо его ясно говорило: «во всемъ свѣтѣ не найдется человѣка лучше ея». Но глаза его выражали еще что-то такое, чего другіе не могли понять.

За обѣдомъ всѣ были очень веселы. Фрейленъ Мильбъ объявила, что она уже изъ многихъ домовъ получила извѣстіе о томъ, съ какою радостью тамъ были приняты щедрые подарки Зонненкампа.

Маіоръ усердно старался побѣдить свою сипоту и занять дамъ пріятнымъ разговоромъ. Онъ распространился въ похвалахъ профессоршѣ, которая, при всей своей учености, умѣла готовить такой отличный супъ.

— Да, сказалъ онъ улыбаясь, я приучилъ господина Зонненкампа къ тому, чтобъ у него за столомъ всегда подавался

хорошій супъ. Я, видите ли, не могу жить безъ супу. Тотъ день, когда я его не ѣмъ, я чувствую себя точно такъ, какъ если бы ходилъ безъ чулокъ, въ однихъ сапогахъ. Безъ супу закладка въ желудкѣ бываетъ холодная.

Всѣ засмѣялись, къ великому удовольствію маіора, который продолжалъ:

— Вы, профессорша, все знаете, не можете ли вы мнѣ сказать, почему всѣ такъ радуются сегодняшнему дню? Вѣдь онъ, собственно говоря, ничѣмъ не отличается отъ вчерашняго, но потому только, что называется первымъ днемъ новаго года—всѣ ожидаютъ отъ него чего-то особеннаго. Я въ этотъ день всегда чувствую себя такъ, какъ будто бы на цѣлый годъ надѣлъ чистое бѣлье.

Снова всѣ засмѣялись, а маіоръ усердно принялся за ѣду. Онъ принесъ обществу свою долю веселости, теперь очередь за другими.

Послѣ обѣда профессорша настояла на томъ, чтобъ маіоръ пошелъ отдохнуть. Она нарочно для него велѣла натопить библіотеку, куда теперь его и отправила.

Маіоръ съ гордостью помѣстился въ большомъ, удобномъ креслѣ.

— Да, сказалъ онъ: спать я могу не хуже любого профессора, но прочесть всѣ эти книги — мое почтеніе! Страшно и подумать, что человѣкъ можетъ такъ много читать! Мнѣ это рѣшительно непонятно.

Маіоръ не замедлил заснуть сномъ праведника. Но врядъ ли бы это случилось, еслибы онъ могъ подозрѣвать, о чемъ теперь шла рѣчь между женщинами.

Фрейленъ Милькъ, сидя у окна, въ не малому удивленію профессорши заговорила о томъ, какъ странно, что Эрихъ выбралъ для чтенія на виллѣ такую потрясающую драму, какъ Отелло. Маіоръ въ тотъ вечеръ вернулся домой совсѣмъ разстроенный. Къ тому же, это произведеніе Шекспира можетъ навести на такого рода вопросы, которые было бы лучше вовсе не затрогивать на виллѣ.

— Вамъ знакома эта драма? спросила профессорша.

— Немножко, вся вспыхнувъ отвѣчала фрейленъ Милькъ. И въ еще болѣшему изумленію профессорши, она начала разсуждать о томъ, какъ хорошо сдѣлалъ поэтъ, перенесъ молодую чету на островъ Кипръ, гдѣ выдѣлывается необыкновенно крѣпкое вино, которое еще, вдобавокъ, не всегда умѣренно пьется. Это служитъ весьма удачнымъ предисловіемъ къ тѣмъ бурнымъ порывамъ страсти, которая въ такомъ уединеніи и подъ пальцимъ

солнцемъ юга, совершенно естественно должна была достигнуть своего крайняго развитія.

Профессорша не вѣрила своимъ ушамъ. Ей казалось, что говорить совсѣмъ другая, а не та особа, которую она до сихъ поръ знала.

Скрывъ свое удивленіе, она спросила:

— Вы полагаете, что не слѣдовало читать этой драмы, потому что господинъ Зонненкампъ былъ владѣльцемъ невольниковъ?

— Прошу васъ, оставимъ это, возразила фрейленъ Мильбъ. Я вообще не охотно говорю о господинѣ Зонненкампѣ. Мнѣ очень пріятно... или нѣтъ, меня успокоиваетъ то, что онъ не обращаетъ на меня никакого вниманія. Я не только на него за это не сержусь, но, напротивъ, ему благодарна. Мнѣ было бы въ высшей степени тяжело выказывать къ нему притворную дружбу и уваженіе.

— Нѣтъ, вы такъ легко отъ меня не отдѣляетесь. Можете ли вы мнѣ прямо и откровенно сказать, почему чтеніе этой драмы вается вамъ здѣсь такимъ неумѣстнымъ?

— Я этого не могу вамъ сказать.

Тегушкѣ Клавдіи показалось, что фрейленъ Мильбъ желаетъ довѣрить профессоршѣ тайну, которую только не хочетъ высказать въ присутствіи третьяго лица. Она немедленно встала и вышла изъ комнаты.

— Теперь, сказала профессорша, мы съ вами однѣ. Вы можете мнѣ все довѣрить. Не хотите ли, чтобъ я вамъ дала клятву въ молчаніи?

— Ахъ, не надо, запинаясь проговорила фрейленъ Мильбъ. Но мнѣ все-таки очень жаль, что я зашла такъ далеко. Въ теченіи пятидесяти лѣтъ это первый разъ, что я рѣшилась ѣсть за чужимъ столомъ. Не слѣдовало бы мнѣ себѣ этого позволять! Я все еще не привыкла собою владѣть.

Легкая судорога пробѣжала по лицу фрейленъ Мильбъ, а въ вѣкахъ глазахъ ея точно мелькнула молнія.

— Я думала, что вы смотрите на меня, какъ на друга, сказала профессорша и подала ей руку, которую фрейленъ Мильбъ съ горячностью схватила и вѣриво сжала.

— Конечно, конечно! воскликнула она: Вы не знаете, какъ я благодарна Богу за то, что онъ передъ смертью послалъ мнѣ васъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я ему себя посвятила, я вполне отъказалась отъ общества другихъ людей. Вы первая, съ которой я сблизилась.... Но вы, вѣроятно, все знаете и мнѣ нечего вамъ говорить.

— Напротивъ, я многого не знаю. Что вамъ извѣстно о Зонненкампѣ?

Фрейленъ Мильбъ печально опустила голову, потомъ, закрывъ лицо руками, воскликнула:

— Зачѣмъ я вамъ должна это сказать!

Она встала и, подойдя къ профессоршѣ, что-то шепнула ей на ухо. Та, откинувъ голову назадъ, обѣими руками схватилась за швейную машину, передъ которой сидѣла. Обѣ молчали, вокругъ все было тихо, только пролетающая надъ Рейномъ стая воронъ на минуту огласила воздухъ зловѣщимъ крикомъ.

— Я полагаю, сказала наконецъ профессорша, что вы не станете повторять такихъ вещей по однимъ только слухамъ. Продолжайте, скажите откровенно, отъ кого вы это узнали?

— Отъ человѣка, заслуживающаго полного довѣрія, робко озираясь проговорила фрейленъ Мильбъ. Племянникъ этого человѣка здѣсь по сосѣдству воспитываетъ свою дочь. Онъ знаетъ настоящее имя и все прошлое Зонненкампа.... Но, скажите, развѣ человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ дурень, не можетъ исправиться и начать новую жизнь?

— Объ этомъ въ другой разъ, перебила ее профессорша. Назовите мнѣ человѣка, отъ котораго вы все это слышали.

— Пусть будетъ по вашему. Имя его Вейдеманъ.

Профессорша въ свою очередь закрыла лицо руками.

— Что вы тутъ толкуете о Вейдеманѣ? спросилъ внезапно вошедшій въ комнату маіоръ. Говорю вамъ, профессорша, что кто не знаетъ этого человѣка, тотъ не знакомъ съ тѣмъ, что есть лучшаго и благороднѣйшаго въ мірѣ. Самъ Богъ, смотря на него, долженъ не нарадоваться на свое твореніе. «Свѣтъ не такъ еще дурень, безъ сомнѣнія, думаетъ онъ: у меня тамъ есть Вейдеманъ.» И дѣйствительно, Вейдеманъ въ полномъ смыслѣ слова человѣкъ — и я полагаю, этимъ все сказано.

Приходъ маіора былъ истиннымъ облегченіемъ для обѣихъ женщинъ. Онъ съ фрейленъ Мильбъ вскорѣ отправился домой. Но едва успѣли они отойти на нѣсколько шаговъ, какъ профессорша позвала фрейленъ Мильбъ обратно.

— Маіоръ знаетъ?... спросила она шепотомъ.

— О нѣтъ, онъ бы этого не вынесъ! Ахъ, ради Бога, простите меня за то, что я васъ такъ огорчила! Но вѣрьте, мнѣ самой не только не легче, а напротивъ, еще гораздо тяжелѣе нежели вамъ.

Гости ушли. Вскорѣ послѣ нихъ явился почтальонъ и привнесъ письмо изъ университетскаго городка. Профессоръ, въ теченіи двадцати лѣтъ постоянно встрѣчавшій новый годъ вмѣстѣ

съ профессоршей, и на этотъ разъ не хотѣлъ оставить ее безъ поздравленій. Письмо его было написано въ высшей степени тепло и задушевно, но въ концѣ его находилась приписка, которую профессорша прочла два раза. Профессоръ Эйнзидель посылалъ поклонъ Эриху, желалъ ему въ настоящемъ году окончить его большой трудъ о «Состояніи рабства», и обѣщался въ скоромъ времени прислать ему новое сочиненіе объ этомъ предметѣ.

Профессорша впала въ раздумье. Эрихъ никогда ей не говорилъ, что предпринимаетъ такого рода трудъ. Она сдѣлала быстрое движеніе рукой, точно отгоняя отъ себя непрощенныя мысли, рядомъ съ которыми мелькнуло неприятное воспоминаніе. Она не далѣе, какъ сегодня утромъ, жаловалась тетускѣ Клавдіи на то, что не въ состояніи никому ничего дать отъ себя, но должна въ дѣлахъ благотворительности быть только распорядительницей чужого имущества. Почти машинально подошла она къ шкатулкѣ, гдѣ хранились вѣренныя ей Зонненкампомъ деньги и, отворивъ ее, подумала: «съ какимъ чувствомъ буду я теперь говорить бѣднымъ людямъ: не меня благодарите, а господина Зонненкампа!»

Она пошла въ бібліотеку и приблизилась къ окну. Подъ тяжестью вѣренной ей тайны, она страдала, какъ отъ острой физической боли. Къ чему позволила она себѣ сблизиться съ этимъ семействомъ, вопреки предостереженіямъ внутренняго голоса? Профессоршѣ какъ будто на мгновеніе повинулъ ея свѣтлый взглядъ на вещи и она потеряла всякое самообладаніе.

Вдругъ послышался сильный и продолжительный трескъ: то вскрылась рѣка и по ней плыли огромныя льдины, изъ которыхъ каждая была украшена точно вѣнцомъ изъ снѣгу. Догоня одна другую, сталкиваясь, раздробляясь, онѣ съ неимоверной скоростью неслись впередъ. Теперь обнаружилась вся быстрота теченія Рейна.

Солнце огненнымъ шаромъ опустилось въ волны рѣки. Профессорша, любуясь великолѣпнымъ зрѣлищемъ, вполголоса сказала:

— Первый день новаго года принесъ мнѣ страшную тайну. Надо ее мужественно укрыть въ сердцѣ и постараться изъ всего извлечь лучшее.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

ГЛАВА I.

Прїздъ въ гостинницу «Викторіи».

Въ столицѣ передъ гостинницей «Викторіи» стоялъ рядъ наемныхъ экипажей. Воробьи стаями надъ ними кружились, а извозчики, раздѣлясь на группы, живо разговаривали. Они отъ холоду не могли стоять на мѣстѣ и то подпрыгивали, то хлопали въ ладоши, то ударили одинъ другого по спинѣ.

Воробьи громко щебетали, точно спорили, и наконецъ, съѣвъ весь кормъ, улетѣли. Извозчики съ своей стороны замолчали, не находя больше пищи для разговора. Да и о чемъ прикажете говорить въ зимній день, когда на занесенныхъ снѣгомъ улицахъ столицы, въ теченіи цѣлыхъ часовъ, не увидишь живой души? Все вокругъ смотритъ также безмолвно и мертво, какъ гранитное изображеніе покойнаго герцога, который стоитъ на высокомъ пьедесталѣ съ снѣжной шапкой на головѣ и съ эполетами изъ снѣгу на плечахъ. Парадъ оконченъ, чиновники сидятъ въ канцеляріи, а въ военномъ Казинѣ закрыты ставни отъ того, что при зажженныхъ свѣчахъ лучше играется въ карты. Выводъ солдатъ идетъ на смѣну во дворецъ принца Леонгарда. Всѣ они въ большихъ шинеляхъ и съ рукавицами на рукахъ. Пришедшіе солдаты шепчутъ что-то на ухо уходящимъ, но по всему видно, принесенное извѣстіе не отличается особенною важностью. Канцелярскій служитель, со связкой бумагъ подъ мышкой, выходитъ изъ присутственнаго мѣста, встрѣчается съ угнаннымъ въ длинную ливрею придворнымъ лакеемъ и обмѣнивается съ нимъ щепоткой табаку. Вотъ все, что можно въ зимній день встрѣтить на улицахъ маленькой столицы.

Вдругъ между извозчиками произошло движеніе. Къ гостинницѣ Викторіи подѣхалъ курьеръ Лугцъ, а съ нимъ и большой экипажъ съ поклажей. Разговоръ получилъ новую пищу и мгновенно оживился. Въ столицу ожидали прибытія «Калифорнскаго царя».

— Бѣги къ твоему отцу звонарю, кричалъ одинъ извозчикъ: пусть онъ подниметъ трезвонъ на весь городъ.

— Накатите меня хорошенько виномъ, говорилъ другой, чтобъ я могъ погромче кричать ура. Теперь-то начнется веселье! Одинъ такой богачъ стоитъ трехъ принцевъ, семнадцати графовъ и семи бароновъ.

— Знаете ли что? замѣтилъ третій: когда онъ пріѣдетъ, отправимъ къ нему депутацію: это въ его духъ и ему понравится. У меня ужъ и планъ готовъ.

— Какой? Говори скорѣй.

Извозчикъ, къ которому такимъ образомъ обращались, былъ небольшого роста и горбать, но съ умнымъ выраженіемъ лица и плутовскими глазами. Помолчавъ немного, онъ сказалъ:

— Мы попросимъ господина Зонненгампа каждый день выдавать намъ по бутылкѣ вина. Вы увидите, онъ непременно это сдѣлаетъ. Я самъ, будь у меня въ распоряженіи семьдесятъ милліоновъ, ни за что не отказалъ-бы въ такого рода просьбѣ.

Одинъ, печальнаго вида, толстый извозчикъ, замѣтилъ:

— Я самъ содержалъ гостинницу и знаю, чѣмъ обыкновенно все это оканчивается. Хозяинъ «Викторіи», пріобрѣта себѣ на зиму постояльца, станетъ за нимъ ухаживать, да топить для него печи, а онъ все время будетъ водить его за носъ, и когда настанетъ время расплаты, уливнетъ ничего не заплативъ.

Въ самомъ зданіи гостинницы, между тѣмъ, на всѣхъ лицахъ было написано радостное ожиданіе и оживленіе. Молодая хозяйка, казавшаяся въ этотъ день еще красивѣе обыкновеннаго, сама хлопотала надъ приготовленіемъ комнатъ для ожидаемыхъ гостей. Она въ послѣдній разъ прошлась по длинному ряду залъ и нашла, что все было въ порядкѣ. Кое-гдѣ еще разстилалась скатерть, приподнималась или опускалась занавѣсъ, но мягкіе, пушистые ковры совсѣмъ заглушали шаги ходившихъ взадъ и впередъ слугъ и служанокъ. Великолѣпная шелковая мебель, освобожденная отъ чехловъ, ослѣпительно сіяла, какъ бы въ благодарность за то, что ее наконецъ выпустили на свѣтъ божій.

Лутцъ отличался необыкновенною дѣятельностью. Онъ по очереди садился на всѣ стулья, въ самыхъ разнообразныхъ позахъ разваливался на креслахъ и кушеткахъ, приказывалъ переставлять ихъ съ мѣста на мѣсто и повидимому не прочь былъ испробовать, ловко ли лежать на большихъ двуспальныхъ кроватяхъ. Однако онъ ограничился тѣмъ, что ощупалъ пружины тюфяковъ и остался вполне доволенъ осмотромъ. Онъ съ особенной тщательностью наблюдалъ за приведеніемъ въ порядокъ будуара съ голубыми штофными стѣнами и съ граціознымъ, весьма изящно убраннымъ фонаремъ.

Наконецъ все было готово.

Съ наступленіемъ вечера слуги освѣтили весь длинный рядъ комнатъ. Люстры сіяли огнями, на каждомъ столѣ горѣло по нѣскольку свѣчей, лѣстница была убрана цвѣтами. Теперь господа могли смѣло пріѣхать.

Оберъ-кельнеръ, съ сигарой во рту, рассказывалъ взадъ и впередъ по комнатамъ, самодовольно улыбаясь и бросая торжествующіе взгляды на гостиницу, подъ вывѣской «Наслѣднаго принца», которая, погруженная въ мракъ и безмолвіе, печально стояла по другую сторону улицы.

Вскорѣ явилась мужская и женская прислуга Зонненкампа, а вслѣдъ за ней экипажъ съ Эрихомъ и Роландомъ и другой, запряженный четверней. Бертрамъ ловко осадилъ лошадей, двери кареты раскрылись и изъ нея вышли Зонненкампъ, фрейленгъ Пэрини и Церера, укутанная въ драгоцѣнные мѣха.

Извозчики забыли свое намѣреніе привѣтствовать Зонненкампа громкими криками и онъ, сопровождаемый семьей, посреди всеобщаго безмолвія, вступилъ въ швейцарскую. Тамъ его встрѣтилъ швейцаръ въ парадной формѣ, неподвижно, какъ вкопанный, стоя на мѣстѣ и держа въ рукахъ булаву съ серебрянымъ набалдашникомъ. Пріѣзжіе поднялись по теплой, яро освѣщенной, убранной зеленью, лѣстницѣ на верхъ. Зонненкампъ повидимому былъ всѣмъ доволенъ, но Церера казалась въ дурномъ расположеніи духа. Она почти во всю дорогу не спала и теперь, быстро опустясь на стулъ передъ пылающимъ каминомъ, не вдругъ рѣшилась разстаться съ шубой.

Зонненкампъ между тѣмъ осматривалъ всѣ комнаты и, оставаясь въ той, которая была назначена Роланду и Эриху, зашѣтилъ:

— Всякое удобство, даже самое ничтожное, покупается на вѣсъ золота. Тому, кто ничего не имѣетъ, остается дрожать отъ холоду, какъ вонъ тѣмъ извозчикамъ, которые мерзнутъ въ ожиданіи сѣдова.

Онъ вернулся въ будуаръ жены. Церера сидѣла, по прежнему, неподвижно на низенькомъ стулѣ передъ каминомъ:

— Что мы сегодня будемъ дѣлать? томно спросила она.

— Еще не поздно, и мы могли бы попасть въ театръ.

— Но для этого мнѣ надо одѣваться? Я не хочу.

Бъ счастью, доложили о прибытіи совѣтницы.

— Поздравляю съ пріѣздомъ, сказала она, входя въ комнату и вслѣдъ затѣмъ извинилась, что не могла исполнить своего первоначальнаго намѣренія, придти и встрѣтить своихъ добрыхъ друзей и сосѣдей въ самую минуту пріѣзда. Но ее за-

держала графиня фонъ-Грабенъ. Зонненкампъ усердно благодарилъ и былъ въ восторгѣ отъ такого вниманія и предупредительности.

Совѣтница привела съ собой сына, кадета, вслѣдствіе чего Эрихъ и Роландъ тоже должны были придти въ залу.

— А гдѣ ваша матушка? спросила совѣтница у Эриха. Она, конечно, прійдетъ немного попозже?

Эрихъ молчалъ, но Зонненкампъ успѣшилъ сказать, что профессорша не хочетъ разстаться съ дачей.

— Объ этомъ многіе пожалѣютъ, замѣтила совѣтница и такъ весело улыбнулась, какъ будто бы сказала нѣчто въ высшей степени забавное. Все общество, прибавила она, съ нетерпѣніемъ ожидало пріѣзда профессорши и радовалось тому, что еще разъ увидитъ въ своей средѣ эту милую женщину.

— Она должна прійхать, сказала Церера.

Зонненкампу сдѣлалось досадно. Неужели весь блескъ его дома заключался только въ чести, какою ему доставляло пребываніе въ немъ профессорши?

Досада его еще усилилась, когда совѣтница шепнула ему на ухо:

— Безъ профессорши осуществленіе нашего прекраснаго плана совершится гораздо медленнѣе и труднѣе.

Она ее почти постоянно называла урожденной фонъ-Бургольцъ и то и дѣло твердила Зонненкампу, что безъ нея, врядъ ли ему удастся поставить свой домъ на ту аристократическую ногу, какъ онъ желалъ. Совѣтница ставила себѣ въ большую заслугу скромность, съ которою вслѣдъ за тѣмъ объявила, что хотя сама она и надѣется во многомъ быть полезна господину Зонненкампу, однако должна сознаться, что урожденная фонъ-Бургольцъ можетъ сдѣлать для него гораздо больше.

Зонненкампу показалось, будто яркое освѣщеніе его залы мгновенно померкло. Однако онъ еще настолько владѣлъ собой, что отчасти успѣлъ скрыть свое дурное настроеніе духа.

Кадетъ предложилъ Роланду участвовать въ карусель, которую лучшіе придворные наѣздники въ концѣ мѣсяца собирались устроить въ герцогскомъ манежѣ. Пусть, говорилъ кадетъ, Роландъ закажетъ себѣ необходимый костюмъ, а онъ ужъ постарается включить его въ число другихъ молодыхъ людей средняго класса, которымъ дозволено будетъ, въ качествѣ оруженосцевъ, принять участіе въ нѣкоторыхъ эволюціяхъ.

Роландъ былъ очень доволенъ предложеніемъ, но Зонненкампъ разомъ положилъ конецъ надеждамъ мальчика, сказавъ:

— Нѣтъ, ты не будешь участвовать въ карусель.

Онъ не считалъ нужнымъ объяснять сыну, что не хотѣлъ видѣть его съ перваго же шага въ свѣтѣ въ числѣ плебеевъ, которыхъ аристократы снисходительно допускали въ свое общество.

Совѣтница перечислила всѣ вечера настоящаго сезона; описала тѣ, которые уже были, указала на тѣ, которыхъ еще слѣдовало ожидать и пустилась въ не совсѣмъ удобные для молодыхъ ушей рассказы о разнаго рода придворныхъ и общественныхъ событіяхъ. «Старшій сынъ барона фонъ-Эндлиха, — говорила она между прочимъ, — тоже собирается жениться, но боится, чтобъ ему не помѣшало ожидаемое изъ Мадеры извѣстіе о смерти сына гофмаршала, который тотчасъ послѣ свадьбы туда уѣхалъ со своей молодой женой.»

Кадетъ предложилъ Роланду идти съ нимъ въ балетъ. Эрихъ въ нерѣшимости посмотрѣлъ на Зонненкампа, который, ни минуты не колеблясь, сказалъ:

— Ты можешь идти, Роландъ.

Эриху въ первый разъ приходилось отпускать мальчика одного и имъ овладѣло тревожное чувство, котораго онъ никакъ не могъ преодолѣть.

Роландъ непремѣнно хотѣлъ, чтобъ и Эрихъ съ нимъ пошелъ, но кадетъ объявилъ, что для него не будетъ мѣста въ театрѣ: онъ съ трудомъ успѣлъ удержать одинъ стулъ для своего друга. Роландъ на прощанье сказалъ Эриху:

— Я вернусь къ тебѣ тотчасъ послѣ окончанія спектакля.

Эрихъ успокоился. Онъ чувствовалъ, какъ неблагоприятно было съ его стороны опасаться для Роланда сближенія съ обществомъ. Развѣ онъ не надѣется на силы мальчика и не считаетъ его достаточно вооруженнымъ для того, чтобы съ успѣхомъ противостоять всякой опасности?

Совѣтница съ сокрушеніемъ, хотя не безъ отбѣива гордости, распространилась на счетъ преждевременнаго удачества своего сына и рассказала нѣкоторыя изъ его провазы. Затѣмъ она пожалѣла о Маннѣ, которая проводитъ въ монастырскомъ уединеніи этотъ сезонъ, обещающій быть такимъ блестящимъ. Въ заключеніе совѣтница сказала, что сочла бы себя счастливой, еслибъ могла виѣстѣ съ матерью прелестной молодой дѣвочки вывозить ее въ свѣтъ.

Зонненкампъ отвѣчалъ, что для этого время еще не уйдетъ и на слѣдующую зиму.

ГЛАВА П.

ПЕРВАЯ ПОЧЪ ВЪ СТОЛИЦѢ.

Эрихъ вскорѣ простился и ушелъ къ себѣ въ комнату, гдѣ однако не могъ найти повоа. Онъ снова былъ въ городѣ, гдѣ родился и провелъ большую часть своей молодости, но явился туда въ качествѣ слуги и принужденъ былъ жить въ гостинницѣ. Однако онъ успѣшилъ побороть въ себѣ бесплодныя сожалѣнія и сѣлъ писать къ матери письмо, въ которомъ увѣдомлялъ ее о своемъ прибытіи въ столицу и убѣждалъ не сдаваться ни на какіе доводы и не пріѣзжать туда вслѣдъ за ними. Онъ самъ отнесъ письмо на почту и долго бродилъ по пустынь и безмолвнымъ улицамъ маленькой столицы, гдѣ все ему было такъ хорошо знакомо. Онъ зналъ, что во многихъ изъ домовъ, мимо которыхъ онъ проходилъ, жили нѣбогда дружески расположенныя къ нему семейства и онъ спрашивалъ себя, какъ они встрѣтятъ его теперь, какими глазами будутъ на него смотрѣть въ его новомъ положеніи.

Проходя мимо зданія, гдѣ хранились античныя произведенія искусства, онъ на минуту остановился и подумалъ, лучше ли было бы ему теперь, еслибъ онъ получилъ мѣсто директора музея.

Долго ходилъ онъ взадъ и впередъ, погруженный въ тревожныя думы и наконецъ зашелъ въ пивную лавочку.

Тамъ онъ пріютился въ уголѣ и сталъ прислушиваться къ говору посѣтителей лавочки, которые, сидя за кружками пива и съ длинными трубками во рту, упражнялись въ остроуміи.

Вскорѣ было произнесено имя Зонненкампа, что побудило Эриха еще внимательнѣе слушать.

Одинъ толстый, краснощекій мужчина объявлялъ:

— Я съ сегодняшняго дня долженъ поставять въ гостинницу «Викторіа» самый лучшій сортъ говядины. У господина Зонненкампа, говорятъ, необыкновенно тонкій вкусъ.

Знакомый Эриху типографщикъ замѣтилъ:

— Нашъ редакторъ, профессоръ Крутіусъ, увѣряетъ, будто хорошо знаетъ этого Зонненкампа, только онъ ничего не хочетъ о немъ говорить.

Любопытство Эриха съ каждой минутой возрастало. Затѣмъ была названа огромная сумма, которую содержатель гостинницы «Викторіа» намѣревался ежедневно брать съ Зонненкампа. Одинъ изъ посѣтителей увѣрялъ, будто Зонненкампъ покупаетъ дво-

рецъ Рабенека, другой замѣтилъ, что онъ, безъ сомнѣнія, будетъ сдѣланъ дворяниномъ, а третій сказалъ что-то, чего Эрихъ не могъ слышать, но что вызвало со стороны остальныхъ громкій взрывъ хохота.

— А я говорю, воскликнулъ одинъ толстякъ, въ которомъ Эрихъ узналъ хлѣбнаго торговца, вспомните мое слово, что этотъ Зонненкампъ ничто иное, какъ эмиссаръ изъ кожныхъ штатовъ. Они тамъ задумали выбрать себѣ императора и прислали сюда господина Зонненкампа съ порученіями, можетъ быть гораздо болѣе важными, чѣмъ мы думаемъ.

— Предсказываю тебѣ, что ты съ нимъ уѣдешь въ Америку, въ качествѣ придворнаго хлѣбопѣка, сказалъ кто-то и всѣ громко засмѣялись.

— Что намъ за дѣло, кто онъ и откуда? замѣтилъ одинъ изъ собесѣдниковъ. У него много денегъ, и этимъ все сказано. Пусть къ намъ пожалуютъ еще сотни подобныхъ ему, мы ихъ всѣхъ примемъ, лишь бы они привезли къ намъ побольше денегъ.

И онъ, залпомъ осушивъ стаканъ, весело подмигнулъ слуганкѣ.

— Принеси-ка мнѣ еще пивца, сказалъ онъ ей: я этого заслуживаю. Развѣ я не умнѣе ихъ всѣхъ.

Эрихъ потихоньку ушелъ, довольный тѣмъ, что его никто не узналъ.

На улицѣ онъ встрѣтилъ молодого человѣка, который дружески съ нимъ раскланялся.

Эрихъ, послѣ первой минуты недоумѣнія, узналъ въ немъ одного изъ пѣвцовъ, съ которыми познакомился на музыкальномъ торжествѣ. Молодой человѣкъ былъ учителемъ въ одной изъ реальныхъ школъ столицы и объявилъ Эриху, что общество столичныхъ учителей избрало его своимъ почетнымъ членомъ.

Эрихъ поблагодарилъ и пошелъ далѣе. Онъ внезапно очутился посреди улицы, гдѣ по мостовой съ грохотомъ мчались экипажи и по тротуарамъ шли толпы народа. Театръ окончился и всѣ расходились и разѣзжались по домамъ. Эрихъ поспѣшилъ въ гостинницу, желая достигнуть ея прежде Роланда. Это ему удалось: когда онъ пришелъ къ себѣ въ комнату, мальчикъ еще не возвращался. Подождавъ немного, Эрихъ отправился въ залу, но Роланда и тамъ не было. Зонненкампъ тоже начиналъ о немъ тревожиться.

Совѣтница съ улыбкой замѣтила, что они напрасно беспокоятся: Роландъ въ обществѣ ея Куно и, вѣроятно, весело проводить время. Немного спустя, она сказала, что ей пора домой и,

отвѣди Зонненкампа къ окну, вручила ему Готскій альманахъ на новый годъ. Она, между прочимъ, выразила надежду, что книжка эта не выйдетъ болѣе въ свѣтъ безъ того, чтобъ на страницахъ ея не красовалось имя Зонненкампа и объявила, что отнынѣ будетъ постоянно каждый годъ сама его ею снабжать.

Зонненкампъ рассыпался въ благодарностяхъ и проводилъ гостью до кареты.

Возвратясь въ залу, онъ сказалъ Эриху:

— Я ожидалъ, что вы лучше воспитаете Роланда. Онъ, несмотря на свое обѣщаніе, до сихъ поръ еще не вернулся.

Эрихъ хотѣлъ отвѣтить, что не онъ, а самъ отецъ далъ мальчику въ первый же вечеръ позволеніе самостоятельно распорядиться собой. Но онъ удержался, совнавая всю бесполезность подобнаго рода объясненій.

— Я не рѣшусь лечь спать, пока онъ не вернется, жалобно проговорила Церера.

— Не знаете ли вы, гдѣ бы мы могли его теперь искать? спросилъ Зонненкампъ.

— Намъ незачѣмъ его искать, вотъ онъ, отвѣчалъ Эрихъ, указывая на Роланда, который въ эту минуту входилъ въ комнату.

Мать встрѣтила его жалобами, отецъ выговорами за то, что онъ не сдержалъ своего слова.

— Я вовсе не заслуживаю упрековъ, возразилъ Роландъ. Мнѣ не малаго труда стоило отдѣлаться отъ общества этихъ молодыхъ людей. Я принужденъ былъ проводить ихъ до дверей ресторана, но тамъ уже, несмотря ни на что, распрощался съ ними.

Всѣ успокоились и разошлись по своимъ комнатамъ.

— Что жъ ты у меня не спросишь, какъ мнѣ понравился балетъ? спросилъ Роландъ.

— Я ждалъ, отвѣчалъ Эрихъ, чтобъ ты самъ объ этомъ заговорилъ.

— Ахъ, въ театрѣ сначала было очень хорошо! Тамъ на сценѣ все такія прелестныя дѣвушки! Куно ихъ всѣхъ называетъ по имени и рассказываетъ о нихъ разныя исторіи. Но потомъ мнѣ все это надоѣло. Только и видишь, что одни прыжки, да движенія то въ ту, то въ другую сторону и никто ни слова не говоритъ. Мнѣ вдругъ пришло на умъ: чтó сказалъ бы Бенъяминъ Франклинъ, еслибъ увидѣлъ это? Съ той минуты для меня пропало все удовольствіе. Куно назвалъ меня филистеромъ, я промолчалъ, но когда онъ къ этому еще что-то прибавилъ, я ужасно разсердился и чуть-чуть не вызвалъ его на дуэль.

— Могу я узнать, чѣмъ онъ тебя такъ оскорбилъ?

— Нѣтъ, потому что это тебя касается... А впрочемъ, ты вѣрно не обидишься. Не ожидаешь же ты отъ людей, чтобъ они всѣ тебя одинаково понимали и цѣнили, и ты конечно вполне равнодушенъ въ тому, если они...

— Остановись, милый Роландъ. Я вовсе не желаю знать, что обо мнѣ говорятъ. Толки о насъ постороннихъ людей могутъ насъ огорчать, но они нисколько не содѣйствуютъ въ нашему улучшенію. Ты поступилъ честно и храбро выдержалъ первый непріятельскій огонь. Оставайся и впередъ вѣренъ самому себѣ и мнѣ. А теперь прощай, спокойной ночи.

Эрихъ и Роландъ разошлись вполне счастливые и довольные другъ другомъ. Оба не замедлили заснуть.

ГЛАВА III.

ВОЛЬШОЙ СВѢТЪ ВЪ МАЛЕНЬКОЙ СТОЛИЦѢ.

На слѣдующее утро Зонненкамъ весь погрузился въ изученіе адресъ-валендаря и въ соображенія на счетъ предстоявшихъ ему визитовъ. Съ другой стороны, Эрихъ усердно работалъ надъ собой, стараясь отдѣлаться отъ всякаго личнаго чувства и безраздѣльно отдаться своей задачѣ, которая теперь опять внезапно усложнялась и дѣлалась гораздо труднѣе.

Послѣ полудня Зонненкамъ и Церера отправились развозить свои визитныя карточки. Они долго ѣздили взадъ и впередъ по городу въ великолѣпномъ экипажѣ съ стеклянными передками и боками. На возлахъ кареты помѣщались два лакея въ теплыхъ шубахъ, а на запяткахъ егеръ. У Зонненкампа съ женой было много толковъ о томъ, слѣдуетъ ли Роланду ихъ сопровождать, и они наконецъ рѣшились взять его съ собой.

Эрихъ находился весь этотъ день въ отпуску. Встрѣтаясь съ нѣкоторыми изъ своихъ прежнихъ товарищей, онъ отправился съ ними въ военное Казинѳ, гдѣ нашель, вопреки своимъ ожиданіямъ, въ высшей степени радушный пріемъ. Кромѣ того онъ былъ удивленъ серьезнымъ тономъ, какой тамъ теперь царствовалъ и какого онъ не помнилъ въ былое время. Рѣчь конечно по прежнему часто заходила о картахъ, о лошадяхъ и о танцовщицахъ, но при всемъ томъ многіе изъ молодыхъ людей отличались трезвымъ и даже глубокимъ взглядомъ на вещи. Современное движеніе умовъ совершенно естественно нашло себѣ отголосокъ и въ военномъ Казинѳ. Одинъ изъ товарищей, удалясь съ Эрихомъ въ уголокъ близъ окна, говорилъ, какъ сильно

завидуетъ ему въ томъ, что онъ успѣлъ самостоятельно устроить свою жизнь.

Посѣтивъ еще нѣсколькихъ друзей, Эрихъ вернулся домой успокоенный и засталъ семью Зонненкампа тоже въ наилучшемъ расположеніи духа.

Уже въ этотъ первый день въ обѣду были приглашены государственный совѣтникъ, его жена и двѣ дочери. Къ вечеру пришла посылка съ выписанными изъ Парижа платьями, о которыхъ уже много толковали въ маленькой столицѣ. Таможенные чиновники первые видѣли ихъ и рассказали женамъ, а тѣ своимъ роднымъ и знакомымъ, что госпожѣ Зонненкампъ присланы такія роскошныя платья, подобныхъ которымъ нѣтъ у самой герцогини. Церера съ гордостью показывала ихъ гостямъ, тѣ восхищались ими — однимъ словомъ, все шло, какъ нельзя лучше. Совѣтникъ представилъ Зонненкампа въ аристократическій клубъ, гдѣ у того не замедлила составиться своя партія въ вистъ. Послѣ обѣда неожиданно явилась Белла съ мужемъ.

Осанка, походка, нарядъ графини, все точно говорило, что за ней невидимо слѣдуютъ не только два ливрейныхъ лакея, но и карета съ лошадьми. Гдѣ бы она ни находилась, на улицѣ, или въ салонѣ, она всюду имѣла видъ, будто только-что вышла изъ экипажа. Въ этотъ день она была очень весела и только въ разговорѣ съ Эрихомъ выразила сожалѣніе, что мать его осталась на дачѣ. Зонненкампу Белла объявила, что на дняхъ въ столицу пріѣдетъ также и Отто вмѣстѣ съ русскимъ княземъ. Оба они имѣютъ роли во французской комедіи, которую собираются играть при дворѣ и въ которой она также участвуетъ.

Затѣмъ Белла заставила Зонненкампа вручить ей довольно значительную сумму на покупку вещей для базара, который дамы высшаго общества собирались устроить въ пользу бѣдныхъ въ началѣ будущаго мѣсяца.

Клодвигъ казался утомленнымъ и заранѣе просилъ не требовать отъ него никакого участія въ предстоящихъ празднествахъ. Онъ между прочимъ объявилъ, что въ обѣихъ палатахъ уже открылись засѣданія. Братъ герцога, принцъ Леонгардъ, человѣкъ много видѣвшій въ своихъ странствованіяхъ и посѣтившій Америку, былъ назначенъ президентомъ верхней палаты. Клодвигъ, занимавшій мѣсто вице-президента, почти всегда принужденъ былъ исполнять должность дѣйствительнаго президента.

Вечеромъ пришло отъ барона фонъ-Эндлиха приглашеніе на вечеръ. Всѣ были очень довольны, а Белла передала ходившую по городу сплетню, будто баронъ фонъ-Эндлихъ такъ сиѣшитъ со своимъ баломъ изъ боязни, чтобъ смерть зятя не остановила

его приготовленій. До конца сезона, какъ бы то ни было, оставалось еще много времени. Говорили даже, что самъ дворъ намѣревается почтить своимъ присутствіемъ этотъ праздникъ, который, во всякомъ случаѣ, посѣтитъ принцъ Леонгардъ. Белль тоже были показаны парижскія платья. Она пришла въ неописанный восторгъ и посовѣтовала Церерѣ сохранить самое роскошное изъ нихъ для праздника, который дастъ господинъ Зоненкампъ у себя.

Вечеръ у барона фонъ-Эндлиха вполне удался. Въ его домѣ собралось все высшее общество, несмотря на то, что оно сильно негодовало на шутку, какую себѣ позволилъ герцогъ при возведеніи въ дворянское достоинство богатаго виноторговца. Герцогъ немного поздно увидѣлъ свою ошибку, которая тѣмъ болѣе всѣхъ поразила, что онъ до сихъ поръ исполнялъ всѣ требованія придворнаго этикета съ благоговѣніемъ, какъ будто совершалъ священнодѣйствіе. Вслѣдствіе всего этого, дружелюбіе, оказываемое барону фонъ-Эндлиху, приходилось ему особенно по душѣ. Общество это хорошо знало и наперерывъ старалось заслужить расположеніе своего герцога. Не мудрено послѣ этого, что праздникъ новаго дворянина былъ самый блестящій изъ всего сезона.

Баронъ фонъ-Эндлихъ съ своей стороны догадался пригласить нѣсколькихъ членовъ палаты депутатовъ и въ томъ числѣ двухъ изъ самыхъ ярыхъ приверженцевъ оппозиціи, конечно предварительно испросивъ на то разрѣшеніе двора. Самъ герцогъ не явился на праздникъ, но принцъ Леонгардъ посѣтилъ его. Последний не скрывалъ, что былъ противникомъ обычая, въ силу котораго создавались новые дворяне. Но онъ пріѣхалъ сюда въ качествѣ подданнаго своего брата и долго разговаривалъ съ двумя приверженцами оппозиціи и въ особенности съ президентомъ палаты депутатовъ, Вейдеманомъ.

Принцъ былъ представителемъ герцога, о которомъ всегда говорилъ не иначе, какъ съ глубокимъ уваженіемъ. Это однако не мѣшало ему весьма благосклонно выслушивать замѣчанія въ родѣ слѣдующаго: «Да, еслибъ вы царствовали, не то было бы у насъ и страна наша разомъ превратилась бы въ образцовое государство.» При дворѣ на принца Леонгарда смотрѣли съ нѣкоторымъ состраданіемъ вслѣдствіе того, что онъ увлекся общей модой и разыгрывалъ роль либерала. Принцъ покровительствовалъ наукамъ и искусствамъ и даже принималъ участіе въ политическомъ движеніи страны. Ходили слухи, будто онъ втайнѣ поддерживалъ одну газету, которая отличалась умѣренно-оппозиционнымъ направленіемъ.

Принцъ подъ руку съ Клодвигомъ расхаживалъ по заламъ. Это съ его стороны считалось важнымъ знакомъ отличія. Вѣроятно графъ какъ-нибудь съ особенной похвалою отозвался объ Эрихѣ, который сврывался въ заднихъ рядахъ гостей, стоявшихъ на проходѣ принца и выжидавшихъ случая ему поклониться. Принцъ подошелъ прямо въ нему и сказалъ:

— Любезный Дорнэ, я очень радъ васъ видѣть. Вы, безъ сомнѣнія, теперь сдѣлались въ полномъ смыслѣ слова ученымъ. Впрочемъ этого и слѣдовало ожидать: вы съ дѣтства выказывали большія способности въ наукамъ. Какъ поживаетъ ваша почтенная матушка?

Эрихъ очень учтиво поблагодарилъ. Онъ былъ радъ, что первое свиданіе съ принцемъ Леонгардомъ прошло такъ дружески. А тотъ, повидимому, не на шутку хотѣлъ выказать ему свое благоволеніе, потому что вслѣдъ за тѣмъ спросилъ:

— А гдѣ господинъ Зонненкампъ? Представьте его мнѣ.

Зонненкампа, въ сожалѣнію, не могли скоро найти. Онъ былъ въ отдаленной комнатѣ, гдѣ курили. Когда его наконецъ отыскали, принцъ съ графиней Беллой открывалъ балъ.

Баронъ фонъ-Эндлихъ сіялъ счастьемъ, Зонненкампъ напротивъ былъ неприятно пораженъ, узнавъ желаніе принца, чтобъ онъ былъ ему представленъ капитаномъ Дорнэ. Оба эти человѣка вообще составляли странную противоположность. «Винный графъ» отличался большою самоувѣренностью, которою однако никогда никого не оскорблялъ. Каждое его слово, каждое движеніе говорило: «Я все знаю». Онъ умѣлъ поддерживать разговоръ съ людьми самыхъ разнообразныхъ званій и положеній и при этомъ ему еще ни разу не случилось ударить лицомъ въ грязь. То, что онъ былъ хорошимъ финансистомъ, политико-экономомъ, агрономомъ и негоціантомъ, не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, но онъ, кромѣ того, еще умѣлъ говорить о наукѣ и метко судить о всѣхъ государственныхъ людяхъ Европы. Онъ постоянно вслушивался въ рѣчи другихъ и всегда ловко извлекалъ изъ нихъ пользу.

Зонненкампъ почти не отходилъ отъ кружка, въ которомъ ораторствовалъ баронъ фонъ-Эндлихъ и въ первый разъ въ жизни почувствовалъ себя ничтожнымъ и ничего незнающимъ, въ сравненіи съ этимъ человѣкомъ. «Винный графъ» разсуждалъ о видѣлѣхъ стали, когда къ группѣ, среди которой онъ стоялъ, подошелъ принцъ Леонгардъ. Разговоръ мгновенно прервался, но принцъ сказалъ:

— Прошу васъ, продолжайте, я не хочу вамъ мѣшать.

И онъ съ благодарностью выслушалъ объясненіе барона фонъ-

Эддиша, который говорилъ такъ плавно, съ такимъ знаніемъ дѣла, какъ будто всю жизнь провелъ на фабрикѣ, гдѣ управлялъ литейными работами.

Наконецъ Зонненкампъ былъ представленъ принцу и тотъ у него спросилъ, занимался ли онъ также и въ Америкѣ винодѣліемъ.

Зонненкампъ отвѣчалъ, что нѣтъ.

Принцъ, едва выслушавъ отвѣтъ, спросилъ еще, не былъ ли Зонненкампъ лично знакомъ съ Теодоромъ Парверомъ. Ему самому однажды привелось слышать его проповѣдь, которой онъ остался чрезвычайно доволенъ.

Зонненкампъ снова принужденъ былъ отвѣчать отрицательно и при этомъ вдругъ почувствовалъ себя въ высшей степени жалкимъ и ничтожнымъ.

Принцъ, желая его ободрить, старался навести разговоръ на предметъ, который былъ бы ему хорошо знакомъ. Онъ, немного спустя, спросилъ, вѣрить ли Зонненкампъ въ мирный исходъ вопроса о невольничествѣ?

Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слушали, какъ Зонненкампъ говорилъ, что всѣ ужасы рабства, о которыхъ такъ много толкуютъ, въ дѣйствительности вовсе не существуютъ и что аболіціонисты, имѣя въ виду, можетъ быть, и хорошую цѣль, весьма дурно принялись за ея выполнение.

— Вы должны мнѣ это когда-нибудь подробнѣе объяснить, сказалъ принцъ. Прошу васъ, навѣститъ меня когда-нибудь.

— Вашему высочеству стоитъ только приказать, отвѣчалъ Зонненкампъ, весьма довольный этимъ заключеніемъ своего разговора съ принцемъ.

Эрихъ почти весь вечеръ провелъ съ Вейдеманомъ, но, несмотря на все удовольствіе, какое находилъ въ бесѣдѣ съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, не могъ однако удержаться отъ того, чтобъ по временамъ украдкой не слѣдить за Беллой. Графиня сіяла красотой и весельемъ. Наружностью она походила на Юнону, обладая полнотой и округленностью формъ, какія особенно часто встрѣчаются у флананокъ. Въ ней была какая-то небрежная аристократическая грація, соединенная съ гордой самоувѣренностью. Она всякому умѣла сказать впопадъ, то легкое, остроумное, то серьезное и даже глубокое слово. Людей пожилыхъ она оживляла, молодыхъ забавляла и все это самымъ благороднымъ и въ тоже время естественнымъ образомъ.

Она, плавно переступая, переходила отъ одной группы къ другой. Губы ея по временамъ принимали суровое, жесткое вы-

раженіе, но она дѣлала надъ собою усиліе и лицо ея мгновенно озарялось плѣнительной улыбкой. Она была очаровательна, когда обращалась къ кому-нибудь съ ласковой, дружеской рѣчью. Но при всемъ томъ на наружности ея лежала печать загадочности. Никто не зналъ навѣрное, какого цвѣта у нея были глаза, а между тѣмъ всякій испытывалъ на себѣ чарующее вліяніе ихъ лучей.

Беллу можно было ненавидѣть, но забыть ее оказывалось рѣшительно невозможнымъ. Докторъ Рихардтъ, и тотъ долженъ былъ въ этомъ сознаться, хотя Эрихъ находилъ, что онъ вообще ошибался въ оцѣнкѣ характера Беллы. По мнѣнію молодого человѣка, въ ней, надъ всѣми другими чувствами и стремленіями, преобладало честолюбіе, которое, будь оно направлено на чтѣ-нибудь доброе и хорошее, сдѣлало бы изъ нея личность въ высшей степени замѣчательную.

Мысленно упрекая себя за несправедливость къ ней, Эрихъ въ этотъ вечеръ оказывалъ ей особенное дружелюбіе и почтительность. Белла, повидимому, понимала, что въ чемъ происходило и въ теченіи вечера не разъ обмѣнивалась съ нимъ многозначительными и ласковыми взглядами.

Обращеніе Эриха вполне успокоило графиню. Она одновременно боялась, чтобъ этотъ учитель не вздумалъ хвастаться... Какой вздоръ! Кто бы ему повѣрилъ? Да и самъ онъ настолько благороденъ, что никогда не сдѣлалъ бы ничего подобнаго.

Но чтѣ же въ самомъ дѣлѣ между ними произошло?

Послѣ первой минуты внутреннего разлада, Белла призвала къ себѣ на помощь всю свою гордость и ей вскорѣ удалось увѣрить себя, будто все это было минутное увлеченіе, искушеніе, не болѣе какъ пустая игра.

Кто могъ ей противорѣчить?

Она даже начала казаться себѣ героиней, которая мужественно выдержала напоръ враждебной силы.

Мало-по-малу Белла дошла до того, что на собственные мечты стала смотрѣть какъ на дѣйствительность и все дѣло приняло въ ея глазахъ значеніе романа, который она, будто бы, когда-то читала. Онъ ее сначала сильно взволновалъ, окончаніе его не соответствовало ея ожиданіямъ, но теперь она съ нимъ совсѣмъ раздѣлалась и помѣстила его въ библіотеку, гдѣ на немъ уже успѣлъ лечь слой пыли. Да, Белла въ настоящее время могла съ улыбкой думать объ этомъ прошломъ. Она почти гордилась тѣмъ, что еще въ состояніи такъ свѣжо и наивно чувствовать, такъ увлекаться и испытывать подобнаго рода волненія.

Подойдя къ Эриху и Вейдеману, она заговорила съ ними объ удовольствіи, какое ей доставляетъ ихъ сближеніе. Потомъ она выразила надежду, что Эрихъ будетъ теперь часто навѣщать ее и Клодвига. Они, въ обществѣ одинъ другого, замѣтила она, будутъ отрезвляться отъ тумана, въ какой невольно повергаетъ водоворотъ столичной жизни и углубляясь въ самихъ себя, стануть взаимно поддерживать въ себѣ стремленія ко всему чистому и прекрасному. Белла между тѣмъ просила Эриха сходить вмѣстѣ съ ней въ музей, а затѣмъ съ сестринской заботливостью посовѣтовала ему сдѣлать нѣсколько необходимыхъ визитовъ, для того, чтобъ не быть чужимъ въ обществѣ тѣхъ людей, съ которыми ему теперь придется такъ часто встрѣчаться.

Она была очень рада узнать, что онъ уже это отчасти исполнилъ. Эрихъ между прочимъ замѣтилъ, что онъ старался отыскать негра, находящагося въ услуженіи у герцога, но тотъ, какъ оказалось, уѣхалъ на зиму въ Неаполь съ одной больной принцессой.

— Вотъ какъ! сказала Белла съ странной улыбкой. Вы безъ сомнѣнія имѣли къ этому негру особенное порученіе отъ г. Зонненкампа?

Эрихъ отвѣчалъ, что рѣшительно не понимаетъ ея вопроса, а Белла поспѣшила извиниться въ своей, какъ она выразилась, неумѣстной шуткѣ. Затѣмъ она быстро направилась къ Зонненкампу и много съ нимъ смѣялась на счетъ одного изъ гостей. То былъ братъ барона фонъ-Эндлиха, содержатель лучшаго моднаго магазина въ столицѣ.

«Винный графъ» не могъ избѣжать того, чтобъ не пригласить къ себѣ на вечеръ своего брата, купца, пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ въ городѣ. Белла со смѣхомъ увѣрала, это этотъ человѣкъ явился сюда съ цѣлью посмотреть, какой эффектъ производить въ бальной залѣ наканунѣ купленные у него наряды.

Зонненкампъ мысленно радовался тому, что, когда его прозвездутъ въ дворяне, съ нимъ не можетъ случиться ничего подобнаго, потому что онъ вовсе не имѣетъ родственниковъ.

ГЛАВА IV.

ГОЛУВОЙ ВАНТЪ.

Зонненкампъ и его семейство каждый вечеръ посѣщали или театры, или балы. Утро у нихъ начиналось съ полудня. Эрихъ, послушный совѣту Беллы, сдѣлалъ необходимые визиты и его тоже всюду начали приглашать.

Общественная жизнь являлась теперь ему въ совершенно новомъ свѣтѣ. Онъ смотрѣлъ на нее глазами человѣка, который былъ внезапно перенесенъ въ среду ея изъ совѣмъ другого, чуждаго ей міра. Ему становилось жутко при мысли, сколько лжи скрывалось подъ этими улыбками, какая фальшь таилась въ глубинѣ души всѣхъ этихъ разфранченныхъ, съ виду такихъ милыхъ и любезныхъ людей. Его несказанно возмущало это ходячее лицемеріе въ бѣлыхъ галстукахъ. Въ курительной комнатѣ мужчины обыкновенно, наперерывъ другъ передъ другомъ, рассказывали соблазнительные анекдоты, а затѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, являлись въ бальную залу въ своимъ женамъ и дочерямъ и казались такими изящными и благородными!

Эрихъ держался немного въ сторонѣ отъ всѣхъ, но Белла была къ нему особенно внимательна и предупредительна. Она съ наслажденіемъ плавала въ потокѣ свѣтскихъ удовольствій. Ей было пріятно знать, что она здѣсь одна изъ первыхъ, если не самая первая.

Русскій князь тоже осыпалъ Эриха любезностями и много рассказывалъ ему о Кнопфѣ и о необыкновенной маленькой американкѣ, находившейся въ Маттенгеймѣ.

Пранкенъ, всякій разъ что встрѣчался съ Эрихомъ, раскланивался съ нимъ по всѣмъ правиламъ свѣтскаго приличія, но никогда съ нимъ не заговаривалъ.

Всѣ высшіе сановники герцогства дружески обращались съ Эрихомъ и до него не разъ доходили слухи о похвалахъ, съ какими о немъ постоянно отзывались графъ и графиня Вольфсгартенъ.

Встрѣчи Эриха съ Вейдеманомъ всегда были очень кратковременны и несмотря на желаніе обоихъ другъ съ другомъ ближе познакомиться, это имъ никакъ не удавалось. Только разъ случай помогъ имъ, доставивъ возможность обмѣняться нѣсколькими задушевными мыслями и тѣмъ самымъ поглубже заглянуть въ душу одинъ другого. Они говорили о Клодвигѣ и

оба съ одинаковымъ уваженіемъ отзывались о немъ. Только Вейдеманъ въ заключеніе сказалъ:

— Я удивляюсь силѣ этого человѣка, но самъ признаюсь, не сумѣлъ бы, подобно ему, распорядиться ею. Нашъ другъ обладаетъ способностью вполне примѣняться къ средѣ, въ которой живетъ. Болѣе того, онъ можетъ по произволу облекаться въ то или другое настроеніе духа и это съ легкостью, съ какой скидаетъ и надѣваетъ свой фракъ. Въ глубинѣ души его таятся стремленія, не имѣющія ничего общаго съ интересами придворнаго и великосвѣтскаго міра. Но разъ, что онъ становится съ нимъ въ соприкосновеніе, у него исчезаютъ всѣ слѣды противорѣчія, такъ что можно подумать, онъ созданъ именно для этой, а не для какой другой сферы.

Эрихъ вполне понималъ и раздѣлялъ мнѣніе своего собеседника. А Вейдеманъ, устремивъ на молодого человѣка задумчивый взглядъ, внимательно слушалъ, какъ тотъ ему говорилъ, что теперь для него становится яснымъ одинъ упрекъ, который до сихъ поръ его мучительно преслѣдовалъ.

— Люди, сказалъ Эрихъ, часто неодобрительно смотрятъ на старанія углубляться въ современныи смыслъ вещей и строго порицаютъ тѣхъ, которые увлекаются и волнуются. Будьте спокойны и равнодушны, говорятъ они, вѣрьте всему на слово и никому не прекословьте. Я этого не могу и потому не могуъ для общества.

Вейдеманъ, повидимому, нѣсколько иначе повялъ причину того, что тревожило Эриха, который, по его мнѣнію, долженъ былъ считать себя счастливымъ тѣмъ; что на его долю выпала задача воспитывать юношу, подобнаго Роланду.

А Эрихъ, между тѣмъ, иногда по цѣлымъ вечерамъ не видалъ Роланда. Мальчика обыкновенно окружала цѣлая толпа танцующей молодежи, мужчинъ и дѣвушекъ. Всѣ его ласкали и забавлялись имъ, какъ прелестной игрушкой. Протанцовавъ цѣлую ночь, онъ возвращался домой усталый и въ теченіи всего слѣдующаго дня имѣлъ скучающій, разсѣянный видъ. Эрихъ даже не разъ замѣчалъ, какъ швейцаръ украдкой совалъ его въспитаннику въ руку раздушенныя записочки. О правильныхъ занятіяхъ не могло быть и рѣчи. Роландъ по цѣлымъ часамъ наигрывалъ на фортепіано мотивы танцевъ, которые еще со вчерашняго вечера звучали у него въ ушахъ. Въ его портфель тщательно хранились записочки съ именами дамъ, съ которыми онъ танцевалъ, и разные другіе знаки памяти. Взглядъ мальчика принялъ какое-то непривычное ему выраженіе робости и утомленія.

Пранкенъ не могъ достаточно наравдаться на то, что видѣлъ *своихъ*—онъ теперь никогда иначе не называлъ семейство Зонненкампа — такъ хорошо принятыми въ обществѣ. По его стараніямъ Роландъ получилъ во французской комедіи роль пажа при дворѣ Людовика XIV, которую первоначально должна была играть молоденькая графиня Оттерсвейеръ. Но она захворала корью и Роландъ ее замѣнилъ.

Для мальчика заказали роскошный костюмъ и онъ во снѣ и на яву только и бредилъ, что комедіей, да репетиціями.

Когда, послѣ первой репетиціи въ костюмахъ, Роландъ показался своимъ въ туго-натянутаго бѣломъ шелковомъ трибо, всѣ были невольно поражены его удивительной красотой. Церера пришла въ неописанный восторгъ и долго не могла успокоиться. Роландъ взглянулъ на Эриха, который стоялъ отвернувшись и печально смотрѣлъ въ сторону. Мальчикъ, не разъ слышавшій, какъ товарищи смѣялись надъ серьезнымъ видомъ Эриха, хотѣлъ-было упрекнуть его въ педантствѣ, но удержался и только проговорилъ:

— Вѣрь мнѣ, что я, немного погодя, снова примусь за ученіе и выучусь тогда всему, чему ты только пожелаешь. Но теперь, дай мнѣ повеселиться.

Эрихъ печально улыбнулся. Онъ чувствовалъ, что въ мальчикѣ произошла перемена къ худшему и въ тоже время сознавалъ свое безсиліе въ настоящемъ случаѣ что-нибудь для него сдѣлать. Видя, какъ безжалостно портили и вырывали то, что онъ съ такой заботливостью сѣялъ и растилъ, Эрихъ невольно впадалъ въ уныніе. Ему не разъ приходило на умъ навсегда разстаться съ этимъ домомъ и съ этими людьми и только надежда спасти Роланда отъ окончательной гибели еще удерживала его на трудномъ постѣ. Однако онъ счелъ своей обязанностью раскрыть Зонненкампу глаза на счетъ угрожавшей его сыну опасности. Но Зонненкампъ въ утѣшеніе отвѣчалъ ему, что американскіе юноши зрѣютъ гораздо ранѣе германскихъ. Въ возрастъ, когда послѣдніе еще сидятъ на школьной скамьѣ, первые уже достигаютъ полнаго развитія и вполнѣ умѣютъ справляться съ жизнью.

— Я боюсь, сказалъ Эрихъ, чтобъ Роландъ не утратилъ самой драгоценной способности человѣка.

— Какой?

— Изъ самого себя извлекать всѣ радости и утѣшенія въ жизни.

— Вы хотите сдѣлать изъ моего сына ученаго, который самъ себя варитъ кофе.

— Я понимаю вашу шутку и надѣюсь, что вы, съ вашей стороны, понимаете настоящій смыслъ моихъ словъ. Я хочу только сказать, что, кто не умѣетъ находить счастья въ самомъ себѣ, тотъ не найдетъ его и въ цѣломъ мірѣ. Это пунетъ, на которомъ мы сходимся съ вѣрующими, хотя и понимаемъ его нѣсколько иначе, нежели они. Счастье человѣка, говорятъ они, заключается въ царствіи небесномъ, которое непременно водворяется въ сердцѣ каждаго, кто того пожелаетъ. Въ противномъ случаѣ человѣкъ вѣчно остается въ зависимости отъ случая, и нигдѣ и ни въ чемъ не находитъ себѣ удовлетворенія.

Зонненкампъ только киваль головой, слушая, какъ этотъ человѣкъ съ спокойнымъ достоинствомъ излагаль передъ нимъ свои убѣжденія. Мысли капитана, думаль онъ, сильно отзываются самоотреченіемъ, которое проповѣдуетъ церковь. Онъ ихъ цѣлкомъ беретъ оттуда и только приспособляетъ къ свѣтскимъ понатіямъ.

Время, которое Роландъ посвящаль репетиціямъ французской комедіи, Эрихъ проводилъ въ собраніи учителей. Къ сожалѣнію, онъ и тамъ нашель своего рода аристократію: преподаватели высшихъ учебныхъ заведеній смотрѣли свысока на учителей элементарныхъ школъ и держались отъ нихъ въ сторонѣ. Многіе изъ нихъ встрѣтили Эриха какъ стараго знакомаго, помя его торжество на музыкальномъ праздникѣ, въ которомъ они почти всѣ участвовали. Здѣсь, въ столицѣ, у нихъ тоже существовало общество пѣнія и никогда Эрихъ не пѣль такъ хорошо, какъ въ присутствіи своихъ новыхъ друзей.

Онъ, кромѣ того, еще часто повидаль блестяція собранія, чтобъ присутствовать при засѣданіяхъ ученаго общества педагоговъ. Въ такихъ случаяхъ ему обыкновенно казалось, будто онъ переносился на другую планету, — такъ мало нравы и обычай людей, съ которыми онъ здѣсь встрѣчался, имѣли общаго съ привычками, господствовавшими въ большомъ свѣтѣ.

Серьезные, угрюмые на видъ педагоги важно разсуждали о способахъ, какими всего успѣшнѣе можно направить молодую душу къ добру. Слушая ихъ, Эрихъ съ горечью думаль о томъ, какъ достаточно одного вечера, чтобъ разрушить всѣ мудрыя соображенія наставника и разомъ уничтожить все, надъ чѣмъ онъ такъ медленно и заботливо трудился.

Еслибъ человѣкъ всегда зналь, что выйдетъ изъ его поступковъ, врядъ ли бы у него хватило мужества долѣе жить. Лучшая часть нашего нравственнаго бытія заключается въ нашемъ невѣдѣніи будущности и въ вѣрѣ, какою мы питаемъ въ полное осуществленіе нашихъ мыслей и стремленій.

— Лишь только онъ получить имя, которымъ вашему высочеству угодно будетъ его наградить, отвѣчалъ Зонненкампъ.

Лицо герцога мгновенно омрачилось. Онъ поспѣшно кивнулъ головой и пошелъ далѣе.

Зонненкампъ съ трудомъ перевелъ духъ. Онъ чувствовалъ, что промахнулся, но взять сказанное назадъ — было невозможно, и ему ничего болѣе не оставалось, какъ, очертя голову, идти впередъ. Онъ съ вызывающимъ видомъ смотрѣлъ на двигавшуюся передъ нимъ блестящую толпу и съ злобой помышлялъ о томъ, какъ хорошо было бы подчинить ее себѣ съ тѣмъ, чтобъ послѣ выместить на ней всѣ свои неудачи.

Гнѣвъ его еще усилился, когда Пранкенъ пришелъ освѣδοчиться, что такое сказалъ онъ герцогу, который повидимому остался очень недоволенъ разговоромъ съ нимъ. Зонненкампъ, конечно, не считалъ нужнымъ разглашать о своей ошибкѣ.

Эрихъ съ глубокой грустью смотрѣлъ на все, что передъ нимъ происходило. Онъ стоялъ, прислонясь къ колоннѣ, а рядомъ съ нимъ великолѣпная пальма печально опустила свои поблекшія листья. Эрихъ на нее взглянулъ: растение явно увядало въ душной атмосферѣ бальной залы, освѣщенной потокомъ газоваго свѣта. Его завтра отсюда возьмутъ и снова поставятъ тамъ, гдѣ ему хорошо и привольно, но вѣдь ли оно когда-нибудь вполнѣ оправится. Всего вѣрнѣе пальма совсѣмъ погибнетъ. Неужели и съ Роландомъ будетъ тоже? Гдѣ ему посреди всего этого блеска, всѣхъ этихъ ласкъ и похвалъ, думать объ идеалахъ и стремиться къ высшей дѣятельности?

Воображеніе Эриха внезапно вызвало передъ нимъ образъ профессора Эйнзиделя и онъ съ улыбкой подумалъ, что сказалъ бы почтенный ученый, еслибъ внезапно очутился здѣсь, въ этой роскошной залѣ, посреди этой нарядной толпы. Но самъ онъ, Эрихъ, развѣ не тоже самое ощущаетъ? Онъ въ сущности точно такой же профессоръ Эйнзидель. «Что такое всѣ мы, люди мысли? думалъ молодой человѣкъ: — не болѣе, какъ зрители. Вонъ тутъ передъ тобой, говорилъ онъ самому себѣ, происходитъ погоня за наслажденіями. Отчего бы и тебѣ не принять въ ней участіе?» Сердце его болѣзненно сжалось, а на лицѣ выступила краска. Въ эту минуту къ нему подошелъ Роландъ и сказалъ:

— Похвалы другихъ меня не радуютъ, если ты меня не одобряешь.

Эрихъ протянулъ ему руку, а Роландъ продолжалъ:

— Герцогиня желаетъ, чтобъ я снялъ съ себя портретъ въ этомъ костюмѣ. Всѣ дамы пристають ко мнѣ съ тѣмъ же, а

остальные актеры также хотятъ сдѣлать свои фотографіи. Не правда ли, какъ это хорошо?

— Да, впереди у тебя будетъ пріятное воспоминаніе.

— Впереди... Ахъ, пожалуйста, не говори о будущемъ! Сегодняшній день такъ прекрасенъ, что я ни о чемъ, кромѣ его, и думать не хочу. Еслибъ можно было не ложиться спать и не раздѣваться, а надолго, на сто лѣтъ остаться такимъ, какъ теперь!

Эрихъ видѣлъ, что мальчикъ былъ какъ въ чаду и счелъ за лучшее пока ему не противорѣчить.

Но его самого ожидало въ этотъ вечеръ нѣчто, его сильно смутившее.

Онъ видѣлъ, какъ Белла съ жаромъ о чемъ-то говорила съ бывшимъ командиромъ его полка, тсперешнимъ военнымъ министромъ. Немного спустя, министръ очутился вблизи отъ Эриха. Молодой человѣкъ почтительно поклонился своему старому начальнику, который немедленно вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Обмѣнявшись съ нимъ нѣсколькими незначительными словами, министръ вдругъ спросилъ у Эриха, не хочетъ ли онъ, съ поступленіемъ своего воспитанника въ кадетскій корпусъ, самъ завять тамъ какую-нибудь каеэдру.

Эрихъ поблагодарилъ, но не рѣшился немедленно дать отвѣтъ. Далѣе военный министръ спросилъ у него, позаботился ли онъ обезпечить себя на то время, когда окончитъ воспитаніе молодого американца, и не находитъ ли онъ, что его настоящее положеніе задерживаетъ его собственные успѣхи въ наукѣ. Всѣ, знавшіе его въ университетѣ, отзывались о немъ, какъ о молодомъ человѣкѣ, подающемъ блестящія надежды.

Эрихъ смутился. Неужели это правда, что онъ себя продалъ? но въ такомъ случаѣ, что изъ него будетъ и что станется съ его матерью, которую онъ увлекъ за собой и поставилъ въ ложное положеніе?

Разставшись съ министромъ, Эрихъ почувствовалъ на себѣ огненный взглядъ Беллы. Онъ подошелъ къ ней и выразилъ ей свою благодарность за ея лестный о себѣ отзывъ.

— Вы напрасно меня благодарите, сказала она. Мною при этомъ руководила ревность. Я желаю удалить васъ изъ дома Зонненкампа, пока въ него еще не вернулась очаровательная Манна.

Белла, казалось, была очень весела.

На слѣдующее утро Роландъ тайно приказалъ привѣрнуть къ своей одеждѣ новый голубой бантъ и отправился съ товарищами къ фотографу снимать свой портретъ. А Зонненкампъ,

распорядившись на счетъ разсылки пригласительныхъ билетовъ на большой праздникъ, который въ скоромъ времени намѣревался у себя дать, въ сопровожденіи одного только Лутца уѣхалъ на виллу Эдемъ.

ГЛАВА V.

ВСЕМОГУЩАЯ РУКА ВНЕЗАПНО ОКАЗЫВАЕТСЯ ВЕСИЛЬНОЙ.

Профессорша сидѣла въ уютной, хорошо-натопленной комнатѣ у окна, тщательно защищеннаго отъ холода, внутри коврами и подушками, снаружи мохомъ. Передъ ней стояла швейная машина, колесо которой, вертясь, издавало только самый легкій, едва замѣтный шумъ. Съ рѣки доносился трескъ ударявшихся одна о другую льдинъ, которыя, сталкиваясь и раздробляясь, стремительно плыли внизъ по теченію.

Профессорша, по временамъ, оставляла работу и устремляла задумчивый взоръ на Рейнъ и на далекій ландшафтъ, гдѣ надъ деревьями струился легкій дымъ, выходявшій изъ трубъ крестьянскихъ домиковъ. Ей теперь была хорошо знакома жизнь тамошнихъ обывателей.

Профессорша часто навѣщала бѣднѣйшихъ изъ поселянъ и всегда приносила имъ съ собой или помощь, или добрый советъ. Въ этихъ посѣщеніяхъ ее обыкновенно сопровождали то фрейленъ Милькъ, то ловчій, но чаще всего Семиствольникъ, веселый нравъ котораго ей приходился особенно по сердцу. Поселяне, въ свою очередь, часто являлись въ виноградный домикъ, кто съ благодарностью, кто съ новой просьбой о помощи. Профессорша всегда всѣхъ ласково принимала и чувствовала себя несказанно счастливой отъ того, что могла дѣлать такъ много добра.

Не было у ней недостатка и въ другого рода, чисто умственныхъ радостяхъ. Она перечитывала любимыя книги своего мужа и замѣтки, которыя онъ дѣлалъ на поляхъ. Это оживляло въ ней память о покойномъ и она, такъ сказать, жила въ постоянномъ общеніи съ нимъ. Слова, написанныя мужемъ, она почти всегда читала вслухъ, частью для того, чтобы живѣе проникаться ихъ смысломъ, частью, чтобы заглушить въ себѣ мысли, которыя съ нѣкоторыхъ поръ ее неотступно преслѣдовали. Мысли эти относились къ Зонненкампу, къ его прошлому и настоящему образу жизни и въ особенности къ странному настроенію духа Манны. Ей стало теперь ясно, почему Манна, покидая роди-

тельскій домъ, сказала Роланду: «Я тоже Ифигенія». Сидя за своей машиной, профессорша декламировала стихи изъ драмы Гёте и мысленно старалась разрѣшить вопросъ, почему дѣти должны страдать за вину своихъ родителей?

Вдругъ она услышала шумъ колесъ, и минуту спустя передъ домикомъ остановилась карета. «Это вѣрно докторъ», подумала профессорша и осталась на мѣстѣ. Ей было хорошо извѣстно, что онъ не любилъ, когда она для него прерывала свои занятія. Но приближавшіеся шаги вовсе не походили на докторскіе и стукъ въ дверь былъ совсѣмъ иной, чѣмъ у него. Еще мгновение, и въ комнату вошелъ Зонненкампъ.

— Вы совсѣмъ одиѣ? спросилъ онъ.

— Да.

Профессорша испугалась. Она еще не видала Зонненкампа послѣ того, какъ узнала о немъ тайну, которую ни за что въ мірѣ не рѣшилась бы ему повторить. Ей понадобилось все ея самообладаніе для того, чтобъ не дать ему ничего замѣтить и спокойно протянуть ему руку. Дотронувшись желѣзнаго кольца, которое онъ постоянно носилъ на большомъ пальцѣ, она вздрогнула, какъ отъ прикосновенія змѣи и въ ужасѣ взглянула на его руку. Широкая, пухлая, съ короткими, поросшими мясомъ ногтями, рука Зонненкампа, какъ двѣ капли воды, походила на руку Фарисея, который, въ знаменитой картинѣ Тиціана, показываетъ Спасителю монету съ изображеніемъ Цезаря. Фарисей держитъ монету между большимъ и указательнымъ пальцемъ, а рука его носитъ на себѣ отпечатокъ скупости, лжи и насилія. Въ умѣ профессорши съ быстротой молніи промелькнуло воспоминаніе о томъ, какъ она, во время своей свадебной поѣздки, вмѣстѣ съ мужемъ, стояла передъ этой картиной въ Дрезденской галлерей. Мужъ, закрывъ на минуту лица Христа и Фарисея, указалъ ей на руки, въ которыхъ съ такой поразительной отчетливостью выразился характеръ обѣихъ личностей.

Непривычное волненіе профессорши не ускользнуло отъ Зонненкампа, но онъ успѣвшилъ его отнести на счетъ своего неожиданнаго появленія.

— Я не разъ замѣчалъ, сказалъ онъ, что люди, живущіе преимущественно въ области мысли, и въ особенности женщины съ обширнымъ развитіемъ ума и сердца, вообще не любятъ неожиданностей. Прошу васъ, будьте такъ великодушны, и простите меня на этотъ разъ.

Профессорша съ изумленіемъ на него посмотрѣла. Возможно ли, чтобъ человѣкъ, съ такимъ прошлымъ какъ у Зонненкампа, былъ способенъ понимать такія тонкія движенія души и гово-

ить о нихъ съ такимъ чувствомъ и уваженіемъ? Она принуждена была сознаться, что онъ вѣрно угадалъ причину ея волненія, а затѣмъ освѣдомилась о цѣли его неожиданнаго пріѣзда въ виллу. Она была въ недоумѣніи, принять ли этотъ визитъ на свой счетъ, или приписать его хозяйственнымъ соображеніямъ. Профессорша чувствовала, какъ не кстати былъ ея вопросъ, но не могла придумать ничего другого, болѣе подходящаго къ настоящему случаю.

— Мой пріѣздъ сюда имѣлъ въ виду васъ однѣхъ, сказалъ Зонненкампъ. Но теперь я почти сожалею, что нарушилъ ваше спокойствіе. Самъ я вырвался сюда изъ омота, гдѣ невольно начинаешь сомнѣваться въ возможности мирнаго существованія, подобнаго вашему. Мы въ столицѣ живемъ въ настоящемъ вихрѣ, счастливые тѣмъ, что еще можемъ спать.

— Мнѣ хорошо извѣстна эта шумная и веселая жизнь, съ глубокой отвѣчала профессорша. Люди изъ нея постоянно стремятся въ тишинѣ и уединенію, но лишь только получаютъ ихъ, тотчасъ же начинаютъ вздыхать по шуткамъ и смѣху, по блестящей толпѣ и разнообразнымъ удовольствіямъ.

Зонненкампъ, не медля ни минуты, прямо пошелъ къ своей цѣли. Онъ убѣдительно, почти униженно, просилъ профессоршу переселиться къ нему въ столицу для того, чтобъ сообщить его дому блескъ и достоинство, которые она одна можетъ ему доставить.

Профессорша выразила сожалѣніе, что должна отклонить отъ себя такое лестное предложеніе. Но она чувствуетъ, что навсегда утратила способность веселиться.

— Я до сихъ поръ думалъ, что у васъ свободный взглядъ на жизнь и что вы, напротивъ, считаете веселье однимъ изъ необходимѣйшихъ ея элементовъ.

— И вы не ошибались. Я ни чуть не свлонна смотрѣть на жизнь съ мрачной точки зрѣнія и далека отъ того, чтобы считать міръ обширнымъ благотворительнымъ заведеніемъ, изъ котораго должна быть изгнана всякая веселость. Напротивъ, молодость, по моему мнѣнію, должна веселиться, танцовать и рѣзвиться. Мало того, я нахожу, что ей посреди шутокъ и смѣха даже вовсе не пристало думать о бѣдныхъ, терпящихъ стужу и голодь. На все есть свое время и вы правы, полагая, что я люблю веселье. Да, я ее люблю и думаю, что въ ней одной заключается счастье.

— Въ такомъ случаѣ, не отказывайте намъ въ вашемъ содѣйствіи, чтобъ мы могли потомъ успѣшнѣе заняться нашими кельскими и нуждающимися братьями.

Профессорша была возмущена до глубины души. Какъ могъ этотъ человѣкъ такимъ образомъ говорить? Неужели онъ надѣется, что она ему повѣритъ? Она почти съ ужасомъ смотрѣла на него и на его руки, на которыхъ какъ будто ожидала увидѣть слѣды крови. Не въ состояніи еще что-нибудь сказать, она только качала головой, приговаривая:

— Я не могу, вѣрьте мнѣ, что не могу.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ больше ничего не остается, какъ открыть вамъ тайну моеѣ жизни.

Профессорша обѣими руками ухватила за швейную машинку. Что онъ ей скажетъ, какую тайну откроетъ? Она молча кивнула головой и Зонненкампъ принялся ей доказывать, какъ необходимо для его жены, для Роланда и для Мавны, чтобъ онъ получилъ дворянское достоинство. Профессорша не могла опомниться отъ удивленія. Какъ... этотъ человѣкъ... съ его прошлымъ?... Какая неслыханная дерзость! Въ ней вдругъ заговорила дворянская кровь Бургольцевъ.

Зонненкампъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за ней. Въ душѣ этой женщины происходило что-то такое, чего онъ не могъ понять. А она сидѣла передъ нимъ неподвижно, ни однимъ словомъ не выражая ни удивленія, ни благодарности за такое довѣріе.

— Отчего вы молчите? спросилъ онъ наконецъ.

Профессорша мгновенно опомнилась и откинувъ назадъ голову, сказала:

— А вамъ не жаль будетъ перемѣнить свое имя?

Зонненкампъ окинулъ ее быстрымъ взглядомъ, а она продолжала:

— Мнѣ, какъ женѣ, всегда казалось страннымъ носить другое имя, а не то, которое мнѣ принадлежало по праву рожденія.

— Извините меня, возразилъ Зонненкампъ: но вы мѣняли ваше имя на мѣщанское, а дворянское всегда легче усваивается и носится съ большимъ удовольствіемъ.

Онъ удвоилъ просьбы, пустилъ въ ходъ самыя убѣдительныя доводы, упомянулъ о желаніи и совѣтѣ графини Беллы, но все напрасно. Профессорша оставалась непоколебима, говоря, что никто въ мірѣ, даже самыя близкіе ея друзья никогда болѣе не заставятъ ее вернуться въ свѣтъ.

Зонненкампъ наконецъ прибѣгнулъ къ послѣдному средству. Онъ полагалъ, что упорство профессорши происходило исключительно отъ нежеланія показаться въ обществѣ въ качествѣ особы, зависящей отъ его милостей. «Дамъ ей, думалъ

онъ, средства къ самостоятельной жизни и тогда, безъ сомнѣ-
нiя, все пойдетъ какъ по маслу».

Онъ осторожно объявилъ ей, что считаетъ своей обязан-
ностью немедленно вручить ей сумму, которая навсегда дала
бы ей возможность жить особеннымъ домомъ. И съ этими сло-
вами онъ вынулъ изъ бокового кармана туго набитый бумаж-
никъ.

— Прошу васъ, оставимъ это, сказала она, вся вспых-
нувъ. Вы меня дурно поняли. Я не стыжусь никакого поло-
женiя и не считаю себя способной къ зависти. Сдѣлавъ въ
жизни свободный выборъ, я разъ навсегда, безъ малѣйшей го-
речи, подчинилась всѣмъ послѣдствiямъ моего поступка. Я не
пронесла никакого обѣта, но прошу васъ смотрѣть, какъ на
таковой, на мою рѣшимость отнынѣ жить вдали отъ свѣта.
Вѣдь еслибъ ваша дочь исполнила свое намѣренiе и сдѣлалась
юнахиней, вы бы ее оставили въ покоѣ, — пожалуйста, посту-
пите точно также и со мной. Мнѣ очень тяжело васъ объ
этомъ просить, но вы не должны меня болѣе убѣждать. Повто-
ряю вамъ: ничто въ мирѣ не заставитъ меня измѣнить моего
рѣшенiя.

Зонненкампъ едва владѣлъ собой. Кромѣ того, онъ былъ въ
затрудненiи на счетъ бумажника, который ему приходилось
опять спрятать въ карманъ. Онъ всталъ и, подойдя къ окну,
устремилъ взоръ въ дальнее пространство; черезъ минуту онъ
оправился и обратясь къ профессоршѣ, съ улыбкой сказалъ:

— Тамъ по рѣкѣ плывутъ льдины, остатки оковъ, отъ ко-
торыхъ мягкое влiяние весны всегда освобождаетъ Рейнъ. От-
чего бы и вамъ, многоуважаемый другъ мой, — не правда-ли,
вы мнѣ позволите васъ такъ называть? — отчего бы и вамъ,
говорю я, не допустить возможности, чтобы какое-нибудь не-
предвидѣнное обстоятельство... событiе... соображенiе измѣнили
вашу рѣшимость? Никогда не слѣдуетъ связывать себя навсег-
да: кто можетъ поручиться за будущее.

— Вы меня простите, возразила профессорша, если я это-
назову измѣной противъ самой себя. У меня въ мирѣ только и
осталось, что вѣра въ чистоту моихъ побужденiй.

— Я вамъ удивляюсь и преклоняюсь передъ вами, сказалъ
Зонненкампъ, надѣясь еще лестно одержать побѣду. Внутри его
кинула злоба, но на губахъ играла прiятная улыбка. Когда же
ему наконецъ сдѣлалось ясно, что рѣшимость профессорши ни-
чѣмъ нельзя преодолѣть, Зонненкампъ мгновенно принялъ серъ-
езное выраженiе лица. Въ глазахъ его виднѣлась трогательная

мольба, какъ будто онъ хотѣлъ, но не могъ сказать: «Я безъ тебя не знаю, гдѣ мнѣ искать спасенія».

Профессорша почувствовала къ нему сожалѣнiе и желая хоть чѣмъ-нибудь смягчить свой отказъ, сказала:

— Позвольте мнѣ вамъ передать благодарность сотни людей, которыхъ вы согрѣли и навормили. Вы меня несказанно осчастливили, поручивъ мнѣ быть исполнительницей вашихъ добрыхъ дѣлъ, которыя, я надѣюсь, не замедлятъ обратиться вамъ въ неисчерпаемый источникъ радостей.

И она съ оживленiемъ начала ему передавать всѣ свои распоряженiя. Въ словахъ ея звучала такая неподдѣльная искренность, а рассказы ея были такъ трогательны, что Зонненкампъ не могъ придти въ себя отъ изумленiя и не нашелся ничего болѣе сказать, какъ только:

— Все это хорошо... очень хорошо... благодарю васъ.

Онъ еще разъ подаль ей руку и вышелъ. Въ дверяхъ онъ столкнулся съ фрейленъ Милькъ, но едва обратилъ на нее вниманiе и продолжалъ свой путь.

Фрейленъ Милькъ застала профессоршу за страннымъ занятiемъ: она усердно терла себѣ руки, точно стараясь отмыть отъ нихъ грязь, которая къ нимъ пристала отъ прикосновенiя Зонненкампа.

— Сказалъ ли онъ вамъ о своемъ намѣренiи сдѣлаться дворяниномъ? спросила фрейленъ Милькъ.

Профессорша въ изумленiи на нее посмотрѣла. Откуда это простая ключница собирала всѣ свои свѣдѣнiя?

Фрейленъ Милькъ объяснила, что извѣстiе это было сюда занесено столичнымъ мясникомъ, который купилъ у ея сосѣда пару откормленныхъ быковъ.

Нечего сказать, странными путями часто выходятъ наружу тайны!

В. АУЭРВАХЪ.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ

1787 — 1795.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I*).

Сеймики 1790-го года.— Открытіе сейма съ двойнымъ числомъ пословъ.— Пьеса Нѣмцевича.— Возобновленіе дѣла о Гданскѣ и Торунѣ¹⁾).

Польскіе сеймики не могли вдругъ переродиться, и на этотъ разъ явились съ прежними нравами. Шляхта привыкла руководиться вліяніемъ сильныхъ пановъ. Обѣ партіи, и старая и новая, основывали на этомъ вліяніи свои надежды и старались овладѣть сеймиками посредствомъ извѣстныхъ пріемовъ; все зависѣло отъ того, какъ выскажется большинство сеймиковъ по поводу перемѣны въ правленіи и какихъ пословъ выберутъ для составленія Избы въ двойномъ числѣ. Булгаковъ работалъ черезъ своихъ агентовъ. Императрица писала къ нему: «какъ для отвращенія разныхъ вредныхъ новостей, такъ и для умноженія пригвѣляющихъ къ видамъ нашимъ нужно дѣйствовать по провинціямъ, но сіе надлежитъ производить вамъ подъ рукою черезъ посредство друзей вашихъ; для расходовъ въ подобномъ случаѣ потребныхъ назначено отъ меня въ распоряженіе ваше пятьде-

¹⁾ См. выше, февр. 685; мар. 154; апр. 618; май, 198; июнь, 559—307 стр. .

²⁾ См. Источн. №№ 8, 15, 18, 21, 28, 35, 36, 76, 78, 81, 94, 118.

сятъ тысячъ червонцевъ, на которые кредитивъ при семь вложенъ, включая въ то число и тѣ двадцать тысячъ червонцевъ, что вамъ отъ князя Григорія Александровича дозволено употребить и во ихъ сумми вѣдомству его надлежащія возвратить слѣдуетъ. Имѣвъ опыты вашей бережливости въ казенныхъ издержкахъ, знаю, что вы оную въ полной мѣрѣ соблюсти не оставите». Булгаковъ до вѣрять друзьямъ своимъ настраивать сеймики такъ, какъ нужно было Россіи, но замѣчалъ въ своихъ донесеніяхъ правительству, что число этихъ друзей пока не велико, но оно могло увеличиться, потому что много было боявшихся наслѣдственнаго правленія, котораго не хотѣла допустить въ Польшѣ Екатерина, и общіе интересы направляли ихъ къ сближенію съ Россіею. Булгаковъ заранѣе обнадеживалъ такихъ поляковъ помощью Россіи въ случаѣ надобности. «Я не отрекись — писала государыня — по востребованію нашихъ пріятелей дать такое ручательство, которое вѣрнымъ образомъ обезпечило бы ихъ бытіе, цѣлость владѣній и свободу учреждать ихъ внутреннія дѣла.» Полезнѣйшимъ для Россіи изъ друзей ея былъ гетманъ Браницкій и не даромъ Екатерина щадила его и простила ему буйныя выходки въ прошлое время, разсчитывая, что онъ со временемъ пригодится ея видамъ. Теперь онъ пригодился. Ему не нужно было давать денегъ: онъ и такъ былъ богатъ по милости Россіи; онъ оорилъ своими деньгами для ея пользы, разослалъ на сеймики своихъ агентовъ волновать шляхту противъ прусской партіи и противъ наслѣдственности. Его жена и сестра, Сапѣга, по замѣчанію Булгакова, много помогали въ этомъ дѣлѣ, несмотря на то, что сынъ послѣдней былъ на враждебной сторонѣ. Тогда Россія боялась болѣе всего замысловъ Пруссіи и Булгаковъ старался главное о томъ, чтобы не выбрали преемникомъ Станиславу Августу прусскаго принца и не утвердили наслѣдственности въ прусскомъ домѣ. Избраніе саксонскаго князя-избирателя не считали дѣломъ опаснымъ: знали, что этотъ кандидатъ не рѣшится идти противъ сильныхъ сосѣдей.

Есть современный разсказъ одного изъ дѣятелей сейма (Михаила Чацкаго), дающій понятіе о томъ, что такое были въ то время сеймики. Этотъ посолъ пріѣхалъ въ свой край, откуда былъ выбранъ, чтобъ настраивать сеймики въ пользу саксонскаго князя-избирателя и, если можно, въ пользу признанія за нимъ наслѣдственности. Онъ узналъ, что партія Браницкаго уже обработала шляхту по-своему и успѣла настроить ее противъ нововведенія до того, что паны братья выходили изъ себя и грозили изрубить саблями всякаго, кто осмѣлится говорить за нарушеніе старинныхъ правъ шляхты избирать себѣ королей. Каза-

лось, патриоту трудно было тутъ что-нибудь подѣлать. Но ему на помощь подоспѣла нѣкая госпожа Цѣшковская. «Васъ не пустить въ сеймовую Избу—сказала она ему—одѣньтесь лакеемъ и станьте на запяткахъ за моею каретою. Мы пройдемъ такимъ образомъ въ городъ». Посоль сдѣлалъ такъ, какъ ему совѣтывали: одѣлся въ ливрею, взялъ подъ мышку воеводскій мундиръ и сталъ на запятки. Шляхта партіи Браницкаго стояла у моста при въѣздѣ въ городъ и не пропускала тѣхъ, о которыхъ знала, что они думаютъ не такъ, какъ ея патронъ. Карета счастливо проѣхала посреди этой толпы, стоявшей съ обнаженными палашами на страхъ всякому противнику. Карета завернула къ знакомому обывателю. Тутъ Чацкій проворно сбросилъ съ себя ливрею, надѣлъ воеводскій мундиръ и вскочилъ въ сеймовую Избу. Собравшая тамъ шляхта, увидя его зашипѣла, закричала. «А, это онъ! зачѣмъ онъ здѣсь! Онъ хочетъ намъ глаза замыливать! къ чорту съ его электоромъ! Какъ можетъ пропасть *liberum veto*—звѣнца шляхетской вольницы». — «Братья шляхта! я прошу голоса! сказалъ смѣлый посоль.» — «Нѣтъ согласія! Нѣтъ согласія!» кричали со всѣхъ сторонъ. — «Уваженіе къ праву», сказалъ Чацкій. — Это вдругъ заставило шляхту опомниться; если не дать голоса одному изъ своей среды, особенно уже избранному послу, тогда значить и каждому шляхтичу могутъ также зажать ротъ. Шляхта считала своимъ важнымъ преимуществомъ то, что всякій изъ ея сословія имѣетъ право свободнаго голоса посреди своихъ собратій по сословію. Собраніе замолчало. Посоль началъ изображать несчастныя послѣдствія мнимой вольности избранія королей, приводилъ разные печальные примѣры изъ исторіи. Шляхта, предубѣжденная заранѣе противъ всѣхъ такихъ доводовъ, теряла терпѣніе; ей, наконецъ, надоѣло слушать оратора; взрывъ криковъ и шиканье прервали его. Казалось все пропало. Вдругъ Чацкому пришла счастливая мысль: «Милѣйшіе братья! сказалъ онъ—вспомните, какъ за покойнаго Саса (короля изъ саксонскаго дома) отцы наши спускали *паса*» (отпускали поясъ, т. е. отжирѣли). То была тогда всѣмъ знакомая пословица. На этотъ разъ она была произнесена до нельзя встать; она понравилась шляхтѣ больше чѣмъ всѣ доводы посла; раздались крики: «да здравствуетъ саксонскій электоръ! Да здравствуетъ будущій король польскій!» пользуясь счастливою минутою, посоль достаетъ изъ кармана заранѣе изготовленный агъ единогласнаго согласія на введеніе наслѣдственнаго правленія въ саксонскомъ домѣ и подаетъ къ подписи. Дѣло повернулось такъ неожиданно. «Вотъ—замѣтилъ Чацкій на какихъ собраніяхъ почиетъ всевластіе народа!» — Въ этомъ событіи, какъ будто выразилась типически вся польская исторія. Достаточно этого при-

мѣра, чтобъ видѣть, какъ мало можно было по мнѣніямъ сеймиковъ заключить о волѣ націи и какъ трудно узнать, въ чемъ состояла воля націи.

Въ брацлавскомъ и волынскомъ воеводствахъ Щенскій Потоцкій и Ржевускій имѣли вліяніе. Тамъ поднялись яростныя крики за старинныя права шляхетской вольности, за избирательное правленіе и *liberum veto*. Повсюду сеймики были бурны. Въ Цѣхановѣ и Добржинѣ во время засѣданій происходили смертоубійства. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ увлекались до того, что опрокидывали алтари въ церкви, когда приходилось присягать новоизбраннымъ посламъ. Браницкій увѣрялъ короля, что не станетъ вовсе мѣшаться въ сеймики, а между тѣмъ его подручники въ разныхъ мѣстахъ работали, чтобъ не допускать перемѣнъ, неудобныхъ Россіи. Также ревностно трудилась, по наказу Булгакова, мать Казимира-Нестора Сапѣги и истощала свое обычное искусство, чтобы повредить дѣлу, за которое такъ отличался въ Избѣ ея сынъ. Адамъ Чарторыйскій, по извѣстію Булгакова, истратилъ двадцать тысячъ червонцевъ на подготовку шляхты къ наслѣдственному правленію и къ уничтоженію *liberum veto*, но мало успѣлъ въ Люблинѣ, гдѣ у него, однако, была партія. Впослѣдствіи поляки увѣряли, будто въ то время большинство сеймиковъ высказывалось за наслѣдство и за реформы, но современныя извѣстія показываютъ не то. По единогласнымъ извѣстіямъ англійскаго посланника Гэльса, русскаго Булгакова и сеймоваго посла Сухоржевскаго только пять сеймиковъ соглашались тогда на введеніе наслѣдственнаго правленія. Король въ письмахъ своихъ къ Букатому въ Лондонъ и къ Малаховскому (племяннику маршала) въ Дрезденъ называетъ три коронныя сеймики: краковскій, плоцкій и кievскій, которые сказались за наслѣдство. Остальные два были литовскіе. Зато многіе выразительно объявили свое желаніе держаться старины и поручили своимъ посламъ наблюдать, чтобъ свято сохранялась зѣница шляхетской вольности—избирательное правленіе. Всѣ сеймики однако, исключая волынскаго, согласились на избраніе преемника Станиславу Августу въ особѣ саксонскаго князя-избирателя, Фридриха Августа. Задушевная мысль Игнатія Потоцкаго о соединеніи Польши съ Пруссіею подъ единою короною не могла быть оглашена на сеймикахъ. Поляки, жившіе въ своихъ воеводствахъ и повѣтахъ, были такъ мало подготовлены къ тому, что замышлялось въ варшавскихъ кружкахъ, что за подобное заявленіе можно было заплатить головою. Какъ тогдашнее настроеніе шляхетскаго общества было далеко отъ преобразовательныхъ затѣй, которымъ предавались въ Варшавѣ, можно видѣть изъ того,

что на многихъ сеймикахъ разомъ раздались желанія о возстановленіи іезуитовъ. Почти во всѣхъ инструкціяхъ были выходы противъ принятой системы воспитанія, нападали на эдукаціонную комиссію, заявляли мысль, что надобно ее уничтожить, возвратить въ казну фонды, обращенные на воспитаніе и самое воспитаніе юношества отдать снова въ руки монахамъ. Къ этому располагали шляхетство монахи, которые тогда боялись, чтобъ свободомысліе не стало господствовать въ Польшѣ въ такой степени, какъ во Франціи, и не рѣшились бы закрыть монастыри. Ксендзь Лускина, передъ началомъ сеймиковъ, помѣстилъ въ варшавской газетѣ соображенія о томъ, что польскіе эксъ-іезуиты примутъ на себя даровое обученіе. Въ подобномъ духѣ говорили бернардины и францисканы и внушали шляхетству опасеніе, что если воспитаніе не возвратится въ руки монаховъ, то охладится религія, распространится зловерное безбожіе. Отцы боялись за дѣтей, за спасеніе ихъ душъ. Прежній способъ обученія у монаховъ имъ казался привлекательнѣе и достойнѣе шляхетнаго званія; они сами, такимъ образомъ, были воспитаны въ свое время.

Новые послы собрались въ назначенному времени. Сеймъ открылся въ удвоенномъ числѣ. Всѣхъ участвовавшихъ, съ сенаторами, по комплекту должно было находиться болѣе 500 человекъ. Въ первыхъ дняхъ стало замѣтно склоненіе на сторону Россіи. Тогда многихъ раздражило требованіе Пруссіи объ уступкѣ городовъ и потому они были недовольны Пруссією, а уступчивость Россіи, оказанная въ послѣднее время, побуждала ихъ вѣрить, что теперь Россія оставила свои прежніе виды на подчиненіе Польши. Большинство новыхъ пословъ было противъ наслѣдственнаго правленія: оно не сходилось съ ихъ завѣтными понятіями о свободѣ; писанія Ржевускаго имъ болѣе приходились по вкусу, чѣмъ доводы прогрессистовъ. Это обстоятельство сближало ихъ на ту пору съ Россією, о которой знали, что она не хочетъ наслѣдственнаго правленія въ Польшѣ и благопріятствуетъ старшляхетской свободѣ. Притомъ же и между новыми послами, какъ и между старыми, очень много было падкихъ на чужое золото, готовыхъ усвоивать свою совѣсть тѣмъ, что если берутъ деньги, то отъ друзей ихъ отечества и, служа имъ, не дѣлаютъ ничего вреднаго отечеству. «Прежде—писалъ Булгаковъ тотчасъ по открытіи сейма—нужны были деньги для настроенія сеймиковъ; теперь сеймики оюнчились; полезно употреблять эти деньги для пословъ, коихъ надобно будетъ обращать на истинный путь, а можетъ быть иныхъ и содержать.» Многіе изъ этихъ пословъ, взявши подачку, только тѣмъ и отслуживали ее, что не ходили въ Избу вовсе и, если не помогали, то не мѣшали. Значитель-

ное число тогдашнихъ пословъ содержалъ Браницкій у себя въ домѣ; онъ же ихъ и на сеймикахъ выбралъ; нѣкоторые изъ тѣхъ, которыхъ онъ выбралъ, стали, однако, дѣйствовать противъ него въ послѣдствіи.

Изъ донесеній Булгакова видно, однако; что русскій посланникъ не очень былъ расточителенъ, какъ говорили о немъ иностранцы. «Нечего бросать деньги въ воду», выражался онъ и не истрчивалъ того, что государыня ассигновала на раздачу за услуги Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, было неблагоразумно платить деньги за то, что и безъ денегъ достигалось ¹⁾. На польское расположеніе, какъ и на польскую вражду въ то время нельзя было разсчитывать. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ было страшное озлобленіе противъ Россіи и склоненіе къ Пруссіи, теперь уже недовольны были Пруссіею и склонялись къ Россіи. Прусскій уполномоченный, замѣнившій временно Люккезини, въ 1790 году, писалъ въ это время къ Герцбергу, что тотчасъ, послѣ удвоенія сеймовой Избы, послы казались расположенными болѣе къ Россіи, чѣмъ къ Пруссіи. «Сходство характеровъ, — писалъ онъ — единство происхожденія, близость языковъ, воспитанія нравовъ и интересовъ и даже самая религія внушаетъ полякамъ болѣе довѣрія къ русскимъ, чѣмъ къ пруссакамъ. Послѣдніе для нихъ — всегда ненавистные нѣмцы», но какое-нибудь непредвидѣнное обстоятельство могло вдругъ отвратить умы и сердца отъ Россіи, что и сдѣлалось очень скоро. Убѣжденія и симпатіи поляковъ быстро и легко мѣнялись, особенно тамъ, гдѣ имъ недоставало ни основательнаго знанія вещей, ни навыка. Англійскій посланникъ такъ очертилъ новыхъ пословъ: «Многіе изъ нихъ проводили время въ деревенскихъ занятіяхъ; теперь они брошены на необычное для нихъ поле политики. Вслѣдствіе крайняго невѣжества въ дѣлахъ, между ними господствуетъ взаимное недовѣріе, подозрительность и крайняя безтолковщина. Иностранный министръ, имѣющій здѣсь дѣла, долженъ толковать съ тремя или четырьмястами особъ, которые не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о состояніи своей собственной страны и объ интересахъ чужихъ краевъ».

Завзятые сторонники Пруссіи стали кричать, что значитель-

¹⁾ Кромѣ разныхъ одновременныхъ подачекъ, въ концѣ 1790 г. Булгаковъ выдалъ полковнику Островскому за полгода 60 черв., королевскому секретарю Фризу, за сообщеніе секретныхъ свѣдѣній, 90 черв., совѣтнику двора Юзофовичу 100 черв. въ треть, гнѣзненскому каштеляну Мясковскому 200 черв., за полгода, г-жѣ Гумецкой 600 черв. за полгода, Боскампу 500 черв. за полгода, Захаревичу, регенту брестскаго куявскаго суда 280 черв. за сообщеніе разныхъ бумагъ и за сочиненіе брѣшны противъ наслѣдственности.

ная часть новыхъ пословъ подкуплена Россією. Казимиръ - Несторъ Сапѣга подаль проесть, чтобъ члены сейма произнесли присягу въ томъ, что не брали и не будутъ брать пенсіоновъ отъ иностранныхъ дворовъ. Послы равскаго и брестъ-литовскаго воеводства поддерживали его. Но ему возражали: «это недостойно представителей свободной націи, которая должна понимать свои обязанности на основаніи чувства чести, а не по присягѣ. Развѣ страшнѣе нарушить присягу, чѣмъ употребить во зло довѣріе своихъ избирателей? Есть обязанности не для всѣхъ общія, обязанности служебныя: тамъ понятна присяга. Человѣкъ принимаетъ ихъ на себя и долженъ исполнять ихъ столько, сколько требуетъ долгъ, сопряженный съ ихъ принятіемъ; но есть обязанности общія для всѣхъ и для всѣхъ неизбѣжныя, напр., почитать родителей, не красть и т. д. Можно ли кого-нибудь приводить къ присягѣ въ исполненіи такихъ обязанностей? Это имѣло бы таковой смыслъ, что безъ присяги можно дѣлать то, чего нельзя дѣлать давши присягу». Король присталъ къ противникамъ Сапѣги. Проектъ былъ отвергнутъ большинствомъ 130 противъ 109. Но потомъ поданъ былъ проектъ о томъ, чтобъ тотъ, кто впередъ будетъ брать пенсіоны отъ иностранныхъ дворовъ, подвергался смертной казни. Если проектъ о присягѣ можно было отстранить благовидными соображеніями, то проекта о назначеніи смертной казни за взятіе пенсіоновъ невозможно было недопустить. Онъ обратился въ законъ. Виновный подвергался смертной казни, доноситель награждался восьмою частию его имущества, но подвергался той же казни, если бы доносъ оказался ложнымъ. Этому осужденію не поддавали тѣ, которые отъ иностранныхъ державъ получали пенсіоны за нахождение въ службѣ въ этихъ державахъ или же въ видѣ вознагражденія за доходы въ тѣхъ частяхъ Польши, которыя отошли отъ ней по первому раздѣлу. Это было первое торжество прогрессивнаго направленія въ удвоенной Избѣ. Наступило другое.

Консерваторы стали жаловаться на то, что въ печати появляются статьи предосудительныя для чести нѣкоторыхъ особъ и подняли вопросъ о томъ: можно ли редактору газеты подъ названіемъ «Gazeta narodowa u obca» дозволить печатать рѣчи, произнесенныя на сеймѣ? Примѣръ Франціи оказывалъ вліяніе на умы и въ подражаніе французской гласности вопросъ рѣшенъ утвердительно.

Въ январѣ 1791 года, въ Избѣ стали толковать: съ чего слѣдуетъ начать разсмотрѣніе проекта новой конституціи: съ правъ кардинальныхъ или съ формъ правленія по частямъ, отдѣльно. Шляхетская партія, трепетавшая за избирательное прав-

леніе и *liberum veto*, стояла въ этомъ случаѣ за кардинальныя права, и желала, чтобы прежде всего провозглашены были эти два основанія старошляхетской свободы, и далѣе не было бы мѣста толкамъ объ ихъ измѣненіяхъ. Противники доказывали, что прежде всего нужно устроить порядокъ и опредѣлить значеніе сеймиковъ, какъ главнаго рычага законодательства: кардинальныя же права сами собою уяснятся и опредѣлятся, когда будетъ установлена форма правленія. Доказательства патриотовъ взяли верхъ; большинствомъ 174 противъ 89-ти рѣшено было начинать разсмотрѣніе проекта конституціи съ вопроса о сеймикахъ, а не съ вопроса о кардинальныхъ правахъ. Прогрессивная партія еще разъ вышла съ побѣдою. Тоже было и 19-го января по поводу новой комедіи Нѣмцевича, подъ названіемъ «Возвращеніе посла».

Комедія эта сыграна была въ первый разъ 15-го января. Она была написана именно съ цѣлю возбудить въ публикѣ наклонность къ реформамъ и къ уничтоженію *liberum veto*. Авторъ вывелъ на сцену два типа своего времени: старосту — сторонника старошляхетской рутины и пана Шарманскаго, пустого щеголя, любителя забавъ и амурныхъ дѣлъ. Въ уровнѣ съ послѣднимъ поставлена жена старосты, отгулявшая кокетка, со всею пустотою, легкомысліемъ и безнравственностію модной барыни такого разряда. Имъ всѣмъ въ противоположность выведенъ честный и умный старикъ подкоморій съ доброю супругою, и ихъ сынъ Валерій, посоль на сеймѣ. Драматизмъ пьесы состоитъ въ томъ, что пріѣхавшій во время лимиты сейма домой посоль хочетъ жениться на дочери старосты, отъ перваго брака, Терезѣ. Мачиха этому препятствуетъ и хочетъ выдать падчерицу за Шарманскаго; но такъ какъ староста скупъ, а Шарманскій, истасканный женолюбецъ, думаетъ только о приданомъ, то дѣло не клеится и устраивается желанный бракъ Валерія съ Терезою. Содержаніе пьесы бѣдно, но она замѣчательна по современнымъ идеямъ и намекамъ на пороки и предрасудки тогдашняго общества. Староста — представитель тѣхъ началъ, съ которыми приходилось бороться въ Избѣ прогрессивной партіи. «Богъ знаетъ — говорить въ пьесѣ это лицо — что это сеймъ выдѣлываетъ? къ чему это правленіе, къ чему эти перемѣны? Развѣ намъ плохо было до сихъ поръ. Развѣ предки наши были безъ ума? Развѣ мы не были сильны подъ ихъ уставами? развѣ мы не благоденствовали при Августаяхъ? Какой былъ дворъ! Какіе трибуналы! Человѣкъ — ѣлъ, пилъ, ничего не дѣлалъ и карманы его были полны. Теперь все измѣняется, все портится; злодѣи посягаютъ на *liberum veto* — зѣницу шляхетской свободы. А прежде, безъ всякихъ интригъ, безъ всякой измѣны, каждый

могъ прервать ходъ сейма, каждый держалъ въ рукахъ судьбу отечества. А кому отъ этого было дурно? Напротивъ: можно было за это достать нѣсколько деревенекъ. А теперь достанешь? Какъ бы не такъ. Новомодныя головы выдумываютъ какую-то стражу, какой-то готовый сеймъ. Это чисто поле для деспотизма». Бесѣдуя съ подкоморіемъ о наслѣдственности королевскаго достоинства, староста сказалъ: «Никому не совѣтую заикаться объ этомъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ ужасныхъ приключеній. Когда я былъ въ трибуналѣ въ Радомѣ, одинъ молодецъ вздумалъ пощеголять своимъ просвѣщеніемъ и началъ говорить противъ вольнаго избиранія королей; мы тогда выходили изъ-за стола и бросились на него съ саблями. Насъ было много. Онъ чуть живъ остался, получивъ ударовъ пятнадцать по головѣ, и потомъ жидъ цирюльникъ шивалъ ему шелкомъ оба уха. Послѣ того уже онъ не совался съ этимъ.» — Хорошъ способъ убѣжденія! сказалъ подкоморій. — «А зачѣмъ же имѣть такія глупыя понятія — сказалъ староста — и желать повергнуть народъ въ рабство посредствомъ наслѣдственнаго правленія. Кому польза отъ наслѣдственнаго правленія? Король сегодня умереть, а завтра сынъ его вступить на престолъ, и все останется спокойно, какъ прежде бывало. Въ алекцію же каждый стоитъ за своего претендента, всѣ садятся на коней; паны составляютъ партіи. Одинъ панъ говоритъ мнѣ: будь со мною, любезный панъ Петръ. Я тебѣ дамъ въ державу деревню. Другой же панъ проситъ, чтобы я съ нимъ былъ и даетъ мнѣ имѣніе въ заставу. Третій предлагаетъ мнѣ денежную сумму. И вотъ человекъ такимъ образомъ разживается. Правда, доходило, бывало, и до волосотрепья: такъ было по смерти Августа II; одни за саксонскаго принца, другіе за Лещинскаго, и жгутъ одни другимъ села. Да чтожь тутъ за бѣда! Придетъ иностранное войско и все усмирить, а потомъ амнистія, и тутъ панамъ булавы раздаютъ и должности, а шляхтѣ войтовство, обѣщанія, ласки»...

Подкоморій, защищая дѣйствовавшій сеймъ, говоритъ:

«Чернить сеймъ вошло уже въ обычай. Онъ не сдѣлалъ столько, сколько могъ бы сдѣлать — это уже всѣмъ извѣстно; но примите во вниманіе множество затрудненій и тогда надобно будетъ благодарить его за то, что имъ сдѣлано. Мы уже болѣе не подчиняемся чуждому владычеству, какъ было года два тому назадъ. Мы были слабы, угнетены, несогласны между собою; иностранцы насъ не знали или не хотѣли знать; теперь же возвращены народу его слава и уваженіе, обыватель съ радостію платитъ подати, свободный союзъ возвратилъ намъ честь; теперь у насъ есть союзникъ, а прежде былъ надъ нами владыка;

возрастаетъ наше войско, исполненное благородной отваги: посмотрите на эти почтенные ряды юношества въ вооруженіи; казна наша пополняется золотомъ, арсеналь орудіями, для Польши наступаютъ блистательныя времена». Подкоморій въ концѣ пьесы произноситъ такія слова: «настоящій день для меня священъ и радостенъ. Пусть онъ ознаменуется счастьемъ тѣхъ, которые насъ кормятъ трудомъ своимъ — честныхъ земледѣльцевъ; съ настоящаго дня превращается у меня ихъ зависимость. Я объявляю свободу всѣмъ моимъ крестьянамъ.» Эти послѣднія слова были воззваніемъ къ дворянству, напоминавшимъ, что пора пришла постѣдовать такому совѣту, внушаемому духомъ времени.

Пьеса была встрѣчена съ восторгомъ. Похвалы сейму и королю вызвали овацію въ честь короля, который находился при представленіи и кланялся изъ ложи народу. На другой день представленіе повторили: когда вошелъ въ ложу маршалъ Малаховскій — раздались продолжительныя рукоплесканія и крики, выражавшіе уваженіе къ его особѣ и признательность за труды. Рѣдки бывали случаи, чтобъ театральная пьеса имѣла такое громадное вліяніе на умы общества, какъ эта. Она сразу перемѣнила многихъ, настроила иначе и обратила помыслы къ прогрессивной сторонѣ. Замѣтно было, что именно съ появленія этой пьесы опять начали ругать москаля, относиться дружелюбно къ Пруссіи и думать высоко о своихъ подвигахъ; распространилась увѣренность, что Польша поправилась и усилилась. Пьеса эта сдѣлала больше, чѣмъ многія рѣчи и убѣжденія. За то упрямые консерваторы съ самаго появленія этой пьесы возненавидѣли ее отъ всей души и Сухоржевскій, въ засѣданіи 18 января, выступилъ противъ нея съ грозною рѣчью. Говорятъ, что тогда нѣкоторые члены сейма подстрекнули его на эту выходку смѣха ради: «я обвиняю автора — говорилъ онъ — за то, что онъ унижилъ и осмѣялъ народное право свободнаго выбора королей и восхвалилъ наслѣдственность престола, т. е. кандалы для всѣхъ насъ. Зачѣмъ тогда, когда расхищали нашъ край, не возбуждали насъ на театрѣ къ защитѣ отечества, къ возрожденію старопольскаго мужества, зачѣмъ не играли тогда комедіи «Мать Спартанка» или другой пьесы «Единственный сынъ»? Когда я поѣхалъ въ Пулавы на спектакль, надо мной смѣялись. Теперь же, когда играется комедія, въ которой восхваляется наслѣдственность правленія, кричатъ: «браво, авторь!» Обращаюсь къ тебѣ, публика: въ оное тяжелое время, когда капуцинъ говорилъ съ амвона: защищайте отечество, его стащили и посадили въ тюрьму. Зачѣмъ, публика, ты тогда не кричала: браво, проповѣдникъ! а теперь ты кри-

чишь: bravo, авторъ! сама суди, публика, справедливъ ли я? Предлагаю огласить врагомъ отечества всякаго, кто станетъ говорить или писать за наслѣдственное правленіе и прошу господь, маршаловъ созвать сеймовыхъ судей для суда надъ авторомъ комедіи: «Возвращеніе посла».

Никто не отозвался одобрительно на эту рѣчь. Не поддерживали Сухоржевскаго думавшіе съ нимъ одинаково. Многие зажимали себѣ ротъ отъ смѣха. Потомъ заявлены были просьбы въ маршалу обратитъ совѣщанія Избы въ другимъ дѣламъ. Неудача Сухоржевскаго придала бодрости противной сторонѣ.

22-го февраля удалось литовскому послу Кицинскому провести законъ объ отмѣнѣ постановленія 1768 года, по которому всѣ статьи, слѣдующія во введенію въ законодательство, непременно должны были обсуждаться не иначе, какъ въ полномъ собраніи, а не въ комиссіяхъ: отъ этого сеймъ занимался мелочами. Сверхъ того, для порядка занятій установили, чтобъ одну недѣлю сеймъ занимался устройствомъ формы правленія, а другую посвящали дѣламъ финансовымъ, военнымъ и воспитательнымъ. Съ этихъ поръ, въ назначенныя по этому правилу недѣли, сеймъ принялся за разсмотрѣніе проекта о сеймикахъ.

Пруссія опять начала работать надъ своимъ дѣломъ; прусская дипломатія соперничала въ Варшавѣ съ русскою. Въ пользу Пруссіи распущена была брошюра на французскомъ языкѣ: Mémoire sur les affaires actuelles de la Pologne. Она, какъ говорили, написана была Гельсомъ. Противники, по наущенію Булгакова, тотчасъ распустили другую брошюру: Examen d'une brochure intitulée mémoire etc. и тамъ доказывали, что полякамъ никакъ не слѣдуетъ отдавать Пруссіи городовъ, особенно приморскихъ. Игнатій Потоцкій всячески старался склонить соотечественниковъ на такую уступку; онъ былъ твердо убѣжденъ и убѣждалъ другихъ, что у Польши былъ только одинъ надежный союзникъ — прусскій король и его надобно во что бы то ни стало задобрить. «Медлить намъ не слѣдуетъ — говорилъ онъ — теперь Польша отъ Россіи уже безопасна, Россія занята войною съ Турціей и поэтому находится въ недружелюбныхъ отношеніяхъ съ европейскими державами, намъ нужно этимъ пользоваться». Люквезини былъ въ Турціи; въ Польшу доходили слухи, что этотъ другъ ея старается о водвореніи мира между Россією и Турцією, а это было противно видамъ прогрессивной партіи. Можно было предвидѣть, что когда Россія помирится съ Турцією, то на Пруссію плоха будетъ надежда, если только Польша не удовлетворитъ ея желанію заранѣе. Такъ разсчитывалъ Игнатій Потоцкій. Прежде онъ былъ закоренѣлый врагъ Станислава

Августа, теперь отношенія ихъ измѣнились. Игнатій поддѣлался къ пани Грабовской, а король всегда поддавался вліянію тѣхъ женщинъ, которыми былъ увлеченъ. Былъ у Игнатія еще другой путь сближенія со Станиславомъ Августомъ: у послѣдняго въ милости былъ итальянецъ аббатъ Пьятоли, проповѣдникъ новыхъ идей свободы и равенства, вольнодумецъ, другъ человѣчества. Король очень полюбилъ его: итальянецъ плѣнял его своимъ живымъ нравомъ и остроуміемъ. Съ нимъ подружился Игнатій и они оба направляли чувства и убѣжденія короля. Это было для нихъ тѣмъ удобнѣе, что они, внушая ему свои мысли и предположенія, въ то же время держались такъ, что королю казалось, будто все отъ него исходитъ, будто онъ имѣетъ на нихъ вліяніе, а не они на него. Вмѣстѣ съ королемъ, до извѣстной степени сблизились съ Игнатіемъ и Пьятоли люди королевской партіи. Дѣйствуя въ то же время на кружокъ пословъ прогрессистовъ, Игнатій рассчитывалъ, что силой своего краснорѣчія ему удастся склонить сеймъ въ отдачу городовъ; онъ находилъ нужнымъ заранѣе расположить къ Польшѣ прусскаго короля и поселить въ немъ увѣренность, что поляки исполнятъ его желаніе. На посланника Рѣчи-Посполитой въ Берлинѣ, князя Яблоновскаго, Игнатій не смѣлъ положиться; Яблоновскій былъ тогда влюбленъ въ Стецкую, дочь сѣрадскаго воеводы Валевскаго, который былъ сторонникъ Браницкаго. Этого казалось довольно, чтобъ заподозрить искренность Яблоновскаго. Потоцкій выбралъ для своей цѣли пана Морскаго и поручилъ ему, отправившись въ Берлинъ, довести до свѣдѣнія прусскаго короля, что несмотря на нѣкоторую оппозицію, возбуждаемую Россією, онъ, Игнатій, доведетъ сеймъ до того, что города Гданскъ и Торунъ будутъ отданы Пруссіи. Въ Берлинѣ поняли это совсѣмъ не такъ какъ хотѣлось Потоцкому. Тамъ показалось, что Потоцкій увѣряетъ въ томъ, въ чемъ самъ не увѣренъ, хочетъ обмануть Пруссію лстивыми обѣщаніями и подвинуть на какой-нибудь шагъ въ пользу Польши, а потомъ обѣщаніе можетъ и не исполниться. Въ мартѣ случилось событіе, повредившее надеждамъ Потоцкаго расположить сеймъ въ пользу Пруссіи. Война изъ Вѣны доносилъ, что прусскій посланникъ при императорскомъ дворѣ сообщалъ этому двору, что его король готовъ пособить императору въ приобрѣтеніи земель и выгодъ насчетъ Турціи, если императоръ съ своей стороны согласится на присоединеніе къ Пруссіи нѣсколькихъ земель отъ Польши. Депутація иностранныхъ дѣлъ, получивъ такое извѣстіе, обратилась за объясненіемъ къ прусскому министру. Гольцъ отвѣчалъ, что въ его инструкціяхъ нѣтъ ничего указывающаго на что-нибудь подобное, и, вѣроятно, Война присылаетъ

такія выдуманныя извѣстія съ цѣлью посѣять подозрѣнія въ искренности прусскаго короля. Въ заключеніе онъ обѣщалъ объ этомъ справиться у своего правительства. Пока Гольцъ справлялся, въ публикѣ распространилось извѣстіе, сообщенное Вѣдьюно и возбудило безпокойство и толки. На сеймѣ стали требовать чтенія депеши.

Депутація иностранныхъ дѣлъ отговаривалась тѣмъ, что нельзя давать гласности дипломатическимъ сношеніямъ.

«Какъ!—возражали послы—не давать гласности такому предмету, о которомъ повсюду кричать».

Напали на маршала Малаховскаго, которому еще недавно оказывали большіе знаки вниманія, и даже прекращали сеймовыя засѣданія по поводу смерти и погребенія жены его. Теперь его обвиняли за то, что огласилъ слухъ, сообщенный Вѣдьюно.

«Еслибъ и такъ было — говорили сторонники маршала — то въ этомъ нѣтъ вины: пусть грозящая опасность будетъ всѣмъ извѣстна; тѣмъ лучше: всѣ будутъ осторожны».

«Никакой опасности нѣтъ — говорилъ Малаховскій — никто не затѣваетъ раздѣла Польши; депеши Вѣдьюны не имѣютъ оффиціальнаго значенія».

«Я не думаю, — сказалъ Игнатій Потоцкій — чтобы мысль о раздѣлѣ могла безпокоить просвѣщенную публику. Извѣстно, что между Пруссіею и Австріею нѣтъ согласія и довѣрія. Слухи о предположеніяхъ насчетъ раздѣла Польши распускаются съ цѣлью отвлечь насъ отъ вѣрнаго и сильнаго союзника».

Малаховскому и Потоцкому удалось успокоить Избу, но не надолго. Въ публикѣ продолжали ходить зловѣщія слухи и толки. Говорили, что Пруссія хлопочетъ о примиреніи Россіи съ Турціею именно для того, чтобы вмѣстѣ съ Россіею накинуться на Польшу; Россія скоплетъ войска въ Бѣлой Руси; въ Пруссіи также дѣлаются военныя приготовленія. Изъ частныхъ собраній эти толки переходили въ сеймовую Избу. Арбитры, постоянно наполнявшіе залу засѣданія, заставили пословъ своими криками прекратить занятія внутренними дѣлами и приняться снова за политическія пренія. Витебскій каштелянъ Ржевускій требовалъ, чтобъ депутація объявила о содержаніи депеши Вѣдьюны. Матушевичъ, самъ будучи однимъ изъ членовъ депутаціи, возражалъ ему такъ: «если всѣ получаемыя депеши читать на сеймѣ, тогда нѣтъ нужды и въ депутаціи иностранныхъ дѣлъ. Никакой иностранный кабинетъ не довѣритъ депутаціи тайны, зная, что тайна эта тотчасъ станетъ извѣстна. Я требую, напротивъ, чтобъ члены депутаціи, подъ опасеніемъ смертной казни, хранили вѣренную тайну».

Игнатій Потоцкій и маршалъ Малаховскій опять увѣрили, что нѣтъ никакихъ основательныхъ свѣдѣній о раздѣлѣ, и опять превозносили великодушіе и благородство прусскаго короля.

Среди такихъ тревожныхъ толковъ депутація получила отъ Гольца ноту отъ 25 марта, опровергающую слухи о коварствѣ Пруссіи.—«Его величество прусскій король—было сказано въ этой нотѣ—останется навсегда въ дружбѣ съ Польшею и будетъ поддерживать цѣлость ея владѣній». Самъ прусскій король написалъ къ польскому письмо и въ немъ выразился, что не можетъ скрыть своего удивленія: какъ могли поляки съ такимъ довѣріемъ принимать нелѣпые слухи?

Между тѣмъ, къ досадѣ сторонниковъ Пруссіи, извѣстія изъ Вѣны подтверждались извѣстіями изъ Константинополя: оттуда писали, что прусскій посланникъ при турецкомъ дворѣ, баронъ Кнобельдорфъ, объявилъ, что Пруссія соглашается на заключеніе мира Турціи съ Россіею безъ вмѣшательства другихъ державъ. Нерасположенные къ Пруссіи члены депутаціи толковали, что тутъ видна со стороны прусскаго короля хитрость, онъ оставляетъ себѣ на будущее время возможность сойтись съ Россіею во вреду Польши. Друзья Пруссіи указывали на безкорыстіе прусскаго короля, который объявлялъ уже, что никакъ не домогается Гданска и Торуня, иначе какъ только тогда, когда поляки сами найдутъ для себя выгоднымъ отдать эти города.

Между тѣмъ занятія финансовыми вопросами невольно повернули самый сеймъ къ роковому вопросу объ уступкѣ городовъ. Депутація иностранныхъ дѣлъ имѣла порученіе продолжать сношенія по вопросу о торговомъ договорѣ съ Пруссіею, при посредствѣ англійскаго и голландскаго министровъ, и выхлопотать черезъ нихъ отъ Пруссіи свободный провозъ товаровъ, льготы для склада ихъ и новый тарифъ съ пониженіемъ пошлинъ. Но Гельсъ и Рэде повторили тоже, что говорили прежде, именно, что заключить договоръ съ Пруссіею, выгодный для Польши въ торговомъ отношеніи, иначе нельзя, какъ съ уступкою городовъ, но крайней мѣрѣ хоть одного Гданска.

31 марта, депутація донесла сейму, что она не можетъ продолжать переговоровъ о торговомъ трактатѣ, такъ какъ уступка Гданска посредствующими сторонами ставится неизбѣжнымъ условіемъ, а депутація уже получила отъ сейма инструкцію ни въ какомъ случаѣ не касаться этого. Въ началѣ апрѣля, вопросъ этотъ занималъ сеймъ нѣсколько дней сряду. Споры доходили до того, что послы стали вызывать другъ друга на поединокъ.

Король боялся слишкомъ раздражать съ одной стороны иностранныхъ министровъ, домогавшихся уступки, а съ другой про-

тивниковъ, стоявшихъ за цѣлость и неприкосновенность предѣловъ Рѣчи-Посполитой, и потому былъ ни за уступку, ни противъ уступки. Противники говорили такъ: «уже состоялся законъ, по которому сеймъ лишилъ самъ себя права отчуждать безъ единогласія земли Рѣчи-Посполитой. Этотъ законъ положено включить въ число кардинальныхъ; слѣдовательно толковать нечего: депутаціи остается объявить прямо на чистоту, что уступка Гданска не можетъ служить основою дальнѣйшимъ сношеніямъ».

Члены, хотѣвшіе избрать примирительный путь между двумя противными сторонами, говорили: «пусть послѣднее слово о Гданскѣ отложится на будущее время, а сношенія идутъ своимъ чередомъ: прежде пусть покажутъ намъ, какія выгоды можетъ извлечь Польша изъ торговаго договора съ Пруссіею».

«Нечего толковать, — продолжали противники — мы понимаемъ, что хотятъ умышленно тянуть дѣло, чтобъ рано или поздно сдѣлать по-своему. Нѣтъ, нѣтъ! теперь же надобно отсѣчь иностраннымъ державамъ всякія надежды на увеличеніе своихъ владѣній насчетъ Польши».

«Единственное средство — возражали имъ — соединиться тѣсно съ государствами, которыя намъ помогутъ утвердить нашу независимость; и если только уступка Гданска есть цѣна такого союза, не будетъ ли уже Рѣчь-Посполитая вознаграждена тѣми выгодами, какія дадутъ ей новыя связи и договоры?»

Враждебныя стороны стали укорять другъ друга въ томъ, что ихъ настроили чужія державы: сторонники отдачи попрекали противниковъ Россіею, послѣдніе первыхъ Пруссіею. Всего задорнѣе кричали противъ отдачи витебскій каштелянъ Ржевускій и иноврацлавскій посолъ Лещинскій. Послѣдній говорилъ по этому поводу длиннѣйшую рѣчь, производившую въ свое время большое впечатлѣніе: въ ней однако почти не было доводовъ а одна риторика. Онъ оканчивалъ свою рѣчь такими словами: «Поляки, если вы отдадите Гданскъ, убѣдившись коварными доводами, то я скажу, что въ нашемъ народѣ нѣтъ честнаго человѣка.»

Наконецъ, по предложенію брацлавскаго посла Вавржецкаго, рѣшено сообщить депутаціи: пусть она объявитъ иностраннымъ посланникамъ, что не имѣетъ никакихъ данныхъ отъ сейма насчетъ уступки Гданска, но ей поручено продолжать сношенія по торговому договору. Городу Гданску объявлена благодарность за вѣрность и привязанность къ Рѣчи-Посполитой.

Прусскій король, получивши такой рѣшительный отказъ, расцель, что такъ или иначе, а Гданскъ долженъ быть въ его рукахъ, и писалъ къ Гольцу, отъ 25 апрѣля: «Поляки черзечуръ

дорожатся своимъ Гданскомъ и уступать его не хотятъ; поэтому, для меня будетъ лучше, когда все останется по старому и они будутъ платить мнѣ высокія таможенныя пошлины, пока сами не убѣдятся въ неправильности своего расчета. Нечего мнѣ предлагать имъ выгоды за выгодами; я останусь въ нейтральномъ положеніи относительно Польши, если она вступитъ въ войну съ Россією, тогда пусть себѣ дѣлаютъ что хотятъ: увидятъ, къ чему дойдутъ». Рассказывали, что Фридрихъ - Вильгельмъ, въ кругу своихъ приближенныхъ, выразился такъ: «Если эти оборвыши задумаются отдать мнѣ Гданскъ и Торунь, то я свяжу имъ руки и ноги и отдамъ Россіи».

Игнатій Потоцкій болѣе не пытался вести тайныхъ сношеній съ прусскимъ королемъ и боялся, чтобъ Морскій не объявилъ о своихъ прежнихъ порученіяхъ; поэтому Потоцкій поспѣшилъ спровадить Морскаго посланникомъ въ Испанію.

Въ то же время Пруссія побаивалась, чтобы Австрія, ея постоянная соперница, не образовала себѣ въ Польшѣ партіи. Дѣйствительно, въ это время видны были нѣкоторыя попытки къ этому; Австрія ласкала поляковъ въ присоединенной къ ней Галиціи, давала имъ льготы, сбавила пошлины за соль, доставляемую въ Польшу. Въ Вѣнѣ отлично принимали пріѣзжавшихъ туда поляковъ и, при случаѣ, мимоходомъ, давали имъ знать, что императоръ Леопольдъ настолько справедливъ и благожелателенъ, что готовъ возвратитъ Польшѣ отобранныя провинціи, еслибы другія государства, участвовавшія въ раздѣлѣ, также поступили. Между поляками мало-по-малу образовывался кружокъ, начинавшій чаять спасенія отъ Австріи. Два знатныхъ пана, Ржевускій и Щенскій Потоцкій, находились тогда въ Вѣнѣ и составляли заговоръ противъ прусской партіи, думая опереться на Австрію въ случаѣ неудачи съ Россією. Княгиня Чарторыская, хотя противныхъ убѣжденій и ревностная сторонница прогрессивной партіи, проживши долго въ Вѣнѣ, въ это время возвратилась въ Варшаву и настраивала тамошнее общество въ пользу Австріи. Именемъ Россіи было сдѣлано косвенное заявленіе въ томъ же родѣ, какъ австрійское. По извѣстію графа Гольца, посланникъ датскаго короля, Буркенъ, сообщилъ Малаховскому и Игнатію Потоцкому, что російская императрица не прочь возвратитъ Польшѣ отобранныя провинціи, еслибы она знала напередъ, какое положеніе приметъ Польша въ случаѣ разрыва между Россією и Пруссією. Крѣпчайшій и неизмѣнный союзникъ Пруссіи, Малаховскій, напрямикъ отвѣчалъ: «Въ такомъ случаѣ Польша будетъ держаться союза съ государствомъ, которому одолжена своею независимостью и тою степенью благо-

состояніи, какой теперь достигла». Эти простодушные слова были сказаны въ то время, когда Гольцъ писалъ своему правительству, что, по его соображеніямъ, въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Пруссіи ничего не оставалось, какъ сблизиться съ Россією насчетъ Польши: иначе послѣдуетъ сближеніе Россіи съ Австрією, во вредъ Пруссіи.

II.

Устройство сеймовъ. — Мѣщанское дѣло. — Городской уставъ ¹⁾.

Въ Избѣ, съ удвоеннымъ числомъ членовъ, раздавались такія же жалобы на медленность работъ, какъ и въ прежней. «Еслибы — говорилъ браковскій посолъ Солтыкъ — поляки жили себѣ на уединенномъ островѣ, то имъ можно было бы сказать: пишете свои законы хоть дѣля столѣтій, останавливайтесь не только надъ словами, но и надъ буреями; но я вижу, что намъ угрожаетъ опасность отъ чужихъ государствъ и боюсь, чтобы мы не заслужили укора отъ нашихъ собратій и презрѣнія отъ иноземцевъ?» «Никогда — замѣчалъ холмскій епископъ Скаржевскій — такъ много не жаловались на потерю времени, какъ теперь и никогда такъ мало не дѣлали, какъ на настоящемъ сеймѣ.» Важнѣйшими вопросами, которые рѣшилъ сеймъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, были устройство сеймовъ и устройство городовъ. Депутація, составлявшая проектъ объ устройствѣ сеймовъ, нѣсколько разъ подавала его и онъ былъ ей возвращаемъ для переправки. Главный предметъ спора состоялъ въ томъ, что проектъ допускалъ къ участію на сеймикахъ только осѣдлыхъ шляхтичей. Старошляхетская партія — послы волынскіе, бресто-куявскіе, минскіе, домогались, чтобы всякій шляхтичъ, по рожденію, имѣлъ на это право. Сначала эта партія взяла-было верхъ и проектъ былъ отвергнутъ большинствомъ 94 противъ 73, а потомъ прогрессисты взяли верхъ и проектъ былъ утвержденъ большинствомъ 101 секретнаго голоса противъ 64. Изъ этого малаго числа присутствовавшихъ въ сеймовыхъ засѣданіяхъ видно, какъ большинство членовъ мало занималось своими обязанностями. Вопросъ о правахъ городовъ нѣсколько разъ уже появлялся и всегда отступалъ передъ взрывами шляхетской исключительности. Въ тогдашней публикѣ онъ сдѣлался живымъ предметомъ разсужденій впрямь и ввось. Люди консервативные

¹⁾ См. Источники, №№ 18, 28, 36, 81, 113.

говорили объ немъ такъ: «До сихъ поръ у насъ не представлялось опасности народныхъ смуть и революцій; нововводители хотятъ подвергнуть Польшу такимъ же несчастіямъ, какія испытываетъ Франція. Слава Богу, теперь одна шляхта имѣетъ доступъ въ законодательству и въ управленію государствомъ. Преспольство въ Польшѣ никогда не имѣло правъ и не домогалось ихъ, а потому и не забурлитъ такъ, какъ французское. А какъ дадутъ мѣщанамъ права, такъ и начнутся смуты. Шляхта всегда захочетъ держать верхъ надъ мѣщанами, а мѣщане будутъ стараться показывать, что они такіе же люди, какъ шляхта. Мѣщане будутъ добиваться мѣсть, а шляхта будетъ стараться отъснять ихъ. Вотъ и возникнетъ вражда между шляхетствомъ и мѣщанствомъ; тогда король, котораго на пущую бѣду хотятъ сдѣлать наслѣдственнымъ, увидитъ возможность увеличить свою власть и приметъ сторону мѣщанства; шляхта будетъ стараться сохранить мѣщанскую свободу, а мѣщанство, на зло шляхтѣ, станетъ съ королемъ за самодержавіе и начнется въ Польшѣ ужаснѣйшая междоусобица». Но не такъ разсуждали люди, подпавшіе вліянію современныхъ европейскихъ идей. Сколько противники ихъ старались отстранить вопросъ о реформѣ городовъ, столько прогрессисты пытались выдвинуть его впередъ. Вопросъ этотъ поднятъ былъ снова 29 марта. Первый внесъ его на сеймъ познанскій посоль Глицинскій: онъ требовалъ распространенія на мѣщанъ закона *peupleм cartivabimus*, дозволить имъ засѣдать въ тѣхъ комиссіяхъ, гдѣ идетъ рѣчь о городскомъ устройствѣ, пріобрѣтать земскія имѣнія, освободить отъ суда старость тѣ города, которые этому суду подлежали, наконецъ дозволить городамъ высылать на сеймъ представителей съ правомъ рѣшенія въ предметахъ, касающихся быта городовъ и торговли. За нимъ сталъ говорить Нѣмцевичъ, пріобрѣвшій значеніе передового человѣка въ прогрессивной партіи послѣ блистательнаго успѣха своей комедіи. «Города имѣли прежде нѣкоторыя привилегіи, теперь забытыя; слѣдуетъ отдать имъ то, что у нихъ отнято и чего они желаютъ. Они желаютъ судиться сами собою. Во всѣхъ свободныхъ странахъ первое право, чтобы каждый судился себѣ равными. Они просятъ участія на сеймахъ. Это не новость. Мы видимъ въ древности ихъ представителей на съѣздахъ, трактатахъ, сеймахъ, видимъ ихъ подписи на важномъ и священномъ актѣ уніи народовъ. Мы хвалимъ уставы нашихъ предковъ; мало ихъ хвалить — нужно ихъ и уважать. Мѣщане хотятъ участвовать въ раскладкѣ податей. Представьте, еслибы на васъ налагали подати король и сенатъ — не кричали бы вы, что васъ отягощаютъ безъ вашего участія? Какъ же мо-

жеть быть не противнымъ для мѣщанъ то, что для васъ не-сносно? Они просятъ дозволить имъ покупать имѣнія. Тутъ нѣтъ ничего дурного. Умножится промышленность, разовьется народная экономія, богатые люди получаютъ привязанность къ родному краю: ничто къ нему такъ не привязываетъ, какъ кусокъ владѣемой земли. Не понимаю, почему имъ не дозволить служить въ войсѣхъ? Отвага и мужество получаютъ отъ природы, а вырабатываются воспитаніемъ и трудомъ. Всякій можетъ имѣть эти достоинства. Пусть всякій имѣетъ право защищать отечество и умирать за него. Часто люди, называемые неродовитыми, спасали свою страну. Кто знаетъ, кто былъ отецъ Вашингтона и дѣдъ Франклина, а всѣ знаютъ, что Вашингтонъ и Франклинъ освободили Америку! Бросьте взоры на разсѣянные города наши. Это не города, а какія-то развалины.... Вездѣ упадокъ, бѣдность, промыслы въ небреженіи; стыдъ намъ, когда смотритъ на все это чужеземецъ. Что подумаетъ онъ о нашемъ правленіи и о нашемъ правосудіи? О вы, воздвигающіе Рѣчь-Посполитую изъ упадка и униженія! Неужели оставите безъ вниманія столько тысячъ обитателей, столько городовъ, которые должны быть источникомъ нашего богатства и украшеніемъ нашего края. Вы сами знаете, какъ необходимо, чтобы они привязаны были къ отечеству и въ священнымъ правамъ его свободы. Пусть же охраняютъ они его вмѣстѣ съ нами. Дайте имъ законы, обеспечивающіе ихъ собственность, личность, свободу: увидите, какъ со всѣхъ сторонъ свѣта стекутся къ вамъ, подъ кроткое ваше правленіе, обитатели честные, промышленные и трудолюбивые и заселятся обширныя степи и дикіе лѣса и болота, до сихъ поръ нетронутые людскою рукою, и зацвѣтутъ у васъ ремесла и искусства, за которыя вы такъ дорого платите иноземцамъ. Въ вашихъ рукахъ заселить и обогатить край, или оставить его навсегда въ запустѣніи и нищетѣ!»

Хитрый епископъ Коссаковский въ этомъ засѣданіи прервалъ преніе о городахъ, обративъ вниманіе на другой предметъ.

Но 6 апрѣля вопросъ возобновился снова. Секретарь депутаціи, составленной для разсмотрѣнія городскихъ привилегій, Эбонинскій, читалъ докладъ этой депутаціи: въ немъ выводилось, что города встарину пользовались правомъ участія въ судопроизводствѣ, законодательствѣ и избраніи королей.

Тутъ начали подаваться разные проекты объ устройствѣ городовъ. Длускій въ своемъ проектѣ совѣтовалъ дозволить мѣщанамъ вступать въ духовное званіе, но только до каноника, а въ военной службѣ дослуживаться только до чина полковника. Платтеръ предлагалъ раздѣлять города на категоріи и каждой кате-

горѣ дать разный объемъ правъ. «Не надобно — говорилъ онъ — допускать города до большаго возрастанія, чтобы одни другихъ не заглушали, и чтобы поселяне не проходили въ города; иначе отъ этого потерпѣть земледѣльческая служба панамъ». Одинъ изъ коноводовъ шляхетской исключительности, троцкій посолъ Савицкій, доказывалъ, что и безъ того шляхетство обазало много милости городамъ. «Посмотрите — вослициалъ онъ — что дѣлаютъ города въ благодарность за это. Ввозятся предметы роскоши, вывозятся капиталы; купцы стараются посворѣе накупить товаровъ, чтобы ихъ подороже продать. Эти люди служатъ болѣе чужимъ, чѣмъ намъ. Хотя притомъ дозволить шляхтѣ заниматься торговлею, ремеслами, торгашествомъ и содержаніемъ шинковъ. Это измѣна рыцарскому званію. Рыцарское сословіе должно вѣдать мечъ да землю и пренебрегать такими низкими занятіями. Законъ, который дозволить это шляхтѣ, зловреденъ и достоинъ уничтоженія. Первый основатель Рима отдалъ шляхтѣ землю, а посполству ремесла и торговлю. У насъ города упали оттого, что торговлю захватили иностранцы. Поголвуемъ о городахъ тогда, когда будемъ говорить о полиціи, а теперь займемся чѣмъ-нибудь другимъ». — «Да — подхватилъ волинскій посолъ Олизаръ — о городахъ толковать бесполезно, какъ и вообще устройствѣ правленія; лучше всего займемся средствами охраненія государства и его безопасности».

«Да, именно безопасность и охраненіе Рѣчи-Посполитой укрѣпляется мѣщанствомъ», сказалъ познанскій посолъ Брониковскій. — «Политическіе виды заставляютъ насъ обратиться къ этому предмету — сказалъ Казимиръ-Несторъ Сапѣга: пусть и Польша испытаетъ революцію, но революцію спокойную. Къ такому враю, какъ нашъ, все прихлынетъ, надѣясь на покровительство законовъ и на свободу. Отчего возрасла Пруссія? Оттого, что въ кровавое время изгнанія гугенотовъ изъ Франціи она приняла къ себѣ богатныя фамиліи и такимъ образомъ водворила у себя ремесла и фабрики».

Король, чтобы заставить сеймъ заниматься городскимъ вопросомъ, отъ котораго хитрецы хотѣли отвлечь его, говорилъ: «При вступленіи на престолъ я присягалъ хранить всѣ старыя права и привилегіи; оказывается, что города ихъ имѣютъ; и я, исполняя свою присягу, побуждаю чины государства возвратить мѣщанамъ то, что имъ слѣдуетъ».

Шляхетные консерваторы то пытались навести сеймъ на пренія о другихъ предметахъ, то открыто шли противъ попытокъ, благопріятныхъ мѣщанамъ. Епископъ Коссаковскій, ни разу не сказавшій слова противъ намѣренія расширить права городовъ,

два раза заговаривалъ о другомъ, а по поводу городовъ сказалъ: «Я особа духовная и стою паче всего за религію». Другіе подхватили это и распространились насчетъ опасности, грозившей католической религіи отъ того, что въ числѣ мѣщанъ много протестантовъ.

«Города будутъ присылать представителей, а не апостоловъ — сказалъ инфлянтскій посоль Кублицкій; — Сигизмундъ-Августъ справедливо сказалъ: «Я король надъ людьми, а не надъ софійскою людью».

«Мѣщане — говорили противники — начнутъ скупать шляхетскія имѣнія и шляхта останется безземельною; кто же тогда на сеймикахъ будетъ, куда безземельные не допускаются?»

«Да развѣ возможно — возражалъ тотъ же Кублицкій — чтобы шляхетское сословіе лишило себя земли, отъ которой зависитъ дѣйствительное право гражданства?»

«Право владѣть земскими имѣніями — шляхетское право изстари — говорили приверженцы старины; — не слѣдуетъ давать другимъ тѣхъ правъ, которые исключительно принадлежатъ одному шляхетству».

«Эти права не шляхетства, а вельможъ — сказалъ познанскій посоль Закржевскій — это право немногихъ фамилій, которыя, захвативъ себѣ правленіе въ странѣ, держали шляхту въ порабощеніи для того, чтобы мы въ нихъ нуждались и поворались имъ. Они-то выдумали для шляхетскаго сословія ограниченія средствъ приобрѣтать хлѣбъ, привязали его исключительно въ одной нивѣ; шляхетскія имѣнія разбились на малые участки и черезъ то многіе шляхетскіе роды не имѣютъ чѣмъ прокормить себя и должны служить панамъ, а собственность общественная, собственность РѢчи-Посполитой, доставшись немногимъ, утѣняетъ аристократовъ. Пора тебѣ, шляхетское сословіе, обратить глаза на себя и свергнуть иго аристократіи; пора тебѣ оградить себя отъ этихъ вельможъ, угрожавшихъ королямъ, сеймамъ и всему народу.»

Волинскіе послы, во всемъ самыя консервативныя, не хотѣли допускать мѣщанъ къ требуемымъ правамъ безусловно. Краковскій посоль Русецкій предлагалъ допустить делегатовъ отъ городовъ только въ низшихъ юрисдикціяхъ, когда разсматриваются дѣла, касающіяся городовъ, притомъ такъ, чтобы некатолики составляли не болѣе четверти числа всѣхъ делегатовъ. «Право голоса ничего не поможетъ, — сказалъ брацлавскій посоль Вавржецкій — они имѣли его и покинули потому, что оно для нихъ было бесполезно. И узникъ въ кандалахъ имѣетъ такой голосъ — онъ вопіетъ о челоуѣколюбіи, да развѣ это облегчаетъ его участь!

Знаю я, какою это былъ голосъ у мѣщанъ до уни: они имѣли право представительства на сеймахъ, а сеймы ихъ не слушали, пока, наконецъ, самимъ городамъ надоѣло это право. Были у насъ тяжелыя времена, внутреннія смятенія—войска московскія, шведскія, австрійскія опустошали край нашъ; шляхта билась съ не пріателемъ — народъ ее не поддерживалъ; народныя громады не заботились о судьбѣ страны и въ такихъ случаяхъ или запирались въ домахъ своихъ, или уходили за границу. Плохая такая свобода, которой лишены миллионы, а защищаютъ только сотни. Соединитесь всѣ—тогда будемъ свободными. Въ какомъ состояніи нашъ край? Безъ военной силы, безъ магазиновъ, намъ придется упасть подъ бременемъ отчаянія и подпасть новому раздѣлу».

Всѣ проекты передали на разсмотрѣніе депутаціи и поручили представить чрезъ недѣлю.

Патріоты, вида, что противники сиятся не допустить пройти мѣщанскому вопросу такъ, какъ бы имъ хотѣлось, устроили планъ овладѣть однимъ изъ вліятельнѣйшихъ лицъ консервативной партіи, Сухоржевскимъ. До сихъ поръ никто горячѣе и неутомимѣе его не стоялъ за шляхетскія преимущества; щеголь въ ораторствѣ, художникъ въ тѣлодвиженіяхъ, недалекаго и мелкаго ума, онъ былъ до крайности самолюбивъ, напыщенъ и хвастливъ, постоянно занятъ самимъ собою; болѣе всего домогался онъ стоять въ челѣ брѹжка, задавать тонъ, увлекать слабѣйшихъ и любоваться своими достоинствами. Иногда онъ, какъ говорится, и осѣбался, какъ это случилось по поводу комедіи Нѣмцевича, но часто увлекалъ за собою приверженцевъ старопольской вольности. Его слабою стороною вздумали воспользоваться и нашли возможность угодить разомъ и его тщеславію и его предрасудкамъ. Ему внушили, что допущеніе мѣщанъ къ правамъ не только не уронитъ шляхетскаго достоинства, но возвыситъ; его убѣдили, что тутъ нѣтъ нововведенія, а напротивъ, возобновленіе старины, которой защитникомъ вообще онъ всегда хотѣлъ казаться. Но болѣе всего польстили его самолюбию, увѣривши, что мѣщане будутъ смотрѣть на него, какъ на своего покровителя, какъ на человѣка, которому будутъ обязаны своими правами, что имя его будутъ благословлять грядущія поколѣнія. Подъ упоеніемъ такихъ надеждъ, Сухоржевскій поддался обольщенію и написалъ отъ себя проектъ. На сеймъ подано было, такимъ образомъ, два проекта. Одинъ составленъ былъ Хребтовичемъ, на основаніи представленныхъ проектовъ, другой былъ произведеніе Сухоржевскаго. Проектъ послѣдняго отличался отъ перваго тѣмъ, что въ немъ, при допущеніи уполномоченныхъ отъ горо-

довъ на сеймъ, не давался имъ рѣшающій голосъ наравнѣ съ послами шляхетскаго происхожденія, тогда какъ въ проектѣ Хребтовича и это право предоставлялось мѣщанамъ. Крѣпкошляхетскія понятія Сухоржевскаго не позволяли ему допустить такого унижительнаго равенства мѣщанъ съ благороднымъ званіемъ; за то Сухоржевскій требовалъ, чтобы уполномоченные на сеймъ, или ассессоры въ комиссіяхъ, или служившіе въ военной и канцелярской службѣ получали нобилитацію, а равнымъ образомъ и тѣ, которые пріобрѣтали земскія имѣнія, дѣлались шляхтичами. Требованіе это, по принципу, не противорѣчило, по крайней мѣрѣ, во внѣшности, давнему обычаю жаловать шляхетствомъ (нобилитовать); это дѣлалось за военныя и политическія заслуги, притомъ не часто, но вѣдь надобно было самымъ упорнымъ сторонникамъ старины дѣлать уступки вѣку; Сухоржевскій же, будучи заѣдлымъ шляхтичемъ, хотѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ слыть просвѣщеннымъ человѣкомъ.

Поступокъ Сухоржевскаго повелъ къ самымъ вождедѣннымъ для патріотовъ послѣдствіямъ. Вся шляхетская партія, увидя, что такая первой величины звѣзда склоняется на сторону городовъ, стала за нихъ; многіе, мало привыкшіе вдумываться въ то, что зависѣло отъ ихъ утвержденія или отрицанія, разсудили, что вѣрно такъ слѣдуетъ, когда мудрый панъ Янъ Сухоржевскій такъ рѣшилъ. Несмотря на то, что во всѣ предыдущія засѣданія, какъ только вносился проектъ закона о городахъ, поднималась шляхетская буря, 16 апрѣля всѣ единогласно приняли проектъ, составленный и поданный Яномъ Сухоржевскимъ. Рѣшено было изготовить его въ окончательной редакціи и представить на сеймъ. Это сдѣлано было 18 апрѣля. Тогда послѣдній разъ по этому вопросу поднялась католическая партія и требовала, чтобъ въ городскія должности были допускаемы исключительно исповѣдующіе римско-католическую вѣру. Самъ король тогда произнесъ рѣчь, утѣшительную для ревнителей католичества. «Я думаю — говоритъ король — было бы полезно написать законъ, чтобы въ смѣшанныхъ супружествахъ между католиками и не католиками дѣти непременно принадлежали къ римско-католической религіи. Это никому не обидно. Лицо, нежелающее видѣть дѣтей своихъ католиками, не избретъ себѣ жены или мужа римско-католической вѣры. Я надѣюсь, что лѣтъ черезъ тридцать въ Польшѣ не будетъ другихъ жителей, кромѣ исповѣдующихъ римско-католическую вѣру. Если разсудите, какая польза произошла бы отъ этого, особенно когда тысячи дивунитскаго хлопства незамѣтно перейдутъ въ уни». Слова эти произвели самое пріятное впечатлѣніе. Они показываютъ, какъ неискренни были гарантіи иныхъ

вѣръ, кромѣ римско-католической, въ особенности относилось это къ православію, всегда ненавистному душѣ каждаго поляка-католика.

Но люди болѣе прогрессивные замѣчали, что недопущеніе некатоликовъ къ должностямъ въ городахъ отобьетъ у иноземцевъ охоту селиться въ Польшѣ. «Уже Польша — говорили они — черезъ свою нетерпимость потеряла Украину, навлекла на себя чужую гарантію и воспитала внутри себя гражданъ, ищущихъ покровительства у чужихъ государствъ. Римско-католическая религія достаточно обезпечивается въ городахъ большинствомъ осѣдлыхъ тамъ католиковъ». Эти доводы утишили фанатизмъ и потому положено не упоминать о вѣрѣ вовсе въ пунктѣ устава о городскихъ выборахъ.

Проектъ въ окончательной редакціи былъ принятъ единогласно и былъ внесенъ въ число законовъ въ такомъ смыслѣ:

Всѣ королевскіе города признавались свободными, съ равными для всѣхъ правами. Города освобождались отъ всякихъ постороннихъ юрисдикцій: трибунальскихъ, земянскихъ, воеводскихъ, старостинскихъ и пр., управлялись и судились исключительно своимъ выборнымъ магистратомъ и находились всѣ подъ вѣдѣніемъ королевскихъ заворныхъ судовъ. Нѣкоторые изъ городовъ имѣли апелляціонные суды, составлявшіе посредствующую инстанцію между магистратами и заворными судами¹⁾. Изъ этихъ городовъ избирались большинствомъ голосовъ предъ каждымъ сеймомъ уполномоченные по одному человѣку изъ каждаго города, непременно изъ владѣющихъ наслѣдственнымъ имуществомъ въ городѣ. Эти уполномоченные, съѣхавшись вмѣстѣ, въ день открытія сейма представляются маршалу; изъ нихъ на провинціальныхъ засѣданіяхъ избираются делегаты въ комиссіи: скарбовую, полицейскую и ассессоріи; они будутъ имѣть въ дѣлахъ касающихся городовъ и торговли дѣйствительный голосъ, а въ прочихъ дѣлахъ совѣщательный; сверхъ того они имѣютъ право, по порученію своихъ городовъ, представлять сейму прошенія и, если окажется надобность, просить у сеймоваго маршала голоса въ Избѣ, который имъ и не можетъ быть воспрещенъ. Эти уполномоченные по двухлѣтней службѣ въ своемъ званіи получаютъ дворянское достоинство. На всѣхъ мѣщанъ распространяется законъ *pepinem sartivabimus*; имъ предоставляется право служить

¹⁾ Это были въ Малой Польшѣ: Краковъ, Люблинъ, Луцкъ, Житомиръ, Винница, Каменецъ и Дрогобычъ; въ Великой Польшѣ: Познань, Калишъ, Гетьно, Ленцида, Варшава, Страдъ и Плоцкъ, а въ Литвѣ: Вильна, Гродно, Ковно, Новогородъ, Минскъ, Вресь-Литовскій и Нянскъ.

въ военной службѣ, исключая народной кавалеріи, въ канцеляріяхъ трибуналовъ, комиссій и всѣхъ судовъ, а дослужившись до чиновъ штабсъ-капитана въ пѣхотѣ, или ротмистра въ полку, они получали дворянское достоинство; равнымъ образомъ они могли, вступая въ духовное званіе, получать прелатуры и каноніи и всякія бенефиціи, исключая такихъ, которыя были назначены исключительно для лицъ шляхетскаго достоинства; наконецъ, они могли избирать и посылать въ гражданско-военныя комиссіи по 3 депутата. Имъ предоставлялось право покупать земскія имѣнія, а купившіе такое имѣніе, съ котораго вносятся подати десятаго гроша не менѣе 200 золотыхъ, получаютъ дворянское достоинство; сверхъ того на каждомъ сеймѣ будутъ допускаться къ возведенію дворянства 30 особъ изъ мѣщанъ, преимущественно отличившихся въ службѣ, или полезною дѣятельностью въ промышленности и торговлѣ. Шляхтѣ дозволялось вступать въ мѣщанское званіе и заниматься промыслами и торговлею безъ нарушенія чести шляхетскаго званія. Всѣ безъ изъятія поселившіеся въ городахъ должны подчиняться городскому управленію.

Мѣщанское сословіе изъясняло чрезвычайную радость и благодарность, когда на сеймѣ рѣшили судьбу городовъ. 18 апрѣля толпа варшавскихъ и пріѣзжихъ мѣщанъ стояла на улицѣ около замка и, какъ только разнеслось, что проектъ принятъ и подписанъ, поднялись восторженныя восклицанія. Выходящаго короля окружили, хотѣли отпречь его карету и везти на себѣ. Малаховскому, Сухоржевскому, Казимиру-Нестору Сапѣгѣ и другимъ защитникамъ городского проекта были сдѣланы самыя радужныя оваціи. Въ тотъ же день вечеромъ весь городъ былъ иллюминированъ, а въ саду Красинскихъ горѣлъ разноцвѣтный щитъ съ вензелемъ Малаховскаго. Маршалъ Малаховскій, Казимиръ-Несторъ Сапѣга, а за ними нѣкоторые сенаторы, послы и обыватели шляхетскаго званія отправились въ ратушу и тамъ записались въ мѣщанскія книги. Толпа мѣщанъ съ музыкою и громкими восклицаніями провожала ихъ, возвращавшихся изъ ратуши пѣшвомъ. Такое невиданное въ Польшѣ явленіе, казалось, пророчило для страны эпоху возрожденія ¹⁾. Безпристрастные на-

¹⁾ Рассказываютъ, что въ одинъ изъ слѣдующихъ дней, въ Варшавѣ разыгралось по этому поводу такое сценическое представленіе. У тогдашняго президента Варшавы Держга родился сынъ, и онъ изъявилъ желаніе, чтобы крестнымъ отцомъ этому ребенку былъ цѣлый сеймъ. Это очень понравилось посламъ. Передъ дверьми ратуши явились ребенка и къ его пеленкамъ привязано было множество лентъ. Маршалъ Малаховскій взялъ его на руки, а члены сейма держались за ленты. Одна мѣщанка была кумою. Такъ совершилось крещеніе. Толпы народа была такъ велики, что по

блюдатели иначе смотрѣли на эти явленія. «Можно писать какіе угодно законы,—говорилъ Эссенъ,—надобно еще научиться ихъ исполнять, а для этого нужно нравственное и умственное перевоспитаніе, здѣсь же во всѣхъ сферахъ, по прежнему, господствуетъ безнравственность и безнаказанность. Гнуснѣйшія дѣянія обмана и несправедливости совершаются знатными лицами и находятъ себѣ покровительство въ трибуналахъ. Паны продолжаютъ брать подачки отъ иноземныхъ державъ, и русскій посланникъ Булгаковъ презираетъ тѣхъ, кому даетъ деньги; всѣ они развращены отъ малаго до великаго». Гэльсъ, въ апрѣлѣ 1791 г., находилъ, что Польша не только не возрождалась, но съ каждымъ днемъ приближалась къ паденію. «Все, что будетъ постановлено на сеймахъ—замѣчаетъ онъ— не примется націю и уничтожится на сеймахъ. Учредить ли наследственное правленіе, или Польша останется съ избирательнымъ правленіемъ—все равно, ей предстоитъ сдѣлаться добычею сильнѣйшихъ».

III.

Приготовленія къ перевороту. — День 3-го мая. — Провозглашеніе конституціи. — Торжество въ Варшавѣ¹⁾.

Послѣ проведенія закона о городахъ сеймъ объявилъ вакацію на двѣ недѣли по поводу наступившихъ дней Пасхи, а вслѣдъ затѣмъ надлежало, поочереды, слѣдующую недѣлю разсуждать объ экономическихъ вопросахъ. Такимъ образомъ совѣщанія о формѣ правленія откладывались на три недѣли. Между патриотами созрѣвала такая мысль: такъ какъ дѣла идутъ чрезвычайно туго и замыслы ихъ встрѣчаютъ сильную оппозицію въ большинствѣ пословъ, преданныхъ старымъ предрасудкамъ, то не лучше ли привести въ исполненіе свои замыслы внезапнымъ переворотомъ (*coup d'état*)? Объ этомъ шли рѣчи на частныхъ собраніяхъ. Главными двигателями этой мысли были Коллонтай и Игнатій Потоцкій. Маршалъ Малаховскій первый присталъ къ нимъ. За нимъ стали соучастниками замысла Станиславъ Потоцкій, Федоръ Мостовскій, брестскій посолъ Матушевичъ, ливонскіе послы Іосифъ

нѣскольку червонцевъ платилось за мѣсто, чтобъ видѣть эту оригинальную церемонію, знаменовавшую соединеніе сословій.

Событіе это передается въ запискахъ Бартомея Михаловскаго; но такъ какъ въ современныхъ газетахъ объ этомъ вѣтъ ничего, то мы оставляемъ его на степеніи вѣроятія, не давая ему исторической несомнѣнности.

¹⁾ См. источн. МЖ 18, 28, 35, 36, 38, 49, 80, 81, 110, 118, 115.

Вейссенгофъ и Юліанъ Нѣмцевичъ, а за ними одинъ за другимъ стали приставать другіе. Король расположенъ былъ къ этому вліяніемъ аббата Пьятоли. Трудности, которыя претерпѣвали прогрессисты по мѣщанскому вопросу въ послѣднее время, внушали имъ опасеніе, что на будущее время консерваторы стануть дѣлать умышленные остановки; Коллонтай и Игнатій Потоцкій подали совѣтъ воспользоваться разѣздомъ большинства членовъ по случаю праздниковъ, удержать въ городѣ партію прогрессистовъ и послѣ Пасхи, открывъ засѣданіе съ небольшимъ числомъ членовъ сейма, внезапно провозгласить составленную заранѣе конституцію. Это казалось удобнѣе утомительной процедуры подаванія проектовъ, разсматриванія ихъ въ депутаціяхъ и представленій на сеймъ, гдѣ они подвергались безконечнымъ толкамъ, поправкамъ, остановкамъ. Провозглашенная внезапно конституція могла сдѣлаться основою для послѣдующихъ работъ сейма, какъ главная руководящая нить. Послѣ дарованія ей законной силы, у противниковъ отнялся бы предлогъ ссылаться на прежній законный порядокъ, какъ они постоянно дѣлали, для остановки преобразовательныхъ проектовъ. Такимъ образомъ, на домашнихъ совѣщаніяхъ у Коллонтая, Игнатія Потоцкаго и маршала Малаховскаго привлекли къ заговору шестьдесятъ особъ изъ пословъ и сенаторовъ.

Расширенію ново-либеральнаго духа въ тѣ дни способствовало то, что проведеніе закона о городахъ подало поводъ къ празднествамъ и сходбищамъ. Шляхетство, прежде смотрѣвшее на мѣщанъ свысока, теперь стало съ нимъ брататься; городъ устроилъ роскошный обѣдъ въ радзивилловскомъ палацѣ. Дворяне и мѣщане пировали вмѣстѣ; мѣщане восхваляли шляхетское великодушіе, а дворяне, помазанные демократическимъ духомъ, почерпнутымъ изъ французскихъ книгъ, на разные лады величались своими либеральными поступками. При такомъ настроеніи въ обществѣ, пока оно не прошло, удобнѣе было чѣмъ когда-нибудь подобрать охотниковъ на смѣлое предпріятіе. Ихъ особенно привлекали увѣреніями, что изъ депешъ, присылаемыхъ польскими посланниками и дипломатическими повѣренными, видно, что Польшѣ угрожаютъ отъ сосѣдей новые замыслы раздѣла. До сихъ поръ патріоты утѣшали себя надеждою, что Пруссія объявитъ войну Россіи, что Англія будетъ также противъ Россіи за Турцію. Но въ апрѣлѣ распространился слухъ, что англійское правительство намѣрено соблюдать нейтралитетъ, въ случаѣ войны Пруссіи съ Россіею. Поляки до тѣхъ поръ думали, что имъ будетъ возможно воевать противъ Россіи вмѣстѣ со своими союзниками. «Теперь мы—писалъ маршалъ Малаховскій своему племяннику—по примѣру Англіи, должны держать вооруженный ней-

трагитеть». Такъ наивно выражался маршалъ Малаховскій, мало принимая во вниманіе, что вооруженный нейтралитетъ Польши, въ томъ положеніи, въ какомъ она была, ни для кого не имѣлъ значенія. Въ то же время войсковою комиссіи приказано выдать ордонансъ, чтобы всѣ высшіе и нисшіе чины были при своихъ ротахъ и полкахъ, готовые къ походу, когда потребуется. 30-го апрѣля, маршалъ Малаховскій писалъ своему племяннику: «Приходятъ вѣсти, что намъ не хотать добра; остается намъ у самихъ себя искать обороны; пропускать времени не слѣдуетъ; мы вооружаемся, сколько можно, да поможетъ намъ Богъ». Угрожающіе слухи побуждали патриотовъ спѣшить объявленіемъ конституціи.

Главные заговорщики назначили для переворота день 5-го мая. По ихъ соображеніямъ, развѣхавшіеся консерваторы тогда еще не успѣютъ съѣхаться; кромѣ тѣхъ пословъ, на которыхъ можно было положиться сообразно ихъ убѣжденію, заговорщики рассчитывали на ту массу членовъ, которая имѣла только количественную важность: ихъ думали поразить чтеніемъ депешъ, полученныхъ изъ-за границы, грозящихъ Польшѣ скорою бѣдою и новымъ раздѣломъ, и на этомъ основаніи представить имъ крайнюю необходимость спѣшить объявленіемъ конституціи. Между тѣмъ требовалось подобрать около замка толпу народа, которая бы криками одобренія показывала, какъ весь народъ сильно сочувствуетъ и радуется этому перевороту. Такъ замыслили патриоты, хотѣвшіе до поры до времени сохранить свой замыселъ тайнѣ отъ противниковъ.

Но послѣдняго имъ не удалось....

Король первый проболтался объ этомъ канцлеру Малаховскому, брату маршала. Надменный, закоренѣлый приверженецъ шляхетской старины и притомъ душевно расположенный въ Россіи, онъ съ ужасомъ отвращался отъ мысли о наследственной монархіи и равенствѣ сословій. Онъ сообщилъ русскому посланнику Булгакову о затѣяхъ прогрессистовъ.

Но, вѣроятно, и другіе заговорщики также не слишкомъ строго хранили тайну, потому что дипломатическіе агенты всѣхъ дворовъ въ концѣ апрѣля знали о томъ, что замыслиается. Англійскій посланникъ Гэльсъ представлялъ полякамъ необдуманность ихъ затѣй: «Объявленіе вашей конституціи съ наследственнымъ правленіемъ—говорилъ онъ имъ—возбудитъ противъ васъ сосѣднія государства, а ваша страна открыта отовсюду и беззащитна. Переворотъ произведетъ внутреннее броженіе, и государственныя чины будутъ безсильны въ виду опасности. Вы объявите наследственное правленіе. Что же изъ этого? Ваша страна не при-

меть его; вѣдь прошлое лѣто только четыре или пять сеймиковъ на него согласились; все остальное противъ васъ; вы скоро возбудите противъ себя конфедерацію, а сосѣди тотчасъ воспользуются ею».

На это ему отвѣчали: «теперь три державы заняты другими дѣлами; пока власть королевская избирательна, у насъ не будетъ порядка и крѣпости; установить наследственное правленіе для васъ — единственное средство спасенія; теперь для этого пришло самое удобное время».

Гельсъ, прежде настаивавшій на уступкѣ Пруссіи городовъ, и теперь, какъ послѣднее средство сколько-нибудь придать прочность намѣреніямъ прогрессистовъ, совѣтовалъ прежде всего сдѣлать это, по крайней мѣрѣ, угодить прусскому королю и заручиться его помощью. Но уступать какую бы то ни было территорию для поляковъ, за исключеніемъ самаго небольшого кружка, была вещь до того невыносимая, что самый намѣкъ на это волновалъ ихъ.

Прусскій уполномоченный Гольцъ провѣдалъ о заговорѣ и обратился съ объясненіями къ маршалу Малаховскому и Игнатию Потоцкому. «Я не могу скрыть своего удивленія — говорилъ онъ — что поляки приступаютъ къ важному дѣлу и сохраняютъ его въ тайнѣ отъ нашего двора, столь расположеннаго къ вамъ. Такой смѣлый шагъ слѣдовало бы вамъ дѣлать не иначе, какъ взвѣсивъ послѣдствія со стороны трехъ дворовъ, принимающихъ непосредственное участіе въ дѣлахъ Польши. Притомъ, какъ же вы хотите утвердить наследственное правленіе, а поручаете вору саксонскому князю-избирателю, у котораго одна только малолѣтняя дочь?»

«У насъ — говорилъ ему маршалъ Малаховскій — въ виду соединить Польшу съ Пруссіей». Онъ представлялъ возможность впоследствии выдать саксонскую принцессу, наследницу польскаго престола, за прусскаго принца.

Гольцъ могъ только улыбаться, слыша такія предположенія. Этотъ самый Гольцъ въ своихъ депешахъ замѣчалъ: «Въ Польшѣ на другомъ сеймѣ уничтожается то, что постановляется на предидущемъ; даже тѣ самыя, которые въ данное время кажутся горячо убѣжденными въ пользѣ своихъ предпріятій, скоро охлаждаются къ нимъ и начинаютъ дѣйствовать въ противномъ духѣ».

Богѣ всѣхъ недоволенъ былъ русскій посланникъ; но онъ не высказывался, не заговаривалъ ни съ кѣмъ изъ прогрессивной партіи и только своимъ молчаніемъ далъ почувствовать, что ему многое извѣстно. За то, 29-го апрѣля, онъ собралъ у себя на совѣщаніе коноводовъ консервативной партіи. Рѣшено было

поспѣе разослать гонцевъ и созвать развѣхавшихся изъ столицы пословъ, чтобъ такимъ образомъ помѣшать провозглашенію конституціи. Это порученіе взяли на себя епископъ Коссаковскій и гетманъ Браницкій.

Объ этомъ тотчасъ узнали патриоты и, собравшись, порѣшили послѣдить и вмѣсто 5-го мая назначили для переворота день 3-го мая. Въ воскресенье собрали пословъ въ замокъ и поручали угощать ихъ воронному конюшему Кицкому. Между тѣмъ маршалъ Малаховскій, черезъ своихъ агентовъ, по трактирамъ и шинкамъ поилъ народъ, приготовляя его къ ожиданію важныхъ и полезныхъ измѣненій своей судьбы.

Въ понедѣльникъ собрали пословъ на обѣдъ въ радзивилловскій палаць. Тамъ прочитанъ былъ проектъ конституціи. Составить его было не трудно: онъ весь почти основывался на тѣхъ мысляхъ, которыя сообщалъ Коллонтай въ своихъ письмахъ къ Малаховскому въ 1788 году. По прочтеніи, присутствовавшіе тутъ члены приглашались къ подписи. Первый подписавшій его былъ каменецкій епископъ Красинскій. На совѣщаніи были и противники, но они молчали.

Всю ночь затѣмъ зачинщики не спали и съ разсвѣтомъ были у короля. Ихъ агенты сзывали и стогнали народъ къ замку. Весь магистратъ и множество мѣщанъ должны были находиться тамъ и криками одобренія поддерживать провозглашеніе конституціи, чтобъ видно было, какъ она по сердцу мѣщанскому сословію и всему народу. Мѣщане были естественно за нее, когда надѣялись отъ дальнѣйшихъ преобразованій расширенія тѣхъ правъ, какія уже получили. Простой народъ бѣжалъ туда потому, что за это давали деньги; другіе валили къ замку просто изъ любопытства. Большая часть этой толпы и прежде не имѣла никакихъ правъ и отъ новой конституціи не могла ожидать для себя ничего особаго. Ровно ничего не зная и не понимая, каждый готовъ былъ кричать, потому что за это давали по злотому и по два.

Приказано было и войску придвинуться къ замку. Приведемъ здѣсь любопытное описаніе очевидца событія, Охоцкаго:

«Только-что начало свѣтать—пишетъ онъ—лакей экс-воеводы киевскаго, у котораго я находился, разбудилъ меня и говоритъ: «въ Варшавѣ что-то дѣлается. Войска идутъ по краковскому предмѣстію и въ замокъ». Я наскоро одѣлся и выбѣжалъ на улицу; проходить полкъ Дзялынскаго; полковникъ Зелинскій, мой хорошій знакомый. Что это значитъ? спрашиваю я.— Не знаю, хоть убей, отвѣчаетъ онъ. Въ десять часовъ вечера получили приказаніе идти къ замку и стать на Краковскомъ предмѣстьѣ»

около бернардиновъ.—За нимъ конная гвардія. Я спрашиваю капитана Орловскаго, своего знакомаго. И тотъ мнѣ тоже отвѣчалъ. Потомъ слѣдуютъ двѣ батареи и два пѣшихъ полка, а за ними валитъ множество народа. Я побѣжалъ домой, разбудилъ пана экс-воеводу, привязалъ саблю и пустился къ Сигизмунду (памятникъ Сигизмунда). Встрѣчалъ я десятка два три знакомыхъ, спрашивалъ, что это такое? Одни говорили—король умеръ; другіе—смута какая-то. Расходились самыя странныя вѣсти. Войска заняли Краковское предмѣстье; выставили на подмосткахъ шестьдесятъ пушекъ. Въ краковскую брану вошло два полка гвардіи; на воротахъ замка стали караулы. Протѣсниться было невозможно: набилось народу такое множество, что негдѣ было иглѣ упасть. Спрашивали у солдатъ: чѣмъ заряжены ружья? Одни отвѣчали пулями, а другіе—холостыми зарядами. Уже было около часу пополудни, а на улицѣ никто не зналъ, что дѣлается».

Въ это время, въ сеймовой Избѣ происходило засѣданіе—одно изъ важнѣйшихъ во всей польской исторіи.

Король сидѣлъ на тронѣ, одѣтый въ мундиръ корпуса кадетовъ. Около него сенаторы. Послы были на своихъ скамьяхъ. Великій коронный маршалъ ударилъ три раза въ землю железомъ изъ чернаго дерева, оправленнымъ въ золото. Сеймовый маршалъ Малаховскій, объявивъ засѣданіе открытымъ, сказалъ:

«Исторія поучаетъ насъ, что сильныя государства падаютъ, а слабыя возвышаются. Примѣромъ тому служить и Польша. За три вѣка назадъ тому она блистала могуществомъ и равнялась съ другими государствами, а потомъ сдѣлалась жертвою собственныхъ ошибокъ и чужихъ хищеній. Да избавить насъ небо отъ новыхъ несчастій, которыя намъ угрожаютъ. Депутація иностранныхъ дѣлъ донесетъ вамъ, почтенные чины, о важныхъ происшествіяхъ въ сферѣ политическихъ обстоятельствъ».

За нимъ говорилъ краковскій посолъ Солтыкъ. «Ужаснѣйшій, печальнѣйшій слухъ расходится по столицѣ. Языкъ мой деревенѣтъ, не смѣю выговорить, какое несчастіе готовится отечеству. Король! Для тебя не тайна, что заключаютъ въ себѣ извѣстія, полученныя депутаціею иностранныхъ дѣлъ. Кромѣ того, мнѣ самому писали родные и пріятели изъ разныхъ мѣстъ за границею, что намъ угрожаетъ новый раздѣлъ. Наступаетъ послѣдняя минута. Отечество вопіетъ о помощи. Я съ своего мѣста прошу депутацію сообщить намъ всѣмъ полученныя ею извѣстія и тогда-то мы покажемъ, любимъ ли отечество? Такъ какъ у насъ допускались посторонніе, когда рѣчь шла о Гданскѣ, то я прошу

я умоляю, чтобы и теперь они были допущены, когда дѣло идетъ о цѣлой странѣ».

Такова была подготовка. Заговорщикамъ нужны были посторонніе, особенно заранѣ настроенные мѣщане, которые должны были своими криками поддерживать провозглашеніе конституціи. Раздались голоса: «просимъ, просимъ, просимъ.»

Напустили въ залу арбитровъ. Началось чтеніе депешъ изъ Вѣны, Берлина, Петербурга, Парижа. Во всѣхъ этихъ депешахъ сообщались угрожающія вѣсти о затѣваемомъ сосѣдями новомъ раздѣлѣ Польши. Депеши эти, по согласному извѣстію иностранныхъ агентовъ въ Варшавѣ, были вымышленныя, или подготовленныя, т. е. написанныя за границею министрами Рѣчи-Посполитой по секретнымъ указаніямъ, даннымъ изъ Варшавы. По извѣстіямъ русскаго посланника, Игнатій Потоцкій впоследствии, въ кругу друзей, сознавался въ этомъ. «Я—говорилъ онъ—написалъ въ Вѣну къ Войнѣ, къ Деболи въ Петербургъ, къ Орачевскому въ Парижъ, чтобы они донесли, будто ходятъ слухи о новомъ раздѣлѣ Польши. Нужно было, чтобы эти извѣстія, пришедши въ пору, произвели волненія. Все это обдѣлалось въ тайнѣ. Самъ маршалъ Малаховскій ничего не зналъ объ этомъ, не говоря уже о другихъ; шестьдесятъ человѣкъ, которые предварительно вступили въ заговоръ, все-таки оставались, такъ сказать, учениками. Статья о наслѣдственности, самая щекотливая, не была всѣмъ извѣстна. Я зналъ, что страхъ заставить ихъ на все согласиться и потомъ многіе стануть жалѣть, когда опомнятся, такъ точно, какъ многіе, по увлеченію, пристали къ закону о городахъ, а потомъ сожалѣли, но уже было поздно. Инымъ путемъ нельзя было провозгласить конституціи. За депешами должны были читаться частныя письма, полученныя изъ за границы, все съ цѣлью перепугать членовъ сейма и, не давъ имъ прійти въ себя, заставить ихъ согласиться на конституцію.»

Но прежде, чѣмъ успѣли прочитать депеши, бросился впередъ Сухоржевскій и кричалъ изо всѣхъ силъ: «Голоса! прошу дать мнѣ голоса! я открою страшныя вещи», но маршалы ударили своими жезлами и заставили его молчать.

Тогда всталъ король и провозгласилъ: «я долженъ объявить и засвидѣтельствовать, что дѣйствительно получены донесенія, которыя необходимо объявить цѣлому сейму и всему обществу; прошу пана маршала, согласно своей обязанности, распорядиться о неуклонномъ чтеніи ихъ».

Раздались крики: «читать! читать!» но раздались и крики противныя. Арбитры успѣли заранѣ пройти впередъ и окружить

мѣста, занимаемыя послами, своими сторонниками, и противная сторона была оттѣснена и разрознена прогрессистами. Говорятъ, что сторонники Браницаго взялись-было за оружіе и одинъ изъ нихъ, подойдя къ гетману, сказалъ: «а что, пане Ксаверію, махнемъ!» но Браницкій закричалъ: вара! (прочь)!

Сухоржевскій снова бросился съ своего мѣста на средину и кричалъ: «прошу голоса! дайте голоса!» Его моленія покрывались громкими криками: «читать! читать!» Въ припадѣѣ отчаяннаго самолюбія онъ всталъ на колѣни, сорвалъ съ себя орденъ Станислава, пожалованный ему королемъ за мѣщанскій проевтъ, потомъ упалъ на землю и началъ ползти въ трону, махая руками и ногами, какъ будто представляя изъ себя плавающего, и умолялъ короля дать ему голосъ.

Этотъ чрезчуръ оригинальный пріемъ обратилъ на себя общее вниманіе. Маршалъ сейма сказалъ, что допускаетъ его въ голосу. Останавливать его долѣе было бы слишкомъ большимъ нарушеніемъ посольскихъ правъ.

Сухоржевскій началъ говорить: «Уже нѣсколько дней ходятъ слухи, что въ сеймовую Избу представится ужасный проевтъ уничтоженія свободы; готовится революція на подобіе шведской, чтобы ввести новое правленіе въ странѣ и замѣнить народную свободу рабствомъ. Съ этой цѣлью предпринято читать депешы, угрожающія намъ раздѣломъ. Но о раздѣлѣ были слухи и прежде и мы тогда требовали, чтобы депутация объявила намъ о своихъ свѣдѣніяхъ. Тогда намъ отвѣчали, что эти слухи не имѣютъ основанія. Теперь же, значить, они справедливы. Теперь хотятъ запугать насъ ожиданіемъ несчастія и тѣмъ принудить сеймъ къ принятію проекта, вреднаго для свободы. Мало этого; носятя слухи, будто сговорились противящихся перебить и сдѣлать свое. Я ничего не боюсь. Я готовъ пролить кровь за отечество, но я хочу и защищать отечество. Я свободенъ, но если въ Польшѣ настанетъ деспотизмъ — я презираю ее, объявляю себя врагомъ Польши; я не намѣренъ спасать ее наложеніемъ оковъ на свободныхъ людей. Знаю, и готовъ доказать, передъ судомъ, что есть намѣреніе возмутить мѣщанъ противъ несогласныхъ съ этимъ проектомъ; ихъ увѣряютъ, будто мы недовольны дарованными имъ правами и хотимъ возвратитъ ихъ въ прежнее состояніе; ихъ собрали, чтобы приневолить насъ принять проевтъ, который намъ подадутъ. Такъ въ Швеціи употребили одно сословіе какъ орудіе, и наложили оковы на другое. Но я объявляю всѣмъ находящимся здѣсь мѣщанамъ, что какъ мы старались о ихъ благоденствіи, такъ и желаемъ ихъ поддерживать, а кто бы хотѣлъ нарушать ихъ привилегіи, тотъ во вся-

вомъ полянкѣ увидить врага; если мы не думаемъ расширять этихъ привилегій, то не думаемъ уменьшать ихъ: связь съ мѣщанами усиливаетъ насъ самихъ. А это что за анекдоты? госпожи жены братьевъ Потоцкихъ, великаго литовскаго маршала Игнатія и люблинскаго посла Станислава, лишились чувствъ, когда имъ донесли, что ихъ мужей хотять убить»!

Раздался всеобщій смѣхъ. Люблинскій посолъ князь Сангушко сказалъ: «да у пана Игнатія давно нѣтъ жены, а жена Станислава здѣсь, на балконѣ.» Всѣ взоры обратились туда. Сухоржевскій почувствовалъ, что заврался, смѣшался, а потомъ продолжалъ: «я хотѣлъ сказать, что жена пана Станислава, забоясь о мужѣ, заболѣла. Пусть меня сейчасъ закуютъ въ кандалы: я подѣ стражею буду доказывать, требую суда, пусть паны Потоцкіе объявятъ, кто злоумышлялъ на ихъ жизнь.»

Противники спѣшили громкимъ хохотомъ лишить важности рѣчь Сухоржевскаго. Вновь раздался крики: «читать! читать донесеніе»!

Членъ депутаціи, брестъ-литовскій посолъ Матушевичъ, произнесъ длинную рѣчь. Онъ объяснялъ, что депутація считаетъ обязанностью не безпокоить общественнаго мнѣнія зловѣщими слухами, пока они еще не такъ важны, напримѣръ, когда одинъ только министръ Рѣчи-Посполитой о чемъ-нибудь извѣщаетъ; но когда всѣ министры въ различныхъ мѣстахъ заговорили одно и то же, то этого нельзя скрывать. «Депутація—говорилъ онъ—получила эти свѣдѣнія въ такую пору, когда дѣла Европы приближаются къ развязкѣ, а Польша опоздала дѣломъ своего возрожденія, не окончила устройства правленія, и не имѣетъ достаточныхъ силъ для своей безопасности; поэтому депутація, по долгу служебной обязанности и по данной Богу и вамъ присягѣ, представляетъ вамъ извѣстіе, полученное отъ нашихъ заграничныхъ министровъ». Онъ изобразилъ положеніе дѣлъ въ Европѣ, неблагопріятное для Польши; берлинскій дворъ, по его словамъ, склонялся къ союзу съ Россіей; въ Турціи неудачи польскаго посланника приписать слѣдовало тому, что изъявленная готовность прусскаго посла оказать ему помощь была только наружная, а въ самомъ дѣлѣ онъ втайнѣ дѣлалъ затрудненія. Послѣ рѣчи Матушевичъ началъ читать депешу за депешей. Посланникъ Рѣчи-Посполитой въ Австріи, Война, отъ 16-го апрѣля, доносилъ: «Я слышу и вижу, что здѣсь не радуются умноженію войска и скарба нашего; но еще болѣе не радуются улучшеніямъ, произведеннымъ въ Польшѣ посредствомъ новаго законодательства. Все заставляетъ бояться, что по заключеніи мира сосѣди наши обратятъ свои усилія на то, чтобы помѣшать улучшенію и утверженію

нашего правленія. Министръ Рѣчи-Посполитой въ Парижѣ отъ 8-го и 11-го апрѣля доносилъ, что ему очень прискорбно слышать въ частныхъ разговорахъ и читать въ періодическихъ изданіяхъ предположеніе о томъ, что Польша должна будетъ на свой счетъ вознаграждать нѣкоторыхъ участвующихъ въ мирномъ трактатѣ, который окончитъ войну съ турками, насколько другіе участники получаютъ пользы отъ турокъ. Польскій министръ изъ Гаги отъ 29-го марта и 12-го апрѣля доносилъ, что вездѣ толкуютъ о предстоящемъ раздѣлѣ Польши и сами посланники, русскій и австрійскій, сказали, что Польша недалеко отъ опасности. Министръ изъ Дрездена отъ 27-го апрѣля писалъ, что князь-избиратель увѣрялъ его въ расположеніи къ польскому народу; но замѣтилъ, что онъ будетъ беспокоиться о Польшѣ, пока не услышитъ объ утвержденіи въ ней прочнаго образа правленія. Отъ Деболи, польскаго министра въ Петербургѣ, читалась самая дивная депеша. Она излагала ходъ событій отъ перваго раздѣла, указывала на злонамѣренность русской политики противъ Польши; сообщала, что еще въ 1788 году Россія предлагала Пруссіи приступить въ новому раздѣлу Польши, но Пруссія отклонила это предложеніе. «Частые разговоры Потемкина съ прусскимъ посломъ и вѣжливость, оказываемая послѣднему—писалъ Деболи—заставляютъ многихъ думать, что скоро заключится союзъ Москвы съ Пруссіею на погибель Польши. Москва всѣми силами старается не допустить въ Польшѣ порядка и согласія. Отовсюду заграничные министры пишутъ, что у насъ нѣтъ ни системы, ни порядка, а все дѣлается случайно. Одна особа, которая любитъ составлять проекты, говорила, что Польшу нужно раздѣлить на шесть независимыхъ княжествъ и одно изъ нихъ отдать Потемкину. Вы доведете себя до этого вашими безконечными спорами, сказалъ мнѣ этотъ господинъ, вы не оканчиваете того, что начинаете; настоящій сеймъ вашъ это показываетъ».

Прочитавши эти депешы, Матушевичъ сказалъ:

«Видите, наяснѣйшіе чины, въ какомъ положеніи дѣла въ Европѣ. Шагъ сдѣланъ Англіею, отступленіе невозможно. Либо миръ установится, либо всеобщая война возгорится. Если миръ насъ застанетъ неготовыми, то мы и себя и отечество отдадимъ въ непріятельскія руки; если же наступитъ война и приблизится къ нашимъ границамъ, то долго-ли не долго эта война будетъ тануться, во всякомъ случаѣ она умножитъ издержки и увеличитъ притязанія и алчность воюющихъ сторонъ: для нихъ не можетъ быть ничего выгоднѣе, какъ овладѣть сосѣднимъ пространствомъ. Мы безъ прочнаго правленія, безъ военной силы;—

конецъ нашей Польшѣ, если только любовь къ отечеству не соединитъ наши сердца! Депутація сдѣлала свое дѣло: показала вамъ состояніе, въ какомъ мы находимся; теперь тебѣ, милостивый король и вамъ, наяснѣйшіе чины, остается принять средства, какія вы найдете дѣйствительными для спасенія отечества».

Депеши поразили собраніе. Нѣсколько минутъ оно молчало, наконецъ заговорилъ Игнатій Потоцкій и, послѣ короткаго приступа, сказалъ:

«Носятся слухи, будто меня хотять убить. Я знаю благородство польскаго народа и никакой отзвѣтъ о подломъ и предательскомъ поступкѣ не найдетъ доступа къ моимъ мыслямъ. Но смотрю на смерть спокойно и, если она нужна отечеству, желаю ея. Если когда-нибудь, то въ настоящій день годятся для насъ слова Льва Сапѣги, который, по примѣру римлянъ, не разъ совѣтоваль оставлять неудовольствія въ присѣнѣхъ святыхи общественныхъ совѣщаній. Насъ предостерегаютъ, намъ указываютъ, что приходитъ пора безотлагательно спасти отечество; пойдемъ же согласно прямою дорогою, ведущею къ цѣли. Мы родились въ равенствѣ; мы простираемъ это равенство не только на права, но и на убѣжденія. При величайшихъ доблестяхъ трудно гражданину приобрѣсть всеобщее и безграничное довѣріе въ такомъ дѣлѣ, какъ перемѣна и улучшение правленія. Почтенные сконфедерованные чины Рѣчи-Посполитой! Строй нашей республики подаетъ намъ способъ, какъ намъ слѣдуетъ поступать. У насъ есть высшее надъ всѣми лицо въ Рѣчи-Посполитой—король. Онъ выше другихъ и личными достоинствами ума и образованія, онъ выше другихъ и добродѣтелями. Дозволя назначить себѣ преемника, онъ показалъ, что польза отечества для него выше своей собственной. Наяснѣйшій государь! Обращаюсь къ твоему свѣтлому уму, къ твоей добродѣтели; ты думаешь только о благополучіи и счастья народа—открой же намъ твои виды о спасеніи отечества. Ты первый имѣешь право, желаніе и несомнѣнную способность. Посовѣтуемся прежде о благѣ Рѣчи-Посполитой, а потомъ, если охота будетъ, займемся и личными несогласіями, такъ говорилъ когда-то Петръ Зборовскій Фирлею, коронному маршалку. Я съ своего мѣста скажу: позволь намъ, великій Боже, установить благо Рѣчи-Посполитой и никогда не возвращаться къ личнымъ несогласіямъ!»

Игнатій Потоцкій никогда не чувствовалъ того, что говорилъ о королѣ въ своей рѣчи, исполненной лести. Король, вставъ съ своего мѣста, подозвалъ, по обычаю, министровъ и сказалъ:

Извѣстныя вамъ теперь донесенія изъ-за границы раждаютъ во мнѣ, какъ и во всѣхъ, глубокое убѣжденіе, что тянутъ

дѣло устройства правленія вредно для насъ и полезно для чужихъ, которые одолѣютъ насъ даже безъ особенныхъ усилій, пользуясь только нашими несогласіями и потерю времени. Я уже нѣсколько мѣсяцевъ думалъ, какъ поступить; скажу вамъ, къ чести благомыслящихъ гражданъ, что меня побуждали, заклинали приступить къ рѣшительному шагу какъ можно скорѣе. Взаимное совѣщаніе, при гражданскомъ довѣріи другъ къ другу, подало намъ согласныя мнѣнія. Изъ нихъ составленъ былъ проектъ и показанъ мнѣ; многіе предприняли его привести въ исполненіе; когда его прочтутъ, то всѣ его нынѣ же примутъ. Я этого желаю. Онъ намъ поможетъ, а черезъ дѣв недѣли, быть можетъ, уже будетъ поздно. Война ли продолжится, миръ ли настанетъ — у сосѣдей, окружающихъ Польшу, одно намѣреніе — держать насъ въ безсиліи, льстить намъ и хвалить то, что давніе предрасудки сдѣлали нашею святынею, но что намъ вредитъ, что насъ почти выбросило изъ ряда народовъ. Въ этомъ проектѣ одного только пункта касаться не считаю себя вправѣ иначе, какъ узнавши волю сейма — наследственнаго правленія; со всѣмъ другимъ соглашаюсь. Прошу васъ, господинъ сеймовый маршалъ, пусть начнется чтеніе проекта». Секретарь прочиталъ проектъ слѣдующаго содержанія:

-1. Господствующая народная религія есть и будетъ въбра римско-католическая во всѣхъ ея правахъ. Переходъ изъ господствующей религіи въ другое вѣроисповѣданіе запрещается подъ страхомъ наказанія за отступничество. Но такъ какъ сама эта вѣбра учитъ насъ любить своихъ ближнихъ, то всѣмъ людямъ, какого бы то ни было исповѣданія, мы обязаны предоставить спокойствіе въ дѣлахъ вѣры и защиту отъ правительства, а потому мы обезпечиваемъ свободу всякаго обряда и всякой религіи въ польскихъ краяхъ, согласно туземнымъ постановленіямъ.

-2. Уважая память предковъ нашихъ, какъ учредителей свободного правленія, мы утверждаемъ шляхетскому сословію всю свободу, льготы, преимущества и первенство въ частной и общественной жизни, въ особенности всѣ права, постановленія и привилегіи, справедливо и законно дарованныя этому сословію королями Казимиромъ Великимъ, Людовикомъ Венгерскимъ, Владиславомъ Ягелло и Витовтомъ, братомъ его, великимъ княземъ литовскимъ, а также Владиславомъ и Казимиромъ Ягеллоновичами, Яномъ-Альбрехтомъ, Александромъ, Сигизмундомъ I-мъ и Сигизмундомъ-Августомъ, послѣднимъ изъ рода Ягеллоновъ, утверждаемъ упрочиваемъ и признаемъ ненарушимыми. Признаемъ достоинство шляхетскаго званія въ Польшѣ равнозначительнымъ всякому благородному сословію, существующему гдѣ бы то ни было. Вся

шляхта равна между собою не только въ иснаніи служебныхъ должностей и въ отиравленіи службы отечеству, приносящей честь, почетъ и выгоды, но и по отношенію къ равному пользованію привилегіями и прсимуществами, присвоенными шляхетскому званію. Сверхъ всего желаемъ, чтобы сохранились свято и ненарушимо всѣ существовавшія искони для каждаго права личной безопасности, личной свободы и собственности недвижимой и движимой, торжественно ручаясь, что не допустимъ никакого измѣненія или исключенія изъ правъ, въ ущербъ чей бы то ни было собственности; напротивъ, верховная власть и установленное ею правительство отнюдь не будутъ, подь предлогомъ *jugium regalium* или подь какимъ-либо инымъ видомъ, предъявлять притязаній на шляхетскую собственность по частямъ или въ цѣлости. Въ силу чего желаемъ, чтобы безопасность личности и всякой собственности, кому бы то ни было принадлежащей по закону, какъ истинная связь общества, какъ зѣница обывательской свободы уважалась, ограждалась и утверждалась, и на будущее время оставалась уважаемою, огражденною и ненарушимою. Признаемъ шляхту первѣйшею охранительницею вольности и ей, какъ единой твердынь отечества, поручаемъ святыню настоящей конституціи, во огражденіе доблести, гражданства и чести каждаго шляхтича.

«3. Уставъ, состоявшійся на текущемъ сеймѣ подь названіемъ: «Наши королевскіе свободные города, въ государствахъ Рѣчи-Посполитой», желаемъ сохранять въ полнотѣ и объявляемъ его частію настоящей конституціи, какъ законъ, дающій свободной польской шляхтѣ, для безопасности ея свободы и цѣлости общаго отечества новую, истинную и дѣйствительную силу.

«4. Земледѣльческій классъ, изъ руекъ котораго течетъ источникъ изобилія, составляющій самое многочисленное населеніе народа и притомъ самую дѣйствительную силу страны, какъ по справедливости, челоувѣколюбію и христіанскимъ обязанностямъ, такъ и въ видахъ собственной нашей здраво понимаемой пользы, принимаемъ подь покровительство закона и правительства страны и постановляемъ, чтобы съ этихъ поръ, если владѣльцы съ крестьянами своихъ имѣній положительно установятъ какія-нибудь льготы, надѣлы и условія, то эти льготы, надѣлы и условія, будутъ ли они заключены съ цѣлыми громадами или съ каждымъ жителемъ села по-одиночкѣ, должны имѣть значеніе общаго и взаимнаго обязательства, подлежащаго покровительству правительства по силѣ существеннаго смысла уговора и по содержанію такихъ надѣловъ и условій. Такіе договоры и вытекающія изъ нихъ обязательства, принятія добровольно владѣльцемъ земли, будутъ облизывать не

только его самого, но и его наследниковъ или пріобрѣвшихъ отъ него право на владѣніе, такъ что они уже не могутъ самовольно ихъ измѣнять. Равномѣрно и крестьяне какого бы то ни было имѣнія, не иначе могутъ быть увольняемы отъ добровольно принятыхъ условій и надѣловъ и съ ними соединенныхъ повинностей, какъ только сообразно съ способами и условіями, какія значатся въ постановленномъ договорѣ, который будетъ для нихъ въ точности обязательенъ навсегда или на срочное время, смотря по тому, какъ онъ составленъ. Обеспечивъ, такимъ образомъ, владѣльцевъ при ихъ доходахъ, проистекающихъ отъ принадлежащихъ имъ крестьянъ, и желая, сколько возможно, содѣйствовать умноженію народонаселенія въ странѣ, объявляемъ полную свободу всѣмъ новопривывающимъ, а равно и тѣмъ, которые, прежде удалившись изъ страны, захотятъ снова воротиться въ отечество, до такой степени, что каждый, или вновь отсюда бы то ни было прибывшій въ государства Рѣчи-Посполитой, или назадъ возвратившійся туда, какъ только ступить ногою на польскую землю, вполне свободенъ и воленъ заниматься какимъ хочетъ промысломъ и гдѣ захочетъ, заключить договоръ на осѣдность, работу или оброкъ, проживать въ городахъ и селахъ, оставаться въ Польшѣ или возвратиться въ тотъ край, куда захочетъ, выполнивши обязательства, принятыя на себя добровольно.

«5. Всякая власть въ человѣческомъ обществѣ исходитъ изъ воли народа. Чтобы цѣлость государства Рѣчи-Посполитой, гражданская свобода и общественный порядокъ навсегда оставались въ равновѣсіи, правительство польскаго народа, по волѣ настоящаго сейма, должно состоять изъ трехъ властей, то-есть: законодательной въ собранныхъ чинахъ, исполнительной въ королѣ и Стражѣ, и судебной въ юрисдикціяхъ, учрежденныхъ для этой цѣли или же долженствующихъ быть учрежденными.

«6. Сеймъ или собранные чины раздѣляются на двѣ Избы: посольскую и сенаторскую, подъ предсѣдательствомъ короля.

«Посольская Изба, какъ выраженіе и средоточіе народнаго всевластія, должна быть святынею законодательства. Поэтому въ посольской Избѣ будутъ первоначально рѣшаться всѣ проекты: 1) законовъ вообще, то-есть конституціонныхъ, гражданскихъ, уголовныхъ и касающихся установленія постоянныхъ податей, и по этимъ предметамъ предложенія отъ трона воеводствамъ, землямъ и повѣтамъ, поданныя на разсмотрѣніе, и представленные Избѣ въ посольскихъ инструкціяхъ, должны быть рѣшаемы прежде другихъ; 2) проекты сеймовыхъ опредѣленій, касающихся временныхъ налоговъ, качества монеты, общественныхъ долговъ, нобилитация и другихъ, по случаю, наградъ, раскладки общественныхъ расхо-

довъ, ординарныхъ и экстра-ординарныхъ, войны, мира, окончательной ратификаціи союзныхъ и торговыхъ договоровъ, всякихъ дипломатическихъ актовъ и договоровъ, принадлежащихъ къ народному праву, повѣрки исполнительныхъ магистратуръ, и тому подобныхъ статей, соотвѣтствующихъ главнымъ народнымъ потребностямъ, между которыми первенство, въ порядкѣ разсмотрѣнія, принадлежитъ предложеніямъ, обращеннымъ къ Избѣ отъ королевскаго трона.

«Обязанности сенаторской Избы, составленной изъ епископовъ, воеводъ, каштеляновъ и министровъ, подъ предсѣдательствомъ короля, имѣющаго право одинъ разъ дать свой голосъ (*votum*) а другой разрѣшать *paritatem* (равенство голосовъ) лично или посылкою въ Избу своего мнѣнія, таковы: 1) каждый законъ, который по формальному прохожденіи чрезъ посольскую Избу, долженъ немедленно быть посылаемъ въ сенатъ, или принимать, или задерживать для дальнѣйшаго народнаго обсужденія, указаннаго въ законѣ о большинствѣ голосовъ; и въ первомъ случаѣ, принятіе закона будетъ давать ему силу и святость, а въ послѣднемъ, задержаніе остановить его дѣйствіе до будущаго ординарнаго сейма, и если на послѣднемъ состоится вторичное согласіе, то приостановленный законъ долженъ быть принятъ сенатомъ; 2) каждое сеймовое опредѣленіе по вышеназваннымъ предметамъ, которое посольская Изба немедленно должна посылать сенату, вмѣстѣ съ посольскою Избою рѣшать большинствомъ, голосовъ, а установленное закономъ большинство, въ соединенныхъ Избахъ будетъ приговоромъ и волею государственныхъ чиновъ.

«Сенаторы и министры въ предметахъ, касающихся отчетовъ по ихъ должностямъ въ Стражѣ и въ комиссіяхъ, безъ рѣшающаго голоса (*votum decisivum*), будутъ въ то время засѣдать въ сенатѣ только для объясненій на вопросы сейма. Долженъ всегда существовать готовый сеймъ. Законодательный и ординарный сеймъ должны возобновляться каждые два года и продолжаться сообразно содержанію закона о сеймахъ. Готовый сеймъ, созванный по мѣрѣ настоятельной надобности, будетъ дѣлать постановленія только о такихъ предметахъ, по поводу которыхъ онъ созванъ, или о такихъ нуждахъ, которыя встрѣтились послѣ его созванія.

«Никакой законъ не можетъ быть отмѣненъ на томъ самомъ ординарномъ сеймѣ, на которомъ постановленъ. Комплеетъ сейма будетъ состоять изъ числа особъ, указаннаго нижеписаннымъ закономъ какъ для Избы посольской, такъ и для сенаторской.

«Утверждаемъ торжественно законъ о сеймикахъ, установлен-

ній на настоящемъ сеймѣ, какъ самую дѣйствительную основу гражданской свободы.

«Какъ въ законодательствѣ всѣ не могутъ участвовать и народъ въ этомъ случаѣ изображаетъ себя чрезъ своихъ представителей или пословъ, добровольно выбранныхъ, то мы устанавливаемъ, что выбранные на сеймикахъ послы, сообразно настоящей конституціи, въ дѣлахъ законодательства и всякихъ народныхъ потребностей вообще, должны быть уважаемы, какъ представители цѣлаго народа, образуя собою средоточіе всеобщаго довѣрія.

«Все вездѣ должно быть рѣшаемо большинствомъ голосовъ, а потому *liberum veto*, всякаго рода конфедераціи и конфедерационные сеймы, какъ противные духу настоящей конституціи, испровергающіе правительство и разстроивающіе общество, уничтожаются навсегда.

«Въ предупрежденіе, съ одной стороны, насильственныхъ и частыхъ перемѣнъ народной конституціи, съ другой, сознавая потребность усовершенствованія оной по испытаніи ея послѣдствій для общественнаго благосостоянія, назначаемъ чрезъ каждые двадцать пять лѣтъ пересмотръ и исправленіе конституціи. Такой конституціонный экстраординарный сеймъ будетъ отправляться на основаніи особаго о немъ закона.

«7. Совершеннѣйшее правленіе не можетъ существовать безъ сильной исполнительной власти. Благополучіе народовъ зависитъ отъ справедливыхъ законовъ, а благія послѣдствія законовъ отъ ихъ исполненія. Опытъ научилъ насъ, что пренебреженіе этою частію правленія преисполнило Польшу несчастіями, почему, обезпечивши для свободнаго польскаго народа власть издавать для себя законы, и право надзора за всякою исполнительною властію и выбора должностныхъ лицъ для магистратуръ, верховную власть исполненія законовъ передаемъ королю съ совѣтомъ, который будетъ называться Стражею законовъ.

«Исполнительная власть строго обязана соблюдать законы и исполнять ихъ. Она должна оказывать свою дѣятельность тамъ, гдѣ дозволено закономъ и гдѣ законы требуютъ надзора, приуздать и даже прибѣгать къ силѣ. Всѣ магистратуры всегда обязаны ей повиновеніемъ, и въ ея рукахъ находится понужденіе непослушныхъ и забывающихъ свои обязанности.

«Исполнительная власть не можетъ устанавливать законовъ, толковать ихъ, налагать подѣ вакимъ бы то ни было именованіемъ податей или поборовъ, дѣлать государственные долги, измѣнять раскладку казенныхъ доходовъ, учиненную сеймомъ, объявлять войну, заключать мирные договоры и окончательно утверждать

дипломатическіе акты. Но она можетъ входить во временныя сношенія съ иностранными державами, улаживать потребности, возникающія для безопасности и спокойствія страны, о чемъ обязана доносить ближайшему сеймовому собранію.

«Польскій престолъ навсегда устанавливаемъ и объявляемъ избирательнымъ по фамиліямъ. Испытанныя бѣдствія безкоролья, періодически ниспровергавшія правленіе, необходимость обезпечить судьбу каждаго обитателя польской земли и пресѣчь навсегда пути вліянію иностранныхъ государствъ, воспоминаніе о счастьи отечества нашего во времена продолжительно царствовавшихъ фамилій, необходимость отвратить чужеземцевъ отъ честолюбивыхъ замысловъ на польскій престолъ, а польскихъ вельможъ обратить въ единственной заботливости о народной свободѣ, указали намъ, въ видахъ предусмотрительности, сдѣлать польскій престолъ наследственнымъ.

«Итакъ, постановляемъ, что, по кончинѣ нынѣшняго короля (да продлитъ его дни благодѣнья Божія), нынѣшній саксонскій князь-избиратель будетъ въ Польшѣ царствовать. Династія будущихъ польскихъ королей начнется съ Фридерика Августа, и преемниками его на польскомъ престолѣ будутъ его наследники въ мужескомъ колѣнѣ и старшій сынъ будетъ вступать на престолъ послѣ родителя. Если же нынѣшній князь-избиратель не будетъ имѣть потомства мужескаго пола, то супругъ его дочери, избранный имъ для нея съ согласія государственныхъ чиновъ, начнетъ наследственную линію въ мужескомъ колѣнѣ на польскомъ престолѣ.

«Поэтому мы объявляемъ дочь князя-избирателя Марію Августу Непомуцену польскою инфанткою, оставляя за народомъ никакимъ ограниченіемъ не подлежащее право избрать на престолъ другой домъ, по прекращеніи перваго.

«Каждый король, вступая на престолъ, учиняетъ присягу Богу и народу сохранять настоящую конституцію и условія принятія короны, *роста сопвента*, которыя будутъ заключены съ нынѣшнимъ саксонскимъ княземъ-избирателемъ, какъ съ назначеннымъ на престолъ и будутъ его обязывать, какъ издавна бывало.

«Особа короля священна и неприкосновенна для всякаго. Онъ самъ собою ничего не дѣлаетъ, а потому и не отвѣтственъ предъ народомъ ни за что. Онъ долженъ быть не самовластителемъ, а отцомъ и главою народа, и такимъ его признаетъ и объявляетъ законъ и настоящая конституція.

«Доходы, указанные въ условіяхъ принятія короны (*роста сопвента*) и присвоенные трону преимущества, предоставленныя

настоящею конституціею будущему избраннику престола, не могутъ быть нарушаемы.

«Всѣ публичные акты, трибуналы, суды, магистратуры, мюнета, штемпели должны быть подъ королевскимъ именованіемъ.

«Королю предоставляется всякая возможность дѣлать добро, и потому дается право помилованія (jus agratiandi) осужденныхъ на смерть, исключая государственныхъ преступниковъ. Королю принадлежитъ верховное распоряженіе вооруженными силами во время войны и наименованіе командировъ войска, однако съ свободою смѣны ихъ по волѣ народа; право выдавать офицерамъ патенты на чины, назначать должностныхъ лицъ, епископовъ, сенаторовъ, сообразно закону, а также и министровъ, какъ первыхъ дѣателей исполнительной власти.

«Придаваемая королю въ помощь Стража для надзора за соблюденіемъ и исполненіемъ законовъ будетъ состоять: 1) изъ примаса или главы польскаго духовенства и вмѣстѣ презуса эдукационной коммисіи, который можетъ быть замѣненъ въ Стражѣ первымъ по порядку епископомъ, безъ права подписывать резолюціи; 2) изъ министровъ, именно: министра полиціи, министра печати, министра belli (войны), министра скарба (казны) и министра печати для иностранныхъ дѣлъ; 3) изъ двухъ секретарей, изъ которыхъ одинъ будетъ вести протоколъ Стражи, а другой протоколъ иностранныхъ дѣлъ, оба безъ рѣшающаго голоса.

«Наслѣдникъ престола, по выходѣ изъ малолѣтства, давши присягу конституціи, можетъ присутствовать на всѣхъ засѣданіяхъ стражи, но безъ голоса.

«Сеймовый маршалъ, избранный на два года, будетъ входить въ число засѣдающихъ въ Стражѣ, но безъ участія въ резолюціяхъ, единственно на случай созванія готоваго сейма: если бы онъ сознавалъ крайнюю необходимость созвать сеймъ, а король противился этому, то онъ долженъ разослать посламъ и сенаторамъ окольные письма, приглашая ихъ собраться на готовый сеймъ и изложивъ имъ поводы такого созванія. Случаи необходимаго созванія сейма могутъ быть только слѣдующіе: 1) въ крайнихъ обстоятельствахъ, касающихся народнаго права, особенно, когда по сосѣдству возникаетъ война; 2) въ случаѣ внутренняго смятенія, угрожающаго странѣ революціею, или когда произойдетъ столкновеніе между магистратурами; 3) когда угрожаетъ опасность всеобщаго голода; 4) если отечество осиротѣетъ отъ смерти короля или отъ опасной его болѣзни.

«Всѣ резолюціи въ Стражѣ будутъ производиться въ упомянутомъ выше составѣ. Королевское рѣшеніе, по выслушаніи всѣхъ

мѣній, должно имѣть перевѣсъ, дабы существовала единая воля въ исполненіи законовъ; почему каждая резолюція должна выходить изъ стражи подъ королевскимъ именемъ и за подписью руки его, и сверхъ того должна быть подписана однимъ изъ министровъ, засѣдающихъ въ Стражѣ; такимъ образомъ подписанная, она будетъ обязательна къ повиновенію ей и будетъ приведена въ исполненіе комиссіею, или какою-нибудь магистратурою въ тѣхъ однако предметахъ, которые настоящею конституціею не исключены. Въ случаѣ, если бы ни одинъ министръ не хотѣлъ подписать рѣшенія, король откажется отъ него, а если бы онъ упорствовалъ, то сеймовый маршалъ долженъ просить о созваніи готоваго сейма, и если король будетъ откладывать созваніе, самъ созоветъ его.

«Назначеніе всѣхъ министровъ, какъ и призваніе ихъ отъ каждаго правительственнаго отдѣла въ свой совѣтъ и въ Стражу— принадлежать королю. Министръ призывается къ засѣданію въ Стражѣ на два года, но король можетъ подтвердить его и на долѣе. Министры, призванные въ Стражу, не засѣдаютъ въ комиссіяхъ.

«Въ случаѣ, если бы большинство двухъ третей секретныхъ голосовъ соединенныхъ Избъ сейма пожелало переимѣнить министра или въ Стражѣ или въ его должности, король немедленно долженъ назначить на его мѣсто другого.

«Въ тѣхъ видахъ, чтобы стража народныхъ законовъ обязана была строжайшею отвѣтственностью за всякое ихъ нарушеніе, постановляемъ: если министры будутъ обвинены депутаціею, назначенною для изслѣдованія ихъ дѣятельности, въ нарушеніи законовъ, они должны отвѣчать своею личностью и своимъ имуществомъ. Во всякихъ такихъ обвиненіяхъ собранные чины, рѣшивъ дѣло простымъ большинствомъ голосовъ, отсылаютъ обвиненныхъ министровъ къ сеймовымъ судамъ для справедливаго, соразмѣрнаго ихъ преступленіямъ, наказанія, или, при доказанной невинности, для увольненія отъ суда и наказанія.

«Для надлежащаго приведенія въ дѣйствіе исполнительной власти учреждаются отдѣльныя комиссіи, состоящія въ связи со Стражею и обязанныя ей повиновеніемъ. Комиссары въ эти комиссіи будутъ избраны сеймомъ для отправленія своихъ должностей въ продолженіе времени, указаннаго закономъ. Этихъ комиссій четыре: 1) воспитанія (эдукаціонная), 2) полиціи, 3) войска и 4) казны (скарбовая).

«Установленные на текущемъ сеймѣ воеводскія комиссіи для порядка, равнымъ образомъ подчиненныя надзору стражи, будутъ получать предписанія отъ вышеупомянутыхъ посредствующ-

щихъ комиссій, смотря по предметамъ, принадлежащимъ власти и обязанностямъ каждой изъ нихъ.

«8. Судебная власть не можетъ отправляться ни законодательною властью, ни королемъ, но предоставляется магистратурамъ, на тотъ конецъ установленнымъ и выбраннымъ. Она должна быть привязана къ извѣстнымъ мѣстамъ, такъ чтобы всякій вблизи себя могъ находить правосудіе, а преступникъ вездѣ видѣлъ надъ собою грозную руку мѣстнаго правительства. Вслѣдствіе этого устанавливаемъ:

«1) Суды первой инстанціи для каждаго воеводства, земли или повѣта, въ которые судьи будутъ выбираться на сеймикахъ. Суды первой инстанціи всегда должны быть готовы оказывать правосудіе тѣмъ, которые въ немъ нуждаются. Апелляція на эти суды будетъ восходить въ главные трибуналы, учрежденные для каждой провинціи и составленные равномерно изъ выбранныхъ на сеймикахъ особъ. Эти суды какъ первой, такъ и послѣдней инстанціи, будутъ *земляскими* судами для шляхты и всѣхъ земляскихъ собственниковъ въ ихъ дѣлахъ съ кѣмъ бы то нибыло *de causis juris et facti* (по поводу права и факта).

«2) Сохраняемъ судебныя юрисдикціи во всѣхъ городахъ, сообразно съ закономъ настоящаго сейма о свободныхъ королевскихъ городахъ.

«3) Оставляемъ для каждой провинціи референдарскіе суды въ дѣлахъ свободныхъ поселянъ, по давнимъ правамъ подчиненныхъ этимъ судамъ.

«4) Сохраняемъ суды задворные, ассессорскіе, реляціонные и журляндскіе.

«5) Исполнительныя комиссіи будутъ имѣть суды по дѣламъ, принадлежащимъ ихъ администраціи.

«6) Кромѣ судовъ въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ, для всѣхъ сословій будетъ учрежденъ верховный судъ, называемый *сеймовымъ*, гдѣ будутъ засѣдать особы, выбранныя при каждомъ открытіи сейма. Этотъ судъ будетъ судить преступленія противъ народа и короля или государственныя (*crimina status*). Предписываемъ особамъ, назначеннымъ отъ сейма, составить новый кодексъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ.

«9. Регентствомъ будетъ Стража, а въ челѣ ея будетъ королева, а въ случаѣ ея отсутствія — примасъ. Регентство можетъ состояться только въ трехъ случаяхъ: 1) при малолѣтствѣ короля; 2) при болѣзни, сопряженной съ умопомѣшательствомъ; 3) еслибы король былъ взятъ въ плѣнъ на войнѣ. Малолѣтство считается до восемнадцати-лѣтняго возраста, а постоянное умопомѣшательство короля не иначе можетъ быть объявлено, какъ

по признанію большинства трехъ четвертей противъ одной голосовъ соединенныхъ Избъ готоваго сейма. Въ этихъ трехъ случаяхъ примасть польской короны обязанъ немедленно созвать сеймъ, а еслибы примасть уклонялся отъ этой обязанности, то сеймовый маршалъ разошлетъ окольные письма къ посламъ и сенаторамъ. Готовый сеймъ учредить очередь засѣданія министровъ въ регентствѣ и уполномочить королеву заступить мѣсто короля въ его обязанностяхъ. Когда же король, въ первомъ случаѣ, достигнетъ совершеннолѣтія, или во второмъ — совершенно выздоровѣетъ, или въ третьемъ — возвратится изъ плѣна, то регентство обязано дать отчетъ о своей дѣятельности и отвѣчать предъ народомъ, на ординарномъ сеймѣ, за время своего управленія, личностями и имуществами своихъ членовъ.

«10. Королевскіе сыновья, которыхъ конституція предназначаетъ къ престолонаслѣдію, есть первыя дѣти отечества и потому надзоръ за ихъ хорошимъ воспитаніемъ принадлежитъ народу, впрочемъ, безъ нарушенія родительскихъ правъ. Правящій государствомъ король, вмѣстѣ со Стражею и съ назначеннымъ отъ государственныхъ чиновниковъ надзирателемъ надъ воспитаніемъ королевичей, будетъ заниматься воспитаніемъ ихъ. Во время регентства воспитаніе ихъ будетъ поручено этому регентству вмѣстѣ съ упомянутымъ надзирателемъ. Въ обоихъ случаяхъ надзиратель, назначенный отъ государственныхъ чиновъ, обязанъ доносить каждому ординарному сейму о воспитаніи и успѣхахъ королевичей. На эдукационной комиссіи лежитъ обязанность составить и представить для утвержденія сейму инструкцію о воспитаніи королевскихъ сыновей, дабы въ ихъ воспитаніи твердыя правила вѣдряли въ умы будущихъ наслѣдниковъ престола заранѣе религію, любовь къ добродѣтели, отечеству, свободѣ и польской конституціи.

«11. Народъ обязанъ самъ себя защищать отъ нападеній и оберегать свою цѣлость. Всѣ обыватели суть охранители народной цѣлости и свободы. Войско есть не что иное, какъ извлеченная изъ всей общей силы народа и приведенная въ порядокъ оборонительная сила. Народъ обязанъ награждать и уважать свое войско, которое исключительно посвящаетъ себя его оборонѣ. Войско обязано охранять границы и всеобщее спокойствіе, словомъ, должно быть сильнѣйшимъ щитомъ народа. Для непогрѣшительнаго выполненія своего назначенія, войско должно оставаться въ повиновеніи у исполнительной власти, и сообразно съ содержаніемъ закона, обязано принести присягу на вѣрность народу и королю и на оборону народной конституціи. Народное войско можетъ быть употребляемо на защиту страны вообще, на

охраненіе крѣпостей и границъ и на вспоможеніе закону, еслибы кто оказался ему непослушнымъ.»

По прочтеніи этого проекта, которому дано было названіе: «Уставъ Правленія», Малаховскій, въ качествѣ маршала, произнесъ пышную похвалу этому уставу, признавалъ новое правленіе превосходнѣе англійскаго и американскаго, лучше всѣхъ существовавшихъ и существующихъ въ свѣтѣ и возсылалъ хвалы королю, котораго изображалъ виновникомъ такого великаго подвига.

Король на это отвѣчалъ, что, присягнувши на условіяхъ принятія короны (*pacta conventa*), онъ просить уволить его отъ обязательства по вопросу о наслѣдствѣ престола, которыя мѣшаютъ ему произнести свое мнѣніе. «Пусть прежде услышу волю сейма въ этомъ вопросѣ — свазалъ онъ — и буду считать настоящимъ день счастливѣйшимъ въ моей жизни, если этотъ проектъ обратится въ законъ. Повторю то, что уже говорилъ: король съ народомъ и народъ съ королемъ, такъ и до смерти буду повторять».

«Король съ народомъ и народъ съ королемъ! закричали прогрессисты. Згода, згода!»

Но въ то же время раздались крики: «нѣтъ згоды».

Сухоржевскій опять протѣснился на средину залы, таща за руку шестилѣтняго сына, и разыгрывая изъ себя римскаго героя, кричалъ: «Знаю, что злоумышляютъ на Рѣчь-Посполитую и на меня, перваго ея охранителя. Не боюсь ничего. На этомъ мѣстѣ, посреди сеймоваго засѣданія, убью собственное дитя. Пусть оно не доживетъ до рабства, которое приготовляетъ странѣ нашей этотъ проектъ».

Товарищи, принимая эту театральную сцену за дѣйствительное намѣреніе, вырвали испуганнаго ребенка изъ рукъ польскаго Брута.

Смятеніе въ Избѣ дошло до крайнихъ предѣловъ. Всѣ говорили, кричали и никто не слушалъ. Съ великимъ трудомъ маршалъ наконецъ упросилъ соблюдать порядокъ и говорить по очереди. Когда волненіе стихло, выступилъ подольскій посолъ Злотницкій, одинъ изъ защитниковъ шляхетчины и стараго порядка. «Все здѣсь — говорилъ онъ — противно свободѣ Рѣчи-Посполитой. Прошу прочесть *Pacta Conventa*. Здѣсь есть тѣ, которые помнятъ, какъ они были заключены 7 сентября 1764 года, между чинами Рѣчи-Посполитой и комиссарами вступавшаго тогда на престолъ Станислава-Августа».

«Читать, читать *Pacta Conventa*», закричали его единомышленники.

Прочли Pacta Conventa. Они явно были противны представляемому проекту, но прогрессисты говорили, что нація, предложившая королю условія, могла составить и новый законъ. Злотницкій, по прочтеніи условій, сказалъ: «Будучи посломъ отъ воеводства подольскаго, я долженъ объявить, что на избраніе, при жизни короля, преемника ему, въ особѣ саксонскаго князя-избирателя, подольская шляхта соглашается, но мнѣ не дано право увольнять его величество короля отъ обязанностей, налагаемыхъ на него условіями принятія короны и я не согласенъ на проектъ, который не былъ подвергнутъ обсужденію и не получилъ приговора конституціонной депутаціи».

Онъ счелъ нужнымъ польстить мѣщанамъ и сказалъ, что готовъ десять разъ подписать законъ о мѣщанскихъ правахъ. Видно, что многочисленное стеченіе мѣщанъ въ самой Избѣ пугало противниковъ.

За нимъ говорилъ старый Ожаровскій. Онъ прежде извинился въ недостаткѣ дара краснорѣчія. Потомъ замѣтилъ, что проектъ многопредметенъ и слабому понятію трудно его охватить, не только уразумѣть. Онъ говорилъ, что установленіе престолонаслѣдія не спасетъ Польшу отъ угрожающаго ей раздѣла, а во всякомъ случаѣ можетъ привести къ деспотизму и указывалъ, что для спасенія отечества нужно болѣе всего говорить объ увеличеніи казны и войска. Наконецъ онъ припомнилъ, что самъ онъ былъ посломъ отъ краковскаго воеводства въ 1764 г. и слышалъ королевскую присягу, а потому не только не хочетъ увольнять отъ нее короля, но особенно проситъ соблюдать ее въ данныя минуты. Ожаровскому хотѣлось пріостановить дѣло и навести сеймъ на другіе вопросы, и потому онъ хотѣлъ говорить о войнѣ; но эта тактика, удачная въ прежнее время, теперь была невозможна при такомъ волненіи.

За Ожаровскимъ разомъ явилось много охотниковъ блистать геройствомъ и краснорѣчіемъ. Отъ сеймоваго маршала зависѣло соблюсти очередь, и онъ далъ первый голосъ Забржевскому, познанскому послу. Это былъ большой свободолюбецъ и ненавистникъ вельможъ. О чемъ онъ ни начиналъ говорить, почти всегда нападалъ на вельможъ и поражалъ ихъ демократическою риторикою, перебѣгая отъ банальныхъ истинъ къ вудрявымъ софизмамъ. «Бьетъ часъ — воскликнулъ онъ. Намъ приходится или поддержать любезное паче жизни отечество, или погубить его и отдать на растерзаніе и грабежъ». Затѣмъ онъ распространялся о томъ, что такое свобода, доказывалъ, что свобода состоитъ въ томъ, чтобы законы, наложеніе податей, выборы магистратуръ исходили отъ народа, но избирательное правленіе, по его мнѣ-

нію, не отъ народа исходило. «Элекціи королей—говорилъ онъ—народъ не зналъ. Это выдумали вельможи. Не дѣлаю ни малѣйшаго намека на царствующаго нынѣ короля, который любитъ народъ больше себя. Но вообще скажу, что избранный король—губитель свободы и дѣлности отечества и готовъ отдать на растерзаніе управляемый имъ край, когда придется сохранить частицу его для своихъ интересовъ и наслѣдниковъ. Страна, управляемая избраннымъ королемъ, никогда не можетъ быть свободною отъ вліянія и возней чужихъ державъ.» Онъ восхвалялъ достоинства наслѣдственнаго короля, который, по его мнѣнію, не станетъ нарушать конституціи изъ одной любви къ своему потомству и изъ боязни, чтобы изъ-за него не пришлось отвѣчать наслѣдникамъ. «Насъ пугаютъ—продолжалъ онъ—что подъ наслѣдственнымъ правленіемъ республиканское правленіе измѣнится въ деспотизмъ. Деспотизма не знаютъ просвѣщенные народы, а въ этомъ проектѣ я вовсе не вижу вообще и монархизма. Но если бы даже въ Польшѣ внѣдрилась монархія, все же она не такъ ужасна, какъ раздѣлъ.»

За нимъ говорилъ изъ противной партіи князь Четвертинскій—человѣкъ, въ характерѣ котораго было что-то ребяческое въ смѣси съ хитростію. Послѣ короткаго вступленія, онъ сказалъ: «этотъ проектъ, писанный на нѣсколькихъ листахъ, составленный тайною интригою....»

Слова эти прерваны были взрывомъ негодованія. Четвертинскій спохватился и потомъ продолжалъ: «Я слышалъ его одинъ только разъ. Въ немъ много хорошаго, но есть и дурное. Вотъ хоть бы это: избранному королю народъ могъ отказать въ повиновеніи, если бы онъ не соблюлъ присяги, а по этому проекту наслѣдственный король увольняется отъ отвѣтственности. Хоть бы онъ что дурное сдѣлалъ—ничего ему не говори, а только министрамъ. Вѣрно вашему величеству силою навязываютъ этотъ проектъ. А главное: его проводятъ неслыханнымъ образомъ, безъ предварительнаго обсужденія, и приказываютъ намъ принимать его съ разу. Пусть меня сочтутъ послѣднимъ глупцомъ, а я его не понимаю. Какъ можно, разъ только услышавши, его понять? Я не личный врагъ ему. Пусть Богъ уничтожитъ меня и моихъ троихъ дѣтей, если я встаю противъ него изъ духа партийности. Но въ немъ гробъ вольности и я не соглашаюсь принимать его. Если моя гражданская ревность останется безъ послѣдствій, то, по крайней мѣрѣ, будьте свидѣтелями, что я протестовалъ и плакалъ».

Онъ дѣйствительно заплакалъ и сквозь слезы сказалъ: «буду носить трауръ до смерти или пока дождусь лучшихъ временъ».

Въ отвѣтъ на его рѣчь выступилъ краковскій посоль Линовскій, пламенный прогрессистъ. «Въ Польшѣ нѣтъ насилія — сказали онъ — кромѣ насилія просвѣщенія и добродѣтели, кромѣ рѣшимости спасти отечество отъ гибели. Я преклоняюсь предъ такимъ насиліемъ». Сдѣлавши нападеніе на вельможъ, онъ продолжалъ: «Слушайте, наяснѣйшіе чины, что я вамъ скажу. Знаете ли въ чемъ наибольшая похвала нашей конституціи? За три дни передъ этимъ разнеслась вѣсть по столицѣ о нашемъ предпріятіи, и уже находящіеся здѣсь иностранные министры заволновались. Я самъ ихъ встрѣчалъ въ домѣ особы, имѣющей доступъ къ королю. Я слышалъ, какъ они угрожали, пугали насъ, не скрывали отвращенія своего къ нашему дѣлу, въ надеждѣ, что все это передастся королю. Имъ не по сердцу наше правленіе: вотъ доказательство, что оно будетъ Польшѣ спасеніемъ.»

«Вы слышали—сказалъ ливскій посоль Кицинскій—говорять, уже миръ заключенъ и воевавшія державы хотятъ окупить свои издержки на нашъ счетъ. Чего жъ намъ ждать? Развѣ того, чтобъ панъ Булгаковъ, а не то, для бѣльшого нашего униженія, панъ Штакельбергъ, лучше знающій всѣ варшавскія пружины, возвратившись на прежнее мѣсто съ триумфомъ, именемъ императрицы объявилъ намъ, что мы уже не самобытный народъ, что Польша уже подчиненная ей провинція, что уже не конфедерация, не готовый сеймъ, не Стража, а онъ съ своимъ совѣтомъ будетъ управлять дѣлами страны нашей? Ждать ли намъ, чтобы войско московское разсѣяло и уничтожило наши полки и хоругви отчасти силою, отчасти хитростію и возбужденіемъ между нами недовѣрія, а затѣмъ предложило намъ свое покровительство, свою часть, алчущую нашего хлѣба, свои руки, жадныя нашего достоянія? Ждать ли намъ, чтобы пришелъ въ намъ еще казачій гетманъ съ донскимъ и запорожскимъ казачествомъ и указалъ намъ, въ политическомъ составѣ Европы, мѣсто ниже своихъ возлюбленныхъ казаковъ, или давно уже порабощенныхъ Москвою и привыкшихъ въ ярму татаръ и волоховъ (?)? Дождаться ли намъ, пока онъ, или кто другой, быть можетъ какою-нибудь полякъ, продавшій себя Москвѣ, пользуясь раздвоеніемъ нашего народа, столкнетъ съ престола нашего короля и самъ сядетъ на немъ, для исполненія замысловъ тѣхъ, которымъ будетъ служить орудіемъ? Хотите ли, чтобъ насъ возили въ Сибирь и Камчатку? Хотите ли, чтобы поругались надъ костелами и алтарями, грабили наши дома, а намъ за естественное самосохраненіе рубили руки и ноги, или осуждали на гнить въ кандалахъ? Неужели, достопочтенные чины, плѣняясь достоинствами избирательнаго трона, вы забыли, кто намъ уже сто лѣтъ даетъ

королей и свергаетъ ихъ? Августа II развѣ не навязали намъ насильно, а потомъ насиліемъ не принудили сложить съ себя достоинство? Лейпцигскаго развѣ не свергли съ престола? Августа III развѣ не собирались низложить? Нынѣ царствующему королю развѣ не угрожали тѣмъ же? А курляндскими герцогами, состоявшими подъ главенствомъ Рѣчи-Посполитой, московская фантазія развѣ не играла какъ мячиками, ссылая ихъ въ Сибирь и возвращая снова? А какъ уважаема была эта Изба, мѣсто народнаго совѣщанія? Епископы, сенаторы и послы развѣ не томились многіе годы въ неволѣ? Сокровища Радзивилловъ и вообще движимое имущество обывателей развѣ не вывозились въ Москву, и недвижимыхъ развѣ не грабили и не опустошали? Неужели васъ не приводятъ въ содроганіе встрѣчаемыя до сихъ поръ безрукія и безногія жертвы звѣрства Древича? О, на что способна эта гордыня! Она не проститъ вамъ того смертельнаго грѣха, что вы осмѣлились сбросить съ себя ея цѣпи и, въ продолженіи трехъ лѣтъ, считали себя независимымъ народомъ? Пусть только состоится миръ и застанетъ насъ безъ твердаго правительства, безъ конституціи, безъ порядка; тогда тѣ государства, что, опасаясь гигантскаго возрастанія Россіи, побуждали насъ противъ нея вооружаться, скажутъ той же Россіи: «Распоряжайся себѣ Польшею, только на насъ не гнѣвайся». Вотъ тогда-то случій архимандритъ и все схизматическое духовенство начнутъ вѣрнѣе и усерднѣе служить Москвѣ. Тогда-то успѣшнѣе пружиною фанатизма начнутъ подвигать и подстрекать къ бунту хлопство. Воротится къ намъ російское войско и опять къ офицерамъ невысокихъ чиновъ пріѣдутъ сенаторы и сановники съ просьбою освободить отъ постоа ихъ имѣнія, и будутъ по нѣсколько часовъ передъ дверьми ожидать аудіенціи, пока имъ не ояжутъ милости и не сложатъ съ нихъ тягостей, чтобы за то отяготить другихъ соотечественниковъ. Россійскій посланникъ, по продажѣ своего палаца, помѣстится поближе къ королю, чтобы наблюдать съ вѣмъ онъ бесѣдуетъ, кого жалуетъ. Министерскія мѣста, сенаторскія кресла будутъ раздаваться особамъ, которыя стануть ихъ покупать подлымъ угодничествомъ прихотямъ посланника и его любимцевъ и слугъ. Сенаторы, судьи, правители! Выбирайте, что вамъ лучше: потерять ли кавія нибудь-преимущества, которыя вы сами считаете вредными и жить заурядъ съ другими народами, счастливо, безопасно, подъ плодотворнымъ покровительствомъ правительства, въ странѣ свободной, благоустроенной; или оставаясь такими, какъ теперь, получать, посредствомъ подлостей и интригъ, мѣста, которыя надлежало бы занимать людямъ добродѣтельнымъ, способнымъ и заслуженнымъ, держаться на

нихъ раболѣпствомъ, безъ уваженія къ самимъ себѣ, безъ пользы для общества, чувствовать муки совѣсти всю вашу жизнь и слышать внутри своей страны противъ себя проклатія цѣлаго народа, а внѣ ея—презрѣнiе къ себѣ отъ чужеземцевъ? Намаснѣйшій государь! Больно, очень больно вспоминать протекшіе дни. Былъ ли мѣсяць—что я говорю, мѣсяць—была ли одна недѣля, одинъ день такой, чтобы ваше величество не терпѣли огорченій? По обязанности моей службы я очень часто приносилъ вашему величеству такіа свѣдѣнія, отъ которыхъ разрывалось ваше сердце, отъ природы чувствительное къ утѣсненію ближняго. Съ каждою почтою вы получали жалобы несчастныхъ; вы все дѣлали что могли, но съ горестію, при безсиліи правительства, не видѣли дѣйствительныхъ средствъ спасти ихъ. У всѣхъ у насъ выпѣло сердце, да нужно было сдерживаться, чтобы не потерять по крайней мѣрѣ надежды на возстаніе когда-либо. Теперь намъ все равно—погибать ли отъ непріятелей, или отъ соотечественниковъ, если изъ послѣднихъ найдутся такіе, что будутъ силиться возвратить Рѣчь-Посполитую къ давнему положенію. Панъ сеймовый маршалъ! Скорѣе установимъ правленіе; сегодня же—не иначе. Сегодня или упрочимъ счастье и безопасность отечества, или, жертвуя жизнію, подпишемъ безнадежность нашу о ея жребіи.»

Ни одна рѣчь не подѣйствовала на собраніе такъ сильно, какъ эта, дѣйствительно выходившая изъ ряда другихъ.—«Скорѣе, скорѣе! Принимайте проектъ, спасайте погибающее отечество!» кричали прогрессисты. Имъ вторили арбитры въ залѣ и на галереяхъ.

Толпа противниковъ сбилась въ кружокъ. Виленскій посолъ Корсакъ попросилъ дозволенія вести рѣчь.

«Наше воеводство—сказалъ онъ—какъ и другіе, соглашалось на избраніе саксонскаго князя-избирателя, памятуя доброе время блаженной памяти королей нашихъ изъ саксонскаго дома. А что касается до наслѣдственности престола, учрежденія совѣта подъ именемъ Стражи, нарушенія законовъ послѣдняго изъ Ягеллоновъ и нѣкоторыхъ другихъ пунктовъ, на то воли народа нѣтъ! Народная воля есть признакъ высшей воли! Отъ нея исходятъ священнѣйшіе законы! Но народная воля почіеть не въ послахъ, не въ сеймѣ, а въ цѣломъ составѣ обывателей, имѣющихъ право выбора представителей. Послѣдніе должны сообразоваться съ данными имъ предписаніями отъ избирателей. Такихъ инструкцій, которыя бы дозволяли вводить наслѣдственное правленіе и ниспровергать преимущества шляхетской вольности,—нѣтъ у насъ; напротивъ, намъ вмѣнили въ особенную обязанность не допускать наслѣдственнаго правленія и охранять шляхетскую воль-

ность. Такихъ инструкцій большинство. Въ нихъ видна воля народная! Я не властенъ отрѣшиться отъ нея и не смѣю приложить своего согласія въ этому проекту. Я обязанъ держаться инструкцій и воли моего воеводства. Наияснѣйшій король! Въ вашихъ универсалахъ, посланныхъ на сеймики, народъ спрашивался не о томъ, желаетъ ли онъ ввести наследственное правленіе и уволить націю отъ условій принятія короны (раста conventa), а о томъ: дозволяетъ ли онъ при жизни царствующаго короля избрать на польскій престолъ преемника въ особѣ саксонскаго князя-избирателя. Народъ и далъ свое рѣшеніе на то, о чемъ его спрашивали. Нельзя предлагать намъ обратитъ въ законъ то, на что народъ не изъявилъ согласія. Къ вамъ я обращаю рѣчь, господинъ сеймовый маршалъ! Ваши добродѣтельные качества не дѣлаютъ васъ похожимъ на Адама Понинскаго...»

Крики неудовольствія прервали его рѣчь. Они, однако, скоро перестали. Ораторъ успѣшилъ затереть невольно вырвавшійся намекъ на Понинскаго похвалами достоинствамъ Малаховскаго. «Подъ вашимъ управленіемъ—говорилъ онъ—на сеймѣ постановлено, чтобы каждый проектъ по прочтеніи въ Избѣ былъ отсылаемъ въ депутацію къ обсужденію (на делиберацію) и посламъ давался бы трех-дневный срокъ вникнуть въ него, а для этого проектъ долженъ раздаваться имъ въ печатныхъ экземплярахъ. Я прошу, чтобы и настоящій проектъ отправленъ былъ къ обсужденію: онъ касается такого важнаго предмета, отъ котораго зависитъ счастье или несчастье народа.»

Нельзя было не видѣть явной законности такого требованія. За Корсакомъ стали говорить тоже другіе, которые прежде, заглушаемые криками прогрессистовъ, не могли открытъ рта.

Станиславъ Потоцкій, одинъ изъ составителей проекта, отвѣчалъ Корсаку: «Чрезвычайныя обстоятельства требуютъ чрезвычайныхъ средствъ; я со стыдомъ долженъ сознаться передъ всѣми, что и мнѣ мое воеводство приказало поддерживать избирательное правленіе; но что же дѣлать, когда, по моему убѣжденію, одинъ только этотъ, слышанный вами, проектъ есть средство нашего спасенія, именно потому, что онъ учреждаетъ наследственное правленіе. Безъ него, хотя бы я видѣлъ у Рѣчи-Посполитой огромное войско и неисчислимыя сокровища, и тогда не сказалъ бы, что она внѣ опасности. Я поклонюсь моимъ собратіямъ и скажу имъ смѣло: я былъ за наследственное правленіе потому, что мои убѣжденія не позволили раздѣлять мнѣнія, приносяща явную гибель моему отечеству. Пусть кто хочетъ носить трауръ,

я не очень уважаю наружные знаки; но если этотъ проектъ не пройдетъ, я до смерти буду носить тоску въ сердцѣ.»

Станиславъ Потоцкій владѣлъ отлично реторикою, обращался къ королю, расхваливалъ его до небесъ, называлъ не только наилучшимъ королемъ въ свѣтѣ, отцомъ подданныхъ, но образомъ божества на землѣ; обращался и къ посламъ, умолялъ ихъ возростить колосъ славы на нивѣ народнаго благополучія, бросить вѣнецъ хвалы и величія къ ногамъ короля. Потомъ онъ сталъ на колѣни передъ божествами народнаго счастья, какъ онъ называлъ членовъ сейма, и умолялъ принять проектъ.

Его поддерживалъ добрыинскій посолъ Збоинскій, который для большаго подрѣпленія своего краснорѣчія привелъ примѣры изъ римской исторіи, помянулъ Брута, Регула, изъявлялъ желаніе, подобно послѣднему, пострадать за отечество.

Эти намеки на Римъ оживили поляковъ, которымъ Римъ, въ его лучезарномъ сіяніи, представлялся подобіемъ ихъ прежней Рѣчи-Посполитой, а герои римской республики, въ ихъ воображеніи, походили на ихъ собственныхъ гетмановъ, канцлеровъ и воеводъ. Все это довершило впечатлѣніе рѣчи Кицинскаго, расшевелившаго у поляковъ чувство національнаго самолюбія и задушевной неприязни къ москалямъ. Настроенная въ пользу переворота, публика разражалась громомъ одобреній на каждую рѣчь прогрессиста и не давала говорить противникамъ. Крики арбитровъ увеличивались и, наконецъ, всё слилось въ единомъ требованіи, немедленно принять проектъ новой конституціи. Голоса противниковъ были со всѣхъ сторонъ заглушаемы этими криками. Тогда подольскій посолъ Ржевускій, припомнивъ арестъ членовъ сейма, сдѣланный нѣкогда Репнинымъ, восклицалъ, что чувствуетъ жажду мщенія москалямъ и призывалъ товарищей скорѣе стереть съ отечества пятно, наложенное московскою гордынею. «Наияснѣйшій король—сказалъ онъ наконецъ—позволь пану сеймовому маршалу немедленно спросить чиновъ о согласіи».

Множество голосовъ закричало: «просимъ! просимъ!»

«Большинство очевидно согласно—сказалъ Ржевускій—если же оппозиція не допуститъ, я къ ногамъ вашего величества повергаю увѣреніе, что не выйду изъ Избы, пока не послѣдуетъ рѣшеніе этого проекта».

«И мы не выйдемъ», закричало множество голосовъ.

«И мы также не выйдемъ», кричали противники.

«Съ обѣихъ сторонъ—продолжалъ Ржевускій—заявляютъ рѣшимость не выходить. Ваше величество произнесите гражданскую присягу хранить конституцію, и каждый изъ насъ, кто

только любить отечество, не только съ охотою послѣдуетъ ва-
шему примѣру, но и пролеть за конституцію свою кровь».

«Просимъ! Просимъ!» кричали со всѣхъ сторонъ. Уже былъ
седьмой часъ съ открытія засѣданія. Человѣческаго терпѣнія не
ставало продолжать его и многіе желали, чѣмъ бы ни кончить,
лишь бы кончить.

«Милостивые государи! сказалъ король, ежели кому, то бо-
гѣе всѣхъ мнѣ прилично задуматься надъ этимъ проектомъ.
Идетъ дѣло о любви народа ко мнѣ, а это для меня единствен-
ное и драгоценнѣйшее сокровище, которое я съ собою хочу уне-
сти въ могилу. Я прохожу уже шестидесятый годъ моей жизни,
впереди для меня остается мало лѣтъ, а потому нечего мнѣ
угождать страстямъ, которыя обыкновенно приписываются госу-
дарямъ. Вы сами видѣли, въ теченіи этого сейма, что я не про-
водилъ никакихъ плановъ, ни для себя, ни для своихъ родныхъ;
напротивъ, какъ только узналъ, что народъ склоняется удалить
тѣ опасности, которыя неразлучны со всякимъ безкоролевіемъ,
я не только согласился съ этимъ, но и тѣмъ, которые по до-
брожелательству ко мнѣ совѣтовали мнѣ имѣть въ виду свои
личные интересы и приводили извѣстную пословицу, что передъ
восходящимъ солнцемъ должно уступать заходящее, я отвѣчалъ
такъ: «мою личность я считаю второстепеннымъ дѣломъ, а глав-
нымъ — благосостояніе страны.» Поэтому, такъ какъ я не ста-
раюсь ни о себѣ, ни о своихъ кровныхъ, то и надѣюсь, что
меня выслушаютъ съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ того короля,
который за полтора столѣтія передъ нами носилъ истинно тер-
новый вѣнецъ. Я говорю о добромъ, благоразумномъ, мужествен-
номъ, но несчастномъ Янѣ Казимирѣ. Для пользы страны, для
безопасности свободы и существованія Польши, онъ совѣтовалъ
заранѣе установить наследственность, какъ единственное сред-
ство охранить Польшу отъ бѣдствія безкоролевія. Его не слу-
шали; мало этого — его преслѣдовали за это; и онъ, оскорблен-
ный, покинулъ престолъ, на которомъ не могъ съ польвою слу-
жить отечеству. Его предвѣщанія оправдались: они послужили
намъ урокомъ; теперь, какъ я слышу, большинство народа, боль-
шинство членовъ сейма, желаютъ прочнымъ правительствомъ и
крѣпостью престола навсегда утвердить спокойствіе и счастье на-
шего края. Знаю, что готовлю себѣ непріятности, но считаю
долгомъ раздѣлять это желаніе. Прибавлю, еще въ послѣдніе дни,
между иностранными министрами было говорено такъ: «будемъ
стараться разными вымыслами отстранять умы сеймовыхъ чле-
новъ отъ этого шага; пускай Польша всегда нуждается въ под-
порѣ, пусть будетъ въ постоянной боязни безъ крѣпкаго прав-

ленія, пусть унижается передъ чужими и кланяется имъ, чтобы ей не было худо». Одинъ изъ нихъ, который болѣе всѣхъ отсо-вѣтывалъ дѣлать перемѣны, сказалъ такъ: «затѣи поляковъ про-тивны интересамъ нашихъ дворовъ и мы должны ихъ отводить отъ спасительныхъ мѣръ; но если они сдѣлаютъ то, что замыш-ляютъ, то поважутъ, что умнѣ насъ, и мы будемъ уважать ихъ болѣе чѣмъ прежде». Такъ дошло до моихъ ушей. Скажу еще, уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ мнѣ сообщенъ этотъ проектъ, я колебался, я боялся вреда лично для себя. Теперь, когда я услы-шалъ эти слова иностранныхъ министровъ, я увидѣлъ въ нихъ послѣднее рѣшеніе судьбы: теперь я рѣшительно пристаю къ проекту вмѣстѣ съ другими, не забывая о томъ, что со мною быть можетъ. Кто любитъ отечество, тотъ долженъ желать, чтобы этотъ проектъ обратился въ законъ. Поэтому, не угодно ли вамъ, господинъ сеймовой маршалъ, согласно вашему достоинству, дать мнѣ и цѣлому обществу возможность узнать, могу ли я считать этотъ день счастливейшимъ? Или мнѣ придется запла-вать объ отечествѣ! Узнаемъ, кто съ нами; услышимъ настоя-щую волю сейма».

— «Всѣ, всѣ съ маршаломъ! Да здравствуетъ король! да здравствуетъ конституція!» раздалось множество голосовъ.

Большинство Избы очевидно было за проектъ. Противники однако сомнѣвались въ этомъ, и думали, что крики исходятъ отъ арбитровъ, наполнявшихъ галлерей и всѣ входы. Маршалъ не рѣшался иначе приступить къ спросу, какъ напередъ поль-стивши противникамъ.

«Голосъ короля—сказалъ онъ—надѣюсь приведетъ къ еди-ногласію; я уважаю мнѣніе тѣхъ товарищей, которые думаютъ иначе и хотятъ отдать проектъ на обсужденіе, но настоящий день есть день революціи. Для спасенія отечества слѣдуетъ отложить формальности въ сторону. На мой вопросъ о со-гласіи я попрошу тѣхъ товарищей, которые за проектъ, оста-ваться въ молчаніи, а тѣхъ, которые противъ проекта, заявить объ этомъ. Такимъ образомъ легче узнается, за кѣмъ боль-шинство».

Оборотъ, данный дѣлу маршаломъ, былъ неожиданъ для про-тивниковъ; они боялись высказаться, чтобы не остаться въ слиш-комъ маломъ числѣ, и не подвергнуться оскорбленіямъ, которыя, при сильномъ раздраженіи, могли зайти далеко. Минуты четыре всѣ молчали, наконецъ выступилъ ошмянскій посолъ Хоминскій и сказалъ:

«И собственныя мои убѣжденія и данныя мнѣ инструкціи не дозволяютъ мнѣ соглашаться на наслѣдственное правленіе.

Наяснѣйшіе чины, мнѣ никогда и въ мысль не приходило, чтобы проектъ объ измѣненіи правленія былъ внесенъ въ Избу въ такую нелѣю, которая, по установленному порядку дѣлопроизводства, посвящена экономическимъ предметамъ, и притомъ безъ предварительнаго обсужденія. Одинъ разъ его прочитали и хотятъ обратить въ законъ. Но въ этомъ священномъ мѣстѣ я слышу, что настоящій день есть день революціи. А если такъ, то я скажу: народъ! бойся теперь деспотизма, пусть этотъ примѣръ служить тебѣ увѣреніемъ: въ противность большинству инструкцій, вмѣсто избирательнаго учреждается наследственное правленіе, устанавливается правительство близкое къ деспотизму. Видишь ли, народъ, сеймъ сталъ господиномъ твоей воли; ты, народъ, уже утратилъ право давать власть своимъ представителямъ. Наяснѣйшій король, надѣюсь, что ваше королевское величество подадите свой голосъ, чтобы этотъ проектъ проходилъ формальнымъ образомъ, какъ законъ велитъ, я же съ своей стороны прочту передъ вами, наяснѣйшіе чины, данную мнѣ инструкцію. Скажу еще вамъ, наяснѣйшіе чины, что никакой человѣческой памяти не хватитъ объять этотъ проектъ о важнѣйшемъ предметѣ, написанный на нѣсколькихъ листахъ и прочитанный только разъ. Какъ бы то ни было, Богъ и вы всѣ свидѣтели, я не соглашаюсь на проектъ».

— «Я принужденъ покориться силѣ — сказалъ князь Сангушко — но протестую противъ безправія. Если этотъ проектъ долженъ пройти путемъ революціи, пусть дозволятъ по крайней мѣрѣ исправить въ немъ то, что окажется вреднымъ тогда, когда члены сейма возвратятся къ естественному и законному ходу своихъ занятій».

За нимъ говорилъ Казимиръ-Несторъ Сапѣга. До сихъ поръ онъ зналъ себѣ дѣлу и молчалъ, чтобы помнить ждавшихъ его слова и потомъ произвести большій эффектъ. Въ отборныхъ, но избыткѣхъ фразахъ онъ распространился о томъ, что избирательное и наследственное правленіе имѣютъ свои выгоды и невыгоды; всего болѣе однако болталъ о самомъ себѣ; наконецъ, потребовалъ еще разъ прочитать проектъ.

«Не надобно! не позволяемъ! не позволяемъ читать!» — раздались голоса.

«Можно позволить читать его въ другой разъ — сказалъ варшавскій посоль Шанецкій — но только съ тѣмъ, чтобы не дѣлать приложений и поправокъ, а если нельзя ихъ допускать, то не зачѣмъ и время терять на чтеніе».

Поднялась разногласица. Противники въ маломъ числѣ кри-

чали: «читать проект!» Большинство кричало: «не читать!» — Сухоржевскій закричалъ: «и читать не надо, и принимать не надо!» — Ободренные его примѣромъ, нѣкоторые повторили то же.

— «И читать его, и разсуждать о немъ нѣтъ нужды! — сказалъ инфлянтскій посоль Забѣлло — я самъ былъ всегда противъ излишней власти королей, и находилъ этотъ недостатокъ въ проектѣ; но въ немъ теперь сдѣланы надлежащія измѣненія, и я за проектъ! Заклинаю васъ именемъ любви къ отечеству, примите новую конституцію, прошу тебя, наияснѣйшій король, произнеси первый гражданскую присягу, а мы всѣ за тобой!»

Раздалось множество голосовъ: «Згода! згода! згода!»

Сенаторы окружили короля. Въ это время въ Избу нахлынули новые арбитры и кричали: «Вивать конституція!» Такія же восклицанія раздались за дверьми и на улицѣ. Казалось, въ самомъ дѣлѣ цѣлый народъ требовалъ совершенія дѣла, хотя изъ кричавшихъ почти никто не зналъ въ чемъ состоитъ эта конституція.

Въ это время къ трону протѣснилась голстогубая съ выдавшимся подбородкомъ фигура Сухоржевскаго. Онъ упалъ на землю, распростеръ руки вкрестомъ и кричалъ: «по трупъ моему пройдетъ въ присягѣ, убивающей старопольскую свободу». Окружавшіе послы подняли его и отвели прочь. Голоса въ пользу проекта продолжали раздаваться; голосовъ противниковъ уже никто не слыжалъ.

Тогда король сказалъ:

«Вижу явную и твердую волю всего сейма и приглашаю васъ, превелебный отецъ краковскій епископъ, прочитайте форму присяги, которую я произнесу за вами».

Краковскій епископъ Турскій приблизился къ трону съ евангелиемъ въ рукѣ. Все замолчало. Король, положи палцы на евангелие, повторялъ слова прочитанной епископомъ присяги.

«*Jugavi Domino, non me roenitebit*» (поклонялся Господу и не раскаюсь) произнесъ послѣ того король: «Друзья отечества, за мной въ костѣль; принесемъ Богу общую присягу и возблагодаримъ его за то, что онъ дозволилъ намъ совершить торжественное и спасительное дѣло».

Король пошелъ къ дверямъ; за нимъ толпа съ неумоляемыми криками: «Вивать король! Вивать конституція!» Вся Изба отправилась за королемъ въ костѣль св. Яна. На пути король прошелъ черезъ рядъ польскихъ женщинъ, которыя изъявляли радость о спасеніи отечества и величали его виновникомъ народнаго благополучія. Это увеличило восторгъ Станислава-Августа,

всегдашняго любителя прекраснаго пола. Въ костѣлѣ развѣва-
лось уже множество знаменъ и значковъ городскихъ варшавскихъ
цеховъ и братствъ. Обоихъ маршаловъ съ честью внесли на ру-
кахъ въ костѣль.

Передъ принесеніемъ присяги, Казимиръ-Несторъ Сапѣга произ-
несъ длинную рѣчь: сперва восхвалялъ свои добродѣтели, угѣрялъ,
что никогда не руководился ни чужой волею, ни чужеземнымъ
принужденіемъ, а всегда слѣдовалъ голосу собственнаго убѣжде-
нія; припомнилъ также, какъ всегда ругалъ Москву. — Несмотря на
мѣсто, которое я занимаю, говорилъ онъ, я до нынѣшняго засѣданія
не имѣлъ понятія объ этомъ проектѣ; сегодня въ первый разъ услы-
шалъ его и потому просилъ читать другой разъ. Этого не сдѣлалось.
Я, сколько могъ его обнять, нашелъ въ немъ вещи, съ которыми
несогласенъ. Главное — наслѣдство престола. Но такъ какъ бѣль-
шая часть членовъ признаетъ его закономъ, а король утвердилъ
его присягою, то я не хочу отступать отъ общей воли и про-
зводить раздоры, которыми бы воспользовались иностранныя го-
сударства. Несогласія и внутреннія ссоры всегда были причиною
бѣдствій Польши. Народное всевластіе, просвѣщенное опытомъ,
можетъ исправить ошибки въ правительственныхъ уставахъ; но
послѣдствія войнъ, опустошенія нашей земли иноземными вой-
сками, которыя будутъ входить подъ предлогомъ мирить насъ,
наконецъ, новый раздѣлъ Польши — все это бѣдствія, которыхъ
ничто не вознаградитъ. Я не такъ самолюбивъ, чтобы считать
свое мнѣніе о благѣ отечества лучше мнѣнія короля, почтеннаго
маршала коронной конфедерациі и таковаго множества уважаемыхъ
членовъ сейма. Подъ щитомъ ихъ доблестей и я приступаю къ
присягѣ, которую король произнесъ въ присутствіи всѣхъ чи-
новъ Избы».

Многочисленные друзья Казимира-Нестора Сапѣги, которыхъ
онъ пріобрѣлъ своимъ широкимъ хлѣбосольствомъ, окружили его,
подняли на руки, восхваляли его геройство и стойкость характера,
примѣрную готовность пожертвовать собственными убѣжденіями
общему благу. А между тѣмъ, не задолго до этого онъ сносился
съ Булгаковымъ и казался человѣкомъ, преданнымъ Россіи, вра-
гомъ нововведеній и далъ русскому посланнику слово дѣйствовать
противъ нихъ.

Послѣ апотеоза добродѣтелей Сапѣги, краковскій епископъ
читалъ присягу. Всѣ члены сейма, а за ними народъ, наполняв-
шій костѣль св. Яна, подняли руки вверхъ и повторяли слова
присяги. По окончаніи присяги, заигралъ органъ и запѣли «*Te
Deum laudamus*», а со стѣнъ замка ударили изъ пушекъ. Солнце
уже было на закатѣ.

Изъ костѣла король просилъ всѣхъ снова въ сеймовую залу подписывать законъ. Въ то время, какъ въ костѣлѣ совершался обрядъ присяги, въ сеймовой залѣ оставались противники, распалаемые Сухоржевскимъ; онъ убѣждалъ товарищей записать въ актахъ протестацію противъ принятой конституціи. Прогрессисты въ послѣдствіи хотѣли увѣрить, будто противниковъ было только человѣкъ двадцать; маршалъ Малаховскій писалъ къ племяннику, что ихъ было только девятнадцать, но безпристрастные современники говорятъ не то; по извѣстію саксонскаго министра Эссена изъ 157 человѣкъ, бывшихъ тогда на лицо, 69 (50 пословъ и 19 сенаторовъ) объявили себя противъ конституціи. Также русскій посланникъ говоритъ, что по уходѣ короля въ костѣлъ въ сеймовой залѣ оставалось болѣе 50-ти человѣкъ; нѣкоторые изъ противниковъ отправились въ городъ записать въ судѣ протестацію, но всѣ канцеляріи были заперты; другіе тотчасъ уѣхали изъ Варшавы записывать свои протестаціи въ другихъ городахъ.

По возвращеніи короля и членовъ Избы въ залу, туда опять набилось множество арбитровъ съ криками: «Вивать король! вивать конституція!» Маршалы первые подписали новый уставъ и получили порученіе привести въ присягѣ комиссіи, управлявшія государствомъ. За маршалами подписывали сенаторы и послы. Злѣйшій, но тайный противникъ конституціи, гетманъ Браницкій, не только подписалъ ее, но даже расхваливалъ. Другіе противники, если не подписывали, то не смѣли болѣе кричать. Въ заключеніе объявлено, что отселѣ всякій, кто будетъ противиться конституціи, и по этому поводу покушаться возбуждать раздоръ, объявляется врагомъ отечества и подлежитъ сеймовому суду. Въ память совершенія великаго событія постановили построить храмъ подъ названіемъ храма Провидѣнія и праздновать ежегодно день 3-го мая ¹⁾. Тѣмъ и кончилось это шумное, памятное въ польской исторіи и пагубное по своимъ послѣдствіямъ засѣданіе; слѣдующее за тѣмъ было назначено въ четвергъ, 5-го мая.

Народъ ликовалъ цѣлый вечеръ, городъ былъ иллюминированъ. «Вотъ каковы мы, поляки! — кричали тогда самохвалы — мы выше французовъ, даромъ, что они гордятся превосходствомъ своей образованности; у насъ, въ день революціи, не было ни патрулей,

¹⁾ Вліятельнѣйшіе изъ оппозиціи, въ то время, кромѣ Сухоржевскаго, были госл: познанскій Мѣжинскій, ланцидскій Кретковскій, люблинскій Длускій, холмскій Кяцкій, подольскіе: Злотницкій и Мѣрзеевскій, волынскіе: Пивинскій, Загурскій, Гулевичъ и Кршудскій; черниговскій, Радзминскій, сендомирскій Скорковскій, закрочимскій Зѣльнскій, сенаторъ князь Четвертинскій и др.

ни карауловъ, не предпринято никакихъ усиленныхъ полицейскихъ мѣръ, а все сошло спокойно».

Войсковая и скарбовая коммисіи въ тотъ же день были приведены къ присягѣ, но когда было приказано сдѣлать тоже конституціонной депутаціи, то президентъ ея на то время, епископъ Коссаковскій, началъ прибѣгать къ уловкамъ. Онъ, какъ эгоистъ, болѣе всего думалъ о себѣ, и какъ человѣкъ разсудительный, понялъ, что дѣло конституціи не состоится; однако видя, что все склоняется къ ней, не сталъ противиться, даже расхваливалъ новую конституцію, только заявилъ, что она рѣшена на сеймѣ неправильно, и потому депутація не можетъ ее подписывать. «Не было—говорилъ онъ—единогласія, но и явнаго большинства мы не знаемъ, потому что не было баллотировки.» Онъ предлагалъ новый проектъ на баллотировку. Этимъ думалъ онъ возбудить раздоръ въ депутаціи и тормозить дѣло. Члены депутаціи согласились на предложеніе, надѣясь, что большинство будетъ за конституцію.

На другой день послѣ 3 мая, въ среду, отворили канцелярію и дозволили записывать протестаціи, но только противъ одного пункта конституціи, именно наслѣдственнаго правленія, не касаясь другихъ.

На слѣдующее засѣданіе, въ четвергъ, 5-го мая, вслѣдъ за посланимъ нахлынуло въ залу множество арбитровъ всякаго званія съ оглушающими криками: «вивать король! вивать конституція! король съ народомъ, и народъ съ королемъ!» Коссаковскій говорилъ рѣчь, стараясь и поддѣлаться къ большинству, и въ то же время устроить для него западню. «Я отнюдь не думалъ—сказалъ онъ—что-нибудь говорить противъ этого закона, или подвергать осужденію способъ его провозглашенія, но въ той же самой конституціи нахожу достойное похвалы условіе, позволяющее дѣлать поясненія въ подробности статей, которыя бы иначе могли, по своей связи, возбуждать ошибочныя мнѣнія и превратныя толкованія. Я не противлюсь волѣ чиновъ, тѣмъ болѣе, что нахожу въ челѣ ихъ благонамѣреннаго короля. Суетная неприязнь приписывала мнѣ иной способъ мышленія, но я имѣлъ счастье слышать отъ самого короля, что его величество этому не вѣритъ. Мнѣ остается, наяснѣйшіе чины, успокоить совѣсть, связанную присягою, относительно подписи конституціи.»

«Ничто—сказалъ Линовскій—не можетъ уволить конституціонной депутаціи отъ подписи. Она обязана подписывать народную волю на сеймѣ. Я самъ видѣлъ, и весь народъ со мною также, какъ достойный сенаторъ и епископъ панъ Коссаков-

скій, въ костёлѣ, вмѣстѣ съ прочими, стоялъ съ поднятою вверхъ рукою въ знакъ торжественнаго объѣта. По этому нѣтъ необходимости требовать отъ насъ признанія относительно подписи того, въ чемъ уже присягнули передъ Богомъ».

«Згода, згода! вричало множество голосовъ. Просимъ пановъ депутатовъ подписать конституцію».

«Я уже говорилъ и теперь говорю—сказалъ Казимиръ-Несторъ Сапѣга—что мои убѣжденія при мнѣ, а я тамъ, гдѣ король и честные сограждане. Я слѣдую ихъ примѣру. Если конституція принесетъ народу счастье, виновниками его будутъ они; если же нѣтъ, я утѣшаю себя тѣмъ, что шелъ по слѣдамъ просвѣщенныхъ и честныхъ согражданъ.» За тѣмъ Сапѣга не утерпѣлъ, чтобы, по своему обычаю, не распространиться о собственныхъ достоинствахъ, о своей чистой совѣсти, честномъ поведеніи и геройскомъ подвигѣ третьяго мая.

«Згода, згода! Пусть паны депутаты подписываютъ конституцію», раздалось снова.

Членамъ депутаціи не оставалось ничего болѣе, какъ подходить къ столу и подписывать. Увидя, что дѣло конституціи беретъ верхъ, противники стали переходить на ея сторону. Корсакъ, такъ выразительно говорившій противъ нея третьяго мая, теперь сказалъ: «Чувство, побуждавшее меня и другихъ не соглашаться на конституцію, было тоже, которое одушевляло и тѣхъ, что за нее стояли. И у нихъ и у насъ были на то поводы въ инструкціяхъ. Оказывалось, что у нихъ народъ за наследственное правленіе, у насъ за избирательное. Король склонился на сторону желающихъ наследственного; теперь и намъ слѣдуетъ сдѣлать тоже, чтобы раздвоеніе не принесло горькихъ плодовъ для отечества.» Онъ просилъ позволенія поцѣловать руку короля въ знакъ благодарности.

Его допустили къ руцѣ. Онъ произнесъ присягу и поднялъ конституцію. То, что приводилъ Корсакъ въ свое оправданіе, была только юридическая уловка. Инструкцій въ пользу наследственнаго правленія было очень мало въ сравненіи съ инструкціями противнаго содержанія.

Подобно ему поступили Глищинскій, Шидловскій, Шаноцкій и, послѣ длинной рѣчи, Матушевичъ, членъ депутаціи иностранныхъ дѣлъ; онъ, хотя и составлялъ реляцію о депешахъ, побуждавшихъ къ скорѣйшему принятію конституціи, но не зналъ, какъ увѣрять, о замыслѣ ввести конституцію, былъ пораженъ ея неожиданностію и потому 3-го мая былъ въ числѣ ея противниковъ. «Теперь, говорилъ онъ, я познакомился съ нею

и убѣдился въ ея спасительности.» За нимъ присягнули послы, которые не были въ засѣданіи третьяго мая. Изъ нихъ были Вавржецкій, Косцялковскій, Забѣлло, Зѣнковичъ, Тышкевичъ, и др. Они объяснились такъ: «мы были связаны инструкціями, данными намъ на сеймикахъ; но теперь дѣло окончено: наша боязнь прошла; мы убѣдились, что новая конституція не расширяетъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, королевской власти, не хотимъ отставать отъ другихъ и готовы содѣйствовать общему дѣлу». Но волынскіе послы: Пининскій и Загурскій, сендомирскій Сворювскій и закрочимскій Зелинскій, не смѣя нападать на законъ, уже состоявшійся, затрогивали его только по частямъ и главное упирали на то, что дѣло совершилось безъ легальной формальности. На это патриоты имъ возражали, что настоящее дѣло есть революціонное, необходимое для спасенія отечества, и потому несоблюденіе легальныхъ формальностей было неизбѣжно. При этомъ патриоты разсыпались въ чрезвычайныхъ похвалахъ своему произведенію, увѣряли, что послѣ провозглашенія этого акта Польша стала страшною для сосѣдей и внутри ея водворились порядокъ и безопасность. «Это, говорили они, такое великое дѣло, котораго цѣлые вѣка дожидались и не видали». Среди восторговъ выступилъ брацлавскій посолъ Северинъ Потонскій, находившійся въ комиссіи для повѣрки войсковой комиссіи и объявилъ, что въ арсеналѣ совѣмъ нѣтъ запаснаго оружія. Онъ подаль проектъ о предписаніи войсковой комиссіи отнестись въ скарбовую комиссію для присканія средствъ къ скорѣйшему вооруженію войска. Проектъ былъ принятъ единогласно, но, въ сущности, онъ ничего не могъ пособить дѣлу; скарбовая комиссія не въ силахъ была прискаты большія средства, какихъ было нужно и открытый недостатокъ въ оружіи ясно указывалъ малую надежду на прочность конституціи, которая приводила патриотовъ въ такое упоеніе. Но патриотамъ не хотѣлось видѣть никакихъ черныхъ сторонъ; они тѣшились только свѣтлыми, а коварный Коссаковскій предложилъ устроить въ честь провозглашенія конституціи празднество и избрать для этого день 8-го мая, день св. Станислава, день именинъ короля, котораго онъ называлъ виновникомъ спасенія отечества.

Въ эти дни и слѣдующіе за ними, въ Варшавѣ всѣ надѣли на себя кожаную лакированную перевязь съ овальною бляхою, на которой была надпись: «Король съ народомъ! Народъ съ королемъ!» Первый, кто подаль этому примѣръ, по извѣстію Охоцкого, былъ Казимиръ-Несторъ Сапѣга. Золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ дѣлъ мастера только и дѣлали, что эти бляхи,

а сѣдельники перевязи. Тѣ, которые носили польскую одежду, вѣшали эти перевязи на кунтуши или на жупаны, когда кунтушь, или фerezія или чамара надѣвалась на опашь; тѣ, которые сохраняли французскій нарядъ, вѣшали ихъ на жилеты: впрочемъ, тогда, въ жару патріотизма, большинство поляковъ спѣшило надѣвать національную одежду. Сперва эти перевязи съ бляхами были очень дороги, продавались по четыре червонца, а потомъ, когда уже громада публики запаслась ими, цѣна на нихъ стала спадать и дошла до двухъ талеровъ. Дамы также выдумали себѣ знакъ: то были небеснаго цвѣта ленты у шляпокъ и такія же пояски съ надписью, сдѣланной чернымъ цвѣтомъ: «Король съ народомъ, народъ съ королемъ!» Первая явилась съ этими знаками пани Тышвевичъ (племянница короля) и за нею бросились всѣ покупать подобныя, и охотницъ было такъ много, что лоботь таковой ленты стоилъ до червонца; впоследствии цѣна упала на 3 злотыхъ. Въ эти дни и слѣдующіе за ними увлеченіе новизной доходило до террора; толпа, казалось, была готова растерзать всякаго, кто осмѣлится сказать недоброе о конституціи. Даже люди, которые признали и подписали ее, подвергались угрозамъ за то, что прежде противъ нея говорили. Гетманъ Браницкій не противился, всачески хвалилъ конституцію, а задорные патріоты кричали, что его надобно убить, какъ человѣка московской партіи. Самъ Казимиръ-Несторъ Салѣга подвергался порицаніямъ, несмотря на то, что задорно кричалъ противъ Москвы, несмотря на то, что его друзья и сторонники превозносили его великіе подвиги, несмотря даже на то, что онъ первый ввелъ въ употребленіе перевязь съ бляхою. И ему не всѣ прощали то, какъ онъ осмѣлился заявить, что новая конституція не согласна съ его убѣжденіями. Никто, впрочемъ, не зналъ и не предполагалъ, какъ этотъ человѣкъ передъ тѣмъ давалъ Булгакову честное слово противодѣйствовать перевороту. Епископъ Коссаковскій, какъ говорится, лѣзъ изъ кожи за новую конституцію, спорилъ за нее, даже съ ея защитниками, если они находили какія-нибудь частности несовершенными и удобно отмѣнимыми впоследствии. Коссаковскій твердилъ, что подобнаго чуда еще не было на свѣтѣ и Польшѣ предстоить сдѣлаться самою счастливою страной въ мірѣ. Несогласныхъ съ конституціею пословъ было на дѣлѣ несравненно болѣе, чѣмъ согласныхъ, но многіе изъ нихъ, видя, что имъ ничего не остается дѣлать на сеймѣ, уѣзжали въ свои имѣнія, но не смѣли однако объявить, зачѣмъ они это дѣлаютъ: они отговаривались кто болѣзнью, кто старостью.

Сеймовой судъ грозилъ процессомъ всякому, кто станетъ противиться конституціи.

8-го мая, въ назначенный для торжества день, въ одиннадцать часовъ утра, король принималъ поздравленія отъ сената, министровъ, пословъ и частныхъ лицъ, выслушавъ привѣтственную рѣчь маршала Малаховскаго, истощившаго ему самья изысканныя похвалы, потомъ отправился, окруженный придворными, въ костѣль св. Креста, гдѣ, послѣ обѣдни, всендѣзъ Витшевскій произнесъ слово, а потомъ, не выходя изъ костѣла, король раздавалъ многимъ знаки ордена св. Станислава. По возвращеніи въ замокъ онъ принималъ поздравленія отъ иностранныхъ министровъ. Вечеромъ весь городъ былъ освѣщенъ: домъ маршала Малаховскаго и городская ратуша особенно блистали потѣшными огнями.

Наканунѣ этого праздника былъ составленъ и разосланъ универсалъ, которымъ сеймъ оповѣщалъ народъ о совершившейся конституціи. «Извѣщаемъ народъ—было въ немъ сказано—о томъ, что милосердый Богъ съ нами сотворилъ. Отечество наше спасено, свобода наша обезпечена, теперь мы стали народъ сильный и независимый; на насъ нѣтъ болѣе цѣпей рабства и неурядицы; всемогущая десница Божія ихъ разорвала; громы и бури, приготовленные на погибель отечества нашего, обращены къ его спасенію. Знайте, почтенные обыватели, и пусть грядущіе вѣка знаютъ и никогда не забываютъ, какъ рука Божія повела насъ къ давножеланной цѣли неисповѣдимыми путями: внезапно спала повязка съ глазъ нашихъ; чины сейма уразумѣли, что только въ насъ самихъ, а не гдѣ-нибудь, слѣдуетъ искать средствъ спасенія отечества и всеобщей свободы; что только благородная и мужественная рѣшимость можетъ удержать насъ на краю пропасти отъ опасныхъ сѣтей для насъ разставленныхъ». Далѣе, въ универсалѣ объяснялось, какъ бдительные министры Рѣчи-Посполитой при иностранныхъ дворахъ представили вѣрный образъ несчастій и бѣдствій, угрожавшихъ Польшѣ, и какъ ихъ извѣстія побудили членовъ сейма, вмѣстѣ съ королемъ, совершить дѣло, которое слѣдуетъ считать дѣломъ цѣлаго народа. Народъ призывали довѣряться сейму и доброму королю и не слѣдовать тому правилу, которое часто повторялось для обольщенія народа, будто монархическое правленіе ведетъ къ рабству; напротивъ, анархія приводитъ къ рабству и погибели. Собственно о наслѣдственномъ правленіи говорить избѣгали. Этотъ универсалъ, въ печатныхъ экземплярахъ, разосланъ былъ по всѣмъ канцеляріямъ, съ приказаніемъ прибѣить его къ дверямъ, и, чрезъ

епархіальныя начальства, по всѣмъ костѣламъ и церквамъ, гдѣ священники должны были читать его троекратно съ амвона.

10-го мая, сендомирскій посолъ Скоревскій хотѣлъ показать свою неустрашимость и заявить на сеймѣ гласно протестъ противъ новой конституціи. Зная, что при томъ увлеченіи, какое тогда господствовало, можно было заплатить жизнью за такую смѣлость, Скоревскій предварительно исповѣдался и причастился, готовясь, какъ онъ говорилъ, принести себя въ жертву за правду. Онъ написалъ грозную рѣчь и хвалился произнести ее на сеймѣ. Но король, услыжавъ объ этомъ заранѣе, призвалъ его къ себѣ и сказалъ: «ты затѣваешь говорить рѣчь; — ни я, ни кто другой не боимся твоей рѣчи: она ни въ комъ не возбудитъ желанія измѣнить общаго намѣренія, но я прошу тебя не говорить ради тебя самого. Ты человѣкъ молодой, даровитый и хочешь болтать по пустому». Скоревскій послушался. Черезъ сутки, 12-го іюня, на сеймѣ предложено было просить канцлера Малаховскаго, оставившаго свою должность, принять ее снова. Недовольный конституціею, сторонникъ старины и благопріятель Россіи, канцлеръ не смѣлъ явно вооружаться противъ конституціи и выѣхалъ изъ Варшавы подъ предлогомъ нездоровья, а когда получилъ просьбу, воротился и занялъ свое мѣсто въ новоучрежденной Стражѣ.

Н. Костомаровъ.

БИРЖЕВОЙ ОЛИМПЪ

И

АКЦИОНЕРНАЯ МИФЛОГІЯ.

Histoire du Crédit Mobilier. 1852—1867. Par M. Aycard. Paris, 1867.

La spéculation devant les tribunaux. Pratique et théorie de l'agiotage. Par Georges Duchêne. Paris, 1867.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ *).

Въ 1855 году, промышленность и спекуляція работали во Франціи съ необыкновенною силою; золото приливало изъ Калифорніи и изъ Австраліи и въ свою очередь не мало способствовало къ оживленію рынка. Желѣзныя дороги достигли такого развитія, что ихъ капиталъ, въ акціяхъ и облигаціяхъ, составлялъ по нарицательной цѣнѣ 2,140 миллионъ франковъ. Рента, несмотря на войну и второй заемъ, сдѣланный правительствомъ въ концѣ 1854 года ¹⁾, стояла въ 68 франковъ ²⁾. Однимъ словомъ, 1855 годъ обѣщаль быть самымъ благопріятнымъ временемъ для промышленной и спекулянтской дѣятельности, а потому нисколько не удивительно, что этотъ годъ сдѣлался и для Движимаго кредита самымъ блестящимъ годомъ. Движимый кредитъ принялъ участіе въ новомъ займѣ въ 750 мил-

*) См. выше: янв. 209; іюнь, 608—646 стр.

¹⁾ Правительство объявило заемъ въ 500 мил. франковъ, а народная подписка предложила правительству, вмѣсто 500 мил.—2,175 миллионъ!

²⁾ При началѣ крымской войны рента пала на 61 фр. 50 сант.

ліоновъ, объявленномъ въ іюлѣ. Народная подписка на этотъ заемъ превзошла 3,600 милліоновъ! Одни члены совѣта Движимаго кредита подписались на 250 милліоновъ. Рента была нѣсколько испугана третьимъ займомъ, но держалась въ теченіи 1855 г. хорошо, а акціи Движимаго кредита теперь уже не всегда падали вмѣстѣ съ рентою ¹⁾. Рента падала, а акціи Движимаго кредита поднимались. Причина этого понятна. На рынокъ упало новой ренты путемъ займовъ на 1,530 милл. фр., а акціи Движимаго кредита оставались въ неизмѣнномъ количествѣ. Ренты нельзя было скупить, а значительную часть акцій Движимаго кредита скупить было можно; ихъ порою и скупали сами участники его, первостепенные спекулянты, чтобы повысить цѣну и продать снова по возвышенной цѣнѣ. При томъ способѣ спекуляціи, который представляется покупкою на премію, для законтрагованія къ извѣстному сроку всѣхъ 120,000 акцій Движимаго кредита, достаточно было уплатить впередъ 1,200,000 фр. преміи ²⁾, рассчитывая на вѣрное повышеніе. И, съ самаго начала дѣятельности Движимаго кредита, администраторовъ его обвиняли въ спекуляціи на курсъ собственныхъ бумагъ, даже въ умысленномъ пониженіи, подрывѣ ихъ цѣнности, если имъ надо было закупать, имѣя въ виду въ близкомъ будущемъ поводъ къ повышенію.

Въ 1855 году, Движимый кредитъ сдѣлалъ много операцій по восточнымъ, западнымъ и южнымъ дорогамъ, взялъ австрійскія дороги, участвовалъ въ дѣлахъ компаній улицы Риволи, омнибусовъ, въ слитіи газовыхъ компаній, швейцарскихъ дорогахъ, подписавъ на названный уже заемъ въ 780 милл. ³⁾. Акціонеры

¹⁾ Такъ рента стояла между 17-мъ и 23-мъ января: 66.80; 65.70, акціи Движимаго кредита 721.25; третьяго марта рента 71.85, а акціи Движ. кредита 752.50. Послѣ же займа въ 780 милл., рента была въ сентябрѣ и первыхъ числахъ октября 63.20 до 67.80, а акціи Движимаго кредита отъ 1132. 50 до 1650.

²⁾ Мы объяснили выше, что значить покупка «на премію»; покупая на премію, изъ 10, 120 т. акцій, надо платить впередъ только 10 фр. на акцію; если цѣна при ликвидаціи ниже цѣны покупки, можно отказаться отъ нея, потерявъ 1,200,000 фр. задатку.

³⁾ Всѣхъ предпріятій въ которыхъ Движимый кредитъ принялъ участіе въ теченіи 1855 года было 26. Въ числѣ ихъ были: учрежденіе австрійскаго «импер. кор. общества государственныхъ желѣзныхъ дорогъ», съ капиталомъ въ 200 милл. франк., и реализація для него займа въ 82,500 т. фр.

Приведемъ еще разъ, для примѣра, распрежденіе барыша за этотъ знаменитый одъ. Чистый барышъ былъ опредѣленъ въ 28.082, 001 фр. 39 савт.
5% въ резервъ 1.254, 100 > 07 >
10% остального администраторамъ 2.382, 790 > 18 >
акціонерамъ 21.444, 000 > — >

ожидали дивиденда въ 200 фр. сверхъ процентовъ. Ходили слухи, что акціонерный капиталъ будетъ удвоенъ, то-есть, что будетъ выпущено еще 60 милл. фр. акцій, и что эти акціи будутъ предоставлены прежнимъ акціонерамъ. Эти слухи въ теченіи 6-ти дней подыали цѣну акцій съ 1,160 фр. до 1,385, а еще черезъ одиннадцать дней до 1650. Но совѣтъ не хотѣлъ, чтобы въ слѣдующій годъ дивидендъ былъ менѣе блестящъ, а на 120 милл. не легко было повторить прежній дивидендъ. Поэтому, онъ предпочелъ ресурсъ выпуска облигацій, на 67 м. 200 тысячъ фр. ¹⁾. Но мысль о выпускѣ облигацій и «централизаціи капиталовъ» рѣшительно не удавалась до сихъ поръ. Совѣтъ, или самъ испугался или его пугнули сверху, только этотъ проектъ не состоялся.

Къ концу 1855 года совѣтъ объявилъ валовой доходъ *es 31 милл. 870 т. 776 фр.* за годъ. Примѣръ, дѣйствительно, небывалый ни въ одномъ предпріятіи такихъ размѣровъ: на 60 милл. капитала слишкомъ 50% валового сбора. Но такъ какъ отчетъ за 1855 годъ опять не упоминалъ о множествѣ операцій, а о другихъ не давалъ подробностей, то спрашивается, въ самомъ ли дѣлѣ оказался такой валовой доходъ, и не былъ ли онъ фиктивенъ, а чистый доходъ не былъ ли выплаченъ на счетъ прежнихъ барышей или капитала, или въ долгъ? Какъ бы то ни было, дивидендъ за 1855 годъ былъ выданъ по 178 фр. 70 сент., а съ 25 фр. процентовъ, всего 203 фр. 70 сент. на акцію, т. е. 40,74% на акціонерный капиталъ, по нарицательной его цѣнности. Дивидендъ Движимаго кредита превышалъ дивидендъ, выплаченный французскимъ банкомъ (200 фр.) ²⁾!

Въ томъ же году, въ совѣтъ вступили гг. Тюрнессенъ и Пласъ, а герцогъ Галліера вышелъ, «по недоразумѣніямъ» ³⁾.

Выдавъ такой огромный дивидендъ, Движимый кредитъ самъ осуждалъ себя на отступленіе, такъ какъ, очевидно, не могъ же сборъ быть объявляемъ каждый годъ въ 50% капитала, а дивидендъ составлять 40%.

Не надо забывать, что, въ то время, парижская биржа была первостепеннымъ денежнымъ рынкомъ всей Европы; нигдѣ не было столько движенія, не учитывалось столько предпріятій, не производилось такихъ быстрыхъ оборотовъ. Этой оживленности парижской биржи много способствовало то, что она была въ то

¹⁾ 240,000 облигацій въ 500 фр. каждая, съ 15 фр. процентовъ на акцію, съ выкупомъ въ 90 лѣтъ. Цѣна выпуска 230 фр.

²⁾ См. выше выносу.

³⁾ Послѣ онъ опять вступилъ, и былъ въ совѣтѣ и въ 1867 году.

время свободна. Рядомъ съ 60-ю официальныхъ маклеровъ, куртажъ производился 250 банковыми конторами вольныхъ маклеровъ (coulissiers¹⁾). Мы уже говорили, что закрытіе этихъ конторъ, вслѣдствіе процесса, нанесло немаловажный ударъ значенію оборотовъ парижской биржи.

Теперь, ознакомивъ читателя съ дѣятельностью Движимаго кредита, мы уже не имѣемъ нужды слѣдить за нимъ шагъ за шагомъ, а ограничимся обзорѣніемъ важнѣйшихъ моментовъ дальнѣйшей его исторіи.

Заключеніе мира было поводомъ къ новому повышенію курсовъ; рента 19-го мая дошла до 75.65, и за нею послѣдовали и всѣ бумаги, между прочими и акція Движимаго кредита. Цѣна ихъ на парижской биржѣ 20-го мая 1856 года была 1982.50, а въ Ліонѣ, платили болѣе 2,000 фр. за 500-франковую акцію Движимаго кредита! Но это положеніе дѣлъ было не продолжительно. Рѣдкость денегъ и наводненіе²⁾ вскорѣ повлекли ренту, а за нею и всѣ кредитныя цѣнности внизъ по биржевому склоню³⁾.

Но на ходу своемъ къ повышенію и пониженію, акціи Движимаго кредита безпрестанно совершали сильныя скачки совсѣмъ непонятнаго свойства. Ихъ цѣнность, какъ цѣнность всѣхъ другихъ бумагъ, подчинялась въ общемъ, конечно, вліянію главныхъ экономическихъ условій рынка. Но скачки ихъ не зависѣли отъ этихъ условій и были, очевидно, результатами произвольной спекуляціи самихъ администраторовъ. Громадными выгодами отъ этихъ тайныхъ спекуляцій, они, разумѣется, не дѣлились съ акціонерами. Вѣдь весь Движимый кредитъ, въ ихъ рукахъ, былъ только огромною машиною именно для этихъ спекуляцій. Дѣла общества, акціонеровъ, должны были зависѣть отъ болѣе или менѣе выгоднаго и прочнаго помѣщенія его капиталовъ въ разныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ и отъ цѣнъ, существовавшихъ въ данное время на репортажъ, на биржѣ, такъ какъ этою операціею Общество занималось въ большихъ размѣрахъ. Но собственныя выгоды администраторовъ, тѣ разности по курсамъ акцій, которыя доставлялись директорамъ безпрестанными, отчасти искусственными перемѣнами курса—совершенно не зависѣли отъ того, какая будущность ожидала компанію. Итакъ, скажемъ еще разъ, интересы администраторовъ не были солидарны съ инте-

¹⁾ Въ 1856 году, la coulisse располагала приблизительно 125-ю милліонами фр., не считая частныхъ капиталовъ, которые были довѣряемы ей для спекуляцій.

²⁾ Рѣки Рона, Соны, Гаронна, Луара выступили изъ береговъ; въ 55-ти департаментахъ пострадали 4,110 общинъ.

³⁾ Акціи Движимаго кредита втеченіи 1856 года, начавъ съ курса 1,140 поднимались постепенно до 1,982. 50, а потомъ постепенно понижались и остановились на 1410.

ресами Общества и когда наступилъ кризисъ — администраторы ушли, унося прибрѣтенныя ими выгоды.

Въ отчетѣ за 1856 годъ, правленіе касалось всего, кромѣ подробностей о дѣлахъ Общества: тутъ говорилось и о мирѣ, и о конгрессѣ, и о голодѣ, а о наводненіяхъ не упоминалось. О дѣлахъ Общества упоминалось какъ можно менѣе. Только вскользь говорилось о дѣлахъ Общества съ компаніею испанскаго Движимаго кредита, съ испанскою Сѣвѣрною дорогою, съ небольшою новою вѣтвью желѣзной дороги во Франціи; потомъ подвергался критикѣ уставъ французскаго банка и въ заключеніе снова предлагалась мысль о «движимыхъ облигаціяхъ», которыя на этотъ разъ были названы «рентными билетами».

Чистый доходъ былъ показанъ слишкомъ въ 15 милл. фр.¹⁾ Акціонеры получили 25 фр. процентовъ, да 90 фр. дивиденда, всего 115 фр., то-есть 23⁰/₁₀₀ на капиталъ. Главная часть дохода, именно почти 11¹/₂ милл. была показана какъ результатъ помѣщенія капиталовъ въ разныхъ бумагахъ, но какимъ образомъ эта выгода была прибрѣтена — не объяснялось, такъ что она, по всей вѣроятности, просто представляла востъ, брошенную акціонерамъ изъ того жаркаго биржевой спекуляціи, которе скушали администраторы.

Этотъ отчетъ вызвалъ у Айкара вѣрную пародію на способъ представленія отчетовъ совѣтомъ Движимаго кредита его акціонерамъ:

дѣйствующія лица:

Баринъ и Софи, его кухарка.

Баринъ. — Ну, Софи, дайте-ка мнѣ счеты; сегодня наше число.

Софи. — Очень хорошо-съ.

Баринъ. — Перваго числа я далъ вамъ 500 франковъ. Какъ вы ихъ употребили?

Софи. — Теперъ война, ваша милость, кончена. Заключенъ миръ. Мой кузень служитъ въ зуавахъ и вотъ онъ вернулся изъ Севастополя. Однако провизія все еще страшно дорога. Куропатки не годятся. Погода стоитъ теплая и сырая, вотъ отъ этого дичь не бываетъ вкусна. Богемскихъ фазановъ нѣтъ.... Овощи не хороши и дороги. Селлерей водянистъ; сама морковь.... морковь....

¹⁾ При балансѣ въ 176,316,727 фр., валового дохода: 17,216,424 фр., чистаго 13,249,981, изъ котораго 1 мил. 200 тысячъ администраторамъ, а 10 мил. 800 т. въ дивидендъ.

Баринъ. — Ну ладно, Софи; давайте, сочтемтесь.

Софи (съ достоинствомъ и позою, знаменующею повара-артиста). — Очень хорошо-съ! Моя расчетливость, добросовѣстность и преданность служить ручательствомъ за прошлое, настоящее и будущее... Интересъ вашей милости я такъ блюла и кушанья такъ хорошо варила, какъ вы ихъ переваривали.... За тотъ мѣсяцъ я представила вамъ 203 фр. 70 сант. За этотъ вы изволите получить 115 франковъ. Надѣюсь, что вы довольны.... Увѣрена, что вы довольны!...

Звонятъ; Софи убѣгаетъ отъ барина, который собираетъ свои 115 фр.

Баринъ. — Хотя это подберу, чтобъ не пропало.

Замѣчательно, что отчетъ за 1856 годъ ничего не упоминалъ, между прочимъ, о концессіи русскихъ желѣзныхъ дорогъ, о переговорахъ по основанію нашего Главнаго общества, хотя Исаакъ Перейръ и Тюрнессенъ по этому дѣлу ѣздили въ Петербургъ.

Въ 1856 году былъ случай, близко касавшійся Движимаго кредита; одинъ изъ членовъ совѣта общества ¹⁾, Анри Пласъ, объявленъ былъ банкротомъ. У него, какъ говорили, было въ рукахъ капиталу на 25—30 милліоновъ, довѣреннаго ему разными банкирами. Чтò онъ съ ними дѣлалъ? Въ какой связи были его дѣла съ дѣлами Движимаго кредита? Обо всемъ этомъ отчетъ молчалъ. Сумма несостоятельности Пласа была опредѣлена въ 19 милл. фр. Онъ было-отправился въ Константинополь, будто бы по дѣламъ, но въ Марсели его арестовали. Нѣсколько дней онъ просидѣлъ въ Мазасской тюрьмѣ, потомъ его выпустили, объявленіе объ его несостоятельности было взято назадъ и самъ онъ вдругъ исчезъ.

Такъ это дѣло и осталось покрыто тайною, какъ все, близко касавшееся Движимаго кредита. Но въ Парижѣ не стѣсняясь говорили, что г. Пласъ былъ выпущенъ потому, что зналъ такіе секреты, съ которыми человѣка опасно держать даже въ тюрьмѣ, а слѣдуетъ удалить, вонечно, лучше всего, если можно удовлетворить его... Говорили, что онъ живетъ гдѣ-то за границею, и что существованіе его обезпечено.

Съ 1857 года уже начался періодъ паденія Движимаго кредита; періодъ этотъ такъ и не прерывался, несмотря на всѣ попытки остановить его. 1857 годъ ознаменовался на парижской биржѣ двумя стѣснительными для спекуляціи мѣрами и появленіемъ обличительной книги. За входъ на биржу была установлена плата,

¹⁾ По слуху, онъ былъ даже членъ правленія.

съ кредитныхъ бумагъ установленъ налогъ¹⁾. Книга, впервые обличавшая безнравственную спекуляцію и игру, называлась «Les Manieurs d'argent» и была написана членомъ судейскаго сословія Оскаромъ де-Валé²⁾.

Что парижская биржа была преимущественно игорнымъ домомъ, это оказалось изъ того ослабленія ея, которое было произведено устраненіемъ отъ нея массы публики. Что спекуляція, дѣйствительно, лежала тяжкимъ бременемъ на обществѣ, это доизывалось огромнымъ впечатлѣніемъ, какое произвела книга Валé. Въ обществѣ сказались уже реакція, если не противъ самой спекуляціи, то противъ того нахальства, съ каковымъ она господствовала, и тѣхъ хвалебныхъ гимновъ, которые до тѣхъ поръ сопровождали ее.

Все это «омрачило» биржу. Мало того: на ней отозвался огромный денежный кризисъ, вызванный въ англійскомъ торговомъ свѣтѣ возстаніемъ сипаевъ въ Индіи. Дѣла были плохи³⁾. Оборотъ Движимаго кредита уменьшился противъ 1856 года милліоновъ на 39. За выдачею процентовъ на акціи осталось на дивидендъ изъ дохода всего не много болѣе 4 милліоновъ, но совѣтъ, имѣя въ виду общее паденіе цѣнъ на бумаги, которыя служили залогомъ обществу, не выдалъ этого дивиденда.

Русскія желѣзныя дороги, наконецъ, явились въ отчетѣ Движимаго кредита за 1858 годъ⁴⁾. Изъ другихъ предпріятій, въ которыхъ принималъ участіе Движимый кредитъ, «Компанія недвижимостей и Отеля Риволи», въ этомъ году преобразилась въ «Парижское общество недвижимостей»⁵⁾. Тотъ же отчетъ выхвалялъ богатія надежды, какія подавала Сѣверная испанская дорога, которой акціи съ 505 фр. упали въ 1867 году до 55-ти франковъ⁶⁾. За 1857 годъ, Общество, какъ мы видѣли, не выдало

¹⁾ При передачѣ именныхъ бумагъ пошлина въ 20 сант. со 100 фр. А бумага на предъявителя подлежать ежегодному штемпелю 12 сант. со 100 фр. Компанія желѣзныхъ дорогъ отнесла эту издержку на свои купоны процентовъ и дивиденда.

²⁾ Нинѣ генеральный адвокатъ въ императорскомъ судѣ въ Парижѣ.

³⁾ Въ 1857 году рента держалась между 65.85 и 71.40. Акціи Дв. кр. между 670 и 1487.50.

⁴⁾ Главное общество выпустило въ то время 600 т. акцій (въ 500 франковъ), на которые потребованъ былъ еще только взносъ 150 фр.

⁵⁾ Compagnie Immobilière de Paris. О ней отчетъ 1858 года отзывался съ величайшей самовадѣянностью; а она-то и сдѣлалась однимъ изъ самыхъ главныхъ нововъзъ къ разоренію Дв. кредита. Надо помнить, что главными участниками ея были именно администраторы Дв. кредита.

⁶⁾ По увѣренію отчетовъ Дв. кредита, эта дорога должна была обойтись въ 146 милл. фр., а обошлась она въ самомъ дѣлѣ въ 225 милл.

дивидендъ, котораго приходилось 34 фр. 44 сант. на акцію. Дивидендъ за 1858 годъ, опредѣленный въ 44 фр. 9 сант., тоже не былъ выданъ, потому что до времени собранія акціонеровъ уже были сказаны знаменитыя слова австрійскому послу, барону Гюбнеру, возвѣстившія итальянскую войну. Къ концу 1859 года акціи Движимаго кредита стояли 983.75.

Курсы пали вслѣдствіе войны; уменьшались и дѣла ¹⁾. По заключеніи вилафранкскаго перемирія, биржевымъ дѣламъ въ Парижѣ былъ нанесенъ новый ударъ процессомъ противъ вольныхъ маклеровъ (la coulisse), о которомъ мы говорили выше и который былъ дополненіемъ стѣснительныхъ мѣръ, принятыхъ прежде противъ спекуляціи. Но этотъ процессъ имѣлъ послѣдствія неблагоприятныя; уничтоженіе «кулисы» не настолько ослабило спекуляцію, сколько уменьшило вообще операціи на биржѣ. Замѣчательно, что сами биржевые маклера, которые этимъ процессомъ хотѣли охранить свою монополію, послѣ него стали производить меньше дѣлъ. Уничтоженіе кулисы имѣло еще неблагоприятное вліяніе на курсъ ренты ²⁾.

Движимый кредитъ продолжалъ въ 1859 году свои главныя операціи: дѣла съ испанскими, русскими и австрійскими дорогами, съ испанскимъ Движимымъ кредитомъ, съ компанією недвижимостей, морскою компанією, компанією омнибусовъ и проч. ³⁾ Онъ подписался также на 50 милл. въ займѣ (500 милл. фр.), заключенномъ на итальянскую войну. Дивиденду было выдано на акцію уже только 12 фр. 50 сант., что съ 25 фр. процентовъ составило 37 фр. 50 с.

Но куда же дѣвался невыданный дивидендъ за 1857 и 1858 года? Если сосчитать сумму его съ суммою дохода за 1859 годъ, и вычесть то, что за этотъ годъ было выдано дивиденду и проч., то окажется все-таки недочетъ почти въ 8 милл. фр., т. е. окажется, что 8 милл. не были розданы, и не показано, куда они были употреблены. Правда, въ отчетѣ была отчислена сумма въ возвратъ по уменьшившейся цѣнности бумагъ въ портфель общества. Но какія это были бумаги и насколько оцѣнено пониженіе ихъ курса — тайна. Точно такъ, правленіе Движимаго кредита во всякое время могло объявить, что портфель понизился

¹⁾ Рента стояла 61 до 64.

²⁾ Кулисса дѣлала всего больше дѣлъ именно съ рентою; съ уничтоженіемъ гласной кулисы, рента никогда не достигала уже прежнихъ высокихъ цѣвъ отчасти именно оттого, что спросъ на нее былъ рѣже.

³⁾ Замѣчательно, что въ 1859 году, акціи Дв. кредита менѣе подвергались внезапнымъ значительнымъ измѣненіямъ курса, чѣмъ обыкновенно.

въ цѣнѣ на любую сумму и отчислить доходъ на возвратъ ея. Удивительныя дѣла ¹⁾!

Въ 1860 году, который ознаменовался заключеніемъ торговаго трактата съ Англіею, освобожденіемъ южной Италіи и присоединеніемъ къ Франціи Ниццы и Савойи, дѣла Движимаго кредита были ограничены вслѣдствіе тревожнаго положенія биржи, обусловленнаго всѣми этими событіями. И акціи Общества держались въ этотъ годъ гораздо спокойнѣе: крайнія цѣны ихъ были 815 и 637.50; спекуляція какъ будто присмирѣла.

Но положеніе Движимаго кредита уже въ этомъ году было опасно. Имѣя всего 60 милл. своего капитала, онъ держалъ бумагъ разныхъ предпріятій на сумму до 123 милл. фр. Итакъ, цѣныхъ 63 милл., помѣщенные въ разныя предпріятія, онъ позаимствовалъ изъ текущихъ счетовъ. Правда, въ числѣ залоговъ, онъ имѣлъ на 23 милл. французской ренты, которая, пожалуй, тѣ же деньги. Но оставались все-таки заимствованными 38 милліоновъ, обезпеченныхъ такими бумагами, которыхъ нельзя было бы реализовать въ данную минуту ²⁾.

Дѣла Движимаго кредита не поправились ни въ 1861, ни въ 1862 годахъ. Акціи спустились уже на *maximum* 1,285 фр. Сѣвероамериканская распря и недостатокъ хлопка дурно вліяли на торговлю и фабрикацію; но за то деньги были дешевы и спекуляція обдѣлывала свои дѣла.

Капиталы, помѣщенные въ разныя предпріятія, все возрастали: къ 1863 году они составляли уже почти 148 милл. Но, въ 1863 году, они вдругъ уменьшились слишкомъ на 70 милл., Общество уже ограничивало свои дѣла. Съ 1863 года, слѣдуетъ считать періодъ упадка второй имперіи. Дѣтище ея — Движимый кредитъ сталъ падать еще ранѣе, но, съ упадкомъ имперіи, началъ клониться безвозвратно къ гибели. Съ 1864 года упадокъ этотъ уже несомнѣненъ. Движимый кредитъ сдѣлался солидаренъ, какъ бы нарочно, для баламбура, съ «компаніею недвижимостей» ³⁾. Отсюда произошло именно то, что слѣдуетъ по грамматическому смыслу: Движимый кредитъ сдѣлался *недвижимымъ*. За исключеніемъ 10 милл. фр., весь капиталъ Общества былъ затраченъ въ востройкахъ, покупкахъ и т. д. компаніи недвижимостей. Диви-

¹⁾ Отъ этой суммы почти въ 8 милл. остается только одинъ слѣдъ: въ отчетѣ 1860 года зачислено *остаткомъ* отъ счета 1859 года 83,565 фр. 54 сантимал

²⁾ Чистый доходъ за 1860 годъ былъ исчисленъ въ 3 м. 812 т. фр. Между тѣмъ, ходилъ слухъ, что Движимый кредитъ спекуляціями на бумагахъ трехъ компаній изручалъ въ этомъ году 20 милл. фр.! Дивиденду было выдано 25 фр.

³⁾ Компанія, спекулировавшая на покупку и продажу земли, постройку зданій въ Парижѣ, при общей перестройкѣ, и въ Марсели.

дендъ за 1864 годъ, составилъ уже только 25 фр. ¹⁾, что вмѣстѣ съ 25 фр. процентовъ представляло 10% на номинальную цѣну акцій. А такъ какъ курсъ акцій превосходилъ еще иногда 1,000 фр., то Движимый кредитъ въ сущности давалъ доходу акціонерамъ всего 5%, въ 1860, 1861 и 1864 годахъ.

Дѣла на биржѣ въ 1865 году не были особенно живы; свою живость парижская биржа, какъ мы видѣли, утратила еще раньше, въ значительной степени, отчасти вслѣдствіе ряда мѣръ стѣснявшихъ спекуляцію ²⁾, частью просто вслѣдствіе поворота въ счастье, нѣкогда улыбавшемся второй имперіи. Въ 1865 году выпущены были — и съ успѣхомъ — несчастныя облигаціи мексиканскаго займа ³⁾. Успѣху помогли впрочемъ и выигрыши, опредѣленные для каждаго тиража (главный выигрышъ 500 т. фр.). Итальянскій заемъ въ 425 милл. фр. и заемъ города Парижа въ 250 милл. тоже были реализированы успѣшно въ 1865 году на парижской биржѣ. Война въ сѣверной Америкѣ была кончена; шлезвигъ-гольштейнская война тоже. Вслѣдствіе того, рента окончила годъ на цифрѣ 68.15.

Акціи Движимаго кредита держались въ теченіи этого года все еще между 1,000 фр. и 652 фр. 50 сант. Но предпріятія, въ которыхъ были помѣщены капиталы Движимаго кредита, шли хуже (особенно испанскія дѣла) и доходъ былъ опредѣленъ около 8½ милл. фр. Но совѣтъ воспользовался первыми предвѣстіями войны 1866 года, чтобы выдачу дивиденда *отложить*; такъ, акціонеры за 1865 годъ и получили только проценты.

Наступилъ 1866 годъ, разрушившій весь престижъ второй имперіи. Это былъ годъ самый неблагоприятный и для дѣлъ. Урожай былъ недостаточный, одни наводненія причинили убытку на 61 милл. фр., мексиканское предпріятіе оказалось несостоятельнымъ и, переплывая Атлантику обратно, войска второй имперіи какъ бы совершали новый переходъ черезъ Березину. Наконецъ война въ Германіи и Италіи и сама по себѣ оставалась дѣломъ и подрывала кредитъ французскаго могущества. Вдобавокъ во всемо во Франціи свирѣпствовала холера. Рента

¹⁾ Дивидендъ съ процентами былъ въ 1860 г. 50 фр., въ 1861 г. 50 фр., въ 1862 г. 125 фр.; въ 1863 г. 125 фр., въ 1864 г. 50 фр., въ 1865 выданъ уже только 25 фр. процентовъ, а дивиденду не было; въ 1866 и 1867 годахъ — ничего.

²⁾ Впрочемъ, съ 1 января 1862 года биржа снова открылась публикѣ; ненавистные *couplets*, при которыхъ взималась плата за входъ, исчезли. Эта отмѣна была мотивирована предпріятіемъ въ то время обращеніемъ 4½ и 4% ренты въ 3%; хотѣли *расширить* рынокъ.

³⁾ 500 т. 6% облигацій, выпускная цѣна 340 фр., съ выкупомъ по 500 фр. въ теченіи (!) 50 лѣтъ.

въ нѣ упала до 62.85, а итальянскіе *пяти-процентные* фонды продавались по 36 фр. 50 сант. 1)!

Вдругъ, 5 іюля, появилось на биржѣ извѣстіе объ уступкѣ Вещей императору французовъ. Съ 65.35 рента тотчасъ повысилась на 70.30. На итальянскіе фонды повышение было почти въ 15 франковъ; на акціи Движимаго кредита въ 200 фр. 2). За такимъ чрезмѣрнымъ повышеніемъ, разумѣется, тотчасъ послѣдовала режія.

Между тѣмъ, администраторы Движимаго кредита, видя приближеніе кризиса для Общества, зная всю несостоятельность поитщеній его капиталовъ, задумали отчаянную мѣру, чтобы попить свои грѣхи въ расширеніи дѣла; они задумали *удвоеніе акционернаго капитала*, т. е. выпускъ еще 120 т. акцій, на сумму 60 милл. Въ январѣ появилось извѣщеніе, созывавшее чрезвычайное собраніе акціонеровъ на 12 февраля. При этомъ было объявлено, что списокъ акціонеровъ, имѣющихъ право участвовать въ немъ 3), *составленъ* совѣтомъ за мѣсяцъ до собранія. Но собраніе должно было состояться 12 февраля, а извѣщеніе о немъ было 28 января; стало быть, акціонеры, желавшіе принять участіе въ собраніи, *не могли* уже предъявить своихъ акцій; списокъ уже былъ составленъ, и составленъ по произволу совѣта. Это была возмутительная мѣра диктаторства, или эскамотированія власти собраній. Движимый кредитъ подражалъ примѣненію народнаго голосованія къ утвержденію второй имперіи и къ присоединенію Ниццы и Савойи.

Общественное мнѣніе, несмотря на то, что администраторы компаніи уже приучили его къ деспотизму, было возмущено этой мѣрою. Однакожъ, собраніе акціонеровъ, составленное врасплохъ, утвердило предположеніе совѣта и дало разрѣшеніе на удвоеніе капитала 4).

Были приняты также предложенія совѣта о разныхъ измѣненіяхъ въ уставѣ, въ томъ числѣ уменьшеніе доли администраторовъ, въ чистомъ доходѣ, съ 10% на 5% и увеличеніе резервнаго фонда съ 2 до 10 милліоновъ. Прибѣгая, въ критиче-

1) Разсчитываютъ, что пониженіе курса или упадокъ цѣнностей на парижской биржѣ между 17 марта и 9 мая 1866 года составило на однихъ 70 главныхъ бумагахъ 2 миллиарда, 859 милл., 726½ тысяч. Въ іюлѣ рента упала даже до 62.10.

2) На той же биржѣ повышеніе дошло до 265 фр.

3) По уставу, 200 значительнѣйшихъ акціонеровъ.

4) Новая акція была предоставлена исключительно прежнимъ акціонерамъ, по цѣнѣ 516 фр. 66. Эта цѣна представляла альпари, въ сравненіи съ 500 фр. старыхъ акцій, такъ какъ за старымъ акціонернымъ капиталомъ числился наличный резервный фондъ въ 2 милліона фр.

скомъ положеніи Общества, не къ ликвидациі, а напротивъ къ удвоенію капитала, совѣтъ этими измѣненіями задобрялъ акціонеровъ.

Курсъ акцій въ теченіи 1866 года былъ измѣнчивъ ¹⁾ и спекуляція по прежнему дѣлала много дѣлъ съ ними. Но замѣтна была наклонность болѣе къ паденію, чѣмъ къ возвышенію. Четыре раза даже случилось, что курсъ падалъ ниже пары.

Къ 31 декабря 1866 года, балансъ Движимаго кредита былъ 249, 455.940 фр. 68 сент.

Въ собраніи акціонеровъ, бывшемъ 6 апрѣля 1867 года, совѣтъ въ отчетѣ за 1866 годъ показалъ уже *потерю* почти въ 8 милліоновъ фр. ²⁾. Но такъ какъ мы видѣли выше, что въ 1865 году было выручено около 8¹/₂ милл., а изъ этой суммы были выданы акціонерамъ за 1865 годъ только проценты (т. е. 25 фр. на акцію или 3 милл. всего), безъ дивиденда, то изъ той суммы должно было остаться около 5¹/₂ милл. Стало быть, если въ 1866 году оказалась *потеря*, то она была не 8¹/₂ милл., а болѣе 13¹/₂ милліоновъ ³⁾.

Помѣщеніе капиталовъ Движимаго кредита за 1866 годъ еще ухудшилось. Составъ его портфеля, то-есть находившіяся у него бумаги, дѣлались все менѣе благонадежны ⁴⁾. Связи съ «Компанією Недвижимостей» дѣлались все тѣснѣе. Въ 1862 г., Движимый кредитъ помѣщалъ въ этомъ предпріятіи всего менѣе 17¹/₂ милл., а въ 1866 году уже болѣе 72 милл. фр. (см. ниже выписку съ рѣшеніемъ апелляціоннаго суда).

Итакъ, послѣ періода процвѣтанія Движимаго кредита, продолжавшагося съ 1852 по конецъ 1856 годъ, наступилъ періодъ паденія, съ 1857 по 1867 годъ. Наконецъ, 1867 годъ былъ годомъ окончательнаго паденія. Еще въ первые два мѣсяца курсъ его акцій бывалъ выше пары, но, съ 18 марта, онъ сошелъ съ пары и уже не достигалъ его ⁵⁾.

Портфель Движимаго кредита всегда оставался тайною. Но

¹⁾ Maximum 880, minimum уже — 392. 50.

²⁾ 7 милл. 983. 136 фр. 68 сент.

³⁾ Доходъ 1865 года 8.586.006 фр. 85 сент. Отсюда выдано 3 милл. процентовъ, осталось 5.586.006 фр. 85 сент., что съ *показанною* потерей за 1866 годъ, 7.983.136 фр. 03 сент. и составляетъ 13.569.142 фр. 88 сент.

⁴⁾ Такъ, по отчету за 1865 годъ было еще въ портфель ренты слишкомъ на 6¹/₂ милл., и «разныхъ акцій» на 15 милл. фр. Между тѣмъ въ портфель 1866 года, ренты было уже всего на 1 милл. 149 т., а «разныхъ акцій» (здѣсь не считаются желѣзнодорожныя) на 55¹/₂ милл. Итакъ, Дв. кредитъ продавалъ ренту и покупалъ вмѣсто нея «разныя акціи»?

⁵⁾ Maximum за 1867 годъ 533. 75, minimum 140 фр.

зотъ, 15 октября, появился въ газетѣ «Ероque» списокъ бумагъ, находившихся въ портфель Движимаго кредита, 31 августа, списокъ, заимствованный изъ баланса, сообщеннаго имъ французскому банку. За «Ероque», «Presse» напечатала этотъ списокъ, дополнивъ его. Эти «нескромности» газетъ никогда опровергнуты не были и ихъ слѣдуетъ признать за достовѣрныя. Онѣ представляли портфель въ безнадежномъ положеніи. Бумаги, въ немъ заключавшіяся, представляли въ итогѣ, по тогдашнему курсу, сравнительно съ цѣною, въ которой онѣ числились въ портфель Движимаго кредита, потерю приблизительно между 74 и 94 милліонами франковъ ¹⁾. Въ портфель были собраны самыя неблагонадежныя французскія и испанскія бумаги.

Когда же произошла эта страшная потеря отъ 74 до 94 милл. фр.? Изъ расчетовъ оказывается, что еще 19 мая 1866 г. капиталъ въ 60 милл. и резервъ въ 2 милл. были на лицо; былъ на лицо и остатокъ отъ 1865 года, 8½ милл., всего, значить, 70½ милл. Съ тѣхъ поръ, Движимый кредитъ, посредствомъ новаго выпуска акцій, получилъ еще капиталъ въ 60 милліоновъ...

Между тѣмъ, въ собраніи акціонеровъ, 6 апрѣля 1867 года, объявлено было, что цѣнность капитала Общества уменьшилась почти на 8 милл., и президентъ совѣта правленія Движимаго кредита, Исаакъ Перейръ, а также члены совѣта Эмиль Перейръ и Сальвадоръ рѣшили сложить съ себя свои обязанности. Въ письмѣ, напечатанномъ въ «Монитѣрѣ», господа Перейры увѣряли, что они удаляются единственно побуждаемые пользою акціонеровъ, съ цѣлью положить конецъ разногласіямъ и облегчить реализацію «необходимыхъ средствъ». Эти господа имѣли смѣлость говорить при этомъ о своемъ самопожертвованіи и добросовѣстности! Обративъ предпріятіе въ громадную машину, посредствомъ которой они заработали себѣ несчетныя деньги,

¹⁾ Представляемъ этотъ списокъ, чтобы дать вѣрное понятіе о томъ, на какія предпріятія директоры Дв. Кредита предпочтительно затрачивали его капиталы:

французской ренты на 3.000 фр.	} Компаніи недвижимостей, находившейся въ критическомъ положеніи.
113.600 облигацій 72.000 акцій	
65.000 акцій испанскаго Движимаго кредита.	
650 — французскаго Дв. кред.	
12.008 облигацій общества канализаціи Эбра.	
20.000 — Транзатлантической компаніи.	
62.000 — Сѣверной испанской дороги.	
350 акцій Южно-французской дороги.	
4.200 — австрійскихъ дорогъ.	
32.000 — компаніи Magasins Gépéraux (отдѣлившейся изъ C-guie Immobilière).	

эти пираты раскланивались съ обществомъ. Вѣдь и они теряли какъ акціонеры! А что они назвали какъ администраторы, то уносили съ собою.

Но вопросъ, лежащій на нихъ, заключается вотъ въ чемъ: акціонерный капиталъ Движимаго кредита, съ резервнымъ фондомъ, составлялъ 124 милліона фр.; 19 мая 1867 года, господа Перейры вмѣстѣ съ прочими администраторами объявили потерю менѣе 8 милліоновъ; они должны доказать, что остальные 116 милл. фр. были въ цѣлости¹⁾).

¹⁾ Недавно парижскій апелляціонный судъ разбиралъ дѣло по жалобѣ, предъявленной на администраторовъ Движимаго кредита нѣкимъ Лабурн. Рѣшеніе по этому дѣлу произнесено было 1 августа. Упомянемъ здѣсь объ этомъ процессѣ, хотя для цѣли нашей статьи исторія Движимаго кредита служила только примѣромъ и намъ важны только его операціи и счетоводство. Но жалоба Лабурн захватывала довольно широко дѣятельность администраторовъ, а потому мы и изложимъ сущность рѣшенія апелляціоннаго суда.

Лабурн жаловался на незаконность того собранія акціонеровъ, въ которомъ было рѣшено удвоеніе капитала, на ложность свидѣній, представленныхъ администраторами при этомъ призывѣ новыхъ капиталовъ, и на умолчаніе о важныхъ, неблагоприятныхъ Обществу обстоятельствахъ. Жалобу свою Лабурн предъявлялъ на членовъ свѣта: обоихъ Перейровъ, Сальвадора, Біеста, Галліера, Шевалье, Брюссера, Сельера и Гринингера. Онъ требовалъ, чтобы ему были возвращены, а въ случаѣ нужды взысканы съ личнаго имущества этихъ господъ, произведенные имъ взвозы по акціямъ второго выпуска.

Судъ отвергъ первое основаніе жалобы: незаконность общаго собранія (мы уже объяснили выше, въ чемъ она состояла), такъ какъ не имѣется въ виду закона (1), который бы обязывалъ правленіе компаній заранѣе приглашать акціонеровъ къ представленію своихъ акцій и занесенію своихъ именъ въ списокъ собранія своевременнo (въ этомъ отношеніи апелляціонный судъ и отмѣнилъ послѣдовавшее рѣшеніе 1-й инстанціи).

Но второе основаніе жалобы Лабурн судъ призналъ исполнѣ. Приводимъ сущность мотивовъ, допущенныхъ судомъ. Дв. кредитъ, уже въ концѣ 1864 года, находился въ затруднительныхъ обстоятельствахъ; главная часть его капитала была помѣщена въ Компаніи недвижимостей, которая находилась подъ управленіемъ тѣхъ же директоровъ, какъ и Дв. кредитъ. Свидѣніе о величинѣ этой суммы не было сообщено даже въ балансъ, представленному коммерческому суду, и суду Дв. кредита Компаніи недвижимостей, по балансу перваго были причислены къ помѣщеніямъ на *опредѣленный срокъ*, между тѣмъ, какъ срока этимъ ссудамъ, въ дѣйствительности, не было. Даже, если бы онѣ и были срочныя и можно было бы потребовать ихъ возвращенія для отвращенія отъ Дв. кредита кризиса, то онѣ все-таки не были бы возвращены, потому что Компанія недвижимостей была не *въ состояніи* это сдѣлать. Сверхъ того, ссуды эти были показаны огуломъ въ числѣ 53 милл., помѣщенныхъ въ «равныя компаніи», между тѣмъ какъ изъ этой суммы дѣлалъ 52 милл. были помѣщены *въ одну* компанію, именную въ Комп. недвижимостей. Наконецъ, въ портфель не было облигацій этой компаніи, и отговорка, что всегда можно было потребовать отъ Комп. недвижимостей выпуска этихъ облигацій, не можетъ быть принята, такъ какъ выпускъ облигацій на 52 милл. фр. вдругъ непремѣнно обнаружилъ бы все положеніе дѣлъ между Дв. кредитомъ и Компаніею. Это умолчаніе важнаго факта со стороны обоихъ Обществъ судъ приз-

Въ выносѣ читатель можетъ найти пробѣрку дѣйствій администраторовъ по другимъ источникамъ; изъ нея же онъ увидитъ, что, на основаніи судебного рѣшенія, тайна съ дѣйствіемъ Движимаго кредита съ 1866 года будетъ сорвана и документы совѣта этого общества наконецъ откроются для безпристрастнаго контроля и для привлеченія виновныхъ къ отвѣтственности. Бывшій процессъ важенъ тѣмъ, что онъ проложилъ дорогу дальнѣйшимъ искамъ въ томъ же родѣ. Остается желать, чтобы, когда всѣ плутни будутъ раскрыты, акціонеры Движимаго кредита составили изъ себя общество со спеціальной цѣлью вы-

заетъ какъ преднамѣренное дѣйствіе именно для осуществленія удвоенія капитала Дв. кредита въ акціяхъ.

Судъ допускаетъ, что администраторы не обязаны приывать гласность всему положенію дѣлъ Общества; но рѣшаетъ, что они не имѣютъ права умалчивать о столь важномъ фактѣ тогда именно, когда къ предпріятію призывается новый капиталъ. Движимый кредитъ помѣстилъ въ предпріятіи Комп. недвижимостей въ формѣ ссуды, покупки акцій и облигацій почти 100 милл. фр., то-есть болѣе, чѣмъ въ полтора раза своей основной капиталъ, почти половину всего своего актива. Между тѣмъ, совѣтъ правленія не только не предупреждалъ Общество о такомъ положеніи дѣлъ, но даже, въ отчетѣ, читанномъ въ собраніи 12 февраля 1866 г., ни разу не упомянулъ о Компаніи недвижимостей, а въ отчетѣ 10 мая, представленномъ уже послѣ постановленія объ удвоеніи капитала, расхваливалъ дѣвствующее положеніе дѣлъ этой компаніи. Самое удвоеніе капитала судъ признаетъ какъ прямое послѣдствіе опаснаго положенія Дв. кредита, а не какъ необходимость вынужденную обширностью его оборотовъ (что утверждали администраторы).

Основываясь на всемъ этомъ, судъ призналъ администраторовъ Движ. кредита, бывшихъ въ то же время администраторами Компан. недвижимостей, въ недобросовѣстномъ исполненіи даннаго имъ порученія и довѣрія, и обязанными вознаграждать истца за его потерю. Но судъ не думаетъ, чтобы Движ. кредитъ потерялъ весь свой капиталъ, а потому не считаетъ справедливымъ сполна возратить Лабурнъ всѣ его взносы. Вслѣдствіе того, онъ опредѣляетъ навѣсть полную справку по книгамъ и счетамъ и возратить Лабурнъ его дѣйствительную потерю, какъ она окажется изъ истинныхъ балансовъ.

Что касается гѣхъ администраторовъ Движ. кредита (Шевалье, Брюссьеръ, Сельмеръ и Гринингеръ), которые не были въ то же время членами совѣта Комп. недв., то ихъ судъ увольняетъ отъ отвѣтственности по иску истца, такъ какъ очень вѣроятно, что они только полагались на своихъ товарищей, а истиннаго положенія Компаніи не знали. Здѣсь судъ допускаетъ различіе между справедливою отвѣтственностью по личнымъ дѣйствіямъ, обманувшимъ то довѣріе, которое акціонеры должны оказывать администраторамъ, и довѣріемъ, какое сами администраторы могутъ ошибочно оказать другимъ лицамъ. Иначе, говорить судъ, пришлось бы смотрѣть на директоровъ промышленнаго общества, какъ на страхователей интересовъ акціонеровъ, что было бы несправедливо.

По всѣмъ этимъ основаніямъ, судъ приговорилъ Эмиля и Исаака Перейровъ, Сальвадора, Віеста и Галлера уплатить истцу вознагражденіе по оцннкѣ, на основаніи документовъ, съ общаго ихъ отвѣтственностью всѣхъ за каждаго, и къ надѣржанію.

требовать назадъ отъ Перейровъ съ К^о всѣ унесенные ими барыши.

Исторія Движимаго кредита представляетъ намъ краснорѣчивый примѣръ той эксплуатаціи массы горстью финансовыхъ феодаловъ, которая не многимъ лучше феодальной эксплуатаціи прежнихъ временъ. Движимый кредитъ не можетъ даже прикрыться какою-либо славою «завоевателя,» какою такъ успѣшно прикрывалась до времени эксплуатація иного рода.

Въ самомъ дѣлѣ, финансовой своей цѣли Движимый кредитъ не достигъ. Ему не удалось сдѣлаться ни главнымъ банкомъ обще-европейскаго кредита, ни монопольнымъ банкомъ, въ которомъ «сосредоточивались» бы капиталы предпріятій по общественнымъ работамъ, ни наконецъ облигаціоннымъ банкомъ, котораго доходныя ассигнаціи замѣняли бы деньги, поглощая капиталъ, находящійся въ обращеніи и сбереженіи, ожидающія помещенія.

Учредители Движимаго кредита льстили своимъ акціонерамъ общаніемъ, что они учредятъ конторы этого предпріятія во всѣхъ главныхъ столицахъ Европы и посредствомъ ихъ подчинятъ Парижу весь денежный рынокъ; ничего подобнаго не осуществилось. Они попробовали захватить въ свои руки морскую торговлю, посредствомъ морской компаніи и компаніи транзитлантическихъ пароходовъ; они хотѣли управлять поземельною собственностью въ городахъ посредствомъ Компаніи недвижимостей; они стремились захватить желѣзныя дороги всего европейскаго континента посредствомъ дорогъ австрійскихъ, венгерскихъ, русскихъ и испанскихъ; они предсказывали, что Движимый кредитъ будетъ комиссіонерскимъ банкомъ для государственныхъ займовъ Франціи, Италіи, Испаніи, Турціи и Мексики. Все это оказалось мечтою.

Ни одно изъ этихъ «завоеваній» не удалось; мало того, самъ парижскій денежный рынокъ, управленіе которымъ Движимый кредитъ пытался присвоить себѣ окончательно, возсталъ противъ этого учрежденія, и Движимый кредитъ вызвалъ всеобщую ненависть въ торговомъ свѣтѣ.

Чѣмъ же удалось Движимому кредиту быть въ дѣйствительности? Въ одномъ изъ многочисленныхъ его процессовъ, онъ имѣлъ противъ себя знаменитаго адвоката Беррье, и вотъ какъ этотъ ораторъ опредѣлилъ дѣятельность Движимаго кредита: «Общество Движимаго кредита, это — величайшій игорный домъ, который когда либо былъ на свѣтѣ. Громкія слова ничего не значать.

Я знаю, у нихъ этихъ словъ довольно: покровительство промышленности, освобожденіе государственнаго кредита, развитіе кредита частнаго, консолидація всѣхъ цѣнностей частныхъ компаній, то-есть мечта. Но все это одна наружность, предлогъ; а въ дѣйствительности они только дали новое имя игрѣ: игру они назвали — *промыселъ кредитомъ* (l'industrie du crédit).» Это было сказано еще въ блестящую эпоху «величайшаго игорнаго дома».

Напомнимъ въ заключеніе о размѣрахъ этой игры. Движимый кредитъ основалъ или эксплуатировалъ множество предприятий, которыя въ сложности выпустили бумагъ на *четыре миллиарда* франковъ. Если взять только главныя компаніи, основанныя Движимымъ кредитомъ, или имѣвшія въ немъ свой банкъ, то капиталъ въ акціяхъ и облигаціяхъ, выпущенный ими, по первоначальнымъ цѣнамъ составлялъ почти *два* миллиарда франковъ. По самымъ высшимъ цѣнамъ, всѣ эти бумаги представляли цѣнность болѣе *трехъ* миллиардовъ, такъ что барыша противъ первоначальныхъ цѣнъ на нихъ было болѣе одного миллиарда.

По цѣнамъ же существовавшимъ на нихъ въ концѣ 1867 года, эти капиталы представляли цѣнность уже всего около $1\frac{1}{4}$ миллиарда. Стало быть акціонеры, т. е. масса, купившая ихъ бумаги, понесла потерю *около 650 миллионовъ* франковъ сравнительно съ цѣнами первоначальными; а по сравненію съ наивысшими курсами, потерю въ 1 миллиардъ $742\frac{1}{2}$ тысячи.

Что выиграли акціонеры самого Движимаго кредита, который славился своими громадными дивидендами? Несмотря на эти дивиденды, они на всей операціи въ сложности потеряли, потому что, если бы они помѣстили тотъ же капиталъ просто въ 3⁰/₀ ренту, то она принесла бы имъ *болше* ¹⁾. Вотъ окончательный результатъ помѣщеній капитала въ подобныя громкія предприятия, манящія баснословными дивидендами, прельщающія курсами въ четверную цѣну акцій!

¹⁾ Айкаръ разсчитываетъ, что 1080 фр., употребленные на покупку одной акціи Дв. кред. въ 1852 году (тогда это была цѣна дешевой), въ теченіи 15 лѣтъ должны были принести 930 фр. 45 сент. дивиденда. Если причислить къ этому цѣну акціи Дв. кред. въ ноябрѣ 1867 года (т. е. 142 фр. 50 сент.), то окажется, что 1080 фр. обратились въ 1072 фр. 65 сент. Потери въ 7 фр. 5 сент.

Между тѣмъ 1080 фр., употребленные на покупку 8⁰/₀ ренты въ 1852 году по 81 фр. (курс дорогой), принесли бы въ теченіи 14 лѣтъ 600 фр. дохода, къ которому, если причислить имѣвшую стоимость той же суммы въ рентѣ (т. е. 978 фр. 64 сент.) то выйдетъ 1,578 фр. 64 сент.

Итакъ, рента принесла бы 498 фр. 64 сент. *выгоды*, а Дв. кредитъ 7 фр. 5 сент. *ущербу*.

Такова была судьба акціонеровъ; но судьба администраторовъ была совсѣмъ иная: *они нажили сотни милліоновъ.*

Приведемъ еще одно мнѣніе, высказанное о Движимомъ кредитѣ въ періодъ его процвѣтанія, именно въ 1857 году. Оно высказано Прудономъ: «Кредитное учрежденіе, подобное Движимому кредиту, полезно, даже необходимо, но оно выходитъ изъ круга предпріятій частныхъ; такое учрежденіе, чтобы быть прочнымъ, должно быть основано на *вѣрѣ* въ него общества, а стало быть не можетъ быть эксплуатируемо въ виду частнаго интереса: такое отнятіе у народа права, которое должно принадлежать ему самому, представляетъ вмѣстѣ и злоупотребленіе и обманъ; правительство, которое такое похищеніе допускаетъ, и спекулянты, которые имъ пользуются, будутъ подлежать отвѣтственности: первое передъ народомъ, послѣдніе — передъ правосудіемъ».

Примѣромъ Движимаго кредита, съ его Перейрами и Ко, мы можемъ ограничиться для ознакомленія читателя съ механизмомъ кредитной спекуляціи. Но для довершенія картины надо привести еще нѣсколько чертъ изъ другихъ исторій спекуляціи во Франціи за послѣдніе пятнадцать лѣтъ. Здѣсь мы уже обратимъ вниманіе не столько на изложеніе механизма операцій, сколько именно на характеристику нравовъ.

Кто слыхалъ о Перейрахъ, тотъ слыхалъ и про Миреса-Миресъ, по примѣру Перейровъ, основалъ кредитное учрежденіе: «Главную кассу желѣзныхъ дорогъ», по ихъ же примѣру занялся спекуляціею на общественныя работы, въ особенности на римскія дороги; сверхъ того, онъ, какъ мы уже говорили въ иномъ мѣстѣ, редижировалъ *Journal des chemins de fer* и прибралъ къ рукамъ главные органы прессы.

«Главная касса желѣзныхъ дорогъ» преобразована изъ другого предпріятія, въ 1853 году. Это было сперва акціонерное общество съ капиталомъ въ 12 милл. фр., но съ 1856 года капиталъ Общества былъ увеличенъ до 50 милл. Итакъ, капиталъ его почти равнялся капиталу Движимаго кредита. Цѣль его была таже самая: покупка и продажа бумагъ, фондовъ французскихъ и иностранныхъ, открытіе текущихъ счетовъ, ссуды подъ залогъ. Правила устава въ сущности были тѣже, какъ Движимаго кредита; только здѣсь директорамъ присвоено было изъ дохода даже не 10⁰/, а 19⁰/.

За ходомъ предпріятія Миреса мы слѣдить не будемъ, насъ занимаетъ здѣсь другое. Въ концѣ 1857 года, Миресь, предвидя близкое разстройство своихъ дѣлъ, придумалъ комбинацію, которая должна была не только снабдить его банкъ наличными деньгами, но и доставить ему значительный барышъ. Въ кассѣ хранилось большое количество акцій общества (т. е. Главной кассы жел. дорогъ), частью принадлежавшихъ самому обществу, т. е. не разобранныхъ во время подписки, частью внесенныхъ на храненіе или въ залогъ подъ ссуду посторонними лицами. Миресь взялъ у кассира тысячу четырнадцать этихъ акцій, выдавъ кассиру росписку, но не заноса въ книги этого позавимствования, и, чрезъ третье лицо, сталъ постепенно сбывать ихъ на биржѣ. Деньги же за нихъ, по мѣрѣ полученія, онъ вносилъ въ свой банкъ, какъ будто свои собственныя.

Эту операцію Миресь держалъ въ тайнѣ; однако товарищу его, Солару, удалось узнать объ этомъ дѣлѣ; тотъ, не долго думая, сдѣлалъ тоже самое, съ тою только разницею, что деньги, которые выручалъ отъ продаваемыхъ акцій, въ кассу не вносилъ, а клалъ себѣ въ карманъ. Итакъ, оба товарища, втайнѣ другъ отъ друга, тащили на биржу влады, отданные на храненіе, и продали около 20 тысячъ акцій, по хорошей цѣнѣ, отъ 350 до 450 фр. за акцію.

Понятно, что появленіе на рынкѣ 20-ти тысячъ акцій Общества тотчасъ вызвало паденіе ихъ курса; владѣльцы для того и внесли ихъ на храненіе или заложили въ кассу, чтобъ не пускать ихъ въ обращеніе. Но это не все: покупщики этихъ 20 т. акцій стали предъявлять къ каждому сроку купоны и получали по нимъ проценты и дивидендъ; а между тѣмъ, прежнихъ владѣльцовъ, которые не знали о тайной продажѣ ихъ владовъ, надо было кредитовать на тѣ же суммы процентовъ и дивиденда: отселѣ двойная уплата процентовъ и дивидендовъ по 20 т. акцій, что составило за все время 700 тысячъ франковъ. Затѣмъ, когда курсъ на акціи Главной кассы желѣзныхъ дорогъ, вслѣдствіе этой операціи, упалъ, гг. Миресь и Соларъ стали скупать акціи, по цѣнѣ 150—200 фр. и скупали ихъ въ теченіи 9 мѣсяцовъ. Значитъ, на каждой акціи они получили барыша 150—200 фран. Между тѣмъ приведенную потерю отъ двойной уплаты процентовъ и дивиденда, 700 тысячъ фр. они поставили обществу на счетъ. Что за важность, что отъ ихъ мошенничества общество потеряло 700 т. фр., когда они выиграли до 2 миллионъ! Вѣдь «les grandes affaires» на томъ и стоятъ, что интересы компаній зарываются въ землю, какъ удобреніе, для доставленія жатвы директорамъ.

Это не вымыселъ и не догадка: операція Миреса и Солара

описана точно такъ въ судебномъ приговорѣ. Тамъ же упомянуто, что Миресъ въ то время, когда онъ сталъ снова скупать акціи, употребилъ всѣ средства, чтобы подорвать ихъ кредитъ, понизить ихъ цѣну.

Но какъ же выпутались эти господа по отношенію къ акціонерамъ, которыхъ вклады они продали? А вотъ какъ: они воспользовались общимъ паденіемъ курсовъ на биржѣ въ маѣ 1859 года, и сдѣлали тогда фиктивную продажу по низкой цѣнѣ тѣхъ акцій, которыхъ не скупили. Для этого, Миресъ разослалъ къ 333 акціонерамъ, которыхъ ограбилъ, циркуляръ съ увѣдомленіемъ, что въ виду положенія рынка, директора признали благоразумнымъ продать акціи, внесенныя на храненіе; въ каждомъ экземпляру циркуляра приложенъ былъ ярлыкъ съ означеніемъ цѣны продажи по тогдашнему курсу. Въ то же время Миресъ, чтобы еще болѣе увѣрить своихъ кліентовъ въ чистотѣ дѣла, продалъ черезъ биржевого маклера значительное количество акцій своему повѣренному, который въ тотъ же день продалъ ихъ обратно Миресу.

Но каково было тѣмъ, кто подвергся миресовой экзекуціи? Многіе изъ нихъ явились къ суду, и обнаружались скандальные факты: одинъ жаловался, что его акціи были проданы за 23 т. фр., а онъ получилъ только 10 тысячъ; другой получилъ всего 110 т. фр. за акціи, на которыхъ было выручено 232 тысячи; третьему курсъ продажи былъ показанъ въ 175, между тѣмъ, какъ онъ былъ 350. Но это еще не все: логика мошенничества неумолима; ограбивъ кліентовъ, подъ видомъ экзекуціи ихъ акцій, нельзя было ограничиться тѣмъ, что уже было похищено у нихъ; надо было требовать отъ нихъ приплаты къ курсу продажи до того курса, по которому вклады были приняты Главною кассою въ залогъ. Ограбленныхъ стали увѣрять, что они же еще должны Обществу! Приведемъ примѣры изъ судебныхъ показаній. Одинъ истецъ объяснилъ, что, нуждаясь въ деньгахъ, онъ заложилъ въ 1857 году у Миреса 64 акціи Восточной дороги и 34 акціи Главной кассы, на сумму болѣе 70 тысячъ фр. Въ маѣ 1859 года, онъ получилъ циркуляръ съ извѣщеніемъ, что заложенные имъ акціи проданы, и что затѣмъ онъ еще долженъ банку 40 т. фр. Въ ярлыкѣ было прописано, что акціи Восточныхъ дорогъ были проданы по 430 франковъ, а акціи Главной кассы—по 175. Между тѣмъ онъ узналъ, что первыя были въ дѣйствительности проданы по 750, а вторыя по 375.

«Такъ какъ должникомъ оказался я,—говорилъ истецъ,—то меня потребовали къ расчету. Господа ликвидаторы сказали мнѣ: хотите, чтобы вамъ былъ

инведенъ балансъ?—Покорно благодарю, сказалъ я, посмотрѣлся я на вашъ балансъ и предпочту ему на этотъ разъ вѣсы правосудія (*смыслъ въ публикѣ*). Бѣдная моя жена умерла отъ этого горя; г. Миресу это извѣстно, она ходила къ нему, и со слезами умоляла его о пощадѣ. Онъ взялъ ее за руки и сказалъ: мнѣ жалко васъ и я желаю бы, чтобы вы не теряли; пусть вашъ мужъ рѣшится на жертву (*qu'il se saigne*), пусть дастъ обезпеченіе, и мы устроимъ все это. Но у меня ничего болѣе не было, и обезпеченія я дать не могъ. Но тѣ 98 акцій, которыя я заложилъ, стояли гораздо больше, чѣмъ сколько было мнѣ выдано въ ссуду. Полагаюсь на ваше безпристрастіе относительно тѣхъ 40 тысячъ фр., которые съ меня еще требуютъ.»

Остроумная операція гг. Миреса и Солара лишила многихъ рабочихъ сбереженій, накопленныхъ долгимъ трудомъ. Въ судѣ было прочтено между прочимъ письмо старушки-служанки:

«Войдите въ то положеніе, въ которое поставили меня эти господа, продавъ мои залогі: они сдѣлали меня нищею. Я два раза писала г. Миресу, прося его протекціи для поступленія въ богадѣльню. Тамъ будетъ мнѣ хоть кусокъ хлѣба и можетъ быть удастся еще хоть что-нибудь заработать, чтобы расплатиться; а такъ, мнѣ нечѣмъ и жить. Прошу васъ, пусть эти господа не напомидаютъ мнѣ о моемъ несчастіи. У меня осталось только мое бѣдное хозяйство; неужели они захотятъ отнять его? Вѣдь это не стоитъ издержекъ»:

Представьте себѣ, что тѣже Миресъ и Соларъ ночью загнѣзли бы въ комнату этой старушки, разломали ея сундукъ и утащили ея деньги. Что было бы тогда? Не говоря о судѣ, общество заклеимило бы ихъ настоящимъ именемъ воровъ, и они не смѣли бы показаться на улицѣ.

Гг. Миресъ и Соларъ сдѣлали *тоже самое*, потому что они уммышленно похитили деньги этой бѣдной женщины, и еще многихъ людей, похитили тайно, обманувъ ее, нажили на эти деньги больше денегъ, и не только не отдали жертвѣ похищеннаго у нея, но еще требовали съ нея приплаты. И что же: г. Миресъ до сихъ поръ ѣздитъ въ каретахъ, задумываетъ новыя «операціи» и даже слыветъ въ обществѣ «гонимымъ», потому что немножко посидѣлъ въ тюрьмѣ, онъ, который задавалъ такіе великолѣпные обѣды, онъ, у котораго половина журналистовъ были на содержаніи!

Общество смотритъ на него какъ на геніальнаго спекулянта и даетъ ему всѣ права завоевателя. Сама жертва его, бѣдная служанка, проситъ, чтобы ей предоставили средство заработать что-нибудь, чтобы еще *расколотаться съ нимъ!* Да, общество имѣетъ двѣ морали, признаетъ двойкія мѣры и вѣсы и спекулянты посреди его, зараженнаго спекуляціею, жаждущаго если не барыша на биржевой ликвидаціи, то выигрыша капитала по лотерейному билету,—это завоеватели посреди своихъ солдатъ. Солдаты падаютъ вокругъ завоевателя и обожаютъ

его, оттого, что сверхъ рабскаго чувства преданности успѣху, ихъ соединяетъ съ завоевателемъ также жажда захвата. Перейры, Миресь и т. д., это не братья «Робера и Бертрама», не Картуши нашего времени—это его Цезари, Наполеоны...

Возвратимся къ изученію «правственныхъ» курьезовъ въ дѣлѣ Миреса. Кассиръ Роже, у котораго Миресь и Соларь поочередно требовали залого для продажи, какъ мы свазали, брать съ нихъ росписки. Наконецъ, каждый изъ нихъ замѣнилъ всѣ свои росписки одною общою. Въ то время и Миресь уже зналъ, что Соларь ему подражаетъ, и вотъ каждый изъ товарищей сталъ бояться, что другой вытребуетъ отъ кассира его росписку и посредствомъ ея будетъ держать товарища въ рукахъ. Поэтому они условились втроемъ, что Роже не имѣетъ права выдать росписку Солара иначе, какъ Миресу *въ присутствіи* Солара, и росписку Миреса никому кромѣ Солара, въ присутствіи Миреса. Эти господа знали, что и собственноручной запискѣ не всегда можно вѣрить. И предосторожность была не лишняя; разъ случилось, что Миресь потребовалъ свою росписку и въ судѣ было читано письмо къ нему Роже, въ которомъ этотъ кассиръ отказывался исполнить требованіе, выражая мнѣніе, что самъ Миресь одобритъ его за это, такъ какъ въ кассирѣ ему нуженъ прежде всего «человѣкъ честный».

Для характеристики нравовъ спекулятивнаго міра, не мѣшаетъ привести нѣсколько образчиковъ изъ переписки, сдѣланной известною при процессѣ.

Миресь, въ письмѣ къ Солару упоминая о неблагопріятныхъ слухахъ, приписываетъ распространеніе ихъ Солару, и говорить между прочимъ:

... «Г. Ифла сообщаетъ мнѣ также, что вы не соглашаетесь сложить съ себя званіе главнаго редактора «*Presse*». Между тѣмъ, вы купили ваши пая въ «*Presse*» очень дорого потому именно, что съ ними связано было право главнаго редакторства и если вы исполните свое намѣреніе продать ихъ отдѣльно отъ этого права, то общество Главной кассы потеритъ на этомъ большой убытокъ; надѣюсь, что вы не сдѣлаете этого, и тѣмъ не увеличите своей вины; она состоитъ въ томъ, что вы купили эту газету противъ моей воли, а еще болѣе въ томъ, что вы подвергли эту собственность опасности вашими *злобными* *нападками* на императора, нападками, которые заставили меня вызвать въ наблюдательномъ совѣтѣ общества формальный протестъ, и представить этотъ протестъ на усмотрѣніе его превосходительства министра внутреннихъ дѣлъ.

На угрозы ваши обличить мои дѣла отвѣчаю вамъ предостереженіемъ, что если въ скоромъ времени вы не заплатите по вашему счету, или не представите обезпеченія, или не представите 1656 акцій кассы, которыя вы еще должны ей, то мною будутъ приняты надлежащія мѣры, сдѣлано будетъ обращеніе куда слѣдуетъ.

«Вамъ извѣстны угрозы, которыя были мнѣ предъявлены гг. Дебруссомъ, Сарти, Жанти, Бланзи съ товарищи; вы знаете, что подъ влияніемъ этихъ угрозъ и вашихъ убѣжденій, я согласился въ то время на *сдѣлки, тягостныя для компаніи римскихъ дорогъ и кассы желѣзныхъ дорогъ*, которая солидарна съ первою по капиталу. Вѣроятно, потому-то вы и г. Понтальба разсчитываете сдѣлать со мною тоже самое, подвергая опасности кредитъ кассы желѣзныхъ дорогъ. Но вы *отоздали*; процессы меня теперь не пугаютъ». (Далѣ говорится почему; потому, что главная касса развязалась съ римскими дорогами).

Миресь, Соларь и имъ подобные часто ссорятся другъ съ другомъ, потомъ мирятся и опять обдѣлываютъ дѣла вмѣстѣ. Происходить это оттого, что доводить ссору до конца обѣимъ сторонамъ не выгодно, и такъ какъ всѣ ихъ аргументы—угрозы доноса, то ихъ всегда можно устранить деньгами.

Одному изъ нихъ, г. Понтальба, удалось однажды сорвать съ товарищей кушъ порядочный. Его послали въ Римъ, чтобы обдѣлать тамъ важныя затрудненія относительно римскихъ дорогъ, предпринятыхъ Миресомъ. Въ догонку за нимъ послали на 11 тысячъ франковъ *винз*, такъ какъ въ Римѣ, конечно, понимаютъ изреченіе *inter rosula*... Понтальба *обдѣлалъ* дѣла, къ общему удовольствію. Но вотъ бѣда: за услугу онъ требуетъ непомерный гонорарь: 1,200,000 фр. за первое порученіе, 500,000 фр. за другое, да 250,000 фр. за издержки, произведенныя въ теченіе 20-ти мѣсяцевъ. Миресь отказывается платить; Понтальба прибѣгаетъ къ обычному средству: грозитъ *обличить*. Миресь отвѣчаетъ: «Я не хочу покупать ваше молчаніе за милліонъ 700 тысячъ франковъ». Соларь старается уладить дѣло, но безуспѣшно, и вотъ Понтальба подаетъ въ гражданскій судъ жалобу «о не-правильности дѣйствій» директоровъ. Тогда товарищи мирятся и примиреніе утверждаютъ формальнымъ условіемъ, котораго мы приводить не будемъ, но въ которомъ Понтальба предоставлялись требуемые 1 мил. 700 тысячъ фр., а тотъ отказался отъ исба.

Вотъ къ какимъ нравамъ привело примѣненіе принципа: *les affaires sont les affaires*, т. е. что въ спекуляціи не должны примѣняться правила общественной нравственности. Во французскомъ обществѣ — да и въ одномъ ли французскомъ? — сложилось убѣжденіе, что спекуляція, такъ же какъ политика, какъ война, имѣетъ свой особенный кодексъ, основанный на правѣ силы и правѣ хитрости. Вотъ почему господа, подобные Миресу, Понтальба, Солару, Перейрамъ, Милльо и т. д., по дѣламъ своимъ пользуются, отчасти, привилегіею нравственной безнаказанности. Да оно и не могло быть иначе въ обществѣ, основанномъ не на общественныхъ, то-есть корпоративныхъ началахъ, а на началѣ безграничной и безжалостной конкуренціи, то-есть борьбы.

До какой степени дух спекуляціи проникъ во всѣ сферы собственно французскаго общества, это доказывается тѣмъ, что нѣтъ никакого предмета, который бы не сдѣлался во Франціи матеріаломъ для спекуляціи.

Въ парижскомъ исправительномъ судѣ разбиралось одно дѣло, которое обнаружило любопытный фактъ вторженія спекуляціи даже въ религиозную область. Извѣстно, что въ католической церкви поминовеніе умершихъ составляетъ одинъ изъ главныхъ религиозныхъ обрядовъ, одну изъ важныхъ обязанностей христіанина. На поминовеніе обыкновенно назначается сумма родственниками, а иногда и сами завѣщатели отдѣляютъ извѣстную сумму на церковь, для поминовенія ихъ. Такъ, завѣщатель оставляетъ въ пользу церкви 100, 200 фр. или болѣе (по числу заупокойныхъ обѣдней, которыя желаетъ заказать; священнику за одну обѣдню жертвуютъ одинъ франкъ), или самъ еще при жизни отдаетъ эти деньги на руки тому священнику, котораго почитаетъ. Священники, имѣющіе приходы, обременены такими завѣщаніями. Если священникъ посвятитъ каждый день въ году одну обѣдню для поминовенія, то можетъ отслужить ихъ все-таки только 365 въ годъ. Между тѣмъ, иные отдаютъ священнику нѣсколько тысячъ франковъ, и всѣхъ такихъ завѣщаній въ сложности, одинъ приходскій священникъ ни въ какомъ случаѣ исполнить не въ силахъ, онъ долженъ раздѣлить этотъ религиозный трудъ съ другими священниками, которые менѣе заняты, предоставивъ имъ, конечно, и то вознагражденіе, какое придется за эту часть труда.

Вотъ на этой-то потребности духовенства и основалась та особаго рода спекуляція, которой подробности были раскрыты процессомъ. Всякая спекуляція, какъ извѣстно, основана на посредничествѣ между производителемъ и потребителемъ, или между производителями; спекуляція и есть не что иное, какъ *злоупотребленіе посредничествомъ*. Въ настоящемъ случаѣ, посредниками-спекулянтами явились книгопродавцы, которые придумали этимъ путемъ спускать свой книжный товаръ.

Книгопродавецъ является къ приходскому священнику и убѣдившись, что священникъ обремененъ завѣщаніями поминовеній, убѣдивъ и его, что ему невозможно исполнить этихъ завѣщаній, беретъ на себя присканіе священниковъ, которые раздѣляютъ съ приходскимъ священникомъ этотъ трудъ, съ тѣмъ, чтобы священникъ отдалъ ему часть завѣщанныхъ денегъ, сколько придется, а уступающему эти деньги и сопряженные съ ними духовныя обязанности, предлагаютъ *премію* книгами. Священникъ соглашается: отдаетъ книгопродавцу 1,000 или 3,000 фран-

бовъ, взявъ съ него обѣтъ христіанина, что завѣщанія будутъ исполнены въ точности, и затѣмъ получаетъ отъ книгопродавца книгъ на нѣсколько десятковъ или сотенъ франковъ; это и есть премія. Тогда книгопродавецъ прискиваетъ молодыхъ священниковъ, которымъ «нечего дѣлать», и распредѣляетъ между ними взятое на себя число поминовеній, раздѣляя между ними также полную сумму взятыхъ имъ *франковъ*, но только.... книгами же.

Итакъ, честность соблюдена (и процессъ не показалъ, чтобы даже книгопродавцы обманывали въ числѣ поминовеній или суммъ вознагражденія) всѣми сторонами и всѣ въ барышахъ: приходскій священникъ пополнилъ свою библіотеку, начинающіе братья его обзавелись библіотеками, завѣщанія исполнены въ точности и даже въ скорѣйшее время, а книгопродавецъ..... Но онъ, какъ спеулянтъ, разумѣется, имѣлъ право на гораздо болѣшій барышъ, чѣмъ сами производители; и въ самомъ дѣлѣ, деньги остались у него, а взаменъ ихъ онъ отпустилъ товаръ, на которомъ выигрываетъ 50 и до 100 процентовъ!

Святотатства тутъ нѣтъ; напротивъ, все это дѣло обнаруживаетъ даже, какое серьезное значеніе французскіе священники придаютъ завѣщаніямъ о поминовеніи; иначе, зачѣмъ бы имъ отдавать тысячи франковъ, получая взаменъ ихъ на сотни франковъ книгъ. Самая переуступка поминовеній есть скорѣе наивная заботливость объ освобожденіи себя отъ обязанности, которую иначе исполнить нельзя, чѣмъ торгашество. А между тѣмъ дѣло выходитъ все-таки «очень странное», чтобы не сказать болѣе, и краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о той всеобъемлющей силѣ, съ какою овладѣлъ Францію злой духъ спеуляціи.

Въ исторической системѣ вѣчныхъ приливовъ и отливовъ политическаго починна народовъ, 1852 годъ знаменуетъ крайнюю точку одного изъ отливовъ. Къ революціи 1848 года одна часть французскаго народа, именно сельская масса, отнеслась равнодушно; другая часть — рабочіе въ городахъ, была разочарована этою революціею, отъ которой она ждала гораздо болѣе существенныхъ переизмѣнъ, чѣмъ измѣненіе государственнаго герба и именъ на правительственныхъ актахъ; наконецъ, третья часть — люди владѣющіе, была испугана заявленными даже съ оружіемъ въ рукахъ требованіями. Исторія ближайшихъ трехъ лѣтъ показала впервые, что пора политическихъ революцій миновалась; что, въ настоящее время, никакой политической переворотъ не можетъ быть прочтенъ, если онъ не опирается на благопріятныя

для массъ измѣненія въ общественномъ бытѣ. Но часть влаждующая, часть вліятельная, никакихъ подобныхъ измѣненій не хочетъ. 1852 годъ, годъ основанія имперіи, былъ апогеемъ реакціи противъ опытовъ политическаго самоуправленія и опытовъ общественной перестройки. Старая, вліятельная Франція хотѣла прежде всего мира. Миръ внутренній былъ обезпеченъ ей на время тѣмъ, что президентъ обращался въ наслѣдственнаго, почти неограниченнаго монарха; имя этого монарха было залогомъ того, что *les affaires*, то-есть и производительность и спекуляція, такъ развившаяся въ царствованіе Людовика-Филиппа, получать новый періодъ процвѣтанія, не стѣсненнаго ничѣмъ, даже и той относительной строгостью нравовъ, которая всегда проявляется въ обществѣ проходящемъ сквозь огонь революціи. Но въ этомъ имени было и нѣчто такое, что пугало эту «дѣловую» Францію, то-есть ту, которая отбрасывала заботы о дѣлѣ общемъ, чтобы вновь всецѣло предаться конкуренціи частныхъ интересовъ, борьбѣ единичныхъ карьеръ и барышей.

И вотъ, принцъ-президентъ поѣхалъ по странѣ, чтобы довершить ея внутреннее «успокоеніе» обнаруженіемъ того энтузіазма, съ какимъ ему приготовлялись встрѣчи, а въ тоже время успокоить дѣловую Францію и насчетъ внѣшняго мира, которому, казалось, угрожало самое имя новаго правителя.

«Побуждаемые духомъ недовѣрія, иные люди говорятъ: имперія, это война. Но я говорю вамъ: имперія, это миръ. Это—миръ, ибо Франція его желаетъ, а когда Франція довольна, то спокоенъ миръ. Слава завѣщается наслѣдіемъ, но не можетъ быть наслѣдіемъ война.....»

«Намъ предстоитъ разчистить для обработки огромныя пространства земли, прокладывать дороги, углублять порты, облегчать судоходство по рѣкамъ, рыть каналы, дополнить нашу сѣть желѣзныхъ дорогъ. Въ виду Марсели у насъ есть обширное государство, которое мы должны слить съ Франціей. Западные наши порты мы должны приблизить къ американскому матеріку скоростью тѣхъ сообщеній, которыхъ еще не достаетъ намъ.....»

«Вотъ какимъ образомъ я понялъ бы имперію, если имперіи суждено возстановиться. Вотъ тѣ завоеванія, о которыхъ я мечтаю, и вы всѣ вокругъ меня, вы, которые какъ и я хотите блага нашего отечества, вы — мои солдаты.»

Здѣсь не мѣсто говорить о томъ, насколько вторая имперія отступила отъ этого круга дѣятельности. Но вотъ та программа, которою она рекомендовала себя Франціи, «желавшей мира,» Франціи промышленной и спекулятивной. Милитаризмъ при-

звалъ къ себѣ на помощь индустриализмъ; революція была эскамотирована и буржуазіи обѣщано было вознагражденіе золотыхъ дней Людовика-Филиппа, только еще съ большимъ спокойствіемъ отъ политическихъ бурь, съ полнымъ затишьемъ, среди котораго она могла всецѣло отдаться промышленности и спекуляціи. Огромное развитіе общественныхъ работъ, по мнѣнію новаго правителя Франціи, должно было соединить наконецъ два разъединившіеся, ставшіе во враждебное отношеніе интереса: интересъ рабочаго пролетаріата и интересъ буржуазіи собственниковъ и промышленниковъ.

Замѣчательно, что изъ всѣхъ рѣчей, когда-либо произнесенныхъ Наполеонъ III, самую памятную осталась именно эта приведенная рѣчь, несмотря на послѣдовавшія противорѣчія. Значитъ, обращаясь къ индустриализму и обѣщая основать свою политику на его поддержкѣ, Наполеонъ попалъ именно въ чувствительное мѣсто той среды, которая распространяетъ и сохраняетъ политическія программы.

По возвращеніи принца-президента въ Парижъ, тамошняя торговая палата въ представленномъ ему адресѣ главною темою избрала именно бордосскую рѣчь; 7 ноября было обнародовано сенатское постановленіе объ учрежденіи вновь имперіи, а 21 ноября имперія отсчитала изъ 8.140,660 поданныхъ народомъ голосовъ, 7.824,189 въ свою пользу. Составивъ заговоръ съ войскомъ, покоривъ себѣ сельское населеніе обаяніемъ своего имени и тѣснымъ союзомъ съ духовенствомъ, новый правитель привлекъ къ себѣ обѣщаніемъ поощренія промышленности и буржуазію, ту самую буржуазію, которая такъ тѣшила себя парламентаризмомъ при Людовикѣ-Филиппѣ, но теперь, испуганная притязаніями рабочей массы, очутившейся съ нею въ этотъ разъ на полѣ революціи, приносила и свои хваленые принципы 1789 года, и свою любезную трибуну, «гордость Франціи», «свѣтозарный маякъ европейской свободы», въ жертву царству мамона.

Мы напоминаемъ обо всемъ этомъ для того, чтобы показать, какъ вторая имперія была связана съ индустриализмомъ; она торжественно объявила себя идентичною съ нимъ; она стала солидарна съ биржею и ей оставалось не только эксплуатировать эту союзницу въ пользу своихъ усерднѣйшихъ слугъ, но и подчиняться требованіямъ биржи, растворить настежь двери спекуляціи и благородную горячку свободы смѣнить грязною лихорадкою барышнической игры.

Спекулятивный міръ понялъ такъ имперію и заявилъ это съ самаго начала. Еще въ концѣ того же 1852 года, спекуляція другъ развилась въ невиданныхъ еще размѣрахъ. Правительство

сократило на 30 т. чел. численность арміи и общало дальнѣйшія сокращенія; въ бюджетѣ 1852 года, дефицитъ былъ исчисленъ всего слишкомъ въ 25½ миллионѣвъ фр.; правительство принялось за развитіе желѣзныхъ дорогъ. Тогда-то было учреждено общество Движимаго кредита, этотъ главный храмъ спекуляціи; вслѣдъ за нимъ, черезъ четыре года, парижскій земельный банкъ преобразовался въ генеральное общество французскаго земельного кредита, которое теперь тоже близко къ паденію. Въ основаніи этого учрежденія опять выразилась монополистская мысль второй имперіи. До 1852 года, во Франціи существовали три банка земельного кредита: въ Парижѣ, Неверѣ и Марсели. Въ 1856 году всѣ эти банки были слиты въ одно общество французскаго земельного кредита, съ капиталомъ въ 60 милл., какъ и у Движимаго кредита. Еще до второй имперіи девять коммерческихъ банковъ, существовавшихъ въ департаментахъ, слились съ парижскимъ французскимъ банкомъ. Дѣйствуя по принципу монополіи, правительство второй имперіи въ 1857 году продлило привилегію французскаго банка до 1897 года. У него почти сотня конторъ; обороты его въ годъ доходятъ до 8 миллиардовъ франковъ и всѣмъ этимъ повелѣваетъ центральное управленіе изъ 24 человекъ. Эти же 24 человекъ сами — банкиры, такъ что весь кредитъ Франціи въ ихъ рукахъ.

Мы уже говорили въ предыдущей статьѣ о томъ, какъ концентрировались желѣзныя дороги, и какъ привилегіи большихъ компаній были продолжены на отдаленные сроки.

Монополія, феодализмъ въ промышленности и кредитъ — вотъ принципъ, болѣе и болѣе одолевашій современныя общества. Франція увлеклась имъ и обратила всѣ свои средства на спекуляцію, на игру, которая и подчинила всю страну биржевикамъ, ажіотерамъ и имъ однимъ доставила выгоды.

Система эта ведетъ Францію къ разоренію. Своими войнами, займами и тою промышленною системою, въ которой она узрѣла себѣ союзницу, которой постоянно покровительствовала, вторая имперія уже много ослабила экономическіе ресурсы Франціи. Вторая имперія проявляла силу, совершила нѣсколько блестящихъ дѣлъ; союзница ея — промышленная феодализмъ произвела громадное движеніе капиталовъ; но слѣдуетъ ли видѣть въ этомъ здоровую, плодотворную дѣятельность?

Нѣтъ. Франція, при второй имперіи, издержала тѣ сбереженія, какія образовались въ ней въ продолженіи тридцати-трехлѣтняго мира: вотъ гдѣ вторая имперія почерпала силу, и эту силу она израсходовала. Налоги постоянно росли, бюджеты уве-

лчивались; расходы перешли цифру двухъ миллиардовъ. Только въ первые пять лѣтъ имперіи въ бюджетахъ оказывался излишекъ доходовъ предъ расходами; съ 1860 года дефицитъ сдѣлался основнымъ закономъ.

Политическое диктаторство оперлось на промышленный феодализмъ — дѣйствительно могущественный элементъ въ современномъ обществѣ, и отдало ему Францію въ жертву. Политическій деспотизмъ и деспотизмъ промышленный, здѣсь и тамъ провозглашеніе демократизаціи и вмѣстѣ эскамотажъ дѣйствительной власти, безконтрольное правленіе... Все это прикрывается блестящими призраками силы и благосостоянія, но сила эта — непроизводительная, благосостояніе это — роскошь мота, которому грозитъ несостоятельность.

Благодаря этой системѣ, во Франціи падаетъ мелкая недвижимая собственность, то-есть, подрывается земледѣліе. Владѣльцы обременены долгами, а на починъ въ земледѣліи, на его развитіе никто не употребляетъ денегъ. Что за охота употреблять ихъ на этотъ, самый медлительный въ вознагражденіи трудъ, когда, давая биржевымъ спекулянтамъ деньги взаймы, посредствомъ отсрочекъ съ одной ликвидаціи на другую, можно безъ всякаго риска получать 15, 20 процентовъ. Земледѣліе падаетъ, пашни замѣняются лугами, населенія бѣгутъ въ города, въ департаменты Сенскій и Сѣверный, гдѣ много работъ, много построекъ. Все концентрируется, монополизирована; почва бѣднѣетъ; городъ Парижъ, искусственнымъ, чудовищнымъ развитіемъ работъ долженъ кормить миллионъ рабочихъ, отнятыхъ у земли и обратившихся въ пролетаріевъ, въ слугъ бароновъ спекуляціи и построекъ. Громадная масса бумагъ всякаго рода, всевозможныхъ акцій и облигацій тяготѣетъ на рынкѣ; жалуются, что наличныхъ денегъ недостаточно для расчетовъ. Эта страшная масса бумагъ, которая, благодаря спекуляціи, представляетъ не капиталъ употребленный, затраченный на промышленныя предпріятія, приносящій только доходъ съ самыхъ предпріятій, а настоящій оборотный капиталъ, богатство мѣновое — не представляетъ ли явленіе чудовищное, искусственное, нѣчто способное внушить ужасъ въ часы раздумья, при мысли: а ну, какъ все это лопнетъ? Еще два-три предпріятія для «прославленія» Франціи, упроченія династіи и... можетъ повториться исторія Лоу.

Леонидъ Полонскій.

Сентябрь 1868.

Н Е Р О Н Ъ

ТРАГИКОМЕДИЯ

ВЪ ДЕСЯТИ КАРТИНАХЪ.

(*К. Гуцкова.*)

КАРТИНА ВОСЬМАЯ *).

Въ домъ Поппеи.

Поппея сидитъ въ черномъ платьѣ. Передъ ней въ металлическомъ кольцѣ качается попугай.

ПОППЕЯ.

Ты счастлива, прекраснѣйшая птица:
Качаясь тихо въ золотомъ кольцѣ,
Ты чистишь перья, блескомъ ихъ любуясь.
Завидую я счастью твоему!
Мнѣ душу тяготитъ тоска, и въ ней
Давно погасли лучшія надежды!
Я думаю о той порѣ минувшей,
Когда я ласки милаго знавала,
Когда его трепещущія руки
Вкругъ шеи обвивались моей!...
Я клятвы вѣрности забыла — да,
И вотъ теперь должна носить подѣ сердцемъ

*) См. выше: мартъ, 304; май, 194; июнь, 718—731.

Залогъ мучительнаго наслажденья,
Лобзаній гнусныхъ... О, скажи мнѣ, птица,
Зачѣмъ я медленно должна ходить,
Зачѣмъ широкою одеждой крою
Я прелесть тѣла? Какъ назвать мнѣ то,
Что сдѣлалось со мной? Ну, говори!

ПОПУГАЙ.

Иаковъ!

ПОПЦЕЯ.

Я у жида тебя купила. Онъ
Крещенъ недавно былъ огнемъ за то,
Что христіанство принялъ и свое
Имущество все роздалъ братьямъ. Тутъ
Я птицъ и обезьянъ его купила..
Дождь золотой Юпитера! Я также
Проклятію подпала твоему!
Меня прельстило золото и мнѣ
Проникло въ нѣдра! Индін богатства
Меня лишили тѣхъ прекрасныхъ дней,
Когда любовь, какъ солнце, мнѣ сіяла!
Вотъ отчего сама съ собой я въ спорѣ:
Я жизнь свою желаю уничтожить
И стать свободной отъ самой себя
И отъ плода! Индѣйскій воробей!
Сѣшь сахаръ и скажи мнѣ: такъ-ли это!

ПОПУГАЙ.

Иаковъ!

ПОПЦЕЯ.

О глупое животное! Терзаетъ
Меня твой крикъ! Проговори мнѣ: «Юлій»,
Пусть это имя примиритъ меня
Съ тѣмъ, ненавистнымъ сердцу существомъ,
Которое родитъ на свѣтъ должна я!

ПОПУГАЙ.

Иаковъ!

ПОПЦЕЯ.

Опять ты съ этимъ словомъ, неизбѣжнымъ

Какъ мой позоръ! О, какъ-бы я хотѣла
 Зародышъ вытрясти изъ нѣдръ своихъ,
 Но не могу: со мной онъ всюду, всюду,
 И я животнымъ остаюсь безвольнымъ!
 О, Юлій мой, куда сокрылся ты?
 Съ тѣхъ поръ, какъ взятъ судьбой ты, я влекусь
 Къ тебѣ порывомъ страсти неотступнымъ.
 Что это? Вождельніе творенья,
 Лишеннаго господства личной воли,
 Иль къ запрещенной похоти наклонность?
 Не знаю я. Но, въ упоеньи странномъ
 Желаніемъ, я чувствую, какъ все
 Во мнѣ мѣняется: лишь въ половину
 Дышу я жизнью — въ половину смертью,
 Какъ будто-бъ я была еще неполнымъ
 Созданіемъ. Не я тревогой тайной
 Волнуюсь и не дитя мое — нѣтъ, это
 Сама себя творящая природа,
 Въ мигъ творчества божественный, во мнѣ
 Являетъ слѣдъ свой! Жажду я теперь,
 Лишь одного блаженства: страстно жажду
 Уничтоженія!... Уми все, что живетъ.

Умерщвляетъ попугая.

Что сдѣлала я? Бѣдное созданье,
 За что убила я тебя? Иль это
 Во мнѣ Нерона плодъ заговорилъ?

НЕРОНЪ входитъ.

НЕРОНЪ.

Поппея! Что я слышу? Это правда?
 Такъ ты полна надеждой? И въ смущеньи?
 Убила птицу ты, чтобъ наказать
 За грубые мелодіи? О, да,
 Теперь нѣжнѣе соловья тебѣ
 Земля должна пѣть гимны прославленья!
 Моей любви награду носишь ты,
 Ты—золотой ковчегъ, хранящій въ нѣдрахъ
 Мой драгоценный камень! Но, Поппея,
 Что если это дѣвочка? Тогда
 Моя любовь къ тебѣ порвется разомъ,
 Я дочь свою до смерти зацѣлю!
 О неизбежность сладкая, надежды

И ожиданія! Придетъ-ли этотъ день,
 Когда я счастье свое увижу!
 Я буду на рукахъ качать дитя,
 Я буду тѣшить шутками его
 И поцѣлуями и черезъ плечи
 Кормилицы смотрѣть въ глаза малютки!
 Да, если это будетъ мальчикъ, мы
 Его отлично воспитаемъ: станетъ
 Учиться онъ изящнымъ всѣмъ наукамъ,
 И декламаци, и музыкѣ, и танцамъ
 И, какъ отецъ его, писать стихи!
 Ахъ, я готовъ отъ счастья помѣшаться!
 Какъ лепетать онъ будетъ рѣчи ласки,
 Какъ выростетъ онъ строенъ, полонъ, круглъ,
 И стану я чрезъ нѣсколько годовъ
 Ему пѣть пѣсни, сказки говорить!...

ПОПНЕЯ.

О, замолчи!

НЕРОНЪ.

Зачѣмъ-же?

ПОПНЕЯ.

Счастье нѣмо,

Коль истинно.

НЕРОНЪ.

Его я громко славлю!

ПОПНЕЯ.

Счастлива я невѣстою была.

НЕРОНЪ.

Должна дышать улыбкою весны
 Мать, полная любви къ ребенку.

ПОПНЕЯ.

Долженъ

Отецъ качать ребенка колыбель,
А не ходить по лѣстницѣ, ведущей
Амура въ преисподнюю.

Н Е Р О Н Ъ.

Ты счастиемъ моимъ
Не тронута?

П О П П Е Я.

Своимъ страданьемъ
Измучена до смерти я. Пришли
Ко мнѣ Локусту. Ей случалось часто
Зародыши у женщинъ истреблять.
Я не хочу родить!

Н Е Р О Н Ъ вонзаетъ въ нее канжаль.

Такъ уходи,
Проклятая, во тьму могилы!

П О П П Е Я падаетъ.

О счастье! Я уношусь теперь
Въ ночь вѣчную, въ снѣгъ смерти! Юлій, Юлій,
Тебѣ я жертву принесла мою!

Умираетъ.

Н Е Р О Н Ъ.

Что сдѣлалъ я? Я наказать хотѣлъ
Тотъ дивій нравъ, которымъ такъ плѣняла
Она меня -- и кровью обагрился!
Поппея, оживи! Увы, безгласна!...
Поппея, ты мертва? Охолодѣла
Ея рука, прекрасный блѣдень лиць!
Мертва! Мертва! Такъ быстро, такъ мгновенно!
Смерть здѣсь? Но гдѣ же? Я смотрю кругомъ
И страшный призракъ смерти я не вижу!
Я вижу предо мной лежитъ недвижный,
Разрушенный, лишенный воли трупъ,
Безчувственный на окликъ мой безумный --
И вижу я все это въ первый разъ.

Въ Поппеѣ я все это вижу, въ ней,

Любовію моею души владѣвшей!
 Въ Попшеѣ той, которая была
 Всѣмъ, чѣмъ хотѣлъ я, но не мной однако,
 Боторая, что въ тайнѣ я желалъ,
 Давала мнѣ открыто, и, что въ слухъ
 Я требовалъ, тѣмъ услаждала молча!
 Не странно-ли, она сама хотѣла
 Себѣ вредить и умереть? Теперь
 Охолодѣла грудь ея на вѣки!
 Пути моею несчастной мысли дико
 Запутались, переплелись; она,
 Одна она по нимъ ходить умѣла
 Съ терпѣніемъ. Она была повсюду
 Моимъ живымъ и вѣрнымъ отголоскомъ!
 Она смѣялась во время, она
 Съ тоскою плакала, когда боренье
 Грозовыхъ, мрачныхъ тучъ души моею
 Слезами разрѣшалось. Изъ горя
 Она умѣла радость извлекать!
 И все, все это кончено! Исчезла
 Дорога жизни для меня: и сзади
 И спереди завалена она!
 Зачѣмъ данъ взоръ мнѣ? Слѣпнетъ онъ отъ свѣта,
 И видитъ тьму. Я говорю устами,
 Но говорю лишь то, что я нѣмой!
 Судьбами человѣческими боги
 Владѣютъ, перебрасывая ихъ
 Одинъ другому, какъ шары въ игрѣ!
 Я чувствую: дыханіе могилы
 Мнѣ обвѣваетъ душу; страшно Парка
 Косится на меня и мнѣ киваетъ:
 Нѣтъ, не уйдешь ты отъ меня, Неронъ,
 Зарѣзавшій жену и въ ней ребенка!
 Но вѣдь она сама того хотѣла?
 Что это? вѣтеръ, или духъ пронесся,
 Грозившій мщеніемъ? — Вотъ меня хватаетъ
 Ужасная пучина, все быстрѣе
 Крутитъ въ своемъ водоворотѣ черномъ —
 То смерть — она приблизилась — тихо!

Онъ шатается. Рабы уносятъ трупъ Попшек.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ.

Въ лагерь Юлія Виндекса.

Палатка, озаренная лампой.

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ — поднимается съ ложа.

Я не могу уснуть — судьбы рѣшенье
 Мои глаза невольно отрываятъ.
 Я простираю руки, чтобъ поймать
 Побѣды жребій, или пораженья!...
 Еще огонь лампы не погасъ
 Отъ свѣта утра.

Отрываетъ полу палатки.

Ночь! Все небо въ звѣздахъ!
 Разсвѣта часъ еще далекъ. Храпѣнье
 Войскъ Цезаря съ той стороны я слышу.
 Сонъ тяжело легъ на ратниковъ моихъ;
 Предъ многими онъ отрываетъ въ грезахъ
 Могилы, ждущія завтра жертвъ.

Возвращается.

Я пастырь воинновъ, ихъ стерегущій,
 Я долженъ бодрствовать. Они на плечи
 Мнѣ возложили власть: ее нести
 Безъ усталы я долженъ. Здѣсь въ палаткѣ
 Такъ душно: воздухъ чуть питаетъ пламя.
 Что это! Лампа гаснетъ? Тамъ встаетъ
 Какъ будто облако? То привидѣнье?

Появляется духъ Понпея.

ДУХЪ.

Узналь-ли, Юлій, ты меня?

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Понпея,
 Ты ль это? На груди твоей я вижу
 Кровавую, зіяющую рану?

ДУХЪ.

Убита я, но не мертва, хоть также
И не жива. Мое существованье
Не для меня: То, что во мнѣ живетъ,
Остановило смерть.

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Слова твои

Я не могу понять; и въ царствѣ Орка,
Какъ прежде на землѣ, въ нихъ ложь звучить.
Зловѣщій образъ страсти дней былыхъ,
Разсыпья!

ДУХЪ.

Я скитаться по землѣ
Осуждена до той поры, покуда
Не выпрямится, въ мигъ предсмертный, руки
Зародыша, живущаго во мнѣ.

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Ты прозрѣвать въ невѣдомое можешь,
Ты можешь видѣть и начало дѣлъ
И ихъ конецъ; ты знаешь все, что есть,
Что было и что будетъ. Отвѣчай мнѣ:
На утро солнца лучъ блеснетъ мнѣ счастьемъ,
Иль я погибель встрѣчу? Отвѣчай!

ДУХЪ.

Во мнѣ, я слышу, что-то умираетъ —
Я быстро погружаюсь во мракъ,
Какъ будто падаю... О, милый мой,
Не вынимай на завтра мечъ изъ ноженъ!
Ты смерти обреченъ. Я вижу, воронъ
Надъ головой твоей уже летаетъ;
Блаженны мы, умершіе, что скоро
Ты за могилой будешь съ нами вмѣстѣ!

Исчезаетъ.

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Предвѣстье скорбное! Такъ я умру?

Но не повѣдала она, кому
 Я завтра передамъ свою побѣду.
 О, если бы она досталась мнѣ!
 Погибнуть побѣдителемъ отрадно.
 Но будь, что будетъ! Сумракъ ночи спалъ.
 Фебъ запрягаетъ лошадей своихъ
 И кони воздухъ ржаньемъ огласили.
 День настаесть. Рѣшить оружіемъ онъ,
 Кто долженъ сгинуть—мы, или Неронъ!

Выходить изъ палатки.

Внѣ лагеря.

Солдаты выползаютъ изъ-подъ плащей. Трубачъ трубить тревогу.

ПЕРВЫЙ СОЛДАТЪ.

Экъ его надсаживается! Что это за дребезжащій, жидкій звукъ!

ВТОРОЙ СОЛДАТЪ.

Онъ трубить, какъ будто охрипъ съ перепоя. Нѣтъ, нашъ прежній ротный трубачъ не этому чета былъ: этакой сѣверной музыки отъ него не слыхивали.

ТРЕТІЙ СОЛДАТЪ.

Право.... ужъ не перебѣжалъ-ли онъ къ намъ отъ непріятеля? нарядился въ нашъ мундиръ да и выводитъ фальшивыя ноты изъ патріотизма.

ПЕРВЫЙ СОЛДАТЪ.

Что я вамъ скажу, братцы? Отъ васъ такъ и несетъ тлѣніемъ. Навѣрно вы не переживете нынѣшняго дня. Отлично бы вы сдѣлали, кабы отдали мнѣ ваши мошны, а? Меня-то вѣдь не убьютъ: мнѣ предсказано, что въ этомъ году я буду жить 365 дней.

ВТОРОЙ СОЛДАТЪ.

Ну, братъ, все-таки тебѣ остался еще одинъ, въ который ты можешь быть повѣшеннымъ; вѣдь нынче, любезный, годъ-то високосный!

ТРЕТІЙ СОЛДАТЪ.

Нѣтъ, вотъ послушайте, что я выдумалъ. Мы трое раздѣлимъ ю-ровну все, что у насъ есть. Ну складывайте-ка все въ три кучи:

ПЕРВЫЙ СОЛДАТЪ.

И тебѣ дамъ, мошенникъ, складывайте! Вотъ не хочешь-ли, я сначала вырву тебѣ волосы, чтобы ты ихъ приложилъ къ своей пучкѣ. Очень ты на выладеи-то ловокъ!

КАПИТАНЪ.

Тише вы, нѣмецкіе черти! скоро ли вы протрете себѣ глаза и перестанете болтать о любовныхъ шашняхъ. Что вы деревян-ные, что-ли? Васъ не трогаетъ эта природа, эта чудная Италія.

ВТОРОЙ СОЛДАТЪ.

То-есть какъ это, господинъ капитанъ? Мой товарищъ, ви-дите-ли, близоручъ...

ТРЕТІЙ СОЛДАТЪ.

И природа его трогаетъ, господинъ капитанъ, только тогда, когда онъ до нея самъ дотронется: иначе онъ не видитъ ея.

ПЕРВЫЙ.

Не вѣрьте имъ, капитанъ, не вѣрьте. Италія — это един-ственная страна въ своемъ родѣ. Право, здѣсь на каждомъ шагу встрѣчаются лимоны и — что всего удивительнѣе — вязъ рас-теть вмѣстѣ съ виноградомъ!

Трубы. Шумъ сраженія.

Команда съ одной и съ другой стороны:

съ одной стороны.

Правое крыло, дружины!
Выступай на бой!

съ другой стороны.

Всадники! прищпорь коней!
Грянь на вражій строй!

РАНЕНЫЙ РЕВРУТЬ — на землѣ.

Меня одно только беспокоить: у меня прорвались сапоги. Самъ не знаю, какъ это могло случиться: я не особенно спѣшилъ сюда, гдѣ нахожусь на волосъ отъ смерти. Кажись, у моего мертваго товарища хорошіе сапоги? Конечно, я чрезъ десять минутъ можетъ быть распрощаюсь съ жизнью, но все-таки полезно имѣть порядочные сапоги, чтобъ не шлепать разорванными подметками передъ вѣчностію... Ползеть дальше.

Я никакъ не могу доползти къ сапогамъ моего товарища, и меня это бѣситъ. Вишь какъ пальцы-то у меня выглядываютъ! Вѣдь этакъ пожалуй я могу ихъ простудить. Эй, товарищъ! Не шевельнется, спать себѣ—и въ такихъ славныхъ сапогахъ! Стало быть я долженъ уйти изъ этого мира босоногимъ, долженъ простудиться, пока тутъ лежу? Ахъ, если бы мои сапоги не были разорваны! Кажется, я умираю.

Что скажетъ капитанъ, когда я..... явлюсь..... съ разорванными.... сапогами....

Уползаетъ.

СЪ ОДНОЙ СТОРОНЫ.

Правое крыло назадъ!
Всѣ выравнивайтесь въ рядъ!

СЪ ДРУГОЙ СТОРОНЫ.

Дрогнулъ врагъ: въ его толпахъ
И смятеніе и страхъ!

СЪ ОДНОЙ СТОРОНЫ.

Золотые орлы! въ ногтями
Легіонамъ вѣшнитея въ плечи —
Не давайте бѣжать предъ врагами,
Увлекайте въ разгаръ страшной сѣчи!

СЪ ДРУГОЙ СТОРОНЫ.

Бейтесь! бейтесь! Кто окажется
Храбрость въ битвѣ, будетъ тотъ
Награжденъ казеннымъ мѣстомъ,
Доставляющимъ доходъ!

Сынъ того, кто сгибнетъ въ битвѣ,
Будетъ взятъ въ чело кадетъ,
Дочь-же примутъ благосклонно
Прямо къ цезарю въ балетъ!

ПРЕЖНІЙ ПЕРВЫЙ СОЛДАТЪ.

Бываютъ очень неприятныя вещи, очень неприятныя. Вотъ хоть бы примѣрно жизнь за могилой — брр.., какая неприятная вещь. Я испугался бы до смерти, если бы мнѣ пришлось умереть. Вдругъ исчезнуть, самъ не знаешь какъ! Я только на томъ и стою, чтобы быть здоровымъ и веселымъ сегодня, какъ былъ здоровъ и веселъ вчера. Однако, что-жъ это такое? Я слабѣю. Я вижу, что кровь течетъ изъ меня и не чувствую этого. Что же — это — за — дурацкія — шутки? — Умираетъ.

ГАЛЬСКІЕ И ГЕРМАНСКІЕ ЛЕГІОНЫ — бѣгутъ.

Не мечъ врага насъ гонитъ — истекаемъ
Мы кровью ранъ своихъ! О, дайте груди
Вздохнуть свободно! Будто волны моря,
Убийство яростно веругъ насъ бушуетъ —
Мы захлебнулись! Отступайте! Пусть
Нашъ взоръ, запекшійся въ крови, увидитъ
Хотя влочекъ сіяющаго неба!...
Не видно намъ защиты ни откуда,
Не видно знаменья боговъ! Кругомъ
Лишь трупы братьевъ устилаютъ поле! —

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Не уступайте поля битвы, трусы,
Не отдавайтесь общему потоку!
Остановитесь! Они не слышать! —
Ломаются мои надежды хрупко! —
Все разрушается! Мнѣ выпалъ жребій
Погибели, а не побѣды жданной!
Часъ смерти близокъ. Ужъ кружится воронъ
Надъ головой моею съ могильнымъ крикомъ
И отсылаетъ въ вѣчный мракъ меня;
Тамъ я со всѣмъ, что долженъ былъ я сдѣлать,
На вѣки успокоюся. Тамъ вотъ чѣмъ
Все это кончилось! Я пробирался
Въ даль гордой цѣли, я хотѣлъ создать

По идеалу міръ, холодный мраморъ
 Въ живыхъ боговъ я думалъ превратить!
 Я колесо время хотѣлъ сдержать
 Въ его вращеніи бурномъ и внести
 Миръ въ распрю жизни, миръ, который я
 Взросилъ бы на землѣ, политой кровью! —
 Боролся я, чтобъ возвратитъ добру
 Его господство, чтобъ низвергнуть зло —
 И падаю своихъ дѣяній жертвой!
 Желѣзнымъ колесомъ судьбы всецѣльной
 Раздавленъ я со всей моей борьбою,
 Со всею доблестью и силою душевной,
 Съ моимъ благоговѣніемъ святымъ,
 Къ тому, что благомъ жизни почиталъ я,
 Раздавленъ будто червь ничтожный! — Люди!
 Внемлите слову моему теперь:
 Самихъ себя морочимъ мы. Природа
 Дала земную намъ одежду — тѣло
 Затѣмъ, чтобъ только тѣлу мы служили!
 Не обольщайтесь идеальнымъ міромъ,
 Живите тѣмъ, что подъ рукой у васъ,
 И наслаждайтесь! Управляйте сами
 Своею жизнью: власть боговъ — насмѣшка
 Надъ человѣчествомъ. Съ землею союзъ храните —
 Да властвуютъ надъ вами тьма и похоть!
 О, не мечтайте никогда о томъ,
 Что ждетъ васъ въ будущемъ: живите нѣ день,
 Минутному влеченію повинуйтесь
 Безъ размысленія. Кто бичами тѣло
 Во имя совѣсти терзаетъ, это
 При существующемъ порядкѣ хочетъ
 Вслѣдъ высшей добродѣтели идти,
 Тотъ преграждаетъ самъ себѣ дорогу,
 Тотъ въ мигъ предсмертный долженъ испытать
 Мучительную мысль: въ грядущемъ мірѣ
 Не будетъ-ли его опять тревожить
 Все то, что на землѣ утратилъ онъ! **Падаютъ.**

ФУРИИ махаютъ бичами и гонятъ гальскіе и германскіе легіоны назадъ.

ЛЕГІОНЫ.

Снова, снова на бой!
 Нападайте!

Трупы на трупы горой
 Воздвигайте!
 Небо пылаетъ —
 Побѣды знакъ!
 Врагъ уступаетъ,
 Гибнетъ врагъ!
 Сраженіе продолжается.

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ.

Горяцій Римъ.

Комната на чердакѣ. Бѣдное семейство. Вечеръ.

ОТЕЦЪ.

Ну, дѣти, выходите и складывайте руки!

МАТЬ.

Читайте вечернюю молитву. Братишко угомонися.

ПЕРВАЯ ДѢВОЧКА.

Благодаримъ тебя —

ВТОРАЯ ДѢВОЧКА.

Господи Боже —

ПЕРВЫЙ МАЛЬЧИКЪ.

Благодаримъ тебя, Господи Боже, что ты намъ позволишь
 прожить еще день —

ВТОРОЙ МАЛЬЧИКЪ.

И напиталъ насъ —

ПЕРВЫЙ МАЛЬЧИКЪ.

Пищею и питьемъ —

В СѢ

Сообразно потребностямъ нашего тѣла. Пошли намъ небесный хлѣбъ и вѣчное ученіе, увѣщаніе и наставленіе, чтобы мы научились жить по твоимъ заповѣдямъ и умереть въ твоемъ обѣтованіи. Аминь.

МАТЬ.

Теперь, старшіе, смотрите же наблюдайте за маленькими, чтобы они не дѣлали глупостей. Пора ужъ имъ знать порядокъ и выучиться раздѣваться и одѣваться самимъ. Отцу и съ вами, со старшими, тяжело.

ОТЕЦЪ.

Перестань. Не омрачай ихъ дѣтскія головки мыслью о нищетѣ. Пусть они тогда только узнаютъ о ней, когда въ состояніи будутъ различать богатство отъ бѣдности. Посмотри, какъ скоро сонъ, волшебникъ всѣхъ радостей, принялъ ихъ въ свои объятія. Видишь, даже и во снѣ, какъ цвѣты къ солнцу, они обращаются къ тебѣ и чашечки ихъ закрытыхъ глазъ, вокругъ которыхъ порхаютъ феи, все-таки склоняются въ твою сторону. Ты ихъ солнце и мѣсяцъ!

МАТЬ.

И все-таки грусть томитъ меня. Что это до сихъ поръ не идетъ старшая-то? Охъ, ужъ мнѣ эти бесѣды лѣтними ночами, за порогомъ дома — ничего хорошаго не выходитъ изъ нихъ! Только приучаются дѣвушки пересуживать сосѣдей и сами попадаютъ пересудамъ. А тутъ еще молодые люди съ своими глупостями. Глядишь, дѣвушка смѣется, смѣется на ихъ глупыя рѣчи, да и попадетъ въ бѣду!

ОТЕЦЪ.

Какъ быть, моя милая! Любовь заправляетъ всѣмъ міромъ. Кто изъ насъ не дѣлалъ того-же. Пожалуйста, не говори ей ничего. Какъ она, радость моя, походитъ на тебя, когда ты была молодою.

МАТЬ — вошедшей дочери.

Гдѣ это ты пропадаешь? Что это съ тобою? Лицо горитъ, какъ огонь, глаза сумасшедшіе! Куда ты бѣгала? Ты хочешь сдѣлать насъ несчастными, тварь этакая?

ОТЕЦЪ.

Постой, позволь мнѣ. Дитя мое—что бишь такое я хотѣлъ сказать тебѣ? — да: отчего это ты такъ разкраснѣлась, отчего такъ грустна? Вѣрно съ тобою случилось что-нибудь? Мать безпокоится.

Дѣвушка плачетъ. Молодой человекъ вбѣгаетъ въ комнату и падаетъ къ ногамъ стариковъ.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Простите, простите насъ! Я одинъ во всемъ виноватъ! Я люблю вашу дочь, и если вы не отдадите ея за меня, я лишу себя жизни! Мои родители хорошіе люди: отецъ товарь и я—я тоже занимаюсь его ремесломъ. Я молодъ; но я прилеженъ къ работѣ и люблю вашу дочь всей душою.

МАТЬ.

Господи, какъ я перепугалась! Что-же это такое — стало быть каждый, кто познакомился съ моей дочерью на улицѣ, можетъ обращаться съ предложеніемъ! Нѣтъ, моя дочь не изъ такихъ! Она можетъ шить, вязать, гладить, работать разные наряды и тонкое рукодѣлье, можетъ мыть (ахъ, какъ это вредно для вѣжныхъ пальцевъ!). Вотъ какая она у меня, говорю я вамъ. А коли такъ, коли такъ—я, надѣюсь, она можетъ вести всякое хозяйство. Да! А вы — вы — мы васъ не знаемъ... И хотъ она вся въ мать, все-таки я ея мать, а это вотъ ея отецъ; вы должны бы были обратиться къ намъ, а не вбивать невинной дѣвухѣ въ голову пустяки. Понимаете-ли вы?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Ахъ Боже мой, ахъ Боже мой! Я имѣлъ честныя намѣренія, увѣряю васъ, честныя намѣренія...

ОТЕЦЪ.

Не огорчай молодого человекъ, жена. Садитесь, пожалуйста, молодой человекъ, садитесь. Да, да, это совершенная правда: вашъ отецъ былъ всегда трудолюбивый и прилежный молодой человекъ... т. е. я хочу сказать прежде, когда онъ былъ молодъ... Теперь конечно онъ старъ и ему тяжело жить... Гм... конечно, конечно... Приятная погода въ нынѣшній вечеръ, очень приятная погода...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Звѣдно. Да, это рѣдко бываетъ въ эту пору. Я это замѣтилъ. Потому, видите, когда соловьи перестаютъ пѣть, дни становятся короче, бываютъ превосходные вечера. Я постоянно ложусь спать въ такіе вечера на дворѣ, на свободѣ... Вѣдь у васъ тутъ соловьиный садокъ есть, право!

ОТЕЦЪ.

Да, да, это я разъ пробовалъ. Только не выходитъ ничего. Жень. Премилый молодой человекъ.

ДОЧЬ.

Ахъ, какъ я счастлива! Какъ онъ сумѣлъ сейчасъ-же расположить къ себѣ отца.

МАТЬ.

Да вотъ о птицахъ - то его началъ рассказывать. Заговори съ отцемъ о птицахъ, такъ онъ ужъ не перестанетъ.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Каждое воскресенье, до разсвѣта еще, я ужъ всегда, всегда на дворѣ. Соловьевъ, видите-ли, надо ловить до мая, непременно до мая. А то послѣе они худо поютъ въ клѣткахъ и не стоятъ корма. Я ихъ ловлю вотъ какъ. Коли слышу гдѣ соловья, сейчасъ тамъ рою яму, кладу въ яму мучныхъ червей, а сверху ставлю сѣть, натанутую на двѣ дужки и подпирая ее палочкой, какъ западню. Потомъ ухожу прочь. Соловей все это видитъ. И вѣдь такъ любопытна эта глупая птица, что потомъ непременно прилетитъ посмотрѣть, что я сдѣлалъ. А я стою за кустомъ и свищу въ дудку—втт—кпр! втт—кпр! А коли это соловей ночной то: хи! глокк—урр! хи! глокк—урр! Ну вотъ тутъ-то онъ и поддается.

МАТЬ.

Ужъ не намекаетъ-ли это онъ на мою дочь!

ОТЕЦЪ.

Боже, какъ можетъ пріятно рассказывать человекъ! и какъ можетъ располагать пріятно слова!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Вотъ тутъ-то настоящее и начинается. Я покрываю соловья сѣтью, но осторожно, осторожно, чтобъ не попортить перья. Ну, затѣмъ его — въ клетку и сейчасъ ему мучныхъ червей и свѣжей воды. Плуть упрямится и ничего не трогаетъ. Только не беспокойтесь, мы свое дѣло знаемъ: надо взять его и накормить насильно—варенымъ бычачьимъ сердцемъ, истертимъ на терѣхъ, или моревью—это особенно хорошо смягчаетъ кишки—или изрубленной говядиной. Соловей, увѣряю васъ, ѣстъ все, въ чемъ только есть примѣсъ мяса.

МАТЬ.

Я что-то не пойму молодца.

ОТЕЦЪ.

Умный человекъ, жена, умный и бывалый!

МАТЬ.

Я ничего не имѣю противъ него, если только у него есть средства.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Ужь я вамъ говорю, насчетъ ловли соловьевъ я мастеръ. А вотъ коли все гнѣздо вынуть, такъ это всего лучше, хоть оно и запрещается полиціею. Видите-ли —

ОТЕЦЪ.

Нѣтъ, молодчикъ, нѣтъ. Гнѣзда вынимать не слѣдуетъ, нѣтъ, не слѣдуетъ!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Да вѣдь я беру вмѣстѣ со старыми.

ОТЕЦЪ.

Не слѣдуетъ—сказано, не надо: полиціею воспрещается. Ну, однако мы съ божьей помощью познакомились. Посѣщайте насъ. Взгляните на садокъ—чего тамъ не достаетъ у меня, взгляните. Хотя мы и на чердакѣ живемъ, однако понемножку кой-какъ пе-

ребиваемся. И поужинать дадимъ сытно, коли картофель будетъ. Да. Ну, доброй ночи, доброй ночи, а остальное все придетъ послѣ. Вы необыкновенный человѣкъ, я это вижу. Кланяйтесь вашему батюшкѣ, котораго я не имѣю чести знать. А можетъ онъ и вспомнить меня, можетъ мы встрѣчались гдѣ-нибудь. Помните мнѣ, случилось быть въ томъ городѣ, гдѣ онъ жилъ за три года раньше, или долженъ былъ жить. И пожалуйста будьте безъ церемоній; мы тоже безъ церемоній. Посвѣтите-же молодому человѣку.

Молодой человѣкъ и дочь выходятъ счастливые.

МАТЬ.

У меня слипаются глаза. Чтò-то изъ этого только выдетъ. Аа—ахъ! Зѣваетъ. Да пора спать. Уходитъ; дочь возвращается.

ОТЕЦЪ — цалуетъ ее.

Я просто готовъ заплакать, мое дитя. Какъ я счастливъ, что мнѣ приходится радоваться за тебя, что ты не связалась съ какимъ-нибудь вѣтрогономъ. Это степенный человѣкъ, сразу видно. Когда онъ обзаведется своимъ домомъ — Богъ васъ благослови! Только послушай: ухаживай ты за матерью хорошенько. Знаешь, она вѣдь чудна у насъ. Ну заботъ-то много у ней. Уходитъ.

ДОЧЬ — на колѣняхъ.

О небо! Благодарю тебя: мой сонъ наконецъ исполняется! Неужели это правда, что я смѣю его любить? Достояна-ли я такой милости? О, я чувствую себя въ силахъ усладить его жизнь! Я буду слушаться взгляда его, я буду отголоскомъ его желаній, я буду утѣшеніемъ ему въ несчастіи! Только теперь, въ первый разъ, я понимаю, зачѣмъ я родилась на свѣтъ. — Ахъ я глупая! Чу, онъ зоветъ внизу.

ВНИЗУ.

Доброй ночи, моя милая!

ДОЧЬ.

Доброй ночи! До завтра, до завтра!

Закрываетъ окно.

На улицъ.

ДВА ГРАЖДАНИНА.

ПЕРВЫЙ.

Что это такое сегодня въ воздухѣ?

ВТОРОЙ.

Въ воздухѣ? Да что-же, помилуйте, можетъ быть въ воздухѣ? Воздухъ есть ничто, ничто въ ничемъ.

ПЕРВЫЙ.

Нѣтъ, развѣ вы не чувствуете какимъ смрадомъ несетъ всюду.

ВТОРОЙ.

Гм! гм! Можетъ быть капитолійскіе гуси опять снесли тухлыя яйца?

ПЕРВЫЙ.

Боги! сейчасъ полоса голубого свѣта промелькнула какъ разъ предъ моимъ носомъ.

ВТОРОЙ.

Кто же вамъ велитъ совать во все вашъ носъ?

ПЕРВЫЙ.

Однако въ воздухъ-то я могу совать его, милостивый государь! Съ этимъ римскимъ воздухомъ, съ этой, больше чѣмъ умеренною, почти тропическою атмосферою, что-то такое случилось.

ВТОРОЙ.

Да, вѣроятно—

ПЕРВЫЙ.

Видѣли?

ВТОРОЙ.

Да — длинная полоса свѣта прошла передо мною, повернула направо, потомъ опять вправо, блеснула и исчезла. Смотрите, тамъ всѣ дома стали голубыми! Что это такое? Я задыхаюсь.

Исчезаютъ оба въ пламени, бьющемъ изъ домовъ.

Римъ горитъ.

Голоса изъ прежняго чердака.

Помогите! Помогите!

СНИЗУ.

Весь Римъ въ огнѣ!

СВЕРХУ.

! Помогите! Дѣти! Воды! воды!

СНИЗУ.

Тибръ также обратился въ огонь.

ДРУГІЕ ГОЛОСА.

Къ нему не пускаютъ! Нѣтъ воды, нечѣмъ тушить!

ДРУГІЕ ГОЛОСА.

Спасайтесь! спасайтесь!

ГРАЖДАНИНЪ.

За что теперь схватиться въ торопяхъ! Я оставилъ часы на столѣ! Я долженъ —

ДРУГОЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Деньги я захватилъ, но кошелекъ остался; не могу-же я безъ кошелька —

МАЛЬЧИКЪ — плача.

Я перепрыгнулъ черезъ три палки; забылъ затворить дверь. Маменька придетъ домой и дверь отворена и кошка опять пришла въ комнату—а я полагаясь и крышку-то не положилъ на тарелку — надо крышку —

Всѣ бросаются въ огонь, всѣхъ забитое.

ГОЛОСА СВЕРХУ.

Помогите! Помогите!

ПРЕЖНІЙ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Разступитесь! Разступитесь! У меня лѣстница! Я иду, уже иду—подождите одно мгновеніе сверху — иду —

ГОЛОСА СВЕРХУ.

Это онъ — скорѣе, скорѣе — мы задыхаемся —

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Удержать-ли лѣстница! Иду —

ОТЕЦЪ. МАТЬ. ДОЧЬ.

Боже милостивый! Лѣстница сломалась! — Мы задыхаемся —

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ — лежа на землѣ.

Я разбилъ затылокъ — ахъ — все наше молодое счастье —
улетѣло!

Вверху все смокаетъ. Пламя скривляетъ картину.

На сценѣ Мецената.

ВИДЪ НА ПОЖАРЪ РИМА.

Иронъ въ пурпуровой курткѣ, съ лазорвымъ рѣзкомъ на головѣ и перстѣ
въ рукахъ; въблизи свѣта.

ИРОНЪ.

Такъ древній городъ нѣкогда пылалъ,
Описанный Гомеромъ; такъ Гекуба
Стократъ рожавшая дѣтей на свѣтъ,
Стояла на Фракійскомъ берегу
И плакала, смотря туда, гдѣ прежде
Твердныи пышной Трои воздымались! —
О чудо! языки огня мнѣ снова
Разсказываютъ то, что скрыло время;
Они сверкаютъ, лижутъ и въ душѣ
Восторгъ священный вдохновенья будятъ —
И пѣснь о Троѣ запѣваю я.

Не богъ-ли Нептунъ, чтобъ утишить свой гнѣвъ,
На пышно цвѣтущую Трою
Воздвигъ океана пучину, велѣвъ
Ей хлынуть горячей волною?
Вѣдь конь, погубившій святой Иліонъ,
Нептуну Данаими былъ посвященъ!

Вотъ ночь низошла, мракомъ міръ осѣня,
Затмилася Иды вершина;

Ломаются ребра крутымъ воя
 И грековъ сокрытыхъ дружина
 Выходитъ изъ нѣдръ деревянныхъ и вдругъ
 Бросается съ криками мищеня вокругъ!

О счастливы тѣ, кто во снѣ пораженъ
 Врага нещащаго дланью!

Повсюду разносятся вопли и стонъ,
 Мечей отвѣчая бряцанью;
 И рыскаетъ смерть роковая кругомъ
 По стогнамъ, залитымъ пожара огнемъ!

Средь пламени блещетъ оружія мѣдъ,
 Данаевъ и племы и латы!

Увы, беззащитно должны умереть
 Троянцы, смятенъемъ объаты.

Очнуться имъ врагъ не даетъ и въ ночи
 Убійствомъ свирѣпымъ онъ тупитъ мечи!

О Троя! какъ будто колосья снопа

На нивѣ созрѣвшей, ты пала;
 Пришли Мирмидоны — и мѣдью серпа
 Рука ихъ сыновъ твоихъ жала!

Отмищенъ тебѣ день тотъ ужасный, когда

Сжегъ Гекторъ божественный грековъ суда!

Онъ мертвъ — и смерть милого сына теперь
 Незрима могильному взору;

Глядите! вотъ Пирръ, будто яростный звѣрь,
 Настигъ Андромахи podporу.

И отрока, сжавши въ могучихъ рукахъ,
 Съ высокой стѣны нивергаетъ во прахъ!

Кровавому бою не видно конца;

Пирръ мстью пылаетъ и прямо

Съ мечемъ онъ стремится на стѣны дворца,
 Священныя стѣны Пергама;

Рыданья отчаянья слышатся тамъ,

Молитвы послѣднія скорбнымъ богамъ!

Не страшнаго Гектора крикъ боевой
 Ахиллова сына встрѣчаетъ,

Но старецъ Приамъ: онъ дрожащей рукой
 Свой мечъ бесполезный хватаетъ

И старость забывши, съ могучимъ врагомъ

Онъ хочетъ сразиться за тронъ свой и домъ!

Злой Пирръ улыбнулся на вызовъ царя: —

И острая мѣдъ заблестѣла,

Пронзивши грудь старца и, мстью горя,

Убийца повлекъ его тѣло,
Сіяньемъ пожарныхъ огней озаренъ,
Не внемля рыданьямъ отчаянныхъ жень!

Вознесся пожаръ, какъ гигантъ, головой
И рушить онъ зданій громады,
И, мнится, при блескѣ его, въ тьмѣ ночной
Небесъ потухаютъ лампы!

И утромъ въ сіяніи первыхъ лучей
Свѣтило выходитъ какъ будто блѣднѣй!

Встревожились рыбы въ морской глубинѣ:

Надъ ними зажегся сводъ алый
Волной отраженный,—подъ ними, на днѣ,
Сокровища бездны: кораллы

И перлы и раковинъ дивныхъ нарядъ
Въ кристаллѣ сіяющей влаги горять!

Да здравствуетъ поэзія! Пусть тотъ,
Кто ищетъ жизни въ вдохновеніи,
Героевъ прославляя въ пѣснопѣннѣи,
На ранахъ ихъ самъ кровью истечетъ!
Смерть! Смерть! Сюда! Въ крови Нерона
Померкнетъ блескъ меча стальной—

И ляжетъ трупъ холодный мой

На грудахъ пепла Иліона!—

Рабы! вонзите въ грудь мнѣ мечь!

Рабы отказываются.

Вы медлите? Страшитесь вы? Предъ вами

Міръ можно, цѣлый міръ зажечь—

И вы останетесь трусливыми рабами!

Иль самъ я долженъ жизнь свою престѣчь?

Фаонъ, отпущенникъ, подходитъ.

ФАОНЪ.

Да, порази себя, великій цезарь!

Прими смерть добровольную, повуда,

Какъ плѣнникъ, ты предъ Гальбой не предстань.

НЕРОНЪ.

Предъ Гальбою? Я думалъ, Виндексъ тамъ

Остановился на холмахъ сабинскихъ,

Подъ крыльями орловъ побѣдоносныхъ!

ФАОНЪ.

Нѣтъ, Виндексъ умеръ. Къ Гальбѣ перешло

Надъ легионами начальство. Близоуъ
Ихъ сонмъ мятежный... Медлишь ты, властитель?

НЕРОНЪ.

О, Троя! Троя! Городъ слезъ достойный!
Средь тверди неба ты вписалъ на вѣчность
Огнемъ воспоминаанье о себѣ!

ФАОНЪ.

Властитель! Легионы въ намъ стремятся,
Со всѣхъ сторонъ окружены мы ими;
Они хотятъ тебя взять въ плѣнъ живымъ!

НЕРОНЪ.

Гигантскій пламенный потокъ!
Помедли только на одно мгновенье,
Чтобъ жизнь свою отдать я могъ
Тебѣ на жертвоприношенье!
Пускай въ далекіе края
Бѣжить Эней съ добычей дорогою,
На пещлѣ Трои умираю я,
Свой прахъ хочу смѣшать съ ея землею!
О, если дорогъ я кому-нибудь —
Мечъ, мечъ — сюда, мнѣ въ грудь!

ФАОНЪ.

Что дѣлать мнѣ? Витаетъ думой онъ
Не въ этомъ мірѣ. Воины межъ тѣмъ
Бѣгутъ сюда. Чего-жъ я опасаюсь?
Что медлю я? Блуждаетъ онъ въ мечтаньяхъ
Средь древней Трои — пусть тамъ и погибнетъ?
Заклинаетъ Нерона.

ГОЛОСА ЗА СЦЕНОЮ.

Избавленъ отъ заразы страшной міръ!
Да здравствуетъ освободитель Гальба!
Да здравствуетъ жизнь новая!

ФАОНЪ.

Съ улыбкой

Встрѣчаетъ смерть онъ. Ротъ его закрылся
 Съ такимъ прекраснымъ выраженьемъ, будто
 Отъ сладострастія всѣ мускулы лица
 Напряжены. Лежитъ онъ гордъ и ясенъ
 Какъ побѣдитель! Не хотѣлъ-бы я,
 Чтобъ былъ найденъ врагами трупъ его!

Закрываетъ лицо Нерона плащомъ и уходитъ.

ГОЛОСА ЗА СЦЕНОЮ.

Да здравствуетъ Гальба! Да здравствуетъ Гальба!

ГАЛЬБА И ОСВОБОДИТЕЛИ.

Здѣсь стихло пламя!—Тамъ опять оно
 Огнемъ пылаетъ адскимъ и кольцомъ
 Вокругъ него дымъ смрадный обогнулся! —
 Спасайте все, что можно!—Гдѣ-жъ злодѣй?
 Куда онъ скрылся? Онъ велѣлъ зажечь
 Весь Римъ! Ищите здѣсь его, ищите!
 Довольно свѣту, чтобъ найти его—
 Отъ свѣта тѣнь сокрылася и міръ
 Не видитъ мрака въ первый разъ!—Смотрите,
 Что это тамъ?! О, ужасъ, ужасъ, ужасъ!

Появляется видѣніе, которое они, удивленные, описываютъ.

Зелено-красный страшный змѣй взвился
 Сквозь дымъ и пламень. Женщина-гигантъ,
 Съ змѣями въ волосахъ, схвативъ въ объятія
 Чудовище, его влечетъ. Свиваясь
 И развиваясь блещутъ кольца змѣя!
 Кто эта женщина?—то мать Нерона!
 Кто у нея въ объятяхъ бьется?—Цезарь!
 Она летитъ все дальше, дальше, дальше...
 О, улетай и вновь не возвращайся
 Съ твоей чумой, съ мечтаньями твоими!
 Чтобъ, наконецъ, замѣну грезъ безумныхъ,
 И призраковъ духовныхъ заблужденій
 Дѣйствительности свѣтлой и прекрасной
 Прекраснѣйшее царство водворилось!

В. Вурингъ.

ИТАЛІЯ

И

МАЦЦИНИ

(1808—1868).

Life and Writings of J. Mazzini. London. 1864—1868.

Histoire politique des papes, p. Lanfrey. Paris. 1868.

Geschichte Italien's, v. Reuchlin. Leipzig. 1860. — Von Achtundvierzig bis Einundfünfzig v. J. Scherr, Leipzig. 1868.

Die nationale Presse in Italien und die Kunst der Rebellen, v. Cironi, übers. v. Assing. Leipzig. 1863.

XII *).

Въ то время, когда, шагъ за шагомъ, сначала какъ будто осуществлялись, а потомъ падали, одна за другою, иллюзии, построенныя Джоберти и Бальбо, итальянская революціонная партія не оставалась въ бездѣйствіи.

Вслѣдъ за февральской революціей, Маццини пріѣхалъ въ Парижъ, и 5 марта, т. е. недѣлю спустя послѣ провозглашенія республики, основалъ тамъ національное итальянское общество. Программа этого новаго общества очень проста: идея національности преобладаетъ надъ всѣми другими. Первымъ дѣйствіемъ общества, представителями котораго были Маццини, Джанноне и

*) См. выше, яв. 175; февр. 759; май, 163 стр. и слѣд.

Балути, было выразить свое сочувствіе французской революціи адресомъ временному правительству новой республики. Для этого Маццини, съ остальными членами общества, отправился въ городскую ратушу, гдѣ адресъ былъ прочтенъ. Въ отвѣтъ на него Ламартинъ, всегда богатый громкими фразами, обѣщалъ итальянцамъ не только сочувствіе Франціи, но даже, въ случаѣ надобности, ея оружіе; на это Маццини отвѣчалъ, что надѣется на освобожденіе Италіи ея собственными силами, и что итальянцамъ болѣе нужна нравственная поддержка Франціи, нежели ея оружіе.

Послѣ возстанія Милана и Венеціи, Маццини увидѣлъ, что и для него пришло время вернуться на родину, послѣ семнадцатилѣтняго изгнанія. 8-го апрѣля 1848 г. онъ пріѣхалъ въ Миланъ, и первыя слова, произнесенныя имъ, при вступленіи на родную землю, были слова примиренія. Жители Брешии находились во враждебныхъ отношеніяхъ къ временному правительству Милана. Маццини сталъ между ними посредникомъ и прекратилъ несогласіе. Въ тоже время національная итальянская ассоціація вооружила во Франціи легионъ итальянскихъ эмигрантовъ, который въ апрѣлѣ вступилъ въ Ломбардію подъ предводительствомъ генерала Антонини, ветерана наполеоновскихъ войнъ. Съ этого времени ассоціація издавала ежедневную газету подъ названіемъ «l'Italia del popolo» («Народная Италія»), главными сотрудниками которой были Маццини, Ревере и де-Бони. Эта газета издавалась въ Миланѣ съ 20 мая до 3 августа 1848 года; она первая доказывала необходимость народной войны для освобожденія Италіи, и Гарibaldi, тогда только-что возвратившійся изъ Монтевидео, печаталъ въ ней свои первыя воззванія къ оружію.

Слѣдя за революціоннымъ движеніемъ Италіи, Маццини съ радостью привѣтствовалъ возстаніе въ Сициліи 12 января 1848 г. Но его испугали стремленія сицилійцевъ отдѣлать свою судьбу отъ судьбы всего полуострова; онъ видѣлъ въ этомъ нарушеніе того единства, которому всегда служилъ, и желая предостеречь сицилійцевъ отъ гибельнаго пути, на который вело ихъ временное правительство, возстановлявшее конституцію, данную острову англичанами въ 1812 году, онъ обратился къ нимъ съ слѣдующимъ посланіемъ, «которое — по словамъ историка Діего Сорія ¹⁾ — должна сохранить исторія Италіи, какъ дорогой для нея памятникъ»:

«Сицилійцы! вы велики. Вы въ нѣсколько дней сдѣлали больше для Италіи, нашего общаго отечества, нежели мы въ два года

¹⁾ «Общая исторія Италіи съ 1846 по 1850 годъ», соч. Діего Сорія, перев. П. Кончалескаго. Спб. 1863 г. Т. I, стр. 398—399.

борьбы и движеній, которыя, будучи единодушны по цѣли, были сдѣдны по своимъ пыткамъ средствамъ. Вы, испробовавъ сначала всѣ мирные пути, сознали святость войны за непривисновенность нравъ челоовѣка и гражданина. Въ торжественную минуту вдохновенія, вы, выслушавъ голосу Бога, рѣшились сдѣлаться свободными; вы сражались, побѣдили и сохранили въ побѣдѣ благоразуміе сильныхъ. Ваша побѣда измѣнила судьбу Италіи. Она обозначила новый фазисъ итальянскаго развитія. Ваша побѣда пробудила въ итальянцахъ сознаніе своихъ силъ и вѣру въ свои права. Благодаримъ васъ, мы, итальянскіе изгнаники, теперь гордо и прямо смотримъ въ глаза тѣмъ самымъ иностранцамъ, которые вчера о насъ жалѣли, а сегодня намъ удивляются. Да благословитъ Богъ ваше оружіе, вашихъ женъ и вашихъ священниковъ! Любите насъ, такъ, какъ любятъ васъ и будутъ любить всегда ваши братья.

«Но, любя васъ, повторяя съ гордостью иностранцамъ ваши имена и ваши дѣйствія, и поклоняясь, въ лицѣ вашемъ, принципу итальянскаго прогресса, мы имѣемъ право говорить съ вами свободно, какъ братья съ братьями, мы имѣемъ право сказать вамъ: вы принадлежите намъ, вы не можете отъ насъ отдѣлиться, вы не можете назваться лучшими изъ всѣхъ итальянцевъ, только для того, чтобы остаться въ сторонѣ и уединиться отъ насъ.

«Сицилія, имѣя огромное населеніе, выгодное географическое положеніе, флотъ и армію, составляетъ важнѣйшую и наиболѣе жизненную силу итальянскаго государства.

«Вы первые провозгласили въ Италіи слово свободы и первые восторжествовали; вы заслужили единодушное удивленіе вашихъ соплеменниковъ на континентѣ, вы приобрѣли вліяніе, которое не погибнетъ никогда; нравственное могущество, котораго никто не захочетъ и не можетъ у васъ оснаривать, и права, которыя никто не осмѣлится у васъ отнять. Чтѣ же заставляетъ васъ, отдѣляясь, уменьшать ваши силы и силы вашихъ соплеменниковъ? Зачѣмъ, обрекая себя на самоубійство, хотите вы отказаться отъ того могущества, до котораго можете дойти, оставшись въ содвиненіи, и занять четвертое или послѣднее мѣсто въ ряду европейскихъ державъ? Зачѣмъ, подчиняясь ненавистному могуществу иностранцевъ, приговаривать себя въ вѣчному безсилію? Ужъ не потому ли вы рѣшаетесь на это, что неаполитанское правительство, считая Сицилію своей колоніей, долго и жестоко угнетало васъ? Но не та ли самая тираннія тяготѣла надъ вашими соплеменниками на материкѣ? Развѣ неаполитанцы не заявляли и не заявляютъ теперь, точно также, какъ и вы, свою всегдашнюю къ ней ненависть? Развѣ они не протестуютъ противъ нея за-

говорами, тайными обществами и своею чстою кровью? Развѣ ваши палачи не были въ тоже время палачами неаполитанцевъ? Развѣ знаменитыя революціи не повторились одинаково въ Сициліи и Калабріи? и когда, въ 1847 году, въ Реджіо и Мессинѣ одновременно было поднято знамя свободы, развѣ не было это блестящей манифестаціей не только Италіи, но и всей Европы? Не забывайте, сицилійцы, союза, сирѣчь пролитнаго кровью мучениковъ Реджіо, Мессины и Гераче. Не измѣняйте послѣ побѣды обѣщаній, данныхъ вами до сраженія. Будьте всегда тѣми же братьями, какими вы клялись быть. Пусть не скажетъ иностранецъ: они, можетъ быть, будутъ свободны, но никогда не соединятся и не сдѣлаются могущественны. Вы показали Италіи силу своей храбрости, покажите же ей святость любви, вѣру въ единство, которыя могутъ въ третій разъ доставить Италіи силу и могущество.

«Я не неаполитанецъ, я родился въ Генуѣ, въ городѣ, великомъ въ свое время, великомъ своею живнью, независимостью и свободой, великомъ настолько, что онъ могъ, въ 1746 году, показать засыпавшей Италіи послѣдній примѣръ любви къ отечеству, какъ вы теперь подаете первый примѣръ этой любви пробуждающейся Италіи. Какъ вы, такъ и мы, въ 1815 году, были принуждены, безъ нашего согласія, покориться другому итальянскому государству, прошедшее соперничество съ которымъ разжигало въ насъ взаимную ненависть; и мы изъ этого союза въ продолженіи многихъ лѣтъ, ничего не вынесли кромѣ горя, что всегда бываетъ, если союзъ основанъ на недовѣрїи и насилїи, Тѣмъ не менѣе, всѣ, любившіе общее отечество и имѣвшіе надежду и вѣру въ будущее, уважали этотъ союзъ, какъ волю Провидѣнія. Въ этомъ тихомъ, но постоянномъ движеніи народа, который теперь приближается къ своей цѣли и который, будучи задавленъ вѣковыми трудами деспотовъ, вліяніемъ господствующей касты, феодальной аристократіей и соперничествомъ муниципальных городовъ, готовитъ теперь Европѣ, послѣ Италіи вesarей и Италіи папъ,—Италію народа. Каждое соединеніе одной части итальянской земли съ другою служить народному дѣлу и облегчаетъ трудности его исполненія. Сицилійцы! молю небо, чтобы вы не подали собою роковой примѣръ.

«Сицилійцы, вашъ вопросъ имѣетъ отношеніе не къ одному Неаполю; онъ касается судьбы всей Италіи, тутъ рѣчь идетъ о всеобщемъ единствѣ или пагубномъ мѣстномъ индивидуализмѣ; вопросъ между Европой, желающей знать, чтобы произнести судъ надъ вашими дѣлами, воскресаете ли вы для національной жизни, или для удовлетворенія требованіямъ эгоистичной свободы

и матеріальной выгоды, и Австріей, которая ищетъ случая подавить насъ, что ей и удастся, если мы, вмѣсто того, чтобы сойтись въ одинъ строй, возьмемъ за девизъ безнравственное правило — «каждый за себя», и останемся постыдно хладнокровными въ общей судьбѣ. Однимъ словомъ, вамъ предстоитъ борьбу между могущественною, дѣятельною европейскою жизнію, къ которой готовятся двадцать милліоновъ итальянцевъ, богатыхъ умомъ, сердцемъ и средствами, и существованіемъ ничтожнымъ и слабымъ, которое подчинитъ васъ первому постороннему вліянію; подобное существованіе будетъ неизбежно, если Сицилія отдѣлится отъ полуострова. Подумайте объ этомъ. Многіе изъ васъ говорятъ о вашихъ учрежденіяхъ, о вашихъ договорахъ, о вашемъ народномъ правѣ, основанномъ на прежнихъ правахъ 1812 года. Но, ради Бога, не унижайте своего высокаго положенія, добытаго цѣною послѣднихъ подвиговъ подобными мелкими расчетами. Если вы низойдете до того, что станете искать въ прошедшемъ своихъ правъ, то этимъ вы не признаете будущей Италіи, и оскорбите свою совѣсть, заставившую васъ возстать и сдѣлаться достойными побѣдъ.

«Сицилійцы, ваши права заключаются не въ конституціи, не соотвѣтствующей требованіямъ нашего времени, не въ конституціи, которая была дана англичанами, въ то время, когда англійскому кабинету необходимо было сдѣлать изъ вашего острова военную станцію для своей арміи (подлинныя слова лорда Кэстльри, въ парламентѣ, въ 1821 году), и которая была у васъ отнята, когда, при паденіи Наполеона, эта необходимость миновалась; основаніе вашихъ правъ — возстаніе 12 января, а гарантія ихъ — энергическое подражаніе ему всѣхъ частей полуострова. Правъ этихъ у васъ не отнять, они принадлежатъ всей Италіи, они не стѣснены никакими старыми условіями 1815 года; они дадутъ новую форму нашей жизни, жизни націи, которая до сихъ поръ не существовала и только теперь начинаетъ жить. Что касается другихъ древнихъ правъ, которыя не вами были выработаны и добыты, а назадъ тому сорокъ лѣтъ написаны двусмысленно и лживо, которыя постоянно нарушались государями и теперь уничтожены оружіемъ и кровью народовъ, то эти права, своими ложными преданіями, уничтожатъ вашъ прогрессъ, они втянутъ васъ въ сѣти подкупной и развратной дипломатіи и рано или поздно приготовятъ, испытанныя уже вами, новыя измѣны.

«Братья сицилійцы! имѣете ли вы настолько силы, чтобы изъ самихъ себя вызвать ту жизнь, къ которой стремится вся Италія? Можете ли вы однимъ шагомъ достигнуть идеала, затаен-

ваго въ нашемъ умѣ? Можете ли вы сразу составить себѣ законы, лучше тѣхъ, которые существуютъ теперь, законы, которые бы были удобоприложимы ко всей націи? Если вы все это сдѣлаете одни, тогда я, какъ и всѣ мы, перестанемъ предлагать вамъ союзъ съ континентомъ. Но, если вы чувствуете, что подобное предпріятіе еще вамъ не по силамъ, если между вами и неаполитанцами существуютъ теперь только формальныя разногласія о различныхъ учрежденіяхъ, касающихся большей или меньшей мѣстной эмансипаціи, то услышьте слова брата, который, послѣ Бога, любить больше всего свое отечество, и котораго вся жизнь посвящена этой любви; слова эти я смѣло могу сказать всей Италіи. Положите на чашку вѣсовъ святое имя націи. Не подавайте примѣра разъединенія своимъ братьямъ. Сохраните единство съ своими соотечественниками полуострова, сохраните его, чтобы вмѣстѣ съ ними воевать за свободу и вмѣстѣ съ ними приобрести независимость; сохраните единство, чтобы укрѣпить насъ своимъ присутствіемъ и своимъ разумнымъ словомъ на нашихъ сходкахъ и собраніяхъ; сохраните его, чтобы наши братья, находящіеся еще въ рабствѣ, мужественно шли на священную войну, чтобы иноплеменный врагъ трепеталъ при видѣ насъ, чтобы онъ удивлялся нашей добродѣтели и нашимъ жертвамъ, и, наконецъ, сохраните единство для того, чтобы при вашей помощи судьба Италія совершилась скорѣе, чтобы человѣчество ликовало и чтобы Богъ благословилъ свою любимую землю, прекрасную какъ идеаль величія и любви.»

Сицилійцы не послушались всѣхъ этихъ увѣщаній Маццини. Временное правительство острова, продолжая только говорить о желаніи принять участіе въ возрожденіи общаго отечества, ничѣмъ не обнаружило намѣренія примѣнить свои слова къ дѣлу. Не принеся помощи возстававшей континентальной Италіи, Сицилія скоро увидѣла себя одинокою, когда король Фердинандъ, разогнавъ парламентъ въ Неаполѣ, двинулъ свои войска для покоренія острова. Не помогли сицилійцамъ ихъ храбрость и мужество: послѣ разрушенія Мессины и страшныхъ жестокостей, совершенныхъ неаполитанскими войсками, сдалась Палермо, и островъ снова поднялъ подъ бурбонскій деспотизмъ.

Когда австрійцы, въ августѣ 1848 года, возвратились въ Миланъ, а патриоты должны были выйти изъ него, Маццини, для котораго во всей Италіи не оставалось уголка, могущаго дать ему убѣжище, пройдя нѣсколько миль съ карабиномъ на плечѣхъ, въ колоннѣ волонтеровъ Гарибальди, выбился изъ силъ и больной отправился въ Лугано, гдѣ издалъ свое «Воззваніе къ итальянскимъ народамъ», въ которомъ предрекалъ окончаніе во-

ролевской войны и начало войны народной. Но въ Швейцаріи Маццини оставался не долго. Его снова призывала въ Италію революція въ Тосканѣ и Римѣ.

Двусмысленное поведеніе герцога Леопольда не могло нисколько удовлетворять его подданныхъ, требовавшихъ уже не реформъ, а учредительнаго собранія. Послѣ долгихъ колебаній, герцогъ обѣщалъ исполнить и эти требованія, призывалъ въ министерство Гверрацци и Монтанелли, — но уже было поздно, и герцогъ бѣжалъ къ Радецкому, который незадолго передъ тѣмъ писалъ ему, «что какъ только онъ укротитъ сардинскихъ демагоговъ, тотчасъ же прилетитъ съ тридцатью тысячами своихъ молодцовъ и возстановитъ герцога на тронѣ его предковъ». 8 февраля 1849 года, въ тотъ самый день, когда Леопольдъ II выѣхалъ изъ Тосканы, Маццини прибылъ въ Ливорно. Городъ, избравшій его своимъ депутатомъ въ итальянское народное собраніе (гдѣ засѣдалъ Гарibaldi, бывшій депутатомъ отъ города Мачераты), сдѣлалъ въ его честь празднество. Въ Ливорно Маццини оставался всего два дня; онъ спѣшилъ во Флоренцію, надѣясь уговорить триумвиратъ, составившійся изъ Гверрацци, Монтанелли и Маццони, объявить немедленное соединеніе тосканской республики съ римскою и вызвать народное возстаніе. Но уже всеобщее воодушевленіе истощилось, а финансы новой республики были въ самомъ жалкомъ состояніи. Совѣты Маццини не могли исправить безвыходнаго положенія, въ которое, съ самаго начала, было поставлено временное правительство Тосканы, и онъ уѣхалъ въ Римъ.

Въ Римѣ уже давно Пій IX потерялъ свою популярность и любовь народа. Его реакціонныя стремленія выразились совершенно ясно во время министерства Маміани, который и вынужденъ былъ выйти въ отставку. Думая остановить движеніе твердыми и рѣшительными мѣрами, папа, наконецъ, обратился къ помощи Росси, бывшаго французскаго посланника въ Римѣ, друга и ученика Гизо. Доктринеръ, подобно своему учителю, Росси, презиравшій общественное мнѣніе и народныя желанія, не удовлетворялъ ни либеральную, ни реакціонную партію, и палъ подъ ножомъ неизвѣстнаго убійцы. Хотя не было никакихъ основаній предполагать, чтобы въ этомъ убійствѣ принимала участіе республиканская или либеральная партія, но Пій IX понялъ это событіе именно въ такомъ смыслѣ, отдался въ руки реакціонеровъ и мечталъ только объ одномъ: какъ бы бѣжать изъ Рима. Посланникъ французской республики предлагалъ ему бѣжать въ Чивита-Веккію, а оттуда во Францію, посланникъ Испаніи предлагалъ ему убѣжищемъ Балеарскіе острова, посланникъ Баваріи,

бывшій въ то же время уполномоченнымъ Австріи, указывалъ Гаэту. Пій IX выбралъ послѣднее, и 25 ноября 1848 года бѣжалъ изъ Рима искать убѣжища у Фердинанда II.

Послѣ бѣгства папы въ Гаэту и его отказа принять прибывшую изъ Рима, для переговоровъ, депутацію, партія Маццини, въ лицѣ народнаго оратора Чичероваккіо, сдѣлалась господствующею въ Церковной области. Римъ, провозглашенный народнымъ собраніемъ республикой, въ ночь съ 8 на 9 февраля объявилъ свѣтскую власть папы упраздненною, а 25 февраля выбралъ Маццини своимъ представителемъ, девятью тысячами голосовъ. Маццини прибылъ въ Римъ 5 марта и сдѣлался руководителемъ народа и временнаго правительства. Съ первыхъ же своихъ рѣчей онъ показалъ, какъ понимаетъ онъ итальянское дѣло. Піемонтъ обратился съ просьбою о помощи, въ начинавшейся войнѣ, къ Риму. Многимъ депутатамъ казалось невозможнымъ, чтобы республиканское правительство помогало королю Карлу Альберту. Маццини разсѣялъ эти сомнѣнія словами: «Нечего теперь смотрѣть на различіе государственныхъ порядковъ. Теперь есть только двѣ партіи итальянцевъ: одна, которая хочетъ войны, и другая, которая ея не желаетъ. Пусть республиканскій Римъ сражается рядомъ съ монархическимъ Піемонтомъ». Въ отвѣтъ на эти слова римскія женщины, присутствовавшія въ собраніи, сняли съ себя драгоценныя украшенія и бросили ихъ къ ногамъ президента собранія; со всѣхъ сторонъ стали поступать пожертвованія, и населеніе Церковной области было призвано къ оружію. Но пораженіе при Новарѣ прервало эти приготовленія, а черезъ нѣсколько дней Маццини былъ избранъ триумвиромъ вмѣстѣ съ Армеллини и Саффи. Въ этомъ новомъ званіи Маццини обнаружилъ замѣчательную дѣятельность. Усилившіеся въ послѣднее время грабежи и разбои вызвали съ его стороны строгія мѣры, которыя и прекратили зло. Почти весь трудъ по составленію новой республиканской конституціи, обнародованной 17-го апрѣля, лежалъ на немъ.

Римская конституція отмѣняла конфискацію имущества и смертную казнь. Законодательная власть предоставлялась народному собранію, исполнительная власть вѣрялась избираемымъ на два года двумъ консуламъ, подлежащимъ отвѣтственности не только каждый за себя, но и одинъ за другого; имъ также дано было право помилованія и право назначенія чиновниковъ. Двѣдцать трибуновъ, избираемыхъ на пять лѣтъ и пользовавшихся правомъ неприкосновенности не только во время отправленія своей должности, но еще и въ теченіе года послѣ выхода изъ нея, охраняли ненарушимость конституціи. Въ силу предостав-

ленной имъ власти, трибуны могли требовать обсуждения, въ народномъ собраніи, какаго либо вопроса во второй и даже въ третій разъ, если только не составилось по немъ большинства трехъ четвертей голосовъ. Въ случаѣ установленія народнымъ собраніемъ временной диктатуры, трибуны должны были слѣдить за ходомъ событій и созвать народное собраніе послѣ того, какъ опасность миновала и диктатура сдѣлалась ненужною. Народное собраніе, состоящее изъ представителей, избираемыхъ также, какъ и трибуны, посредствомъ прямой и всеобщей подачи голосовъ, не могло быть распушено. Полномочіе давалось народнымъ представителямъ на три года. Пятнадцать гражданъ, выбравшихся различными провинціями, составляли государственный совѣтъ. Каждый гражданинъ, достигшій 21 года, дѣлался избирателемъ и самъ могъ быть избранъ въ народное собраніе. Но въ консулы и трибуны могли быть избираемы лица не моложе тридцати лѣтъ. Измѣненіе конституціи могло послѣдовать не иначе, какъ вслѣдствіе троекратно, съ шести-мѣсячными промежутками, повтореннаго постановленія народнаго собранія, утвержденнаго самимъ народомъ.

Но пока республиканскій Римъ занимался внутреннимъ устройствомъ, событія шли своимъ чередомъ. Давно уже приготовлялось вторженіе въ папскія владѣнія для возстановленія престола Пія IX. Весь вопросъ заключался въ томъ — кому поручить это возстановленіе. Франція выражала желаніе, чтобы это было дѣломъ короля сардинскаго, или неаполитанскаго, но папа не хотѣлъ и слышать о первомъ, а Фердинанда считалъ слишкомъ слабымъ. Ему болѣе всего хотѣлось призвать на помощь австрійцевъ. Тогда Франція, чтобы предупредить вступленіе австрійцевъ, рѣшилась отправить сама войска въ Римъ. Предлогомъ выставлялось желаніе оказать дружеское посредничество и поддержать дарованныя Піемъ IX реформы. Жюль Фавръ сказалъ въ палатѣ, что пораженіе Пизмонта обязываетъ Францію явиться въ Италіи во имя чловѣколюбія.

Когда Удино съ корпусомъ французскихъ войскъ высадился въ Чивита-Веккію, римская республика думала, что онъ идетъ на защиту Рима отъ австрійцевъ. Скоро исчезло это недоразумѣніе. Съ шеститысячною арміею Удино подошелъ къ Риму, думая занять городъ безъ сопротивленія. Но первая же встрѣча съ отрядомъ, предводительствуемымъ Гарибальди, доказала, насколько ошибался французскій главнокомандующій; несмотря на свое численное превосходство, французы были отбиты и должны были отступить; при этомъ нѣсколько французскихъ солдатъ попались въ плѣнъ. Ихъ отправили въ Римъ въ церковь св. Петра, гдѣ

они вмѣстѣ съ итальянцами молились за братство и свободу народовъ.

Эта первая побѣда римлянъ, которые, по словамъ Тьера, не умѣли сражаться, — вынудила во Франціи уваженіе къ римскому временному правительству, и Лессепсу было дано порученіе вступить съ нимъ въ переговоры. Маццини, самъ неспособный къ обману и потому довѣрчивый къ другимъ и не посвященный въ дипломатическія тонкости, прямо выразилъ свои требованія, въ числѣ которыхъ было, — лишеніе папы свѣтской власти и признаніе римской республики, но они не были приняты французскимъ правительствомъ. Въ своихъ запискахъ, Орсини обвиняетъ Маццини въ излишней довѣрчивости и въ томъ, что онъ попался въ сѣть, равставленную ему французскимъ уполномоченнымъ, давъ непріятелю только возможность выиграть время ¹⁾).

Переговоры, въ продолженіе которыхъ Гарibaldi удалось прогнать неаполитанскую армію, подходящую, но въ началѣ движеніемъ на Римъ, были прерваны наступательнымъ движеніемъ на Римъ, со стороны Удино, который получилъ о томъ приказаніе отъ Людовика Бонапарта, уже имѣвшаго власть въ своихъ рукахъ. Обложивъ Римъ и сдѣлавъ всѣ приготовленія къ осадѣ, Удино предлагалъ ему сдаться и получилъ въ отвѣтъ, что римляне предпочитаютъ смерть рабству. Тогда началось бомбардированіе. Тщетно протестовали иностранные консулы. Тщетно временное правительство убѣждало французскую армію, что она уничтожаетъ городъ, который ей ничего не сдѣлалъ, что она поддерживаетъ Австрію, не имѣя даже духу прямо это высказать, что она ниткаетъ свое знамя, возстановляя клерикальное правительство. «Печальна страница, которую теперь вписываетъ ваше правительство въ исторію Франціи», такъ кончалась прокламація. Мѣсяць продолжалось упорное сопротивленіе римлянъ, прославившее Гарibaldi. Наконецъ народное собраніе нашло невозможнымъ дальнѣйшее сопротивленіе. Пригласили въ собраніе Гарibaldi, чтобы спросить его мнѣніе. Онъ явился, покрытый кровью, закопченный пороховымъ дымомъ, и предложилъ очистить одну половину города и укрѣпиться въ другой. «Сколько же времени въ такомъ случаѣ продлится сопротивленіе?» спросилъ одинъ голосъ: «нѣсколько дней», — отвѣчалъ Гарibaldi. Послѣ этого рѣшено было сдать городъ.

Триумвиратъ отказался отъ власти и передалъ отъ себя государственную казну, оказавшуюся въ совершенномъ порядкѣ,

¹⁾ *Memorie politiche di Felice Orsini scritte da lui medesimo e dedicate alla Gioventù italiana.* 5 ed. Torino, 1862.

муниципалитету, который и возмелъ въ переговоры съ Удино. 2 іюля 1849 года, французы вступили въ Римъ для востановленія папскаго престола, и разогнали народное собраніе. Но римская республика, при послѣднемъ надыханіи, сдѣлала постановленіе, которымъ давала право Маццини и его товарищамъ продолжать ея легальную жизнь, когда уже она матеріально умерла. 4 іюля 1849 г., меньшинство собранія выбрало національный итальянскій комитетъ изъ Маццини, Саффи и Монтеки, давъ ему право заключить заемъ отъ имени римской республики для спасенія Італіи, умножать, по усмотрѣнію, число членовъ собранія и сдѣлать воззваніе къ итальянцамъ о помощи.

Наканунѣ вступленія французевъ, Гарibaldi, сопутствующій своею женою, Анitou, и шестеромъ Гавацци, вышелъ изъ Рима съ отрядомъ волонтеровъ въ 4,600 человекъ. Чичероваккіо служилъ проводникомъ. Преслѣдуемый со всѣхъ сторонъ французами, неаполитанцами и австрійцами, Гарibaldi наконецъ достигъ республики Санъ-Марино. Тутъ онъ предложилъ своимъ волонтерамъ разойтись, чтобы не подвергаться болѣе опасностямъ. Правительство маленькой республики, боясь австрійцевъ, пресило ихъ сдать. Но они отказались, предпочитая идти на защиту Венеціи, куда Гарibaldi, въ сопровожденіи жены и трехъ сотъ волонтеровъ, и направилъ свой путь. На тринадцать рыбацкихъ лодкахъ, онъ съ отрядомъ уже подальше въ Венеціи, когда за нимъ пустился въ погоню австрійскіе корабли. Имъ удалось захватить восемь лодокъ, а съ остальными Гарibaldi вернулся въ римскіи берегамъ. Тутъ умерла его жена, изнуренная лишеніями и опасностями, а самъ онъ переехалъ въ Геную и оттуда отплылъ въ Америку. Всѣ сподвижники его, помышавшіе въ руи австрійцевъ, были разстрѣляны, въ числѣ ихъ и Чичероваккіо съ дѣтьми, или расажены по тюрьмамъ и казематамъ.

Въ то время, какъ Гарibaldi переплывалъ океанъ, Маццини, выгнанный изъ Швейцаріи, гдѣ онъ думалъ найти себѣ убѣжище, возвращался опять въ Англию.

Вездѣ въ Італіи, кромѣ одного Піемонта, торжествовала полная реакція. Послѣ сдачи Венеціи, 28 августа 1849 года, Австрія снова вступила въ безотчетное управленіе всей Ломбардіей, истерзанной жестокостями Гайкау. Еще гораздо ранѣе этого, герцоги Пармскій и Моденскій, востановленные Австріею, посадили австрійскіе гарнизоны въ своихъ крѣпостяхъ и превратили свои герцогства въ австрійскія провинціи. Почти тоже самое произошло и въ Тосканѣ, куда Леопольдъ II вернулся подъ прикрытіемъ австрійскихъ штыковъ, тотчасъ же уничто-

жилъ даянныя имъ реформы, возстановилъ смертную казнь за политическія преступленія, провѣлелъ многочисленныя аресты, тамъ что въ самое короткое время насчитывалось 14,000 политическихъ арестантовъ, и приговорилъ вліятельнѣйшихъ лицъ, въ томъ числѣ Гверрацци, Монтанелли, Маццини въ вѣчному изгнанію. Церковную область до 1850 года занимали, кромѣ французскихъ и австрійскихъ войскъ, еще неаполитанскія и испанскія. Наконецъ эти послѣднія вышли, и нація вернулась въ свои владѣнія, поставленная въ то самое положеніе, въ какомъ находилась при Григоріѣ XVI.

XIII.

По прїѣздѣ въ Англію, Маццини организовалъ въ Лондонѣ національный итальянскій комитетъ, членами котораго были Саффи, Монтечки, Авраамі Салличетти, Джузеппе Сиртори; секретаремъ комитета былъ Чезаре Агостино. Въ сентябрѣ 1850 г., комитетъ объявилъ подписку на національный заемъ для освобожденія Италіи, и хотя ни одна биржа не вѣрила въ прочность такого займа, но подписчиковъ нашлось достаточно: въ одной Тосканѣ Чирони (одинъ изъ членовъ «Юной Италіи») собралъ въ два мѣсяца около шесты тысячъ франковъ.

Оставаясь въ Лондонѣ, Маццини сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ всѣ нити революціонной жизни Италіи. Не было ни одной всмѣны, ни одного движенія, которое бы дѣлалось безъ его вѣдома. Всѣ эти попытки, оставаясь безъ серьезныхъ, немедленнаго, послѣдствій, приближали однако время, когда наконецъ Италія могла освободиться, призывая на помощь Пьемонтъ въ союзѣ съ революціонными силами полуострова.

Въ началѣ 1853 года, Маццини подготовилъ обширное возстаніе, которое должно было вспыхнуть въ Миланѣ и откликнуться во всѣхъ главнѣйшихъ городахъ Италіи. Самъ Маццини прїѣхалъ для этого въ Лугано, и тутъ убѣдился, что надежды его на возстаніе были ошибочны. Тогда Орсини предложилъ свой планъ экспедиціи, состоявшій въ томъ, чтобы небольшою отрядъ революціонеровъ набралъ мѣстомъ своихъ дѣйствій Апеннины. Маццини, хотя и сомнѣвался въ успѣхѣ, но поручилъ Орсини присылать средства въ приведенію его плана въ исполненіе, а самъ уѣхалъ въ Лондонъ. Орсини, собравъ 8,000 франковъ, отправился въ августѣ того же года въ Туринъ, гдѣ, сговорившись съ нѣсколькими офицерами, принявшими участіе въ заговорѣ, поѣхалъ въ Сарцану. Тамъ, въ назначенномъ мѣ-

стѣ, собрались вожди, но напрасно прождавъ обѣданныхъ волонтеровъ должны были разойтись, услышавъ о приближеніи берсальеровъ.

Въ 1854 году, задумана экспедиція въ Лунитану и Сицилію. Маццини предложилъ принять начальство экспедиціи въ Сицилію Гарибальди, но послѣ его отказа, поручилъ его Орсини. Тутъ повторилась таже неудача. Въмѣсто ожидаемыхъ 200 ружей и нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, Орсини не нашелъ ничего, вслѣдствіе намѣны и бѣгства одного изъ предводителей отряда. Волонтеры не хотѣли подвергаться участи Бандіера, а Орсини едва удалось спрятать оружіе, на берегу; но одинъ рыбакъ, видѣвшій, какъ прятали оружіе, и думая, что имѣеть дѣло съ контрабандистами, воспользовался случаемъ получить награду и донесъ таможенной стражѣ, которая съ помощью берсальеровъ захватила все оружіе, а черезъ нѣсколько дней были арестованы волонтеры, не успѣвшіе скрыться. Между тѣмъ, по всей Италіи разнеслось извѣстіе о готовившейся экспедиціи, и вызвало страшную тревогу. Изъ Генуи прибылъ пароходъ съ войсками и нѣсколько канонерскихъ лодокъ; въ Массу и Каррару со всѣхъ сторонъ направлялись войска; изъ Флоренціи двинулись отряды австрийцевъ. Орсини едва удалось, послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ тайкомъ въ Генуѣ, спастись въ Марсель.

Несмотря на эту неудачу, послѣ свиданія съ Маццини, въ Женевѣ, Орсини принялъ его предложеніе участвовать въ новой экспедиціи въ Вальтеллину. Но и тутъ, какъ въ Сарцанѣ, ничего не было приготовлено. Въмѣсто двухъсотъ волонтеровъ, обѣщавшихъ явиться на сборное мѣсто, прибыло всего только нѣтъ человѣкъ. Полиція давно уже слѣдила за готовившимся предпріятіемъ, приняла свои мѣры, и чуть-было не арестовала самого Орсини, которому однако удалось бѣжать.

Тогда, свидѣемый жаждою дѣятельности, Орсини сообщилъ Маццини о своемъ желаніи поступить на службу въ русскую армію, чтобы сражаться въ Крыму противъ ненавистныхъ ему французовъ, которыхъ онъ считалъ виновниками порабощенія Рима и Италіи. Но Маццини отговорилъ его и далъ ему новое порученіе. 1-го октября 1854 года, получивъ отъ Маццини 1,000 франковъ, Орсини отправился черезъ Сель-Готардъ въ Туринъ, гдѣ вмѣсто сочувствія нашелъ сильное раздраженіе противъ Маццини. Въ Миланѣ ходили даже слухи, что Маццини — австрийскій агентъ, умышленно вызывающій реакцію мелкими революціонными вспышками. Отправившись за тѣмъ въ Вѣну, Орсини былъ узнавъ на дорогѣ однимъ евреемъ, арестованъ и 17-го декабря отправленъ въ Мантую, въ крѣпость. Здѣсь бы вѣроятно

онъ и умеръ, если бы одна женщина, Эмма Гервегъ, не передала ему орудія, способствовавшихъ его избавленію. Съ необыкновеннымъ терпѣніемъ Орскини перепилилъ восемь полосъ жѣлѣзной рѣшетки; по лѣстницѣ, связанной изъ бѣлья, спустился съ высоты болѣе 40 метровъ и упалъ въ ровъ цитадели, сильно ушибенный. Оттуда потащился онъ кое-какъ далѣе и просидѣлъ двое сутокъ въ прудѣ. Затѣмъ, съ величайшими трудностями и опасностями, онъ пробрался въ Англію.

Въ 1857 году, Маццини подготовилъ новую экспедицію, которая должна была сдѣлать высадку въ королевствѣ обѣихъ Сицилій, чтобы произвести тамъ возстаніе. Во главѣ этой экспедиціи сталъ неаполитанецъ Карло Пизакане, герцогъ ди-Санъ-Джованни, одинъ изъ защитниковъ Рима подъ начальствомъ Гарибальди въ 1849 году. Съ двадцатью семью заговорщиками, сѣвшими на сардинскій пароходъ «Кальяри», подъ видомъ переѣзда изъ Генуи въ Тунисъ, онъ овладѣлъ пароходомъ и заставилъ капитана направиться въ лежащему недалеко отъ неаполитанскаго залива острову Понца, гдѣ содержались государственные преступники. Имъ удалось освободить заключенныхъ, и при отидтіи съ Понца, революціонный отрядъ состоялъ уже изъ 328 человекъ. Не имѣя возможности продолжать путь далѣе, за неимѣніемъ угля, пароходъ остановился въ Неаполитанскомъ заливѣ. Заговорщики высадились съ крикомъ «да здравствуетъ Италия! да здравствуетъ республика!» Но революціонный отрядъ былъ слишкомъ малочисленъ для того, чтобы выдержать столкновеніе съ королевскими войсками и привлечь на свою сторону мѣстное населеніе, не имѣвшее надежды на успѣхъ. Желая продлить сопротивленіе въ ожиданіи прибытія изъ Генуи новыхъ отрядовъ волонтеровъ, Пизакане направился въ горы. Тутъ, выдержавши нѣсколько стычекъ съ королевскими войсками, Пизакане, тяжело раненный, былъ взятъ въ плѣнъ, и тотчасъ же разстрѣлянъ. Остальные, попавшіеся въ руки неаполитанскаго правительства, были преданы суду, который приговорилъ семерыхъ главныхъ начальниковъ экспедиціи, въ томъ числѣ и барона Нивотера, друга Гарибальди, къ смертной казни, замѣненной королемъ пожизненною каторгой, и 205 человекъ къ каторжной работѣ.

Одновременно съ отнятіемъ Пизакане изъ Генуи, должно было вспыхнуть революціонное движеніе въ Генуѣ, гдѣ революціонеры надѣялись захватить корабли для перевозки волонтеровъ въ южную Италію, на помощь Пизакане. Но и этотъ планъ не удался. Овладѣвъ казармой и 500 ружьями заговорщики были арестованы и преданы суду; изъ 41 подсудимыхъ 25 были оправданы, а остальные приговорены къ тяжкимъ наказаніямъ.

Самъ Маццини, прѣѣзжавшій передъ тѣмъ тайкомъ въ Геную, былъ приговоренъ заочно къ смертной казни.

Тогда-то Гарибальди, хотя и однихъ убѣжденій съ Маццини, но уже съ 1854 года расходившійся съ нимъ въ способахъ исполненія, находя вреднымъ для итальянскаго дѣла раздражать Пьемонтъ безплодными попытками возстанія, напечаталъ письмо къ Маццини, въ которомъ между прочимъ говорилъ, что возбуждать эти неудачныя возстанія могутъ только сумасшедшіе или враги итальянскаго дѣла. Письмо это такъ огорчило Маццини, что онъ заболѣлъ.

Въ концѣ 1857 года, опять заговорили объ Маццини при открытіи заговора противъ Наполеона III, задуманнаго въ Лондонѣ, во главѣ котораго, если вѣрить слѣдствію, производившемуся въ Парижѣ, стояли Маццини и Ледрю-Ролленъ. Этотъ заговоръ и самый процессъ до того темны, что въ Лондонѣ носилась слухи, будто весь заговоръ былъ устроенъ французскою полиціею для того, чтобы помѣшать Ледрю-Роллену возвратиться во Францію и воспользоваться амнистіею, которой тогда ждали. Имя Маццини ни разу не упомянули сами подсудимые, три итальянца: Тибальди, Бартолони и Грилли. Но это не помѣшало французскому правительству кричать о томъ, что самое покушеніе было задумано Маццини, основываясь единственно на вакихъ-то перехваченныхъ полиціею писемъ его, въ которыхъ не было и намева на убійство Наполеона III.

Между тѣмъ Орсини, возвратившись въ Лондонъ, издалъ тамъ свои записки подъ заглавіемъ: «Пятнадцати-мѣсячное пребываніе въ крѣпости», и скоро сдѣлался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ французскихъ демократическихъ клубовъ. Тутъ-то онъ познакомился и сблизился съ французскимъ эмигрантомъ Бернардомъ, бѣжавшимъ изъ Франціи въ 1849 году, чтобы спастись отъ тюремнаго заключенія, въ которомъ былъ приговоренъ за политическіе проступки. Маццини, представитель республиканской, денстической Италіи, стоялъ съ своею партіею особнякомъ отъ французскихъ и нѣмецкихъ социалистовъ-демократовъ, и потому послѣ сближенія Орсини съ Бернардомъ отношенія перваго къ Маццини охладилась. Желая вернуть его въ себѣ, Маццини написалъ ему письмо, въ которомъ между прочимъ говорилъ: «Подумайте, что никакая національная инициатива въ Италіи невозможна помимо меня. Имѣйте въ виду, что я стою въ центрѣ всѣхъ элементовъ и говорю это, имѣя на то основаніе.» На это письмо Орсини отвѣчалъ насмѣшкою надъ Маццини и его друзьями и потомъ издалъ свои мемуары, въ которыхъ по-

риналъ дѣйствія Маццини и тѣмъ еще болѣе вооружилъ противъ себя его сторонниковъ.

Отравившись отъ Маццини, Орсини все болѣе и болѣе сблизился съ Бернаромъ и укрѣпился въ своей ненависти къ Наполеону III. Въ январѣ 1858 года, Бернаръ, на одномъ публичномъ собраніи, прямо намекалъ на какія-то важныя событія, которыя должны скоро измѣнить положеніе дѣлъ въ Европѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого произошло, 14-го января, покушеніе на жизнь Наполеона III. Случайность спасла жизнь Наполеона III, но разорвавшіяся гранаты убили восемь чело-вѣкъ. Приговоренный судомъ къ смертной казни, Орсини написалъ изъ маасской тюрьмы письмо къ Наполеону, въ которомъ излагалъ побудительныя причины своего покушенія: «Показанія, сдѣланныя мною противъ себя самого въ политическомъ процессѣ, возникшемъ по поводу покушенія 14-го января, достаточны, чтобъ осудить меня на смерть, и я приму ее, не прося помилованія, какъ потому, что я никогда не унижу себя предъ тѣмъ, кто убилъ зародившуюся свободу моей несчастной родины, такъ и потому, что въ моемъ положеніи смерть для меня благодѣаніе.

«При концѣ моего поприща, я хочу однако попробовать послѣднее усиліе, чтобы придти въ помощь Италіи, за независимость которой я шелъ до того времени на всѣ опасности, на встрѣчу всѣмъ пожертвованіямъ. Италія — постоянный предметъ всѣхъ моихъ чувствъ, и послѣднюю мою мысль о ней хочу я изложить въ словахъ, съ которыми обращаюсь къ вашему величеству.

«Чтобы сохранить теперешнее равновѣсіе въ Европѣ, надобно дать независимость Италіи, или стянуть цѣпи, которыми Австрія держитъ ее въ рабствѣ. Буду ли я просить объ ея освобожденіи, просить, чтобы кровь французовъ была пролита за нее? Нѣтъ! я не иду такъ далеко. Италія просить, чтобы Франція не вмѣшивалась въ дѣло противъ нея; она просить, чтобы Франція не допускала Германію поддерживать Австрію въ борьбѣ, которая, быть можетъ, вскорѣ начнется. Это, ваше величество можете сдѣлать, если только захотите; отъ этой воли зависитъ благосостояніе или несчастіе моей родины, жизнь или смерть націи, которой Европа обязана большею частію своей образованности.

«Вотъ просьба, съ которою я осмѣливаюсь обратиться къ вашему величеству, не отчаяваясь въ томъ, что голосъ мой будетъ услышанъ. Заклинаю ваше величество отдать моей родинѣ нѣ зависимость, которую она утратила въ 1849 году, по ошибкѣ самихъ французовъ.

«Вспомните, ваше величество, что итальянцы, въ числѣ которыхъ былъ и отецъ мой, съ радостію проливали кровь свою за Наполеона Великаго, повсюду, куда только вздумалось ему вести ихъ; вспомните, что они оставались вѣрными ему до самаго его паденія; вспомните, что покуда Италия не будетъ независимою, спойствие Европы и ваше собственное останутся одною только мечтою. Не отвергайте, ваше величество, предсмертный голосъ патріота; освободите мою родину, и благословенія двадцати пяти милліоновъ людей послѣдуютъ за вами въ потомство».

Послѣ этихъ катастрофъ, несмотря на взаимное раздраженіе враждующихъ партій, ни у кого изъ противниковъ Маццини не хватило доказательствъ для обвиненія его въ подстрекательствѣ въ политическимъ убійствамъ. Даже и такіе биографы, какъ напримѣръ Монтаціо, этотъ итальянскій Мирреуръ, который задачею своею имѣлъ уронить значеніе Маццини и втоптать его въ грязь, обвинялъ его въ трусости, бездарности, политической безтактности, даже и онъ не имѣлъ духу обойти молчаніемъ обвиненіе Маццини въ покушеніяхъ на жизнь Наполеона III, и хоть слегка намекнулъ объ ихъ нелѣпости, а въ биографіи Орсини, говоря о размовіяхъ его съ Маццини, передъ январьскимъ покушеніемъ, всю отвѣтственность въ покушеніи сложилъ на Симона Бернара....

При первыхъ проявленіяхъ итальянскаго возрожденія, Маццини написалъ нѣсколько статей въ англійскихъ изданіяхъ и основалъ новый журналъ «Genio ed Azione» («Мысль и дѣйствіе»), который сначала издавался въ Швейцаріи, а потомъ въ Лондонѣ, съ 1-го сентября 1858 года до половины 1860 года. Въ одномъ изъ первыхъ номеровъ появился адресъ Маццини къ Виктору-Эммануилу, въ которомъ онъ напоминалъ королю готовность итальянцевъ слѣдовать за нимъ и говорилъ: «забудьте, что вы король, вооружитесь за единство Италіи, — и мы всѣ идемъ за вами». Въ Италіи органомъ Маццини служилъ «Unità Italiana», который явился послѣ «Italia del Popolo» и выходилъ въ Генуѣ и Флоренціи подъ различными редакціями, а потомъ издавался въ Миланѣ.

Во всѣхъ своихъ статьяхъ, Маццини возставалъ противъ вмѣшательства французовъ въ итальянскія дѣла, противъ дипломатическихъ сдѣлокъ и уступокъ. Онъ ожидалъ возрожденія Италіи отъ итальянскаго народа и обращался къ нему съ такими словами:

«Кто, 29 мая 1176 г., одержалъ первую великую побѣду за итальянскую независимость въ Леньано, надъ Фридрихомъ Барбароссой? Народъ.

«Кто тридцать лѣтъ выдерживалъ удары Фридриха Второго,

гибеллинскаго патриціата и истоцилъ ихъ силы при Миланѣ, Брешиѣ, Пармѣ, Піаченцѣ, Болоньѣ? Народъ.

«Кто обуздалъ въ Сициліи тираннію Карла Анжуйскаго и организовалъ въ мартѣ 1282 г. Сицилійскую вечерню на гибель врагамъ? Народъ.

«Кто возставалъ въ Неаполѣ въ срединѣ XVII вѣка противъ тиранніи Филиппа IV Испанскаго и герцога Аркосскаго? Народъ.

«Кто съ неутомимымъ упорствомъ препятствовалъ господствовавшей во всей Европѣ инквизиціи водвориться въ королевствѣ обѣихъ Сицилій? Народъ.

«Кто во время усилія всей Италіи, прогналъ, въ декабрѣ 1746 г., изъ Генуи австрійскую армію? Народъ.

«Кто, въ 1848 г., одержалъ побѣду въ пять достопамятныхъ ломбардскихъ дней? Народъ.

«Кто два раза, въ августѣ 1848 г. и въ маѣ 1849 г., защитилъ Болонью отъ нападенія австрійцевъ? Народъ.

«Кто, въ 1849 г., спасъ въ Римѣ и Венеціи честь Италіи, которую запятнала монархія сдачей Милана и поражениемъ при Новаррѣ? Народъ?

«Народъ безъ имени, сражающійся безъ надежды на славу, это герой, человекъ-милліонъ, который всегда откликался во имя священной свободы, на призывъ людей, олицетворявшихъ собою дѣло и вѣру».

Между тѣмъ, благодаря либеральной политикѣ Виктора-Эммануила, Піемонтъ постепенно пріобрѣталъ себѣ бѣльшее число сторонниковъ въ Италіи. Въ то же время австрійское правительство и его система въ герцогствахъ, легатствахъ и королевствѣ Неаполитанскомъ усиливали, своими репрессивными мѣрами, общее неудовольствіе. Но изъ прежнихъ опытовъ итальянцы убѣдились, что ни королевская, ни революціонная силы не достаточны, одна безъ другой, для освобожденія Италіи. Готовясь къ войнѣ 1859 года, Викторъ-Эммануилъ обратился въ помощи Франціи, съ которою Піемонтъ былъ въ союзѣ въ крымскую войну, и народныхъ революціонныхъ силъ страны, во главѣ которыхъ сталъ Гарибальди.

Маццини, въ виду всеобщаго настроенія, не колебался въ своихъ прежнихъ убѣжденіяхъ. Онъ не отступалъ отъ своей республиканской программы и, если готовъ былъ принять, для освобожденія Италіи, помощь королевской власти, то единственно по необходимости, какъ временную, переходную мѣру.

«Тѣ, которые убѣждаютъ васъ—говорилъ онъ итальянцамъ—уредить королевскую диктатуру, какъ средство облегчить вашу побѣду,—или глупцы, или обманщики. Неужели исполненіе общаго

дѣла можетъ облегчиться тѣмъ, что исполненіе его будетъ звѣрено одному человѣку, дѣятельность котораго лишена всякаго контроля. Предки ваши, въ минуты грозной опасности, выбирали себѣ диктаторовъ изъ гражданъ, извѣстныхъ своими гражданскими или военными доблестями, но позади диктатора они ставили народнаго ливтора, поднятый мечъ котораго ежеминутно грозилъ головъ измѣнника.

«Вы должны упрочить вашу свободу не на кускѣ стараго пергамента, который всегда можетъ быть замѣненъ другимъ такимъ же пергаментомъ, не въ силу добровольныхъ уступокъ, за которыми слѣдуетъ реакція, а во имя неизмѣннаго человѣческаго права. И если, забывъ итальянскія традиціи и исторію послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, вы захотите дать себѣ короля, пусть этотъ король будетъ по крайней мѣрѣ избранникомъ вашей свободы и пусть онъ получитъ въ Римѣ корону вмѣстѣ съ договоромъ, который составятъ народные представители и который бы напоминалъ ему, что вы можете отнять отъ него эту корону, если онъ нарушитъ договоръ, или когда вы сами захотите установить у себя образъ правленія, болѣе близкій къ истинѣ и болѣе полезный вашему отечеству»....

Наконецъ, послѣ продолжительныхъ переговоровъ и ожиданій, Наполеонъ III объявилъ, что Франція желаетъ видѣть Италію свободною отъ Альпъ до Адриатическаго моря, и 12 мая 1859 года, высадился въ Генуѣ. Въ іюнѣ, Ломбардія была очищена отъ австрійцевъ, которые отступили и изъ Болоньи. Герцоги бѣжали изъ Пармы, Модены и Тосканы и населенія подчинялись диктатурѣ сардинскаго короля. Но перемиріе въ Виллафранкѣ оставило начатое итальянское дѣло на полъ-дорогѣ. Итальянскій народъ открыто выразилъ свое негодованіе: въ Ливорно и Флоренціи едва не вспыхнуло возстаніе.

«Разочарованіе наступило скорѣе, нежели мы сами ожидали», писалъ Маццини 20 іюля 1859 года въ «Pensiero ed Azione». «Измѣна совершилась. Всѣ наши предсказанія сбылись. Безчестный договоръ заключенъ по настоянію Наполеона». Видя готовность піемонтскихъ государственныхъ людей подчиниться предписаннымъ имъ условіямъ мира, Маццини обратился къ волонтерамъ:

«Почему же остановились вы, итальянскіе волонтеры, на половинѣ дороги? Почему, подобно поэмѣ, прерванной смертью создавшаго ея генія, прервалось начатое вами предпріятіе? Развѣ Италія уже свободна и едина? Или и вы подписали вмѣстѣ съ чужеземцемъ договоръ въ Виллафранкѣ?»

«Вы встали на призывъ отечества съ именемъ Италіи на

устахъ, съ цвѣтами Италіи на груди. Но развѣ Минчіо составляетъ границу вашего отечества? Развѣ земля, лежащая къ сѣверу и югу отъ этой границы не итальянская?

«Каждый изъ васъ хранитъ обѣтъ — освободить Италію отъ Альпъ до моря. Но развѣ Венеція не по-сю сторону Альпъ? Развѣ наше море не омываетъ плодородныхъ береговъ Сициліи?

«А Римъ? Римъ, гдѣ пребываетъ единство отечества? Римъ, — это сердце, храмъ итальянской націи? Развѣ вы стерли его съ карты Италіи?

«Среди опустошенныхъ владѣній намѣстника генія зла высится замокъ, въ которомъ десятки лѣтъ заключены сотни людей, приготавливающихъ вамъ путь. Далѣе — въ страшныхъ, неаполитанскихъ тайникахъ, въ казематахъ, на островахъ, лежащихъ у южныхъ итальянскихъ границъ, за-живо погребены предвѣстники вашего дѣла, волонтеры вашего же знамени. Обратите ваши взоры въ другую сторону: тамъ, среди лагунъ умираетъ въ медленной, страшной агоніи Римъ Адриатики — Венеція, которая учила васъ независимости еще въ ту пору, когда впервые стали вторгаться въ ваши страны народы Сѣвера, Венеція, послѣ всѣхъ опустившая, десять лѣтъ тому назадъ, знамя свободы Италіи, Венеція, которой вы столько разъ клялись въ томъ, что никогда ваша судьба не отдѣлится отъ ея.

«Вы клялись Венеціи, Отечеству, Богу. Что жъ останавливаетъ васъ?...» ¹⁾

Не долго партія дѣйствія оставалась неподвижною; ее не могли остановить никакія опасности и государственныя соображенія.

Въ ночь на 5 мая 1860 года, Гарибальди неожиданно высадился въ Кварто, близъ Генуи и, овладѣвъ двумя частными пароходами, вышелъ въ море сопровождаемый Бисіо, Сиртори, Тюрромъ и «тысячью» волонтеровъ, явившихся на его призывъ съ разныхъ концовъ Италіи.

Куда отплывалъ этотъ отрядъ, состоявшій преимущественно изъ итальянской молодежи, оставившей на время свои университетскія занятія и въ первый разъ взявшей въ руки ружье? Этого никто пока не зналъ. Извѣщенные телеграфомъ объ отплытіи Гарибальди, европейскіе дипломаты устремили все вниманіе на Средиземное море, когда, спустя нѣсколько дней, до нихъ дошло извѣстіе, что Гарибальди, миновавъ благополучно неаполитанскихъ крейсеровъ, высадился въ Марсалѣ, небольшомъ приморскомъ городѣ Сициліи.

¹⁾ Ai Giovani d'Italia parole di Giuseppe Mazzini. (Seconda Edizione). Lugano, 1859 pp. 43—45.

Нѣсколькихъ дней послѣ высадки было довольно для Гарибальди, чтобы овладѣть Сициліею, уже давно готовой къ революціи. За нимъ съ восторгомъ шло мѣстное населеніе и, разбивъ 15 мая королевскія войска при Калатафими, Гарибальди 27 мая вступилъ въ Палермо.

Принявъ диктаторскую власть и учредивъ временное правительство, Гарибальди, несмотря на увѣщанія Виктора-Эммануила, не думалъ ограничиться одною экспедиціею въ Сицилію. У него была другая программа, которую онъ и высказалъ въ Мессинѣ: идти въ Неаполь, потомъ въ Римъ, Венецію и Ниццу.

8-го августа 1860 года, началась переправа первыхъ гарибальдійскихъ отрядовъ, подъ предводительствомъ Миссори, въ Калабрію, а мѣсяцъ спустя Гарибальди, уничтоживъ власть короля обѣихъ Сицилій почти во всей странѣ, съ восторгомъ встрѣчавшей своего освободителя, побѣдоносно вступилъ въ Неаполь. Вслѣдъ затѣмъ въ Неаполь прибылъ и Маццини. Его вліяніе на Гарибальди, съ которымъ онъ уже давно помирился, послѣ временной размолвки, замѣтно проглядывало въ нѣкоторыхъ распоряженіяхъ Гарибальди. Такъ, въ официальныхъ бумагахъ этого времени въ первый разъ является названіе «Соединенные штаты Италіи». Въ этомъ названіи заключается цѣлый планъ, цѣлая система, не имѣющая ничего общаго съ планами и стремленіями Кавура и его преемниковъ.

Но никогда въ дѣйствіяхъ Гарибальди не было ничего враждебнаго Виктору-Эммануилу. Напротивъ того, не только онъ самъ, но и его сподвижники, въ числѣ которыхъ самымъ дѣятельнымъ въ этомъ отношеніи былъ отецъ Гавацци ¹⁾, постоянно проповѣдывали союзъ съ королевскимъ Пиемонтомъ. И когда, въ виду нерѣшительныхъ дѣйствій пиемонтскаго правительства къ Гарибальди являлись депутаціи, предлагавшія ему пожизненную диктатуру, онъ останавливалъ ихъ словами — «Италія и Викторъ-Эммануиль!»

Конечно, проповѣдуя единство Италіи съ Викторомъ-Эммануиломъ, Гарибальди не вѣрилъ необходимости на долго отложить исполненіе своей программы. Когда же эта необходимость стала очевидною, онъ сложилъ съ себя званіе диктатора и генерала и, печальный, удалился на свою Капреру въ то самое время, когда Викторъ-Эммануиль вступилъ во владѣніе Неаполитанскимъ королевствомъ. Тогда и Маццини уѣхалъ въ Швей-

¹⁾ Превосходная характеристика этой замѣчательной личности сдѣлана Н. А. Добролюбовымъ въ его статьѣ «Отецъ Александръ Гавацци и его проповѣди.» Соч. Добролюбова, т. IV.

царю и оттуда напоминалъ итальянской молодежи, что еще не все потеряно, что временная остановка не уничтожает надежды на освобожденіе Венеціи и Рима. Вотъ его слова:

«Вблизи, или вдали, генераль, или не генераль, Гарибальди все же остается вождемъ итальянскихъ волонтеровъ и, связанный своею клятвою и любовью къ отечеству, онъ отвѣтитъ на ихъ призывъ и поведетъ за собою, если они поймутъ свой долгъ и изберутъ себѣ итальянское поле битвы. Пусть они это сдѣлаютъ скорѣе, потому что въ самомъ дѣлѣ, если люди нашей партіи, которая сильна организаціей и оружіемъ, не разорвутъ мужественнымъ дѣломъ сѣть безчестныхъ изворотовъ, низкихъ уступокъ, оупутывающихъ въ настоящее время Италію, то народное дѣло погнбло.

«Погнбло, и погнбло безчестно. Все равно, — что бы ни скрывало отъ итальянцевъ истинную причину удаленія Гарибальди, удаленіе это означаетъ, что итальянская идея пожертвовала идеѣ королевства Сардино-ломбардскаго; оно означаетъ отказъ въ помощи братьевъ братьямъ, окончательное оставленіе Венеціи и Рима, рабобѣнное исполненіе всякаго желанія Бонапарта, признаніе передъ Европою, что мы рождены для того, чтобы быть рабами, что всѣ наши возстанія ведутъ только къ перемѣнѣ господина, что мы можемъ сражаться за короля, или ради возвеличенія династіи, но не умѣемъ и не хотимъ сражаться за единство и свободу отечества. И если итальянская молодежь подчиняется подобной программѣ, то пусть она воздвигаетъ памятники не павшимъ въ битвѣ, не королю освободителю, или великодушному союзнику, а Ламартину. Онъ одинъ понималъ Италію, сказавъ, что «наша земля — земля мертвыхъ»!

XIV.

Событія 1859 — 1869 годовъ такъ близки къ намъ, что объ нихъ довольно трудно имѣть полное и ясное представленіе. Многое осталось неразгаданнымъ; такъ, не выяснилось еще непосредственное участіе Маццини въ итальянскомъ переворотѣ и вліяніе его на Гарибальди. Но, конечно, не можетъ быть и сомнѣнія въ томъ, что ни одна экспедиція, имѣвшая своею цѣлю присоединеніе Рима къ Италіи, не дѣлалась безъ вѣдома Маццини.

Когда, наконецъ, Италія сдѣлалась свободною и «почти единою», когда въ итальянской палатѣ депутатовъ стали раздаваться голоса, громко требовавшіе освобожденія Венеціи и Рима, —

Маццини, проповѣдывавшій это освобожденіе еще въ то время, когда такая проповѣдь считалась государственнымъ преступленіемъ, — оставался въ изгнаніи. Люди, не принадлежавшіе вовсе къ партіи Маццини, но уважавшіе искренность его убѣжденій, его безкорыстную дѣятельность на пользу Италіи, напрасно заявляли требованіе объ отмѣнѣ тяготѣвшаго надъ Маццини смертнаго приговора и о возвращеніи отечеству челоѵѵка, посвятившаго всю свою жизнь на служеніе одному итальянскому народному дѣлу. Туринскіе государственные люди оставались глухи къ этимъ требованіямъ. Они, неизвѣстно почему, считали себя заклятыми противниками революціи и революціонеровъ, хотя служили правительству, управляемому 22-мя милліонами итальянцевъ, революціонною силою сплотившихся подъ скипетромъ Виктора-Эммануила.

Но требованія о возвращеніи Маццини съ каждымъ годомъ раздавались все громче и громче, итальянскіе города выбирали его своимъ представителемъ въ палату депутатовъ и, наконецъ, послѣдовала королевская амнистія, дававшая Маццини право возвратиться въ Италію.

Тогда Маццини отказался отъ этого права и остался въ Лондонѣ. Причины этого поступка, а также и свой взглядъ на современное положеніе Италіи и итальянскаго общества онъ изложилъ въ своей статьѣ, напечатанной въ «Westminster Review» подъ заглавіемъ «Религіозная сторона итальянскаго вопроса»¹⁾. Вотъ что говоритъ въ ней Маццини:

«Въ послѣднее время, друзья мои, въ Англій, часто спрашиваютъ меня: почему я отказываюсь вернуться въ отечество и присоединить мои труды къ заботамъ правительства, для болѣе пользы Италіи. Амнистія — говорятъ мнѣ — открыла вамъ законный путь къ распространенію вашихъ мнѣній; принявъ званіе народнаго представителя, которое такъ часто вамъ предлагали, вы бы доставили людямъ, управляющимъ государствомъ, поддержку всей республиканской партіи. Бросая на сторону недовольныхъ вѣсь вашего имени и вліянія, не замедляете ли вы упроченіе политическаго и нравственнаго единства, безъ котораго простой матеріальный союзъ остается безплоднымъ для народа.

«Вопросъ этотъ, предлагаемый людьми, желающими добра моей странѣ, заслуживаетъ серьезнаго отвѣта. Прежде всего позволяю себѣ замѣтить, что съ 1859 года республиканская пар-

¹⁾ West Rv. № LXIII, July, 1867. Скоро послѣ своего появленія эта статья переведена, съ небольшими измѣненіями, въ «Revue Britannique», Octobre, 1867.

тія дѣйствовала именно такъ, какъ мои англійскіе друзья совѣтуютъ ей! Она пожертвовала великой идеѣ итальянскаго единства даже правомъ проповѣдовать свое ученіе, она терпѣливо ожидала исхода испытанія, которое дѣлала королевская власть. Она рѣшилась лучше переносить всѣ злоупотребленія власти, нежели дать ей поводъ не осуществить высказаннаго ею намѣренія начать войну, съ цѣлію возвратити намъ нашу территорию и наши границы; война эта, какъ всякій видѣлъ и зналъ, была для Италіи высшимъ и единственнымъ условіемъ безопасности и чести; если бы она была ведена съ точки зрѣнія дѣйствительно національной, то она возвысила бы духъ народа.

«Для приготовленія ея, королевская власть имѣла пять лѣтъ времени, обширныя денежные средства, покорный парламентъ и (какъ доказали факты) вся Италія готова была отдать свою кровь и свое имущество.

«Гдѣ-же результаты? Наша монархія, начавшая кампанію съ тремястами пятьюдесятью тысячами человѣкъ регулярныхъ войскъ, ста тысячами человѣкъ національной гвардіи и тридцатью тысячами волонтеровъ Гарибальди, имѣя цѣлую націю въ резервѣ, вдругъ останавливаетъ свои дѣйствія послѣ плачевныхъ неудачъ Кустоццы и Лиссы по одному сигналу Франціи; она постыдно оставляетъ нашу настоящую границу и принимаетъ Венецію какъ милостыню, презрительно брошенную намъ героемъ второго декабря.

«Мы скажутъ, что если народъ покорно подчиняется безчестію, наносимому ему самому, его арміи, его волонтерамъ, то онъ заслуживаетъ его.

«Я не буду возражать; но масса, по своей природѣ, привыкла смотрѣть выше себя и направлять свои дѣйствія по примѣру власти и правительства. Если итальянскій народъ не имѣетъ сознанія своего высокаго назначенія, ни понятія о своей истинной силѣ и призваніи, если въ то самое время, какъ 24 милліона итальянцевъ сгруппированы, не смѣю сказать въ силу унитарнаго понятія, но просто въ силу факта, великая душа Италіи все еще лежитъ скованная въ могилѣ, вырытой для ней три вѣка назадъ папствомъ и имперіей, — то причина этого, утверждаю, кроется въ безнравственности и испорченности нашихъ правителей.

«Истинную жизнь народа слѣдуетъ искать въ преобладающей идеѣ или понятіи, посредствомъ котораго имъ управляютъ и руководятъ.

«Настоящая жизнь націи требуетъ сознанія общей цѣли и

братскаго сосредоточенія всѣхъ жизненныхъ силъ страны для содѣйствія къ осуществленію этой цѣли.

«Эта національная цѣль указывается традиціями прошлаго и провозглашается настоящимъ сознаниемъ народа. Разъ опредѣленная, она дѣлается основою верховной власти и критеріумомъ, примѣнимымъ къ поступкамъ гражданъ.

«Нравственный законъ не терпитъ компромисса. Только религіей долга нація связана съ человѣчествомъ; только тутъ она почерпаетъ источникъ своего права, получаетъ свое мѣсто и свое значеніе для человѣчества.

«Таковы существенныя черты того, что мы, въ настоящее время, называемъ націей. Въ этого остается только союзъ семействъ, временно связанныхъ для лучшей защиты противъ золь жизни, семействъ, соединенныхъ, худо-ли, хорошо-ли, старыми привычками и старыми интересами, приводящими, рано или поздно, къ многочисленнымъ столкновеніямъ.

«По недостатку великой идеи, сдерживающей эгоистическіе расчеты, всякій умственный или экономическій прогрессъ, вмѣсто того, чтобы одинаково проникать ко всѣмъ членамъ національной семьи, ведетъ, постепенно, къ образованію ученыхъ и финансистовъ, но не доставляетъ націи ни признанной роли, ни мѣста, ни достоинства, ни славы въ глазахъ другихъ народовъ.

«Замѣчанія эти, справедливыя для всѣхъ народовъ, тѣмъ болѣе справедливы въ отношеніи народа, выходящаго изъ продолжительной каталепсіи.

«Всѣ другіе слѣдятъ за каждымъ его шагомъ. Если онъ поднимаетъ знамя высокаго призванія, если его первые шаги освящены крещеніемъ великаго принципа, другія націи дѣлаютъ ему дружественный пріемъ, надѣются на него, готовы слѣдовать по пути, указанному ему Богомъ. Если, напротивъ, они не открываютъ у него никакихъ признаковъ высшей нравственной идеи, никакого плодотворнаго будущаго, они научаются презирать его, смотрѣть на его территорію, какъ на новое поле, открытое политическому грабежу, прямому или косвенному покоренію.

«Признаки высокаго призванія нигдѣ не выступаютъ такъ ярко и сильно, какъ въ Италіи. Одни мы, изъ древнихъ, мертвыхъ націй, воскресли два раза и въ два пріема придали новую жизнь Европѣ. Врожденное итальянскому духу стремленіе — всегда приводитъ въ гармонію слово и дѣло, подтверждаетъ это откровеніе исторіи и довершаетъ доказательство того, что роль Италіи заключается въ дѣлѣ нравственнаго обновленія, которое есть послѣдняя черта цивилизаціи.

Италія есть религія.

Обращая вниманіе на непосредственную національную цѣль и неизбежныя послѣдствія полнаго установленія Италіи въ націи, мы видимъ, что ни одному народу въ Европѣ не предстоитъ болѣе высокой дѣятельности для приготовления и приспособленія человѣчества къ одному изъ тѣхъ переворотовъ, въ которыхъ Провидѣніе направляетъ насъ отъ времени до времени. Само собою наше единство положитъ въ мірѣ начало могущественной инициативѣ.

Голый фактъ нашего существованія въ формѣ націи даетъ начало важному преобразованію во внутренней и вѣншей жизни Европы.

Когда мы возвратимъ себѣ Римъ, то это будетъ для того, чтобы разрушить папство и провозгласить, ко благу всего человѣчества, свободу совѣсти, которую реформація 16-го вѣка приобрѣла только для одной части Европы.

Великія идеи образуютъ великіе народы и одного чувства изумительной силы, нераздѣльной съ существованіемъ нашей Италіи какъ націи, достаточно для того, чтобы сдѣлать насъ великими. Сознаюсь, и Богъ видитъ съ какою горечью, что этого чувства у насъ нѣтъ.

Теперь одно слово объ амнистіи.

Если бы я расположенъ былъ повиноваться личнымъ соображеніямъ, когда дѣло идетъ о спасеніи моего отечества, я могъ бы отвѣчать, что изъ всѣхъ знающихъ меня людей не найдется никого, кто посовѣтовалъ бы мнѣ отказать отъ моего прошлаго и запятнать немногіе годы остающейся мнѣ жизни, принятіемъ предложенія простить мнѣ то, что я болѣе всего на свѣтѣ любилъ — Италію, что я боролся за итальянское единство въ то время, когда, въ мнѣніи всѣхъ, оно было химерой.

Всего менѣе я думаю оправдываться и послѣдствія покажутъ, что принесеніе въ жертву моего личнаго достоинства было бы бесполезно.

Въ моихъ прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ трудахъ для дѣла нравственнаго и политическаго возрожденія моей страны, я руководился, руководюсь и буду руководиться религиозною идеей.

Въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ, правители наши заблуждались, заблуждаются и будутъ заблуждаться матеріализмомъ.

Религиозный вопросъ воплощаетъ въ себѣ всѣ другіе и преобладаетъ надъ ними. Политическіе вопросы по необходимости второстепенны и побочны.

«Люди, серьезно вѣрующіе въ превосходство нравственнаго закона, какъ единственнаго чистаго источника всякой власти, которые вѣрують въ религію долга, такіе люди, каково-бы ни было ихъ личное самоотверженіе, не могутъ дѣйствовать за одно съ правительствомъ, основаннымъ на обожаніи временныхъ и матеріальныхъ интересовъ.

«У нашихъ правителей нѣтъ великой идеи, руководящей ихъ дѣйствіями; нѣтъ вѣрованія въ превосходство нравственнаго закона; нѣтъ истинной идеи о жизни и единствѣ человѣческаго рода; нѣтъ никакого сознанія о цѣли, указанной Богомъ, которую человѣчество должно достигнуть трудомъ и жертвами. Они — матеріалисты, и, какъ логическое послѣдствіе отсутствія всякой вѣры въ Бога и Его законъ, они замѣняютъ понятіе долга понятіемъ выгоды, смѣлое утвержденіе истины смутнымъ понятіемъ о знаніи.

«Вотъ почему они протестуютъ противъ несправедливости, не смѣя бороться съ нею; вотъ почему они оставили большую дорогу и пошли по извилистымъ тропинкамъ, оболыщенные тщеславнымъ желаніемъ разыгрывать роль государственныхъ людей; они забыли, что наши государственные люди и привели насъ къ рабству. Вотъ почему наше правительство унизило Италію до положенія французской префектуры; вотъ почему наша парламентская оппозиція перенимаетъ печальныя заблужденія «лѣвой стороны» французскихъ палатъ временъ реставраціи.

«Факты эти, повторяю, суть слѣдствія, а не причины. Мы можемъ перемѣнять личности, стоящія во главѣ управленія, они всегда будутъ руководствоваться тою же пагубною и ложною идеею, такъ какъ самая система основана на ложномъ принципѣ. Они неспособны направить по честному пути обновленную жизнь итальянскаго народа, вырвать его изъ глубокой и старой безнравственности.

«Теперь, такъ какъ нельзя служить Богу и Мамонѣ въ одно и то же время, то обязанность демократической партіи въ Италіи состоитъ въ заботѣ о народномъ воспитаніи; а такъ какъ основа всякаго воспитанія есть истина, то надо стараться доказать, что безсиліе и политическая испорченность Италіи происходятъ отъ двухъ причинъ, которыя можно привести въ одной:

«У насъ нѣтъ религіи, а на мѣсто ея мы поставили отрицаніе.»

«Съ одной стороны, какъ форма и подобіе религіи, у насъ есть папство.

«Я помню, что тридцать лѣтъ назадъ, когда еще никто не смѣлъ открыто приступать къ этому вопросу, когда самые смѣлые ограничивались тѣмъ, что потихоньку говорили о необходимости преобразовать церковную дисциплину, когда писатели, съ претензіями на философію, какъ Джоберти, думали выказать знаніе, лаская утопію итальянской гегемоніи, основанной на какомъ-то невозможномъ возрожденіи католицизма, — еще въ то время я писалъ, что папство и католицизмъ — два свѣтильника, потухшіе по недостатку масла.

«Я разумѣлъ догматъ, дававшій имъ жизнь.

«Время подтвердило мое сужденіе. Въ настоящую минуту папство — трупъ, который ничто не можетъ гальванизировать, — неодушевленная маска религіи.

«Это происходитъ не потому, что кардиналы, епископы и монахи три вѣка торговали индульгенціями; не потому, что тотъ или другой папа, подлыми уступками и семейными связями, старались пріобрѣсти клочекъ территоріи или крупицу свѣтской власти; не потому, что папы часто управляли по своему капризу. Это происходитъ отъ того, что если бы они и хотѣли, то не могли бы дѣйствовать иначе.

«Это зло и ошибки не суть причины, но послѣдствія. Если допустить даже невозможную гипотезу обращенія порочныхъ людей, пусть янсенисты или другіе реформаторы призвуть, окруженныхъ дурными совѣтчиками, папъ къ милосердію и смиренію первыхъ вѣковъ, — они только помогутъ папству умереть болѣе достойнымъ образомъ, но никогда не возвратятъ ему его прежнюю роль — руководителя совѣсти народовъ.

«Призваніе папства (такое великое и священное, что бы ни говорили теперь фанатики возмущенія, извращая исторію, и клевета, въ прошедшемъ, на сердце и духъ человѣчества) исполнилось шесть вѣковъ тому назадъ; ни могущество генія, ни чуда воли не воскресятъ его. Оно лишено всякаго вдохновляющаго вліянія на цивилизацію; оно сдѣлалось безсильнымъ отрицаніемъ всякаго движенія, всякой свободы, всякаго развитія въ наукѣ и жизни; оно не обладаетъ ни чувствомъ долга, ни способностью самопожертвованія, ни вѣрою въ свою судьбу; оно поддерживается чужестранными штыками и дрожитъ передъ лицомъ народовъ, оставленное человѣчествомъ, ищущимъ въ другомъ мѣстѣ путей прогресса.

«Въ наше время папство утратило всякую нравственную основу, свою цѣль, санкцію, свой источникъ силы.

«Вотъ почему папство при послѣднемъ издыханіи. Провозглашать это безъ лицемѣрныхъ колебаній, безъ притворнаго уваженія къ тому, на чтѣ мы нападаемъ, не затягивая вопроса вмѣсто того, чтобъ разрѣшить его — есть долгъ каждаго. Будущее не можетъ быть открыто во всей своей полнотѣ до тѣхъ поръ, пока прошедшее не погребено какъ слѣдуетъ, и медля изъ слабости, мы рискуемъ ввести антоновъ огонь въ рану.

«Порвавъ всѣ связи съ небомъ, бесполезное на землѣ, готовящейся привѣтствовать зарю новаго догмата, папство, когда-то полезное и святое, не имѣетъ болѣе причинъ для своего существованія.

«Когда-то полезное и святое», — это говорю я; ибо безъ единства нравственной жизни, въ которомъ насъ папство поддерживало болѣе восьми вѣковъ, мы бы не были теперь готовы осуществить будущее единство; безъ догмата равенства людей на небѣ, мы бы никогда не могли провозгласить равенство людей на землѣ.

«Поэтому, долгъ всякаго, принимающаго въ сердцу торжество истины, — вести войну съ самимъ папствомъ, а не только съ его свѣтской властью, потому, что невозможно было бы отказать въ этой власти представителю Бога на землѣ. Мы должны доказать, что догматы, основа учрежденія, сдѣлались недостаточными, что они не отвѣчаютъ болѣе нравственнымъ нуждамъ, стремленіямъ, рождающейся вѣрѣ челоуѣчества.

«Тѣ, которые, въ наше время, нападаютъ на владѣтеля Рима, ставя своею профессіею уважать папу и быть искренними католиками, тѣ впадаютъ или въ очевидное противорѣчіе, или въ лицемѣріе.

«Думающіе разрѣшить задачу учрежденіемъ свободной церкви въ свободномъ государствѣ, находятся подъ вліяніемъ достойной сожалѣнія трусости или лишены всякаго нравственнаго убѣжденія.

«Отдѣленіе церкви отъ государства имѣетъ хорошую сторону, какъ оружіе для обороны противъ церкви, недостойной болѣе своего имени. До тѣхъ поръ, пока она будетъ отдѣлена отъ государства, церковь всегда будетъ стремиться къ тому, чтобы возвратитъ себѣ преобладаніе надъ нимъ въ интересахъ стараго догмата. Если государство освободится отъ вѣры отрицательною политикою, какъ на примѣръ посредствомъ атенстическаго и равнодушнаго парламента, оно станетъ добычею анархической доктрины, владычества личности и поклоненія выгодамъ; оно впадаетъ въ эгоизмъ, въ обожаніе совершившагося

факта, и отсюда, по неизбежному пути — въ деспотизмъ, единственное лекарство для золь анархіи.

«Если мы захотимъ видѣть примѣръ этого у современныхъ намъ народовъ, то намъ стоитъ только взглянуть по другую сторону Альповъ.

«Съ другой стороны противоположенъ папству, но служить одинаково источникомъ испорченности, — матеріализмъ.

«Матеріализмъ явленіе старое, весьма извѣстное въ исторіи и нераздѣльное отъ смерти религіознаго догмата, — это философія всѣхъ умирающихъ эпохъ и всѣхъ близкихъ къ упадку народовъ. Это реакція поверхностныхъ умовъ, которые, будучи неспособны возвыситься до широкаго и полнаго взгляда на жизнь человѣчества, неспособны усвоить себѣ, по преданію, существенныя черты ея, отвергаютъ религіозный идеаль въ цѣломъ, вмѣсто того, чтобы просто констатировать смерть одного воплощенія этого идеала.

«Лютеръ сравнивалъ человѣческій умъ съ пьянымъ мужикомъ, падающимъ то на одну, то на другую сторону лошади; въ примѣненіи къ временамъ переходнымъ, каково наше, — сравненіе это покажется чрезвычайно вѣрнымъ. Итальянская молодежь, грубо освобожденная отъ трехвѣкового рабскаго воспитанія, упоенная своею свободою, стоитъ лицомъ къ лицу съ первою, болѣе не вѣрющею даже въ себя. Эта молодежь видитъ, что существующій догматъ въ очевидномъ противорѣчій съ преобладающей идеей, управляющею всѣми стремленіями нашей эпохи; что догматическое понятіе о божествѣ ниже того, что намъ открываетъ наука, человѣческое сознаніе, философія и болѣе высокое понятіе о жизни, извлеченное изъ изученія исторіи человѣчества. Увѣренная, что она устанавливаетъ свою нравственную свободу на непоколебимомъ и вѣчномъ основаніи, эта молодежь отвергаетъ, въ цѣломъ, всякую идею о церкви, догматѣ и Богѣ.

«Говоря философски, эти необдуманная преувеличенія, исходя отъ людей, поднимающихъ знамя разрушенія, не угрожаютъ никакою серьезною опасностію человѣческому прогрессу. Обыденное повтореніе того, что всегда бываетъ на закатѣ и при смерти всѣхъ догматовъ, эти заблужденія пройдутъ рано или поздно, какъ они всегда проходили. Настанетъ день, когда наша молодежь замѣтитъ, что она не выказала много здраваго смысла, отвергая, кромѣ догматовъ, существованіе Бога и религіозную жизнь человѣчества. Она скажетъ себѣ, что ея предки, отверг-

нужь и разбивъ феодальную систему, могли бы на тѣхъ же основаніяхъ отбросить и всякую форму соціальной организаціи или объявить искусство навсегда исчезнувшимъ во время переходнаго періода, когда греческая форма перестала отвѣчать стремленіямъ, посредствомъ которыхъ человѣческій духъ прокладывалъ пути средневѣковымъ соборамъ и школамъ христіанскаго искусства.

«Искусство, общество, религія, все это неразлучно съ человѣческой жизнью, прогрессивно и вѣчно какъ жизнь. Каждая эпоха человѣчества всегда имѣла и всегда будетъ имѣть свое особенное соціальное, артистическое и религіозное выраженіе. Во всякую эпоху человѣкъ будетъ спрашивать у преданія и у сознанія, — откуда онъ происходитъ и куда онъ идетъ, какими путями онъ можетъ достичь цѣли; онъ всегда будетъ стараться разрѣшить задачу, возбуждаемую присутствіемъ въ немъ идеи о безконечномъ и идеалѣ, достигнуть котораго невозможно въ конечныхъ условіяхъ его земнаго существованія. Отъ времени до времени онъ будетъ ставить новые вопросы по мѣрѣ того, какъ горизонтъ преданія расширяется прогрессомъ и сознаніе человѣка просвѣтляется; но, конечно, это рѣшеніе никогда не будетъ голымъ и сухимъ отрицаніемъ.

«Пусть матеріалисты отвергаютъ уроки исторіи, пусть они заключаютъ себя въ механизмъ аналитическаго наблюденія, пусть они замѣняютъ біологію и психологію ихъ скудной и сухою фізіологіею; не будучи въ состояніи, посредствомъ таковаго несовершеннаго метода, понять законы и первыя причины вещей, они сердятся какъ дѣти, отрицаютъ существованіе этихъ законовъ и объявляютъ, что все человѣчество ошибалось и было ослѣплено до нихъ. Еслибы Италия была уже націею хотя бы только полѣвка, я бы не видѣлъ въ ихъ ученіяхъ и тѣни дѣйствительной опасности. Человѣчество не сойдетъ для нихъ съ своего пути. Въ нашъ вѣкъ, когда открытія всѣхъ великихъ мыслителей подтверждаютъ существованіе разумнаго и предуставленнаго закона единства и прогресса, проповѣдь матеріализма подъ именемъ науки со стороны людей, перелиставшихъ брошюру Фогта или присутствовавшихъ на лекціи Молешотта, — болѣе смѣшить, нежели сердить.

«Но Италия еще не образовавшаяся нація. Это нація еще образующаяся. Настоящая минута важна и знаменательна. Подобно первымъ примѣрамъ, приводимымъ дѣтямъ, первые уроки, преподаваемые народу, прошедшее котораго полно заблужденій и испорченности, который еще колеблется въ выборѣ своего будущаго, могутъ имѣть самыя важныя послѣдствія. Еслибы ученіе федерализма проповѣдывать во Франціи теперь, то оно было

бы безобидною утопией, но въ первые годы революціи оно чуть не погубило страну. Оно открывало путь чужеземному оружію, оно вынудило «Гору» на кровавыя и ужасныя репрессивныя мѣры. Таковы для насъ печальныя ученія, о которыхъ я говорю.

«Судьба предлагаетъ намъ великое и святое призваніе, которое можетъ быть замедлено на полвѣка, если мы не сзумѣемъ выполнить его теперь. Всякое промедленіе, всякая ошибка можетъ быть пагубною и народъ, который долженъ служить намъ помощникомъ, остается безъ образованія, готовый слушать всѣ заблужденія, лишь бы ему говорили о войнѣ съ прошлымъ, готовый, во привычкѣ долгаго рабства, впадать въ эгоизмъ.

«Тенденція матеріалистическаго ученія заключается въ приведеніи массъ въ эгоизму путемъ личныхъ выгодъ. Поэтому я пугаюсь, когда слышу, что у насъ эти ученія проповѣдуются многочисленною молодежью, столько же великодушною, сколько и вѣтренною; я умоляю ее, во имя всего для нея священнаго, глубоко обдумать нравственныя послѣдствія ихъ, и особенно изучить ихъ дѣйствіе на примѣрѣ сосѣдней націи, въ послѣднее столѣтіе доведшей отрицаніе до крайности, а теперь погруженной въ матеріальные интересы.

«Всякое заблужденіе есть преступленіе со стороны тѣхъ, кто долженъ бодрствовать у колыбели націи.

«Нужно выбрать одно изъ двухъ: или идею Бога, нравственнаго закона, исходящаго изъ него человѣческаго долга, свободно-принятаго человѣческимъ родомъ, какъ практическое послѣдствіе этого закона, — или идею силы вещей, управляющую всѣмъ; и какъ практическое слѣдствіе, — поклоненіе силъ индивидуальной или успѣху, всемогуществу факта.

«Эта дилемма не имѣетъ исхода.

«Нужно или допустить господство цѣли, предписанной совестью, которой содѣйствовать должны всѣ люди, составляющие націю, и преслѣдованіе которой составляетъ *національность* народа въ средѣ множества народовъ, составляющихъ человечество, цѣль всѣми признанную за высшую и, слѣдовательно, религіозную; или нужно допустить для всякой націи господство *права*, опредѣляемаго, и какъ практическое послѣдствіе, — преслѣдованіе каждою личностью своего личнаго интереса, удовлетвореніе своихъ собственныхъ желаній, своего собственнаго благосостоянія; — ничтожество высшаго долга, которому бы всѣ граждане, отъ правителей до послѣдняго изъ управляемыхъ, обязаны были повиноваться и приносить себя въ жертву.

«Какое изъ этихъ ученій будетъ болѣе дѣйствительнымъ для того, чтобы привести напу страну къ великимъ дѣламъ?

«Ученые, умные люди, люди добродѣтельные охотно допускаютъ, что благосостояніе отдѣльной личности должно совпадать, даже цѣною нѣкоторыхъ пожертвованій, съ общимъ благосостояніемъ; но не будемъ забывать, что подъ своимъ благосостояніемъ, толпа всегда будетъ понимать матеріальныя наслажденія; что она отброситъ, какъ ненужный грузъ, всякую идею о пожертвованіи, что она захочетъ быть счастливою по своему, даже въ ущербъ другимъ.

«Она будетъ искать своего счастья одинъ день въ свободѣ, другой—въ обманчивыхъ обѣщаніяхъ деспота; но неизбѣжный практическій результатъ этого ученія о правѣ на счастье, будетъ погоня за грубымъ удовлетвореніемъ индивидуальнаго эгоизма.

«Странное противорѣчіе! Люди, которые должны противодействовать практическому эгоизму, привитому итальянцамъ тиранией, которые должны вдохновлять ихъ священной преданностью отечеству, образовать изъ нихъ великую, передовую націю, — эти люди, какъ первую умственную пищу, подносятъ народу, возрождающемуся къ новой жизни, сильному только добрыми инстинктами и простотою ума, — теорію, конечныя послѣдствія которой направлены къ упроченію эгоизма на основаніи права.

«Эти люди хотятъ, чтобы народъ достойно несъ тяжесть великихъ традицій прошлаго, когда съ одного конца страны до другого, папы, принцы, военные начальники, ученые, попирали дерзко ногами свободу, или измѣняли ей съ подлымъ равнодушіемъ. И они проповѣдуютъ ему ученіе, отнимающее у него всякую вѣру въ прогрессъ, всякую охоту содѣйствовать ему, жертвуя собою изъ благороднаго стремленія. Они отнимаютъ у него вѣру, позволяющую рассчитывать на побѣду и дѣлающую поражение плодотворнымъ для торжества. Тѣ же самые люди, которые предписываютъ народу долгъ проливать свою кровь за идею, начинаютъ съ того, что говорятъ ему: «Не надѣйтесь ни на какую будущую жизнь. Вѣра въ безсмертіе, этотъ прекрасный урокъ, переданный вамъ древнимъ человѣчествомъ,—ложь. Порывъ вѣтра, малѣйшій недостатокъ равновѣсія въ животныхъ отправленияхъ, уничтожаетъ васъ безвозвратно. Вы даже не можете быть увѣрены, что результаты вашихъ трудовъ будутъ долговѣчны. Нѣтъ законовъ Провидѣнію, поэтому не существуетъ никакой возможной теоріи будущаго. То, что вы строите сегодня, завтра можетъ быть опрокинуто неожиданнымъ событіемъ, слѣпою силою, случайнымъ обстоятельствомъ.

«Для того, чтобы ободрить своихъ братьевъ и возбудить ихъ духъ, они учатъ ихъ, что они ничто иное, какъ прахъ; что

мысль какого-нибудь Кеплера или Данта есть пылъ или, скорѣе, фосфоръ; что гений Прометея никогда не похищаль у неба божественную искру; что нравственный законъ, свободная воля, достоинство, усовершенствованіе себя суть не болѣе, какъ иллюзіи; что нами управляютъ событія, слѣдующія одно за другимъ, что они — наши властелины неумолимы, безотвѣтны, въ отношеніи которыхъ человѣческая воля бессильна.

«И они не видятъ, что дѣйствуя такъ, они упрочиваютъ рабскую покорность совершившемуся факту, доктрину приспособленія къ обстоятельствамъ, выродившійся магіавелизмъ, поклоненіе интересамъ минуты, равнодушіе ко всѣмъ великимъ идеямъ, однимъ словомъ все то, что выступаетъ въ настоящее время въ нашей странѣ, гдѣ высшіе классы измѣняютъ своему національному долгу, гдѣ массы погружены въ тупую покорность»....

Эти страницы можно назвать почти послѣдними страницами въ жизни Маццини и по времени, когда онѣ были написаны и по законченности изображенія тѣхъ идей, которыя лежали въ основаніи всей его дѣятельности. Впрочемъ, онъ самъ сознавалъ, что осуществленія своихъ стремленій онъ не можетъ ожидать отъ современниковъ, но вѣра въ лучшее будущее препятствовала Маццини колебаться и отступать. Позже, вспоминая объ «Юной Италіи», задуманной имъ во время его заключенія въ Савоннѣ, онъ писалъ: «объ этомъ я мечталъ при вечернемъ допросѣ Антоніетти, въ моей тюрьмѣ въ Савоннѣ, и слушая наставленія коменданта Фонтана. То же я думаю и теперь, сидя въ комнатѣ не болѣе обширной, чѣмъ моя прежняя тюрьма. Эти мысли стоили мнѣ названія утописта и сумасшедшаго, оскорбленій и разочарованій, которыя часто заставляли меня жалѣть о моей тюрьмѣ въ Савоннѣ, между небомъ и землею, далеко отъ общества людей. Будущее покажетъ, — прозрѣвалъ ли я, или бредилъ. Господство безнравственныхъ матеріалистовъ, превозносимыхъ невѣжественною и испорченною толпою, противорѣчить, повидимому, моимъ надеждамъ. Но то, что есть смерть для другихъ народовъ, — сонъ для Италіи».

В. И.

ДЕКАБРЬСКІЙ ПЕРЕВОРОТЪ

80

Ф Р А Н Ц И И.

E. Tenot.—Paris en Décembre 1851. Étude historique sur le Coup d'État. 1868.—*E. Tenot.*—La Province en Décembre 1851. Étude historique. 1865, 1868. *Le Coup d'État* du 2 Décembre 1851, par les Auteurs du Dictionnaire de la Révolution française. Décembre-Alonier. 1868.—*Ch. Dumoyet.*—Le Second Empire et une nouvelle Restauration. 2 vols. *Londres.* 1864.—*Al. Kinglake.*—L'Invasion de la Crimée, trad. par T. Karcher. t. 1. Bruxelles. 1864.—*L. Véron.*—Mémoires d'un Bourgeois de Paris. T. 6-me. Paris. 1855. *Granier de Cassagnac.*—Récit complet et authentique des événements de Decembre 1851. Paris, 1851.—*L. Blanc.*—Révélationes historiques. 2 vols. Bruxelles. 1859.—*J. P. Proudhon.*—Mélanges. Articles de journaux (1848—1852). t. XVII. Paris. 1868.—*A. Vermorel.*—Les hommes de 1848. Paris 1869.—*T. Delord.*—Histoire du second Empire. Paris 1869. T. 1-er.—Histoire de conseils de guerres de 1852 etc. Paris 1869. Décembre-Alonier.

VII *).

Въ исторіи «декабрьскаго переворота» насъ должна интересовать не сценическая его сторона, которую притомъ изложилъ столь превосходно Тенó, но именно сложныя причины, обусловившія возможность переворота и тѣ болѣзненные симптомы, которые ему предшествовали. Обстоятельное изслѣдованіе этихъ причинъ и указаніе симптомовъ важно не только для настоящаго, но и для будущаго Франціи, и вмѣстѣ съ нею и всей Европы. Политическія грозы, періодически собирающіяся на горизонтѣ Франціи и снова быть можетъ готовыя разразиться въ скоромъ

*) См. выше, мартъ, 352 стр. и слѣд.

временн; новыя событія, могущія сложиться болѣе или менѣе неожиданно во Франціи и измѣнить въ ней существующіе порядки—не застанутъ насъ въ расплохъ, если мы заранѣе ознакомимся съ тѣми партіями и съ тѣми личностями партій, которыя, къ ущербу народнаго блага, имѣютъ обыкновеніе во Франціи долго оставаться на политической сценѣ и разыгрывать ту или другую вліятельную роль.

Всякій, кто внимательно слѣдитъ за текущею политикою Франціи, знаетъ, что въ ней являются, какъ на парламентской, такъ и на публицистической аренѣ, за немногими исключеніями, не еще тѣ же личности старыхъ временъ и прошлыхъ режимовъ; и очень вѣроятно предположить, что тѣ же самыя личности зачатъ опять играть передовую роль спасителей и верховныхъ правителей страны. Въ такъ-называемомъ высшемъ и среднемъ французскомъ обществѣ не оказывается новыхъ производителей свѣль, и руководство всеми государственными интересами остается въ рукахъ старыхъ вожаковъ и ихъ старыхъ сподручниковъ,—только съ небольшими видоизмѣненіями, вызываемыми временемъ и сводящимися въ болѣе части случаевъ на видоизмѣненія въ условной риторикѣ. Ясно, съ одной стороны, что вторая имперія не даетъ простора развиваться молодымъ новымъ антагонистамъ своимъ; съ другой стороны подобное явленіе объясняется тѣмъ, что вожаки и приверженцы старыхъ партій никогда не стѣсняются строгой вѣрностью какимъ либо определеннымъ началамъ, которая заставляла бы ихъ держаться,—съ достоинствомъ побѣжденныхъ, но не покорившихся, и не признающихъ законнаго авторитета врага, — въ сторонѣ отъ официальныхъ сферъ и учреждений, установленныхъ враждебнымъ режимомъ. Наоборотъ, приверженцы старыхъ партій очень удобно строятся съ каждымъ новымъ режимомъ и каждому изъ нихъ кланутся въ вѣрности и преданности; и конечно странно окажется свѣжему человѣку, что легитимисты, какъ покойный Орлеанъ и К^о, явные орлеанисты, какъ Тьеръ и К^о; тайные, т. е. скрывающіеся республиканизмомъ орлеанисты, какъ Ж. Симонъ и К^о, и наконецъ политическіе дѣятели, называющіе себя республиканцами, какъ Жюль Фавръ, Пельтанъ и проч., все они присягаютъ вѣрности Наполеону III, котораго считаютъ законнымъ узурпаторомъ! — Конечно, это не менѣе странно въ то время, когда, почти на другой же день февральской революціи, явные виновники народнаго негодованія—Гизо и Дюшатель—являются предъ французскимъ народомъ, которому они отказывали въ какомъ бы то ни было правѣ на участіе въ полити-

ческихъ судьбахъ, Франціи, — кандидатами въ національное собраніе!

Очевидно, здѣсь должно имѣть мѣсто одно изъ трехъ предположеній: или всѣ эти люди подчиняются новому режиму съ предварительнымъ намѣреніемъ измѣнить ему при первомъ удобномъ случаѣ; или между всѣми мѣняющимися режимами въ сущности лежитъ такая однородность и такое сходство, что одни и тѣ же люди могутъ служить всѣмъ имъ, нисколько не измѣняя своимъ убѣжденіямъ; или же, наконецъ, у этихъ людей вообще нѣтъ никакихъ убѣжденій и они спѣшаютъ на службу къ каждому режиму единственно изъ-за своихъ личныхъ корыстныхъ интересовъ. Мы, къ сожалѣнію, должны разрѣшить эти предположенія однимъ простымъ отвѣтомъ: они всѣ три имѣютъ одинаковую основательность, потому что къ людямъ старыхъ партій примѣнимы, въ большей или меньшей степени, или всѣ эти три объясненія вмѣстѣ, или одно изъ нихъ порознь. Таково общее поведеніе старыхъ партій, въ которомъ наглядно выражается плохо скрываемая политическая вѣра ихъ (*profession de foi*). Слѣдуетъ только соблюсти при этомъ исключеніе для немногихъ личностей, для тѣхъ, которыя не подходятъ подъ указанные рубрики и остаются въ сторонѣ добросовѣтными, но невѣжественными, ничего не понимающими зрителями совершающихся переменъ въ общественномъ строѣ.

Такимъ взглядомъ на личности старыхъ партій, на ихъ притязательное положеніе относительно возможныхъ случайностей въ будущемъ, руководился одинъ изъ молодыхъ французскихъ писателей — Верморель, въ своемъ недавно появившемся сочиненіи «О людяхъ 1848 года». Оно состоитъ изъ политическихъ біографій 14-ти лицъ, игравшихъ наиболѣе значительныя роли въ революціи 1848 г.; но эти біографіи составлены столь искусно и столь полно, что по нимъ легко прослѣдить всѣ интриги парламентской тактики и всѣ тайныя причины инсurreкціонныхъ кризисовъ февральской революціи. Это не исторія, но это одинъ изъ очень полезныхъ справочныхъ источниковъ для исторіи революціи, полное чтеніе котораго даетъ возможность самому читателю сгруппировать въ своей головѣ послѣдовательный рядъ очень поучительныхъ фактовъ для сужденія о «революціонерахъ» и о «республиканцахъ» 1848-го года. Появленіе книги, очевидно, вызвано всей публицистической и политической агитаціей, пробужденной сочиненіемъ Тено; очевидно, авторъ захотѣлъ внести въ общественное сужденіе, столь шумно поднятое о событіяхъ декабрьскаго переворота, — свой болѣе радикальный, нежели у Тено, взглядъ на дѣятелей всѣхъ партій той эпохи, и вмѣстѣ

съ тѣмъ заставить общество болѣе сосредоточить свое вниманіе на періодъ предшествовавшемъ перевороту, для того, чтобъ въ томъ періодъ искать логическихъ причинъ 2-го декабря. Сочиненіе это составляетъ длинное обстоятельное введеніе къ другому сочиненію о періодъ президентства, которое Верморель общааетъ выпустить въ скоромъ времени.

Но для того, чтобъ не впасть иногда въ ошибку при сужденіяхъ автора о разныхъ личностяхъ, надо помнить положеніе самого Вермореля во французской прессѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ снискалъ себѣ извѣстность, смѣло выступивъ вмѣстѣ съ Кл. Дювернуа въ бывшемъ журналѣ Жирардена «la Presse». Отдѣлившись потомъ отъ Жирардена, онъ сдѣлался главнымъ редакторомъ журнала «le Courrier français», ставшаго органомъ прудоновскихъ воззрѣній. Относительно внутренней политики страны Верморель послѣдовалъ за Прудонъ въ его разоблачающей критикѣ «лжедемократовъ», и «Courrier français», два года тому назадъ, также строго преслѣдовалъ оппозиціонныхъ депутатовъ за ихъ непослѣдовательность, противорѣчія и за суетное, болѣе риторическое и даже пагубное, чѣмъ дѣятельное и полезное служеніе народу,—какъ то дѣлалъ и Прудонъ, въ общему скандалу, въ своемъ памфлетѣ «Les démocrates assermentés» и въ своемъ посмертномъ сочиненіи «О политической способности рабочихъ классовъ.» Если оппозиціонная пресса, бросая въ лицо Прудону обвиненія въ служеніи папству и бонапартизму, никогда однако не отваживалась подозрѣвать его въ продажности, то эта же пресса, отчасти журнальными намеками, отчасти въ своихъ интимныхъ парижскихъ кружкахъ отнеслась къ поведенію послѣдователя Прудона, Вермореля, съ гораздо болѣею нетерпимостью и поставила его въ положеніе весьма двусмысленное: несмотря на нѣсколько мѣсяцевъ тюрьмы, въ которой онъ былъ присужденъ за статьи въ «Courrier français» противъ правительства, онъ и до сихъ поръ не избавился отъ прямого подозрѣнія въ тайныхъ сношеніяхъ съ Руэромъ или съ другими правительственными лицами. Озлобленный подобнымъ подозрѣніемъ, Верморель, въ вышедшей книгѣ, отбросилъ всякія церемоніи и нисколько не стѣсняется въ самыхъ крайнихъ и рѣзкихъ приговорахъ людямъ, которые, по его мнѣнію, «не понимаютъ и не хотятъ понять экономическихъ и социальныхъ вопросовъ, которымъ усилія рабочихъ въ этомъ отношеніи кажутся подозрительными, которые видятъ въ тѣхъ усиліяхъ пагубное отвлеченіе отъ заботъ политическихъ и которымъ все это представляется плодомъ тайнаго соглашенія съ *правительствомъ*: на столь велико ихъ невѣжество и на столь закоренѣлы ихъ пред-

разсудки!» (стр. 409). Выхода изъ такого положенія, Верморель является болѣе строгимъ къ дѣателямъ 48-го года, чѣмъ въ самому Наполеону III-му, и ихъ роль представляется ему болѣе ненавистною, чѣмъ даже роль президента: «2-го декабря 1851 г. принцъ Луи-Наполеонъ ниспровергнулъ республику, чтобъ высить свою власть на ея развалинахъ: по крайней мѣрѣ принцъ Луи-Наполеонъ не пытался заставить республиканскую идею раздѣлится съ нимъ солидарность въ его насиліяхъ, гоненіяхъ и деспотизмѣ; тогда какъ г. Кавеньякъ тѣмъ упорствомъ, съ которымъ силился поставить всѣ свои дѣйствія подѣ сѣнь республики, обезчестилъ бы республиканскую идею, еслибъ мы энергически не отвергали его изъ нашихъ рядовъ» (стр. 354). Очевидно, что авторъ увлекся въ своемъ приговорѣ и забылъ, что принцъ Луи-Наполеонъ, точно такъ же какъ и всѣ другіе, влялся въ вѣрности республикѣ и гораздо болѣе чѣмъ Кавеньякъ, съ гораздо болѣе большимъ пониманіемъ и ловкостью игралъ съ народными массами, единственно въ виду личныхъ интересовъ, — то принимая дѣятельное участіе, какъ мы увидимъ ниже, въ ограниченіи всеобщей подачи голосовъ, то возбуждая народъ противъ національнаго собранія, будто бы въ огражденіе этой подачи, и общая народу осуществленіе всѣхъ благъ, лишь бы власть досталась въ его руки; то лѣтя крайней партіи и ища себѣ опоры въ социалистско-демократическомъ лагерѣ, то терроризируя привилегированные классы пугаломъ социализма; и въ концѣ концовъ, съ одинаково ненужнымъ и совершенно лишнимъ, даже для его видовъ, неистовствомъ, побивая и всѣ партіи и самый народъ, наводняя Францію кровью и опустошая ее депортациями.

Гораздо правдивѣе поступаетъ Верморель какъ историкъ, когда говоритъ въ концѣ книги: «нѣтъ, неправда, что 2-е декабря отишло за 24-е іюня; та же самая мысль безпощадной реакціи противъ экономическаго вопроса и противъ свободы руководила виновниками этихъ двухъ актовъ, и оба числа, 24 іюня 1848 г. и 2-е декабря 1851 г., должны остаться одинаково пагубными.»

Связаннаго достаточно, чтобъ знать, какъ слѣдуетъ относиться къ сужденіямъ и отзывамъ Вермореля, и принимая въ расчетъ главнымъ образомъ подробное фактическое изложеніе изъ исторіи 48-го года, мы могли смѣло рекомендовать книгу, цѣль и побужденіе которой авторъ самъ высказываетъ прямо и безъ всякихъ прикрытій: «Мы пишемъ нашу книгу для того, чтобъ возстановить, по точнымъ документамъ, характеръ лицъ и вещей современной эпохи. Эта книга обращается преимущественно къ молодежи и къ народу, которые, недавно вступивъ въ обществен-

ную жизнь, не всегда обстоятельно знаютъ событія прошлаго и не имѣютъ подъ руками полезныхъ данныхъ для самостоятельнаго сужденія о нихъ. А между тѣмъ очень важно, чтобъ люди снова не впали столь глубоко въ прежнія ошибки, въ тѣ же самыя засады, въ тѣ же самыя иллюзіи, и чтобъ умѣли воспользоваться столь дорого купленною опытностью.... Мы остановились на 48-мъ годѣ, потому что этотъ годъ является приваломъ тѣхъ, которые вступили при Луи-Филиппѣ въ движеніе либеральной и революціонной оппозиціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ точку отправленія тѣхъ, которые вступили въ это движеніе съ тѣхъ поръ. Всѣ наши, сколько-нибудь значительныя лица, всѣ болѣе или менѣе принимали участіе въ событіяхъ той эпохи, и при такихъ условіяхъ, которыя позволяли имъ обнаружить ихъ характеры и ихъ способности.... Но мы, конечно, не хотимъ дѣлать изъ нашего сочиненія простую книгу о личностяхъ, и стараемся извлечь изъ данныхъ примѣровъ болѣе высокое ученіе для настоящаго и особенно для будущаго.» (стр. 72).

Предпринимая свой трудъ съ подобной цѣлью и обозрѣвая въ подробности дѣятельность каждаго изъ наиболѣе вліятельныхъ въ свое время лицъ, Верморель не можетъ воздержаться отъ упрека имъ всѣмъ, подобнаго извѣстному упреку бурбонской династіи: «Больше всего заставляеть задуматься то, что эти люди, снова вступившіе теперь въ оппозицію, повидимому, *ничему не научились и все позабыли*». Гг. Одилонъ Барро, Дюфоръ, Дювержье-де-Гораннъ и другіе, даже самъ г. де-Монталамберъ защищаютъ теперь громче, чѣмъ когда-либо, ту самую свободу, отъ которой они отреклись во-время-оно безъ всякой совѣсти. Г. де-Токвилль сталъ въ послѣдніе дни своей жизни оракуломъ либерализма и даже имя г. Леона Фоше произносится съ почетомъ. Г. Од. Барро совершенно готовъ, еслибъ представился случай, снова издать свою консультацію 1832 г. противъ осаднаго положенія ¹⁾ и даже защищать дѣло свободы печати и права собраній! Г. Дюфоръ только и жаждетъ присоединиться къ нему, и когда, нѣсколько времени тому назадъ, поднялся вопросъ о тайнѣ писемъ, оба они были одними изъ первыхъ въ заявленіи своего негодованія. «Либеральный Союзъ» (L'Union Libérale) образовался снова, какъ и въ 1847 г.; и теперь, какъ и тогда, его партизаны поносятъ, какъ враговъ свободы, тѣхъ, кто остается въ отдаленіи, и даже готовы обвинить таковыхъ въ болѣе или менѣе прикрытой приверженности къ произвольному правительству».

¹⁾ Ниже мы увидимъ роль всѣхъ этихъ лицъ въ приготовленіи декабрьскаго переворота и тогда яснѣе представится смыслъ горькихъ намековъ Вермореля.

Этотъ, современный намъ, «либеральный союзъ» состоитъ изъ людей всѣхъ партій безъ различія, соединяющихся между собой въ оппозиціонномъ лагерѣ для одержанія побѣды на выборахъ въ законодательный корпусъ. Въ этой пестрой амальгамѣ различныхъ, враждебныхъ другъ другу интересовъ — легитимисты поддерживаютъ республиканцевъ и республиканцы борются за орлеанистовъ, всѣ руководясь только одною старою парламентскою тактикою созданія оппозиціоннаго большинства. Въ противоположность «либеральному союзу», и даже не согласно съ тѣми республиканцами и демократами, которые хотятъ одержать побѣду на выборахъ или по крайней мѣрѣ измѣрить свои силы, не прибѣгая къ искусственнымъ и отвергаемымъ ими союзамъ, — прудонисты, въ томъ числѣ и Верморель, проповѣдовали до сихъ поръ, вслѣдъ за Прудономъ, полное воздержаніе отъ всякаго участія въ выборахъ, считая такое участіе уже само по себѣ за добровольное признаніе законности насильственнаго режима.

Такимъ образомъ, самое существованіе «либеральнаго союза» подтверждаетъ еще болѣе нашу мысль о полезности и необходимости ближайшаго ознакомленія съ событіями, предшествовавшими декабрьскому перевороту, а чрезъ то и съ общественными дѣятелями ¹⁾, игравшими, играющими и снова намѣревающимися играть вліятельныя роли въ судьбахъ Франціи, если только Франція не заставитъ ихъ обчесться въ своемъ расчетѣ и не поблагодаритъ ихъ всѣхъ за медвѣжьи услуги, объявивъ себя на-

¹⁾ Въ данную минуту на политическую сцену Франціи какъ разъ хочетъ опять выступить одинъ изъ главныхъ сподручниковъ переворота, одинъ изъ главныхъ агитаторовъ клерикальной партіи — г. де-Фаллу, дѣйствія котораго, какъ министра народнаго просвѣщенія въ кабинетѣ президента въ 49 г., мы увидимъ ниже. Одинъ изъ главныхъ виновниковъ июнскаго кровопролитія въ 1848 году, г. де-Фаллу выступаетъ теперь предъ избирателями съ манифестомъ въ «*Correspondent*». Онъ сваливаетъ всю вину июньскихъ дней только на радикаловъ и клянется служить свободѣ противъ нынѣшняго правительства. Новый журналъ «*Le Reveil*» посвящаетъ этому манифесту де-Фаллу суровую статью, въ которой разоблачаетъ возобновеніе интригантской игры: «Въ виду близкихъ выборовъ, «благородные умы принявшіе переворотъ», являются теперь чтобы разбить въ прахъ учрежденія основанныя только благодаря ихъ интригамъ. Въ отчаяніи, что глупо упустили власть, которую держали въ рукахъ, они пытаются, при помощи новыхъ комбинацій, конфисковать въ свою пользу великодушныя и мужественныя стремленія демократіи.... Въ теченіи 20 лѣтъ, ихъ фразеологія не измѣнилась. Сегодня тѣ же самыя слова; завтра тѣ же самыя поступки. Г. де-Фаллу справедливо сказалъ: «въ воспоминаніяхъ прошлаго есть урокъ для настоящаго.» Пусть они употребятъ, наша память также важна какъ и его, и урокъ не будетъ потерянъ... «либеральный союзъ» имѣетъ претензію стереть воспоминаніе нашихъ гражданскихъ распрей и имена его кандидатомъ раздаются въ нашихъ ушахъ какъ вызовъ.... къ счастью «еще не всѣ свидѣтели умерли!» (*Le Reveil*, № 38.)

юонецъ совершеннолѣтней и не нуждающагося въ безкорыстныхъ опекунахъ.

Другое литературное произведеніе, конечно, вызванное тою же самой оппозиціей и можно смѣло сказать, благодаря смѣлой инициативѣ Тено, — принадлежитъ перу Таксиль Делора, публициста, составившаго свою извѣстность на страницахъ того же *Siècle*, къ которому принадлежитъ и Тено. Книга Делора успѣла также въ короткое время разойтись въ нѣсколькихъ изданіяхъ, несмотря на то, что это еще только первый томъ сочиненія, гораздо болѣе обширнаго, чѣмъ книга Тено, и обнимающаго собою всю исторію второй имперіи. Двѣ трети выпущеннаго перваго тома составляютъ введеніе въ исторію имперіи и прямо относятся къ нашему сюжету, излагая тѣже событія, которыя освѣтилъ Тено, только съ болѣшими подробностями о нѣкоторыхъ изъ предварительныхъ обстоятельствъ и безъ того воздержанія, которое наложилъ на себя Тено. Делоръ не считаетъ нужнымъ скрывать своихъ мнѣній о томъ или другомъ политическомъ актѣ, о той или другой закулисной интригѣ. Напротивъ, онъ старается вполне объяснить корыстныя дѣйствія реакціонерныхъ партій, ясно показать ихъ вражду къ народнымъ стремленіямъ, ихъ вповсюду податливость и даже инициативу во многихъ продѣлахъ бонапартизма, шедшаго къ своему торжеству, въ то время, какъ они мечтали, что бонапартизмъ, въ концѣ концовъ, только имъ же поможетъ довести дѣло до истощенія республики и до конфискаціи ея въ свою собственную пользу.

Съ первой же страницы Делоръ предупреждаетъ читателя и о своемъ отношеніи къ предмету, и о трудности избраннаго имъ изслѣдованія. «Моя задача написать исторію второй имперіи, — особенно трудная для человѣка, принадлежащаго къ партіи, которая наиболѣе сильно боролась противъ восстановленія учрежденій первой имперіи; эта задача дѣлается еще болѣе трудною вслѣдствіе того политическаго режима, подѣ которымъ жила Франція до вышшаго дня. Документы, изъ которыхъ чернаетъ историкъ свои свѣдѣнія, всегда очень многочисленные и любимыя въ свободной странѣ, — рѣдки и малочисленны въ странѣ, гдѣ свобода не существуетъ..... Опытъ, который я представляю публикѣ, во всякомъ случаѣ, написанъ человѣкомъ, который вблизи или издали видѣлъ всѣ событія, и который зналъ болѣшую часть людей, о которыхъ говорить. Моя главная цѣль при публикованіи этого труда заключается въ томъ, чтобъ указать примѣръ, открыть дорогу. Я иду по ней съ увѣренностью человѣка, который полагаетъ, что ему нечего страшиться ни отъ себя самого, ни отъ другихъ; твердая вѣра въ мои принципы

ограждаетъ меня отъ всякаго излишества, желаніе быть безпристрастнымъ предохраняетъ меня отъ всякой мстительности.»

Послѣ таковаго предисловія, авторъ посвящаетъ, какъ мы уже сказали, большую часть вышедшей книги введенію въ исторію второй имперіи, въ немъ старается «объяснить тѣ событія, изъ которыхъ вышла имперія, указать на ту долю вліянія, которою она обязана съ одной стороны событіямъ, съ другой—людямъ.»

Въ данномъ случаѣ свидѣтельство Делора можно противопоставить свидѣтельству Дюнойе: они оба ненавидятъ переворотъ 2-го декабря и оба обвиняютъ съ одинаковымъ негодованіемъ «узурпатора и клятвопреступника»; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, каждый изъ нихъ бросаетъ тяжелые камни обвиненія въ антагонистовъ той или другой партіи. Свидѣтельство Делора сводится на указаніе общей роли реакціи, въ которой бонапартизмъ идетъ рука объ руку съ двумя роялистскими партіями — съ бурбонской и орлеанской, точно также, какъ и на указаніе тѣхъ бѣдствій, которыми реакція наградила народъ за его довѣріе и которыя бонапартизмъ умышленно вызывалъ (какъ въ іюньскіе дни 48-го г.) для того, чтобъ позже явиться спасителемъ буржуазіи отъ народа и народа отъ буржуазіи. Дюнойе, въ свою очередь понося 2-е декабря, изобличая Луи-Наполеона длинными цитатами въ вѣроломствѣ и въ измѣнѣ собственнымъ своимъ увѣреніямъ, въ цѣлыхъ двухъ томахъ, запрещенныхъ во Франціи, силится доказать, что спаситель французскаго общества былъ самозванецъ и вовсе нигѣмъ не призванъ, что онъ обманулъ благородныя партіи и, обезсилить ихъ такъ-сказать секвестромъ важнѣйшихъ членовъ, — разогнаніемъ національнаго собранія, лишилъ чрезъ то Францію ея единственныхъ спасителей, долженствовавшихъ возвратить ей благодѣянія вновь патентованной конституціонной монархіи, уже не по одностороннему образцу орлеанистовъ, а по совокупной модели орлеанистовъ и легитимистовъ, — для чего конечно народъ и затѣвалъ всю февральскую революцію! Но такъ какъ уже принято у партій обвинять другъ друга, то вонечно Дюнойе, — въ качествѣ консервативнаго орлеаниста, мечтавшаго о воссоединеніи двухъ бурбонскихъ линій въ трогательномъ примиреніи, — обвиняетъ партію социалистовъ и республиканцевъ, какъ угрожавшихъ низверженіемъ всѣхъ божескихъ и человѣческихъ учреждений. Но если, при сравненіи двухъ историческихъ свидѣтелей, то-есть, Делора и Дюнойе, съ одной стороны — изъ показаній Делора мы не особенно ясно усматриваемъ доблестныя заслуги республиканской партіи, и даже сомнѣваемся, чтобъ самъ республиканецъ Делоръ могъ опредѣлить отчетливо, къ чему именно

стремилась чисто-республиканская (не социалистическая) партія въ 48-мъ году и какими путями, какими средствами боролась она противъ разрушенія республики реакціонной коалиціей (особенно въ послѣднее время предъ переворотомъ); то съ другой стороны, изъ чтенія всей защитительной и обвинительной рѣчи Дюнойе мы вполнѣ ясно усматриваемъ только одно: насколько ничтожны всѣ аргументы старыхъ династическихъ партій — въ пользу величія реакціоннаго національнаго собранія и за добросовѣстность несчастныхъ спасителей, не успѣвшихъ спасти Францію; насколько жалко долгое двадцатилѣтнее непониманіе и неуразумѣніе этими партіями ихъ бывшаго положенія, и насколько онѣ еще способны — и едва ли это не единственное, къ чему онѣ способны! — обольщаться на счетъ силы своей реторикой, на счетъ того, что можно управлять цѣлою страной звучными, хоть и пустыми рѣчами; и наконецъ, насколько лицемеренъ былъ ихъ паническій страхъ предъ «краснымъ призракомъ» (*spectre rouge*). Это лицемеріе, игравшее столь громадную роль въ участи республики, обличаетъ тотъ же Дюнойе, конечно, самъ того не подозрѣвая: въ обвиненіи противъ Наполеона III, желая увеличить всю вину его преступленія, Дюнойе забываетъ вѣчный конекъ всѣхъ партій о пагубѣ социалистовъ, объ ихъ крамолахъ и свали не грабительскихъ поджиганіяхъ беззащитной страны и т. д. и т. д., и въ забывчивости печатно признается, что социалисты вовсе не представляли опасности обществу!.. Оспаривая тѣ доводы, которые приводятся обыкновенно въ защиту переворота, — т. е. съ одной стороны дѣло самой личной безопасности принца-президента, на свободу котораго будто готовились покуситься союзныя партіи реакціи, съ другой стороны — оправданіе переворота, будто неизбежнаго въ то время, необходимою спасти общество отъ угрозъ «социалистической демагогіи», — Дюнойе вдругъ какъ бы забываетъ то, что разсѣяно по всему его сочиненію — по общепринятому правилу писателей его факціи, — противъ демократическихъ воззненій, и невольно признается, что «*spectre rouge*» не что иное, какъ стратегическая, банальная штука всѣхъ реакцій — всегда и повсюду:

«Нисколько не скрывая опасностей — говоритъ онъ (т. I, стр. 131) — нисколько не желая ослабить болѣе чѣмъ слѣдуетъ впечатлѣніе, которое они оставили въ памяти публики, и принимая за серьезное настолько, насколько справедливо и основательно, то, что они представляли собой угрожающаго для общественнаго порядка, — все же прежде всего (и въ нашемъ счастьи) никакъ нельзя не признать одного обстоятельства:

именно, что опасность не была важною настолько, насколько тому вѣрили пораженные воображенія. Мы можемъ судить такъ уже потому, что, не смотря на столь вызывающую наружу инициативу декабрьскаго переворота, несмотря на всѣ очень удобные поводы, которые могъ почерпнуть въ переворотѣ духъ безпорядка, — виновники анархіи, за весьма небольшимъ исключеніемъ, не дали хода своимъ преступнымъ намѣреніямъ. Дѣло въ томъ, что ихъ сопротивленіе было слабо, часто ничтожно, что они нигдѣ не устояли съ твердостью противъ *правильныхъ силъ общества* (?) и что, наконецъ, вездѣ, благодаря энергическому подавленію, которое они неоднократно претерпѣли предъ тѣмъ, благодаря утратамъ, которыя они понесли, — та страсть, которая одушевляла ихъ прежде, оказалась болѣе или менѣе измѣнившешюся и ослабѣвшешю. Короче, стало очевиднымъ, что вмѣсто того, чтобъ, какъ въ 1848 г., быть послѣдствіемъ убѣжденій восторженныхъ до фанатизма, демократическое движеніе явилось въ сущности *не болѣе какъ обыкновеннымъ разбоемъ и притомъ разбоемъ безъ рѣшимости и безъ энергіи!*

Этихъ словъ самихъ по себѣ довольно, безъ всякихъ комментариевъ, чтобъ опредѣленно знать съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло. Читатель достаточно знаетъ теперь, даже по этимъ немногимъ указаніямъ на авторовъ сочиненій о декабрьскомъ переворотѣ, какія противорѣчивыя показанія представляютъ они историку, какъ перепутаны въ нихъ всѣ роли и побѣдителей и побѣжденныхъ, до того перепутаны, что реакція, которая могла, нисколько не унижая своего достоинства, раздѣлить побѣду съ узурпаторомъ и во всякомъ случаѣ должна была бы приписать самой себѣ значительную долю побѣды, реакція оплакиваетъ свое поражение! Соображая всѣ эти запутанности и наивныя или умышленныя затемненія событій, разоблачая при изслѣдованіи всѣ противорѣчія и всѣ скрытыя, утаенныя до послѣдняго времени мотивы, мы невольно припоминаемъ трагическое восклицаніе въ «Фигаро» — «*Qui trompe-t-on donc ici?*» (Кого же наконецъ здѣсь обманываютъ?). И еслибъ насъ попросили тутъ же отвѣтить на этотъ вопросъ, то мы дѣйствительно затруднились бы кого пожалѣть въ обманѣ: народъ ли или исторію, или же проще, самыя отживающія партіи, о которыхъ теперь можно будетъ справедливо сказать: онѣ ничему не научились, и онѣ никого болѣе не съумѣютъ обмануть! Въ самое послѣднее время, литература декабрьскаго переворота увеличилась брошюрою Гранье-де-Кассаньяка ¹⁾; но достаточно имени Гранье, чтобъ знать, въ

¹⁾ *A. Granier de Cassagnac. Récit authentique des Événements de Décembre 1851. Nouv. éd. précédée d'une introduction. Les Coups d'État. Dentu. 1869.*

чемъ дѣло, чтобъ понять, что такой человѣкъ конечно считаетъ лишнимъ здраваго смысла и логики важдаго, кто дерзнетъ порицать переворотъ 2-го декабря, въ чемъ онъ, конечно, видѣть «замѣнъ диктатуры партій народной волею». Впрочемъ, даѣе мы увидимъ, что предисловіе, которое ярыи публицистъ-депутатъ второй имперіи, предпослалъ новому изданію, не лишено нѣкоторыхъ пикантныхъ указаній и откровеній относительно поведенія главныхъ вождей реакціи. Новая книга — *Исторія военныхъ совѣтовъ 1852* и т. д. — представляетъ собою не много интереснаго послѣ книги Тено «Провинція въ декабрѣ 1851 г.». Та же самая картина повсемѣстнаго движенія и сопротивленія перевороту, та же самая статистика кровавой расправы и вѣроломной клеветы; мѣстами болѣе подробная чѣмъ у Тено, мѣстами болѣе краткая, но лишенная той цѣльности, той связи движенія, которая такъ хорошо представлена у Тено.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію самыхъ событій, путемъ которыхъ Франція перешла отъ 10 декабря 1848 года къ 2 декабря 1851 г., не доживъ до второго воскресенья мѣсяца мая 1852 г., когда долженъ былъ окончиться срокъ правленія гражданина-президента республики, Шарля-Луи-Наполеона Бонапарте.

VIII.

«Смѣѣе же, Бонапарте! Идите *легальными* путями къ монархической реставраціи, противъ которой вы принесли теперь присягу! устроивайте крестовый походъ угнетателей противъ угнетенныхъ, которые дали вамъ пять съ половиною милліоновъ голосовъ. Избранникъ революціи, душите ее, насколько въ васъ хватить силъ на то!»

Такимъ пророчествомъ привѣтствовалъ Прудонъ Луи-Бонапарта, на другой день принесенія имъ присяги въ національномъ собраніи 20 декабря 1848 г. Президентская рѣчь давала Прудону безошибочное указаніе на все дальнѣйшее поведеніе Бонапарта и на всю послѣдующую судьбу второй республики. «Эта рѣчь — говорилъ Прудонъ — подтверждаетъ то, что ранѣе мы могли только подозрѣвать; именно, что президентъ республики есть предназначенный основатель бонапартистской династии. Съ первыхъ словъ его проявляется мысль о монархіи.... И первое министерство г. Бонапарта состоитъ цѣликомъ изъ приверженцевъ конституціонной системы, низвергнутой въ фев-

ралѣ... Президентъ совѣта, г. Одилонъ-Барро, есть тотъ же самый, котораго Луи-Филиппъ предлагалъ странѣ наканунѣ взрыва, уступая въ томъ давленію недовольной буржуазіи и желанію династической оппозиціи... За исключеніемъ нѣсколькихъ новыхъ именъ—какъ имя Бонапарта, замѣняющее имя Орлеанскаго, личный правительственный составъ является того же самаго свойства и достоинства, какимъ былъ и наканунѣ дня, въ который провозглашена республика. Уничтожьте въ своей мысли стрѣльбу на Капуцинскомъ бульварѣ и то, что послѣдовало вслѣдъ за ней вплоть до 20-го декабря, и вы увидите, что въ промежутокъ этихъ 10-ти мѣсяцевъ, исторія не подвинулась впередъ!»

Дѣйствительно, первый актъ президента по выходѣ изъ собранія, могъ не мало удивить наивныхъ людей, мечтавшихъ о какой-то новой эрѣ для Франціи, освобожденной отъ власти и насилія коалиціи. Всѣ мечты республиканцевъ должны были окончателно рушиться, когда узнали списокъ министровъ, назначенныхъ Бонапартомъ, и на развалинахъ республиканскихъ мечтаній должны были развѣсть во всей своей радости мечты коалиціи: ей принадлежало верховное правительство—въ парламентскомъ смыслѣ слова, потому что министерство было взято изъ среды ея большинства. Она еще не подозрѣвала тогда, что президентъ скоро не станетъ руководиться «парламентскимъ смысломъ», а своимъ собственнымъ—династическимъ. «Вожди коалиціи (говоритъ Делоръ), которые возвели Л. Бонапарта на президентство республики, считая униженнымъ для своего достоинства вступить въ кабинетъ, предоставили своимъ сподручникамъ представлять ихъ интересы».

Во главѣ кабинета явился министръ юстиціи и президентъ совѣта Одилонъ-Барро; затѣмъ шли люди, которые испугались республики и ушли въ реакцію, какъ Л. де-Мальвилль, министръ внутреннихъ дѣлъ; литераторъ и экономистъ, радикаль и чуть-чуть не социалистъ Леонъ Фоше, оскорбленный республикою за непризнаніе его величія и за неизбраніе его въ свои главы: ставъ отъявленнымъ консерваторомъ, поощрявшимъ всѣ карательныя мѣры противъ республики, онъ имѣлъ полное право на мѣсто въ кабинетѣ Бонапарта; агитаторъ въ банкетной компаніи, одинъ изъ подписавшихъ требованіе суда надъ Гизо, Друэвъ-де-Люисъ, назначенный министромъ иностранныхъ дѣлъ и не обманувшій въ цѣлѣ двадцать лѣтъ довѣрія господина; легитимисты-клерикалы, какъ нельзя болѣе достойно были представлены въ лицѣ де-Фоллу, назначеннаго министромъ народнаго просвѣщенія.

Главная роль въ министерствѣ выпадала, какъ мы видимъ, на долю Одилонъ-Барро, который столь энергически добивался ея наканунѣ февральской революціи. Извѣстность его шла еще со времени реставраціи. Уже въ 1832 году онъ прославился своими филиппиками противъ осаднаго положенія, и его краснорѣчивое опредѣленіе осаднаго положенія пронеслось уже тогда во всей Франціи, и указало на него, какъ на человѣка, на котораго нація можетъ разсчитывать въ тяжелыя минуты своихъ кризисовъ; какъ на человѣка, который не увлечется призракомъ опасности и не попретъ ногами того, что отстаивалъ всей своей жизнью, что снискало ему славу и довѣріе страны: «Развѣ возможно—проповѣдывалъ онъ въ 1832 г.—чтобъ существовалъ законъ, который дастъ какому-нибудь военному или гражданскому начальнику мѣста такую власть, которая даетъ право двумя магическими словами «осадное положеніе» поставить цѣлое населеніе внѣ закона, уничтожить цѣлый рядъ конституціонныхъ гарантій, подвергнуть военному суду безъ всякаго соблюденія какой бы то ни было формальности, требуемой законодательствомъ,—каждое лицо, взятое изъ какаго бы то ни было класса общества по выбору этого импровизованнаго диктатора? Ясно, что, если существуетъ такой законъ, то слѣдуетъ обличить его, ибо до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ существовать, конституція останется только химерою... Осадное положеніе, когда нѣтъ военнаго положенія, есть ложь..... Пять или шесть правительствъ прибѣгали къ подобнымъ средствамъ; они создавали военныя комиссіи. Они говорили: надо повончить съ заговорами; эти мѣры приняты нами не для благонамѣренныхъ людей, ихъ онѣ не касаются; только заговоръ поставленъ въ осадное положеніе и преданъ военному суду... И что-же? всѣ эти правительства пали; они давали себѣ подобными мѣрами нѣсколько дней существованія, а потомъ, когда приходилось сводить счеты съ страной, когда броженіе проходило, все ненавистное свойство этихъ мѣръ падало на ихъ головы и кончало тѣмъ, что уничтожало ихъ же самихъ».

Съ тѣхъ поръ, послѣ такой благородной profession de foi, Одилонъ-Барро шелъ вѣрнымъ шагомъ по пути прогресса въ продолженіи всей іюльской монархіи, постоянно являясь энергическимъ защитникомъ политическихъ вольностей Франціи. Въ 1834 году, онъ отстаиваетъ право собраній противъ суроваго закона, запрещавшаго ассоціаціи болѣе чѣмъ въ 20 человѣкъ. «Право ассоціаціи есть гораздо болѣе, чѣмъ обыкновенное право, гораздо болѣе, чѣмъ естественная принадлежность, — она составляетъ необходимость, потребность, первую изъ всѣхъ обще-

ственныхъ потребностей. До вашего закона не существовало на свѣтѣ ни одного подобнаго, который наносилъ бы оскорбленіе разуму и челоѣческой цивилизаціи, утверждая, что право ассоціаціи не существуетъ въ этомъ обществѣ».

Въ 1835 г., онъ борется за свободу прессы противъ знаменитыхъ сентябрьскихъ законовъ, установившихъ, по инициативѣ Тьера, самую гнетущую цензуру, съ ея атрибутами: тюремной и денежными пенями.

Въ послѣдній періодъ іюльской монархіи, Од. Барро является однимъ изъ главныхъ вожаковъ реформистской агитаціи. На банкетѣ въ «Chateau Rouge» онъ провозглашаетъ тостъ за іюльскую революцію: «Да соединитъ ея славное знамя насъ всѣхъ и прератитъ всѣ ребяческія раздѣленія между нами изъ-за лицъ и словъ, которыя только ослабляютъ насъ предъ нашимъ общимъ непріателемъ; пусть же Франція подъ этимъ славнымъ знаменемъ совершитъ то, въ чемъ она успѣла въ 1830 году.»

Но въ 1847 г. уже не вся свободолюбивая партія была согласна съ послѣднимъ опредѣленіемъ Од. Барро, не всѣ смотрѣли на раздѣленія между лицами, какъ на ребяческія, не всѣ полагали, что Франціи оставалось *дополнить* только то, чего она *не успѣла* сдѣлать въ 1830 г. Въ это время радикальная партія успѣла уже провести своего представителя въ самую палату, въ лицѣ Ледрю-Роллена. Радикальная партія не думала ограничиваться парламентской борьбой и не ставила своей конечной цѣлью избирательную реформу, видя въ ней только средство и удобный путь въ необходимымъ социальнымъ реформамъ, изъ-за которыхъ радикальная партія готова была перенести борьбу изъ замкнутой палаты на широкую улицу. Этимъ однако Од. Барро не особенно смущался, повидимому нисколько не вѣря въ дѣйствительную силу радикальной партіи и не признавая за ней возможности осуществить свои стремленія; поэтому онъ шелъ своимъ либеральнымъ, парламентскимъ, опредѣленнымъ путемъ къ легальному низверженію министерства Гизо, и дошелъ наконецъ до того, что 22 февраля внесъ въ бюро президента палаты обвинительный актъ объ отданіи подъ судъ Гизо и его товарищей. Среди прочихъ подписей, слѣдовавшихъ за именемъ Барро, красовалось и имя его будущаго товарища при принцѣ Луи-Наполеонѣ — имя Друэнъ де-Люиса. Гизо, конечно, отнесся съ презрѣніемъ къ поступку Барро, и затѣмъ черезъ два дня оказался въ совершенно одинаковомъ положеніи съ своимъ врагомъ: оба они, одинаково не чаяли и не ждали февральской революціи, обоихъ ихъ она застала въ расплохъ и заставила пожалѣть, что «улица» вмѣшивается не въ свои дѣла и заглу-

шаетъ своимъ честройнымъ ревомъ блестящіе кадансы парламентскихъ ораторовъ.

Но въ первый разъ не значитъ въ послѣдній, и скоро Одилону Барро суждено было оказаться въ положеніи совершенно подобномъ положенію Гизо, и что еще хуже — самъ Гизо презрительно пророчилъ Одилону Барро его дальнѣйшую карьеру. Когда въ засѣданіи 10 февраля 1848 г., среди жаркихъ преній по поводу банкетовъ, Од. Барро сталъ упрекать Гизо въ энергическихъ выраженіяхъ: «Мы не можемъ допустить, чтобъ въ этой странѣ, послѣ 50-ти лѣтъ свободы, рука полиціи должна была быть повсюду. Совершенно непонятно, какимъ образомъ, когда дѣло идетъ о пользованіи естественнымъ правомъ, вы хотите такъ сказать наложить руку на рты всѣхъ, которые хотятъ говорить!» — «Берегитесь, отвѣчалъ Гизо, если вамъ случится, и навѣрное случится когда-нибудь, быть на тѣхъ скамьяхъ, на которыхъ мы сидимъ, и находиться въ подобныхъ же обстоятельствахъ. Берегитесь, чтобъ вы не поступили точно также какъ мы, и чтобъ вамъ не пришлось защищаться противъ упрековъ, которыми вы насъ осыпаете теперь.» — «Я вамъ ручаюсь въ противномъ — воскликнулъ Одилонъ Барро — я принимаю въ томъ торжественное обязательство!» — «А я не принимаю ручательства почтеннаго г. Од. Барро» — заключилъ свое пророчество Гизо.

Ровно десять мѣсяцевъ прошло со времени этой сцены, когда 10-го декабря 1848 года, съ избраніемъ Луи-Наполеона на президентство, — Од. Барро открылось широкое поле дѣйствій, котораго онъ добивался при Іюльской монархіи и на которомъ онъ могъ наконецъ показать твердость своихъ убѣжденій и неизмѣнность своего обязательства, даннаго предъ Гизо. Назначенный, какъ мы уже говорили, 20-го декабря президентомъ совѣта въ кабинетѣ Луи-Наполеона, Од. Барро долженъ былъ чрезъ нѣсколько дней столкнуться уже не въ монархической палатѣ депутатовъ и не на банкетахъ, а на аренѣ республиканскаго національнаго собранія, съ тѣмъ же самымъ радикальнымъ антагонистомъ.

Излагая, 26-го декабря, предъ собраніемъ программу министерства, Од. Барро увѣрялъ, что оно намѣрено главнымъ образомъ возстановить и упрочить власть во Франціи. «Но пусть знаютъ это, мы вовсе не намѣрены создавать изъ порядка преграды для стремленій современнаго общества. Порядокъ не есть конечная цѣль для насъ, онъ является только средствомъ.» Въ отвѣтъ на это всталъ Ледрю-Ролленъ, и указывая на неправильное назначеніе генерала Шангарнье, по которому онъ со-

единялъ въ своихъ рукахъ, вопреки строгому закону, начальство надъ линейными войсками и національной гвардіей, заставилъ тутъ же Одилон-Барро начать свою новую карьеру признаніемъ, что подобныя мѣры, подобныя нарушенія закона вызываются требованіемъ общественнаго спокойствія. «Какъ бы мы ни смотрѣли на это, вы тѣмъ не менѣе являетесь съ нынѣшняго дня министерствомъ произвола!» Такимъ опредѣленіемъ наградиъ бонапартистскаго министра радикальный ораторъ и мы увидимъ, насколько это опредѣленіе оказалось основательнымъ.

Впрочемъ, прежде чѣмъ говорить о дѣйствіяхъ министерства, мы должны напомнить случай, заставившій нѣкоторыхъ изъ министровъ подать въ отставку и ясно обнаружившій, что министерство должно было служить только слѣпымъ выраженіемъ личной воли принца-президента; что президентъ намѣревался самъ быть полнымъ властелиномъ и вовсе не дѣлать изъ себя одной парламентской фивціи, которою править парламентское большинство, давая ему въ опекуны министровъ изъ своей среды. Дѣло состояло въ томъ, что 27-го декабря министръ внутреннихъ дѣлъ де-Малльвилъ получилъ слѣдующее письмо отъ президента:

«Господинъ министръ!

«Я спрашивалъ г. префекта полиціи, не получаетъ ли онъ иногда рапортовъ, касающихся дипломатіи; онъ отвѣчалъ мнѣ утвердительно, и при томъ прибавилъ, что онъ передалъ вамъ вчера копию съ одной депеши изъ Италіи. Эти депеши, вы поймете, должны быть передаваемы прямо мнѣ, и я долженъ выразить вамъ все мое неудовольствіе на замедленіе, которое вы совершаете въ доставленіи ихъ ко мнѣ.

«Я прошу васъ также послать мнѣ 16 картоновъ, которые я спрашивалъ у васъ; я хочу имѣть ихъ въ четвергъ. Я также не намѣренъ допускать, чтобъ министръ внутреннихъ дѣлъ изволилъ составлять статьи, которыя касаются меня лично. *Это не дѣлалось при Луи-Филиппѣ*, и это не должно быть. — Вотъ уже нѣсколько дней, что я не получаю телеграфическихъ депешъ; вообще, я замѣчаю, что министры, назначенные мною, хотя и поступить со мною, какъ будто-бы знаменитая конституція Сіейса была въ силѣ; но я *не потеряю этого*.

«Примите, господинъ министръ, увѣреніе въ моихъ чувствахъ высокаго почтенія

Луи-Наполеонъ-Бонапартъ».

Письмо это крайне характерично, оно прямо выражаетъ требованія Луи-Бонапарта. Оно не боится сравненія съ Луи-

Филиппомъ, хотъ оно и мѣтитъ по своему тону гораздо выше Луи-Филиппа: этотъ диктаторскій, краткій, выговорный тонъ прямо напоминаетъ собою корреспонденцію Наполеона I-го. Ставъ властелиномъ, племянникъ не ограничиваетъ подражаніе дѣлъ, только однимъ тономъ; онъ заимствуетъ у Наполеона I-го и содержаніе. Подобно великому императору онъ считаетъ съ перваго же раза нужнымъ позаботиться объ исторіи, и какъ дѣла, ставъ императоромъ, похитилъ изъ архивовъ дѣйствительные рапорты о битвѣ при Маренго и замѣнилъ ихъ поддѣльными, составленными позже подъ его руководствомъ, такъ теперь и племянникъ не пожелалъ оставить въ рукахъ любопытнаго потомства такихъ непріятныхъ документовъ, какъ докладъ о «битвахъ» въ Страсбургѣ и въ Булони, т. е. о своихъ двухъ неудачныхъ покушеніяхъ, — только съ тою разницею, что племяннику удобнѣе было поступить такъ, чтобъ совсѣмъ изгладить изъ памяти людей свои траги-комическія похождения, и потому онъ не намѣренъ былъ замѣнить рапорты никакими другими. Понятны его гнѣвъ и досада, когда съ перваго же шагу своего столь долго желаннаго владѣчества, онъ вдругъ наткнулся на упорство министра. Мальвиль отказалъ президенту въ выдачѣ 16 картоновъ, хранившихся въ министерствѣ и заключавшихъ оба дѣла. Послѣ приведеннаго письма, министру не оставалось ничего болѣе, какъ подать въ отставку; его пріемъ послѣдовалъ и другой, министръ земледѣлія и торговли — Бивсю. Изъ остальныхъ министровъ наиболѣе интересной личностью по своему положенію и по своей роли является де-Фаллу. Значеніе и вліяніе партіи, которая провела его въ качествѣ своего представителя въ министерство, послѣ колебаній между нимъ и Монталамберомъ, не замедлили сказаться самымъ зловѣщимъ образомъ для второй республики. Это вліяніе, легитимистско-клерикальное, обогрило кровью двѣ молодыя республики — французскую и римскую и повело къ ихъ обоюдной гибели. Мы говорили о первой римской экспедиціи, игравшей столь важную роль въ судьбахъ не только Франціи, но и всей Европы.

IX.

Вышняя политика уже съ того времени получала большое значеніе въ политикѣ Луи-Наполеона. Стремленіе къ славѣ первой имперіи и побѣдоносному продолженію воинственной эпопеи, заключало въ себѣ и другія болѣе практическія цѣли: оно должно было привлекать къ вождю-президенту войско и отвлекать безпокойное, назойливое вниманіе французовъ отъ внутреннихъ дѣлъ страны. вмѣстѣ съ тѣмъ первая кампанія, предпринятая Луи-Наполеономъ, упрочивала союзъ клерикальной партіи съ бонапартизмомъ и чрезъ то обезпечивала ему поддержку во всѣхъ его дальнѣйшихъ планахъ, сводившихся на императорскую корону. Луи-Наполеону римская экспедиція посчастливилась какъ нельзя болѣе: она выказала въ немъ большую расчетливость и ловкость; онъ, съ одной стороны, сумѣлъ обойти конституцію; съ другой, онъ совершенно пренебрегъ прерогативами національнаго собранія и обошелся съ нимъ, какъ и дѣйствительно заслуживало его ничтожество. Рядомъ съ тѣмъ онъ показалъ, что въ случаѣ надобности сумѣетъ, не хуже Кавеньяка, при помощи Барро и де-Фаллу, вызывать баррикады и пожинать на нихъ лавры, разстрѣливая народъ и предавая его военному суду.

Мы знаемъ уже статью конституціи 1848 года ¹⁾, по которой инициатива войны оставалась не за исполнительной, а за законодательной властью. Луи-Наполеону это не могло нравиться, и вмѣсто долгихъ парламентскихъ споровъ, онъ рѣшился на практикѣ доказать всю тщетность подобныхъ ограниченій его президентства. Правда, онъ не избавился этимъ отъ парламентскихъ бурь и уворовъ, но они не помѣшали ему дѣлать свое дѣло и ограничились протестомъ въ слишкомъ небольшой группѣ республиканскихъ представителей, только обнаруживавшей своей малочисленностью всю немощь республики бороться противъ реакціи въ союзѣ съ президентствомъ.

Луи-Наполеонъ зналъ съ кѣмъ имѣлъ дѣло. Онъ видѣлъ, какъ вслѣдъ за его присягою, самое собраніе готово было казнить себя и признать свою непригодность; онъ видѣлъ, какъ едва не прошло предложеніе Рато о добровольномъ самораспущеніи учредительнаго собранія; какъ большинство сочувствовало этой идеѣ и чрезъ то добровольно уступало мѣсто дѣй-

¹⁾ «Президентъ печется о защитѣ государства, но не можетъ предпринять войны безъ согласія собранія» (гл. 54).

ствіа одному президентству. Онъ зналъ также, что, несмотря на краснорѣчивые протесты, его министръ Од. Барро очень легко достигнулъ того, чтобъ виновники — дѣйствительные или мнимые — вторженія въ національное собраніе 15-го мая 1848 г. были судимы не обыкновеннымъ, а верховнымъ судомъ въ Буржѣ. Допущеніемъ такого насилія и нарушенія закона, собраніе свидѣтельствовало президенту, что оно не особенно дорожитъ строгимъ соблюденіемъ законности; президентъ очень логически долженъ былъ вывести отсюда, что собраніе не можетъ быть въ претензіи, если и онъ, въ свою очередь, нарушитъ обыкновенные законы и прибѣгнетъ къ высшимъ, къ пресловутымъ законамъ государственной необходимости.

Какъ 1-го января 1859 г. одно слово императора Наполеона III австрійскому посланнику означало войну, такъ точно и за десять лѣтъ предъ тѣмъ одно слово президента Луи-Наполеона папскому нунцію открывало глаза проникательнымъ антагонистамъ, которые рано поняли характеръ будущаго властелина и имѣли смѣлость безустанно предупреждать французовъ о грозившей имъ опасности. Въ засѣданіи 8-го января, неутомимый Ледрю-Ролленъ указывалъ собранію на слухи о взаимномъ договорѣ между Неаполемъ, Австріей и французскимъ правительствомъ. Въ подтвержденіе слуховъ онъ указывалъ на описаніе въ «Монитерѣ» приѣма дипломатическаго корпуса въ новый годъ: президентъ подошелъ къ папскому нунцію и объявилъ ему, что питаетъ надежду на скорое восстановление папы въ его владѣніяхъ¹⁾. Министръ Друэнъ де-Люисъ успокоивалъ представителей, говоря, что Франція всегда будетъ искать мирныхъ разрѣшеній до тѣхъ поръ, пока будетъ имѣть надежду найти ихъ.

А между тѣмъ собранію еще наносился ударъ и опять оно обнаруживало свою слабость и свое потворство президенту. «Слухи о переворотѣ начали носиться уже тотчасъ по вступленіи Луи-Бонапарта въ президентство»²⁾. 29-го января раздался въ 7 часовъ утра барабанный бой, задвигались войска, всѣ Елисейскія поля, площадь Согласія усыпались солдатами, самое зданіе національнаго собранія вдругъ было окружено чуть ли не цѣлымъ армейскимъ корпусомъ. Оказалось, что президентъ національнаго собранія, Арманъ Маррастъ, ничего не зналъ о всѣхъ подобныхъ распоряженіяхъ. Генераль Шангарнье, потре-

¹⁾ См. «La Question romaine devant l'Histoire, 1847—1867. Actes officiels; documents diplomatiques, débats» etc. стр. 52 и сл.

²⁾ T. Delord.

быванный въ бюро собранія на объясненіе, отвѣчаетъ, что онъ находится у президента республики и не можетъ отлучиться, а войска созваны для подавленія восстанія! Бюро колеблется между рѣшительными и между ничтожными мѣрами и останавливается на томъ только, что поручаетъ защиту законодательнаго зданія генерала Лебретону. За тѣмъ послѣдовало объясненіе Марраста съ вице-президентомъ республики Буле и Од. Барро. Подробности его остались тайною для другихъ, что не помѣшало обвинять Марраста въ слабости и даже въ стачкѣ съ исполнительной властью. Но гораздо вѣрнѣй было бы обвинять само національное собраніе, которое, вмѣсто всякихъ энергическихъ разслѣдованій темнаго дѣла, удовольствовалося уклончивымъ отвѣтомъ Од. Барро, объявившаго, что въ ночь долженъ былъ разразиться страшный заговоръ и что только по случайному недоразумѣнію президентъ собранія не былъ предупрежденъ о созваніи войскъ для подавленія мятежа.

Фальшивая тревога тѣмъ и ограничилась. Она показала Луи-Бонапарту, какъ легко разогнать собраніе при первой надобности, и потому какъ было легко пренебрегать его совѣтами и требованіями. Но со стороны народа Луи-Бонапартъ встрѣтилъ иной урокъ: когда въ полдень онъ выѣхалъ изъ Елисейскаго дворца на смотръ войскамъ, народъ встрѣтилъ его недовольными криками: «Да здравствуетъ республика!» давая ему ясно понять, что онъ стоитъ за сохраненіе республики, за сохраненіе того учрежденія, въ которомъ республика должна была прежде всего выражаться, т. е. собранія народныхъ представителей. Луи-Бонапартъ долженъ былъ подумать о томъ, какъ погубить въ народѣ всякое довѣріе къ его представителямъ, какъ возбудить въ немъ ненависть и вражду къ нимъ, какъ, наконецъ, заставить народъ перейти на его сторону въ борьбѣ за императорскую корону, выражавшейся нагляднымъ образомъ въ борьбѣ между законодательной и исполнительной властью. Такая задача будетъ теперь руководить всѣми дальнѣйшими дѣйствіями Луи-Бонапарта, несмотря на разныя видимыя противорѣчія, нерѣдко происходившія отъ того, что Бонапарту надо было въ то же время заботиться и о другомъ успѣхѣ—о привлеченіи къ себѣ всей буржуазіи, а для этого надо было не разъ ясно показывать ей президентскую готовность спасать ее всегда и вездѣ отъ «разбойническихъ покушеній социалистовъ-демагоговъ», отъ «разгоряченной алчности фантазирующей черни».

Вниманіе, возбужденное на минуту внутренней тревогой, снова было отвлечено и въ гораздо большей степени, чѣмъ прежде,

вѣнскими событіями, стоявшими въ тѣсной связи съ состояніемъ Франціи.

20-го февраля 1849 года, Ледрю-Ролленъ снова вошелъ на трибуну, чтобы объявить представителямъ о провозглашеніи въ Римѣ республики. «Граждане,—говорилъ Ледрю-Ролленъ — фактъ громадной важности, который оставитъ въ исторіи долгій слѣдъ, совершился въ Италіи: въ ней провозглашена республика, и свѣтская власть наша поражена низложеніемъ. Для друзей свободы это счастливая новость (протесты на правой сторонѣ собранія). Я говорю, что провозглашеніе республики въ Римѣ должно быть для друзей свободы счастливымъ и великимъ извѣстіемъ (да, да; неудовольствіе на правой сторонѣ), и я удивляюсь, слыша столь многочисленныя протесты съ этой стороны собранія (съ правой), которая столько уже разъ кричала: да здравствуетъ республика! (ироническій смѣхъ и шумное одобреніе на лѣвой сторонѣ). Еслибъ правительство видѣло въ томъ, какъ мы, новую силу для нашихъ принциповъ и идеи, то эту новость, столь счастливую и столь неожиданную еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, намъ объявили бы официально съ трибуны еще вчера. Это одно изъ такихъ событій, которыя настолько имѣютъ значенія въ европейской политикѣ, что мы имѣли, можетъ быть, право узнать его не изъ какихъ-нибудь газетныхъ статей. А между тѣмъ дѣло выходитъ совершенно наоборотъ, потому что со вчерашняго дня носятъ зловѣщія слухи, которые смущаютъ искреннихъ республиканцевъ (шумъ) и которые именно потому подымаютъ ренту. Я говорю о замыслѣ вмѣшательства».

Ледрю-Ролленъ указывалъ на проектъ, по которому все вооруженное дѣйствіе предоставлялось Пиемонту; Пиемонтъ долженъ былъ возстановить напу на его разбитомъ тронѣ, между тѣмъ, какъ соединенный флотъ Англіи и Франціи будетъ оказывать ему свое покровительство, находясь въ водахъ Чивита-Веккиа. «Республика будетъ задушена, но она будетъ задушена итальянскими же руками». «Болѣе, — кончалъ Ледрю-Ролленъ, — прибавлять къ этому нечего. Какъ республиканецъ, я желалъ бы думать, что слухи, о которыхъ я сообщилъ собранію, несправедливы, ибо, еслибъ они были основательны, то это вмѣшательство, прикрытое, иезуитское, не имѣющее даже смѣлости прямо заявить себя, обезчестило бы въ моихъ глазахъ французское правительство». (Продолжительное одобреніе на лѣвой сторонѣ).

Въ отвѣтъ на заданные вопросы, *гражданинъ* Друэиъ дельюисъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, началъ свои объясненія шутками о географическихъ познаніяхъ оратора, замѣчая, что Пиемонтъ не граничитъ съ Романьей, что есть посредствующія

государства, что, повтому, союзъ Неаполя съ Пиемонтомъ и ихъ военныя операціи вовсе не такъ легки, какъ кажется Ледрю-Роллену. Вызвавъ одобрительный смѣхъ съ правой стороны и продолжительный шумъ въ собраніи, гражданинъ - министръ успѣлъ оправиться отъ смущенія и, отдѣлываясь отъ прямого отвѣта Ледрю-Роллену, дать собранію залогъ министерской и значить президентской преданности католичеству, вмѣстѣ съ громкими обѣщаніями повергнуть всѣ дальнѣйшія распоряженія президентскаго правительства на усмотрѣніе собранія: «Франція избересть свой день и свой часъ; она сообразитъ свои интересы (читай, интересы президента), и если правительство приметъ рѣшеніе, которое *потребуется содѣйствія* національнаго собранія, то оно здѣсь приметъ его инициативу, оно принесетъ на эту трибуну свои предложенія и представитъ вамъ дѣло во всей его истинѣ». (Многочисленные знаки одобренія). Только представитель крайней лѣвой стороны Ледрю-Ролленъ не одобрялъ министра и продолжалъ изобличать политику президента: «О, да, я понимаю затрудненіе министерства, оно дѣйствительно должно быть велико, ибо министерство, повидимому, рѣшило поступить совершенно противно желанію Франціи. Франція хотѣла, чтобъ въ случаѣ нужды была поднята война въ интересѣ свободы народовъ; а эту войну поведутъ теперь противъ свободы народовъ, ибо нечего болѣе обманываться: севозъ умолчанія министерства ясно, что его оставятъ предпринять войну въ пользу главы католическаго міра. О, я объявляю вамъ, что религіозная война въ XIX-мъ вѣкѣ будетъ дѣломъ чудовищнымъ, которое потомство не перестанетъ клеймить» (живое и долгое одобреніе на лѣвой сторонѣ).

Слова Ледрю-Роллена производили различное впечатлѣніе на членовъ національнаго собранія. Одни изъ нихъ — не многіе — раздѣляли негодованіе оратора и заранѣе готовы были протестовать противъ столь очевиднаго нарушенія началъ свободы, какъ покушеніе на свободу сосѣднихъ народовъ; другіе, привыкшіе къ парламентаризму, всю свою жизнь прошедшіе въ парламентской игрѣ, свода на эту игру всѣ свои помыслы, все свое честолюбіе, — думали не столько о римской республикѣ и даже не о французской, сколько о легальномъ отношеніи президентской власти къ національному собранію, думали болѣе всего о томъ, чтобъ президентъ не сталъ первенствовать надъ ними, чтобъ не могъ самовольно распоряжаться судьбами Франціи, и значить прежде всего судьбою ихъ же самихъ, между тѣмъ, какъ они считали самихъ себя призванными спасителями страны отъ анархій. Третьи, наконецъ, очень хорошо понимали, куда ведетъ пре-

зидентское министерство и боялись только одного, что имъ не удастся окончательно заставить президента рѣшиться на римское «освобожденіе», т. е. освобожденіе папы отъ крамольныхъ республиканцевъ.

Т. Делоръ рассказываетъ, что президентъ республики, говоря однажды объ общественныхъ дѣлахъ съ однимъ изъ бывшихъ министровъ республики, спросилъ его: «Какія по вашему мнѣнію были ошибки, совершенныя до сихъ поръ моимъ правительствомъ?» — «Самая важная изъ всѣхъ — отвѣтилъ собесѣдникъ Луи-Бонапарту — это римская экспедиція, вы вошли въ Римъ и я говорю вамъ, что вы не выйдете изъ него». — «Эта дверь — сказалъ тогда Луи-Бонапартъ, указывая на дверь своего кабинета въ Елисейскомъ дворцѣ — эта дверь ни разу не открывалась съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь; безъ того, чтобъ въ нее не входилъ кто-либо, кричавшій мнѣ: Въ Римъ! — Г. де-Монталамберъ, г. Тьеръ, г. Беррье безпрестанно повторяли мнѣ эти два слова; число партизановъ росло съ каждымъ днемъ до такой степени, что стало просто наводненіемъ!» — Картинное сравненіе римской экспедиціи съ наводненіемъ, только съ кровавымъ, сдѣланное Луи-Бонапартомъ, выражало собой очень удачно смыслъ экспедиціи, и намъ остается только указать какъ близилось это наводненіе, какъ оно покрывало собою всѣ вѣхи, разставленныя на пути президента въ императорству, какъ поглощало оно собою всѣ разставленныя ему препятствія въ лицѣ собранія и въ образѣ конституціи, и какъ наконецъ потопило оно всѣ сопротивленія его личному произволу.

8-го марта, одинъ изъ депутатовъ объявляетъ о новомъ священномъ союзѣ между Австріей, Пруссіей и Россіей (?), обвиняетъ правительство Луи-Бонапарта въ слабости за то, что оно позволяетъ австріяцамъ безнаказанно грабить Феррару, и спрашиваетъ у министровъ, какъ намѣрено вести себя правительство въ случаѣ вторженія въ Римъ другихъ державъ? Гражданинъ Друэнъ-де-Люисъ опять уклоняется отъ прямого отвѣта, указывая на то, что «политика правительства достаточно извѣстна и подтверждена неоднократными рѣшеніями собранія». Болѣе краснорѣчивымъ явился самъ президентъ совѣта министровъ, Одилонъ-Барро, когда 28-го марта принесъ въ собраніе депешу о пораженіи Карла-Альберта при Новарѣ и объ отреченіи его отъ престола: «Какъ ни быстро произошла эта развязка, она была предвидѣнна и хотя въ данномъ случаѣ пьемонтское правительство пренебрегло совѣтами Франціи, мы тѣмъ не менѣе рѣшились оградить, съ цѣлостью пьемонтской территоріи, неприкосновенность интереса и достоинства Франціи». Собраніе привѣтство-

вало это объявленіе «общими знаками одобренія», и не замѣтило повидимому, что въ нѣсколькихъ словахъ министра сказывалось уже формальное пренебреженіе національнымъ собраніемъ: «мы рѣшились» — говоритъ министр, нисколько не заботясь о мнѣніи и предварительномъ рѣшеніи собранія. Да, впрочемъ, и къ чему министерству заботиться, когда и безъ него на другой же день собраніе успѣшило высказать президенту республики свое полное довѣріе, какъ разъ въ ту минуту, когда положеніе дѣлъ требовало наибольшаго контроля.

30-го марта, гражданинъ Биксіо предложилъ собранію отъ имени комитета иностранныхъ дѣлъ резолюцію, въ которой между прочимъ говорилось, что національное собраніе, *«уверенное въ правительствъ президента республики»*, объявляетъ, что если для большей гарантіи цѣлости піемонтской территоріи и для вѣрнѣйшаго огражденія интересовъ и чести Франціи, исполнительная власть полагала бы необходимымъ оказать своимъ переговорамъ поддержку мѣстнымъ и временнымъ занятіемъ Италіи, то она *«встрѣтитъ въ собраніи самое искреннее и самое полное содѣйствіе»*. Предложеніе выразить довѣріе правительству президента вызвало шумъ, и гр. Фловонъ прямо оспаривалъ этотъ пунктъ, говоря, что не можетъ вотировать предложеніе, «ибо въ немъ высказано то чувство довѣрія, котораго, говорю откровенно, я не раздѣляю». Въмѣсто того, онъ предложилъ другой чередной порядокъ дня, заключавшійся въ простомъ подтвержденіи того рѣшенія, которое само собраніе приняло 24-го мая 1848 года: «Національное собраніе, оставаясь при своемъ рѣшеніи отъ 24-го мая ¹⁾, приглашаетъ правительство принять мѣры, необходимыя для гарантіи освобожденія Италіи». Но не успѣлъ Фловонъ окончить предложенія, какъ его прервали возгласами и восклицаніями со всѣхъ сторонъ; стало очевиднымъ, что собраніе отказывается отъ своихъ прежнихъ дѣйствій и торжественныхъ заявленій, отказывается отъ своей первоначальной самостоятельности, и просто хочетъ предоставить веденіе дѣла самому президенту республики. Собраніе кончило тѣмъ, что приняло предложеніе Биксіо большинствомъ 440 голосовъ противъ 320.

Основываясь на этомъ рѣшеніи, 16-го апрѣля Од. Барро явился въ собраніе съ просьбою кредита въ милліонъ двѣсти тысячъ франковъ для трехмѣсячнаго занятія одного изъ пунктовъ центральной Италіи, гдѣ неминуемо близится кризисъ: «Мы теперь же можемъ утверждать, что наше вмѣшательство породитъ серъ-

¹⁾ Въ рѣшеніи 24-го мая 1848 года, рядомъ съ провозглашеніемъ братскаго союза съ Германіей и возстановленія Польши, шло освобожденіе Италіи.

езныя гарантіи и для интересовъ нашей страны и для дѣла истинной свободы!» Насмѣшливый хохотъ встрѣтилъ это увѣреніе съ лѣвой стороны собранія, но собраніе приняло его серьезно, и одинъ голосъ даже поспѣшилъ полснить слова министра: «Свободы честной и умѣренной!» Собраніе назначило комиссію изъ 15-ти членовъ, докладчикомъ которой явился Ж. Фавръ. Докладъ утверждалъ, вслѣдствіе объясненій комиссіи съ министрами, что мысль правительства не заключается въ томъ, чтобъ заставить Францію содѣйствовать низверженію республики, существующей теперь въ Римѣ. Но несмотря на то, цѣлая буря поднялась въ собраніи, и лѣвая сторона не уставала пророчить «предательство и подлость или войну». «Намъ должны торжественно объявить съ этой трибуны—настаивалъ Эм. Араго, что вторженіе въ Италію предпринимается съ опредѣленнымъ рѣшеніемъ заставить уважать то, насилія чему мы не потерпѣли бы у насъ, т. е. принципъ народной верховности». «Наше знамя, — успокаивалъ этихъ алармистовъ Одилонъ Барро — будетъ развѣваться въ Италіи только въ интересѣ Франціи и ея законнаго вліянія, оно будетъ служить интересу того стараго дѣла, которое всегда вызываетъ наши симпатіи (голосъ: какаго дѣла?)... дѣла серьезной свободы и гарантіи хорошаго правительства» (очень хорошо, очень хорошо! на голоса!). «А я отъ васъ требую, — еще разъ заключалъ свою длинную энергическую рѣчь Ледрю-Ролленъ, — категорическаго отвѣта на мой вопросъ: хотите-ли вы возстановленія папы? Имѣйте смѣлость сказать это; выйдите изъ облаковъ; отбросьте покрывало. Если вы предпринимаете возстановленіе папы, то надо, чтобъ страна это знала; ибо я убѣжденъ, что, далеко не сочувствуя вамъ, *вся страна поднялась бы при одной такой мысли*!» Въмѣсто категорическаго отвѣта, оратора заглушили только крики правой стороны, требованія закрыть дебаты и приступить въ подачѣ голосовъ... Собраніе вотировало кредитъ большинствомъ 395 голосовъ противъ 283; большинство, вообще говоря, незначительное, но очень важное по своимъ рѣшеніямъ и по результатамъ, слѣдующимъ за такими рѣшеніями.

X.

Въ сожалѣнію, было бы слишкомъ долго переноситься въ разсказѣ изъ Парижа въ Италію вслѣдъ за генераломъ Удино, начальникомъ экспедиціоннаго корпуса, въ Чивита-Веккію и оттуда въ Римъ на баррикады, въ которыя превратился каждый домъ, и на которыхъ римляне — мужчины, женщины и дѣти отчаянно дрались и упорно защищали свою юную республику отъ вѣроломнаго вторженія бонапартовскаго генерала. Мѣсяца не надо было для обнаруженія всего поведенія президента французской республики въ этомъ вторженіи. Мы ограничимся нѣсколькими строками изъ Делора и продолжимъ свой разсказъ о положеніи вещей въ самомъ Парижѣ; о положеніи національнаго собранія относительно президента; о положеніи партій другъ къ другу, и наконецъ, объ отношеніи республиканской партіи къ собранію и президенту. Познакомившись съ этимъ положеніемъ вещей, мы уже будемъ знать весь дальнѣйшій путь, приведшій къ перевороту. Все остальное представляетъ собою естественные результаты римской экспедиціи, порожденной союзомъ президента съ клерикальной реакціей.

«Римская республика счастливо сопротивлялась Неаполю и Австріи, когда присутствіе экспедиціоннаго корпуса парализовало ее, принуждая ее сосредоточить всѣ свои силы въ Римѣ, а этимъ вынужденнымъ дѣйствіемъ ихъ она оставляла свою границу открытою для вторженія. Десять тысячъ ружей, закупленныхъ во Франціи на ея счетъ, были подвергнуты секвестру, что отнимало 10 тысячъ солдатъ у страны, гдѣ каждый является солдатомъ передъ чужеземцемъ. *Ничто не оправдывало французскаго вторженія въ Римъ, кромѣ обязательства президента республики предъ клерикальной партіей.* Общественное мнѣніе, преисполненное грустныхъ предчувствій, думало со страхомъ объ этой роковой экспедиціи, когда вдругъ утромъ 7-го мая разнеслись пагубныя извѣстія: кровь французская — говорятъ — течетъ подъ стѣнами Рима, римляне отважно бьются на баррикадахъ, построенныхъ при приближеніи французовъ; на каждой улицѣ, превращенной въ баррикады, надъ каждымъ воротами города высится надпись, на которой читается 5-й параграфъ конституціи: «Французская республика никогда не посягнетъ на національность какого-либо народа». (T. Delord, стр. 146 ¹).

¹) Делоръ не совсѣмъ вѣрно передаетъ текстъ конституціи, § 5-й: „Французская республика уважаетъ иностранную національность точно также какъ заставляетъ ува-

7-го же мая на трибуну вошелъ Ж. Фавръ для произнесения своего грознаго обличенія противъ министерства президента, для обвиненія его прямо въ безчестности. Рѣчь, въ которой было брошено въ лицо президенту извѣстное выраженіе: «Вы дѣлаете изъ Франціи жандарма абсолютизма», — напоминала собранію всѣ обѣщанія, данныя министрами въ комиссіи 17-го апрѣля и подкрѣпленныя ихъ честнымъ словомъ — не дѣйствовать въ Италіи противъ свободы римской республики. Въ комиссіи было сказано самими министрами, что экспедиція французская не можетъ имѣть цѣлью покровительствовать такой формѣ правленія, которая была бы отвергаема римскимъ населеніемъ. Между нами было вполне договорено, что подобное притязаніе и приведеніе его въ исполненіе было бы покушеніемъ на человѣчество, столько же сколько и на свободу. Таково было въ сущности *честное слово*, данное намъ, и именно вслѣдствіе этого честнаго слова рапортъ комиссіи былъ принесенъ на эту трибуну. Ораторъ рассказывалъ далѣе про поведеніе генерала Удино, который также торжественно давалъ римлянамъ *честное слово* не вмѣшиваться въ ихъ дѣла ¹⁾, и который вѣроломно завладѣлъ Чивита-Веккїей и, говоря о братствѣ, бросился на Римъ со штыками и пушками. И кровь лилась съ двухъ сторонъ, двухъ братскихъ народовъ: лилась за папу, за абсолютизмъ! «И вотъ, господа, римляне, которые отказываются принять въ свой городъ чужеземцевъ, ибо мы для нихъ чужеземцы, римляне, которые не хотятъ, чтобъ мы возвращали имъ это жреческое правительство, которое вы тянете за собой; римляне, которые готовы умереть, которые умираютъ — это по вашему иностранцы, толпа авантюристовъ, и завтра, по всей вѣроятности, въ вашихъ бюллетеняхъ они явятся разбойниками, которые не хотятъ, чтобъ земля ихъ отечества была освернена чужеземными арміями!»...

....«Что хотите вы, чтобъ сказала Италія? преданная сначала изъ равнодушія, преданная теперь военнымъ вѣроломствомъ и насиліемъ надъ всѣмъ, что только есть святаго въ божескомъ

законъ свою собственную, не предпринимаетъ никакой войны съ цѣлью завоеваній, и никогда не употребляетъ своего оружія противъ свободы какого бы то ни было народа».

¹⁾ «Римляне! — говорилъ генералъ Удино въ своей прокламаціи изъ Чивита-Веккїи, — наша дѣль не состоитъ въ давящемъ взыянїи, въ наложенїи на васъ правленія, которое было-бы противно вашимъ желанїямъ... примите насъ какъ братьевъ, мы страдаемъ это названіе... если вы послушаете мой голосъ, если вы имѣете доброе изъ моего слову, я отдамъ себя всего на служеніе интересамъ вашего прекраснаго отечества!»

и человѣческомъ правѣ? Что хотите вы, чтобъ она говорила? Ея остается только еще въ послѣдній разъ броситься съ отчаяніемъ въ объятія тирановъ, стоящихъ у входа въ нее, — для того, чтобъ взяться за ихъ общее дѣло и чтобъ увеличить еще эту коалицію, которую, можетъ-быть, нѣкоторые презрѣнные граждане призываютъ во Францію, чтобъ установить въ ней то, что они зовутъ порядкомъ и что я зову — монархіей».

Привѣтствуемый всею лѣвою стороною на этотъ разъ, Ж. Фавръ сурово обличалъ и министерство и реакцію, призывая на нихъ судъ страны и требуя отчета, объясненія вѣроломнаго предательства, преступленія, измѣны политической чести и личной честности. Въ этомъ обвиненіи, — кромѣ трагическаго положенія, въ которое вверженъ былъ Римъ, — лежала иная, грустная сторона, сторона моральной немощи и негодности всей правительственной машины Франціи подъ сѣнью президента. Оказывалось, что правительство президента каждый шагъ свой гарантировало ничѣмъ инымъ какъ личною честностью, какъ честнымъ словомъ, торжественно даваемымъ министрами — предъ цѣлымъ собраніемъ, генералами — предъ цѣлымъ народомъ, и на каждомъ шагу это честное слово было попорано насиліемъ и обманомъ. Оказывалось, что правительство президента избираетъ главными агентами людей, которые охотно жертвуютъ, или которые вынуждены жертвовать своею честностью, а между тѣмъ отсутствіе честности дѣйствуетъ, еще пагубнѣе чѣмъ въ частной сферѣ, на всѣ отношенія, когда оно проявляется въ общественной, въ политической жизни. Отсутствіе честности въ такомъ случаѣ отбрасываетъ общество назадъ въ средніе вѣка, къ господству булачнаго права, къ торжеству права сильнаго. Такія послѣдствія не замедлили сказаться въ самой Франціи.

Можно было подумать, выслушавъ рѣчь Ж. Фавра, что эта рѣчь способна окончателно поразить министерство; оно уничтожено и растоптано въ грязи собственной лжи, оно, очевидно, само принесетъ покаяніе и признаетъ свою негодность, потому что, если оно не сдѣлаетъ этого, то національное собраніе, конечно, по инициативѣ того же Ж. Фавра, предастъ министерство суду, а вмѣстѣ съ нимъ и президента, какъ виновнаго въ нарушеніи конституціи, въ нанесеніи безчестья французскому знамени, въ обманѣ народнаго представительства. Национальное собраніе, конечно, ясно увидитъ теперь, чего можетъ оно ждать далѣе отъ этого президента, когда онъ болѣе утвердится и пріобрѣтетъ народное довѣріе, если уже теперь, при самомъ началѣ, онъ безбоязненно совершаетъ насиліе надъ рѣшеніями и прерогативами собранія.

Но такія предположенія однако будутъ совершенно тщетны и вы напрасно трудитесь предугадать ходъ дѣла, въ которомъ запутаны судьбы цѣлаго народа; потому что въ національномъ собраніи въ періодъ президентства единственной логикой стали мелкіе интересы побитыхъ партій, интриги личнаго честолюбія и своекорыстнаго расчета, побужденія темнаго суевѣрія и тупой ненависти...

Фавръ приводилъ въ своей рѣчи факты извѣстные всему собранію, онъ прямо говорилъ, что министры давали честное слово, что французское войско не отирается въ Италію на погубленіе римской республики, а теперь оказалось, что именно только эта задача и была возложена на генерала Удино, ибо конечно, при строгости военной дисциплины, Удино не смѣлъ бы, вопреки инструкціямъ, вторгаться въ Римъ. Чтò-же могъ возразить на все это Од. Барро, первый министръ президента Бонапарта?

«Какъ! — восклицаетъ Од. Барро въ негодованіи на дерзость Ж. Фавра, — осужденіе, и осужденіе въ слышанныхъ вами выраженіяхъ, предшествуетъ изслѣдованію, узнанію фактовъ! Вы смѣете приносить на эту трибуну обвиненіе, направленное на одного человѣка, который не вчера родился, который успѣлъ дать уже нѣкоторыя ручательства въ вѣрности своего слова и своихъ обязательствъ; вы смѣете его обвинять въ томъ, что онъ вырвалъ у собранія его рѣшеніе ложью и обманомъ.... О, конечно было средство очень простое, гораздо болѣе удобное, которое безъ сомнѣнія удовлетворило бы враговъ министерства и само министерство: слѣдовало бы оставить событія идти своимъ путемъ, слѣдовало бы скрестить свои руки....»

— «Это было-бы гораздо лучше, чѣмъ то, чтò вы сдѣлали» — прервалъ его Мальяръ. — Въ отвѣтъ на это Одилонъ Барро не ограничился уже указаніемъ на свою личную добродѣтель, на свою прошлую политическую жизнь, которая дѣйствительно не была запятана до тѣхъ поръ ничѣмъ безчестнымъ, — въ отвѣтъ на новые упреки, Барро обратился съ упрекомъ къ самому собранію и прочелъ ему достойный урокъ за его нерѣшительное поведеніе:

«Надо было принять какое-нибудь рѣшеніе, держаться какой-нибудь стороны; а развѣ вы приказали папскому нунцію оставить Францію? Развѣ вы возложили на министерство обязательство признать римскую республику? и въ тоже время, развѣ вы приказали сборъ цѣлой арміи для занятія той или другой части Италіи и для защиты — какой бы цѣной ни было, даже цѣной войны — римской республики? Развѣ вы сдѣлали это?»

Упрекъ повидимому подѣйствовалъ на собраніе, потому что оно стало аккомпанировать дальнѣйшую рѣчь министра частыми знаками одобренія и даже привѣтствовало возгласами: «очень хорошо! очень хорошо!» самое заключеніе его рѣчи. А въ этомъ заключеніи министръ повернулъ обвиненіе въ нарушеніи конституціи съ президента на собраніе и строго предупредилъ собраніе, чтобы оно не мечтало о распряхъ и о возможности смѣнить исполнительную власть: «Я не намѣренъ возбуждать тщетныхъ и непристойныхъ столкновеній, но я глубоко убѣжденъ, что собраніе будетъ питать чувство уваженія къ конституціи: оно *можетъ обвинять исполнительную власть, но оно не смѣняетъ ее*». (Очень хорошо, очень хорошо!)

Еще было сказано нѣсколько рѣчей, еще были вызваны не разъ шумъ, смятеніе, восклицанія и взаимные упреки. Собраніе рѣшило наконецъ выбрать комиссію для изслѣдованія фактовъ, относящихся къ спорному вопросу, и назначило для выслушанія комиссіи особое ночное собраніе.

Въ одиннадцать часовъ вечера на трибуну вошелъ доглядчикъ комиссіи Сенаръ. Излагая передъ собраніемъ условія экспедиціи и договоръ министровъ съ комиссіей, доглядчикомъ которой былъ Ж. Фавръ, Сенаръ отъ имени новой комиссіи приходилъ къ слѣдующему заключенію: «Большинство вашей комиссіи, сравнивая факты, обнаруженные депешами, со всѣмъ тѣмъ, что было объявлено собранію и съ тѣми заключеніями, которыя побудили собраніе къ его рѣшенію, — большинство вашей комиссіи полагаетъ, что направленіе, данное экспедиціи, не было сообразно съ мыслью, которою она была вызвана и вслѣдствіе которой она была принята. Инструкціи, данныя генералу командующему экспедиціей, по нашему мнѣнію, не согласны съ заявленіями, сдѣланными на этой трибунѣ и съ рѣшеніями, принятыми собраніемъ. И дѣйствительно, римская республика, которую не должны были ни атаковать, ни защищать, теперь прямо атакована. Въ силу этого, ваша комиссія имѣетъ честь предложить вамъ слѣдующую резолюцію: національное собраніе приглашаетъ правительство принять немедленно мѣры, необходимыя для того, чтобы итальянская экспедиція не была болѣе отвращена отъ цѣли, предназначенной для нея» (*Движеніе*).

Можно представить себѣ изумленіе собранія и смѣлость министра иностранныхъ дѣлъ, гражданина Друэна-де-Люиса, когда онъ вздумалъ опровергать увѣреніе комиссіи объ инструкціяхъ генералу Удино, и въ доказательство того, захотѣлъ прочесть самую инструкцію. Въ ней прямо выражалось отношеніе къ республиканскому правленію въ Римѣ, какъ къ *навязанному рим-*

авиама насильно: «Если же, противъ всякаго вѣроятія, вздумали бы воспретить вамъ вступленіе въ Чивита-Веккію, то вы не должны останавливаться передъ сопротивленіемъ, которое противопоставили бы вамъ во имя правительства, никѣмъ въ Европѣ не признаннаго и держащагося въ Римѣ противъ воли громаднаго большинства населенія». Шумные крики прервали такое признаніе правительства президента. — «Роялисты говорили точно также въ 1814 и 1815 году», — воскликнулъ представитель Мальяръ. И еще громче раздался шумъ съ лѣвой стороны, когда министръ спокойно продолжалъ читать инструкцію и дошелъ до мѣста: «Вашъ походъ на Римъ, во главѣ вашихъ войскъ, безъ сомнѣнія облегчилъ-бы развязку, придавъ бодрость *честнымъ людямъ*». — «Такъ по вашему только роялисты честные люди?» — снова спрашивалъ Мальяръ... «Вездѣ гдѣ вы будете — продолжалъ министръ — до той минуты, пока правильное правительство *замѣнитъ то, которое теперь тяготеетъ надъ папскими владѣніями...*»

— Да это постыдно! вы предатели! — раздалось съ лѣвой стороны и вызвало страшный шумъ и гвалтъ.

А министръ все-таки докончилъ инструкцію и признаніе президентскаго правительства, что оно не имѣетъ и никогда не имѣло никакой симпатіи къ римской республикѣ, — и когда его хотѣли сразить утвержденіемъ: — «Да и ни къ какой республикѣ вы не имѣете симпатій!» — то онъ и самъ наконецъ бросилъ въ лицо собранію упрекъ гораздо болѣе серьезный: — «Я говорю вамъ, что вы сами были непослѣдовательны и нелогичны, вы сами не хотѣли точно опредѣлить своихъ желаній... Я и теперь хотѣлъ-бы, чтобы вы были болѣе точны. Ваше приглашеніе теперь, чтобы экспедиція была направлена къ дѣлу болѣе сообразной съ желаніемъ національнаго собранія — это вещь очень неопредѣленная. Будьте болѣе настойчивы и ясны!»...

Этимъ послѣднимъ вызовомъ министръ на свою бѣду только испортилъ себѣ дѣло, потому что доклядчикъ Сенаръ, послѣ длиннаго опроверженія, десять разъ прерываемаго противорѣчивыми восклицаніями, высказалъ наконецъ довольно ясно значеніе предложенной собранію резолюціи: «Мы не хотимъ, чтобы на учредительное собраніе Рима, чтобы на римскую республику было сдѣлано нападеніе, вопреки нашей конституціи, вопреки мысли, которая побудила насъ вотировать кредитъ». 328 голосовъ были поданы за резолюцію, 241 — противъ.

Принятіе резолюціи даже въ такомъ скромномъ видѣ, въ какомъ оно было формулировано, считалось тогда уже побѣдою надъ притязаніями президентства. Но до сихъ поръ мы видѣли

въ дѣйствіи только министровъ президента, самъ же онъ оставался пока за кулисами, вѣрный своей принятой тактикѣ: онъ еще не изучилъ до того времени въ полной ясности своего положенія и отношенія къ нему всѣхъ партій; онъ повидимому не зналъ еще, какъ ему прямо выступить; ему еще есть теперь отступленіе; онъ можетъ свалить всю вину на министровъ и выйти сухимъ изъ воды, хотя уже изъ самаго поведенія министровъ въ случившемся столкновеніи ясно обнаружилась вся дальнѣйшая система президентскихъ дѣйствій: онъ конечно не побойтся обвинить, когда надо будетъ, министровъ (и мы увидимъ, что онъ сдѣлаетъ это), но прежде всего и во всемъ онъ всегда будетъ обвинять само національное собраніе, и будетъ достигать этимъ двухъ цѣлей: во-1-хъ, онъ съумѣетъ отпарировать всѣ покушенія обвинить его самого въ чемъ-либо; во-2-хъ, онъ, при удобномъ случаѣ обращая всю вину на національное собраніе, будетъ постоянно подрывать довѣріе къ нему въ народѣ, а это было одно изъ непремѣнныхъ условій успѣха его дальнѣйшихъ плановъ.

«Рѣшеніе собранія (предложенное Сенаромъ) отмщаетъ за честь собранія и республики», — говоритъ Делоръ, показывая тѣмъ, что республиканцы, какъ онъ, не были особенно взыскательны, — «теперь дѣло состояло въ томъ, чтобы привести его въ исполненіе. Національное собраніе говоритъ Луи-Бонапарту, чтобы онъ остановился; реакція толкаетъ его впередъ; президентъ республики не принадлежитъ болѣе самъ себѣ; г. Монталамберъ, такъ сказать, диктуетъ ему письмо къ генералу Удино».

Письмо къ Удино вызвало новую тревогу въ собраніи 9-го мая. Представитель Гриви (выборъ котораго недавно въ законодательный корпусъ второй имперіи надѣлалъ много шума своимъ успѣхомъ) указалъ на него собранію, какъ на первый актъ правительства въ лицѣ самого президента, въ отвѣтъ на рѣшеніе національнаго собранія. «Наша военная честь, — говорилось въ письмѣ президента, отпечатанномъ въ «Patrie», а не въ «Монитерѣ», — замѣшана въ дѣлѣ; я не потерплю, чтобы ей нанесенъ былъ малѣйшій ущербъ. Въ подкрѣпленіяхъ недостатка не будетъ. Скажите вашимъ солдатамъ, что я цѣню ихъ храбрость, что я раздѣляю ихъ труды и что они всегда могутъ рассчитывать на мою поддержку и на мою признательность».

«Письмо президента — объяснилъ съ своей точки зрѣнія Ледрю-Ролленъ — чрезвычайно важно. Да, оно уничтожаетъ ваше рѣшеніе; да, политика, которая заявляется въ немъ, противоположна политикѣ, которую провозглашало ваше послѣднее рѣшеніе. Что бы ни дѣлало и ни говорило министерство, — это остается

очень важнымъ, и я долженъ энѣргически протестовать, чтобы дать понять странѣ, что первый сановникъ, котораго она поставила во главѣ своей, не сохраняетъ ни ея чести, ни чести республики!»!

Таково было первое прямое обвиненіе самого президента за его первый явный шагъ во внѣшней политикѣ, слишкомъ обнаруживавшій его виды на преданность арміи, его стремленіе къ самостоятельной и независимой первой роли въ странѣ. Другой представитель, Клеманъ Тома, не менѣе ясно, чѣмъ Ледрю-Ролленъ, указывалъ на разныя «императорскія замашки»;—и наконецъ на слѣдующій день Ледрю-Ролленъ снова явился на трибуну съ документами въ рукахъ, изъ которыхъ еще очевиднѣе представлялась та отчаянная игра, которую затѣвалъ президентъ противъ представительства, стараясь возбудить въ войскѣ преданность къ себѣ и злобу къ представителямъ. Бригадные генералы получили приглашеніе распространять какъ можно старательнѣе во всѣхъ рядахъ войска письмо президента къ генералу Удино. «Письмо это — говорило приглашеніе — должно усилить привязанность арміи къ главѣ государства; оно составляетъ счастливую противоположность языку людей, которые готовы послать французскимъ солдатамъ, стоящимъ подъ непріятельскимъ огнемъ, вмѣсто всякаго одобренія только отреченіе отъ нихъ!»!

Въ такихъ дѣйствіяхъ президента, по объясненію Л. Роллена, открывался цѣлый опредѣленный планъ, цѣлая система контръ-революціи; «хотятъ задушить республику и извнѣ и внутри!» Крайняя лѣвая сторона предлагала предать суду президента и министровъ; лѣвый центръ, въ лицѣ Ж. Фавра, предлагалъ собранію выразить недовѣріе къ министерству. Собраніе не приняло ни того, ни другого, и Л. Фоше, министръ внутреннихъ дѣлъ, торжественно оповѣщалъ департаменты о заявленіи довѣрія. «Это заявленіе упрочиваетъ общественный миръ. Агитаторы только и ждали рѣшенія, враждебнаго правительству, чтобы послѣдствовать на баррикады и чтобы возобновить іюльскія событія Парижъ спокоенъ.»

Министръ поторопился похоронить агитаторовъ и баррикады, и Парижъ былъ спокоенъ не надолго. Прежде всего собраніе до того оскорбилось выходкой Л. Фоше, которую считала неуважительною наканунѣ выборовъ въ законодательное собраніе, что Л. Фоше принужденъ былъ подать въ отставку. А вскорѣ затѣмъ случилось и другое происшествіе въ собраніи, которое, по видимому, приглашало къ отставкѣ самого президента. Манифестъ императора Николая I-го произвелъ въ Парижѣ ропотъ и смятеніе, немного меньшее, чѣмъ во время дно, въ 1792 году,

манифестъ герцога Брауншвейгскаго. Честолюбіе французовъ было задѣто заживо суровымъ осужденіемъ всѣхъ революцій; за республиканцами вздумали оскорбляться и бонапартисты, хотя все это и повело только къ скандальной, въ семейно-династическомъ смыслѣ, выходкѣ одного двоюроднаго брата противъ другого. На трибуну національнаго собранія выступилъ представитель народа Наполеонъ-Бонапартъ и объявилъ съ негодованіемъ, что не признаетъ другого верховнаго властелина, какъ самый народъ, что ненавидитъ реакцію, и что, если онъ до сихъ поръ думалъ, «что Луи-Бонапартъ болѣе способенъ, чѣмъ кто-либо другой, по своему имени, по своимъ писаніямъ, по своему заключенію въ тюрьмѣ, къ установленію прочнаго существованія республики, то онъ не можетъ сохранить долѣе того же мнѣнія, видя, что президентъ слѣдуетъ пагубной политикѣ, руководимой неспособными людьми.»

На этомъ учредительное собраніе покончило свою дѣятельность, надѣливъ Францію полу-республиканскою, полу-монархическою конституціею, создавъ ничѣмъ не ограниченную въ сущности исполнительную власть императорскаго президента; породивъ многія бури, вызвавъ кровопролитіе въ Парижѣ и допустивъ кровавую битву въ Римѣ.

Избирательная кампанія для кандидатовъ во второе республиканское собраніе — законодательное, открыта была со всѣмъ искусствомъ парламентскихъ партій; коалиція сосредоточила всѣ свои силы и средства, чтобъ восторжествовать въ Парижѣ и департаментахъ надъ республиканскими кандидатами, чтобъ побудить народъ признать за лучшихъ выразителей своихъ потребностей, за вѣрнѣйшихъ представителей своихъ — людей старыхъ партій. «Великая партія порядка» образовала избирательный центральный комитетъ, извѣстный подъ именемъ «комитета улицы Пуатье», въ которомъ царилъ трогательная амальгама реакціонныхъ партій: «легитимность, бонапартизмъ и орлеанизмъ, соединенные сердцемъ и умомъ, поняли, что ихъ первымъ долгомъ было бороться противъ извращенныхъ идей, которыя они приписывали своимъ врагамъ». Располагая богатыми средствами, комитетъ повелъ дѣятельную пропаганду и пустилъ въ ходъ болѣе полумилліона экземпляровъ всякихъ брошюръ и памфлетовъ. Надо помнить, что въ 1849 г. Франція называлась республикою, чтобъ понять всю странность, всѣ противорѣчія общественнаго состоянія, которое дозволяло наводнять города и села памфлетами въ честь Бурбоновъ, Орлеановъ и Бонапартовъ, рядомъ съ поношеніями той политической формы, которая, послѣ изгнанія Орлеановъ, была признана націей за наиболѣе благоприятную для

нея. Коалиціонные памфлеты представляли французскому народу цѣлые историческіе трактаты и поученія; такъ въ одномъ объяснялось величіе Филиппа II, потому что онъ изгналъ евреевъ изъ Испаніи; въ другомъ знакомили «съ сумасшедшей и кровавой революціонной оргіей», которую именуютъ «Юльскою революціей» и которую произвелъ изъ-за своихъ личныхъ видовъ банкиръ Яковъ Лафитъ при помощи трехъ освобожденныхъ каторжниковъ! Орлеанисты не отставали въ исторіи отъ легитимистовъ и представляли народу цѣлыя изслѣдованія о происхожденіи и качествахъ нѣкоторыхъ непотребныхъ сектъ; такъ доказывалось, что монтаньяры суть особый родъ тирановъ, худшихъ чѣмъ американскіе дивары, а социалисты суть только болѣе извращенная порода монтаньяровъ, образующаяся изъ сброда авантюристовъ, разорившихся мотовъ, сидящихъ по уши въ долгахъ, сбѣжавшихъ изъ тюрьмы и съ каторги. Для болшей наглядности изображалась сельская идиллія, въ видѣ діалоговъ: *Жанъ*: «Да въ чему же они хотятъ придти? — *Огюстенъ*: Чортъ возьми! это очень ясно, просто засунуть свою лапу въ твой карманъ. *Господинъ Гарди*: Истинная правда! *Огюстенъ*: Они еще возьмутъ у тебя изъ подъ-носу твою жену и ты ничего не посмѣешь сказать!» Еще мрачнѣе разносились пророчества бонапартистской пропаганды: если на бѣду челоуѣчества удержится республика, то пропала вся великая Франція; республиканцы, которые въ февралѣ 1848 г. пожгли и разграбили казармы муниципальной гвардіи (?), республиканцы отнимутъ пенсію у легионеровъ, разрушатъ Инвалидный домъ, продадутъ побѣдоносные трофеи императора и, о ужасъ! разсѣютъ по вѣтру самый прахъ великаго императора! потому что республиканцы извѣстные союзники иностранца и извѣстные враги работника!

Республиканцы могли сколько угодно относиться презрительно къ продѣлкамъ своихъ враговъ, могли сколько угодно надѣяться на непремѣнное торжество своихъ идей, полагаясь на силу ихъ собственной внутренней стоимости, — «комитетъ улицы Пуатье» звалъ, что дѣлаетъ безошибочное дѣло, и не напрасно рассчитывалъ на успѣхъ своей агитаціи. Результаты выбора 1849 г. въ законодательное собраніе представили странное зрѣлище: національное собраніе республики состояло болѣе чѣмъ изъ двухъ третей роялистовъ и насчитывало только отъ 200 до 230 республиканцевъ всѣхъ различныхъ оттѣнковъ. 28-го мая въ полдень совершилось открытіе законодательнаго собранія, подъ президентствомъ старшаго по лѣтамъ г. де-Кератри, ознаменовавшаго себя на слѣдующій день смѣшною битвою на кулачки съ

Ледрю-Ролленомъ¹⁾. «Можетъ быть, говоритъ Тено (стр. 18), было бы неточно сказать, что роялистское большинство законодательнаго собранія стремилось къ насильственному ниспроверженію республиканскихъ учреждений. Весьма расположенное лицемѣрно обойти конституцію, оно можетъ отшатнулось бы отъ грубаго насилія. То, чего оно прежде всего хотѣло — это огражденія, какою бы цѣною ни было, прочности матеріальнаго порядка и частныхъ интересовъ средняго класса. Къ несчастію, это большинство было обуреваемо гибельною страстью. Оно боялось народа, который его избралъ, оно боялось свободы и всеобщей подачи голосовъ, боялось республиканцевъ. Мысль, что республиканцы могутъ чрезъ нѣсколько лѣтъ получить правильнымъ путемъ въ свои руки управленіе дѣлами страшила это большинство, какъ какая-нибудь ничемъ непоправимая катастрофа».

Таковъ характеръ новаго законодательнаго собранія и не трудно вывести отсюда, каково будетъ направленіе его членовъ, къ чему будутъ они стремиться, гдѣ будутъ искать опоры охранительной силы своихъ интересовъ, и кто воспользуется ихъ боязнью народа, — для своихъ личныхъ плановъ, для своего личнаго возвышенія на ихъ счетъ. Насколько благоприятное для себя положеніе усмотрѣлъ президентъ изъ выборовъ, — явствуетъ уже изъ того, что пріостановленная на время римская экспедиція была тотчасъ же послѣ выборовъ возобновлена съ новой энергіей и съ болѣе положительными инструкціями дѣйствовать въ смыслѣ реакціи. Такимъ образомъ, съ концомъ учредительнаго собранія римскій вопросъ оказался вовсе не оконченнымъ и законодательное собраніе должно было пройти чрезъ еще большія тревоги, должно было своимъ поведеніемъ, какъ уже и самымъ составомъ своимъ, повести къ гораздо болѣе печальнымъ событіямъ, чѣмъ все случившееся до тѣхъ поръ.

Страшный слухъ пронесся по Парижу 10 іюня и привелъ въ смятеніе весь городъ. Оказалось, что президентъ воспользовался промежуткомъ между закрытіемъ учредительнаго и открытіемъ законодательнаго собранія для совершенія давно задуманнаго замысла: онъ поспѣшно отозвалъ изъ Рима дипломатиче-

¹⁾ Въ то время, когда Л. Ролленъ стоялъ, 29 мая, на трибунѣ и говорилъ объ опасности вооруженной силы, окружавшей собраніе будто для его защиты, — онъ вдругъ почувствовалъ, что сади на него сыплются удары, которые по силѣ своей казались ударами раздраженнаго ребенка; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ услышалъ всякія отрывистыя ругательства. Онъ оборотился спиною къ собранію и увидѣлъ стиснутые кулаки самаго почтеннаго президента г. де-Кератри. Изумленный и разсѣянный яростью старичка, Л. Ролленъ только показалъ пальцемъ на него со словами: *онъ бьетъ меня!*

сваго агента Фердинанда Лессепса, которому удалось, при своемъ гуманномъ и честномъ отношеніи къ римской республикѣ, договориться съ римскими триумвирами (Армеллини, Маццини, Саффи) о мирѣ и дружбѣ. Президентъ приказалъ генер. Удино не обращать никакого вниманія на договоры Лессепса, честь котораго, однако, представляла честь всей Франціи въ данномъ случаѣ, — и идти на Римъ *во что бы то ни стало*. 3 и 4 іюня вписаны цѣлыми рѣками римской и французской крови въ лѣтопись рокового 1849 года; всѣ человѣческія чувства двухъ братскихъ народовъ заглушены были канонадой, и страшное отчаяніе овладѣло римлянами, когда загорѣлись ихъ жилища, когда французскіе солдаты вторгались въ ихъ вѣчный городъ, въ этотъ новый оплотъ ихъ свободолюбивыхъ надеждъ на избавленіе всей Италіи отъ чужеземнаго ига! Французская армія должна была узнать на своихъ многочисленныхъ жертвахъ, до чего могутъ быть доведены люди, когда на нихъ внезапно обрушится, ничѣмъ невызванное, необъяснимое нападеніе. Римская республика протестовала въ своемъ негодованіи предъ Богомъ и людьми, и ея сыны предпочли смерть на баррикадахъ въ защиту ея или въ отмщеніе за нее — добровольной покорности вѣроломному солдату, дѣйствовавшему по повелѣнію никѣмъ не признаннаго властелина и во имя его личныхъ интересовъ.

Парижъ былъ мраченъ; тамъ и безъ того было не весело, — длинными веренищами тянулись на кладбища погребальныя дроги холерныхъ; а тутъ еще новыя жертвы гибли по волѣ какой-то еще не разоблаченной интриги, и гибли въ большомъ количествѣ, судя по письмамъ изъ французскаго лагеря подъ Римомъ. Уже 7 іюня Ледрю-Ролленъ хотѣлъ требовать нѣкоторыхъ объясненій по итальянскимъ дѣламъ, но долженъ былъ отложить свой запросъ по болѣзни. 10 іюня, другой представитель лѣвой стороны, Бакъ, явился выразителемъ общаго смущеннаго настроенія и потребовалъ объясненія у министровъ о тревожныхъ извѣстіяхъ. Но гражданинъ Друэнъ-де-Люисъ оказался, какъ нарочно, въ отсутствіи въ этотъ день, а его товарищи по министерству не захватили съ собой полученныхъ депешъ; меньшинство потребовало ночного засѣданія; большинство сочло лучшимъ спать ночью и отказало въ ночномъ засѣданіи. Но Парижу было не до сна; снова поднялись «на стражу народныхъ интересовъ» всѣ республиканскіе и инсurreкціонные комитеты, снова появились на стѣнахъ Парижа призывы къ защитѣ конституціи, къ отраженію насилія, снова задвигалась мрачная толпа и улица приняла какой-то натянуто-торжественный и грозно-сдержанный видъ. Утромъ 11 іюня социалистскій

демократическій комитетъ своею прокламаціею призывалъ членовъ собранія «къ исполненію долга».

«Члены національнаго собранія, помните, что вы довѣренныя верховнаго народа... Помните договоръ: если конституція нарушена, представители народа должны дать народу примѣръ сопротивленія»!

«Гора» въ свою очередь напоминала народу о своей преданности и готовности: «Въ виду депеши, очевидно доказывающей наглое нарушеніе конституціи Л. Бонапартомъ и его министрами, и ихъ ослушаніе рѣшеніямъ учредительнаго собранія отъ 7 мая, «Гора» не можетъ не протестовать энергически. Пусть народъ будетъ спокоенъ. Онъ можетъ быть увѣренъ, что «Гора» явится достойною его почетнаго довѣрія; она исполнитъ свой долгъ»... «Демократическая ассоціація друзей конституціи» протестовала предъ всѣми народами и отрекалась отъ всякой солидарности съ совершеннымъ преступленіемъ. Въ національной гвардіи подписывались многочисленныя протесты и адреса.

Нетерпѣливое вниманіе всего города обратилось на національное собраніе, на его дебаты и рѣшенія: все ждало услышать отъ самого министерства справедливъ ли распространѣнныя извѣстія, узнать отъ собранія, что оно намѣрено предпринять. За вызовомъ президента, приглашавшимъ Ледрю-Роллена предложить министерству свои запросы, наступило глубокое молчаніе. Ледрю-Ролленъ взшелъ на трибуну; его голосъ на этотъ разъ былъ тише и спокойнѣе обыкновеннаго и каждое слово его било собраніе не риторическимъ эффектомъ, а неотразимымъ сопоставленіемъ фактовъ и еще фактовъ. «Къ чему тутъ запросъ и интерпелляція? — говорилъ онъ. Недѣлю тому назадъ, я понялъ бы еще смыслъ ихъ; теперь, я объявляю вамъ, они совершенно бесполезны. Къ чему они служили до сихъ поръ? Только къ обезображенію истины, или къ покрытію стыда вещей торжественностью словъ. Зачѣмъ интерпелляція? чтобъ знать, что произошло въ Римѣ? О, къ несчастью, мы всѣ знаемъ, что произошло тамъ... Факты теперь засвидѣтельствованы и документы существуютъ. Что вѣрно теперь, это то, что правительство нарушило самый священный долгъ свой, что оно совершило насиліе надъ конституціею; вѣрно еще то, что единственное дѣйствіе, которое мы можемъ предпринять противъ такого правительства, — это отданіе его подъ судъ... Мнѣ остается поэтому только сойти съ этой трибуны, вручивъ въ руки президента собранія обвинительный актъ противъ президента республики и его министровъ, виновныхъ въ самомъ высшемъ, въ самомъ важномъ преступленіи». Л. Ролленъ сошелъ съ трибуны и дойдя до своего мѣста, еще разъ

обратился къ собранію съ послѣднимъ увѣщаніемъ: «Я хочу прибавить еще одно слово, которое находится уже въ обвинительномъ актѣ. Я уже сказалъ вамъ, и это слѣдуетъ изъ всей корреспонденціи, — кровь еще течетъ въ Римѣ, надо остановить ея пролитіе. Въ силу настоятельной послѣдственности, я требую немедленной передачи обвинительнаго акта на обсужденіе всѣхъ бюро безъ задержки обычными формальностями». Ни большинство собранія, ни министерство конечно не допустило такой послѣдственности, и президентъ совѣта министровъ, *гражданинъ* Од. Барро снова прибѣгъ къ обыкновенной, и съ тѣхъ поръ навсегда утвердившейся тактикѣ министровъ Луи-Бонапарта: онъ сталъ отрицать всѣмъ извѣстные факты, отрицать самыя римскія событія, сталъ обвинять Ледрю - Роллена въ томъ, что онъ смущаетъ собраніе извѣстіями, основанными на ложныхъ слухахъ и на какихъ-то частныхъ письмахъ. А когда этотъ маневръ показался даже самому собранію уже черезъ-чуръ неподходящимъ къ положенію, печальная достовѣрность котораго была всѣмъ ясна, — то Од. Барро обратился къ другому стратегическому приему, тоже перешедшему изъ того періода въ наслѣдство ко всѣмъ послѣдующимъ министерствамъ Луи - Бонапарта; приемъ заключался въ терроризаціи, въ наведеніи ужаса на собраніе и, пожалуй, на всю Францію, разоблаченіемъ небывалыхъ замысловъ тѣхъ, кто нападаетъ на правительство. «Можетъ быть, прежде чѣмъ отвѣчать на обвиненіе, направленное на президента республики и на министерство, я также имѣлъ бы право спросить нѣкоторыхъ объясненій отъ тѣхъ, отъ кого исходитъ этотъ обвинительный актъ, спросить у нихъ, принято ли ими предъ самими собою, предъ своей страной, твердое и добросовѣстное рѣшеніе оставаться въ предѣлахъ законности? Еслибъ я вѣрилъ нѣкоторымъ протестаціямъ, нѣкоторымъ сужденіямъ, высказаннымъ заранѣе, нѣкоторымъ возбужденіямъ, то оказалось бы, что *обвиненіе* не ограничивается ни министерствомъ, ни президентомъ республики, оно уже заранѣе произнесено противъ того торжественнаго трибунала, на обсужденіе котораго оно отдано, т. е. противъ самого національнаго собранія. Я надѣюсь, что мои указанія будутъ опровергнуты съ этой трибуны... не слѣдуетъ за разъ братья и за легальную борьбу и за бунтъ»...

Заставивъ такимъ образомъ собраніе предполагать, искренно или лицемѣрно, что «Гора» съ ея представителемъ Ледрю-Ролленомъ посягаетъ не только на провинившуюся исполнительную власть, но и на законодательную, на самое собраніе, Од. Барро могъ уже далѣе безнаказанно и съ полнымъ сочувствіемъ всего реакціоннаго большинства облыгать событія вторженія, клеветать

и поносить побѣжденныхъ римлянъ: «Развѣ мы могли думать, что намъ придется найти въ Римѣ населеніе столь заблудшее, людей столь увлеченныхъ, чтобы не понять гдѣ лежитъ ихъ спасеніе, гдѣ будущность ихъ отечества?... Мы не предполагали встрѣтить сопротивленія, которе не имѣло основанія ни въ разумѣ, ни въ самомъ понятномъ, въ самомъ простомъ интересѣ.... Нашъ генералъ *острѣтилъ войну*; тѣ, которыхъ онъ послалъ съ миролюбивымъ порученіемъ, были удержаны плѣнниками, ружейные залпы были даны по нашимъ солдатамъ, которые отвѣчали тѣмъ же; генералъ объявилъ, и я вѣрю его честности, что начало дѣла принадлежитъ не ему, а римлянамъ». Послѣднія увѣренія возбудили движеніе даже въ реакціонномъ собраніи своей наглой неправдоподобностью. Но это не мѣшало Од. Барро долго еще говорить, и играть съ собраніемъ комедію взаимныхъ увѣреній, которымъ никто не могъ вѣрить и ложь которыхъ была всѣмъ извѣстна и слишкомъ очевидна. Од. Барро кончилъ защиту президентскихъ дѣйствій среди одобрительныхъ и поощрительныхъ возгласовъ и уступилъ мѣсто новымъ опроверженіямъ и новымъ обличеніямъ Л. Роллена. Ледрю-Ролленъ также долго говорилъ, снова стараясь возстановить въ ихъ истинѣ случившіяся событія и выражая «горькое изумленіе при видѣ того, до какой степени изощреннымъ искусствомъ языка самая свѣжія воспоминанія стираются, и самые торжественные акты извращаются или забываются».. — «Я говорю вамъ, что у васъ на лбу пятно крови!» воскликнулъ онъ, обращаясь къ усмѣхавшемуся Од. Барро; и вслѣдъ затѣмъ рѣшился наконецъ покончить свою долгую, неутомимую парламентскую дѣятельность объявленіемъ прямой вооруженной войны всей коалиціи и ея президенту республики. «Вы говорите намъ въ началѣ своей рѣчи, какъ-бы для того, чтобъ утратить насъ: Вы, которые допрашиваете насъ, вы, которые обвиняете насъ, увѣрены ли вы въ томъ, что удержитесь на легальной почвѣ? Я отвѣчу вамъ: я нахожу, что вы слышкомъ смѣлы (вы, которые нарушили конституцію), когда обращаетесь къ намъ съ такимъ вопросомъ. Нашъ отвѣтъ очень простъ: конституція нарушена, и мы будемъ защищать ее всѣми возможными средствами, даже оружіемъ». Крики и шумъ заглушили голосъ оратора; все собраніе пришло не на шутку въ смятеніе отъ такой положительной, пороховъ и барриадами пахнущей угрозы; характеръ Л. Роллена извѣстенъ; террористъ и республиканецъ, онъ не боится даже кровопролитія своихъ братьевъ, ему ничего не стоитъ довести до гражданской войны и погубить въ ней республику, о благѣ которой такъ неустанно печется и коалиція и

президентъ. Неистовый крикъ съ правой стороны: «къ порядку», смѣшался съ громкимъ подтвержденіемъ съ лѣвой послѣднихъ словъ оратора: «да, даже оружіемъ!» Общее смѣненіе, шумъ и гвалтъ смѣнили чинность собранія, пока наконецъ можно было слышать голосъ президента: «Конституціи не можетъ быть нанесено болѣе возмутительное насиліе, чѣмъ когда въ самой средѣ законодательнаго собранія говорятъ, вмѣсто защиты ея закономъ, о защитѣ ея оружіемъ. Это призывъ къ гражданской войнѣ. Я призываю васъ къ порядку, господинъ Ледрю Ролленъ. Но призывъ къ порядку немогъ противъ подобнаго насилія права. Мнѣ остается только протестовать во имя конституціи, во имя всего собранія». — «Параграфъ 110-й конституціи — возражалъ Л. Ролленъ съ своего мѣста, несмотря на призывъ къ порядку — гласитъ слѣдующее: Защита конституціи ввѣряется патриотизму всѣхъ французовъ. Я сказалъ и я повторяю: мы будемъ защищать нарушенную конституцію даже съ оружіемъ въ рукахъ!»

XI.

«Мы, члены республиканской прессы, мы, члены социальном-демократическаго комитета, мы говоримъ народу, чтобъ онъ готовился исполнить свой долгъ. «Гора» исполнить свой долгъ до конца; она дала намъ свое слово... Всѣ республиканцы поднимутся, какъ одинъ человѣкъ». Такъ оповѣщала парижанъ прокламація 12-го іюня о готовящемся сопротивленіи. Другое воззваніе было подписано студентами-республиканцами отъ имени школь: «Конституція французской республики потерпѣла насиліе отъ исполнительной власти. Роялистское большинство законодательнаго собранія является теперь соучастникомъ этого предательства. Оно такимъ образомъ само объявляетъ себя внѣ закона. Теперь открывается борьба между республикой и ея вѣчными врагами... Вы, граждане парижскихъ школь, которые приняли инициативу карающей протестаціи въ февралѣ, вы должны первые сомѣнуться вокругъ конституціоннаго знамени». Затѣмъ, все въ томъ же духѣ и тонѣ слѣдовали прокламаціи «Горы» и «Избирательнаго типографскаго комитета».

Въ этотъ же самый день законодательное собраніе, по выслушаніи комиссіи, назначенной для разсмотрѣнія обвиненія президента Л. Ролленомъ, окончательно высказывало свое сочувствіе президенту, отвергнувъ обвиненіе безъ всякихъ дебатовъ. Двѣ партіи такимъ образомъ теперь очень опредѣленно

стояли другъ противъ друга, и обѣ одинаково, и «великая партія порядка» и «демократическая партія республиканцевъ», приготовлялись дѣйствовать. 13-го іюня, вмѣсто простой прокламаціи, явился уже «призывъ къ народу». «Народъ! — говорится въ призывѣ, послѣ объясненій всѣхъ поступковъ президента и собранія — народъ, теперь наступитъ великій моментъ! всѣ эти дѣйствія скрываютъ цѣлую систему монархической конспираціи противъ республики. Ненависть къ демократіи, худо прикрытая на берегахъ Сены, раздражается во всемъ своемъ разгулѣ на берегахъ Тибра. Въ этой борьбѣ, поднятой между королями и народами, власть стала на сторону королей противъ народовъ... Соединимся же всѣ при кликахъ: Да здравствуетъ республика! Да здравствуетъ конституція!» Призывъ былъ подписанъ многочисленными именами народныхъ представителей, между которыми мы замѣчаемъ имена Бока, Бодена Кантагреля, Консидерана, М. Дюфресса, Грессо, Ламенне, Л. Роллена, Малардье, М. Бернара, Матье (изъ Дромы), Мишеля (изъ Буржа), Ф. Піа и мног. друг. Въ то же время манифестъ республиканскихъ комитетовъ призывалъ народъ къ возстанію, объявлялъ о томъ, что мастерскія запираются, что національная гвардія встаетъ.

Дѣйствительно, національная гвардія вставала, т. е. преимущественно одинъ ея 5-й легіонъ, но вовсе не для возстанія, а для мирной манифестаціи, для того, чтобъ безъ всякаго оружія идти въ законодательное собраніе, выразить свое негодованіе за нарушение конституціи. Къ таковой же мирной манифестаціи приглашалъ гражданъ и «Комитетъ друзей конституціи». «Пусть спокойная и великая манифестація, какъ торжественный судъ, какъ святое дѣло народностей, выразитъ собой протестацію французскаго народа противъ наглыхъ предпріятій власти». Дѣйствительно, «мирная манифестація» болѣе чѣмъ въ двѣ тысячи человекъ, — и въ томъ числѣ много артиллеристовъ національной гвардіи, — двинулась отъ Бастиліи и пошла торжественнымъ маршемъ по бульварамъ, съ Эт. Араго во главѣ. Около улицы Мира (Rue de la Paix) мирную манифестацію встрѣтила военная сила подъ начальствомъ орлеанистскаго генерала Шангарнье; три баталіона кавалеріи и два баталіона жандармовъ полетѣли съ Вандомской площади во весь опоръ прямо на ряды мирной манифестаціи, въ толпѣ произошло смѣтеніе, крики: «да, здравствуетъ Италия», смѣнились криками: къ оружію! но уже было поздно, кавалерія преслѣдовала толпу вдоль всѣхъ бульваровъ; у «Консерваторіи искусствъ и ремеселъ» (des Arts et Métiers) поднялись баррикады, — туда спѣшило нѣсколько монтаньяровъ,

тамъ же былъ лично и Ледрю-Ролленъ съ нѣсколькими друзьями (М. Бернаръ, Гинаръ, Консидеранъ). Но баррикадисты тоже не были вооружены и войско генерала Шангарнье успѣшно разнесло баррикады и побѣдило республиканцевъ. Дѣло кончилось нѣсколькими выстрѣлами и нѣсколькими ранеными... Но это было только начало «римской экспедиціи внутри», двухгодовой расправы со всѣмъ что только принадлежало къ республиканской идеѣ; со всѣми, кто только могъ быть заподозрѣнъ въ искреннемъ сочувствіи къ республиканскимъ порядкамъ.

Успѣхъ коалиціи былъ болѣе удаченъ и неожиданъ, чѣмъ даже она сама могла надѣяться; республиканцы попались въ ея когти глупо и безразсудно и понесли достойное наказаніе. Они не поняли, что время наивныхъ манифестацій, имѣющихъ какою-нибудь смыслъ только развѣ въ младенческомъ періодѣ новаго режима, давно прошло уже для февральской республики; они забыли, что республиканское національное собраніе и республиканская исполнительная власть казнили за мирныя манифестаціи 16-го апрѣля и 15-го мая 1848 года не менѣе, чѣмъ и за всякія другія заявленія «воли верховнаго народа»; они не обратили вниманія даже на трагическое поученіе іюньскихъ дней 48 года; они не сообразили что народъ не успѣлъ еще оправиться отъ пораженія и собраться съ силами, чтобъ снова взяться за оружіе. Они наконецъ не поняли, что для побитаго парижскаго народа римская экспедиція, при всей своей возмутительности, была недостаточно вызывающею причиною для новаго отчаяннаго возстанія, что у народа были другіе насущные интересы, помощи которымъ онъ нигдѣ не видѣлъ и одинаково не встрѣтилъ ни отъ одной партіи, и отъ республиканской не болѣе чѣмъ отъ другихъ... Болѣе смысла лежало для народа въ словѣ *республика*, потому что онъ привыкъ придавать этому слову смыслъ осуществленія своихъ надеждъ и удовлетворенія своихъ потребностей; но до сихъ поръ и она кормила народъ только надеждами и прокламаціями! Да и на защиту ея республиканцы звали народъ какъ бы нарочно въ самыхъ запутанныхъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Какъ защищать республику, съ какимъ оружіемъ, гдѣ его взять, куда идти, да и съ оружіемъ ли вообще? ничего этого нигдѣ не было сказано, и можно предположить развѣ одно оправданіе республиканцамъ: можетъ быть нѣкоторые изъ нихъ и сами сознавали все это и, въ порывѣ конечно вполне честнаго негодованія на поведеніе президентскаго правительства, — готовы были просто скорѣе самоотверженно погибнуть, чѣмъ дѣлить законодательную власть съ людьми, корыстные замыслы которыхъ противъ республики

становились съ каждымъ днемъ очевиднѣе. Такимъ образомъ становится понятенъ упрекъ, который обращаетъ Делоръ къ республиканцамъ 1849-го года: «Друзья республики услышали честныя слова Л. Роллена съ чувствомъ одобренія и въ то же время горечи; общественное мнѣніе начинало успокоиваться; демократическія идеи съ каждымъ днемъ приобретали себѣ болѣе почвы въ народѣ и въ буржуазіи; политика республиканской партіи выражалась однимъ словомъ — выжидать; она предпochла призывъ къ оружію! какъ будто этотъ призывъ могъ найти себѣ откликъ всего одинъ годъ спустя послѣ іюньскихъ дней».

Въ три часа Парижъ былъ «спокоенъ» и занятъ военной силой; и въ тотъ же самый часъ Од. Барро распечатывалъ въ законодательномъ собраніи депешу отъ министра внутреннихъ дѣлъ, и вслѣдствіе ея требовалъ, чтобъ собраніе объявило себя въ постоянномъ засѣданіи (en permanence), и затѣмъ представилъ ему проектъ закона о наложеніи на Парижъ осаднаго положенія. Такъ окончательно сбылось предсказаніе Гизо; такимъ образомъ, хороня вторую республику, Од. Барро хоронилъ и все свое прошлое, все, чѣмъ онъ снискалъ довѣріе и уваженіе французскаго общества. Противъ предложенія Одилона Барро протестовалъ Пьеръ Леру, указывая на осадное положеніе 1848 года, «которое было причиною и виною всѣхъ послѣдовавшихъ событій». Среди общаго смущенія неожиданно страннымъ было появленіе на трибунѣ генерала Кавеньяка. Іюньскій диктаторъ принималъ упрекъ П. Леру осадному положенію 1848 года за личный вызовъ себѣ, и еще болѣе странною была его рѣчь, которая, несмотря на свое вступленіе: «настоящій моментъ не допускаетъ ни длинныхъ рѣчей, ни длинныхъ споровъ», — представляла собой только длинную апологію его собственнаго поведенія и патетическія увѣренія въ преданномъ служеніи республикѣ, и «слышите ли вы, только *республика!*» И вся рѣчь заканчивалась пламенной надеждою, «что республика, столь драгоценная для блага страны, не осуждена на гибель» и со всѣхъ сторонъ раздались почти восторженныя подтвержденія: «нѣтъ, нѣтъ, не погибнетъ!» «Да здравствуетъ республика!».

А въ 5-ть часовъ вечера докладчикъ коммисіи, извѣстный другъ Токвиля, Гюставъ-де-Бомонъ, предложилъ собранію немедленно объявить городъ Парижъ въ *осадномъ положеніи*, что и было принято громаднымъ большинствомъ. «Эта мѣра, гласить постановленный законъ, — можетъ быть распространена *исполнительною властью* на всѣ тѣ города, въ которыхъ обнаружатся *подобныя же возстанія*».

Въ то же время президентъ Луи-Бонапартъ повелѣвалъ распустить артиллерійскій легіонъ сенской національной гвардіи.

За провозглашеніемъ осаднаго положенія, послѣдовало тотчасъ ревностное примѣненіе его. Демократическіе журналы «La Réforme», «Le Peuple», «La Démocratie pacifique», «La Révolution démocratique et sociale», «La Tribune des peuples», «La Vraie République» — запрещены и ихъ бюро заняты военными караулами. А для того, чтобъ декретъ о запрещеніи журналовъ не могъ быть нарушенъ своеволіемъ типографчиковъ, то офицерамъ Вейра и Корси поручено отправиться въ двѣ главныя типографіи этихъ журналовъ, и уничтожить въ нихъ рѣшительно все относящееся къ набору и печатанію, всѣ шрифты и прочія, принадлежности такъ, «чтобъ все было обращено въ состояніе негодное для дѣла».

Въ засѣданіи 18-го іюня, Одилону Барро пришлось услышать отъ Греви и Кремьё тѣ же аргументы противъ осаднаго положенія, которые онъ самъ такъ краснорѣчиво развивалъ въ 1832 г.; и ему также пришлось отвѣчать, какъ бы въ подражаніе Гизо: «Осадное положеніе значитъ прекращеніе обыкновенныхъ гарантій; это положеніе войны... Это законъ сокращенія, законъ общественнаго спасенія... Еще черезъ недѣлю, 25-го іюня, государственный совѣтъ ¹⁾, въ числѣ котораго значатся имена Ж. Симона, Гавена, Ж. Реньо, — объявлялъ, основываясь на декретѣ первой имперіи, отъ 25-го декабря 1811 г., — что въ силу осаднаго положенія военная власть становится на мѣсто административной абсолютно и неограниченно, и военные трибуналы *могутъ всегда, когда имъ угодно, замѣстить собою обычные суды.* «Справедливость требуетъ, чтобъ тѣ, которые подняли войну, терпѣли на себѣ ея послѣдствія, они должны были быть готовы къ тому», — поясняетъ Од. Барро съ трибуны нѣкоторымъ строптивымъ представителямъ народа.

Эта справедливость потребовала также того, чтобъ осадное положеніе было объявлено въ 16-ти департаментахъ; ибо, дѣйствительно, вслѣдъ за извѣстіемъ о смутахъ въ Парижѣ, поднялся на возстаніе Ліонъ, рабочее населеніе котораго всегда готово было содѣйствовать всякому республиканскому и соціальному движенію въ Парижѣ, надѣясь на дружное освобожденіе отъ гнетущаго его положенія; за Ліономъ манифестаціи

¹⁾ Члены этого совѣта, въ числѣ 40 человекъ, были назначены самимъ національнымъ собраніемъ, и смѣнялись на половину въ первые два мѣсяца каждаго новаго національнаго собранія.

охватили Дижонъ, Тулузу, Бордо, Перигё, Виень, Ошъ, Нарбоннь, С. Этьень и др. — «*Пора, чтобъ добрые успокоились и чтобъ злые дрожали!*» провозгласилъ въ своей прокламаціи президентъ республики, и для того, чтобъ осуществить желаніе верховной власти, Од. Барро приглашаетъ генеральныхъ прокуроровъ къ исполненію ихъ обязанностей безъ всякаго стѣсненія: «*Какія сомнѣнія или угрызенія совѣсти могутъ останавливать васъ въ наистрожайшемъ примѣненіи постановленнаго закона. Случай теперь хорошій и рѣшительный.... Я уже указывалъ вамъ неоднократно, насколько важно для полезности подавленія, чтобъ оно совершилось быстро, и насколько привычка расширять и усложнять бесполезно уголовную процедуру, вредить дѣйствию справедливости. Наконецъ, великія и трудныя положенія возвышаютъ людей, которые умѣютъ понять ихъ и которые чувствуютъ въ себѣ достаточно смѣлости....*» И прокуроры оказались во многихъ мѣстностяхъ дѣйствительно смѣлыми и, по истинѣ, возвысились до удовлетворенія президента. По всей Франціи начались аресты, въ одномъ Лионѣ тюрьмы наполнились тремя тысячами рабочихъ; были публицисты и адвокаты, которыхъ таскали закованными въ кандалы изъ одного мѣста въ другое въ продолженіи 20 дней, и которые потомъ, даже предъ военнымъ судомъ, оказывались невинными! Право собранія и ассоціаціи, установленное 8-мъ § конституціи, отмѣнено на годъ; законодательное собраніе, т. е. реакціонное большинство произноситъ обвиненіе противъ 40 представителей, и передаетъ ихъ Версальскому высшему суду¹⁾.

Терроръ и реакція, какъ всегда и повсюду, обрушились всею своею тяжестью на прессу. Въ іюлѣ были представлены законодательному собранію тавія новыя улучшенія въ строгости законовъ о печати, которыя подтверждали всѣ каратель-

¹⁾ 12 октября 1849 г., въ Версальскомъ высшемъ судѣ начались дебаты по процессу 67 обвиненныхъ въ покушеніи на республику, большая часть которыхъ состояла изъ представителей народа, журналистовъ и артиллерійскихъ офицеровъ Защитника Мадье-де-Монжо и знаменитый Мишель изъ Буржа (см. его характеристику въ книгѣ Эм. Оливье, 16 19 janvier; стр. 67) отказывали суду въ компетентности. Большинство обвиненныхъ, въ томъ числѣ и Л. Ролленъ успѣли бѣжать въ Англію. Процессъ окончился 13-го ноября, произведя шумный скандалъ. Мишель изъ Буржа доказывалъ, что нарушеніе конституціи влечетъ за собой право возстанія; президентъ суда остановилъ его объявленіемъ, что «общественная совѣсть была бы возмущена, если какой бы то ни было трибуналъ допустилъ, чтобъ предъ нимъ защищались подобныя доктрины.» А между тѣмъ 14 присяжныхъ согласились съ постановкою Мишеля; обвиненные отказались защищаться, объявляя, что защитѣ не дадутъ свободы. Процессъ кончился приговоромъ 17 человекъ къ депортаціи и 5-ти къ пятилѣтнему заключенію.

ныя мѣры сентябрьскихъ законовъ и вторыя потому вызвали у Матьё (отъ Дромы) приговоръ и имъ и ихъ автору: «Я могъ бы доказать президенту совѣта, г. Од. Барро, что этотъ проектъ есть полнѣйшее, абсолютное опроверженіе всего его прошлаго, всѣхъ его политическихъ антецедентовъ, всей его парламентской карьеры. Да, въ моихъ глазахъ, и я глубоко жалью о томъ, г. Од. Барро навсегда хоронитъ въ этомъ проектѣ 18 лѣтъ своей оппозиціонной дѣятельности.»

Каждое новое законоположеніе о печати во Франціи всегда возбуждало между партизанами застоя и его противниками страшную борьбу; въ законоположеніи о печати, тѣ и другіе одинаково видѣли опасность или процвѣтаніе для свободы или для абсолютизма; это законоположеніе являлось краеугольнымъ камнемъ и спорнымъ пунктомъ каждой конституціи и по немъ всегда судили о свѣтлыхъ или темныхъ сторонахъ того или другого режима. Дебаты, завязавшіеся на этотъ разъ по поводу новыхъ строгостей, предложенныхъ Од. Барро, вызвали на парламентскую трибуну Монталамбера и Греви, Од. Барро и П. Леру. Монталамберъ счелъ за нужное принести публичное покаяніе въ грѣхахъ своей молодости и, болѣе того, «дать благословеніе преподобному Од. Барро», по выраженію П. Леру: «И я тоже началъ свою карьеру, говорилъ Монталамберъ — протестомъ противъ сентябрьскихъ законовъ, а теперь защищаю этотъ новый сентябрьскій законъ. Я думалъ, объяснялъ онъ, что Франція стала наконецъ крѣпкою и сильною, что она можетъ вынести свободу; я вижу, что она больна: все общество французское серьезно больно, я сказалъ бы даже, смертельно больно. Надо спасти его, спасти какою бы цѣною ни было, а вмѣстѣ съ нимъ спасти и свободу....» И вотъ теперь, по краснорѣчивому сравненію Монталамбера, «Одилонъ Барро уподобился Гизо и съ такою же энергіею, съ такимъ же талантомъ, съ такимъ же патриотизмомъ явился защитникомъ власти, которую порицалъ прежде.» — «Нѣтъ, восклицалъ Барро, живо ужаленный зловѣщимъ сравненіемъ Монталамбера, — я не принимаю помощи отъ краснорѣчія этого оратора; я стою, какъ и всегда за свободу, и законы, предложенные мною, ведутъ только къ обезпеченію свободы!»

«Старый либераль почувствовалъ ударъ — обращался вслѣдъ за тѣмъ Пьеръ Леру къ Од. Барро, — онъ теперь протестуетъ всей своей прошлой жизнью, своей прошлой славою, и я, котораго рѣдко трогаетъ его краснорѣчіе, я тронуть его положеніемъ, потому что въ его словахъ я услышалъ честнаго чловека, но въ то же время услышалъ и чловека, который от-

дается паденію, ибо, если жизнь его молодости и либерализма есть его лучшая, его славная жизнь, то къ чему же онъ отрывается отъ нея постоянно предъ нами и вызываетъ въ другихъ отпущеніе и прощеніе своему прошлому?... Г. Барро и всѣ они говорятъ теперь республиканцамъ: оставьте насъ постановлять самые жестокіе законы противъ ума человѣческаго, противъ прессы, противъ конституціи — мы дѣлаемъ это для блага республики и именно мы спасемъ ее; они уподобляются палачу, который говорилъ Донъ Карлосу: «я теперь умерщвляю тебя, но это для твоего блага». А я говорю господамъ Барро и Дюфору: вы ошибаетесь, надъ вами стоятъ люди, которые господствуютъ, управляютъ вами и вы не болѣе, какъ ихъ агенты. Г. Монталамберъ говоритъ, что безъ вашего управленія республика погилла бы подъ деспотизмомъ какого-нибудь солдата, а я говорю г. Монталамберу: я боюсь вашего деспотизма, я боюсь деспотизма *іезуитовъ*.

Нечего и говорить, что подобныя увѣщанія и предостереженія ни къ чему не вели и всѣ карательныя мѣры, сводившія республиканскую свободу къ нулю, были приняты съ радостью громаднымъ большинствомъ, а когда представитель Греви, говоря о всѣхъ принятыхъ мѣрахъ, произнесъ: «Да это военная диктатура», то министръ Дюфоръ возразилъ ему очень спокойно: «Нѣтъ, это парламентская диктатура, примѣненіе древняго изреченія: *Salus populi suprema lex esto*: Благо народа должно быть верховнымъ закономъ.»

«Съ этого момента — говорить Тено — началось небывалое зрѣлище республики, при которой званіе республиканца было достаточнымъ поводомъ для подозрѣнія и преслѣдованія... Дѣло этой безумной реакціи велось ворифейами либерализма, гг. Тьеромъ, Беррье, Барро, Моле, Монталамберомъ и Фаллу, ослѣпленіе, которое они должны были позже искупить дорогою цѣною».

«Слово республика, — заключаетъ свой рассказъ Делоръ, — оставалось на монетахъ до 1853 г.; но вторая французская республика умерла 13-го іюня 1849 года».

XII.

Введеніемъ террористическаго правленія собственно оканчивается дѣятельность министерства Барро; въ октябрѣ оно получило отъ президента неожиданную отставку, хотя Барро еще долго вмѣстѣ съ своими друзьями ревностно поддерживалъ политику президента и содѣйствовалъ къ проведенію реакціонныхъ, антиконституціонныхъ мѣръ, до самаго февраля 1851 г., до тѣхъ поръ, пока наконецъ ясно увидѣлъ, вмѣстѣ съ своимъ союзникомъ Тьеромъ, что они «шли въ комнату, а попали въ другую», что, въ то время, какъ они думали, что служить интересамъ «великой партіи порядка», «великой парламентской коалиціи», — на дѣлѣ они служили только личнымъ интересамъ Л. Бонапарта и народную кровь поливали его до рогу къ абсолютному господству и императорскому трону.

Мы сочли нужнымъ обстоятельно остановиться на первомъ періодѣ Бонапартовскаго президентства. Въ этотъ періодъ Л. Бонапартъ искусно и тайно, подъ прикрытіемъ парламентской игры, вазаль всѣ узлы своей запутанной интриги; этими узлами онъ успѣлъ очень удачно уничтожить римскую республику и подавить, хотя еще не окончательно, республику французскую. Мы находили не лишнимъ указать сложную завязку драмы, съ ея характеристическими эпизодами парламентской, уличной и судебной борьбы, въ виду которыхъ читателямъ легче представить себѣ дальнѣйшій, послѣдовательный ходъ къ неизбежной катастрофѣ, вѣнчающей успѣхомъ или наносящей гибель той или другой сторонѣ. По этимъ частностямъ тѣмъ удобнѣе ознакомиться съ партіями того періода, что одна изъ главныхъ ролей въ борьбѣ того періода выпала на долю Од. Барро, — челоуѣка считавшагося до тѣхъ поръ незапятнаннымъ никакими личными интересами, и никакими реакціонными тенденціями. И если такая личность вела себя такъ, какъ мы видѣли, доходила до прямой измѣны убѣжденіямъ всей своей жизни, — то понятно, каково было поведеніе другихъ лицъ и общественныхъ дѣятелей, закаленныхъ въ бою парламентской реторики, и всѣ свои поступки, всѣ свои отношенія соразмѣрившихъ съ этой парламентской моралью, съ ея особыми идеями о честности, о добродѣтели и о служеніи народному благу.

Среди господства террора и реакціи, президентъ рѣшилъ, что пришло время выступить ему самому болѣе торжественно и явно предъ всей Франціей, и этотъ новый періодъ президентской карьеры открылся публичнымъ поканіемъ Л. Бонапарта

за свои прошлые грѣхи, за свои крамолы противъ законамъ установленной власти. 22-го іюля 1849 года, въ самомъ мѣстѣ своего заточенія, въ Гамбѣ, президентъ говорилъ о томъ, что, ставъ избранникомъ цѣлой Франціи и законнымъ главою великой націи, онъ не хочетъ гордиться заключеніемъ, которое было вызвано его нападеніемъ на правильно установленное правительство, онъ произноситъ тостъ въ честь тѣхъ людей, которые рѣшились, *несмотря на ихъ убѣжденія, уважить* учрежденія ихъ страны. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, 1-го августа, въ Турѣ, онъ произносилъ рѣчь иного свойства, болѣе тревожную и мрачную, хотъ и заканчиваетъ ее свѣтлыми увѣреніями: «Въ Парижѣ распускали слухи и теперь еще утверждаютъ, будто правительство замышляетъ какое-то предпріятіе, подобное 18 брюмеру. Но развѣ мы находимся въ одинаковыхъ обстоятельствахъ? Развѣ иностранныя арміи вторглись въ нашу страну? *Развѣ Франція раздираема гражданскою войною?* Развѣ 100,000 людей объявлены внѣ закона — закономъ о подозрительныхъ лицахъ?... Нѣтъ, мы не находимся въ положеніи, требующимъ такихъ *геройскихъ* средствъ.... Довѣрьтесь же будущности, не думая ни о переворотахъ, ни о возстаніяхъ.... Имѣйте вѣру въ національное собраніе и въ вашихъ первыхъ магистратовъ, которые суть избранники націи.»

Вся эта аффектація законности — поясняетъ Дюнойе — имѣла своей цѣлью только подготовленіе успѣха развивавшагося заговора — посредствомъ успокоенія и усыпленія тревожнаго духа въ обществѣ — Заговоръ во всякомъ случаѣ длился не долго, и «усыпленный духъ» былъ пробужденъ ударомъ 31 октября 1849. Президентъ республики далъ въ этотъ день первый залпъ по парламентскимъ притязаніямъ коалиціи и явился вполне самостоятельнымъ властелиномъ. Мы видѣли, какія причины побудили президента къ избранію состава министерства 20-го декабря: оно являлось плодомъ договора между президентомъ и коалиціей. Теперь президентъ считалъ себя уже настолько сильнымъ, что не нуждался болѣе въ соблюденіи договора: съ одной стороны, новымъ терроромъ реакціонныя партіи сами достаточно подорвали довѣріе къ себѣ въ народѣ; съ другой стороны Луи-Бонапартъ хотѣлъ открыто выказать свое презрѣніе къ парламентскому правленію и свое стремленіе къ личному, на немъ одномъ сосредоточенному правленію: «Я вручилъ веденіе дѣлъ людямъ различныхъ мнѣній, но я не достигъ результатовъ, которыхъ ждалъ отъ такого сближенія. Въмѣсто сліянія разныхъ оттѣнковъ, произошло только парализованіе силъ.... Въ продолженіи почти цѣлаго

года единство видовъ и намѣреній было постоянно нарушаемо.... Едва только прошли опасности улицы, какъ *старыя партіи водняли свое знамя*, возобновили свое соперничество и привели страну въ смятеніе, сѣя повсюду безповойство.... Для того, чтобы утвердить республику, которой грозить со всѣхъ сторонъ анархія.. нужны люди, которые.... понимали бы необходимость *единого* направленія.... которые столько же заботились бы о моей личной отвѣтственности, сколько и о своей, столько же о дѣйствіяхъ, сколько и о словахъ.... Франція, — тревожная потому, что не видитъ направленія, — ищетъ руку, волю избранника 10-го декабря; но эта воля можетъ проявиться только тогда, когда существуетъ полная общность видовъ, идей, убѣжденій между президентомъ и министрами, и когда само собраніе присоединяется къ національной мысли, выраженіемъ которой было избраніе исполнительной власти! Цѣлая система восторжествовала съ моимъ избраніемъ, ибо имя Наполеона уже само по себѣ есть цѣлая система.... *Мы спасемъ страну, не смотря на всѣ партіи, на всѣ честолюбія и даже на всѣ несовершенства, которыя могли бы заключаться въ нашихъ учрежденіяхъ.*»

Это посланіе Луи-Бонапарта было прочтено собранію въ 5 часовъ вечера; а въ два часа дня — по словамъ «*Journal des Débats*» — самъ Одилонъ Барро не подозрѣвалъ даже подобнаго рѣшенія президента. Это произошло отъ того, что Барро былъ боленъ, ибо другіе министры были увѣдомлены о томъ самымъ Луи-Бонапартомъ, когда явились къ нему въ 10 часовъ утра. «Луи-Бонапартъ — повѣствуетъ «*Journal des Débats*» — началъ свою рѣчь къ министрамъ съ того, что выразилъ каждому изъ нихъ свое сочувствіе и уваженіе и затѣмъ объявилъ, что его кабинетъ не успѣлъ сохранить достаточной независимости относительно большинства собранія. Всѣ члены кабинета возразили тогда единодушно, что, конечно, президентъ воленъ выбирать министровъ, какихъ ему угодно, но что въ *своей душѣ и совѣсти*, сознавая, что они исполняли свой долгъ съ усердіемъ и добросовѣстностью, и принимая во вниманіе послѣднее рѣшеніе большинства, они *не могутъ подать въ отставку*. Тогда Луи-Бонапартъ *далъ имъ понять*, что они болѣе не пользуются его довѣріемъ, и что онъ намѣренъ призвать въ совѣтъ другихъ лицъ.» «*Во время конституціонной монархіи*, — (замѣчаетъ «*Journal des Débats*», указывая на то, что удаленное министерство имѣло за собою 300 голосовъ большинства въ собраніи) — было принято за абсолютное начало, что министерство, находящееся въ такихъ условіяхъ, въ какихъ вчера было

министерство Од. Барро, считалось непоколебимымъ; очень понятно поэтому, что теперь тѣ, которые *искренно* думаютъ, что *республиканская* форма должна предохранить Францію отъ личнаго правленія и утвердить навсегда власть за большинствомъ, исходящимъ изъ всеобщей подачи голосовъ, — что думающіе такъ, высказали по меньшей мѣрѣ удивленіе, узнавъ новости дня.»

Замѣчаніе «Journal des Débats» болѣе остроумно, чѣмъ глубокомысленно; требованіе отъ *республиканской формы* соблюденія условій *конституціонной монархіи*, можетъ показаться по меньшей мѣрѣ страннымъ, а забвеніе французской конституціи, провозглашенной всего за годъ предъ тѣмъ, просто непроситительно для столь ученаго журнала: онъ забылъ статью 647 конституціи: «президентъ назначаетъ и отставляетъ министровъ.» Національное собраніе, повидимому, также забыло эту статью, ибо пришло въ неописанное смущеніе и разразилось страшнымъ шумомъ при чтеніи посланія.

Подобная же буря, но съ большимъ практическимъ результатомъ, хоть и въ гораздо меньшемъ видѣ произошла вслѣдъ затѣмъ въ бюро редакціи газеты «Constitutionnel»: «г. Тьеръ настолько же не прощалъ президенту, насколько прежде королю Луи-Филиппу выборъ министровъ своего кабинета по своему собственному усмотрѣнію, когда ни онъ самъ, ни его друзья не попадали въ министры» ¹⁾. Тьеръ сердился и выходилъ изъ себя до тѣхъ поръ, пока почтенный докторъ Веронъ, главный хозяинъ журнала, не вручилъ ему внесенныя имъ 100,000 франковъ и не порвалъ съ нимъ въ тотъ же день всѣхъ сношеній!

Со дня президентскаго посланія 31-го октября начинается, какъ мы уже замѣтили, новый періодъ президентства, въ продолженіе котораго президентъ все болѣе отдалялся отъ собранія и все болѣе настойчиво шелъ самостоятельной дорогой къ предположенной цѣли переворота. По своему характеру, рѣзко различающемуся отъ перваго, и по своему содержанію этотъ періодъ можетъ быть названъ *диктатурою*, и мы изложимъ его въ третьей и послѣдней части, въ которой доведемъ рассказъ до основанія имперіи.

И. Н.

¹⁾ Véron, Mémoires p. 97.

НОВЫЙ РОМАНЪ ВИКТОРА ГЮГО.

Victor Hugo. — *L'homme qui rit.* 4 vol. Paris. 1869.

XI.

Урусъ съ своей трупой прибылъ въ Лондонъ и остановился въ предмѣстьѣ Соутуоркѣ, которое соединялось съ городомъ Лондонскимъ мостомъ, единственнымъ въ то время въ столицѣ Англіи. Тогдашній Соутуоркъ состоялъ изъ маленькихъ улицъ и переулковъ, застроенныхъ деревянными домами; предмѣстье, однако, начинало приобрѣтать значеніе, такъ какъ здѣсь сосредоточивалась навигація; въ длинной старой стѣнѣ вдоль Темзы вбиты были желѣзные кольца, за которыя укрѣплялись рѣчные суда; тутъ же приставало тяжелое двухмачтовое, съ гладко настланной палубой безъ перилъ, съ одной маленькой каютой, голландское судно «Vograat», которое разъ въ недѣлю дѣлало рейсы изъ Лондона въ Роттердамъ и обратно. Стѣна мѣстами прорѣзана была ступеньками. Насыпь со стороны улицы позволяла прохожимъ облакачиваться о края стѣны, какъ о набережную и смотрѣть на Темзу. На противоположной сторонѣ рѣки уже начинались поля. Неподалеку отъ стѣны, которая носила названіе Эффрокъ-Стонъ, по имени герцога, который тутъ утонулъ (рѣка въ самомъ дѣлѣ была довольно глубока для герцога), почти противъ сентъ-джемсаго дворца, было пустое мѣсто, поросшее травой и называвшееся Тэринзофильдъ, по имени бароновъ Тэринзо, которымъ оно когда-то принадлежало; мѣсто это представляло нѣчто въ родѣ постоянной ярмарки, загроможденной фокусниками, комедіантами, ванатными плясунами, странствующими

щими музыкантами и вѣчно наполненной ротозѣями, которые приходили «поглядѣть на чорта», какъ выражался архіепископъ Шарпъ. Глядѣть на чорта — значило ходить на представленія. Тутъ же процвѣтало и нѣсколько кабаковъ, которые были простыя лачуги, обитаемыя только днемъ: вечеромъ кабатчикъ запералъ лавочку и уходилъ домой. Только одинъ изъ этихъ кабаковъ былъ настоящимъ домомъ. Онъ назывался Тэдвестеръ и имѣлъ большой дворъ, на который можно было пройти только черезъ самый кабакъ, хотя тутъ были и ворота, но они вѣчно стояли на запорѣ. Хозяинъ этого кабака или, пожалуй, гостиницы былъ Никлесь, скупой и боязливый вдовецъ, трепетавшій передъ властью; прислужникъ его — малый лѣтъ четырнадцати — носилъ имя Говикумъ.

Въ этой гостиницѣ и нашель себѣ пріютъ Урсусъ, расположившись съ своею «Зеленой Коробкой» на большомъ дворѣ, весьма удобномъ для представленій. Онъ былъ четырехъ-угольный, застроенъ съ трехъ сторонъ; къ задней стѣнѣ, приходившейся противъ этажей гостиницы, и была придвинута «Зеленая Коробка»; мощный дворъ служилъ партеромъ, окна гостиницы бенуарами, крытый деревянный балконъ ея — балкономъ; часть послѣдняго была отгорожена досками для «благородной публики» и уставлена лучшей мебелью гостиницы; какъ разъ въ срединѣ Урсусъ поставилъ кресло, обитое utrechtскимъ бархатомъ на случай посѣщенія представленій супругою какого-нибудь альдермена.

Несмотря на то, что Никлесь взялъ дорого съ Урсуса, имѣя въ виду преслѣдуемый властью предметъ — волка, труппа дѣлала хорошія выручки, благодаря Гуинплею, который не только привлекъ къ себѣ общее любопытство, но и отбилъ посѣтителей отъ всѣхъ другихъ балагановъ. Однако, успѣхъ этотъ оставался мѣстнымъ, не переходя черезъ Лондонскій мостъ: «благородная публика», которой ожидалъ Урсусъ, не являлась, но и соуторкскаго населенія было достаточно для наполненія кошелека странствующей труппы, который толстѣлъ, по выраженію Урсуса, какъ согрѣшившая дѣвушка. При всякомъ представленіи дворъ наполнялся посѣтителями, въ первое время рабочими, носильщиками, плотниками, матросами, потомъ и зажиточными обитателями предмѣстья. Между этою публикою нельзя было не замѣтить высокаго, красиваго матроса, который пробирался обыкновенно въ первые ряды, щедро раздавая толчки, ругаясь, крича, ставя, въ случаѣ надобности, фонари подъ глазами, а то и угощая виномъ. Онъ былъ одѣтъ опрятно и восторгался представленіями такъ сильно, что словно самъ былъ заинтересованъ

успѣхомъ Гуинплейна, словно дѣло трупы было собственнымъ его дѣломъ. Когда балаганщики вооружились противъ «смѣющагося человѣка» и толпою пришли ему шивать на дворъ Тэдвестера, матросъ этотъ съ горячностью раздавалъ кулаки и способствовалъ побѣдѣ своего любимца. Но, участвуя въ манифестаціяхъ, онъ держалъ себя какъ-то особнякомъ и ни съ кѣмъ не сходился. Урсусъ и Гуинплейнъ могли только узнать отъ Никлеса, что матроса зовутъ Томъ-Джимъ-Джекъ, при чемъ онъ прибавилъ: «Жаль, что онъ не лордъ: славная каналья вышла бы изъ него».

Балаганщики и комедіанты не ограничились попыткою повредить успѣху «Зеленой Коробки» свистками: они подали просьбу начальству, выставя Гуинплейна колдуномъ, а Урсуса нечестивцемъ. Это обыкновенный ходъ дѣла: противъ успѣха сперва вооружаютъ толпу; потомъ умоляютъ начальство избавить общество отъ столь вредныхъ людей. Къ комедіантамъ присоединились духовные отцы; жалуются, что Гуинплейнъ вредитъ проповѣдямъ, что церкви опустѣли, что «Побѣжденный Хаосъ», «Смѣющийся Человѣкъ», «Зеленая Коробка», однимъ словомъ, всѣ эти мерзости вааловы отбили прихожанъ отъ краснорѣчія священнослужителей. Впрочемъ, отцы духовные, въ своей просьбѣ къ лондонскому архіепископу, который повергнулъ ее къ стопамъ королевы, осторожно обошли прямыя причины, а ворчали противъ «Зеленой Коробки» во имя общественнаго порядка и парламентскихъ актовъ, которые нарушены были волкомъ, звѣремъ, отовсюду изгоняемымъ и стоящимъ внѣ законовъ. Такіе мотивы были дѣйствительныѣ, потому что ужъ начинались времена скептицизма вмѣстѣ съ Локкомъ, который только-что умеръ тогда, и Болингброкомъ. Такимъ образомъ комедіанты дѣйствовали противъ своего врага во имя Пятикнижія, во имя неба, а отцы духовные во имя полицейскихъ правилъ, ссылаясь между прочимъ и на коллегію 84 лондонскихъ докторовъ, ученое учрежденіе, основанное при Генрихѣ VIII, которое, между прочими полезными для здравія гражданъ заключеніями, обнаружило тотъ несомнѣнный научный фактъ, что если волкъ первый взглянетъ на человѣка, то человѣкъ на всю жизнь будетъ пораженъ хриптою.

Увѣдомленный объ этихъ происсахъ трактирщикомъ, Урсусъ безпокоился и жалѣлъ о своемъ пріѣздѣ въ Лондонъ, ибо столь же мало чувствовалъ охоты сходиться лицомъ къ лицу съ властями, какъ заяцъ съ борзыми собаками; но происки эти имѣли противъ себя одну великую силу, изъ которой родилась англійская свобода—мѣстное самоуправленіе. Свобода въ Англии укла-

дывается подобно морю вокругъ Англїи. Это приливъ. Мало-помалу нравы заливаютъ законы и ихъ чудовищность видна только сквозь прозрачность широкой свободы. Пока Соутгоркъ стоялъ за «Зеленую Коробку», пока мѣстные власти равнодушно глядѣли на нее, Урсусъ и Гуинплейнъ могли дышать свободно, несмотря ни на какія коалиціи. Это и утѣшало старика, который, не желая вносить въ душу Гуинплейна безпокойства, ничего не говорилъ ему о проискахъ, такъ что молодой человѣкъ и не думалъ воздерживать свой языкъ, какъ невоздерживалъ его въ провинціальныхъ городахъ. Разъ при трактирщикѣ позволилъ онъ себѣ неприлично отозваться объ изображеніи на фартингѣ королевы Анны. Это дошло до Урсуса и онъ почелъ справедливымъ дать нагоняй своему воспитаннику, который, самъ того не зная, совершалъ преступленіе противъ величества. «Сдѣлай одолженіе, говорилъ Урсусъ, гляди за своей пастью. Знай, что есть правило для великихъ міра сего — ничего не дѣлать, и правило для малыхъ сего міра — ничего не говорить. У бѣднаго только одинъ другъ — молчаніе; онъ долженъ произносить только одно слово: да. Одобрять и соглашаться—вотъ его права. Да—судѣ, да—королю. Сильные могутъ, если захотятъ, бить насъ жезломъ—это ихъ привилегія, и, ломая намъ кости, они ни мало не теряютъ своего величія. Уважай жезлъ всегда и при всякомъ случаѣ и помни, что существуютъ наказанія, что ты находишься въ такой странѣ, гдѣ за спилку трехлѣтняго дерева преспокойно вздергиваютъ на висѣлицу. Кто наноситъ ударъ кому-нибудь въ вестминстерской залѣ, тотъ подвергается пожизненному тюремному заключенію и имѣніе его конфискуется; кто ударитъ кого въ королевскомъ дворцѣ, тому отрубаютъ правую руку. Тутъ, братъ, шутить не любятъ. Три года тому назадъ, въ 1702 г., привязали къ позорному столбу одного злодѣя, по имени Даніэля Дефое, за то, что тотъ осмѣлился напечатать имена членовъ палаты общинъ, говорившихъ наванунѣ въ парламентѣ. А кто оскорбитъ величество, тому живому распарываютъ брюхо, вырываютъ сердце и этимъ сердцемъ клещутъ его по щекамъ. Помни это, любезный другъ, и подражай въ дерзости—птицамъ, а въ молчаніи—рыбамъ.»

Нѣсколько дней спустя, въ теченіе которыхъ Урсусъ продолжалъ безпокоиться на счетъ дерзкихъ словъ своего пріемыша, онъ увидѣлъ чрезъ отверстіе въ стѣнѣ двора, на улицѣ, полицейскаго съ желѣзною булавою, и страшно перепугался. Ему показалось сначала, что полицейскій направляетъ свои стопы къ нимъ и онъ, позвавъ Гуинплейна, объяснилъ ему, что за страшилище этотъ человѣкъ съ булавою.

«Если онъ подойдетъ къ тебѣ и тронетъ тебя булавою — это значитъ: иди за мной. Онъ не произноситъ ни одного слова, но тотъ, кого коснулась булава, долженъ слѣдовать за нимъ безпрекословно. Что ни спрашивай у него — онъ будетъ молчать, а если вздумаешь оказать сопротивленіе — повѣсятъ... Слава Богу, онъ прошелъ мимо насъ.»

Безпокоясь за Гуинплейна, Урсусъ неожиданно потребованъ былъ самъ предъ совѣтъ трехъ весьма неприятныхъ особъ, трехъ докторовъ: доктора богословія, доктора медицины и доктора исторіи и гражданскаго права. Эти три эксперта in omni re scibili держали въ своихъ рукахъ цензуру всѣхъ словъ произносимыхъ публично въ 130 приходяхъ Лондона, 73 Мидльсекса и 5 Соутуорка. Эти богословскія вѣдомства существуютъ еще и по сю пору въ Англіи и полезно свирѣпствуютъ. Такъ, не даѣе какъ въ 1867 г. одинъ джентльменъ былъ приговоренъ къ выговору и штрафу за то, что зажегъ у себя восковыя свѣчи.

Урсусъ получилъ прямо въ руки повѣстку о томъ, чтобъ явиться къ этимъ особамъ и потому могъ отъ домашнихъ скрыть эту неприятность. Три доктора засѣдали въ епископскомъ дворцѣ, въ залѣ нижняго этажа, на трехъ креслахъ съ кожаными ручками, имѣли надъ головами своими три бюста — Миноса, Эака и Радаманта, передъ собою столъ и у ногъ своихъ скамейку. Дрожа отъ страха, почтительно и униженно Урсусъ явился передъ лицо ихъ, отвѣсилъ имъ земной поклонъ и, по приглашенію, сѣлъ на табуретъ. Каждый докторъ держалъ передъ собою тетрадку, и перелистывалъ ее.

— Вы говорите публично? началъ Миносъ. — «Говорю», отвѣчалъ Урсусъ. — По какому праву? — «Я философъ». — Съ этимъ званіемъ еще не связано такого права. — «Я, кромѣ того, комедіантъ». — Это другое дѣло. Какъ комедіантъ вы можете говорить, но какъ философъ, вы должны молчать. — «Постараюсь», сказалъ Урсусъ вслухъ и подумалъ про себя: «я могу говорить, но долженъ молчать. Затруднительно». — Вы говорите вредныя рѣчи. Вы оскорбляете религію, отвергаете самыя очевидныя истины и распространяете самыя возмутительныя заблужденія. Напримѣръ, вы сказали, что дѣвственность исключаетъ зачатіе. — «Я этого не говорилъ. Я сказалъ, что зачатіе исключаетъ дѣвственность». Миносъ задумался и сказалъ. — «Да, это совершенно противное».

Такимъ образомъ Урсусъ парировалъ первый ударъ. На помощь къ Миносу явился Радамантъ съ исторіей.

— Вы отвергаете то обстоятельство, что Фарсальская битва проиграна потому, что Брутъ и Кассій встрѣтили негра. «Я

приписывалъ также эту побѣду тому, что Цезарь болѣе искусный полководецъ.» — Вы извиняете мѣрзости Актеона. — «Я думаю, что человѣкъ еще не обезчещенъ тѣмъ, что видѣлъ голую женщину.» — Заблуждаетесь! строго воскликнулъ судья. По поводу случая съ кавалеріей Митридата, вы оспаривали силу разныхъ травъ и растений. Вы отрицали, что трава *securidusa* можетъ разрывать подковы лошадей. — «Позвольте, я не отрицаю силу травъ, а говорю только, что разрывать подковы можетъ не *securidusa*, а другая трава, именно *sferga-cavallo*». Депутатъ отъ исторіи замолчалъ; началъ снова Миносъ: — Вы причислили оперментъ къ мышьяковистымъ веществамъ, и сказали, что имъ можно отравиться. Библия это отрицаетъ. — «Библия отрицаетъ, но мышьякъ доказываетъ.» — Отвѣтъ не глупъ, вмѣшался представитель медицины, котораго Урсусъ окрестилъ именемъ Эака. Миносъ сдѣлалъ скверную гримасу и продолжалъ: — Отвѣчайте. Вы обозвали неправдой, что василискъ есть царь змѣй подъ именемъ Коватрикса. — «Ваше высокопреподобіе, я такъ мало желалъ вредить василиску, что увѣрялъ публику, что у василиска человѣческая голова.» — Однако, вы утверждали, что Позрій видѣлъ одного василиска съ соколиною головой. Можете ли вы доказать это? — «Трудновато», отвѣчалъ Урсусъ, теряя подъ собою почву. — Вы отрицали, что блюдо изъ буковаго дерева само покрывается такими кушаньями, какія только пожелаешь. — «Я сказалъ, что для того, чтобъ имѣть такую силу, блюдо это должно быть подано вамъ дьяволомъ.» — Мнѣ? — «Нѣтъ, мнѣ, ваше преподобіе, т. е., нивому, всѣмъ!» — Все это доказываетъ, что вы обнаруживаете нѣкоторую вѣру въ дьявола. — «Ваше высокопреподобіе, я вѣрю въ дьявола. Вѣра въ дьявола есть противоположность вѣры въ Бога. Одна подтверждаетъ другую. Кто немножко не вѣритъ въ дьявола, не вѣритъ много въ Бога. Кто вѣритъ, что есть солнце, долженъ вѣритъ и въ то, что есть тѣма. Дьяволъ — ночь Бога. Что такое ночь? Довазательство дня.» Миносъ впалъ въ задумчивость и на Урсуса набросился Эакъ, съ вопросами столь же глубокомысленными: онъ спрашивалъ его, отрицаетъ ли онъ способность у травъ говорить или нѣтъ, допускаетъ ли онъ, что мандрагора врочить, какъ осмѣлился онъ непочтительно отозваться о птицѣ фениксѣ, какъ осмѣлился онъ считать, что четвертый палецъ лѣвой руки не обладаетъ цѣлебною способностью и, наконецъ напустился на него за леченье, пригрозивъ ему висѣлицею и въ такомъ случаѣ, если онъ кого вылечитъ и въ томъ случаѣ, если онъ залечитъ кого. Въ концѣ концовъ три мудрые мужа стали

шептаться и Миносъ, въ качествѣ предсѣдателя, сказалъ ему грозно: «убирайтесь вонъ».

Эта непріятность скоро, однако, изгладилась тѣмъ успѣхомъ, который еще болѣе приобрѣлъ «Смѣющійся Человѣкъ», а съ нимъ и «Побѣжденный Хаосъ», любимое дѣтище Урсуса. Правда, мѣсто для «благородной публики» все еще оставалось пустымъ, но въ одну изъ субботъ, когда англичане спѣшатъ веселиться, потому что въ воскресенье приходится скучать, кресло, обитое утрехтскимъ бархатомъ, оказалось занятымъ женщиною высшаго круга, такой ослѣпительной красоты, что обратила на себя всеобщее вниманіе и даже помѣшала успѣху первой части «Побѣжденного Хаоса». Неподвижно и величаво сидѣла она въ роскошныхъ одеждахъ, съ большими жемчужными серьгами, съ большой алмазной застежкой на сорочкѣ голландскаго полотна столь тонкаго и прозрачнаго, что большія простыни изъ него могли проходить сквозь кольцо; сорочка открывала половину груди; корсетъ блестѣлъ рубинами, а юбка была залита бриллиантами. Во всей ея фигурѣ замѣтно было желаніе нравиться; брови были подкрашены китайскою тушью, руки, локти, подбородокъ, нижняя часть ноздрей, верхняя часть вѣкъ, уши, ладони, концы пальцевъ—вездѣ виднѣлся красный, какой-то вызывающій оттѣнокъ. Гуинплейнъ и Урсусъ не могли оторвать отъ нея глазъ. Разстояніе скрывало отъ нихъ подробности, но цѣло являлось какимъ-то лучезарнымъ видѣніемъ, какою-то неизвѣстною планетою, явившеюся изъ міра счастливецъ. Позади ея стоялъ пажъ, маленькій человѣкъ съ дѣтскимъ бѣлымъ и красивымъ лицомъ и серьезнымъ видомъ: очень хорошенкій и очень серьезный грумъ—былъ необходимою принадлежностью дамъ того времени.

Развязка «Побѣжденного Хаоса» возымѣла свое дѣйствіе, несмотря на присутствіе лучезарнаго свѣтила: толпа разразилась хохотомъ и веселыми кривами, между которыми можно было отличить звучный и здоровый голосъ Томъ-Джимъ-Джека. Но дама не смѣялась: она смотрѣла на сцену какъ неподвижная статуя и уѣхала въ своей герцогской каретѣ тотчасъ послѣ представленія. Пересчитывая выручку, Урсусъ нашелъ золотую монету. «Это она заплатила», сказалъ онъ. «Она» сдѣлалась предметомъ разговоровъ: Никлесь сообщилъ, что она герцогиня, что это онъ узналъ по каретѣ съ гербами и лавеями.

— Но, знаете-ли, что всего замѣчательнѣе, прибавилъ онъ: съ ней въ карету сѣлъ Томъ-Джимъ-Джекъ.

— Томъ-Джимъ-Джекъ! воскликнулъ Гуинплейнъ, все время молчавшій. И въ этомъ голосѣ Дея отгадала какое-то тревожное

чувство и сказала: «Нельзя ли какъ-нибудь помѣшать этой дамѣ прїѣзжать сюда».

XII.

Герцогиня не прїѣзжала болѣе, но не выходила изъ головы Гуинплейна: онъ былъ пораженъ ея появленіемъ. Ему казалось, что въ первый разъ еще въ жизни онъ видѣлъ женщину; въ Деѣ онъ видѣлъ душу и какую-то небесную красоту; въ женщинахъ изъ народа онъ видѣлъ тѣнь женщинъ, въ герцогинѣ онъ увидѣлъ женщину дѣйствительную: подъ живою и теплою кожей чуялась горячая кровь; контуры, съ рѣзкостью мрамора и мягкостью волны, надменное и покойное лицо, соединявшее отвязъ съ приманкою и ослѣплявшее своей красотой, волосы съ огненнымъ отблескомъ, изысканность наряда, выражавшаго и обѣщавшаго сладострастіе, нагота, проявлявшая высокоумное желаніе быть обладаемой толпою, на извѣстной дистанціи, конечно неодолимое кокетство, чарующая непроницаемость, искушеніе, умѣряемое боязнью паденія, обѣщанія чувствамъ и угроза разуму, двойное безпокойство, говорившее и о желаніи, и о страхѣ, — все это онъ видѣлъ въ этой женщинѣ, лучше сказать, въ этой самѣѣ, но въ самѣѣ съ Олимпа. Въ немъ сказывался полъ и влекъ его — куда-же? — въ недоступныя области высшаго свѣта, до котораго ему, фигляру и уроду, презрѣннѣйшему изъ смертныхъ, было какъ до звѣзды небесной далеко. Въ первый разъ въ жизни сердце его сжалось при мысли о своемъ низменномъ положеніи и въ его памяти встало все то великолѣпіе и роскошь знатныхъ, о которыхъ говорилъ ему Урсусъ, весь этотъ блестящій, радужный, упоительный Олимпъ, среди котораго царицей являлась Джосіана. Онъ желалъ эту женщину страннымъ желаніемъ, соединеннымъ съ невозможностью; но всѣ эти мысли являлись недостаточно точно очертанными, и къ счастью ни разу не приходило ему въ голову осуществить ихъ, то-есть приставить какъ-нибудь лѣстницу къ этому Олимпу и взлѣзть на него. «Къ счастью» потому, что подобныя попытки оканчиваются сумасшествіемъ. При всемъ этомъ Дея оставалась неприкосновенною въ его сердцѣ; онъ продолжалъ боготворить ее, какъ нѣчто идеальное, и въ то время, когда полъ влекъ его къ реальному обладанію женщиной.

Въ Тэдкестерѣ не появлялся болѣе и Томъ - Джимъ - Джекъ, т. е. лордъ Давидъ Дирри-Мойръ: королева отправила его къ берегамъ Голландіи, приказавъ принять команду надъ однимъ фрегатомъ. Въ послѣдній разъ онъ смотрѣлъ на Гуинплейна

вмѣстѣ съ Джосіаной и вмѣстѣ съ нею скрылся. Съ этого же времени прекратились всѣ происки противъ «Зеленой Коробки», которая безмятежно наслаждалась успѣхомъ, привлекая на свои представленія уже не одинъ Соутуоръ, но немного и самый Лондонъ, который начиналъ бредить «Смѣющимся Человѣкомъ» и переодѣтые лорды и баронеты постоянно вмѣшивались въ народную толпу.

Такъ какъ «предметъ» желаній Гуинплейна не являлся болѣе, то герой нашъ начиналъ приходить въ себя и обрѣтать тотъ миръ, который нарушенъ былъ великолѣпною герцогиней. Дея была въ упоеніи каждый вечеръ, когда она, во время спектакля, касалась руками курчавой головы Гуинплейна. Онъ составлялъ для нея весь міръ, а извѣстная минута во время представленія — верхъ блаженства. Они болѣе и болѣе жили другъ другомъ и другъ въ другѣ. Сердце насыщается любовью, какъ божественною солью, которая его сохраняетъ; этимъ же объясняется прочная взаимная привязанность тѣхъ, которые полюбили другъ друга съ молодю, и свѣжесть старой продолжительной любви. Любовь какъ бы набальзамировывается. Филемонъ и Бавкида родились изъ Дафниса и Хлои. Вотъ эта-то старость, это сходство вечера съ зарею, было очевидно предназначено Деѣ и Гуинплейну.

Урсусъ смотрѣлъ на эту любовь нѣсколько съ медицинскою точки зрѣнія и, бросая на блѣдную, трепетную Дею проницательный взглядъ, ворчалъ: «хорошо, что она счастлива — для ея здоровья это необходимо». Иногда онъ покачивалъ головою и внимательно читалъ въ сочиненіи Авиценны о «разстройствахъ сердца». Малѣйшая усталость производила у Деи испарину и клонила ее ко сну. Въ теченіе дня она всегда спала и разъ, когда Гуинплейна не было, Урсусъ тихо наклонился въ Деѣ, приложилъ свое ухо къ груди ея и, послушавъ ее нѣсколько мгновеній, отошелъ, проворчавъ про себя: «Надо ей избѣгать потрясеній — иначе бѣда». Ничего не подозрѣвая, Гуинплейнъ, освободившись отъ соблазнительнаго образа Джосіаны, начиналъ мечтать о Деѣ, какъ мужчина о женщинѣ, за дѣвственницею видѣтъ жену. Какъ бы чиста ни была любовная мечта молодого человѣка, между нимъ и мечтою всегда возникаетъ чувственный образъ и природное влеченіе входитъ въ сознаніе. Гуинплейнъ испытывалъ страстное влеченіе къ этому чувственному образу, къ этой матеріи, которой у Деи почти не было. Вслѣдствіе этого любовная лихорадка приводила его къ тому, что онъ старался, въ мысляхъ своихъ, преобразовать Дею, дать ей то, чего у нея не доставало. Небесное въ концѣ кон-

цовъ начинаетъ давить и излишекъ его въ любви тоже, что излишекъ горючихъ веществъ въ огнѣ: пламя отъ этого теряетъ. Гуинплейнъ желалъ женщину и, какъ новый Пигмалионъ, создавалъ изъ Деи другой, болѣе чувственный образъ, создавалъ Еву, потому что настоящій рай въ Евѣ, то-есть въ самѣхъ, въ матери, въ кормилицѣ, въ источникѣ новыхъ поволабій; чувственность исключаетъ крылья и дѣвственность есть только надежда зачатія. Такія мысли приходили въ голову Гуинплейну однимъ апрѣльскимъ вечеромъ, когда онъ прогуливался по пустырю, недалеко отъ таверны, послѣ представленія. Ночь была чудесная, въ воздухѣ пахло весною, и чувственные образы овладѣвали имъ. Душа женщины плѣняетъ насъ, но плѣняетъ также и тѣло ея, иногда тѣло еще больше, чѣмъ душа; душа — подруга жизни, тѣло — любовница. На демона клеветуютъ, ибо не онъ соблазнилъ Еву, а Ева его соблазнила. Начала женщина. Люциферъ спокойно шелъ, увидѣлъ женщину и сдѣлался сатанюю. Странная вещь: тѣло возбуждаетъ даже свою стыдливостью.

Была уже полночь. Гуинплейнъ почти шатался подъ вліаніемъ страстныхъ грезъ. Вдругъ онъ почувствовалъ, что въ руку его что-то свользнуло. Онъ обернулся: въ рукѣ его очутилось письмо, а передъ нимъ стоялъ маленькій челоуѣкъ, въ которомъ онъ узналъ пажа Джосіаны. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ придти въ себя, пажъ ему сказалъ:

— Будьте завтра въ этотъ часъ у Лондонскаго моста. Я буду тамъ и проведу васъ.

— Куда? спросилъ Гуинплейнъ.

— Гдѣ васъ ожидаютъ.

Гуинплейнъ опустилъ глаза на письмо, которое машинально ошупалъ въ рукахъ. Когда онъ поднялъ голову, пажъ былъ уже далеко. Онъ поднесъ-было письмо къ глазамъ и только тутъ вспомнилъ, что дѣло происходитъ ночью. Онъ вернулся домой, сталъ около фонаря, распечаталъ письмо и прочелъ слѣдующее:

«Ты страшень, а я прекрасна. Ты фигляръ, а я герцогиня. Я первая, а ты послѣдній. Я хочу тебя. Я люблю тебя. Приходи.»

Гуинплейнъ читалъ и перечитывалъ это письмо. «Не сошелъ ли я съума?» подумалъ онъ. Нѣтъ, онъ былъ въ полномъ разумѣ. «Я люблю тебя!» Да, это написано ясно, написано рукою той женщины, которая такъ ослѣпила его; она его любитъ, она его желаетъ; она — красавица и богачка — его, уроды и бѣдняка; Олимпъ бросается въ объятія къ фигляру; богиня приглашаетъ къ себѣ на грудь гаера и богинѣ нѣтъ отъ этого никакаго безчестья, потому что боги омываются исходя-

щимъ отъ нихъ блескомъ. И эта богиня знаетъ, что дѣлаетъ: она видѣла его, видѣла его рожу и все-таки полюбила, предпочла его принцамъ и лордамъ и предпочла за уродство. «Ты ужасенъ. Я люблю тебя.» Эти слова польстили гордости Гуинплейна, чувству, легко-уязвимоу у всѣхъ героевъ. Гуинплейнъ былъ польщенъ въ тщеславіи своего безобразія. Онъ любимъ, какъ существо безобразное. А такъ какъ онъ, подобно Юпитеру и Аполлону, и даже, пожалуй, больше, былъ исключеніемъ, то онъ почувствовалъ себя существомъ сверхъестественнымъ, чудовищемъ, равнымъ богу. Кто была эта женщина? Онъ видѣлъ ее, но не зналъ, кто она, не зналъ ни ея имени, ни того, замужняя ли она, вдова ли, дѣвушка. Все это было покрыто для него тайною и тайна еще болѣе влекла его къ себѣ. Идти ли? Конечно идти, подсказывали ему чувственность, ночь, весна; но пойдетъ ли онъ? Такой вопросъ ясно ему не представлялся; онъ дрожалъ, онъ чувствовалъ, что стоитъ на краю бездны, но не было силъ изъ нея выбраться, тѣмъ болѣе, что онъ и не помышлялъ о томъ, что этою женщиной могло руководить скорѣе чувство разврата, чѣмъ чувство любви; отъ него какъ-то ускользало выраженіе: «я хочу тебя», стоявшее рядомъ съ выраженіемъ: «я люблю тебя». Животную сторону богини онъ не замѣчалъ и она являлась ему въ своемъ величіи и блескѣ. Тысячи мыслей, самыхъ разнообразныхъ, волновали Гуинплейна до изнеможенія: онъ замѣтилъ наконецъ, что настала та минута, когда голова перестаетъ думать, когда все исчезаетъ. Онъ легъ въ постель, но не могъ уснуть: бессонница мучила его. Въ первый разъ въ жизни онъ не былъ собою доволенъ: тщеславіе брало верхъ надъ лучшими помыслами. Всталъ Урсусъ, но онъ не открылъ глазъ и слова письма лѣзли ему въ голову въ какомъ-то невообразимомъ хаосѣ, а мысль то останавливалась, то начинала работать снова, повергая его въ отчаяніе. Вдругъ онъ услышалъ пѣжный голосъ: «Ты спишь, Гуинплейнъ?» Онъ открылъ глаза и увидѣлъ передъ собою Дею, прекрасную, въ лучезарномъ блескѣ ея чистоты и прелести. Онъ взглянулъ на нее, содрогнулся и вдругъ почувствовалъ, что въ душу его нисходитъ миръ, что буря начинаетъ улегаться, что съ нимъ совершается одно изъ тѣхъ простыхъ чудесъ, которыхъ такъ много въ природѣ и душѣ. «Это ты!» сказалъ онъ и все исчезло, кромѣ Деи, кромѣ этой слѣпой, обладавшей способностью разгонять мракъ ночи бушующихъ страстей.

Было время завтрака и Дея вышла къ Гуинплейну, чтобы узнать, отчего онъ не является къ столу. Мигомъ былъ онъ на своемъ мѣстѣ, какъ разъ противъ входной двери въ среднюю

комнату «Зеленой Коробки»; Дея сидѣла противъ него, спиною къ двери, и ихъ колѣни соприкасались. Онъ налилъ ей чаю и она граціозно дула на чашку. Въ это время Гуинплейнъ сжегъ надъ спиртовою лампою письмо герцогини; почувствовавъ запахъ сожженной бумаги, она спросила: «что это?» — Ничего, отвѣчалъ онъ, и, распивая чай, они весело болтали и говорили о своей любви. Урсусъ, по обыкновенію, ворчалъ; противъ обыкновенія, заворчалъ и волеѣ и не хотѣлъ перестать даже и тогда, когда Урсусъ на него крикнулъ. Загадка вскорѣ объяснилась: въ комнату вошелъ полицейскій и, протянувъ свою желѣзную булаву черезъ плечо Деи, коснулся ею Гуинплейна. За полицейскимъ торчала смущенная фигура Никлеса. Неожиданное явленіе это такъ поразило всѣхъ, что никто не произнесъ слова. Урсусъ и Гуинплейнъ только переглянулись между собою и въ этихъ взглядахъ сказывалась одна и та же мысль — скрыть это все отъ Деи. Полицейскій повернулся и важно вышелъ изъ комнаты, знакомъ приказавъ Гуинплейну слѣдовать за собою. Дея улыбалась.

Такіе «молчаливые» аресты, безъ судебного слѣдствія, были тогда въ большомъ употребленіи въ Германіи и въ Англіи и въ нихъ прибѣгали обыкновенно въ разныхъ щекотливыхъ случаяхъ, требующихъ тайны: во Франціи подобной цѣли удовлетворяли «lettres de cachet». По сказанію нѣкоторыхъ лѣтописцевъ, такимъ образомъ былъ арестованъ Эдуардомъ III въ постели своей матери, Изабеллы французской, Мортимеръ. Варвикъ, «дѣлатель королей», охотно пользовался этимъ способомъ «приваживать людей»; его употреблялъ также и Кромвель. Несмотря на то, что «молчаливые аресты» употреблялись иногда въ пользу арестуемыхъ, какъ средство избавить ихъ отъ публичнаго скандала, народъ относился въ такому «хватанію людей» съ ужасомъ. Оно и понятно: тутъ дѣйствовалъ не законъ, а произволъ, котораго много было въ Англіи въ описываемую пору. Вспомнимъ, что Стиль былъ выгнанъ изъ парламента, Локкъ со своей катедры, Гоббсъ и Гиббонъ принуждены были бѣжать; Чарльзъ Чорчилъ, Юмъ, Пристлей подвергались преслѣдованіямъ; Джонъ Уильксъ заключенъ въ Тоуэръ. Инквизиція прошла немного по всей Европѣ и полиція усвоивала себѣ ея приемы. Прибавимъ къ этому, что тогда охотно казнили въ тюрьмахъ, — отвратительное средство, къ которому Англія возвращается въ наши дни, представляя міру странное зрѣлище народа, который, желая улучшеній, выбираетъ худшее и принимаетъ ночь за день.

Гуинплейна привели въ соуторскую тюрьму, которая помѣ-

щалась совсѣмъ въ безлюдномъ мѣстѣ, выходя на улицу стѣною, какъ всѣ англійскія тюрьмы того времени. Противъ нея, тоже за стѣною, но низкою, помѣщалось кладбище. Нѣсколько зѣвакъ проводило узника до самой двери тюрьмы. Полицейскій постукалъ въ дверь, въ которой отворилась форточка. «По волѣ ея величества», сказалъ онъ и тяжелая дверь распахнулась, открывъ холодный и сырой проходъ, въ которомъ Гуинплейнъ и исчезъ. Въ то же время, по другую сторону тюрьмы, остановилась дорожная карета, украшенная гербами и съ закрытыми изнутри стеклами, съ цѣлью, вѣроятно, скрыть сидѣвшихъ въ ней. Толпа, окружавшая карету, догадывалась, что это судья; странствующіе судьи дѣйствительно существовали въ то время въ Англии, но предполагаемый судья вышелъ не изъ самой кареты, а изъ передняго сидѣнья, гдѣ, конечно, не мѣсто хозяину; кромѣ того, карета была запряжена четвернею, а ѣзда на почтовыхъ стояла въ то время три шиллинга за версту — очевидно, судья была бы не подъ силу такая роскошь. Наконецъ, изъ кареты никто не выходилъ и она продолжала стоять съ закрытыми стеклами.

Въ числѣ зѣвакъ, сопровождавшихъ Гуинплейна до тюрьмы, былъ и Урсусъ. Принявъ необходимыя мѣры для того, чтобъ Дея ничего не знала объ арестѣ своего возлюбленнаго, Урсусъ замѣшался въ толпу съ той надеждой, что все дѣло можетъ окончиться пустяками, каковой-нибудь полицейской формальностью; но когда Гуинплейнъ скрылся за дверью тюрьмы, куда попадали только государственные или тяжкіе преступники, гнѣвъ и отчаяніе овладѣли Урсусомъ: онъ бранилъ и власти, и себя самого, и Гуинплейна; онъ то направлялся домой, но снова возвращался къ тюрьмѣ и ждалъ, не появится ли его воспитанникъ. Время, между тѣмъ, приближалось къ вечеру, когда толпа должна была собраться на представленіе. Дея замѣтитъ отсутствіе своего любимца и тогда — новая бѣда. Урсусъ вернулся домой и первое, что сдѣлалъ, — сорвалъ выѣску и ворча направился черезъ трактиръ на дворъ, гдѣ стояла «Зеленая Коробка». Дея ужъ проснулась и стала одѣваться къ представленію. «Ужъ не сказать ли ей все и покончить съ нею разомъ?» пришло ему на умъ. А вдругъ Гуинплейна освободятъ: ударъ, нанесенный хрупкому существованію Деи, ужъ нельзя будетъ поправить. Нѣтъ, лучше подождать и употребить всѣ усилія для того, чтобы оставить ее на нѣкоторое время въ невѣдѣніи. Онъ, Урсусъ, не даромъ же чревоуѣщатель и притомъ чревоуѣщатель замѣчательный, могущій подражать не только людскимъ голосамъ, но и крику животныхъ и даже, въ случаѣ на-

добности, птичьему пѣнію. И Урсусъ рѣшился дать представленіе, но не для публики, которую и не пустили, а для Деи. Зрителями были только Никлесь да его приващикъ, Говикумъ, на обязанности котораго лежало аплодировать, кричать и бѣсноваться. Сказано — сдѣлано. Служанки, Винось и Фиби, или Венера и Феба, добросовѣстнѣйшимъ образомъ заиграли въ трубы; Урсусъ импровизовалъ разговоръ между собою и Гуинплейномъ, такъ удачно воспроизводя голосъ послѣдняго, что служанки невольно оборачивались, думая, что въ самомъ дѣлѣ Гуинплейнъ стоитъ гдѣ-нибудь тутъ. Урсусъ истощалъ все великолѣпіе своего искусства и даже спѣлъ пѣсню въ «Побѣжденномъ Хаосѣ» столь нѣжно и увлекательно, какъ пѣлъ ее Гуинплейнъ, когда былъ особенно въ ударѣ. Однимъ словомъ, представленіе удалось какъ нельзя лучше и Дея, повидимому, ни мало не подозрѣвала отсутствія своего возлюбленнаго. Урсусъ снялъ уже парикъ и утиралъ потъ съ лица, внутренно поздравляя себя съ успѣхомъ, когда Дея, блѣдная какъ смерть, спросила его:

— Урсусъ, а гдѣ же Гуинплейнъ?

Урсусъ былъ уничтоженъ.

— Я знаю, онъ насъ бросилъ, онъ покинулъ землю, прибавила она съ невыразимою улыбкой отчаянія и, поднявъ глаза къ небу, сказала: когда же я брошу землю?

Урсусъ могъ обмануть всѣхъ, но не могъ обмануть сердца Деи. Онъ не зналъ, что дѣлать, что сказать, и стоялъ передъ слѣпою, какъ провинившійся школьникъ. Но горе не приходитъ одно: Никлесь появился на дворѣ со свѣчкою въ рукахъ и сталъ манить къ себѣ Урсуса. Урсусъ радъ былъ случаю ускользнуть отъ Деи, которая становилась страшна своей блѣдностью и молчаливымъ отчаяніемъ. Никлесь сообщилъ ему, что приходилъ хозяинъ сосѣдняго цирка и предлагалъ купить «Зеленую Коробку» со всѣмъ персоналомъ, не исключая и его, Урсуса, за пятьдесятъ фунтовъ. Урсусъ гордо улыбнулся. «Скажите хозяину цирка, проговорилъ онъ, что Гуинплейнъ вернется». Никлесь показалъ ему тогда одежду Гуинплейна, принесенную какимъ-то полицейскимъ. Урсусъ взглянулъ на нее, оцупалъ и, не сказавъ ни слова, бросился вонъ. Онъ шелъ по направленію къ соутуорекской тюрьмѣ, не давая себѣ отчета въ томъ, для чего это онъ дѣлалъ, что хотѣлъ найти тамъ. Имъ руководилъ просто тотъ же инстинктъ, который заставляетъ насъ всѣхъ, въ отчаянныхъ случаяхъ, по нѣскольку разъ удостовѣряться въ томъ, для чего и одного разу было бы достаточно. Остановившись противъ тюрьмы, въ улицѣ, которая отдѣляла тюрьму отъ кладбища, онъ услышалъ протяжный похоронный звонъ; отворилась

тюремная дверь, въ ней показался человѣкъ съ факеломъ, затѣмъ нѣсколько другихъ, между которыми онъ могъ отличить того самаго полицейскаго, который приходилъ за Гуинплейномъ, потомъ вышли еще нѣсколько человѣкъ, которые несли гробъ. Процессія направилась черезъ улицу къ кладбищу и скрылась за его стѣною. Послышался какой-то шопотъ, какіе-то глухіе удары — вѣроятно гробъ засыпали землею, — потомъ тѣ же люди снова показались на улицѣ и скрылись за тюремною дверью. Похоронный звонъ умолкъ. Все это видѣлъ Урсусъ, ко всему прислушивался, припоминалъ странный арестъ Гуинплейна, принесенную полицейскимъ одежду его; сердце его сжалось отъ тяжелаго горя: «онъ умеръ», сказалъ онъ съ отчаяніемъ: «они убили его, убили дитя мое, моего сына», и онъ, хвалившійся тѣмъ, что никогда не плакалъ, зарыдалъ, повалившись на землю. Онъ плакалъ какъ ребенокъ, плакалъ о Гуинплейнѣ, о Деѣ, о себѣ, о волѣ, о всемъ томъ, надъ чѣмъ онъ смѣялся такъ часто.

Прошло нѣсколько часовъ послѣ того, какъ Урсусъ ушелъ изъ таверны. Взошло солнце. Никлесь не могъ заснуть цѣлую ночь: его брало раздумье и онъ не прочь былъ избавиться отъ своихъ гостей, съ которыми что-то не ладное начинается твориться. Никлесь пуще всего боялся полиціи, а она являлась уже дважды въ теченіи одного дня. Очевидно, тутъ скрывалось что-то таинственное, пожалуй, грозное. «Подъ какимъ бы предлогомъ выгнать ихъ?» думалъ Никлесь, тревожно ворочаясь на постели. Вдругъ послышался такой стукъ въ дверь, что хозяинъ таверны быстро вскочилъ, отворилъ форточку и, къ своему ужасу, увидѣлъ, что полиція пожаловала снова; вмѣстѣ съ нею былъ какой-то джентльменъ, жирный, круглый, въ дорожномъ платьѣ. Никлесь испугался полицейскаго, но еслибъ онъ зналъ, что круглый господинъ — Баркильфедро, онъ испугался бы его еще пуще. Пришлось отворить двери. Полицейскій спросилъ Урсуса, который только теперь показался изъ-за угла стѣны, блѣдный, разстроенный, безъ шапки: онъ цѣлую ночь бродилъ, стараясь утолить свою тоску.

— У васъ есть волѣ, сказалъ ему полицейскій.

— Это мой слуга, позволилъ себѣ выговорить Урсусъ.

— Говорите еще тутъ, фигляръ вы этакій. Слушайте: чтобъ завтра утромъ васъ не было въ Англіи, иначе волѣ будетъ убитъ, а вы посажены въ тюрьму.

Несмотря на представленія Урсуса, что такъ скоро онъ отнюдь собраться не можетъ, полицейскій былъ неумолимъ: «Достопочтенный джентльменъ, сказалъ онъ, указывая на Бар-

князьфедро, сегодня ночью пріѣхалъ изъ Виндзора и привезъ приказаніе ея величества, чтобъ площадь немедленно была очищена.»

Никлесь радовался такому исходу посѣщенія полиціи, которая освобождала его отъ затруднительнаго и неловкаго объясненія съ Урсусомъ. Онъ виѣшался даже въ объясненія, сказавъ, что Урсусъ можетъ продать своихъ лошадей и колымагу хозяину цирка, который уже торговалъ ихъ. «А что касается того, чтобъ оставить Англию, прибавилъ онъ, то на Темзѣ много судовъ, которыя отвезутъ куда угодно. Сегодня ночью, наприимѣръ, отправляется, вмѣстѣ съ приливомъ, судно «Vograat» въ Роттердамъ.»

— Вотъ и поѣзжайте на «Vograat'ѣ», сказалъ полицейскій.

— Хорошо, я поѣду, я все продамъ и готовъ исполнить приказаніе; но со мной есть еще товарищъ, котораго я не могу оставить, — Гуинплейнъ.

— Гуинплейнъ умеръ, проговорилъ джентльменъ. Урсусъ опустилъ голову. Гуинплейнъ казненъ, его самого изгоняютъ — осталось повиноваться. Онъ задумался. Въ это время жирный джентльменъ подошелъ къ нему и, сунувъ въ руку кошелекъ съ золотомъ, шепнулъ на ухо: «Тутъ десять фунтовъ стерлингъ, которые посылаетъ вамъ одна особа, принимающая въ васъ участіе.» Отойдя, онъ сказалъ полицейскому: «кончайте же поскорѣе. Я очень тороплюсь: къ двумъ часамъ я долженъ быть въ Виндзорѣ и отдать отчетъ ея величеству.»

Полицейскій, къ величайшему огорченію Никлеса и совершенно для него неожиданно, объявилъ ему, что онъ имѣетъ приказаніе арестовать и его и его помощника, что таверна будетъ запечатана, а они посажены въ тюрьму за нарушеніе закона, который преслѣдуетъ волею.

XIII.

Когда дверь соуторкской тюрьмы затворилась, Гуинплейнъ содрогнулся; ему показалось, что эта дверь раздѣляла два міра, тотъ, гдѣ свѣтитъ солнце и тотъ, гдѣ царствуетъ смерть. Онъ ничего не видѣлъ кругомъ себя, пока глаза не привыкли къ полутьмѣ; его вели по длинному корридолу. «Господа, куда вы меня ведете?» Спросилъ онъ, мучимый неизвѣстностью, и не получилъ отвѣта. Это молчаніе оледенило его и отняло у него самоувѣренность. Шли гуськомъ: сначала полицейскій, потомъ Гуинплейнъ, потомъ еще нѣсколько полицейскихъ. Полъ корридора

имѣлъ замѣтную покатость внизъ и это обстоятельство еще болѣе увеличивало страхъ Гуинплейна. Нѣсколько разъ передъ ними отворались и затворялись двери, какъ бы сами собой; въ выемкахъ стѣнъ корридора можно было замѣтить лѣстницы съ рѣшетками, то поднимавшіяся вверхъ, то уходящія внизъ. Наконецъ, остановившись. Раздался стукъ и ужасающій визгъ и передъ ними не отворилась, а поднялась дверь, открывъ какой-то круглый, широкій погребъ, въ который вела почти совсѣмъ отвѣсная лѣстница, безъ перилъ. Благодаря свѣту, который выходилъ изъ этого подземелья, можно было рассмотреть, что оно не вымощено и поломъ ему служила холодная и сырая земля. Посрединѣ его, четыре низкія и безобразныя колонны поддерживали портики въ видѣ митры, образовавшей въ погребѣ нѣчто въ родѣ центральной комнаты, если комнату можно назвать пространство открытое со всѣхъ сторонъ и имѣвшее вмѣсто стѣнъ столбы. Сверху, висѣлъ въ немъ фонарь, который и бросалъ свѣтъ на окружающіе предметы. Какъ разъ подъ самымъ фонаремъ, на полу, видна была какая-то голая фигура, лежавшая пластомъ, лицомъ къ верху, съ закрытыми глазами; туловище скрывалось подъ какою-то неопредѣленною массою, руки и ноги были разметаны въ стороны и привязаны цѣпями къ четыремъ столбамъ портика. Гуинплейнъ съ ужасомъ смотрѣлъ на эту фигуру, которая по временамъ издавала хрипѣнье. Возлѣ нея, по обѣимъ сторонамъ большаго кресла, въ которомъ сидѣлъ неподвижно блѣдный старикъ въ красной мантии, съ букетомъ розъ въ рукахъ, стояли два человѣка въ длинныхъ черныхъ мантияхъ. Болѣе Гуинплейна знакомый съ англійскими обычаями, отличилъ бы по этому букету розъ, съ которымъ до сихъ поръ судить лондонскій меръ, судью вмѣстѣ и королевскаго и муниципальнаго. Старикъ этотъ былъ шерифъ графства Серрей; два человѣка въ черныхъ мантияхъ были докторъ медицины и докторъ правъ. Подлѣ кресла стоялъ столикъ съ бумагами и книгами и на немъ же лежалъ бѣлый шерифскій жезлъ. Позади шерифа присѣдалъ на колѣняхъ писецъ съ чернилицею и пергаментомъ. Къ одному изъ столбовъ прислонился палачъ, рослый малый въ кожаномъ платьѣ. Всѣ эти люди хранили глубокое молчаніе.

Гуинплейнъ попалъ въ уголовный погребъ, въ застѣнокъ, которыхъ было тогда много въ Англии. Все послѣдующее случилось въ ту пору въ Англии сплошь и рядомъ и, въ случаѣ надобности, можетъ производиться и въ настоящее время, такъ какъ тогдашніе законы существуютъ и до сихъ поръ. Варварскій кодексъ уживается въ ней съ свободою и въ случаѣ кризиса можетъ быть вызванъ на свѣтъ. Англичане такъ ува-

жають законы, что предпочитаютъ не исполнять ихъ, чѣмъ отмѣнять вовсе. Старый законъ выходитъ изъ употребленія, какъ старая женщина; ни ту, ни другой не убиваютъ, а перестаютъ ими пользоваться, предоставляя имъ считать себя юными и прекрасными. Это называется уваженіемъ. Еще въ 1867 году, феній Берке былъ приговоренъ къ четвертованію.

Исторія говоритъ, что Англія не знала пытки; слово исторіи — вѣско, но Матвѣй Вестминстерскій, говоря, что «саксонскій законъ милосердъ и снисходителенъ», потому что не наказываетъ преступниковъ смертью, прибавляетъ: «наказанія ограничивались тѣмъ, что только отрѣзывали носъ, выкалывали глаза и вырывали части, отличающія одинъ полъ отъ другого». Только!

Полицейскій знакомъ пригласилъ Гуинплейна слѣдовать за собою, внизъ. Когда они спустились, шерифъ сказалъ Гуинплейну: «Подойдите сюда, поближе, поближе!» Гуинплейнъ очутился какъ разъ возлѣ лежащей фигуры человѣка, которому можно было дать лѣтъ пятьдесятъ или шестьдесятъ; бѣлые пучки бороды щетинились на его подбородкѣ; худое и костлявое лицо было совершенно мертво; онъ закрывалъ глаза и отерывалъ ротъ, откуда выходилъ то крикъ, то стenanія. На животъ ему наложены были камни и слегка прикрыты какими-то лохмотьями.

— Повиновеніе ея величеству! воскликнулъ шерифъ, взявъ со стола жезлъ и снова положилъ его на прежнее мѣсто. Затѣмъ, медленно и протяжно, какъ похоронный звонъ, онъ повелъ длинную рѣчь, обращаясь къ «человѣку, скованному цѣпями», какъ называлъ онъ полумертвую фигуру, распростертую на землѣ. Онъ говорилъ, что этотъ человѣкъ былъ привезенъ въ этотъ погребъ, былъ подвергнутъ допросу и затѣмъ пытѣнъ, но, несмотря на послѣднюю, продолжалъ упорно хранить молчаніе. Во имя закона и угрожая оставить преступника въ этомъ холодномъ погребѣ до кончины, истекающимъ кровью, шерифъ усвоившевалъ его сдѣлать необходимое показаніе. По временамъ шерифъ прерывалъ свою рѣчь и, какъ эхо его, докторъ правъ читалъ по-латыни текстъ закона, формулами котораго шерифъ перестривалъ свою рѣчь.

— Вотъ уже четвертые сутки, какъ вы здѣсь, въ этомъ подземельѣ, говорилъ шерифъ. Въ первый день вамъ не давали ни пить, ни ѣсть; во-второй день вамъ давали ѣсть, но не давали пить; вамъ втиснули съвозъ зубы три куска ячменнаго хлѣба. На третій день вамъ не давали ѣсть, но дали пить. Вамъ влили въ ротъ въ три приема три кружки воды, взятой въ сточномъ ручьѣ тюрьмы. Сегодня четвертый день. Не упорствуй въ молчаніи, и признайся. Если ты признаешься, то будешь только

повѣшенъ и получишь право на «meldefeoh», то-есть извѣстную сумму денегъ, которая будетъ тебѣ немедленно отпущена старыми монетами. Признайся, будь вѣрнымъ подданнымъ ея величества. Настаетъ тотъ верховный часъ, который избрала мудрость закона для получения показанія, которое наши предки именовали «рѣшеніемъ смертнаго часа», ибо въ этотъ моментъ дается вѣра простому утвержденію или отрицанію. Говорите же.

Шерифъ остановился и ждалъ съ минуту отвѣта. «Слышите ли вы меня? Началъ онъ снова. Во имя закона, приказываю вамъ открыть глаза». Но человѣкъ продолжалъ лежать неподвижно. «Докторъ, изслѣдуйте его». Докторъ нагнулся къ преступнику, пощупалъ его пульсъ, приложилъ на минуту ухо ко рту его и сказалъ, что онъ еще «можетъ слышать и видѣть». По знаку шерифа, одинъ полицейскій поднялъ голову преступнику, а другой сталъ сзади Гуинплейна.

— Говори же, несчастный! воскликнулъ шерифъ громовымъ голосомъ. Законъ умоляетъ тебя предъ казнью, которой онъ предастъ тебя. Вспомни о божьемъ наказаніи и не упорствуй долѣ. Слушай, ближній мой, ибо я человѣкъ; слушай, братъ мой, ибо я христіанинъ; слушай, сынъ мой, ибо я старикъ, размысли и остерегись меня, ибо я владыка мукъ твоихъ и принужденъ буду поступить съ тобой жестоко, какъ законъ повелѣваетъ. Подумай, что я самъ трепещу передъ своею властью. Проникнись же, о несчастный, спасительнымъ страхомъ къ правосудію, и повинуйся мнѣ. Повороти голову, открой глаза и скажи, узнаешь ли ты этого человѣка?

Преступникъ не открылъ глазъ и не повернулъ головы. Шерифъ бросилъ взгляды на полицейскихъ; одинъ изъ нихъ тотчасъ же снялъ съ Гуинплейна шляпу и плащъ, взялъ за плечи и поставилъ лицомъ къ свѣту, противъ преступника. Лицо Гуинплейна ярко выступило со всею своею странностью среди полумрака тюрьмы. Въ то же время другой полицейскій нагнулся, взялъ преступника обѣими руками за виски, поворотилъ его полумертвую голову къ Гуинплейну и пальцами раздвинулъ ему вѣки. Преступникъ увидѣлъ Гуинплейна и, поднявъ свою голову и широко раскрывъ глаза, поглядѣлъ на него, задрожалъ и громко произнесъ сквозь страшный смѣхъ:

— Это онъ! да! это онъ!

Голова его снова упала на полъ и глаза закрылись.

— Запишите, сказалъ шерифъ, обращаясь къ писарю.

Слова преступника «это онъ» поразили Гуинплейна и онъ окончательно потерялся. Ему показалось, что этотъ злодѣй хо-

четь привлечь его въ своему преступленію, сдѣлать его своимъ сообщникомъ, и несчастный заметался и залепеталъ безсвязныя слова оправданія:

— Это совсѣмъ неправда. Это вовсе не я. Я не знаю этого человѣка, и онъ меня не знаетъ. Это онъ все напрасно. Освободите меня, ради Бога. Я не виноватъ. Я—Гуинплейнъ, знаете—«Смѣющійся Человѣкъ», который тамъ вотъ представляетъ. Г. судья, не вѣрьте ему и защитите меня. Вѣдь я бѣдный фокусникъ...

— Вы, сказалъ шерифъ, вы—лордъ Фирменъ, баронъ Кленчарли и Гонкервиль, маркизъ Корлеонскій и перъ Англии. Не угодно ли, милордъ, садитесь, прибавилъ онъ, вставъ съ своего мѣста и указывая Гуинплейну на кресло. Гуинплейнъ ничего не понималъ и бессмысленно устремилъ взоръ на шерифа. Два полицейскихъ подошли къ нему, взяли его подъ руки и показали на кресло: онъ повиновался безпрекословно. Тогда шерифъ положилъ на столъ букетъ розъ, надѣлъ очки, вынулъ изъ кипы бумагу пергаментъ, весь въ пятнахъ, пожелтѣвшій, мѣстами порванный и прочелъ признаніе пассажировъ барки «Матутина», писанное докторомъ Гернардусомъ Гестемунде. Въ этомъ документѣ рассказывалось, что Гуинплейнъ — законный сынъ лорда Фирмена Кленчарли и супруги его, Анны Бредшо, что онъ выданъ былъ дѣтопокупателямъ въ Швейцаріи, по смерти его родителей, слугою послѣднихъ, тоже умершимъ, по повелѣнію его величества короля Якова II, который получилъ за ребенка десять фунтовъ стерлинговъ. Двухъ лѣтъ ребенокъ былъ изуродованъ фламандцемъ Гардеванонномъ, который зналъ секретъ, какъ дѣлать изъ лица смѣхотворную маску, *masca ridens*. «Сколько бы ни прошло лѣтъ, говорилось въ документѣ, Гардеваноннъ, содержащійся въ четемской тюрьмѣ по подозрѣнію въ принадлежности къ шайкѣ дѣтопокупателей, всегда узнаетъ Гуинплейна, какъ свое произведеніе... Настоящее признаніе писано на оборотѣ королевскаго повелѣнія о продажѣ ребенка.оборотите листь и увидите королевскій приказъ». Шерифъ оборотилъ листь и увидѣлъ два латинскія слова *jussu regis* и подпись: *Джеффрисъ*.

Гуинплейнъ все еще не могъ дать себѣ отчета въ происшедшемъ. Когда шерифъ кончилъ, онъ заговорилъ какъ во снѣ:

— Гернардусъ, да, это докторъ, старый и угрюмый человѣкъ. Я боялся его. Были тамъ и женщины. Гардеванонна тоже помню: онъ все пилъ изъ бутылки, на которой написано было красными словами его имя.

— Вотъ она, сказалъ шерифъ, ставя на столъ бутылку. Въ

ней былъ закупоренъ тотъ документъ, который я прочиталъ вамъ и которое море доставило по адресу. Гардеваноннъ! обратился онъ къ преступнику: когда вамъ показана была эта бутылка — вы тотчасъ признали ее за свою, а когда прочтенъ былъ вамъ вложенный въ нее документъ, вы ничего не хотѣли говорить, надѣясь, вѣроятно, что ребенокъ погибъ и вы избѣгнете наказания. Теперь, когда вамъ, по закону, сдѣлали очную ставку съ лордомъ Кленчарли, вы прервали это молчаніе...

— Я клялся сохранить тайну и хранилъ ее сколько могъ, произнесъ Гардеваноннъ, открывая глаза. Темные люди — вѣрные люди, и честность есть и въ аду. Теперь молчаніе стало бесполезно, я и сказалъ. Да, это онъ. Мы его обработали вмѣстѣ съ королемъ: король — своимъ повелѣніемъ, а я — своимъ искусствомъ. Теперь, смѣйся вѣчно, прибавилъ онъ, обратившись къ Гуинплейну, и снова засмѣялся тѣмъ смѣхомъ, который былъ сворѣе похожъ на рыданіе, и умолялъ. Шерифъ произнесъ приговоръ, которымъ Гардеваноннъ присуждался къ повѣшенію. Палачъ снялъ камни съ его живота и освободилъ изъ цѣпей руки и ноги; но преступникъ оставался въ прежнемъ положеніи. «Встаньте, Гардеваноннъ», сказалъ шерифъ; но преступникъ не двигался по прежнему. Подошелъ къ нему докторъ, освидѣтельствовалъ его грудь и пульсъ, поднялъ вѣки и сказалъ, что онъ умеръ и что по всей вѣроятности умеръ потому, что смѣялся: смѣхъ убилъ его.

— Все равно, замѣтилъ шерифъ. Послѣ признанія, жизнь или смерть — одна формальность. Похороните его сегодня ночью на кладбищѣ, которое противъ тюрьмы.

Отдавъ это приказаніе, шерифъ глубоко поклонился Гуинплейну и пожелалъ ему всякаго благополучія. Всѣ присутствующіе послѣдовали его примѣру.

— Да разбудите же меня, наконецъ, воскликнулъ Гуинплейнъ и, блѣдный, какъ смерть, поднялся съ кресла.

— Я васъ въ самомъ дѣлѣ разбудилъ, сказалъ толстый челоуѣкъ, показываясь изъ-за столба, гдѣ онъ присутствовалъ во все время засѣданія, и поклонился новому лорду съ изяществомъ придворнаго.

— Да, я разбудилъ васъ отъ сна, который тянулся двадцать пять лѣтъ. Вы и теперь еще поживаете. Вы считаете себя простолюдиномъ, фигляромъ, Гуинплейномъ, бѣднякомъ, а вы — вельможа, сенаторъ, несмѣтный богачъ, лордъ Кленчарли. Проснитесь, милордъ.

— Чтò это значить? прошепталъ Гуинплейнъ голосомъ, въ которомъ слышалось, наконецъ, сознаніе дѣйствительности.

— Это значитъ, милордъ, что я — Баркильфедро, чиновникъ адмиралтейства, что эта бутылка была найдена на морскомъ берегу, представлена мною королевѣ, которая повелѣла произвести дознаніе, сейчасъ оконченное; это значитъ, что вы имѣете миліонъ годового дохода, что вы лордъ соединеннаго королевства, законодатель и верховный судія, равный принцамъ, подобный императорамъ, съ перскою короною на головѣ, и что вы вступаете въ бракъ съ герцогинею, королевскою дочерью.

Гуинплейнъ упалъ безъ чувствъ.

XIV.

Вся эта исторія случилась какъ разъ въ то время, когда Баркильфедро тералъ уже надежду чѣмъ-нибудь повредить Джосіанѣ. Вдругъ случай даетъ ему въ руки бутылку Гардкванонна: онъ берется за него со всею горячностью, на какую только способенъ, наслаждаясь заранѣе гнѣвомъ и отчаяніемъ герцогини, которая должна потерять болѣе половины своего состоянія. Кромѣ того, случай этотъ, повредивъ Джосіанѣ, принесетъ огромную пользу ему, Баркильфедро, которому новый лордъ будетъ обязанъ всѣмъ. Онъ, Баркильфедро, самъ сдѣлается покровителемъ и кого же? — лорда, и пойдетъ вверхъ по пути отличій, непременно сдѣлается епископомъ, лицомъ съ вліяніемъ и значеніемъ: церковныя почести привлекали его особенно сильно. И, надо отдать ему справедливость, онъ повелѣ дѣло такъ ловко и такъ тайно, что Джосіана и лордъ Давидъ ничего не подозревали. Какъ только сталъ извѣстенъ королевѣ документъ, найденный въ бутылкѣ, она немедленно обратилась за совѣтомъ къ двумъ главнымъ своимъ совѣтникамъ, лорду-канцлеру, который по закону есть «хранитель совѣсти англійскаго короля», и къ лорду-маршалу, котораго прямо касались интересы англійской аристократіи. Лордъ-маршалъ, Томасъ Гоуардъ, сказалъ, что онъ будетъ согласенъ съ мнѣніемъ лорда-канцлера, Уильяма Коупера, изрекшаго однажды, что «для англійской конституціи важнѣе возстановленіе лорда въ утраченныхъ имъ правахъ, чѣмъ возстановленіе короля на тронѣ». Изъ этого понятно, какого мнѣнія могъ быть лордъ Коуперъ.

Дѣло закипѣло съ «королевской быстротою», какъ говорили тогда и съ «молчаніемъ крота», которое рекомендовалъ и употреблялъ лордъ Бэконъ: наведены были справки въ Швейцаріи, отысканъ Гардкваноннъ, повѣрена надпись Джеффриса и *justi regis*, это королевское клеймо. Яковъ II принадлежалъ къ тѣмъ

тиранамъ, какъ Филиппъ II, которые хвастаются своими подвигами и, совершивъ скверное дѣло, кладутъ на него свой штемпель. Королевѣ Аннѣ представлена была докладная записка лордомъ-канцлеромъ, въ которой онъ не только остерегся порицать короля, приходившагося отцомъ королевѣ, но даже оправдывалъ его старыми монархическими правами, въ родѣ того, что «жизнь и члены подданныхъ зависятъ отъ короля», стало быть онъ имѣетъ право ихъ уродовать. Эту фразу произносилъ славной и ученой памяти король Яковъ I; кромѣ того, извѣстно, что ради государственныхъ причинъ, даже особамъ королевской крови выкалывали глаза, принцы съ пользою задушались между двумя тюфяками и смерть ихъ приписывали апоплексіи. Все это доказываетъ, что король имѣлъ право поступить съ сыномъ лорда Кленчарли такъ, какъ Господь ему на душу послалъ; но, съ своей стороны, королева обязана восстановить потерянные лордомъ права, ибо «одна законность не разрушаетъ другую. Если утопленный выплываетъ на верхъ и возвращается къ жизни, значить Богъ исправилъ поступокъ короля. Если наслѣдникъ находится, значить необходимо возвратитъ ему корону. Такъ поступлено было относительно лорда Яллы, короля нортумберландскаго, который тоже былъ фокусникомъ. Такъ слѣдуетъ поступить относительно Гуинплейна, который тоже король, то-есть лордъ».

Достаточно извѣщенная объ уродствѣ новаго лорда, Анна не хотѣла повергать сестру Джосіану въ печаль отнятіемъ наслѣдства Кленчарли, и милостиво рѣшила, что Гуинплейнъ женится на Джосіанѣ. Все это было просто и согласія палаты лордовъ не требовалось, какъ въ случаяхъ сомнительныхъ, напр. при переходѣ перства въ боковую линію: тутъ являлся прямой и законный наслѣдникъ и распоряженія королевы и лорда-канцлера было достаточно. Оставался лордъ Давидъ, который много терпѣлъ, но объ немъ королева также позаботилась: отправивъ его на время дознанія крейсировать къ берегамъ Голландіи, она милостиво возвела его въ чинъ кохтръ-адмирала, хотя никакихъ подвиговъ лордъ Давидъ не совершилъ.

Въ тотъ самый часъ, когда полицейскій явился въ Тэдкестеръ за Гуинплейномъ, Джосіана выѣзжала изъ Лондона въ Виндзоръ, куда ее призывала королева. Приказаніе это исполняла она скрѣпя сердце, ибо ожидала ночью къ себѣ Гуинплейна, рассчитывая, что фигляръ не откажется отъ объятій герцогини. Приѣхавъ въ Виндзоръ, она узнала, что королева можетъ принять ее только на слѣдующій день и что въ Виндзоръ ждуть также съ часу на часъ лорда Давида, которому послано приказаніе немедленно явиться для важныхъ объясненій.

А герой нашъ? Открывъ глаза, онъ увидѣлъ себя въ креслѣ, въ обширной комнатѣ, которой стѣны, полъ и потолокъ были обиты краснымъ бархатомъ. Возлѣ него два стола съ канделябрами, по шести восковыхъ свѣчъ въ каждой; на одномъ столѣ лежали какія-то бумаги и шкатулка, на другомъ—холодныя кушанья, вино, ликеры. Черезъ окно, вышиною отъ полу до потолка, ясное апрѣльское небо ночи позволяло видѣть полуокругъ бѣлыхъ мраморныхъ колоннъ, обрамлявшихъ парадный дворъ, который вымощенъ былъ мраморомъ. Великолѣпіе и самая изящная роскошь окружали Гуинплейна. «Гдѣ я?» спрашивалъ онъ у Баркильфедро, который стоялъ передъ нимъ съ непокрытой головой. «Вы въ своемъ домѣ, милордъ», отвѣчалъ тотъ. Новый лордъ, бросаемый отъ одного удивленія къ другому, все еще не могъ придти въ себя, и собраться съ мыслями. Онъ оглядѣлъ себя и тутъ перемѣна: вмѣсто обыкновеннаго своего костюма, онъ видѣлъ на себѣ атласъ и шитое серебромъ сукно; въ карманѣ лежалъ у него полный кошелекъ; на ногахъ башмаки съ высокими красными каблуками. Онъ былъ въ безпамятствѣ, когда перевезли его во дворецъ и перемѣнили на немъ платье. Такому долговому безпамятству удивляться нечего: Францискъ д'Альбекла, человѣкъ необыкновенно крѣпкій, лишился чувствъ на цѣлый день, когда избрали его папой, а скачекъ отъ кардинала къ папѣ меньше, чѣмъ отъ фигляра къ англійскому перу.

— Удостоите, ваша честь, вспомнить, началъ немного погодя Баркильфедро, стараясь пріятно улыбаться: я чиновникъ адмиралтейства и я именно извлекъ на свѣтъ вашу судьбу. Такъ, въ арабскихъ сказкахъ, рыбакъ извлекаетъ изъ бутылки великана, и затѣмъ Баркильфедро принялся пространно высчитывать дворцы, замки, деревни, права и доходы новаго лорда, который молча слушалъ его и вспоминалъ, что всѣ произносимыя имъ имена знакомы ему съ дѣтства, что они были написаны на стѣнѣ прежняго жилища Урсуса и первое, что бросалось въ глаза бѣдному мальчику, когда онъ просыпался въ походной лачугѣ, было перечисленіе богатствъ лорда Кленчарли, то-есть списокъ теперешнихъ своихъ владѣній. Эта странная подробность припомнилась ему и заняла свое мѣсто въ ряду другихъ странностей, которыя случились съ нимъ въ теченіе дня.

— Милордъ, продолжалъ Баркильфедро, вотъ эта шкатулка, содержащая въ себѣ двѣ тысячи гиней, прислана вамъ ея величествомъ королевою на первыя нужды.

— Это отцу моему, Урсусу, сказалъ Гуинплейнъ.

— Хорошо. Я знаю Урсуса и пошлю ему. А если самъ буду въ Лондонѣ, то вручу ему самъ.

— Я самъ отнесу ему, возразилъ Гуинплейнъ.

— Это невозможно, милордъ. Мы въ Кормонъ-лоджъ, въ вашей дворцовой резиденціи, по сосѣдству съ Виндзоромъ, въ 23 миляхъ отъ Лондона. Васъ здѣсь еще никто не знаетъ. Я привезъ васъ сюда въ закрытой каретѣ, которая ожидала васъ у соуторкской тюрьмы, и ввелъ въ эти комнаты съ помощью секретнаго ключа, который имѣю. Здѣшнимъ людямъ пока неизвѣстно даже ваше имя и теперь не время ихъ будить. Лучше я покажу вамъ ваши документы и познакомлю васъ съ ихъ содержаніемъ. Говорю вамъ по порученію ея величества. Всѣ необходимыя формальности исполнены и завтра вы будете приняты въ палатѣ лордовъ, гдѣ можете участвовать въ преніяхъ о биллѣ, внесенномъ короною. Билль этотъ касается увеличенія сотнею тысячъ фунтовъ стерлинговъ ежегоднаго содержанія герцогу кумберлендскому, супругу королевы... Впрочемъ, не все еще кончено. Я долженъ предупредить васъ, милордъ, что дѣло ваше легко можетъ быть проиграно. До сихъ поръ знаютъ о немъ только весьма немногіе и, конечно, если потребуетъ государственная необходимость, эти немногіе легко предадутъ васъ забвенію. У васъ есть братъ, побочный сынъ вашего отца и одной дамы, которая впоследствии была любовницею Карла II. Къ этому брату должно было перейти ваше перство и оно перейдетъ, если вамъ не угодно будетъ исполнить повелѣнія королевы, которая предназначааетъ вамъ въ супруги дѣвушку царственнаго происхожденія. Судьба, открывая одну дверь, затворяетъ другую; сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, слѣдуетъ отказаться отъ того, что осталось позади. Милордъ, Гуинплейнъ умеръ. Понимаете?

Гуинплейнъ вздрогнулъ, но скоро оправился и сказалъ: «да». Баркильфедро улыбнулся, поклонился, ввалъ шватулку подъ плащъ и вышелъ.

Оставшись одинъ, Гуинплейнъ началъ ходить по комнатамъ большими шагами и старался привести въ порядокъ свои мысли и воспоминанія. Послѣ всѣхъ тревоженій, испытанныхъ имъ, онъ начиналъ приходить въ себя и сознавать свое положеніе. Бѣдное, униженное прошлое становилось въ его головѣ лицомъ въ лицу съ настоящимъ, исполненнымъ блеска и власти, и горькія чувства выплывали наружу. «А, думалъ онъ, такъ вотъ оно что. Я былъ лордомъ. Меня обокрали, лишили наслѣдства, изуродовали. Теперь все понятно. Я возрождаюсь, я понимаю теперь, почему толпа, окружавшая меня, казалась мнѣ стадомъ: я чувствовалъ, что подъ моими лохмотьями что-то трепетало, я чувствовалъ, что я не собака, не рабъ, а пастырь, пастырь на-

рода, его руководитель и господинъ, и то, чѣмъ были мои отцы, баронъ и перъ. Хорошо же! Я возьму свое, я покажу себя этимъ разбойникамъ, которые мучили моего отца, которые продали меня и выбросили вонъ изъ рода человѣческаго, поставили ниже раба и лакея, въ какую-то грязную, отвратительную яму. Я покажу имъ себя». Онъ то садился и забывался на минуту, то снова вставалъ и схватывалъ руками свою голову. Матеріальное величіе ослѣпляло его и отъ чувства ненависти къ врагамъ своимъ онъ переходилъ къ мечтамъ о томъ блескѣ, которымъ онъ окружить себя, о тѣхъ празднествахъ, которыми удивить всѣхъ; ему чудились трубные звуки и фантастическія картины. А съ какою торжествомъ явится онъ въ палатѣ лордовъ, какія возвѣститъ тамъ новыя истины. «Я буду краснорѣчивъ», повторялъ онъ себѣ: «я все самъ испыталъ, я выстрадалъ все то, что вы видите только издали. Я брошу въ лицо этимъ мечтателямъ горькую истину и они затрепещутъ и покроютъ мою рѣчь рукоплесканіями; я явлюсь предъ ними свѣточемъ, потому что освѣщу имъ истину, мечомъ — потому что потребую правосудія. Какое торжество!» Онъ былъ какъ въ бреду. Мысли ежеминутно мѣнялись, наплывали и исчезали. Онъ то начиналъ твердить машинально свои титулы, то ощупывалъ бархатные обои, переставлялъ стулья, разсматривалъ печати и гербы, подходилъ къ окнамъ и вслушивался въ журчаніе фонтана, пересчитывалъ мраморныя колонны, перелистывалъ свои бумаги, разглядывалъ свое платье... Часы проходили. Занялась заря и показался свѣтъ. Бѣлый лучъ проникъ въ комнату и въ то же время вошелъ въ душу Гуинплейна. «А Дея?» вдругъ припомнилъ онъ. «Гдѣ ты и гдѣ я? Въ первый разъ еще насъ разлучили и стараются вырыть между нами пропасть. Но этому не бывать. Кто говорилъ мнѣ о королевѣ? Я знать ее не хочу: я не измѣнился и не измѣнюсь. Что бы ни случилось, но Дея будетъ со мной, Дея будетъ леги. Вспоминаю теперь: тотъ человѣкъ говорилъ мнѣ, что когда одна дверь отворяется, другая закрывается, что прошлое надо покинуть. Другими словами, это значило, чтобъ я сталъ негодяемъ, чтобъ забылъ всѣхъ, съ которыми связала меня судьба. Тотъ человѣкъ воспользовался первыми минутами моего удивленія, онъ поступилъ со мной какъ съ легкою добычей. Этому не бывать. Я покажу имъ, что я настоящій лордъ, что королева для меня — ничто. Они смѣютъ мнѣ предлагать условія, какъ будто, сдѣлавшись лордомъ, я поступаю въ разрядъ рабовъ! Нѣтъ, они этого не дождутся. Дея и Урсусъ будутъ со мною. Я сейчасъ къ нимъ иду, я отыщу ихъ. Чего я ждалъ такъ долго? Тотъ человѣкъ сказалъ мнѣ, что я не могу выйти отсюда. Посмотримъ. Карету

мнѣ! Да гдѣ жь это лакей? Господинъ я здѣсь или нѣтъ? Вѣдь это мой домъ и я поломаю замки, разобью двери и добьюсь своего. Погляжу я, кто посмѣеть сопротивляться мнѣ. Иду, иду сейчасъ!»!

Онъ поднялся и вышелъ изъ комнаты въ корридоръ, изъ этого корридора въ другой, потомъ изъ комнаты въ комнату, отыскивая выхода. Всѣ двери были отперты, да ихъ и мало было, такъ какъ во дворцѣ, построенномъ въ итальянскомъ вкусѣ, двери замѣнялись занавѣсами и портьерами. Кромѣ того, внутренность дворцовъ того времени устроивалась такъ, что образовала цѣлый лабиринтъ комнатъ, въ которомъ, незнакомый человѣкъ могъ закружиться и потерять всякую возможность обратиться вонъ. Тоже было и съ Гуинплейномъ. Онъ шелъ очертя голову изъ комнаты въ комнату, проходилъ черезъ галереи, корридоры, салоны, черезъ свѣтлыя залы и темные проходы, видѣлъ въ окна то сады, полные утренней свѣжести, то фасады зданій со статуями, то маленькіе дворики, застроенные громадными зданіями, то Темзу, то Виндзоръ, но ни одной живой души въ этотъ ранній утренній часъ. По временамъ онъ останавливался, звалъ, но никто не откликался. Наконецъ онъ услышалъ небольшой шумъ какъ бы отъ журчащей воды. Это было въ тѣсной, темной галлерей, отдѣлявшейся отъ слѣдующей комнаты портьерой. Отдернувъ ее, онъ вступилъ въ восьмиугольную залу со сводами, безъ оконъ, освѣщенную сверху, всю обитую бѣлорозовымъ мраморомъ; посрединѣ залы возвышался черный мраморный балдахинъ съ витыми колоннами, въ тяжеломъ, но прекрасномъ стилѣ Елизаветы; балдахинъ накрывалъ ванну изъ чернаго же мрамора; въ центрѣ его была теплая и ароматная вода, тихо и медленно наполняя ванну.

Въ залѣ не было никакой мебели, исключая испанскаго канапе изъ литаго серебра, обитаго шелкомъ и поставленнаго воалѣ ванны. Это было одно изъ тѣхъ длинныхъ кресель, на которыхъ женщина могла растаянуть, и въ ногахъ еще оставалось мѣсто для собаки или любовника. Съ другой стороны ванны, у стѣны, стоялъ массивный серебряный туалетъ съ восемью венеціанскими зеркалами въ формѣ окна. Въ той части стѣны, которая находилась близко отъ канапе, было продѣлано четырехугольное отверстіе, похожее на слуховое окно и закрытое серебряною крышкою, съ петлями, какъ ставня, и съ королевскимъ гербомъ. Надъ крышкою придѣланъ былъ золотой колокольчикъ. Какъ разъ противъ Гуинплейна, который вошелъ въ залу и остановился, не было стѣны, а вмѣсто нея было пространное отверстіе, завѣшенное совершенно прозрачною серебряною тканью.

Въ центрѣ этой ткани, тамъ гдѣ сидитъ паукъ, еслибъ то была паутина, лежала нагая женщина.

Не совсѣмъ нагая, однако. На ней была длинная рубашка, въ родѣ тѣхъ, въ которыя одѣваютъ ангеловъ на картинахъ, но столь прозрачная, что нагота являлась еще соблазнительнѣе, чѣмъ безъ всякихъ покрововъ. Исторія занесла на свои страницы разсказъ о процессіи принцессъ и придворныхъ дамъ между рядами монаховъ: подъ предлогомъ самоуничженія передъ святыней, герцогиня Монпансье показывалась всему Парижу въ рубашкѣ изъ кружевъ, конечно, со свѣчею въ рукахъ, чего не было у женщины, поразившей Гуинплейна. Серебряная тѣнь, прозрачная какъ стекло, отдѣляла ванную отъ спальни, очень маленькую комнатку, нѣчто въ родѣ зеркальнаго грота. Венеціанскія зеркала, которыми уставлена была вся спальня, отражали въ себѣ серебряную постель, на которой спала женщина, закинувъ голову назадъ и отбросивъ въ ноги одѣяло. Кружевная подушка лежала на полу. Простыни, беспорядочно лежавшія и тоже отброшенные, свидѣтельствовали о безпокойномъ снѣ; красота ихъ складокъ—о топкости ткани. То было время, когда одна королева, воображая, что будетъ осуждена на томъ свѣтѣ, представляла себѣ адъ въ видѣ постели съ толстымъ бѣльемъ. У кровати не было ни колоннъ, ни балдахина, такъ что женщина, отрывъ глаза, могла созерцать себя нагою тысячу разъ въ зеркалахъ. Мода спать голою пришла изъ Италіи и началась еще у римлянъ. *Sub clara nuda lucerna*, говорить Гораций. Шлафровъ изъ шелковой китайской матеріи былъ брошенъ небрежно въ ноги постели; за нею, въ глубинѣ алькова, была вѣроятно дверь, маскированная большимъ зеркаломъ съ изображеніемъ павлиновъ и лебедей. Въ изголовьѣ на серебряномъ, подвижномъ пюпитрѣ съ подсвѣчниками, на которомъ можно было читать, лежала открытая книга съ заглавіями на верху страницъ, красными буквами, «Альборанъ Магомета». Гуинплейнъ не разбиралъ всѣхъ этихъ подробностей. Онъ видѣлъ только женщину, ту самую женщину, которая пріѣзжала смотрѣть его и написала къ нему письмо, которая мучила его воображеніе и смущала покой. Онъ пересталъ о ней думать, онъ сжегъ письмо ея, и опять ее увидѣлъ и увидѣлъ опять какъ видѣніе, какъ переиду, наяду, фею. Что она такое? Развратница или дѣвственница? И то, и другое, Мессалина и Діана, красавица съ строго-цѣломудренными формами и бѣлизною того снѣга, который лежитъ на недоступныхъ вершинахъ горъ. По временамъ она мѣняла положенія съ невыразимою нѣгою и мягкостью и причудливостью облава, измѣняющаго свои формы.

Она волновалась, образуя и разстраивая прекрасныя кривыя линіи. Женщина обладает всею гибкостью воды, и какъ у воды, у герцогини было что-то неуловимое, фантастическое. Это созданіе выставило свою наготу съ такимъ спокойствіемъ, какъ будто имѣла право на цинизмъ боговъ и обладала безопасностью обитательницы Олимпа, которая отдавалась, недоступная и презрѣнная, всему, что проходило мимо нея, взглядамъ, желаніямъ, безумію, сновидѣніямъ, и также гордо покоилась на этой постели, какъ Венера въ безпрѣдѣльности морской пѣны.

Гуинплейнъ хотѣлъ бѣжать и не могъ; его взоръ прильнулъ къ этому видѣнію и пожиралъ его. Онъ трепеталъ и восхищался, теряя волю и чувствуя, что безвозвратно впадаетъ въ безуміе. Какъ сопротивляться искушенію, когда оно встаетъ во всеоружіи наготы и прелести? Онъ закрывалъ глаза, но лихорадка усиливалась, разумъ молчалъ и сказывалось ужасающее пробужденіе плоти. Его тянуло къ кровати и онъ не могъ одолѣть себя; онъ не могъ защититься даже такимъ соображеніемъ: «я безобразенъ и эта женщина оттолкнетъ меня»; она писала она его видѣла и сама хотѣла его любви.

Вдругъ герцогиня проснулась. Граціозно и быстро поднявшись, причѣмъ бѣлокурые волосы ея разсыпались по плечамъ, а спустившаяся рубашка обнаружила плечи и груди, она дотронулась своею маленькою ручкой до большого розоваго пальчика ноги и нѣсколько мгновений смотрѣла на свои голыя ноги, потомъ потянулась и зѣвнула, какъ тигрица при восходѣ солнца. «Кто тут?» спросила она и въ тоже время, ставъ на колѣни, какъ античная колѣнопреклоненная статуя въ тысячи прозрачныхъ складкахъ, она потянула къ себѣ плафронъ и встала съ постели, на мгновеніе голая во весь ростъ, потомъ вся закутанная: въ одну секунду шелковое платье покрыло ее всю, исключая маленькихъ, почти дѣтскихъ ножекъ, которыя остались голыя. Откинувъ назадъ волосы, она побѣжала за кровать, въ глубину алькова, и, приложивъ ухо къ зеркалу и постучавъ по немъ, спросила: «Кто тамъ? Лордъ Давидъ, или уже это вы? Который часъ? Или это ты, Баркильфедро. Да нѣтъ, видно не съ этой стороны. Развѣ съ той стороны кто пришелъ? Отвѣчайте же!» Она подошла къ серебристой занавѣси, распахнула ее и вошла въ комнату. Гуинплейна обдало холодомъ. Спасенія нѣтъ, бѣжать — поздно. Она увидѣла его, чрезвычайно изумилась, но не испугалась.

— А, Гуинплейнъ! сказала она съ отбѣлкомъ радости и презрѣнія.

И вдругъ, въ одинъ прыжокъ, какъ пантера, она бросилась

къ нему на шею, обхватила его голыми руками, потомъ оттолкнула его и, положивъ свои маленькія ручки на плечи ему, стала смотрѣть на него странными глазами, которые были и мутны, и блестящи.

— Какъ хорошо ты сдѣлалъ, что пришелъ. Ты зналъ, что я должна была уѣхать изъ Лондона и поспѣшилъ за мною, да? Знаешь, эта дура, королева Анна, потребовала меня въ Виндзоръ. Я пріѣхала, а она заперлась съ своимъ идиотомъ канцлеромъ и не приняла меня. Но какъ ты попалъ сюда? Узнаю настоящаго мужчину — для него нѣтъ препятствій; захотѣлъ и сдѣлалъ. Тебя вѣроятно провелъ сюда мой пажъ. Скажи же, какъ ты все это обработалъ? Нѣтъ, не говори, объясненія только умалютъ событія. Ты сверхъестественно безобразенъ, а люди сверхъестественные могутъ проникать и чудомъ. Ты вступилъ сюда, какъ богъ. Я люблю тебя. Судьба бросаетъ насъ другъ другу въ объятія, а я вѣрю въ предопредѣленіе. Позволь, а я не замѣчаю, что на тебѣ дворянское платье. Зачѣмъ это ты такъ одѣлся? Ты — фигляръ. Впрочемъ фигляръ стоитъ лорда, а лорды — клоуны. Какой у тебя благородный станъ, какъ ты прекрасно сложенъ. Ты давно здѣсь? Ты видѣлъ меня голою? Не правда-ли, я хороша? О, я люблю тебя? Ты читалъ мое письмо? Или тебѣ его читали? Ты вѣдь вѣроятно безграмотный. Одно мнѣ въ тебѣ не нравится — твой нѣжный голосъ. Это въ тебѣ совсѣмъ не пристало. За то все остальное исполнено ужасающей красоты и въ Индіи тебя сдѣлали бы богомъ. Ты вѣроятно совершилъ какое-нибудь преступленіе, за которое тебя такъ изуродовали, да? Обними меня. Она упала на канаве и увлекла его за собою. Не помня себя, они очутились другъ возлѣ друга. Гуинплейнъ слушалъ ея порывистую, страстную и бурную рѣчь, какъ музыку, какъ завыванье бури.

— Какъ я счастлива возлѣ тебя, начала она снова, призывая къ нему взоры свои. Ты не знаешь, какъ утомительно величіе, какъ надоѣдаетъ уваженіе, какую пошлостью несетъ отъ вѣчнаго принужденія себя. Я дышу свободно теперь, сбрасывая съ себя величавость, я понимаю жизнь, жить — значитъ ломать, разрушать, презирать, все дѣлать, что хочешь. Я люблю тебя не потому только, что ты безобразенъ, но и потому, что тебя презираютъ, надъ тобою смѣются, тебя поносятъ. Именно такой человекъ былъ для меня особенно обаятеленъ, такого человека я жаждала, я томилась желаніемъ вкусить не отъ райскаго яблока, которое такъ обыкновенно, а отъ яблока прямо изъ ада, изъ бездны. Ты — демонъ и я люблю тебя и я отда-

юсь тебѣ чистая, какъ раскаленный уголь. Ты не вѣришь, ты думаешь, что я ужъ любила?

— Сударыня, пролепеталъ Гуинплейнъ.

— Ни слова! Я люблюсь тобой, и она закрыла ему ротъ рукою. Мнѣ все равно, вѣришь ли ты мнѣ, или нѣтъ. Я — разнузданная, неукротимая непорочность, я — вакхическая весталка. Ни одинъ мужчина не зналъ еще меня, и я могла бы быть Пиеоией въ Дельфахъ и попирать мою голою пятою бронзовый треножникъ, гдѣ жрецы, опершись на кожу Пиеона, шопотомъ вопрошаютъ незримаго бога. У меня каменное сердце, но кто проникнетъ въ него, тотъ обрѣтеть въ немъ всемогущую любовь. Насъ отдѣляла бездна — ты перешагнулъ ее и я твоя. Бери меня. Я буду твоей любовницею, наложницею, рабою, вещью. Я хочу презирать себя — это умѣряетъ гордость. Презирай меня и ты, котораго всѣ презираютъ. Презрѣніе надъ презрѣніемъ — высшаго наслажденія нельзя придумать. Чѣмъ больше будешь презирать меня, тѣмъ больше станешь любить — я это понимаю. Знаешь ли, почему я боготворю тебя? потому что пренебрегаю тобой. Ты такъ низко стоишь подо мною, что я ставлю тебя на алтарь. Мѣшать великое и низкое — это хаосъ, а я люблю хаосъ.

Гуинплейнъ дрожалъ, слушая эту дикую, циническую, страстную рѣчь, которую она по временамъ прерывала, обливая его своими воспламененными взорами и странно улыбаясь, словно въ самомъ дѣлѣ страсть и презрѣніе бушевали въ этой неукротимой натурѣ.

— Какъ всѣ удивятся, узнавъ, что я, волчица для всѣхъ, сдѣлалась твоей собакой, и какъ я буду рада: удивленіе дураковъ — приятно. Амфитрида отдалась Циклопу. Fluctivoma Amphitrite. Я превзойду ее. Мы созданы другъ для друга. Ты чудовищень по наружности, я чудовищна внутри. Вотъ почему я люблю тебя. Смотришь въ меня какъ въ зеркало: твое лицо — все равно, что моя душа. Я сама не подозрѣвала этого прежде, но ты открылъ во мнѣ то, что скрывалось на днѣ души. Смотри, я такое же чудовище, какъ и ты.

И, засмѣявшись страннымъ, какимъ-то дѣтскимъ смѣхомъ, она сказала ему на ухо съ шаловливостью ребенка: «Я безумная женщина». Гуинплейномъ все болѣе и болѣе овладѣвала жгучая, животная страсть. Герцогина, въ порывахъ дикаго восторга, расплывала свое платье, обнажала руки и грудь; останавливаясь, пожирала его взорами и шептала: «о чудовище!» Вдругъ она схватила его за руки и съ бѣшеною страстью заговорила снова.

— О, какъ я люблю тебя. Любить тебя—значитъ понимать великое. Полюбить Аполлона — на это хватитъ каждой, но полюбить тебя можетъ только сильная, избранная натура. Я мечтала о тебѣ цѣлыя ночи. Я покажу тебѣ мои сады. Тамъ есть, подъ листвою, зеленые гроты, гдѣ я буду обнимать и цаловать тебя, мраморныя статуи и цѣлыя горы цвѣтовъ. Говорила я тебѣ, что королева—моя сестра! Дѣлай со мной что хочешь. Я создана для того, чтобъ Юпитеръ цаловалъ мои ноги и сатана плевалъ мнѣ въ лицо. Ты исповѣдуешь какую-нибудь религію? Я папистка. Отецъ мой Яковъ II умеръ во Франціи, окруженный цѣлою кучей іезуитовъ. Я никогда не чувствовала того, что теперь чувствую возлѣ тебя. О, какъ желала бы я вмѣстѣ съ тобою лежать на одной подушкѣ подъ навѣсомъ золотой галеры и плыть подъ звуки музыки по тихому морю. Люби меня, бей меня и оскорбляй, поступаай со мной, какъ съ продажною тварью — я обожаю тебя.

Что-то странное соединялось въ этой женщинѣ съ невыразимою граціей; ея любовныя и безумныя рѣчи носили на себѣ отпечатокъ какого-то величія. Во время празднествъ великой богини, воспѣтыхъ Эсхиломъ, женщины гонались за сатирами подъ звѣзднымъ небомъ съ такимъ же эпическимъ сладострастіемъ. Эти пароксизмы похоти усложняли мрачныя танцы подъ вѣтвями Додоны.

— Я люблю тебя! вскричала она внѣ себя, впиваясь въ уста его своими устами и бѣшено прижимая его къ груди своей.

Понадобилось бы для прикрытія Гуинплейна и Джосіаны нѣчто въ родѣ тѣхъ облаковъ, которыми Гомеръ прикрывалъ Юпитера и Юнону, еслибъ вдругъ не раздался колокольчикъ и вслѣдъ затѣмъ не открылось отверстіе въ стѣнѣ, изъ котораго на золотой тарелкѣ показался большой пакетъ. — «Чего ей надо отъ меня?» сказала Джосіана и, обнявъ одной рукой шею Гуинплейна, другую протянула къ пакету, взяла его и захлопнула крышку. Въ пакетѣ было собственноручное королевское письмо, пергаментъ, найденный въ бутылкѣ Гардеваннона, и протоколъ о признаніи Гуинплейна законнымъ сыномъ лорда Кленчарли. Отбросивъ пергаментъ и протоколъ, не читая, она развернула письмо, спросила Гуинплейна, умѣетъ ли онъ читать и, подавая ему письмо, растянулась на канапе, съ странною стыдливостію тщательно спрятавъ подъ платье свои ноги и въ рукава свои руки и оставивъ открытою грудь.

— Ну, Гуинплейнъ, начинай мнѣ свою службу. Прочти, милый мой, что пишетъ мнѣ королева.

Гуинплейнъ сталъ читать. Въ письмѣ заключалась воля ко-

ролевы, чтобъ Джосіана сочеталась бракомъ съ новымъ лордомъ Кленчарли: воля эта была мотивирова тѣмъ, что ея величество желаетъ сохранить за герцогинею наслѣдство Кленчарли.

Когда Гуинплейнъ прочиталъ письмо, Джосіана выхватила его у него, задумчиво прочитала вслухъ подпись королевы, пробѣжала молча протоколъ, потомъ снова перечла письмо и сказала:

— Хорошо. Подите вонъ! холодно сказала она, указывая Гуинплейну дверь, въ которую онъ вошелъ.

Гуинплейнъ не двигался словно окаменѣлый.

— Вы мой мужъ—и потому ступайте вонъ! повторила она. Вы не имѣете права оставаться здѣсь: это мѣсто моего любовника.

Гуинплейнъ не трогался.

— Хорошо же. Въ такомъ случаѣ я выйду отсюда. А, вы мой мужъ. Тѣмъ лучше. Я васъ ненавижу! И, бросивъ въ пространство гордый взглядъ, она вышла. Гуинплейнъ остался одинъ, продолжая сидѣть на томъ же канapé въ состояніи челоуѣка, у котораго отнята всякая способность разсуждать и двигаться. Нѣсколько минутъ спустя, отворилась зеркальная дверь за кроватью и оттуда показался мужчина въ морскомъ костюмѣ, въ шляпѣ съ перомъ, весело припѣвая французскую пѣсенку. Гуинплейнъ вскочилъ: онъ узналъ этого господина и господинъ его узналъ. — «Гуинплейнъ!» — Томъ-Джимъ-Джевъ! — «Какъ ты попалъ сюда?» — А ты какъ? — «А, понимаю, капризъ Джосіаны. Ты пересѣлся?» — Ты также? — «Я не отвѣчаю на вопросы». — Я также, Томъ-Джимъ-Джевъ. — «Мое настоящее имя, Гуинплейнъ, лордъ Дирри-Мойръ, и я запрещаю тебѣ передразнивать меня, несчастный шутъ». Гуинплейнъ поблѣднѣлъ. — Меня зовутъ лордъ Кленчарли и я потребую отъ тебя удовлетворенія за это оскорбленіе. — «На кулакахъ, если угодно». — На шпагахъ. Англійскій перъ... — «Ты шутишь очень мило. Ну, да хорошо: я прощаю тебѣ, и знаешь ли почему? потому что мы оба—любовники.....» — Вы два жениха, сказалъ вошедшій въ это время Баркильфедро, за которымъ стоялъ господинъ важнаго и серьезнаго вида, съ чернымъ жезломъ въ рукахъ. — «Милордъ, сказалъ онъ, обращаясь къ Гуинплейну: Я церемоніймейстеръ чернаго жезла и пришелъ просить васъ, по повелѣнію ея величества, отправиться въ Лондонъ.»

XVI.

Перенесенный силою чудесныхъ, потрясающихъ обстоятельствъ изъ Тэдкестера въ тюрьму, изъ тюрьмы въ Виндзоръ, изъ Виндзора снова въ Лондонъ, Гуинплейнъ едва успѣвалъ осмотрѣться въ новомъ мѣстѣ, какъ судьба толкала его въ другое, играя имъ какъ мячикомъ. Вечеромъ въ тотъ же день Гуинплейнъ попалъ въ необыкновенное собраніе. Онъ сидѣлъ на скамьѣ, украшенной гербовыми лиліями; поверхъ шелковой одежды на немъ накинута была бархатная пурпуровая мантия, на бѣлой тафтяной подкладкѣ, и на плечахъ двѣ горностаевыя полосы, обшитыя золотомъ. Вокругъ него, на такихъ же скамьяхъ, въ такой же одеждѣ, сидѣли старики и молодые. Впереди себя онъ видѣлъ другихъ людей, на колѣняхъ, въ черныхъ шелковыхъ одеждахъ; нѣкоторые изъ нихъ писали. Насупротивъ его возвышался подъ балдахиномъ золотой тронъ Великобританіи. Гуинплейнъ былъ перомъ и засѣдалъ въ палатѣ лордовъ. Прежде чѣмъ попалъ онъ сюда, онъ прошелъ черезъ рядъ церемоніаловъ. Изъ Виндзора онъ уѣхалъ въ придворной каретѣ съ почетнымъ конвоемъ; на послѣдней станціи передъ Лондономъ его пересадили въ черепаховую позолоченную карету, запряженную четверкой лошадей въ серебряной сбруѣ. Съ нимъ были церемоніймейстеры и другіе чины. По пріѣздѣ въ зданіе палаты, ему представлены были герольды, въ сопровожденіи которыхъ онъ отправился черезъ рядъ комнатъ въ особую залу, наполненную важными чиновниками короны и представителями провинціального управленія. Тутъ его встрѣтили два старые лорда, которымъ поручено было представить его палатѣ. Послѣ нѣсколькихъ другихъ формальностей, Гуинплейнъ провозглашенъ былъ перомъ и занялъ мѣсто на ряду съ своими товарищами. Все было устроено такъ, что вступленіе Гуинплейна въ палату замѣчено было весьма немногими. Лордъ-канцлеръ хотя и говорилъ, что лицо для лорда значитъ немного, что онъ прѣкрасенъ ужъ потому, что онъ лордъ, однако долженъ былъ согласиться, что безобразіе новаго лорда должно было произвести неблагоприятное впечатлѣніе, и для избѣжанія этого были выбраны для сопровожденія его въ палату два старшихъ, почти слѣпыхъ лорда, засѣданіе было назначено вечеромъ и Гуинплейна ввели въ палату, когда тамъ были только старые лорды, имѣвшіе привычку являться на засѣданіе съ позаранку и не обратившіе никакого вниманія на церемонію пріема, которая держалась въ тайнѣ между нѣсколькими лицами, приближенными къ королевѣ.

Говоръ объ этомъ необыкновенномъ событіи, о скачкѣ фигляра въ лорды, поднялся только около восьми часовъ вечера, уже тогда, когда собрались всѣ члены палаты. Но и тутъ, при всемъ желаніи, трудно было разсмотрѣть лицо Гуинплейна, полузакрытое его длинными волосами. Лорды оборачивались, но ничего не видали, и ограничивались остротами и пересудами. Кто-то изъ запоздавшихъ лордовъ принесъ извѣстіе, что Джосіана, на предложеніе королевы вступить въ бракъ съ новымъ лордомъ Кленчарли, отвѣчала: «Тѣмъ лучше: я возьму лорда Давида себѣ въ любовники». Отвѣтъ этотъ сдѣлался предметомъ похвалъ и комментарій, хотя никто въ точности не зналъ, насколько онъ былъ подлинный.

Пока лорды занимаются странною судьбою новаго собрата, не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ о значеніи палаты перовъ. Установленіе равенства съ королемъ, то-есть установленіе періи, въ варварскія эпохи было изобрѣтеніемъ полезнымъ. Судьба этого первоначальнаго политическаго средства была различна во Франціи, гдѣ оно было создано, и въ Англіи, куда оно потомъ перешло. Во Франціи перъ сдѣлался ложнымъ королемъ, въ Англіи онъ сталъ настоящимъ властелиномъ. Въ Англіи еще съ XI столѣтія бароны начали уже показывать свою силу королю. При Іоаннѣ-Безземельномъ они вырвали у него «великую хартію» и затѣмъ учредили двѣ палаты, постаравшись палату общинъ поставить отъ себя въ такую зависимость, что «если кто изъ членовъ палаты общинъ осмѣливался слишкомъ смѣло говорить о палатѣ лордовъ, тотъ призывался къ суду и иногда подвергался заключенію въ Тоуэрѣ». При голосованіи тоже было различіе. Лорды подавали голоса каждый поочередно, говоря «доволенъ» или «недоволенъ»; въ палатѣ общинъ члены подавали голосъ всѣ разомъ, стадообразно, произнося «да» или «нѣтъ». Во время войны алой и бѣлой розъ лорды пріобрѣтаютъ еще большее значеніе. Они съ пользой завидуютъ трону; завидовать—значитъ наблюдать; они ограничиваютъ королевскую инициативу, противопоставляютъ Генриху IV лже-Ричардовъ, собираютъ, въ случаѣ нужды, свои арміи и то проигрываютъ, то выигрываютъ битвы. Уже въ XIII вѣкѣ они одерживаютъ побѣду при Льюзѣ и выгоняютъ изъ королевства четырехъ братьевъ короля. До XIV вѣка герцогъ нормандскій чуется еще въ англійскомъ королѣ, и парламентскіе акты ведутся по-французски. Начиная съ Генриха VII, по волѣ лордовъ, французскій языкъ замѣняется англійскимъ. Бретонская при Утерѣ Пендрагонѣ, римская при Цезарѣ, саксонская во время гептархіи, датская при Гарольдѣ, норманская при Вильгельмѣ, Англія становится англійскою бла-

годаря лордамъ. Потомъ она дѣлается англиканскою, отдѣлившись отъ католичества; имѣть свою религію—чрезвычайно важно для страны. При Генрихѣ VIII, королевская власть старается подчинить лордовъ, они огрызаются, какъ бульдоги противъ медвѣдя. Елисавета собираетъ парламентъ какъ можно рѣже и ограничиваетъ число членовъ въ палатѣ лордовъ, изъ которыхъ былъ только одинъ марквизъ и ни одного герцога. Англія съ удовольствіемъ смотрѣла на вымирание перій. Война розъ начала истребленіе герцоговъ, а Марія Тудоръ докончила его сѣвирюю. Политика добрая, конечно, но сдѣлать герцоговъ своими приверженцами еще лучше; это почувствовалъ Яковъ I и сдѣлалъ герцогомъ своего фаворита Вильерса, который называлъ короля «ваше свинство». Феодалный герцогъ обращался въ герцога придворнаго. Карлъ II произвелъ въ герцогини двухъ своихъ любовницъ; при Аннѣ было уже 25 герцоговъ. Но эти махинаціи двора пропали даромъ. Лорды раздражаются противъ Якова I и Карла I, при Яковѣ они призываютъ къ своему суду подкупъ въ лицѣ Бэкона, при Карлѣ измѣну въ лицѣ Стафорда. Осудивъ Бэкона, они осуждаютъ и Стафорда. Первый теряетъ честь, второй голову. Карлъ I обезглавленъ въ первый разъ въ лицѣ Стафорда. Лорды подають руку общинамъ. Король сзываетъ парламентъ въ Оксфордѣ, революція сзываетъ его въ Лондонѣ; 43 лорда идутъ съ королемъ, 22 съ республикой. Изъ этого принятія народа лордами рождается «билль правъ». Таковы заслуги, невольныя, конечно, и дорого оплаченныя, ибо перія была страшнымъ паразитомъ, но паразитомъ съ значеніемъ.

Во Франціи—деспотизмъ Людовика XI, Ришелье и Людовика XIV, приниженіе, принятое за равенство, грубая расправа королевской власти, нивелировка толпы униженіемъ: вся эта тупекая работа не имѣла мѣста въ Англіи, благодаря лордамъ. Они сдѣлали изъ аристократіи стѣну, отодвинувъ короля по одну сторону и укрывъ народъ по другую. Они искупили свое высокоуміе относительно народа высокоуміемъ относительно короля. Симонъ, графъ Лейстерскій, говорилъ Генриху III: *Король, ты сомаж*. Лорды обяыываютъ корону сервитутами; они уязвляютъ короля въ чувствительное мѣсто, въ право охоты въ королевскомъ паркѣ: проходя черезъ паркъ, лордъ имѣлъ право убить серну, т. е. быть у короля точно у себя дома. Низложилъ Юанна Безземельнаго, унизивъ Эдуара II, свергнувъ Ричарда II, разбивъ Генриха VI, лорды сдѣлали возможнымъ Кромвеля. Какой Людовикъ XIV вышелъ бы изъ Карла I! Благодаря Кромвелю, онъ не развился. Кстати замѣтимъ, что самъ Кромвель добивался перства, о чемъ не упоминалъ до сихъ поръ ни одинъ

историкъ; увлекаемый событіями, онъ ухватился за кратчайшій путь къ государству не посредствомъ провозглашенія себя цесаремъ, а посредствомъ низложенія короля. Англійская аристократія была горда, чутка, патриотически недоувѣрчива и безпокойна. Она не лишена была также нѣкотораго инстинкта къ прогрессу. Отличаясь развращенностью и эгоизмомъ, она выказывала, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, замѣчательное безпристрастіе. Историки осуждаютъ ее слишкомъ строго на счетъ палаты общинъ, на долю которой достаются похвалы. Мы считаемъ очень великою роль лордовъ. Олигархія — эта независимость въ состояніи варварства, но все-таки независимость. Англійскіе перы держали тронъ въ недоувѣрїи и опекѣ. Во множествѣ случаевъ лорды умѣли быть непрїятными лучше, чѣмъ общины. Они дѣлали шахъ королю. Палата лордовъ — это венеціанская республика въ сердцѣ англійскаго королевства. Цѣль ея была — низвести короля до степени дожа, и она увеличила силу націи всѣмъ тѣмъ, чѣмъ уменьшила силу королевской власти. Королевская власть понимала это и ненавидѣла перію. Та и другая постоянно искали случаевъ къ взаимному униженію. Этимъ униженіемъ пользовался народъ къ своей выгодѣ. Двѣ слѣпыя власти, монархія и олигархія, не замѣчали, что работаютъ для третьей, для демократіи. Какъ радовался дворъ, когда, въ прошломъ вѣкѣ, ему удалось повѣсить пера, лорда Феррерса! Впрочемъ, его повѣсили на шелковой веревкѣ, вѣжливо.

Перы во Франціи стояли выше, но пользовались меньшей властью, потому что болѣе стремились къ рангамъ, чѣмъ къ власти, и къ первенству болѣе, чѣмъ къ преобладанію. Между ними и лордами существовало такое же отличіе, какъ между тщеславіемъ и гордостью. Первенствовать передъ иностранными принцами, пересѣсть испанскихъ грандовъ или венеціанскихъ патрициевъ, заставить сѣсть на нижнія лавки парламента маршаловъ Франціи, коннетабля и адмирала, дѣлать различіе между герцогомъ по мужской линіи и герцогомъ по линіи женской, поддерживать разстояніе между простымъ графствомъ и графствомъ-періей, носить по праву, въ извѣстныхъ случаяхъ, голубую ленту и орденъ Золотого Руна въ возрастъ 25-ти лѣтъ, претендовать на такое же количество пажей и лошадей при каретѣ, какое имѣютъ курфирсты, заставить перваго президента называть себя «Monseigneur», проходить палату по діагонали или по бокамъ — вотъ въ чемъ состояла великая важность для французскихъ перовъ. Великая важность для лордовъ состояла въ навигаціонномъ актѣ, въ стараніи заставить Европу служить интересамъ Англїи, въ преобладаніи на морѣ, въ изгнаніи Стуар-

товъ, въ войнѣ съ Франціей. Во Франціи на первомъ планѣ — этикетъ; въ Англіи — господство. Вообще палата лордовъ была точкой отправленія: въ цивилизаціи это имѣетъ громадное значеніе. Она имѣла честь начать націю. Она была первымъ воплощеніемъ народа. Англійское упорство, эта темная всемогущая сила, родилась въ палатѣ лордовъ. Бароны, рядомъ насилій противъ королевской власти, начертали путь къ своему окончательному паденію. Теперь палата лордовъ немножко удивляется и горюетъ о томъ, что она привела къ результатамъ, которыхъ вовсе не желала, горюетъ тѣмъ болѣе, что поправить дѣло нѣтъ никакой возможности. Всѣ эти уступки ничто иное, какъ возстановленіе погранныхъ народныхъ правъ. «Дарую», говоритъ король. «Получаю обратно», возражаетъ народъ. Палата лордовъ думала создать привилегію перства и создала права гражданъ. Аристократія, этотъ коршунъ, высидѣла орлиное яйцо — свободу. Теперь яйцо разбито, орелъ плаваетъ въ воздухѣ и коршунъ умираетъ. Аристократія — при послѣднемъ издыханіи и Англія растетъ. Но будемъ справедливы къ аристократіи. Она составляла противовѣсъ королевской власти, она была препятствіемъ, заставою деспотизму. Поблагодаримъ ее и похоронимъ.

XVII.

Около Вестминстерскаго аббатства былъ старый норманскій дворецъ, сгорѣвшій при Генрихѣ VIII. Отъ него осталось два крыла. Эдуардъ VI въ одномъ помѣстилъ палату лордовъ, а въ другомъ палату общинъ. Ни эти два крыла, ни обѣ залы не существуютъ болѣе: все это перестроено. Нынѣшняя палата лордовъ совсѣмъ не походитъ на прежнюю. Разрушенъ старый дворецъ и съ нимъ разрушены старые обычаи. Перы засѣдали, какъ судъ, въ большой вестминстерской залѣ, а, какъ законодательная палата, въ особой залѣ, называвшейся «домомъ лордовъ», *House of the lords*. Зала была продолговатая и узкая, только о четырехъ окнахъ, глубоко врѣзанныхъ въ верху; кромѣ того, надъ балдахиномъ трона было еще слуховое окно о шести стеклахъ, съ занавѣсами; свѣту было мало; вечеромъ зала освѣщалась только дюжиной полуканделабръ, утвержденныхъ на стѣнахъ. Зала венеціанскаго сената освѣщалась еще менѣе. Нѣкоторый полумракъ нравится этимъ сычамъ всемогущества. На одномъ концѣ залы была дверь, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея перила, отдѣлявшія народъ отъ господъ; какъ разъ противъ двери, на другомъ концѣ залы, тронъ, съ тремя ступеньками, называвшійся

«королевскимъ кресломъ». Другія стѣны были покрыты коврами, на которыхъ вышита была въ картинахъ вся исторія гибели испанской армады. У этихъ стѣнъ поставлены были, на право отъ трона, три ряда скамеекъ для епископовъ, на лѣво три ряда скамеекъ для герцоговъ, маркизовъ и графовъ. Скамейка для виконтовъ была противъ трона, за нею двѣ скамейки для бароновъ. На верхней скамейкѣ, на право отъ трона, сидѣли два архіепископа, кантерберійскій и іоркскій, на средней три епископа—лондонскій, дургамскій и винчестерскій, на нижней остальные епископы. Между архіепископомъ кантерберійскимъ и другими епископами была та разница, что онъ былъ епископомъ «въ силу божественнаго провидѣнія», а они «въ силу божественнаго позволенія». Во время королевскихъ церемоніаловъ свѣтскіе перы имѣли на головѣ короны, а духовные—митры. Между трономъ и рядами скамеекъ по стѣнамъ образовывалось широкое четырехугольное свободное пространство. Въ этомъ пространствѣ, покрытомъ ковромъ съ гербомъ Англій, были четыре мѣшка съ шерстью, одинъ противъ трона, гдѣ сидѣлъ канцлеръ, одинъ передъ епископами, гдѣ сидѣли судьи государственные совѣтники, засѣдавшіе безъ права голоса, одинъ передъ герцогами, маркизами и графами, гдѣ сидѣли государственные секретари, и одинъ передъ виконтами и баронами, гдѣ сидѣли коронный клеркъ и клеркъ парламента; на этомъ же мѣшкѣ писали, стоя на колѣняхъ, два подъярка. Въ центрѣ четырехугольника стоялъ большой столъ съ бумагами, документами, чернилицами и проч. Перы сѣлись по хронологическому порядку, каждый по времени образованія своего перства. Засѣданіе начиналось кривомъ герольда «Уез», на французскомъ языкѣ.

Мы сказали уже, что провозглашеніе Гвинплейна перомъ сдѣлано было съ умысломъ среди говора и невниманія немногихъ старыхъ перовъ, спозаранку пришедшихъ въ палату. Новоприбывшіе принесли городскую вѣсть о необыкновенномъ событіи, которое такъ заинтересовало всѣхъ, что въ палатѣ поднялся общій говоръ. Спустя нѣкоторое время послѣ того, какъ всѣ были въ сборѣ, герольдъ провозгласилъ о приходѣ королевскихъ комиссаровъ, которые вошли въ одеждѣ перовъ, предшествуемые клеркомъ, который несъ на подушкѣхъ билли, уже вотированные палатами и утвержденные королевскою властью. Клеркъ положилъ подушку съ биллиями на столъ. Лордъ канцлеръ приказалъ позвать общины. Спустя нѣсколько минутъ, въ теченіе которыхъ предверникъ поставилъ передъ перилами скамейку съ тремя ступеньками, дверь отворилась и герольдъ провозгласилъ: «Вѣрныя общины Англій». Лорды тотчасъ наврылись. Члены общинъ вошли

съ непокрытыми головами, съ спиверомъ во главѣ, и остановились у перилъ. Они были всѣ въ городскомъ обыкновенномъ платьѣ, съ шпагою. Спиверъ взошелъ на скамейку съ тремя ступенями. Когда шумъ шаговъ стихъ, герольдъ прокричалъ: «Oyez!» Клеркъ отъ короны сталъ читать первый билль и, окончивъ, низко поклонился трону. Подклеркъ повторилъ поклонъ еще ниже и, полуоборотивъ голову къ общинамъ, сказалъ, что королева утверждаетъ билль. Тоже продѣлано было и съ другими биллями. «Королевское» засѣданіе было окончено. Спикеръ, согнувшись передъ канцлеромъ, спустился задомъ со скамейки; общины поклонились до земли и въ то время, когда палата лордовъ приступила къ очередному порядку, не обращая вниманія на эти реверансы, палата общинъ вышла; дверь затворилась. Лордъ-канцлеръ сталъ говорить, что палата уже нѣсколько дней обсуждаетъ билль о прибавкѣ ста тысячъ фунтовъ стерлинговъ къ ежегодному содержанію супруга королевы, что пренія уже заключены и остается приступить къ голосованію. Парламентскій клеркъ открылъ большую книгу и сталъ называть по именамъ лордовъ. Каждый при этомъ вставалъ и говорилъ: «доволенъ». Когда названо было имя лорда Кленчарли, онъ всталъ и громко произнесъ:

— Недоволенъ.

Всѣ головы повернулись въ его сторону. Ярво горѣвшія свѣчи прямо бросали свѣтъ на его лицо, которое рѣзко выдѣлилось на темноватомъ фонѣ залы. Гуинплейнъ сдѣлалъ надъ собою то усиліе, посредствомъ котораго ему удавалось придать своей физиономіи выраженіе серьезное на нѣсколько минутъ.

— Что это за человѣкъ? вырвалось невольно у всѣхъ. Не-выразимый трепетъ пробѣжалъ по всѣмъ свамьямъ. Ужасающее лицо Гуинплейна такъ поразило всѣхъ, что становилось жутко. Представьте себѣ, что во время праздника на Олимпѣ, среди веселія могучихъ боговъ, вдругъ появился бы на горизонтѣ, какъ луна, Прометей, терзаемый коршунами. Смущеніе боговъ можно было бы уподобить смущенію лордовъ, которымъ и во снѣ не могло сниться такое ужасное чудовище въ человѣческомъ образѣ. Всѣми уважаемый старикъ, Томасъ графъ Уартонъ, поднялся въ испугѣ съ мѣста и закричалъ:

— Чтò это такое? Кто ввелъ въ палату этого человѣка? Выгнать его вонъ! И, гордо обращаясь къ Гуинплейну, онъ спросилъ:

— Кто вы такой? Откуда вы явились?

— Изъ бездны, отвѣчалъ Гуинплейнъ, и, сложивъ руки на груди, взглянулъ на лордовъ. — Кто я? продолжалъ онъ. Я — бѣдность. Милорды, я хочу вамъ говорить.

Пробѣжала дрожь по собранію и водворилась тишина. Гуинплейнъ продолжалъ.

— Милорды, вы находитесь—на верху. Надо думать, что у Бога есть на то свои основанія. У васъ — безграничная власть, радость, богатство, у васъ безраздѣльно всё блага земли и неизмѣримое смиреніе о всемъ остальномъ. Но надъ вами есть нѣчто. Надъ вами также, быть можетъ, есть нѣчто. Милорды, я повѣдаю вамъ новость: существуетъ родъ человѣческой.

Собраніе похоже на дѣтей; неожиданные случаи во время преній—ихъ коробитъ съ сюрпризами, и они боятся ихъ и любить. «Слушайте, слушайте», раздалось въ палатѣ. Гуинплейнъ чувствовалъ въ себѣ въ эту минуту странную силу. Обращеніе къ массѣ людей возвышаетъ и вдохновляетъ. Масса становится, такъ сказать, треножникомъ, на которомъ чувствуешь содроганіе человѣческихъ сердець. Гуинплейнъ проникся долгомъ и сознавалъ въ себѣ силу исполнить его.

— Вы сильны и богаты, милорды, продолжалъ онъ. Это опасно. Вы пользуетесь ночью. Но берегитесь, есть могучая сила — заря. Разсвѣта нельзя побѣдить, а онъ придетъ, онъ уже близко. Кто можетъ помѣшать восходу солнца? А въ разсвѣтъ есть необходимый лучъ его. Солнце—это право, вы—привилегія. Бойтесь, чтобъ настоящій хозяинъ дома не постучался у воротъ. Отецъ привилегіи—случай, а сынъ ея—злоупотребленіе. Ни случай, ни злоупотребленіе не прочны, и у нихъ у обоихъ—дурное утро. Я пришелъ предупредить васъ, пришелъ сказать вамъ, что ваше счастье составлено изъ несчастій всѣхъ остальныхъ. Милорды, я знаю, что защищаю потерянное дѣло, которое выигрываетъ только Богъ. Я—лишь голосъ. Если родъ человѣческой—уста, я—крикъ, выходящій изъ этихъ устъ. Вы выслушаете меня. Я открою вамъ народныя страданія; я говорю о нихъ, потому что знаю ихъ, потому что вынесъ ихъ на себѣ. Я испыталъ все: и голодъ и холодъ, и презрѣніе, и заразу, и стыдъ. Я погруженъ былъ въ эту бездну, по милости короля, и вотъ вчерашній фигляръ, я, повинуваясь, быть можетъ, невидимой рукѣ Бога, посланъ сюда сказать вамъ, чтобы вы сжалились надъ этимъ міромъ, котораго вы не знаете и который стонетъ подъ вашими пятами. Еслибъ вы знали, что я видѣлъ, еслибъ вы знали, что вы дѣлаете! Я вступилъ въ эту тьму, которую вы называете обществомъ, бурною ночью, маленькимъ, заброшеннымъ сироткою. Первое, что встрѣтилъ я—былъ законъ въ видѣ висѣлицы; потомъ богатство, ваше богатство, въ видѣ женщины, умершей отъ холода и голода; потомъ — будущность, въ видѣ умирающаго ребенка; потомъ—добраго, правдиваго человѣка, въ

видѣ бродяги, у котораго одинъ былъ товарищъ и другъ, и тотъ — волеѣ.

Подъ вліяніемъ сильнаго волненія, Гуинплейнъ почувствовалъ, что рыданія подступаютъ къ его горлу и онъ засмѣялся. Зараза распространилась мгновенно. Надъ палатой висѣла туча, которая могла разразиться ужасомъ, и разразилась смѣхомъ. Безумный хохотъ овладѣлъ всѣмъ собраніемъ. Раздались рукоплесканія, слышались оскорбленія.

— Bravo, Гуинплейнъ! — Bravo, морда «Зеленой Коробки!» — Ты хочешь дать намъ представленіе. Хорошо. Продолжай. — Здравствуй, фигляръ. — Мое почтеніе лорду Клоуну. — Какъ, однако, мило смѣется это животное. — И это перъ Англіи. — Продолжай же, ну?

Лордъ-канцлеръ чувствовалъ себя неловко. Глухой лордъ Джэмъ Бетлеръ обратился къ сосѣду своему съ вопросомъ, какое мнѣніе подалъ новый лордъ. — Недоволенъ. — Еще бы: съ такой рожей будешь недоволенъ.

Гуинплейнъ попробовалъ остановить этотъ хохотъ.

— Вы оскорбляете бѣдность! вскричалъ онъ. Заполчите, перы Англіи, и выслушайте защиту бѣдности. Заглинаю васъ, скальтесь надъ собою, потому что вамъ грозитъ опасность. Развѣ вы не видите, что на одной чашкѣ вѣсовъ — ваше всемогущество, на другой — ваша отвѣтственность. Богъ держитъ въ рукахъ эти вѣсы. О, не смѣйтесь же! Вы не зны, вы такіе же люди, какъ и другіе, не лучше и не хуже. Вы воображаете себя богами, а заболѣй завтра и ваше божество затрясется въ лихорадкѣ. Я обращаюсь къ честнымъ и возвышеннымъ умамъ, я обращаюсь къ великодушнымъ, которые есть здѣсь. Какъ отцы, какъ сыновья, какъ братья, вы часто бываете растроганы. Сердца у всѣхъ одинаковыя и разница между угнетателями и угнетенными лишь въ мѣстѣ, гдѣ бросила ихъ судьба. Вы не виноваты въ томъ, что ходите по головамъ. Эта вина общественнаго столпотворенія. Но помните, что одинъ ярусъ напираетъ на другой и все можетъ рухнуть. О, будьте братьями, потому что вы богаты, будьте кротки, потому что вы сильны. Еслибъ вы знали, что я видѣлъ!...

И онъ заговорилъ фактами, онъ нарисовалъ страшную картину бѣдности, называя по именамъ мѣстности наиболѣе страждущія. Онъ говорилъ, что гарлечскіе рыбаки питаются травой за недостаткомъ улова, что прожаренныхъ стрѣляютъ изъ ружей, когда они показываются изъ своихъ логовищъ, что въ Ньюкестлѣ жуютъ уголь, чтобъ наполнить и обмануть желудокъ, что голодъ царитъ въ сотнѣ мѣстахъ и ежегодно уноситъ многочисленныя жертвы.

— Милорды, налагаемыя вами подати платять тѣ, которыя и безъ того умирають отъ голода. Вы увеличиваете бѣдность бѣдныхъ, чтобъ увеличить богатство богатыхъ. Вы должны были бы поступать наоборотъ. Въ моихъ жилахъ течеть старая республиканская кровь, и я съ ужасомъ помышляю объ этихъ бѣдствіяхъ. Я ненавижу всѣми силами души этихъ Карловъ II, этихъ Якововъ II, этихъ мучителей народа и этихъ паразитовъ, которые окружали себя нахальными женщинами. Мнѣ рассказывали объ одной изъ нихъ: ее любилъ мой отецъ; когда онъ гулялъ въ изгнаніи, она, протистутва, услаждала королевское ложе. И послѣ этого негодая Карла II явился злодѣй Яковъ II...

И онъ снова заклиналъ сжалиться надъ народными бѣдствіями и снова вызывалъ смѣхъ. Гнѣвъ овладѣвалъ Гуинплейномъ, гнѣвъ отъ горькаго сознанія того, что въ то время, когда онъ готовъ былъ рыдать, на лицѣ его стоялъ смѣхъ! Положеніе безвыходное. Голосъ его вдругъ принялъ шипящее выраженіе.

— А, вамъ все весело. Хорошо же! Иронія недалеко отъ агоніи. Вы всемогущи. Пусть такъ. Но бѣдность оскорбляется насмѣшками, и мы еще посмотримъ. Я одинъ изъ бѣдныхъ. Король продалъ меня, бѣднякъ меня подобралъ на дорогѣ. Король изуродовалъ меня, — бѣднякъ вылечилъ и вскормилъ меня. Я лордъ Кленчарли, но остаюсь Гуинплейномъ, потому что ложь повсюду, гнетъ вездѣ. Погодите, придетъ когда-нибудь день, когда все это измѣнится, когда исчезнетъ и униженіе, и подлость, и невѣжество, и глупцы, и лакеи! А пока, я здѣсь. Я пользуюсь своимъ правомъ. Я встану съ народными лохмотьями въ ругахъ передъ этими надменными счастливыми и встряхну на господъ бѣдностью рабовъ, и они, зазнавшіеся гордецы, не избавятся у меня отъ воспоминаній о несчастныхъ, и тѣмъ хуже, если поспытятся изъ лохмотьевъ черви и тѣмъ лучше, если упадутъ они на львовъ.

Тутъ Гуинплейнъ обратился къ поддѣлкеркамъ, которые, стоя на колѣняхъ, писали на мѣшкѣ съ шерстью: «Что вы тамъ стоите на колѣняхъ? Встаньте—вы люди».

Это обращеніе къ низшимъ чиновникамъ, которыхъ лордъ не долженъ бы даже замѣчать, послужило сигналомъ къ новому ярму смѣха и новымъ насмѣшкамъ. — «Настало время, когда слоты заговорили. — Послушаемъ валаамову ослицу! — Господь наказуетъ мятежника въ сынѣ своемъ», проговорилъ одинъ епископъ. Одни кричали, чтобъ закрыть засѣданіе, другіе протестовали, бросая въ Гуинплейна самыя язвительныя насмѣшки. Нашелся лордъ, который бросилъ ему пенни. Другой, подойдя къ нему и нагло смотря ему въ лицо, сказалъ: «Что ты расска-

зываетъ?» — Я предсказываю, отвѣчалъ Гуинплейнъ. Насмѣшки удвоились. Въ подобныхъ обстоятельствахъ кто-нибудь всегда резюмируетъ положеніе однимъ словомъ. На этотъ разъ эту роль выполнялъ лордъ Скередель, закричавъ: «Что это чудовище пришло сюда дѣлать?» Страшно оскорбленный, не помня себя, Гуинплейнъ судорожно вскопчилъ и заговорилъ съ яростью:

— Что я пришелъ сюда дѣлать? Поразить васъ. Вы говорите: я чудовище. Нѣтъ, я народъ. Я не исключеніе; исключеніе — вы; я дѣйствительность, а вы — химера. Я человѣкъ. Я страшный человѣкъ, который смѣется, смѣется надъ вами, надъ собою, надо всѣми. Его смѣхъ — ваши преступления и народныя бѣды, которыя бросаю я вамъ въ лицо. Я смѣюсь, то-есть плачу.

Онъ остановился. Собраніе смолкло немного; смѣхъ продолжался, но тише. Онъ могъ рассчитывать на нѣкоторое вниманіе.

— Этотъ смѣхъ, который вы видите на лицѣ моемъ, наложенъ королемъ. Этотъ смѣхъ выражаетъ собою всеобщее горе. Этотъ смѣхъ значить — ненависть, вынужденное молчаніе, бѣшенство, отчаяніе. Этотъ смѣхъ, созданный пыткой, смѣхъ силы; сатана смѣялся этимъ смѣхомъ. А, вы принимаете меня за исключеніе! Я — символъ. Откройте глаза, всемогущіе глупцы, и убѣдитесь, что я воплощеніе всего, что я представляю собою человѣчество въ томъ видѣ, до котораго довели его господа его. Человѣчество также изувѣчено, какъ я. Ему обезобразили право, правосудіе, истину, разумъ, какъ мнѣ глаза, носъ и уши; какъ мнѣ, ему положили кучу гнѣва и горя въ сердце, а на лицо надѣли маску довольства, и тамъ, гдѣ касался перстъ божій, прошли королевскіе когти. Слушайте, епископы, перы и принцы, народъ — страшный страдалецъ со смѣхомъ на лицѣ, и народъ этотъ — я. — Сегодня вы угнетаете и поднимаете меня на смѣхъ, но будущее можетъ разразиться убійственнымъ градомъ, камни превратятся въ воду, прочное окажется хрупкимъ. Трепещите. Близко время neodолимыхъ рѣшеній, подрубленные когти вырастаютъ, вырванные языки появляются, какъ огненные, среди бурнаго мрака; голодные показываютъ свои жадные зубы; рай, возведенный на адѣ, колеблется; страдаютъ, страдаютъ, страдаютъ и склоняется то, что вверху, а то, что внизу, разверзается, гнѣнь требуетъ свѣта, проклятый и униженный становится лицомъ къ лицу съ избраннымъ: то народъ идетъ, говорю я вамъ, то встаетъ человѣкъ, то начало конца, то алая заря катастрофы — вотъ что въ этомъ смѣхѣ, надъ которымъ вы смѣетесь. Лондонъ представляетъ вѣчный праздникъ, Англія исполнена ливованіемъ. Пусть такъ. Но слушайте: эти празднества — смѣхъ мой, эти ливованія — смѣхъ мой, эти торжественныя церемоніи — мой смѣхъ, и

смѣхъ же мой раздается надъ вашими головами, какъ божій громъ.

Возможно ли не смѣяться надъ такими рѣчами? Радость—самое ѣдкое изъ всего того, что выбрасываютъ человѣческія уста. Дѣлать зло весело — противъ этого не устоитъ никакая толпа. Не всѣ казни совершаются на эшафотѣ, и люди, соединившись въ толпу, всегда имѣютъ готоваго палача—сарказмъ. Эта пытка ужасна и Гуинплейнъ, подвергшійся ей, чувствовалъ себя раздавленнымъ, словно подъ кучею камней. Смѣялись всѣ, начиная съ епископовъ и кончая герольдомъ. Блѣдный; сложивъ руки на груди, Гуинплейнъ стоялъ среди этихъ смѣющихся лицъ, какъ приговоренный къ смерти. Для него все было кончено. Онъ присутствовалъ при послѣднемъ оборотѣ своей судьбы, которая разразилась смѣхомъ и раздавила его. Все въ своемъ мѣстѣ. То, что въ «Зеленой Коробкѣ» служило триумфомъ, въ палатѣ лордовъ было паденіемъ. Подняться не было возможности.

Лордъ-канцлеръ, «во вниманіе къ случаю», закрылъ засѣданіе. Гуинплейнъ, погруженный въ мрачную думу, не замѣтилъ, какъ разошлись лорды, поклонившись трону, и какъ смолею въ корридорахъ ихъ веселый смѣхъ. Машинально надѣвъ шляпу, онъ направился къ двери; служители сняли съ него перскую мантию и весьма удивились, что онъ ушелъ не поклонившись трону.

Рядъ канделябровъ указывалъ ему дорогу. Никого не было. Вдругъ, недалеко гдѣ-то, послышались рѣзкіе голоса. Онъ пошелъ на нихъ и вскорѣ сквозь стеклянную дверь увидѣлъ подъѣздъ, лакеевъ и кареты. По эту сторону дверей стояла толпа, кричавшая и волновавшаяся. Очевидно происходила ссора. Человѣкъ десять или двѣнадцать молодыхъ лордовъ стремились выдти, а одинъ человѣкъ загоразивалъ имъ дорогу.

— Я вамъ сказалъ, что вы низкіе люди, говорилъ этотъ человѣкъ. Вы хотите, чтобъ я взялъ мои слова назадъ. Извольте. Вы не низкіе люди, а идиоты. Вы всѣ набросились на одного. Новый лордъ страненъ, онъ наговорилъ кучу вздору—согласенъ, но въ этомъ вздорѣ была и правда. Смѣшано, не переварено, дурно выражено—такъ, но вчерашній фигляръ не можетъ говорить, какъ Аристотель. Черви, львы, обращеніе къ поддѣлкамъ—все это неприлично, согласенъ. Рѣчь безумная, дикая, но благородная. Онъ былъ настоящимъ лордомъ, а вы—гаерами. Вы смѣялись надъ лицомъ его, но онъ не виноватъ въ этомъ: надъ несчастіемъ не смѣются. Вы глупцы и злобные глупцы. Вы безстыдно поступили съ новымъ лордомъ. Чудовище! конечно, чудовище, окруженное животными. Я желалъ бы быть лучше на его мѣстѣ, чѣмъ на вашемъ. Присутствуя въ засѣданіи, какъ

наслѣдникъ пери, я все слышалъ. Я не имѣлъ права говорить, но имѣю право быть честнымъ дворяниномъ. Я васъ всѣхъ вызываю и накажу васъ. Я считаю вашъ поступокъ съ лордомъ Кленчарли безчестнымъ и его дѣло принимаю какъ свое собственное. Дерзостей я не прощаю и посмотримъ, кто изъ насъ выйдетъ цѣлымъ изъ боя.

Молодые лорды приняли эту смѣлую выходку съ улыбкою и отвѣчали согласіемъ на вызовъ. Гуинплейнъ вышелъ изъ тѣни и направился къ тому, кто такъ защищалъ его и въ которомъ онъ узналъ Томъ-Джимъ-Джека.

— Благодарю васъ, сказалъ онъ. Но это мое дѣло.

Всѣ повернулись въ его сторону. Гуинплейна что-то влекло къ лорду Давиду и онъ подошелъ къ нему. Лордъ Давидъ отступилъ.

— А, сказалъ онъ, это вы, и прекрасно. Вамъ мнѣ также есть что сказать. Въ своей рѣчи вы упомянули о женщинѣ, которая была любовницею вашего отца и любовницей короля Карла II.

— Правда.

— Вы оскорбили мою мать.

— Вашу мать? вскричалъ Гуинплейнъ. Въ такомъ случаѣ, я угадывалъ, мы...

— Братья, сказалъ лордъ Давидъ и далъ Гуинплейну пощечину. Мы братья, повторилъ онъ, и слѣдовательно, какъ равные, можемъ драться. Кто намъ ближе брата? Я пришлю къ вамъ моихъ секундантовъ и завтра мы помѣряемся.

XVIII.

Когда на церкви св. Павла пробило полночь, Гуинплейнъ перешелъ лондонскій мостъ и вступилъ въ соутуорескія улицы. Фонари не горѣли: въ то время въ Лондонѣ и въ Парижѣ улицы освѣщались только до одиннадцати часовъ. Онъ шелъ быстрыми шагами по пустыннымъ улицамъ, въ шелковомъ вышитомъ платьѣ, со шлягою и въ шляпѣ съ перьями, но безъ плаща. Онъ бѣжалъ изъ палаты, самъ не зная, какъ. Бываютъ такія душевныя волненія, когда все путается въ невообразимомъ хаосѣ, дѣйствительность исчезаетъ и человекъ чувствуетъ себя близкимъ къ смерти. Гуинплейномъ овладѣла жажда видѣть Дею, и это чувство поглотило его всего. Добраться до таверны, шумной, свѣтлой, полной добраго и искренняго народнаго смѣха, найти Урсуса и Гомо, увидѣть Дею и снова начать жить. Разочарованія разряжаются какъ лужъ, съ страшною силою, и бросаютъ человека, эту стрѣлу, въ правдѣ. Гуинплейнъ торопился.

Онъ подходилъ къ Тэринзофильду бѣгомъ, погружая взоры въ разстилавшійся передъ нимъ мракъ и желая увидѣть освѣщенный Тэдестеръ. Но нигдѣ не было видно свѣта. Вотъ и таверна стоитъ мрачная и непривѣтливая. Онъ содрогнулся, потомъ сталъ утѣшать себя тѣмъ, что уже поздно, что всѣ уже легли спать и что стоитъ только разбудить Никлеса или Говикума. Онъ тихонько подошелъ къ двери таверны, боясь внезапно разбудить Дею: нѣжность чувства переживаетъ въ добрыхъ и преданныхъ сердцахъ всѣ невзгоды. Конура, въ которой спалъ Говикумъ и которая выходила на площадь, оказалась пустою. Онъ постучался съ начала тихонько, потомъ громче — никакого отвѣта. Онъ сталъ звать Никлеса, Говикума, Урсуса, Гомо — тоже молчаніе. Холодный потъ выступилъ у него на лбу. Онъ поглядѣлъ на площадь. Ночь была темна, но при свѣтѣ звѣздъ, можно было различать, что эта шумная, застроенная балаганами, площадь была пуста. Страшное безпокойство овладѣло имъ. «Что такое случилось? Что съ ними сдѣлало? Ахъ, Боже мой!» Онъ набросился на домъ какъ буря, стуча въ калитку, въ ворота, въ окна, въ стѣну, кулакомъ и ногами, бѣснуясь отъ страха и тоски. Онъ снова называлъ всѣхъ по именамъ, останавливался, слушать и опять начиналъ кричать и звать. Гробовое молчаніе было отвѣтомъ ему. Истопивъ всѣ усилія, онъ рѣшился проникнуть на дворъ, разбилъ окно, влѣзъ въ него, бросилъ свою шпагу, которая мѣшала ему, и, опрокидывая скамейки и столы, вышелъ на дворъ, глянулъ туда, гдѣ стояла «Зеленая Коробка»: ея не было.

Выйдя изъ дому, онъ бѣгалъ по Тэринзофильду во всѣхъ направленіяхъ, стучалъ въ кабачки, хотя зналъ, что въ нихъ ничего нѣтъ, — все было напрасно. Очевидно, были приняты какія-нибудь полицейскія мѣры и муравейникъ раздавленъ. Въ отчаяніи онъ направился къ Темзѣ, подошелъ къ Эфрокъ-стону, облокотился на парапетъ и задумался, не обращая вниманія ни на рѣку, ни на то, что недалеко отъ берега стояли суда на якоряхъ и высились ихъ неподвижныя мачты. Онъ смотрѣлъ внутрь себя, онъ созерцалъ свою судьбу. Сзади ему слышался хохотъ лордовъ; щека его горѣла отъ пощечины, полученной отъ брата; спасаясь отъ этого смѣха, онъ, какъ подстрѣленная птица, направился въ гнѣздо свое, надѣясь найти тамъ любовь, и нашелъ мракъ, разрушеніе и одиночество. Гдѣ же они? Очевидно, ихъ удалили. Судьба разразилась надъ нимъ ударомъ величія, а надъ ними ударомъ уничтоженія. Ясно, что онъ ихъ болѣе не увидитъ. Для того и приняты мѣры, для того, чтобы не у кого ему было справиться, очищена вся площадь. Страшная общественная сила, стирая его въ порошокъ въ палатѣ лор-

довъ, въ то же время уничтожила близкихъ ему въ бѣдной жизни. Они исчезли, исчезла Дея и навсегда. Силы неба, гдѣ же она? И его не было тамъ, чтобъ защитить ее!

Севозъ мракъ тяжелыхъ мыслей, ему представился Баркильфедро съ его злобщею фразой: «судьба, открывая одну дверь, запираетъ другую.» Эта фраза огненными словами написалась въ мозгу его и жгла его. Все кончено. Вселенная не существуетъ для него болѣе, душа полна падающими звѣздами, облако дыма, унесшее его съ собою, исчезло и унесло его жизнь и радость. Онъ одинокъ; а одиночество для него — синонимъ смерти.

Отчаяніе — хорошій счетчикъ; онъ любитъ подводить итоги, отъ него не ускользаетъ ни одна мелочь, все принимается въ счетъ, взвѣшивается и вычисляется. Онъ провѣрялъ подробности своего паденія, горе спрашивало, а совѣсть отвѣчала. Насколько онъ виноватъ самъ въ своей судьбѣ? Вотъ въ чемъ хотѣлъ онъ дать себѣ отчетъ. Исчезновеніе его не зависѣло отъ него; его лишили свободы, сковали внезапнымъ величіемъ; но совѣсть упрекала его въ томъ, что все это онъ принялъ, что была минута, когда Баркильфедро ясно предложилъ ему вопросъ и онъ отвѣчалъ согласіемъ промѣнять Дею на Джосіану. Какая глупая сдѣлка! промѣнять вѣрное счастье на почести, на богатство. Безумецъ, дуракъ! Но въ этой лихорадкѣ охватившихъ его почестей не все же тщеславіе. Быть можетъ, было бы слишкомъ большимъ эгоизмомъ отказаться отъ своего наслѣдства, отъ той роли, которую навязывала ему судьба. Относительно кого обязаны мы исполнить первыя обязанности? Относительно своихъ близкихъ или рода человѣческаго? Возвышаясь, чувствуешь, что отвѣтственность и обязанности растутъ, что маленькая семья обращается въ большую. Когда человѣкъ дѣлается воплощеніемъ идеи, на немъ лежитъ еще болѣшая обязанность. Гуинплейнъ думалъ: «народъ — молчаніе. Я буду его защитникомъ, его словомъ; я заговорю за нѣмыхъ, я заговорю за малыхъ великимъ и за слабыхъ сильнымъ. Вотъ цѣль моей судьбы. Такова воля божія, сохранившая меня среди всѣхъ бѣдствій. Я предназначенъ самимъ Богомъ къ тому, чтобъ быть лордомъ бѣдныхъ». Да, говорить за нѣмыхъ — прекрасно, но говорить о нихъ глухимъ — печально. И глухіе еще насмѣялись надъ нимъ. За что, по какому праву? Неужели бѣдность должна скрываться и молчать, иначе она совершаетъ преступленіе? И люди, насмѣявшіеся надъ нимъ, были вовсе не злы: они сыграли роль палачей не подозрѣвая того. Они счастливы и нашли его бесполезнымъ. Онъ открылъ передъ ними сердце свое, а они закричали ему: представляй, представляй комедію. Онъ хотѣлъ возбудить въ нихъ

состраданіе и возбудилъ ужасъ и смѣхъ. Такова судьба явленій всѣхъ призраковъ. Онъ не обвинялъ себя, но признавалъ свои усилія бесполезными и себя никому не нужнымъ.

Онъ преувеличилъ свои надежды до того, что повѣрилъ въ общество, въ которое вступилъ, наконецъ. И общество тотчасъ предложило ему три дара: бракъ, семью и касту. Бракъ? Онъ увидѣлъ на порогѣ его проституцію. Семья? братъ далъ ему пощину и завтра ждетъ его со шпагою въ рукѣ. И этотъ братъ казался ему характера добраго и рыцарскаго: Томъ-Джимъ-Джевъ заступился за Гуинплейна, а лордъ Давидъ за лорда Кленчарли. Онъ не зналъ Брантома, иначе онъ прочелъ бы у него: «Сынъ безъ всякаго сомнѣнія можетъ вызвать на дуэль своего отца». Каста? Она отвергла его почти прежде, чѣмъ онъ успѣлъ вступить въ нее. Куда же дѣваться теперь? Разрушеніе со всѣхъ сторонъ. Попытка сдѣлана, не начинать же снова. Онъ подводилъ итоги своимъ думамъ о своей судьбѣ, о своемъ положеніи, объ обществѣ, о себѣ самомъ. Его судьба — ловушка, его положеніе — отчаяніе, общество — ненависть, онъ самъ — побѣжденный, и въ глубинѣ души своей онъ воскликнулъ: общество — злая мачиха, природа — мать. Общество — это міръ тѣла, природа — міръ души. Одно кончается могилою, сосновымъ ящикомъ въ ямѣ и червями. Другая граничитъ съ свѣтлымъ преображеніемъ, съ восхожденіемъ въ надоблачныя пространства и новою жизнью. Природа была къ нему такъ благосклонна, такъ помогала ему, потому что она душа; а общество отняло все, даже лицо; душа ему все возвратила, даже лицо, потому что нашлась слѣпая, которая не видѣла его безобразія, но видѣла душу. И съ ней-то разлучили его, съ этимъ свѣтлымъ, нѣжнымъ существомъ, его сестрою и милой! Чтожъ дѣлать безъ Дея? Гдѣ она, звѣзда его? Дея, Дея, Дея! Увы, онъ потерялъ свой свѣтъ, а что жъ и небо безъ свѣта? Онъ бросилъ ее, чтобъ идти на защиту народа. А развѣ Дея не народъ? Слепая, сирота, да это все человѣчество. А какъ былъ бы онъ счастливъ! Нѣтъ, его завлекли въ ловушку и предали. Эта Джосіана... что она такое? О, страшная женщина, почти животное, почти богиня! О, гдѣ вы бѣдность, радости, веселая бродячая жизнь! Что сдѣлали съ близкими ему? Онъ погубилъ ихъ, онъ и никто другой, пришло ему въ голову. Ихъ удалили отъ него, чтобъ ихъ близость не безчестила его достоинства, какъ лорда. Но онъ можетъ защитить ихъ, стоитъ только ему исчезнуть изъ этого міра и ихъ перестанутъ преслѣдовать, ихъ оставятъ въ покоѣ. И что онъ безъ Дея?

Гуинплейнъ посмотрѣлъ на воду. Онъ не спалъ уже третью

ночь. Его трясла лихорадка. Его мысли плохо вязались, хотя онъ считалъ ихъ свѣтлыми. Онъ чувствовалъ неодолимое желаніе уснуть. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ онъ смотрѣлъ въ воду; мракъ представился ему бодшою, сповойною постелью. Онъ снялъ верхнее платье, разстегнулъ камзолъ и въ это время почувствовалъ въ карманѣ книжку, которую вручили ему въ парламентѣ. Онъ вынулъ ее, разглядѣлъ, насколько позволяла звѣздная ночь, замѣтилъ карандашъ въ ней и на первой бѣлой страницѣ написалъ: «Я оставляю этотъ міръ. Пусть братъ мой Давидъ замѣнитъ меня и будетъ счастливъ. Фирменъ Кленчарли, перъ Англіи». Затѣмъ онъ снялъ камзолъ и шляпу, въ шляпу положилъ книжку, все это сложилъ вмѣстѣ и придавилъ камнемъ. Голова его склонялась медленно, словно увлекаемая неодолимою силой бездны. Ему стоило сдѣлать небольшое движеніе, чтобъ упасть въ воду. Сложивъ руки за спиною, онъ наклонился, сказалъ «быть такъ» и пристально посмотрѣлъ въ воду. Въ это время онъ почувствовалъ, что кто-то лизнулъ ему руку. Онъ вздрогнулъ и обернулся. Сзади его стоялъ волкъ. «Это ты, волкъ!» вскрикнулъ онъ. Гомо замахалъ хвостомъ, глаза его заблестѣли и онъ снова принялся лизать ему руки. Въ первую минуту Гуинплейнъ оставался неподвиженъ, пьяный отъ радости и охватившей его надежды. Волкъ пересталъ лизать, повернулся, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и посмотрѣлъ на Гуинплейна, словно приглашая его слѣдовать за собою. Гуинплейнъ пошелъ за нимъ. Они спустились къ Темзѣ, потомъ, по досчатому мостку, который шель отъ берега въ рѣку, примыкая къ черной массѣ судна, на которомъ было написано «Voggaat. Rotterdam», они прыгнули на палубу, гдѣ никого не было видно. Около мачты стоялъ фонарь, при свѣтѣ котораго обрисовывался на темномъ фонѣ какой-то четырехугольный силуэтъ. Гуинплейнъ узналъ старую повозку — хижину Урсуса, подъ которою висѣла цѣпь. Волкъ тихонько подошелъ къ цѣпи и легъ. Шатаясь отъ волненія, Гуинплейнъ продолжалъ глядываться; подножки у повозки были опущены, дверь полураскрыта и внутри никого не было. Повозка заслоняла собою что-то разостланное на полу. Это былъ тюфякъ, уголъ котораго выдавался изъ-за повозки. На тюфякѣ вѣроятно кто-нибудь лежалъ: тамъ двигалась чья-то тѣнь. Послышался голосъ. Гуинплейнъ, спрятавшись за повозкой, слушалъ. Онъ узналъ голосъ Урсуса, но какъ измѣнился этотъ голосъ, сдѣлавшись какимъ-то глухимъ и неопредѣленнымъ. Рѣчь прерывалась вздохами послѣ каждой фразы.

Урсусъ жаловался на то, что судно такое опасное, безъ бортовъ: если упадешь, прямо скатишься въ море; а если подни-

мется непогода, Дею придется выносить на верхъ, а тутъ ма-
лѣйшая неосторожность или испугъ — аневризмъ и порвется.
Дея спала, но тревожно. Урсусъ хватился Гомо. «Забылъ я да-
вича, въ попыхахъ, привязать его, говорилъ онъ, а онъ и исчезъ.
Должно быть, ужинъ себѣ пошелъ добывать на берегу. Вотъ еще
если пропадѣтъ». Онъ его оклинулъ; Гомо тихонько застучалъ
о палубу хвостомъ. «Ты здѣсь, слава Богу». Онъ продолжалъ
тихо ворчать, жалуясь на судьбу, вспоминалъ Гуинплейна и зорко
наблюдалъ за сномъ Деи. Шкиперъ вышелъ на верхъ, отвязалъ
причалъ и занялся сосредоточенно рулемъ съ флегмою голландца
и моряка. Другихъ матросовъ съ нимъ не было. Барка трону-
лась, отливъ увлекалъ ее за собою въ море, и она двигалась
быстро. Лондонъ исчезалъ.

— Ахъ, еслибъ можно было также мнѣ бросить горе, какъ
городъ, говорилъ Урсусъ, посылая ко всѣмъ чертямъ Лондонъ.
И чѣмъ мы провинились, что всѣ несчастія разомъ на насъ сва-
лились. Вотъ она лежитъ, милое дитя мое. Боюсь, чтобъ бредъ
не возобновился. Все это убиваетъ меня. Спи, дитя мое, спи.

XIX.

Гуинплейнъ слушалъ Урсуса, притаивъ дыханіе. Вдругъ раз-
дался чудесный, грустный голосъ Деи, доносившійся словно
издали, но изъ какой-то пучины, не то съ вышины.

— Онъ хорошо сдѣлалъ, что ушелъ, говорила Дея. Этотъ
міръ не для него, но и я за нимъ пойду. Батюшка, я вовсе не
больна, я слышала, что вы говорили сейчасъ; я немножко уснула
и совсѣмъ здорова. Скоро я буду счастлива, батюшка.

— Дитя мое, тревожно спросилъ Урсусъ, что ты хочешь
сказать?

— Не беспокойтесь. Я говорю вамъ, что буду счастлива. Гу-
инплейна нѣтъ, и я знаю гдѣ его найти. Онъ—тамъ. Потому
вы къ намъ придете, и Гомо также. Опять всѣ соберемся вмѣ-
стѣ. А безъ него я не могу остаться, еслибъ и хотѣла. Невоз-
можнаго нечего и требовать. Когда былъ со мною Гуинплейнъ,
я жила, теперь его нѣтъ—я умираю. Умереть вовсе не трудно
и не тяжело. Улетишь туда, гдѣ, говорите вы, звѣзды, и тамъ
будешь любить вѣчно, вѣчно, никогда не разлучаясь. Да, Гуин-
плейнъ хорошо сдѣлалъ. Теперь настала моя очередь. Что это
такое, будто мы двигаемся?

— Мы на баркѣ плывемъ. Успокойся, тебѣ не надо много
говорить. Если ты немного любишь меня, пожалуйста лежи спо-

войно, а то опять начнется лихорадка, а я не могу выносить твоей болѣзни.

— Зачѣмъ искать на землѣ, когда онъ на небѣ.

— Успокойся. Ты иногда говоришь совсѣмъ вздоръ, дитя мое. Сдѣлай же хотя что-нибудь для меня. Тебѣ надобно хорошенько уснуть и тогда все пойдетъ отлично. Погода хорошая и завтра мы будемъ въ Роттердамѣ, въ Голландіи.

— Я вовсе не больна, батюшка, и вамъ нечего беспокоиться: никакой лихорадки у меня нѣтъ, а только мнѣ немножко жарко. Я совершенно здорова, но чувствую, что умираю.

— Не думай ты пожалуйста объ этомъ, и онъ прибавилъ про себя: избавь ее Господи отъ потрясеній. Наступило молчаніе. Вдругъ Урсусъ сказалъ: «Что это ты дѣлаешь? Зачѣмъ ты встаешь? Умоляю тебя, ложись». Гуинплейнъ вздрогнулъ и, высунувъ голову изъ-за повозки, увидѣлъ Дею; она стояла на тюфякѣ, въ длинномъ бѣломъ платьѣ, которое отрывало шею и немного плечи, и складками падала внизъ. Она дрожала и колебалась, какъ тростникъ. Фонарь освѣщалъ ее снизу. Напряженное выраженіе лежало на лицѣ ея; распущенные волосы ея развивались, глаза блестѣли огнемъ, и вся она извивалась какъ пламя и въ тоже время чувствовалось, что она начинала походить на тѣнь.

Урсусъ поднялъ въ испугѣ руки: «Господи Боже мой, говорилъ онъ, опять бредъ, опять бредъ. Если еще потрясеніе — она умретъ, а не случись потрясенія, она сойдетъ съ ума. Вотъ положеніе: либо мертвая, либо безумная. Что дѣлать? Ложись, дитя мое, умоляю тебя.»

Дея говорила, но слабымъ, неотчетливымъ голосомъ. «Вы ошибаетесь, батюшка, у меня вовсе не бредъ. Я очень хорошо понимаю, что вы говорите. Вы говорите, что народъ собрался уже и что мнѣ надо играть; хорошо, я готова — видите, я въ памяти — только я не знаю, какъ же это сдѣлать: вѣдь я умерла, Гуинплейнъ тоже умеръ. Все равно, я согласна играть; но Гуинплейна нѣтъ.»

— Дитя мое, повторялъ Урсусъ, ну, будь же послушна: лягъ въ постель.

— Его нѣтъ, его нѣтъ! О, какъ темно.

— Темно! прошепталъ Урсусъ: въ первый разъ она произноситъ это слово.

Гуинплейнъ тихонько скользнулъ въ повозку, сбросивъ свое платье, надѣлъ прежнее, которое висѣло на гвоздѣ, потомъ также тихо вышелъ и снова сталъ за мачтою. Дея продолжала шептать и мало-по-малу шепотъ ея перешелъ въ мелодію. Съ пропусками, прерывающимся голосомъ, она запѣла ту пѣсню, съ кото-

рою такъ часто обращалась къ Гуинплейну: «Сокройся ночь, заря поетъ радостную пѣснь». Она остановилась: «нѣтъ, неправда, я не умерла. Чтѣ это я говорю? Я жива, жива, а онъ умеръ. Я ужъ не услышу его голоса, никогда не услышу». И она опять запѣла: «Надо идти на небо.... Сбрось, я хочу, твою черную оболочку», и она протянула руку словно отыскивая на чемъ бы опереться. Гуинплейнъ, быстро промелькнувъ мимо окаменѣвшаго отъ ужаса Урсуса, сталъ передъ нею на колѣни. — «Никогда, говорила Дея. Никогда, я не услышу его», и въ забытьи снова начала-было пѣть; Гуинплейнъ прервалъ ее и запѣлъ: «О, приди, полюби, я — душа, ты — сердце», и въ то же время Дея почувствовала подъ рукою голову возлюбленнаго своего. Она вскрикнула: «Гуинплейнъ!» блѣдное лицо ея засвѣтилось и она запаталась. Гуинплейнъ принялъ ее въ свои объятія. — Живъ! вскрикнулъ Урсусъ. — «Гуинплейнъ!» повторила Дея и голова ея припала къ его щекѣ. «Ты возвратился, благодарю». И, поднявъ свое лицо, она устремила на Гуинплейна свои глаза, полныя мрака и лучей, какъ будто она въ самомъ дѣлѣ видѣла.

— Это ты! сказала она. Гуинплейнъ цѣловалъ ея платье. Есть рѣчи, которыя вмѣстѣ и крикъ, и рыданія, и слова. Восторгъ выражается ими; они не имѣютъ смысла, но говорятся и понимаются. Такими рѣчами забросалъ Гуинплейнъ свою Дею, которая сіяла восторгомъ. Онъ упомянулъ и о томъ, что едва не погибъ, что безъ Гомо онъ погибъ бы непременно, и тотчасъ прибавилъ: «Впрочемъ, все это послѣ расскажу», и снова заговорилъ восторженными, отрывистыми фразами. Урсусъ и смѣялся, и плакалъ, и ворчалъ себѣ подъ носъ, что онъ ничего не понимаетъ: «Какъ же это такъ? Вѣдь самъ своими глазами видѣлъ я, какъ его хоронили. Должно быть поглупѣлъ я, старая скотина».

— Какъ хороша ты, Дея, говорилъ Гуинплейнъ. Не знаю, гдѣ у меня умъ былъ въ эти дни. Гляжу на тебя и все не вѣрю своимъ глазамъ. Съ какою стати мы на этой лодкѣ? Скази мнѣ, чтѣ съ вами случилось? Васъ обидѣли, обокрали? Это подло, но я отомщу, я отомщу имъ, Дея. Вѣдь я перъ Англіи.

Урсусъ такъ и отшатнулся при этихъ словахъ и внимательно поглядѣлъ на Гуинплейна: «Ясно, что онъ не умеръ, но не сошелъ ли онъ съ ума?» И онъ насторожилъ ухо. «Успокойся, Дея, продолжалъ Гуинплейнъ. — Я пожалуюсь палатѣ лордовъ». Урсусъ опять посмотрѣлъ на него и ударилъ себя пальцемъ по лбу: «Все равно, прощенталь онъ. Дѣло пойдетъ хорошо, если и сошелъ онъ съ ума. Человѣку свойственно сходить съ ума. Но я счастливъ».

Судно продолжало плыть ровно и быстро; ночь становилась

темнѣе и темнѣе отъ тумановъ, которые наплывали изъ океана и заволакивали небо, на которомъ только кое-гдѣ блестѣли одинокія звѣзды, и тѣ вскорѣ скрылись, такъ что небо стало черно. Рѣка становилась шире и берега ея все болѣе и болѣе скрывались во мракѣ ночи. Приближаясь къ морю, тишина была такая, что при выходѣ изъ Темзы въ море не понадобилось никакого маневра и ни одинъ матросъ не показывался на палубѣ. Гуинплейнъ, полулежа, держалъ въ объятіяхъ Дею. Они продолжали вести непередаваемый разговоръ любви, гдѣ слышались восклицанія, шутки, восторгъ, шопотъ и поцѣлуи. Вдругъ Дея, освободившись отъ объятій, встала и прижала руки къ сердцу, словно желая остановить его.

— Что со мною? сказала она. Со мною что-то дѣлается. Радость душитъ. Ничего, хорошо теперь. Ты далъ мнѣ такое счастье, что я пьянѣю и чувствую въ себѣ приливъ горячег, лихорадочной жизни и наслажденій. Никогда еще ничего подобнаго я не испытывала. Какъ будто душѣ становится тѣсно въ тѣлѣ и она растетъ, и мнѣ больно. Какъ будто крылья трепещутъ въ моей груди. Это такъ странно, но я счастлива. Ты воскресилъ меня.

Она покраснѣла, потомъ поблѣднѣла, потомъ покраснѣла опять, и упала.

— Ты убилъ ее, сказалъ Урсусъ. Гуинплейнъ протянулъ къ ней руки. Страшное горе смѣнило его восторгъ и онъ упалъ бы самъ, еслибъ не поддерживалъ Дею.

— Что съ тобою, Дея? сказалъ онъ дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Ничего, сказала она, лежа на рукахъ Гуинплейна какъ связка бѣлья. Руки ея повисли. Ее уложили-было на тюфякъ, но она сказала, что ей тяжело дышать лежа. Ее приподняли и она положила голову на плечо Гуинплейна, который сидѣлъ сзади ея и поддерживалъ. — «Ахъ, какъ хорошо мнѣ теперь!» сказала она. Урсусъ молча считалъ у ней пульсъ, потомъ послушалъ грудь. «Что съ ней?» спросилъ Гуинплейнъ. †

— Мы теперь на высотѣ Кентербѣри, отвѣчалъ Урсусъ, и вдалеко отъ Гревезенда. Погода хорошая и мы славно доплывемъ.

Дея становилась блѣднѣе и блѣднѣе и судорожно теребила рукою платье. Медленно вздохнувъ, она прошептала: «Я понимаю что это такое. Я умираю». Гуинплейнъ вскочилъ, какъ внезапно ужаленный. Урсусъ сталъ поддерживать Дею.

— Ты умираешь? Ты умрешь, сейчасъ, сію минуту? Да это не можетъ быть. Это невозможно. Богъ не такъ жестокъ. А что-жъ будетъ со мною? Я только нашелъ тебя и вдругъ потеряю. Нѣтъ, ты будешь жить, Дея. Это ничего, ты опра-

инься. Дея, милая моя, прошу тебя, умоляю тебя, не покидай меня. И, схвативъ себя за волосы, рыдая, дрожа отъ ужаса, онъ бросился къ ногамъ ея.

— Милый мой, сказала она, развѣ я виновата.

На губахъ ея показалась розовая пѣна, которую Урсусъ быстро обтеръ, такъ что Гуинплейнъ ничего не замѣтилъ. Онъ лежалъ у ногъ ея и уста его лепетали безсвязныя, безумныя слова мольбы; въ голосѣ его слышалось и отчаяніе, и страхъ, и невыразимая нѣжность.

— Что дѣлать? говорила Дея. Часть тому назадъ я хотѣла умереть, а теперь не хочу и умираю. Милый мой, дорогой мой, какъ мы были счастливы. Не забывай меня, помни мою пѣсенку — я буду прилетать къ тебѣ ночью и шептать се. О, какъ бы желала я жить, но жить невозможно. Радость убила меня. Ты вспоминай меня...

Голосъ ея все ослабѣвалъ, агонія отнимала дыханіе. Она подогнула большой палецъ подъ другіе — признакъ, что послѣдняя минута приближается.

— Вы вспоминайте обо мнѣ, прошептала она, а то грустно — умрешь и никто не вспоманетъ. Я была зла иногда, — вы простите меня. Я увѣрена, что еслибъ Богу было угодно, мы были бы счастливы и я не умерла бы. Не знаю, за что я умираю? Я не роптала на свою слѣпоту и, стало быть, никого не оскорбила. Я только одного желала — остаться навсегда слѣпою, но возлѣ тебя. Какъ грустно умирать! Слова ея становились тихи почти также какъ дыханіе и ихъ трудно уже было разобрать.

— Поддержите меня, сказала она немного спустя. Вспомнивай обо мнѣ, Гуинплейнъ, и приходи ко мнѣ скорѣй. Безъ тебя я на небѣ я буду несчастна. Рай мой былъ здѣсь, а не на небѣ. Ахъ, задыхаюсь. Милый, милый, милый мой!...

— Помогите! вскричалъ Гуинплейнъ.

— Прощай! сказала она.

— Помогите! повторилъ онъ, и прижался губами къ холодѣющимъ рукамъ Деи. Съ минуту она словно не дышала. Потомъ приподнялась на локтяхъ, глубокая молнія сверкнула въ ея глазахъ и невыразимымъ восторгомъ озарила лицо ея.

-- Свѣтъ! закричала она. Я вижу.

И упала мертвою.

— Умерла, сказалъ Урсусъ. Рыдая, онъ спряталъ свою голову въ складкахъ платья Деи, и лишился чувствъ. Гуинплейнъ былъ страшенъ.

Онъ стоялъ неподвижно, поднявши голову и устремивъ свой взоръ во мракъ ночи. Онъ казалось чего-то видѣлъ и, протя-

нуть руку вверхъ и сказать: «иду», пошелъ впередъ по направлению къ краямъ палубы, словно привлекаемый какимъ видѣніемъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него была бездна. Онъ шелъ медленно, прямо передъ собою, не глядя себѣ подъ ноги. На устахъ его была улыбка, и глаза блистали. Не останавливаясь, онъ сказалъ: «да», и продолжалъ идти не спѣша, но рѣшительно, какъ будто впереди его не было пропасти. — «Будь покойна. Я иду за тобою, шепталъ онъ: я очень хорошо замѣчаю знаки, которые мнѣ дѣлаешь». И, улыбаясь, онъ не повидалъ взорами одной точки на горизонтѣ. Край судна былъ уже возлѣ. — «Иду, Дея, иду!» сказалъ онъ, сбѣлалъ шагъ и упалъ. Ночь была темная, вода глубокая. Онъ исчезъ тихо и незамѣтно. Никто не слышалъ его паденія и судно продолжало плыть. Немного спустя оно вышло въ океанъ.

Когда Урсусъ пришелъ въ себя, онъ не увидѣлъ уже болѣе Гуиннлейна и только на краю палубы, глядя на море, вылъ протяжно волеъ.

Заканчивая изложеніе романа Виктора Гюго, считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о значеніи этого произведенія. О нѣкоторыхъ недостаткахъ романа мы говорили уже въ предыдущей книгѣ; два послѣдніе тома столь же ими обильны, какъ два первые, если еще не больше. Преобладаніе описаній и размышленій самого автора надъ дѣйствіями и размышленіями выведенныхъ имъ лицъ, необыкновенная растянутасть и тщательная, многословная рисовка лицъ второстепенныхъ и даже третьестепенныхъ, постоянныя отступленія, мѣшающія движенію романа, подчиненіе дѣйствующихъ лицъ велѣніямъ судьбы — вотъ въ немногихъ словахъ недостатки его. Романъ можно раздѣлить на двѣ части, вяжущіяся между собою почти чисто внѣшнимъ образомъ: исторія Гуиннлейна и Дея, и исторія англійской аристократіи. Первая исторія, во многихъ мѣстахъ исполненная поэтической прелести и бьющаго драматизма, весьма не сложная сама по себѣ, составляетъ прекрасную идиллію, которая легко умѣстилась бы на нѣсколькихъ десяткахъ страницъ, еслибъ освободить ее отъ всѣхъ ненужностей. Но, загроможденная другими лицами и предметами романа, странная, но привлекательная группа уroda и слѣпой, которые любятъ другъ друга, является на общей картинѣ слишкомъ незначительною свѣтлою точкой. Эту маленькую, граціозную группу даютъ второстепенныя лица и она стоитъ на сценѣ, окруженная густымъ лѣсомъ декораций, который мѣшаетъ сосредоточить на ней вниманіе.

Эти декорации составляютъ вторую половину романа, исторію англійской аристократіи, именно исторію, или, лучше сказать, исторію-анекдотическіе наброски изъ жизни этого сословія, а не романъ. Въмѣсто типовъ аристократовъ, какъ этого слѣдовало ожидать отъ романа, мы находимъ разсужденія и иллюстраціи. Мы не присутствуемъ при непосредственномъ гнетѣ аристократіи на народъ, а узнаемъ о немъ изъ монологовъ дѣйствующихъ лицъ, преимущественно Урсуса, въ которомъ поэтъ изобразилъ не характеръ, а скорѣе воплощеніе трусливаго, скрытаго протеста. Сцена въ парламентѣ, когда Гуинплейнъ протестуетъ во имя народа противъ гнета, не производитъ надлежащаго впечатлѣнія потому, что страстная рѣчь его принимается со смѣхомъ лордами, единственно въ силу смѣшного безобразія новаго лорда. Авторъ самъ даетъ понять, что не вылетитъ эта рѣчь изъ столь безобразныхъ устъ, она могла бы разсчитывать на пріемъ совершенно другого рода. Огромный матеріалъ, представлявшійся поэту для рисовки крупныхъ характеровъ, разбросанъ по мелочамъ, и только одна Джосіана, это соединеніе Мессалины и Діаны, вышла замѣчательно оконченнымъ и выдержаннымъ типомъ, хотя и ей поэтъ даетъ слишкомъ ограниченную сферу дѣйствія.

Такимъ образомъ, аристократія является въ романѣ, какъ иллюстрація, но иллюстрація, мѣстами сдѣланная рукою мастера и исполненная одушевленія и мѣтваго сарказма. Это одушевленіе, не покидающее поэта въ теченіе всего романа и вызывающее въ немъ то чувство негодованія, то юморъ, и придаетъ роману жизненность и значеніе. Какъ романъ, т. е. произведеніе, требующее характеровъ, движенія, гармоническаго соотвѣтствія между частями, «L'Homme qui rit» представляетъ картину странную, не удовлетворяющую строгимъ требованіямъ искусства; но если отбросить въ сторону строгія требованія искусства, если посмотрѣть на него какъ на калейдоскопъ картинъ и принять во вниманіе одушевляющее поэта чувство и тѣ идеалы, которые ни на минуту не покидаютъ его, то «L'Homme qui rit» должно поставить на извѣстную высоту среди поэтическихъ произведеній послѣдняго времени. Въ своемъ изложеніи мы старались выставить на видъ именно эти стороны романа.

А. С — нъ.

СОВРЕМЕННАЯ ИСПАНІЯ.

Les Révolutions de l'Espagne contemporaine, quinze ans d'histoire (1854—1868). Par
Ch. de Mazade. Paris, 1869.
Le général Prim, par Louis Blairet. Paris, 1869.

.... «Такъ какъ испанцы, и на этотъ разъ, не обошлись-таки безъ созванія учредительныхъ кортесовъ, то за поученіями имъ обращаться не далеко: передъ ними исторія нѣсколькихъ подобныхъ кортесовъ. Въ теченіи менѣе шестидесяти лѣтъ, это—уже четвертое учредительное собраніе въ Испаніи; ей будетъ предстоять затѣмъ относиться съ большимъ уваженіемъ къ седьмой или восьмой конституціи, чѣмъ къ прежнимъ». Эти слова Шарля Мазада резюмируютъ въ себѣ всю политическую исторію Испаніи со времени наполеоновскаго погрома, который хотя и былъ отраженъ изъ Испаніи, но оставилъ тамъ за собою сѣмена неизбѣжнаго разложенія вѣкового порядка, державшагося въ этой странѣ.

Нерѣдко слышится мнѣніе, что испанская національность, въ видѣ прирожденной особенности,—положительно неспособна придти къ прочному политическому устройству. Поверхностность мнѣнія такъ формулированнаго не подлежитъ сомнѣнію: что такое есть особенность національнаго характера, если не таковой же продуктъ историческаго воспитанія, жизни націи, какъ и самыя тѣ факты, которые думаютъ объяснить эту «особенность національнаго характера?» Но примѣръ колоній, основанныхъ испанцами въ Америкѣ, и примѣръ самой метрополи, въ особенности со времени ихъ отпаденія отъ нея — дѣйствительно представляютъ какой-то заколдованный кругъ переворотовъ, въ которомъ одно и тоже явленіе періодически возвращается, какъ въ вращающейся панорамѣ, не оставляя послѣ себя ровно никакихъ задатковъ для будущаго, не оставляя даже надежды, что оно не по-

игрится еще нѣсколько разъ и столь же бесплодно. Должны же быть въ самомъ дѣлѣ, какія-нибудь особенныя причины, которыя сообщаютъ политическому полю испанскаго общества свойства песчаной почвы: ничто на ней не принимается и ничто не стоитъ на ней прочно.

На эту непрочность не могъ не обратить вниманія Шарль Мазадъ, который въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ постоянно слѣдилъ за переворотами, происходившими въ Испаніи, и посвящалъ имъ статьи въ «*Revue de deux Mondes*». Рядъ этихъ статей онъ издалъ теперь отдѣльною книгой, съ обычными предисловіемъ и заключеніемъ. Какъ же онъ смотритъ на выдающуюся особенность новѣйшей исторіи Испаніи? Онъ видитъ причину ея въ ошибочности дѣйствій правительства въ ней бывшихъ, и торжественно приглашаетъ Испанію, въ заключеніи своей книги, прекратить наконецъ эту «нелѣзную и возмутительную смѣну реакціи революціею и наоборотъ».

Но если всѣ правительства, слѣдовавшія въ Испаніи одно за другимъ, съ изумительной быстротою и въ такомъ числѣ, ошибались, то ошибки ихъ, конечно, должны вмѣщать въ себѣ нѣчто общее, ибо иначе какъ объяснить такой фатальный рядъ ошибокъ? Да, въ ошибочности дѣйствій всѣхъ этихъ правительствъ, Мазадъ и видитъ нѣчто однородное. Вотъ какъ онъ выражаетъ это: «Кратчайшій путь, по которому, усмиривъ одну революцію, можно придти къ другой, это—реакція. Испанія какъ будто создана для того, чтобы представлять неизбѣжныя результаты такого обезнадеживающаго опыта, который вѣчно повторяется, никого не вразумляя. Тутъ именно можно видѣть, какъ самыя благоприятныя стеченія обстоятельствъ подвергаются разложенію, какъ правительства, повидимому имѣющія наиболѣе задатковъ для жизни, погибаютъ по своей ошибкѣ, единственно вслѣдствіе собственной вины, создавъ сами себѣ невозможности и навлекая на себя бурю». Итакъ, главную причину неустойчивости испанскихъ порядковъ авторъ видитъ въ склонности ея правительствъ къ реакціи и хотя указываетъ въ этомъ случаѣ на исторію Испаніи какъ на доказательство повсемѣстной политической истины, однако видитъ въ ней вмѣстѣ и особенность испанской исторіи.

Но это объясненіе едва ли способно удовлетворить кого-либо. Представляются вопросы: развѣ за всякимъ усмиреніемъ революціи, гдѣ бы то ни было не является неизбѣжно реакція? И почему же правительства именно въ Испаніи особенно склонны къ реакціи? За неразрѣшеніемъ этихъ вопросовъ, остается все-таки предполагать въ судьбахъ Испаніи нѣчто фатальное, какую-то мистическую причину.

Наконецъ, какимъ же образомъ можетъ прекратиться столь печальное положеніе дѣлъ и что должна сдѣлать Испанія въ исполненіе совѣта, который даетъ ей французскій публицистъ — прекратить эти вѣчныя перевороты? На это Мазадъ отвѣчаетъ такъ: «Она мо-

жесть сдѣлать это только посредствомъ энергическаго усилія, дабы основать у себя, наконецъ, правленіе прочное, разсудительное, либеральное, единственное, которое могло бы сдерживать страсть къ мятежу и честолюбивое соперничество между людьми, обеспечивая вѣстѣ и безопасность и свободу народа». Но кто же долженъ сдѣлать такое усиліе? Если народъ — то спрашивается, почему же онъ не сдѣлалъ такого очевидно-полезнаго усилія раньше; если же усиліе возлагается на тѣхъ дѣятелей, которые нынѣ держатъ въ своихъ рукахъ правленіе въ Испаніи, то они, безъ сомнѣнія стараются, по собственному убѣжденію, устроить судьбы Испаніи наилучшимъ образомъ; только можно ли въ самомъ дѣлѣ возлагать прочную надежду на нихъ, послѣ того какъ «правительства, имѣвшія», какъ говоритъ авторъ, «наиболѣе задатковъ для жизни», въ концѣ концовъ всегда погибали? Особенно мало основанія къ подобной надеждѣ даетъ то обстоятельство, что нынѣшніе дѣятели, держащіе власть въ Испаніи, всѣ были защитниками этихъ погибшихъ правительствъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что то правленіе, котораго блестящіе признаки описалъ Мазадъ, указывая на него Испаніи, было бы очень хорошо и могло бы быть прочно, если бы оно могло основаться какъ-нибудь, само собою, но дѣло въ томъ, что для этого недостаточно устранить капризъ одной правительницы или фанатическое вліяніе іезуитовъ на дѣла, устранить два фактора, мѣшавшіе прогрессу, когда остается господствующимъ третій подобный же факторъ: честолюбіе генераловъ.

Вѣда Испаніи (общая ей, до нѣкоторой степени, съ нѣкоторыми другими государствами) заключалась въ томъ, что благодаря сперва географическому положенію и устройству почвы, а потомъ и нѣкоторымъ случайнымъ совпаденіямъ событій, въ ней развитіе силъ общественныхъ: населенности, промышленности, образованности не соответствовало развитію элемента политическаго: Во 1-хъ, это были политическія необходимости (необходимость самообороны сдѣлала ее прежде всего государствомъ военнымъ и повела къ искаженію, посредствомъ централизаціи власти, устройства федеративнаго, указаннаго образованіемъ почвы); во 2-хъ, политическія причуды централизованной власти, которая, эксплуатируя всѣ силы испанской націи, дала испанскому государству, съ его ничтожнымъ въ то время населеніемъ, громадную роль въ мірѣ, совершенно несоответствовавшую дѣйствительнымъ силамъ націи, и для этого искажила все: промышленность подавила золотомъ, население ослабило дальнею военною колонизаціею, церковь искажила въ государственную инвизицію, оставивъ рядомъ съ собою только католическій фанатизмъ, которому затѣмъ принесла въ жертву промышленное населеніе страны и всю ея образованность. Въ 3-хъ, наконецъ, въ новѣйшія времена тоже несоотвѣтствіе замѣчается между личностію въ странѣ силъ общественныхъ и преобладаніемъ полити-

ческих стремлений в части общества. При таких условиях, эти стремления избирают для своего осуществления и средства, и характер — изъ того мрачнаго прошедшаго, которое называется исторіею Испаніи. Позволяя себѣ употребить формулу нѣсколько абсолютную, вслѣдствіе краткости, скажемъ, что Испанія не имѣетъ *ничего* кромѣ исторіи (сравн. Польша, при паденіи). То же несоотвѣтствіе, какое было прежде между общественными, природными, органическими силами страны и величіемъ ея политической *власти* въ мірѣ замѣчается и теперь между наличностью общественныхъ силъ (плотность населенія, промышленность, образованность, дороги и проч.) и политическими стремленіями части общества. Эти стремленія, опираясь не на массу съ образованіемъ, не на независимый промышленный классъ, имѣютъ въ своихъ проявленіяхъ характеръ фанатическій и военный, унаследованный изъ исторіи. Какъ въ Испаніи, такъ и въ бывшихъ ея колоніяхъ, нынѣ республикахъ, набожность была искажена исторіею въ фанатизмъ религіозный, такъ теперь политическія стремленія опираются не столько на холодный интересъ, сколько на тотъ же фанатизмъ, либеральный, но все-таки фанатизмъ, деспотическую мечтательность — выработанную исторіею. Въ жизни Испаніи всегда деспотически преобладала сторона государственная; она преобладаетъ и теперь. Въ Испаніи человекъ имѣетъ значеніе насколько онъ поставленъ высоко государствомъ. Независимаго образованнаго класса почти нѣтъ. Всѣ либералы имѣютъ съ тѣмъ — искатели мѣстъ. Фанатики политической свободы, — мы говоримъ объ искреннихъ, — они находятъ въ своей исторіи одно средство дѣйствія: военную силу и достиженіе власти, преимущественно именно военною силою.

Обращаясь теперь къ фактамъ ближайшимъ, поставимъ прежде всего тотъ вопросъ, на который они отвѣтятъ: кто при такихъ данныхъ, среди такого общества и при такомъ настроеніи будетъ руководителемъ народныхъ движеній? Очевидно — блестящіе военные вожди, щеголяющіе либерализмомъ. И въ самомъ дѣлѣ, начиная отъ Эспартеро и кончая О'Доннелемъ (а можетъ быть и Примомъ?) всѣ, кто ни топталъ въ Испаніи свободу, начали свою политическую карьеру съ либерализма (неисключая и Нарваза). Но въ рукахъ военныхъ авантюристовъ всякій политическій принципъ долженъ замирать безлодно. Они стремятся ко власти, употребляютъ силу, и таже сила поочередно возводитъ ихъ на пьедесталъ и низводитъ съ него. Реакція не есть ихъ ошибка или вина, какъ говорятъ Мазадъ; она есть — фатальное наказаніе ихъ. Сама революція, въ ихъ рукахъ, не имѣетъ программы, основанной на твердыхъ принципахъ. Мазадъ справедливо очерчиваетъ характеръ двухъ революцій, бывшихъ въ послѣднія 15 лѣтъ: «Настоящая революція, говоритъ онъ, болѣе значительная по своему непосредственному результату, чѣмъ тѣ, которыя предшествовали, сходна однако съ ними въ одномъ отношеніи:

въ способѣ своего осуществленія, въ природѣ тѣхъ силъ, которыя соединились, чтобы произвестъ ее, въ разногласіи тѣхъ намѣреній, которыя на одно время совокупились для борьбы; она, въ нѣкоторомъ смыслѣ — отрицательная, то-есть, она знала только что слѣдуетъ разрушить, но не знаетъ что слѣдуетъ создать. Она служитъ выраженіемъ общаго чувства отвращенія и усталости, а не всенароднаго сознательнаго движенія, которое бы само въ себѣ заключало программу.... Пущенная въ ходъ генералами, она, естественно, остается въ рукахъ генераловъ, и виситъ посреди разныхъ плановъ. Въ ней сава отрывается глава неожиданностей, посреди путаницы: это есть таже революція 1854 года, только въ большихъ размѣрахъ и въ болѣе сложномъ видѣ». Очень хорошо; но отчего же революція эта, которая все-таки не была плодомъ интриги нѣсколькихъ лицъ, а именно истекла изъ «общаго чувства отвращенія и усталости», остается, какъ говорить Мазадъ, «висящею посреди разныхъ плановъ?» Отчего въ Испаніи могло проявиться «общее чувство отвращенія», но не «всенародное сознательное движеніе, съ программою», и почему эта революція, какъ и предшествовавшія ей, можетъ быть названа только отрицательной? Потому что въ Испаніи нѣтъ общественной силы, того, что называется преобладающимъ, народнымъ мнѣніемъ. Оно еще не выработалось. Классы, мѣстности, партіи — въ Испаніи все это разъединило, все это стоитъ за свои преданія и свои вкусы, и неспособно обнять трезвымъ взоромъ простой общій интересъ.

Въ Каталоніи сильно развито демократическое чувство, говорятъ намъ. Да, но именно *чувство*, и развито оно тамъ просто потому, что это — фабричная провинція. Но, какъ вы полагаете, пойдетъ Каталонія за республику противъ Прима? Едва ли, потому что въ Испаніи, какъ замѣчаетъ и самъ Мазадъ въ другомъ мѣстѣ, въ принципѣ видятъ прежде всего человѣка. А Примъ — каталонскій герой; и фамилія его тамъ популярна, и титулы его оттуда (графъ Реусъ, по имени города), и вліяніе его тамъ велико. *Примовское чувство* развито въ Каталоніи еще больше, чѣмъ *чувство* демократическое. Въ пиренейскихъ провинціяхъ развито чувство федеративное, то-есть преданіе внутренней автономіи; да, но въ нихъ же развито чувство карлистское, которое, въ примѣненіи своемъ, ведетъ къ отрицанію всякой свободы.

Изъ всего сказаннаго, какъ намъ кажется, слѣдуетъ, что Испанія, которая пала, истощилась и отстала именно потому, что злоупотребленіе задачами чисто-политическими и несоразмѣрными съ ея силами (какъ владычество въ Европѣ, военная колонизація Новаго Свѣта и т. д.), не дало развиваться этимъ внутреннимъ, органическимъ силамъ (напр. наводненіе золотомъ и изгнаніе моресковъ, а въ новѣйшія времена рядъ неустройствъ, несоразмѣрная армія и проч.),

Испаниі, говоримъ мы, слѣдуетъ пожелать, чтобы въ ней установилось такое правленіе, которое сняло бы съ нея тяжелыя обручи задачъ политическихъ. Не завоевывать Марокко, не защищать папу, быть можетъ, даже не удерживать Кубу, не основывать династіи (это всегда приносить съ собою спеціальную и бесплодную программу, вызывая вражду всѣхъ, преданныхъ другимъ династіямъ партій), распустить войско въ странѣ, изъ которой народъ, съ ножами въ рукахъ, изгонялъ наполеоновскіе полки, дать вздохнуть этой странѣ свободно, отменить запретительный тарифъ, отменить привилегіи духовенства, уничтожить всѣ посольства за-границею, однимъ словомъ пустить на волю благороднаго андалузскаго скакуна, на которомъ ѣздили великіе и малые политическіе люди цѣлый рядъ столѣтій, для своихъ личныхъ цѣлей забывая кормить и поить его. Надо снять съ него сѣдло и пусть отдохнетъ.

Вотъ все, что надо Испаниі. Программа — отрицательная, какъ и сама революція въ томъ видѣ, какъ ее опредѣляетъ Мазадъ. Но потому-то именно, что въ Испаниі нѣтъ сознательной всенародной силы, которая могла бы заступиться за этотъ простой и слишкомъ очевидный общій интересъ, потому-то и мало вѣроятности, что случится это, а не что-нибудь иное. Но въ такомъ случаѣ Испанія идетъ или къ паденію или къ чему-нибудь въ родѣ диктатуры знаменитаго доктора Франсиса, въ Парагваѣ. Изъ двухъ золъ послѣднее, конечно, лучше и въ Парагваѣ диктатура Франсиса, а потомъ Лопеса дала созрѣть государству, которое было сильно именно экономическою и общественною силою, что оно и доказало въ послѣдніе годы геройскою, хотя и несчастливою, пятнадцатилѣтнею борьбою противъ трехъ государствъ, въ томъ числѣ бразильской имперіи.

Книга Мазада, собственно говоря, есть рядъ статей о нѣсколькихъ главныхъ «политическихъ положеніяхъ» въ Испаниі за послѣдніе четырнадцать лѣтъ. Въ статьяхъ этихъ сохранена даже грамматическая форма «настоящаго», хотя онѣ относятся къ прошедшему. Она интересна какъ картинная галерея мастеровъ одной школы, но разныхъ талантовъ. Здѣсь вы найдете рядъ блестящихъ, даровитыхъ, энергическихъ, но «неблагонадежныхъ» индивидуальностей: Эспартеро, Нарваэса, О'Доннеля, Кончу, Серрано, Прима. Всѣ они люди очень интересные, отчасти пожалуй героическіе, настоящіе казалеры давно-прошедшаго въ остальной Европѣ времени, времени, когда исторія народовъ была исторіею личностей.

Всѣ они — либералы. Самъ Нарваэсъ, столько разъ, въ теченіи почти тридцати лѣтъ, правившій Испаніею и по большей части — желѣзною рукою, считалъ себя умѣреннымъ либераломъ и утѣшалъ себя въ необходимости реакціи тѣмъ, что эта необходимость — временная. Маркизъ дель-Дуэро, генералъ Конча рассказывалъ въ сенатѣ, что гер-

цогъ Валенсійскій еще за нѣсколько дней до смерти, когда Испанія, имѣя его во главѣ, была въ апогеѣ реакціи, говорилъ ему: «порядокъ такъ прочно укоренился въ Испаніи и врагамъ его нанесены столь сильные удары, что намъ скоро можно будетъ отложить въ сторону ту политику, которой необходимость заставляла насъ держаться доселѣ... Всѣмъ извѣстно, что я всегда былъ либераломъ и никто не *долженъ* оспаривать это». Самый талантливый изъ всѣхъ этихъ соперниковъ, безспорно, былъ герцогъ Тетуанскій, маршалъ О'Доннель. Онъ одинъ, можно сказать, сдѣлалъ что-нибудь для того, чтобы дать развиваться въ странѣ экономическимъ и нравственнымъ силамъ. Предпоследнее управление его, 1858—1863, дѣйствительно ознаменовалось въ Испаніи промышленными успѣхами. Но въ какой мѣрѣ и этотъ человѣкъ, еслибы онъ остался живъ, былъ бы способенъ установить въ Испаніи прочный порядокъ, это видно изъ его прошедшаго. Онъ произвелъ военное возстаніе 1854 года, которое овладѣло Мадридомъ, послѣ битвы съ королевскими войсками, точно такъ, какъ было въ прошломъ году съ маршаломъ Серрано. Онъ основалъ такъ-называемую «либеральную унию», которой мысль была примиреніе всѣхъ элементовъ либерализма, соединеніе въ одинъ лагерь всѣхъ людей, когда-либо провозглашавшихъ своимъ девизомъ свободу, къ какимъ бы партиямъ ни принадлежало ихъ прошлое. И что же изъ всего этого вышло? А то, что послѣ побѣды, списокъ либеральной униіи обратился просто въ наградный списокъ, что всѣ тѣ, кого удовлетворилъ О'Доннель, остались вѣрны лично ему, несмотря на всѣ незаконности (какъ напр. передѣлка избирательныхъ списковъ и проч.), которыя онъ себѣ дозволилъ впослѣдствіи; тѣ же, которыхъ онъ не удовлетворилъ, за невозможностью удовлетворить всѣхъ, отшатнулись отъ либеральной униіи, какъ напр., хоть самъ Олосага, ставшій главою прогрессистовъ, хотя онъ въ свое время готовъ былъ принять отъ О'Доннеля высокое мѣсто. Однажды, когда Олосага сильно «допекалъ» О'Доннеля въ палатѣ, герцогъ обратился къ одному изъ молодыхъ прогрессистовъ, нѣкоему Кальво д'Ассенсіо: «г. Кальво, вы прогрессистъ, какъ и г. Олосага; приняли бы вы отъ меня должность?» — «Нѣтъ», отвѣчалъ Кальво. — «Вотъ разница между г. Олосага и вами», саркастически замѣтилъ О'Доннель.

О'Доннель призналъ Италію и воевалъ съ духовенствомъ, онъ много способствовалъ къ устройству въ Испаніи сѣти желѣзныхъ дорогъ; но это вовсе не значило, чтобы его политическая программа была основана именно на здоровыхъ началахъ нравственнаго экономического прогресса, при помощи спокойствія, наконецъ утишенія страстей посредствомъ примиренія. Напротивъ: однимъ изъ главныхъ дѣлъ его была знаменитая экспедиція въ Марокко, которую онъ затѣялъ для укрѣпленія и возвеличенія самого себя и которой резуль-

татами были: во-первыхъ, оживленіе въ испанскомъ народѣ бесплодныхъ мечтаній о политическомъ могуществѣ, при отсутствіи реальныхъ силъ; во-вторыхъ — громадныя издержки; въ-третьихъ — слава для самого О'Доннеля и титулъ герцога. Что же касается примиренія, то достаточно вспомнить, какъ О'Доннель оттолкнулъ отъ себя Прима. Въ битвѣ при Кастильехосъ, гдѣ испанцы уже были сбиты съ позиціи, вся честь побѣды принадлежала Приму, который бросился вскачь въ толпу арабовъ, и саблею прочистилъ себѣ дорогу къ потерянной позиціи, увлекая одинъ за собою всю армію. Примъ впоследствии самъ говаривалъ, что онъ сдѣлалъ это «какъ бы во снѣ». О'Доннель, предвидя соперника, наградилъ Прима титуломъ маркиза де-лосъ-Кастильехосъ, но удалилъ его отъ двора и впоследствии, во время о'доннельскаго же управленія Примъ, по капризу королевы, едва не былъ лишенъ всѣхъ званій и почти-что принужденъ былъ убраться за границу. Отсюда Примъ сталъ, разумеется, признаннымъ вождемъ будущаго возстанія и, дѣйствительно, сдѣлалъ возстаніе еще при О'Доннелѣ. Когда умерли и О'Доннель и Нарваэсъ, люди имѣвшіе громадное вліяніе на армію, Приму открылось поле для дѣйствія, а крайняя реакція, въ какую болѣе и болѣе впадалъ дворъ, сдѣлала наконецъ почти невозможнымъ всякое управленіе, и въ заключеніе прямо возстановила противъ себя армію, отправивъ въ ссылку наиболѣе популярныя генераловъ.

Исторія послѣднихъ не только пятнадцати, но тридцати лѣтъ Испаніи занимательна, представляя, какъ справедливо замѣтилъ Мазадъ, множество этюдовъ надъ политическими типами и странными комбинаціями; но она производитъ впечатлѣніе безотрадное. Это — какой-то вихрь въ пустомъ пространствѣ; кипучая на поверхности, въ высшей степени неправильная политическая жизнь, которая бесплодно поглощаетъ всю энергію народа, а подъ этою фальшиво-дѣятельной жизнью — застои, оцѣпененіе всѣхъ органическихъ силъ. Сатирическій журналъ «Punch» хорошо опредѣлилъ этотъ контрастъ между видимыми усиліями и внутреннимъ безсиліемъ Испаніи, когда недавно только-что зашла рѣчь о займѣ: «The spanish ideal — millions, the spanish real ¹⁾ twopence halfpenny», съострилъ «Punch».

Л. А.—въ.

¹⁾ Реалъ — монета въ 6¹/₂ копѣекъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го іюля 1869.

Реформы относительно духовенства: отміна наслѣдственности духовнаго званія; опредѣленіе приходоѡ и приходскаго духовенства. — Подсудность духовенства. — «Свѣтская рука» въ духовныхъ дѣлахъ. — Законы о святотатствѣ и наказаніи по духовнымъ винамъ. — Преобразованія въ положеніи казачьихъ населеній: отміна обязательности службы; отводъ земель. — Концессія ливавской дороги. — Отчетъ главнаго общества желѣзныхъ дорогъ. — Контрактъ съ братьями Уайненсъ.

Устройство и положеніе нашего православнаго духовенства и отношенія его, какъ сословія къ другимъ сословіямъ, а какъ церковь — ко властямъ, представляютъ нѣчто своеобразное, нѣчто совсѣмъ отличное отъ того, что мы видимъ на Западѣ, протестантскомъ и католическомъ. Можно сказать вообще, что ни въ чемъ типичность или индивидуальность исторіи народа не выражается такъ рельефно, какъ въ этомъ продуктѣ исторіи — въ устройствѣ его церкви и положеніи его духовенства. Какъ ни деспотичны, какъ ни мертвяще-форменны католическія требованія и церковная дисциплина католицизма, однако и католическія страны представляютъ весьма характеристическія различія въ положеніи духовенства и отчасти даже въ устройствѣ національной церкви. Французскій священникъ, состоящій на жалованьѣ у государства, галликанская церковь съ ея правами относительно Рима и ея обязанностями относительно государства — представляютъ такую характеристическую особность въ мірѣ католическомъ. Въ мірѣ протестантскомъ, какъ ни слабы узы церковнаго формализма, для созданія церкви національной, такая церковь, въ смыслѣ особности, все-таки существуетъ, и англиканская церковь, съ ея *endowments* и *livings* не похожа на бюрократическую прусскую церковь, какъ самъ англійскій *rector*, получающій приходъ отъ землевладѣльца или епископа, непохожъ на прусскаго пастора, свободно избраннаго общиною.

Въ положеніи нашего духовенства главною характеристическою чертою представляется то обстоятельство, что наше духовенство со-

ставляло до сихъ поръ въ полномъ смыслѣ слова *sosловіе*. Правда, въ католическихъ и въ протестантскихъ странахъ духовенство также называется сословіемъ, но это слово понимается вездѣ только въ смыслѣ профессіи, которую занимается въ государствѣ извѣстное число людей.

У насъ, собственно въ Европейской Россіи, лицъ духовнаго званія числится 611 тысячъ, и въ томъ числѣ значительно болѣе половины—лицъ женскаго пола; именно: менѣе 294½ т. мужчинъ и болѣе 316½ т. женщинъ. Конечно, легко и въ протестантской странѣ вывести подобныя числовыя данныя, собравъ свѣдѣнія о численности душъ въ семействахъ пасторовъ и канторовъ. Но эти численныя данныя не представляютъ намъ особаго сословія въ государствѣ, пользующагося особыми правами, несущаго свои особыя обязанности, имѣющаго свое особое начальство.

У насъ же, это именно такъ. Всѣ 611 т. душъ или принадлежать къ духовному званію, т. е. сами носятъ это званіе, или приписаны къ нему, и составляютъ въ государствѣ особое сословіе, для котораго установлены особыя изыятія отъ повинностей, особыя пособія и призрѣніе, особыя преимущества и ограниченія относительно всѣхъ условій общественной жизни: поступленія на службу, приписки къ обществамъ, занятія торговлею и т. д. Наслѣдственность духовнаго званія—вотъ главная своеобразная черта въ положеніи нашего духовенства. Наслѣдственность званія или лучше—состоянія, при непремѣнномъ условіи для священнослужителей брака—вотъ тѣ условія, которыя создали въ Россіи многочисленное духовное сословіе.

Положеніе огромнаго большинства въ этомъ сословіи, какъ извѣстно, далеко незавидно. Говоря собственно о духовенствѣ свѣтскомъ—такъ какъ члены монашескаго духовенства находятся въ положеніи совершенно особомъ, и притомъ могутъ быть разсматриваемы какъ принадлежащіе къ духовному сословію только случайно—приходится признать, что за исключеніемъ приходскихъ священниковъ въ большихъ городахъ—бѣлое духовенство терпитъ недостатокъ, даже нужду. Всѣ они имѣютъ предъ собою только ограниченную карьеру. Все, чего можетъ добиться самый образованный и усердный свѣтскій священникъ, это—получить выгодный приходъ и званіе протоіерея. Всѣ высшія мѣста въ церкви заняты членами духовенства монашескаго. Самыя установленія какъ бы указываютъ свѣтскому священнику, что все мірское стремленіе его должно заключиться въ пріобрѣтеніи денежныхъ выгодъ. Мало того; ни въ какой профессіи, службѣ или состояніи человѣкъ не зависить такъ всецѣло отъ прямого своего начальника, какъ въ духовномъ званіи; можно сказать, что вся судьба духовнаго лица—въ рукахъ ближайшаго представителя власти, кото-

рый для своихъ подчиненныхъ и администраторъ, и наставникъ, и судья, судья почти всегда безапелляціонный.

Но не будемъ теперь входить въ тѣ условия существованія, какія созданы для духовенства самымъ строемъ іерархіи. Ограничимся взглядомъ на положеніе духовенства, какъ сословія и на отношенія этого сословія къ государству.

Сословія, какъ они организовались на Западѣ, основались на одномъ изъ слѣдующихъ данныхъ: на собственности поземельной—дворянство, на капиталѣ—торговое сословіе, на ремесленномъ трудѣ—мѣщанство, на земледѣльческомъ трудѣ—сельское состояніе. Итакъ, основаніемъ всѣхъ сословій на Западѣ служилъ экономическій фактъ. Затѣмъ, немущественнымъ и не производительнымъ сословіями представлялись на Западѣ—сословія военное и духовное, но ни то, ни другое не было сословіями въ полномъ смыслѣ слова, то-есть сословіемъ наследственнымъ. Одну изъ особенностей нашего историческаго развитія представляетъ именно образованіе у насъ многочисленныхъ наследственныхъ сословій *вмѣ* всякаго отношенія къ фактамъ экономическимъ. И эти-то именно сословія, не основанныя ни на собственности, ни на экономически - производительномъ трудѣ, и были сословіями болѣе или менѣе привилегированными. Отсюда истекали два послѣдствія: во-первыхъ, привилегированныя сословія (мы говоримъ о большинствѣ), не опираясь на имущество, не имѣли ни той самостоятельности, ни того открытаго, такъ сказать органическаго вліянія, какое они имѣли на Западѣ, то-есть пользовались привилегіями только лично, а не какъ одна изъ общественныхъ силъ. Во-вторыхъ, самыя привилегіи удерживали въ этихъ наследственныхъ сословіяхъ, насчетъ всего государства, массу людей, которые, не будь этихъ привилегій, обратились бы къ производительному труду.

Мы разумѣемъ здѣсь сословіе духовное и чиновное, которое послужило основаніемъ—за немногочисленными исключеніями—массѣ нашего городского, безземельнаго дворянства. Въ настоящее время въ Россіи числится обоего пола:

Лицъ сословія дворянскаго потомственнаго . . .	677 тыс.
» » » личнаго, служащаго.	300 »
» » духовнаго	611 »

Итого. . . 1 м. 588 тыс.

Если присоединимъ сюда число лицъ, относящихся къ военнымъ сословіямъ (которые хотя нынѣ и не наследственны, но представляютъ болѣе или менѣе постоянный комплектъ) то получимъ:

Выше показанные	1 м. 588 тыс.
Лицъ военныхъ сословій	4 » 046 »

Всего. . . 5 м. 634 тыс.

Между тѣмъ, какъ итогъ городскихъ, промышленныхъ и ремесленныхъ сословій составляетъ всего 4 м. 794 тыс. душъ.

Многочисленность людей, принадлежащихъ къ классамъ экономически-непроизводительнымъ, въ Россіи, въ значительной мѣрѣ была обусловлена именно наслѣдственностью званій духовнаго, приказнаго и служилаго. Наслѣдственность военнаго состоянія нынѣ отмѣнена. Наслѣдственность приказнаго класса въ значительной степени парализована: во-первыхъ, реформами въ устройствѣ и составѣ администраціи; гдѣ уменьшаются средства къ существованію, тамъ уменьшается и прее́мственность занятій; во-вторыхъ—нѣкоторыми успѣхами въ развитіи экономическомъ, которое будетъ постепенно отвлекать отъ непроизводительнаго труда болѣе и болѣе рукъ; наконецъ, затрудненіемъ въ приобрѣтеніи службою правъ потомственнаго дворянства, которыя одни уже окончательно упрочивали за родомъ приказнаго или служилаго профессію родоначальника. Наконецъ, тоже самое экономическое развитіе, а вмѣстѣ и уравниеніе сословій въ правахъ гражданскихъ и по суду — современемъ, безъ сомнѣнія прекратятъ у насъ существованіе и наличнаго потомственнаго дворянства какъ сословіи.

Въ сословіи духовномъ наслѣдственность играла очень важную роль. Во-первыхъ, она придавала самому духовенству особый, кастическій характеръ, и нельзя сказать, что это служило ему въ пользу. Во-вторыхъ, она удерживала въ классѣ, экономически-непроизводительномъ, гораздо большее число людей, чѣмъ то соотвѣтствовало потребности. Сынъ священника или дьякона, если и не дѣлался самъ священнослужителемъ, пользовался преимуществомъ своего духовнаго званія для поступленія на службу, а не обращался къ ремеслу экономически-производительному. Классъ приказный, чиновный, у насъ въ значительной мѣрѣ пополнялся или, лучше сказать, переполнялся именно клерикальнымъ или какъ у насъ говорятъ семинарскимъ элементомъ, и между обоими этими классами, искусственно изолированными отъ производительной массы, всегда было сродство и аналогія въ положеніи.

За реформами, о которыхъ мы упомянули выше, очевидно, стояла на ближайшей очереди отмѣна наслѣдственности духовнаго состоянія. Но этого одного, конечно, еще не достаточно ни для улучшенія положенія самого духовенства, ни для уничтоженія тѣхъ стѣнокъ, которыя отдѣляютъ его отъ общества, изолируютъ большое число людей въ государствѣ, и оставляютъ въ его организмѣ какое-то, будто постороннее тѣло, неживущее одною съ нимъ жизнью.

По поводу опубликованныхъ извлеченій изъ отчета оберъ-прокурора св. синода, мы говорили о тѣхъ преобразованіяхъ, которыя уже произведены и предполагаются въ устройствѣ быта православнаго

духовенства. Проекты этихъ постепенныхъ преобразованій вырабатываются особымъ высочайше учрежденнымъ «присутствіемъ по дѣламъ православнаго духовенства». Въ истекшемъ мѣсяцѣ обнародованъ, получившій законодательное утверждение, два важныя положенія этого присутствія. Одно изъ этихъ положеній и отмѣняетъ наследственность духовнаго состоянія; мы уже имѣли случай упоминать о слухѣ, возмѣщавшемъ эту въ высшей степени важную реформу.

По силѣ этого положенія, дѣти лицъ православнаго духовенства уже не принадлежать лично къ духовному званію, и въ послужныхъ спискахъ своихъ отцовъ будутъ показываться «только для свидѣнія». Дѣтямъ священнослужителей предоставляются права дѣтей личныхъ дворянъ, а дѣтямъ причетниковъ — права личныхъ почетныхъ гражданъ. Подъ именемъ причетниковъ здѣсь разумѣются дьячки, псаломщики и пономари, дѣти же прочихъ причетниковъ никакого преимущества по состоянію не получаютъ и должны будутъ приписываться къ податнымъ сословіямъ, при чемъ, впрочемъ, сами лично, освобождаются отъ податей и рекрутской повинности. Сыновьямъ священнослужителей и причетниковъ предоставляется поступать на службу съ тѣми правами, какими они пользовались до сихъ поръ, и съ отмѣною существовавшихъ въ этомъ отношеніи ограниченій; дозволяется имъ также и обращаться къ торговымъ и другимъ частнымъ занятіямъ, на правахъ того состоянія, которое имъ присвоивается нынѣ. Положеніе это, однакоже, не отмѣняетъ правъ, какими пользовались доселѣ дѣти лицъ духовнаго званія *на образование въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ*, на опредѣленіе въ священно-служители и церковно-служители, на пособіе отъ епархіальныхъ попечительствъ о бѣдныхъ духовнаго званія или на другіе, существующіе по духовному вѣдомству способы призрѣнія.

Итакъ, хотя наследственность духовнаго званія закономъ отмѣняется, однако на практикѣ останется еще не мало условій для преемственности и замкнутости духовнаго состоянія. Замѣчаніемъ этимъ мы нисколько не хотимъ умалить важности законодательнаго провозглашенія объ отмѣнѣ наследственности духовнаго званія. Важность такого провозглашенія несомнѣнна, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ нимъ отмѣняются разныя ограниченія къ переходу изъ духовнаго состоянія въ другія. Но въ оговоркѣ, которою сопровождается это провозглашеніе, мы не можемъ не видѣть все-таки сильнаго еще преобладанія сословнаго принципа. Что дѣтямъ духовнаго званія сохраняются права на спеціальныя способы вспомошествованія и призрѣнія, существующіе въ духовномъ вѣдомствѣ, это понятно: общественная благотворительность у насъ вообще имѣетъ характеръ сословный: существуютъ богадѣльни отдѣльно для лицъ «благороднаго» званія, отдѣльно для купечества и отдѣльныя для мѣщанства. Наконецъ, наличныя по каж-

дому вѣдомству способы вспомошествованія и призрѣнія можно разсматривать какъ учрежденія, принадлежащія спеціальнымъ профессіямъ.

Но сохраненіе за дѣтьми лицъ духовнаго званія какихъ либо преимуществъ предъ лицами другихъ состояній при опредѣленіи въ священно-служители и особыхъ правъ на образованіе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ мы затрудняемся привести въ соглашеніе съ тѣмъ принципомъ, который, очевидно, побудилъ къ настоящей реформѣ. Принципъ этотъ — отрицаніе наследственной сословности, уничтоженіе замкнутости, кастичности въ духовенствѣ; вотъ этому-то принципу едва ли соответвуютъ вполнѣ приведенныя ограниченія. Полезно и для самого духовенства, и для всего общества, не только свободное выступленіе изъ среды духовенства приписанныхъ къ нему лицъ, но и свободное вступленіе въ него лицъ другихъ состояній, ничѣмъ нестѣсненный приливъ въ среду духовенства новыхъ, живыхъ силъ изъ общества. Не трудно угадать возраженіе на наше замѣчаніе, именно, что сыновья лицъ духовнаго званія, естественно, болѣе, чѣмъ лица иныхъ состояній подготовлены для этого званія; что для нихъ оно представляетъ естественную дорогу и т. п. Но вѣдь тоже самое можно было бы сказать въ защиту преимуществъ кантонистовъ въ военной службѣ; тоже самое можно сказать противъ самой мысли, которая вызвала всю реформу, о которой мы ведемъ рѣчь.

Что касается духовно-учебныхъ заведеній, то нельзя не замѣтить, что для нихъ реформа эта приготовляетъ существенное измѣненіе: уничтоженіе наследственности духовнаго званія дѣлаетъ совершенно излишними высшія спеціально-духовныя училища. Даже допустивъ, что для дѣтей духовнаго званія существуютъ особыя училища, въ видѣ особаго вспомошествованія или милости, почему эти училища должны сохранять именно духовный характеръ? Если законъ недопускаетъ болѣе принципа, что сынъ священнослужителя непремѣнно долженъ самъ быть священнослужителемъ или причетникомъ, зачѣмъ же съ самаго дѣтства держать его на искусственно-спеціальномъ воспитаніи? Говоримъ «искусственно»-спеціальномъ, потому что дѣйствительно спеціальное образованіе не можетъ же начинаться съ дѣтства. Для того, чтобы сдѣлаться техникумъ, конечно, нужно не менѣе спеціальныхъ познаній, чѣмъ для того, чтобы сдѣлаться причетникомъ; а между тѣмъ въ техническихъ училищахъ давно уже отмѣнены низшіе классы. Спеціальныя низшія училища духовнаго вѣдомства, это — тѣ же корпуса, только духовныя. Съ отмѣною наследственности духовнаго званія нѣтъ никакой нужды оставлять эти училища въ духовномъ вѣдомствѣ. Священнослужители тамъ все равно образоваться не могутъ, а для того, чтобы сдѣлаться причетникомъ, нѣтъ никакой нужды обучаться четыремъ правиламъ ариметики непремѣнно у монаха, или учиться географіи по учебнику, принятому въ духовномъ вѣдомствѣ

лѣтъ тридцать тому назадъ. Спеціальныя знанія причетниковъ — нѣсколько не научныя, а чисто-практическія и въ школахъ во всякомъ случаѣ окончательно усвоены быть не могутъ. По этимъ соображеніямъ казалось бы совершенно соотвѣтствующимъ основной мысли послѣдовавшей нынѣ по духовному вѣдомству реформы — низшія духовно-учебныя заведенія передать въ вѣдомство народнаго просвѣщенія, для котораго надо же ожидать когда-нибудь болѣе широкаго и энергическаго развитія.

Другое изъ положеній, обнародованныхъ въ теченіи послѣдняго мѣсяца (собственно 27 мая), направлено непосредственно къ улучшенію положенія приходскаго духовенства посредствомъ уравниванія приходовъ и упраздненія тѣхъ изъ нихъ, которые включаютъ малое населеніе, а сверхъ того къ исключенію изъ состава духовенства всѣхъ лицъ, не участвующихъ непосредственно въ священныя обряды, и къ возвышенію уровня образованія въ средѣ духовенства. Оба эти положенія, вмѣстѣ взятая, должны оказать значительное вліяніе, и именно въ смыслѣ благопріятномъ, на составъ нашего духовенства.

Для уравниванія приходовъ, предписывается губернскимъ присутствіямъ по дѣламъ духовенства составить списки всѣмъ приходамъ городскимъ и сельскимъ, сообразивъ, которые приходы могутъ быть удобно приписаны къ другимъ, а которые и совсѣмъ упразднены. Мѣра эта имѣетъ цѣлю ограниченіе числа приходовъ, а стало быть и числа штатнаго блага духовенства, и доставленіе тѣмъ членамъ его, которые будутъ занимать штатныя мѣста, болѣе обезпеченнаго содержанія.

Новое положеніе чрезвычайно важно еще въ томъ отношеніи, что оно ограничиваетъ число священнослужащихъ и церковныхъ служителей, состоящихъ въ приходѣ. Въ каждомъ приходѣ по штату полагается одинъ священникъ со званіемъ настоятеля и одинъ причетникъ, подъ именемъ псаломщика. Помощникъ къ настоятелю, въ санѣ священника, можетъ быть опредѣленъ только въ уваженіе многочисленности населенія прихода, а дьяконъ сверхъ псаломщика (дьяконъ можетъ состоять вмѣсто псаломщика) только тогда, когда прихожане отъ себя назначаютъ такому дьякону достаточное содержаніе, сверхъ содержанія штатному причту. Псаломщиковъ можетъ быть и двое, но сверхъ штатнаго числа псаломщиковъ, остальные церковники могутъ быть только вольнонаемные и они къ духовному званію вовсе не будутъ принадлежать.

Важно постановленіе, чтобы на штатныя вакансіи псаломщиковъ были опредѣляемы только такія лица, которыя по познаніямъ и способностямъ могутъ быть возведены въ послѣдствіи въ санъ священника, то-есть окончившіе полный курсъ богословскаго образованія. Это со временемъ совершенно измѣнитъ характеръ причта.

Не будемъ входить въ подробности этого преобразованія, хотя многія изъ нихъ также очень важны (напр. опредѣленіе возраста для посвященія вдовыхъ). Но не можемъ не упомянуть о томъ пунктѣ, который очевидно имѣеть цѣлю оградить священниковъ отъ произвола, при смѣщеніи ихъ съ должностей: смѣщеніе это подвергнуто ограниченіямъ, хотя, надо замѣтить — недостаточно точнымъ.

Но преобразованіями въ положеніи духовенства, какъ бы благодѣтельны ни были для самого духовенства, далеко не исчерпывается еще задача реформы по духовной части. Церковь, въ составѣ своихъ непосредственныхъ слугъ, имѣеть ежедневныя, тѣсныя мірскія отношенія къ свѣтскому обществу. Донныѣ духовенство остается среди нашей русской земщины какою-то опричиною, не только со своимъ начальствомъ въ духовномъ отношеніи, что естественно, но и со своимъ специальнымъ судомъ по проступкамъ, не имѣющимъ даже никакого отношенія къ духовному сану. Мы намѣрены возвратиться къ вопросу о подсудности духовенства или, лучше сказать, къ неподсудности его, какъ она выказалась нынѣ судебною практикою. Теперь же, для полноты очерка, ограничимся напоминаніемъ, что изолируя духовенство отъ общества въ судѣ, мы этимъ нисколько не достигаемъ цѣли, которая при томъ имѣется въ виду, то есть не оградимъ нравственнаго авторитета духовенства; напротивъ: свѣтское общество, по злобѣ человѣческой природы, всегда склонно будетъ думать, что въ средѣ духовенства происходятъ такіа уклоненія отъ законнаго пути, которыя специально духовнымъ судомъ укрываются отъ общества. Такого всегдашнее послѣдствіе безгласности и сословной отчужденности.

Но даже и сравненіемъ правъ духовенства съ правами всего гражданского общества, отмѣною ограниченій или преимуществъ, обуславливающихъ отчужденіе духовенства, еще не исчерпывается вопросъ объ отношеніяхъ гражданского общества къ церкви. «Царство церкви не отъ міра сего» — вотъ тема, которую съ большою энергіею и талантомъ разработывалъ одинъ московскій органъ, къ сожалѣнію прекратившійся, органъ, котораго наименѣе можно было заподозрѣвать въ взмѣнѣ православію. Органъ этотъ проповѣдовалъ полную свободу совѣсти. Намъ уже случалось касаться этого предмета и объяснить всю разницу между такъ-называемой вѣротерпимостью, то-есть дозволеніемъ иновѣрческаго богослуженія въ предѣлахъ имперіи, для иностранцевъ и инородцевъ, и свободою совѣсти. Прекратившаяся газета «Москва», которая считалась органомъ славянофиловъ, во всякомъ случаѣ оказала этому кружку ту существенную услугу, что заподозрѣвать его въ клерикализмъ долѣе нельзя. Какъ бы ни была искренна и горяча симпатія кружка этого къ православной цер-

кви, которая въ нашей исторіи дѣйствительно явилась важнымъ элементомъ государственнаго зодчества, никто теперь не въ правѣ утверждать, что славянофилы — если только «Москва» до послѣднихъ дней оставалась ихъ органомъ — портать искренность своего благочестія религиознымъ деспотизмомъ.

Органъ этотъ,—о прекращеніи котораго мы тѣмъ охотнѣе заявляемъ сожалѣніе, что не сходились съ нимъ во взглядѣ на большую часть общественныхъ вопросовъ, преимущественно же вопросовъ экономическихъ—былъ первый, который смѣло защищалъ принципъ религиозной свободы у насъ. Заслуга эта при немъ останется, но надо надѣяться, что и самая дѣятельность его въ этомъ отношеніи не останется безъ послѣдователей.

Достаточно взглянуть на наше законодательство, чтобы убѣдиться, до какой степени принципъ религиозной свободы намъ еще чуждъ и новъ. Цѣлый рядъ законоположеній ограждаетъ сялю полицейскою правотѣрность религиознаго убѣжденія. Приведемъ нѣсколько примѣровъ, въ полномъ убѣжденіи, что читатель удивится имъ, удивится, что такія законоположенія еще существуютъ въ настоящее время. Что общественное мнѣніе въ этомъ отношеніи ушло далеко впередъ, сравнительно съ законодательствомъ, въ этомъ убѣждаютъ насъ непосредственныя проявленія общественной совѣсти на судѣ—приговоры присяжныхъ.

Приведемъ, въ первый примѣръ, судебную практику относительно законовъ о святотатствѣ, практику достаточно убѣдительную, такъ какъ она обнаружилась въ правотѣрной Москвѣ:

«Первые три дня страстной недѣли въ московскомъ окружномъ судѣ съ участіемъ присяжныхъ докладывались дѣла исключительно о святотатствѣ. Приговоры присяжныхъ были большею частью совершенно оправдательные; въ остальныхъ они отвѣчали насколько возможно мягко. По этому поводу «Совр. Изв.» пишутъ: «На приговоры эти, по всей вѣроятности, не имѣли вліянія ни длинныя рѣчи защитниковъ, ни великіе дни, въ которые происходили засѣданія и на которые указывали присяжнымъ защитники, а руководилъ присяжными единственно здравый смыслъ, который, сооставляя имъ кражу стаканчика изъ лампадки, стоящаго пятачокъ, и каторжную работу, приводилъ присяжныхъ къ отвѣту: *нѣтъ, не виновенъ*. Эти отвѣты указываютъ взглядъ нашего общества на преступленія подобнаго рода и на то, что законы о святотатствѣ слѣдовало бы подвергнуть пересмотру, тѣмъ болѣе, что тяжесть наказанія никогда не уменьшала числа преступленій. Въ этомъ, полагаемъ, спорить никто не будетъ».

Привода это извѣстіе, «Судебный Вѣстникъ» прибавляетъ: «мы сами

думаемъ тоже, имѣвъ случай уже не разъ высказывать, какъ полезень голосъ жири для оцѣнки закона».

Итакъ, голосъ «жири», даже въ Москвѣ, указываетъ на необходимость пересмотра законовъ о святотатствѣ. Но мало ли есть законовъ, которые по существу своему подходятъ совершенно къ тому же разряду, одинаково нарушаютъ высокую мысль о непринадлежности духовнаго убѣжденія къ области грубой свѣтской силы, одинаково удивляютъ современнаго читателя, вообще несклоннаго къ религиозной пропагандѣ путемъ полиціи и юстиціи, и — если онъ живетъ въ столицѣ, далекой отъ проявленій возмутительно-грубыхъ насилій противъ личностей — совсѣмъ не подозрѣвающаго, что существуютъ въ кодексѣ законовъ дѣйствующихъ, неотмѣненныхъ, такіа удивительныя постановленія.

Продолжаемъ приведеніе примѣровъ:

Т. XIV уст. о пред. и прес. прест. ст. 61 и 62. «Запрещается раскольникамъ разводиться скиты, обители и тому подобное, и именовать себя старовѣрцами, скитскими общежителами, пустынножителами и тому подобными *несвойственными* названіями». Раскольникамъ воспрещается строить вновь что-либо похожее, на церкви, или передѣлывать, или возобновлять старыя подобныя зданія.

Ibid. ст. 70. «Кто откроетъ споры противныя православію, на того безъ суда наложить молчаніе». *Ст. 71.* «Кто правовѣрныхъ тайно или явно совертитъ въ расколы, того предавать суду». *Ст. 49.* «Кто уклонится въ иную вѣру отъ православія, или жену свою православную принудитъ или попуститъ принять иную вѣру, или дѣтей своихъ будетъ крестить въ иную же вѣру, а наипаче, ежели принудитъ или попуститъ, оставивъ православіе, быть въ иной вѣрѣ, того отсылать къ суду».

Ibid. ст. 45. «Молоканы ни подъ какимъ предлогомъ не могутъ имѣть въ домахъ своихъ, на фабрикахъ и заведеніяхъ людей православнаго исповѣданія, ни въ услуженіи, ни въ работникахъ, и сами молканы, на томъ же основаніи, не могутъ вступать въ услуженіе къ домамъ, или къ хозяевамъ православнаго исповѣданія». *Ст. 29.* «Во всѣ праздничные дни, въ которые присутственныя мѣста свободны отъ собраній, а училища отъ ученій, нигдѣ казенныхъ и другихъ публичныхъ работъ не производить, какъ вольными или казенными мастеровыми, такъ и арестантами, безъ особаго на то высочайшаго дозволенія, исключая».....

Ст. 34 — 37. «Запрещается: въ навечеріи Рождества Христова и въ продолженіи святокъ заводить, по нѣкоторымъ стариннымъ идолопоклонническимъ преданіямъ, игрища, и наряжаясь въ кумирскія одѣянія, производить по улицамъ пляски и пѣть соблазнительныя пѣсни».

Мы очень хорошо знаемъ, что нѣкоторыя изъ этихъ, устарѣвшихъ, постановленій не исполняются: это нашъ исконный либерализмъ въ Россіи—неисполненіе законныхъ постановленій. Мы знаемъ, что, на примѣръ, въ продолженіи святокъ даетъ «игрища» сама дирекція императорскихъ театровъ, и недоумѣваемъ, не отнестъ ли слова Мельяка и Галеви къ «соблазнительнымъ пѣснямъ», а стереотипные маскарадныя костюмы, предоставляемые дирекціею въ святочное время ея волонтерамъ, къ «кумирскимъ одѣваніямъ», — но далеко не всѣ эти постановленія пришли въ забвеніе и самыя серьезныя изъ нихъ, то-есть самыя серьезныя по тяжести опредѣленныхъ за нарушеніе ихъ наказаній, примѣняются и до сихъ поръ весьма неуклонно. Преданіе суду не только по обвиненію въ святотатствѣ, но, на примѣръ, за открытіе раскольничьей моленной—фактъ обыкновенный. Что присяжные въ большинствѣ такихъ случаевъ освобождаютъ виновныхъ отъ наказанія—это не значитъ, что законъ не дѣйствуетъ, а наоборотъ — что дѣйствуетъ законъ, противъ примѣненія котораго протестуетъ просвѣщенная общественная совѣсть. Да, наконецъ, хотя бы присяжные и постоянно оправдывали такихъ виновныхъ, развѣ ничего не значитъ подвергаться всѣмъ тѣмъ мѣрамъ, которыя предшествуютъ суду? Мы нарочно привели выше постановленія не изъ уложенія о наказаніяхъ, а изъ устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, чтобы показать, какой рядъ административныхъ стѣсненій налагается еще свѣтскимъ законодательствомъ въ дѣлахъ религіознаго убѣжденія независимо отъ судебныхъ приговоровъ.

Если неподсудность духовенства общимъ судебнымъ учрежденіямъ признается фактомъ нормальнымъ, то что же сказать о подсудности мірянъ суду духовному? А такая подсудность у насъ до сихъ поръ существуетъ. По всѣмъ преступленіямъ и проступкамъ, имѣющимъ отношеніе къ вѣрѣ, наше законодательство полагаетъ церковное покаяніе; оно допускаетъ и заключеніе мірянъ въ монастыри. Наконецъ ссылка административнымъ путемъ за совращеніе или за распространеніе ереси — дѣло еще очень возможное.

Все это отодвигаетъ насъ отъ остальной Европы на дѣло столѣтіе; нигдѣ въ Европѣ — за исключеніемъ Рима — не существуетъ ничего подобнаго.

Оказываетъ ли принужденіе въ дѣлахъ вѣры какую-либо помощь самой церкви — разумѣя церковь въ высшемъ духовномъ смыслѣ — вопросъ, рѣшенный давно. Исторія развитія нашихъ расколовъ представляетъ убѣдительныя въ этомъ отношеніи данныя. Замѣчательно, что наше законодательство и даже наше духовенство никогда не ставило принципа религіознаго насилія или деспотизма руководительнымъ и основнымъ принципомъ, какъ законодательство среднихъ вѣковъ

въ католической Европѣ и католическое духовенство. Напротивъ, и правительство и духовенство въ Россіи всегда хвалились вѣротерпимостью. Стало быть, то вмѣшательство свѣтской руки въ дѣла убѣжденія, которое проникло въ нашъ законъ и нашу жизнь, вовсе не было логическимъ послѣдствіемъ духа православія, а наоборотъ — было нелогическимъ уклоненіемъ отъ провозглашаемаго принципа религіозной терпимости, уклоненіемъ, въ какое впали законодатели подѣ влияніемъ случайныхъ событій, въ виду которыхъ имъ казалось необходимо отступить отъ общаго принципа. Фанатизмъ никогда не былъ и въ нравахъ русскаго народа, и только неразвитость массы мирнаго ея съ такою чисто - фанатическою, по своей сущности практикою, какъ заточеніе мірянъ въ монастыри или ссылки за религіозное разномысліе. Приводимые выше примѣры показываютъ, что общество смотритъ уже иначе. Остается желать, чтобы и самыя постановленія о святотатствѣ, и разныя наказанія за соврашеніе и т. п. были подвергнуты коренному пересмотру, а тѣ изъ нихъ, которыя направлены единственно противъ свободы вѣроисповѣданія — совершенно отиѣнены, какъ бесполезныя для охраненія чистоты вѣры и несообразныя съ трезвымъ взглядомъ современнаго общества на обязанности гражданъ въ государствѣ.

Реформы въ положеніи духовенства касаются среды, которая изолирована отъ общей жизни русскаго общества именно условіями своей профессіи, какъ они были установлены исторіею и признаны законодательствомъ. Теперь намъ предстоитъ поговорить о реформѣ въ томъ же смыслѣ, въ смыслѣ отиѣны обязательности, если не наслѣдственности сословія, на нѣкоторыхъ окраинахъ Россіи, изолированныхъ исторіею и законодательствомъ отъ общности русской гражданской жизни. Мы говоримъ объ обнародованныхъ, также въ прошломъ мѣсяцѣ, новыхъ узаконеніяхъ о казачьихъ войскахъ.

Казачьи войска — вполне своеобразное и чисто - русское явленіе. Это не военныя поселенія, заимствованныя отъ римлянъ, а такъ сказать военные народы, принадлежащіе къ русскому государству, но притомъ сохраняющіе нѣкоторую самостоятельность внутренняго управленія, имѣющіе особые законы, даже гражданскіе, особое поземельное устройство, и въ духѣ своемъ много отличающіеся отъ великорусскаго народа, хотя произошли главнымъ образомъ изъ него, и притомъ въ главномъ своемъ ядрѣ — войскѣ донскомъ — представляютъ чисто-великорусскій типъ, съ чисто-русскими нравами, чистѣйшимъ великорусскимъ языкомъ, наконецъ — съ великорусскою общиною въ смыслѣ не только частномъ, но и государственномъ.

Австрія имѣетъ нѣчто подобное: «Военную границу». Граничары — сербы, бѣжавшіе отъ турецкаго ига и потомъ прикрѣпленные австрія-

скимъ правительствомъ къ границѣ, съ обязанностью военной службы. Но дагѣ и неидетъ сходство между австрійскою Военною границею и нашими казачьими войсками. Говоря о казачьихъ войскахъ, мы будемъ разумѣть собственно войско донское, которое возникло самостоятельно и представляетъ значительнѣйшую группу нашихъ граничаръ. Другія казачьи войска организованы наподобіе донского и притомъ созданы правительствомъ (за исключеніемъ, впрочемъ, черноморскаго войска, вполнѣдствіи вошедшаго въ составъ войска кубанскаго).

Казачество на Дону, нѣкогда пользовавшееся полнымъ самоуправленіемъ, мало-по-малу обратилось въ нѣкотораго рода военное поселеніе, всѣ члены котораго были обязаны нести воинскую службу. Обязанность эта, первоначально возникшая съ цѣлью самозащиты, обратилась просто въ поголовную повинность. Казакъ обязанъ служить безъ вознагражденія, служить на собственномъ конѣ и самъ содержать себя и свою лошадь. Содержаніе же отъ казны полагалось только на случай призыва казаковъ къ службѣ внѣ земли войска.

Но этотъ случай, для котораго постановлено было исключеніе, обратился въ правило. На всѣхъ границахъ русскаго государства кордонная служба была возложена на казаковъ. Мало того, и внутри имперіи, на нихъ возложена была отчасти тягостная полицейская, патрульная и посыльная служба.

Законодательство о войскѣ донскомъ въ первый разъ было опредѣлено положеніемъ 1835 года, плодомъ личныхъ наблюденій кн. Чернышева и усилій къ соглашенію мѣстныхъ преданій и обычаевъ съ государственною потребностью въ военной службѣ казаковъ. Этимъ положеніемъ освящалось прежнее устройство войска и особенности быта его членовъ, въ томъ смыслѣ, что во внутренней администраціи и судѣ войска сохранялось начало выборное, даже для военно-административныхъ должностей; что земли были признаны общимъ нераздѣльнымъ владѣніемъ войска, такъ что частной поземельной собственности, въ общемъ принципѣ, не допускалось, а допускалось только пожизненное пользование участкомъ земли, представлявшимъ надѣлъ по чину; наконецъ, что обособленность войска утверждалась запрещеніемъ выхода изъ него и не только пріобрѣтенія въ войскѣ недвижимости, но даже и постоянной осѣлости лицъ, къ войску не принадлежащихъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, само собою разумѣется, населеніе войска оставалось свободнымъ отъ платежа податей и отъ рекрутской повинности, будучи обязано выставлять отъ себя требуемое число вооруженныхъ казаковъ и даже все поголовно вооружаться и идти на службу, въ случаѣ необходимости.

Однако, положеніе 1835 года, хотя и оговаривало принципъ принадлежности земель казачьихъ войскъ (положеніе 1835 года относи-

лось не къ одному донскому, а вообще къ казачьимъ войскамъ) самимъ этимъ войскамъ, съ недопущеніемъ частной недвижимой собственности, однако оно, въ видѣ исключенія, освящало уже установившееся въ донскомъ войскѣ частное землевладѣніе и даже крѣпостное состояніе. Авторъ весьма интересныхъ статей о преобразованіяхъ по казачьимъ войскамъ, помѣщенныхъ въ официальной военной газетѣ (котораго свѣдѣніями мы пользуемся для разъясненія смысла преобразованія, нынѣ обнародованнаго) считаетъ съ 1775 года періодъ возникновенія въ донскомъ войскѣ дворянскаго, то-есть чиновнаго сословія. Офицеры войска, сравненные въ чинахъ и правахъ съ офицерами регулярной арміи, первымъ же чиномъ приобрѣтали право потомственнаго дворянства, а стало быть и право владѣнія населенною крѣпостными людьми землею. Они стали скупать въ великорусскихъ губерніяхъ крѣпостныхъ и селили ихъ на земляхъ, отведенныхъ имъ въ войскѣ, но отведенныхъ не во владѣніе, а въ пользованіе. Мало-по-малу и земли эти захватывались въ полную собственность, захватывались даже въ огромныхъ размѣрахъ. Такимъ образомъ основались въ предѣлахъ войска донскаго классъ наслѣдственныхъ помѣщиковъ и классъ крѣпостныхъ крестьянъ. Положеніе 1835 года застало уже это совершившимся фактомъ, но ошибкою его, по нашему мнѣнію, было все-таки то, что оно освятило закономъ, хотя и въ видѣ исключенія, то, что было плодомъ самаго явнаго злоупотребленія, захвата и притомъ захвата въ большей части случаевъ не очень давняго. Практическій принципъ земской давности едвали напелъ себѣ въ этомъ случаѣ справедливое прижѣніе. Принятый въ законодательствѣ для ограниченія извѣстнымъ срокомъ споровъ о поземельной собственности, онъ не подходилъ къ тому случаю, гдѣ фактъ злоупотребленія былъ очевиденъ, несомнѣненъ, такъ какъ вся земля въ войскѣ искони была общественною, безъ всякихъ исключеній.

Какъ бы то ни было, фактъ существованія въ войскѣ донскомъ класса помѣщичьихъ крестьянъ, неминуемо долженъ былъ привлечь и къ войску послѣдствія крестьянской реформы. Какъ скоро крестьянамъ, поселеннымъ на земляхъ войска донскаго, предоставленъ былъ выкупъ земель — они дѣлались сами личными, потомственными собственниками и принципъ государственной поземельной общины въ войскѣ нарушался еще болѣе.

Со времени изданія положенія 1835 года и до настоящаго времени, казачьи поселенія оставались въ неизмѣнныхъ условіяхъ быта и службы: казакъ обязанъ проводить на службѣ, вдалекѣ отъ родины и хозяйства, лучшіе годы своей жизни, всѣ чины казачьяго сословія были обязаны военною службою и притомъ не иначе, какъ въ своемъ же войскѣ; даже переходъ въ другія казачьи войска не допускался;

приобрѣтеніе недвижимаго имущества въ войскѣ донскомъ для лицъ постороннихъ оставалось недоступнымъ, вслѣдствіе чего, во-первыхъ, устранялись посторонніе капиталы отъ разработки территоріи войска, а въ самомъ войскѣ цѣны на недвижимое имущество, при ограниченномъ числѣ конкурентовъ, должны были зависть отъ нѣкотораго рода монополіи. Наконецъ, станицамъ не было отведено достаточнаго количества свободной земли, какъ для общественныхъ потребностей, такъ и для надѣла новыхъ чиновъ войска.

Во всемъ этомъ наиболѣе неестественнымъ и нераціональнымъ представлялось, конечно, закабаленіе населенія нѣсколькихъ обширныхъ мѣстностей въ долгосрочную военную службу и притомъ съ прикрѣпленіемъ ихъ наследственно къ одному сословію. Сколько силъ должно было гибнуть, благодаря этому поголовному прикрѣпленію, силы, которыя, развиваясь на свободѣ, могли бы принести государству гораздо болѣшую пользу, чѣмъ когда неодолимые условія отъ самаго рожденія выливали ихъ въ одну форму, насильственно гнули ихъ къ одной, безвыходной дѣятельности.

Правительство, въ 1860 году, побужденное предстоявшею крестьянскою реформою, озаботилось и пересмотромъ гражданскихъ постановленій, относящихся къ казачьимъ населеніямъ. Учреждены были комитеты въ каждомъ войскѣ, а въ Петербургѣ центральный комитетъ для подготовленія преобразованій. Главною цѣлью этого преобразованія было указано: сохраняя за устройствомъ казачьихъ войскъ характеръ военный, уравнять эти населенія въ правахъ, распространить на нихъ всѣ улучшенія, какія послѣдуютъ въ общемъ законодательствѣ, и имѣть въ виду преимущественно развитіе казачьихъ населеній въ гражданскомъ отношеніи.

Комитеты эти окончили свои работы къ 1865 году; относительно же кавказскихъ казачьихъ населеній только въ прошломъ году. Мы уже упоминали, что положеніе объ освобожденіи крѣпостныхъ было распространено на войско донское и имѣло непосредственнымъ юридическимъ результатомъ установленіе на территоріи войска новаго, многочисленнаго класса полныхъ земельныхъ собственниковъ.

Фактъ усвоенія поземельной собственности лицами, принадлежащими къ донскому войску, окончательно былъ установленъ положеніемъ, утвержденнымъ 29 января прошлаго года. Этимъ положеніемъ, владѣніе чиновъ войска землями узаконено на общемъ основаніи дѣйствующихъ въ имперіи постановленій, а въ вознагражденіе войска за такое окончательное отчужденіе земель изъ войсковой общины, владѣльцы такихъ земель обязаны были навсегда вносить въ войсковую казну плату по 1½ копѣйки съ каждой находящейся въ нихъ владѣніи десятины земли, или же уплатить единовременно такую сумму,

проценты съ которой составляли бы ту же ежегодную плату. Это пособие войсковой казнѣ, однако же, едва ли вознаградитъ войско со временемъ за неминуемое отчужденіе большей части его земель въ полную частную собственность. По свѣдѣніямъ, имѣющимся на лицо, за 1½ милліона десятинъ отмежеванныхъ до 1865 года личнымъ владѣльцамъ, ежегодный доходъ составлялъ всего 22.500 рублей.

Предполагая, что войско останется еще на долгое время въ нынѣшнемъ устройствѣ, по которому каждый чинъ имѣетъ право на пользованіе участкомъ земли, легко предвидѣть въ недалекомъ времени затрудненіе въ довольствіи землею, и затрудненіе это окажется въ то время, когда войсковая казна будетъ получать все-таки не очень значительный доходъ, въ видѣ подесятинной платы съ владѣльцевъ, такъ что невозможно будетъ и подумать объ отпесеніи со временемъ на капиталъ, такимъ образомъ составившійся, денежнаго вознагражденія тѣмъ чинамъ, которымъ земли отведены не будутъ, соотвѣтственно цѣнности пользованія положенными для нихъ участками.

Но при этомъ важно, и въ экономическомъ отношеніи выгодно для войска донского, было допущеніе отчужденія въ постороннее владѣніе земель въ войскѣ. Одна эта мѣра могла привлечь къ разработкѣ земли въ войскѣ тѣ капиталы, которые до той поры были устранены отъ нея искусственнымъ образомъ, что имѣло неизбѣжнымъ послѣдствіемъ незначительность экономическихъ успѣховъ въ этомъ плодородномъ краѣ.

Теперь обнародовано для казачьихъ войскъ новое преобразование, которое произведетъ въ нихъ бытъ еще болѣшую переменъ. Предшествовавшія преобразования — кромѣ освобожденія крестьянъ — въ сущности только освящали факты, мало-по-малу установившіеся на дѣлѣ. Теперь, положеніемъ, обнародованнымъ 21 апрѣля, всѣ граждане казачьихъ войскъ, имѣющіе чины, освобождаются отъ обязательности службы. вмѣстѣ съ тѣмъ, имъ предоставляется и свободный выходъ изъ своихъ войскъ въ другія казачьи войска и вообще исключеніе изъ своего сословія. Право перечисленія въ другія казачьи войска, поступленія на службу внѣ своихъ войскъ и совершеннаго выхода изъ войскового сословія, предоставляется также всѣмъ мужскаго пола лицамъ войскового сословія, несостоящимъ въ служиломъ разрядѣ.

Такимъ образомъ, уничтожается грань, отдѣлявшая казаковъ по рожденію отъ остальныхъ частей государства, и исключавшая ихъ изъ общей гражданской жизни. Ограниченія, постановленныя новымъ положеніемъ для лицъ, состоящихъ въ служиломъ разрядѣ, имѣютъ цѣлью сохранить за казачьими войсками ихъ значеніе въ военномъ

смыслѣ. Но отнынѣ каждому казаку уже открывается возможность, въ извѣстный срокъ, выйти изъ своего сословія.

Лица, вышедшія изъ войскового сословія, если они не пользуются правами дворянства, должны приписаться къ какому-нибудь обществу, на общемъ законномъ основаніи. Наконецъ, условно допускается даже зачисленіе въ казачьи войска лицъ не войскового сословія. Это преобразование уничтожаетъ безусловную особность казачьихъ войскъ, отмѣняетъ ихъ отчужденность. Нельзя не привѣтствовать это преобразование, какъ успѣхъ принципа свободы личности, и значеніе реформы въ этомъ смыслѣ слишкомъ очевидно, чтобы о немъ распространяться. Въ исторіи казачьихъ населеній оно должно составить новую эру.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, новое положеніе содержитъ новыя постановленія о поземельномъ устройствѣ, направленныя собственно къ тому, чтобы довольствіе участками земли производилось чинамъ казачьихъ войскъ на законномъ основаніи, для чего земли, занимаемыя казачьими войсками, т. е. не состоящія въ личномъ владѣніи, распредѣляются, во-первыхъ, для отвода участковъ въ пользованіе чиновъ, за ту же плату, какая взимается и съ земель, состоящихъ въ частномъ владѣніи, и во вторыхъ—для составленія «запасныхъ земель», которыя предназначаются на дополненіе станичныхъ надѣловъ и на разныя общественныя надобности.

Почти каждый мѣсяцъ намъ приходится говорить о какомъ-нибудь новомъ фактѣ по желѣзно-дорожному дѣлу. Такую новость за истекшій мѣсяцъ представило опубликованіе проекта концессіи на либавскую дорогу. Нѣтъ сомнѣній, что введеніе гласности въ концессіонное дѣло вполне рационально и надо только сожалѣть, что система предварительнаго обнародованія проектовъ концессіи и самое предоставленіе концессій путемъ гласной конкуренціи на торгахъ не были приняты равнѣе. Слѣдуетъ надѣяться, что выдача концессій на желѣзныя дороги, которая до сихъ поръ еще считалась каждый разъ какимъ-то чрезвычайнымъ дѣломъ, требующимъ особыхъ на каждый случай соображеній даже по самымъ основнымъ условіямъ, вступить наконецъ въ свою колею, а на концессіонеровъ перестанутъ смотрѣть какъ на какихъ-то благодѣтелей отечества, которые всѣ свои отправленія совершаютъ внѣ обыкновенныхъ правилъ.

Концессію либавско-ковенской дороги можно разсматривать какъ норму для будущихъ концессій, такъ какъ въ нее вошли нѣкоторыя весьма существенныя оговорки въ пользу государства, которыя въ прежнихъ концессіяхъ частью вовсе опускались, частью являлись не непременно и въ разномъ видѣ. Такъ въ концессіи либавской дороги встрѣчается параграфъ: «когда годичный валовой доходъ съ дороги

превзойдетъ 9000 р. съ версты, то, въ случаѣ требованія правительства, общество обязано уложить на свой счетъ вторую рельсовую колею и второй путь на мостахъ». Если бы подобное условіе включено было во всѣ предшествовавшія концессіи, то не пришлось бы выдавать субсидіи въ нѣсколько милліоновъ, въ видѣ займа, наиболѣе доходнымъ линіямъ, чтобы склонить ихъ къ проложенію второй колеи.

Весьма важно также помѣщенное въ новую концессію слѣдующее условіе: «когда чистый доходъ на акціи достигнетъ 15%, то правительство предоставляетъ себѣ право требовать отъ общества пониженія провозной платы, преимущественно на предметы народнаго продовольствія и сельскаго хозяйства». Условіе это слѣдовало бы только формулировать точнѣе, опредѣливъ размѣръ пониженія провозной платы сообразно возвышенію дохода, начиная съ извѣстной нормы.

Другимъ параграфомъ, максимум тарифной платы—утверждаемой министромъ путей сообщенія, обусловленъ тѣмъ максимум, который принять въ уставѣ главнаго общества. Въ концессію на либавскую линію включено также условіе, по которому правительству предоставлено право, по прошествіи двадцати лѣтъ со дня истеченія срока, назначеннаго на окончаніе работъ, выкупить либавскую линію во всякое время, за сумму опредѣленную на основаніи совокупности прибылей за семь предшествовавшихъ лѣтъ. Какъ это условіе, такъ и оговорка о правѣ пониженія провозной платы при доходѣ въ 15%, легко могутъ получить примѣненіе, такъ какъ ковенско-либавская дорога (направленіе которой опредѣлено теперь на Шавли и къ станціи Жюсли, на ковенско-виленской дорогѣ) соединяя съ портомъ на балтійскомъ морѣ наши югозападные губерніи, обѣщаетъ сдѣлаться одною изъ доходнѣйшихъ нашихъ линій, конечно не тотчасъ, а современежъ, когда торговля направится этимъ путемъ, минуя порты восточной Пруссіи.

Наконецъ, съ особеннымъ удовольствіемъ нашли мы въ концессіи либавской дороги параграфъ, обусловливающій бесплатную пересылку обществомъ почты, для чего общество обязано удѣлять въ каждомъ пассажирскомъ поѣздѣ отдѣленіе вагона, опредѣленной длины. Мы не разъ уже говорили о странномъ пропускѣ этого условія въ другихъ желѣзно-дорожныхъ концессіяхъ. Желѣзныя дороги имѣютъ назначеніе прежде всего общественное и взиманіе ими платы за пересылку почты, когда онѣ сами основываются съ помощью отъ государства, и именно на этомъ основаніи, освобождаются даже отъ гербовыхъ пошлинъ, — это такая странность, что допущеніе ея можно объяснить только повизною у насъ желѣзно-дорожнаго дѣла.

Другой фактъ, относящійся къ этому дѣлу — отчетъ главнаго общества о дѣятельности его за 1868 годъ. Изъ этого отчета видно,

что доходность линіи какъ варшавской, такъ и нижегородской, въ 1868 году возрасла въ значительномъ размѣрѣ: усиленіе движенія свидѣтельствуется возрастаніемъ валового дохода на 20%; чистый же доходъ при этомъ возросъ, сравнительно съ 1867 годомъ, на 46%, несмотря на нѣкоторое увеличеніе расходовъ. Извѣстно, что главное общество отличается расходами; въ 1867 году на варшавской дорогѣ изъ всего валового сбора на расходы шло болѣе 72%. Въ прошломъ году сдѣланъ успѣхъ; расходы составили только 64% изъ валового сбора, что все еще очень много. На линіи нижегородской расходы составляютъ всего 45% валового сбора, менѣе противъ 1867 г. на 8%. Въ общей сложности, валовой доходъ съ обѣихъ линій составилъ около 14¼ милл. р., а чистый доходъ—болѣе 6¼ милл. р.

Съ особеннымъ любопытствомъ искали мы въ отчетѣ свѣдѣній о доходности николаевской желѣзной дороги для главнаго общества. Но изъ свѣдѣній, заключающихся въ отчетѣ, нельзя сдѣлать положительнаго вывода въ этомъ отношеніи. За четыре мѣсяца, въ продолженіи которыхъ николаевская дорога находилась въ эксплуатаціи главнаго общества, собрано валового дохода почти 5½ милл. р., такъ что годовой сборъ далеко превзойдетъ 15 милліоновъ. Чистый доходъ, полученный къ 1 января составляетъ болѣе 3 милл. р., изъ которыхъ на обязательный платежъ правительству отдѣляются по 2 м. 400 т. р. Остается сумма 606¼ тысячъ р. излишка, который долженъ быть раздѣленъ между казною и акціонерами, но этого раздѣла пока опредѣлить нельзя, потому что не окончены еще расчеты съ братьями Уайненсъ.

Этотъ пунктъ тоже принадлежитъ къ категоріи наиболѣе любопытныхъ и, относительно его, опубликованныя свѣдѣнія также не поучаютъ насъ ничему. Г. предсѣдатель совѣта управленія, въ рѣчи, сказанной имъ въ собраніи общества, въ половинѣ мая, выразился относительно этого пункта крайне-темно: «правительство, между прочимъ, обязалось содѣйствовать обществу къ расторженію сего контракта, и принять на себя уплату вознагражденія, могущаго причитаться гг. Уайненсъ; сумма, назначаемая нынѣ на этотъ предметъ отъ казны, можетъ оказаться недостаточною; а какъ расторженіе контракта въ интересѣ акціонеровъ необходимо, то совѣтъ полагаетъ дополнить ее на счетъ сбереженій, которыя должны послѣдовать въ ремонтномъ содержаніи подвижнаго состава за прекращеніемъ дѣйствія контракта до срока, съ тѣмъ однакожъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы дополнительная сумма, назначенная отъ общества гг. Уайненсъ, во всякомъ случаѣ покрылась съ избыткомъ таковыми сбереженіями.»

Предсѣдатель обѣщалъ сообщить въ свое время о результатѣ ве-

дущихся по этому предмету переговоровъ. Интересно бы знать, за какое именно время рассчитываются «сбереженія въ ремонтномъ содержаніи подвижного состава», отъ расторженія контракта съ гг. Уайненсами, на вознагражденіе ихъ? Мы можемъ представить себѣ два исхода. Во-первыхъ — гг. Уайненсы вознаграждаются за расторженіе ихъ баснословнаго контракта суммою, назначенною отъ казны, и «сбереженіями» положимъ хоть за годъ. Во-вторыхъ—гг. Уайненсы, вдобавокъ къ суммѣ, назначенной отъ казны, вознаграждаются еще такою суммою изъ «сбереженій», которая будетъ рублей, положимъ, на тысячу меньше «сбереженій» отъ расторженія контракта за все время до окончанія его срока, стало быть «съ избыткомъ» покроется такими сбереженіями. Между этими двумя крайними предѣлами, сумма вознагражденія, какая опредѣлится переговорами, можетъ достигнуть любого размѣра, и размѣръ этотъ, конечно, будетъ зависѣть и отъ того обстоятельства, какое количество акцій самого главнаго общества находится въ портфель гг. Уайненсы, въ числѣ бумагъ промышленныхъ предпріятій, въ которыя они, благодаря двукратному контракту съ казною, на совершенно экстраординарныхъ условіяхъ, могли поимѣстовать свои собственныя сбереженія.

Какъ бы то ни было, одною изъ выгодъ передачи николаевской дороги частному обществу во всякомъ случаѣ будетъ освобожденіе казны отъ контракта, который одинъ недавно умершій государственнй человѣкъ, славившійся остроуміемъ, предлагалъ показывать именитымъ иностранцамъ, какъ одну изъ главныхъ нашихъ достопримѣчательностей.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го іюля, 1869.

Событія во Франціи. — Выборы 24-го мая и 7-го іюня. — Народное движеніе. — Старая оппозиція и радикальная партія. — Письмо Персиньи и программа Наполеона. — Книга Тело: *Les suspects en 1858.* — Сѣверо-германскій и таможенный парламенты. — Регентство въ Испаніи. — Палата лордовъ и билль объ ирландской церкви.

Давно уже въ политической жизни цивилизованной Европы не чувствовалось такого сильнаго возбужденія, какъ въ теченіе послѣднихъ нѣсколькихъ недѣль. Возбужденіе это тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что оно вызвано не таинственнымъ свиданіемъ двухъ или трехъ государственныхъ людей, и не какою-нибудь изъ подобныхъ вздорныхъ причинъ, которыя, къ несчастію, до сихъ поръ еще имѣютъ способность волновать общественное спокойствіе. Причина настоящаго возбужденія лежитъ несравненно глубже, она разумна, законна и имѣетъ больше основанія, чѣмъ всякая другая, держать западную Европу въ напряженномъ состояніи. Дѣло въ томъ, что на глазахъ цѣлаго міра происходитъ отчаянный поединокъ между двумя лагерями: защитниками личнаго правленія и партизанами управленія народомъ посредствомъ народа; обѣ партіи борются съ одинаковымъ ожесточеніемъ, какъ тѣ, которые стремятся къ достиженію полной политической свободы, такъ и тѣ, которые жадно цѣпляются за отжившій на Западѣ порядокъ или лучше, беспорядокъ произвола. Если всюду подобная борьба должна приковывать къ себѣ вниманіе народовъ, то тѣмъ болѣе, когда она происходитъ въ такой странѣ какъ Франція, которая, чтобы ни утверждали близорукіе люди, имѣетъ неоспоримое свойство вліять на судьбы всѣхъ европейскихъ націй. Что Франція не утратила своего первенствующаго значенія, въ этомъ не трудно было убѣдиться въ эти послѣдніе дни, когда почти вся Европа съ лихорадочнымъ жаромъ слѣдила, ожидала и спрашивала, чѣмъ кончится избирательный періодъ, какой вердиктъ вынесетъ об-

чая подача голосовъ? Европа слѣдила пытливымъ взоромъ за французскими событіями, потому что она хорошо сознаетъ, что судьба французскаго народа быстро отзывается на судьбѣ остальныхъ европейскихъ народовъ, что не разъ уже переворотъ во Франціи бывалъ предтечею переворотовъ и въ другихъ странахъ, что реакція здѣсь означала и реакцію тамъ, что торжество свободы въ Парижѣ бывало ея торжествомъ въ другихъ столицахъ западной Европы.

Борьба окончена, нужно подвести къ ней итоги, опредѣлить возможные результаты, сказать, что могли дать выборы и что они дали. Въ нашемъ послѣднемъ обзорѣннн мы говорили уже о приготовленіяхъ къ битвѣ, о народныхъ собраніяхъ, объ избирательныхъ манифестахъ кандидатовъ, о первыхъ волненіяхъ возбужденныхъ массъ; теперь важно знать къ чему привела вся эта избирательная лихорадка? Если бы мы взяли одни простыя числа подавшихъ голоса за правительство и за оппозицію, то и въ нихъ уже мы нашли бы подтвержденіе того, что Франція 1869 года не то уже, чѣмъ была она въ предшествовавшіе выборы 1857 или 1863 годовъ. Успѣхъ оппозиціи, ея возросшая сила сказалась болѣе рѣзко, чѣмъ можно было ожидать. Въ 1863 году, количество избирателей простиралось до 7 милліоновъ 260 тысячъ, и изъ этого числа 5 милліоновъ 300 тысячъ принадлежало правительственнымъ кандидатамъ, и только милліонъ 950 тысячъ подали голоса свои въ пользу оппозиціонныхъ кандидатовъ. Выборы 24-го мая 1869 года представили иную пропорцію между голосами поданными за правительство и оппозицію. Правительственные кандидаты получили 4,053,056 голосовъ, а кандидаты оппозиціонные 3,248,855, изъ чего слѣдуетъ, что правительство собрало относительно ничтожное большинство въ 800 тысячъ, въ то время когда въ 1863 году за ними осталось большинство болѣе чѣмъ трехъ милліоновъ триста пятидесяти тысячъ голосовъ. Куда же, спрашивается, дѣвались эти два съ половиною милліона избирателей, которыхъ правительство лишилось съ 1863 года. Отвѣтъ очевиденъ — 2 съ половиною милліона перешли на сторону оппозиціи. Если мы руководствовались одними цифрами избирателей, то конечно, мы вправѣ были бы ожидать, что какъ возрасло количество голосовъ, ставшихъ на сторону оппозиціи, такъ точно должно было бы возрасти количество оппозиціонныхъ депутатовъ. Такъ должно было бы быть въ теоріи, но практика, которая такъ рѣдко бываетъ съ нею согласна, и тутъ значительно отъ нея отклонилась. Съ одной стороны сила администраціи, не отступавшей ни отъ какихъ злоупотребленій и нарушеній законности, чтобы доставить торжество своему кандидату, съ другой распаденіе на нѣсколько враждебныхъ другъ другу партій, которое произошло внутри оппозиціи, помогли тому, чтобы въ законодательномъ корпусѣ, вышедшемъ изъ только-что окончившихся выборовъ, двѣ трети депутатовъ, и даже нѣсколько

Большие представляли собою правительственное большинство. Распадение оппозиции на нѣсколько недружелюбныхъ лагерей указываетъ на грустный и вмѣстѣ отрадный фактъ. Грустный въ томъ отношеніи, что онъ свидѣтельствуетъ, что старыя распри не забыты, что старая вражда живетъ между различными слоями оппозиции, что она не сумѣла слиться въ одно дружное цѣлое для борьбы съ имперіализмомъ; отрадный, потому что онъ говоритъ о силѣ оппозиции, такъ какъ мы знаемъ, что до тѣхъ поръ, пока оппозиція слаба, пока она не чувствуетъ еще возможности побѣдить правительство, до тѣхъ поръ она единодушна и разладъ не находитъ себѣ мѣста среди ея. Сила вернулась къ ней, вдали предчувствуется торжество ея, и вотъ прежнее ревнивое чувство овладѣваетъ различными оппозиціонными партіями, точно каждая изъ нихъ опасается, чтобы побѣда не досталась другъ другу. Майскіе выборы доказали, что положеніе оппозиціонныхъ партій значительно измѣнилось во Франціи. Кто незнакомъ съ прежнимъ дѣленіемъ всей Франціи на легитимистовъ, орлеанистовъ, республиканцевъ, бонапартистовъ? Каждая изъ этихъ партій имѣла свои стремленія, свои надежды, своихъ передовыхъ людей, которые дѣйствовали въ литературѣ, политической печати, законодательномъ корпусѣ. Изъ всѣхъ этихъ партій до сихъ поръ, послѣ бонапартистовъ, самую сильную и имѣвшую въ близкомъ будущемъ больше шансовъ на торжество, считалась партія орлеанистовъ. Многіе уже видѣли въ ней свое восходящее солнце. Последніе выборы опровергли это мнѣніе. Лицомъ къ лицу стали, собственно говоря, три партіи: династическая, парламентаристовъ и республиканцевъ, которымъ, смѣло можно сказать, принадлежитъ побѣда 24-го мая. Дѣйствительно, фактъ въ высшей степени замѣчательный, и тѣмъ болѣе заслуживающій вниманія, что къ нему мало были приготовлены, это торжество, доставшееся на долю крайней, радикальной партіи. Вездѣ, гдѣ лицомъ къ лицу стояли угрѣбные либералы-парламентаристы и радикалы-республиканцы, вездѣ почти эти послѣдніе имѣли преимущество передъ первыми. Если кто-нибудь въ избирательной битвѣ 24-го мая потерпѣлъ сильное поражение, то безъ сомнѣнія, это партія орлеанистовъ, которую лучше называть парламентарною. Правительство право, если оно говоритъ, что отнынѣ ему нужно бороться не съ нѣсколькими врагами, а только съ одной — радикальною партією. Другой вопросъ, выиграло ли отъ такого превращенія правительство или проиграло. Мы гораздо скорѣе склоняемся къ послѣднему. Торжество радикальной партіи, торжество, разумеется, относительное, насколько оно возможно при системѣ официальныхъ кандидатуръ, тѣмъ болѣе поразило всѣхъ, что не одинъ Парижъ нодалъ свой голосъ за радикальныхъ кандидатовъ, но почти всѣ большіе города Франціи, т. е. всѣ просвѣщенные центры вотировали въ ихъ пользу. Въ Марсели, гдѣ конкурентами являются Гамбета и Тьеръ,

первый получаетъ значительное большинство, второй ничтожное меньшинство; Ліонъ, гдѣ всегда торжествовалъ Жюль Фавръ, посылаетъ въ палату представителей Распайя и Банселя; въ Нантѣ республиканецъ Гепенъ разбиваетъ на-голову талантливаго защитника парламентаризма Прево-Парадоля, и во многихъ другихъ мѣстахъ, гдѣ республиканцы были побиты официальными кандидатами, они все-таки одерживаютъ верхъ надъ умѣренными либералами - парламентаристами. Фактъ, что всѣ почти большіе города Франціи, какъ Марсель, Ліонъ, Нантъ, Бордо, Лилль, Тулуза, рѣшительно произнеслись въ пользу оппозиціи, и оппозиціи радикальной, представляется фактомъ первостепенной важности. Въ прежніе выборы кто посылалъ оппозиціонныхъ депутатовъ? Парижъ, Ліонъ, вотъ и все. Изрѣдка только въ другихъ городахъ проскакивалъ оппозиціонный депутатъ, теперь же радикально оппозиціонный духъ охватилъ собою всѣ крупные центры Франціи. Чтоже собственно означаетъ торжество оппозиціи въ большихъ городахъ Франціи? Ничто иное какъ то, что вся просвѣщенная Франція, всѣ пункты, гдѣ образованіе сдѣлало большіе успѣхи, всѣ люди, которые сбросили съ себя оковы невѣжества — все это сдѣлалось врагами императорскаго правительства. Карта, изданная два три года назадъ французскимъ министромъ народнаго просвѣщенія, показывавшая состояніе образованія въ различныхъ частяхъ Франціи, можетъ отлично служить руководителемъ во время выборовъ. Въ тѣхъ частяхъ, гдѣ образованіе показано на очень низкой степени, тамъ всадъ торжествовали официальные кандидаты; тамъ же, гдѣ карта указываетъ, что образованіе стоитъ болѣе высоко, тамъ большинство принадлежитъ оппозиціи. Приводя этотъ фактъ, одна англійская газета выражается очень удачно, говоря, что имперія есть нечто иное, какъ невѣжество. Пародируя слова Наполеона, сказавшаго «l'Empire c'est la paix», можно съ болѣею правдою сказать: l'Empire c'est l'ignorance. Вотъ отчего, по мѣрѣ того, какъ съ каждымъ годомъ просвѣщеніе дѣлаетъ въ странѣ успѣхи, можно быть увѣреннымъ, что порядокъ, основанный на личной волѣ, будетъ терять въ своей силѣ и окончится наконецъ полнымъ разрушеніемъ. Если, несмотря на то, что большинство въ большихъ городахъ принадлежитъ рѣшительной оппозиціи, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ официальные депутаты все-таки являются побѣдителями, то это слѣдуетъ приписать ничему иному; какъ только злоупотребленіямъ администраціи, которая сплошь и рядомъ къ городскому избирательному округу прикидываетъ цѣлый сельскій округъ, такъ чтобы число оппозиціонныхъ городскихъ избирателей умѣрилось сельскими избирателями, вотирующими вслѣдствіе административнаго давленія за правительственнаго кандидата. Понятно, что городское населеніе, подающее свои голоса за оппозиціонныхъ кандидатовъ, должно быть оскорблено, когда вслѣдствіе административныхъ продѣлокъ депута-

томъ въ законодательномъ корпусѣ является все-таки официальный кандидатъ. Досада этихъ городовъ вышла наружу во время майскихъ выборовъ и во многихъ изъ нихъ была причиною народныхъ волненій, противъ которыхъ правительство выдвигало военную силу.

Если радикальная «непримиримая» партія имѣла такой значительный успѣхъ въ провинціи, то очевидно, что въ Парижѣ она должна была рѣшительно торжествовать. Она и торжествовала, даже больше чѣмъ можно было ожидать. Чѣмъ ярче была кандидатура, тѣмъ больше она имѣла успѣха, тѣмъ, казалось, легче она одерживала верхъ надъ всѣми другими. Бансель, получающій десять тысячъ голосовъ больше нежели Оливье, Гамбетта, побѣждающій одинаковымъ количествомъ оппозиціоннаго же Карно, Распайль, почти одерживающій верхъ надъ престарѣлымъ Гарнье - Пажесъ, Рошфоръ, оспаривающій кандидатуру у Жюля Фавра — вотъ что поселило смущеніе не только въ правительственныхъ сферахъ, но также и въ лагерѣ партіи парламентаристовъ. Оппозиціонная пресса распалась на два лагеря, и на радикальныхъ кандидатовъ посыпались всевозможныя обвиненія. Они стояли подъ перекрестнымъ огнемъ старой оппозиціи съ одной стороны, правительственныхъ органовъ съ другой. Нападеніе на радикальную партію сдѣлалось особенно сильно послѣ выборовъ 24 мая, когда избраніе Рошфора угрожало Жюлю Фавру и когда Тьеръ, старый Тьеръ долженъ былъ подвергнуться балотировкѣ, благодаря радикальной кандидатурѣ графа д'Альтона Ше. Балотировка должна была быть произведена черезъ двѣ недѣли послѣ первыхъ выборовъ и потому въ эти-то двѣ недѣли, отъ 24-го мая до 6-го іюня, и проповѣдовался походъ противъ партіи «непримиримыхъ». Враждебное положеніе такихъ кандидатовъ, какъ Тьеръ, Жюль Фавръ и Гарнье-Пажесъ, представлявшихъ собою умѣренную оппозицію, и Рошфора, Распайля и д'Альтона Ше радикальную, само по себѣ уже чрезвычайно знаменательно, такъ какъ оно опредѣляетъ, какъ рѣзко измѣнилось положеніе вещей. Нельзя не сказать, что справедливы были тѣ, которые во что бы то ни стало желали удержать въ законодательномъ корпусѣ такого опытнаго государственнаго человѣка какъ Тьеръ, противъ котораго администрація боролась всѣми своими силами, и такого краснорѣчиваго оратора какъ Жюль Фавръ, всегда являвшагося врагомъ настоящаго правительства, но не менѣе справедливы были и тѣ, которые считали нужнымъ заявить правительству какъ можно болѣе рѣшительно, что Парижъ не чувствуетъ къ нему ничего иного кромѣ непримиримой вражды. Въ-сто того, чтобы добиться соглашенія и не доставить правительству утѣшенія видѣть раздора въ средѣ самой оппозиціи, обѣ партіи съ ожесточеніемъ напали другъ на друга. Первый шагъ въ этомъ дѣлѣ сдѣлали тѣ, которыхъ отнынѣ нужно звать умѣренными либералами; старые орлеанисты испугались возможнаго торжества республиканцевъ.

Они взглянули на поставленный радикальною партіею вопросъ крайне узко, и не сумѣли разглядѣть въ кандидатурѣ хоть, напримѣръ, Рошфора ничего другого, какъ только «водевилиста» и «фельетониста», въ то время какъ она выражала собою полнѣйшее презрѣніе какъ къ личности Наполеона, такъ и къ тому порядку, который онъ установилъ, т. е. къ личному правленію. Въ этой собственно заклѣтой враждѣ и непримиримой ненависти къ послѣднимъ прерогативамъ произвола и заключается весь смыслъ выступившей радикальной партіи. Она громко объявила, что не пойдетъ ни на какія сдѣлки съ правительствомъ, что она не будетъ довольствоваться никакими уступками, что всѣ либеральныя мѣры, вся предоставленная свобода, которая, нужно сказать правду, для многихъ другихъ странъ казалась бы высшимъ, достижимымъ на землѣ, благомъ, что все это для Франціи недостаточно, что она будетъ добиваться всей той свободы, всѣхъ тѣхъ правъ, которыя Франція завоевала въ большую революцію. Если бы старая оппозиція, сдѣлавшаяся теперь умѣренной, была послѣдовательна, она должна была бы рука объ руку пойти съ радикальною партіею. Собственно говоря, требованія той и другой почти однѣ и тѣже, и та и другая хотятъ одного: окончанія личнаго правленія; разницы между ними та, что умѣренная оппозиція все еще продолжаетъ надѣяться, что она достигнетъ своихъ желаній путемъ покорности, просьбъ, болѣе или менѣе мягкихъ упрековъ, и въ подтвержденіе своей политики ссылается на то, что уже достигнуто въ послѣдніе нѣсколько лѣтъ, между тѣмъ какъ радикальная оппозиція утверждаетъ, что до тѣхъ поръ пока въ Тюльери сидитъ человѣкъ, который сегодня захочетъ и завтра нація будетъ обречена на всѣ ужасы войны, отъ воли котораго зависитъ позволить одно и запретить другое, словомъ человѣкъ, который хотя и не можетъ дѣйствовать вполнѣ произвольно, но тѣмъ не менѣе обладаетъ слишкомъ обширною властью, до тѣхъ поръ, говоритъ она, ничего не сдѣлано и все остается сдѣлать. Время покажетъ, которая изъ этихъ двухъ оппозицій окажется права, который изъ двухъ путей вѣрнѣе долженъ привести къ цѣли, тотъ ли, который отправляется отъ доброй воли лица, или тотъ, который исходитъ изъ принципа верховной власти народа. Вѣрно только одно, что послѣдняя болѣе соответствуетъ достоинству и прошедшему Франціи. Парижское населеніе, вотпоровавшее 24-го мая, согласилось съ «непримиримою» оппозиціею, упрекавшею Карно, Гарнье-Пажеса, Фавра и Тьера въ томъ, что они слишкомъ снисходительны къ правительству, слишкомъ мягки въ своихъ рѣчахъ, слишкомъ любезны по отношенію къ министерскимъ скамьямъ, и, главное, согласилось въ томъ, что всѣхъ сдѣланныхъ уступокъ ему еще мало, что оно не хочетъ довольствоваться ни настоящимъ положеніемъ прессы, ни настоящимъ правомъ собраній, ни настоящимъ подчиненнымъ положеніемъ законодательнаго

корпуса, въ которомъ, собственно говоря, должна сосредоточиваться вся власть. Всѣ уступки правительства, всѣ новые законы о печати и о правѣ собранія, какъ ни либеральны они на самомъ дѣлѣ, оказались все-таки недостаточными для пробудившагося народа. Радикальная партія представила несравненно болѣе широкую программу; она прямо сказала народу: если вы помирились съ имперіею, съ династіею, съ личнымъ правленіемъ, то подавайте голоса противъ насъ; если же весь этотъ порядокъ вмѣстѣ съ тѣмъ, который установился, вамъ ненавистенъ, то дайте мнѣ ваши голоса! 24-го мая, Парижъ и всѣ большіе города отвѣтили на предложенный имъ вопросъ какъ нельзя болѣе утвердительно. Можно смѣло сказать, что рѣшеніе, вырванное страхомъ послѣ декабрьскаго переворота, въ первый разъ было кассировано всѣмъ просвѣщеннымъ населеніемъ Франціи. Удивленіе, пережитое со страхомъ, встрѣтило вердиктъ 24-го мая не только въ правительственной сферѣ, но также въ средѣ умѣренныхъ либераловъ и всѣхъ тѣхъ, которымъ живо представилась картина новой революціи. Никто ни во Франціи, ни за-границей не ошибся относительно значенія новыхъ выборовъ, несмотря на то, что плотное большинство было обезпечено за правительствомъ уже съ 24 мая. Ни для кого не было тайною, что значить большинство, данное правительству сельскимъ населеніемъ, и меньшинство, которое осталось за нимъ въ городахъ; не только потому правительство считалось совершенно основательно побитымъ, что всеобщая подача голосовъ извращена официальными кандидатурами и тысячами другихъ злоупотребленій, пускаемыми въ ходъ, но также и потому, что все, что составляетъ, какъ выразился одинъ замѣчательный писатель, истинный геній Франціи, ея истинныя стремленія, ея истинную волю, ея, наконецъ, интеллектуальную жизнь, все это представляется большими городами какъ Парижъ, Ліонъ, Марсель, Нантъ, Бордо.

Въ 59-ти округахъ должна была быть произведена баллотировка, такъ какъ ни одинъ кандидатъ не собралъ въ нихъ законнаго большинства голосовъ. Правительство напрягло всѣ свои силы, чтобы обезпечить за собою бѣльшую часть спорныхъ кандидатуръ, но усилія его не увѣнчались особеннымъ успѣхомъ; за нимъ осталось даже менѣе чѣмъ половина избирательныхъ округовъ, остальные жѣ изъ этихъ 59 округовъ послали въ палату оппозиціонныхъ кандидатовъ. Не съ меньшимъ жаромъ чѣмъ правительство хлопотала также умѣренная оппозиція въ Парижѣ, чтобы доставить торжество такимъ кандидатамъ какъ Тьеръ, Жюль Фавръ, Гарнье - Пажесъ въ ущербъ кандидатурамъ Рошфора, д'Альтона Ше и Распайя, избраннаго уже въ Ліонѣ, и тѣмъ самымъ потерявшаго много шансовъ на вторичное избраніе въ Парижѣ. Крайняя партія одинаково не особенно стояла за кандидатуру д'Альтона Ше, такъ какъ она хорошо знала, что правительству избраніе Тьера

было болѣе ненавистно, чѣмъ даже избраніе Ше. Враждебное отношеніе правительства къ Тьеру доставило послѣднему болѣе полную побѣду, чѣмъ онъ даже могъ разсчитывать. Собственно говоря, въ одномъ только округѣ борьба была особенно интересная, въ округѣ, въ которомъ правительственный кандидатъ, получившій 24-го мая ничтожное меньшинство, отказался принять участіе въ баллотировкѣ, и гдѣ соперниками явились два оппозиціонныхъ кандидата: Жюль Фавръ и Рошфоръ. Нужно было быть слишкомъ слѣпымъ, чтобы отказывать первому въ достоинствахъ, и при томъ положеніи, въ которомъ находилась вся Франція еще два-три года назадъ, когда пробужденіе не было такъ полно какъ теперь, Жюль Фавръ представлялъ собою крайнюю оппозицію, идти дальше которой мало кто считалъ даже возможнымъ. Онъ никогда не упускалъ случая нападать на правительство, онъ никогда не подавалъ своего голоса въ пользу его и все, что ставитъ ему въ укоръ радикальная партія, заключается въ недостаточной силѣ его нападеній и только въ томъ ложномъ шагѣ, который онъ сдѣлалъ, отправившись, хотя того и требовали правила, послѣ своего избранія во французскую академію, представляться въ Тюльери. Но этой если не особенной мягкости, то во всякомъ случаѣ недостаточной жесткости въ его рѣчахъ, этого избранія въ академію и представленія въ Тюльери было слишкомъ довольно для радикальной партіи, чтобы указать ему въ своихъ голосахъ. Ей нуженъ былъ человекъ, одно имя котораго означаетъ не только протестъ противъ императорскаго правительства, но презрѣніе и ненависть къ нему. Рошфоръ, который болѣе чѣмъ годъ уже бичуетъ въ своемъ еженедѣльномъ памфлетѣ «*La Lanterne*» Наполеона и все, что стоитъ къ нему близко, который приговоренъ судомъ къ тюремному заключенію за оскорбленіе главы французскаго правительства, былъ именно человекомъ, подходившимъ какъ нельзя болѣе радикальной партіи. Заслуга его состояла въ томъ, что онъ первый, какъ говорятъ его избиратели, посмѣлъ громко высказать то, что они въ продолженіе 17-ти лѣтъ смѣли думать только про себя.

Хотя Рошфоръ и былъ побѣжденъ Жюль Фавромъ на вторичныхъ выборахъ 7-го іюня, точно также какъ и остальные кандидаты радикальной оппозиціи, т. е. Распайль и д'Альтонъ Ше, тѣмъ не менѣе старая оппозиція почувствовала урокъ, данный ей парижскимъ населеніемъ. Тьеръ, Жюль Фавръ, не избранные съ перваго разу; 15 тыс. голосовъ, данныхъ въ 7-мъ округѣ Рошфору противъ 18-ти тыс., полученныхъ Фавромъ—все это должно было показать имъ, что для того, чтобы удержать за собою прежнее положеніе, ихъ политическая линія должна сдѣлаться несравненно болѣе яркою. Депутаты прежней оппозиціи поняли это какъ нельзя лучше и тотъ страхъ, въ которомъ ихъ держали избиратели отъ 24-го мая до 6-го іюня, долженъ былъ заставить

не разъ ихъ подумать о коренномъ измѣненіи страны въ теченіи послѣднихъ годовъ, и о томъ, что прежнія требованія должны быть значительно расширены. Рассказываютъ, что Тьеръ, когда его избраніе сдѣлалось извѣстнымъ, воскликнулъ: влянусь быть честнымъ гражданиномъ! и еще прежде того выражалъ мнѣніе, которое тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что оно идетъ отъ человѣка, бывшаго всю свою жизнь открытымъ монархистомъ. Онъ указывалъ на республиканскія учрежденія Америки какъ на единственныя, которыя должны восторжествовать и упрочиться во Франціи. Сознаніе Жюля Фавра, что наступила минута, когда нужно быть болѣе рѣшительными, еще яснѣе вытекаетъ изъ письма, которое онъ написалъ къ редактору поддерживавшаго его оппозиціоннаго журнала «Avenir National» тотчасъ послѣ окончанія борьбы. Принимая голосъ большинства, какъ силу, Жюль Фавръ, вмѣстѣ съ тѣмъ, принимаетъ «какъ спасительный урокъ», чувство меньшинства, противъ котораго онъ боролся: «оно налагаетъ на меня, говоритъ онъ, обязанность, которую я буду всѣми силами стараться выполнить, это быть, по мѣрѣ моихъ силъ, представителемъ тѣхъ стремленій, которыя воодушевляютъ меньшинство». «Всеобщая подача голосовъ, посредствомъ котораго народъ заявляетъ свою волю, вотъ, восклицаетъ онъ, отнынѣ весь источникъ законной власти, и имъ не иначе можно пользоваться какъ при помощи «всей» свободы.» Отнынѣ обѣщаетъ онъ съ большею твердостью, чѣмъ когда-нибудь, требовать полнаго возвращенія свободы. «Право, заключаетъ онъ, должно торжествовать посредствомъ разума, и даже при посредствѣ силы, если преступная сила захочетъ его нарушить». Очевидно, что это воззваніе къ силѣ, если спокойный разумъ не поможетъ восстановленію всего права народа, нарушеннаго «преступною силою» одного человѣка, навѣяно на Жюля Фавра голосомъ крупнаго меньшинства, ставшаго на сторону его противника Рошфора.

Расколъ, происшедшій въ средѣ оппозиціи, во всякомъ случаѣ не можетъ быть полезенъ правительству, какъ оно утѣшаетъ себя, потому, что весь его результатъ будетъ тотъ, что старая оппозиція, усиленная такими новыми членами ея какъ Бансель, Гамбетта, Распайль, Жюль Ферри, Эскиросъ и нѣкоторыми другими, сдѣлается только болѣе требовательною, болѣе смѣлою, болѣе наступательною въ своемъ движеніи на личное правленіе, чтобы не заслужить порицанія отъ своихъ избирателей. Тьеръ, Жюль Фавръ, Гарнье-Пажесъ и другіе очень хорошо понимаютъ, что если въ концѣ концовъ они все-таки были выбраны въ законодательный корпусъ и одержали побѣду надъ ихъ радикальными противниками, то вовсе не потому, чтобы избиратели ихъ были консервативны или довольны настоящимъ правительствомъ; нѣтъ, въ такомъ случаѣ они вотировали бы за официальныхъ кандидатовъ,—а потому, что избиратели, не увлеченные политическою страстью,

разсудили, что люди эти все-таки принесли извѣстную пользу, и что радикалы неправы, утверждая, что ничего не сдѣлано въ дѣлѣ возстановленія свободы. Избиратели правы, успѣхъ сдѣланъ, и даже громадный успѣхъ, и лучшимъ подтвержденіемъ этого служатъ самое существованіе радикальной партіи, ея органовъ, ея собраній, немислимыхъ въ деспотической странѣ. Конечно, не депутатамъ оппозиціи принадлежитъ честь обновленія, воскресенія страны. Честь эта принадлежитъ самой странѣ, ея исторіи, ея прошедшему. Это обновленіе, пробужденіе лежало въ самой природѣ французскаго народа и оно не могло не обнаружиться. Франція, которая принесла столько жертвъ свободѣ, которая столько разъ проливала свою кровь ради торжества этого начала среди европейскихъ народовъ, безъ сомнѣнія не могла и не можетъ отказаться видѣть ее у себя торжествующею и всесильною. Она идетъ къ ней не тихими и мѣрными шагами, она приближается къ ней скачками, которые она дѣлаетъ каждые пятнадцать, восемнадцать лѣтъ, и ошиблись бы тѣ, которые, заставъ ее въ минуту, казалось бы, глубокаго сна, заключили, что она никогда или по крайней мѣрѣ долго не пробудится. Пробужденіе происходитъ быстро, неожиданно и напрасны тогда всѣ усилія, чтобы ее снова усыпить. Чѣмъ большее сопротивленіе встрѣчаетъ она въ эти минуты, тѣмъ больше усилій и напора прилагаетъ она, чтобы освободиться отъ всего, что мѣшаетъ ей выпрямиться, тѣмъ сильнѣе становится взрывъ долго сдержанныхъ силъ народа.

Настоящіе выборы, выдвинувшіе на сцену радикальную партію, и пославшіе въ законодательный корпусъ до девяноста оппозиціонныхъ кандидатовъ, должны служить для правительства грознымъ предзнаменованіемъ, и ничто не могло бы быть ошибочнѣе, какъ утѣшать себя мыслию, что правительство, сильное войскомъ, всегда укротитъ возстаніе, какъ усмирило или вѣрнѣе разогнало оно тѣ безоружныя толпы народа, которыя подъ вліяніемъ избирательнаго возбужденія стали расхаживать по улицамъ Парижа съ пѣніемъ Марсельезы и съ вевинными криками «vive Rochefort, vive la république, à bas l'empereur». Ничто не можетъ быть естественнѣе того волненія, которое обнаружилось какъ въ Парижѣ такъ и во многихъ другихъ городахъ Франціи послѣ того, какъ народъ узналъ результаты выборовъ. Всѣ, недовольные неудачею своего кандидата, сильно воспаляются, выражаютъ свое недовольство другъ другу, и въ злобѣ, которая почти всегда выражается довольно шумно и бурно, доходятъ до публичныхъ манифестацій. Въ Англии, которая давно забыла, что значатъ политическая революція, никогда еще избирательный періодъ не оканчивался безъ бурныхъ сценъ, шумныхъ сборищъ и даже маленькихъ кровопролитій, отъ которыхъ полиція, а тѣмъ болѣе войско всегда держитъ себя очень далеко. И однако, несмотря на полное невмѣша-

тельство властей, всѣ эти сборища, пошумѣвъ, даже подравшись, расходятся въ разныя стороны самимъ мирнымъ образомъ. Безъ всякаго сомнѣнія, что такъ точно случилось бы и во Франціи, сборища точно также бы разсѣялись, пѣніе народныхъ гимновъ и всякіе виваты замолкли, если бы правительство, которое не можетъ все еще отдѣлаться отъ деспотическихъ наклонностей, не поспѣшило напустить на эти толпы цѣлую армію полиціи и войска. На выборахъ правительство потерпѣло полное моральное пораженіе, оно испугалось, возмутилось и поскорѣй поспѣшило отомстить населенію ударами кистеней и холоднымъ оружіемъ войска. Ему хотѣлось напугать, поселить страхъ, но врядъ ли оно надолго достигло своей цѣли. Еще Монтеस्कѣ сказалъ, что такъ точно какъ республика держится добродѣтелью, монархія честью, такъ деспотія въ основаніи своемъ должна имѣть страхъ, безъ добродѣтели, которая ненужна, и безъ чести, которая была бы даже опасна. Но страхъ, служащій главнымъ основаніемъ деспотіи, можетъ сдерживать только ту націю, которая сама невѣжественна, политически неразвита и рабодѣнна; тамъ же, гдѣ народъ отвѣдалъ уже свободы, гдѣ правительство, чтобы держаться, вынуждено дѣлать само либеральныя уступки, тамъ однимъ словомъ, гдѣ свобода вошла такъ въ нравы, въ обычаи, въ плоть и кровь народа какъ во Франціи, тамъ запугиваніе, страхъ обращается противъ тѣхъ, которые дѣлаютъ его своимъ орудіемъ, тамъ страхъ ожесточаетъ только людей и послѣ временнаго обманчиваго затишья они снова еще съ большею рѣшительностью принимаются за дѣло и идутъ далѣе отъ того пункта, на которомъ были остановлены. Вотъ отъ чего мы не приписываемъ другого значенія, какъ значенія опаснаго для императорскаго правительства симптома, послѣднимъ волненіямъ во Франціи, точно также и не видимъ для правительства никакой побѣды, никакой выгоды въ усмиреніи шумныхъ сборищъ, въ арестованіи болѣе нежели двухъ тысячъ человѣкъ, и въ изувѣченіи и смерти нѣсколькихъ гражданъ.

Укрошеніе народныхъ волненій ничего не можетъ измѣнить во взаимномъ положеніи французскаго правительства и французскаго народа; положеніе это сегодня тоже, что оно было вчера, или если и измѣнилось, то во всякомъ случаѣ въ ущербъ правительству, не отвѣчающему потребностямъ пробужденнаго общества. Мы безъ сомнѣнія не раздѣляемъ мнѣній тѣхъ, которые утверждаютъ, что всѣ эти волненія, главнымъ образомъ въ Парижѣ, были вызваны самимъ правительствомъ. Нѣтъ, правительство, какъ бы оно ни было увѣрено въ своей силѣ, никогда не отважится возбуждать народъ противъ себя, потому что никогда никто не можетъ ручаться гдѣ остановится это возбужденіе. Народное движеніе тоже что буря на морѣ; кто можетъ поручиться, что она стихнетъ, прежде чѣмъ плавающій по морю корабль не будетъ поглощенъ его волнами. Все что можно сказать, это, что правительство придралось

къ невиннымъ собственно демонстраціямъ, чтобы выказать свою силу, и снова запугать призракомъ революціи тотъ классъ буржуазіи, который успѣлъ успокоиться послѣ 1848 года. Но при той свободѣ печати, которая существуетъ теперь, нѣкого уже болѣе нельзя будетъ обмануть устрашительными фразами объ уничтоженіи собственности, семьи и всего остального, чѣмъ какъ лѣвшимъ стараются запугивать, лишь только въ странѣ начинается истинно либеральное движеніе. Маневры подобнаго рода во Франціи болѣе невозможны. Теперь уже вся оппозиционная пресса обращается къ правительству съ запросомъ: къ чему была брошена на безоружныя толпы эта масса полицейскихъ, цѣлые полки кавалеріи, инфантеріи, къ чему полиція и войско бросались на смирно стоявшія сборища, къ чему правительство въ продолженіи нѣсколькихъ вечеровъ неистовствовало самымъ безобразнымъ, самымъ возмутительнымъ образомъ? Обвиненія сыплются на правительство со всѣхъ сторонъ, и все, что оно выиграло отъ своей побѣды надъ «возмущеніемъ», какъ выражается оно само, это еще лишніе упреки въ наглости и безсовѣстности. Какъ бы отвѣчая всѣмъ обвиненіямъ, правительство въ официальномъ журналѣ напечатало самый лживый отчетъ о парижскихъ событіяхъ, съ умысломъ преувеличивая тревожный ихъ характеръ, какъ для того, чтобы сколько-нибудь оправдать свое недостойное поведеніе, такъ и для того, чтобы, какъ мы сказали уже, поселить страхъ. Правительство увѣряетъ, что оно имѣло положительныя свѣденія о томъ, что 7-го іюня, въ послѣдній день выборовъ, приготовляется возмущеніе и именно въ одномъ округѣ, гдѣ баллотировались Жюль Фавръ и Рошфоръ, и затѣмъ рассказываетъ о длинномъ рядѣ безчинствъ со стороны народа, умалчивая разумѣется о болѣшихъ несравненно безчинствахъ полиціи. Фактъ — тотъ, что вечеромъ 7-го іюня, въ тотъ часъ, когда всѣ ожидали результатовъ выборовъ, довольно значительная масса народа собралась на дворѣ редакціи журнала «*Karrel*», поддерживавшаго кандидатуру Рошфора. Не успѣла эта толпа узнать объ исходѣ борьбы, не успѣли еще раздаться крики «*vive Rochefort*», какъ во дворѣ ворвалась цѣлая стая полицейскихъ, которые начали разгонять народъ, сопровождая свое насиліе ударами кистеней. Это первое столкновеніе полиціи съ народнымъ сборищемъ повело за собою всѣ дальнѣйшія столкновенія. Каждый вечеръ, на самомъ оживленномъ мѣстѣ Парижа, на кишащихъ всегда, даже въ обыкновенное время, народомъ бульварахъ, происходило страшное смятеніе. Народъ, который, безъ сомнѣнія, безъ вмѣшательства полиціи и войска скоро успокоился бы отъ избирательныхъ волненій, естественно возбуждался, кровь молодежи начинала кипѣть, и кто знаетъ, еслибы правительство рѣшилось дойти до пушечной стрѣльбы или даже до Шаспо, чѣмъ бы разыгралось парижское возмущеніе. Рассказываютъ, что на вопросъ: можно ли стрѣлять? Наполеонъ рѣши-

тельно отвѣтилъ: «Je ne veux pas qu'on tire un seul coup de fusil». Эти слова доказываютъ только одно, что онъ понималъ опасность, которая могла бы для него произойти отъ перваго выстрѣла. Огромное количество народа было захвачено въ различныхъ пунктахъ Парижа, такъ какъ толпы съ криками «vive la République! à bas l'Empire», собирались почти по всему Парижу, особенно въ послѣдующіе вечера, т. е. 8, 9, 10-го и 11-го когда масса была уже значительно возбуждена дѣйствіями правительства. Всѣ тюрьмы наполнились арестованными, но протестъ общества, журналовъ былъ такъ силенъ, что правительство поторопилось значительную часть арестованныхъ выпустить черезъ два, три дня. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что случись что-нибудь подобное въ другой странѣ, гдѣ правительство болѣе сильно отсутствіемъ въ обществѣ сознанія своихъ правъ, или вѣрнѣе сказать несуществованіемъ ихъ, тамъ эта масса народа за эти же самые поступки долго и очень долго не увидѣла бы себя на свободѣ. Тѣ же самыя сцены, свидѣтелемъ которыхъ былъ Парижъ, повторились и въ другихъ городахъ Франціи, именно въ Бордо, Нантѣ и Сентъ-Этьеннѣ, и вездѣ официальная газета старалась приписать эти волненія проискамъ радикальной партіи. Тутъ тѣже аресты, тѣже массы полиціи и войска, тоже стремленіе поселить въ населеніи страхъ. Въ одномъ Сентъ-Этьеннѣ столкновение вооруженной силы съ народомъ дошло до трагической развязки. Изъ толпы раздался выстрѣлъ, съ противной стороны послѣдовалъ отвѣтъ, и на мѣстѣ осталось нѣсколько убитыхъ и тяжело раненыхъ.

Очевидно, въ мысли правительства было представить, что Франція и особенно Парижъ покрыты тонкою сѣтью заговора, что окончаніе выборовъ было назначено срокомъ, когда революція должна была вспыхнуть. Множество журналистовъ, редакторовъ, членовъ избирательныхъ комитетовъ было арестовано на дому, но черезъ нѣсколько дней, подъ напоромъ общественнаго мнѣнія, печати, всѣ почти были освобождены. Какой же выводъ можно сдѣлать изъ всѣхъ происшедшихъ волненій, изъ новыхъ выборовъ, давшихъ такую плотную оппозицію въ законодательномъ корпусѣ? Одинъ выводъ бросается въ глаза—Франція вошла въ новый фазисъ политической жизни, она порвала тѣ сѣти, которыми опутала ее 1852 годъ. Другой выводъ, который одинаково ясенъ, — тотъ, что правительство, если оно не желаетъ довести Францію до новаго переворота, должно отказаться отъ всего, что походило въ немъ на деспотизмъ, должно возвратити Франціи пользованіе «всею свободою», какъ выразился Фавръ, и принести въ жертву пробужденному народу «личное правленіе», надѣлавшее странѣ столько непоправимаго вреда. Все толкаетъ правительство на болѣе широкую дорогу полной свободы; не только послѣдніе выборы, но всѣ событія послѣднихъ годовъ должны были бы убѣдить правительство

во вредъ личнаго правленія. «Хорошо доказано, разсуждаетъ «Times», что личное правленіе есть правленіе мотающее, что оно болѣе другихъ склонно къ политическимъ ошибкамъ, и что оно упорствуетъ въ нихъ тогда, когда вся нація ихъ хорошо понимаетъ». Если бы правительство Наполеона III нуждалось помимо всего, что оно видитъ, еще въ какихъ-нибудь указаніяхъ, что положеніе его не изъ лучшихъ, то оно не могло бы найти для себя болѣе опасныхъ симптомовъ, чѣмъ это радикальное измѣненіе въ мнѣніяхъ «Times'a». Давно ли кажется «Times» утверждалъ, что французы созданы для рабства, что Наполеонъ самый мудрый изъ монарховъ, что онъ первый наконецъ открылъ, какъ нужно управлять этимъ неуправимымъ народомъ, что французы не что иное какъ малолѣтніе, нуждающіеся въ строгомъ опекунѣ, даже рабы, которымъ необходимъ суровый господинъ и т. д. въ этомъ родѣ; и вдругъ самое радикальное превращеніе: Франція пробудилась, она требуетъ свободы, которая должна быть возвращена, французы созрѣли для другого правленія нежели личное и т. д. и т. д. Это измѣненіе «Times'a», олицетворяющаго общественное мнѣніе Англіи, скрываетъ въ себѣ самыя мрачныя и злобшія предзнаменованія для счастливой звѣзды Наполеона III.

Никогда правительство не могло бы сдѣлать такого ложнаго шага, какъ еслибы оно захотѣло теперь, подъ предлогомъ безпорядковъ «возмущенія», отказать въ удовлетвореніи, которое требуется націею. Оно имѣетъ предъ собою не ту больше палату, которая не умѣла дѣлать ничего другого, какъ безпрекословно вотировать всѣ правительственныя предложенія и своими криками: «clôture, à l'ordre», подавлять голоса оппозиціонныхъ кандидатовъ. Конечно (не будемъ торопиться дѣлать ложныхъ заключеній) и такая палата, какъ мало бы достоинства ни было въ ней, какъ мало дѣйствительнаго контроля ни имѣла бы она надъ правительствомъ, лучше чѣмъ никакая, потому что, какъ мы это видимъ и въ настоящемъ случаѣ, съ переменной обстоятельностью, съ развитіемъ народа, и палата преобразуется, и контроль фиктивный дѣлается какъ нельзя болѣе дѣйствительнымъ.

Помимо того, что въ новой палатѣ оппозиція будетъ довольно значительной силой и подавить голосъ 90 человекъ будетъ несравненно труднѣе чѣмъ заглушить слабую оппозицію, состоящую изъ какихъ-нибудь двадцати депутатовъ, какъ было до сихъ поръ; но и самое большинство должно было подчиниться вліянію измѣнившихся идей, и переменна, въ этомъ нельзя сомнѣваться, отзовется на ея отношеніи къ поступкамъ и дѣйствіямъ правительства. На избрательныхъ манифестахъ депутатовъ большинства не трудно уже пригнѣтать печать общаго пробужденія страны. Конечно, обѣщать что-нибудь и держать обѣщаніе вовсе не одно и тоже, и мы каждый день видимъ тому подтвержденіе, но въ политической жизни бываютъ ми-

нута, когда сила обстоятельствъ, напоръ извѣстныхъ идей и стремлений ступшевываетъ волю отдѣльныхъ людей и заставляетъ ихъ волеяневолей подчиняться общему теченію. Мы полагаемъ, что такая минута наступила въ политической жизни Франціи. Открытіе законодательнаго корпуса, назначенное на 28-ое іюня и исключительно съ цѣлію повѣрки выборовъ, покажетъ, чего слѣдуетъ ожидать отъ новой палаты. Трудно думать, чтобы къ этому же времени окончательно не выяснилось, какой политики правительство намѣрено держаться въ будущемъ. Если бы пониманіе народныхъ нуждъ и стремленіе къ удовлетворенію ихъ входило сколько-нибудь въ расчеты произвольной власти, тогда нѣтъ сомнѣнія, что императорское правительство выбрало бы путь наиболѣе выгодный для себя и вмѣстѣ наиболѣе выгодный для народа, путь либеральныхъ мѣръ, путь дальнѣйшихъ уступокъ, путь самыхъ широкихъ реформъ. Но бѣда въ томъ, что подобное правительство никогда почти не рѣшается на подобныя мѣры тогда, когда не ушло еще для нихъ время, большею частью оно предпочитаетъ выжидать, пока наконецъ силою не вырвутъ у него власти, а вмѣстѣ и всѣхъ требуемыхъ правъ. Казалось бы, что прошедшая жизнь Наполеона, то время, когда онъ былъ ссыльнымъ и заключеннымъ, должна была бы предохранить отъ повторенія общей ошибки, но это уже старая истина, что власть пьянитъ людей, и больше нежели вино заставляетъ ихъ позабывать требованія разума. Помимо этой бѣды, у людей въ положеніи Наполеона всегда есть другая бѣда, это толпа низкопоклонныхъ совѣтниковъ, окружающихъ его, толпа политическихъ выскочекъ, боящихся всякой либеральной переменъ какъ огня, опасющихся потерять выгодное положеніе и потому запугивающихъ своего господина и толкающихъ его на путь реакціи, которая погубила уже такъ многихъ властителей. Подобную роль опасныхъ совѣтниковъ играютъ при Наполеонѣ различные генералы, всякіе Руэры, Форкады, Персивьи. Не одинъ уже голосъ раздавался въ пользу реакціи, но самымъ громкимъ изъ нихъ былъ голосъ Персивьи, написавшаго къ своему другу побитому Эмилю Оливье письмо, въ которомъ, рядомъ съ самыми пагубными совѣтами правительству, сквозить, какъ нельзя болѣе, узвленное самолюбіе отстраненнаго отъ трона совѣтника. Письмо знаменитаго герцога появилось въ болѣе нежели полу-официальномъ органѣ, «Constitutionnel» въ видѣ письма къ неизвѣстному другу. По мнѣнію «одного изъ самыхъ старыхъ слугъ имперіи», какъ онъ называетъ себя самъ, все зло, весь «нравственный беспорядокъ», обнаружившійся въ послѣднее время, происходитъ не столько отъ либеральныхъ уступокъ, сдѣланныхъ императоромъ, не столько отъ новаго закона о печати, не столько отъ закона о правѣ собраній, сколько «отъ людей», приведшихъ всѣ эти мѣры къ исполненію. «Не законъ о печати, восклицаетъ герцогъ, им-

провизовалъ популярность г. Гамбетты, но непонятная слабость тѣхъ, которые, позволяя молодому адвокату бросать перчатку цѣлой имперіи на глазахъ суда, доставили ему у народа всю выгоду его смѣлости. Не законъ о собраніяхъ деморализировалъ, продолжаетъ онъ, часть избирателей, но поведеніе власти, которая, позволяя оскорблять въ публичныхъ собраніяхъ государя, религію, семейство и собственность, вмѣсто того, чтобы заставить строго уважать законъ, превратило орудіе свободы въ орудіе распушенности». Если бы кто-нибудь захотѣлъ перевести слова знаменитаго государственнаго человѣка второй имперіи на языкъ простыхъ смертныхъ, то вотъ что прочли бы мы по всей вѣроятности: настоящіе совѣтники, окружающіе тронъ, не обладаютъ достаточною мудростью, какою обладаю я, Персиньи, для приведенія въ исполненіе высшихъ предначертаній императора; поэтому прежде всего надо смѣнить этихъ людей и на ихъ мѣсто назначить меня. Такова всегда первая и главная мысль всѣхъ подобныхъ совѣтниковъ, въ какой бы формѣ они ее ни выражали. Затѣмъ, продолжалъ бы онъ, либеральныя мѣры дѣлаются вовсе не для того, чтобы получать примѣненіе въ жизни, ихъ главное и почти единственное назначеніе красоваться на бумагахъ и отвѣчать недовольнымъ: взгляните, чего вамъ еще больше! все у васъ есть, и свобода печати и свобода собраній и т. д. Вотъ собственно мысль, мысль старая и хорошо извѣстная, которую нашелъ нужнымъ высказать Персиньи для спасенія имперіи. Ему не нравится ни законъ о печати, ни законъ о правѣ собраній, и не имѣя смѣлости предложить ихъ уничтожить, онъ желаетъ, чтобы правительство прибѣгло къ старой, правда, но часто удающейся практикѣ: быть либеральнымъ на бумагахъ, а оставаться произвольнымъ на дѣлѣ. Что именно такова мысль Персиньи, въ этомъ не трудно убѣдиться, когда нѣсколько далѣе читаешь: «что бы ни говорили, нѣтъ страны, которою легче было бы управлять, какъ Франція». Вся бѣда заключается только въ томъ, что Франція болѣе не хочетъ, чтобы ею такъ управляли, и что она вспомнила, что лучше управлять самой своими дѣлами, чѣмъ быть управляемой Наполеономъ и такими совѣтниками, какъ Персиньи. Единственное мѣсто въ этомъ письмѣ, и истинѣ котораго нельзя не отдать справедливости,—то, гдѣ Персиньи опредѣляетъ свойства французскаго правительства. Если вы хотите знать, говорить онъ, секретъ всего того, что мы видѣли, т. е. всѣхъ происшедшихъ волненій и «нравственныхъ безпорядковъ», то вотъ онъ: «Правительство выказало себя слабымъ, нерѣшительнымъ, малодушнымъ и часть народа почувствовала къ нему презрѣніе». Безъ сомнѣнія, Наполеонъ, Руэръ и вся остальная правительственная клика не могла остаться довольна подобнымъ комплиментомъ, и потому, во что бы то ни стало, нужно было поспѣшить дать торжественное «démenti», письму Персиньи и сказать, что и государственные люди

и всѣ ихъ дѣйствія какъ нельзя болѣе безукоризненны. Трудъ дать опроверженіе письму отстраненнаго отъ дѣлъ герцога принялъ на себя самъ Наполеонъ, и въ нѣсколькихъ строчкахъ, написанныхъ къ одному изъ безсловесныхъ депутатовъ большинства, Макѣ, онъ какъ бы опредѣлялъ свою будущую программу дѣйствій, отъ которой, весьма вѣроятно, впрочемъ онъ вынужденъ будетъ отказаться.

Послѣ нѣсколькихъ строкъ, въ которыхъ Наполеонъ по своему обыкновенію говоритъ о прочихъ гарантіяхъ свободы, утвержденной при помощи власти «сильной и бдительной», способной оттолкнуть всѣ натиски партій, онъ прибавляетъ, и это единственное важное мѣсто письма, слѣдующія слова: «Вы правы, говоря, что уступки въ области принциповъ и пожертваніе людьми всегда недѣйствительны въ минуты народныхъ движеній, и что правительство, которое себя уважаетъ, не должно уступать ни давленію, ни увлеченію, ни возмущенію». Понятно, что такое письмо не могло удовлетворить общественное мнѣніе, надѣявшееся, что Наполеонъ съумѣетъ понять новое положеніе страны, а вслѣдствіе этого и перемѣну въ его личномъ положеніи. Наполеонъ очевидно не понималъ, что говорить о личномъ правленіи, «уважающемъ себя», не имѣетъ болѣе никакого смысла. Весь вопросъ именно заключается теперь въ томъ, чтобы онъ добровольно отказался отъ настоящаго порядка и помирился съ тѣмъ, который главную власть сосредоточиваетъ въ рукахъ народныхъ представителей. Разумность извѣстнаго правительства заключается вовсе не въ томъ, чтобы упорствовать въ извѣстныхъ принципахъ, а напротивъ, въ стараніи постоянно согласовать ихъ съ народными требованіями. Изъ его словъ можно сдѣлать только одно заключеніе, что онъ не видитъ надобности измѣнять своей политической линіи, и что какъ въ отношеніи принциповъ, такъ и въ отношеніи людей, онъ будетъ держаться стараго порядка, или говоря короче, status quo, вотъ его программа. Къ счастью Франціи, она вышла уже изъ младенчества, изъ періода политической незрѣлости. Едва ли можно сомнѣваться, что держась старой политики, политики невольныхъ уступокъ, политика нерѣшительной и малодушной, какъ выразился Персиньи, онъ найдетъ болѣе удобную минуту для добровольнаго возвращенія свободы, чѣмъ настоящее время. Чѣмъ болѣе онъ будетъ упорствовать въ принципѣ личнаго правленія, тѣмъ ожесточеннѣе будетъ оппозиція, тѣмъ больше будетъ она расти, пока наконецъ не охватитъ собою всей страны. Исторія еще не знаетъ примѣра, чтобы истинно народное движеніе, когда оно осмыслено и разумно, остановилось на полдорогѣ, задавленное однимъ человѣкомъ. Народное движеніе, вырвавшееся во Франціи съ особенною силою во время послѣднихъ выборовъ, безъ сомнѣнія, не утихнетъ и не уляжется, пока оно не одержитъ полной побѣды надъ сдерживающимъ его развитіе правительствомъ.

Нежеланіе уступить давленію извѣстной минуты не одному трону въ Европѣ стоило уже очень дорого; не разъ уже они платились цѣною своего существованія. Письмо Наполеона какъ бы указываетъ, что онъ еще разъ хочетъ повторить до сихъ поръ никогда еще не удававшуюся пробу. Какъ и многимъ другимъ, ему одинаково дорого можетъ обойтись его теорія великодушнаго правительства, уступающаго, когда ему вздумается, когда на него, такъ сказать, сойдетъ счастливое вдохновеніе, и отказывающаго въ удовлетвореніи требованій націи, когда оно не считаетъ это для себя выгоднымъ. Теорія эта, которая есть не что иное какъ теорія личнаго правленія, отжила уже свой вѣкъ, она не согласна болѣе съ требованіями времени. Провозглашеніе этой теоріи какъ разъ въ ту минуту, когда нація такъ единодушно возстала противъ нее, доказываетъ одно изъ двухъ: или крайнее раздраженіе, затемняющее разумъ, или самую непростительную политическую недалковидность. Единственное невысказанное положеніе для Франціи 1869 года, это сохраненіе status quo; Франція находится въ выжидательномъ положеніи и до тѣхъ поръ волненіе не успокоится, пока не опредѣлится будущая политика правительства. Выходъ изъ него есть двойкій, одинъ вполне законный и разумный — это полное возвращеніе народу свободы, похищенной у него 2-го декабря; другой, на который толкаютъ Наполеона его совѣтники въ видѣ Персинья, Руэровъ и комп., это отобраніе назадъ тѣхъ либеральныхъ законовъ, которые вышли изъ реформъ 19 января 1867 года, уничтоженіе обширной свободы печати, существующей въ настоящее время, уничтоженіе права собранія и возвращеніе на ту дорогу, по которой слѣдовали послѣ декабрьскаго переворота, однимъ словомъ — путь реакціи. И тотъ и другой исходъ будетъ выгоднымъ для народа; слѣдуя одному — правительство избавитъ націю отъ всегда дорого стоящей революціи, а само унесетъ благодарность потомства; рѣшаясь же на другой выходъ, оно неминуемо споткнется и повалится отъ столкновенія съ страшною силою возставшаго народа, который тѣмъ или другимъ путемъ, но все-таки добьется возвращенія своихъ законныхъ правъ.

Еслибы правительство Наполеона III рѣшилось вступить на путь реакціи, то ему ничего другого бы не осталось сдѣлать, какъ воспользоваться послѣдними волненіями, сплестъ длинную исторію о революціонной агитаціи, представить Францію покрытою «гнусною сѣтью заговорщиковъ», объявить «отечество въ опасности» и провозгласить для спасенія Франціи новый законъ объ общественной безопасности, однимъ словомъ, ему слѣдовало бы вспомнить то страшное время и страшныя мѣры, принятія въ 1858 г., исторію которыхъ рассказалъ очень подробно авторъ «Paris en Décembre 1851» и «La Province en 1851», Тено, въ своей новой книгѣ «Les suspects en 1858». Богатая

подробностями, интересными болѣе для страны, гдѣ случились эти грустные событія, она тѣмъ не менѣе имѣетъ и общій интересъ, какъ повѣствованіе о томъ, какъ дѣйствуетъ, какъ пользуется правитель-ство, основанное на произволѣ, какимъ-нибудь частнымъ случаемъ, отдѣльнымъ, такъ сказать индивидуальнымъ событіемъ, чтобы рас-пространить ужасъ по всей странѣ и опутать желѣзною сѣтью всѣхъ тѣхъ, кто по какимъ-нибудь причинамъ ему не особенно нравится. Тено краснорѣчиво показываетъ, съ какимъ искусствомъ подобное пра-вительство пользуется преступнымъ замысломъ одного человѣка, чтобы вырвать всѣ человѣческія сѣмена, брошенные въ народную почву; съ какимъ искусствомъ оплетаетъ оно всѣхъ тѣхъ, въ комъ закралась хоть одна свободная мысль, кто скроенъ, такъ сказать, не по указан-ному имъ патрону; съ какимъ умѣньемъ и мастерствомъ скручиваетъ оно всѣ тѣ отрасли общественной дѣятельности, въ которыхъ оно подозрѣваетъ враждебное отношеніе къ принципу, которымъ оно дер-жится. Законъ объ общественной безопасности отдавалъ въ руки произвольной власти всѣхъ, кто ей только казался подозрительнымъ; подозрительными же считались всѣ, кто не считалъ себя самымъ счастливымъ изъ смертныхъ однимъ тѣмъ, кто имѣетъ счастье жить подъ сѣнію самаго грубаго деспотизма. «Всакій, кто былъ республи-канцемъ и сохранялъ свою политическую вѣру, всякій, который за-щищалъ право въ 1851; каждый, который въ эту печальную годину заслужилъ кару побѣдителей; всѣ, кто сидя у домашнего очага, ожидали возвращенія свободы... Всѣ эти подозрительные люди должны были дрожать за свое имущество и свою свободу». Не безынтересно также и то, на что нападаетъ прежде всего власть въ тѣхъ случа-яхъ, когда все и всѣхъ она желаетъ задушить безумною реакціею. Литература является одною изъ первыхъ очистительныхъ жертвъ, и Тено приводитъ рапортъ тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ Вильо, въ которомъ требуются самыя строгія мѣры противъ печати. «Нельзя допустить, говорится въ этомъ рапортѣ, чтобы извѣстные журналы были въ рукахъ немногихъ, но неутомимыхъ вожаковъ, пос-тоянными орудіями демагогической работы, почти официальными органами ихъ прямыхъ и косвенныхъ возбужденій...» и вслѣдъ за этимъ слѣдуетъ перечисленіе всѣхъ мало-мальски свободныхъ жур-наловъ, которые должны были быть принесены въ жертву «порядка». Потомъ, точно раздумье взяло въ справедливости этихъ мѣръ, какъ будто бы справедливость когда-нибудь принимается въ расчетъ про-изволомъ, министръ спѣшитъ урибавить: «эти строгія мѣры исполнѣ законны. Правительство великой націи не должно позволять подкапыв-ать себя шашнями пера, какъ не должно позволять нападать на себя дикой наглости заговоровъ». Вотъ собственно воспоминаніе о какихъ временахъ наполняетъ умы императорскихъ совѣтниковъ, когда они

выталкиваютъ Наполеона на путь реакціи. Книга Тено, рисующая эту эпоху, должна была бы собственно заставить ихъ подумать. Какую мораль можно вывести изъ этой книги? одну только: всѣ эти жестоки мѣры, всѣ самыя дикія преслѣдованія ни къ чему не ведутъ, общество, послѣ извѣстнаго промежутка времени, приподнимается и сбрасываетъ съ себя не только всѣ эти мѣры, но и тѣхъ, которые вымогаютъ ихъ. Помимо этого общаго заключенія, еще другая мысль должна придти въ голову Наполеона, еслибы мысль о реакціи свернула въ его умѣ, мысль, вызванная сравненіемъ Франціи въ 1858 и Франціи въ 1869. Тогда Франція лежала еще, погруженная въ глубокій сонъ, теперь она пробудилась и рядомъ съ требованіемъ полной свободы требуетъ еще и отчета за прошедшее. Вызывать это прошедшее, напоминать о немъ снова націи, равнялось бы въ настоящую минуту ничему иному, какъ самоубійству имперіи. Не будемъ же терять пока надежды, что Наполеонъ пойметъ свое новое положеніе, выберетъ разумный выходъ и избавитъ такимъ образомъ Францію отъ новой революціи.

Французскія дѣла до такой степени поглотили собою вниманіе всей Европы, что многія довольно крупныя событія прошли едва только замѣченными. Въ Германіи успѣлъ собраться и разойтись таможенный союзъ, засѣданія котораго представляютъ собою тотъ интересъ, что, въ противность обычаю, они не послужили на этотъ разъ поводомъ никакихъ шумныхъ заявленій о братствѣ, единствѣ, свободѣ всѣхъ нѣмцевъ, которыхъ Пруссія старательно заботится подчинить своей сильной военной власти. Можно смѣло предполагать, что не нѣмецкая, но прусская политика Бисмарка, какъ отнынѣ онъ величаетъ ее самъ, не будетъ уже столь счастлива въ своемъ такъ-называемомъ «національномъ стремленіи», какъ она была до тѣхъ поръ, пока чадъ военной славы 1866 года не успѣлъ еще разсѣяться. Сѣверо-германскій парламентъ далъ уже почувствовать могущественному прусскому министру, что пора безпрекословнаго исполненія его, не только требованій, но мажѣйшихъ желаній миновалась, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что графъ Бисмаркъ понялъ, какой урокъ скрывается для него въ отказѣ парламента дать согласіе на предложенныя на его утвержденіе новыя налоги. Кто знаетъ, не сказывается ли въ этомъ чуть ли не первымъ пораженіи Бисмарка въ сѣверо-германскомъ парламентѣ, новый зародышъ той борьбы, той упорной оппозиціи, которую онъ постоянно встрѣчалъ до 1866 года въ прусскомъ парламентѣ, павшемъ лицомъ послѣ Садовой передъ гордымъ политикомъ-побѣдителемъ. Нужно было бы въ самомъ дѣлѣ отчаяваться въ судьбахъ человѣчества, если бы мы не видѣли, что здравый смыслъ народовъ въ концѣ концовъ все-таки беретъ верхъ надъ всѣмъ, что есть неразумнаго, фальшиваго и уродливаго въ устройствѣ современныхъ государствъ.

Какъ ни просто кажется понятіе, что нація должна жить для себя самой, что передъ интересомъ націи должно преклоняться все, но до этого понятія націи доходятъ только путемъ тяжелыхъ кризисовъ и многихъ жертвъ. Къ этому понятію народъ приближается не прямою дорогою, а самыми извилистыми тропинками, и какъ бы нарочно, кажется, онъ продолжаетъ искать и не видитъ рѣшенія важнаго для него вопроса, когда рѣшеніе это уже готово и давно лежитъ передъ нимъ.

Какъ иначе можно объяснить, что Испанія не пришла еще къ тому окончательному устройству, котораго она добивается изъ всѣхъ силъ; какъ объяснить, что кортесы, окончательно вотировавшіе новую конституцію, все еще продолжаютъ метаться, чтобы найти себѣ какого-нибудь короля? Очевидно, сама судьба покровительствуетъ Испаніи и принуждаетъ этотъ народъ, которому нѣкогда не случилось съ его королями, установить у себя, послѣ восьмимѣсячной республики, регентство съ маршаломъ Серрано во главѣ, которое представляетъ собою не что иное, какъ продолженіе того же временнаго республиканскаго правленія, такъ какъ маршалу Серрано не предоставлено больше власти, чѣмъ любому президенту республики. Для счастья Испаніи можно надѣяться, что она такъ привыкнетъ къ своему «временному правленію», что не захочетъ подъ конецъ никакого другого.

Одна Англія продолжаетъ развиваться нормально, одна она идетъ по прямой дорогѣ, къ новой начертанной ею цѣли: къ демократическому устройству. Въ эти послѣдніе нѣсколько лѣтъ она особенно быстро шагаетъ, и не проходитъ года, чтобы исторія ея не была отмѣчена какою-нибудь новою и важною для народнаго развитія реформою. Не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ того, что парламентская реформа вотирована была какъ въ нижней, такъ и верхней палатахъ, какъ внесенъ былъ билль первостепенной важности объ уничтоженіи государственной церкви въ Ирландіи. Послѣ того, какъ онъ вотированъ былъ въ нижней палатѣ громаднымъ большинствомъ 361 противъ 247 голосовъ, билль этотъ былъ перенесенъ въ палату лордовъ, гдѣ значительная консервативная партія открыто угрожала ему самымъ непреклоннымъ сопротивленіемъ. И что же вышло, что выпало это хранилище консерватизма отъ одного только заявленія о сопротивленіи биллю? Общественное мнѣніе, печать, и даже одинъ изъ членовъ министерства, котораго портфель не сдѣлалъ менѣ либеральнымъ, именно Брайтъ, поставили вопросъ: имѣетъ ли палата лордовъ право противиться волѣ народной? въ этомъ вопросѣ собственно заключался другой вопросъ: имѣетъ ли палата лордовъ право на существованіе, какъ скоро она перестаетъ понимать духъ времени и требованія націи? Палата лордовъ поняла предостереженіе, и билль

прошелъ во второмъ чтеніи большинствомъ 179 противъ 146 голосовъ. Теперь уже нельзя болѣе сомнѣваться, что еще какой-нибудь мѣсяць в Англія будетъ окончательно избавлена отъ страшнаго зла и не жене страшной несправедливости. Такое спокойное шествіе впередъ по пути внутренняго политическаго развитія, безспорно, можетъ принадлежать только однимъ свободнымъ народамъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

НОВЫЙ РЕМЕСЛЕННЫЙ УСТАВЪ И ЕВРЕЙСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ ПРУССІИ.

1-го іюня.

Медовый мѣсяць парламентаризма пережить Германію. Я очень хорошо помню первый взрывъ обильнаго краснорѣчія въ прусскомъ «національномъ собраніи», когда всѣмъ было такъ пріятно произносить длинныя и напыщенные рѣчи, когда паеосъ преобладалъ надъ всѣми другими сторонами парламентской реторики. Правда, вскорѣ наступили времена реакціи, — однако они нисколько не помѣшали Шталю пускаться въ тонкую софистику ретроградства и дали широкое поле талантливой проин Герлаха. Впослѣдствіи, въ годъ столкновенія палаты депутатовъ съ министерствомъ, страсти снова подыались весьма высоко, раздались громозвонныя рѣчи и приняты были разрушительныя резолюціи. Но за громомъ не послѣдовала молнія, а резолюціи ничего не разрушили, и если они кому-нибудь принесли вредъ, то никакъ не тому, противъ кого были направлены, — никакъ не графу Бисмарку. Въ настоящее время, пренія въ сѣверо-германскомъ парламентѣ стали совсѣмъ сухими, и почтенное собраніе, какъ бы на зло политическому дилеттантизму, проводитъ цѣлые дни съ такими мечтами, какъ законъ о сибирской язвѣ, и занимается всѣмъ, что попало, даже разнощиками, вожакими медвѣдей и шарманщиками. Обыкновенная публика, выросшая отчасти подъ вліяніемъ парламентскихъ впечатлѣній 1848 года, радуется и наслаждается всякимъ ораторскимъ краснорѣчіемъ, мало заботясь о практичности его, и каждая рѣчь пользуется среди нея тѣмъ болѣе популярностью, чѣмъ болѣе высокыхъ областей политическаго мышленія она касается. Такъ всегда бываетъ во времена незрѣлости новыхъ учрежденій. Но когда,

послѣ великаго кризиса, настаетъ наконецъ такое положеніе вещей, при которомъ парламентскія учрежденія начинаютъ служить не мнимымъ только, но дѣйствительнымъ выраженіемъ національной воли, тогда парламентъ приступаетъ къ дѣламъ законодательнымъ съ иными требованіями и входитъ во всѣ мелкія подробности своихъ высокихъ обязанностей, стараясь примѣнить общія начала къ дѣйствительнымъ практическимъ мѣрамъ.

Послѣдняя сессія сѣверо-германскаго парламента можетъ быть, по справедливости, причислена къ разряду самыхъ плодотворныхъ, хотя она большую часть своего времени посвятила на обсужденіе такой прозаической вещи, какъ ремесленный уставъ (Gewerbe-Ordnung), второе чтеніе (рѣшающее, по парламентскимъ обычаямъ, судьбу всякаго законодательнаго предложенія) котораго заняло почти полныхъ двадцать одно засѣданіе, съ 8-го апрѣля по 4-е мая. Правда, что эти труды не пропали даромъ и дали въ высшей степени важный законъ, заключающій въ себѣ, за немногими исключеніями, не только всѣ отрасли ремесла въ тѣсномъ смыслѣ, но и всю производительную дѣятельность вообще; большую важность представляетъ этотъ законъ въ томъ отношеніи, что въ немъ признанъ и въ большей мѣрѣ осуществленъ принципъ личной свободы.

Ремесленный уставъ подвергался и прежде, въ 1868 году, обсужденію парламента, и я сообщалъ ¹⁾ тогда главныя черты проекта закона, при чемъ говорилъ о нѣмецкомъ законодательствѣ вообще, насколько оно касается этого вопроса. Въ той сессіи возрѣнія разныхъ партій оказались слишкомъ неопредѣленными, и противныя стороны слишкомъ далеко расходились въ своихъ требованіяхъ, такъ что всѣ повали невозможность провести полный, всеобъемлющій законъ по ремесленнымъ дѣламъ, и либеральный депутатъ Ласкеръ началъ, поэтому, на весьма счастливую мысль спасти нѣкоторые важнѣйшіе пункты проекта, пожертвовавъ всѣми остальными. Такимъ образомъ проведенъ такъ-называемый временной ремесленный законъ (Noth-Gewerbegesetz). Однако, вскорѣ оказалось, что онъ не оправдываетъ возложенныхъ на него ожиданій, ибо въ тѣхъ именно нѣмецкихъ государствахъ, гдѣ до сихъ поръ ремесленная свобода была почти пустымъ словомъ, мѣстныя правительства перетолковали общія положенія закона въ томъ смыслѣ, въ какомъ нашли удобнымъ для оправданія всякихъ существовавшихъ тамъ стѣсненій. Послѣ этого маневра противники промышленной свободы оставалось только приняться за составленіе новаго ремесленнаго устава. И вотъ, вскорѣ послѣ открытія засѣданій рейхстага, союзное правительство вновь предложило парламенту серьезно обсудить всѣ стороны ремесленнаго

¹⁾ См. Вѣстникъ Евр., июль 1868, стр. 880 и слѣд.

вопроса, и представило пересмотрѣнный и нѣсколько исправленный проектъ устава. Собраніе рѣшилось обсудить весь законъ, въ полномъ его составѣ, и только третья глава закона, касающаяся разнощиковъ и представляющая величайшія юридическія затрудненія, передана сначала на обсужденіе особой комиссіи.

Прежній уставъ доводилъ ограниченіе ремесленной свободы до послѣдней степени, подъ предлогомъ наилучшаго процвѣтанія ремесла и высшаго блага ремесленниковъ. Нынѣшнее правительство, подъ тѣмъ же предлогомъ, предложило устранить всякую ремесленную полицію, и оставить только тѣ ограниченія, которыя требуются высшими интересами общественной безопасности, общественнаго здравія, и вообще всѣмъ, что несомнѣнно нуждается въ государственномъ охраненіи, и въ сравненіи съ чѣмъ воля отдѣльныхъ лицъ должна подлежать опредѣленнымъ стѣсненіямъ. Кромѣ того, извѣстный политико-экономъ Михаэлисъ объявилъ, въ качествѣ представителя союзнаго совѣта, что совѣтъ этотъ считаетъ настоящій уставъ не закономъ, который не долженъ подлежать дальнѣйшимъ перемѣнамъ, но основой, на которой должно развиваться все дальнѣйшее нѣмецкое законодательство по этому предмету.

Какъ ни пріятно звучатъ эти обѣщанія, однако правительственное признаніе принципа свободы оказалось не совсѣмъ искреннимъ, и парламентъ употребилъ большую часть своихъ долгихъ преній на опредѣленіе той «пограничной линіи», которою отдѣляется правительственная оека отъ промышленной свободы. Мнѣнія по этому вопросу были весьма раздѣлены, и отдѣльныя партіи вели между собою ожесточенную, иногда очень интересную борьбу изъ-за разныхъ пунктовъ пограничной линіи. Либеральная партія принимала въ ней самое живое участіе и, сливаясь постоянно въ одну плотную фалангу, одержала весьма важныя побѣды, благодаря которымъ ремесленный уставъ представляетъ значительный шагъ впередъ на пути свободы и прогресса.

Правительственный проектъ устава распался (и это дѣленіе осталось безъ перемѣны) на десять главъ (составившихъ, всѣ вмѣстѣ, 172 параграфа). Первая глава озаглавлена: «общія положенія» и служить, разумѣется, основой закона; во второй дѣло идетъ объ осѣдлыхъ ремеслахъ и промыслахъ; въ третьей, о разносной продажѣ; въ четвертой, о рынкахъ; въ пятой, о полицейскихъ налогахъ; въ шестой, о гильдіяхъ; въ седьмой, объ отношеніяхъ подмастерьевъ и учениковъ въ мастерамъ и фабрикантамъ, и обратно; въ восьмой есть нѣсколько узаконеній о ремесленныхъ вспомогательныхъ кассахъ въ девятой опредѣляется допущеніе мѣстныхъ положеній (Ortsstatuten), и наконецъ въ десятой опредѣлены штрафы и наказанія за нарушеніе устава. Первая глава подтверждаетъ основныя положенія прошлагоднаго вре-

менного закона. Производство всякаго ремесла признается правомъ всѣхъ гражданъ, насколько такое право допущено закономъ. Всякое отличіе между городскими и сельскими постановленіями относительно ремесла отиѣняется. Дозволяется одновременное занятіе многими ремеслами. Цехи и гильдіи лишаются правъ запрещать кому либо производить то или другое ремесло, ту или другую торговлю. Уничтожаются также всѣ существующія понудительныя мѣры и повинности, а также разныя преимущества одного ремесла надъ другимъ. Польз промышленника не можетъ служить ограниченіемъ или подлежать какому-нибудь особымъ предписаніямъ въ дѣлѣ ремесленного производства.

Всѣ эти и другія положенія приняты парламентомъ почти безъ всякихъ сколько-нибудь замѣчательныхъ возраженій, и только съ немногими измѣненіями въ словахъ. Также легко прошли и первые параграфы второй главы, требующіе, чтобы каждое лицо, желающее производить какое либо ремесло, увѣдомляло о томъ мѣстное начальство. Въ этихъ же параграфахъ перечислены всѣ заведенія, открытіе которыхъ требуетъ особаго *дозволенія*; — сюда принадлежатъ, впрочемъ, лишь такія учрежденія, которыя опасны и неприяты для окрестныхъ жителей, каковы пороховыя заводы, бойни, пудретныя фабрики, живодерни и т. п. Необходимость ограниченія въ этомъ отношеніи столь очевидна, что спорили лишь о нѣкоторыхъ подробностяхъ ограниченія, но не о принципѣ. Но уже въ слѣдующемъ отдѣлѣ, который называется всѣхъ «ремесленниковъ», обязанныхъ выдерживать предварительныя испытанія, обсужденіе приняло иной характеръ и пренія приобрѣли значеніе всеобщаго интереса. Особеннаго вниманія заслужилъ § 29, первая статья котораго гласитъ, что врачи, зубные врачи и аптекаря обязаны имѣть «аппробацію», которая дается имъ на основаніи особыхъ дипломовъ.

Чтобы вполне понять борьбу изъ-за 29-го параграфа, иностранному читателю необходимо познакомиться съ настоящимъ положеніемъ врачей въ Германіи; для этого достаточно, впрочемъ, описать положеніе ихъ въ Пруссіи. Съ юридической точки зрѣнія, врачебное искусство считается ремесломъ, которымъ врачъ занимается на собственный рискъ, и въ производствѣ котораго государство можетъ всякимъ образомъ защищать или ограничивать его. Молодой человѣкъ, окончившій курсъ гимназій и посвятившій себя изученію медицины, долженъ посѣщать университетскіе курсы по крайней мѣрѣ четыре года сряду. Обыкновенно ему придется прихватить и пятый годъ, такъ какъ врачебныя науки приняты въ настоящее время слишкомъ широкіе размѣры. Впродолженіи этого времени молодой человѣкъ, уплативъ *порядочную сумму* за слушаніе лекцій, держитъ небольшой экзамень — *tentamen physicum*, приобретаетъ затѣмъ по *дорогой цѣнѣ* званіе доктора медицины, можетъ отслужить свой годъ въ арміи (иначе ему

придется отбыть эту повинность въ другое время), и вновь подвергается, опять съ *уплатою значительной суммы денегъ*, государственному экзамену (Staatsexamen), послѣ счастливаго окончанія котораго ему дають «аппробацію» въ качествѣ врача, хирурга и акушера; — только теперь, пройдя всѣ эти инстанціи и порастрясши свою скудную казну, юноша приобрѣтаетъ драгоценное право заниматься практикою, гдѣ угодно. Обыкновенно виды на практику бываютъ весьма плохіе, и многимъ молодымъ, способнымъ людямъ приходится тянуть долгіе годы въ нуждѣ и постороннихъ занятіяхъ. Я зналъ одного врача, который надѣялся найти дѣло въ провинціальномъ городѣ средняго порядка. Вотъ уже 20 лѣтъ, какъ началась его практика, и онъ шесть разъ мѣнялъ свое мѣстопробываніе, такъ какъ ни въ одномъ городѣ ему не удалось создать для себя достаточно прибыльной практики. Вездѣ взаимное соперничество врачей достигло весьма широкихъ размѣровъ, и всего болѣе въ большихъ городахъ, гдѣ, съ другой стороны, и шансовъ на успѣхъ гораздо больше, если только юный врачъ имѣетъ средства покрыть всѣ расходы дорогой жизни въ продолженіи двухъ-трехъ лѣтъ. Въ Берлинѣ есть, сверхъ того, много мѣстъ въ клиникахъ, госпиталяхъ. Въ большихъ городахъ есть возможность добыть себѣ практику, сдѣлавшись городовымъ врачомъ для бѣдныхъ. Такой врачъ, если онъ назначенъ общиною, обязанъ лечить даромъ всѣхъ бѣдныхъ людей своего округа, получая за то маленькое жалованье (талеровъ въ 200 — 300), собственная дѣятельность и ловкость создаютъ между тѣмъ репутацію, и выгодная практика готова. Военные врачи могутъ имѣть и частную практику, и такъ какъ ихъ положеніе въ послѣднее время улучшено какъ повышеніемъ жалованья, такъ и дарованіемъ офицерскихъ чиновъ, то многіе молодые люди съ охотою вступаютъ въ ихъ ряды, тотчасъ по окончаніи государственнаго экзамена. Какъ бы то ни было, о болѣе части врачей государство вовсе не заботится, опекая ихъ своимъ врачебнымъ уставомъ (Medicinal Ordnung) и снабжая ихъ, за 20 — 30 лѣтнюю успѣшную практику ничего не стоящимъ и ничего не дающимъ чиномъ врачебнаго совѣтника (Sanitäts-Rath) и, позже, тайнаго врачебнаго совѣтника (geheimer Sanitäts-Rath), при чемъ само собою предполагается, что эти новые совѣтники — «добрые патріоты», то есть, что они съ тѣхъ поръ, какъ Пруссія стала конституціоннымъ государствомъ, никогда не подавали своего голоса на выборахъ за кандидатовъ либеральной партіи, или вообще не держались въ оппозиціи. Молодые врачи бываютъ обыкновенно либералами и даже радикалами въ религіозныхъ и политическихъ дѣлахъ, но многіе изъ нихъ становятся въ одинъ прекрасный день молчаливыми, удаляются, по болѣзни напр., или по причинѣ слишкомъ широкой практики, отъ всѣхъ политическихъ дѣлъ, — въ результатѣ не пройдетъ и нѣ-

сколькихъ мѣсяцевъ, какъ ихъ уже начинаютъ величать совѣтниками, или на груди доктора появится орденъ. Эта погоня за орденами и титулами выдерживаетъ, кажется, напоръ всѣхъ политическихъ перемѣнъ и жалкое тщеславіе не колеблется подъ вліяніемъ успѣховъ просвѣщенія.

Но возвратимся къ нашему предмету. Государство, говорю я, охраняетъ и опекаетъ врачей. Оно опекаетъ ихъ, устанавливая особую таксу за лѣченіе, таксу крайне низкую. Оно опекаетъ ихъ, во-вторыхъ, особымъ закономъ, въ силу котораго всѣ врачи подлежатъ штрафу отъ 50 и до 500 талеровъ всякій разъ, когда отказываются подать помощь въ опасныхъ случаяхъ, не имѣя достаточныхъ причинъ для отказа. Это повидимому совершенно формальное опредѣленіе даетъ, въ дѣйствительности, поводъ къ величайшимъ неприятностямъ, не достигая, однако, цѣли. Съ другой стороны, государство охраняетъ врачебное сословіе, опредѣляя наказанія за знахарство. Въ § 199-мъ уложенія о наказаніяхъ сказано, что всѣ лица, занимающіяся леченіемъ какой либо внутренней или наружной болѣзни, или родовспомогательствомъ, безъ узаконенныхъ на то правъ и пользуясь вознагражденіемъ за лѣченіе, подлежатъ штрафу отъ 5 до 50 талеровъ или тюремному заключенію на время до 6 мѣсяцевъ. Можетъ ли быть что-нибудь лучше и прямѣе этого опредѣленія, обезпечивающаго разомъ и врачей и публику отъ проникства разныхъ проходимцевъ? Но нѣтъ; именно въ этомъ дѣлѣ оказалось, какъ несостоятельна государственная опека и тамъ, гдѣ она преслѣдуетъ даже же самыя лучшія цѣли, безъ всякой задней мысли. Лѣтъ тридцать назадъ, когда въ Германіи положенія политической экономіи были извѣстны лишь избранному кругу людей, когда самыя передовые люди не могли освободиться изъ-подъ вліянія централизаціонныхъ стремленій, — каждый врачъ былъ завзятымъ врагомъ знахарства, и онъ враждовалъ съ знахарями не только открыто, но и путемъ шпионства и доносовъ, только потому, что, преслѣдуя знахарей, надѣялся служить интересамъ своего собственнаго сословія, и отчасти потому, что считалъ своимъ долгомъ спасать несчастныхъ жертвъ знахарства. Что же изъ этого вышло? Оффиціальныя преслѣдованія возбуждали сопротивленіе со стороны публики и окружали знахарей ореоломъ мученичества. Въ то время знахарствомъ занимались преимущественно *пастухи*. Иные изъ нихъ приобрѣли себѣ столь громкую репутацію, что къ нимъ съѣзжались больные изо всѣхъ окрестностей на 30—50 миль въ окружности. Борьба съ такими знахарями шла ожесточенная, и она кончалась обыкновенно тѣмъ, что или врачъ и начальство отступаютъ отъ своихъ преслѣдованій и начинаютъ смотрѣть сквозь пальцы на незаконную практику, или же знахарю даютъ привилегію лечить кого угодно. Присниць въ Гrefenbergъ, своимъ

леченіемъ холодною водою, окончательно разстроплъ всѣ государственныя махинаціи старой медицины, и за нимъ послѣдовалъ цѣлый рядъ «природныхъ врачей»: одинъ лѣчилъ всѣ болѣзни яблочнымъ виномъ, другой — травами, третій — солодомъ, и у всѣхъ ихъ нашлись тысячи приверженцевъ. — Наконецъ и сами врачи поняли всю бесполезность государственной опеки. «Мы не хотимъ охраны, которая никого не ограничетъ!» — стали говорить они, «силою тутъ ничего не возьмешь, только одна гласность и распространѣніе образованія могутъ помочь намъ». Здѣшнее общество врачей, во главѣ котораго стоятъ высшіе авторитеты врачебной науки и практики, формулировало современное требованіе въ особомъ прошеніи къ рейхстагу, подъ которымъ подписались потомъ безчисленные члены врачебнаго сословія. Они пишутъ: — «Мы не желаемъ никакой опеки и не требуемъ ни малѣйшей защиты. Пусть государство содержитъ лишь особое бюро (какъ оно существуетъ и теперь) для испытанія лицъ, желающихъ пріобрѣтать апробаціонные листы, дающіе право на званіе *врача* (или хирурга, зубного врача, и т. п.); о всемъ прочемъ, касающемся лѣченія, ему заботиться нечего». Такимъ образомъ получить удовлетвореніе и та публика, которая желаетъ лѣчиться у испытанныхъ врачей, пріобрѣвшихъ научное образованіе, и другая, которая довольствуется всякимъ знахаремъ.

Возрѣнія врачебнаго общества нашли въ парламентѣ горячаго и дѣльнаго защитника въ лицѣ либеральнаго депутата Лёве, доктора по профессіи. Въ блестящей рѣчи онъ развилъ всѣ стороны своего вопроса съ изумительною ясностью и твердою логикою. Отчетливость объясненій оратора, впрочемъ, обусловила исключительно самую сущность предмета, такъ какъ медицина, благодаря именно громаднѣйшимъ успѣхамъ, пріобрѣтённымъ ею въ послѣдніа десятилѣтія, убѣдилась въ недостаточности своихъ знаній и силъ. Передъ безчисленными явленіями стоитъ она и теперь столь же безпомощною, какъ во времена Гиппократата. Къ чему же запрещать публикѣ искать помощи у тѣхъ лицъ, къ кому она питаетъ довѣріе? Въ бѣдѣ человекъ хватается за все, что попадаетъ ему подъ руку, — отчего же помочь больному можетъ только закономъ признанный врачъ, а не всякій пастухъ? На одрѣ болѣзни и врачъ посылаетъ за знахаремъ. Въ одномъ изъ мелкихъ вѣмецкихъ государствъ, рассказываетъ Лёве, былъ во главѣ врачебной управы, лѣтъ двадцать тому назадъ, хорошій врачъ, отличный человекъ и дѣльный ученый, но злѣйшій врагъ всякаго знахарства, особенно же пастуховъ. Случилось такъ, что онъ заболѣлъ особеннаго рода коликою, которая не поддавалась усиліямъ всѣхъ ученыхъ сотоварищей врача, да никто изъ нихъ не могъ даже опредѣлить дѣйствительной причины болѣзни, продолжавшейся шесть мѣсяцевъ безъ всякаго облегченія. Дѣлать нечего, — почтенный врачъ

обратился за помощью къ тому самому старому пастуху, котораго онъ такъ сильно преслѣдовалъ судебными взысканіями.

Лѣве опровергъ за тѣмъ всѣ возраженія, клонившіяся къ защитѣ достоинства медицины и успѣховъ науки вообще; онъ утверждалъ, напротивъ, что преслѣдованія только унижаютъ науку, и потомъ перешелъ къ предмету еще большей важности. Только экзаменованные, апробованные врачи будутъ приниматься на службу государства и общинъ, и на нихъ, поэтому, должно обратить гораздо большее вниманіе, чѣмъ это было до сихъ поръ. Теперь уже прошло время надзора за однимъ лишь составленіемъ рецептовъ, сказала ораторъ, теперь все основано на *инженическомъ содержаніи*. Государство и общины приобретаютъ постоянно все большія потребности, и эти потребности вырастаютъ съ каждымъ днемъ. Если что будетъ крайне изумлять нашихъ потомковъ, такъ это именно то странное равнодушіе, съ какимъ наши правительственныя учрежденія, все регламентирующія, относятся къ здоровью жителей, и, строго наблюдая за движеніемъ на улицахъ, спокойно смотрятъ на всѣ вліянія, которыя отравляютъ воздухъ и воду, и позволяютъ вреднымъ грибамъ распорядиться въ нашихъ водопроводахъ, а наука, между тѣмъ, уже данно показала, какимъ образомъ можно соблюдать чистоту воздуха и воды.

Почти рядомъ съ преніями о врачебномъ дѣлѣ начались не менѣе интересные дебаты о правѣ открытія театровъ и кабаковъ. Въ настоящее время театръ подлежитъ дѣлому ряду ограниченій: нужно приобрести право на открытіе — концессию, необходимо переносить всѣ требованія цензуры, которою завѣдуетъ мѣстная полиція, и, сверхъ того, терпѣть, по крайней мѣрѣ въ Берлинѣ, монополію королевскаго театра, которому одному принадлежитъ право ставить драмы, *большія оперы* и балеты, — частнымъ театрамъ дозволяются комедіи всякаго рода, водевили и фарсы, комическія оперы и оперетки. Несомнѣнно, что эта монополія имѣетъ весьма вредныя послѣдствія, такъ какъ вслѣдствіе этого въ самыхъ высшихъ задачахъ искусства актеры королевскаго театра не имѣютъ никакихъ причинъ бояться конкуренціи. Но гдѣ нѣтъ конкуренціи или, лучше сказать, личнаго соперничества, тамъ непременно являются извѣстная степень равнодушія, или старыя привычки, убивающія искусство. Оттого-то всѣ жалуются, что представленіе трагедій Шекспировскихъ или Шиллеровскихъ идетъ въ задѣшнемъ королевскомъ театрѣ неудовлетворительно и даже просто плохо. Театральная цензура состоитъ въ томъ, что полицейскіе чиновники читаютъ всѣ допускаемыя на сцену пьесы и вычеркиваютъ изъ нихъ все, что покажется имъ предосудительнымъ почему либо. За мѣчательно, что многіе люди, считавшіе цензуру вообще дурнымъ и негоднымъ учрежденіемъ, находятъ тѣмъ не менѣе необходимымъ удержать театральную цензуру, и ссылаются на примѣръ Англіи, гдѣ

она существуетъ лишь номинально. Въ доказательство необходимости театральной цензуры приводить главнымъ образомъ то, что она спасаетъ будто бы публику отъ разныхъ безнравственныхъ зрѣлищъ. Между тѣмъ, вы можете здѣсь ежедневно убѣждаться въ томъ, что несмотря на цензуру или, вѣрнѣе сказать, подъ покровомъ самой цензуры, на сцену ставятся пьесы самаго безнравственнаго характера, исполненныя самыхъ пикантныхъ выраженій. Противъ безнравственности можетъ вооружаться лишь сама публика. Нынѣ всякая грубость пріобрѣтаетъ право гражданства на сценѣ, и публика вмѣсто неодобранія говоритъ лишь про себя: «кому не нравится, пусть себѣ сидитъ дома!» Что же касается до цензуры, она заботится главнымъ образомъ лишь о томъ, чтобы не пропускать никакихъ политическихъ намековъ, но и этой цѣли она не достигаетъ, такъ какъ возбужденная публика всегда найдетъ поводъ къ политическимъ демонстраціямъ.

Правительственный проектъ ремесленнаго устава содержитъ въ § 32-мъ такое опредѣленіе: «театральные предприниматели, для производства своего промысла, нуждаются въ полицейскомъ дозволеніи, которое выдается имъ лишь въ томъ случаѣ, когда они докажутъ свою благонадежность относительно упомянутаго промысла». Либеральная партія предложила къ послѣдней половинѣ статьи поправку, которая обусловливаетъ полицейское дозволеніе отрицательнымъ образомъ, — она даетъ дозволеніе, *если нѣтъ никакихъ фактовъ*, доказывающихъ неблагонадежность предпринимателя. Депутатъ Дункеръ блистательно защищалъ поправку, подвергнувъ жестокой критикѣ настоящее театральное управленіе, и поправка утверждена парламентомъ. Театральная цензура, доказывая Дункеру, клонится къ тому, чтобы воспрепятствовать дѣйствительному пульсу общественной жизни, ощущаемому націю, проявить свое біеніе именно въ томъ учрежденіи, которое всего лучше служить дѣлу гласности. Между тѣмъ, разъ явилась потребность отражать на сценѣ, то серьезно, то шуточно, высшіе жизненные интересы націи, и ее нельзя уже вполне отрѣшить отъ театра, и вотъ являются на сцену «высокомудрый совѣтъ города Берлина» или мелкія нѣмецкія государства, но малѣйшій намекъ на внутреннія политическія дѣла Пруссіи и самый ничтожный упрекъ правительственнымъ властямъ тщательно вычеркиваются усерднымъ цензоромъ. Давая народу эту мнимую свободу, и стараясь, между тѣмъ, стѣснить его во всѣхъ ничтожныхъ проявленіяхъ свободы, правительство только развращаетъ публику. Также естественно, что цензура оказываетъ вредное вліяніе на драматическое творчество, такъ какъ цензурныя стѣсненія препятствуютъ свободному выраженію авторскихъ мыслей и чувствъ, и эти стѣсненія до того велики, что ни Шпллеръ, ни Гёте, ни Шекспиръ, если бы они писали свои пьесы въ настоящее время, не могли

бы явиться передъ публикою, неизуродованные цензурою. Интендантъ придворнаго театра сказалъ однажды (въ 1844 году) прямо: «говорю вамъ разъ навсегда, что всѣ новыя произведенія, въ которыхъ подается столь много опасныхъ мыслей, какъ у господъ Шиллера, Гёте и Шекспира, не могутъ быть пропущены на сцену, и еслибы упомянутые сочинители не проскользнули на сцену до меня, то я, конечно, никакъ не пропустилъ бы ихъ. Но однажды попали они въ репертуаръ, и не по моей волѣ, такъ пусть же, чортъ ихъ поберетъ, и остаются въ немъ».

Параграфъ о патентахъ на открытіе кабака тоже послужилъ поводомъ къ оживленнымъ преніямъ, впродолженіи которыхъ снова явлены были оба противоположные взгляда: опеки и свободы или «laissez aller». Приверженцы опеки утверждали, что полная свобода торговли водкою усилить пьянство, а друзья промышленной свободы доказывали, что полицейское дозволеніе не имѣетъ никакого вліянія въ этомъ дѣлѣ, и что ограниченіе числа кабаковъ только умножитъ число посѣтителей остальныхъ заведеній. Представители правительства и друзья ограниченія увѣряли, что размноженіе кабаковъ вводитъ въ искушеніе рабочихъ людей, а сторонники освобожденія старались представить этотъ аргументъ пустымъ и ничтожнымъ, такъ какъ входитъ въ искушеніе можетъ лишь тотъ, кто самъ себя искушаетъ. Увру (Unruh), какъ директоръ громадной фабрики, высказался въ пользу «laissez aller»;—«всякій день, говорилъ онъ, я прохожу по шести разъ мимо рестораціи, торгующей спиртными напитками насупротивъ нашей фабрики, на которой работаютъ не менѣе 2,000 человекъ, и никогда еще не видалъ я тамъ ни одного пьянаго.» Такое же точно заведеніе открыто подлѣ колоссальныхъ фабрикъ Борзиха, и тамъ тоже никто не замѣтилъ вредныхъ послѣдствій. Къ сожалѣнію, впродолженіи всѣхъ преній никто не приводилъ статистическихъ цифръ, хотя нынѣ справедливо требуютъ, чтобъ каждый вопросъ, касающійся общественныхъ интересовъ, разрѣшался лишь на основаніи числовыхъ данныхъ. Несомнѣнно, что и этотъ вопросъ разрѣшенъ бы былъ согласно съ требованіями промышленной свободы, еслибъ правительство рѣшительно не заявило своего желанія удержатъ прежній надзоръ за кабаками;—опасаясь гибели всего закона, большинство согласилось лучше уступать по этому вопросу, чѣмъ отложить весь законъ на будущее время. Полицейскія ограниченія конечно не принесутъ никакой пользы. При недостаткѣ образованія у народа, многочисленность кабаковъ, можетъ быть, способствуетъ распространенію пьянства, но единственнымъ радикальнымъ средствомъ противъ этого общественнаго зла можетъ служить лишь повышеніе уровня образованія среди низшихъ классовъ, пробужденіе потребности къ болѣе благороднымъ наслажденіямъ (я разумѣю, благороднымъ *матеріальнымъ* наслажденіямъ, какъ

украшеніе своего дома, одежду и т. п.), лучшая пища, и особенно лучшая, чѣмъ водка, напитокъ.

Для экономистовъ и историковъ культуры, весьма интересными представляются пренія о странствующихъ ремесленникахъ и разнощикахъ. Этотъ родъ занятія всегда казался весьма подозрительнымъ въ глазахъ прежняго бюрократическаго государства, такъ какъ надзоръ за ними крайне затруднителенъ, и во всякомъ случаѣ труднѣе, чѣмъ за осѣдлыми ремеслами. Жандармъ видѣлъ въ разнощикѣ какого-то мошенника, разбойника или поджигателя, и законъ, потому, облагалъ свободу движенія несчастнаго разнощика всѣми возможными ограниченіями, нисколько не заботясь о томъ, что отъ этихъ ограниченій терпятъ преимущественно очень многіе люди, потребности которыхъ удовлетворяются промысломъ разнощика. Рейхстагъ вель себя въ этомъ отношеніи замѣчательно хорошо, такъ какъ даже его вельможные члены принимали живое участіе въ рѣшеніи какъ этого, такъ и другихъ вопросовъ, въ смыслѣ требованій либеральной партіи.

Кромѣ ремесленнаго устава, особеннаго вниманія въ нынѣшнихъ парламентскихъ преніяхъ заслуживаетъ длинный рядъ податныхъ предложеній графа Бисмарка, доказавшихъ всѣмъ и каждому, что можно быть хорошимъ дипломатомъ и занимать высшее мѣсто въ государствѣ, и тѣмъ не менѣе создавать весьма жалкіе законы о налогахъ. Бисмаркъ, какъ извѣстно, не хочетъ имѣть сотоварищей по управленію союзомъ (это управленіе не слѣдуетъ смѣшивать съ управленіемъ Пруссіи), и потому беретъ на себя и должность сѣверо-германскаго министра финансовъ. Горячій противникъ всякаго «дилеттантизма» въ дѣлѣ дипломатіи, увѣрявшій не разъ, что только военный человекъ можетъ судить о военныхъ дѣлахъ, онъ рѣшился однако испытать свои способности на финансовомъ поприщѣ, будучи дилеттантомъ въ финансовой наукѣ. Но всѣ его проекты разлетѣлись въ пухъ и въ прахъ передъ вѣдою критикою либеральной партіи и отвергнуты парламентомъ.

Между тѣмъ какъ парламентъ занимался обсужденіемъ ремесленнаго устава, публика пришла въ сильное движеніе по поводу спора, особенно замѣчательнаго развѣ въ томъ отношеніи, что онъ носитъ на себѣ характеръ полнаго анахронизма. Я говорю о спорѣ, который возникъ изъ-за брошюры Рихарда Вагнера: «О еврействѣ въ музыкѣ»¹⁾, и будучи изгнанъ изъ столбцовъ газеты, породилъ цѣлую литературу брошюръ объ еврейскомъ вопросѣ. Вагнерова брошюра есть не что иное, какъ собраніе статей, обнародованныхъ честолюбивымъ композиторомъ лѣтъ 19 тому назадъ въ одной музыкальной газетѣ и оста-

¹⁾ Das Judenthum in der Musik. Leipzig. J. J. Weber. 1869.

вавшихся до сихъ поръ въ совершенной неизвѣстности. Если вліяніе ихъ теперь оказывается инымъ, то причиною тому служить, разумѣется, время. Въ прежнее время враждебно къ евреямъ относилась консервативная партія, и каждая эманципаціонная для евреевъ мѣра встрѣчала со стороны консерваторовъ отчаянное сопротивленіе и ревностную поддержку со стороны либераловъ; теперь же нападеніе на евреевъ произведено либералами. Чтобы ясно понять, въ чемъ заключается сущность спора, необходимо бросить взглядъ на исторію освобожденія евреевъ, хорошимъ руководствомъ къ которой можетъ служить трудъ Байма ¹⁾, вызванный этимъ самымъ литературнымъ споромъ. Честь первой мысли о терпимости къ евреямъ принадлежитъ Лессингу, который уже на семнадцатомъ году отъ роду (1749), высказалъ въ своей комедіи: «die Juden» тѣ самыя либеральныя мнѣнія объ этомъ предметѣ, которыя потомъ, лѣтъ тридцать спустя, появились въ прекрасной формѣ его послѣдняго произведенія: «Натанъ мудрый». Лессингъ полагалъ, что его Натанъ появится на сценѣ лишь спустя цѣлое столѣтіе ²⁾, и его предположеніе оказалось бы, вѣроятно, справедливымъ, еслибъ французская революція не ускорила теченіе событій. Благодаря этому обстоятельству, Натанъ не встрѣтилъ особенныхъ препятствій, и если что оказалось крайне затруднительнымъ, такъ это переходъ отъ теоріи къ практикѣ. Правда, почти одновременно съ Лессингомъ жилъ и дѣйствовалъ весьма замѣчательный политикъ, Домъ (Dohm), старавшійся доказать, въ своемъ знаменитомъ сочиненіи (1781 г.): «о гражданскомъ улучшеніи евреевъ» необходимость уничтоженія всѣхъ законодательныхъ стѣсненій, тяготѣвшихъ тогда надъ евреями. Первый плодъ этой книги созрѣлъ, однако, не въ Пруссіи, а въ Австріи, гдѣ въ 1782 году появился извѣстный эдиктъ императора Иосифа II о вѣротерпимости (Toleranz-Edict), даровавшій евреямъ нѣсколько лучшее положеніе. Но до исполненія всѣхъ требованій Дома было еще далеко, — Домъ добивался полной гражданской равноправности. Трудъ его произвелъ много хорошаго въ другомъ мѣстѣ, попавшись въ руки Мирабо. Въ 1787 году этотъ талантливый французъ обнародовалъ сочиненіе: «О Моисѣй Мендельсонѣ и политической реформѣ евреевъ», въ которомъ мысли Дома занимаютъ весьма почетное мѣсто. Статья Мирабо нашла громадный кругъ читателей и послужила сильнымъ стимуломъ къ возбужденію еврейскаго вопроса. Годъ спустя, извѣстный аббатъ Грегуаръ издалъ въ свѣтъ сочиненіе, удостоившееся награды отъ королевскаго общества наукъ

¹⁾ Ein Jahrhundert der Juden-Emancipation und deren christliche Vertheidiger. von Isidor Kaim. Leipzig. 1869.

²⁾ Lessing's Leben von Adolf Stahr.

и искусство: «Опытъ возрожденія евреевъ въ физическомъ, нравственномъ и политическомъ отношеніяхъ». Эти литературныя произведенія послужили основою къ рѣшеніямъ наступившей между тѣмъ революціи. Сперва (въ 1790 году) были отиѣнены всѣ такъ-называемыя жидовскіе налоги, а затѣмъ декларація 3-го сентября 1791 года даровала евреямъ и всѣ гражданскія права, такъ какъ ею устанавливается полная равноправность всѣхъ гражданъ, къ какому бы вѣтронсповѣданію они ни принадлежали. Однако, въ гражданскомъ положеніи евреевъ вскорѣ оказались нѣкоторыя неудобства, особенно съ тѣхъ поръ, какъ бразды правленія попали въ руки Наполеона. Въ 1805 году, во время военнаго перехода черезъ Эльзасъ, императору донесли, что мѣстные евреи сильно притѣсняютъ жителей своими ростовщическими интересами; Наполеонъ, долго не думая, приказалъ немедленно прекратить на одинъ годъ всѣ гражданскія взысканія по еврейскимъ искамъ. Такъ какъ этотъ приказъ явно вторгается въ область гражданскаго права, то императоръ старался ослабить его деспотическое вліяніе призывомъ евреевъ въ особое собраніе для окончательнаго опредѣленія будущаго положенія этого народа въ Франціи. Изъ 14 департаментовъ прибыли въ Парижъ 74 депутата отъ еврейскихъ обществъ, и составили, совокупно съ тремя императорскими комиссарами, отвѣтъ на 12 предложенныхъ имъ вопросовъ; они объявляли, что многоженство запрещено среди нихъ уже съ XI вѣка, что разводъ допускается по рѣшенію судей, что бракъ съ христіанами допущенъ, что евреи считаютъ французовъ своими братьями, а Францію своимъ отечествомъ, что раввины не имѣютъ судебной власти и могутъ лишь исправлять религіозныя требы, что евреямъ дозволено производить всякія ремесла, что обученіе какому-нибудь ремеслу есть долгъ каждаго еврея, и что если преслѣдуютъ ростовщичество среди евреевъ, то его слѣдуетъ преслѣдовать и среди христіанъ. Затѣмъ собраніе приняло прокламацію императора, созывавшую со всѣхъ частей государства особый большой «санхедринъ», для подтвержденія всѣхъ резолюцій, принятыхъ депутатами, и санхедринъ дѣйствительно собрался въ столицѣ Франціи въ томъ же году. Санхедринъ составилъ консисторіальный законъ, въ силу котораго, въ каждомъ департаментѣ, гдѣ проживаетъ не менѣе 2,000 евреевъ, основывается особая консисторія, получающая право назначать и удалять, съ дозволенія императора, мѣстныхъ раввиновъ; департаментскія консисторіи становились въ тоже время подъ надзоръ одной главной, центральной консисторіи въ Парижѣ. Наполеоновскій законъ существуетъ во Франціи, лишь съ немногими измѣненіями, до сихъ поръ. Впечатлѣніе, произведенное «великимъ санхедраномъ», въ то время, было громадное, и оно не мало способствовало хорошему приему, который встрѣтило господство Наполеона

въ Германіи. Бурбонское правительство не колебалось признать равноправность евреевъ. Конституціонная хартія, 7-го августа 1830 г. дополнила ее, принявъ и содержаніе еврейскаго духовенства на счетъ государственной казны. Французскія учрежденія перешли потомъ въ Нидерланды и Бельгію, гдѣ они остались и послѣ освобожденія этихъ странъ изъ-подъ французскаго владычества. Въ Нидерландахъ гражданская равноправность евреевъ подтверждена основнымъ закономъ 24-го августа 1815 г., а въ Бельгіи конституціею 25-го февраля 1831 года. §

Въ Германіи, за исключеніемъ государствъ, покоренныхъ Франціею, эманципація евреевъ шла весьма медленно; всего быстрѣе двигалась она въ Пруссіи во время эпохи великихъ преобразованій, доставившей пруссакамъ возможность и силу освободиться изъ-подъ французскаго ига. Эдиктъ 11-го мая 1812 года даровалъ евреямъ одинаковыя права съ христіанами, свободу передвиженія, право заниматься всякими ремеслами, и допустилъ ихъ къ занятію академическихъ (университетскихъ), училищныхъ и общинныхъ должностей;—относительно государственной службы предполагалось вздѣть особый законъ. Эдиктъ произвелъ огромное вліяніе, — евреи проявили значительное патріотическое одушевленіе и даже вступили въ большомъ числѣ въ ряды арміи. Отрицать этого факта невозможно, и христіане поступили крайне несправедливо, лишивъ евреевъ, по окончаніи войны, большей доли дарованныхъ имъ правъ. Воины изъ евреевъ, заслужившіе во время войны офицерскій чинъ и военные ордена, вернувшись домой, должны были или покинуть службу, или вновь стать солдатами. Вѣнскій конгрессъ позаботился передать всѣ дѣла о евреяхъ рѣшенію германскаго сейма, то-есть отложилъ въ дальній ящикъ исполненіе всѣхъ прекрасныхъ обѣщаній. Первыми преслѣдователями евреевъ явились «вольные» города Гамбургъ и Франкфуртъ на Майнѣ; въ Пруссіи за гражданскую равноправность евреевъ ревностно ратовалъ государственный канцлеръ князь Гарденбергъ, но наступившая вскорѣ реакція увлекла и Пруссію въ свой широкій потокъ. Какая странная неурядица въ понятіяхъ господствовала во времена Фридриха-Вильгельма III, показываетъ фактъ закрытія нѣсколькихъ еврейскихъ храмовъ за то, что они ввели въ свое богослуженіе органъ, хоровое пѣніе, проповѣдь и молитвы на нѣмецкомъ языкѣ. Въ литературѣ, между тѣмъ, шелъ оживленный споръ объ еврейскомъ вопросѣ, который вскорѣ появился и на конституціонной аренѣ, въ южно-нѣмецкихъ парламентахъ. Однако тогдашніе либералы отстаивали права евреевъ не единодушно, и даже такой прославленный прогрессистъ, какъ Роттекъ, защищалъ ограниченіе евреевъ въ гражданскомъ отношеніи.

Гораздо рѣшительнѣе вступили въ борьбу прусскіе либералы. Въ 1847

году собрался такъ-называемый «общій ландтагъ» (vereinigter Landtag), въ которомъ, несмотря на его сословный составъ, либеральная партія оказалась, къ общему изумленію, весьма сильною, придавъ всему собранію рѣшительно конституціонный характеръ. Этому ландтагу представили законъ 'объ опредѣленіи отношеній евреевъ къ государству и обществу, законъ, соотвѣтствовавшій намѣреніямъ короля Фридриха-Вильгельма IV, политическіе идеалы котораго, какъ извѣстно, черпались изъ среднихъ вѣбовъ. Какъ часто бываетъ со всѣми деспотами, старающимися удержать колесо прогресса, Фридриху-Вильгельму IV пришлось уступить напору современныхъ идей. Въ недавно обнаруженномъ четвертомъ томѣ оставшагося послѣ Фарнгагена дневника, авторъ рассказываетъ про этого короля анекдотъ, очень хорошо характеризующій его образъ мыслей, когда онъ былъ наслѣднымъ принцемъ. Въ замѣткѣ, помѣченной июлемъ 1826 года, Фарнгагенъ говорить, что наслѣдный принцъ находитъ неудобнымъ,—что низшія сословія, *посредствомъ прилежанія и образованія*, становятся съ каждымъ днемъ все болѣе на равную ногу съ высшими и даже превосходятъ ихъ; онъ желалъ бы разные классы обществъ различить и наружнымъ образомъ, по одеждѣ и т. п., хотя и сознается въ возможности ввести эти отличія. Такъ говорилъ онъ во время своего посѣщенія, вмѣстѣ съ супругою, фрейлины фонъ-Бишофсвердеръ; тутъ же онъ очень радовался, что фрейлина замѣнила прежнюю служанку новою, одѣвавшемою въ платья стараго покроя.

Этотъ анекдотъ весьма характериченъ. Король совершенно вѣрно понималъ, что старая сословная система должна разрушиться, если низшіе классы станутъ стремиться стать на равную ногу съ высшими. Но этого равенства и даже превосходства надъ высшими классами достигаютъ онѣ «посредствомъ прилежанія и образованія», и король долженъ былъ, поэтому, придти къ странному убѣжденію, что прилежаніе и образованіе—естественные враги его государственныхъ идеаловъ, и что духъ современной жизни и стремленія лучшихъ людей клонятся къ тому, чтобы распространить въ низшихъ классахъ прилежаніе и образованіе.

Именно еврейскій вопросъ особенно интересовалъ короля. Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ, занялся онъ составленіемъ приказа о запрещеніи евреямъ называться христіанскими именами, однако этотъ актъ въ свѣтъ не появился; и напротивъ, скорѣ отмѣнили указъ о запрещеніи евреямъ вступать въ службу въ гвардейскій корпусъ. Проектъ закона, представленный ландтагу, содержалъ, однако, три ретроградныя мѣры, прямо противорѣчившія требованіямъ народа и общественнаго мнѣнія: учрежденіе еврейскихъ корпорацій (не религіозныя общины, но дѣйствительныя корпораціи—«жидовства»

Judenschaften), лишеніе евреевъ правъ занимать мѣста учителей въ христіанскихъ школахъ и такіа государственныя должности, которая даютъ чиновникамъ начальныя права, наконецъ, ограниченіе правъ евреевъ въ Познани.

Вся либеральная партія въ общемъ ландтагѣ, въ числѣ которой находились люди, до сихъ поръ занимающіе почетное мѣсто на политической аренѣ, возстала какъ одинъ человекъ противъ королевскихъ нововведеній, — и если побѣда выпала все-таки на долю противника, то лишь большинствомъ въ *одномъ* голосѣ. Этотъ замѣчательный фактъ ясно доказывалъ, что евреямъ не придется долго ждать полной гражданской равноправности, но никому и въ голову не приходило, что новое рѣшеніе поступить почти вслѣдъ за введеніемъ королевскаго указа въ жизнь. Наступилъ 1848 годъ и буря революціи снесла всѣ плотины, отдѣлявшія евреевъ отъ христіанъ; двадцатилѣтній споръ былъ забытъ и отброшенъ въ сторону, евреи избраны въ члены германскаго парламента и однимъ изъ вице-президентовъ послѣдняго назначенъ еврей Риссеръ, сдѣлавшійся въ слѣдующемъ году министромъ въ кабинетѣ эрцгерцога Юганна. Такъ, фактически, рѣшенъ былъ еврейскій вопросъ. *Основныя права* нѣмецкаго народа, установленныя парламентомъ еще до составленія конституціи, появились 21-го декабря 1848 года, въ качествѣ общаго государственнаго закона, и шли, по вопросу о терпимости, дальше французской деклараціи о правахъ человека, ибо нѣмецкая декларація не признаетъ государственной церкви. Какъ бы то ни было, «основныя права» не признаны тремя крупными германскими государствами: Австріею, Пруссіею и Баваріею, а реакціонный германскій сеймъ 1851 года даже прямо отвергъ ихъ; однако равноправность евреевъ передъ закономъ успѣла уже проникнуть въ государственныя уложенія отдѣльных нѣмецкихъ государствъ и она существуетъ до сихъ поръ въ Пруссіи, хотя съ нѣкоторыми ограниченіями, которыя внесены въ жизнь искусствомъ ретроградовъ извращать смыслъ буквального закона. Въ Англіи допущеніе евреевъ въ парламентъ узаконено лишь въ 1860 году. Въ Австріи эманципація евреевъ состоялась въ силу конституціи 24-го декабря 1867 года и церковныхъ законовъ 25-го мая 1866 года. Въ Венгріи евреи приобрѣли равноправность лишь съ 25-го декабря 1867 года, въ Италіи со дня изданія конституціи итальянскаго королевства, въ Дании въ силу конституціи 6-го іюня 1849 года, а въ Швеціи въ силу конституціонной реформы 1866 года, но съ нѣкоторыми ограниченіями.

Изъ всего этого историческаго очерка очевидно, что эманципація евреевъ постоянно была однимъ изъ пунктовъ либеральной программы. Нынѣ же, какъ упомянуто выше, нападеніе на евреевъ означаетъ изъ либеральнаго лагера, и притомъ изъ самаго либеральнаго. Какъ

объяснить подобное явление, первые слѣды котораго можно отыскать въ прошлыхъ десятилѣтїяхъ? Уже въ 1842 году возставала противъ евреевъ одинъ изъ радикальнѣйшихъ поборниковъ молодой гегелианской школы, Бруно Бауэръ, подвергавшійся за свой либерализмъ многократнымъ преслѣдованїямъ и линившійся, наконецъ, профессорской меедрн. Рихардъ Вагнеръ былъ, какъ извѣстно, тоже радикаломъ, и, какъ участникъ дрезденскаго возстанїя 1850 года, принужденъ былъ провести нѣсколько лѣтъ въ изгнанїи. Другой радикалъ, депутатъ Циглеръ издалъ въ концѣ пятидесятихъ годовъ собранїе поэтесей, подъ заглавїемъ: «Nonium», въ которомъ онъ относится къ евреямъ весьма недружелюбно. Циглеръ считаетъ полную эманципацию евреевъ въ Германїи дѣломъ рѣшительно невозможнымъ, потому что они постоянно приобрѣтаютъ новыя силы изъ Польши. Это обстоятельство, утверждаетъ Циглеръ, препятствуетъ такому полному усвоенїю евреевъ Германїею, какое совершается въ Англии и Франціи, у которыхъ нѣтъ такой еврейской сосѣдки, какъ Польша. Особенно сильно поразило всѣхъ нападенїе на евреевъ со стороны извѣстаго профессора Вирхова. Его всегда считали однимъ изъ лучшихъ представителей отвѣченнаго мышленїя, онъ привыкъ прилагать неумолимо рѣзкую критику ко всякимъ научнымъ и политическимъ предразсудкамъ, — и вдругъ, этотъ самый критикъ оказывается ненавистникомъ евреевъ! Долго этотъ фактъ оставался подъ спудомъ, но кому-то пришло въ голову спросить, отчего это въ клиникѣ Вирхова нѣтъ ни одного ассистента изъ евреевъ? Вирховъ защищался сперва разными отговорками, но наконецъ рѣшился высказать открыто всѣ свои предразсудки противъ еврейскаго племени. Его лекція объ этомъ предметѣ распространилась, путемъ печати, во всѣ концы Германїи; Вирховъ утверждаетъ евреевъ въ томъ, что они, будучи самостоятельнымъ народомъ, никогда не заводили госпиталей, а разсѣявшись по всему міру не имѣли никакого благотѣльнаго влїянїя на уходъ за больными. Лишь благодаря христіанству, говоритъ онъ, основаны всѣ учрежденїя для больныхъ. Само собою разумѣется, что лекція Вирхова только подлила масла въ потухавшїи снѣръ.

Въ обоихъ случаяхъ, какъ у Вагнера, такъ и Вирхова, были личные мотивы противъ евреевъ. Вагнеръ увѣренъ, что не будь евреевъ, не было бы никакой оппозиціи противъ его музыкальныхъ нововведенїй, что во всѣхъ его неудачахъ виновата «еврейская критика». Съ Вирховомъ тоже могло случиться нѣчто подобное къ его практикѣ. Онъ можетъ быть, что всѣ личныя сдѣленїя профессора съ врачемъ нѣтъ сомнѣнїя приносили ему только одну досаду, и нельзя не признать того факта, что наливъ евреевъ въ медицинскую профессїю можетъ казаться христіанскимъ явраемъ таковыя же національнымъ блѣдомъ,

какимъ кажется купцамъ наливъ евреевъ въ дѣло торговли. Но этотъ наливъ потому только и тягостенъ, что другія профессии закрыты для евреевъ. Громадныя богатства, наживаемыя евреями на биржахъ, и ихъ господство на денежномъ рынкѣ могутъ возбуждать опасенія болѣе серьезнаго свойства, но рѣшающимъ факторомъ въ этотъ вопросъ все-таки является, если не признавать даже никакихъ требованій гуманности и справедливости, самая бесплодность всякихъ преслѣдованій и стѣснительныхъ мѣръ противъ евреевъ, достаточно доказанная 2,000-лѣтнимъ опытомъ. И такъ какъ приходится идти или путемъ ограниченій, или путемъ освобожденія, то всякій мыслящій политикъ не можетъ не согласиться съ тѣмъ, что при настоящемъ положеніи вещей, всякій шагъ назадъ способенъ лишь ухудшить положеніе обществъ вообще, и что поэтому лучше идти впередъ и по вопросу объ освобожденіи евреевъ.

Изъ новыхъ явленій въ беллетристической литературѣ, первое мѣсто занимаетъ новый романъ Шнильгагена¹⁾: «Молотъ и наковальня» (Hammer und Amboss), печатавшійся сперва на столбцахъ одной вѣнской газеты. Со времени своего появленія на литературномъ поприщѣ, Шнильгагенъ постоянно, какъ въ первомъ своемъ романѣ: «Загадочная натура» (Problematische Naturen), такъ и во всѣхъ другихъ черпаетъ свои матеріалы изъ современной общественной и политической жизни, всегда являясь ревностнымъ поборникомъ прогрессивныхъ идей, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ аристократизма; сочувствіе къ аристократіи проявляется главнымъ образомъ въ томъ, что представители прогрессивныхъ идей обладаютъ у Шнильгагена всѣми «рицарскими доблестями». Они высокаго роста, красивы, сильны, ѣздятъ верхомъ, плаваютъ, стрѣляютъ, отлично танцуютъ и возбуждаютъ природныя аристократовъ на ихъ собственномъ полѣ. Весьма быть можетъ, что это лучшее средство уничтожить обаяніе аристократіи, особенно въ глазахъ женскаго пола (преимущественно въ Германіи). Герой новаго романа появляется на сцену весьма молодымъ человѣкомъ. Недовольный строгимъ воспитаніемъ въ гимназій, онъ убѣгаетъ отъ отца. Судьба приводитъ его къ знатному человѣку, который по невольному влеченію принимаетъ въ немъ живое участіе, и у него-то обучается онъ аристократическимъ манерамъ. Эти сцены происходятъ на островѣ Рюгенѣ, на берегу Помераніи, и отличаются мастерскимъ и талантливымъ изображеніемъ природы и людей. Дѣйствіе происходитъ въ 20-хъ годахъ, когда Рюгенъ былъ складочнымъ мѣстомъ обширной контрабандной

¹⁾ Издаваемый въ книгѣ томъ въ Шверинѣ книгопродавецъ Галдебрандтомъ.

торговли съ материками. Дворянинъ, къ которому пошелъ нашъ герой, занимается контрабандою, и молодой человекъ приходитъ скоро въ столкновение съ закономъ, подвергается суду, и его приговариваютъ къ продолжительному заключенію въ тюрьмѣ. Въ тюрьмѣ онъ встрѣчаетъ добраго директора, и научается тому, чего еще до сихъ поръ ни зналъ, научается *работать* и работою пробивать себѣ дорогу въ жизни. Отказываясь отъ всякой посторонней помощи, отъ кого бы она ни исходила, онъ начинаетъ свою жизнь «съ самаго низу», знакомится при этомъ съ рабочими, и поднимаясь мало-по-малу все выше и выше, спускается на мысль, пущенную въ ходъ современною жизнью, о необходимости даровать рабочему право на участіе въ прибыли работодателя; англичане придумали для нея даже особенное техническое выраженіе «*industrial partnership*». Не говоря о томъ, что эта мысль является въ романѣ анахронизмомъ, такъ какъ въ то время, когда происходитъ дѣйствіе въ романѣ, никто еще и не думалъ ни о чемъ подобномъ, самая мысль проведена у Шпильгагена слишкомъ легко и поверхностно, что объясняется, впрочемъ, крайней трудностью самой задачи. Не слѣдуетъ думать, однако, что политическія и общественныя тенденціи лишили романъ поэтической привлекательности. Совершенно напротивъ; романъ читается съ большимъ интересомъ и полонъ разныхъ пріключеній.

Любителямъ музыки въ Россіи можно рекомендовать прекрасную исторію музыки, вышедшую изъ-подъ пера извѣстнаго музыкальнаго критика и историка, Науманна ¹⁾, пріобрѣтшаго нѣкоторую извѣстность и въ качествѣ музыкальнаго композитора. Авторъ хочетъ показать вліяніе музыки на общую культуру и опредѣлить ее этическое значеніе. Въ первомъ, только-что обнародованномъ полutomѣ (а весь трудъ составить два полныхъ тома), Науманнъ разсматриваетъ отношеніе музыки къ формамъ и развитію умственной жизни.

Писать теперь изъ Берлина и не упомянуть объ открытіи «акваріума», значило бы упустить изъ виду главный предметъ всеобщихъ разговоровъ. Несомнѣнно, что этотъ акваріумъ не восьмое чудо въ мірѣ, какъ увѣряютъ слишкомъ восторженные хвалители, однако онъ все-таки весьма замѣчательенъ и заслуживаетъ вниманіе всѣхъ иностранцевъ, посѣщающихъ прусскую столицу. Парижская всемірная выставка первая указала на красоту и научную пользу акваріумовъ; по парижскому образцу, отчасти также по лондонскому, гамбургскому и ганноверскому, рѣшено было устроить акваріумъ и у насъ, такъ чтобъ онъ соединялъ въ себѣ все, что есть прекраснаго въ другихъ акваріумахъ. Съ этою цѣлью образовалось въ 1867 году акціонерное

¹⁾ Die Tonkunst in der Culturgeschichte. Von Emil Naumann. Berlin. 1869.

общество для сбора необходимаго на этотъ предметъ капитала; общество вскорѣ приобрѣло кусокъ земли въ самомъ многолюдномъ и назидномъ кварталѣ города, на главной улицѣ: «Unter den Linden», и приступило къ постройкамъ. Архитекторъ желалъ вступить въ рѣшительное соперничество съ природою, и придумалъ устроить полу-подземный ландшафтъ, въ которомъ можетъ найти себѣ приютъ все, что ползаетъ, плаваетъ, ходитъ или летаетъ: для рыбъ копали колоссальный бассейнъ, для змѣй дѣлали ящики, для птицъ «вольеры», — повсюду романтическіе, то мрачныя, то радужныя гроты и ходы, шумъ падающей воды, превосходныя перспективы и чудесныя свѣтлыя эффекты. Къ сожалеанію, аквариумъ еще не готовъ, и если открыть для публики, то вовсе не по желанію предпринимателей удовлетворить поскорѣе любопытство иностранцевъ (какъ увѣряетъ акціонерное общество), а по недостатку средствъ для покрѣтїя всѣхъ расходовъ на устройство аквариума. И очень можетъ быть, что это обложеніе публики налогомъ удастся гораздо лучше, чѣмъ то повудительное обложеніе, которое должно было пополнить пустыя кассы сѣверо-германскаго союза.

Говорятъ, что въ правительственныхъ сферахъ господствуетъ сильное негодованіе противъ невѣжливаго обращенія парламента съ «музами» графа Бисмарка; — такъ называются отвергнутыя законы о налогахъ, потому что число ихъ — девять — напоминаетъ число музъ. Но другихъ средствъ приобрести деньги не существуетъ, и правительству придется вскорѣ затянуть болѣе покорную пѣсню, если оно желаетъ получить необходимыя для него милліоны. Нужда въ деньгахъ въ государственной казѣ всегда доставляла народамъ новыя права или расширяла старыя.

и

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ

І Ю Н Ъ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Общепонятныя естественно-научныя, гигиеническія и медицинскія сочиненія. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей докт. мед. С. Ловцова. Выпускъ I-й. Спб. 1869.

Популяризировать естественныя науки (гигиена и медицина суть не что иное, какъ естественныя науки въ приложеніи) можно двоякимъ образомъ, смотря по тому, какія дѣли и какіе читатели или слушатели имѣются въ виду. Если имъ желаемъ просто сообщать, пропагандировать естественно-научныя знанія, то намъ достаточно вооружиться ученымъ авторитетомъ и устами его разбрасывать направо и налѣво научныя истины,—мы можемъ въ этомъ случаѣ принять на себя роль учителя-догматика и надѣяться привлечь къ себѣ публику однимъ лишь интересомъ или новизною собраныхъ нами свѣдѣній. Подобный маневръ обыкновенно удается. Обыкновенная, большая публика *знаетъ*, даже въ самыхъ образованныхъ странахъ, весьма мало, да и то въ формѣ крайне неопредѣленной, бесвязной;—она легко обивается съ толпу, легко вѣрить всему, что исходитъ изъ рукъ людей оффициально-компетентныхъ или носить на себѣ печать ученой мудрости. Но привыкая на вѣру разныя свѣдѣнія, публика не приобретаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможности прилагать ихъ

къ потребностямъ своей жизни и ждетъ, чтобы тѣ же магическія уста возвѣстили ей, и всѣ практическіе выводы. (Безъ этихъ выводовъ всѣ знанія становятся для нея пустою забавою. Популярная публичная лекція или статья, преслѣдующая одни лишь догматическія дѣли, то-есть, желающая скорѣе изумить чѣмъ научить слушателей или читателей, непременно обязаны облечься въ мантию практической пользы и *соотвѣтствовать* профанамъ воспользоваться приобретенными свѣдѣніями для непосредственнаго приложенія къ обыденной жизни. На развитіе мысли, на поднятіе умственнаго уровня въ обществѣ, подобное популяризованіе притязаній имѣть не можетъ; однако нельзя отказать ему и въ полезности.

Какъ бы то ни было, въ публикѣ есть стремленіе не только къ такъ-называемымъ практическимъ знаніямъ, но и къ знанію болѣе серьезнаго свойства, — къ такому знанію, которое передаетъ ей науку не какъ нѣчто недоступное по излишней своей высотѣ или глубинѣ, но какъ сводъ ясныхъ и простыхъ положеній въ родѣ дважды два четыре. Вся грамотная часть публики, неразвѣщенная легкомысленнымъ отношеніемъ къ дѣлу серьезной мысли и знающая четыре правила арифметики, способна понимать науку также хорошо, какъ и записные ученые, стоитъ только позаботить-

ся о томъ, чтобы форма передач и выборъ преподаваемого предмета совпадали съ упомянутымъ уровнемъ развитія читателей. Приобрѣтая знаніе общихъ выводовъ науки и приобретаемая ихъ такимъ образомъ, что они обогащаютъ не память только, но и главнымъ образомъ умъ, грамотная публика приобретаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ способность самостоятельно мыслить, прилагать общіе выводы къ частнымъ случаямъ, подвергать ихъ разумному опыту, — однимъ словомъ, развивать свои умственные силы.

Книга, изданная г. Ловцовымъ, состоитъ изъ пяти статей, и изъ нихъ только одна: «о первомъ возникновеніи органическихъ существъ и дробленіи ихъ на виды» — можетъ быть причислена къ разряду не-догматическихъ. Но эту статью нельзя признать популярною, такъ какъ она требуетъ кое-какого предварительнаго знакомства съ теоріею Дарвина. Сверхъ того, эта статья слишкомъ устарѣла; цѣлая четверть ея посвящена разсужденіямъ о самозарожденіи и похвалямъ Пастѣру, достовѣрность опытовъ котораго подверглась еще такъ недавно сильному сомнѣнію, вслѣдствіе прекрасныхъ работъ Пуше и другихъ приверженцевъ самозарожденія.

Изъ остальныхъ статей: «питательныя и непитательныя вещества» проф. Вирхова, «о вліяніи климата на человѣка» д-ра Опшайнгеймера, «объ употребленіи болеутоляющихъ средствъ вообще и хлороформа въ частности» проф. Вебера, «алкоголь и спиртные напитки» д-ра Меллера, — только три первыя заслуживаютъ вниманія; послѣдняя же интересна лишь по одному заглавію. Неизвѣстный докторъ Меллеръ наговорилъ въ этой статьѣ въ 33 странички обо всемъ, что касается не только до употребленія спиртныхъ напитковъ, но и до приготовленія ихъ; онъ говоритъ и объ алкоголѣ, и о водкѣ, и о виноградномъ винѣ, и о пивѣ, и о самопеченіи, и о налогахъ на спиртные напитки, о разныхъ средствахъ противъ пьянства. Но все это изложено такъ поверхностно и кое-какъ, что читатель не извлечетъ изъ статьи и той пользы, какую должны доставлять ему популяризаторы-догматики. Есть въ этой статьѣ и грубыя ошибки, которыя могъ бы поправить русскій редакторъ. Меллеръ утверждаетъ, напримѣръ, что алкоголь (стр. 140) быстро разлагается въ крови, причемъ измѣненіе, которое претерпѣваетъ онъ, «состоитъ

безъ сомнѣнія, въ окисленіи (горѣніи) и постепенно превращается въ альдегидъ, и сусную кислоту и наконецъ въ углекислоту и воду». Таково было мнѣніе Либиха къ началу тому назадъ, когда этотъ знаменитый мѣкъ создалъ свою теорію о раздѣленіи пищевыхъ веществъ на питательныя и непитательныя. Послѣ того, въ 1853 году прамышленникъ Духекъ старался подтвердить эту теорію прямыми опытами надъ животными, работа нашего физиолога, проф. Сѣченова: «материалы для будущей физиологии алкоголя» опьяненія», окончательно подорвалъ довѣріе къ сочиненію Духека. Изъ своихъ многочисленныхъ опытовъ, г. Сѣченовъ пишетъ (стр. 75 «Материаловъ»), что «выбѣнная масса алкоголя поступаетъ въ кровь и оседаетъ въ ней безъ химическаго измѣненія; доказываетъ, сверхъ того, что алкоголь ходитъ изъ организма неизмѣненнымъ членомъ и ночью, — у него есть, наконецъ, опытъ, дающій понять, какимъ образомъ измѣненный алкоголь носится, вмѣстѣ съ кровью по кровеноснымъ сосудамъ. Окисленія алкоголя въ крови не происходитъ по той же причинѣ, «что количество волеводородной крови кислорода не измѣняется отъ пріема къ ней алкоголя даже въ дозахъ, выходящихъ тѣ, которыя могутъ выдѣляться въ этой жидкости у пьянаго животнаго» (стр. 26 «Матер.»). Сочиненіе г. Сѣченова вышло въ 1860 г., и если Меллеръ не имѣетъ о немъ никакого понятія, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что и г. Ловцовъ можетъ имъ пренебречь. Говорить объ экономическихъ выгодахъ, которыми испещрена статья Меллера (на стр. 141), пошлнна на заторъ можетъ, буди при извѣстныхъ обстоятельствахъ, и чувствительный ущербъ сельскому хозяйству: гнать воду изъ картофеля — вродь годнѣ земледѣльцу, чѣмъ гнать его изъ зерноваго хлѣба, — не стоитъ, такъ какъ известно, что врачи почти всегда отличались крайнимъ невѣжествомъ во всемъ, что касается ихъ специальности. Даже Вирховъ, въ книгѣ г. Ловцова, на стр. 6, перечисляетъ главные способы добыванія нитри, къ которымъ онъ относитъ и торговлю; — такимъ образомъ, по Вирхову, значить добывать.

Какъ статья гигиеническая, сочиненіе Вирхова превосходно какъ по изложенію, такъ

и содержанию. Свой предмет знаменитый профессор излагает весьма отчетливо, пользуясь всеми данными современной науки. Къ сожалѣнью, нѣкоторые софиты Вирхова падаютъ на бесплодную почву по волѣ русскаго издателя. Такъ, Вирховъ убѣдительно показываетъ, что мясной супъ или бульонъ не можетъ быть причисленъ къ тому разряду питательныхъ веществъ, который служитъ намъ для питанія, а для наслажденія. «Супъ есть предметъ роскоши, который постоянно есть только богатымъ». Людямъ средняго и низшаго класса народа, «у которыхъ мясо, прежде для приготовления бульона, часто составляетъ единственное мясное блюдо за ихъ обѣдомъ», Вирховъ совѣтуетъ «оставить столь единственное приготовленіе ихъ кушанья», и при приготовленіи бульона «мясо теряетъ большую часть своей питательности», и «становится такимъ же «тяжелымъ испытаніемъ», какъ и бѣлокъ въ крутыхъ яйцахъ» (стр. 19). Замѣчанія о бульонѣ Вирховъ сообщаетъ, главнымъ образомъ, людямъ, дѣйствительно нуждающимся въ благоразумномъ совѣтѣ профессора, и статья его продается въ Германіи не менѣе по рублю серебромъ. Мы не упрекаемъ Доктора въ назначеніи этой цѣны, такъ какъ въ ней онъ даетъ намъ не одну статью науки, — однако мы не можемъ выразить своего сожалѣнія о томъ, что эта статья не продается отдѣльно по цѣнѣ болѣе доступной. Для большаго читателя, могущаго платить по рублю за сборникъ разныхъ популярныхъ статей, безусловно находится въ столь благопріятныхъ обстоятельствахъ, что можетъ доставить себѣ такую роскошь, какъ супъ и коронное блюдо мяса. Правда, что и достаточные средства могутъ воспользоваться этимъ совѣтомъ и замѣнить наслажденіе бульономъ какою-нибудь инымъ наслажденіемъ, — англійскій, напримеръ, кушаютъ супъ лишь изрѣдка, — но все-таки совѣтъ Вирхова останется единственнымъ для тѣхъ, кому онъ предназначенъ самимъ авторомъ. Другія сообщенія профессора найдутъ, вѣроятно, полное примѣненіе. Всѣ, кто прочтетъ тѣ страницы, гдѣ раздается вопросъ о томъ, «требуетъ ли жара работы», и гдѣ описываются вредныя дѣйствія недостаточнаго переваренія пищи и веществъ, убѣдятся навѣрное, что «хлѣбъ вовсе не лучше бѣлаго, а на-

противъ хуже его, что свѣжіе плоды перевариваются въ организмѣ труднѣе вареныхъ, что вареное или жареное мясо здоровѣе сырого, и что какую бы пищу ни пришлось употребить, ее слѣдуетъ хорошенько пережевывать.

Къ веществамъ непитательнымъ Вирховъ причисляетъ, кромѣ левасты и адовъ, всѣ вещества, доставляющія намъ наслажденіе посредствомъ или простого возбужденія, или одурманенія, или посредствомъ освѣженія. Онъ окончательно отвергаетъ употребленіе одуряющихъ веществъ, высказывая при этомъ опасеніе, что и въ потребленіи просто возбуждающихъ веществъ «трудно соблюдать мѣру». Онъ желалъ бы замѣнить водку «простыми сортами вина и пива», а мясной бульонъ однимъ кофе. Возбуждающія средства, впрочемъ, служатъ не однимъ лишь предметомъ наслажденія, такъ какъ «они пробуждаютъ дремлющія дѣятельности». Они не могутъ создать новаго силъ, но они могутъ «оживить» имѣющіяся силы. «Усталый членъ, усталый работникъ» (говоритъ Вирховъ) могутъ найти въ возбуждающемъ средствѣ новыя силы, потому что оно производитъ въ нихъ возбужденіе, которое безъ него не явилось бы. Вотъ въ чемъ тайна и вмѣстѣ съ тѣмъ благотворное дѣйствіе нѣкоторыхъ возбуждающихъ средствъ, вслѣдствіе чего они становятся не просто предметомъ наслажденія, а до нѣкоторой степени рабочими средствами. При умѣренномъ потребленіи они могутъ быть въ этомъ смыслѣ очень полезны. Но не надо забывать, что это не пища и что всякая сила, вызванная къ дѣятельности возбуждающимъ средствомъ, требуетъ двойной доставки веществъ, вознаграждающихъ потерю тѣла, чтобы организмъ не истощался. Итакъ, если кто желаетъ, чтобы его рабочіе усердно работали, пусть не жалѣетъ для нихъ чарки водки.

Въ статьѣ доктора Опенгеймера есть тоже нѣсколько весьма полезныхъ замѣчаній, особенно о значеніи одежды въ гигиеническомъ отношеніи. Одежда—это «переносный климатъ», такъ какъ она даетъ человѣку возможность примѣняться ко всѣмъ колебаніямъ температуры воздуха, не подвергая своихъ органовъ всѣмъ превратностямъ климата. Дѣйствіе одежды на организмъ, въ разные времена года, измѣняется съ вѣсомъ. Зимой человѣкъ одѣ-

дасть на себя по крайней мѣрѣ, вдвое болѣе (но вѣсу) одежды, чѣмъ лѣтомъ. Одежда имѣетъ вліяніе не только на сохраненіе теплоты въ тѣлѣ, но и на испареніе воды чрезъ кожу. Основываясь на этихъ общихъ данныхъ, Оппенгеймеръ даетъ нѣсколько практическихъ совѣтовъ. Разсужденія его о климатѣ ограничиваются, впрочемъ, вліяніемъ одной лишь температуры и влажности воздуха, объ общемъ видѣ природы онъ не говоритъ ни слова. Оппенгеймеръ сильно порицаетъ врачей, не возстающихъ противъ извѣстнаго предрассудка о дѣлительномъ свойствѣ южнаго климата: Самъ по себѣ, южный климатъ недостаточенъ для исцѣленія больныхъ, и если слабыя, малокровныя особы чувствуютъ себя на югѣ лучше, чѣмъ на сѣверѣ, то только въ тѣ мѣсяцы, когда на сѣверѣ бываетъ холодно, то-есть, когда человѣку приходится расходовать слишкомъ много силъ къ поддержанію своей собственной теплоты. Конечно, этотъ расходъ вознаграждается усиленнымъ потребленіемъ пищи, но слабые люди, въ большей части случаевъ, обладаютъ и плохимъ желудкомъ, а слѣдовательно, въ извѣстное время года имъ лучше жить въ такомъ климатѣ, гдѣ желудокъ не подвергается излишнимъ усиліямъ. Новыхъ силъ южный климатъ не даетъ, и больныхъ, не подающихъ надежды на выздоровленіе, излѣчивать не можетъ.

Большую пользу обыкновенному читателю принесетъ статья Вебера объ употребленіи хлороформа во время производствъ хирургическихъ операцій. Почтенный авторъ не распространяется ни о приготовленіи хлороформа, ни объ историческомъ происхожденіи его, но за то весьма обстоятельно и съ знаніемъ дѣла рассказываетъ о дѣйствіяхъ его на организмъ, о пользѣ и опасностяхъ его болеутоляющихъ свойствъ. Всѣ замѣчанія Вебера основаны на личныхъ наблюденіяхъ надъ людьми и на многихъ опытахъ надъ животными. Познакомившись съ его статьею, вы легко поймете, что авторъ совершенно правъ, когда онъ говоритъ, что «употребленіе хлороформа принадлежитъ къ числу величайшихъ благодѣяній, которыя XIX-е столѣтіе оказало страждущему человечеству». Въ самомъ дѣлѣ, съ введеніемъ хлороформа въ хирургию, въ ней нѣтъ уже невозможныхъ операцій; больные, страдающіе опасными недугами, излѣченіе которыхъ не-

возможно безъ операцій, могутъ теперь ими подлагаться на то, что опытный операторъ сдѣлаетъ надъ ними неловкихъ движеній, жомъ, и чѣмъ-нибудь удастся перенести даже болѣе операцію почти безъ всякой боли. Между тѣмъ кому изъ врачей не случилось встрѣчаться болными, болѣющими оттого только, что въ время не рѣшились на операцію, изъ боя передъ болью и передъ возможностью оштрафовать хирурга? «Хуже самой боли, говоритъ Веберъ, мысль о предстоящемъ страданіи, происходящей оттого, часто непреодолимый страхъ. Многие больные съ трепетомъ и сомнѣніемъ ждутъ по дѣлнымъ недѣлямъ самой стой операціи, постоянно откладываютъ ее боязнію боли и часто доводятъ до того, что конецъ уже поздно дѣлать операцію... Темъ мы можемъ положительно обѣщать болныхъ, что онъ проведетъ часъ муки въ припадкѣ сна... Я убѣжденъ, что въ будущемъ съ надежными излѣченіями стануть повторяться гораздо чаще, потому что больные, успѣвъ насчетъ страданія при операціи, будутъ рѣшительнѣе поддаваться на основательное излеченіе больныхъ частей ихъ тѣла».

Но при употребленіи хлороформа слѣдуетъ тщательно слѣдить за состояніемъ операціи, маго больного, такъ какъ хлороформъ можетъ быть причиною смерти. Правда, въ продолженіи слѣдующихъ 20-лѣтнихъ употребленій этого средства, изъ многихъ тысячъ оперируемыхъ, погибли отъ хлороформа только 150 лицъ, такъ что опасность употребленія хлороформа, принятаго для излеченія смертельной болѣзни, меньше опасности ѣздки по желѣзной дорогѣ на конуртѣ уса, — однако и это, повидимому, весьма важное обстоятельство, можетъ произойти въ которыхъ-нибудь изъ этихъ случаевъ, которыми подвергнутся опасности операціи. По тщательномъ изслѣдованіи этихъ 150-ти несчастныхъ случаевъ, оказалось, что многие изъ нихъ произошли вслѣдствіе того, что хлороформировали людей, страдающихъ болѣзнями сердца и склонныхъ къ морокамъ; другіе случаи смерти отъ хлороформа произошли вслѣдствіе значительной потери крови во время операціи. Авторъ статьи самому пришлось присутствовать при одномъ подобномъ случаѣ въ С.-Петербурѣ въ 1861 году. У молодого парня была онъ

рыловая опухоль на одномъ изъ плечей; профессоръ хирургіи рѣшился отнять ее — подъ вліяніемъ хлороформа, во время сна, больной заснулъ на-вѣки. Всѣ усиленныя (употребляли, между прочимъ, и гальваническія токи) пробудить его оказались безуспѣшными. По всей вѣроятности, хлороформъ въ этомъ случаѣ проявилъ свое опасное вліяніе только вслѣдствіе значительной потери крови. Обвинять профессоровъ въ неумѣльности бы крайне странно. Если бы ни было, въ послѣдніе 10 лѣтъ, столько случаевъ Вебера, сдѣлано столько улучшеній въ употребленіи хлороформа при операціяхъ, придумано столько способовъ возвращенія жизни удушенныхъ подъ вліяніемъ хлороформа (смерть отъ хлороформа — все равно смерть отъ задушенія), что смерть отъ неосторожнаго употребленія стала явленіемъ довольно редкимъ, и число такихъ несчастныхъ случаевъ мало уменьшается.

Въ настоящее время хлороформъ нерѣдко

употребляютъ при родахъ, чтобъ избавить женщину отъ напрасныхъ страданій. Веберъ признаетъ пользу хлороформа въ этихъ случаяхъ, и сильно возмущается противъ суевѣрнаго и ханжескаго предразсудка, распространеннаго въ обществѣ относительно избавленія женщины отъ такъ-называемой «библейской» муки. Многие воображаютъ, что родить безъ боли — грѣшно, и есть не мало духовныхъ особъ, убежденныхъ въ томъ, что употребленіе хлороформа при родахъ противно предписаніямъ религіи и чуть ли не ниспровергаетъ весь авторитетъ библіи. Но эти разсужденія напоминаютъ собою догматическій споръ изъ-за шарообразности нашей планеты, а также анисеми, надорвавшаяся во время оной на голову такихъ людей, какъ Коперникъ, Колумбъ, или Галилей. Честь введенія хлороформа, какъ болеутѣляющаго средства при операціяхъ и родахъ, принадлежитъ эдинбургскому профессору хирургіи и акушерства, Симпсону.

Юр. Р.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Ministère de l'Instruction Publique en Russie, adressé à Monsieur le comte D. Tolstol, ministre de l'Instruction Publique. Par D. K. Schédo-ferroti.

Публицистъ, скрывающійся подъ псевдонимомъ Шедо-Ферротти, представляется намъ тѣмъ же Протеемъ. Начавъ свою дѣятельность въ Россіи, когда наше современное общество находилось въ заграничьи, котораго сочиненія (хотя и не были допущены въ наши предѣлы. Но то, во глосчисленію, еще не далеко отъ насъ), еще ходитъ въ курточкахъ, тѣмъ же не менѣе не ставитъ спорить, что это было давно, такъ давно, какъ пятнадцатилѣтнее дѣло, такъ давно, какъ двадцатипятилѣтнее дѣло (сравните это, впрочемъ, вѣрно не во отношеніяхъ). Молодой человѣкъ, только что въ двадцатипятилѣтнемъ возрастѣ, не любитъ вспоминать про періодъ своихъ школьныхъ увлеченій, хорошихъ и дур-

ныхъ, все равно. Онъ еще краснѣетъ за тѣ и за другія. Не такъ онъ будетъ относиться къ этому прошлому лѣтъ еще черезъ пятнадцать, когда самому ему стукнетъ сорокъ лѣтъ. Тогда онъ полюбитъ свое юношество и не только проститъ себѣ увлеченія, если они истекали изъ чистаго источника, но, быть можетъ, поставитъ даже выше своей благопріобрѣтенной житейской мудрости и гражданской сдержанности, нѣсколько-безсвязный, но смѣлый и прямодушный языкъ своей юности. Но этотъ періодъ еще не наступилъ.

Г. Шедо-Ферротти, это — одинъ изъ нашихъ гувернеровъ того давняго періода. Въ настоящее время онъ не можетъ расчитывать на наше расположеніе, потому что мы преимущественно помнимъ о гувернерѣ только то, что ему отдавалось преимущество передъ нашими товарищами, хотя послѣдніе, не будучи гувернерами, ни на какое вознагражденіе за свои глванія претензіи не имѣли и тѣмъ самымъ уже заслуживали снисходительности. Намъ пріятно вспомнить, что гувернеры къ намъ приставленные не были лишены въ некоторомъ легкомис-

дѣя, что жертвы отъ нихъ мы никакой не видали, наконецъ, что будучи уже въ то время людьми практическими и неувлекающимися, они всё, что называется, «мелко плавали».

Вотъ почему, встрѣчаясь съ новымъ урокомъ г. Шедо-Ферротти, мы впередъ предубѣждены противъ него, не хотимъ его заучивать и даже находимъ удовольствіе попрекнуть его непостоянствомъ въ цѣляхъ и переѣчивостью въ положеніи. Г. Шедо-Ферротти былъ допущенъ къ намъ гувернеромъ по части реформы административнымъ путемъ. Онъ первый прочелъ намъ въ печати лекціи о пользѣ „сокращенія дѣлопроизводства“, какъ основанія для всѣхъ дальнѣйшихъ реформъ. Въ то время онъ слылъ либераломъ, и сочиненіе его о бесполезности табели о рангахъ считалось небезопаснымъ въ кругу лицъ пятого класса. Но прогрессъ нашъ скоро обогналъ его, и онъ прослылъ, если не крѣпостникомъ, то во всякомъ случаѣ «противъвѣромъ» (помните ли еще кто-нибудь это выраженіе?). Такъ онъ и состоялъ на счету, пока — опять въ очень скоромъ времени — не былъ снова перечисленъ въ категорію небезопасныхъ, а по увѣренію нѣкоторыхъ органовъ — даже положительно опасныхъ и зловредныхъ враговъ отечества. Тѣмъ не менѣе сочиненія этого опаснаго заграничнаго публициста продолжали допускаться въ Россію. Затѣмъ, когда реформы дѣйствительныя уже прошли глубокую борозду по общественной жизни, о г. Шедо-Ферротти забыли. А такъ какъ онъ самъ напоминалъ о себѣ, то за трудностью отвести для него новое мѣсто, его перевели въ категорію состоящихъ при архивѣ нашихъ порѣшенныхъ дѣлъ. Вотъ этимъ-то родомъ метафорозъ и переходовъ изъ лагеря благонамѣренныхъ въ ряды опасныхъ и наоборотъ, мы и готовы въ настоящее время попрекнуть г. Шедо-Ферротти.

А между тѣмъ, странное дѣло! Какъ возьмешь въ руки нѣсколько его брошюрокъ, отъ нихъ такъ и пахнетъ недавней стариною. Всѣ его книжечки одинаково аккуратненькія, одинаково изѣра-синенькія, одинаково изданы въ одно время въ городѣ Берлинѣ, Unter den Linden, 2, и въ Лейпцигѣ Königsstrasse, 3. И французскій языкъ этихъ брошюрокъ все точно также убѣдительно доказываетъ полное знакомство автора съ самыми витіеватыми оборотами французской рѣчи, какъ французскія

денеши нѣкоторыхъ канцелярій. А русскіе помѣщенныя въ подвалыхъ, подъ черточку все также удивляются, какимъ чудомъ братья *tasotchinetz*, *schinovniki* и др. слыли изъ бельэтажа французскаго текста. Да и держаніе всѣхъ этихъ брошюрокъ, какъ и смотришь ихъ не въ теченіи какихъ-ни тринадцати лѣтъ, а въ продолженіи чаше мени — право, совершенно одинаково, и синенькое, стольже неизмѣнное по цвѣту, и обложка.

Нужно отдать г. Шедо-Ферротти справедливость: онъ вовсе собственно, онъ и нѣкогда нымъ не бывалъ, и въ „орудіе интригъ“ не только по навѣтамъ той родной интриги, но сама пользовалась стольже исключительнымъ вилегированнымъ положеніемъ относительно цензуры внутренней, какъ этотъ публицистъ относительно цензуры иностранной. Г. Шедо-Ферротти съ самаго начала былъ приверженцемъ той теоріи „постепенности“, надъ которой нѣкогда издѣвались, и къ которой рѣшительно пристали нѣкоторые изъ нашихъ, назвавъ ее только другимъ именемъ. Такъ французы, которымъ самое слово *гвардія* при Карлѣ X было столь ненавистно, одобрили *la garde municipale* при Людовикѣ Филиппѣ. „Постепеновщину“ г. Шедо-Ферротти понималъ такъ, что началомъ всего должно быть „сокращеніе дѣлопроизводства“, а по малости — по приблизительному расчету черезъ двѣсти — придетъ и нѣчто уже гораздо крупное. Такъ онъ думалъ и въ началѣ, такъ онъ думаетъ и въ концѣ, въ послѣдній книга его «*Le Nihilisme en Russie*» сомнѣнно о томъ свидѣлствуютъ. Въ это время и все будетъ, надо только изъяснить — вотъ сущность какъ «постепенности» такъ и замѣнившей, но нисколько не замѣнившей ее теоріи о необходимости «примѣнительныхъ успѣховъ въ гражданственности», «предварительнаго возвышенія уровня» — какъ она еще называется.

Предшествующія размышленія невольно называютъ новою встрѣчею съ такимъ знакомымъ, какъ г. Шедо-Ферротти. Объясь затѣмъ собственно къ выше названному брошюру его, мы должны сказать, что развивается мысль, которая заслуживаетъ езнаго разсмотрѣнія и во всякомъ случаѣ чувствія. Г. Шедо-Ферротти, съ даромъ

на мнѣшного публициста, пишетъ г. министр народнаго просвѣщенія, какъ онъ (т. е. г. Шедо-Ферротти), судя по газетнымъ выходящимъ, полагаютъ, что дѣло устройства народныхъ школъ и распространеніе образованія въ народѣ идетъ у насъ успѣшно, и что въ огромномъ большинствѣ селеній школъ нѣтъ, такъ это только потому, что ихъ не удалось завести въ скоромъ времени» (en à la veille d'en augmenter le nombre); и кругъ онъ былъ разочарованъ въ этомъ отношеніи, когда ему попался одинъ изъ десятихъ номеровъ «Московскихъ Вѣдомостей» прямо такъ-таки и пишутъ, что «начальныхъ учителей у насъ нѣтъ. Г. Шедо-Ферротти объявляетъ, что такъ-какъ «Вѣд.» не могутъ быть заподозрены въ несправедливомъ распространеніи извѣстій, посвященнаго національному достоинству (каковъ бы ни былъ), ни въ преувеличеніи полутемныхъ силъ на представляемыхъ ими картинахъ жизни страны (exagerer les teintes bistées), — то обязанъ теперь вѣрить, что народныхъ учителей у насъ въ самомъ дѣлѣ нѣтъ.

Г. Шедо-Ферротти успокоится: такое же его вполнѣ вѣрно, хотя онъ могъ и не считать его изъ «Московскихъ Вѣдомостей». Со стороны этого публициста даже не стоило великодушно предполагать, будто у него правда — неправда, пока она не написана въ «Моск. Вѣдомостяхъ.» Какъ бы то ни было, г. Шедо-Ферротти, придя къ убѣжденію, что народныхъ учителей у насъ нѣтъ, съ такою же энергіею тотчасъ сталъ сомнѣваться, какія бы приняты мѣры? Естественноъ ему пришла мысль обратиться съ рѣшеніемъ своихъ размышленій по этому предмету къ министру народнаго просвѣщенія, котораго богѣе чѣмъ кого-либо долженъ занести въ первостепенной важности вопросъ.

Г. Шедо-Ферротти знаетъ, что министру народнаго просвѣщенія усиленно заботилось въ послѣднее время проектомъ о новомъ курсѣ преподаванія въ нашихъ школахъ и рѣшило этотъ вопросъ въ смыслѣ, признавать вполнѣ удовлетворительнымъ также «Московскія Вѣдомости», то, по крайней мѣрѣ, брошюра его носила бы заглавіе «О необходимости усилить классическое преподаваніе въ гимназіяхъ», и, въ такомъ случаѣ, разумеется, имѣла бы другое содержаніе.

Но онъ этого не зналъ и написалъ письмо къ г. министру о необходимости имѣть достаточно число народныхъ учителей. И хорошо сдѣлалъ г. Шедо-Ферротти, потому что въ вышедшую брошюру забралась мысль, надъ которою стоить призадуматься. Первоначальное народное обученіе онъ возлагаетъ на женщинъ. Доказывая, что самое большое вознагражденіе, какое только могутъ дать сельскимъ учителямъ, будетъ все-таки слишкомъ недостаточнымъ для того, чтобы привлечь въ эту безысходную должность людей образованныхъ, и доказывая съ другой стороны безысходность настоящаго положенія большинства сколько-нибудь образованныхъ, но нисколько не обеспеченныхъ женщинъ въ Россіи, онъ предлагаетъ призвать женщинъ въ народныя наставницы. Г. Шедо-Ферротти рассуждаетъ такъ: въ Россіи есть 113 тысячъ семействъ духовнаго званія (по числу священно-и церковнослужителей) и до 200 тысячъ человекъ служащихъ съ классными чинами. Это составляетъ многочисленный классъ людей грамотныхъ, очень значительная часть котораго не можетъ дать своимъ дочерямъ какого-либо независимаго обезпеченія. Онъ, не безъ основанія, полагаетъ, что женщины этого класса охотно пошли бы въ наставницы, и что народъ принялъ бы ихъ сочувственно, особенно въ отношеніи обученія дѣвочекъ, которыхъ женщинамъ родители доверяютъ охотнѣе, тѣмъ болѣе, что женщинамъ обучали бы и такъ-называемыми руководящими: шитью и т. д., знаніемъ которыми очень мало распространено среди нашего сельскаго люда. Столь же основательно авторъ предпочитаетъ воспитательное вліяніе на народъ женщинъ, чѣмъ тѣхъ «разночинецъ», которыхъ онъ, однако, что-то ужъ чересчуръ боится, и видитъ въ этомъ залогъ важнаго измѣненія во всемъ взглядѣ народа на «бабу», а затѣмъ и на положеніе «бабы», существа, безправнаго и загнанаго котораго, дѣйствительно, едва ли есть другое на свѣтѣ, за исключеніемъ рабовъ.

Вѣрный своему обыкновенію переходить отъ мысли къ полному административному проекту, съ подробностями, г. Шедо-Ферротти предлагаетъ учредить «Общину сестеръ-наставницъ», назначать въ каждомъ губернскаго городѣ «сестру неопечительницу» и предлагать подвергать экзамену въ училищахъ кандида-

тогда, которая дозволяетъ вступать въ «Общину сестеръ-наставницъ».

Онъ не ограничивается однимъ заключеніемъ въ общину кандидатокъ, оказавшихся способными, а предлагаетъ еще учрежденіе нормальныхъ школъ для образованія наставницъ, съ платою или обязательнымъ срокомъ службы.

Не вдаваясь въ разсмотрѣніе подробностей этого проекта, въ которомъ г. Шедо-Ферротти выработалъ даже убѣжденіе въ необходимости обязательнаго для сестеръ-наставницъ мундиръ, скажемъ, что въ основной мысли его есть сторона дѣльная.

Les Révolutions, par Pascal Duprat. Paris 1869.

Въ книгѣ Паскаля Дюпра особенно выдѣлена глава о «революціяхъ военныхъ», гдѣ, конечно, доказываются несомнѣстности духа милитаризма съ духомъ свободы. «Когда два генерала кричатъ вмѣстѣ: да здравствуетъ свобода! то не можетъ быть, чтобы они не перемигнулись другъ на друга съ усмѣшкой, какъ авгуры въ древнемъ Римѣ». Такими и подобными изреченіями наполнена вся книга, ивѣющая характеръ того, что французы называютъ «*Maximes*». Изреченія Паскаля Дюпра не отличаются ни своеобразностью, ни особенною глубиною, и едва ли гдѣ-нибудь, кроме Франціи, извѣстный публицистъ, какъ Паскаль Дюпра, рѣшится выступить съ подобнымъ сочиненіемъ. Но практической пользы его отрицать нельзя, въ особенности по мѣстнымъ условіямъ. Сборъ кратко и популярно изложенныхъ мыслей и примѣровъ, служащихъ оружіемъ противъ всякаго рода реакціи, самъ по себѣ полезенъ; онъ особенно полезенъ во Франціи, гдѣ такъ много значить ловкая фраза, то, что итѣнци называютъ *ein Schlagwort*. Такая книга, и не книга внутренней цѣли, представляетъ пользу, какъ оправочный лекціонъ «сверженію словъ», или «арсеналъ либеральнаго оружія».

Книга П. Дюпра — чисто политическая, по своему своему назначенію; она предназначена къ тому, чтобы доставить массѣ средствъ парижскихъ ораторскіе удары, которыми официально пишется во Франціи нѣтънѣйшій порядокъ. Въ ней есть проораченія аллегоріи и метафоры (на манеръ Де-Брюера), въ которыхъ можно найти черты, водводящія къ нѣтънѣйшимъ

правительственнымъ личностямъ, напр. «ральный принцъ», «юрисъ, перешедшій на рону силы» и т. п. Само собою разумеется, что французская революція (первая) — здѣсь обильный предметъ для приговора богатый матеріалъ для примѣровъ. Революція это — единственная традиція современной Франціи, и къ ней неизбѣжно сводится тамъ, где политическое преніе. Одно изъ дѣлъ въ этомъ сборникѣ слѣдующее мѣсто: «Скорны демократіи — ошибка предпринимать ту всѣхъ дѣйствій революціи. Мы не свидѣдичи, какъ наши противники, а примеръ разума, свободнаго и самостоятельнаго велико, благородно и священно въ дѣлшихъ отцовъ (революціи), это — исходная цѣль. Исходною точкою ея служатъ вѣщеская природа, съ ея правами, не пощими отгнѣнъ, но столь часто нарушаемы въ учрежденіяхъ. Цѣль ея — такое политическое и общественное устройство, которое печинало бы каждому пользованіе эти правами и покрывало ихъ непроницаемою барьеромъ. Путь отъ точки отправленія до цѣли длиненъ, труденъ, загроможденъ всякими препятствіями. Эти препятствія надлежитъ свалить». Но въ другомъ мѣстѣ, уступая практической цѣли, авторъ, въ противуположность упомянутой оговоркѣ, все-таки слитно не оправдать ужасы революціи, то изъ нихъ неизбѣжностью, свалить вину ихъ на тренныхъ и вѣвшихъ враговъ отечества, конечь на примѣръ террора, уже преданный кардиналомъ Ришелье и не раздо него.

Исключительно-политическое направленіе общественной мысли до того еще сильнѣе настоящее время во Франціи, что въ посвященной французской молодежи, и ивѣющей въ виду подготовку будущаго, нѣтъ ни слова о тѣхъ могущественныхъ факторахъ будущаго, которые представляютъ распространеніемъ образованія въ экономическими улучшеніями. Въ книгѣ о революціяхъ нѣтъ ничего о вліяніи умственныхъ движеній на политическіе перевороты, глава посвящена вліянію, какое политическая революція оказываетъ на литературу, и искусство.

von Karl Büchner. Reudnitz 1869. (Разсказы, К. Бюхнера).

Во три новѣсти молодого писателя, встрѣ-
 чаясь съ оочувствіемъ нѣмецкою критикою,
 съ сарказмомъ и трагедіею, а болѣе всего
 юности и простоты. Сами по себѣ онѣ, ко-
 не, не очень занимательны, и мы упоми-
 наемъ о повѣстяхъ К. Бюхнера собственно по-
 тому, что беремъ ихъ въ примѣръ для нѣкото-
 рыхъ замѣтокъ. Замѣтка эта будетъ о напыщен-
 ности, ходульности нѣмецкаго литературнаго
 языка. Подъ именемъ ходульности мы разумѣ-
 емъ не обиліе эффектныхъ фразъ, которымъ
 писатели литература французская и которая
 не отъ литературныхъ условій, а про-
 стому національному вкусу. Нѣмецкій лите-
 ратурный языкъ ходуленъ, напыщенъ не по
 необходимости, не по франтовству, а са-
 мому привычному образу, прамю по предавію.
 Мы привыкли пинуть разговорнымъ языкомъ;
 мы привыкли пинуть разговорнымъ язы-
 комъ обильными словами, только застава-
 емъ ихъ скакать и граціозничать. Нѣмцы
 привыкли пинуть своимъ особымъ языкомъ, дру-
 гимъ языкомъ, чѣмъ говорятъ. Между нѣмец-
 кимъ литературнымъ не только слогомъ, но и
 самимъ языкомъ и лямкомъ, который употре-
 бляютъ глупцами въ разговорахъ — большая
 разница эта особенно поражаетъ, когда
 читаешь романъ и въ особенности въ дра-
 матическихъ произведеніяхъ вы встрѣчаете
 много. Эти разговоры происходятъ не на
 равномъ, а на совсѣмъ особомъ языкѣ.
 Въ этомъ различіи привикли, или, луч-
 ше сказать, никогда отъ него не отвикали; но
 иностранца эта фальшь поражаетъ очень
 сильно образомъ. Еще въ пьесахъ «вы-
 ходъ комета» вы ее не такъ замѣчаете; но
 въ постановленной нѣмецкой комедіи, comédie
 d'Etat, она положительно мѣшаетъ, преду-
 предѣляетъ васъ противъ всего, что творится на
 сценѣ. Какъ только вы слышите на каждомъ
 шагѣ «bereits», «zweckmäßig», «vorenthal-
 ten», такъ на васъ и повѣсть самую не-
 правдоподобную фальшью, потому что
 въ действительности, говорятъ вовсе
 иначе. Переводчики, разумѣется, передѣла-
 ютъ все это, придерживаясь въ передачѣ раз-
 говора употребительныхъ формъ своего язы-
 ка; оттого съ разговоры — замѣтите, собственно

разговоры — выходятъ гораздо лучше чѣмъ пере-
 водахъ нѣмецкихъ пьесъ и романовъ, чѣмъ въ
 оригиналѣ.

Впрочемъ, это такое дѣло, что оно не мо-
 жетъ быть выяснено иначе, какъ примѣромъ.
 И вотъ для примѣра доказательнаго, мы на-
 рочно выбрали самую новую книжку, писате-
 ля, котораго слогъ особенно живъ и простъ.
 Выписываемъ нѣсколько фразъ изъ перваго
 разговора, который попадаетъ намъ на глаза
 для справки. Разговоръ происходитъ между дѣ-
 вичею и молодымъ человѣкомъ, которые соби-
 раются писать вмѣстѣ романъ. Разумѣется, вы-
 ходитъ романъ между ними самими и притомъ
 совершенно такъ, какъ въ разсказѣ Франчески
 ди-Римини, у Данте, когда послѣ чтенія вдвоемъ
 «онъ дрожа цѣлуетъ губы». *Полина*. «Что же
 мы возьмемъ?» *Германъ*. «Я озабочусь достав-
 леніемъ нѣсколькихъ повѣстей, которые вамъ
 понравятся. Таковыя могутъ служить образ-
 цомъ. — Я привлеку къ совѣту мою тетюшу;
 она освоена со старѣйшею литературою. *По-
 лина*. «Хорошо, Германъ. Но о нашемъ пред-
 приятіи вы должны молчать». *Германъ*. На-
 вѣрное, фрейлейнъ; я не скажу рѣшительно ни-
 чего. Впрочемъ мы, тѣмъ временемъ, станемъ
 думать о содержаніи..... *Полина*. «Мы будемъ
 писать вмѣстѣ; чего я не знаю, вы знаете, и
 наоборотъ». *Германъ*. «Когда мы придемъ къ
 соглашенію насчетъ содержанія, то было бы,
 быть можетъ, дѣлсообразно, чтобы по край-
 ней мѣрѣ начало писать каждому отдѣльно.
 Потомъ мы бы прочли вмѣстѣ наши начала, и
 рѣшеніе, которое изъ нихъ лучше, оставалось
 бы представленнымъ вамъ». *Полина*. «Это
 должна быть любовная исторія.....» Это было
 очень дѣлсообразно. *Германъ*. «Конечно, такъ
 какъ въ Вертерѣ. Но мы бы все-таки окончили
 разсказъ счастливо, разумѣется послѣ того,
 какъ влюбленные претергали бы много небла-
 гоприятностей». *Полина*. «Нѣтъ, любезный Гер-
 манъ, они должны умереть.....» Слѣдуетъ по-
 дробности погребенія. «Славно! Помогите, сла-
 воно!» *Германъ*. «Но почему же влюблен-
 нымъ не должно быть предоставлено, вслѣд-
 ствіе ихъ любви? — Не правда ли, какъ надѣ-
 жите, какъ гласило? Мы нѣсколько не утвер-
 дали выразеній, а просто отказались передѣ-
 лывать ихъ, какъ по необходимости доста-
 вить переводчика. При этомъ мы, конечно,
 все-таки не могли сделать того глупа, что

рый представляется неупотребительными въ разговорѣ формами глаголовъ.

Отчего зависить это несходство нѣмецкаго литературнаго языка съ языкомъ живымъ, разговорнымъ? Неужели великіе писатели, работавшіе до такого величія естественна, неисчерпаемаго богатства нѣмецкаго языка, не догадались сблизить литературный языкъ съ разговорнымъ? Съ русскимъ литературнымъ языкомъ здѣсь сравненія быть не можетъ; у насъ Карамзину легко было сдѣлать это сближеніе, потому, что у насъ изъ разговорнаго языка создавался языкъ литературный; то, что къ литературному языку приишло естественнаго, легко было устранить. Между тѣмъ, на Западѣ, а преимущественно именно въ Германіи, языкъ разговорный возникъ изъ языка литературнаго. Повѣрно, что послѣдній всегда смотрѣлъ на себя, какъ на законодателя перваго. Но почему же все-таки такое сближеніе осуществилось въ Англіи и Франціи гораздо болѣе, чѣмъ въ Германіи? Едва ли мы ошибемся, сказавъ, что причиною этого явленія было болѣе раннее развитіе во Франціи и особенно въ Англіи парламентскаго или публичнаго слова. Ораторы, принужденные выгнать живое слово обыкновеннаго языка въ литературныя формы, стали посредниками между языкомъ литературы и языкомъ общества. Возьмите мольеровскія комедіи; языкъ ихъ не устарѣлъ, но устарѣлъ ихъ слогъ; слогъ ихъ книжный, изъ котораго изгнаны всѣ неологизмы и фамильярныя, вульгарныя выраженія, хотя бранныя слова встрѣчаются на каждомъ шагѣ; но и то слова строго-классическія, съ полнымъ правомъ гражданства: *pendard, traitre, buter* и т. д., такія, какими въ просторѣчій едва ли и въ мольеровское время ругались. (Замѣтимъ, что въ нѣмецкихъ пьесахъ и до сихъ поръ бравятся совсѣмъ неупотребительными словами).

Если замѣчаніе наше вѣрно, то слѣдуетъ ожидать, что развитіе политическаго жизни въ Германіи произведетъ вліяніе и на литературный слогъ и языкъ, сообщивъ первому болѣе живости, изгнавъ изъ него дилетантскія, книжныя, невоспитанные періоды, съ глаголомъ черезъ страдатель, остатки латинства, а второй совершенно естественность съ языкомъ разговорнымъ, покинувъ оцепенѣлость и изысканность, съ вторичнымъ идеть рука объ руку изящество и фальшь.

Musikalische Charakterbilder von Otto Gumprecht
Leipzig, 1869. (Музыкальные характеры
О. Гумпрехта).

Извѣстный музыкальный критикъ, Гумпрехтъ, собралъ въ книгу нѣсколько эссе помѣщенныхъ имъ въ разныхъ изданияхъ этой книгѣ заключаются биографическія очерки и характеристика творчества Ф. Шуберта, Мендельсона, К. М. Вебера, Россини, Обера, Мейербера. Изъ нихъ — только статьи Обера совершенно нова. При собраніи дѣльныхъ этюдовъ въ книгу, авторъ не далъ имъ болѣешую полноту и поставилъ въ необходимость согласовать ихъ такъ, чтобы книга его представляла нѣчто цѣлое, такъ сказать, музыкальную картину первой половины нашего вѣка. Для полноты этой-то картины разныхъ направленій, ему и пришлось включить сюда характеристику Обера. Въ этихъ этюдахъ не было нужды въ классификаціи; здѣсь она представилась необходима. Вышла очень дѣльная и занимательная въ которой интереснѣе всего именно классификація, то-есть указаніе на соотношеніе между различными направленіями или школами.

«Оживленіе драматической музыки» — критикъ Гумпрехтъ — совершалось двумя противоположными путями. Гендель, Глинка, Моцартъ одѣли германскую серьезность, манскую глубину чувства въ утонченныя формы красоты, заимствованныя или изъ античности, или изъ современнаго искусства. Къ этимъ даннымъ, композиторъ обилъ «Идиллическія» присоединилъ еще бойкость формъ своей драмы. Керубини и Спонтини, на другой сторонѣ, стремились къ такому же слитію условий. Въ совсѣмъ противоположномъ направленіи дѣйствовали Россини (за исключеніемъ его «Теллы», который носитъ на отпечатокъ космополитическій), Оберъ и Берлиозъ. При всемъ различіи въ образкахъ направленій, они сходятся въ томъ общемъ мнѣніи, что творенія ихъ проникнуты національнымъ элементомъ. То, что гласило чистымъ, непосредственнымъ или изъ сердца ихъ народа, и этихъ прикосновеніемъ къ духу народности опера обрѣла въ ихъ рукахъ. Когда, такимъ образомъ, новенію трехъ націй, раздѣленныхъ и собою музыкальный миръ, притекла новыя струи струя новой, дѣйствующей жизни, и

то закону исторической необходимости, должно было повториться стремление соединить разрозненные элементы, устранить перегородки между отдельными музыкальными сценами, специально-итальянскою, специально-французскою и нѣмецкою, и такимъ образомъ довести музыкальную драму до неизвѣстной доселѣ широты и разнообразія формъ.

«И вотъ, со второй четверти нашего столѣтія, мы видимъ цѣлый рядъ композиторовъ, работающихъ именно въ такомъ смыслѣ. Самъ Россини, въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ, и особенно въ «Теллѣ», сдѣлалъ громадный шагъ изъ того узкаго круга, въ которомъ до того времени было заключено его творчество. Беллини, еще болѣе тѣсно, чѣмъ мы, связанный съ мелодическими традиціями своей родины, и безконечно отстоявшій отъ Россини въ отношеніи какъ богатства музыкальнаго образованія, такъ и гибкости стили, тотъ, однакоже, предпринялъ, въ «Пуританахъ», сбросить съ себя узы чисто-національных формъ изложенія. Чѣмъ ближе подходить мы къ настоящему, тѣмъ болѣе замѣняетъ космополитическаго характера въ драматическо-музыкальномъ творествѣ Италіи. Въ позднѣйшихъ партіяхъ Дондизетти все въ болѣею силою проявляется французская авера, а что касается вердѣвской оперы, то она посвящена во всё парижскія тайны. Во ранніи національный характеръ сохранился изъ примеси до нашего времени только въ эмическомъ родѣ; прочіе роды музыкальной драмы тамъ давно подчинились иностранному вліянію. Французскую оперу создали нѣмцы и галлы, и въ самомъ развитіи ея они же рвали наиболѣе существенное участіе. Даже въ лицѣ своихъ національныхъ представителей, французская музыка является все-таки зависящею отъ посторонняго вліянія». Мейербер авторъ ставитъ въ первомъ ряду тѣхъ композиторовъ, которые извлекли свои богатства изъ разнообразныхъ національныхъ источниковъ и вели къ слитію всѣхъ условій и формъ, выработанныхъ для музыки временъ».

Изъ приведенной страницы достаточно явгуеть безпристрастіе нѣмецкаго критика и прота его взгляда. Книга его не тенденціозна; ея онъ не прокладываетъ путей, а описываетъ пути, открытые и отчасти уже прой-

денные. Очерки его живы и дѣльны. Набогѣе полны этюды надъ Мендельсономъ и Веберомъ.

О Веберѣ онъ рассказываетъ, между прочимъ, что его раздражало пристрастіе публики къ извѣстному свадебному хору «Фрейшюда» (Jungfernkranz; Гейне говоритъ, что отъ этой мелодіи въ Берлинѣ просто не было спасенія).

— «Ну, какъ можно — сердился Веберъ — такъ неумѣренно хвалить этотъ мотивъ! Вѣдь онъ просто *находится въ самыхъ словахъ*. Wir vinden dir и такъ далѣе; всякій человѣкъ самъ напелъ бы его.» Въ этихъ наивныхъ словахъ высказывается геній и геній именно германскій экая важность мелодіи; стѣбитъ только тактъ битъ!

Вотъ нѣсколько строкъ объ Оберѣ: «Оберовская опера скрываетъ въ себѣ, подъ прозрачною драматическо-музыкальною маскою — парижскій салонъ второй (?) половины нашего вѣка. Въ мирѣ она видитъ огромный танцевальный залъ, въ жизни — непрерывный рядъ празднествъ, а мѣрку людей и вещей даетъ ей собственная причуда. Такъ какъ она съ самаго начала стала внѣ борьбы за существованіе, то и отбросила отъ себя всякое бремя мышленія, страстную впечатлительность и сосредоточеніе воли. Она знаетъ только одинъ законъ, быть можетъ самый деспотическій: законъ милостивости, обязанность нравиться. Со всѣхъ сторонъ слетаютъ наъ его граціозныя, обвитыя цвѣтами, но тѣмъ не менѣе узкія и крѣпкія стѣнки. Вотъ этотъ законъ, эта обязанность, они только и представляютъ здѣсь нѣкоторое вознагражденіе за недостаточность существеннаго содержанія, кладутъ на эти образы печать аристократическаго излишества и прикрываютъ даже легкомысліе, которое доминуетъ изъ нихъ выглядываетъ.»

Замѣчательно по тонкости анализа и искреннему стремленію къ безпристрастію мнѣніе, какое авторъ высказываетъ о Мейерберѣ. О немъ рѣдко можно прочесть сколько-нибудь справедливыя отзывы въ музыкально-критическихъ статьяхъ. Классики-эстетики не хотятъ допустить его въ число призванныхъ гениевъ искусства за то, что онъ обращался къ реализму и рассчитывалъ на эффектъ, а реалисты не признають его своимъ. Только масса, которой окончательный приговоръ всегда вѣрнѣе приговоръ партій, воздастъ справедливость Мейерберу; въ особенности къ нему привержена масса во

Франціи, и наввно считаетъ его композиторомъ французскимъ. Отсюда происходитъ, что навбогѣ популярная изъ оперъ Мейербѣра—«Гугеноты», между тѣмъ какъ по глубинѣ мысли «Робертъ» далеко оставляетъ ее за собою. Выписываемъ одно мѣсто изъ характеристики Мейербѣра у Гумпрехта: «Онъ былъ полнымъ властелиномъ надъ всѣмъ богатствомъ того музыкальнаго языка, который стремится къ способности каждую вещь называть по имени. Церковная музыка католическая и протестантская, классическая и романтическая опера—все это открыло передъ нимъ свои наполненныя сокровищницы. Искусство и народная пѣсня, оркестръ мастеровъ и эффекты, заимствованныя отъ специальной виртуозности каждаго отдѣльнаго инструмента—все это несло ему свою дань. Онъ то заимствуетъ изъ древнѣйшаго времени отголосокъ его реблически-наввннхъ ощущеній, то вдругъ хватается за самыя верхки новѣйшей энгармоникки и хроматикки. Однакоже, мнѣніе, высказанное Берліозомъ, будто партитуры Мейербѣра—только энциклопедія, невѣрно потому, что представляетъ только одну сторону дѣла. Такое произведение, какъ «Гугеноты», во все не есть только галерея деталей, собранныхъ съ разныхъ сторонъ; составныя части его находятся въ самой тѣсной связи съ образомъ всей этой музыкальной драмы, какъ онъ представился композитору; и композиторъ этотъ

такимъ образомъ усвоилъ себѣ этотъ матерьялъ, обработалъ и слилъ его, что плодомъ того явился совсѣмъ новый и очень опредѣленный стиль, котораго онъ сдѣлался творцомъ. Наконецъ, дѣятельность его никакъ не ограничивается только собираніемъ, обработкою и слитіемъ матерьяла. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ внесъ въ свои произведенія много чисто-индивидуальнаго, принадлежащаго ему самому, и на склѣтъ чувства тронулъ нѣсколько такихъ нотъ, которыхъ до него не касалась ничья рука. Правда и то, что средства выраженія, которыми Мейербѣръ обогатилъ искусство, далеко отстоятъ отъ здоровой середины человѣческаго чувства; онъ заимствовалъ ихъ изъ крайностей, изъ наибольшей высоты и самой темной глубины страсти». Затѣмъ, авторъ разбираетъ реалистическій элементъ въ музыкѣ Мейербѣра.

Книга Гумпрехта—это нѣсколько дѣльныхъ и тонко-написанныхъ этюдовъ. Въ этихъ этюдахъ, имѣющихъ направленіе объективное, разумѣется, не могло быть сказано много новаго, но они все-таки имѣютъ и музыкально-практическое и литературное достоинство. На музыку онъ смотритъ, какъ на одно изъ проявленій умственной жизни общества и указываетъ на связь между ея направленіемъ и настроеніемъ литературы и поэзіи, этой музыки, осужденной въ точности и реализмъ человѣческаго слова.

Л. А.—въ.

М. Стасюлевичъ.

КНИЖНАЯ РУССКАЯ ТОРГОВЛЯ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ А. Ө. БАЗУНОВА.

На Невскомъ Проспектѣ, № 30.

Въ теченіи іюня поступили вновь слѣдующія книги:

- ИСТОРИЯ АЛЬБИГОЙЦЕВЪ ДО КОНЧИНЫ ПАПЫ ИННОКЕНТІЯ III.** Соч. Н. Осокина. Казань. 1869 г. Цѣна 3 р. съ пер. 3 р. 40 к.
- БЮГРАФІЯ НЬЮТОНА СЪ ПОРТРЕТОМЪ.** Соч. Ж. Б. Біо. Пер. съ франц. Ассонова. М. 1869 г. Цѣна 1 р. съ пер. 1 р. 30 к.
- ПРАКТИЧЕСКАЯ БОТАНИКА** или руководство къ опредѣленію дикихъ лѣсныхъ и полевыхъ растений съ указаніемъ ядовитыхъ, лекарственныхъ и хозяйственныхъ и проч. Составилъ Б. де-Вильденъ. М. 1869 г. Цѣна 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 80 к.
- СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ РАСКОЛА.** Вып. 1-й. Бѣлокриницкій соборъ 1868 г. и относящіяся къ нему акты и письма. Изд. Н. Субботина. М. 1869 г. Цѣна 1 р. съ пер. 1 р. 30 к.
- ПѢСНИ ГУСТАВА НАДО,** въ переводѣ Н. М. Ушакова. Спб. 1869 г. Цѣна 60 к. съ пер. 80 к.
- НЕСТОРОВА ЛѢТОПИСЬ.** Изданіе для учащихся съ примѣчаніями и словаремъ, составленными П. Баспстовымъ. М. 1869 г. Цѣна 60 к. съ пер. 80 к.
- ОБЩІЯ НАЧАЛА СТАТИСТИКИ** Ж. Гарнье. Пер. съ франц. (пособіе учащимся). Спб. 1869 г. Цѣна 30 к. съ пер. 55 к.
- ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ КНИЖКА** и руководство для сельскихъ хозяевъ и практикантовъ при хозяйственныхъ съ емкихъ и геодезическихъ работахъ, и проч. Сост. Н. Устимовичъ. М. 1869 г. Цѣна 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 80 к.
- ИСТОРИЯ ХИМИЧЕСКИХЪ ДОКТРИНЪ,** отъ Лавуазье и до настоящаго времени. А. Вурца. Подъ редакцію профессора Бутлерова. Спб. 1869 г. Цѣна 1 р. съ пер. 1 р. 30 к.
- РАЗЛУЧНИКИ.** Романъ А. Темризова. Спб. 1869 г. Цѣна 1 р. 75 к. съ пер. 2 р.
- КАРТИНЫ ИЗЪ ЖИЗНИ НАСѢКОМЫХЪ.** Составл. А. Ганике, съ 174-ми рисунками. Спб. 1869. Цѣна 2 р. 50 к. съ пер. 2 р. 80 к.

- СВОДЪ РЪШЕНІИ КАССАЦІОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА** и разъясненныя ими законоположенія. Изд. Я. И. Утина. Изд. 2-е, значительно измѣненное и дополненное (1866, 1867 и 1868). 2 части. Спб. 1869 г. Цѣна 2 р. 75 к. съ пер. 3 р. 30 к.
- ГЕОЛОГИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ХЕРСОНСКОЙ ГУБЕРНІИ.** Н. Барботъ-де-Марви, съ геологическою картою, профилемъ и рисунками. Спб. 1869 г. Цѣна 3 р. съ пер. 3 р. 30 к.
- СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ ВЪ РУССКОМЪ РАСКОЛѢ.** Историческій Очеркъ расколнничьяго ученія о бракѣ. Выпускъ 1-й (отъ начала раскола до царствованія императора Николая I). Э. о. профессора С.-Петербургской Духовной Академіи И. Нильскаго. Спб. 1869 г. Цѣна 1 р. 75 к. съ пер. 2 р.
- ЕВРОПЕЙСКІЕ И АМЕРИКАНСКІЕ СУДЫ ПРИСЯЖНЫХЪ,** ихъ дѣятельность, достоинство, недостатки и средства къ устраненію этихъ недостатковъ. Соч. Б. Миттермайера, пер. съ нѣм. подъ редакцію В. Молчанова. М. 1869 г. Выпускъ 1-й. Цѣна 2 р. 80 к. съ пер. 3 р. 15 к.
- ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ МАЛЕНЬКАГО ОБОРВЫША.** Романъ Джона Гринвуда Пер. Марка - Вовча. Спб. 1869 г. Цѣна 2 р съ пер. 2 р. 30 к.
- ВИЛЛИГІЗЪ, АРХІЕПИСКОПЪ МАИНСКІЙ.** 975 — 1011. Историческій очеркъ В. Герье, съ двумя хромофотографическими рисунками, снимкомъ старинныхъ крюковыхъ нотъ и текстомъ латинской рукописи XII вѣка, хранящейся въ Московской Публичной Библіотекѣ. М. 1869 г. Цѣна 9 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Подписка на второе полугодіе.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ
„МОДНЫЙ МАГАЗИНЪ“

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками отъ 2-хъ до 3-хъ печатныхъ листовъ, со множествомъ полнѣтажныхъ рисунковъ въ текстѣ; къ каждому номеру прилагается парижская раскрашенная гравюра и большая вырѣзная выкройка или листъ рисованныхъ выроекъ и узоровъ.

Въ текстѣ «Моднаго Магазина» помѣщаются рисунки *полныхъ туалетовъ* (фигуры во весь ростъ), кромѣ множества головокъ, поясныхъ фигуръ, новыхъ работъ и разныхъ принадлежностей туалета. Сверхъ того въ каждомъ номерѣ помѣщаются рисунки навбогѣ интересныхъ явленій русской современной жизни, виньетки къ стихотвореніямъ, иллюстраціи къ повѣстямъ и рассказамъ и т. п.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На полгода съ 1-го Іюля: въ Петербургѣ безъ доставки 3 р. 50 к., съ доставкою 4 р.; въ Москвѣ безъ доставки 3 р. 75 к., съ доставкою 5 р.; съ пересылкою въ другіе города 5 р.

Годовая цѣна съ 1-го Января: въ Петербургѣ безъ доставки 6 р., съ доставкою 7 р.; въ Москвѣ 6 р. 50 к. и 8 р.; въ другихъ городахъ 8 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Петербургѣ, въ Редакціи «Моднаго Магазина», по *Литейной, противъ Бассейной, № 45*. Въ Москвѣ, при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на *Страстной бульварѣ, д. Загляжскаго*.

Гг. иногородные адресуютъ свои требованія въ Петербургъ, въ Редакцію «Моднаго Магазина».

BULLETIN

DES NOUVEAUTÉS LITTÉRAIRES

DE LA LIBRAIRIE **A. Münx (K. Ricker).**

Persp. de Newski, maison Maderni № 14.

Adlerberg, Comte de, En Orient, 2 vols. — 4 r.

Arneht, A., Joseph II und Katharina von Russland. Ihr Briefwechsel. — 4 r. 50 c.

Aumale, Histoire des princes de Condé pendant les XVI et XVII siècles. — 5 r. 25 c.

Aus den Memoiren eines russischen Dekabristen. Beiträge zur Geschichte des St. Petersburger Militäraufstandes vom 14 December 1825 und seiner Theilnehmer. — 2 r. 45 k.

Bandlin, O., Die Gifte und ihre Gegengifte. Bd. I. — 1 r. 80 c.

Bericht über d. Weltausstellung zu Paris im J. 1867. Herausgeg. v. österreichischen Centralcomité. 17 Hefte.

Bibliothek geographischer Reisen und Entdeckungen älterer und neuerer Zeit. Bd. I—IV. — 2 r. 25 c.

Blankenburg, Die inneren Kämpfen der Nordamerikanischen Union b. z. Präsidentenwahl 1868. — 2 r. 70 c.

Bock, W., Der deutsch-russische Conflict an der Ostsee. — 1 r. 10 c.

Burnouf, E., Histoire de la littérature grecque. — 1 r. 75 c.

Braun, Ein hässliches Mädchen. Roman. 3 Bde. — 5 r. 40 c.

Broca, Mémoires sur les caractères physiques de l'homme préhistorique et sur les ossements des eyzies.

Bruhns, J. F. Enke, Astronom der Berliner Sternwarte. Sein Leben u. Werkin.

Büchner, Novellen. — 1 r. 35 c.

Burckhardt, Der Cicerone. Anleitung zum Genusse der Kunstwerke Italiens. Bd. I. — 1 r. 65 c.

Camoëns, Luis, Die Lusiaten. Deutsch in der Versart der portugies. Urschrift, v. J. J. Donner. — 1 r. 80 c.

Campagne, Dictionnaire universel d'éducation et d'enseignement, 1—3 livr. — à 35 c.

Carnarvon, Reminiscenses of Athens and the Morea. — 3 r. 75 c.

Correspondence de Napoléon I, publiée par ordre de l'empereur Napoléon III. Tome XXVIII.

Cosel, Geschichte des preussischen Staates und Volkes unter d. Hohenzollern'schen Fürsten. Bd. I. — 2 r. 45 c.

Degen, L., Praktisches Handbuch für Einrichtungen der Ventilation u. Heizeng Gebäuden. — 1 r. 60 c.

Demmin, Die Kriegswaffen in ihrer histor. Entwicklung von der Steinzeit bis z. 18. Jahrhundert. Bd. I. — 1 r. 10 c.

Demmin, A., Guide des amateurs d'armes

et armures anciennes, par ordre chronologique, depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours.

Bircks, H., Nature study; or, the art of attaining those excellences in picty and eloquence which are mainly dependent on the manifold influences of universal nature. — 6 r. 25 c.

Dodd, G., Dictionary of manufactures, mining and machinery, and the industrial arts. New edit. — 2 r. 50 c.

Dühring, Krit. Geschichte d. Philosophie von ihren Anfängen bis zur Gegenwart. — 3 r. 15 c.

Edwards, H. S., Life of Rossini. — 7 r. 50 c.

Elliot, H. M., The history of India, as told by its own historians. — The Muhammedan period, vol I et II. — 18 r.

Ellis, A. J., On early English pronunciation, with especial reference to Shakspeare and Chaucer. Part. I. — 5 r.

Eye u. Falke, Kunst und Leben der Vorzeit vom Beginn des Mittelalters bis z. Anfang des 19 Jahrhunderts. 3 Bde. — 24 r. 80 c.

Frauenstädt, J., Blicke in die intellectuelle, physische und moralische Welt, nebst Beiträgen zur Lebensphilosophie. — 3 r. 60 c.

Gaboriau, E., Les esclaves de Paris. 2 vols. — 2 r. 10 c.

Gerding, Taschenwörterbuch d. Technologie. — 6 r. 70 c.

Gerland, G., Altgriechische Märchen in d. Odysseus. — 45 c.

Geschichte Oestreichs vom Ausgange d. Wiener-October-Aufstandes 1848. Bd. I. — 4 r. 50 c.

Glen, The law relating to public health and public government. — 15 c.

Gutzot, M., Mélanges politiques et historiques. — 2 r. 30 c.

Guth, F., Die Lehre vom Einkommen in dessen Gesamtzweigen. — 3 r. 15 c.

Gutzkow, K., Die schöneren Stunden, Rückblicke. — 2 r. 5 c.

Harless, G. C. A., Geschichtsbilder aus der lutherischen Kirche Livlands v. J. 1845 an. — 2 r. 5 c.

Heyse, P., Moralische Novellen. 8 Sammlg. — 2 r. 70 c.

Hoffmann, H., Untersuchungen zur Bestimmung des Werthes von Species u. Varietät. — 1 r. 10 c.

Hohndorf, Frauenleben u. Frauenberuf in Briefen. — 1 r. 20 c.

Honegger, J. J. Grundsteine einer allgemeinen Culturgeschichte der neuesten Zeit. Bd. II. Die Zeit der Restauration. — 4 r. 5 c.

Hugo, V., L'homme, qui rit. 4 vols. — 2 r. 65 c.

Jäger, G., Die Darwinsche Theorie u. ihre Stellung zu Moral und Religion. — 95 c.

Jahrbuch d. Landwirthschaft. Bericht über d. Fortschritte u. Verbesserungen in sämmtlichen Zweigen d. landwirthschaftlichen Gewerbes. Bd. I u. II. — 3 r. 60 c.

Keratry, E., La contre-guérilla française au Mexique. Souvenirs de terres chaudes. — 1 r. 25 c.

Krentzwald, Fr., Esthnische Märchen, übersetzt von F. Löwe. — 1 r. 70 c.

Kurschat, F., Deutsch-lituanisches Wörterbuch. Heft 1. — 90 c.

Lacroix, P., Les arts au moyen âge et à l'époque de la renaissance. — 8 r. 75 c.

Lacroix, P., L'histoire de la vie et du règne de Nicolas I, empereur de Russie. vol. I. — à 4 r. 20 c.

Lagrange, Oeuvres, publiées par J. A. serret. vol. I et III. — à 10 r. 50 c.

Lawrence, Commentaire sur les éléments du droit international et sur l'histoire des progrès du droit des gens de H. Wheaton. Tome I et II. — 5 r. 40 c.

Lecky, History of European morals from Augustus to Charlemagne, 2 vols. — 14 r.

Lescure, M., Nouveaux mémoires du maréchal duc de Richelieu, 1696—1788. 2 vols. — 2 r. 45 c.

Mantegazza, Un giorno a Madera; una pagina dell' igiene d'amore. — 1 r. 40 c.

Massias, Un voyage dans les mers de l'Inde, scènes de la vie maritime. Tome I et II.

Mill, Analysis of the phenomena of the human mind. 2 vols. — 14.

Müller, Facts and arguments for Darwin. — 3 r.

Napoléon III, Oeuvres. Tome I — V. Discours, proclamations, messages etc.

Naumann, Die Tonkunst in d. Culturgeschichte. 1 Bd. 1. Hälfte. — 1 r. 80 c.

Nerval, Voyage en Orient. 7 édit. 2 vols. — 2 r. 45 c.

Pozzi, le prime Analisi del pensiero e della parola, ossia introduzione agli studj della logica e della grammatica generale. — 70 c.

Pozzi, geografica fisica, politica e statistica dell' Italia. — 55 c.

Ranke, L., Sämmtliche Werke. Bd. I—X. — à 2 r. 5 c.

Reis, P., die Sonne. Zwei physikalische Vorträge, nebst einer neuen Sonnenflecken-theorie. — 70 c.

Russell, systematic technical education for the English people. — 7 r.

Safarik, P. J., Geschichte der slavischen Sprache u. Literatur nach allen Mundarten. — 3 r. 60 c.

Saint-Hilaire, souvenirs intimes du temps de l'empire. 3 vols.

Sanders, Handwörterbuch der deutschen Sprache. — 3 r. 40 c.

Samter, Die Reform des Geldwesens. — 90 c.

Schucht, Meyerbeer's Leben u. Bildungsgang. — 2 r. 25 c.

Schwatto, C., Handbuch zur Beurtheilung u. Anfertigung von Bauanschlägen. — 2 r. 5 c.

Siegfried, Seize mois autour du monde 1867—1869, et particulièrement aux Indes, en Chine et au Japon. — 1 r. 5 c.

Spielhagen, F., Hammer u. Ambos. Roman. 5 Bde. — 9 r.

—, Hammer et Ambos. Billige Volksausgabe. 1 Bd. — 2 r. 25 c.

Trebbi, Compendio di anatomia patologica generale tratto dalle lezioni orali del Prof. Cesare Taruffi. vol. I—III. — 3 r. 10 c.

Vilmar, Lebensbilder deutscher Dichter. — 1 r. 10 c.

Vivien de Saint-Martin, M., L'année géographique, revue annuelle des voyages de terre et de mer. — 1 r. 25 c.

Wertheim, F., Werkzeugkunde zum Gebrauche für technische Lehranstalten. Eisenbahnen, Schiffbau und Industrie-Gewerbe. Mit Texte. — 27 r.

Witte, K., Dante — Forschungen. Altes u. Neues. — 6 r. 30 c.

Zeitschrift für Ethnologie und ihre Hilfswissenschaften als Lehre vom Menschen in seinen Beziehungen zur Natur u. Geschichte. Herausgegeben von A. Bastian u. R. Hartmann. 1. Jahrgang, 1869, in 6 Heften. 6 r. 75 c.

ДАЧА НА РЕЙНЪ

РОМАНЪ ВЪ ПЯТИ ЧАСТЯХЪ.

(Переводъ съ рукописи.)

ГЛАВА VI*).

ЗОЛОТО ВСЕМУ ПРЯДЕТЬ ВЛАСЕВЪ.

Является посѣтитель и осматриваетъ домъ, садъ, паркъ, оранжерею и конюшни. «Кому все это принадлежить?» въ изумленіи спрашиваетъ онъ, и получаетъ въ отвѣтъ: «Американцу загадочнаго происхожденія».

Проходя по своимъ владѣніямъ, Зонненкамъ на нихъ смотрѣлъ глазами посторонняго человѣка. Въ его мысляхъ настоящее отодвинулось назадъ, собственная личность какъ-то ступенчалась и ему казалось, что человѣкъ, все это построившій, насадившій и взрастившій, уже давно исчезъ съ лица земли.

Зонненкамъ провелъ рукой по лбу и сдѣлалъ усиліе, чтобъ выдти изъ этого страннаго и тяжелаго состоянія. Что за сила его такимъ образомъ внезапно очаровала и какъ бы заставила сложить съ себя собственную личность? Неужели причину этого необычнаго волненія слѣдовало искать исключительно въ благородной гордости, съ какой одинокая, почти нищая женщина отвергла его блестящее предложеніе?

— Но я еще существую! внезапно воскликнулъ онъ, точно пробуждаясь отъ сна. Я живу, и хочу жить, и всѣ они еще послужатъ мнѣ.

Онъ окинулъ взглядомъ деревья парка. Они стояли непо-

*) См. въ 1868 г.: сент. 5; окт. 615; нояб. 142; дек. 595; и въ 1869 г.: янв. 244; февр. 620; мар. 225; апр. 812; май, 275; июнь, 473; июль, 5 стр. и слѣд.

движно, сія бѣлизной отъ покрывавшаго ихъ инея, и все вокругъ было такъ ясно и тихо, что Зонненкампъ невольно притаилъ дыханіе изъ опасенія нарушить этотъ дивный покой природы.

Онъ приказалъ привести къ себѣ двухъ ньюфаундленскихъ собакъ, которыя, во время пребыванія его на виллѣ, всегда неотлучно при немъ находились. Собаки съ радостнымъ лаемъ бросились къ своему хозяину, и начали въ нему ласкаться. Зонненкампъ улыбнулся. На свѣтѣ все-таки есть существа, которыя его любятъ и рады съ нимъ свидѣться. Собаки безспорно составляютъ лучшее твореніе Божіе. Зонненкампъ въ сопровожденіи ихъ обошелъ огородъ и фрутовый садъ. Здѣсь къ нему вернулось сознаніе его силы и онъ самодовольно смотрѣлъ на подстриженные деревья, тщательныя окутанныя отъ холода, какъ будто бы они были рѣдкія произведенія искусства. Съ какою гордостью перенесъ бы ихъ Зонненкампъ къ себѣ въ столицу и показалъ бы ихъ тамъ своимъ гостямъ.

Гостямъ! Но будутъ ли у него гости? Согласятся ли они къ нему пріѣхать и не обратится ли ему въ стыдъ праздникъ, который онъ такъ торжественно оповѣстилъ по всему городу? Вѣтви фрутовыхъ деревьевъ покорно повинуются его волѣ и принимаютъ именно то направленіе, какое онъ желаетъ имъ дать, — зачѣмъ это люди такъ упорны и не позволяютъ по произволу собой распорядиться? Вдругъ свѣтлая мысль мелькнула въ умѣ Зонненкампа и вызвала на его лицо улыбку. Въ то время въ обществѣ много толковали объ одной пѣвицѣ, которая приводила въ восторгъ весь Парижъ. Зонненкампъ порѣшилъ, чего бы это ему ни стоило, выписать ее для своего вечера и заключить съ ней такого рода условіе, чтобъ она нигдѣ не могла пѣть, кромѣ его дома и развѣ только, въ крайнемъ случаѣ, при дворѣ. Онъ надѣялся привлечь къ себѣ столичное общество общаніемъ такого развлеченія, какового оно не могло нигдѣ встрѣтить, кромѣ его салона.

Зонненкампъ приказалъ увести собакъ, которыя вслѣдствіе этого подняли страшный лай и визгъ. «Визжите сколько хотите, а васъ все-таки уведутъ, подумалъ онъ: хорошо бы постоянно имѣть около себя только такого рода тварей, которыхъ можно по произволу къ себѣ призывать, забавляться ими, а когда они надоѣдаютъ, немедленно ихъ отъ себя прогонять».

Зонненкампъ поѣхалъ на телеграфную станцію и послалъ телеграмму къ своему парижскому повѣренному въ дѣлахъ. Отвѣтъ онъ велѣлъ адресовать къ себѣ въ столицу. Это его успокоило и возвратило ему обычное самообладаніе. Въ высшей степени довольный своей изобрѣтательностью, онъ повинулъ виллу

Эдемъ, гордый сознаниемъ собственнаго превосходства и исполненный презрѣнiя ко всему міру.

Отвѣтъ пришелъ въ тотъ же вечеръ: пѣвица приняла приглашеніе,—согласилась на всѣ условія и собиралась въ столицу. Пранкенъ присутствовалъ при чтеніи этой телеграммы.

Зонненкампъ, желая, чтобъ извѣстіе о пріѣздѣ пѣвицы какъ можно скорѣе распространилось въ обществѣ, намѣревался объявить о немъ въ придворной газетѣ. Но Пранкенъ совѣтовалъ лучше частнымъ образомъ сообщить эту новость тѣмъ и другимъ изъ знакомыхъ, которые въ свою очередь не замедлятъ разгласить ее по всему городу. Онъ самъ вѣдался немедленно подѣлиться пріятнымъ и необычайнымъ извѣстіемъ съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей по военному казино.

Пѣвица пріѣхала и оказалась гораздо болѣе дѣйствительной приманкой, нежели могла бы быть профессорша.

Наканунѣ праздника явилась Белла и съ жаромъ выразила свое желаніе, чтобъ все удалось, какъ нельзя лучше.

И дѣйствительно праздникъ вполне удался. На немъ, кромѣ популярнаго принца съ супругой и американскаго генеральнаго консула съ женой и двумя дочерьми, присутствовало все высшее общество столицы. Приглашенные наперерывъ старались выразить свое удовольствіе и благодарность за всѣ чудеса, какія имъ привелось видѣть. Только Церера была не въ духѣ отъ того, что удивительное искусство пѣвицы затмило роскошь ея наряда. Гости толпой стояли вокругъ пѣвицы, съ которой принцъ Леонардъ проговорилъ съ добрыхъ полчаса, тогда какъ ей, Церерѣ, всего сказалъ нѣсколько словъ.

Зонненкампъ торжествовалъ. Онъ скромно принималъ похвалы и благодарности, но въ душѣ съ презрѣніемъ думалъ:

— Горсть золота все можетъ сдѣлать. Золото доставляетъ почести и общественное положеніе: нѣтъ въ мірѣ вещи, которую нельзя бы было за него купить!

На слѣдующій день въ столицѣ было много толковъ о праздникѣ, подобнаго которому никто не помнилъ. Но съ другой стороны не менѣе говорили и о смерти молодого мужа фрейленъ фонъ-Эндлихъ. Извѣстіе объ этомъ печальномъ событіи пришло еще наканунѣ, но его нарочно задержали, чтобъ не лишить многочисленную родню гофмаршала удовольствія присутствовать на праздникѣ Зонненкампа.

Вечеромъ въ газетѣ, редакторомъ которой былъ профессоръ Крутиусъ, появилось описаніе этого праздника, ловко перемежаемое съ извѣстіемъ о смерти сына гофмаршала. Часть блеска такимъ образомъ была отнята у Зонненкампа и онъ, въ

присутствіи Пранвена, выразилъ мысль, что не дурно было бы бросить горсть золота и этому бѣднягѣ редактору.

Пранвенъ возсталъ противъ этого, находя предосудительными всякія, даже самыя отдаленныя сношенія съ коммунистами, какъ онъ безразлично называлъ всѣхъ членовъ оппозиціонной партіи.

Зонненкампъ не возражалъ, но минутой спустя, обратясь къ Эриху, припомнилъ ему, какъ онъ уже однажды черезъ него посылалъ этому человѣку помощь. Если профессоръ Крутиусъ опять нуждается, онъ, Зонненкампъ, не прочь ему вторично ссудить болѣе или менѣе значительную сумму, лишь бы капитанъ Дорнэ снова взялся быть между ними посредникомъ.

Эрихъ отказался.

Пѣвицу не приглашали пѣть ко двору, найдя это не удобнымъ послѣ того, какъ она уже прежде показала образчикъ своего искусства въ частномъ домѣ. Она уѣхала и вскорѣ ея пѣніе и праздники, на которомъ она блистала, ровно изгладлись изъ памяти столичнаго общества. Зонненкампу пришлось перенести большое горе: его обошли приглашеніемъ на придворный балъ. Тутъ онъ окончательно убѣдился, что герцогъ былъ къ нему очень дурно расположенъ, помня, какъ онъ, послѣ представленія французской пьесы, неловко затронулъ вопросъ, котораго слѣдовало касаться не иначе, какъ весьма осторожно. Пранвенъ съ злобной радостью довелъ это до свѣдѣнія Зонненкампа, надѣясь, что тотъ теперь не будетъ дѣлать ни шагу, предварительно не посоветовавшись съ нимъ.

Вечеръ, назначенный для бала при дворѣ, былъ однимъ изъ самыхъ тягостныхъ для Зонненкампа. Два аристократическія семейства, пріѣхавшія изъ своихъ помѣстьевъ для того, чтобы присутствовать на этомъ празднествѣ, какъ нарочно остановились въ гостинницѣ «Викторія». Зонненкампъ съ затаенной досадой смотрѣлъ на ихъ сборы и отъѣздъ ко двору. Ему стоило не мало труда уговорить Цереру, которая требовала немедленнаго возвращенія на виллу. Она согласилась ѣхать въ столицу и жить тамъ, потому только, что надѣялась быть приглашенной ко двору. Теперь же, когда ея надежды рушились, ей болѣе ничего не оставалось здѣсь дѣлать.

Въ этотъ вечеръ семейство Зонненкампа было лишено даже обычнаго общества совѣтницы, которая еще наканунѣ объявила, что къ сожалѣнію непременно должна будетъ явиться ко двору. Самъ Зонненкампъ, Церера и Роландъ печально сидѣли въ обширныхъ залахъ гостинницы. Въ эти часы невольнаго уединенія Эриху снова удалось найти доступъ къ сердцу своего воспитан-

нига. Мальчикъ тоже сильно досадовалъ на нанесенное имъ всѣмъ оскорбленіе и молча слушалъ о чемъ говорили около него. Вдругъ глаза его широко раскрылись и онъ пристально устремилъ ихъ на Эриха, который старался внушить ему, что всѣ почести въ мірѣ не имѣютъ никакого значенія тамъ, гдѣ нѣтъ сознанія собственнаго достоинства. Отсутствие этого сознанія даетъ себя больно чувствовать въ минуты одиночества, а подобная зависимость отъ другихъ людей, болѣе нежели что-либо, дѣлаетъ изъ человѣка раба.

При словѣ «рабъ» Роландъ весь вострепнулся и напомнилъ Эриху обѣщаніе познакомить его съ состояніемъ рабства у различныхъ народовъ древняго и новаго міра. Эрихъ былъ не мало удивленъ тѣмъ, что мальчикъ, несмотря на всѣ развлеченія, посреди которыхъ жилъ послѣднее время, еще не забылъ думать о вопросахъ, занимавшихъ его во время пребыванія на виллѣ. Онъ обѣщался по возвращеніи на дачу дать ему всѣ объясненія, какія онъ пожелаетъ.

Зонненкампъ съ трудомъ скрывалъ свое недовольство, понимая, что еслибъ высказалъ его, то придалъ бы еще болѣе значенія оказанному ему пренебреженію. Онъ продолжалъ осипать изъявленіями дружбы совѣтницу и ея семейство, все еще не теряя надежды что-нибудь извлечь изъ своихъ близкихъ отношеній съ ними. Не даромъ же онъ далъ имъ таковую большую взятку и неужели онъ послѣ всего допустить себя еще остаться въ дуракахъ?

Молодого вадета Зонненкампъ сдѣлалъ шпиономъ своего сына, давалъ ему много золота съ тѣмъ, чтобы онъ завлекалъ Роланда въ общество игроковъ, а потомъ передавалъ ему, какъ мальчикъ себя тамъ ведетъ. Зонненкампъ былъ не мало удивленъ, узнавъ отъ вадета, что Роландъ постоянно и съ большимъ упорствомъ отказывался отъ игры, ссылаясь на обѣщаніе, которое далъ Эриху никогда не прикасаться къ картамъ.

Зонненкампъ готовъ былъ по этому поводу высказать Эриху всю свою благодарность, но потомъ счелъ за лучшее сдѣлать видъ, будто ничего не знаетъ. Когда Белла пришла за Эрихомъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ отправиться въ музей древностей, Зонненкампъ просилъ ее не упоминать при женѣ о придворномъ праздникѣ. Ему наконецъ удалось успокоить Цереру и теперь не слѣдовало ее болѣе волновать.

Эрихъ взялъ съ собою въ музей Роланда. Белла хорошо поняла, для чего онъ это сдѣлалъ, но не подала ни малѣйшаго повода думать, что общество мальчика было ей на этотъ разъ не вполне пріятно.

На пути въ музей имъ попался на встрѣчу рѣсскій князь. Белла приказала кучеру остановиться и пригласила молодого иностранца къ себѣ въ карету. Она надѣялась, что съ помощью его имъ удастся раздѣлиться на двѣ пары: князь будетъ ходить по заламъ музея съ Роландомъ, а она съ Эрихомъ. Но графиня жестоко ошиблась въ своемъ расчетѣ: Эрихъ ни на шагъ не отпускалъ отъ себя Роланда.

Они съ особеннымъ вниманіемъ разсматривали группу Нюбеи. Белла въ шутку утверждала, что педагогъ, старающійся защитить мальчиѣа отъ стрѣлы, имѣетъ русскій типъ. Напрасно доказывалъ Эрихъ, что этотъ педагогъ, въ сущности рабъ, скоеваго происхожденія, имѣлъ обязанностью не учить мальчиѣа, а только провожать его въ школу и на гулянье. Графиня ничего не слушала и продолжала упорно стоять на своемъ. Далѣе Эрихъ обратилъ вниманіе своихъ сопутниковъ на то, какъ занимающая середину группы дѣвочка прижимается къ матери и въ ея объятіяхъ ищетъ защиты отъ стрѣлъ, между тѣмъ какъ мальчиѣвъ, простирая руки въ пустое пространство, старается самъ себя оградить отъ угрожающей опасности. Роландъ слушалъ молча съ лицомъ не менѣе блѣднымъ, чѣмъ мраморъ, на который онъ пристально смотрѣлъ. Въ глазахъ его былъ непривычный блескъ, а губы, начинавшія покрываться темнымъ пушкомъ, слегка дрожали.

На возвратномъ пути, онъ, трясаясь какъ въ лихорадѣѣ, сказалъ, прижимаясь къ Эриху.

— Помнишь ли ты тотъ день, когда къ тебѣ въ университетскій городокъ пришло письмо съ большой казенной печатью?

— Помню.

— Тебѣ тогда предстояло сдѣлаться директоромъ этого самаго музея. Ну не странно ли, что всѣ эти фигуры стоятъ неподвижно день и ночь, лѣто и зиму,—стоятъ и смотрятъ на посьтителей, тогда какъ тѣ постоянно мѣняются, приходятъ, уходятъ, танцуютъ, веселятся и умираютъ?

— Чтѣ ты говоришь? спросилъ Эрихъ, испуганный словами мальчиѣа и особенно тономъ, какимъ онъ ихъ произносилъ.

— Ахъ, ничего, ничего... Я самъ не знаю чтѣ говорю. Я слышу слова, но не понимаю ихъ смысла. Со мной дѣлается что-то странное.

Эрихъ поспѣшилъ съ мальчиѣомъ домой.

ГЛАВА VII.

ПЕДАГОГЪ И ГРУППА ПЮВЕН.

Церера всякое утро, здороваясь съ сыномъ, говорила:

— Какъ ты блѣденъ, Роландъ!.. Неправда ли, капитанъ, онъ очень блѣденъ? неизмѣнно прибавляла она вслѣдъ затѣмъ, обращаясь къ Эриху и успокоивалась не прежде, какъ получивъ отрицательный отвѣтъ.

На этотъ разъ однако Эрихъ не могъ противорѣчить матери, когда она съ ужасомъ воскликнула:

— Что съ тобой Роландъ? На тебѣ лица нѣтъ!

Эрихъ увелъ мальчика въ его комнату.

— Я самъ не знаю, что со мной, говорилъ Роландъ. Вокругъ меня точно все вертится.. Ай, ай, что это?..

И онъ, опустившись на стулъ, громко заплакалъ.

Эрихъ не зналъ, что дѣлать.

Съ мальчикомъ сдѣлалось дурно.

Черезъ минуту онъ открылъ глаза и дико озирался вокругъ, точно не узнавая окружавшихъ его предметовъ.

— Роландъ, что съ тобой? спросилъ Эрихъ.

Мальчикъ не отвѣчалъ. Лобъ его былъ холоденъ, какъ ледь.

Эрихъ сильно дернулъ за звонокъ и снова наклонился надъ Роландомъ.

Въ комнату вошелъ Зонненкамъ и спросилъ, почему они не идутъ обѣдать.

Эрихъ молча указалъ на Роланда.

Зонненкамъ съ воплемъ отчаянiя бросился къ безчувственному мальчику.

Иозефъ былъ немедленно отправленъ за докторомъ, а Роланда начали съ помощью спирта и солей приводить въ чувство. Зонненкамъ и Эрихъ его раздѣли и уложили въ постель. Роланда трясла сильная лихорадка; зубы его стучали и онъ жалобно стоналъ.

Наконецъ явился докторъ. Когда онъ взглянулъ на больного, лицо его приняло серьезное выраженiе. Зонненкамъ испуганно смотрѣлъ ему въ глаза, точно опасаясь прочесть въ нихъ приговоръ.

— Съ мальчикомъ сильный припадокъ, за исходъ котораго я не могу поручиться, сказалъ докторъ. Какъ часто случалось это съ нимъ прежде?

— Съ нимъ никогда не бывало ничего подобнаго! воскликнулъ Зонненкампъ.

Мало-по-малу мальчика удалось разными домашними средствами привести въ чувство. Первыми его словами было:

— Благодарю тебя, Эрихъ.

Докторъ приказалъ оставить его въ покоѣ, въ надеждѣ, что онъ заснетъ, и самъ ушелъ. Прошелъ часъ, въ высшей степени тягостный для Зонненкампа и для Эриха, которые въ теченіи его едва-ли обмѣнялись парой словъ. Затѣмъ опять явился докторъ и осмотрѣвъ больного, замѣтилъ:

— Нервная система молодого человѣка сильно потрясена. Ему можетъ быть предстоить нервная горячка.

— Несчастье никогда не приходитъ одно, — сказалъ Зонненкампъ, и это были единственные слова, произнесенныя имъ въ теченіи ночи, которую онъ всю провелъ безъ сна, сидя на стулѣ въ сосѣдней комнатѣ. По временамъ, не въ силахъ преодолѣть тревогу, онъ вставалъ, на цыпочкахъ подходилъ къ постели больного и съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивался къ его дыханію.

Церера удивлялась, что не видитъ никого изъ семьи и наконецъ послала спросить о причинѣ отсутствія мужа и сына. Ее успокоили болѣе или менѣе правдоподобными объясненіями. Ночью однако до нея дошелъ слухъ о болѣзни Роланда и она тихонько пробралась къ нему въ комнату. Но увидя его спойно спящимъ, она рѣшилась вернуться въ себѣ и тоже не замедлила погрузиться въ сонъ.

— Несчастье никогда не приходитъ одно, — повторилъ Зонненкампъ, когда на слѣдующее утро докторъ объявилъ, что у Роланда открылась нервная горячка. Онъ совѣтовалъ взять въ домъ сестру милосердія, но Эрихъ замѣтилъ, что никто лучше его матери не сдумѣетъ ухаживать за больнымъ мальчикомъ.

— Вы думаете, что она согласится пріѣхать?

— Непремѣнно.

Въ виноградный домикъ была немедленно отправлена телеграмма. Часъ спустя явился отвѣтъ: профессорша и тетущка Клавдія снаряжались въ путь.

Слухъ о болѣзни прекраснаго юноши быстро разнесся по городу. Мужчины и дамы высшаго круга то и дѣло сами являлись, или посылали своихъ слугъ освѣдомляться о состояніи больного.

Въ полдень, когда солдаты, возвращаясь съ парада, съ му-

звѣной проходили мимо отеля, Роландомъ овладѣло сильное безпокойство и онъ началъ кричать :

— Дикіе идутъ! Дикіе, краснокожіе!... Гайавата!... Духъ смѣха.... Деньги принадлежать дворнику.... онъ и не думалъ ихъ красть!.... Шляпу долой передъ барономъ, говорятъ тебѣ!.... Ахъ, черные, негры!.... Франклинъ, сюда!....

Эрихъ взялся исходатайствовать у командира полка позволеніе, чтобъ солдаты, возвращаясь съ парада, обходили гостиницу, или по крайней мѣрѣ, проходя мимо нея, переставали играть.

Вскорѣ весь снѣгъ стаялъ и мостовую передъ гостиницей «Викторія» устлали соломой для того, чтобъ заглушать шумъ колесъ отъ проѣзжавшихъ мимо экипажей.

Профессорша не замедлила пріѣхать. Зонненкампъ встрѣтилъ ее изъявленіями радости и благодарности, а Церера жалобами на болѣзнь Ролада, которая будто бы усиливала и ея собственное нездоровье. Профессоршѣ не безъ труда удалось ее успокоить. Она между прочимъ посовѣтовала вызвать въ столицу доктора Рихардта, которому хорошо была извѣстна натура больного мальчика.

Зонненкампъ съ благодарностью ухватился за этотъ, по его мнѣнію, мудрый совѣтъ. Онъ радъ былъ призвать на помощь всякую новую силу, лишь бы не оставаться въ бездѣйствіи, которое усиливало его страхъ и тревогу. Доктору Рихардту была послана телеграмма и онъ въ тотъ же день явился поздно вечеромъ. Онъ нашелъ, что больного лечили какъ нельзя лучше и всѣ его совѣты преимущественно клонились къ тому, чтобъ убѣдить Эриха и его мать не оставаться постоянно въ комнатѣ Ролада. Тѣ, которые берутъ на себя обязанность ухаживать за больными, говорилъ онъ, непременно должны доставлять себѣ какъ можно болѣе покоя и развлеченія. Имъ необходимы новыя впечатлѣнія для того, чтобъ поддерживать въ себѣ бодрость духа и тѣмъ самымъ благотворно дѣйствовать на больного. Докторъ не отсталъ отъ профессорши и ея сына, пока они ему не дали формальнаго обѣщанія строго слѣдовать его совѣту.

Послѣ консультаціи съ столичнымъ докторомъ, онъ снова уѣхалъ въ свой городокъ. Передъ отъѣздомъ однако онъ успѣлъ шепнуть Эриху и его матери:

— Берегитесь графини Вольфсгартенъ.

Эрихъ смутился, а профессорша потребовала объясненія этихъ словъ. Докторъ отвѣчалъ, что графиня имѣла обыкновение самымъ настойчивымъ образомъ навязывать больнымъ разныя лекарства. Онъ предостерегалъ, чтобы ихъ ни подъ какимъ видомъ не употребляли.

— Не правда ли, онъ не умретъ? спросилъ Зонненкампъ, провожая доктора на лѣстницу.

Докторъ отвѣчалъ, что въ подобныхъ случаяхъ всю надежду надо возлагать на природу и по возможности предоставлять ей самой дѣйствовать.

Зонненкампъ былъ золъ на всѣхъ и на все. Обладать такими несмѣтными богатствами, какъ онъ, и не имѣть возможности ничего сдѣлать для Роланда! Ему стѣдовало все предоставить природѣ, во всемъ положиться на постороннюю силу, надъ которой онъ не имѣлъ ни малѣйшаго контроля, какъ будто бы самъ онъ и его сынъ были послѣдними изъ нищихъ!

Перера не сходила съ дивана въ большой комнатѣ съ бакономъ. Она лежала посреди птицъ и цвѣтовъ, устремивъ неподвижный взоръ куда-то въ далекое пространство. Отъ нея едва можно было добиться слова, она почти ничего не ѣла и не пила и, не смѣя сама идти къ Роланду, требовала, чтобъ ей ежечасно доносили о состояніи его здоровья.

Отсутствіе дружеской связи въ этомъ семействѣ теперь вполне выступило наружу. Каждый членъ его заботился только о себѣ, полагая, что всѣ остальные существуютъ исключительно для его благосостоянія.

Во время обѣда произошло важное событіе: герцогиня прислала въ больному своего лейбъ-медика. Зонненкампъ распался въ благодарностяхъ за такую честь, сожалѣя только, что она ему была оказана въ столь печальныхъ обстоятельствахъ.

Эрихъ, профессорша и тетушка Клавдія день и ночь неотлучно находились при больномъ, по очереди за нимъ ухаживая. Роландъ никого не узнавалъ. Онъ почти постоянно дремалъ, но по временамъ бредилъ и съ пылающими щеками и необыкновеннымъ блескомъ въ глазахъ, восклицалъ:

— Отецъ танцуетъ на черныхъ головахъ!... Дайте мнѣ сюда мой костюмъ паж! Скорѣй, скорѣй!...

Затѣмъ онъ переходилъ въ болѣе мягкій тонъ и говорилъ:

— Ахъ, это нѣмецкій лѣсъ!... Смирно, Сатана, не смѣй лаять!... Вотъ, возьми ландышъ... Голубой бантъ... Дворникъ укралъ кольцо... Геній смѣха... Позаботьтесь о молодомъ баронѣ... Назадъ, Грейфъ!...

Мальчикъ успокоивался всякій разъ, когда Эрихъ касался рукой его лба. Однажды онъ, въ присутствіи отца, началъ пѣть негритянскую пѣсню, только очень невнятно произносилъ ея слова. Затѣмъ онъ снова началъ метаться по постелѣ и кричать:

— Возьмите прочь большія книги!... Дальше ихъ, дальше отсюда! Онѣ написаны кровью!

Зонненкампъ осѣдомился, пѣлъ ли когда-нибудь Роландъ эту пѣснь въ здоровомъ состояніи и отъ кого онъ могъ ей научиться. Эрихъ отвѣчалъ, что онъ прежде никогда ее не слыгалъ.

Зонненкампъ былъ до крайности вѣжливъ и предупредителенъ съ Эрихомъ и его матерью. Болѣзнь сына, говорилъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ, послужила къ тому, чтобъ заставить его вѣрить въ доброту людей и въ способность ихъ къ самоотверженію. Онъ, по собственному выраженію, готовъ былъ встать передъ профессоршей на колѣни и молиться ей за то, что она, отказавшись участвовать въ празднествахъ, немедленно явилась, когда оказалась нужда въ ея помощи и услугахъ.

Профессорша поняла, что имѣла дѣло еще и съ другого рода больнымъ, кромѣ того, который въ бреду метался на постелѣ. Обращеніе ея съ Зонненкампомъ сдѣлалось очень мягко и ласково и онъ не переставалъ изливать передъ нею свое горе.

— Все, чего я домогаюсь, повторялъ онъ съ отчаяніемъ, все это для моего сына. Если онъ умретъ, я немедленно лишу себя жизни. Никто и не подозрѣваетъ, какъ многое уже во мнѣ умерло. Я человекъ безъ прошлаго—неужели мнѣ будетъ отказано также и въ будущемъ?

— Ужъ не потому ли судьба хочетъ отнять у меня дѣтей, что я самъ не былъ добрымъ сыномъ? какъ-то разъ, забывшись, проговорился Зонненкампъ. Но онъ быстро спохватился и обращаясь къ профессоршѣ, воскликнулъ:

— Не вѣрьте мнѣ, прошу васъ! Я самъ точно въ бреду, и не знаю, что говорю.

Профессорша просила его успокоиться. Всякое волненіе въ людяхъ, близкихъ больному, утверждала она, непосредственно отзывается на немъ. Это странное, ничѣмъ необъяснимое явленіе, которое однако безпрестанно подтверждается опытомъ.

Сидя у постели мальчуга, профессорша прислушивалась къ мѣрному бою часовъ, который въ извѣстные сроки раздавался съ городской башни. Въ ночномъ безмолвіи, посреди думъ о печальной участи богатаго юноши, время шло для нея медленно и тяжело ложилось на ея усталую душу.

Эрихъ жестоко упрекалъ себя за то, что предоставивъ Роланда собственному прозволу, допустилъ его, до истощенія силъ, увечья потовомъ свѣтскихъ удовольствій. Болѣзнь, угрожавшая жизни мальчуга, по всему видно, готовилась давно и только окончательно разразилась въ холодной залѣ музея передъ группою Нюбен. Профессоршѣ не малаго труда стоило успокоивать также и Эриха. Въ эти тяжелыя минуты она одна сохранила

присутствіе духа и въ ней, какъ къ неисчерпаемому источнику нравственной силы, всё обращались за помощію и утѣшеніемъ.

Она отдала Эриху письмо, полученное ею отъ профессора Эйнзидела въ первый день новаго года и освѣдомилась объ учебномъ трудѣ, который ея сынъ, какъ она полагала, предпринялъ безъ ея вѣдома. Эрихъ откровенно разсказалъ ей все, какъ было. Профессорша убѣдилась, что ему ничего не извѣстно о прошлой жизни Зонненкампа и не сочла нужнымъ пока просвѣщать его на этотъ счетъ. Она разсудила, что теперь не слѣдовало обременять его душу новой тяжестью. Эриху и безъ того не легко было владѣть собой посреди опасеній за благополучный исходъ болѣзни Роланда, а впереди его ожидала, вслѣдствіе послѣднихъ событій, еще болѣе усложнившаяся задача воспитанія.

Повинуясь предписанію доктора Рихардта, профессорша ежедневно гуляла и посѣщала своихъ прежнихъ подругъ, въ числѣ которыхъ находилась между прочимъ и жена военнаго министра. Она не безъ облегченія и удовольствія услышала, что Эрихъ, съ поступленіемъ Роланда въ корпусъ, можетъ, если только захочетъ, получить тамъ одну изъ кафедръ. Вообще эти прогулки и посѣщенія ее всегда ободряли и освѣжали.

Эрихъ со своей стороны, тоже, время отъ времени, навѣщалъ своихъ друзей и знакомыхъ, но чаще всего Клодвига. Бела въ этихъ случаяхъ обыкновенно только на минуту показывалась въ комнатѣ мужа и исчезала. Она теперь явно избѣгала оставаться съ Эрихомъ наединѣ.

Пранкенъ былъ очень недоволенъ тѣмъ, что профессоршѣ вызвали изъ ея уединенія, не испросивъ на то предварительно его разрѣшенія. Эти Дорнэ, говорилъ онъ, кончатъ тѣмъ, что совсѣмъ овладѣютъ семействомъ Зонненкампа. Онъ довольно часто приходилъ освѣдомляться о ходѣ болѣзни Роланда, но большую часть времени проводилъ въ домѣ барона фонъ-Эндлиха, въ обществѣ недавно вернувшейся съ Мадеры молодой вдовы.

Эриху, несмотря на все его желаніе, такъ и не удалось поближе сойтись съ Вейдеманомъ. Сначала ему въ этомъ препятствовалъ безконечный рядъ праздниковъ, которые онъ долженъ былъ посѣщать, а потомъ, когда захворалъ Роландъ и онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи много свободнаго времени, засѣданія въ палатѣ депутатовъ прекратились и Вейдеманъ уѣхалъ изъ столицы.

Посреди тревогъ и волненій, въ постоянныхъ переходахъ отъ страха къ надеждамъ прошло нѣсколько недѣль. Бредъ больного принялъ другое направленіе. Онъ все разговаривалъ съ Манной, называлъ ее нѣжными именами, шутилъ съ ней и дразнилъ ее

св. Антоніемъ. До сихъ поръ отъ молодой дѣвушки скрывали болѣзнь брата, находя излишнимъ смущать ея покой.

Зонненкамъ болѣе всего страдалъ отъ бездѣйствія, на которое былъ обреченъ. Его выводила изъ себя невозможность что-либо сдѣлать для облегченія больного и онъ проклиналъ необходимость сидѣть сложа руки и все предоставить дѣйствию природныхъ силъ. Онъ то и дѣло жертвовалъ большія суммы денегъ на бѣдныхъ столицы и на всевозможныя благотворительныя учрежденія. Вспомнивъ рассказы Эриха о педагогическихъ сѣздахъ ученыхъ, онъ подарилъ ихъ обществу значительный капиталъ. Не зная куда дѣваться отъ снѣдавшей его тоски, онъ однажды обратился къ профессоршѣ съ вопросомъ, не думаетъ ли она, что искренняя молитва можетъ принести больному облегченіе.

Профессорша отвѣчала, что она не признаетъ за собой никакого авторитета въ дѣлахъ вѣры. Господину Зонненкампу всего лучше успокоиться и, не полагаясь на ея мнѣніе, слѣдовать внушенію собственнаго сердца. Лицо Зонненкампа послѣ этого приняло еще болѣе унылое выраженіе.

Слыша, какъ Роландъ въ бреду постоянно звалъ къ себѣ сестру, онъ спросилъ у доктора, не надо ли ее дѣйствительно къ нему призвать. Къ великому его облегченію докторъ на это согласился.

Несмотря на терзавшее его горе, Зонненкампу было пріятно думать, что наконецъ представился удобный случай вызвать Манну изъ монастыря. Онъ намѣревался никогда ее болѣе добровольно туда не отпускать и съ облегченнымъ сердцемъ надѣялся, что она и послѣ выздоровленія Роланда согласится остаться дома.

Онъ быстро ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ, размахивая руками и мысленно сжимая въ объятіяхъ своихъ обонхъ дѣтей.

Зонненкамъ написалъ письмо, въ которомъ говорилъ Маннѣ, что докторъ возлагаетъ большія надежды на ея пріѣздъ и съ своей стороны убѣдительно просилъ ее пріѣхать къ брату. Онъ выразилъ желаніе, чтобъ профессорша тоже написала ей нѣсколько словъ, но та отказалась, разъ навсегда принявъ твердую рѣшимость ни въ какомъ случаѣ, ни подъ какимъ предлогомъ не вмѣшиваться въ судьбу Манны. Письмо было вручено осторожному Лутцу, который немедленно отправился съ нимъ въ монастырь.

ГЛАВА VIII.

СЕСТРА ВЪНЪ СЕМЬИ.

Весь островъ, поля на немъ, дорога и деревья были покрыты снѣгомъ, но въ самомъ зданіи монастыря кипѣла, такъ сказать, двойная жизнь. Тамъ дѣти ежедневно представляли въ лицахъ какое-нибудь изъ событій, почти за двѣ тысячи лѣтъ совершившихся въ Ханаанѣ. Манна до такой степени увлеклась этими представленіями, что едва сознавала, гдѣ она находится. Ею овладѣло страстное желаніе побывать въ Іерусалимѣ, взглянуть на святую землю, приложиться ко гробу Господню и взявъ на себя грѣхи близкихъ себѣ, искупить ихъ постомъ и молитвой.

Маленькая дѣвочка, сверчокъ, лежала въ постелѣ больная. Манна, сидя у ея изголовья, съ жаромъ рассказывала ей событія изъ священной исторіи. Легкая улыбка скользнула у ней по лицу, когда, внимательно слушавшая ее, дѣвочка внезапно спросила:

— А въ Іерусалимѣ теперь тоже снѣгъ?

Манна, вполне перенесшаяся въ эпоху, къ которой относился ея рассказъ, вовсе забыла, какое теперь было время года. Она, приподнявъ глаза, выглянула въ окно, но въ эту самую минуту въ комнату вошла монахиня изъ прислужницъ и вручила ей письмо.

— Гдѣ посланный? спросила молодая дѣвушка.

— Въ приѣмной.

— Пусть онъ подождетъ отвѣтъ, сказала Манна и еще разъ прочла письмо.

Она въ волненіи начала ходить взадъ и впередъ по кельѣ. Ей, было, пришло на умъ пойти за совѣтомъ къ настоятельницѣ, но минуту спустя, она оттолкнула отъ себя эту мысль. Развѣ въ подобнаго рода вещахъ могутъ за насъ рѣшать другіе люди?

Манна закрыла рукой глаза и, когда отняла ее отъ лица, почувствовала на ней слѣды слезъ.—Ты забыла, что никогда и ни о чемъ не должна плакать, заговорилъ въ ней внутренній голосъ.

— Что съ тобой? спросила маленькая дѣвочка, пристально на нее смотря съ своей постельки. На кого ты сердилась?

— Я не сержусь... Развѣ я похожа на злую?

— Нѣтъ, теперь ты опять сдѣлалась доброй... Не уходи отъ

меня, Манна... останься со мной, пожалуйста останься... не остав-
ляй меня. Я умру...

Манна наклонилась надъ ребенкомъ и старалась его успо-
коить.

«Для тебя настало тяжкое испытаніе, говорилъ ей между
тѣмъ внутренній голосъ: пришла минута, въ которую ты должна
доказать, что въ тебѣ сильнѣе—любовь къ семьѣ, или любовь къ
человѣчеству вообще и къ Богу. Да, да, ты должна...»

Она поручила маленькую дѣвочку монахинѣ, которая дожи-
далась отвѣта, а сама, обѣщавшись скоро вернуться, отправилась
въ церковь. Взоръ ея случайно упалъ на лицъ св. Антонія. Она
быстро опустила глаза, но мысль ея невольно остановилась на
молодомъ человѣкѣ, который теперь ухаживалъ за больнымъ Ро-
ландомъ. Въ тоскѣ и недоумѣніи поверглась она передъ обра-
зомъ Спасителя и начала горячо молиться. Долго лежала она на
холодныхъ плитахъ церкви, закрывъ лицо руками, и когда под-
нялась, рѣшимость ея была принята.

— Я должна и могу! воскликнула она. Я вся принадлежу
вѣчности и обязана посвятить себя служенію ей. За Роландомъ
хорошій уходъ и къ тому же онъ никого не узнаеть. Если я
пойду къ нему, онъ ничего отъ этого не выиграеть, а только я
сама буду спокойнѣе, избавивъ себя отъ мукъ неизвѣстности.
Между тѣмъ какъ здѣсь больная дѣвочка нуждается въ monkъ
попеченіяхъ. Могу ли я еще колебаться и быть въ нерѣшимос-
ти на счетъ того, что мнѣ предстоитъ дѣлать? Я останусь
здѣсь, на своемъ посту и исполню обязанность, которую на
меня возлагаетъ Высшая Сила.

Манна вспомнила рассказъ настоятельницы о томъ, какъ у
ней умирали отецъ и мать, а она не дерзнула нарушить свой
обѣтъ и пойти проститься съ ними. Молодая дѣвушка хотѣла
добровольно, не будучи еще связана никакимъ обѣтомъ, посту-
пить точно такимъ же образомъ. Потомъ ей пришло на умъ,
что для Роланда можетъ быть лучше умереть въ невѣдѣніи
страшной тайны, испортившей ея собственную жизнь, и зла, во-
торое царствуетъ въ мірѣ. Мысль эта, какъ острый ножъ, вон-
зилась ей въ сердце, но она тѣмъ не менѣе осталась при своей
рѣшимости.

Манна вернулась въ келью съ намѣреніемъ высказать въ
письмѣ къ родителямъ все, что въ ней происходило. Но трудъ
этотъ оказался выше ея силъ. Она пошла въ приемную и въ
короткихъ словахъ объявила Лутцу, что не можетъ съ нимъ
бѣжать.

Затѣмъ она долго стояла у окна своей кельи и пристально

смотрѣла на разстилавшійся передъ ней безжизненный ландшафтъ.

На дворѣ была оттепель и съ крыши монастыря быстро, одна за другой, падали капли растаявшаго снѣга. Точно также и изъ глазъ Манны, по лицу ея, струились крупныя слезы. Она не удерживала ихъ, но, позволяя имъ свободно течь, все-таки не измѣняла своего рѣшенія. Почти всю ночь провела она въ молитвѣ и только на слѣдующее утро рассказала настоятелю о томъ, что сдѣлала.

Настоятельница выслушала ее молча и въ отвѣтъ только одинъ разъ одобрительно кивнула ей головой.

Манна въ уединеніи своей кельи еще разъ прочла письмо отца и тутъ только замѣтила, что при Роландѣ находилась также и мать Эриха. Бумага задрожала въ ея рукахъ, при мысли о братѣ, который лежалъ въ бреду и звалъ ее къ себѣ. Но почему отецъ ничего не пишетъ о Прангенѣ? Гдѣ онъ? задавала она себѣ вопросы. Потомъ, опомнясь, она упрекала себя за пристрастіе къ свѣту и его соблазнамъ и съ внезапной рѣшимостью бросила письмо въ каминъ. Пламя мгновенно охватило влочекъ бумаги. Манна пристально слѣдила за легкими струйками дыма, которымъ, отъ него отдѣляясь, улетали въ трубу.

Такъ точно какъ съ этимъ письмомъ, думала она, и съ ней должно быть все кончено. Она не смѣетъ и не должна имѣть ничего общаго съ міромъ.

ГЛАВА IX.

ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ.

— Онъ спасенъ! свазалъ докторъ.

— Онъ спасенъ! переходило изъ устъ въ уста, изъ дома въ домъ и вся маленькая столица радовалась избавленію мальчика отъ опасности.

Докторъ однако еще предписывалъ большую осторожность и совѣтовалъ отдалять отъ мальчика все, что могло его хоть сколько-нибудь волновать. Роландъ теперь часто жаловался на скуку и желалъ переменъ. Докторъ и Эрихъ говорили ему, что онъ уже вкусилъ много удовольствій передъ болѣзнью и утѣшали его тѣмъ, что скука отъ бездѣйствія есть первый признакъ выздоровленія. Роланду приходилось также терпѣть голодъ, такъ какъ ему еще не позволяли вполнѣ удовлетворять свой возрождавшійся аппетитъ. Но онъ старался терпѣливо переносить

ить всё эти лишения и однажды съ сияющимъ лицомъ сказалъ:

— Гайавата добровольно подвергалъ себя голоду. Помнишь ли, Эрихъ, какъ я, когда мы съ тобой въ первый разъ читали эту поэму, замѣтилъ, что только человѣкъ способенъ такимъ образомъ сознательно лишать себя пищи. Теперь мнѣ приходится на дѣлѣ оправдывать мои тогдашнія слова.

Роландъ былъ особенно ласковъ и нѣженъ съ матерью Эриха. Въ бреду онъ ее одну узнавалъ и всегда съ ужасомъ вспоминалъ объ усиліяхъ, какія тогда дѣлалъ, чтобъ ей это сказать. Но у него постоянно срывались съ языка совершенно другія слова, да къ тому же и профессорша никогда долго съ нимъ не оставалась.

Роландъ очень обрадовался, въ первый разъ увидѣвъ ландыши и припомнилъ, что тоже о нихъ бредилъ.

— А Манны здѣсь не было? спрашивалъ онъ между прочимъ. Я постоянно видѣлъ передъ собой ея черные глаза.

Ему отвѣчали, что Манна не могла оставить монастыря по случаю опасной болѣзни маленькой дѣвочки, которую звали сверчкомъ.

Роландъ потребовалъ фотографическій портретъ, изображавшій его въ костюмѣ пажа, и сказалъ Эриху:

— Ты былъ правъ, когда говорилъ, что онъ въ будущемъ составитъ для меня пріятное воспоминаніе. Это будущее настало теперь, по крайней мѣрѣ мнѣ кажется, что я съ тѣхъ поръ прожилъ цѣлый десятокъ лѣтъ. Дай мнѣ зеркало: я хочу посмотреть, насколько я измѣнился.

— Теперь нельзя, отвѣчалъ Эрихъ: но черезъ недѣлю я исполню твое желаніе.

Роландъ былъ послушенъ, какъ малое дитя, и благодаренъ за оказываемыя ему попеченія, какъ совершенно выросшій, сознательный человѣкъ. Въ первые же дни своего выздоровленія, онъ просилъ у Эриха позволенія высказать ему то, что тяжелымъ камнемъ лежало у него на сердцѣ.

— Я согласенъ тебя выслушать, отвѣчалъ Эрихъ, если ты мнѣ обещаешься говорить спокойно.

— Хорошо, только напомни мнѣ, если я забудусь. Слушай же. Мнѣ казалось, что я плылъ по открытому морю. Вокругъ моего корабля рѣзались дельфины, которые внезапно превратились въ негритянскія головы. Въ то же мгновеніе изъ глубины волнъ вынырнула высокая каеэдра, а на ней стоялъ Теодоръ Паркеръ. Онъ громкимъ, заглушавшимъ шумъ вѣтра го-

жосомъ читаль проповѣдь... Корабль плыль все далѣе и далѣе, каюдра, не отставая отъ него, тоже быстро неслась...

— Ты уже начинаешь волноваться, перебилъ его Эрихъ.

Роландъ, понизивъ голосъ, но отчетливо, съ особеннымъ удареніемъ произнося каждое слово, продолжалъ:

— Но самое удивительное еще впереди. Я кажется тебѣ уже рассказывалъ, что годъ тому назадъ, когда я убѣжалъ изъ дому, отыскивая тебя, мнѣ случилось заснуть въ лѣсу. Вдругъ я проснулся и увидѣлъ передъ собой дѣвочку съ длинными, блондуриными локонами. «Это нѣмецкій лѣсъ», сказала она, а я подаль ей цвѣтокъ ландыша. Затѣмъ она сѣла въ экипажъ и быстро скрылась изъ виду. Вѣдь ты помнишь все это, — не правда ли?... Но во снѣ, мнѣ все это казалось еще прекраснѣе и еще удивительнѣе. «Это нѣмецкій лѣсъ!» раздавалось вокругъ меня на различные лады и ничто не можетъ сравниться съ дивной мелодіей, которая звучала въ этихъ словахъ. Мнѣ все казалось, что ихъ поютъ сотни голосовъ, слышанные нами на музыкальномъ праздникѣ. Ты себѣ не можешь представить, какъ это было хорошо!... ахъ, такъ хорошо....

— Довольно, снова перебилъ его Эрихъ. Ты слишкомъ много говорилъ и теперь я тебя оставлю одного.

Онъ пошелъ къ матери и передалъ ей рассказъ мальчика, который принималъ чисто за бредъ разстроеннаго воображенія. Ловчій ему уже давно жаловался, что мальчиномъ овладѣла какая-то странная фантазія, которая имѣла на него сильное вліяніе. Эрихъ находилъ весьма страннымъ, что Роландъ и теперь, даже послѣ болѣзни, все еще продолжалъ считать эту мечту, или сонъ за дѣйствительность.

Профессорша полагала, что во время путешествія мальчика съ нимъ вѣроятно случилось нѣчто подобное, но совѣтовала избѣгать съ нимъ разговоровъ объ этомъ предметѣ, чтобъ не возбуждать его все еще не вполне успокоившагося воображенія. Малѣйшее нервное раздраженіе, или волненіе, говорила она, можетъ имѣть дурныя послѣдствія и должно непременно замедлить нравственное и физическое выздоровленіе больного.

Когда Роландъ въ первый разъ всталъ съ постели, всѣ были поражены тѣмъ, какъ онъ много выросъ. Его самого несказанно радовала густота чернаго пушка; который теперь въ изобиліи покрывалъ его верхнюю губу и подбородокъ.

Увидя разостланную передъ домомъ солому, онъ сказалъ:

— Весь городъ зналъ о моей болѣзни и сочувствовалъ мнѣ. Доброта, какую мнѣ со всѣхъ сторонъ оказываютъ, глубоко меня трогаетъ. Я чувствую безграничную благодарность къ лю-

дѣль и постараюсь, чтобъ въ теченіи моеѣ жизни ни одинъ челоувѣкъ не обращался ко мнѣ даромъ за помощью, или услугою.

Эрихъ и его мать обмѣнялись удивленнымъ взглядомъ. Они были поражены и глубоко тронуты этой полнотою возвращенія къ жизни и пробужденіемъ въ душѣ юноши высшихъ нравственныхъ силъ, которыя болѣзнь, повидимому, въ немъ окончательно развила и укрѣпила.

— Вамъ говорилъ Эрихъ, что я въ бреду видѣлъ между прочимъ и Теодора Паркера? спросилъ Роландъ.

— Да. Но теперь ты долженъ отдохнуть.

— Нѣтъ, погодите, мнѣ надо вамъ еще что-то сказать.

Потребовавъ свою записную книжку, онъ сталъ искать въ ней имя дворника, котораго одно время подозрѣвалъ въ воровствѣ. Роландъ упрекалъ себя въ томъ, что до сихъ поръ не позаботился его отыскать. Онъ зналъ только, что этотъ дворникъ поступилъ въ военную службу и въ настоящее время находился при своемъ полку.

Солдатъ, благодаря стараніямъ Эриха, былъ вскорѣ найденъ и приведенъ къ Роланду, который вручилъ ему сумму денегъ, равную той, какая находилась у него въ портъ-монне во время его ночного странствованія. Увѣщанія Эриха солдату, чтобъ онъ воздержался отъ слишкомъ шумныхъ изъясненій благодарности и вообще не давалъ воли своему языку, оказались совершенно излишними. Онъ и безъ того ни слова не могъ произнести отъ удивленія. Огромная гостиница, роскошная спальня, прекрасный юноша, предлагающій деньги, — все это казалось ему чудеснымъ спомъ, отъ котораго онъ боялся пробудиться.

Послѣ этого Роландъ, вполне спокойный и счастливый, легъ отдохнуть на постель. Пришелъ Зонненкампъ и онъ сталъ просить у него позволенія раздать бѣднымъ всѣ свои платья, которыя носилъ до болѣзни.

— Хорошо, сказалъ отецъ, а ты самъ не хочешь-ли теперь же одѣться въ военный мундиръ?

— Нѣтъ еще пока. Я теперь хочу только одного, а именно, какъ можно скорѣй вернуться домой, на виллу. Ахъ, да, поѣдемте домой, домой!...

Зонненкампъ обѣщался исполнить его желаніе.

Профессорша не замедлила отыскать молодыхъ людей, которымъ платья Роланда пришлось какъ разъ въ пору. Узнавъ объ этомъ, онъ радостно воскликнулъ:

— Отлично! Теперь мои платья гуляютъ по городу въ ожиданіи, пока я самъ появлюсь на его улицахъ.

Слыша, какое участіе всѣ принимали въ его выздоровленіи,

онъ просилъ отца всё и каждому передать свою искреннюю благодарность.

Зонненкампъ и самъ былъ отъ этого не прочь. Ему такимъ образомъ представлялся отличный случай сблизиться съ мужчинами и дамами высшаго круга.

Въ каретѣ, запряженной парой превосходныхъ лошадей, отправился Зонненкампъ по городу съ визитами. Онъ желалъ, чтобъ его сопровождала Церера, но та отказалась съ обычнымъ своимъ упорствомъ. За то ему сопутствовала профессорша, которая однако сначала тоже не хотѣла съ нимъ ѣхать. Но Роландъ, съ своей стороны, сталъ убѣждать ее, говоря, что это первая просьба, съ какой онъ въ ней обращается послѣ своего возвращенія къ жизни. Ей ничего болѣе не оставалось, какъ согласиться.

Но если этой благородной женщинѣ тяжело было показываться въ люди въ обществѣ такого человѣка, какъ Зонненкампъ, за то онъ много выигралъ отъ ея присутствія. Передъ нимъ, какъ по волшебству, растворялись двери всѣхъ домовъ, гдѣ Лутцъ, отдавая его карточку, произносилъ также и ея имя.

Профессорша сама не понимала, какъ она могла согласиться на эту поѣздку съ Зонненкампомъ. Она такимъ образомъ еще болѣе скрѣпляла связь съ человѣкомъ, съ которымъ, напротивъ, всячески желала ее разорвать. А Зонненкампъ, какъ нарочно, безпрестанно обращался къ ней съ просьбой, не лишать Роланда ея материнскихъ заботъ.

На Зонненкампа вездѣ смотрѣли покровительственно, свысока и едва обращали на него вниманіе. Но онъ постоянно очень ловко втирался въ разговоръ, избирая темой его высокія качества профессорши. А въ заключеніе онъ всюду говорилъ, что вообще считаетъ за великое для себя счастье свои дружескія отношенія съ семействомъ Дорнэ.

Но, несмотря ни на что, эти визиты все-таки доставили Зонненкампу много удовольствія. Его любимой забавой было льстить людямъ и затѣмъ наблюдать, какое впечатлѣніе производятъ на нихъ его лесть. Такъ и теперь онъ пустилъ въ ходъ всю свою батарею высокопарныхъ рѣчей и внутренно наслаждался тѣмъ, что, дурача зная, мстилъ ей за ея высокомерное обращеніе съ нимъ. Тамъ, гдѣ сначала его едва слушали, допуская только къ самому ничтожному участию въ разговорѣ, онъ теперь значительно выдвинулся впередъ, благодаря ловкости, съ какой умѣлъ всѣхъ заинтересовать своей родительской любовью и оживленными разказами о своей прошлой, богатой опытами жизни. Не мало также расположило къ нему всѣхъ

признаніе въ томъ, что онъ былъ гораздо худшаго мнѣнія о людяхъ, пока судьба не свела его съ семействомъ Дорнэ, которое научило его вѣрить во всѣ благородныя стремленія человеческой души. Спускаясь внизъ по лѣстницамъ аристократическихъ домовъ, Зонненкампъ самодовольно улыбался. Онъ былъ увѣренъ, что немедленно по выходѣ его изъ гостинной, тамъ начинались толки о немъ. «Мы до сихъ поръ не знали этого человѣка, говорили всѣ: онъ очень уменъ и въ немъ много сердечной теплоты».

Зонненкампъ былъ особенно любезенъ съ членами орденовской комиссіи, расположеніе которыхъ ему Пранкенъ сильно совѣтовалъ приобрести. Болѣзнь Роланда такимъ образомъ дала новый толчекъ стремленію Зонненкампа выдти изъ своего настоящаго положенія и занять мѣсто въ кругу высшаго общества. Съ другой стороны, профессорша принуждена была противъ воли содѣйствовать осуществленію его плана.

Обращеніе Зонненкампа съ профессоршей отличалось особенной вѣжливостью, такъ какъ она болѣе прочихъ доставила ему торжества. Ея отказъ пріѣхать въ столицу въ началѣ сезона, съ тѣмъ чтобъ стать во главѣ его дома, оказался безполезнымъ: ему все-таки удалось обратить ее въ свое орудіе. Онъ все болѣе и болѣе чувствовалъ презрѣнія къ людямъ, вида въ нихъ вуколь, которыми, съ извѣстной долей ловкости, легко можно было управлять. Однимъ золото служило приманкой, другимъ восторженныя похвалы ихъ сердцу и уму.

ГЛАВА X.

ОРДЕНЪ СЪ ТРЕМЯ ВОПРОСИТЕЛЬНЫМИ ЗНАКАМИ.

Дѣло дошло и до герцогини. У ней просили аудіенціи подъ предлогомъ принесенія ей благодарности.

Герцогиня отвѣчала, что очень рада будетъ видѣть профессору и тѣмъ самымъ отклонила отъ себя дальнѣйшія домогательства со стороны Зонненкампа.

Послѣдній однако еще настаивалъ на томъ, чтобъ Роландъ написалъ благодарственное письмо, которое профессорша должна была передать герцогинѣ. Мальчикъ сочинилъ два письма, но ни одно изъ нихъ не заслужило одобренія Зонненкампа. Онъ даже такъ неосторожно и грубо ихъ отвергнулъ, что привелъ Роланда въ лихорадочное состояніе, которое заставило опасаться возвращенія болѣзни.

Профессорша застала мальчика въ этомъ возбужденномъ состояніи и поспѣшила успокоить его обѣщаніемъ словесно передать герцогинѣ все то, что онъ хотѣлъ написать ей въ письмѣ. Роландъ дѣйствительно успокоился, но то кроткое, безмятежное настроеніе духа, въ которомъ онъ находился все это время, его внезапно покинуло и долго потомъ къ нему не возвращалось.

Профессорша отправилась во дворецъ, а Зонненкампъ въ близъ-лежащій паркъ, откуда могъ видѣть стоявшихъ у подъѣзда слугъ и варету. Ему хотѣлось какъ можно скорѣе узнать, что о немъ будетъ говорено. А профессоршу между тѣмъ ожидало одно изъ самыхъ тяжелыхъ испытаній, какимъ она доселѣ подвергалась. Ей пришлось выслушивать похвалы, которыя герцогиня расточала Зонненкампу за его мнимыя великодушія и благотворительность. Совѣтница, занимавшая во дворцѣ должность статсъ-дамы, постаралась внушить герцогинѣ это выгодное мнѣніе о богатомъ американцѣ и профессорша не смѣла ей противорѣчить.

Она сильнѣе нежели когда-либо чувствовала, въ какое фальшивое положеніе была поставлена. Ее теперь заставляли разгрывать при дворѣ такую же двусмысленную роль, какъ не долго передъ тѣмъ въ монастырѣ. За кого бы сочли ее самое, еслибъ она во всеуслышаніе объявила то, что знала о проломѣ челоуѣва, съ которымъ находилась въ такихъ тѣсныхъ отношеніяхъ?

На возвратномъ пути въ гостинницу, она была испугана крикомъ, который внезапно раздался у самаго окна ея вареты.

— Стой! воскликнулъ чей-то голосъ и минуту спустя, Зонненкампъ сидѣлъ рядомъ съ ней въ экипажѣ.

Профессорша должна была немедленно передать ему все, что говорила герцогиня. Зонненкампъ остался очень доволенъ ея разсказомъ и даже до того забылся, что произнесъ въ слухъ:

— Болѣзнь Роланда всѣмъ намъ принесла счастье. Но вслѣдъ за тѣмъ онъ поспѣшилъ прибавить, что счастье это заключалось въ дружбѣ, какую госпожа Дорнэ выказывала въ его семейству. Профессорша и это принуждена была выслушать молча, а сверхъ того еще разъ, въ присутствіи Прангена, повторить слова герцогини.

Она чувствовала, что все болѣе и болѣе запутывается и съ нетерпѣніемъ ждала минуты, когда останется одна, чтобы собраться съ мыслями и уяснить себѣ свое положеніе.

Вечеромъ пришелъ Клодвигъ и частнымъ образомъ уведомили Зонненкампа, что ему присужденъ орденъ.

Когда онъ ушелъ, Пранкенъ бросился на шею къ Зонненкампу и обнимая его воскликнулъ:

— Это первый шагъ, первая ступень къ дальнѣйшимъ почестямъ.

Зонненкампъ былъ очень доволенъ и, попросивъ Пранкена обождать его въ залѣ, пошелъ къ Церерѣ, объявить ей о выпавшемъ на ихъ долю счастьѣ.

— Что мнѣ въ этомъ? тожно проговорила она! Это касается тебя одного.

Зонненкампъ выразилъ надежду, что теперь, по всѣмъ вѣроятностямъ, и дворянскій дипломъ не заставитъ себя долго ждать.

— Ахъ, у нихъ здѣсь все такъ медленно дѣлается! возразила Церера.

Зонненкампъ подтвердилъ ея мнѣнiе на счетъ скучныхъ формальностей, которыхъ такъ строго придерживается Старый Свѣтъ. Но вслѣдъ затѣмъ онъ посоветовалъ женѣ вооружиться терпѣнiемъ.

— А я все-таки рада, что ты получилъ орденъ, замѣтила Церера. Теперь по крайней мѣрѣ въ обществѣ всякій будетъ видѣть, что ты не лакей.

Зонненкампъ съ усмѣшкой повачалъ головой, но воздержался отъ дальнѣйшихъ объясненiй съ женой.

Нѣсколько дней спустя передъ гостинницей «Викторiа» былъ большой съѣздъ экипажей. Чуть ли не весь городъ явился поздравить Зонненкампа съ орденомъ.

Онъ съ скромнымъ видомъ принималъ поздравленiя, между тѣмъ, какъ Роландъ не помнилъ себя отъ радости. Мальчижъ гордился своимъ отцомъ и хотѣлъ, чтобъ тотъ постоянно носилъ въ петличѣхъ орденскую ленту.

Но къ этой радости не замедлила примѣшаться капля горечи. Въ газетѣ профессора Крутиуса появилась замѣтка слѣдующаго содержания:

«Господинъ Зонненкампъ съ виллы Эдемъ, переселившiйся къ намъ изъ Гаванны, всемилоостивѣйше пожалованъ орденомъ «за заслуги». Мы слышали, будто онъ удостоился этой награды за успѣшное облагороживанiе различныхъ породъ фруктовыхъ деревьевъ, которое повидимому включаетъ и облагороживанiе самого ихъ владѣльца. Но между прекрасными растенiями, украшающими сады Эдема, къ сожалѣнiю, недостаетъ столь уважаемаго въ нашемъ благословенномъ отечествѣ родословнаго дерева.»

Посѣтители Зонненкампа старались подмѣтить, какое впечатлѣнiе производила на него эта колкая замѣтка. Онъ притво-

рался равнодушнымъ, но мысленно далъ себѣ слово, съ помощью золота, привлечь на свою сторону еще и общественное мнѣніе, которое обыкновенно считается непоколебимымъ и славится независимостью своихъ сужденій и приговоровъ.

Онъ отправился въ редакцію. Тамъ его провели въ комнату профессора Крутіуса, который принялъ его въ высшей степени вѣжливо. Зонненкампъ прежде всего объявилъ, что онъ въ Америкѣ привыкъ къ гласности, а затѣмъ прибавилъ, что вообще любить и понимаетъ шутку. Крутіусъ не счелъ за нужное возражать.

Зонненкампъ выразилъ свое удовольствіе, что видитъ его въ такомъ цвѣтущемъ положеніи, занимающемъ столь значительный постъ. Крутіусъ въ знакъ благодарности поклонился.

Въ комнатѣ горѣлъ газъ. Зонненкампъ попросилъ позволенія курить и предложилъ сигару профессору Крутіусу. Тотъ съ признательностью принялъ.

— Мнѣ хорошо памятно, началъ Зонненкампъ, одно ваше слово, которое вы произнесли у меня на виллѣ, когда я имѣлъ честь васъ тамъ принимать. У васъ достало мужества сказать, что Америка идетъ на встрѣчу монархіи.

— Ахъ, да, полусутоливо, полу-серьезно отвѣчалъ Крутіусъ. Это въ то время составляло мой любимый предметъ разговора. Я видѣлъ предзнаменованіе монархіи въ томъ, что передовые люди Америки какъ будто начали удаляться отъ политики.

Крутіусъ остановился.

— А теперь ваше мнѣніе измѣнилось? спросилъ Зонненкампъ.

Онъ зналъ, что о немъ ходили слухи, будто его пребываніе въ Европѣ имѣло связь съ основаніемъ мексиканской имперіи, откуда монархической образъ правленія долженъ былъ распространиться по всему Новому Свѣту. Ему было пріятно слыть за агента одного изъ южныхъ штатовъ, который слагался въ имперію, и онъ не опровергалъ этихъ слуховъ. Крутіусъ долге не отвѣчалъ, подозрительно и лукаво поглядывая на своего гостя.

— Да, сказалъ онъ наконецъ: мое мнѣніе измѣнилось. Бездѣйствіе передовыхъ людей прекратилось: объ этомъ свидѣлствуютъ газеты и митинги. Кромѣ того, господинъ Вейдеманъ показывалъ мнѣ письма своего племянника, доктора Фрица, изъ которыхъ ясно видно, что въ Америкѣ совершился поворотъ къ лучшему. Тамъ снова пробудились гражданскія доблести и завилѣла борьба партій.

— А, Вейдеманъ! повторилъ Зонненкампъ. Я слышалъ, онъ участвуетъ въ вашей газетѣ.

— Извините, для меня не существуетъ отдѣльный человѣкъ, я имѣю дѣло только съ партіями.

— Вотъ истинно по-американски! Отлично! воскликнулъ Зонненкампъ. За тѣмъ онъ выразилъ сожалѣніе, что Германія въ дѣлѣ прессы такъ далеко отстала отъ другихъ народовъ. Продолжая въ томъ же тонѣ, онъ замѣтилъ, что былъ бы не прочь со своей стороны ссудить средствами, необходимыми для основанія новой газеты, человѣка, обладающаго способностями и опытностью профессора Крутіуса.

— Объ этомъ стоить подумать, сказалъ Крутіусъ, всталъ съ мѣста и подойдя къ кассѣ, открылъ ее. Онъ явно имѣлъ намѣреніе возвратитъ Зонненкампу деньги, которые тотъ ему уже однажды далъ. Но онъ вдругъ остановился и почти вслухъ произнесъ: «нѣтъ еще, не теперь, погоди, я съ тебя прежде публично требую росписку.» И заперевъ кассу, онъ снова сѣлъ на стулъ, противъ Зонненкампа.

— Мнѣ еще слѣдуетъ передъ вами извиниться, неожиданно сказалъ онъ: когда я имѣлъ честь быть у васъ на виллѣ, я принялъ васъ за извѣстнаго Банфильда, пользующагося такой дурной славой въ Америкѣ.

И онъ пытливо смотрѣлъ на Зонненкампа, который съ невозмутимымъ спокойствіемъ отвѣчалъ:

— Благодарю васъ за откровенность. Недоразумѣнія, какого бы они ни были рода, всегда слѣдуетъ разъяснять. Къ сожалѣнію, меня уже не разъ смѣшивали съ этимъ человѣкомъ. Я однажды нарочно ѣздилъ въ Виргинію для того, чтобъ взглянуть на моего двойника. Но мнѣ это не удалось: онъ незадолго передъ моимъ приѣздомъ умеръ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Странно, что я до сихъ поръ не слышалъ о его смерти! Племянникъ господина Вейдемана, который велъ ожесточенную борьбу съ этимъ Банфильдомъ, не упоминаетъ объ этомъ въ своихъ письмахъ. Но вы себѣ не можете представить, до чего вы на него похожи! Когда я буду писать некрологъ Банфильда, я не забуду сказать нѣсколько словъ объ этомъ удивительномъ сходствѣ.

— Что до меня касается, съ улыбкой замѣтилъ Зонненкампъ, то я, лично, рѣшительно ничего противъ этого не имѣю. Но вамъ хорошо извѣстна щепетильность европейской аристократіи и я боюсь, чтобъ такого рода намекъ не былъ... въ высшей степени непріятенъ моей женѣ и дѣтямъ.

Крутіусъ еще разъ повторилъ, что отдѣльныя личности и ихъ чувствованія не имѣютъ для него никакого значенія. Онъ имѣетъ въ виду одни только принципы и за нихъ ратуетъ. Зон-

ненкампъ похвалилъ его за это и сказалъ, что въ такого рода возрѣвнiяхъ и въ нихъ однихъ, видить задатки новыхъ успѣховъ европейскаго образованiя.

Крутиусъ весьма вѣжливо проводилъ Зонненкампа внизъ по лѣстницѣ, въ самому выходу изъ редакціи. Но возвратясь назадъ въ свою комнату, онъ отворилъ окно: ему было душно и онъ хотѣлъ освѣжиться.

— Это онъ: въ томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнiя, проговорилъ онъ вслухъ. Берегись, вновь пожалованный кавалеръ ордена «за заслуги»! Ты у меня въ рукахъ и я теперь скоро намѣренъ за тебя приняться!

Онъ отыскалъ нумеръ газеты съ замѣтвой о пожалованiи Зонненкампа орденомъ и сдѣлавъ на ней краснымъ карандашомъ три крупныхъ восклицательныхъ знака, спряталъ ее въ особое отдѣленіе, съ надписью: «для употребленiя въ будущемъ».

ГЛАВА XI.

ВСЕ ВНОВЬ ОЖИВАЕТЪ.

Принцъ Леонгардъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, забылъ, что намѣревался пригласить къ себѣ Зонненкампа. Послѣднему не удалось также и поблагодарить герцога за милостивое участіе къ Роланду во время его болѣзни. Часть двора, и въ томъ числѣ Пранкенъ, на неопредѣленное время отправились въ загородный дворецъ, гдѣ приготовлялась для герцога ранняя весенняя охота.

Пранкенъ уѣхалъ изъ столицы въ очень дурномъ расположеніи духа. Онъ былъ недоволенъ Зонненкампомъ за то, что тотъ, вопреки его совѣтамъ, вошелъ въ сношенiя съ журналистомъ.

Въ гостинницѣ «Викторiя» все утихло. Профессорша и тетушка Клавдія вернулись въ виноградный домикъ, а Роландъ каждый день приставалъ къ отцу съ просьбой посворѣй уѣхать изъ столицы. Наконецъ, желаніе его было исполнено и вилла Эдемъ, паркъ, оранжереи и слуги Зонненкампа узрѣли новую славу, сіявшую изъ петлички его фрака. Орденская ленточка служила постояннымъ воспоминаніемъ всѣхъ радостей и печалей, какія въ протекшую зиму выпали на долю всего семейства.

Роландъ былъ несказанно счастливъ тѣмъ, что снова очутился на виллѣ. Въ немъ повидимому теперь впервые пробудилось чувство, похожее на любовь къ родинѣ и къ осѣдлому образу жизни.

— Въ гостинницахъ, говорилъ онъ Эриху: гдѣ человѣкъ не

имѣть ничего своего, люди живутъ точно на чужбинѣ, или гдѣ-нибудь на желѣзной дорогѣ. Я во снѣ постоянно слышалъ шумъ вагоновъ и свистъ локомотива. Но теперь мы снова дома и я могу по прежнему навѣщать бабушку, тетюшку, дядю-майора и моего стараго друга ловчаго. А какъ собаки мнѣ обрадовались! Нора въ первую минуту меня не узнала, но потомъ чуть съ ума не сошла отъ радости. А видѣлъ ли ты щенковъ? Они чудо какъ хороши... Даю тебѣ обѣщаніе, Эрихъ, быть очень прилежнымъ... Я хочу въ память сегодняшняго дня посадить дерево: сдѣлай и ты тоже. Знаешь ли, мнѣ кажется, что я теперь только родился на свѣтъ, а все прошлое похоже на сонъ. Ахъ, какъ здѣсь хорошо! Рейнъ точно сдѣлался шире, а горы гораздо выше и живописнѣе. Они мнѣ вовсе не такими представлялись во время моей болѣзни.

Онъ шелъ съ Эрихомъ вдоль рѣки и вдругъ, остановившись, воскликнулъ:

— Слышишь, какъ волны плещутъ? Они во время моего отсутствія все точно также день и ночь ударяли о берегъ. Ты любишь ихъ плескъ, не правда ли? Ахъ, какъ будетъ весело, когда настанетъ время купаться! Мнѣ кажется, что прошелъ цѣлый вѣкъ съ тѣхъ поръ, какъ мы здѣсь съ тобой въ послѣдній разъ плавали.

Мысли и чувствованія быстро смѣнялись одни другими въ душѣ юноши, пробужденнаго къ новой жизни. Ему пріятно было слышать, какъ всѣ говорили, что онъ выросъ и возмужалъ.

Эрихъ терпѣливо выслушалъ неумолкаемую болтовню своего воспитанника, который въ этомъ году особенно живо принималъ всѣ впечатлѣнія весны.

Услышавъ въ первый разъ кудактанье курицы, онъ замѣтилъ:

— Эти звуки также пріятны пѣтуху, какъ намъ пѣніе соловья. Домашняя курица болѣе прочихъ птицъ, летающихъ на свободѣ, шумитъ и суетится, когда несетъ яйца. Между дикими породами птицъ ни одна самка не поетъ; эта способность принадлежитъ одной домашней курицѣ... Ахъ, Эрихъ, посмотри на зелень, какъ она свѣжа и нѣжна! А тамъ, на изгороди, каждый листокъ и почка привѣтливо на насъ смотрятъ и точно говорятъ: радуйтесь, мы тутъ!

И восторгамъ его не было конца.

За уроки они принимались понемногу, не разомъ, чтобъ не слишкомъ утомлять Роланда. Эрихъ вскорѣ замѣтилъ въ своей матери какое-то вовсе несвойственное ей унылое расположеніе духа. Онъ сначала объяснялъ себѣ это тревогой за Роланда, болѣзнь котораго ей совершенно естественно должна была напом-

нить смерть ея собственнаго сына. Потомъ приписывалъ отсутствіе въ ней веселости утомленію отъ хлопотъ, какіе ей доставляли бѣдныя, которые, истощивъ припасы, данныя имъ на зиму, теперь то и дѣло осаждали ее новыми просьбами и требованіями. Роландъ, желая облегчить профессоршѣ ея трудъ, не рѣдко предлагалъ ей свои услуги. Но она всякій разъ отказывалась, говоря, что онъ теперь всё свои помышленія долженъ устремить на то, чтобъ сдѣлаться честнымъ и хорошимъ человѣкомъ, который впоследствии съ честью занялъ бы мѣсто, на какое его угодно будетъ поставить судьбѣ.

Роландъ опять долго не могъ примириться съ тѣмъ, что на землѣ столько бѣдныхъ и несчастныхъ. Хлѣбъ растетъ въ такомъ изобиліи: неужели его не могло хватить на всѣхъ?

Эрихъ и его мать усердно старались не допустить Роланда до того, чтобъ онъ сталъ смотрѣть на богатство, какъ на несправедливость, или на зло. Ихъ усилія, въ соединеніи съ молодостью, вскорѣ разсѣяли всѣ мрачныя думы мальчика и онъ на время пересталъ смотрѣть за черту того круга, гдѣ ему самому жилось такъ хорошо и привольно.

Зоннекамъ былъ очень доволенъ, узнавъ, что Эрихъ и Роландъ желаютъ учиться садоводству и съ радостью согласились быть ихъ учителями.

— Вы со временемъ, говорилъ онъ, сами на опытъ убѣдитесь, что нѣтъ большаго счастья, какъ слѣдить за ростомъ вами самими посаженнаго дерева.

Въ саду, прозванномъ Ниццою, на цвѣтахъ и деревьяхъ быстро наливались почки и распространяли по всей окрестности потоки нѣжнаго, упоительнаго аромата. Въ домѣ всѣ были необыкновенно веселы. Даже Церера, и та не могла устоять противъ живительнаго вліянія молодой и свѣжей радости Роланда.

А онъ, между тѣмъ, хранилъ въ душѣ своей тайну, о которой, и то слегка, рѣшился намекнуть одной только профессоршѣ. Онъ ко дню своего рожденія, который былъ также днемъ вступленія въ нимъ въ домъ Эриха, готовилъ что-то такое, чѣмъ надѣялся всѣхъ пріятно удивить.

Въ саду все цвѣло и благоухало, птицы пѣли, по рѣкѣ взадъ и впередъ плавали суда. Наканунѣ дня своего рожденія Роландъ куда-то исчезъ. Въ его комнатѣ нашли письмо, въ которомъ онъ просилъ родителей о немъ не беспокоиться. Онъ вернется на слѣдующій день и привезетъ съ собой на виллу что-то очень хорошее.

Зоннекамъ собралъ свѣдѣнія и узналъ, что Роландъ, въ сопровожденіи Лутца, отправился въ монастырь.

ГЛАВА XII.

ОРЕСТЬ И ИРИГЕНІА.

Неподалеку отъ острова, посерединѣ рѣки, остановились два парохода. Одинъ плылъ по направленію къ горамъ, другой — въ долинѣ. На послѣднемъ находился Роландъ. Онъ спросилъ, почему они не причаливаютъ къ берегу. Капитанъ, молча, указалъ ему на островъ, гдѣ возвышался монастырь.

Тамъ группа молодыхъ дѣвушекъ въ бѣлыхъ платьяхъ несли гробъ, а за ними тянулся длинный рядъ монахинь съ патеромъ во главѣ. Гробъ былъ весь закрытъ цвѣтами, а въ весеннемъ воздухѣ звучало пѣніе свѣжихъ дѣтскихъ голосовъ. Роландъ поблѣднѣлъ и вздрогнулъ: Что, если его сестра...

— Это ребенка хоронятъ, сказала стоявшій около него пожилой мужчина: гробъ очень малъ, да въ противномъ случаѣ, его и не могли бы нести молодыя дѣвушки.

Роландъ съ облегченнымъ сердцемъ вздохнулъ: его сестра должна быть въ числѣ молодыхъ дѣвушекъ, которыя несутъ гробикъ.

Пароходъ причалилъ къ берегу и Роландъ подошелъ къ лодочнику, который обыкновенно перевозилъ желающихъ на островъ.

Мальчикъ хотѣлъ сѣсть въ лодку, но лодочникъ его остановилъ.

— Погодите, сказала онъ, теперь нельзя! Или вы родственникъ дитяти?

— Какого дитяти?

— Тамъ, въ монастырѣ умерла дѣвочка, прелестный ребенокъ. Кто хоть однажды видѣлъ ее, тотъ конечно ее никогда не забудетъ. Господу Богу не будетъ стоить ни малѣйшаго труда сдѣлать изъ нея одного изъ своихъ ангельчиковъ.

— Сколько лѣтъ было этой дѣвочкѣ?

— Семь, много, много восемь. Тише, вонъ они идутъ.

Колокола гудѣли, въ воздухѣ носились легкія струйки дыма отъ ладона, бурившагося въ вадилахъ, процессія медленно подвигалась вдоль берега.

Лодочникъ снялъ шапку и сложивъ руки, шепталъ молитву. Роландъ тоже стоялъ съ открытой головой и у него промелькнуло въ умѣ: «такъ точно и тебя бы понесли...»

Онъ вдругъ почувствовалъ такую слабость, что принужденъ

былъ сѣсть. Процессія между тѣмъ обогнула островъ и скрылась изъ виду.

Молодое тѣло было опущено въ землю. Птицы вокругъ пѣли, въ воздухѣ не чувствовалось ни малѣйшаго движенія, мимо проплылъ пароходъ—все это походило на сонъ.

Процессія снова показалась изъ-за деревьевъ и съ пѣніемъ исчезла подъ мрачными сводами монастыря.

— Теперь поѣдемте, сказалъ лодочникъ, надѣвая шапку.

Но Роландъ предпочелъ еще немного обождать. Онъ хотѣлъ дать Маннѣ время успокоиться, и хорошо сдѣлалъ.

Никто во всемъ монастырѣ не скорбѣлъ такъ глубоко о смерти ребенка, какъ Манна. Маленькая дѣвочка въ теченіи года храбро боролась съ непривычнымъ для нея образомъ жизни. Она подъ конецъ даже повеселѣла, сдѣлала успѣхи въ наукахъ, но съ наступленіемъ весны стала чахнуть и увала какъ цвѣтокъ, который слишкомъ рано вынесли изъ теплицы на холодный воздухъ.

Манна день и ночь ухаживала за ребенкомъ, который страстно къ ней привязался. На дѣвочку какъ бы снизошелъ даръ предвѣдѣнія и она часто произносила удивительныя рѣчи. Маннѣ она постоянно говорила, что когда улетитъ на небо, то расскажетъ тамъ о ней Богу и его ангеламъ.

— Мнѣ бы хотѣлось побольше узнать о Роландѣ, сказала она однажды Маннѣ: расскажи мнѣ о немъ что-нибудь. Я видѣла его обгущимъ съ лукомъ и стрѣлой: онъ былъ такъ хорошъ!

Манна охотно исполнила желаніе дѣвочки, которая даже разсмѣялась, когда она ей представила, какъ Роландъ играетъ съ собаками. Докторъ и сидѣлка, обладавшая довольно значительными познаніями въ медицинѣ, уговаривали Манну не слишкомъ утомляться. Но молодая дѣвушка была сильна и ни на минуту не отходила отъ больного ребенка, который и умеръ на ея рукахъ.

Послѣднія слова маленькой дѣвочки были:

— Добраго утра, Манна. Теперь больше никогда не будетъ ночи.

Многое пришлось испытать Маннѣ. Она присутствовала при постриженіи одной изъ монахинь и при поступленіи въ послушницы любимой изъ своихъ подругъ. Теперь ей еще привелось быть свидѣтельницей смерти ребенка, тихо сошедшаго въ могилу, какъ цвѣтъ, который падаетъ съ дерева.

Манна съ подругами несла гробъ дѣвочки, вмѣстѣ съ другими бросила на него горсть земли и во все время не прооро-

ниги ни слезинки. Только когда пaterъ въ трогательныхъ словахъ описалъ, какъ Отецъ небесный призвалъ къ себѣ ребенка съ земли, на которой онъ томился, какъ въ ваточеніи, потоуъ горячихъ слезъ хлынуль изъ ея глазъ и оросилъ ея блѣдныя щеки.

Возвратясь съ кладбища, Манна встала на колѣни передъ опустѣвшей постелькой умершей дѣвочки и долго и горячо молилась. Она просила Бога, чтобъ онъ взялъ ее къ себѣ такою же чистой и невинной, какъ ребенка. Мало-по-малу, она успокоилась, утѣшая себя мыслью, что не далеко то время, когда она навѣки покинетъ грѣшный міръ и укроется подъ сѣнью священной обители. Ей казалось, что она слышитъ изъ этого міра чей-то голосъ, который зоветъ ее подвергнуться послѣдному испытанію. Она повинуется ему, но вслѣдъ затѣмъ опять, и уже навсегда вернется сюда.

Она вышла изъ кельи и отправилась бродить по острову. Шаги ея сами собой направились къ высокой ели, подъ тѣнью которой она такъ часто работала, между тѣмъ какъ маленькая дѣвочка сидѣла у ногъ ея на низенькой скамеечкѣ. Манна долго тутъ оставалась, стараясь угадать, какія превратности еще ожидаютъ ее въ теченіи этого года, который ей предстоитъ провести въ свѣтѣ. Но мысли ея, незамѣтно для нея самой, опять и опять обращались къ ребенку, который уже достигъ вѣрной пристани.

Вдругъ вблизи отъ нея раздался шумъ шаговъ. Манна быстро подняла голову и увидѣла прекраснаго юношу, похожаго на Роланда, но гораздо выше и мужественнѣе его. Она отъ изумленія не могла пошевелиться.

Мальчикъ между тѣмъ подошелъ ближе и закричалъ:

— Манна, Манна, иди ко мнѣ!

Она встала со скамьи и братъ и сестра съ громкимъ крикомъ бросились въ объятія одинъ другого.

— Сядемъ здѣсь, сказала Манна, и они помѣстились на скамьѣ подъ развѣсистой елью.

Она принялась рассказывать Роланду о маленькой дѣвочкѣ, умершей отъ тоски по родинѣ и упомянула о ея частыхъ разспросахъ о немъ.

— Ахъ, Роландъ! воскликнула Манна въ заключеніе. Вся наша жизнь есть нечто иное, какъ продолжительная тоска по небесномъ отечествѣ, и благо тому, кто отъ нея умираетъ!

Роландъ хорошо понималъ возбужденное состояніе, въ какомъ находилась Манна, и не противорѣчилъ ей. Немного спустя, онъ спокойнымъ, но рѣшительнымъ тономъ замѣтилъ, что

теперь настало ей время вернуться на свою земную родину, то есть въ родительскій домъ. Затѣмъ онъ, стараясь развлечь ее, рассказаль ей, какъ онъ игралъ во французской пьесѣ роль пажа, въ костюмѣ котораго потомъ снялъ съ себя портретъ, и какъ отецъ его получилъ орденъ. Въ заключеніе онъ объявилъ, что отецъ довѣрилъ ему тайну, которую запретилъ кому бы то ни было открывать.

Послѣднія слова Роланда заставили Манну встрепенуться.

— Отецъ тебѣ довѣрилъ тайну? спросила она, устремивъ на него пытливый взглядъ.

— Да, и какую пріятную, завидную тайну! Узнавъ ее, ты тоже будешь радоваться.

Лицо Манны снова сдѣлалось равнодушно.

Роландъ рассказаль ей еще, какъ онъ въ бреду постоянно звалъ ее къ себѣ, и спросилъ, рада ли она, что видитъ его въ живыхъ.

— Да, ты живъ, воскликнула она: и будешь еще долго жить! Все должно тебѣ принадлежать!

Роландъ напомнилъ ей, что завтра день его рожденія. Всѣ его желанія теперь клонились къ одному, а именно, вмѣстѣ съ ней вернуться въ родительскій домъ.

— Хорошо, я поѣду съ тобой, сказала Манна. И знаешь что, лучше всего, отправимся немедленно въ путь.

Братъ и сестра рука объ руку вошли въ монастырь. Манна объявила настоятельницѣ, что хочетъ съ братомъ ѣхать домой. Та не противилась ея желанію и благословивъ на дорогу, отпустила ее. Манна съ лихорадочной поспѣшностью простилась съ подругами и монахинями, а потомъ ушла въ церковь, гдѣ долго молилась. Затѣмъ она, взявъ съ собой Роланда, отправилась на могилу маленькой дѣвочки.

Роландъ задумчиво смотрѣлъ на длинный рядъ однообразныхъ могилъ, которыя ни малѣйшимъ знакомъ не отличались одна отъ другой. Онъ спросилъ, чей прахъ въ нихъ похороненъ.

— Тутъ погребены монахини, отвѣчала Манна.

— Какъ грустно должно быть лежать въ могилѣ, на которой даже не обозначено твое имя! замѣтилъ Роландъ.

— Но какъ же бы могло быть иначе? возразила Манна. Монахиня, постригаясь, слагаетъ съ себя родительское имя и принимаетъ другое, которое носить до самой смерти, а потомъ оставляетъ его въ наслѣдство другимъ.

— Понимаю! сказалъ Роландъ: ни монашескому, ни настоящему имени нѣтъ мѣста на могилѣ. А вѣдь въ числѣ здѣсь

погребенныхъ вѣроятно есть много женщинъ благороднаго происхождения.

— Почти всѣ.

— Что бы ты сказала, Манна, еслибъ и мы тоже получили дворянское достоинство?

— Опомнись, Роландъ! воскликнула Манна, быстро схвативъ его за руку. Гдѣ ты произносишь такія рѣчи? Пойдемъ прочь, твоя слова оскверняютъ эти священные могилы!

Она вывела его съ кладбища, а сама еще разъ вернулась на могилу и преклонивъ на ней колѣни, горячо молилась.

Немного спустя, она съ братомъ стояла на берегу, гдѣ ихъ ожидалъ Лутцъ съ поклажей. Они сѣли въ лодку и перебравшись на пароходъ поплыли вверхъ по теченію рѣки. На палубѣ всѣ съ любопытствомъ смотрѣли на прелестную пару молодыхъ людей, которые сидѣли рядомъ и молча смотрѣли вдаль.

— А теперь объясни мнѣ, вдругъ заговорилъ Роландъ: почему ты, уѣзжая въ монастырь, назвала себя Ифигеніей?

— Я не могу тебѣ этого сказать.

— Я самъ думаю, что не можешь. Мы съ Эрихомъ читали «Ифигенію» и Эврипида, и Гёте; ты ни на одну изъ нихъ не похожа.

— Я только хотѣла.... Ахъ, оставимъ это пожалуйста!

— А знаешь ли ты, продолжалъ Роландъ, что Ифигенія была впоследствии женой героя Ахилла и вмѣстѣ съ нимъ наслаждалась безсмертіемъ.

Манна отвѣчала отрицательно и Роландъ описалъ ей снѣмокъ съ одного изъ Помпейскихъ фресковъ, который ему показывала профессорша. Жрецъ Калхасъ стоитъ вооруженный жертвеннымъ ножомъ; Діомедъ и Одиссей влекутъ къ нему Ифигенію; отецъ ея, Агамемнонъ, закрываетъ лицо руками, а Артемида посылаетъ съ одной изъ своихъ нимфъ лань, которая должна быть принесена въ жертву вмѣсто Ифигеніи.

— Ты кажется теперь все знаешь, съ улыбкой замѣтила Манна.

— И Эрихъ мнѣ сказалъ, продолжалъ Роландъ, что принесеніе въ жертву Ифигеніи и Исаака имѣютъ совершенно одинаковое значеніе.

Лицо Манны омрачилось: въ послѣднихъ словахъ Роланда она видѣла задатки будущаго еретическаго образа мыслей.

— Ахъ! внезапно воскликнулъ Роландъ: я нашелъ сходство! Оракулы, какъ видно, и въ наши дни еще не перевелись. Орестъ ѣздилъ за своей сестрой въ Тавриду и взялъ ее изъ храма, гдѣ она была жрицей.... Вотъ въ чемъ дѣло! И ты

это предвидѣла! Ахъ, какъ обрадуется Эрихъ!... Но знаешь ли: когда Ифигенія и Орестъ плыли на кораблѣ, онъ болталъ много вздору, а она смѣялась. Отчего же и ты не смѣешься? Ты прежде такъ хорошо смѣялась, точно горлицы воркуютъ въ лѣсу. Неужели ты потеряла эту способность? Ну, смѣйся же!

И самъ Роландъ залился серебристымъ хохотомъ. Но Манна оставалась серьезной и въ теченіи всей поѣздки болѣе ни разу не улыбнулась. Разъ только, когда пароходъ внезапно остановился посреди рѣки, она сама спросила:

— Что это такое?

— Я тоже объ этомъ какъ-то разъ спрашивалъ у Эриха. Ахъ, онъ все знаетъ! Вотъ тамъ, видишь ли, идетъ тяжело нагруженное судно. Еслибъ пароходъ въ время не остановился, онъ силой и быстротой своего хода увлекъ бы въ бездну это судно, которое непременно опрокинулось бы и погибло. Эрихъ, объясняя мнѣ это, между прочимъ сказалъ: «Такъ точно и мы, Роландъ, должны дѣйствовать въ жизни. Сами легко и быстро плывя вдоль по житейской рѣкѣ, мы должны заботиться о томъ, чтобъ не опрокинутьъ вздымаемыми нами волнами тѣхъ, которые влекутъ за собой тяжелый грузъ.»

Манна слушала, широко раскрывъ глаза. Ей стало ясно, какъ много выигралъ Роландъ отъ общества человѣка, который умѣлъ всякое явленіе физическаго міра примѣнять къ нравственнымъ потребностямъ своего воспитанника и извлекать изъ нихъ полезные уроки. Ее внезапно охватило предчувствіе той силы, какая заключается въ таинственной связи между природой и человѣческой мыслью.

Она въ раздумьѣ покачала головой и раскрывъ молитвенникъ, принялась усердно въ немъ читать.

— Видишь ли ты стеклянный куполъ, на которомъ такъ ослѣпительно играютъ лучи заходящаго солнца? спросилъ Роландъ, когда время уже начало приближаться въ вечеру: это нашъ домъ. Они тамъ можетъ быть и не подозреваютъ, что ты ѣдешь со мной.

— Нашъ домъ, мой домъ! мысленно повторила Манна. Слова эти какъ-то чуждо и холодно звучали въ ея ушахъ.

Яркое сіяніе купола ослѣпляло ее и она послѣшила закрыть глаза.

ГЛАВА XIII.

НИЧЕГО КРОМЪ ГЛАЗЪ.

У пристани стояли два экипажа. Зонненкампъ горячо обнялъ и поцѣловалъ дочь. Она не противилась его ласкѣ, но и не отдала ему ее. Манна почти съ ужасомъ смотрѣла вслѣдъ пароходу, который, высадивъ ее съ братомъ на берегъ, быстро продолжалъ путь.

— Твоя мать тоже здѣсь, въ каретѣ, сказалъ Зонненкампъ, беря Манну подъ руку. Она неохотно ему виновалась и вскорѣ очутилась въ каретѣ, гдѣ ее ожидали фрейленъ Пэрини и Церера, которую она нѣжно поцаловала.

Отецъ съ сыномъ сѣли въ другой экипажъ. Зонненкампъ что-то сердито про себя ворчалъ: ему еще не удалось слышать голоса Манны.

— А гдѣ Эрихъ? спросилъ Роландъ.

— У своей матери, въ виноградномъ домикѣ. Онъ понялъ, что присутствіе чужихъ могло бы насъ стѣснить и поступилъ очень деликатно, уйдя къ своимъ.

Роландъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на отца: неужели Эрихъ и его семья были для нихъ чужіе.

Вскорѣ по приѣздѣ на виллу, фрейленъ Пэрини тоже куда-то исчезла. Она отправилась къ патеру и изъ его дома послала слугу на телеграфную станцію.

Родители остались одни съ дѣтьми. Но въ комнатѣ точно вѣялъ какой-то враждебный духъ, который изгналъ изъ сердецъ собравшихся въ ней и довѣріе, и радость свиданія. Зонненкампъ и Роландъ отвели Манну въ ея комнату, гдѣ она была очень рада найти все въ старомъ порядкѣ. Увидя каминъ, уставленный ея любимыми цвѣтами, она обратилась къ Зонненкампу и проговорила:

— Благодарю тебя, отецъ.

Теперь Манна сама, добровольно, взяла отца за руку и поцѣловала ее. Но коснувшись кольца на его большомъ пальцѣ, она не могла удержаться, чтобъ не вздрогнуть.

Зонненкампъ вскорѣ ушелъ, оставивъ брата и сестру вдвоемъ. Роландъ непремѣнно хотѣлъ, чтобъ Манна сегодня же повидалась съ бабушкой и тетушкой. Молодая дѣвушка упрекнула его за то, что онъ называетъ этими именами людей совершенно постороннихъ.

— Ахъ, Манна, ты тоже непременно должна ихъ полюбить!

— Должна? Развѣ можно любить по заказу? Позволь мнѣ, Роландъ, разъ навсегда тебѣ сказать... впрочемъ, нѣтъ, не надо.

Наконецъ она согласилась пойти съ Роландомъ въ виноградный домикъ и они направились вдоль берега, къ новой двери въ стѣнѣ парка.

— Вонъ идетъ Эрихъ, я его позову! сказала Роландъ и закричалъ: Эрихъ, Эрихъ!

Но молодой человѣкъ, не оборачиваясь, продолжалъ путь и вскорѣ скрылся за деревьями.

Роландъ и Манна застали профессоршу на лѣстницѣ винограднаго домика, куда она вышла ихъ встрѣтить.

— Онъ мнѣ не хотѣлъ дать ни минуты покою, заставляя немедленно идти къ вамъ, сказала Манна.

— Такъ онъ васъ тоже заставляетъ дѣлать все, что хочетъ? отвѣчала профессорша и погрозивъ пальцемъ Роланду, продолжала: Милое дитя мое, этотъ шалунъ вамъ, безъ сомнѣнія, будетъ много обо мнѣ говорить и станетъ заставлять васъ меня полюбить. Но навязчивость, какого бы она ни была рода, всегда бываетъ непріятна и только вредитъ дѣлу. Я бы очень желала имѣть васъ другомъ, но тѣмъ не менѣе заранѣе прошу васъ: не будемъ другъ друга стѣснять.

Манна съ изумленіемъ смотрѣла на профессоршу. А та разспрашивала ее о подробностяхъ монастырской жизни и совѣтовала ей теперь какъ можно чаще и больше оставаться одной. Быстрый переходъ отъ тишины и уединенія къ разсѣянному и веселому образу жизни, говорила она, можетъ повредить не только физическому, но и нравственному ея здоровью.

Спокойная рѣчь и ласковое обращеніе профессорши благотворно подѣйствовали на Манну. Но окинувъ взоромъ комнату, въ которой они находились, она снова почувствовала въ сердцѣ холодъ: на стѣнахъ не видѣлось ни одной картины духовнаго содержанія. Увидавъ швейную машинку, Манна захотѣла немедленно выучиться, какъ съ ней обращаться.

Между тѣмъ пришла и тетушка Клавдія, пріятная и изящная наружность которой мгновенно привлекла къ себѣ Манну. Она понравилась ей гораздо больше профессорши.

— Ты и тетушка, сказала Роландъ, вы обладаете одинаковыми вкусами и талантами. Вы обѣ играете на арфѣ и обѣ любите звѣзды.

Тетушка, не заставляя себя долго просить, сѣла за арфу и сыграла нѣсколько пьесъ.

— Я вамъ буду очень благодарна, если вы согласитесь взять меня въ ученицы, сказала Манна, протягивая тетушкинъ руку. Прекрасная, тонкая рука фрейленъ Дорнэ приплась ей гораздо болѣе по сердцу, нежели маленькая пухлая ручка профессорши.

Насталъ вечеръ и всѣ отправились на виллу. Манна шла съ тетушкой, а Роландъ съ профессоршей. Вдругъ имъ на встрѣчу попался Эрихъ.

— Наконецъ-то! воскликнулъ Роландъ. — Манна, вотъ онъ! Манна и Эрихъ обмѣнялись учтивымъ поклономъ.

— Отчего же вы молчите? приставалъ Роландъ — или вы разучились говорить? Эрихъ, это Манна, моя сестра. Манна, это мой другъ, мой братъ, мой Эрихъ.

— Успокойся, Роландъ, сказалъ Эрихъ, звучный голосъ котораго заставилъ Манну поднять на него глаза.

— Второй разъ приходится мнѣ съ вами встрѣчаться, фрейленъ Зонненкампъ, продолжалъ молодой человекъ, обращаясь къ ней: и оба раза я вижу васъ въ сумеркахъ....

Манна хотѣла отвѣтить, что она видѣла его еще на мюзикальномъ торжествѣ, гдѣ онъ такъ прекрасно пѣлъ, но удержалась и только вѣрнѣе сжала губы. Настало молчаніе.

— Пойдемте домой, говорилъ Роландъ, и тогда вы увидите другъ друга при свѣтѣ.... Знаете ли, годъ тому назадъ, я въ этотъ самый часъ убѣжалъ изъ дому. Неужели съ тѣхъ поръ прошелъ уже цѣлый годъ? Ахъ, Манна, ты себѣ и представить не можешь, какъ многое я пережилъ за это время! Мнѣ кажется, что надо мной прошло уже много вѣговъ и что я также старъ, какъ геній смѣха, о которомъ мнѣ рассказывалъ извощикъ.

И онъ повторилъ Маннѣ рассказъ. Затѣмъ Эрихъ объявилъ, что онъ весь вечеръ проведетъ у своей матери, чтобъ не мѣшать Маннѣ и ея родителямъ. Въ первый день своего возвращенія домой, она безъ сомнѣнія не захочетъ видѣть никого изъ постороннихъ. Роландъ сильно противъ этого возсталъ, но глаза Манны широко раскрылись и какъ-то странно сверкнули въ полумракѣ весенней ночи.

Общество разсталось у калитки, близъ входа въ паркъ. Роландъ съ сестрой пошелъ на виллу, а Эрихъ съ матерью и теткой въ виноградный домикъ. Онъ вторично встрѣтился съ Манной и въ этотъ разъ, какъ и въ первый, ему казалось, что онъ изъ всей ея особы видѣлъ только одни глаза.

Оставшись одна въ своей комнатѣ, молодая дѣвушка глубоко задумалась. Какъ странно, что этотъ человекъ похожъ на

св. Антонія! Она старалась себя увѣрить, что такого рода сходство невозможно и существуетъ только въ ея воображеніи. Роландъ однажды о немъ упомянулъ и слова его запали ей въ голову тѣмъ болѣе, что во взглядѣ учителя дѣйствительно былъ какъ будто отдаленный намекъ на глаза св. Антонія, какими онъ изображенъ у Мурильо. Манна тоже сохранила впечатлѣніе только о глазахъ и о высокомъ ростѣ Эриха.

Она долго молилась на колѣняхъ около своей постели, потомъ раздѣлась и обвязала вокругъ талии тонкій шнурокъ, который мгновенно впился ей въ тѣло. Она получила его отъ одной монахини и носила въ качествѣ веригъ.

Г Л А В А XIV.

ПОДАРОКЪ.

На слѣдующее утро, еще задолго до солнечнаго восхода, Роландъ разбудилъ Эриха и сказалъ ему:

— Пойдемъ сегодня.

Эрихъ сначала не могъ понять, чего хотѣлъ отъ него мальчикъ, но тотъ ему напомнилъ его собственный совѣтъ, непременно, хоть разъ въ годъ, ходить въ горы любоваться солнечнымъ восходомъ. Они оба быстро одѣлись и отправились въ путь. Роландъ замѣтилъ, что онъ ровно годъ тому назадъ въ первый разъ видѣлъ восхождение солнца. Но тогда онъ былъ одинъ, а теперь находился въ обществѣ дорогого друга.

— Будемъ смотрѣть молча, сказалъ Эрихъ. И ставъ на окраину горы, они долго любовались восходящимъ свѣтиломъ. Въ Роландѣ внезапно пробудилось сознание, что вся роскошь, всѣ богатства въ мірѣ ничто въ сравненіи съ свѣтомъ, который всѣмъ одинаково принадлежитъ. Богачъ не можетъ украсить своего жилища ничѣмъ болѣе прекраснымъ, нежели солнечный свѣтъ, въ такомъ же изобилии изливающій свои лучи на его пышные хоромы, какъ и на свромную хижину бѣднака.

Когда мальчикъ, не въ силахъ долѣе скрывать свое волненіе, высказалъ эти мысли вслухъ, Эрихъ едва удержался, чтобы не обнять его. Въ душѣ Роланда тоже взошло новое свѣтило, солнце мысли, для котораго не существуетъ заката. Оно можетъ подернуться туманомъ, на мгновеніе скрыться за тучи, но свѣтъ его никогда не померкнетъ вполнѣ.

Эрихъ и Роландъ сошли въ долину, къ рѣкѣ, и поплыли по, направленію въ дому. На душѣ у обоихъ было такъ ясно

и мирно, какъ будто жизнь ихъ получила новое освященіе. Вдали ударилъ колоколь, за нимъ другой и воздухъ огласился торжественнымъ гуломъ. Приближаясь къ виллѣ, молодые люди увидѣла Манну, идущую въ церковь.

Зонненкампъ въ этотъ день тоже рано всталъ и отправился въ профессоршѣ.

— Вы правы, сказалъ онъ ей: я послѣдую вашему совѣту и ничего сегодня не подарю Роланду. Мнѣ очень нравится придворный обычай, по которому герцогскіе дѣти въ день своего рожденія, или своихъ именинъ, ничего не получаютъ, но сами даютъ. Я сдѣлалъ всѣ распоряженія на сегодняшній день согласно съ планомъ, который вы были такъ добры и мнѣ сообщили. Я вамъ вдвойнѣ благодаренъ за выраженное вами желаніе, чтобъ мысль устраиваемаго нами праздника была приписана исключительно мнѣ. Признаться, я не охотникъ до всего, что хоть сколько-нибудь отзывается ложью, но ради моего сына на все готовъ!

Профессорша вмѣсто отвѣта крѣпко сжала губы. Какъ ловко этотъ человѣкъ, вся жизнь котораго есть не что иное, какъ одна громадная ложь, разыгрываетъ передъ ней героя правды и добродѣтели! Но она уже успѣла примириться съ мыслью, что не всякое доброе дѣло простирается изъ чистаго источника и что иногда лучше бываетъ до него вовсе не доискиваться.

Профессорша намѣревалась гораздо позже отправиться на виллу, но Зонненкампъ ее уговорилъ пойти съ нимъ.

Тамъ они увидали у подъѣзда карету, изъ которой выходилъ Пранкенъ. Онъ объявилъ, что пріѣхалъ поздравить Роланда съ днемъ его рожденія и повидимому очень обрадовался, узнавъ, что Манна вернулась домой. Ему не было надобности признаваться въ томъ, что фрейленъ Пэрини его уже объ этомъ увѣдомила телеграммой: Стоя на террасѣ, обращенной къ Рейну, Пранкенъ увидѣлъ Манну, какъ она съ книгой въ рукахъ ходила взадъ и впередъ по одной изъ аллеекъ сада.

Фрейленъ Пэрини долго о чемъ-то шепталась съ Пранкеномъ. Она гордилась тѣмъ, что будто сумѣла проникнуть и разсѣять хитрыя возни профессорскаго семейства, которое такъ ловко, при каждомъ удобномъ случаѣ, накидывало на себя покровъ непокупной добродѣтели. Эти Дорнэ явно подбучили Роланда съѣздить за Манной и привезти ее. Ихъ планъ еще вчера вышелъ наружу. Манну, тотчасъ послѣ ея пріѣзда, затащили въ виноградный домикъ и поспѣшили тамъ очаровать. Молодая дѣвушка была безъ ума особенно отъ тетушки Клавдіи.

Фрейленъ Пэрини съ лукавой улыбкой замѣтила Пранкену,

что тетушка была оставлена въ резервъ, для поворенія Манны, но она надѣялась, что усилія врага разобьются въ прахъ, и побѣда останется за ними, то-есть за Пранкеномъ.

Наконецъ на террасу явилась Манна и снова подала Пранкену лѣвую руку. Она въ правой держала молитвенникъ.

Пранкенъ краснорѣчиво выразилъ свою радость по поводу того, что теперь на прекрасномъ деревѣ Зонненкамповой фамиліи, всѣ почки и цвѣты въ полномъ сборѣ. Манна дружески его поблагодарила.

Затѣмъ Пранкенъ началъ распрашивать ее о впечатлѣніи, какое на нее произвело возвращеніе въ родительскій домъ. Манна очень спокойно ему отвѣчала:

— Домъ—это временное жилище, палатка, которая разбивается на короткій срокъ, а затѣмъ опять складывается и убирается.

Пранкенъ не даромъ въ послѣднее время такъ часто бывалъ въ обществѣ духовенства. Въ бесѣдахъ съ нимъ онъ научился множеству благочестивыхъ изреченій и выраженій, которыя нерѣдко пускалъ въ ходъ и почти всегда кстати. Такъ и теперь онъ, воспользовавшись намекомъ, заключавшемся въ словахъ Манны, успѣшилъ дать разговору религіозный оборотъ. Вся наша жизнь, говорилъ онъ, есть не что иное какъ странствованіе по бесплодной пустыни, которое имѣетъ цѣлью привести насъ въ небесную обитель. А вся задача земного существованія заключается въ томъ, чтобъ, умертвивъ въ себѣ плоть, сдѣлаться достойнымъ вступленія въ обѣтованную землю.

Легкій, разговорный тонъ, какимъ Пранкенъ все это говорилъ, сначала нѣсколько озадачилъ Манну, но потомъ она была очень рада найти въ немъ такого рода религіозное настроеніе духа. Этотъ изящный, любезный молодой человѣкъ казался ей гораздо ближе къ ней съ тѣхъ поръ, какъ она убѣдилась, что онъ, принадлежа къ одной церкви съ ней, въ то же время вполне раздѣляетъ ея образъ мыслей. Манна невольно опустила глаза, когда Пранкенъ, вынувъ изъ кармана подаренныя ему ею сочиненія Ома Кемпійскаго, сказалъ, что этой книгѣ онъ обязанъ всѣмъ, что въ немъ есть лучшаго.

— Прошу васъ, спрячьте поскорѣй книгу, сказала Манна, воспнувшись ее рукой. Она услышала вдали голоса профессорши и маіора.

Пранкенъ исполнилъ, что было ему приказано, и долго не отнималъ руки отъ бокового кармана на груди, гдѣ у него хранилась книжка. Онъ устремилъ на Манну восторженный взглядъ и былъ въ высшей степени доволенъ такъ быстро уста-

новившимися между ними дружескими отношеніями. Его особенно радовало то, что между нимъ и прелестной, благородной дѣвушкой существовала тайна.

Маіоръ обошелся съ Манной какъ съ рекрутомъ. Онъ заставилъ ее пройти нѣсколько шаговъ, повернуться и опять идти, съ тѣмъ чтобъ составить себѣ полное мнѣніе о ея наружности и походѣ. Манна охотно и съ улыбкой исполняла всѣ его требованія.

— Такъ, такъ, проговорилъ онъ наконецъ, поднявъ въ воздухъ указательный палецъ лѣвой руки. Этотъ жестъ обозначалъ у него обыкновенно, что онъ собирается произнести нѣчто очень мудрое. — Такъ, такъ, повторилъ онъ: все хорошо, что хорошо.... Господинъ Зопненкамъ очень счастливъ: сынъ у него будетъ военный, дочь побывала въ монастырѣ и вернулась.... хорошо, очень хорошо!

Всѣ въ отвѣтъ ласково вивнули маіору головой, а онъ былъ несказанно счастливъ. Ему казалось, что онъ сумѣлъ сказать встать нѣсколько словъ и онъ теперь могъ быть спокоенъ на весь день. Затѣмъ онъ освѣдомился о Роландѣ и замѣтилъ, что стыдно ему, въ этотъ прекрасный весенній день, такъ долго не выходить изъ своей комнаты. Погода была такъ хороша, какъ будто бы ее кто-нибудь нарочно заказалъ для настоящаго дня. Маіоръ собирался рассказать Маннѣ всѣ ужасы, претерпѣнные имъ ровно годъ тому назадъ, когда онъ мчался на экстренномъ поѣздѣ, но ему помѣшалъ приходъ Роланда и Эриха.

Манна нѣжно обняла брата, Роландъ подалъ руку Пранкену, который тоже его поцаловалъ. Но мальчикъ успѣшилъ освободиться отъ его объятій и обращаясь къ сестрѣ, сказалъ:

— Дай и ты руку Эриху, сегодня мы празднуемъ также годовщину его вступленія къ намъ въ домъ. Ровно годъ тому назадъ онъ сдѣлался моимъ, а я его. Не правда ли, Эрихъ? Дай же ему руку, сестра!

Молодая дѣвушка протянула руку и тутъ въ первый разъ Манна и Эрихъ взглянули другъ на друга при дневномъ свѣтѣ.

— Благодарю васъ за все, что вы сдѣлали для моего брата, сказала она.

Эрихъ былъ пораженъ ея наружностью. Въ ней видѣлось какое-то странное смѣшеніе покорной грусти, гордости и холоднаго во всему равнодушія. Движенія ея были преисполнены трогательной граціи, а въ голосѣ звучала плѣнительная мягкость и въ то же время сила, свѣжесть и какая-то печальная, точно надорванная нота.

Сама того не замѣчая, Манна сдѣлалась центромъ, на ко-

торый было устремлено всеобщее вниманіе, и на время даже затмила собой главнаго героя настоящаго дня, Роланда.

Вскорѣ всѣ отправились въ большую залу, гдѣ уже были собраны профессорша, тетушка Клавдія, фрейленъ Пэрини и Церера.

Окна залы были всѣ затворены: Церера боялась утреннаго воздуха. Она имѣла по обыкновенію утомленный видъ и зѣвала, но когда пришелъ Роландъ, она приподнялась и поцаловала его.

Профессорша, обнимая мальчика и поздравляя его, сказала:

— Желаю тебѣ счастья, то-есть желаю тебѣ всегда понимать выпавшее тебѣ на долю счастье и умѣть вполнѣ его цѣнить.

Зонненкампъ, стоявшій рядомъ съ Пранкеномъ, шепнуть ему, пожимая плечами:

— Эта женщина всегда придумаетъ что-нибудь особенное. Она даже добраго утра не пожелаетъ проста!

— Мы должны ей быть благодарны ужъ и за то, замѣтилъ Пранкенъ, что она не прибавила еще: таеъ думалъ и говорилъ мой покойный мужъ, блаженной памяти профессоръ Мумія.

У обоихъ, пока они обмѣнивались этими замѣчаніями, лица оставались неподвижны и никто ничего не замѣтилъ.

На большомъ столѣ лежало множество пакетовъ съ обозначенными на нихъ именами. Профессорша, съ помощью фрейленъ Мильеъ, составила длинный списокъ молодыхъ людей, одинаковыхъ лѣтъ съ Роландомъ, которые должны были изъ его рукъ получить подарки. Все это были большею частью ремесленники, отправлявшіеся въ ученье, рыбаки и виноградари. Бѣдные обыватели сосѣднихъ деревень тоже не были забыты и каждому изъ нихъ надлежало получить то, въ чемъ онъ всего болѣе нуждался.

На срединѣ стола лежалъ большой письменный конвертъ. Зонненкампъ его украдкой туда положилъ при входѣ своемъ въ залу. На конвертѣ было написано: «Другу моему и учителю, капитану-доктору Эриху Дорнэ».

Обинувъ быстрымъ взглядомъ столъ, Роландъ увидѣлъ пакетъ и принесъ его Эриху, который, распечатавъ его, нашелъ въ немъ банковые билеты на весьма значительную сумму денегъ. Руки его задрожали, онъ съ минуту простоялъ въ недоумѣніи, потомъ снова вложилъ билеты въ конвертъ.

Зонненкампъ о чемъ-то тихо разговаривалъ съ Манной и Пранкеномъ. Эрихъ, подойдя къ нему, дрожащимъ отъ волненія голосомъ просилъ его взять пакетъ обратно.

Зонненкампъ, дѣлая видъ, будто не понимаетъ настоящаго

смысла словъ молодого человѣка, который отъ смущенія говорилъ нѣсколько безсвязно, любезно отвѣчалъ:

— Не вамъ меня, а мнѣ васъ слѣдуетъ благодарить.

Эрихъ потупилъ взоръ, потомъ сказалъ:

— Извините меня, но я не привыкъ получать подарки и желалъ бы...

— Свободный человѣкъ, подобный вамъ, вмѣшался Пранкенъ, не долженъ терять на это словъ. Возьмите билеты: они вамъ предлагаются отъ добраго сердца.

Онъ говорилъ какъ членъ семьи, почти такъ, какъ будто бы самъ, изъ своего кармана, давалъ эти деньги. Эрихъ былъ въ затрудненіи, не зная какъ ему отказаться отъ подарка, не выказавшись неблагодарнымъ и черезчуръ щепетильнымъ.

Онъ взглянулъ на Манну и сердце его болѣзненно сжалось. Ему было невыносимо тяжело; въ первый же день ея пріѣзда, явиться передъ ней въ качествѣ нуждающагося и облагодѣтельствованнаго. Онъ смотрѣлъ на нее съ умоляющимъ видомъ, но она молчала и Эриху ничего болѣе не оставалось, какъ сунуть пакетъ въ карманъ.

Онъ вскорѣ ушелъ въ паркъ и долго тамъ бродилъ, погруженный въ печальныя размышленія. На лавкѣ, гдѣ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ онъ объяснялся съ Беллой, Эрихъ еще разъ вынулъ изъ кармана пакетъ и пересчиталъ банковые билеты. Они составляли такую значительную сумму, что могли навсегда обезпечить существованіе цѣлаго скромнаго семейства. Задумчиво перебирая ихъ пальцами, Эрихъ сидѣлъ на лавкѣ, а взоръ его безъ цѣли блуждалъ по окрестности. Онъ былъ такъ занятъ своими мыслями, что вовсе не слышалъ пѣнія птицъ, которые весело порхали въ кустахъ и деревьяхъ.

Вдругъ чей-то голосъ произнесъ его имя.

Минуту спустя явился камердинеръ Іозефъ и вручилъ ему письмо отъ профессора Эйнзидела. Добрый старикъ, поздравляя его съ настоящимъ днемъ, совѣтовалъ ему какъ можно скорѣе и болѣе накопить себѣ денегъ съ тѣмъ, чтобъ потомъ быть въ состояніи безпрепятственно посвятить себя наукѣ. Опять и опять выражалъ профессоръ Эйнзидель сожалѣніе, что въ мірѣ нѣтъ особаго рода ученыхъ монастырей; куда бы люди, посвятившіе жизнь свою наукѣ, могли удалаться на закатѣ дней своихъ.

Эрихъ, успокоенный и ободренный, вернулся къ обществу, которое едва замѣтило его отсутствіе.

— Таковы всѣ идеалисты и проповѣдники, стремящіеся пересоздать міръ и водворить въ немъ добродѣтель! сказалъ Пранкенъ Зонненгампу. Смотрите, какъ повеселѣлъ нашъ докторъ;

у него точно выросли крылья! Да, таковы всѣ они! Деньги презираются ими до тѣхъ поръ, пока не попадутъ къ нимъ въ руки.

Пранкенъ не ошибался. Эриху дѣйствительно казалось, что онъ внезапно приобрѣлъ новую силу, новое орудіе. Въ головѣ у него вертѣлась мысль: «Наконецъ и ты богатъ и имѣешь о чемъ заботиться, кромѣ своей собственной личности!»

Немного спустя, онъ замѣтилъ, что держалъ руку у сердца на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ у него въ карманѣ лежали деньги. Какъ бы воснувшись раскаленнаго желѣза, онъ быстро отдернулъ ее прочь.

ГЛАВА XV.

ПРАЗДНИЧНЫЙ ОБЪѢДЪ СЪ НЕОЖИДАННЫМИ БЛЮДАМИ.

Маіоръ и Роландъ провели время до обѣда самымъ пріятнымъ образомъ. Они перенесли всѣ пакеты съ подарками изъ запы въ телѣжку, запряженную маленькимъ пони и сами отправились развозить ихъ по селамъ и хижинамъ.

Семейство ловчаго они посѣтили послѣ всѣхъ.

Съ Клаусомъ въ теченіи этой зимы случилось что-то недоброе. Отпраздновавъ съ пріятелями свое оправданіе и освобожденіе изъ тюрьмы, онъ началъ все чаще и чаще обращаться за утѣшеніемъ къ вину, а за неимѣніемъ его и къ водкѣ, которыя доставляли ему полное забвеніе всѣхъ тревогъ и печалей. Жена и дѣти его были въ отчаяніи. Разъ какъ-то у нихъ даже дѣло дошло до крупныхъ словъ и рѣзкихъ объясненій. Бочаръ узналъ, что отецъ его, встрѣтаясь въ горахъ съ однимъ путешественникомъ, просилъ у него милостыни, подъ предлогомъ, что былъ разоренъ своимъ сосѣдомъ, очень богатымъ человекомъ. Честный малый вышелъ изъ себя и осыпалъ отца упреками.

Бургомистръ и надзиратель надъ вѣсами и мѣрами нерѣдко зывали Клауса къ себѣ и угощали виномъ, забавляясь его жалобами и грубыми выходками.

Когда маіоръ и Роландъ въ описываемое нами утро пришли къ ловчему, они застали его уже на веселѣ. Роландъ испугался, но маіоръ сказалъ ему:

— Не бойся, въ этомъ нѣтъ большой бѣды. Клаусъ, правда, пьетъ слишкомъ много вина, но оно вредитъ гораздо больше его желудку, нежели головѣ. Если человекъ можетъ быть счастливымъ отъ лишняго стабана вина, то пусть онъ себѣ пьетъ!

Добродушная рѣчь маіора и собственное веселое настроеніе духа Роланда, помогли ему вскорѣ оправиться отъ этого непріятнаго впечатлѣнія. Отъ ловчаго они отправились къ Семиствольнику и застали тамъ всѣхъ бодрими и веселыми.

Роландъ не разъ въ теченіи утра повторялъ, что никогда еще не былъ такъ счастливъ, какъ сегодня. Маіоръ старался ему объяснить, что добро, которое люди дѣлаютъ ближнимъ, никогда не пропадаетъ даромъ, но всегда возвращается имъ сторицей въ видѣ благодарности и благословеній тѣхъ, кого они избавляютъ отъ нужды и печали.

— Фрейленъ Мильбъ, сказалъ онъ въ заключеніе, часто повторяетъ фразу, которую слѣдовало бы золотыми буквами начертать на стѣнѣ какаго-нибудь храма. Счастливейшій часъ въ жизни человѣка, говоритъ она, тотъ, который наступаетъ вслѣдъ за добрымъ дѣломъ. Помни это, молодой человѣкъ, и запиши эти слова у себя въ сердцѣ.

Собаки весело прыгали вокругъ телѣжки и Роландъ, обращаясь къ нимъ, воскликнулъ:

— Знаете ли вы, добрыя животныя, что сегодня счастливейшій день въ моей жизни? Къ сожалѣнію, я вамъ не могу дать ни денегъ, ни одежды, а только вдоволь пищи.

Посѣтивъ одну бѣдную хижину, Роландъ вышелъ изъ нея блѣдный, какъ смерть.

— Что съ тобой, спросилъ маіоръ.

— Ахъ, пойдете отсюда прочь, скорѣй, скорѣй! говорилъ мальчикъ, робко озираясь вокругъ. Со мной случилось что-то такое, отъ чего я до сихъ поръ дрожу. Встрѣча съ разбойникомъ не могла бы меня сильнѣе испугать!

— Но что же случилось? Говори скорѣй!

— Старикъ, которому я принесъ деньги и одежду, хотѣлъ мнѣ поцѣловать руку..... подумайте только — старикъ! Я такъ испугался, что у меня ноги подкосились!... Какъ, а вы смѣетесь?

— Нѣтъ, нѣтъ, ты совершенно правъ.

Въ волненіи, овладѣвшемъ мальчикомъ, маіоръ видѣлъ еще слѣды нервной горячки.

Немного спустя, онъ сказалъ:

— Твой отецъ насадилъ много деревьевъ и тѣ изъ нихъ, которыя хорошо принялись, онъ называетъ благодарными. Знаешь ли ты, какое самое благодарное изъ деревъ? — Дерево науки и добрыхъ дѣлъ.

Между тѣмъ какъ сердце Роланда все болѣе и болѣе наполнялось счастьемъ, Эрихъ печально сидѣлъ въ виноградномъ

домикѣ. Онъ показаль матери письмо профессора Эйзинделя и разсказаль ей, какъ оно его на минуту утѣшило. Но потомъ, прибавиль онъ, на него съ новой тяжестью легло сознаніе своей зависимости отъ Зонненкампа. Онъ до сихъ поръ считаль себя въ отношеніи къ нему человѣкомъ вполне свободнымъ, но теперь полученный имъ подарокъ какъ будто наложилъ на него дѣли.

Профессорша терпѣливо слушала жалобы сына, потомъ спросила:

— Развѣ тебѣ отъ Зонненкампа труднѣе принять одолженіе, чѣмъ отъ кого-нибудь другого, — чѣмъ, напримѣръ, отъ Клодвига.

Она пытливо смотрѣла на Эриха. У ней мелькнула въ головѣ догадка, что ему тоже извѣстна прошлая жизнь Зонненкампа. Но она успокоилась, услышавъ его отвѣтъ:

— Услуга или одолженіе, оказываемыя другомъ, имѣють совершенно иное значеніе. Отъ друга, подобнаго Клодвигу, можно все принять.

Профессорша замѣтила, что этотъ подарокъ былъ ему сдѣланъ Роландомъ, который въ настоящій день вышелъ изъ дѣлства. Послѣднее обстоятельство тоже не мало печалило Эриха. Ему казалось, будто сдѣланный ему подарокъ уравниваль всѣ счеты между нимъ и его воспитанникомъ, и что ему самому, какъ будто учтывимъ образомъ, дана отставка. Никакіе подарки, говорила ему въ утѣшеніе мать, не могутъ достаточно вознаграждать человѣка за всѣ труды мысли и сердца, съ какими неразрывно связано дѣло воспитанія. Наконецъ Эрихъ принужденъ былъ сознаться, что его особенно мучило то обстоятельство, что деньги были ему вручены въ присутствіи Пранкена и дочери Зонненкампа.

— Пранкенъ и Манна составляютъ одно, возразила профессорша: она его невѣста. Но успокойся: развѣ, бросивъ взглядъ назадъ на протекшій годъ, ты не вправѣ себѣ сказать, что труды твои увѣнчались успѣхомъ и что твой воспитанникъ приобрѣль нѣчто такое, чего уже никогда болѣе не можетъ утратить.

Послѣдняя мысль наконецъ дѣйствительно возвратила Эриху самообладаніе, и онъ до того ободрился, что даже на возвратномъ пути на виллу, обращаясь къ рѣкѣ, воскликнулъ:

— Ну, батюшка Рейнъ, наконецъ ты видишь въ Эрихѣ человѣка съ независимымъ состояніемъ! Онъ можетъ до семидесяти семи лѣтъ жить припѣваючи, не зная ни нужды, ни печали.

Роландъ и маіоръ тоже не замедлили вернуться домой. Послѣдній отличался большой аккуратностью и чтобъ никогда никуда не опаздывать, всегда носилъ при себѣ двое часовъ, изъ которыхъ одни постоянно шли впередъ. Но бѣда въ томъ, что онъ никакъ не могъ запомнить, въ лѣвомъ или въ правомъ карманѣ жилета лежали у него эти послѣдніе. Тѣмъ не менѣе онъ съ Роландомъ во время поспѣлъ къ обѣду.

Роландъ, сидя за роскошно-убраннымъ столомъ, почти ничего не ѣлъ.

— Ахъ, я такъ сытъ счастьемъ! сказалъ онъ Эриху. Мнѣ удалось сегодня сдѣлать много добра. А ты счастливъ, или нѣтъ?

Эрихъ теперь могъ отвѣчать утвердительно.

Посреди обѣда зашелъ споръ о томъ, кому предложить тостъ за здоровье Роланда. Эрихъ ссылаясь на Пранкена, Пранкенъ на Эриха и наконецъ обоимъ удалось уговорить маіора взять на себя этотъ трудъ.

Маіоръ всталъ и началъ:

— Милостивые государи и государыни!

— Bravo! закричалъ Пранкенъ.

— Благодарю васъ, сказалъ маіоръ: вы можете меня перебивать сколько вамъ угодно. Я не даромъ учился вольтижировать и сумѣю перескочить черезъ всякое препятствіе. Итакъ, милостивые государи и государыни! Родъ человѣческой дѣлится на два пола, на мужской и на женскій...

Всеобщій хохотъ.

Маіоръ, довольный эффектомъ, какой произвели его слова, продолжалъ:

— Здѣсь, въ садахъ Эдема, мы видимъ парочку...

— Не нужно ли вамъ этого для пополненія картины? снова перебилъ его Пранкенъ и подаль ему яблоко.

Роландъ былъ очень сердитъ на Пранкена за то, что тотъ безпрестанно перебивалъ добраго маіора. Но послѣдній, наклонясь къ нему, шепнулъ тихонько:

— Оставь его: я привыкъ къ боевому огню.

Затѣмъ онъ громко продолжалъ:

— Итакъ, мы видимъ здѣсь двоихъ дѣтей, хозяйскихъ дочь и сына, а дѣти видятъ насъ. У нихъ есть родители, есть благопріобрѣтенныя бабушка и тетушка, есть дядя, — при чемъ онъ такъ сильно ударилъ себя въ грудь, что она дрогнула. Мы любимъ ихъ, какъ настоящихъ родныхъ и они насъ тоже — не правда-ли, дѣти?»

— Да! въ одинъ голосъ крикнули Роландъ и Манна.

Маіоръ продолжалъ:

— Еслибъ у меня былъ сынъ... нѣтъ, я не то хотѣлъ сказать... Еслибъ у этого моего сына былъ учитель... нѣтъ и это не то... Вонъ видите, у нашего шалуна ужъ начинается рости борода... Зиждитель вселенной да благословить его! Пусть изъ него выйдетъ честный, добрый человѣкъ, понимающій свое собственное счастье и трудящійся надъ благосостояніемъ своихъ братьевъ всѣхъ породъ и вѣроисповѣданій!

У него чуть не вырвалось «аминь!» но онъ во время удержался и вмѣсто того воскликнулъ:

— Ура, трижды ура!

Маіоръ сѣлъ и подъ салфеткой растегнулъ нѣсколько пуговицъ своего скюртука.

Затѣмъ Зонненкампъ провозгласилъ тостъ въ честь Эриха, его матери и тетки, и рѣчь его при этомъ случаѣ была ловко приправлена тонкой лестью.

— Теперь за вами очередь. Вы непременно должны тоже что-нибудь сказать, приставалъ маіоръ къ Эриху.

Молодой человѣкъ всталъ и началъ веселымъ тономъ:

— Старый Свѣтъ сообщилъ Новому двѣ вещи, за которыя тотъ долженъ быть ему особенно благодаренъ: лошадь и вино. Лошади до того не водились въ Америкѣ, а виноградъ тамъ не росъ. Нѣмцы первые привили его къ американской почвѣ. Два явленія природы, одно возвышающее человѣческую силу, другое веселящее его духъ, занесены нами въ Новый Свѣтъ. Я умалчиваю объ области мысли. Мои слова равняются слѣдующему: нашъ Роландъ — гражданинъ Новаго Свѣта и долженъ вывезенныя имъ оттуда свѣжія силы употребить въ дѣло для достиженія благородныхъ и высочайшихъ цѣлей.

Эрихъ поднялъ стакапъ съ пѣнящимся виномъ, въ которомъ заиграло и заискрилось солнце. Указывая на него, онъ продолжалъ:

— Сегоднешнее солнце прिवѣтствуетъ солнцу прошлогоднее и влага, которую мы теперь пьемъ, есть произведеніе минувшихъ дней; но то, что мы принимаемъ въ душу, то растетъ и зрѣетъ на солнцѣ вѣчности, которое не знаетъ заката. Каждый изъ насъ долженъ считать себя плодомъ и подобно ему крѣпнуть и зрѣть для вѣчной жизни подъ вѣчными лучами незаходящаго солнца, то есть, Бога, который въ свою очередь вѣчно пребываетъ и въ человѣкѣ, и въ небесномъ свѣтилѣ, и въ камнѣ, и въ деревѣ. Міръ чистъ и благоустроенъ, будемъ же и мы по возможности совершенны. Мы не себѣ принадлежимъ и то, что мы имѣемъ, не наше: и мы сами, и наше имущество находятся

во власти Вѣчнаго Духа. Роландъ! нивѣшній ясный, солнечный, улыбающійся день, проникая въ землю, согрѣваетъ ее, оплодотворяетъ и сообщаетъ крѣпость вину, которое, будучи заключено въ сосуды, препровождается въ чужія страны, къ чужимъ людямъ, чтобъ вселять въ нихъ бодрость и веселье. Пусть точно также сегодняшнее солнце, проникая намъ въ душу, ее живить и радуеть. Да возрастетъ въ тебѣ и созрѣетъ, мой Роландъ, все доброе и честное, все, что можетъ служить украшеніемъ твоей собственной жизни и существованія твоихъ ближнихъ!

Садясь на свое мѣсто, Эрихъ встрѣтилъ устремленный на него взглядъ Манны, которая теперь только въ первый разъ его вполнѣ разглядѣла. На его лицѣ было выраженіе высшей духовной жизни, на всей фигурѣ лежала печать мысли и рѣшимости, которая невольно всякому внушала мысль о томъ, какъ хорошо имѣть около себя этого человѣка въ минуту опасности. Но Манна ничего не боялась и не нуждалась ни въ чьей помощи.

Когда Эрихъ пересталъ говорить, Зонненвамъ и Правкенъ покали плечами и первый шепнулъ своему сосѣду:

— Можно подумать, будто онъ вѣритъ тому, что говоритъ! И оба засмѣялись.

Между тѣмъ пріѣхали новые гости: докторъ и съ нимъ Лина, дочь мирового судьи, которая явилась поздравить свою подругу съ «возвращеніемъ ея къ жизни».

Всѣ встали изъ-за стола въ высшей степени довольные и веселые.

ГЛАВА XVI.

О ДРУГОМЪ И ДЛЯ ДРУГОГО.

Докторъ внимательно наблюдалъ за обѣими молодыми дѣвушками и даже старался подслушать ихъ разговоръ. Манна, поблагодаривъ подругу за ея посѣщеніе, заключилась въ свою обычную сдержанность. Лина не пріобрѣла въ монастырѣ ничего, кромѣ умѣнья легко изъясняться на двухъ, трехъ языкахъ. На Манну пребываніе ея въ монастырѣ наложило печать чего-то иного, болѣе серьезнаго, что вообще не легко было опредѣлить.

Уведя профессоршу въ садъ, докторъ завелъ съ ней дружескую бесѣду. Ему было очень любопытно знать, что въ концѣ концовъ одержитъ побѣду: свѣтская мудрость или церковная навязчивость. Онъ пожалѣлъ, что профессорша не католичка. По

его мнѣнію, ея задача была бы тогда несравненно легче. Профессорша отвѣчала, что она отказывается отъ всякаго вліянія на Манну. Ея въ тому побуждало чувство долга и справедливости, такъ какъ молодая дѣвушка была невѣста Пранкена.

— Кто знаетъ? возразилъ докторъ: кто знаетъ? Гугеноты, будучи сами изгоняемы, могли научиться какъ въ свою очередь изгонять другихъ. Часто вліяніе того и бываетъ сильнѣе, кто отъ него отказывается.

Зонненкамъ пригласилъ Лину погостить нѣсколько недѣль у своей подруги и Маннѣ ничего болѣе не оставалось, какъ подтвердить его приглашеніе.

Лина выразила свое полное согласіе, если только позволятъ ей родители. Она въ тотъ же вечеръ уѣхала съ докторомъ домой, съ тѣмъ чтобъ вернуться на слѣдующій день.

Пранкенъ остался на виллѣ. Онъ былъ очень доволенъ, когда Манна обратилась къ нему съ жалобой на то, что жизнь въ свѣтѣ заставляетъ по неволѣ лгать. Ей очень не хотѣлось, чтобъ Лина пріѣхала гостить, а между тѣмъ она должна была подтвердить приглашеніе отца. Нѣтъ возможности не грѣшнить въ мірѣ, прибавила она, который особенно опасенъ тѣмъ, что онъ, такъ сказать, отвлекаетъ насъ отъ самихъ себя.

Пранкенъ надѣялся, что присутствіе Лины нѣсколько оживитъ и развеселитъ Манну, но онъ прежде всего хотѣлъ узнать, понравилась ли ей профессорша. Со своими собственными симпатіями онъ распорядился такъ, чтобъ хвалить всѣхъ, кого хвалила Манна, и порицать всѣхъ, кто производилъ на нее не совсѣмъ выгодное впечатлѣніе.

У Манны кружилась голова отъ многолюдства и шума, какимъ былъ наполненъ домъ, и она сильно сожалѣла о тишинѣ и однообразіи монастырской жизни. Она едва не призналась въ этомъ Пранкену, но удержалась и только замѣтила, что все здѣсь казалось ей такимъ чуждымъ и страннымъ. Но когда Пранкенъ поблагодарилъ ее за довѣріе, она испугалась и поспѣшила прибавить, что свѣтъ имѣетъ способность дѣлать болтливыми даже тѣхъ, которые искренно желали бы быть молчаливыми и сдержанными.

— Я очень радъ, снова началъ Пранкенъ послѣ минутнаго молчанія, слышать отъ васъ тѣ же слова, которыя недавно въ моемъ присутствіи произносилъ епископъ. «Будьте сдержанны! говорилъ онъ: тотъ, кто много говоритъ, въ сущности не болѣе, какъ дилеттантъ».

Онъ этимъ намекалъ на Эриха, но Манна ничѣмъ не дала ему замѣтить, что поняла его намекъ.

— Не находите ли вы, продолжалъ онъ, что многорѣчивый капитанъ Эрихъ тоже въ сущности не болѣе, какъ поборникъ дилеттантизма?

— Онъ много говоритъ, но.... начала Манна и остановилась. Пранкенъ съ напряженнымъ вниманіемъ ожидалъ заключенія ея рѣчи.

— но, продолжала она, онъ въ тоже время много думаетъ.

Пранкенъ рѣшился впередъ быть осторожнѣе и нападая на врага, прицѣливаться такъ, чтобъ никакимъ образомъ не попасть мимо цѣли.

Но въ человѣкѣ, такомъ многостороннемъ какъ Эрихъ, не трудно было найти слабыя стороны.

Пранкенъ изобразилъ Эриха особаго рода Донъ-Кихотомъ, который постоянно гоняется за приключеніями въ области идей. Онъ это доказалъ между прочимъ и своимъ напыщеннымъ тостомъ. Вообще Пранкенъ старался выставить Эриха въ смѣшномъ видѣ, выбирая для этого очень мягкія, но въ сущности ядовитыя выраженія. Капитанъ Дорнэ невѣрующій, говорилъ онъ, но окружаетъ свое невѣріе мнимой святостью, которая въ первую минуту какъ будто дѣйствительно предписываетъ уваженіе и внушаетъ довѣріе. Онъ въ сущности не что иное, какъ фальшивый монетчикъ, который желалъ бы обмануть дѣтски-простодушную, невинную душу.

Пранкенъ пристально взглянулъ на Манну, но та молчала.

— Берегитесь его, прибавилъ онъ: этотъ человѣкъ всѣмъ и каждому навязывается съ своей добродѣтелью.

Онъ остановился, какъ бы любуясь собственными словами и затѣмъ продолжалъ:

— Эта навязчивость служить ему искусной уловкой, которую однако легко проникнуть насквозь. Вы себѣ не можете представить, сколько хлопотъ намъ уже надѣлалъ этотъ образецъ воспитателя, капитанъ Дорнэ. Каждое его слово проникнуто сознаніемъ, что самъ онъ есть живое собраніе примѣровъ всего добраго и хорошаго.

Манна не могла удержаться, чтобъ не улыбнуться. Пранкенъ продолжалъ съ новымъ воодушевленіемъ:

— Онъ сильно смахиваетъ на цирюльника, который, завивая волосы, или брѣя бороды, болтаетъ не меньше его. Вся разница въ томъ, что послѣдній не обладаетъ въ такой степени, какъ онъ, ученой и религіозной самоувѣренностью. Обратите вниманіе, какъ часто онъ произноситъ слово «человѣчество». Я разъ нарочно замѣчалъ и въ теченіи часа насчиталъ четырнадцать разъ. Онъ при-

видывается скромнымъ, но на дѣлѣ его высокоумію нѣтъ ни мѣры, ни границъ.

Пранкенъ зналъ, что нѣтъ ничего легче, какъ осмѣять человѣка, который постоянно находится на виду и дѣйствуетъ у васъ передъ глазами. Онъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, что слова его произвели на Манну желаемое впечатлѣніе. Стоить только разъ представить человѣка въ смѣшномъ видѣ и послѣ этого уже ничто не можетъ его спасти. Пранкенъ это зналъ и на это рассчитывалъ.

— Нашъ Роландъ, сказалъ онъ въ заключеніе, уже кое-чему научился у этого добродѣтельнаго дилеттанта: теперь ему пора вступить въ болѣе высокія сферы нравственнаго и умственнаго развитія.

Манна слушала молча и черезъ нѣсколько времени пошла домой. Дордогой она все кивала головой, точно подтверждая только что слышанныя ею рѣчи. Пранкенъ съ удивленіемъ смотрѣлъ ей въ слѣдъ.

На лѣстницѣ Манна встрѣтилась съ Эрихомъ. И тотъ и другая остановились. Эрихъ, думая, что учтивость предписываетъ ему заговорить, сказалъ:

— Воображаю себѣ, какъ вамъ должно быть тяжело, съ перваго же дня вашего возвращенія домой, попасть на шумный праздникъ. Слѣдующій затѣмъ день по неволѣ покажется скучнымъ и пустымъ.

— Кто вамъ далъ право проникать въ мои мысли? сказала Манна и пошла далѣе.

Она была раздосадована тѣмъ, что этотъ человѣкъ, забывъ свое зависимое положеніе въ домѣ, вздумалъ вызывать ее на откровенность. Какая дерзость допытываться до того, о чемъ она сама умалчиваетъ! Она презрительно сжала губы, но когда достигла площадки на верху лѣстницы, ей стало досадно также и на самую себя. Но слова были сказаны и взять ихъ назадъ оказывалось невозможнымъ.

Манна въ этотъ день болѣе не выходила изъ своей комнаты. Поздно вечеромъ къ ней постучался Роландъ, и когда она наконецъ ему отворила, онъ помѣстился рядомъ съ ней на стулѣ.

— Ахъ, сестра, сказалъ онъ: все, что я сегодня пережилъ, навсегда останется у меня въ памяти. Люди, получившіе отъ меня подарки, всѣ общались за меня молиться. Но развѣ можно молиться за другихъ и какая изъ этого польза? Что въ томъ, если это-нибудь другой станетъ хвалить меня Богу, а я самъ ничего не буду дѣлать хорошаго? Нѣтъ, по моему, ни одинъ человѣкъ не можетъ молиться за другого.

— Роландъ, что ты говоришь? Откуда у тебя эти мысли? воскликнула Манна, сильно трясая его за плечи. Она вдруг встала, удалилась въ сосѣдную комнату и бросилась тамъ на колѣни.

Молодая дѣвушка уже успѣла замѣтить царствовавшій въ домѣ разладъ и теперь горячо молилась за Роланда, прося Бога просвѣтить его мысль и очистить его сердце. Она была сильно взволнована. Неужели это правда, думала она, что никто не можетъ ни молиться, ни приносить себя въ жертву за другого? Нѣтъ, нѣтъ, это быть не можетъ! восклицала она, въ отчаяніи ломая руки и снова спрашивала себя: Неужели же люди могутъ дѣлать другъ другу только вредъ и никакой пользы? Такъ ли это? Возможно ли это?..

Но мало-по-малу Манна успокоилась. Она видѣла, что ей предстоитъ тяжелая борьба и дала себѣ слово мужественно ее выдержать. Она чувствовала, что на ней лежитъ обязанность спасти отъ гибели душу брата и понимала, что можетъ достигнуть этого только съ помощью кротости и терпѣнія.

Она вернулась къ Роланду и подавая ему руку, сказала:

— Я вижу, ты уже сталъ совсѣмъ взрослымъ молодымъ человекомъ и намъ предстоитъ оказывать другъ другу взаимную помощь. Я многое могу тебѣ дать и въ свою очередь должна многое отъ тебя заимствовать. Будемъ надѣяться, что и то, и другое намъ одинаково удастся.

Она спокойно сѣла рядомъ съ нимъ, крѣпко сжимая его руку въ своей.

— Ахъ! воскликнулъ Роландъ: какъ тебѣ должно быть приятно снова очутиться дома! Монастырь ни для кого не можетъ быть родиной.

— Онъ нѣчто лучшее, отвѣчала Манна. Онъ постоянно поддерживаетъ въ насъ ту мысль, что на землѣ мы не можемъ и не должны имѣть, ни дома, ни родины. Всѣ мы здѣсь только странники. Еслибъ на землѣ существовало отечество, и ты, и я, мы бы тоже его имѣли... Но къ чему ты меня заставляешь произносить такіа рѣчи?

— Эрихъ правъ, возразилъ Роландъ: онъ говоритъ, что твое благочестіе искреннее. Что у миллионъ людей только на языкѣ, то у тебя выходитъ прямо изъ сердца.

— Это сказалъ Эрихъ?

— Да, и еще многое другое.

— Но Роландъ, замѣтила Манна: никогда не слѣдуетъ повторять того, что о насъ говорятъ другіе?

— А если они говорятъ хорошее?

— И тогда не надо. Кто знаетъ, съ какою цѣлью... нѣ сама себя перебила она,—нѣтъ, я не то говорю. Ты очень стиливъ, имѣя въ Эрихѣ такого вѣрнаго друга.

— Не правда ли? Но, скажи, развѣ онъ тебѣ самой нравится больше Франкена?

Манна хотѣла улыбнуться, но удержалась.

— Предоставляю твоему учителю, сказала она, доказать тебѣ, что сравненія рѣшительно ни къ чему не ведутъ. А теперь, мой братъ, прошу тебя не забывать, что я въ монастырѣ не выкла много бывать одна. Уйди же отъ меня: тебѣ тоже надо спать. Спокойной ночи.

Она поцѣловала брата.

— Не забудь и ты, сказалъ онъ ей на прощанье, когда пойдешь гулять, взять съ собой обѣихъ собакъ.

Но Маннѣ еще не суждено было остаться одной. Въ монастырѣ у нея не было отдѣльной прислуги, но теперь отецъ Маннѣ именно хотѣлъ, чтобъ въ ея личномъ распоряженіи была молодая горничная, которая и явилась къ ней немедленно послѣ ухода Роланда.

— Барышня, сказала горничная, расчесывая прекрасныя длинныя волосы Маннѣ: у васъ то, что въ нынѣшнее время считается большою рѣдкостью, а именно здоровый волосъ. Ты этого почти ни у кого не найдешь.

И тѣмъ не менѣе, подумала Манна, волосы эти были острижены.

Когда горничная, любуясь волосами, начала медленно пускать сквозь пальцы ихъ тонкія, шелковистыя пряди, Манна невольнo вздрогнула: ей показалось, будто она уже чувствовала прикосновеніе къ нимъ холодной стали.

Наконецъ она осталась одна, и послѣ продолжительнаго усердной молитвы, принялась за письмо къ настоятелю монастыря.

«Мы сегодня праздновали день рожденія моего брата, мое возвращеніе домой, писала она. Но я всѣми силами души стремлюсь ко дню моей смерти, который будетъ днемъ моего избавленія и возвращенія въ вѣчный домъ моего Отца.»

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

ГЛАВА I.

ИГРУШКА ИСПОЛИНА.

Преданіе рассказываетъ объ одномъ исполинѣ, который въ стѣнѣ, увидѣвъ крестьянина съ плугомъ и лошадыю, принялъ за игрушку и унесъ въ своемъ передникѣ.

Манна отчасти походила на этого исполина.

Ея мысли носились такъ далеко за предѣлами видимаго міра, все, что теперь происходило передъ ея глазами, казалось пустой дѣтской игрой. Къ чему все это? — Чтобъ наполнить ихъ? Но развѣ эта цѣль можетъ быть такимъ образомъ достигнута? Дѣтямъ еще удается, разговаривая съ куклами, воображать себя, будто они дѣйствительно дѣлаютъ дѣло, но взрослыхъ и не могутъ удовлетворять. Вся жизнь есть не что иное, какъ пустая игра, — одна смерть серьезна.

Мысли эти пробѣгали въ умѣ Манны, когда она на слѣдующее утро, стоя у окна, смотрѣла вдаль. Міръ представлялся какъ въ туманѣ и казался такимъ чуждымъ и далекимъ.

Въ монастырѣ ее обыкновенно пробуждалъ съ первыми лучами солнца церковный колоколь и она такъ къ нему привыкла, ей казалось, будто онъ и сегодня ее разбудилъ. Ей во снѣгахъ казались серебристые переливы и торжественный гулъ звона и подъ впечатлѣніемъ его открыла глаза. Въ первую минуту она не могла понять, гдѣ она.

«Ты дома», наконецъ мелькнуло у ней въ умѣ. — Дома? Кто въ эти камни вмѣстѣ, какая сила воздвигла это зданіе и на эта постель, на которой она теперь поконится?

На виллѣ всѣ еще спали. Одна Манна встала, да въ саду и летали птицы. Подобно тому какъ онѣ кружились въ вышнѣ и перекликались, такъ точно въ головѣ молодой дѣвушки толпились мысли, вызывая одна другую.

Она вышла въ садъ и долго стояла передъ вновь пробитой стѣнѣ дверью, которая вела въ виноградный домикъ. Первый голосъ шепталъ ей: «Тебѣ здѣсь придется многое выдержать, со многимъ бороться, но и многое побѣдить».

Манна старалась себѣ уяснить послѣдующія событія своей жизни, но это ей также мало удалось, какъ Эриху, когда стоя на порогѣ монастыря, пылко вглядываясь въ будущее.

Еслибъ она знала, что Эриха тревожили и волновали также точно мысли и сомнѣнія, какъ ее!

Вдругъ Манна почувствовала на себѣ чей-то взоръ и испугавшись увидѣла Эриха, который тоже рано всталъ и теперь стоялъ у окна своей комнаты. Онъ тоже былъ взволнованъ, мысли его на этотъ разъ ни чуть не походили на мысли Манны. Его и во снѣ не побудило сознание, что онъ вдругъ оказался богатъ. Проснувшись съ солнечнымъ восходомъ, онъ сразу пересчиталъ подаренную ему Зонненкампомъ сумму денегъ и убѣдился, что отнынѣ существованіе его и профессорши вполне обеспечено. Онъ такъ не привыкъ къ деньгамъ, что все казалась ему велика лежавшая у него въ карманѣ сумма, и жонцъ записалъ ее. Затѣмъ онъ съ улыбкой подумалъ: «я новымъ обязанностямъ, которыя теперь передо мной возлагаются, и докажу на дѣлѣ, что во всякомъ положеніи, въ бѣдѣ или въ богатствѣ, я одинаково готовъ исполнить высшее назначеніе человѣка».

Эрихъ открылъ окно и увидѣлъ Манну. Тихонько отойдя отъ окна, онъ мысленно старался проникнуть въ глубину ея души и угадать чувства, какія должны были волновать молодую девушку, которая изъ монастырскаго уединенія внезапно оказалась посреди шумной и роскошной обстановки родительскаго дома.

Вдругъ изъ сосѣдней деревни раздался звукъ колокола. Это отвѣтилъ другой, третій и вся окрестность, внизъ и вверхъ по теченію рѣки, огласилась торжественнымъ гуломъ.

Манна поспѣшила въ свою комнату за молитвенникомъ. Когда она сойдя опять въ прихожую, застала тамъ ожидавшую ее фрейленъ Пэрини. Она слышала, какъ та приказывала слугамъ готовить комнату для дочери мирового судьи, и была невольно этимъ поражена. Манна чуть не высказала своей бывшей гувернанткѣ, какъ ее тяготила мысль о пріѣздѣ подруги, безвѣстная веселость которой вовсе не согласовалась съ ея собственнымъ серьезнымъ настроеніемъ духа. Но она удержалась и дала слово, не прибѣгая ни къ чьей помощи, сама справляясь со всѣми трудностями, какія могутъ встрѣтиться на ея пути. Она рѣшилась просить Лину въ теченіе нѣкотораго времени ее не навѣщать. Ей необходимо сосредоточиться и потому она желаетъ, какъ можно больше оставаться одна.

Спускаясь съ лѣстницы въ сопровожденіи фрейленъ Пэрини, Манна встрѣтила слугу, который вручилъ ей письмо, при-

ное изъ дому мирового судьи. Лина писала своей подружѣ, что въ сожалѣнію обстоятельства не позволяютъ ей воспользоваться приглашеніемъ господина Зонненкампа и пріѣхать погостить на виллу. Въ заключеніе она просила Манну написать ей нѣсколько словъ, изъ которыхъ она могла бы убѣдиться, что та на нее за это не сердится. Манна рада была случаю, который избавлялъ ее отъ неприятнаго объясненія и написала Линѣ въ отвѣтъ, что вполне оправдываетъ ея родителей, безъ сомнѣнія имѣвшихъ важныя причины удержать ее дома.

Вторично перечитывая письмо подруги, она замѣтила, что отказъ той пріѣхать на виллу не былъ въ немъ ничѣмъ объясненъ. Неужели сосѣди продолжаютъ все по прежнему держаться въ сторонѣ отъ дома ея родителей?

Пусть будетъ такъ! Развѣ у нея нѣтъ другого, вѣчнаго дома, который ей предлагаетъ небесный Отецъ?

Колокола продолжали гудѣть и Манна съ фрейленъ Пѣрини носілись въ церковь.

Послѣдняя была очень довольна ролю, казая выпала на ея долю. Всѣ другіе могли, сколько хотѣли, ухаживать за Манной, стараясь пріобрѣсти ея расположеніе, но бывшей гувернанткѣ одной принадлежало право сопровождать молодую дѣвушку въ церковь.

— Вы все еще попрежнему не любите говорить поутру, пока не побываете тамъ? скромно спросила фрейленъ Пѣрини, уезжая на церковь.

Манна молча кивнула головой. Во всю дорогу болѣе не было сказано ни слова.

Послѣ обѣдни фрейленъ Пѣрини предложила Маннѣ представить ее патеру, который здѣсь поселился въ ея отсутствіе.

Манна сказала, что предпочитаетъ идти къ нему одна, и послѣ минутной остановки дѣйствительно направилась къ жилищу патера. Тамъ повидимому ее ожидали. Самъ патерь вышелъ къ ней на встрѣчу и благословивъ ее, ввелъ въ комнату, гдѣ на столѣ, рядомъ съ остатками завтрака, виднѣлась раскрытая книга.

Завтракъ былъ унесенъ и Манну пригласили сѣсть на диванъ.

— Фрейленъ Пѣрини, отецъ мой, начала она: хотѣла представить меня вамъ. Но я сочла это за лишнее, видя въ васъ не посторонняго человѣка, а служителя нашей святой церкви.

Патерь, слегка прищуривъ глаза и сложивъ руки на груди, спокойно отвѣчалъ:

— Ты права, дитя мое, потому что стоишь на истинномъ

пути: старайся никогда съ него не сходять. Люди, живущіе въ мірѣ, являясь въ какое-нибудь новое мѣсто, чувствуютъ себя тамъ чужими, одинокими и боязливо озираются, не надѣясь встрѣтиться съ человѣкомъ одного съ ними образа мыслей. Да и гдѣ найти двухъ людей, для которыхъ одни и тѣ же слова имѣли бы одинаковый смыслъ? Въ мірѣ вообще нѣтъ единства и люди скитаются въ немъ каждый отдѣльно, какъ вонъ эти пылинки, что въ такомъ изобиліи вращаются на солнцѣ. Не такъ съ тобой. Ты являешься въ отдаленное селеніе и чувствуешь себя тамъ, какъ дома. Ты смѣло входишь въ жилище человѣка, въ которомъ знаешь, что найдешь или брата, или отца. Этотъ человѣкъ тебѣ не чужой, потому что находится здѣсь по волѣ Всевышняго, который тебя къ нему привелъ. Вдвойнѣ привѣтствую тебя, дитя мое, и радуюсь тому, что все это для тебя также ясно, какъ для меня самого. Ты не тщетно постучалась въ мою дверь: она съ этихъ поръ для тебя всегда открыта. Знай, что и сердце мое точно также готово во всякое время принять тебя. Вѣдь и домъ мой, и сердце мое не мнѣ принадлежатъ. Домъ этотъ есть собственность церкви, а сердце мое находится во власти того, кто, давъ мнѣ жизнь, поддерживаетъ ее во мнѣ.

Патеръ остановился и взглянулъ на Манну. Она сидѣла съ опущенными глазами, какъ бы избѣгая смотрѣть на солнце и въ лицо своему собесѣднику. Желая умѣрить волненіе молодой дѣвушки, онъ положилъ ей на голову руку и ласково сказалъ:

— Взгляни на меня. Повторяю тебѣ: ты пришла ко мнѣ одна, потому что знала, что тебя здѣсь ожидаетъ. Мы съ тобой, чтобы понять другъ друга, не нуждаемся ни въ какихъ объясненіяхъ.

Патеръ засмѣялся и послѣ минутнаго молчанія продолжалъ:

— Объясненія! Они никогда не приведутъ къ соглашенію этихъ, какъ они сами себя называютъ, образованныхъ людей, но которые въ сущности гораздо болѣе заслуживаютъ названіе бѣдныхъ самоучекъ. Они воображаютъ, будто могутъ сами собой чего-нибудь достигнуть! Такого рода люди, конечно, нуждаются въ рекомендаціи, но для насъ съ тобой, она лишняя церемонія. Твоя рекомендація заключается въ томъ, что ты членъ нашей святой церкви. Помни же, дитя мое, что ты можешь со мной обо всемъ свободно говорить: о небесномъ, какъ о мірскомъ, о великомъ, какъ о маломъ. Ты у меня всегда найдешь приютъ и утѣшеніе. Если тобой внезапно овладѣетъ усталость, или ты соскучишься по святой родинѣ — иди сюда: здѣсь ты ее обрадешь. Вонъ тамъ внизу твой отецъ устроилъ теплицы для ра-

стеній, которыя въ нашемъ климатѣ не могутъ расти на открытомъ воздухѣ. Пусть эта комната будетъ твоей теплицей, гдѣ станетъ расти и крѣпнуть дерево твоей вѣры, которому нѣтъ мѣста въ свѣтѣ и среди людей. Дитя мое, я ни въ кого не хочу бросать каменьевъ, но ты сама знаешь, что это дерево не отъ міра сего. Его родина — небо и здѣшній климатъ не по немъ.

Патеръ всталъ и подойдя къ окну, устремилъ взоръ въ разстилавшійся передъ нимъ ландшафтъ. Манна продолжала неподвижно сидѣть на диванѣ.

Въ комнатѣ водворилось молчаніе.

Манна была до глубины души тронута готовностью патера помогать ей и поддерживать ее на трудномъ пути, по которому ей слѣдовало идти. Ея еще нетвердые шаги нашли себѣ вѣрную опору и она разомъ очутилась въ самомъ центрѣ всего чистаго и высокаго.

Она наконецъ рѣшилась робко спросить, какъ ей слѣдуетъ себя вести въ отношеніи друзей и знакомыхъ, которые посѣщаютъ домъ ея родителей и то и дѣло толкуютъ о своемъ образованіи.

— Ты прямо и рѣшительно ставишь вопросъ: это вѣрный признакъ зрѣлости, отвѣчалъ патеръ. Знай же, что тебѣ ничего болѣе не остается, какъ смѣяться надъ ихъ чванствомъ и самолюбіемъ. Они хотятъ быть великими, а на дѣлѣ такъ малы и ничтожны! Эти ученые воображаютъ себѣ, будто міръ только и держится ихъ мудростью и наукой. Они думаютъ измѣрить Божество съ помощью только собственнаго мозга. Безумцы!

Въ тонѣ патера звучало негодованіе, которое рѣзко противорѣчило съ мягкостью и сдержанностью его предыдущихъ рѣчей. На лицѣ Манны выразилось недоумѣніе, даже испугъ. Патеръ замѣтилъ это, спохватился и продолжалъ въ прежнемъ тонѣ:

— Ты видишь, дитя мое, какъ я самъ еще слабъ и какъ легко поддаюсь гнѣву. Я долженъ тебѣ сказать, что въ мірѣ царствуютъ двѣ силы, Богъ и дьяволъ, или по нашему два начала, изъ которыхъ одно называется благочестіемъ, другое легкомысліемъ. Благочестіе все облекаетъ святостью, легкомысліе ни въ чемъ ея не признаетъ. Благочестіе во всемъ руководствуется божественными законами, легкомысліе ихъ отвергаетъ и стремится только къ наслажденію. Но есть еще одно нравственное состояніе, которое занимаетъ средину между благочестіемъ и легкомысліемъ, и оно-то хуже всего. Люди легкомысленные не рѣдко возвращались на истинный путь: мы можемъ доказать это многими блестящими примѣрами. Но такъ-назы-

ваемыя герои разума, или вѣрнѣе сказать герои безразсудства, никогда не отказываются отъ своихъ заблужденій. Они лишены того истиннаго мужества, которое, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, превращается въ смиреніе.

Патеръ явно намекалъ на Эриха и на Пранкена и полагалъ, что Манна пойметъ его намекъ. Онъ на первый разъ не хотѣлъ ихъ точнѣе опредѣлять, боясь запугать молодую дѣвушку. Онъ снова обратился къ ней съ улыбкой и сказалъ:

— Но, дитя мое, пока оставимъ это. Теперь твоя очередь говорить.

Манна горько жаловалась на то, что должна еще цѣлый годъ прожить въ свѣтѣ, прежде чѣмъ ей дозволено будетъ окончательно отъ него отречься.

Патеръ старался ее успокоить.

— Ты все равно, что уже произнесла обѣтъ, говорилъ онъ ей: ничто земное не имѣетъ болѣе надъ тобою власти, хотя небесное еще и сокрыто отъ тебя завѣсой человѣческихъ заблужденій. Но завѣса эта окончательно падаетъ только послѣ смерти.

Далѣе патеръ совѣтовалъ ей не поддаваться юношескому пылу, который безъ сомнѣнія возбудитъ въ ней желаніе обращаться на истинный путь другихъ. Она вовсе не призвана къ такого рода дѣлу и вся ея задача должна заключаться въ собственномъ усовершенствованіи.

Патеръ былъ осторожнѣе Пранкена и не хотѣлъ много говорить объ Эрихѣ изъ опасенія возбудить на счетъ его любопытство молодой дѣвушки. Онъ прежде всего даже похвалилъ его, но тѣмъ снисходительнымъ, почти сострадательнымъ тономъ, который всегда заставляетъ подозрѣвать скорѣе дурное, чѣмъ хорошее. Онъ старался внушить Маннѣ, что она сама не замедлитъ убѣдиться въ шатвости мнѣній такъ-называемыхъ образованныхъ людей. Ихъ несостоятельность доказывается уже тѣмъ, что всѣ они расходятся въ своихъ взглядахъ и стремленіяхъ. У Роланда было много учителей и каждый изъ нихъ въ дѣлѣ воспитанія слѣдовалъ своей собственной методѣ, вовсе не схожей съ той, какой придерживался его предшественникъ.

Манна выразила удивленіе, почему патеръ не употребилъ своего вліянія на то, чтобъ не допустить Эриха вступить въ нимъ въ домъ. Патеръ нашелъ весьма похвальнымъ ея усердіе, но замѣтилъ, что многое въ мірѣ должно быть предоставлено самому себѣ, потому что не можетъ быть измѣнено. Зонненкампъ никого не допускалъ вмѣшиваться въ свои дѣла, а въ настоящемъ случаѣ и Роландъ такъ твердо заявилъ свою волю,

что противиться ей не было возможности. Къ тому же Эрихъ, хотя и отъявленный еретикъ, все-таки не былъ чуждъ нѣкотораго уваженія къ религiи.

Опасаясь, не слишкомъ ли уже много онъ сказалъ въ похвалу Эриху, патеръ поспѣшилъ прибавить, что эти, съ виду кроткіе и мечтательные идеалисты и есть самые опасные люди.

Онъ еще и еще совѣтовалъ Маннѣ, вообще, какъ можно болѣе искать уединенія и ни съ кѣмъ особенно не сближаться.

Разговоръ, по мнѣнію патера, принялъ опасное направленіе и онъ счелъ за лучшее прекратить его, сказавъ Маннѣ, что ей пора домой, гдѣ ее уже вѣроятно ждутъ. Пусть она ни отъ кого не скрываетъ, что была у него, а если впоследствии ей придется рѣже его посѣщать, онъ заранѣе ей это прощаетъ, въ увѣренности, что она никогда не измѣнитъ своихъ убѣжденій.

— А теперь, иди съ миромъ, дитя мое, сказалъ онъ въ заключеніе, и знай, что я буду за тебя молиться.

Манна встала и съ недоумѣніемъ на него посмотрѣла. Изъ глубины души ея снова поднялся вопросъ: развѣ можно молиться за другихъ?

Загадка, которую представилъ ей на разрѣшеніе Роландъ, почти сдѣлалась для нея вопросомъ жизни или смерти. Она намѣревалась принести себя въ жертву, посвятить все свое существованіе молитвѣ за другого.

Возможно ли это?

Она хотѣла обратиться къ патеру за разрѣшеніемъ этой загадки и если мнѣніе Роланда окажется справедливымъ, спросить, почему же люди могутъ дѣлать другъ другу такъ много зла и такъ мало добра? Ей очень хотѣлось все это высказать, но патеръ еще разъ повторилъ: «иди съ миромъ, дитя мое!» И Манна, опустивъ глаза, въ которыхъ такъ трогательно выражалось мучившее ее недоумѣніе, медленно вышла изъ комнаты.

На возвратномъ пути, она, проходя мимо поля, остановилась взглянуть, какъ крестьянинъ пахалъ землю. . И вдругъ ей все стало ясно. Да, думала она, приносить себя въ жертву и молиться за другихъ можно. Души всѣхъ людей развѣ не составляютъ одно нераздѣльное цѣлое? Всѣ онѣ есть не что иное, какъ одно дыханіе Божіе. Жизнь и движеніе сообщаются міру волей единого Высшаго Существа.

Глаза Манны отуманились слезами. Она какъ севозъ сонъ видѣла и поле съ крестьяниномъ, медленно шедшимъ за плугомъ, и Рейнъ, съ сновавшими по немъ взадъ и впередъ паро-

ходами, и птицъ, съ веселымъ пѣніемъ летавшихъ въ воздухѣ. Да, звучало въ глубинѣ ея сердца, весь міръ составляетъ одно нераздѣльное цѣлое, все въ жизни мелко и ничтожно и по сира-ведливости можетъ быть названо игрушкой исполнина.

ГЛАВА II.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ВЪ СВѢТѢ.

Манна задумчиво продолжала путь. Но ее вскорѣ пробудилъ къ дѣйствительности громкій лай собакъ, Розы и Репейника, которыя, завидѣвъ издали свою госпожу, радостно бросились къ ней на встрѣчу.

— Наконецъ-то вернулась наша рѣзвушка! воскликнулъ чей-то голосъ и Манна увидѣла ловчаго Клауса, который продолжалъ: — Но какъ измѣнилась, какъ выросла! И отчего такая печальная? Э, барышня, перестаньте горевать! Посмотрите-ка, вашъ батюшка купилъ всю эту обрестность, вонъ вплоть до тѣхъ скалъ.

— Развѣ можно покупать землю? спросила Манна точно съвозъ сонъ.

— Чтò вы говорите? Я васъ не понимаю, сказалъ ловчій.

— Такъ, ничего, отвѣчала Манна.

Есть ли возможность покупать землю? Отъ кого? Кто далъ на это право? старалась разгадать Манна и устремивъ взоръ въ далекое пространство, едва слышала, какъ Клаусъ рассказывалъ ей о своихъ послѣднихъ несчастіяхъ.

— Нечего сказать, барышня, прибавилъ онъ въ заключеніе: отличный я былъ дуракъ и теперь глубоко въ этомъ раскаиваюсь.

— Но чтò же вы сдѣлали?

— Чтò сдѣлалъ? Въ томъ-то я и раскаиваюсь, что ничего не сдѣлалъ. Я всю жизнь былъ глупымъ, честнымъ и вовсе недурнымъ малымъ. А теперь я вижу, что чѣмъ хуже человекъ, тѣмъ ему лучше живется на свѣтѣ. Чтò мнѣ дала жизнь? Ровно ничего. Люди могутъ сдѣлать человека дурнымъ, но хорошимъ — никогда. Единственное утѣшеніе въ жизни доставляетъ вонъ то растеніе, что покрываетъ всѣ эти горы. Да и съ него-то я немного получаю: пью я не больше какъ какой-нибудь нищій. Желалъ бы я знать, дѣйствительно ли капитанъ Дорнэ хорошій человекъ. По моему мнѣнію, за исключеніемъ господина Вейде-

мана, нѣтъ хорошихъ людей. Вотъ вы теперь вернулись къ намъ изъ монастыря: правда-ли, что вы хотите быть монахиней?

Манна не успѣла отвѣчать, потому что ловчій продолжалъ со смѣхомъ:

— Мнѣ самому иногда приходитъ на мысль удалиться въ монастырь. На шестомъ десятѣ всѣмъ бы слѣдовало это дѣлать, а въ монастырѣ людямъ надо только пить, пить, да пить, пока не постучится въ дверь вельи смерть. Но я еще и думать не хочу о смерти и повторяю, какъ Фохтъ изъ Маттенгейма: Господь, да будетъ твоя воля, но самъ я нисколько не спѣшу.

Ловчій уже съ утра былъ на-веселѣ, и его рѣзвѣй тонъ и размашистыя манеры нѣсколько испугали Манну. Она поспѣшила протянуть ему руку и взявъ съ собой собакъ, пошла далѣе.

— У меня есть до васъ просьба, сказалъ ей вслѣдъ Клаусъ. Манна остановилась.

Ловчій подошелъ къ ней поближе и сказалъ, что надзиратель надъ мѣрами и вѣсами подарилъ ему лотерейный билетъ, который онъ вслѣдъ затѣмъ продалъ Семиствольнику. Но теперь его взяло раздумье: что, если этотъ билетъ выиграетъ? Тогда ему останется только разбить объ стѣну голову, такъ какъ ни жена, ни дѣти во всю жизнь ему этого не простятъ. Манна хорошо бы сдѣлала, подаривъ ему талеръ, за который онъ можетъ получить обратно свой билетъ.

Видя нерѣшимость молодой дѣвушки, которая не знала вѣрить ему, или нѣтъ, Клаусъ прибавилъ:

— Къ тому же это благочестивое дѣло, совсѣмъ въ нашемъ духѣ.

Манна все еще не понимала и ловчій объяснилъ ей, что лотерея эта устраивалась въ пользу построения церкви. Она дала Клаусу талеръ и быстрыми шагами отъ него удалась.

Молодая дѣвушка шла по берегу Рейна. Рыбы рѣзвились на солнцѣ, отчего на гладкой поверхности рѣки то и дѣло появлялись и исчезали круги. Въ водѣ, какъ въ зеркалѣ, отражались травы и кустарники, которые слегка колыхались подъ дуновениемъ утренняго вѣтерка.

Манна вошла въ паркъ. Въ воздухѣ носился упонительный запахъ цвѣтовъ, которые сіяли на куртникахъ свѣжестью и разнообразіемъ красокъ. Они были такъ искусно расположены, что еще болѣе выигрывали отъ сосѣдства одинъ другого. Бѣлый цвѣтокъ сіялъ рядомъ съ голубымъ, красный съ желтымъ и излишняя яркость тѣхъ и другихъ умѣрялась мягкой и пріятной для глазъ зеленью листьевъ.

Подобно тому, какъ цвѣты и деревья посылали Маннѣ на встрѣчу волны вѣжнаго аромата, такъ точно каждый изъ обитателей виллы Эдемъ разливалъ вокругъ нея болѣе или менѣе тонкое благоуханіе своихъ собственныхъ качествъ и страстей.

Деспотическій и ревнивый отецъ хотѣлъ лаской или силой подчинить дочь своему вліянію. Мать, замкнутая въ себѣ, стремилась только къ наружному блеску и желала высокаго положенія въ свѣтѣ.

Профессорша охотно сдѣлала бы все, что могла, для успокоенія Манны, объяснила бы ей многое и вообще помогла бы ей совладѣть съ собой. Но она знала, какъ бесполезно предлагать услуги, пока ихъ еще не просятъ.

Тетушка Клавдія точно стояла на сторожѣ. Ея взглядъ и вся наружность какъ будто говорили: «Я все сдѣлаю, требуй отъ меня, чего хочешь». Она не имѣла никакого опредѣленнаго плана на счетъ Манны, но готова была ей всачески служить.

Эрихъ чуть ли не болѣе всѣхъ сочувствовалъ молодой дѣвушкѣ, которая только что разсталась съ монастыремъ. Это дитя, думалъ онъ съ улыбкой, должно теперь ощущать тоже самое, что и я, когда, по выходѣ изъ полка, въ первый разъ снялъ мундиръ. Привышій къ дисциплинѣ, въ повиновенію чужой волѣ, я вдругъ очутился въ необходимости самъ собой управлять и долго еще продолжалъ все искать товарищей и ожидать привазацій...

Манна сѣла на стулъ, который снова былъ для нея поставленъ въ ея любимомъ углу, подъ плакучей ивой. Ей пришли на память жестокія слова, сказанныя ею наканунѣ Эриху и она себя горько за нихъ упрекала.

Манна рѣшилась, при первой же встрѣчѣ съ Эрихомъ, сказать ему: «не думайте, чтобъ ваше зависимое положеніе было причиной моей рѣзкой выходки».

Въ это же самое время Эрихъ тоже бродилъ по парку и съ своей стороны намѣревался сказать при первой встрѣчѣ съ ней: «Я не желалъ бы, чтобъ наши сношенія начались недоразумѣніемъ».

Вдругъ Манна услышала чьи-то шаги и минуту спустя увидала Эриха. Она осталась спокойно сидѣть. Онъ подошелъ ближе и поклонился, но ни тотъ, ни другая, не рѣшались высказать того, что было у нихъ въ мысляхъ.

Наконецъ Эрихъ началъ:

— Я желалъ бы вамъ доказать, какъ глубоко уважаю ваше стремленіе къ размышленію въ одиночествѣ и если я вчера осмѣ

лился... мы всѣ были вчера въ возбужденномъ состояніи. Къ тому же мои обязанности воспитателя заставляютъ меня часто по неволѣ вдумываться въ чужія мысли и чувстваванія. Это даже обратилось у меня въ привычку, вслѣдствіе которой я въ сожалѣнію иногда говорю вовсе не встати.

Въ словахъ Эриха звучала грусть и Манна не нашла, что ему отвѣчать. Оба молчали. Надъ ихъ головами раздавалось пѣніе птицъ. Наконецъ Манна проговорила:

— Разскажите мнѣ что-нибудь о Роландѣ. Какъ вы его находите?

— Мой покойный отецъ былъ того мнѣнія, что никто не можетъ похвастаться, будто онъ вполне изучилъ и хорошо знаетъ человѣческую природу. Наблюденія надъ каждымъ новымъ человѣкомъ разбиваютъ всѣ предыдущіе опыты въ прахъ и вамъ всякій разъ приходится начинать свое изученіе съизнова.

— Вы уклоняетесь отъ прямого отвѣта.

— Нисколько. Я только хотѣлъ вамъ сказать, что сомнѣваюсь въ возможности безпристрастной и вполне вѣрной оцѣнки человѣка. Хвалить Роланда мнѣ не приходится: это было бы все равно, какъ еслибъ я началъ хвалить часть самого себя. Порицать его я не смѣю, изъ опасенія, — опять-таки смотря на него, какъ на часть самого себя, — быть въ нему слишкомъ строгимъ. Одно только могу смѣло сказать: у Роланда есть прилжаніе, настойчивость и честность. Все это, взятое вмѣстѣ, составляетъ хорошій нравственный фундаментъ, на которомъ есть надежда современемъ воздвигнуть прочное зданіе.

Манна невольно подняла къ верху руки и прикрылась молитвенникомъ, какъ щитомъ.

Эрихъ принялъ это движеніе за намекъ и прибавилъ:

— Я болѣе всего стараюсь развить въ Роландѣ самостоятельный взглядъ на вещи и довѣріе къ самому себѣ.

— Самостоятельный взглядъ на вещи? повторила Манна.

— Да, вы безъ сомнѣнія понимаете, что я этимъ хочу сказать. А теперь, позвольте мнѣ попросить васъ кое о чемъ лично для себя.

— Для васъ?

— Да. Вѣрьте, что я глубоко уважаю вашъ взглядъ на жизнь и людей, потому что считаю его вполне искреннимъ. Съ другой стороны, я желалъ бы, чтобъ вы тоже самое думали о мнѣ и моихъ взглядахъ и воззрѣніяхъ.

— Не знаю,... начала Манна и вся вспыхнувъ, остановилась.

Ее какъ будто что-то кольнуло въ сердце, и лицо ея выразило недовольство и борьбу. Она вспомнила слова Пранкена и

подумала, не это ли именно онъ въ обращеніи Эриха называлъ навязчивостью? Потомъ ей пришло на мысль, что Эрихъ можетъ быть зналъ объ этомъ мнѣніи о немъ Пранкена и нарочно завелъ рѣчь о самостоятельномъ взглядѣ, для того, чтобъ предостеречь ее и заставить быть справедливой къ нему. Она не могла докончить своей фразы, потому что къ нимъ приближалъ Роландъ и воскликнулъ.

— Наконецъ-то вы познакомились!

Манна быстро встала и взявъ брата подъ руку, отправилась съ нимъ на виллу.

Пранкенъ и Зонненкампъ въ эту самую минуту вышли изъ дому и встрѣтились съ ними. Пранкенъ сказалъ Маннѣ, что тоже былъ въ церкви, но не подошелъ къ ней изъ боязни отвлечь ея вниманіе отъ молитвы.

Молодая дѣвушка поблагодарила его.

За завтракомъ Пранкенъ много рассказывалъ о своемъ пребываніи въ загородномъ дворцѣ и вообще о придворныхъ нравахъ и обычаяхъ. Кромѣ того онъ очень живо передавалъ избитые гарнизонные анекдоты, которые, не будучи знакомы его теперешнимъ слушателямъ, казались имъ очень забавными.

— Но дочь моя, перебилъ его внезапно Зонненкампъ:— ты еще не поздравила барона Пранкена: онъ сдѣланъ камергеромъ.

Манна съ улыбкой выговорила свое поздравленіе, а Пранкенъ веселымъ тономъ замѣтилъ, какой странный контрастъ составляли его лѣтнія и зимнія занятія въ теченіи прошлаго года. Лѣтомъ онъ былъ простымъ земледѣльцемъ, а зимой камергеромъ. Счастливейшимъ днемъ его жизни, прибавилъ онъ, былъ до сихъ поръ тотъ, когда онъ пахалъ землю на островѣ. Но и тогда онъ не могъ удержаться, чтобъ не позавидовать одной розѣ, привлекавшей на себя взоръ, который онъ такъ страстно желалъ бы обратить на себя.

Манна покраснѣла.

Пранкенъ сказалъ между прочимъ, что герцогъ собирается нынѣшнее лѣто на Карлсбадскія воды.

Зонненкампъ немедленно вслѣдъ затѣмъ объявилъ, что и его тоже докторъ Рихардтъ посылаетъ въ Карлсбадъ, воды котораго должны быть ему гораздо полезнѣе водъ Виши.

Оказалось, что и ватъ Пранкена, Клодвигъ, и графиня Белла также думали въ теченіи лѣта побывать въ Карлсбадѣ.

— Въ такомъ случаѣ и вы должны къ намъ присоединиться, сказалъ Зонненкампъ Пранкену.

Едва Манна успѣла вернуться въ родительскій домъ, какъ

ей уже предстояло ѣхать на воды и принять участіе въ шумной и разсѣянной жизни, какая обыкновенно тамъ ведется.

Зашла рѣчь о Линѣ и Пранкенѣ очень ловко ввернулъ слово похвалы ея веселому, беззаботному нраву. Онъ хотѣлъ предупредить Манну на тотъ случай, еслибъ до ея свѣдѣнія дошли слухи о томъ, какъ онъ одно время ухаживалъ за ея подругой. Затѣмъ Пранкенъ объявилъ, что беретъ съ собой въ Вольфсгартенъ бѣлую, какъ снѣгъ, лошадку, которую намѣренъ тамъ окончательно выѣздить для Манны. Молодая дѣвушка замѣтила, что не находитъ больше удовольствія въ верховой ѣздѣ. Отецъ почти строго ее остановилъ и сказалъ, что докторъ еще вчера совѣтовалъ ей дѣлать какъ можно болѣе движенія на открытомъ воздухѣ.

Затѣмъ Пранкенъ сталъ просить Манну придумать для лошадки имя и хотѣлъ по этому случаю устроить праздникъ, но молодая дѣвушка сильно этому воспротивилась. Всѣ встали и она съ отцемъ и Пранкенемъ отправилась на конюшню, гдѣ дала бѣлой лошаdkѣ три большихъ куска сахара.

— Ну, скорѣй же, скорѣй придумай для нея имя! говорилъ Зонненкампъ.

— Но мнѣ кажется, лошаdkѣ уже дано названіе, съ улыбкой замѣтилъ Пранкенъ и фрейленъ Манна къ тому же дала его ей самымъ осязательнымъ образомъ. Отнынѣ имя лошадки: «Сахаръ».

Нѣчто похожее на улыбку мелькнуло на лицѣ Манны.

— Нѣтъ, нѣтъ, сказала она, мы назовемъ ее: «Снѣжинка».

Вскорѣ Пранкенъ любезно раскланялся и быстрой рысью поѣхалъ вдоль улицы. Искры летѣли изъ-подъ копытъ его лошади, а сзади него конюхъ велъ на уздѣ Снѣжинку. Манна долго смотрѣла имъ вслѣдъ и рѣшилась больше ничему не противиться и дѣлать все, чего бы отъ нея ни потребовали. Ей казалось весьма знаменательнымъ то, что она еще разъ будетъ мчаться на конѣ прежде чѣмъ, отказавшись отъ міра и его суеты, окончательно посвятить себя вѣчности.

Манна съ отцомъ гуляла по саду, парку и оранжереямъ, и отъ души благодарила его за обѣщаніе послать въ монастырь такихъ растений, которыя могли бы хорошо приняться на дворѣ этого зданія. Зонненкампъ едва удержался, чтобъ не сообщить дочери объ ожидавшемъ ихъ всѣхъ возвышеніи въ свѣтѣ, но потомъ раздумалъ и отложилъ это до болѣе удобнаго времени.

Онъ счелъ за лучшее дать ей сначала немного свыкнуться съ новой обстановкой, посреди которой она внезапно очутилась.

Зонненкампъ съ любовью осматривалъ растенія, которыя въ скоромъ времени должны были быть вынесены на открытый воздухъ. Сначала ихъ мало-по-малу приучаютъ къ прохладѣ, раскрывая въ оранжереяхъ всѣ двери, а потомъ уже выносятъ поды открытое небо и разставляютъ въ мѣстахъ, наиболѣе защищенныхъ отъ холоднаго вѣтра. Такъ точно хотѣлъ Зонненкампъ поступить и съ своей дочерью.

Манна сдѣлала строгое распредѣленіе своимъ днямъ и часамъ, назначивъ каждому свое особенное занятіе и затѣмъ ни на шагъ не отступала отъ однажды заведеннаго ею порядка. Съ матерью у нея была постоянная борьба. Церера сама въ теченіи дня нѣсколько разъ переодѣвалась и требовала того же отъ дочери. Манна, напротивъ, привыкла съ утра одѣваться на весь день и вдобавокъ очень неохотно принимала услуги приставленной къ ней горничной. Ей въ высшей степени нравился обычай, вслѣдствіе котораго монахини постоянно носили одну и ту же одежду. Это, по ея мнѣнію, убивало всякое стремленіе къ заботливости о своей внѣшности.

Въ благотворительности профессорши Манна не принимала никакого участія. Она разъ навсегда объявила, что ей еще слишкомъ много дѣла съ своей собственной личностью и что она вообще считаетъ себя далеко не готовою для того, чтобы трудиться на пользу общую.

Кромѣ того она чувствовала непреодолимое отвращеніе къ главной помощницѣ профессорши, фрейленъ Мильгъ.

Вся наружность Манны выражала это отвращеніе, о которомъ, впрочемъ, она никогда не говорила вслухъ. Она избѣгала подавать фрейленъ Мильгъ руку и еще ни разу не обмѣнилась съ ней словомъ.

Это были слѣды наговоровъ фрейленъ Пэрини, которая, еще до вступленія Манны въ монастырь, удерживала ее отъ всякихъ сношеній съ фрейленъ Мильгъ, какъ будто та была вѣдьмой и могла причинить молодой дѣвушкѣ много зла. Фрейленъ Пэрини постоянно твердила Маннѣ, что жизнь этой женщины была въ высшей степени неприлична.

Манна брала уроки на арфѣ у тетущки Клавдіи, которая повидимому одна пользовалась ея довѣріемъ. Она ей, между прочимъ, показывала также и свои монастырскія тетради, въ особенностяхи тѣ, которыя относились къ астрономіи и гдѣ были нарисованы золотыя звѣзды на голубомъ полѣ.

Въ лунныя ночи она съ тетущкой Клавдіей проводила цѣлые часы на плоской кровлѣ виллы и оттуда сквозь телескопъ рассматривала небесныя свѣтила. Свѣдѣнія Манны повсѣмъ от-

раслямъ науки были довольно обширны. Школа при монастырѣ, гдѣ она воспитывалась, стремилась къ тому, чтобъ оставить далеко за собой всѣ свѣтскія учебныя заведенія. Тѣмъ не менѣе науки преподавались тамъ въ тѣхъ границахъ, не выходя изъ которыхъ они находятся въ согласіи съ религіозными вѣрованіями.

Въ обращеніи тетушки Клавдія, несмотря на ея величавую наружность, было что-то въ высшей степени мягкое и привлекательное. Она какъ будто тоже отъ чего-то отреклась въ жизни, или понесла горькую утрату и потому самому скорѣе всѣхъ прочихъ нашла доступъ въ сердцу Манны.

Въ профессорствѣ, напротивъ, вопреки всей ея добротѣ и привѣтливости было что-то повелительное и не вполне доступное. Она много давала, но сама ничего не принимала.

Съ другой стороны тетушка Клавдія, хотя и могла назваться женщиной уже въ лѣтахъ, была для Манны настоящей подругой. Бѣдная дѣвушка въ ея обществѣ нравственно отдыхала.

Мыслительныя способности Манны были въ высшей степени развиты и поражали въ ней своей силой и отчетливостью, чуть ли еще не болѣе ея научныхъ свѣдѣній. Ея внутренняя жизнь отличалась необыкновенной дѣятельностью и сознательностью, а твердыя религіозныя убѣжденія сообщали ея словамъ и поступкамъ особаго рода положительность, которая принималась иными за гордость. Манна чувствовала себя какъ бы вознесенной надъ всѣми тѣми, которые не раздѣляли ея вѣрованій. Но это въ сущности была не гордость, а твердое упованіе на непогрѣшимость той великой Силы, подъ непосредственнымъ руководствомъ которой жило и дѣйствовало столько святыхъ женъ и мужей.

Ничто не доставляло Маннѣ такого удовольствія, какъ уроки на арфѣ и она однажды замѣтила тетушкѣ Клавдія, что теперь только впервые начинаетъ слышать свою собственную игру.

Тетушка объяснила ей, что человѣка вообще можно считать зрѣлымъ именно съ той минуты, когда онъ начинаетъ самъ себя слышать и видѣть.

Однажды Манна съ пылающими щеками спросила у тетушки, не тяжело ли ей было ея постоянное одиночество въ жизни.

— Подчасъ, и очень, дитя мое. Люди въ молодости обыкновенно не понимаютъ, чтó значить принимать рѣшимость на цѣлую жизнь.

Рука Манны судорожно сжала висѣвшій у нея на груди крестъ, а тетушка продолжала:

— Да, дитя мое, не мало мужества надо на то, чтобъ прожить свой вѣкъ въ старыхъ дѣвушкахъ. Въ минуту, когда при-

нимается подобнаго рода рѣшимость, мы обыкновенно не даемъ себѣ отчета въ послѣдующихъ трудностяхъ. Сама по себѣ я спокойна и въ одиночествѣ не терзаюсь никакими сожалѣніями, но въ обществѣ за то я всегда чувствую себя лишней и мнѣ постоянно кажется, что меня тамъ терпятъ только изъ состраданія. Вы не повѣрите, дитя мое, какъ трудно при такихъ обстоятельствахъ уберечься отъ сожалѣній и не впасть въ сентиментальность. А сожалѣнія, какъ извѣстно, легко возбуждаютъ въ душѣ горечь и зависть.

— Все это очень понятно, возразила Манна. Но вамъ никогда не приходило на мысль поступить въ монастырь?

— Дитя мое, я не желала бы, ни васъ смущать, ни скрывать отъ васъ истины.

— Не бойтесь: я все могу слышать.

— Въ такомъ случаѣ я вамъ откровенно выскажу мою мысль. Въ мірѣ существуютъ странныя, болѣзненные учрежденія, которыя, по крайней мѣрѣ на нашъ взглядъ, вполне извращаютъ жизнь. Кромѣ того, дитя мое, я люблю музыку, искусство и не могла бы безъ нихъ существовать. Въ этомъ я вполне сходилась съ моимъ покойнымъ братомъ.

Манна съ изумленіемъ смотрѣла на тетюшку. Передъ ней раскрывался совершенно новый взглядъ на жизнь, въ высшей степени оригинальный, но въ тоже время вовсе не противорѣчившій ея собственному религіозному настроенію духа.

Къ матери Эриха Манна относилась всегда очень почитательно, но сдержанно, а къ самому учителю, какъ къ личности, вполне принадлежащей къ дому, или вѣрнѣе, какъ къ собственности, къ предмету, къ которому обращаются только въ случаѣ нужды. Она иногда въ теченіи цѣлыхъ часовъ и дней овазывала ему не болѣе вниманія, какъ какой-нибудь вещи, стулу или столу. Если ей встрѣчалась нужда въ научныхъ объясненіяхъ, она обращалась къ нему смѣло, безъ всякой нерѣшимости, или застѣнчивости, а лишь только Эрихъ переходилъ за черту того, что она желала знать, она немедленно его останавливала, говоря:

— Объ этомъ я васъ не спрашивала, благодарю васъ за то, что вы мнѣ уже сказали.

Манна за каждое объясненіе всегда благодарила Эриха, какъ и всякаго другого слугу, который ей что-нибудь подавалъ, или исполнялъ ея порученіе.

Всѣ, окружавшіе молодую дѣвушку, чувствовали въ ней присутствіе силы, составлявшей средоточіе, къ которому стремились всѣ ея помыслы и изъ котораго исходили всѣ ея рѣчи и поступки.

Манна не навѣщала никого изъ сосѣдей, постоянно утверждая, что прїѣхала только къ родителямъ и брату.

Зонненкампъ со страхомъ видѣлъ всѣ особенности этого цѣльнаго, непреклоннаго характера.

ГЛАВА III.

ВСЕ, ЧТО ИМѢЕТЪ КРЫЛЪ, ЛЕТИТЬ.

Маннѣ очень хотѣлось знать, какимъ путемъ и къ какимъ цѣлямъ ведутъ ея брата. Она выразила желаніе присутствовать при его занятіяхъ съ Эрихомъ. Зонненкампъ попробовалъ обратиться къ тетущкѣ Клавдіи, въ надеждѣ, что она возьметъ на себя предложить это Эриху, но та отказалась. Манна принуждена была сама заявить свою просьбу.

Этотъ первый отказъ сильно раздосадовалъ Зонненкампа, но нисколько не смутилъ Манну. Она не позже какъ за обѣдомъ высказала свое желаніе, не объясняя его никакой причиной, потому что истинная, какъ она думала, могла показаться оскорбительной, а сослаться на вымышленную она не рѣшилась.

Послѣ обѣда Эрихъ вручилъ ей росписаніе часовъ и сказалъ, что готовъ исполнить ея желаніе, но вслѣдъ затѣмъ прибавилъ, что будетъ продолжать свои занятія съ Роландомъ нисколько не стараясь примѣняться къ ней.

Манна сѣла съ вязаньемъ къ окну, а Эрихъ съ Роландомъ расположились у стола. Дѣло пошло обычнымъ порядкомъ. Вскорѣ Манна отложила работу въ сторону и начала слушать съ полузакрытыми глазами.

На другой день, она пришла вовсе безъ работы и такимъ образомъ продолжала приходить ежедневно, слушая даже математику съ интересомъ. Пріятный голосъ Эриха, казалось, производилъ какое-то особенное впечатлѣніе на гордую и своевольную дѣвушку. Въ инныя минуты, она широко отрывала глаза, какъ бы чувствуя потребность хорошенько всмотрѣться въ говорившаго.

Но вдругъ однажды она явилась только затѣмъ, чтобы объявить о своемъ намѣреніи больше не приходить.

— Я могла бы многому еще отъ васъ научиться, сказала она, но лучше ужъ останусь при своихъ слабыхъ свѣдѣніяхъ. Благодарю васъ, прибавила она минуту спустя и вдругъ, какъ бы спохватясь, что слышномъ часто произносить это слово, продолжала, благодарю васъ, но иначе чѣмъ прежде. Я вамъ при-

знательна за деликатность, съ какой вы избавляете меня отъ затрудненія: я вижу, вамъ бы хотѣлось меня спросить, довольна ли я вашимъ преподаваніемъ, но вы удерживаетесь отъ этого вопроса.

— Вы очень хорошо читаете по лицу, отвѣчалъ Эрихъ. И такимъ образомъ они разстались.

Съ этого дня гордое, самоувѣренное обхожденіе Манны съ Эрихомъ исчезло. Въ ней стала проглядывать застѣнчивость, она почти совсѣмъ перестала съ нимъ говорить. Но въ молчаніи ея уже болѣе не чувствовалось пренебреженія, съ каковымъ она до сихъ поръ къ нему относилась. Однако въ глазахъ ея по временамъ еще вспыхивалъ гнѣвъ, точно она хотѣла сказать: не понимаю, какое мнѣ до тебя дѣло?

Иногда Манна посѣщала замокъ. Она отправлялась туда одна съ своими двумя собаками. По просьбѣ ея архитекторъ объяснялъ ей характеръ и свойство производимыхъ имъ построекъ и описывалъ, какое значеніе онѣ имѣли въ древнія времена. Манна сильно интересовалась ходомъ работъ и даже общалась отцу вмѣстѣ съ нимъ позаботиться объ украшеніи первой готовой залы, которая должна была носить названіе рыцарской.

Зонненкампу при этомъ было много хлопотъ. Онъ покупалъ старинное оружіе для стѣнъ и доспѣхи, которымъ предстояло красоваться на столбахъ. Онъ не могъ удержаться, чтобъ не сообщить Маннѣ о своемъ намѣреніи праздновать открытіе замка осенью, въ день ея рожденія. Но она сильно противъ этого возстала и особенно настаивала на томъ, чтобъ день ея рожденія прошелъ незамѣтно.

Со времени своего возвращенія домой, Манна ничему такъ не радовалась, какъ возможности постоянно имѣть при себѣ собакъ. Въ этомъ удовольствіи она не считала нужнымъ себѣ отказывать и однажды даже написала настоятельную письмо, въ которомъ спрашивала, можетъ ли она взять съ собой въ монастырь одну изъ своихъ любимицъ. Но подумавъ немного, Манна сожгла это письмо, сознавая, какъ странно было бы видѣть монахиню, при которой неотлучно находилась бы собака. Что, еслибъ всѣ монахини вздумали ей подражать? Она невольно улыбнулась, а вслѣдъ затѣмъ подумала: но почему бы у насъ въ монастырѣ и не быть животнымъ.

Эрихъ засталъ ее сидящую на скамьѣ и разговаривающую съ собаками.

— Скажите, спросила она: вы тоже находите, что глаза у собакъ имѣютъ печальное выраженіе?

— Кто ищетъ его въ нихъ, тотъ пожалуй и найдетъ. Ми-

стиги утверждаютъ, будто со времени грѣхопаденія всѣ животныя смотрятъ вабъ то-грустно.

Манна поблагодарила, но на этотъ разъ безъ словъ, однимъ только взглядомъ. Удивительно, какъ этотъ человѣкъ все знаетъ и все умѣетъ объяснить! Жаль, право, что онъ еретикъ.

Вдали повазался экипажъ, изъ котораго кто-то усердно махалъ платкомъ.

— Манна! слышался чей-то голосъ. Это была Лина. Эрихъ ушелъ, а Манна встала и отправилась на встрѣчу подругѣ. Лина выскочила изъ кареты и пославъ ее впередъ, сама пошла съ Манной.

— Вотъ какъ! сказала она, вы уже успѣли сойтись! Тебѣ нечего отъ меня скрывать!.. Ахъ, какъ это хорошо! Встати и я хочу тебѣ рассказать о моей любви. Поцалуй меня.... ахъ, сейчасъ видно, что вы еще не цаловались: ты совсѣмъ не умѣешь цаловаться. Можешь себѣ представить, Манна, какъ я была глупа. Нѣсколько времени тому назадъ, я вообразила себѣ, будто баронъ фонъ-Прангенъ въ меня влюбленъ.... то-есть нѣтъ, это я пожалуй и не вообразила себѣ, но мнѣ казалось, будто и я тоже въ него влюблена. Теперь это оказалось чистѣйшимъ вздоромъ. Знаешь ли почему? Я дѣйствительно полюбила и меня также любятъ.

— Всѣ мы любимъ Бога, а Онъ насъ!

— Конечно, Богъ.... но и Альбертъ тоже. Ты вѣдь знаешь Альберта? Онъ строитъ у васъ замокъ. Помнишь на музыкальномъ праздникѣ.... я тебя тогда сейчасъ узнала и дѣлала тебѣ знаки, но ты меня не видѣла.... ну вотъ тогда на праздникѣ, мы съ нимъ и объяснились. Ахъ, ты не можешь себѣ представить, какъ я была счастлива! Я сначала все боялась пѣть, чтобъ не закричать слишкомъ громко, но потомъ это обошлось. Ахъ, какъ было хорошо! Мы точно плавали въ звукахъ. Онъ отлично поетъ, хотя и не такъ искусно, какъ капитанъ Дорнъ... Ну, теперь ты расскажи, Манна, что ты въ то время чувствовала, слушая его пѣнне? Узнала ли ты въ немъ того самаго человѣка, имя котораго ты съ крыльями за плечами у меня спрашивала въ монастырѣ?

И не дожидаясь отвѣта, она продолжала.

— Ты конечно потомъ видѣла меня на берегу, гдѣ я, въ первый разъ гуляя подъ руку съ Альбертомъ, встрѣтила тебя. Но я не хотѣла къ тебѣ подойти, потому что ты была окружена монахинями и воспитанницами. Вѣдь ты мнѣ простишь, что я сдѣлала видъ, будто тебя не видѣла?.... Ахъ, я, напротивъ, все такъ хорошо видѣла, какъ никогда! Въ этотъ день мнѣ все

казалось особенно прекраснымъ. А какъ мнѣ было весело за обѣдомъ! Только разъ вдругъ Альбертъ у меня спросилъ, почему я сдѣлалась такой печальной. Я сказала ему, что вспомнила о тебѣ... Что вотъ ты теперь опять идешь въ монастырь, гдѣ все такъ холодно и безмолвно, гдѣ самые корридоры какъ будто заражены насморкомъ. Ахъ, отчего ты не такая веселая, какъ я? Пожалуйста развеселись!... Вонъ, смотри, летить ласточка; это еще первая въ нынѣшнемъ году. Хотѣлось бы и мнѣ имѣть крылья. Я немедленно полетѣла бы въ замокъ пожелать Альберту добраго утра и то идѣло порчала бы вокругъ чего. Ахъ, Манна, Манна!

Но той странно было слушать веселую, живую болтовню подруги. Она молчала, впрочемъ Лина повидимому и не ждала отъ нея отвѣта, потому что сама снова заговорила.

— Знаешь ли, мнѣ дорогою сюда пришло въ голову, что будь я на твоемъ мѣстѣ, я потребовала бы, чтобъ мнѣ въ теченіи трехъ дней наловили здѣсь въ окрестности какъ можно болѣе птицъ. Я заплатила бы за это большія деньги, а потомъ взяла бы, да и выпустила всѣхъ птицъ опять на волю. Неправда ли, вѣдь ты сама теперь чувствуешь себя, какъ птичка, вылетѣвшая изъ кѣтки? И какъ ты умно сдѣлала, что вернулась сюда именно весной. Зимой неудобно выходить изъ монастыря: приходится слишкомъ много танцевать. Знаешь ли, я въ первую зиму танцевала на четырнадцати большихъ балахъ, а на сколькихъ вечеринкахъ и сосчитать нельзя. Но, Манна, ничто не можетъ сравниться со счастьемъ имѣть друга!... Впрочемъ, тебѣ это можетъ быть уже извѣстно? Пожалуйста, не скрывай отъ меня ничего! Я еще не обручена съ Альбертомъ, но за этимъ дѣло не станетъ.... Не правда ли, ты уже теперь не будешь монахиней? Вѣрь мнѣ, ты имъ вовсе не нужна, они ищутъ только твоихъ денегъ. А хотѣла бы ты быть знатной?— Я нисколько. Что за тоска слушать, какъ тебя ежеминутно, встати и не встати величаютъ баронессой, а за глаза все-таки надъ тобой смѣются, какъ и надъ всякой другой. Сколько глупостей ни надѣлай знатная барыня, этому никто не удивляется, а вотъ напроказничай наша сестра, такъ весь городъ, вся страна о ней заговорять!... Но знаешь ли, по моему большое несчастіе быть и такой богатой дѣвушкой, какъ ты! Мужчины ищутъ жениться на твоемъ состояніи, а монахини стараются прибрать тебя вмѣстѣ съ деньгами къ рукамъ. Вѣрь мнѣ, что еслибъ ты была одною изъ тѣхъ женщинъ, которыя вонъ тамъ таскаютъ кули съ углемъ, монахини и знать бы тебя не захотѣли, будь ты во сто разъ милѣе, добрѣе и умнѣе тепереш-

няго. Да, безъ денегъ онѣ и не подумали бы тебя звать къ себѣ. А теперь онѣ надъ тобой умиляются, твердятъ тебѣ, что ты призвана быть святой, — не вѣрь имъ! Ахъ, монастырь!... Когда я слышу, какъ восхищаются его мѣстоположеніемъ на островѣ, посреди Рейна, я всегда думаю: да, все это очень хорошо для тѣхъ, которые, гуляя, проѣзжаютъ мимо, но быть тамъ монахиней — совсѣмъ другое дѣло. Ахъ, Манна, еслибъ я могла дать тебѣ хоть частицу моего счастья! Будь повеселѣе, прошу тебя! Ахъ, Господи, отчего это люди не могутъ дѣлиться ни своимъ счастьемъ, ни веселостью? У меня ихъ столько, что я охотно уступила бы тебѣ немного!... Но, что это, какъ мы съ тобой заболтались? Я побѣгу, лови меня. Помнишь нашу старую игру: все, что имѣетъ крылья, летитъ? Ну, скорѣй, лови меня!

Лина пустилась бѣжать. Платье ея развѣвалось по вѣтру и мелькало сквозъ зелень. Замѣтивъ, что Манна за ней не слѣдуетъ, она остановилась и подождала ее. Потомъ онѣ обѣ уже молча и медленно дошли до виллы.

ГЛАВА IV.

ЗА НОВОЙ ДВЕРЬЮ.

Лина жила въ одномъ домѣ съ Манной и послѣдняя не знала, какъ ей отдѣлаться отъ своей бывшей подруги. Та ни на минуту не оставляла ее и даже ходила съ ней въ церковь. А когда Манна однажды замѣтила, что неохотно разговариваетъ поутру, Лина ей отвѣтила, что съ ея стороны это вовсе и не нужно, пусть только она позволить ей говорить. И рѣзвая дѣвушка болтала безъ умолку о прошломъ, о будущемъ, обо всемъ, что ей приходило на умъ.

Едва проснувшись, она принималась пѣть и пѣсня ея звонко раздавалась по всему дому. Почти во всякую пору дня, когда не было гостей и она сама нивуда не ѣхала, Лина отправлялась въ концертную залу, открывала фортепьяно и не останавливаясь пѣла безъ разбору все, что только попадалось ей подъ руку. Веселая и печальная, классическая и новѣйшая музыка, всякая для нея годилась. Ей нужны были звуки, а какіе — все равно. Она безъ малѣйшаго промежутка переходила отъ трогательной, полной слезъ арии Перголезе къ какой-нибудь веселой, залихватской тирольской пѣснѣ.

Присутствіе Лины измѣнило и оживило весь домъ, а за обѣ-

домъ она то и дѣло подавала новый поводъ къ смѣху. Одновременно съ вишнями на открытомъ воздухѣ, въ оранжереяхъ виллы Эдемъ поспѣли раннія яблоки. Лина, любившая ѣсть ихъ съ кожей, храбро запускала въ нихъ зубы, радуясь, что, за отсутствіемъ матери, ее некому за это бранить, и не обращая ни малѣйшаго вниманія на укоряющій взглядъ Зонненкампа. Она была своевольная дѣвушка, не любила стѣсненій, а на выговоры не обращала вниманія, потому что ужъ очень къ нимъ привыкла.

Аппетитъ у Лины былъ серьезный, какъ у здоровой дѣвушки, которая возвращается съ полевой работы. Манна, напротивъ, казалось всегда ѣла только по обязанности. Лина вообще любила покушать и могла, какъ она сама выражалась, во всякую пору дня въ себя что-нибудь вложить. Когда за обѣдомъ ей какое-нибудь кушанье приходилось особенно по вкусу, она обыкновенно говорила:

— Манна, ты, я думаю, очень рада была наконецъ покончить съ монастырскимъ кушаньемъ? Первый домашній обѣдъ показался мнѣ чѣмъ-то совершенно особеннымъ, а у васъ, я скажу, отличный столъ.

Она также очень охотно пила вино и ее по этому случаю часто дразнили. Разъ какъ-то она обратилась къ Эриху и спросила, не можетъ ли онъ ее защитить.

— Могу, отвѣчалъ онъ. Одно только предубѣжденіе, основанное на романтической мечтательности, заставляетъ насъ думать, будто молодая дѣвушка, которая ѣсть и пьетъ съ удовольствіемъ, представляетъ неизящное зрѣлище. А вино вовсе не противно женской природѣ и пить его, по моему, гораздо изящнѣе, нежели ѣсть мясо, то-есть питаться животными.

Всѣ засмѣялись, а Манна опять съ изумленіемъ посмотрѣла на Эриха. Какъ этотъ человекъ всегда умѣетъ найтись! Какіе оригинальные обороты принимаетъ его мысль!

Присутствіе Лины было очень тягостно для Манны и буквально выгоняло ее изъ дому.

Только возлѣ профессорши, которая внушала Линѣ почти-тальный страхъ, еще удавалось ей найти отдыхъ и уединеніе. Манна вслѣдствіе этого часто убѣгала съ виллы и укрывалась отъ подруги въ виноградномъ домикѣ. Она такимъ образомъ почти невольно принуждена была сблизиться съ профессоршей. Спокойствіе духа этой женщины и ея готовность служить ближнимъ, были, наконецъ, оцѣнены Манной по достоинству. Она разъ почти испугалась проворливости профессорши, когда та сказала ей:

— У васъ есть до меня просьба, дитя мое. Почему же вы ея не выскажете?

— У меня, просьба? Какая?

— Вы желали бы, чтобъ Лина переселилась ко мнѣ, но вамъ совѣстно и передъ ней, и передо мной въ этомъ сознаться. Скажите откровенно, что таково дѣйствительно ваше желаніе, и я постараюсь его исполнить.

Манна призналась, что у ней до сихъ поръ не хватало духу объ этомъ говорить.

Не даѣе, какъ на слѣдующій день Лина переселилась въ виноградный домикъ и мгновенно оживила его. Ей для этого не надо было дѣлать никакихъ усилій, а слѣдовало только появиться. Она всюду приносила съ собой потоки свѣта и веселости. Раепѣвая, какъ птичка на зеленой вѣткѣ, она невольно наполняла радостью сердце всякаго, кто въ ней приближался. Тетушка Клавдія аккомпанировала ея пѣніе игрой на фортепіано. Звонкій, серебристый голосъ Лины болѣе, нежели когда-либо дышалъ силой, здоровьемъ и свѣтлой радостью. Звуки такъ легко, свободно выходили у нея изъ груди, а пробудившееся въ ея сердцѣ чувство придавало имъ трогательную задушевность.

Лина никогда особенно не вдумывалась въ свое положеніе, но съ тѣхъ поръ, какъ влюбилась, бессознательно стала заботиться о своемъ нарядѣ и часто смотрѣлась въ зеркало. Но мучиться надъ повѣркою своей внутренней жизни ей и въ голову не приходило. «Что мнѣ до этого?» было ея любимой поговоркой. Она жила, потому что ей жилось, была католичка, потому что такою родилась и вообще находила излишнимъ и неудобнымъ что-нибудь мѣнять около себя или внутри себя. Она смѣялась, пѣла, танцевала, не думая о вчерашнемъ днѣ и не заботясь о завтрашнемъ. Посреди людей, изъ которыхъ у каждаго было на душѣ бремя, или случайно или по собственной волѣ на него возложенное, Лина одна оставалась беззаботной, спокойной и веселой. И не всѣ, подобно Маннѣ, смотрѣли на нее свысока, — нѣтъ, многіе искренно ей завидовали.

— Ахъ, еслибъ и я могъ, или могла, на нее походить! вторялось на разные лады.

Но мало-по-малу и Лина, подъ вліяніемъ профессорши, сдѣлалась сдержаннѣе и смиреннѣе. Она радовалась, что многое понимала изъ того, что эта послѣдняя ей говорила, хотя, вонечно, не все.

Но что за бѣда?

Нельзя же всего съ собой забирать, надо кое-что оставлять и другимъ.

Прелестное зрѣлище представляла Манна, проходя по парку въ свѣтломъ лѣтнемъ платьѣ изъ легкой матеріи. Но являясь въ виноградный домикъ, она всегда приносила съ собою какъ-будто холодъ. Съ профессоршей она говорила не иначе, какъ по-французски и постоянно называла ее «madame». Сама она рѣдко начинала разговоръ, но на всѣ вопросы отвѣчала прямо и открыто.

— Были ли вы съ кѣмъ-нибудь особенно дружны въ монастырѣ? спросила у нея однажды профессорша.

— Нѣтъ, тамъ это не позволено. Обращать нашу любовь на какую-нибудь отдѣльную личность намъ запрещалось, а предписывалось любить всѣхъ одинаково.

• — Если это васъ не утомляетъ, могу я вамъ сдѣлать еще одинъ вопросъ?

— О, я нисколько не устала и ни о чемъ не говорю такъ охотно, какъ о монастырѣ. Я постоянно о немъ думаю. Спрашивайте меня сколько хотите.

— Были ли вы вполне откровенны съ которой-нибудь изъ вашихъ наставницъ?

Манна назвала настоятельницу и устремила на свою собесѣдницу изумленный взоръ, когда та начала хвалить святую жизнь этой женщины. — Что можетъ быть отраднѣе, говорила она, какъ наставлять дѣтей въ истинѣ и добрѣ, и развивая въ нихъ силы, необходимыя для борьбы съ жизнью, вселять въ ихъ сердца миръ и спокойствіе. Какъ высока должна быть та жизнь, въ которой смерть безсильна что-нибудь измѣнить и которой чужды всѣ муки горя и разлуки.

Профессорша прибавила, что сочла бы преступленіемъ, хоть единымъ словомъ смутить душу, готовую обречь себя на подобнаго рода существованіе.

— Дитя мое, сказала она въ заключеніе, твой выборъ въ своемъ родѣ прекрасенъ.

Манна не замѣтила, что профессорша, обращаясь къ ней, употребила слово «ты». Но лицо ея мгновенно озарилось радостью, которая, впрочемъ, столь же быстро исчезла, уступивъ мѣсто новой тревогѣ. Въ глубинѣ души молодой дѣвушки возникло сомнѣніе: ужъ не искушеніе ли это? Не для того ли хвалитъ ее эта женщина, чтобъ, овладѣвъ ея довѣріемъ, быстрѣе совратить ее съ истиннаго пути? Глаза Манны гнѣвно сверкнули. Но тѣмъ не менѣе она послѣ этого разговора опять вернулась къ профессоршѣ, какъ-будто у нея одной могла укрыться отъ преслѣдовавшей ее погони.

Самообладаніе профессорши и полное отсутствіе въ ней эго-

изма магнетически притягивали въ ней Манну. Молодая дѣвушка, сама того не замѣчая, каждый день съ ней все болѣе и болѣе сближалась и наконецъ дошла до такихъ признаній, которыя ей еще очень недавно казались невозможными. Колебанія и борьба, терзавшія ея душу, прежде всего обнаружилась передъ профессоршей. Однажды онѣ, отправивъ Лину, Роланда и Эриха кататься въ лодкѣ по Рейну, сидѣли вдвоемъ въ садикѣ, окружавшемъ виноградный домикъ.

Манна, робко озираясь вокругъ, спросила:

— Неужели это правда, что наслаждаться природою грѣшно? Радость, возбуждаемая ею, не есть ли тоже своего рода выраженіе благоговѣйной любви къ ея Творцу?

Профессорша молчала.

— Прошу васъ, отвѣтите мнѣ, сказала Манна.

— Одинъ человекъ, отвѣчала профессорша, котораго, впрочемъ, вы не можете, подобно намъ, уважать, сказалъ слѣдующее: Богу гораздо пріятнѣе видѣ ликующаго, нежели разбитаго сердца.

— Кто этотъ человекъ?

— Готтгольдъ Лессингъ.

Манна просила ей показать книгу, въ которой находилось это изреченіе. Профессорша исполнила ея желаніе и съ этой минуты между ними установился болѣе свободный обмѣнъ мыслей.

Впрочемъ, профессорша продолжала, по прежнему, говорить и дѣйствовать осторожно и не разъ повторяла, что сочла бы святотатствомъ всякую попытку отнять у вѣрующаго сердца его святыню.

На это Манна ей постоянно отвѣчала, что чувствуетъ себя достаточно вооруженной для того, чтобъ безопасно слушать рѣчи людей, не проникнутыхъ, подобно ей, свѣтомъ истины.

Тщетно профессорша предостерегала ее и совѣтовала быть осторожной. Манна утверждала, что она вернулась въ свѣтъ съ цѣлью все узнать и потомъ отъ всего добровольно отречься. Она объявила о своемъ твердомъ намѣреніи не быть женой Пранкена, да и вообще ничьей и едва не призналась профессоршѣ въ томъ, что обрекала себя на жертву для искупленія чужой вины. И этой жертвы никто отъ нея не требовалъ, она принимала ее на себя добровольно, чувствуя въ себѣ достаточно силъ для того, чтобъ вполне отречься отъ міра и его суеты.

— Вамъ я бы все могла сказать, проговорила Манна, смотря на профессоршу глазами, полными слезъ.

Достаточно было бы одного слова, одного ободряющаго взгляда, чтобъ заставить Манну вполне открыться профессоршѣ.

Но та, напротивъ, обратилась къ ней съ просьбой не повѣрять ей никакой тайны, не потому, чтобъ она не надѣялась ее сохранить, а потому, что боялась взять на себя лишнюю и бесполезную тягость. Кромѣ того, она никогда не простила бы себѣ, еслибъ существо, стремящееся жить высшей духовной жизнью, по ея винѣ вдругъ сошло съ пути, по которому до сихъ поръ намѣревалось идти.

Профессорша говорила чрезвычайно осторожно, взвѣшивая каждое слово, такъ чтобъ не возбудить въ Маннѣ ни малѣйшаго подозрѣнія, въ томъ, что ей уже извѣстна ея тайна. Она только дала ясно понять молодой дѣвушкѣ, что вполне одобряетъ ея намѣреніе поступить въ монастырь.

Что-то похожее на подозрительность, свойственную Зонненкампу, поднялось изъ глубины души Манны. Эта женщина, подумала она, соглашается съ ней только для того, чтобъ вѣрнѣе овладѣть ею. Но взглянувъ на ясное, спокойное лицо профессорши, Манна устыдилась самой себя и едва удержалась, чтобъ не броситься къ ней на шею и не признаться ей въ смутившемъ ее подозрѣніи. Профессорша замѣтила борьбу, происходившую въ сердцѣ молодой дѣвушки, но приписала ее совсѣмъ другой причинѣ. Ей и въ голову не приходило, чтобъ Манна могла усомниться въ честности ея намѣреній.

Возвращаясь на виллу по дорожкѣ, пролегавшей чрезъ поле, вдоль рѣчки, Манна задумчиво остановилась у новой двери въ стѣнѣ парка. Она вспомнила, какъ въ первое утро своего пріѣзда домой, она стояла на этомъ самомъ мѣстѣ и ею внезапно овладѣло предчувствіе борьбы, которую ей предстояло вынести на пути между виллой и винограднымъ домикомъ. Предчувствіе это теперь сбывалось.

Но Манна все еще надѣялась преодолѣть всѣ препятствія и въ концѣ концовъ все-таки остаться побѣдительницей.

Г Л А В А V.

У ПАТЕРА.

Манна по прежнему каждое утро ходила въ церковь, молилась съ неизмѣннымъ усердіемъ, но непреодолимая робость удерживала ее отъ посѣщенія патера. Она постоянно повторяла себѣ, что патерь обѣщался не принимать въ дурную сторону, если она не часто будетъ его навѣщать, и совѣтовала ей самой постараться справиться съ своей новой жизнью. Сколько разъ, по-

среди разговоровъ съ профессоршей, она вдругъ пугалась, видя до какой степени ей были пріятны эти бесѣды, и опять, и опять давала себѣ слово стать на ту точку зрѣнія, съ которой все земное кажется незаслуживающимъ ни малѣйшаго вниманія.

Наконецъ Манна собралась съ духомъ и отправилась къ патеру. Она начала свою бесѣду съ нимъ извиненіями и старалась объяснить, почему такъ долго къ нему не заглядывала. Но патеръ остановилъ ее на первыхъ же словахъ. Ей не было надобности, говорилъ онъ, объяснять ему состояніе своей души. Онъ за это время много о ней думалъ и хорошо понимаетъ, какія мысли и чувствованія должны были ее до сихъ поръ занимать. Когда человекъ, удалившійся отъ свѣта, снова въ него возвращается, ему, привышему къ созерцанію вѣчныхъ истинъ, совершенно естественно должны казаться странными, мелкими и пошлыми всѣ обычаи, заботы и стремленія людей. Дни его тревожны, а ночи преисполнены тяжелыхъ сновидѣній: все это, безъ сомнѣнія, испытывала и Манна. Затѣмъ патеръ убѣждалъ молодую дѣвушку какъ можно снисходительнѣе смотрѣть на людей. Худшіе изъ нихъ, говорилъ онъ, тѣ, которые воображаютъ себѣ, будто знаютъ, что дѣлаютъ. Этихъ послѣднихъ всего труднѣе прощать, но религія, основываясь на высшихъ законахъ небеснаго милосердія, предписываетъ къ нимъ наиболѣе состраданія. Они, вопреки своимъ самонадѣяннымъ рѣчамъ, ничего не знаютъ и о нихъ всего чаще должны мы восклицать: «Господи, прости имъ, ибо они не вѣдаютъ, что творятъ». Намъ только и можно, что молиться о нихъ, въ надеждѣ на милосердіе Божіе.

Патеръ, нѣмого не называя по имени, говорилъ о людяхъ, которые съ перваго взгляда, пожалуй, и кажутся благочестивыми и мудрыми, потому что занимаются, такъ-называемыми добрыми дѣлами и толкуютъ о высшихъ предметахъ, но въ сущности употребляютъ святія слова для прикрытія своихъ вовсе не святыхъ мыслей. Патеръ явно намекалъ на профессоршу. Затѣмъ онъ изобразилъ человекъ, который, посвятивъ себя наукѣ, постоянно заблуждается на счетъ того, что составляетъ настоящій центръ всего живущаго и движущагося въ мірѣ. Самъ не имѣя твердой почвы подъ ногами, онъ однако считаетъ себя способнымъ руководить другихъ. Подъ этимъ человекомъ, конечно, подразумѣвался Эрихъ. Далѣе патеръ не забылъ и тѣхъ людей, которые, стремясь подчинить себѣ всѣ небесныя и земныя силы, преслѣдуютъ насмѣшками вротость и смиреніе. При этомъ онъ, не церемонясь, прямо указалъ на доктора Рихардта и на Вейдемана съ ихъ приверженцами и друзьями. Онъ между прочимъ намекалъ также и на Зонненшампа, но не осмѣливаясь назвать

его въ присутствіи дочери, предоставилъ ей самой объ этомъ догадаться.

Манна слушала патера съ большимъ вниманіемъ. Она взглянула въ окно и взоръ ея остановился на родительскомъ домѣ, на паркѣ, на садѣ и оранжереяхъ. Ей казалось, что земля должна непременно разступиться и поглотить весь этотъ прахъ и суету, а волны Рейна, выступивъ изъ береговъ, залить всю окрестность, посреди которой, какъ Ноевъ ковчегъ, останется стоять одна эта комната.

Запинаясь, едва слышнымъ голосомъ, Манна жаловалась, или лучше сказать, спрашивала, зачѣмъ отъ нея требовали, чтобъ она снова вернулась въ свѣтъ. Патеръ вротко ее утѣшалъ. Подобно тому, говорилъ онъ, какъ изъ этого окна глазъ человѣческой съ высоты поκειται на дальнемъ ландшафтѣ и заботливо наблюдаетъ, что происходитъ тамъ внизу, — такъ точно всевидящее око Вѣчнаго Духа неутомимо слѣдитъ за ней. Пусть же она спокойно, безъ страха отдается всѣмъ развлеченіямъ міра сего, и только внутри себя постоянно хранить мысль о бренности земныхъ благъ: въ этомъ и состоитъ наложенный на нее искусь. Болѣе того, онъ совѣтовалъ молодой дѣвушкѣ поа даже мысленно не связывать себя никакимъ обѣтомъ и на время вовсе прекратить свои посѣщенія къ нему. Пусть она на свободѣ обо всемъ размыслить и предоставленная собственнымъ силамъ, сама преодолѣетъ всѣ препятствія и самостоятельно провзнесетъ рѣшеніе надъ своей будущностью.

Манна робко спросила, почему патеръ не взялъ въ свои руки благотворительность, которою теперь управляла профессорша отъ имени ея отца.

— Почему? воскликнулъ патеръ и въ его обыкновенно спокойныхъ глазахъ сверкнула молнія гнѣва. Развѣ мы можемъ брать то, чего намъ не дають? Но знай, что добрыя дѣла, не освященныя церковью, все равно что ничего. Я и тебѣ положительно запрещаю въ нихъ принимать участіе. Они совершаются людьми, общество которыхъ для тебя не годится.

Манна сильно смутилась, когда патеръ вслѣдъ за тѣмъ выразилъ мнѣніе, что врядъ ли она создана для монастырской жизни и даже посовѣтовалъ ей лучше сдѣлаться женой Пракена. Яркая краска разлилась у ней по лицу, она сдѣлала невольное движеніе руками, какъ бы что-то отъ себя отталкивая, раскрыла ротъ, точно собираясь говорить, но не могла провнести ни слова.

— Хорошо, хорошо, поспѣшилъ ее успокоить патеръ и положилъ ей на голову руку: если ты въ состояніи съ собой

совладѣть—тѣмъ лучше, но знай, что мы тебя не зовемъ и ни въ чему не склоняемъ: ты сама въ себѣ должна все порѣшить. Тебѣ будутъ говорить: попы,—такъ насъ называютъ наши враги,—всеми средствами стараются завлечь тебя. Не вѣрь: я призываю солнце въ свидѣтели и еще разъ повторяю тебѣ, не отрекайся отъ міра. Мы примемъ тебя только въ такомъ случаѣ, если твое призваніе истинно и ты сама добровольно къ намъ придешь. Иначе, ни ты, ни твои богатства намъ не нужны.

Патеръ всталъ съ своего мѣста и быстрыми шагами началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Настало продолжительное молчаніе. Онъ остановился у окна и устремилъ взоръ вдаль. Манна, испуганная и дрожащая, продолжала неподвижно сидѣть на диванѣ.

— Изъ того, что мы тебя вполнѣ предоставляемъ твоимъ собственнымъ силамъ, ты поймешь, какъ искренно мы тебя уважаемъ и какъ сильно надѣмся на твердость твоей вѣры. А теперь оставимъ это и поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ. Ужъ и ты не находишь ли этого капитана Дорнэ очаровательнымъ молодымъ человѣкомъ? Выскажи мнѣ откровенно твое мнѣніе о немъ, такъ какъ будто бы ты говорила сама съ собой.

— Я право не знаю, что вамъ сказать. Но мнѣ кажется, что въ немъ есть благородные задатки, которые могли бы сдѣлать изъ него достойное орудіе вѣчнаго Духа.

— Ты такъ думаешь? Благодарю тебя за откровенность. Необыкновенное искусство соблазнителя въ томъ именно и заключается, что онъ умѣетъ принимать на себя личину добродѣтели и тѣмъ самымъ возбуждать въ истинной душѣ надежду на его полное обращеніе въ добру: она такимъ образомъ, сама того не замѣчая, дѣлается его жертвой. Соблазнитель теперь явился тебѣ и я совѣтую..... нѣтъ, приказываю тебѣ попытаться обратить этого фальшиваго монетчика на истинный путь. Да, попробуй, и если тебѣ это удастся, ты неизмовѣрно вырастешь въ моихъ глазахъ, если-жъ нѣтъ — ты навсегда испѣлишься. Мудрое Провидѣніе не даромъ поставило этихъ людей на твоемъ пути и вложило тебѣ въ сердце желаніе ихъ обратить. Ты этимъ самымъ призвана излечить ихъ и самое себя. Повторяю: сдѣлай попытку къ ихъ обращенію. Смотри, теперь весна на дворѣ, все зеленѣетъ и цвѣтетъ. Но подуетъ вѣтеръ, вершины деревъ закачаются и обнажатся, а корни ихъ затрепещутъ. Такъ точно будетъ и съ тобой. Успѣвшее вырасти въ тебѣ добро должно подвергнуться бурѣ и искушенію, вынести тяжелую, отчаянную борьбу съ соблазнителемъ и только выдержавъ и одолѣвъ все это, ты дѣйствительно будешь сильна.

Патеръ снова быстро зашагалъ по комнатѣ. Манна молчала, ничего болѣе не находя сказать. Ей было страшно отсюда уйти и снова очутиться посреди людей, изъ которыхъ теперь каждый казался ей переодѣтымъ искусителемъ.

Немного спустя, патеръ опять къ ней обратился, но уже ласково проговорилъ:

— Теперь ступай домой, дитя мое, и да будетъ на тебѣ благословеніе Божіе.

Онъ осѣнилъ ее знаменіемъ креста.

Манна вернулась въ родительскій домъ съ новымъ противорѣчіемъ въ сердцѣ, но вооруженная твердымъ намѣреніемъ смотрѣть на все въ жизни, какъ на пустую игру, какъ на искушеніе, которыхъ она ни подъ какимъ видомъ не должна была избѣгать. Но ни то и не подозрѣвалъ настоящей причины веселости и сговорчивости, которыя съ этихъ поръ начали проявляться въ Маннѣ.

ГЛАВА VI.

О ПОСТРОЕНІИ ХРАМА.

Никто, кромѣ профессорши, не замѣчалъ, что въ Эрихѣ произошла какая-то перемѣна. Онъ сдѣлался сосредоточенъ, молчаливъ, почти робокъ. Его прежняя веселость и общительность уступили мѣсто вовсе непривычной ему сдержанности и осторожности, которыя особенно проявлялись въ присутствіи Манны, точно онъ боялся пробудить ее въ дѣйствительности, или чѣмъ-нибудь нечаянно возмутить ее покой.

Вскорѣ, впрочемъ, еще и другой подозрительный глазъ открылъ происшедшую въ Эрихѣ перемѣну. На виллу пріѣхала Белла. Она была особенно ласкова съ Манной и всячески старалась завлечь ее въ разговоръ. У графини была привычка обнимать за талію молодую дѣвушку, которой она желала выказать свое расположеніе, и такимъ образомъ прохаживаться съ ней. Но всякій разъ, что она прикасалась къ Маннѣ, та дѣлала рѣзкое движеніе, точно собираваясь ее отъ себя оттолкнуть. Разъ даже она не вытерпѣла и объяснила Беллѣ, какъ это ей неприятно. Графинѣ постоянно приходилось въ этомъ домѣ и въ этомъ саду претерпѣвать неудачи. Однако она скрыла свою досаду и, обратясь къ Эриху, шутливо спросила, нельзя ли поздравить его теперь также и съ ученицей. Эрихъ въ томъ же тонѣ отвѣчалъ, что Манна болѣе не нуждается ни въ чьемъ руководствѣ. Белла одобительно кивнула ему головой.

Графиня такимъ образомъ успѣла себя нѣсколько вознагра- дить за церемонное обращеніе Манны, которую вслѣдъ затѣмъ пригласила къ себѣ въ Вольфсгартенъ. Но молодая дѣвушка и на эту любезность отвѣчала отказомъ: она была намѣрена ни- куда не ѣздить и никому не отдавать визитовъ. Тогда Белла присоединилась къ профессоршѣ и къ тетуси Клавдіи, съ ко- торыми и провела остатокъ вечера.

По возвращеніи домой, она дала себѣ слово прекратить всѣ сношенія съ домомъ Зонненкампа. Если Отто хотѣлъ непременно изъ него взять себѣ жену, это было его дѣло и вовсе ея не касалось. Впрочемъ она считала своей обязанностью открыть брату глаза на счетъ робости, проглядывавшей въ взаимныхъ сноше- ніяхъ Эриха и Манны и въ которой она сама видѣла зародышъ иного, болѣе глубокаго чувства. Пранкенъ на предостереженіе сестры не безъ тайной злобы отвѣчалъ, что для молодой дѣвушки съ серьезнымъ характеромъ и твердыми религіозными убѣжде- ніями Манны, домашній учитель далеко не былъ такъ опасенъ, какъ думала Белла.

Пранкенъ очень часто пріѣзжалъ на виллу, гдѣ присутствіе его всякій разъ приносило съ собой новое оживленіе и веселость. Но отъ зоркаго взгляда Манны не ускользнуло, что Пранкенъ гораздо болѣе походилъ на искуснаго фокусника, нежели на талантливаго художника. Онъ умѣлъ ловко подражать, но въ немъ самомъ не было производительной силы. Кромѣ того, во всѣхъ его словахъ и поступкахъ проглядывало что-то шаткое, не вполне установившееся, что особенно сильно поражало при сравненіи его съ Эрихомъ.

У Пранжена всегда было наготовѣ острое словцо, но за то онъ положительно не могъ долго поддерживать серьезнаго раз- говора. Всякій новый предметъ, новое явленіе его смущали и буквально ставили въ тупикъ, тогда какъ въ Эрихѣ повидимому, напротивъ, возбуждали его умственные силы и вызывали цѣлый потокъ своеобразныхъ мыслей и сужденій.

Пранкенъ часто казался мелочнымъ и въ высшей степени несостоятельнымъ. Онъ самъ это чувствовалъ и сердился. Въ его обращеніи было что-то невольное возбуждавшее какой-то не-опредѣленный страхъ и подъ самыми горячими его изъявленіями дружбы всегда скрывалось враждебное чувство. Ему казалось, будто онъ тоже подмѣтилъ что-то подозрительное между Манной и Эрихомъ.

Манна подобно Эриху, жила гораздо болѣе въ мірѣ чистыхъ идей, нежели въ дѣйствительности. Она почерпала свой взглядъ на жизнь и людей изъ религіи, онъ изъ науки и воззрѣнія обо-

ихъ отличались характеромъ не столько личнымъ, сколько общечеловѣческимъ. Сначала Манна была точно на сторожѣ и относилась къ Эриху съ пренебреженіемъ и досадою, какъ къ чловѣку, въ которомъ видѣла своего противника. Но потомъ цѣльность и правдивость его характера мало-по-малу одержали побѣду надъ ея предубѣжденіемъ. Когда Пранкену случалось спорить, онъ всегда выражалъ свое мнѣніе такъ, какъ будто оно должно было быть всѣми принято за непреложную истину, Эрихъ напротивъ обыкновенно говорилъ:

— Я прежде всего желалъ бы, если мнѣ будетъ позволено, какъ можно точнѣе и опредѣленнѣе поставить вопросъ. Это лучший способъ добратся до истины. Точно выражаться и умѣть обходиться безъ лишняго, прибавлялъ онъ съ улыбкой, еще философъ Эпиктетъ признавалъ за великую мудрость.

— Кто таковой Эпиктетъ? спросила однажды Манна.

Эрихъ вкратцѣ разсказалъ ей жизнь этого стоика, который былъ невольникомъ въ Римѣ и философомъ, поучавшимъ юношество по способу Сократа. Затѣмъ онъ по обыкновенію присоединилъ къ своему объясненію собственный взглядъ на ученіе философа, о которомъ шла рѣчь, и Манна опять, почти съ ужасомъ замѣтила, какъ много общаго между Эрихомъ и ею. Они, правда, поклонялись различнымъ богамъ, но способъ ихъ поклоненія и набожность, съ какою каждый служилъ своей идее—были у обоихъ одинаковы.

Пранкенъ сильно досадовалъ, видя вниманіе, съ какимъ Манна слушала Эриха, и онъ старался по возможности чаще вызывать его на замѣчанія, которыя противорѣчили бы ея строго-религиозному настроенію духа.

Между молодыми людьми часто происходили стычки, похожія на турниръ, а Манна имѣла видъ царицы, которая должна увѣнчивать побѣдителя. При такомъ натянутомъ положеніи вещей достаточно было самаго ничтожнаго случая, чтобы вражда между противниками разразилась въ ожесточенную войну. Такого рода случай не замедилъ представиться.

Однажды Пранкенъ, являсь на виллу, разсказалъ, что на станціи желѣзной дороги толпилось безчисленное множество крестьянъ. Это былъ день розыгрыша лоттереи въ пользу построенія церкви и весь бѣдный людъ, слуги, служанки, виноградари, каменщики и швипера съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія вечерняго поѣзда, который долженъ былъ привезти списовъ выигрышныхъ номеровъ. Каждый надѣялся быть счастливецемъ, на долю котораго выпадетъ первый выигрышъ. Манна хотѣла сказать, что съ своей стороны дала ловчему денегъ на выкупъ его

билета, но не успѣла, потому что Эрихъ въ негодованіи воскликнулъ:

— Эти лоттереи составляютъ стыдъ и позоръ нашего времени!

— Какъ? Что вы говорите?

— Ахъ, извините, я погорячился, попробоваль-было Эрихъ отклонить отъ себя объясненіе вырвавшихся у него словъ. Но Манна положительно потребовала этого объясненія.

— Позвольте намъ узнать, сказала она, что вы находите предосудительнаго въ лоттереяхъ?

— Признаюсь, отвѣчалъ Эрихъ, я на этотъ разъ не чувствую большой охоты высказать свое мнѣніе.

Манна покраснѣла. Неужели этотъ человѣкъ также еретикъ и въ дѣлѣ общественныхъ приличій? Но она поспѣшила преодолѣть свою догадку и спокойно замѣтила:

— Но вы безъ сомнѣнія не желали бы дать повода упрекать васъ въ несправедливости.

— Неужели, капитанъ, вмѣшался Пранкенъ, вы намъ откажете въ удовольствіи выслушать ваше мнѣніе. Съ вашей стороны было бы очень любезно просвѣтить насъ на счетъ вашего отвращенія къ лоттереямъ.— Затѣмъ онъ, обратясь къ Маннѣ, тихонько прибавилъ: обратите вниманіе на ходъ его рѣчи. Сначала онъ какъ пѣвица, которую просятъ пѣть въ обществѣ, жеманится и извиняется въ странности своихъ взглядовъ вообще. Потомъ онъ, приспособляясь къ слабымъ понятіямъ своихъ слушателей, слегка касается сущности дѣла и приводитъ цитату изъ профессора Гамлета. Затѣмъ ораторомъ овладѣваетъ добродѣтельное негодованіе и онъ всякаго, думающаго иначе чѣмъ онъ, величаетъ кретиномъ, или подлецомъ, а въ заключеніе, когда вы полагаете, что уже насталъ конецъ, онъ еще выдѣлываетъ нѣсколько искусныхъ трелей и тогда только рѣшается умолкнуть.

Эрихъ видѣлъ, что Пранкенъ хотѣлъ его уколоть и, если можно, вывести его изъ себя. Но этого не будетъ, мысленно произнесъ онъ, а затѣмъ очень спокойно сказалъ вслухъ:

— Прежде всего прошу васъ помнить, что теперь вошло въ обыкновеніе прибѣгать къ этому ужасному способу для построенія какъ католическихъ, такъ и протестантскихъ церквей.

— Но почему вы называете его ужаснымъ? спросила Манна.

— Да, да, почему? Дальше, дальше, торопилъ Пранкенъ, точно погоняя лошадь хлыстомъ.

— Прошу васъ, не торопите меня такъ, возразилъ Эрихъ: мнѣ приходится начать издалека.

— Но все-таки, впередъ, впередъ, въ дѣлу! продолжайте подгонять Пранкенъ, пощипывая себя за бороду.

— Величайшіе храмы, началъ Эрихъ, еще недокончены. Въ землѣ покоятся тысячи рубъ, которыя нѣбогда, влекомые благочестіемъ, трудились надъ ихъ сооружеіемъ. Въ числѣ работниковъ, безъ сомнѣнія, были также и легкомысленные, но самое искреннее благочестіе несомнѣнно руководило тѣми людьми, которые, стоя во главѣ предпріятія, ссужали необходимыя для его осуществленія деньги и заправляли ходомъ работъ. Не то видимъ мы въ наше время. Теперь строители храмовъ, обращаясь къ слугамъ и ремесленникамъ, говорятъ имъ: идите сюда, вотъ вамъ лоттерейный билетъ. Онъ стоитъ всего одинъ талеръ, но вы можете выиграть на него цѣлыя сотни и тысячи. Возможна ли благоговѣйная молитва или проповѣдь въ стѣнахъ храма, такимъ образомъ воздвигнутаго на корыстолюбіи людей? Вы усмѣхаетесь? Вы думаете, что бѣда не велика, если слуга или ремесленникъ отдастъ свой талеръ даромъ. Но позвольте васъ спросить, здорово ли для души возлагать свои надежды на лоттерейный выигрышъ? Согласились ли бы вы начертать на краюгольномъ камнѣ новаго зданія планъ лоттереи, содѣйствовавшей его сооружеію? Что скажутъ о насъ будущія поколѣнія, съ трудомъ разбирая цифры, которыя объяснять имъ, что въ наше время храмы Божіи воздвигались не благочестіемъ, а корыстолюбіемъ людей. Разрѣшительныя грамоты и индульгенціи въ сущности заслуживаютъ гораздо меньше порицанія. Въ основаніи ихъ лежитъ, хотя и дурно понятое, но все же нравственное начало, въ силу котораго люди жертвовали деньги съ цѣлью искупать свои грѣхи.

— А я думалъ, виѣшался Зонненкампъ, что вы, какъ поклонникъ изящнаго, непремѣнно должны смотрѣть на сооружеіе прекраснаго зданія, какъ на дѣло высокое и вполне нравственное.

— Благодарю васъ за это замѣчаніе, сказалъ Эрихъ. Оно дастъ мнѣ возможность въ двухъ словахъ выразить мою мысль. Я нахожу безнравственнымъ употреблять дурныя средства для достиженія хорошихъ цѣлей. Несоразмѣрность, въ чемъ бы она ни была, всегда грѣшитъ противъ законовъ изящнаго.

Зонненкампъ нашелъ это объясненіе весьма интереснымъ, но Пранкенъ былъ сильно раздосадованъ. По задумчивому виду Манны, онъ догадывался, что слова Эриха произвели на нее впечатлѣніе. Но гнѣвъ его безъ сомнѣнія дошелъ бы до послѣдней крайности, еслибы онъ могъ поглубже заглянуть въ душу молодой дѣвушки и прочесть въ ней ея мысли.

Этотъ еретикъ, капитанъ Дорнэ, въ сущности не поколебаль въ ней ни одного изъ религіозныхъ началъ. Вся его философія была не въ силахъ сдвинуть съ мѣста такую твердую скалу, какъ ея вѣра. Но онъ успѣлъ пробудить въ ней сомнѣніе на счетъ справедливости мѣръ, въ какиѣ нерѣдко прибѣгаютъ представители нравственнаго, духовнаго міра. «Деньги, деньги!» звучало у Манны въ ушахъ: неужели онѣ дѣйствительно таковой соблазнъ, противъ котораго никто не можетъ устоять?

Вдругъ въ комнату вбѣжалъ Роландъ и въ волненіи воскликнулъ:

— Эрихъ, иди скорѣй, тебѣ Клаусъ спрашиваетъ! Онъ, точно помѣшанный, кричитъ и бранится. Ты одинъ можешь его успокоить.

— Чтó съ нимъ случилось?

— На долю Семиствольника выпалъ первый выигрышъ, а Клаусъ утверждаетъ, будто эти деньги должны принадлежать ему. Иди скорѣй! Повторяю тебѣ: онъ точно съ ума сошелъ.

Эрихъ вышелъ на дворъ. Ловчій сидѣлъ на одной изъ собачьихъ конуръ и имѣлъ въ высшей степени жалкій видъ. Онъ такъ сбивчиво и невнятно отвѣчалъ на распросы Эриха и Роланда, что тѣ рѣшительно ничего не могли понять. Ясно было только то, что Семиствольникъ выигралъ деньги, а Клаусъ утверждалъ, будто онѣ принадлежать ему.

Зонненкампъ, Манна и Пранкенъ тоже показались на лѣстницѣ. Ловчій, увидѣвъ Манну, закричалъ, что она можетъ засвидѣтельствовать справедливость его словъ. Онъ получилъ отъ нея деньги на билетъ, но забылъ только его выкупить.

Эрихъ успокоилъ ловчаго общаніемъ вмѣстѣ съ нимъ отправиться къ Семиствольнику. Зонненкампъ согласился дать одинъ изъ своихъ экипажей. Роландъ упросилъ Эриха взять его съ собой, Клаусъ сѣлъ на козлы вмѣсто кучера и они поѣхали въ деревню, гдѣ жилъ Семиствольникъ.

У воротъ дома послѣдняго они застали бочара, который разсказалъ Эриху, какъ Семиствольникъ его только что отъ себя выгналъ. Бѣдный малый любилъ старшую дочь Семиствольника и родители обоихъ были до сихъ поръ вовсе не прочь породниться. Но теперь Семиствольникъ объ этомъ и слышать не хотѣлъ. Дочь его, говорилъ онъ, можетъ найти себѣ жениха лучше сына ловчаго, который еще вздумалъ оспаривать у него право на выигранныя деньги.

— Правда ли, батюшка, что выигрышный билетъ тебѣ принадлежалъ? спросилъ бочаръ у Клауса.

— Принадлежалъ и теперь еще принадлежить, отвѣчалъ тотъ.

— Ну, теперь я все понимаю, сказалъ бочаръ и немедленно ушелъ.

Въ домѣ Семиствольника все было въ безпорядкѣ. Старшая дочь его плакала, а другіе дѣти безъ цѣли толкались изъ угла въ уголь. Наконецъ Эриху и Роланду удалось кое-какъ усѣсться. Семиствольникъ немедленно объявилъ, что не намѣренъ болѣе оставаться виноградаремъ. Не дуракъ же онъ, въ самомъ дѣлѣ! Нѣтъ, онъ теперь въ теченіи цѣлаго года ровно ничѣмъ не будетъ заниматься, а потомъ уже подумаетъ, что ему всего лучше начать. Дѣти прыгали, кричали и вообще очень шумно выражали свою радость. Семиствольникъ приказалъ имъ пѣть, но они отказались, находя, что время повиноваться отцу прошло.

Эрихъ, которому удалось уговорить ловчаго не входить въ домъ, передалъ Семиствольнику претензію послѣдняго на его деньги. Но едва успѣлъ онъ выговорить нѣсколько словъ, какъ Семиствольникъ, въ бѣшенствѣ соскочивъ съ мѣста, сильнымъ ударомъ кулака выбилъ окно и грозно закричалъ своему бывшему пріятелю:

— Если ты сію же минуту отсюда не уйдешь и еще хоть разъ заикнешься мнѣ о деньгахъ, то я живого мѣста на тебѣ не оставлю. Слышишь? Убирайся прочь, да поскорѣй, а не то тебѣ не сдобровать!

Никакія убѣжденія не помогли и Семиствольникъ остался при томъ, что ни копѣйки не дастъ ловчему.

Эрихъ и Роландъ разстались съ нимъ глубоко опечаленные. Проѣзжая мимо дома Клауса, они увидали его спящаго на лавкѣ. Жена его рассказала, что онъ вернулся въ ней совсѣмъ пьяный и прибавила, что сынъ ея, бочаръ, также ходитъ какъ убитый.

Эрихъ и Роландъ и тутъ также ничѣмъ не могли помочь.

На возвратномъ пути, Роландъ внезапно воскликнулъ:

— Ахъ, деньги, деньги! Сколько онѣ надѣлали зла!

Эрихъ ничего не отвѣчалъ, а мальчикъ въ волненіи продолжалъ:

— Я въ Америкѣ никогда не слышалъ о лоттереехъ. Видишь ли, Эрихъ, это учрежденіе существуетъ только у насъ.

Учитель и ученикъ вернулись на виллу разстроенные и смущенные. Ихъ въ теченіи всего вечера не покидало воспоминаніе о грозномъ геніи раздора, который внезапно поселился между двумя семействами, вслѣдствіе неожиданно появившагося богатства.

На слѣдующее утро первыми словами Роланда были:

— Какъ-то ловчій и Семиствольникъ провели эту ночь?

Въ деревню отправили посланнаго, узнать въ какомъ положеніи находятся дѣла враждующихъ семействъ. Онъ вернулся съ довольно успокоительными извѣстіями: между ними не произошло никакихъ новыхъ столкновеній, по старшая дочь Семиствольника ушла изъ родительскаго дома и поселилась у Клауса.

ГЛАВА VII.

ПЕРВАЯ ПОВЪДКА.

Манна была со всѣми окружавшими ее въ высшей степени ласкова и кротка и никому въ голову не приходило подовѣрять ее въ гордости, а между тѣмъ ея кротость и доброта были ей внушены сознаниемъ преимуществъ, которыми она пользовалась, а другіе нѣтъ. Всѣ люди казались ей такими бѣдными, ничтожными, заблудшими созданіями, между тѣмъ какъ она чувствовала себя такой богатой и сильной вслѣдствіе снисшедшей на нее небесной благодати. Обращенныя къ ней рѣчи она всегда слушала разсѣянно, думая про себя: да, это говоришь ты, дитя мірской суеты и тщеславія, но не такъ думаю я. Участвуя въ прогулкахъ и разнаго рода удовольствіяхъ она ни на минуту не забывалась. Ей постоянно точно кто-нибудь твердилъ: это не ты, по крайней мѣрѣ не вся ты, а только часть тебя здѣсь сидитъ, говорить и улыбается. Мысли твои далеко отсюда...

Но никто не зналъ о томъ, что происходило въ глубинѣ души молодой дѣвушки, а всѣ, руководствуясь только внѣшними признаками, были въ восторгѣ отъ ея милаго и граціознаго обращенія. Тѣмъ не менѣе никто болѣе не осмѣливался упоминать въ ея присутствіи о верховой ѣздѣ. Одинъ только докторъ Рихардтъ явился на помощь Пранкену и Зонненкампу и во всеуслышаніе объявилъ, что Маннѣ необходимо для здоровья ѣздить верхомъ.

На виллѣ все это время то и дѣло пѣли, танцовали, играли, гуляли. Манна ѣздила верхомъ въ сопровожденіи Пранкена, Эриха и Роланда. Иногда къ нимъ присоединялся и Зонненкампъ на своемъ воропомѣ конѣ. Прогулки эти были очень пріятны, потому что всюду, куда бы ни являлась Манна съ своими спутниками, ихъ вездѣ принимали съ радостью и почетомъ. И не только бѣдняки, получавшіе помощь черезъ профессоршу, но и люди совершенно независимые оказывали имъ радушный пріемъ. Всѣ окрестные жители, повидимому, гордились тѣмъ, что между

ними находится человекъ, заслуживающій такого полнаго уваженія, какъ Зонненкампъ.

Въ одинъ прекрасный день Манна, Пранкенъ, Роландъ, Эрихъ и Зонненкампъ ѣхали вдоль тѣнистой аллеи, усаженной орѣшникомъ.

— Капитанъ Дорнэ правъ! внезапно воскликнула Манна, вмѣстѣ съ отцемъ и Пранкеномъ немного опередившая брата и его учителя.

Она припомнила замѣчаніе Эриха на счетъ красоты орѣшника и дурного нововведенія, вслѣдствіе котораго теперь дороги окаймляются липами и другими деревьями не плодовыхъ породъ. Орѣшникъ, говорилъ молодой человекъ, преимущественно принадлежитъ Рейну. Онъ красивъ, тѣнистъ, прибыленъ и осенью доставляетъ поживу маленькимъ шалунамъ.

Манна сорвала листь орѣшника.

Голосъ ея съ нѣкоторыхъ поръ измѣнился, въ немъ болѣе не было слышно слезъ, онъ сталъ тверже и свѣжѣе.

— Ты могъ бы поддержать честь орѣшника въ странѣ, сказала она, обращаясь къ отцу. Устрой разсадникъ молодыхъ орѣховъ и давай общинамъ даромъ столько отростковъ, сколько они пожелаютъ.

Зонненкампъ обѣщался привести въ исполненіе этотъ планъ и кромѣ того объявилъ о своемъ намѣреніи положить основаніе нѣсколькимъ общепольнымъ учрежденіямъ. Теперь у него стояла на очереди касса для вдовъ и сиротъ шкиперовъ.

Манна ласково потрепала по шеѣ свою бѣлую лошадку, которой дала названіе Снѣжинки.

Пранкенъ выразилъ свое удовольствіе по случаю того, что лошадка оказывается достойной своей госпожи. Манна протянула ему руку и поблагодарила его за заботливость о ней.

— Маршъ, впередъ, Снѣжинка! воскликнула она, щелкнула языкомъ и быстро помчалась, граціозно качаясь въ сѣдлѣ. Отецъ и Пранкенъ поспѣшили вслѣдъ за ней.

Вдругъ на поворотѣ дороги показалась процессія. Манна такъ круто остановила лошадь, что едва не упала съ нея. Бъ счастью Зонненкампъ ее въ-время удержалъ за платье.

Они всѣ спѣшились, не исключая Эриха и Роленда. Конюхи отвели лошадей въ сторону, а Манна присоединилась къ процессіи. Она несла на рукѣ длинный шлейфъ своей амазонки, шла, скромно опустивъ глаза въ землю, и громко пѣла. Пранкенъ тоже вмѣшался въ толпу богомольцевъ и, подобно Маннѣ, пѣлъ. Эрихъ остался на своемъ мѣстѣ. Проходя мимо одной часовни, стоявшей на окраинѣ дороги, Манна опустила на ко-

лѣни. Пранкенъ сдѣлалъ тоже самое. Вдругъ точно очнувшись отъ сна, Манна съ удивленіемъ увидѣла себя одну съ Пранкеномъ. Отецъ, братъ ея и Эрихъ, вмѣстѣ съ конюхами и лошадьми, ожидали ее нѣсколько въ сторонѣ отъ большой дороги: Процессія скрылась изъ виду и только издали еще по временамъ доносилось до нея пѣніе богомольцевъ.

Пранкенъ смотрѣлъ на Манну, сложивъ руки, какъ на молитву.

— Манна, началъ онъ, въ первый разъ называя ее просто по имени: Манна, такова должна быть наша жизнь. Богъ, снабдивъ насъ богатствомъ и знатнымъ именемъ, далъ намъ возможность свободно мыслить и дѣйствовать. Будемъ ему за это благодарны, но въ тоже время не станемъ гнушаться нашей меньшей братіи, а напротивъ, применивъ къ ней, пойдемъ по одному пути съ ней къ просвѣтлѣнію.

Онъ взялъ ее за руку, которую она ему на секунду оставила, а потомъ отняла.

— Я вамъ еще не говорилъ, что также боролся съ святымъ наміреніемъ отречься отъ міра и посвятить себя исключительно служенію церкви. Вы съ вашей стороны твердо и благородно выдержали такую же точно борьбу и вернулись въ свѣтъ. Прошу васъ, не отталкивайте меня: я отдаю въ ваши руки мое сердце, мою душу, и возлагаю на васъ всѣ мои надежды. Войдемте вмѣстѣ въ часовню.

Онъ снова взялъ ее за руку, но въ это самое время послышался голосъ Эриха.

— Фрейленъ Манна! кричалъ онъ.

— Что случилось? Что вамъ надо? спросилъ Пранкенъ.

— Фрейленъ Манна, продолжалъ Эрихъ, вашъ батюшка просилъ меня вамъ передать, что здѣсь по близости находится мезовой камень, съ котораго вамъ удобно будетъ сѣсть на лошадь.

— Я не хочу... я не поѣду болѣе верхомъ, но пойду домой пѣшкомъ, возразила Манна и обернувшись къ Эриху, пошла вмѣстѣ съ нимъ, не обращая вниманія на то, слѣдуетъ за ней Пранкенъ, или нѣтъ. Пройдя уже порядочное пространство, она обернулась и увидя Пранкена, неподвижно стоящаго на томъ же мѣстѣ, пригласила его идти вмѣстѣ съ ними.

Вопреки всѣмъ убѣжденіямъ, она болѣе не садилась на лошадь, но прошла весь далекій путь на виллу пѣшкомъ въ своемъ тяжеломъ одѣяніи.

Она во всю дорогу не проронила болѣе ни слова, а на лицѣ ея лежала мрачная тѣнь.

Придя на виллу, она завернулась въ свою комнату и долго въ ней молилась и плакала.

Борьба явилась скорѣе, нежели она думала, и застала ее, какъ ей казалось, безоружной. Пранкенъ имѣлъ полное право съ ней такимъ образомъ говорить. Да и не лучше ли ей въ самомъ дѣлѣ вернуться къ жизни? При этой мысли, она невольно обернулась, какъ бы отыскивая Эриха, съ цѣлью спросить у него, что онъ думаетъ о ея измѣнчивости. Ей казалось, что Эрихъ вмѣстѣ съ ней вошелъ въ ея комнату, но она была одна.

Она долго боролась, переходя отъ одного сомнѣнія къ другому, и наконецъ порѣшила не дозволить развлеченіямъ вполне собой овладѣть.

Вечеромъ устроилась прогулка въ лодкѣ по Рейну; Манна, сначала согласившаяся ѣхать, теперь рѣшительно отказалась. Она стояла у окна своей комнаты, не открывая его и сожалея, что передъ нимъ не было желѣзной рѣшетки. Она увидѣла на рѣкѣ лодку, наполненную мужчинами и женщинами. Лина громко пѣла и ей вторилъ сильный и гибкій мужской голосъ.

Кому бы онъ принадлежалъ?

Не Пранкену, и не Роланду,—вѣроятно Эриху.

Немного спустя Лина потребовала отъ Эриха, чтобъ онъ спѣлъ Шубертову пѣсню арфиста. Эрихъ отказывался, находя ни съ чѣмъ несообразнымъ пѣть въ веселомъ обществѣ и во время прогулки по Рейну мелодію, которая, выражая безотрадную тоску, была уместна только ночью и въ полномъ уединеніи. Но Лина настаивала и Эрихъ запѣлъ:

Wer nie sein Brod mit Thränen ass.

(Кто не ѣдалъ свой хлѣбъ, омоченный слезами).

Весла неподвижно лежали въ лодкѣ, а голосъ Эриха, оглашая окрестность, съ неотразимой силой проникалъ въ сердца его слушателей. Онъ послѣ короткой паузы продолжалъ:

Ihr führt ins Leben uns hinein,

Ihr lasst den Armen schuldig werden,

Dann überlasst Ihr ihn der Pein:

Denn alle Schuld rächt sich auf Erden.

(Вы насъ вводите въ жизнь, но къ жизни

Вы заставляете бѣднаго челоѣка грѣшить,

А затѣмъ предаете его на жертву мученьямъ.

Потому что всякій грѣхъ отмщается здѣсь на землѣ).

Музыкальная фраза въ мелодіи Шуберта вполне совпадаетъ съ размѣромъ стиха Гёте. Слова: «Потому что всякій грѣхъ от-

мщается здѣсь на землѣ», раздались въ ту самую минуту, какъ лодка скользила по гладкой поверхности рѣки у самаго подножія виллы Эдемъ. Манна на верху услышала ихъ и закрывъ лицо руками, упала на колѣни.

Прошло нѣсколько часовъ. Кто-то постучался въ дверь комнаты Манны. Она заснула посреди слезъ и теперь внезапно пробудилась. Было совершенно темно, Роландъ и Лина громко ее звали. Утомленная нравственно и физически, Манна не могла противиться сну и теперь сошла внизъ еще не вполнѣ отъ него пробудясь. Ей казалось, что было уже утро, между тѣмъ какъ едва насталь вечеръ. Она чувствовала себя какъ въ плѣну посреди этихъ людей, которые всѣ были преисполнены къ ней любви.

Какъ бы желая преодолѣть себя, Манна предложила новую прогулку по Рейну при лунномъ свѣтѣ, и просила Лину пѣть.

Лина отговорила тѣмъ, что не можетъ пѣть такъ хорошо, какъ Эрихъ.

— Прошу васъ, спойте что-нибудь, попросила Манна и его.

— Я теперь не могу, отвѣчалъ Эрихъ.

Онъ отказалъ ей въ первой просьбѣ, съ которой она къ нему обратилась. Сначала Маннѣ было досадно, но потомъ она даже какъ-будто обрадовалась нелюбезной выходкѣ Эриха. «Такъ лучше, подумала она: какое тебѣ дѣло до этого человѣка? Ты должна вернуться въ границы твоего презняго, холоднаго съ нимъ обращенія». И чтобъ показать, что она нисколько не обижена, Манна сдѣлалась вдругъ такъ весела, какъ еще никогда не бывала.

Когда они возвращались съ прогулки, къ нимъ на встрѣчу вышелъ Зонненгампъ и объявилъ, что Семиствольникъ ему сообщилъ по секрету о намѣреніи шкиперовъ, въ пользу которыхъ онъ основалъ благотворительное заведеніе, принести ему на слѣдующій день свою благодарность. Семиствольникъ предупредилъ его съ цѣлью, чтобъ онъ не былъ застигнутъ въ распλοхъ и на всякій случай не отлучался изъ дому.

ГЛАВА VIII.

СМѢЙСЯ, ПѢЙ И ТАНЦУЙ.

— Семейство безъ дочери все равно, что лугъ безъ цвѣтовъ, сказалъ маіоръ, вмѣстѣ съ профессоршей и Зонненкампомъ любясь, какъ молодые люди играли въ кольца на лужайкѣ между виллой и винограднымъ домикомъ.

Лина достигла того, что Манна приняла участіе въ игрѣ. Она была въ разговорѣ съ горничной Манны и за одно съ ней успѣла одѣтъ послѣднюю въ легкое лѣтнее платье и вывести ея въ черные волосы пунцовую бархатную ленту. Молодые люди стояли въ кругу, на довольно большомъ разстояніи одинъ отъ другого, бросали въ воздухъ обвитыя пестрыми лентами кольца и ловили ихъ тоненькими палочками.

Въ числѣ играющихъ находился также и архитекторъ, приглашенный по желанію Манны, — зачѣмъ, этого никто не зналъ, кромѣ ся самой и Лины.

Роландъ просилъ Эриха также участвовать въ игрѣ. Тотъ сначала не соглашался, но Лина, услышавъ его отказъ, закричала:

— Кто не хочетъ играть, у того значитъ парикъ и онъ боится его потерять.

Эриху ничего болѣе не оставалось, какъ присоединиться къ играющимъ.

Пранкенъ обращался съ своей палочкой по восному, точно какъ со шпагой. Всѣ хохотали и быстро бѣгали по лужайкѣ. Пріятно было смотрѣть на граціозныя движенія Роланда и въ особенности Манны. Когда она, закинувъ голову назадъ, стояла съ поднятой къверху рукой, фигура ея была до того стройна и гибка, что невольно заставляла всякаго любоваться. Взоръ ея, казалось, слѣдилъ не за игрой, а зачѣмъ-то инымъ, необычайнымъ. Она точно была въ экстазѣ и смотрѣла не на пестрое кольцо, а на ея одной видимое небесное явленіе. Справа отъ нея стоялъ Пранкенъ, а съ лѣва Эрихъ. Первый такъ ловко бросалъ кольцо, что оно непремѣнно всякій разъ попадало на палочку Манны, послѣдній, напротивъ, кидалъ его или слишкомъ высоко, или слишкомъ низко, такъ что ей постоянно приходилось нагибаться и поднимать кольцо съ земли. Можно было подумать, что онъ дѣлалъ это нарочно, съ дѣлюю любоваться Манной.

Роландъ и Лина подсмѣивались надъ его веловкостью. Они

затѣяли между собой особаго рода борьбу и всякій разъ, какъ че-нибудь кольцо упало на землю, они оба бросались къ нему и старались другъ друга сбить съ ногъ. Лина сама походила на шаловливаго мальчика, а Роландъ такъ ловко увертывался отъ нея, что ей ни разу не удалось его повалить. Архитекторъ все время любовался своей невѣстой и умильно поглядывалъ на ея сапожки изъ золотистаго сафьяна. Вдругъ Эрихъ, бросившійся ловить винутое нѣсколько въ сторону Манной кольцо, за что-то запнулся и растянулся во всю длину на травѣ.

Манна громко расхохоталась. Лина, услышавъ ея смѣхъ, захлопала въ ладоши и воскликнула:

— Очарованіе, тяготѣвшее надъ принцессой, разрушено! Манна до сихъ поръ была принцессой, которая не могла смѣяться. Капитанъ, вы ея избавитель. Какое названіе дадимъ мы рыцарю, спасшему намъ нашу Манну?

Лина была въ этотъ день еще веселѣе и рѣзвѣе обыкновеннаго. Она могла по справедливости гордиться тѣмъ, что принесла съ собой на виллу новую жизнь и даже пробудила къ ней Манну.

Эрихъ сумѣлъ обратить свою неудачу въ шутку, но взглянувъ на мать, не могъ понять, почему она такъ серьезно поначала ему головой. Онъ забылъ о томъ, какъ она въ день перваго посѣщенія ея Беллой, съ гордостью вспоминала слова мужа, говорившаго, что Эрихъ въ теченіи своей жизни ни разу не падалъ.

Никогда еще щеки Манны не рдѣлись такимъ яркимъ румянцемъ: дѣйствительно, тяготѣвшія надъ ней оковы какъ будто всѣ разомъ съ нею свалились. Ея внезапный, веселый, искренній, дѣтскій смѣхъ точно сообщилъ ей новую жизнь. Она досадовала на себя, но не могла этого измѣнить.

Лина между тѣмъ, обратясь къ Зонненкампу, сказала:

— Великій государь! Рыцарь заставилъ смѣяться принцессу и вы должны ему отдать ее въ супруги. Прикажите вашему герольду съ вершины башни королевскаго замка возвѣстить это вашему народу. Скажите, какую награду намѣрены вы дать капитану Дорнэ?

— Я ему разрѣшаю поцѣлуй.

— Капитанъ Дорнэ, вы можете поцѣловать Манну: ея отецъ вамъ даетъ на это позволеніе.

Всѣ въ изумленіи переглянулись.

— Нѣтъ, дитя мое, воскликнулъ Зонненкампъ, обращаясь къ Линѣ: я не то хотѣлъ сказать. Я позволяю ему поцѣловать васъ.

— Для этого мнѣ вовсе не надо вашего позволенія, возразила Лина.

Она была теперь совершенно въ своемъ элементѣ. Лишь только дѣло шло о какой-нибудь шалости, или забавѣ, Лина мгновенно оживлялась, дѣлалась вдругъ умна, находчива, бойка и полна неожиданныхъ выходовъ. Но стоило только разговору коснуться серьезнаго предмета, она вдругъ усмиралась и сидѣла притаясь, все время, пока онъ длился, но взглядъ ея ясно говорилъ:

— Все это, безъ сомнѣнія, отлично, но мнѣ вовсе не по вкусу. Никогда еще мнѣ не приходилось видѣть, чтобъ отъ этихъ мудрыхъ рѣчей люди становились лучше, то-есть здоровѣе и веселѣе.

Вскорѣ все общество вернулось на виллу. Лина надѣла свою шляпу, на букетъ и поручила ее заботливости архитектора, который несъ ее очень осторожно и нѣжно поглядывалъ на ея коричневые поля, обитыя искусственными, золотистыми, какъ они бывають подъ осень, виноградными листьями. Отдавая Линѣ шляпу, онъ пожалъ ей руку, на что она отвѣчала тѣмъ же. Архитектору слѣдовало идти въ замокъ, еще тамъ кое-что приготовить къ завтрашнему дню. Лина съ минуту задумчиво посмотрѣла ему вслѣдъ, потомъ тряхнула головой, взбѣжала на лѣстницу и черезъ минуту уже сидѣла за фортепьяно и играла какой-то быстрый танецъ. Этотъ день, по ея мнѣнію, непременно слѣдовало заключить танцами, чтобъ достойнымъ образомъ отпраздновать избавленіе принцессы отъ чаръ, которыя не давали ей до сихъ поръ смѣяться. Самоотверженіе Лины простерлось до того, что она, отказавшись танцевать сама, сѣла играть на фортепьяно въ пользу другихъ. Когда же Пранкенъ, подойдя къ Маннѣ, шутливо пригласилъ ее на танецъ, Лина быстро вскочила съ мѣста и воскликнула:

— Нѣтъ, нѣтъ, первый танецъ принадлежитъ рыцарю опрокинутой въ траву философіи, тому самому, который разрушилъ тяготѣвшее надъ принцессой очарованіе.

И Лина пристала къ Маннѣ, требуя, чтобъ она танцевала съ Эрихомъ. Тетушка Клавдія съ обычной своей предупредительностью сѣла за фортепьяно и тѣмъ самымъ доставила возможность танцевать также и Линѣ. Послѣдняя съ лукавой улыбкой и граціознымъ кивисеномъ пригласила себѣ въ партнеры Пранкена и вмѣстѣ съ нимъ понеслась вслѣдъ за Эрихомъ и Манной.

— Мнѣ просто не вѣрится, что я танцую, замѣтила Манна,

между тѣмъ какъ опираясь на плечо Эриха, быстро вружила съ нимъ по залѣ.

— И мнѣ тоже, возразилъ Эрихъ.

— Лина заставляетъ всѣхъ насъ дурачиться, опять сказала Манна.

Она еще съ трудомъ переводила духъ, когда Пранкенъ пригласилъ ее на слѣдующій танецъ. Онъ съ минуту простоялъ на мѣстѣ, держа ее за руку, а потомъ уже присоединился къ другимъ танцующимъ. Роландъ очень обрадовался, увидя наконецъ Лину свободной и безъ усталости съ ней танцевалъ, не давая тетушкѣ Клавдіи ни отдыха, ни срогу.

Зонненкампъ, радостнымъ взоромъ слѣдя за танцующими, говорилъ профессоршѣ, что никогда не надѣялся видѣть своихъ дѣтей такимъ образомъ веселящимися въ этой самой залѣ. Онъ послалъ за Церерой, которая вскорѣ и явилась. Пранкенъ и Манна должны были снова вмѣстѣ танцевать.

Зонненкампу очень понравилось предложеніе Цереры дать, въ честь Манны, большой балъ, но сама молодая дѣвушка сильно этому воспротивилась. Умненькая Лина, гордая и счастливая одержанной ею побѣдой, шепнула на ухо родителямъ Манны, чтобъ они сегодня болѣе не настаивали на своемъ желаніи, а предоставили бы все дѣло ей: она брала на себя его устроить.

Послѣ ужина Лина опять хотѣла танцевать и говорила, что въ эту ночь никто не долженъ спать. Она пристала къ Зонненкампу съ просьбой, чтобъ онъ немедленно телеграфировалъ въ гарнизонъ требованіе прислать на виллу съ экстреннымъ поѣздомъ музыкантовъ.

Она была въ этотъ вечеръ такъ мила, остроумна и граціозно оживлена, что даже обратила на себя вниманіе Эриха, который до сихъ поръ всегда относился къ ней очень равнодушно.

Онъ подошелъ къ ней и сказалъ нѣсколько дружескихъ словъ.

— Думали ли вы, перебила она его, что вамъ когда-нибудь прійдется танцевать съ вашимъ крылатымъ видѣніемъ? Не правда ли, она настоящій ангелъ? А что еще будетъ, когда къ ней возвратится ея прежняя веселость! Ахъ, какъ бы я желала, чтобъ вы въ нее влюбились.... по уши влюбились... ужасно влюбились...! Вы непременно должны мнѣ кое-что обѣщать.

— Что же именно?

— Въ тотъ самый день, какъ вы влюбитесь, скажите мнѣ объ этомъ.

— А если я вмѣсто того влюблюсь въ васъ?

— Ахъ, полноте, я для васъ слишкомъ глупа. Вотъ для ба-

рона фонъ-Прангена я, пожалуй, и годилась бы, но къ сожалѣнію я уже иначе собой распорядилась. Вамъ Манна ничего обо мнѣ не говорила?

Эрихъ отвѣчалъ отрицательно, а Лина продолжала.

— Сдѣлайте мнѣ такое удовольствіе и перебейте Манну у барона фонъ-Прангена. Ахъ, сдѣлайте это, прошу васъ, ради меня!

— О чемъ это вы такъ весело смѣетесь? спросила Манна, подходя къ нимъ. Я сегодня тоже начала смѣяться и хотѣла бы къ вамъ присоединиться.

— Скажите-ка вы ей, о чемъ мы смѣемся, поддразнила Лина Эриху.

Онъ молчалъ, а она продолжала:

— Онъ могъ бы тебѣ это сказать, еслибъ не его несносная сдержанность и сосредоточенность. Пожалуйста, Манна не отставай отъ него, пока онъ тебѣ не скажетъ. Капитанъ, если вы будете долѣе молчать, я за васъ скажу.

— Я слишкомъ довѣряю вашему такту, проговорилъ Эрихъ очень серьезно: и убѣжденъ, что вы не захотите сдѣлать изъ шутки нѣчто вовсе противоположное.

По лицу Лины пробѣжала легкая тѣнь и она поспѣшила сказать:

— Ахъ, Манна, онъ такъ ужасно ученъ! Правду говорить мой отецъ, что онъ всѣхъ людей видитъ насквозь. Вѣдь и ты, я думаю, иногда его боишься.

Манна вмѣсто отвѣта взяла Лину подъ руку и увела ее въ садъ. Лина весело болтала, шутила и пѣла, не хуже соловья, который тутъ же заливался въ устахъ.

Когда Манна наконецъ очутилась въ уединеніи своей комнаты, ей показалось, что висѣвшіе на стѣнахъ лики святыхъ какъ-то особенно строго и не ласково на нее смотрѣли. Она прочла въ ихъ глазахъ вопросъ: «кто ты? Мы тебя не узнаемъ!» и опустивъ глаза, бросилась на колѣни. Внутренній голосъ говорилъ ей: этому надлежало совершиться. Тебѣ слѣдовало еще разъ вкусить суеты мірской, а затѣмъ уже, выдержавъ тяжелую борьбу, навсегда отъ нея отречься.

Но молитва мало ее облегчила. Она не могла вполне устремить на нее своего вниманія, такъ какъ въ ухахъ ея все еще раздавались звуки веселаго вальса и серебристые переливы хохота. Неужели это былъ ея собственный смѣхъ?

На слѣдующій день Манну ожидало новое развлеченіе.

Послѣ обѣда все семейство Зонненкампа отправилось въ замокъ, гдѣ архитекторъ устроилъ особаго рода маленькій праз-

никъ. Онъ былъ большой любитель майтранка и въ настоящій день окружилъ приготовленіе этого изобилующаго пряностями напитка особенной торжественностью. Общество помѣстилось на одномъ изъ выступовъ стѣны, откуда могло любоваться дальнимъ ландшафтомъ. Лина буквально плавала въ блаженствѣ, громко смѣялась и распѣвала, какъ птичка. Она вообще всегда гораздо лучше пѣла на открытомъ воздухѣ, нежели въ комнатѣ. А на этотъ разъ она еще вдобавокъ имѣла хорошаго партнёра и спѣла нѣсколько дуэтовъ съ архитекторомъ.

Затѣмъ всѣ обратились въ Эриху съ просьбой тоже что-нибудь спѣть, но онъ не согласился.

Линѣ удалось заставить Манну выпить цѣлый стаканъ майтранка. Она говорила, что ничего такъ не желала бы, какъ видѣть свою подругу немного на-веселѣ: можетъ быть, въ ней тогда пробудилась бы вся ея прежняя живость. Но у Манны еще хватило силъ ей воспротивиться. Тѣмъ не менѣе она громко смѣялась всякой шуткѣ и шалости Лины.

Роландъ весело подмигивалъ Эриху, указывая на Манну, но тотъ посовѣтовалъ ему не обращать на нее вниманія изъ опасенія смутить ее.

Затѣмъ молодые люди начали плести вѣнки, причѣмъ Лина вспомнила о первомъ появленіи Эриха въ Вольфсгартенѣ. Всѣ вернулись на виллу веселые и увѣнчанные цвѣтами.

Дойдя до послѣдняго уступа горы, Манна ловко прыгнула внизъ. Лина послѣдовала за ней и догнавъ ее, горячо обняла.

— Наконецъ ты свободна! воскликнула она. Ты смѣялась, танцевала и пила, то-есть насладились всѣмъ, что есть лучшаго въ жизни.... Впрочемъ, нѣтъ, лучшее еще впереди.

Въ отвѣтъ Манна снова громко засмѣялась.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ

1787 — 1795.

IV*).

Поведеніе иностранныхъ посланниковъ.—Намѣренія Екатерины II.—Отношенія къ Пруссіи.—Черты варшавскаго общества.—Протестація Щенскаго Потопскаго.

Вѣсть о конституціи произвела сначала хорошее впечатлѣніе по воеводствамъ: спустя недѣли двѣ, сеймъ началъ получать заявленія благодарности и сочувствія. Такъ получены были адреса отъ трехъ воеводствъ: Познанскаго, Калишскаго и Гнѣзненскаго; отъ гражданско-военныхъ комиссій, повѣтовъ: Сендомирскаго и Висницкаго, отъ земли Каменецеюй, отъ обывателей воеводства Брацлавскаго. 23-го мая, такія же заявленія пришли отъ главнаго короннаго трибунала и отъ гражданско-военныхъ комиссій воеводства Ленчицкаго и земли Волинской. Въ разныхъ мѣстахъ, по полученіи сеймоваго универсала о конституціи, обыватели благодарили Бога и пѣли «Te Deum» въ костелахъ; женщины наперерывъ передъ мужчинами заявляли свой патриотизмъ.

Поляки съ напряженіемъ ожидали, какое вліяніе произведетъ ихъ дѣло на сосѣдей. Поведеніе иностранныхъ министровъ въ Варшавѣ ободряло ихъ. Тотъ, чьего государя болѣе всего касался новый переворотъ, саксонскій министръ Эссенъ держалъ себя сдержанно и хладнокровно, относился, хотя благопріятно къ перемѣнѣ, но не показывалъ вида, что ожидаетъ

*) См. выше, февр. 685; мар. 154; апр. 618; май, 188; июнь, 559; июль, 89 — 154 стр.

отъ нея какихъ-нибудь продолжительныхъ плодовъ. Англійскій министръ Гэльсъ выѣхалъ тогда временно изъ Варшавы: поляки говорили, что онъ поѣхалъ въ Берлинъ располагать прусскій кабинетъ къ дружескимъ отношеніямъ къ польскому перевороту; но въ сущности онъ ѣздилъ на короткое время по своимъ дѣламъ. Этотъ дипломатъ прежде не одобрялъ затѣи произвести перемѣну правленія, но потомъ, когда дѣло было сдѣлано, онъ началъ хвалить конституцію. Голландскій и французскій министры изъявляли вѣжливое, хотя холодное одобреніе; только шведскій, по выраженію русскаго посланника, радовался до дурачества. Русскій посланникъ Булгаковъ такъ отозвался объ этомъ происшествіи въ донесеніяхъ своему правительству: «Во всякихъ другихъ государствахъ перемѣна можетъ достигнуть своей цѣли, но только не въ Польшѣ, гдѣ нѣтъ ни твердости, ни согласія, ни силы. По провинціямъ хвалятъ конституцію, потому что пока не смѣетъ никто подать своего мнѣнія; многіе недовольны ею и не говорятъ противъ нее ни слова. Но въ этомъ дѣлѣ все зависитъ отъ посторонняго вліянія въ извѣстную пору. Самые виновники перемѣны и предпріятія уповали на помощь Пруссіи, на интриги Саксоніи и на продолженіе войны, но они сами не знаютъ, что имъ далѣе дѣлать и какъ утвердить сдѣланную перемѣну. Уже теперь опасеніе заключенія мира ихъ терзаетъ. Теперь разоренное, промотавшееся и раздраженное пребываніемъ иноземныхъ войскъ дворянство недовольно, присягаетъ новой формѣ и идетъ въ войско, которое присягнуло безъ прекословія новой формѣ, ибо зависитъ отъ короля, но какъ увидить, что давныя ему обѣщанія о силѣ, о побѣдахъ, о завоеваніяхъ исчезли, а собираемая съ ихъ имѣній подать не доставятъ содержаніе войску, то оно образумится и станетъ иначе думать. Вѣрно то, что скоро поляки не захотятъ сохранить наслѣдственнаго престола и деспотической власти короля». Но русскій посланникъ въ обращеніи съ поляками хранилъ полнѣйшее молчаніе и держалъ себя такъ, какъ будто дѣло это не касалось Россіи вовсе. Онъ слѣдовалъ благоразумному внушенію императрицы ждать и не объявлять гласно ни неудовольствія, ни сочувствія. Также поступалъ и австрійскій министръ Дѣкаше; онъ даже объявлялъ, что въ конституціи ничего нѣтъ такого, что бы могло безпокоить его императора.

«Мы не думаемъ враждовать съ поляками—писала императрица Потемкину, по совершеніи переворота—хотя имѣемъ на то право и поводы послѣ такого предосудительнаго съ ихъ стороны нарушенія дружества съ нами и ниспроверженія разныхъ постановленій, состоявшихся за нашимъ ручательствомъ, а равно по поводу

разныхъ оскорбленій съ ихъ стороны. Мы намѣрены избѣгать всего, что бы имѣло видъ начинанія, и полагаемъ, что теперь вступленіе войскъ нашихъ въ Польшѣ было бы преждевременнымъ, пока сами поляки не позволятъ себѣ непріятельскихъ дѣйствій или король прусскій не введетъ войскъ своихъ въ польскія провинціи. Въ 1789 году, приказано было нашимъ военачальникамъ не вводить войскъ въ предѣлы Рѣчи-Посполитой, пока она не дозволитъ войскамъ чужихъ государствъ вступать въ свои границы, а потому, какъ только прусскія войска вступятъ въ ихъ края, направляясь къ нашимъ границамъ, такъ собственная наша безопасность побудитъ насъ ввести свои войска въ Польшу. Объ этомъ императрица поручала ему написать Булгакову для сообщенія польскому правительству, а за тѣмъ приказывала Потемкину, расположивъ русскія войска по границѣ, соображаться съ ея повелѣніями и быть на-готовѣ тотчасъ вводить войска въ Польшу, какъ только туда войдутъ инныя чужеземныя. Занятая войною съ Турціею, русская императрица не считала удобнымъ впутываться въ польскія дѣла и, напротивъ, опасалась, чтобы Пруссія, рѣшившись дѣйствовать непріязненно противъ Россіи, не сдѣлала Польши своимъ авангардомъ. «Намъ паче всего надлежитъ стараться отвлечь поляковъ отъ Пруссіи—писала государыня тому же Потемкину—при слабости и превратности характера польскаго короля именно теперь, когда измѣнена форма правленія (объ этомъ надлежитъ ожидать подробныхъ свѣдѣній, равно и о томъ, какъ она принята въ Берлинѣ); трудно ждать, чтобы можно было склонить короля особыми видами, надобно скорѣе обратить наши усилія на привлеченіе народа. Надлежитъ ихъ увѣрять, что мы далеки отъ вмѣшательства въ ихъ внутреннія дѣла, что мы готовы заключить съ Польшею союзъ, гарантируя цѣлость владѣній, обѣщать имъ разныя торговыя выгоды и даже присоединеніе къ Польшѣ Молдавіи съ единственнымъ условіемъ сохраненія правъ господствующей тамъ восточной церкви. Обо всемъ этомъ мы писали послу нашему Булгакову. Вы, съ своей стороны, пользуясь отношеніями вашими къ тамошнимъ особамъ, употребите всякія пружины къ достиженію нашихъ намѣреній. Время покажетъ, можно ли склонить къ намъ поляковъ такимъ способомъ. Если же всѣ старанія наши будутъ напрасны и сношенія не приведутъ къ концу, то надобно будетъ приступить къ дѣйствительнѣйшимъ мѣрамъ, именно посредствомъ реконфедерации привести въ смущеніе враговъ нашихъ». Императрица указывала на Браницкаго, Щенснаго Потоцкаго, Пулавскаго, Коссаковскихъ, какъ на людей способныхъ на это дѣло и достаточно извѣстныхъ русской государынѣ по

своей къ ней привязанности. «Къ числу дѣйствительныхъ мѣръ — писала Екатерина — надобно отнести и планъ до воеводствъ: Киевскаго, Брацлавскаго и Подольскаго. Религіозная ревность единовѣрныхъ съ нами обитателей оныхъ странъ, склонность ихъ къ Россіи, надежда ихъ съ ея единственною помощію освободиться отъ унизимыхъ имъ притѣсненій, подаютъ намъ надежду, что съ первымъ появленіемъ нашихъ войскъ въ этомъ краѣ народъ соединится съ нами, и возобновивъ въ памяти мужество своихъ предковъ, взаимными силами можетъ изгнать изъ своего края непріятеля. Данное вамъ отъ насъ званіе великаго гетмана нашихъ казаковъ, екатеринославскихъ и черноморскихъ войскъ будетъ ободреніемъ и важнѣйшимъ средствомъ для всѣхъ обитателей Польши російской вѣры и російскаго происхожденія, чтобы становиться подъ ваше предводительство въ дѣло, которое должно тамъ начаться». Эти слова показываютъ, что императрица соображала, что голосъ освобожденія, возбуждающій чувство народной самобытности, для русскаго народа, обитающаго въ польскихъ владѣніяхъ, долженъ былъ произнести дорогое ему имя казачества. Булгакову императрица писала, что поляки скоро обратятся къ ней сами, когда имъ надоѣстъ играть въ конституціи, а между тѣмъ приказывала исподоволь набирать партіи «для отвращенія вредныхъ вліяній и для умноженія прилѣпляющихся къ видамъ нашимъ», какъ выражалась императрица. Нужно было дѣйствовать по провинціямъ, «но сіе надлежитъ производить — писала Екатерина — подъ рукою черезъ посредство друзей, для чего и назначено вамъ для расходовъ въ подобномъ случаѣ въ распоряженіе ваше 50,000 червонцевъ.» Булгаковъ, впрочемъ, былъ остороженъ и на первый случай роздалъ только 10,660 червонцевъ: онъ давалъ деньги только тогда, когда видѣлъ прямую пользу и не слишкомъ былъ щедръ для охотниковъ получать ихъ, зная, что поляки, получая деньги отъ иностраннаго государства, способны были дѣйствовать во вредъ этому государству.

Прусская политичеа въ то время уже нѣсколько двоилась; дворъ отнесся къ новому перевороту двусмысленно. Находившійся въ Берлинѣ польскій министръ Яблоновскій извѣщалъ, что когда онъ подалъ прусскому королю письмо польскаго короля, сообщавшее о перемиріи, то Фридрихъ Вильгельмъ сказалъ, что онъ цѣнитъ вниманіе, съ которымъ его перваго почтили сообщеніемъ объ этомъ; что ему пріятно засвидѣтельствовать польскому королю, сколько это высокое дѣло приноситъ чести его мудрости и политикѣ. Такіе комплименты, переданные въ Варшаву, произвели тамъ большую радость въ кружкахъ прогрессистовъ, гдѣ уже довѣріе къ Пруссіи передъ тѣмъ значительно

колебалось. Въ Варшавѣ прогрессисты окружили Гольца и допрашивались у него формальнаго изъясненія мнѣнія Пруссіи о переворотѣ 3 мая. Гольцъ, человѣкъ осторожный, зналъ, что Пруссія не одобритъ этой конституціи, но до поры до времени долженъ былъ хранить истину въ тайнѣ. Въ этихъ видахъ Гольцъ, въ своихъ бесѣдахъ съ поляками, поступалъ такъ, чтобы и поляковъ оставлять въ довольствѣ, и самому не сказать чего-нибудь такого, что бы впоследствии оказалось мнимымъ. На свое донесеніе онъ получилъ отъ своего министерства, которымъ управлялъ Герцбергъ, инструкцію, предписывавшую ему отвѣчать поляковъ всѣми возможными мѣрами, если дѣло еще не вѣрно установилось; въ противномъ случаѣ, оставаться спокойнымъ и не заявлять никакихъ возраженій и порицаній, чтобы напрасно не раздражать расположенной въ Пруссіи партіи. Въ той же инструкціи ему сообщали для свѣдѣнія такое сужденіе: «Трудно предположить, чтобы достаточное большинство избрало въ наслѣдственные короли прусскаго принца, да еслибъ это было возможно, императорскіе дворы будутъ сопротивляться войной и поддерживать противную партію въ странѣ; во всякомъ другомъ случаѣ, Польша, сдѣлавшись наслѣдственной монархіею, по самому своему географическому положенію, будетъ опасна и даже гибельна для прусскаго государства. Нѣтъ возможности воспрепятствовать на будущее время, чтобы наслѣдственная корона не перешла либо въ австрійскій, либо въ русскій царствующій домъ, да если бы она досталась дому саксонскому, гессенскому или какому-нибудь другому изъ второстепенныхъ, и тогда это будетъ опасно для Пруссіи, потому что эти фамиліи могутъ держаться императорскихъ дворовъ. Пруссія тогда только можетъ быть безопасна, когда Польша останется съ избирательнымъ правленіемъ и не будетъ имѣть прочной конституціи». Но Фридрихъ-Вильгельмъ, который тогда уже расходился съ Герцбергомъ, написалъ Гольцу, отъ 9 мая, одобреніе польскому дѣлу. Еще Пруссія была въ натянутыхъ отношеніяхъ къ Россіи и къ Австріи; еще Польша могла пригодиться въ случаѣ разрыва съ императорскими дворами, особенно съ Россіею, а въ случаѣ мира еще Пруссія не была увѣрена, что съ помощію Россіи можетъ получить съ лихвою то, чего не успѣла получить отъ поляковъ прямо. Берлинскій кабинетъ приказалъ Гольцу уклоняться отъ всякихъ письменныхъ изъясненій и объясненій по предмету наслѣдства въ Польшѣ. Поляки, вслѣдствіе словесныхъ бесѣдъ съ Гольцемъ и сообразно депешѣ, присланной Яблоновскимъ изъ Берлина, заключили, что Пруссія рѣшительно одобряетъ конституцію 3 мая. Станиславъ Августъ писалъ объ этомъ разнымъ лицамъ,

а 17 мая, Хребтовичъ, въ засѣданіи сейма, сказалъ: «Его величество король Прусскій похваляетъ смѣлый и мудрый поступокъ Рѣчи-Посполитой, считаетъ его способнымъ къ утверженію крѣпости и благополучія государства и средствомъ достигъ уваженія въ Европѣ; ему тѣмъ пріятнѣе узнать это, что онъ находится въ дружественныхъ связяхъ съ саксонскимъ княземъ-избирателемъ, котораго качества и личный характеръ онъ уважаетъ.» Хребтовичъ заключилъ, что депутація иностранныхъ дѣлъ уже изъявила благодарность прусскому послу и просилъ, чтобы съ своей стороны сеймъ уполномочилъ ее сообщить о томъ же князю Яблоновскому въ Берлинѣ. Послы закричали: «згода!» Депутація иностранныхъ дѣлъ, при введеніи новаго порядка, оканчивала свое существованіе, передавая свои занятія учреждаемой Стражѣ; начались толки объ изъявленіи благодарности депутаціи, но тутъ поднялся съ мѣста неугомонный Скорковскій, забывшій недавніе мудрые совѣты короля. Онъ назвалъ дѣло 3 мая злодѣяніемъ; объявлялъ, что нѣ за что изъявлять благодарности прусскому королю; что этотъ король, подъ предлогомъ избавлять поляковъ отъ чуждой власти, помогаетъ имъ только для того, чтобы сдѣлать ихъ своими рабами; онъ увѣрялъ, что король прусскій зналъ еще до совершенія дѣла о томъ, что стается, получивъ предварительныя извѣстія отъ депутаціи; онъ требовалъ, чтобы депутація иностранныхъ дѣлъ была предана слѣдствію и суду. Члены депутаціи Северинъ Потоцкій и Забѣлло увѣряли, что депутація никогда не сообщала объ этомъ прусскому королю. Тогда король сказалъ: «у насъ есть письма Гольца, гдѣ онъ жалуется, что мы ничего не объявляли имъ предварительно. Это можетъ служить доказательствомъ, что иноземныя власти не имѣли вліянія на наши дѣла; что касается до Скорковскаго, то еслибъ я не былъ увѣренъ, судя по прежнему его поведенію, что намѣренія его чисты, то я бы сказалъ, что онъ говоритъ это съ цѣлью возбудить несогласія между членами сейма; но мягкость и снисходительность, съ какою мы приняли за правило дѣйствовать, не ослабляетъ моей рѣшимости стараться удерживать въ неизмѣнности то, что случилось 3 мая и утверждено 5 мая окончательно. Конечно, Рѣчь-Посполитая не дозволить никому посягать на свою волю». Говорятъ, что король смѣлому послу подарилъ 40 червонцевъ съ тою цѣлью, чтобы онъ не повторялъ на сеймѣ своихъ заявленій.

Та же партія, которая думала возбудить всеобщее довѣріе къ дѣлу надеждами на одобреніе со стороны прусскаго короля, побаивалась Россіи и думала обморочить русскаго посланника, прикидываясь недовольною Пруссіею. Патриоты, въ однихъ до-

махъ превозносившіе до небесъ прусскаго короля, въ другихъ, гдѣ собирались лица, которыхъ считали расположенными къ Россіи, говорили, что Пруссія ищетъ распространенія своихъ предѣловъ насчетъ Польши, что ей непріятно видѣть возрожденіе и укрѣпленіе Польши; что напротивъ, Россія приобрететъ себѣ много выгодъ отъ новой перемены. Дѣлали соображенія, что именно теперь Польша можетъ заключить союзъ съ Россіею и Австріею противъ Пруссіи, и прусское королевство, недавно усилившееся, обратится въ прежнее Брандербургское курфиршество, бывшее нѣкогда въ зависимости отъ Польши. Король, видѣвшись съ Булгаковымъ, рассыпался передъ нимъ въ чувствахъ преданности къ Россіи, увѣрялъ, что Польша ничего такъ не желаетъ, какъ быть въ дружественномъ союзѣ съ Россіею, превозносилъ мудрость и великодушіе государыни и силу ея войскъ. Чтобъ понравиться государынѣ, король помѣстилъ въ новоучрежденную Стражу лицъ, извѣстныхъ всегдашнимъ расположеніемъ къ Россіи: гетмана Браницкаго и канцлера Малаховскаго; къ нимъ причисляли тогда и Хребтовича, который, впрочемъ, не придерживался чужеземныхъ партій, и въ санѣ литовскаго подканцлера завѣдывалъ иностранными дѣлами. Эти люди сидѣли рядомъ съ такими противниками Россіи, какъ Игнатій Потоцкій, маршалъ Малаховскій и Коллонтай, сдѣланный теперь короннымъ подскарбіемъ. Вместе съ Малаховскимъ допущенъ былъ въ Стражу, какъ маршалъ литовской конфедераціи, Казимиръ-Несторъ Сапѣга, готовый пристать туда и сюда: поэтому и Булгаковъ и прусская партія на него рассчитывали потому, что однихъ и другихъ онъ увѣрялъ въ своемъ расположеніи.

Допущеніе такихъ лицъ испугало прусскаго министра Гольца; онъ объяснялся объ этомъ съ королемъ, а тотъ отвѣчалъ ему, что назначеніемъ людей, расположенныхъ къ Россіи, онъ думаетъ не допустить ихъ дѣлать зло и заставить дѣлать добро отечеству. Король, по своему двуличному характеру, увлекшись внушеніями прогрессистовъ и, въ то же время, боясь Екатерины, думалъ совершить великій актъ политической мудрости: надѣлавъ много противнаго Россіи, онъ думалъ угодить ей и поставить себя въ возможность оправдываться передъ нею, когда придетъ необходимость.

Задорные сторонники конституціи, увлекаясь надеждами на Пруссію, начали усматривать въ своей конституціи даже грозу и опасность для Россіи. «Россія—говорили они—не посмѣетъ открытъ противъ насъ непріязненныхъ дѣйствій. Россія будетъ только о томъ стараться, какъ бы Польша не увеличила число ея вра-

говъ». Надѣясь на союзъ съ Портою, патриоты предполагали, что теперь-то составится четверной союзъ противъ Россіи, гдѣ приметъ участіе обновленная конституціею Польша. «Европа—говорили—не можетъ и не должна допускать усиливаться Россійской имперіи; Европа нападетъ на нее и выкинетъ изъ системы европейскихъ государствъ». Игнатій Потоцкій въ кругу своихъ пріятелей говорилъ: «Вотъ теперь-то Пруссія для своего спасенія должна воспользоваться союзомъ съ Польшею; теперь-то пришла пора, остановить возрастающее могущество Россіи. Если Пруссія пропуститъ этотъ удобный случай, то будетъ раскаяваться». Смѣлость противъ Россіи дошла до того, что въ засѣданіи 3-го іюня, кравовскій посолъ Солтыкъ предлагалъ потребовать отъ Россіи вывода ея войскъ изъ Курляндіи и король, не возбуждая дальнѣйшихъ споровъ, обѣщалъ стараться дать ходъ этому патриотическому завлеченію. Поляки воображали, что написанная на бумагѣ конституція сдѣлала Польшу могущественною державою. «Законъ 3-го мая—говорилъ на одномъ засѣданіи сейма мозырскій посолъ Зеленскій—увѣковѣчилъ силу Польши, сдѣлалъ ее государствомъ почтеннымъ и могучимъ, возбуждающимъ зависть въ чужихъ. Пресѣчены пути всякому иностранному вліянію, отнята у честолюбивыхъ нашихъ сосѣдей всякая возможность къ интригамъ». Поляковъ чрезвычайно подстрекало и одобряло то, что ихъ конституція заслуживала одобренія въ Европѣ. Кто-то изъ поляковъ, жившихъ въ Парижѣ, писалъ своимъ соотечественникамъ, что во всѣхъ образованныхъ кружкахъ французской столицы поляковъ считаютъ образцомъ народовъ, указываютъ въ нихъ примѣръ зрѣлости восемнадцатаго вѣка. Писали, что аббатъ Сіеэсъ приходилъ въ восторгъ отъ конституціи 3-го мая, что во французскомъ національномъ собраніи готовится проектъ послать поздравленіе полякамъ. Вѣсти эти, передаваемыя изъ устъ въ уста въ Варшавѣ, чрезвычайно поддерживали національное самолюбіе и располагали сердца къ новой конституціи. Увѣренность въ твердости и будущемъ величіи Польши была такъ велика, что начались создаваться политическія партіи насчетъ будущаго наследства и при этомъ разыгрывалось фамилное и личное честолюбіе. Игнатій Потоцкій говорилъ о выгодѣ отдать инфанту за прусскаго принца и соединить Польшу съ Пруссіею. Другіе полагали, что будущей наследницѣ польскаго престола слѣдуетъ дать жениха изъ австрійскаго дома: за это императоръ, по своему великодушію, возвратитъ Польшѣ Галицію. Третьи думали сблизиться съ Россіею, заявляли мысль, что всего лучше отдать инфанту за одного изъ великихъ князей россійскихъ. Къ этой мысли склонялся даже маршалъ Малаховскій и находилъ, что было бы всего

полезнѣе, когда бы наслѣдница польскаго престола отдала свою руку великому князю Константину. Въ письмахъ своихъ къ племяннику, находившемуся въ Дрезденѣ, этотъ государственный мужъ наивно восхищался глубокою мудростью польской политики, которая высказалась въ назначеніи наслѣдницы польскаго престола, дочери саксонскаго князя-избирателя. По его мнѣнію, это значило, что Польша успѣла разомъ всѣмъ угодить, подать многимъ равныя надежды: «и Москва, и Пруссъ, и Австрія», всѣ будутъ желать устроить бракъ своихъ принцевъ съ польскою наслѣдницею; всѣ поэтому будутъ занесивать расположенія Польши, всѣ будутъ поддерживать насъ, каждый въ видахъ самому воспользоваться на нашъ счетъ; а между тѣмъ Польша успѣетъ оправиться, оврѣинуть и сдѣлаться сильнымъ государствомъ. Нѣкоторые помышляли, напротивъ, отдать дочь саксонскаго князя-избирателя за англійскаго принца. Чарторыскіе подумывали найти ей жениха изъ своей фамилии. Толковали даже, что шестидесятилѣтній маршалъ Малаховскій, недавно овдовѣвшій, не прочь сдѣлаться ея женихомъ. Друзья говорили ему, что такъ бы и слѣдовало за его великія услуги отечеству и доблести. Малаховскій клялся, что ни за что не возьметъ на себя бремени короны, какъ бы ему усиленно ее ни предлагали.

Тогда въ Варшавѣ явился въ высшихъ кругахъ общества французъ, по прозванію Дестады: рассказывали, что онъ служилъ прежде при русскомъ дворѣ. Явившись въ Польшу, онъ подбилъ въ милость къ королю; Станиславъ Августъ часто проводилъ съ нимъ время за ужиномъ въ Лазенкахъ; французъ болталъ ему всякій вздоръ, увѣрялъ, будто онъ былъ домашнимъ секретаремъ Екатерины, и всѣми средствами возбуждалъ его противъ Россіи. Но этотъ французъ недолго пользовался дружбою Станислава Августа; его постарался удалить аббатъ Пятали, боявшійся потерять вліяніе на короля. Тогда сборище противниковъ Россіи происходило у одной французской авантюристки *mademoiselle Touthville*. Ее привезъ староста Уржендовскій, братъ Игнатія и Станислава Потоцкихъ. Этотъ господинъ прокутилъ въ Парижѣ до того, что его посадили въ долговую тюрьму. Француженка, бывшая съ нимъ въ дружбѣ, выкупила его. Деньги, которыя она заплатила, были ей возвращены; фамилія Потоцкихъ назначила ей сверхъ того пансіонъ и пригласила въ Варшаву. У ней-то открылись вечера, гдѣ постоянно присутствовали братья Потоцкіе: на этихъ-то вечерахъ составлялись самыя свирѣпыя планы противъ Россіи. Здѣсь отличался краснорѣчіемъ женевецъ Жигантедь, другъ свободы и правъ человѣчества, прошедшій, какъ говорится, огонь и воду, бывшій на содержаніи у

одной богатой еврейки во Франкфуртѣ и потомъ служившій въ русской службѣ волонтеромъ; въ Польшѣ онъ подбилъ въ дружбу къ Потоцкимъ. вмѣстѣ съ политическими толками, шла жестокая карточная игра и сама радушная хозяйка выиграла у Игнатія 3000 червонцевъ. Въ этомъ кружкѣ, исключительно съ французскимъ языкомъ, проповѣдывалась необходимость освободить польскихъ крестьянъ; но съ такою проповѣдью надобно было остерегаться, потому что польское дворянство ничего такъ не боялось, какъ подобной на себя невзгоды, и если конституція третьяго мая возбуждала противъ себя недовѣріе, то наиболѣе потому, что дворянство страшилось, какъ бы за дарованіемъ правъ мѣщанамъ не послѣдовало того же для крестьянъ. Самое наслѣдственное правленіе сторонниковъ прежняго избирательнаго пу-гало преимущественно тѣмъ, что король, усиливъ свою власть, можетъ покуситься отнять у дворянства власть надъ крестьянами.

Иностранцы вообще удивлялись, что, послѣ конституціи 3-го мая, въ Варшавѣ занимались больше забавами, чѣмъ дѣломъ; но такъ слѣдовало по духу польскихъ нравовъ: обѣдъ слѣдовалъ за обѣдомъ, балъ за баломъ—одинъ другого великолѣпнѣе. Игнатій Потоцкій, котораго домъ, какъ вдовца, до сихъ поръ не былъ однимъ изъ открытыхъ и слишкомъ гостепріимныхъ, теперь, считая себя главнымъ совершителемъ дѣла, на радостяхъ до того предался забавамъ, что аббать Пятаоли журиль его за это. Даже и нерасположенные къ новому порядку не отставали въ этомъ отъ своихъ противниковъ. Примасъ, братъ короля, былъ тайнымъ врагомъ конституціи, а устроилъ великолѣпный балъ въ честь ея. 5-го іюня, городъ Варшава далъ обѣдъ шляхетскому сословію; туда были приглашены сенаторы, министры и разныя знатныя паны. Самъ король посѣтилъ этотъ обѣдъ, хотя и не оставался на немъ, а только проговорилъ рѣчь о единодушій, которое возрастаетъ между гражданами. За обѣдомъ сидѣли въ перемежку дворяне съ купцами и ремесленниками: то была большая новость для Польши и столько же радовала поборниковъ новыхъ либеральныхъ идей о равенствѣ, сколько вооружала противъ конституціи ревнителей и охранителей старошляхетской вольности.

Патріоты не боялись Австріи, напротивъ, утѣшались разсказами, что Кауницъ, въ разговорѣ съ посломъ Рѣчи-Посполитой Вѣйною, хвалилъ конституцію 3-го мая. Между тѣмъ въ Вѣнѣ слагался центръ могучаго нанскаго противодѣйствія. Тамъ жила тогда богатѣйшая польская женщина, внягиня Любомирская, сестра Адама Чарторыскаго. Кромѣ двухъ дочерей за братьями Потоцкими, третья дочь ея была за Ржевускимъ, польнымъ гетманомъ. Несмотря на то, что ея братъ и два зятя Потоцкихъ

были главными дѣателями проведенія новой конституціи, она сама была отъявленная противница нововведеній. Съ нею за одно былъ третій зять ея Ржевускій; онъ удался въ тещѣ; туда же въ нимъ отправился и Щенный Потоцкій; тамъ начали они составлять свои планы и угрожающія вѣсти стали доходить оттуда до короля и виновниковъ конституціи. Король, зная важное значеніе Щеннаго Потоцкаго, черезъ десять дней, послѣ третьяго мая, самъ извѣстилъ его письменно о совершившемся переворотѣ и доказывалъ его полезность. Потоцкій отвѣчалъ ему письмомъ, полнымъ глубокаго огорченія, припоминалъ присягу, давшую королемъ при вступленіи на престолъ, не дозволявшую ему соглашаться на введеніе монархическаго правленія; указывалъ, что конституція — дѣло нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ, что, еслибы даже весь сеймъ на это согласился и тогда бы она была дѣломъ незаконнымъ, безъ согласія всей націи. «Опасность замысловъ раздѣла — писалъ онъ — не можетъ служить извиненіемъ: въ такомъ случаѣ слѣдовало присягать на защиту Рѣчи-Посполитой, а не налагать на нее домашнія оковы. Эта губительная для вольности революція не можетъ принести для Польши ни тишины, ни безопасности, а станетъ источникомъ раздоровъ, опустошеній и рабства; она предпринята въ угожденіе интересамъ одного сосѣда, того, который алчетъ овладѣть либо цѣлою стравою нашею, либо частями ея: онъ и по своей природѣ, и по своему положенію такимъ долженъ быть. Наконецъ Щенный указывалъ на то, что, избирая наслѣдственнымъ королемъ саксонскаго курфирста, у котораго одна только дочь, поляки заранѣе готовятъ въ Европѣ пожаръ несогласій, потому, что супружество съ наслѣдницею Польши будетъ предметомъ сомнительства и новая польская монархія сдѣлается театромъ губительной войны». Онъ умолялъ короля сознать свою ошибку и возвратить Рѣчи-Посполитой прежнюю вольность, которой лишилъ ее роковой день третьяго мая. Разомъ съ королемъ обращались въ Щенному маршалъ Малаховскій и Игнатій Потоцкій. Первому Щенный въ отвѣтъ доказывалъ, что въ новой конституціи видить не болѣе, какъ королевскій деспотизмъ и между прочимъ коснулся вопроса о крестьянствѣ. «Польскій хлопъ — писалъ онъ — у васъ будетъ заключать со своимъ владѣльцемъ договоры и этихъ договоровъ нарушать нельзя: правительственная опека будетъ за этимъ наблюдать; такимъ образомъ польскій хлопъ получитъ больше вольности, чѣмъ вся польская нація, потому что вашъ потомственный государь, хотя бы все нарушилъ и сталъ тираномъ, имѣетъ право быть тѣмъ, чѣмъ хочетъ и никому не даетъ отвѣта. Пропала республика; пропала вольность: Варшава

ее погубила!» Въ письмѣ къ Игнатію онъ выразился: «послѣ скорби о разрушеніи республики, мнѣ всего чувствительнѣе безчестіе фамиліи нашей, которая до сихъ поръ была вѣрна республикѣ, а теперь, въ особѣ вашей, стала орудіемъ ея потибели».

Прогрессисты мало соображали, какіе удары готовились ихъ дѣлу тамъ, откуда приходили подобныя заявленія.

V.

Дѣятельность сейма 1791 года. — Лимита сейма. — Разгулъ въ Польшѣ. — Осторожность Булгакова.

Въ іюнѣ, въ ходѣ сеймовыхъ работъ начала проявляться большая дѣятельность. 16-го іюня прошелъ проектъ объ устройствѣ полиціи на все государство: дѣло было очень важное для Польши, издавна страдавшей слабостію и даже отсутствіемъ этого учрежденія.

По поводу этого предмета возникъ споръ о томъ, быть ли одной комиссіи полиціи надъ всею Рѣчью-Посполитою, или допустить своеобразное управленіе по тремъ провинціямъ. Дѣло здѣсь шло преимущественно о Литвѣ. Троицкій посоль Сивицкій поддерживалъ ту мысль, что въ силу привилегій, которыми по акту уніи пользуется Литва, слѣдуетъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ быть особой комиссіи. За нимъ говорили другіе послы и маршалъ литовской конфедерации Казимиръ - Несторъ Сапѣга. Король замѣчалъ, что если на основаніи уніи можно требовать учрежденія особой комиссіи полиціи, то на основаніи того же акта можно требовать и единой. Послѣ многихъ споровъ партія единенія одержала верхъ и ея проектъ былъ утвержденъ большинствомъ 100 противъ 11. (Такое малое число членовъ Избы посѣщало засѣданіе, когда по комплекту было ихъ болѣе 600). При разсмотрѣніи подробностей объ устройствѣ полиціи, князь Четвертинскій вооружался противъ дарованія королю права назначать комиссаровъ въ полицію. Онъ опирался при этомъ на новую конституцію, по которой всѣ чиновники должны быть выборными. Странно было услышать это изъ устъ человѣка, который уже заявилъ себя отъявленнымъ врагомъ конституціи. По поводу его рѣчи, краковскій посоль Линовскій сказалъ: «благодарю почтеннаго князя каштеляна Перемышльскаго за то, что такъ стоитъ за конституцію третьяго мая. Радуюсь, что конституція пріобрѣла такого доблестнаго охранителя и самъ присоединяюсь къ его мнѣнію». Король объявилъ, что самъ отказывается отъ права наз-

начать комиссаровъ. Въ такомъ видѣ состоялось учрежденіе комиссія полиціи, которая, по избраніи членовъ, начала засѣдать въ такъ-называемомъ дворцѣ Красинскихъ, принадлежащемъ Рѣчи-Посполитой.

Едва успѣла конституція сдѣлаться извѣстною во всѣхъ углахъ Польши, какъ уже на сеймѣ послѣдовали нѣкоторыя отмѣны въ ней: право короля непосредственно назначать сенаторовъ замѣнено представленіемъ выборныхъ кандидатовъ, изъ которыхъ король могъ назначить въ сенаторы. Ограничено право помилованія преступниковъ (*jus agratiandi*) изъятіемъ осужденныхъ сеймовымъ и военнымъ судами вообще и осужденныхъ на смерть какими бы то ни было судами за убійства, казенную повражу и наѣзды. Эти измѣненія внушали иностранцамъ не высокое уваженіе въ польскому постоянству. Они заключали изъ этого, что такимъ образомъ и вся новая конституція можетъ улечься. Обращались къ финансовымъ вопросамъ. Открылась неприятная истина: дохода въ казнѣ было 27.031,131 злотый, а расхода 32.109,762 злот., а въ томъ числѣ на войско 24.814,668 зл. Открытіе дефицита повлекло къ изысканію средствъ увеличить доходы. Познанскіе депутаты предложили продажу староствъ, но противъ нихъ поднялись голоса и самъ король, относительно отобранія староствъ, совѣтовалъ взглянуть на примѣръ Франціи, которая, какъ онъ говорилъ, черезчуръ увлеклась идеями равенства. Такимъ образомъ, это важное дѣло осталось только намѣченнымъ; а такъ какъ открытіе дефицита всѣхъ озаботило, то, по давней привычкѣ, послы успокоили себя тѣмъ, что назначили особую депутацію для разсмотрѣнія финансовъ и изысканія средствъ ихъ поправить. Ланчицкій посолъ Липскій жаловался на холодность къ религіи, наступившую въ обществѣ съ тѣхъ поръ, какъ не стало іезуитовъ. «Уничтоженіе ордена—говорилъ онъ— есть корень зла. Я имѣю порученіе отъ своего воеводства ходатайствовать о восстановленіи іезуитовъ въ Польшѣ». На это король отвѣчалъ: «никто болѣе меня не сожалѣетъ объ іезуитахъ. Утрата ихъ ордена принесла скорбь всему католическому христіанству и навпаче Польшѣ, но просить объ этомъ святого отца теперь неудобно». Онъ указывалъ на примѣръ Испаніи, которая ходатайствовала уже объ этомъ, но святой отецъ нашелъ затруднительнымъ исполнить эту просьбу. «Пусть—сказалъ король— оставшаяся у насъ слава іезуитовъ будетъ побужденіемъ для другихъ орденовъ; тѣмъ болѣе, что одинъ изъ нихъ просилъ участія въ эдукаціонной комиссіи».

Были получены и сообщены депеши отъ министровъ при иностранныхъ дворахъ; они побуждали представителей Рѣчи-Поспо-

итой не терять времени и упрочить конституцію и независимость Польши. «Все приводится въ движеніе—говорили они—чтобы сдѣлать напрасными всѣ усилія патриотовъ; не щадать средствъ для подкупа и съ этой цѣлю посланы значительныя суммы въ Варшаву». Сеймъ единогласно положилъ, не щадить ни усилій, ни издержекъ, чтобы открыть интриги, обличить гнусныя орудія измѣны и наказать дурныхъ гражданъ. «Польша никого не трогаетъ—говорили тогда на сеймѣ—ея политика самая мирная. Она произвела свои реформы въ охранительныхъ видахъ. Дворы уверяли насъ тѣмъ, что у насъ нѣтъ порядка. Стало бытъ они должны теперь радоваться, когда у насъ устроился порядокъ. Говорятъ, что Польша была гнѣздомъ смуты и безпокойства и тѣмъ тревожила сосѣдей. Что жъ? Теперь она уже не должна ихъ тревожить». По угрожающимъ донесеніямъ, 22 іюня, на сеймѣ порѣшили, чтобы всѣ военные, находящіеся за-границею, воротились и присягнули новой конституціи. «Это насиліе надъ недо-дозволенными конституціею—сказалъ Четвертинскій—а такихъ много не только за-границею, но и внутри края». Слова его вызвали громъ негодованія. Выдержавъ его, Четвертинскій продолжалъ: «я имѣю право свободнаго голоса и высказываю смѣло мои убѣжденія. Поворачуюсь конституціи, но считаю ее навязанною насильно, не боюсь ничего. Если вамъ нужна жертва—дѣлайте что хотите?» Несмотря на эти заявленія проектъ былъ принятъ. Четвертинскій говорилъ правду. Патриотамъ казалось, что вся нація съ ними заодно, потому что въ Варшавѣ мало было смѣльчаковъ, подобныхъ Четвертинскому; всѣ послы, недовольные пере-мѣною, за исключеніемъ немногихъ, разѣхались; большинство Избы состояло изъ сторонниковъ переворота. Адресы гражданско-военныхъ коммиссій, писанные по внушеніямъ агентовъ правительства, гласили о всеобщемъ довольствѣ конституціею; все было шито-крыто. Поэтому прогрессисты могли сколько угодно увѣ-рять себя въ прочности своего дѣла.

Въ концѣ іюня была назначена депутація для составленія новаго кодекса законовъ для Короны и Литвы. Для умиротворенія православныхъ положено назначить конгрегацію въ Пинскѣ. Будущіе сеймики отложены на дальній срокъ, до февраля 1792 г. Это было сдѣлано въ тѣхъ видахъ, чтобы пріучить націю къ новой формѣ правленія и избѣжать смуты, которая могли произойти между шляхтою, настроенною врагами конституціи. 28-го іюня сеймъ былъ закрытъ до 15-го сентября. На этомъ послѣднемъ засѣданіи задорный сторонникъ конституціи Линовскій поссорился съ такимъ же задорнымъ противникомъ ея — Скорковскимъ. На

другой день они вышли на поединокъ, и Линовскій ранилъ Скорковскаго.

Вездѣ по провинціямъ патріотическое веселіе охватывало польское общество; обыватели съѣзжались по призыву каваго-нибудь вліятельнаго мѣстнаго пана въ одно мѣсто и устраивали празднество; такъ одиннадцатаго іюня въ Хойны, имѣніе пана Прозора, съѣхались обыватели повѣтовъ: мозырскаго, рѣчицкаго и овруцкаго. Богатый владѣлецъ распоряжался празднествомъ. 12-го іюня, на разсвѣтѣ выпалили изъ пушекъ. Въ 10 часовъ хозяева роздали пріѣзжимъ гостямъ знаки: мужчинамъ кокарды изъ двухцвѣтныхъ лентъ (зеленаго съ бѣлымъ), а дамамъ бѣлыя; на нихъ была надпись: «король, законъ и отечество». Въ 11 часовъ мужчины съ кокардами на груди и дамы съ лентами на головѣ, всѣ въ одинаковыхъ платьяхъ, шли въ востель къ обѣднѣ. Ксендзь Глинскій говорилъ имъ рѣчь, потомъ пѣли «Te Deum» при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ. Послѣ литургіи хозяинъ угощалъ гостей обѣдомъ, обставленнымъ пышными декораціями. Посреди стола на скатѣ стояло изображеніе храма славы на четырехъ гербахъ: Короны съ Литвою, короля, сеймоваго маршала и маршала литовской конфедераціи; посрединѣ храма былъ алтарь, на которомъ находилась окруженная вѣнкомъ надпись: «Станиславу Августу, королю польскому, отцу и спасителю отечества». По обѣимъ сторонамъ этого храма славы были колонны со знаками и вензелями короля. Въ концѣ обѣда, при звукахъ музыки и пушечныхъ выстрѣлахъ, пили заздравныя чаши съ восклицаніями: «жить король съ народомъ и народъ съ королемъ»! Послѣ обѣда танцовали до самаго утра слѣдующаго дня и безпрестанно раздавались крики: «король съ народомъ, и народъ съ королемъ! да здравствуютъ доблестные виновники спасенія отечества»!

Но нигдѣ не было такого шумнаго патріотическаго разгула, какъ въ Пулавахъ у князя Чарторыскаго. Самъ князь былъ тогда въ раздумьи, сбиваемый съ толку своею сестрою Любомирскою, непріятельницею конституціи. За то жена его употребила все свое женское искусство, чтобы отпраздновать достойно дѣло спасенія отечества. Пулавскій палацъ уже много лѣтъ былъ очарованнымъ мѣстомъ для любителей веселья и красоты. Книгиню постоянно окружали красивыя дамы и дѣвицы, привлекавшія сердца и молодыхъ и пожилыхъ. Когда сеймъ былъ отсроченъ на время (залимитованъ), многіе послы прогрессисты отправились въ Пулавы поблестать своими гражданскими подвигами: ихъ принимали съ изысканными знаками уваженія; прекрасныя уста произносили имъ самыя лестныя похвалы. Тутъ случился смотръ войскъ дивизіи князя Виртембергскаго, зятя Чарторы-

свой, подъ Голомбомъ. Княгиня повезла туда всѣхъ своихъ пулавскихъ гостей. Особы прекраснаго пола были изящно одѣты аркадскими пастушками, держали въ рукахъ корзинки съ цвѣтами, овощами и вѣнками и пѣли нарочно сочиненную пѣсню (Ej gusegze, serce nasze radość bierze), а княгиня брала у нихъ изъ корзины цвѣты и плоды, украшала и угощала польскихъ витязей. Послѣдніе въ свою очередь распѣвали пѣсню, сочиненную однимъ изъ нихъ, гдѣ изъявлялось желаніе уподобиться старопольскимъ героямъ, которые приводили въ оковахъ (московскихъ) царей (w okowach prowadzili carów) и заслужить лавровый вѣнокъ, свитый прелестными руками возлюбленныхъ. Какъ много правды было во всемъ этомъ—показало послѣдующее время, когда предводитель этого геройскаго воинства, зять княгини, покинулъ польскія знамена въ часъ битвы, а мужественные сарматы разбѣгались при появленіи тѣхъ москалей, которыхъ царей предки ихъ водили въ оковахъ. Послѣ военнаго смотра снова отправились въ Пулавы и тамъ нѣсколько дней пировали, танцовали, кричали: «вивать король съ народомъ и народъ съ королемъ».

Подобныя явленія происходили повсюду. Богатый панъ, имѣвшій влияние въ своемъ околоткѣ, собиралъ къ себѣ гостей и устраивалъ патриотическій праздникъ; сообразно польскимъ нравамъ, гости и резиденты, всегда привыкшіе угождать своему амфитріону, восхваляли то, что угодно было ему восхвалять, и кричали противъ того, чего не любилъ ихъ патронъ; и оттого на такихъ празднествахъ все носило видъ согласія и единодушія. Но также точно панъ противныхъ убѣжденій могъ собрать у себя толпу гостей и устроить сходбище въ другомъ духѣ, и у него накормленные и напоенные гости стали бы кричать противъ конституціи. Уже въ то время, когда у пановъ прогрессивовъ обыватели пили венгерское за отечество и танцовали за конституцію, враги ея, уѣхавшіе изъ Варшавы въ свои имѣнія, дѣлали тамъ пиры и балы, для того, чтобы пояснять своимъ гостямъ, что конституція произошла совсѣмъ не такъ, какъ утверждаютъ ея сторонники; что большинство членовъ сейма вовсе не знало о замыслѣ ввести ее; что заговорщики склонили на свою сторону короля приманкою деспотизма, обружили войскомъ Иабу, напоили червь и научили не давать возможности благоразумнымъ людямъ открыть рта, грозили ихъ убить и носить на шестахъ ихъ головы; что вся эта конституція, это прославленное дѣло обновленія Польши, есть произведеніе братьевъ Потоцкихъ, которые въ свою очередь слушали захожаго итальянскаго интриганта, аббата Пьятоли. Въ то время, какъ въ Пулавахъ поляки,

по волѣ княгини Чарторыской, восхваляли дѣло третьяго мая, у княгини Любомирской въ Ополѣ происходили такія же шумныя сборища, гдѣ воніяли противъ насилія, противъ прусской интриги, доказывали, что Польша безразсудно раздражаетъ Россію, сама не будучи приготовлена къ отпору. Игнатій Потоцкій въ своемъ Куровѣ собиралъ обывателей Люблинскаго воеводства и настроивалъ ихъ стоять за конституцію, а сосѣдь его Длусскій дѣлалъ у себя собранія, настроивалъ собратій противъ переворота и рассказывалъ, что его самого чуть не убили на сеймѣ за то, что онъ отстаивалъ старосвѣтскую свободу Рѣчи-Посполитой.

Булгаковъ все еще хранилъ молчаніе и показывалъ видъ, будто Россія не думаетъ ни во что мѣшаться. Маршалъ Малаховскій въ это время писалъ въ своему племяннику: «Москва насъ не трогаетъ и мы ее не трогаемъ». Но русскій посланникъ искусно обставилъ шпіонами главныхъ дѣятелей, такъ что довѣренный камердинеръ Игнатія Потоцкаго состоялъ у него на жалованьѣ и доносилъ о каждомъ шагѣ своего господина. Босвипъ, служившій давно уже Россіи, написалъ на французскомъ языкѣ брошюру: «Турко-федероманія», гдѣ показывалъ, какою вредъ Польша готовитъ себѣ тѣмъ, что ищетъ союза съ Турціею и раздражаетъ Россію. Эта брошюра, безыменная, появилась тогда, когда прогрессисты распространяли слухи, будто русскія войска уже разбиты въ Турціи, за Турцію составится въ Европѣ союзъ и москаля обратятъ въ ничтожество, а поляки восторжествуютъ. Другой писатель, реентъ брестъ-литовскаго градскаго суда, Захаревичъ, за русскія деньги, составилъ безыменную брошюру на польскомъ языкѣ противъ новой конституціи. Друзья Россіи тайно совѣщались съ Булгаковымъ: это были Ожаровскій, Коссаковскій, Рачинскій, любители русскихъ червонцевъ, неизмѣнный благопріятель Россіи канцлеръ Малаховскій. Браницкій, притворяясь передъ прогрессистами вѣрнымъ и преданнымъ конституціи, работалъ чрезъ своихъ агентовъ по указанію Булгакова; такъ же на услугахъ русскаго посланника состояла жена Браницкаго: Булгаковъ заявлялъ государынѣ, что она въ это время была даже полезнѣе своего супруга. Мать героя третьяго мая, Казимира-Нестора Сапѣги, въ соумышленіи съ русскимъ посланникомъ, исправно возобновала свой кружокъ и интриговала въ провинціяхъ противъ сейма, на которомъ такъ отличился ея возлюбленный сынъ. Булгаковъ сносился съ противниками конституціи и подбиралъ себѣ партію такъ осторожно, что прогрессисты не могли услѣдить его дѣйствій; онъ не собиралъ къ себѣ большого общества, а видѣлся съ ними поодиночкѣ и чаще всего позднимъ вечеромъ и ночью черезъ задніе ходы. Въ то же время, при свиданіи съ сто-

ронниками конституціи, онъ не давалъ имъ повода замѣтить чего бы то ни было опаснаго для нихъ, сообразно навазу своей государыни. «Надѣюсь — писала къ нему Екатерина въ іюнѣ — что друзья старинной вольности въ Польшѣ, буде таковые остались, намъ отдадутъ справедливость, что всѣми мѣрами, какъ трактатами, такъ и самими дѣломъ, мы старались предохранить палладіумъ польской вольности и что они во всякое время найдутъ въ насъ готовность и поддержаніе, но только тогда, когда они покажутъ, что готовы не одними словами къ тому подвизаться, а до того времени мы останемся спокойными зрителями чудесъ, содѣянныхъ варшавскою толпою мѣщанъ, кои, получивъ равенство съ дворянами, отдали королю самодержавіе.»

И въ самомъ дѣлѣ, съ каждымъ днемъ Россія переставала прогрессистамъ казаться опасною. «Цезарь, писалъ маршалъ Малаховскій, уже склоняется на нашу сторону и Москва также скоро склонится навѣрное, хотя и медлитъ, но она всегда привыкла медлить». Распространилась вѣсть, будто Потемкинъ начинаетъ падать при петербургскомъ дворѣ: въ этого тотчасъ заключали, что Потемкинъ обратится къ Польшѣ. «Кто знаетъ — писалъ тотъ же Малаховскій — можетъ быть мы ему будемъ благодарны! Онъ-то и ослабитъ Московское государство.»

VI.

Волненія въ Польшѣ¹⁾.

Между тѣмъ, новая конституція, какъ и слѣдовало ожидать, начинала уже производить неизбѣжныя смятенія. Въ самой Варшавѣ, по распусценіи сейма, сдѣлалась тревога. Каштелянка Коссаковская, большая интригантка, бывшая съ королемъ въ ссорѣ и помирившись въ послѣднее время, выдумала и черезъ своихъ друзей распустила слухъ, будто партія Браницкаго хочетъ схватить короля, убить или вывезть. Это было распушено для того, чтобы волновать народъ противъ тѣхъ, которые внутренно были нерасположены къ конституціи; хотя Браницкій на словахъ и распинался за нее, но ему не вѣрили. Король испугался: онъ былъ наученъ опытомъ временъ Барской конфедераціи. Удвоили караулъ въ Лавенкахъ. Страхъ продолжался цѣлый мѣсяць; стали ходить вредныя для конституціи слухи о не-

¹⁾ См. источн. №№ 18, 28, 30, 55, 71. Дѣла Стражи, хранящіяся въ Литовской Метрицѣ.

повиновеніи хлопвъ. Генералъ Бышевскій доносилъ о бунтѣ крестьянъ: въ иноврацлавскомъ воеводствѣ, въ селѣ Вилково-Нѣмецкое, имѣніи Мыцельскаго взбунтовались крестьяне, прибили эконома. Владѣлецъ далъ знать гражданско-военной комиссіи и потребовалъ войска. Произошла схватка между жолнерами и крестьянами; было нѣсколько раненыхъ. Крестьяне, послѣ этого, толпою бѣжали за границу. 25 іюня, гражданско-военная комиссія изъ Каменца писала, что народъ бѣжитъ за австрійскую границу; замѣчательно, что уходили не только бурлаки, но и зажиточные люди съ семьями, съ лошадьми и со скотомъ. Изъ Украины писали, что въ тамошнемъ народѣ распространяется мятежный духъ. Всѣ ожидаютъ, что русское войско вступить въ польскіе предѣлы; и какъ только это случится, народъ тотчасъ поднимется, потому что всѣ только того и желаютъ, чтобы царица взяла ихъ къ себѣ. Въ мѣстечкѣ Дзвингородѣ мѣщане требовали себѣ свободы на основаніи мѣщанскаго устава, но владѣлица, старостина, не только не отказывалась отъ прежней власти, но еще отягощала подданныхъ новыми повинностями. Въ Каневѣ хлопъ, Маваръ Литвиненко, пилъ съ жолнеромъ Яблоновскимъ и сказалъ, что у него есть секретъ такой, что стоитъ дороже тысячи рублей. Онъ говорилъ намеками, изъ которыхъ жолнеръ заключилъ, что хлопы собираются бунтовать, но Маваръ не сказалъ ничего положительнаго, а только замѣтилъ: «не дайте мнѣ пропасти; якъ скажете, то и нѣтъ и громада пропаде». Жолнеръ разсказалъ объ этомъ; хлопъ ушелъ, но его поймали и онъ объявилъ, что есть еще хлопы, которые рѣзали ляховъ въ прошедшую «Колившину» (1768 года), а теперь живутъ спокойно и скрываютъ свои богатства въ погребкахъ. Это навело паническій страхъ между военными и шляхтою. Гражданско-военныя комиссіи и военные командиры сообщали въ Варшаву угрожающія вѣсти. Въ Литвѣ происходило страшное волненіе въ волостяхъ (загацкой, мотырынской, новлицкой и иванской) по-іезуитскихъ имѣній, доставшихся въ possessію Кавецкому. Этого рода имѣнія отдавались въ possessію съ извѣстными правилами относительно крестьянскихъ повинностей. Но possessоръ Кавецкій не хотѣлъ знать этихъ правилъ; вмѣсто положенныхъ съ волоки въ недѣлю мужескихъ и женскихъ по два рабочихъ дня онъ бралъ двадцать два дня, назначалъ сверхъ того двѣнадцать годовыхъ такъ-называемыхъ гвалтовъ, бралъ оброкъ, вмѣсто десяти злотыхъ — сорокъ, бралъ подроцизну въ Ригу (т. е. посылалъ туда крестьянъ для продажи произведеній) вмѣсто одного раза — четыре, привязывался къ богатымъ мужикамъ, обиралъ у нихъ имущество, деньги, а за сопротивленіе жестоко истязалъ. Уже прежде

два брата Цѣлковичи отправились въ Варшаву жаловаться, но онъ поймалъ ихъ на дорогѣ, держалъ въ тюрьмѣ и два раза въ недѣлю велѣлъ сбѣчь розгами и поливать водкой. Случай однако помогъ Цѣлковичамъ уйти изъ тюрьмы и они, вмѣстѣ съ другими товарищами, добрались до Варшавы, но ничего не могли подѣлать; Кавецкій представилъ фальшивыя квитанціи, будто бы отъ крестьянъ, показывающія, что онъ бралъ съ нихъ только положенное. Это было еще въ 1790 году. Послѣ того Кавецкій дѣлалъ, что хотѣлъ. Волость потеряла терпѣніе; толпа въ 160 человекъ выборныхъ отправилась въ городъ Ушачъ, гдѣ была гражданско-военная комиссія. Но въ этой комиссіи сидѣли родной братъ Кавецкаго и мужъ сестры его. Вмѣсто того, чтобъ оказать правосудіе крестьянамъ, комиссія обвинила ихъ въ бунтѣ, на томъ основаніи, что крестьяне должны выходить изъ села не иначе какъ съ паспортами отъ владѣльца. Для усмиренія ихъ поставили въ волости военную команду, которая дѣлала все, что угодно Кавецкому. Крестьяне бѣжали, команда ловила ихъ и по желанію посессора подвергала истязаніямъ. Многіе изъ нихъ успѣли убѣжать въ Россію, остальные теперь подали новую просьбу на сеймъ: «Насъ обдираютъ, — писали они — мучать выше всякой мѣры; мы такъ обнищали, что еслибъ теперь былъ и другой панъ, то намъ нечѣмъ было бы платить ни его двору, ни скарбу, развѣ душою и недомученнымъ тѣломъ. Помилуйте насъ, ясноосвѣщенные, ясновельможные паны добродѣи, выслушайте стоны наши, всмотритесь, какъ насъ мучаютъ; посессоръ какъ будто хочетъ, чтобъ его преемникамъ ничего не досталось, кромѣ пустопорожней земли и голыхъ тѣлъ нашихъ». Въ Мазовецкомъ воеводствѣ поднялось староство гарвалинское: жители требовали свободы на основаніи мѣщанскаго устава, потому что Гарвалинъ былъ городъ; но просьба ихъ не только не была удовлетворена старостою, а еще посессоры, которымъ было роздано по частямъ староство, начали ихъ сильнѣе обременять. Сдѣлался бунтъ, поволотили посессорскаго сына. Гражданско-военная комиссія отправила для укрощенія ихъ войско; зачинщики были наказаны сорока ударами на рынѣ и выстояли во время богослуженія съ надписью: «за непослушаніе». Оказывалось однако, что еще въ 1789 году, подданные этого староства жаловались на неправильные поборы; люстраторы тогда же препроводили ихъ просьбу въ скарбовую комиссію, но по этой просьбѣ до 1791 года ничего не было сдѣлано. Принуждая мѣщанъ, заурядъ съ хлопами, въ повиновенію старостѣ, правительство тѣмъ самымъ уничтожало силу установленнаго мѣщанскаго устава.

Вслѣдствіе такихъ-то безпокойствъ, 11-го августа изданъ былъ

королевскій универсалъ. Воздавая хвалу трудолюбію и порядку вообще, тамъ говорилось: «въ немалой скорби нашего отеческаго сердца узнали мы, что въ нѣкоторыхъ вѣраяхъ Рѣчи-Посполитої появляются враги общественнаго блага, которые отваживаются лукавымъ подущеніемъ и обманчивыми подговорами то открытыми, то явными путями и различными предлогами отклонять народъ отъ послушанія панамъ своимъ, отъ исполненія повинностей и платежа податей. Мы считаемъ нашею обязанностію, предостеречь настоящимъ нашимъ универсаломъ всю юрисдикцію воеводствъ, земель и повѣтовъ, въ особенности гражданско-военныя комиссіи порядка, чтобы, внимательно наблюдая за такими случаями, сперва употребляли кроткія и вразумительныя мѣры, а потомъ, когда такія мѣры окажутся неэффективными, каждая юрисдикція можетъ употреблять принудительную власть, закономъ дозволенную; въ случаѣ же продолжительнаго упорства прибѣгать и къ военной силѣ для удержанія подданныхъ въ зависимости и послушаніи у своихъ пановъ. Но такъ какъ темный народъ обыкновенно приходитъ къ такимъ поступкамъ не по собственной склонности, а по невѣжеству и подущенію другихъ, то мы поручаемъ тѣмъ же юрисдикціямъ бдительно слѣдить за такими лицами, которыя бы соблазняли народъ превратнымъ толкованіемъ законовъ, заохочивали хлоповъ къ непослушанію панамъ и давали совѣты, противные долгу зависимости; и гдѣ таковыя соберутся—ихъ слѣдуетъ хватать и предписаннымъ въ законахъ путемъ предавать надлежащему суду и справедливому наказанію.

Страхъ крестьянскихъ бунтовъ, болѣе чѣмъ что-нибудь другое отталкивало обывателей отъ конституціи. Только немногіе передовые люди заявляли желаніе освободить крестьянъ: въ этому ихъ располагали модныя французскія идеи равенства. Мостовскій, Забѣлло, Нѣмцевичъ, Вейсенгофъ, Зайончевъ собирались въ домѣ французскаго посланника Декорша, гдѣ только и рѣчи было о дарованіи правъ поработенному сельскому народу. Заправляя тогдашнею «Народовою газетою», эти господа помѣстили въ ней письмо литовскаго дворянина, быть можетъ и въ самомъ дѣлѣ присланное, но скорѣе всего поддѣланное въ Варшавѣ, въ качествѣ назидательнаго и руководящаго сочиненія ¹⁾, гдѣ говорилось такъ: «Въ вашей конституціи я не вижу залого обезпечивающаго свободу и имущество бѣднаго поселянина отъ гу-

¹⁾ Мы такъ полагаемъ потому, что въ тогдашнихъ дѣлахъ Стражи, почти всегдѣ сохранившихся въ Литовской Метригѣ, объ этомъ фактѣ нѣтъ ничего. Сверхъ того и въ самой газетѣ не означено имя этого дворянина.

бительной жадности. Зачѣмъ законъ не назначилъ по провинціямъ и воеводствамъ удѣльныхъ комиссій, для опредѣленія повинностей въ работахъ и платежахъ? Зачѣмъ законъ не обезпечилъ за хлопомъ владѣемой имъ собственности? Зачѣмъ въ округѣ одного и того же повѣта доброму пану хлопъ работаетъ два дни въ недѣлю за поземельный надѣлъ, а злому цѣлую недѣлю, да еще подъ палками? Можетъ-ли человѣкъ быть до того жестокосердъ, чтобъ запретить своему ближнему жаловаться и плавать, когда ему тяжело. Добрый человѣкъ суда не боится. Судъ страшенъ только для тирановъ, а развѣ тиранъ надъ крестьянами можетъ быть добрый гражданинъ? Историки приписываютъ упадокъ Спартанской республики утѣсненіямъ илотовъ; можемъ-ли мы, поляки, при 10,000,000 илотовъ, хвастаться вольностью? Пусть чужестранецъ посѣтитъ наши корчмы, исполненные крайней неопытности и лукавства. Онъ тамъ увидитъ, какъ жидъ, подлый субалтернъ владѣльческой жадности, разрушаетъ дорого продаваемою отравкою здоровье и состояніе нищаго крестьянина и потомъ дѣлится своимъ грабежемъ съ паномъ, соперничающимъ съ нимъ въ алчности. Я размѣрилъ и размежевалъ поля свои, отдалъ крестьянамъ ихъ угодыя, заключилъ съ ними договоръ о размѣрѣ чинша (оброка) или работъ и отдалъ на утвержденіе повѣтоваго суда и референдарія. Этимъ способомъ я надѣюсь улучшить свое состояніе, возбудить въ хлопахъ склонность къ промысламъ и умножить народонаселеніе. Если же я и понесу утраты, то и тогда назову себя счастливымъ, лишь бы черезъ мою потерю выиграло человѣчество и не малое количество живущихъ на моей землѣ людей сдѣлалось по моей волѣ счастливымъ и свободнымъ.»

Такия заявленія, не принося никакого облегченія крестьянамъ, только пугали дворянъ. Примѣры, въ родѣ поступка неизвѣстнаго литовскаго обывателя, вовсе были не по сердцу большинству. Универсалъ 11-го августа скорѣе долженъ былъ увеличить неустойство и произволъ, чѣмъ уменьшить ихъ. Вѣсти о неповиновеніи подданныхъ панамъ, о бѣгствѣ народа изъ Польши приходили все чаще и чаще. Князь Сангушко, скоро послѣ 3-го мая, освободилъ отъ зависимости своихъ подданныхъ, мѣщанъ города Черкасъ и мѣстечекъ Бѣлозера и Ломовате. Городъ Черкассы обязался вносить ему подать по люстраціи 1709 года. Поступокъ его былъ прославленъ, какъ подвигъ челоуѣколюбія и безкорыстія. Но послѣ универсала 11-го августа и послѣ рѣшенія гарвалинскаго дѣла въ пользу владѣльца, Сангушко рѣшилъ нарушить свой договоръ и послалъ въ Черкассы управляющаго (губернатора) Піотровскаго, который, собравъ жителей, про-

читаль имъ универсалъ и объяснилъ, что законъ о свободѣ городовъ уже уничтоженъ. Мѣщане по прежнему будутъ работать и слушаться не магистрата, а губернатора. Тѣ же, которые начнутъ сопротивляться, будутъ повѣшены. Нѣкоторые пытались бѣжать въ Варшаву жаловаться, но ихъ заключили въ кандалы и тирански били нагайками. Тогда 50 семей, оставивши свои имущества, дворы, посѣянный хлѣбъ, бѣжали въ Россію. Объ этомъ дошло до свѣдѣнія Стражи, но не видно, чтобъ были приняты дѣйствительныя мѣры къ облегченію крестьянъ. Вообще въ южнорусскихъ областяхъ владѣльцы и поссессоры стали такъ отагощать своихъ подданныхъ, что они сотнями убѣгали за границу и правительство приказало разставить военныя команды, чтобъ не пропускать бѣглецовъ, а между тѣмъ король приказывалъ брацлавской гражданско-военной комиссіи внушать обывателямъ, чтобы они человѣколюбивѣе обращались съ своими крестьянами.

Военными командами въ Украинѣ начальствовали генералъ Костюшко и безпрестанно писалъ въ войсковую комиссію, что нѣтъ возможности удержать крестьянъ отъ бѣгства. Эмиграція овладѣла всѣмъ народомъ; въ декабрѣ онъ жаловался на чернецовъ, которые пробирались изъ русской Малороссіи въ польскій край и волновали народъ. На прусской и австрійской границахъ происходила такая же эмиграція. Надобно замѣтить, что въ самой конституціи 3-го мая была статья, способствовавшая таковой эмиграціи. Всякій, приходящій, или даже возвращающійся въ Польшу дѣлался свободнымъ. Отъ этого многіе убѣгали за границу, а черезъ нѣсколько дней воротившись, требовали по закону вольности. Это была яркая черта политической мудрости поляковъ и прочности конституціи. Впрочемъ крестьяне ничего черезъ это не выигрывали: по возвращеніи въ отечество ихъ сѣли и обращали въ прежнее рабство. Отъ этого въ послѣдующее время бѣглецы уже не возвращались домой.

На Волыни, хотя было спокойнѣе, но осенью гражданско-военная комиссіа умоляла не выводить оттуда войскъ, потому что крестьяне, хотя теперь и смиренны, но тотчасъ сбунтуются, какъ только некому будетъ ихъ укрощать. Тамъ были факты, подобные черкасскимъ; такъ, напр., панъ Гардинскій далъ своему имѣнію свободу отъ панщины на два года, но въ декабрѣ нарушилъ этотъ договоръ несмотря на то, что онъ былъ записанъ въ Луцкомъ гродскомъ судѣ. Въ сентябрѣ закочимская гражданско-военная комиссіа доносила, что крестьяне повсемѣстно неповируются и бѣгутъ. Она требовала военной силы для усмиренія ихъ. Въ томъ же мѣсяцѣ изъ земли Луковской получено извѣстіе, что взбунтовалось мѣстечко Сыровомля, противъ своей вла-

дѣлицы пани Водзицкой, за то, что она не хотѣла дать имъ пользоваться мѣщанскимъ правомъ по силѣ устава о городахъ. И туда послали для усмиренія военную команду. То же произошло въ городѣ Лѣшно, имѣвшемъ древнія привилегіи. Владѣлецъ, князь Сулевскій, заключилъ съ нимъ договоръ, отказался отъ своихъ правъ, а мѣщане обязались вносить ему извѣстную сумму и должны были пользоваться свободой, предоставленною мѣщанскому сословію; но потомъ, послѣ универсала 11-го августа, осенью онъ отнялъ всѣ права и подчинилъ ихъ прежнему подданству. Мѣщане жаловались, а владѣлецъ объяснялъ, что посольство, подушаемое злонамѣренными людьми, бунтуетъ, не хочетъ исполнять своихъ обязанностей и клевететь на него. Кончилось тѣмъ, что послали военную экзекуцію для приведенія мѣщанъ къ повиновенію. Въ декабрѣ такая же исторія произошла съ городомъ Веховою, который напрасно жаловался, что староста, освободивши его отъ подданства, началъ утѣснять снова. Такимъ образомъ правительство, надававши свободныхъ законоположеній, военною силою должно было усмирять тѣхъ, которые домогались того, что было установлено закономъ.

Изъ дѣлъ того времени видно, что польскіе нравы мало способны были воспринимать возрожденіе отечества. Наѣзды другъ на друга, нападенія на суды вооруженной силою, насилія могучихъ надъ слабыми продолжались по прежнему. Замѣчательно, какъ поляки, даже тѣ, которые были призваны творить законы, понимали законную свободу. Одного пана Овнинскаго посадили подъ арестъ: явно было, что онъ лишился разсудка, грозилъ убить короля и перебить всѣхъ пословъ; жена его жаловалась, что онъ дома дерется и буйнеть. Тогда познанскій посоль Мелжинскій подалъ въ Стражу протестъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ и доказывалъ, что этимъ нарушается законъ: «*neminem captivabimus*». «Если—писалъ онъ—сажать людей подъ арестъ, безъ суда, въ предупрежденіе преступленій, то вамъ придется всѣ погреба наполнить людьми.» Такимъ образомъ выходило, что шляхтичъ, если и сойдетъ съ ума, все-таки долженъ быть огражденъ закономъ *neminem captivabimus*. Свобода вѣроисповѣданій также плохо соблюдалась. Въ городѣ Равѣ какой-то офицеръ вошелъ въ мѣщанскій, вдовѣ аптекаря, лютеранскій и будучи за что-то недоволенъ ею, донесъ, что ея дѣти играли въ куклы и повѣсили на куклу медальонъ съ изображеніемъ Божьей Матери. Мѣщанку взяли въ гражданско-военную комиссію, посадили въ тюрьму и отдали подъ судъ. Къ ея счастью, пасторъ евангелическаго вѣроисповѣданія написалъ къ королю письмо, гдѣ доказывалъ, что она, какъ диссидентка, не подлежитъ комиссіи по духовному

дѣлу. «Еще не обсохли чернила—писаль онъ— которыми написана конституція, дарующая намъ права, а уже ихъ попирають». Король и Стража приказали освободить ее, но все-таки она просидѣла нѣсколько недѣль въ тюрьмѣ, пока ея дѣло не сдѣлалось извѣстнымъ высшему правительству.

Для умиротворенія православныхъ сеймъ назначилъ комиссію, которая должна была съѣхаться въ Пинскѣ съ выборными православными духовными и тамъ вмѣстѣ установить правила, которыя бы на будущее время успокоили послѣдователей восточной вѣры, не хотѣвшихъ принять униі. Но давняя законенѣлая ненависть къ православію не допускала искренности въ этомъ дѣлѣ. Тѣ самые депутаты, которые приняли на себя должность миротворцевъ, въ своихъ донесеніяхъ отзывались съ презрѣніемъ о православной вѣрѣ, считали дарованіе правъ православнымъ только временной уступкой для того, чтобы ихъ удобнѣе привлечь къ униі. Православную вѣру поляки считали зломъ уже потому, что ея исповѣдывала Россія. Пріѣхавши въ Слуцкъ, депутаты нашли тамъ раздоры въ самомъ православномъ духовенствѣ. Священникъ Савва Пальмовскій собралъ въ церковь духовныхъ для совѣщанія, какъ имъ вести себя и чего требовать отъ пріѣхавшей депутаціи. Тогда намѣстникъ монастыря, остававшійся тамъ главнымъ лицомъ послѣ арестованнаго архіерея Садковскаго, очернилъ ихъ передъ депутаціей, выпросилъ у депутата Бернадскаго позволеніе арестовать ихъ. Пальмовскаго съ товарищами засадили въ монастырѣ въ тѣснотѣ и кормили хлѣбомъ съ водою. Бернадскій, въ своемъ донесеніи въ стражу, хвалилъ намѣстника, припоминалъ, что онъ не ладилъ съ Садковскимъ, доносилъ на него и былъ противъ введенія въ церковь «россійскихъ обычаевъ». Но Стража приказала освободить заключенныхъ. Тогда въ свою очередь Пальмовскій оговаривалъ своего врага, намѣстника Бржезницкаго, доносилъ, что онъ былъ прежде униатскимъ монахомъ въ Почаевѣ, носилъ фамилію Бржезникевича, ушелъ въ Кіевъ, тамъ принялъ православіе и воротился Бржезницкимъ. Съ такими людьми предстояло дѣлать великое дѣло. Между тѣмъ архіерей Викторъ Садковскій, тотъ, который по всѣмъ правамъ долженъ былъ при этомъ занимать первую роль, продолжалъ сидѣть въ Варшавѣ въ заключеніи, совершенно невинный.

VII.

Возобновленіе дѣятельности сейма.—Соединеніе казначействъ.—Дѣло о староствахъ.—Преобразование судовъ ¹⁾.

Собранный съ 15-го сентября сеймъ имѣлъ на лицо не болѣе 140 или 150 членовъ. Нѣкоторые послы, показавшись въ Варшавѣ, тотчасъ же разѣхались по своимъ имѣніямъ: была осень—пора охоты за медвѣдами и волками. Это занятіе было пріятнѣе головоломныхъ работъ въ сеймовой Избѣ. Сами рьяные прогрессисты порывались къ этой любезной забавѣ и маршалъ Малаховскій, открывая каждый день утомительныя засѣданія, ждалъ возможности избавиться отъ нихъ, и посылалъ къ своимъ комиссарамъ провѣдывать, гдѣ появились звѣри. Значительную часть времени на сеймѣ проводили во фразгахъ, величали польскія добродѣтели, прославляли достоинство конституціи 3-го мая. Противники, при случаѣ, задирали прогрессистовъ. Такъ, 29-го сентября, посоль Мечельскій напалъ на маршала Малаховскаго и обвинялъ его въ томъ, что онъ отправилъ нарочнаго посла въ Дрезденъ безъ открытаго предварительнаго совѣщанія съ сеймомъ. Король заступался за Малаховскаго и выразился, что всѣ подобныя нападки дѣлаются врагами конституціи съ тою цѣлью, чтобы ей какъ-нибудь повредить. «Но я—говорилъ онъ—въ согласіи со всѣми друзьями отечества буду защищать ее до послѣдней капли крови». Въ противность Мечельскому король предложилъ отъ сейма выразить Малаховскому благодарность. 3-го октября, краковскій посоль Солтыкъ предложилъ сейму засвидѣтельствовать сочувствіе французской революціи. Это событіе съ каждымъ днемъ находило себѣ въ Польшѣ поклонниковъ и они-то стали заявлять о продажѣ староствъ, подражая въ этомъ случаѣ Франціи, и вида въ этой продажѣ единственное средство покрыть дефицитъ. 11-го октября появился въ Избѣ проектъ объ отобраніи и продажѣ въ наследственное владѣніе староствъ и всѣхъ вообще королевщинъ. По ходатайству короля разсужденіе объ этомъ предметѣ было отложено; а въ Избѣ началось разсужденіе о соединеніи казначействъ Короны и Литвы. Проектъ о соединеніи подали волынскіе послы; литовскіе стояли за раздѣльность. Теперь, когда въ таковой модѣ были французскія идеи централизаціи, ломавшей провинціальныя автономіи, у поляковъ съ ними соединилось завѣтное и всег-

¹⁾ См. Источ. №№ 18, 25, 28.

дашее стремленіе ополячить Литву и Русь. Казимиръ-Несторъ Сапѣга былъ на челѣ оппозиціи. «Привилегія народа — говорилъ онъ — не собственность народныхъ представителей и даже не цѣлаго живущаго поколѣнія. Мы не имѣемъ права добровольно отъ нихъ отречься и, получивъ отъ предковъ, должны передать въ цѣлости потомкамъ.» Но эти кудравыя фразы были засыпаны другими, въ противномъ смыслѣ: отличался въ этомъ краснорѣчій Станиславъ Потоцкій. Порѣшили, чтобы сварбъ былъ соединенъ и существовала одна сварбовая коммиссія. Въ честь этого событія, уничтожавшаго послѣдніе слѣды различія между Польшею и Литвою, король приказалъ выбить медаль съ надписью: «При Станиславѣ Августѣ закончена тѣснѣйшая унія, совершенная вначалѣ Сигизмундомъ Августомъ».

Въ концѣ октября сеймъ издалъ конституцію объ устройствѣ городскихъ судовъ; по поводу этого событія, жена одного посла, Звончковскаго, въ полномъ засѣданіи ударила по щекѣ секретаря Сарчинскаго и послѣ созналась, что была научена мужемъ.

Въ ноябрѣ наконецъ принялись послѣдовательно за вопросъ о староставахъ. Кромѣ потребности покрыть дефицитъ, предстояла еще и нравственная потребность. Система отдачи панамъ государственныхъ имѣній была однимъ изъ способовъ деморализаціи панства и средствомъ для иностранныхъ властей руководить дѣлами Польши. Въ каждое безкоролевіе партія, хотѣвшая выбрать того или другого въ короли, рассчитывала получить отъ него для себя выгоды, главнымъ образомъ заключавшіяся въ пріобрѣтеніи староствъ, которыя раздавались королями. Возрожденіе Польши необходимо требовало уничтожить такой порядокъ. Уже прежде были сдѣланы по этому предмету перемѣны. Въ 1775 году у короля было отнято право раздавать королевщины. Онѣ были предоставлены въ пользованіе до смерти владѣльцамъ, а о дальнѣйшей судьбѣ ихъ рѣшить оставлялось будущему времени. Въ 1788 году, староства обложены были платежомъ въ казну половины доходовъ; но ни прежде, ни послѣ старосты не платили въ казну столько, сколько съ нихъ слѣдовало. Встарину, когда они обязаны были давать четвертую часть (кварту), то на самомъ дѣлѣ давали десятую и даже двадцатую. Тоже было и послѣ названія брать съ нихъ половину.

Въ засѣданіи 8-го ноября Коллонтай доказывалъ, что свободный народъ не долженъ имѣть никакихъ другихъ доходовъ, кромѣ происходящихъ изъ общественной складки, и никакихъ земель, принадлежащихъ не лицамъ, а цѣлому государству. По его мнѣнію, слѣдовало всѣ королевщины продать съ публичнаго торга въ частную потомственную собственность, но такъ, чтобы люди

небогатые могли быть участниками покупки, поэтому раздѣлить староства на мелкіе участки. По проекту Основскаго, слѣдовало удовлетворить прежнихъ пожизненныхъ владѣльцевъ половиною доходовъ и выплатить имъ то, что они истратили на улучшеніе имѣній. Враждебные проекту члены думали запутать дѣло и склонить на свою сторону короля; съ этой цѣлью Четвертинскій потребовалъ, чтобы были пущены въ продажу и королевскія экономіи; но тутъ король блеснулъ своимъ безкорыстіемъ, объявилъ, что онъ отъ нихъ отказывается, но замѣтилъ, что слѣдуетъ ихъ сохранить для будущаго короля. Скаршевскій, епископъ холмскій, совѣтовалъ оставить староства въ пожизненномъ пользованіи у настоящихъ владѣльцевъ, а по смерти ихъ продать на пятьдесятъ лѣтъ въ пользованіе. «Староства — достояніе цѣлой націи, надобно спросить объ этомъ цѣлый народъ», сказалъ люблинскій посолъ Гриневецкій. «Продажа староствъ — сказалъ волынскій посолъ Свѣнтославскій, — потребуетъ много времени для описи и для измѣренія. Нужно по крайней мѣрѣ лѣтъ пять, нужны сверхъ того большія издержки, а это увеличитъ дефицитъ казны. Будемъ искать другихъ средствъ поправить финансы». Вопросъ о староствахъ былъ остановленъ. Десять дней послѣ того толковали о другихъ средствахъ поправить финансы и ни до чего не додумались.

18-го октября принялись снова за староства. Епископъ Коссаковскій гремѣлъ противъ проекта и называлъ продажу дѣломъ вреднымъ и противнымъ челоѣколюбію. Краковскій посолъ Дембинскій защищалъ продажу и сказалъ: «Нѣкогда Демосеентъ говорилъ аѳинянамъ: «я думалъ что казна истощена въ Аѳинахъ; нѣтъ, истощился жаръ, деньги пошли на зрѣлища и забавы, а не на спасеніе отечества» и съ нами тоже будетъ, теперь грозятъ намъ Филиппы, а скоро явятся Александры. Отъ вѣка вѣковъ судьба униженныхъ государствъ одинакова, но мы не пользуемся чужими примѣрами». Послѣ многихъ толковъ, Игнатій Потоцкій просилъ короля заявить свое мнѣніе, но Станиславъ Августъ, распространившись о своемъ доброжелательствѣ отечеству, уклонялся отъ рѣшительнаго голоса и только назначилъ отъ себя уполномоченныхъ въ конституціонную депутацію для занятій этимъ предметомъ.

24-го ноября, кievскій воевода Протъ Потоцкій доказывалъ, что большая часть инструкцій, данныхъ на сеймикахъ, выражаетъ народное желаніе продажи староствъ, а для удобнѣйшаго хода операціи предлагалъ открыть банкъ, вызываясь на это со своими услугами. У него уже былъ основанъ свой банкъ. Потомъ предлагались разные способы не допустить до злоупотребленій чиновниковъ, которымъ поручится размежеваніе и опись королевщинъ.

Желая какъ-нибудь оттянуть вопросъ, противники стали-было толковать о разграниченіи имѣній вообще, но пинскій посолъ Бутримовичъ сказалъ: «Всѣмъ намъ слишкомъ хорошо извѣстно неудовлетворительное состояніе казны и мы не можемъ обращаться къ другимъ предметамъ. Конституціонная депутація не успѣла еще составить проекта; пусть она кончаетъ свой трудъ, а мы не станемъ входить въ постороннія разсужденія, прерывая вопросъ о королевщинахъ».

5-го декабря маршалъ объявилъ, что проектъ готовъ и секретарь его прочелъ; тогда примасъ, королевскій братъ, сказалъ: «если мы допустимъ теперь продажу королевщинъ, находящихся въ частномъ владѣніи, кто поручится, что впослѣдствіи намъ не скажутъ: нужда заставляетъ продавать и ваши наслѣдственные имѣнія? Этотъ проектъ я считаю просто махинаціею для возбужденія беспорядка». — «Законъ долженъ обезпечивать собственность владѣнія—сказалъ троцкій посолъ Сивицкій—пусть мнѣ представлять побужденія, которыя приводятъ къ отнятію владѣній у привилегированныхъ особъ; я, можетъ быть, похвалю побужденія, а слѣдствіе все-таки назову насиліемъ. Представьте себѣ судьбу несчастныхъ обывателей, у которыхъ единое прибижище въ королевщинахъ, куда они дѣнутся съ рухлядью, скотомъ, имуществомъ? Нельзя рѣшить продажи имущества Рѣчи-Посполитой безъ воли народа; говорятъ, большинство инструкцій за продажу: желаю знать, какъ велико это большинство. Но если и такъ, все-таки нельзя продавать королевщинъ иначе, какъ по прекращеніи пожизненныхъ правъ настоящихъ владѣльцевъ». Такія рѣчи заставили отложить вопросъ на нѣсколько дней. Его возобновили 9-го декабря.

Въ этотъ день епископъ Скаршевскій, бывшій въ числѣ уполномоченныхъ отъ короля въ конституціонную депутацію, объявилъ, что король чрезъ него ходатайствуетъ о томъ, чтобъ настоящимъ владѣтелямъ староствъ было сохранено ихъ пожизненное пользованіе и, сверхъ того, чтобы для обезпеченія крестьянъ представлено было королю право покровительства надъ ними. Это значило, что король высказывался противъ продажи. Начались рѣчи. Вдругъ подольскій посолъ Мержеевскій началъ кричать вообще противъ событія 3 мая. Это сдѣлало всеобщую суматоху въ Избѣ. Дѣло о староствахъ пріостановилось, чего Мержеевскому и другимъ было нужно. Хотѣли возобновить пренія, тогда противники начали подавать разные проекты, совсѣмъ не относящіеся къ дѣлу, и засѣданіе прошло по пустому.

12 декабря вопросъ выступилъ снова на сцену. Тогда защитники status quo прибѣгали къ разнымъ уловкамъ, чтобъ сбить

Изу съ прямой дороги къ цѣли. «Я соглашаюсь на продажу — сказалъ князь Яблоновскій — но прежде нужно сдѣлать предварительныя работы размежеванія, чтобъ Рѣчь-Посполитая не потеряла ни одного морга земли, чтобъ королевщины были разбиты на участки, пригодныя къ хозяйству; а безъ этихъ условій несогласенъ и пристаю къ примасу». Другіе пустились въ толки о недостаткѣ денегъ для покупки, о мѣрахъ для облегченія взноса и пр. Всѣ такія замѣчанія слѣдовало конституціонной депутаціи принять къ разсмотрѣнію. Дѣло опять затанулось.

15 декабря, въ засѣданіи король говорилъ длинную рѣчь съ увѣреніями въ своемъ безкорыстїи и безпристрастїи. Онъ увѣрялъ, что желаетъ, наравнѣ съ другими, чтобы самое названіе староствъ исчезло, но хочетъ, чтобъ это совершилось безъ возбужденія вражды между согражданами; онъ припомнилъ кровавую одежду Іосифа прекраснаго, себя самого сравнилъ съ Іавомъ и пришелъ къ тому, что лучше всего приступить къ продажѣ староствъ по кончинѣ ихъ теперешнихъ владѣльцевъ, а если уже непременно хотять продавать староства при ихъ жизни, то пусть, по крайней мѣрѣ, эти имѣнія будутъ оцѣнены сколько возможно дороже. «Распространяютъ обо мнѣ ложныя слухи — сказалъ король — будто я хочу освободить хлоповъ въ староствахъ. Я считаю освобожденіе хлоповъ вообще дѣломъ вреднымъ и доказалъ это универсаломъ, повтореннымъ два раза въ настоящемъ году. Я держусь правила: *vuim sui que*; пусть хлопъ работаетъ и платитъ, что слѣдуетъ, а панъ пусть не требуетъ отъ него больше того, сколько нужно.»

За королевскою рѣчью разомъ подано было нѣсколько проектовъ; всѣ они клонились, хотя подъ разными предлогами, къ тому, чтобы не допустить немедленной продажи королевщины. «Я вижу — сказалъ Игнатій Потоцкій — что на сеймѣ господствуютъ два мнѣнія: одно — продать королевщины немедленно; другое — продать ихъ послѣ смерти настоящихъ владѣльцевъ; пусть изготавятъ два проекта въ томъ и другомъ смыслѣ.» На это послѣдовало отъ нѣкоторыхъ пословъ возраженіе; другіе ухватились за проектъ Потоцкаго и пытались его провести. Засѣданіе въ этотъ день ничѣмъ не кончилось.

19-го декабря, засѣданіе длилось до половины четвертаго утра другого дня. Послѣ многихъ споровъ согласились на предложеніе маршала Малаховскаго, согласно предложенію Игнатія Потоцкаго, подать въ баллотировкѣ два проекта: одинъ, составленный краковскимъ посломъ Солтыкомъ, другой составленный Ясинскимъ и Сокольницкимъ; 105 голосовъ было за первый, 93 противныхъ. Путешественникъ, знающій закулисныя

тайны тогдашней варшавской жизни ¹⁾, объясняетъ, какимъ образомъ было приобрѣтено это большинство. Одинъ магнатъ, который не высказалъ никакого мнѣнія объ этомъ вопросѣ, пригласилъ на Волю многочисленныхъ гостей завтракать (на устрицы). Въ числѣ приглашенныхъ было человекъ 20 пословъ, самыхъ задорныхъ противниковъ продажи староствъ. Показали видъ, что въ этотъ день въ Избѣ не будутъ касаться вопроса о староствахъ. Пиръ продолжался до 4-хъ часовъ утра. Тѣмъ временемъ маршалъ Малаховскій въ засѣданіи объявилъ, что проектъ о другомъ предметѣ, о которомъ слѣдовало разсуждать, въ этотъ день не готовъ и предложилъ разсуждать о староствахъ. Такимъ образомъ, за отсутствіемъ еоноводовъ противной партіи, составилось большинство въ пользу продажи.

Такимъ образомъ рѣшено продать староства и всѣ королевщины съ публичнаго торга, въ потомственное владѣніе, съ обезпеченіемъ пожизненнымъ долямъ половины доходовъ, а владѣвшимъ подъ другими условіями меньшаго количества (эксектантамъ полторы четверти, а эмпитеутамъ осьмой части доходовъ). Для приведенія королевщинъ въ порядокъ къ продажѣ, назначались люстраторы, изъ которыхъ часть будетъ выбрана сеймомъ, а другая назначена скарбовою комиссіею. Тѣ королевщины, которыя опишутся люстраторами, будутъ немедленно подвергнуты продажѣ, за ними другія и т. д., въ теченіи пятидесяти лѣтъ, наблюдая однако, чтобы слишкомъ большое число предназначенныхъ разомъ къ публичной продажѣ имѣній не уменьшило цѣнности земли, сохранились права тѣхъ, которые давали деньги подъ залогъ королевщинъ. Чтобы не отягощать залогами наследственныхъ имѣній для приобрѣтенія капиталовъ, дозволялось покупателямъ королевщинъ съ публичнаго торга вносить пятую часть стоимости, и это будетъ ручательствомъ постоянного платежа ими вѣчнаго процента въ казну. Половина суммы, составленной изъ пятой части стоимости проданныхъ королевщинъ, выдается прежнимъ пожизненнымъ посессорамъ по ихъ желанію подъ вѣрный залогъ, но по смерти ихъ она должна быть возвращена въ казну. Послѣдніе, сверхъ того, получаютъ изъ вѣчнаго процента, платимаго покупателями королевщинъ, определенную часть; полученіе это происходитъ въ той гражданско-военной комиссіи, въ вѣдомости которой по мѣстоположенію находится королевщина. Въ случаѣ, если прежній владѣлецъ не можетъ представить достаточнаго залога для полученія взаимъ пятой части стоимости купленной королев-

¹⁾ Voyage d'un Livonien, 281 стр.

щины, или не захочетъ принимать ее, то ему предоставляется вмѣсто того пожизненно получать изъ казны пять процентовъ ежегодно. Внесенную пятую часть стоимости купленной королевщины покупатель терять безвозвратно, если бы не заплатилъ въ казну слѣдующаго съ него вѣчнаго процента, хотя бы въ одинъ только изъ четырехъ сроковъ въ годъ; причемъ онъ непременно обязанъ былъ вносить этотъ вѣчный процентъ не иначе, какъ наличною монетою, по ходячему въ край курсу.

Такъ совершилось это дѣло, которое повело бы къ важнымъ переѣнамъ въ общественной жизни Польши, если бы удержалось.

Въ январѣ 1792 года, рѣшенъ былъ законъ объ устройствѣ земскихъ судовъ, заступавшихъ мѣсто бывшихъ земскихъ и городскихъ. Постановленъ законъ объ избираемости всѣхъ судей. До сихъ поръ, только члены трибунала выбирались на время; въ земскихъ и городскихъ судахъ званіе судей было пожизненное и почти вездѣ достигалось по вознямъ и по протекціи сильныхъ пановъ; теперь, судьи въ земскихъ судахъ выбирались на четыре года. Послѣ организаціи земскихъ судовъ Иза занялась устройствомъ трибуналовъ. По этому поводу возникъ споръ о томъ, быть ли одному трибуналу или двумъ. Тогда случилось оригинальное явленіе: когда подавались голоса громко, то утвердительныхъ было 62, отрицательныхъ 28, а въ секретной подачѣ оказалось утвердительныхъ 43, отрицательныхъ 45. Малое число членовъ на сеймѣ, въ сравненіи съ тѣмъ, какое должно было находиться, побудило непріятеля реформъ, князя Четвертинскаго, замѣтить: «Уставъ судебный касается цѣлаго народа; онъ требуетъ особаго вниманія, а я, вмѣсто пятидесяти пословъ изъ русскихъ воеводствъ, не вижу здѣсь и десятка; кто же осмѣлится для этихъ воеводствъ устанавливать законы». Проектъ о трибуналахъ прошелъ однако 19-го января единогласно. Оставлено по прежнему два трибунала: коронный и литовскій; первый отправлялъ свои занятія попеременно для Великой Польши въ Пиотрковѣ, а для Малой въ Люблинѣ. Трибуналы состояли изъ депутатовъ, духовныхъ и свѣтскихъ, избираемыхъ ежегодно на сеймикахъ; духовные были отъ капитуловъ, свѣтскіе отъ воеводствъ по два члена. Трибуналъ по гражданскимъ дѣламъ раздѣлялся на двѣ Избы: правную (гдѣ разбиралось приложеніе законовъ) и учинковую (гдѣ разбирались поступки подлежащіе гражданскому суду). Для дѣлъ уголовныхъ обѣ Избы сходились въ одну. Предсѣдательствовалъ въ трибуналѣ президентъ, избранный изъ среды депутатовъ. Дѣла рѣшались единогласіемъ или большинствомъ трехъ четвертей. Въ случаѣ равенства, рѣшалъ жребій—его вынималъ пяти-лѣтній ребенокъ. Установлены были строгія правила въ предупрежденіе лѣности

депутатовъ. За каждый часъ, пропущенный депутатомъ на службу, безъ законныхъ причинъ, дѣлался вычетъ изъ жалованья. (Свѣтскіе получали 10,000 злотыхъ въ годъ, духовные служили безплатно).

VIII.

Дѣло о Щенскомъ Потоцкомъ и Ржевускомъ. — Ихъ осужденіе. — Отзывъ Браницкаго.

Послѣдніе дни января были посвящены обсужденію поступковъ Щенскаго Потоцкаго и Северина Ржевускаго, которые за границей заявляли свои протестаціи противъ конституціи.

Долго патріоты почти не придавали этому значенія. Малаховскій писалъ своему племяннику: «Мы не надѣемся, чтобъ эти злобные люди могли успѣть въ чемъ либо; мы наблюдаемъ за ними зоркимъ окомъ; у насъ есть сила придупшить матежниковъ; есть войско, расположенное на зимнихъ квартирахъ, но не думаю, чтобы дошло до нужды въ немъ. Москва съ нами ничего не говоритъ, а другимъ, которые у ней выпытываютъ, какъ она думаетъ о польскихъ дѣлахъ, она отвѣчаетъ очень деликатно и почтительно. Изъ этого видно, что она не хочетъ вмѣшиваться въ наши дѣла.»

Такъ себя утѣшали и ободряли поляки. Дѣйствительно, Ржевускаго, Сухоржевскаго и даже Щенскаго Потоцкаго поляки могли не бояться. Но эти лица и всѣ имъ подобныя были давно уже орудіями политики, заранѣе рѣшившей судьбу Польши. Въ июлѣ 1791 года, Екатерина писала Потемкину: «что перемѣна правленія, въ Польшѣ случившаяся, если она въ силѣ и дѣйствіяхъ своихъ утвердится, не можетъ быть полезна для сосѣдей, въ томъ ни мало нѣтъ сомнѣнія и потому долгъ попеченія нашего о благѣ и тишинѣ имперіи нашей взыскиваетъ отъ насъ благовременныхъ мѣръ къ отвращенію вреда, каковаго опасаться можно отъ государства, многими и обильными средствами снабденнаго». Екатерина указывала на причины, которыя заставляли ее враждебно относиться къ польскимъ преобразованіямъ. «Рѣшаясь на крайнія мѣры, имѣемъ мы неззорную совѣсть предъ свѣтомъ, когда поляки наглѣмъ и оскорбительнымъ образомъ отвергли наше ручательство торжественными договорами утвержденное на прежнюю форму правленія и кардинальные законы ихъ, когда причинили намъ многочисленныя озлобленія и затрудненія въ войнѣ нашей съ турками, когда простерли неистовство ихъ до того, что во вредъ намъ искали и ищутъ составить союзъ со врагомъ нашимъ и всего имени христіанскаго и когда

самъ ихъ король, рукою нашею возведенный, учинился однимъ изъ главныхъ орудій къ произведенію въ дѣйство сей толико вредной перемѣны». О сношеніяхъ поляковъ съ Пруссіею, имѣвшихъ враждебныя цѣли по отношенію къ Россіи, императрица не распространяется, замѣчая, что «благоразуміе конечно требуетъ уважать дворъ Берлинскій и волико можно отвращать принятіе имъ участія противнымъ намъ образомъ».

Уже въ то время, когда писала Екатерина, Щенскій Потопцій подалъ Потемкину записку о планѣ составить конфедерацію противъ конституціи 3 мая и просилъ покровительства и помощи русской императрицы. Насчетъ этого Екатерина выразилась: «установленіе конференціи вольныхъ, которая уже представляя націю, могла бы объявить незаконнымъ все, что въ Варшавѣ было или будетъ сдѣлано, есть совершенно необходимо». Но Екатерина совѣтовала дѣлать это прежде, чѣмъ войска русскія могутъ войти въ Польшу. «Это — выражалась она — было бы приличнѣе, и для насъ сходственнѣе, когда уже мы отъ знатнаго числа подвигшихся на защиту вольности ихъ ручательствомъ нашимъ обнадеженной и составившаго, какъ выше сказано, корпусъ націи приглашены будемъ подать имъ сильную нашу руку помощи..... Надобно, чтобъ сами они начали составленіемъ партіи вѣрной и значущей и прибѣгнувъ къ намъ, яко ручательницѣ прежней ихъ вольной конституціи, формально требовали нашего заступленія и помощи». Но Екатерина не показывала желанія стѣснять поляковъ и заранѣе дозволила имъ учреждать у себя пригодное для нихъ правленіе, лишь бы только составители были друзья Россіи. Въ томъ же письмѣ къ Потемкину она говоритъ: «Что касается до образа правленія ихъ республики, мы сіе оставляемъ на волѣ ихъ: федеративное ли правительство учредить или же подъ обладаніемъ короля съ ограниченіемъ его власти и съ постановленіемъ силы гетмановъ, яко преграды могуществу королевскому, ибо сіе относится будетъ до ихъ общаго соглашенія и соображенія съ разными обстоятельствами». Ясно, что Екатерина и теперь, какъ и прежде, хотѣла только удержать свое покровительство надъ Польшею, но не желала собственно уничтоженія Польскаго государства, а тѣмъ менѣе его раздѣла, хотя уже предвидѣла то, что неминуемо должно было случиться: «Трудно — писала она — угадывать конецъ сихъ намѣреній, но если оныя съ помощью Всевышняго удачею на сторону нашу сопровождаемы будутъ, двоякія пользы для насъ произойти могутъ: или мы предъуспѣемъ опровергнуть настоящую форму правленія, возставя прежнюю польскую вольность и тѣмъ доставимъ имперіи нашей на времена грядущія совершенную безопасность, или

же, въ случаѣ оказательства непреодолимой въ королѣ прусскомъ жадности, должны будемъ, въ отвращеніе дальнѣйшихъ хлопотъ и безпокойствъ, согласиться на новый раздѣлъ польскихъ земель въ пользу трехъ сосѣднихъ державъ: тутъ уже та будетъ выгода, что, расширяя границы государства нашего, по мѣрѣ оного распространимъ и безопасность его, приобрѣтая новыхъ подданныхъ единого закона и рода съ нашими, которые давно на силу и помощь нашу полагали свое упованіе въ угнетеніе ихъ; Польшу же въ такихъ постановимъ предѣлахъ, что какое бы ни было ея дѣятельное правленіе, не будетъ она уже составомъ своимъ опасна для сосѣдей и станетъ служить только между нами барьеромъ¹⁾.

Самъ Потемкинъ лично, хотя и не расположенъ былъ къ переменѣ 3 мая, но имѣлъ нѣкоторые свои затаенные планы. Потемкинъ былъ еще болѣе врагъ раздѣла Польши, чѣмъ новой конституціи. Потемкину Польша была нужна: не даромъ онъ себя подбиралъ тамъ привязанную партію, не даромъ накупилъ себя тамъ имѣній. Онъ зналъ, что если Еватеринъ суждено умереть прежде него, то ему нельзя будетъ оставаться въ Россіи при Павлѣ, и тутъ-то пригодилась бы ему Польша. Пока еще этого не случилось, онъ подавалъ дружескую руку врагамъ конституціи, и въ глаза друзьямъ ея смѣялся надъ усиліями прогрессивныхъ, зная напередъ, что, такъ или иначе, изъ ихъ предпріятій ничего не выйдетъ. Огинскій въ своихъ запискахъ рассказываетъ, что лѣтомъ 1791 года онъ встрѣтился съ Потемкинымъ въ Могилевѣ и представился ему. Вообще удаляясь отъ разговоровъ о совершившихся въ Польшѣ событіяхъ, Потемкинъ не утерпѣлъ, чтобы не подсмѣяться надъ польскими надеждами. Вспомнивъ о польскомъ художникѣ Смуглевичѣ, получившемъ въ Римѣ премію за свои произведенія, онъ сказалъ: «вотъ прекрасный сюжетъ для Смуглевича: написать картину, изображающую учрежденіе конституціи 3 мая; только пусть по всей картинѣ разрисуетъ цвѣты, которые по-нѣмецки называются *Vergies mein nicht...* Вы меня понимаете?» прибавилъ онъ съ улыбкою.

Въ октябрѣ Потемкинъ скончался. Польскіе патріоты въ ту пору считали его главнымъ врагомъ своимъ, потому что онъ давалъ пріютъ и надежды врагамъ конституціи, они радовались, что теперь имъ будетъ свободнѣе; самъ король надѣялся, что планы Щенскаго Потоцкаго и Ржевускаго будутъ лишены сильной поддержки; но смерть Потемкина не остановила помощи полякамъ-противникамъ конституціи, которую покойный обѣщалъ; она выдвинула въ Россіи людей, гораздо болѣе самого Потемкина неприязненныхъ конституціи 3-го мая и готовыхъ стереть съ лица

¹⁾ Русскій Архивъ 1836 года, № 1, стр. 78 — 86.

земли Рѣчи-Посподитую. Впрочемъ, все зависѣло отъ Екатерины и какіе бы то ни были у ней любимцы и государственные люди — всѣ они вели бы, хотя и съ различными приѣмами, польское дѣло къ одной цѣли, предназначенной Екатериною.

Для Польши оставалось выбрать что-нибудь одно изъ двухъ: или съ самобытными признаками быть въ зависимости отъ Россіи, или лишиться своего государственнаго существованія и подпасть раздѣлу между тремя державами. Въ началѣ 1792 года польскіе политики воображали, что они избавились перваго, и перестали бояться другою. Ихъ самолюбіе вознесено было оттого, что знаменитый въ то время англійскій ораторъ Беркъ съ похвакою отозвался о конституціи 3-го мая. Англичанинъ говорилъ правду, потому что зналъ ее только на бумагѣ, а польскаго общества, на котораго она написана, не зналъ. Среди упоенія, произведеннаго отзывомъ такой знаменитости, польскіе патриоты заранѣе предвидѣли неудачу своихъ противниковъ.

Между тѣмъ трехмѣсячный срокъ, данный Щенскому Помѣиному и Ржевускому для явки и произнесенія присяги на вѣрность конституціи, прошелъ и въ засѣданіи 27-го января король объявилъ, что Щенскій Потоцкій и Ржевускій не хотятъ являться и прислали письменные отвѣты. Письма ихъ были прочитаны. Потоцкій отвѣчалъ такъ: «Посольствѣ до сихъ поръ священный характеръ и никогда исполняемая власть не могла его принудить къ присягѣ, но, по изверженіи свободы, видно, можно уже его принуждать и навязывать присягу, хотя бы противную достоинству законодателя. (е вижу, такимъ образомъ, никакого средства защищаться и долженъ сознаться, что не могу присягнуть святотатственно и обѣять Богу то, на что мое сердце не соглашается. Могу сказать, что не нарушалъ своихъ обязанностей, въ числѣ которыхъ не счелъ конституціи 3-го мая. Богъ видитъ, что, по приказанію комиссіи, я всегда готовъ былъ проливать кровь свою за привлекеніе предковъ, но я теперь не хочу отречься отъ свободы, въ которой рожденъ и которую поклялся охранять кровью и жизнью, я хочу поддерживать той конституціи, которая отнимаетъ у отечества вольность и устанавливаетъ самовластіе. Если въ этомъ преступленіе, то я не перестану быть преступникомъ и моя вѣра въ вѣрность Рѣчи-Посподитой не можетъ быть уничтожена никакимъ насиліемъ: ей посвящаю и мой санъ, и имѣніе, и жизнь. Имѣйте такого соотечественника, если сердце ваше дозволяетъ любить его; карайте, лишите военнаго чина, я снесу даже личное оскорбленіе, все ради отечества, которое было прежде республикою и могло оставаться ею благополучно».

Отвѣтъ Ржевускаго былъ длиненъ и рѣзокъ; польный гетманъ до-казывалъ, что онъ совсѣмъ не нуженъ въ Варшавѣ: время предсѣдательства его въ военной комиссіи прошло; быть на сеймѣ въ качествѣ военнаго министра онъ не считаетъ умѣстнымъ: во-первыхъ, потому, что послѣ происшествія 3-го мая министръ уже ничего не значитъ; совѣта отъ него ожидать нечего, потому что его совѣта не послушаютъ; а присяги на вѣрность конституціи нельзя требовать потому, что свободный обыватель не обязанъ признавать добрымъ законъ, который, по его убѣжденію, не хорошъ. «Что это за конституція?—писалъ онъ—ее насильно дали Польшѣ уланы, коронная гвардія и варшавское мѣщанство, собранное въ Избу, заглушавшее свободный голосъ пословъ, угрожавшее смертью тому, кто осмѣлится говорить противъ нея. Эта конституція установлена десятою частью народа мимо девяти частей. Впрочемъ, зачѣмъ требовать присяги: если конституція полезна, то и присяга ей не нужна; народъ, зная свое благополучіе, приметъ ее и станетъ соблюдать, а если она вредна, то гражданинъ, или воинъ присягнетъ только изъ страха или по обману: и то и другое не составляетъ значенія присяги. Ваше величество изволили же присягать при вступленіи на престолъ, что не будете думать о наслѣдственномъ правленіи; если бы вы тогда не присягали въ этомъ смыслѣ, то не получили бы короны. Установленіе наслѣдственнаго и самодержавнаго правленія повлечетъ за собою раздѣлъ Польши. Сосѣднія державы не потерпятъ возникающаго у своихъ границъ государства съ такимъ правленіемъ и какъ только не найдутъ средства отвратить переворота, то приступать къ раздѣлу. Наслѣдственность есть гробъ Польши».

Открылось засѣданіе одно изъ бурныхъ. Нѣмцевичъ говоритъ: «Вотъ уже три мѣсяца, какъ генералъ артиллеріи Потоцкій и польный гетманъ Ржевускій находятся въ Яссахъ въ московскомъ станѣ. Первый — потомокъ славныхъ предковъ, достойно служившій въ началѣ отечеству; второй — сынъ почтеннаго отца, товарищъ отцовской неволи, оба скрываются теперь въ непріязненномъ для насъ войскѣ. Пусть посмотрятъ на нихъ великія тѣни Ходкевичей, Потоцкихъ, Любомирскихъ; войска, которыя они громили побѣдоноснымъ оружіемъ, сдѣлались для ихъ потомковъ приближенемъ. Вы въ нихъ посылали курьеровъ, вы говорили съ ними не такъ, какъ съ подчиненными лицами, а какъ съ равными себѣ государствами. Тронула ли ихъ ваша вротость, наяснѣйшіе чины? Нѣтъ, отвѣтъ Ржевускаго нагль и лживъ. Они возстаютъ на насъ, зачѣмъ мы воздвигли Польшу изъ униженія, оплакиваютъ утрату старопольской свободы: это была ихъ свобода, а не наша, свобода вельможъ, а не цѣлаго народа. Имъ

жалъ безкоролевія, потому что безъ него уже нельзя будетъ, путемъ разоренія страны, достигать почестей и богатствъ; имъ не нравится устроеніе сеймиковъ, потому что нельзя туда вести тысячами чиншовую шляхту, чтобъ не дать ходу добродѣтельнымъ, заслуженнымъ, но слабѣйшимъ гражданамъ; имъ досадо, что нельзя уже окружать надворнымъ войскомъ и пушками трибуны, срывать сеймы, подбирать партіи и устанавливать законы, возмущать страну иностранными интригами; занявши должности съ огромнымъ жалованьемъ, не исполнять своихъ обязанностей, шататься по странѣ и драться между собою, не слушая ни закона, ни власти. Вотъ какой старопольскій порядокъ они хотятъ возвратить; но мы до этого не допустимъ: кто захочетъ испровергнуть нашу конституцію, тотъ пройдетъ прежде по трунамъ нашимъ; древняя безледица мила надменнымъ людямъ, но всѣмъ стала ненавистна; въ настоящемъ порядкѣ всѣ классы видятъ свое счастье и безопасность... Эти паны смѣютъ ругаться надъ законными дѣйствіями сейма! Требую кары, строгой кары, неотлагательной кары: преступленіе явно; защищать преступниковъ невозможно. Этого требуетъ правосудіе, ваше достоинство и благо страны. Иначе, поступокъ Потоцкаго и Ржевускаго дастъ смѣлость другимъ; если предводители не слушаются предписаній, то всякій полковникъ, или маіоръ, на приказаніе военной коммисіи явиться, начнетъ отписываться, пришлетъ въ два листа диссертацию о наслѣдственномъ и избирательномъ правленіи и окончить ее заявленіями, что нане правленіе неугодно сосѣдямъ, что лучше раздѣлъ Польши, чѣмъ такая конституція и т. п. Тогда порвутся всѣ связи общества, всѣ стануть повелѣвать и никто не станетъ повиноваться. Наступитъ ужаснѣйшая анархія, а съ нею погибель самаго имени польскаго. Чтò васъ удерживаетъ? Неужели то, что у преступниковъ есть милліоны. До какихъ же поръ будутъ существовать въ Польшѣ эти привилегированные роды, которымъ все позволено дѣлать безнаказанно. Пора низвергнуть этихъ истукановъ и на ихъ мѣсто поставить божество равенства и свободы».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ подаль проектъ закона о лишеніи Потоцкаго и Ржевускаго ихъ должностей и о назначеніи новыхъ сановниковъ, вмѣсто низложенныхъ.

Примась, братъ короля, сознавая справедливость побужденій, руководившихъ Нѣмцевичемъ, доказывалъ, что королю приличнѣе въ этомъ случаѣ дѣйствовать милосердіемъ.

«Я буду защищать ихъ—сказалъ князь Четвертинскій.—Потоцкій и Ржевускій не мятежники и не измѣнники, они только просятъ, чтобы ихъ не принуждали къ присягѣ, которую не

могутъ произнести по совѣсти. Оба, какъ служащіе въ войскѣ, ни къ чему не обязаны: войны теперь нѣтъ, притомъ зимнее время — нѣтъ надобности имъ быть при войскѣ. Они сенаторы, но вѣдь нѣтъ закона, который бы обязывалъ сенаторовъ быть непремѣнно въ сенатѣ. Потоцкій не послушался предписанія войсковою комиссіи, но вѣдь онъ прежде всего посоль, а посоль можетъ не явиться присягать конституціи, которую не признаетъ; право свободнаго мышленія послу обезпечиваетъ законъ. Говорятъ, что онъ сторонникъ Москвы. Что же? Москва не объявляла себя нашимъ непріателемъ».

Другой противникъ 3-го мая, волынской посоль Загурскій говорилъ: «Ржевускій уѣхалъ для поправленія здоровья съ позволенія войсковою комиссіи. Чтѣ-жь тутъ дурного? Онъ писалъ протестацію за-границей: а что же, развѣ министръ или посоль, выѣхавши за-границу, не имѣетъ права заявлять свое мнѣніе о благѣ отечества? Имъ обомъ ставятъ въ вину, что они уѣхали въ Яссы. Что же? Потоцкій — для разговора съ покойнымъ княземъ Потемкинымъ о покушѣ имѣнія, а Ржевускій такъ, съ нимъ — для компаніи».

Ливскій посоль Кицинскій, сторонникъ проекта Нѣмцевича, представлялъ на видъ неравенство, по отношенію къ простымъ дворянамъ и знатнымъ родамъ. «За что — говорилъ онъ — гетманъ Ржевускій получилъ въ наслѣдственное владѣніе козельское староство. За то, что пять лѣтъ сидѣлъ въ неволѣ? А развѣ тысячи поляковъ не были въ неволѣ? Сто другихъ погниютъ въ кандалахъ, а имъ не дадутъ козельскаго староства. А за то, пусть шляхтичъ сдѣлаетъ преступленіе: съ него голову снимутъ, или въ тюрьмѣ пропадетъ; имѣніе у него все конфискуютъ; а пану будетъ ли тоже чтѣ шляхтичу? Нѣтъ, разумѣется нѣтъ. Церемонились ли бы вы такъ съ генераломъ Костюшкою, или съ Орловскимъ, если бы эти добродѣтельные и достойные люди оказали непослушаніе чальству? Можетъ ли убогіи шляхтичъ ожидать правосудія въ судѣ съ нашими магнатами, когда верховная власть, за нанесенное ей оскорбленіе, не въ силахъ имъ ничего сдѣлать?»

Казимиръ - Несторъ Сапѣга, самъ важный панъ, не смѣлъ рѣзко ополчаться противъ могучихъ пановъ; онъ говорилъ длинную рѣчь, стараясь угодить обѣимъ сторонамъ и, по обыкновенію, не сказалъ ничего положительнаго и яснаго, а распространялся только надъ тѣмъ, что Борзь хвалилъ польскую конституцію, особенно за то, что при ея обнародованіи не было ни грабежей, ни конфискацій, ни арестовъ.

Говорилъ рѣчи король, склоняя сеймъ выбрать не слишкомъ строгій путь.

Краковскій посолъ Солтыкъ подалъ проектъ—назначить еще мѣсяць сроку эмигрантамъ для возвращенія въ отечество.

При явномъ собраніи голосовъ, за проектомъ Нѣмцевича оказалось 37 голосовъ, а за проектомъ Солтыва 59; при секретной же подачѣ оказалось за Нѣмцевичемъ 51, за Солтывомъ 43. Проектъ Нѣмцевича былъ принятъ: Щенскій Потоцкій и Ржевускій объявлены лишенными своихъ должностей.

Послѣ этого засѣданія сеймъ закрылся до 15 марта. Отдыхъ былъ необходимъ, потому что послы до того утомились, что въ иное засѣданіе приходило не болѣе 60 человекъ.

Гетманъ Браницкій долго притворялся ревностнымъ сторонникомъ 3-го мая, тайно толкуя съ Булгаковымъ о способахъ ниспровергнуть конституцію. Когда, по его соображеніямъ, дѣло значительно созрѣло, онъ сталъ проситься въ Россію. Смерть Потемкина послужила ему предлогомъ: онъ говорилъ, что ему нужно получить тамъ наслѣдство. Его не пускали; но Булгаковъ представлялъ примасу и Хребтовичу, что императрица будетъ считать это для себя оскорбленіемъ, а у ней 200,000 готоваго войска. Браницкій, во время преній о Потоцкомъ и Ржевускомъ, порицалъ ихъ, величалъ конституцію и съ жаромъ говорилъ о своей преданности отечеству. По закрытіи сейма онъ, при покровительствѣ Булгакова, былъ отпущенъ въ Петербургъ на три мѣсяца. Письмо къ королю объ отпускѣ достойно замѣчанія; оно вѣрно обрисовываетъ личность писавшаго:

«Милостивый король! Между рѣдкими качествами, которыми надѣлило васъ Провидѣніе, столько, сколько человекъ вмѣстить можетъ, первое мѣсто занимаетъ сердечная доброта и великодушіе. Желая видѣть страну счастливою, вашему величеству конечно пріятно даровать счастье и каждому обывателю. Недозволеніе ѣхать въ Россію я могу только приписать недовѣрію и, будучи невиненъ, не могу себѣ этого объяснить. Ваше величество имѣли много доказательствъ моей вѣрности въ продолженіи моей жизни, а по отношенію къ конституціи—самое болѣе доказательство есть то, что я присяжннй министръ въ Стражѣ. Увѣряю васъ честнымъ словомъ, что мое путешествіе не имѣетъ другой цѣли, кромѣ пользы моихъ дѣтей и я возвращусь въ отечество съ незапятнанной вѣрностью».

Съ него взяли подписку въ вѣрности конституціи 3-го мая. Въ мартѣ онъ уѣхалъ въ Петербургъ губить эту конституцію.

Н. Бостомаровъ.

Г-ЖА КРЮДНЕРЪ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Имя баронессы Крюднеръ довольно извѣстно всѣмъ, это знакомъ съ исторіей царствованія императора Александра. Эта личность играетъ характеристическую роль именно въ тотъ критическій періодъ времени, когда въ идеяхъ императора, а затѣмъ и въ характерѣ его дѣятельности и правленія совершился переломъ, довольно рѣзко раздѣлившій двѣ половины царствованія двумя различными направленіями. Именно въ это время баронесса Крюднеръ пользовалась вниманіемъ императора, и оказала на него извѣстное вліяніе, любопытное въ историческомъ смыслѣ. Мы не хотимъ преувеличивать этого вліянія, — хотя одно время оно выражалось очень рельефно и рѣзко, — мы склонны скорѣе считать явленіе г-жи Крюднеръ случайностью, которая могла бы отсутствовать, не измѣнивъ хода вещей, могла бы быть замѣнена чѣмъ-нибудь другимъ подобнымъ; но во всякомъ случаѣ, въ этой личности и въ ея отношеніи къ событіямъ весьма ясно сказался историческій духъ времени, такъ что въ ней мы имѣемъ наглядный образчикъ мистическихъ тенденцій эпохи.

Несмотря на этотъ интересъ исторіи г-жи Крюднеръ, въ русской литературѣ до сихъ поръ очень мало извѣстны подробности ея біографіи; мы желали бы въ настоящемъ случаѣ восполнить этотъ недостатокъ по тѣмъ матеріаламъ, каковыхъ значительное количество уже извѣстно въ литературѣ иностранной. Книга Эйнара ¹⁾ представляетъ наиболѣе біографическихъ свѣдѣній о г-жѣ Крюднеръ, и несмотря на свою тенденцію, можетъ служить важнымъ источникомъ. Предположивъ написать біографію

¹⁾ Vie de madame de Krudener, par Charles Eynard, 2 vol. Paris, 1843.

г-жи Крюднеръ, Эйнаръ старательно собиралъ свѣдѣнія въ книгахъ, журналахъ, вступа въ сношенія съ лицами, которыя знали г-жу Крюднеръ, были ея друзьями, собиралъ ея переписку и т. д., и благодаря этому могъ во многихъ случаяхъ указывать точности или положительныя ошибки прежнихъ ея биографовъ. Для исторіи религіознаго развитія г-жи Крюднеръ, составляющаго для насъ главный интересъ ея биографіи, книга Эйнара даетъ тѣмъ болѣе любопытныя данныя, что самъ авторъ вполне сочувствуетъ идеямъ своей героини, и хотя иногда указываетъ въ ея дѣяніяхъ нѣкоторыя ошибки, но вообще является самымъ ревностнымъ ея апологистомъ. Такимъ образомъ, мы можемъ вполне найти здѣсь *одну* сторону дѣла — изображеніе и защиту г-жи Крюднеръ въ смыслѣ ея поклонниковъ. Если мы прибавимъ, что книга Эйнара посвящена г-дамъ де-Фаллу (извѣстному другу г-жи Свѣчиной, и благочестивому католическому писателю) и Рессеге, это еще объяснитъ точку зрѣнія Эйнара. — Но отдѣливъ это исключительное освѣщеніе, мы встрѣтимъ въ книгѣ Эйнара много любопытныхъ данныхъ: собранныя имъ черты доставятъ довольно матеріала для характеристики г-жи Крюднеръ, хотя эта характеристика въ концѣ концовъ не совсѣмъ будетъ соответствовать планамъ ея панегириста. Къ фактамъ, сообщаемымъ у Эйнара, мы присоединимъ свѣдѣнія, доставляемыя нѣкоторыми другими источниками — разказами ея современниковъ и ея собственными писаніями ¹⁾.

I.

Молодость г-жи Крюднеръ.

Г-жа Крюднеръ была урожденная Фитингофъ. Эта извѣстная остзейская фамилія доставила въ XIV—XV столѣтіи двухъ гротмейстеровъ тевтонскому ордену, но потомъ пришла въ упадокъ и поднялась снова уже въ XVIII столѣтіи, когда одинъ изъ ея представителей, именно отецъ г-жи Крюднеръ, человѣкъ съ большою практической энергіей, приобрѣлъ обширное состояніе промышленными предпріятіями. Онъ имѣлъ домъ въ Петербургѣ, богатый домъ въ Ригѣ, гдѣ у него былъ свой театръ, который

¹⁾ Указаніе сочиненій г-жи Крюднеръ и того, что было писано о ней въ прежнее время, см. въ Allgem. Schriftsteller- und Gelehrten Lexikon der Provinzen Livland, Estland u. Kurland, von Becke und Napiersky. Mitau. 1827—32. II, 553—558. — Другіе матеріалы мы укажемъ дальше.

онъ продалъ потомъ городу, и часть земель въ Фландіи; подъ конецъ онъ былъ тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ. Фитингофъ женился на послѣдней дочери ерцмагистра Миниха; у нихъ было нѣсколько дѣтей; изъ двухъ сыновей, одинъ умеръ въ дѣтствѣ, другой былъ Борисъ Ив. Фитингофъ, въ послѣдствіи одинъ изъ усердныхъ членовъ Библейскаго Общества.

Варвара-Юлія Фитингофъ, въ послѣдствіи баронесса Крюднеръ, родилась 21-го ноября 1764. По обычаю, она воспитана была на свѣтскій манеръ, съ дѣтства владѣла французскимъ языкомъ, но вообще ея образованіе было очень небрежное. Въ 1777 Фитингофы отправились за границу; они прожили нѣсколько времени на водахъ въ Спа, гдѣ былъ тогда модный сборный пунктъ европейской аристократіи; молодая Фитингофъ — не очень красивая, но съ выразительной фізіономіей, — тогда уже обращала на себя вниманіе какъ богатая наслѣдница. Изъ Спа на зиму Фитингофы отправились въ Парижъ. «Ливонская аристократія вообще мало интересовалась литературными талантами», замѣчаетъ биографъ г-жи Крюднеръ, и отвергаетъ извѣстіе, будто бы молодая дѣвушка уже въ это время видѣла въ домѣ отца тогдашнія французскія знаменитости, напр. Бюффона, д'Аламбера, Дидро, Гримма и испытывала ихъ вліаніе; быть можетъ, говоритъ Эйнаръ, когда-нибудь они и были приглашены, въ подражаніе модѣ салоновъ, но дѣвица Фитингофъ не извлекла отсюда ничего для своего развитія. Единственнымъ учителемъ ея былъ здѣсь знаменитый танцоръ Вестрисъ; притомъ она была еще ребенокъ. Общество Фитингофовъ состояло исключительно изъ придворной свѣтской аристократіи. Весной слѣдующаго года Фитингофы отправились въ Англію, и проживъ тамъ нѣсколько времени у своихъ знакомыхъ, пріобрѣтенныхъ въ Спа, вернулись въ Ригу. Образованіе дѣвушки осталось на рукахъ обыкновенной французской гувернантки, которая учила ее хорошимъ манерамъ.

Восемнадцати лѣтъ она вышла замужъ за барона Крюднера. Онъ былъ старше ея двадцатью годами. Получивъ прочное образованіе въ Лейпцигскомъ университетѣ, онъ вступилъ на дипломатическое поприще, и состоялъ при Штабельбергѣ, сначала въ Испаніи, потомъ въ Варшавѣ. Проживъ нѣсколько времени въ Парижѣ, онъ завязалъ дружескія отношенія съ Руссо; теперь онъ былъ русскимъ министромъ въ Курляндіи, имѣя деликатную миссію приготовить сліаніе ея съ имперіей. Онъ уже былъ жевать, но развелся съ первой женой, отъ которой у него осталась дочь.

Молодая Фитингофъ, кажется, вступила въ бракъ безъ особенно пылкаго чувства къ барону, но ей нравилась, конечно, перспектива блестящаго положенія въ обществѣ и жизни, обѣ-

щавшей длинный рядъ разнообразныхъ удовольствій. Баронъ Крюднеръ скоро увидѣлъ недостатки ея образованія и старался по возможности восполнить его прорѣхи — давая ей читать «избранные романы»; у нихъ устраивался домашній театръ и т. п. Первое время они жили, кажется, благополучно въ средѣ своей родни; въ началѣ 1784 у нихъ родился сынъ. Вскорѣ баронъ Крюднеръ назначенъ былъ посланникомъ въ Венецію. Жизнь въ Венеціи была опять рядомъ забавъ и удовольствій; г-жа Крюднеръ сохраняла привязанность къ мужу, достоинства котораго повидимому очень цѣнила; тѣмъ не менѣе, уже въ это время, послѣ трехъ-четырехъ лѣтъ замужества, отношенія стали измѣняться. Въ ней стала обнаруживаться сильнѣе страстная натура; ея безпокойные сантиментальные порывы мало встрѣчали отвѣта въ серьезности барона Крюднера, слишкомъ занятаго заботами своего дипломатическаго положенія. Разница лѣтъ начала сказываться, и г-жа Крюднеръ охладѣвала къ мужу. Еще въ Венеціи, въ ихъ домѣ былъ дружески принятъ одинъ молодой человѣкъ, секретарь посольства; уваженіе и любовь къ барону Крюднеру сблизили его съ г-жей Крюднеръ, еще сохранявшей къ мужу нѣжную привязанность, но потомъ къ этому дружескому присоединилось болѣе нѣжное чувство со стороны молодого человѣка, который однако скрывалъ свою страсть; наконецъ когда это стало превышать его силы, онъ добровольно удалился. Мы упоминаемъ объ этомъ эпизодѣ потому, что на немъ основанъ романъ г-жи Крюднеръ «Валерія», о которомъ мы упомянемъ дальше.

Черезъ полтора года (1786) баронъ Крюднеръ былъ назначенъ посланникомъ въ Копенгагенъ. Его предшественникъ Скавронскій жилъ съ большою роскошью, и Крюднеру надо было поддерживать этотъ блескъ, тѣмъ болѣе еще, что когда Россія объявила войну Швеціи, ему нужно было принимать каждадневно къ столу офицеровъ русскаго флота, сходявшихъ на берегъ. Жизнь баронессы пошла какъ въ Венеціи въ свѣтскихъ развлеченияхъ, балахъ и домашнихъ театрахъ; не была забыта и литература: читали Мармонтеля, Бернардена де Сенъ-Пьера. Свѣтская жизнь оказывала свое дѣйствіе. «Приобрѣтая новыя средства правиться, — говоритъ деликатный біографъ, — увеличивая развитіемъ, увлекательность своего ума, г-жа Крюднеръ нечувствительно теряла свое наивное и граціозное незнаніе (*sa naïve et gracieuse ignorance*). Сама того не замѣчая, она жертвовала жеманію быть пріятной всѣмъ, — то, что помогло ей покорить одного», etc. Самъ ея упомянутый поклонникъ находилъ, что ея кокетство и страсть къ развлечениямъ «не отвѣчали обязанностямъ жены и матери», и въ это-то время рѣшился удалиться. Послѣ своего отъ-

дѣда, онъ написалъ барону Крюднеру письмо, въ которомъ высказалъ причину своего удаленія. Крюднеръ показалъ письмо женѣ: онъ думалъ, что это произведетъ на нее полезное дѣйствіе. Но онъ ошибся: она увидѣла, что потеряла въ этомъ поклонникѣ тотъ идеалъ нѣжной страсти, котораго потребность она чувствовала, и теперь стала отыскивать тотъ же идеалъ между другими. Свѣтскій шумъ началъ утомлять ее; она скучала такъ, что это отражалось на ея здоровьи. Рѣшено было, что она отправится въ южную Францію.

Она отправилась въ путь; съ ней были и двое ея маленькихъ дѣтей. По дорогѣ она провела нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ. Это было именно въ 1789. Въ обществѣ носились новыя идеи, возвышенныя надежды и ожиданія, но все это кажется не произвело на г-жу Крюднеръ особеннаго впечатлѣнія.

Биографъ ея говоритъ, что парижская жизнь была новымъ фазисомъ ея развитія, что, какъ въ Венеціи заговорило ея сердце, въ Копенгагенѣ проснулось свѣтское тщеславіе, — такъ теперь въ Парижѣ началъ предъявлять свои права умъ. Но предъявленіе было покамѣстъ не велико. Она должна была замѣтить, что остается чужда интересамъ общества, въ которое теперь попала, и старалась дополнить свое литературное образованіе. Она читала «Путешествіе молодого Анахарсиса», Бартеlemi, тогда только что вышедшее, и свела дружбу съ Бернарденомъ де Сень-Пьеромъ, который «принялъ ее съ восторгомъ въ память ея дѣда». Дѣло въ томъ, что Бернарденъ де Сень-Пьеръ былъ въ молодости большою авантюристъ; между прочимъ, онъ искалъ счастья и въ Россіи; въ шестидесятыхъ годахъ онъ былъ въ русской службѣ инженеромъ подъ начальствомъ Миниха. Бернарденъ де Сень-Пьеръ привѣтствовалъ революцію съ энтузіазмомъ, который раздѣляло тогда много достойныхъ людей, настроенныхъ на идеальныя ожиданія. Мы упоминали, что въ г-жѣ Крюднеръ это не нашло отголоска; вопросы, о которыхъ шло дѣло, были слишкомъ чужды и вѣроятно даже мало понятны свѣтской женщинѣ — какъ бы она ни была умна — и у которой притомъ на первомъ планѣ стояла личная потребность въ развлеченіяхъ. Одна черта тогдашней жизни и литературы пристала къ ней, кажется, крѣпко, и въ разныхъ формахъ сохранилась потомъ на всю ея жизнь. Это — преувеличенная сентиментальность и мечтательная эзальтация, задатки которой были впрочемъ ея врожденнымъ свойствомъ. Ей воображалось тогда, что «она любитъ только простыя и естественныя удовольствія, мирныхъ друзей, ровную жизнь, любитъ только то, что любили лучшіе изъ людей, изучаетъ жизнь достойныхъ людей, чтобы подражать имъ въ собственной жизни»;

любить только природу и себя самое — въ томъ порядкѣ, какой она установила». Въ другомъ мѣстѣ она говоритъ: «я ощущала потребность *быть почувствованной* (j'avais besoin d'être sentie), и среди роскоши и суетныхъ удовольствій, развлекавшихъ меня въ Копенгагенѣ, я оставалась проста и истинна, и всегда *близка къ природѣ*». Эта близкая къ природѣ женщина, оставившая Копенгагенъ также для экономіи, чтобы не держать открытаго дома, въ три мѣсяца своей жизни въ Парижѣ должна была заплатить своей модисткѣ двадцать тысячъ франковъ.

Изъ Парижа она отправилась въ южную Францію, на воды въ Пиренеяхъ; болѣзни повидимому ее оставили, потому что она весело жила въ кружкѣ нѣсколькихъ лицъ изъ французской и русской аристократіи. «Букетъ священныхъ привязанностей и суровыхъ обязанностей мало-по-малу развязался въ этой душѣ при дуновеніи испорченнаго свѣта. Чистоты мыслей уже не было здѣсь, чтобы гарантировать чистоту чувствъ, и соблазны нѣжности, очарованія лести обезоружили г-жу Крюднеръ», рассказываетъ опять галантерейный біографъ. Другими словами, въ это время у нея завязались нѣжныя отношенія съ французскимъ графомъ Фрежвиллемъ. Ей нужно было ѣхать въ Копенгагенъ, но она осталась въ Парижѣ, пока должна была покинуть его по необходимости. Произошло извѣстное бѣгство короля. Г-жа Крюднеръ была знакома съ г-жей Корфъ, которая отдала свой паспортъ для путешествія королевской семьѣ¹⁾, и когда король былъ остановленъ и возвращенъ въ Парижъ, г-жа Крюднеръ опасалась, что преслѣдованіе и подозрѣніе могутъ пасть и на нее. Вмѣстѣ съ тѣмъ Фрежвилля потребовали въ его пользу. Г-жа Крюднеръ выѣхала изъ Парижа, и графъ, сопровождавшій ее, эмигрировалъ переодѣвшись лакеемъ. Когда она встрѣтилась съ мужемъ, онъ былъ опечаленъ этой исторіей, но предоставилъ ей отправиться къ роднымъ въ Ригу. Фрежвиль разстался съ ней въ Берлинѣ.

Г-жа Крюднеръ, конечно, скучала; она искала утѣшенія въ религіозныхъ размышленіяхъ, въ уединеніи и развлекалась чувствительными мечтаніями. Она вознамѣрилась впредь жить для своихъ дѣтей и «украсить жизнь» своего мужа; въ то же время въ письмахъ въ своему другу, г-жѣ Арманъ (прежней гувернанткѣ ея падчерицы), жившей въ Швейцаріи, она мечтала о томъ, какъ онѣ поселятся вмѣстѣ, въ простой сельской обстановкѣ, будутъ «трудиться какъ поселанки, дѣлать добро, съ самоотверженіемъ переносить тягости жизни, и всегда благослов-

¹⁾ Eynard, I, 48. «Р. Архивъ» напечаталъ недавно нѣкоторыя подробности объ этой г-жѣ Корфъ.

лять благодѣтельнаго Творца природы за то, что онъ имъ послать» (1792).

Въ 1792 Крюднеры жили въ одно время въ Петербургѣ, но врозь; они имѣли конечно общихъ знакомыхъ. Однажды г-жа Крюднеръ услышала, что мужъ ея, дѣла котораго были разстроены, очень озабоченъ тѣмъ, чтобы возвратить ей ея приданое. На другой же день она отправилась къ нему и между ними произошло трогательное примиреніе. «Желаніе загладить свою ошибку, сожалѣніе, что она разлучена съ сыномъ (который жилъ у отца), имѣли большую долю въ рѣшеніи г-жи Крюднеръ возвратиться въ семью, но мы не удивимся, если ея *самолюбіе* находило нѣкоторое удовлетвореніе въ благородномъ порывѣ, который побудилъ ее признать свою ошибку», — такъ говоритъ даже ея почитатель. Но прежнія отношенія все-таки не могли возвратиться; г-жа Крюднеръ отказывалась появиться въ Копенгагенѣ, и дѣло ограничилось тѣмъ, что они вмѣстѣ доѣхали до Берлина и нѣсколько времени остались тамъ, затѣмъ г-жа Крюднеръ начала свою прежнюю жизнь. «Когда здоровье ея поправилось, потребность въ сильныхъ ощущеніяхъ, свѣтъ и рядъ его нравственныхъ немщей снова взяли всю свою силу надъ г-жей Крюднеръ». Она странствовала по разнымъ мѣстамъ Германіи, въ концѣ 1794 вернулась опять въ свое помѣстье въ Лифляндіи, доставшееся ей по смерти ея отца, гдѣ между прочимъ пробовала филантропію съ своими крестьянами, потомъ снова отправилась за границу, и снова забывъ свои благоразумные планы уединенной добродѣтельной жизни, вела въ Швейцаріи прежнюю свѣтскую разсѣянную жизнь, наконецъ встрѣтилась опять съ мужемъ и опять приняла благое рѣшеніе возвратиться въ домашнимъ пенатамъ. Баронъ Крюднеръ былъ тогда (около 1800) посланникомъ въ Берлинѣ.

Но она мало принесла спокойствія и пользы въ домашнюю и официальную жизнь барона Крюднера. По своему положенію онъ долженъ былъ вести извѣстную открытую жизнь, и г-жа Крюднеръ прежде всего должна была бы понять это, если она сколько-нибудь хотѣла «удовлетворить требованіямъ своего положенія». Но официальные приемы и визиты, представленія ко двору наскучили ей, и она своими капризами и причудами безпрестанно ставила мужа въ самыя неловкія положенія. Въ письмахъ къ своей пріятельницѣ, г-жѣ Арманъ, она жалуется на свою бѣдственную жизнь: «*Vous savez combien la gêne m'est funeste. Je regretterai toujours l'état le plus médiocre... au brillant esclavage des cours... J'ai eu des moments affreux et de poignants regrets d'avoir assujetti ma vie à un semblable*

supplices, mais la religion m'a sauvé; elle a séché les larmes amères que je versais en secret: elle m'a présenté le charme secret des sacrifices pénibles» и проч. Но на дѣлѣ происходило совсѣмъ не то. «У себя дома она бывала иногда увлекательна, — рассказываетъ биографъ, — на дипломатическихъ обѣдахъ она раскрывала всю грацію своего ума. Ея оригинальный разговоръ, полный удачнымъ остроуміемъ и находчивостью, возбуждалъ общій интересъ; но едва мужъ ея усаживался за игру, она вознаграждала себя за любезность, ложилась на софу и вполне отдавалась дурному расположенію духа, которое производили въ ней скучный для нея Берлинъ и его жители. Это неблагоприятное поведеніе справедливо имѣть не нравилось, на нерасположеніе они отвѣчали тѣмъ же, и это не было особенно полезно для дѣлъ посольства».

Иными словами, она несносно капризничала, и ея религія, на которую она ссылалась, была совершенно плоха и ни отъ чего ее не спасала: она была избалована, и прежняя жизнь конечно мало способна была воспитать ее для «тяжкихъ жертвъ», которыми она хвалилась и которыхъ совсѣмъ не приносила.

Дурное расположеніе духа начинало усиливаться и тѣмъ, что время оказывало свое дѣйствіе на ея красоту. «Ей хотѣлось бы остаться молодой, и съ этой цѣлью она изобрѣтала моды болѣе оригинальныя и странныя чѣмъ красивыя и граціозныя, которыя всѣмъ бросались въ глаза, не нравясь никому. Не умѣя довольствоваться тѣмъ, чтобы быть доброй, умной и любезной женщиной, она искала утѣшеній въ прошедшемъ, столь исполненномъ для нея прелестью и сожалѣніями, и любила окружать себя людьми, которые могли напоминать ей это прошедшее» etc. Она все еще имѣла поклонниковъ, но потеряла уже прежнюю «простоту и тонкость вкуса», которыя отличали ее десять лѣтъ назадъ. Все это конечно не способствовало мирному расположенію духа и домашнему счастью. Но г-жѣ Крюднеръ казалось, что она чрезвычайно помогла своему мужу даже въ дипломатическихъ дѣлахъ. Въ это время баронъ Крюднеръ очутился однажды въ весьма затруднительномъ положеніи: императоръ Павелъ внезапно прислалъ ему повелѣніе объявить немедленно Пруссіи войну. Повелѣніе получено было какъ разъ во время бала, который давало русское посольство и гдѣ былъ самъ король. Крюднеръ затруднился исполнить повелѣніе, совершенно противорѣчившее его собственнымъ понятіямъ о положеніи вещей, и рѣшился не исполнить его на свой рискъ — объяснивши императору всѣ свои основанія. Нѣсколько времени онъ провелъ въ мучительной неизвѣстности, пока наконецъ пришелъ отвѣтъ изъ Петербурга; оказалось,

что императоръ одумался; онъ остался доволенъ поступкомъ Крюднера и осыпалъ его наградами. Понятно, что баронъ Крюднеръ держалъ это дѣло въ величайшей тайнѣ, и по дипломатическимъ, и чисто личнымъ причинамъ, — онъ разсказалъ своей дочери эту исторію только по смерти Павла.

Г-жа Крюднеръ «была такъ *ославлена на свой счетъ* — говорить біографъ — что когда милости полились на ея мужа, она съ непонятнымъ тщеславіемъ воображала, что она не была чужда этому благополучію». Она писала въ это время своей пріятельницѣ: «сказать ли вамъ — въ смиреніи моего сердца, потому что, вы знаете, у меня нѣтъ гордости, и можетъ ли имѣть ее христіанинъ? — я думаю, что Богъ хотѣлъ благословить моего мужа съ тѣхъ поръ, какъ я вернулась къ нему. Онъ осыпанъ всевозможными милостями и наградами. Почему не подумать, что благочестивое сердце, которое съ простодушіемъ и вѣрой проситъ небо содѣйствовать счастью другого, не достигаетъ этого?»

Г-жа Крюднеръ за это время еще далеко не была тѣмъ, чѣмъ она стала послѣ; но въ чертахъ ея характера, въ ея мнѣніяхъ, и привычкахъ отчасти уже проглядываютъ черты, крайне развитіе которыхъ составило ея фізіономію впоследствии. Она уже въ это время обращается къ религіи, но эти обращенія были очень странны; ея религія слишкомъ близко стоитъ къ ея свѣтской жизни и ея домашнимъ дѣламъ: она слишкомъ легко усматриваетъ дѣйствіе молитвы въ чинахъ и орденахъ своего мужа и въ устройствѣ ея личныхъ дѣлъ. Она уже съ этого времени рекомендуетъ своей пріятельницѣ: «Ah, remerciez le Ciel de m'avoir donné de la religion», и ей кажется, что Провидѣніе въ особенности слѣдитъ за ней и именно ею интересуется.

Эта ея религія и добродѣтель не помѣшали ей опять бросить мужа, которому ея присутствіе по ея мнѣнію приносило такіе благословенія неба. Она отправилась на воды въ Теплицъ, гдѣ проводила время въ свѣтскихъ развлеченіяхъ. Когда сезонъ кончился, она — вмѣсто Берлина, куда ждалъ ее Крюднеръ, — отправилась въ Швейцарію: правда, она хотѣла спроситься его мнѣнія, но потомъ не нашла нужнымъ ждать его отвѣта. Она получила этотъ отвѣтъ, когда была уже въ Швейцаріи: Крюднеръ серьезно огорчался новой разлукой и не столько за себя, сколько за дѣтей, которымъ приходилось жить врозь; онъ желалъ, чтобы она прислала дѣтей въ Берлинъ; его старшую дочь (отъ первой жены) г-жа Крюднеръ увезла съ собой.

Въ Швейцаріи она проводила время въ обществѣ г-жи Сталъ и имѣла нѣкоторый успѣхъ въ этомъ кружкѣ: ея свѣтская на-

ходчивость и подвижной умъ совершенно подходили къ характеру этой котеріи, гдѣ сохранялись вкусы старыхъ салоновъ прошлаго столѣтія. Г-жа Крюднеръ не могла конечно равняться съ г-жей Сталь своими литературными свѣдѣніями, которыя были гораздо ограниченнѣе; но она нашла здѣсь новый интересъ, который потомъ завелъ и ее въ литературу. Изъ Швейцаріи она перѣехала въ Парижъ. Здѣсь таже г-жа Сталь познакомила ее съ Шатобрианомъ, который сталъ частымъ ея посѣтителемъ. Шатобрианъ былъ моднымъ человѣкомъ въ то время: именно тогда появился «Духъ христіанства», произведшій такое сильное впечатлѣніе; г-жа Крюднеръ была очень польщена тѣмъ, что Шатобрианъ далъ ей первый экземпляръ своей книги, за нѣсколько дней до ея выхода въ свѣтъ.

Свѣтская жизнь продолжалась по прежнему. «Ея салонъ — рассказываетъ біографъ — часто посѣщали нѣсколько избранныхъ друзей, но часто таже и свѣтскіе люди, единственной рекомендаціей которыхъ были внѣшнія качества.... Г-жа Крюднеръ, уступая влеченіямъ сердца, вновь отдалась преходящимъ удовольствіямъ свѣта. Это сердце, которое такъ часто разочаровывалось обманчивыми свѣтскими привязанностями, почувствовало, что въ немъ, изъ самыхъ обломковъ его жизни, пробуждается та потребность любить, привязаться и страдать, которую она считала утѣхой», и т. д.

Въ Парижѣ она узнала о смерти барона Крюднера (въ іюнѣ 1802); она все еще собиралась выбрать время — «уладить его жизнь, облегчить бремя лѣтъ своей нѣжностью, заставить его забыть долгое одиночество, въ которомъ онъ жилъ»; по словамъ біографа, это было ея мечтой, — которую она однако не торопилась исполнить. Эта смерть должна была напомнить ей много несправедливостей и ошибокъ, ею сдѣланныхъ, — но кажется впечатлѣніе скоро изгладилось.

II.

Литературные труды. — «Валерія».

Г-жа Крюднеръ возымѣла литературныя наклонности еще до 1800; однажды при ней хвалили извѣстныя «максимы» Ла-Рошфуко, она замѣтила, что нѣтъ ничего легче какъ составлять подобныя изреченія, и стала импровизировать ихъ. Эти «максимы» составили цѣлую тетрадь, которая и была нѣсколько разъ издана подъ заглавіемъ: «Pensées d'une Dame Etrangère» или

«Pensées inédites de Madame de Krüdener». Въ то же время, кажется еще въ Берлинѣ, она задумала и начала писать романъ, который сталъ потомъ ея главнымъ правомъ на литературную известность («Валерія»). Эти вкусы ея развились въ особенности въ то время, когда она свела знакомство съ литературными знаменитостями какъ г-жа Сталь, Шатобрианъ и др. Она ревностно принялась писать: до окончанія Валеріи она уже написала пьесы «Eliza», «Alexis» и «La Cabane de Lataniers». Это были пасторали во вкусѣ Бернардена де Сенъ-Пьера, въ томъ сантиментальномъ вкусѣ, который особенно легко поддавался подражанію и для котораго легкой фразы и нѣсколько воображенія стало потомъ совершенно достаточно. Нѣкоторые изъ ея друзей подшучивали надъ ея исторіями, въ которыхъ она гонялась за внѣшней эффектною и звонкой фразой. По крайней мѣрѣ она оставила «Cabane des Lataniers» и стала отдѣлывать «Валерію».

Жизнь г-жи Крюднеръ до сихъ поръ представляла не много содержанія, и трудно было бы предполагать, чтобы она имѣла многое сказать въ тѣхъ произведеніяхъ, какія она приготовляла. Самъ пристрастный къ ней біографъ объясняетъ ея литературныя побужденія такимъ образомъ:

«Несмотря на то, что попеченія ея доктора возвратили ей здоровье и свѣжесть, она знала, что уже не долго сохранится привлекательность молодости (ей было около 38 лѣтъ) и она хотѣла приобрести себѣ болѣе прочныя преимущества, сдѣлавши себѣ имя въ литературѣ. Съ этой цѣлью «Валерія» была подвергнута критикѣ многихъ людей со вкусомъ, была старательно пересмотрѣна и исправлена» и т. д. Такимъ образомъ, побужденіемъ ея было не внутренняя потребность высказаться, а чистое самолюбіе, желаніе какимъ-нибудь образомъ играть въ обществѣ роль, которая прежде основывалась исключительно на ея свѣтскихъ достоинствахъ, начинавшихъ теперь измѣнять ей. Мы упоминали, какъ это самолюбіе должно было еще болѣе возбуждаться въ кружкѣ литературныхъ знаменитостей, которыхъ она видѣла въ Парижѣ.

Авторское самолюбіе есть слишвомъ обыкновенная вещь, чтобы изъ него можно было сдѣлать особый упрекъ; оно можетъ соединяться съ дѣйствительнымъ талантомъ и не мѣшать глубинѣ и достоинству самыхъ произведеній; первымъ и главнымъ основаніемъ для сужденія о писателѣ все-таки должны оставаться самыя произведенія. Но въ настоящемъ случаѣ это самолюбіе дѣйствовало особенно рѣзко. Г-жа Крюднеръ была конечно убѣждена, что «у нея нѣтъ гордости» — «да и можетъ ли она быть у христіанина?» — но въ этихъ литературныхъ затѣяхъ ея са-

молюбіе принимало такіе размѣры, что его кажется нельзя не принять въ соображеніе и при оцѣнкѣ самыхъ произведеній.

Слѣдующія ниже подробности передаетъ самъ ея поклонникъ Эйнаръ, который не скрываетъ ихъ — для того, чтобы показать въ послѣдствіи, что это тщеславіе г-жи Крюднеръ, какъ и другіе ея недостатки были потомъ блистательно искуплены ея религиозными подвигами. Мы увидимъ дальше, насколько г-жа Крюднеръ въ послѣдствіи была свободна отъ тщеславія, и здѣсь пока замѣтимъ, что, напротивъ, это качество г-жи Крюднеръ принадлежало не только ея грѣховному періоду, какъ думаетъ Эйнаръ, но и всей дальнѣйшей ея дѣятельности: оно было принадлежностью всего ея характера.

Исправляя и обдѣлывая всячески свой романъ, г-жа Крюднеръ — рассказываетъ біографъ — «не упускала изъ виду, что успѣхъ имѣетъ другіе элементы кромѣ достоинства произведенія, а она слишкомъ желала успѣха, и потому желала обезпечить его *всѣми возможными средствами*. Не имѣя возможности эксплуатировать, такъ какъ ей хотѣлось, въ пользу своего авторскаго самолюбія свои безчисленные знакомства и своихъ друзей, старыхъ и новыхъ, она выбрала изъ ихъ числа преданныхъ восхвалителей (*grondeurs*) и патроновъ, которые должны были помогать ей своимъ усердіемъ.... Г-жа Крюднеръ поняла, что для того, чтобы имѣть успѣхъ, надо быть въ Парижѣ (она жила въ это время въ Лионѣ, гдѣ рассчитывала отдать выгодно замужъ свою падчерицу), и пылала нетерпѣніемъ возвратиться туда; но она хотѣла, чтобъ ее звали, желали, ожидали туда, и потому пущено было въ ходъ все, чтобы создать въ парижскомъ обществѣ эту потребность въ ея лицѣ или по крайней мѣрѣ заставить думать, что эта потребность существуетъ»....

Для этого дѣлается между прочимъ слѣдующее. Она поручаетъ одному изъ своихъ друзей въ Парижѣ заказать кому-либо, хорошо владѣющему стихомъ, написать посланіе къ *Сидоніи*. «Сидонія» было имя героини въ ея «*Cabane des Lataniers*», которое она дѣлала своимъ псевдонимомъ. Эти стихи надо было помѣстить въ газетѣ (заплативъ за это сколько нужно), чтобы заинтересовать публику личностью, къ которой обращалось бы посланіе. Самое посланіе должно было конечно соответствовать цѣли: это должны были быть восторженные обращенія къ Сидоніи, панегирики ея талантамъ, патетическіе призывы и т. п. Напримѣръ:

«Въ этихъ стихахъ — пишетъ г-жа Крюднеръ своему довѣренному другу, — которые, разумѣется само собою, должны быть въ лучшемъ вкусѣ, будетъ простое заглавіе: *къ Сидоніи*. Ей надо

сказать: зачѣмъ ты остаешься въ провинціи, зачѣмъ уединеніе похищаетъ у насъ твою увлекательность (*tes grâces*), твой умъ? Твои успѣхи не зовутъ ли тебя въ Парижъ? Твоя грація, твои таланты возбудятъ тамъ то удивленіе, какого они заслуживаютъ.... Намъ изображали твой очаровательный танецъ, но кто можетъ изобразить то, что обращаетъ на себя вниманіе», и проч.

«Очаровательный танецъ», о которомъ здѣсь упоминается какъ о принадлежности г-жи Крюднеръ, есть какой-то особенный драматическій танецъ съ шалью (*la danse du schall*), кажется польскій, въ которомъ г-жа Крюднеръ производила большой эффектъ своимъ искусствомъ. Этотъ танецъ г-жа Сталь заставляетъ танцевать свою Дельфину, и подлинникомъ ея была въ этомъ случаѣ г-жа Крюднеръ.

Г-жа Крюднеръ добивается, чтобы ей написалъ стишки Делиль, чтобы написалъ Дюси, и т. п., печатаетъ сама заказныя посланія своего друга, разсчитываетъ на Шатобриана, на Сень-Пьера, которые будутъ хвалить ея романъ и т. п. Правда, г-жа Крюднеръ прибавляла въ оправданіе: «*le monde est si bête! C'est ce charlatanisme qui met en évidence, et qui fait aussi qu'on peut servir ses amis*» — это послѣднее сказано къ тому, что въ поощреніе своего друга, исполнявшаго эти ея порученія, она неумѣренно восхваляетъ его собственные таланты (это былъ докторъ, не имѣвшій достаточно правъ) и общаетъ ему въ перспективѣ, что будетъ устраивать, черезъ множество своихъ знакомыхъ, его собственную репутацію. Но, какъ бы то ни было, это было дѣйствительное шарлатанство: она положила на него столько усилій, что оно совершенно переходитъ границы позволительной шалости. Г-жа Крюднеръ потомъ серьезно считаетъ за собой репутацію и славу, приобретенныя такими путями. Описывая г-жѣ Арманъ свои успѣхи, добываемые этими средствами, г-жа Крюднеръ находитъ возможнымъ писать ей такъ:.... «*On s'agache un mot de moi comme une faveur; on ne parle que de ma réputation d'esprit, de bonté, de moeurs. C'est mille fois plus que je ne mérite, mais la Providence se plaît à accabler ses enfans, même des bienfaits qu'ils ne méritent pas*». Она какъ будто сама начинаетъ вѣрить въ свой собственный обманъ или слишкомъ нагло имъ пользуется.

«Валерія» наконецъ вышла въ декабрѣ 1803 (съ 1804 г. на заглавіи ¹⁾). Интересъ къ ней дѣйствительно былъ возбужденъ;

¹⁾ Новое изданіе въ коллекціи Шарпантье: *Valérie, par madame de Krüdener, avec une notice de M. Sainte-Beuve. Paris 1855.*

въ то время какъ шли толки о романѣ въ литературѣ и въ салонахъ, г-жа Крюднеръ придумала еще манёвр: она отправилась по незнакомымъ магазинамъ спрашивать шляпъ, гирляндъ, лентъ и т. п. à la Valérie, которыхъ не существовало, и требовала ихъ съ такою настойчивостью, что предупредительные купцы и модистки наконецъ подавали ей что-нибудь, что и получало это имя; гдѣ не догадывались этого сдѣлать, она извѣяла сожалѣніе, что они не знаютъ моднаго романа и не имѣютъ послѣднихъ модныхъ вещей, и т. п.

Это была эпоха бюллетеней арміи — замѣчалъ біографъ; — «въ это время баронъ Порталь полагалъ основаніе своей большой медицинской репутаціи, посылая людей отыскивать себя въ первыхъ салонахъ Парижа, отъ имени самыхъ знатныхъ пациентовъ, которые на дѣлѣ вовсе не требовали его услугъ». Нѣсколько позже, тотъ же способъ примѣнялъ извѣстный Бобъ Соьеръ у Дикенса. Этотъ способъ систематически приняла и г-жа Крюднеръ.

Біографъ замѣчаетъ, что г-жа Крюднеръ, принимая комплименты объ успѣхѣ своего романа, внутренно смѣялась. Можетъ быть; но въ это самое время она писала г-жѣ Арманъ строки, приведенныя нами выше, и еще слѣдующія:

«Le succès de Valérie est complet et inouï... Oui, mon ami, le ciel (!) a voulu que ces idées, que cette morale plus pure se repandissent en France où ces idées sont moins connues» (!).

Читатель замѣтитъ, въ какую странную связь г-жа Крюднеръ уже съ этой поры вообще ставитъ «небо» и «провидѣніе» съ своими фантазіями и съ своимъ шарлатанствомъ....! *Полемъ?*

Какія же были эти идеи, мало извѣстныя Франціи, которыя г-жа Крюднеръ проповѣдовала ей въ своемъ романѣ?

Мы сказали прежде, что «Валерія» отчасти основана была на дѣйствительномъ событіи. Это была та страсть, которую г-жа Крюднеръ возбудила въ первые годы замужества въ скромномъ молодомъ человѣкѣ, секретарѣ посольства; мы упоминали, что онъ скрывалъ свою любовь до послѣдней возможности, наконецъ покинулъ домъ Крюднера, гдѣ былъ дружески принятъ, и въ заключеніе открылъ свои чувства—мужу. Въ романѣ повторены всѣ эти существенныя черты, и кромѣ того много другихъ подробностей. Героиня романа должна конечно представлять самого автора, и послѣ того, что мы говорили о степени скромности, съ какою г-жа Крюднеръ пропагандировала свой романъ, естественно ожидать, что самое изображеніе героини представитъ не меньшую степень этой скромности. «Валерія» — поразительная, небесная женщина, чистая до того, что будучи замужемъ и

приготавлиая имѣть ребенка, она совершенно не понимаетъ бурной страсти молодого Гюстава, который изнываетъ у нея на глазахъ—неизвѣстно сколько времени, но повидимому года два. Развитие этой страсти и составляетъ въ сущности содержаніе романа. Развязка—придуманная: герой, покинувши красавицу, умираетъ отъ любви и она только тогда узнаетъ о томъ, что была причиной его смерти. Дѣйствіе происходитъ въ Венеціи и обстановка безъ сомнѣнія та самая, въ какой жила здѣсь сама г-жа Крюднеръ. «Мѣстный колоритъ» сохраненъ до того, что Валерія также танцуетъ упомянутый «танецъ съ шалью», который описывается какъ нѣчто безпримѣрно прелестное. Замѣтимъ, что г-жа Крюднеръ нисколько не молчала объ автобіографическомъ значеніи своего романа.

Г-жѣ Крюднеръ казалось, и она говорила другимъ, что своимъ романомъ она распространяетъ во Франціи идеи, мало тамъ извѣстныя. Въ письмѣ къ одному изъ своихъ французскихъ друзей она говоритъ такимъ образомъ: «то, что есть хорошаго въ *Валеріи*, принадлежитъ религіознымъ чувствамъ, которыя дало мнѣ небо и которымъ оно хотѣло покровительствовать, внушая любовь къ этимъ чувствамъ». Она проводитъ параллель между «Валеріей» и «Дельфиной» (другими словами—между собою и г-жею Сталь) и находитъ, что мораль ея романа выше и лучше. По успѣху «Валеріи» она видитъ, что «благочестіе, любовь чистая и преодолимая, трогательныя привязанности и все, что относится къ деликатности чувства и добродѣтели, производить во Франціи больше впечатлѣнія, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другомъ мѣстѣ» и т. п. Однимъ словомъ, г-жа Крюднеръ желала поучать, давать людямъ уроки. Автобіографически, какъ мы видѣли, это не совсѣмъ ей подходило.

Роль моралиста слишкомъ скоро смѣнила у нея другую, прежнюю роль, и перечитывая романъ теперь, нельзя кажется не замѣтить скорости этого перехода. «Валерія» не разъ вызывала одобрительные отзывы критиковъ, не только въ прежнія, но и въ новѣйшія времена. Въ ней дѣйствительно надо признать извѣстный талантъ; романъ написанъ легко и свободно, но искать въ немъ какой-нибудь глубины было бы странно. «Валерію» сравнивали съ «Вертеромъ», напр. Сенъ-Бѣвъ; но сравненіе едва ли умѣстно даже по степени самостоятельности. «Валерія» съ одной стороны навѣяна сантиментальными вліяніями времени, которыя давали уже готовое выраженіе для тѣхъ «идей», какія хотѣла проповѣдовать писательница; съ другой стороны личные элементы, внесенные въ романъ, способны развѣ отталкивать, а не привлекать читателя. Г-жа Крюднеръ относилась къ *Валеріи*

такимъ же способомъ, какимъ относилась къ *Сидоніи*: тотъ же червь самолюбія грызъ ее и здѣсь, и мы думаемъ, что «благочестіе, религиозныя чувства», которыя г-жа Крюднеръ восхваляетъ какъ достоинство своего произведенія, отчасти придуманы послѣ, а въ замѣнъ того въ процессѣ творчества носилась скорѣе другія стремленія ея характера. Однимъ изъ такихъ стремленій было нарисовать портретъ очаровательной Валеріи, къ которой г-жа Крюднеръ чувствовала нѣжнѣйшую любовь: *ma chérissime Valérie*, называетъ она ее въ письмахъ къ своимъ друзьямъ,—въ ней она видѣла самое себя. Далѣе, эта Валерія—нѣжное, чистое, незлобивое, граціозное существо—способна была возбуждать самыя нѣжно-вулканическія страсти. Изображеніе этой страсти, сначала тихой и возникающей, потомъ бушующей въ сердцѣ чувствительнаго Гюстава, и умирающей только вмѣстѣ съ нимъ, составляетъ всю сущность романа: Гюставъ вѣчно обнаруживаетъ «добродѣтель», но эта добродѣтель есть вмѣстѣ съ тѣмъ любовное жертвоприношеніе самого себя въ честь этой Валеріи, — правда прискорбное, но все-таки лестное для героини. Романъ идетъ въ письмахъ, почти исключительно адресуемыхъ Гюставомъ своему другу; и этотъ дневникъ представляетъ въ сущности длинную исторію любовнаго изныванія, о которой мудрено сказать, чтобы она была написана съ цѣлями «благочестія».

Разсказываютъ, что когда однажды г-жа Крюднеръ говорила о «Валеріи», какъ эпизодъ ея собственной жизни, ей возразили, что однако обожатель ея, сколько извѣстно, еще вовсе не умеръ. — «Тѣмъ хуже для него», отвѣчала она. Это была конечно шутка, но изъ-за нея проглядываетъ какъ будто настоящая досада, что обожатель ея такъ противорѣчилъ «Валеріи».

III.

Обращеніе.

Насладившись до-сыта блестящимъ успѣхомъ «Валеріи», достигнутымъ какъ выше разсказано, г-жа Крюднеръ отправилась въ 1804 году въ Лифляндію; ей хотѣлось видѣться съ матерью и раздѣлить съ ней удовольствіе своей знаменитости. Но дома она уже скоро стала скучать; мѣстное общество не удовлетворяло ея; — «она напрасно старалась избѣжать скуки чтеніемъ и занятіями, разсказываетъ биографъ; вліяніе климата, отсутствіе соревнованія и недостатокъ симпатій парализировали ее». Дру-

гнии словами, ея новыя вкусы были здѣсь неизвѣстны, литературой занимались гораздо меньше чѣмъ въ ея парижскомъ кружкѣ, и тщеславію не представлялось никакой сцены.

Между тѣмъ въ ней готовилась перемѣна, которая рѣзко отдѣляетъ ея послѣдующую жизнь отъ прежней и выводитъ ее опять на совершенно новую дорогу. Біографъ съ особенной католической опціон говоритъ объ ея обращеніи и о томъ полномъ переворотѣ, который оно произвело во всей жизни и характерѣ г-жи Крюднеръ. Мы видѣли, что она и прежде любила говорить о «небѣ» и «провидѣніи», которые, по ея мнѣнію, принимали объ ней и объ ея свѣтскихъ успѣхахъ такое близкое участіе. Біографъ вѣрно указываетъ это состояніе нравственно-религіозныхъ понятій г-жи Крюднеръ: «Она пытается иногда возвыситься къ Богу, но скорѣе по внушеніямъ гордости, чѣмъ смиренія. Она пробуетъ замѣнить легкомысленныя удовольствія свѣта наслажденіями души, — но только потому, что разочарованная и упавшая въ своихъ собственныхъ глазахъ, она надѣется въ этой перемѣнѣ найти больше счастья и больше достоинства. Словомъ, свѣтское тщеславіе, литературныя успѣхи, опьянѣніе страстей, религіозная экзальтація были для нея только разными формами единственнаго культа, которому она посвящала всѣ свои способности и въ которомъ она была въ одно и тоже время храмомъ, поклонникомъ и идоломъ». Но теперь, говоритъ біографъ, все это перемѣнилось: благодать внезапно осѣнила г-жу Крюднеръ, и она нравственно возродилась; ея религіозность стала теперь истинной вѣрой, и жизнь ея стала постояннымъ стремленіемъ къ христіанской добродѣтели. Эта перемѣна была настоящимъ, полнымъ обращеніемъ и назидательнымъ примѣромъ божественнаго милосердія.

Мы не будемъ предупреждать фактовъ своими заключеніями, но считаемъ не лишнимъ сдѣлать замѣчаніе, которое по нашему мнѣнію совершенно подтверждается дальнѣйшими дѣяніями г-жи Крюднеръ. Не споря вообще противъ возможности такого обращенія, каковымъ біографъ считаетъ обращеніе г-жи Крюднеръ, мы думаемъ, что въ этомъ случаѣ оно не было такъ полно и рѣшительно; что напротивъ, дальнѣйшая исторія г-жи Крюднеръ была въ значительной степени просто продолженіемъ той формы ея религіозности, какую біографъ характеризуетъ въ приведенныхъ выше словахъ. Въ г-жѣ Крюднеръ слишкомъ развито было личное тщеславіе, которымъ она обманывала нерѣдко и сама себя, она слишкомъ любила рисоваться и привыкла къ аффектаціи и самохвальной выставкѣ, — чтобы эти свойства ея характера не высказались и въ новомъ направленіи ея суетливой жизни.

Факты, сообщаемые тѣмъ же біографомъ, будутъ говорить сами, и намъ кажется, они представляютъ ту же двойственность, какую представляетъ ея жизнь и до сихъ поръ. Несправедливо было бы сказать, чтобы ея новая религіозность была однимъ чистымъ лицемѣріемъ. Что извѣстная доза лицемѣрія въ той или другой формѣ здѣсь была, это едва-ли сомнительно; но г-жа Крюднеръ тѣмъ и отличалась, что увлекалась и сама тѣми положеніями, какія она сама устраивала, восторгалась фразами, которыя говорила. Въ минуту полного энтузіазма, когда человѣкъ повидимому не можетъ думать о постороннемъ и весь уходитъ въ настроеніе минуты, она способна была думать объ эффектѣ; приготовивъ роль, могла войти въ нее до такой степени, что увлекалась сама, и тогда въ состояніи была дѣйствовать на другихъ. Роль, отнынѣ принятая ею на себя, была такова, что для нея требовалась постоянная экзальтація, и подъ вонецъ. отъ долгой практики, эта экзальтація стала ея природою. Такъ, поддѣлавши, какъ фальшивую монету, успѣхъ своей «Валеріи», она потомъ сама искренно воображала, что этотъ успѣхъ былъ *весь* настоящій, и хвалилась имъ даже передъ тѣми, кто могъ знать его исторію. Точно также она думала, что *вся* ея религіозность была чистая и возвышенная.

Г-жа Крюднеръ уже довольно давно, когда начинала входить въ лѣта, стала принимать то настроеніе, въ которомъ «обращеніе» становилось возможнымъ. Ей казалось, что уже въ «Валеріи» она только проповѣдуетъ религіозныя чувства и чистую мораль. Ей было уже за сорокъ лѣтъ, и склонность поучать людей высшимъ истинамъ была уже предисловіемъ къ дальнѣйшей ея «миссіи». Когда дорога была проложена, нуженъ былъ только поводъ, особенный случай, чтобы эта дорога была выбрана окончательно.

По разсказу біографа, этимъ поводомъ былъ слѣдующій случай. Однажды она смотрѣла въ окно и увидѣла одного изъ своихъ знакомыхъ, который шелъ мимо: онъ поклонился ей, потомъ зашатался и упалъ, пораженный апоплексіей у нея на глазахъ. Его подняли уже мертвого. «Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ ея раздражающее кокетство (*sa coquetterie agaçante*) отличало въ толпѣ ея обожателей».

Она была поражена этимъ случаемъ до страшнаго нервнаго расстройства. Ее преслѣдовалъ страхъ внезапной смерти и осужденія. Нѣсколько недѣль она была серьезно больна и впала въ меланхолію, изъ которой и вышла потомъ на путь религіозной экзальтаціи. Первое вліяніе въ этомъ смыслѣ произвелъ на нее одинъ рижскій башмачникъ. Когда онъ снималъ однажды у

нея мѣрку, она была удивлена спокойнымъ и веселымъ выраженіемъ его лица; это такъ противорѣчило ея собственному настроенію, что она спросила его — счастливъ ли онъ? — «О, я счастливѣйшій изъ людей», отвѣчалъ тотъ. Отвѣтъ поразилъ ее, и на другой день она отправилась отыскивать его, чтобы узнать причину его счастья. Оказалось, что башмачникъ принадлежалъ къ общинѣ моравскихъ братьевъ: онъ изложилъ г-жѣ Крюднеръ свою простую вѣру, и говорилъ съ такимъ убѣжденіемъ о божественномъ милосердіи, что произвелъ на нее чрезвычайное впечатлѣніе, подѣйствовавшее тѣмъ сильнѣе, что въ словахъ герригутера мягкая, спокойная и любящая сторона религіи успокоивала и удаляла тотъ страхъ, подъ вліяніемъ котораго она до сихъ поръ оставалась.

Такъ рассказываютъ ея первыя впечатлѣнія, содѣйствовавшія ея обращенію. Она познакомилась потомъ и съ другими герригутерами, которыхъ не мало было въ Ригѣ; всѣ они удивляли ее этимъ внутреннимъ удовлетвореніемъ, какое доставляла имъ непоколебимая вѣра. Она уже скоро переняла это чувство, ей казалось, что сама она точно также избавляется отъ всѣхъ своихъ тревогъ, обращаясь къ своимъ религіознымъ созерцаніямъ и молитвѣ. Уже на первыхъ порахъ можно видѣть, какъ ея прежнія представленія о Провидѣніи, обращающемъ на нее свои особенныя заботы, развиваются въ полный мистицизмъ, отличавшій ее впоследствии, — въ это странное, фамиллярное отношеніе къ Богу. На первыхъ же порахъ она бросается въ прозелитизмъ, хочетъ обращать своихъ друзей и знакомыхъ, руководить ихъ на путяхъ къ блаженству, и немедленно извѣщаетъ г-жу Арманъ:

«Chère Armand, vous n'avez pas d'idée du bonheur que me donne cette religion sainte et sublime: je vais comme un enfant m'éclairer, me consoler, me réjouir, me confier dans ce Sauveur bienfaisant. Quand j'ai des embarras, je le prie et il les dissipe; quand je suis mal jugée, je vais à lui, je pense comme il a souffert et il me console», и проч.

Это *ce Sauveur* даетъ читателю понятіе о томъ, въ какое отношеніе она къ нему становилась.

«Oh, mon amie! — писала она къ той же г-жѣ Арманъ, — si les hommes savaient quel bonheur on goûte dans la religion, comme ils fuiraient les soucis et les travaux que leur cause la recherche des biens funestes!»

Мы увидимъ дальше, какъ она относилась къ этимъ «злуполучнымъ благамъ».

Въ 1806 г. доктора послали ее въ Висбаденъ. Это было

начало ея новой страннической жизни, которая на этотъ разъ посвящена была цѣлямъ религіознаго совершенствованія, а затѣмъ и пропаганды. Въ Кѣнигсбергѣ она нашла прусскую королеву, знаменитую Луизу: — г-жа Крюднеръ была извѣстна ей еще съ Берлина, но въ то время мало понравилась королевѣ, — за то теперь г-жа Крюднеръ, въ своемъ благочестиво-филантропическомъ настроеніи, возбудила въ ней большую симпатію. Онѣ вмѣстѣ заботились о жертвахъ войны и посѣщали госпитали. Затѣмъ она посѣтила въ Саксоніи поселенія моравскихъ братьевъ, Клейнъ-Велькъ, Герригутъ, Бетельсдорфъ; завязала много благочестивыхъ знакомствъ, поучалась сама и наставляла на истинный путь другихъ.

Но въ особенности ей хотѣлось теперь познакомиться съ Юнгомъ-Штиллиномъ. Это былъ тогда первый авторитетъ въ мистической религіи, и г-жа Крюднеръ должна была учиться у него, чтобы довершить свое новое воспитаніе. Юнгъ-Штиллингъ, въ то время 68-лѣтній старикъ, жилъ въ Карлсруэ; его извѣстность въ качествѣ счастливаго глазного врача и въ качествѣ теософа привлекала къ нему множество посѣтителей; г-жа Крюднеръ была имъ очарована и, чтобы вполнѣ воспользоваться его мистической опытностью, поселилась въ средѣ его семейства. Это было около 1808 г. Въ Карлсруэ вмѣстѣ съ тѣмъ она представилась ко двору маркграфини баденской, матери императрицы Елизаветы Алексѣевны; здѣсь встрѣтилась она также съ королевой Гортензійей и вообще продолжала связи съ высшей аристократіей, въ средѣ которой она являлась теперь уже въ новой роли: ею интересовались какъ авторомъ «Валеріи», но рядомъ съ тѣмъ она заявляла и свои новѣйшія религіозно-филантропическія тенденціи. Изъ Карлсруэ она отправилась въ Вюртембергъ, но пребываніе ея здѣсь соединялось съ нѣкоторыми неудобствами: вюртембергская полиція уже въ это время подозрительно смотрѣла на ея дѣятельныя сношенія съ моравскими братьями и иными ея друзьями: ея письма читали на почтѣ, даже останавливали и жгли ихъ.

Съ перваго знакомства г-жи Крюднеръ съ моравскими братьями, но особенно съ ея пребыванія въ домѣ Юнга-Штиллинга, она входитъ въ особый кругъ понятій и людей, которые въ большой мѣрѣ опредѣлили ея дальнѣйшій образъ мыслей и образъ дѣйствій. Этотъ новый міръ былъ міръ мистическаго піетизма. Намъ уже не разъ случалось говорить о немъ; здѣсь мы укажемъ въ нѣсколькихъ словахъ эту новую его сторону, возымѣвшую несомнѣнное вліаніе на исторію г-жи Крюднеръ.

Одной изъ характеристическихъ личностей былъ здѣсь Юнгъ-Штиллингъ.

Уроженецъ Вестфаліи, сынъ бѣднаго деревенскаго портного, Юнгъ-Штиллингъ (1740—1817) былъ однимъ изъ главнѣйшихъ представителей религіознаго народнаго движенія въ Германіи. Его родина и сосѣднія земли были мѣстомъ особеннаго религіознаго возбужденія, распространявшагося здѣсь въ самыхъ низшихъ классахъ народа. Въ своей автобіографіи и въ своемъ полу-историческомъ романѣ «Теобальдъ мечтатель»,—и то и другое было въ свое время переведено на русскій языкъ ¹⁾,—Штиллингъ самъ даетъ чрезвычайно оригинальную картину жизни, среди которой онъ выросъ и впоследствии дѣйствовалъ. Піэтизмъ владѣлъ цѣлыми массами народа: здѣсь шла проповѣдь о восстановленіи чистаго христіанства; народныя проповѣдники призывали своихъ слушателей строить новый Іерусалимъ и основывать тысячелѣтнее царство; крайне экзальтированный піэтизмъ, доходившій до вдохновеній и пророчествъ, смѣшивался съ суевѣріемъ, тайными знаніями и всякимъ шарлатанствомъ. Вдохновенные и пророки, расходясь съ «порядкомъ» и предержавшими властями, навлекали на себя преслѣдованія, но встрѣчали и ревностно преданныхъ приверженцевъ, а также и покровителей. Ихъ убѣжищемъ сталъ Берлебургъ, откуда вышла извѣстная берлебургская біблія, истолкованная въ мистическомъ смыслѣ и имѣвшая сильное дѣйствіе. Штиллингъ росъ среди вліяній этого движенія, зналъ его преданія и извѣстныя имена, и въ самой семьѣ окруженъ былъ стихіей религіозной и мистической мечтательности: его дядя исвалъ квадратуры круга, одинъ дѣдъ имѣлъ видѣнія, другой былъ алхимистъ, отецъ водился съ благочестивыми людьми и съ приверженцами Якова Бѣма и Парацельза. Молодость Юнга-Штилинга прошла въ борьбѣ съ нуждой и въ постоянно усиливавшемся піэтизмѣ. Неясныя стремленія не давали ему покою; онъ дѣлался школьнымъ и домашнимъ учителемъ, возвращался опять къ ремеслу отца, бросалъ его и снова пускался странствовать: ему казалось, что ему предстоитъ иное, болѣе высокое поприще. Имъ овладѣла меланхолія. Однажды на прогулѣ ему показалось, что какая-то неизвѣстная сила охватила вдругъ его душу, — онъ былъ весь потрясенъ этой силой и почувствовалъ съ тѣхъ поръ неодолимое влеченіе жить и умереть для славы божіей и

¹⁾ «Жизнь Генриха Штилинга, истинная повѣсть», пер. съ нѣм. 2 части. Спб. 1816; «Теобальдъ или мечтатель, истинная повѣсть Генриха Штилинга» (перев. Ф. Лубяновскаго). 4 части. М. 1819.

для любви къ ближнимъ. Онъ заключилъ съ Богомъ тѣсный союзъ, рѣшился вполне предоставить себя божественному водителству и дѣлать только то, что будетъ непосредственно указывать ему Провидѣніе. Съ тѣхъ поръ онъ понимаетъ свою жизнь не иначе, какъ исполненіе такихъ божественныхъ указаний: всѣ приключенія своей жизни, а ихъ было не мало, онъ считаетъ прямымъ дѣломъ Провидѣнія. Внѣшняя его біографія была та, что онъ, почти уже тридцати лѣтъ, поступилъ въ университетъ въ Страсбургъ, гдѣ встрѣтился съ Гете, который побудилъ его написать свою автобіографію, а впослѣдствіи и напечаталъ ее; потомъ Штиллингъ занялся медициной, хотя не совсѣмъ удачно, наконецъ дѣятельнымъ образомъ выступилъ на литературное поприще съ назидательными книгами и романами, имѣвшими большой успѣхъ, который произвела его особенная мечтательная поэзія въ публикѣ, настроенной въ томъ же пѣтистическомъ духѣ. Онъ написалъ также нѣсколько книгъ по сельскому хозяйству, лѣсоводству и т. п., которыя доставили ему профессуру камеральныхъ наукъ. Французская революція произвела на него самое тяжелое впечатлѣніе; онъ рѣшился всѣми силами противодѣйствовать невѣрію и проповѣдовать о Богѣ. Его сочиненія за этотъ періодъ времени, особенно ярко высказывавшія его идеи («das Heimweh» 1794 и «Schlüssel» къ нему 1797; «der graue Mann» 1795—1816, переведенныя у насъ потомъ Лабзинымъ подъ названіемъ «Угроза Свѣтостокова»; «Scenen aus dem Geisterreiche» 1797), произвели большое впечатлѣніе и сдѣлали имя Штиллинга въ высшей степени популярнымъ въ кругахъ мистическаго и благочестиво-консервативнаго характера, отъ высшихъ и до низшихъ слоевъ общества. Въ 1803 году, герцогъ баденскій сдѣлалъ Штиллинга своимъ гофратомъ и призвалъ его въ Гейдельбергъ, чтобы онъ только продолжалъ свою борьбу противъ революціонныхъ идей; въ 1806 году, герцогъ призвалъ его въ Карлсруэ и оказывалъ ему самое дружеское расположеніе и покровительство. Штиллингъ сталъ важнымъ лицомъ, какъ защитникъ алтарей и престоловъ. Сочиненія его противъ революціоннаго духа принимали чѣмъ дальше, тѣмъ больше характеръ пророчества и духовидѣній, и къ тому времени, когда познакомилась съ нимъ г-жа Крюднеръ, эта новая точка зрѣнія въ немъ созрѣла совершенно: въ 1808 г. относится его «Theorie der Geisterkunde».

Штиллингу не были неизвѣстны возраженія раціоналистовъ и скептиковъ, противъ которыхъ онъ уже издавна полемизировалъ; ему хотѣлось занять середину между крайностями вестфальскаго пѣтизма и сомнѣніями раціоналистовъ, но природа и

воспитаніе не дали ему занять этой середины. Чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе развивалась у него фантастическая сторона его религіи. Онъ уже давно привыкъ считать, что каждый шагъ своей жизни онъ дѣлаетъ по чудеснымъ указаніямъ Провидѣнія: сила молитвы помогаетъ ему во всякой нуждѣ; въ каждомъ неожиданномъ поворотѣ своей судьбы, удачномъ или неудачномъ, онъ видитъ волю Промысла наградить или наказать его. Онъ стоитъ въ личныхъ сношеніяхъ съ Богомъ и чувствуетъ личную привязанность къ Христу; «Штилингъ — говоритъ Гервинусъ — положительно ставилъ своего Бога на пробу относительно того положенія, что ни одинъ волосъ безъ его воли не можетъ погнѣнуть, и онъ выдерживаетъ пробу во множествѣ самыхъ удивительныхъ случаевъ». Понятно, къ какимъ насиліямъ надъ здравымъ смысломъ вело подобное понятіе о Провидѣніи, которое такимъ образомъ замѣшивалось во всякія мелочи обыденной жизни и которому навязывались и ея счастливыя случайности и всякія послѣдствія собственныхъ ошибокъ и легкомыслія. При этомъ надо было, конечно, совершенно не видѣть дѣйствительной жизни и блуждать въ фантастическихъ объясненіяхъ того, что объяснялось самымъ простымъ образомъ.

Къ этимъ взглядамъ легко примыкала и всякая иная фантастика. Довольно замѣтить нѣкоторыя черты ея, какія мы встрѣтимъ и въ его послѣдователяхъ. Таковы были его понятія о сношеніяхъ съ духами въ его «*Theorie der Geisterkunde*», гдѣ онъ съ мнимо-научными объясненіями проповѣдуетъ тѣ самыя фантастическія представленія, которыя ставили эту мистическую литературу Штилинговъ, Лафатеровъ, Сенъ-Мартеновъ и т. д. на одинъ уровень съ простымъ народнымъ суевѣріемъ — ихъ различала только форма выраженія, болѣе литературная и приглаженная на одной сторонѣ и болѣе грубая и нескладная съ другой. И дѣйствительно, суевѣріе образованнаго класса, который учился теперь у Штилинга, начало восторгаться проявленіями простонароднаго невѣжественнаго предрасудка.

Наконецъ, Штилингъ, вслѣдствіе своихъ непосредственныхъ связей съ божествомъ и вѣря въ дѣйствіе и внушенія духовъ, сталъ говорить пророческимъ тономъ и предсказывать второе пришествіе. По общему вкусу мистическихъ піэтистовъ, онъ съ особеннымъ пристрастіемъ останавливался въ Библии на таинственномъ, туманно-поразительномъ и пророческомъ. Онъ написалъ свои толкованія на Апокалипсисъ¹⁾ — въ «Побѣдной повѣ-

¹⁾ По свидѣтельству г. Сушкова, эти толкованія, въ нѣкоторыхъ частяхъ, находилъ замѣчательными и митрополитъ московскій Филаретъ, какъ въ прежнюю, такъ и въ позднѣйшую пору своей жизни.

сти» — и предсказывалъ о близкомъ пришествіи «тысячелѣтнаго царства», прореченнаго въ Апокалипсисѣ, поддерживая мнѣніе нѣмецкаго теолога XVIII-го столѣтія, Бенгеля, который назначилъ и самый годъ (1836), когда должно было совершиться это великое событіе. Замѣтимъ здѣсь встать, что это ожиданіе тысячелѣтнаго царства и второго пришествія (такъ-называемый *хилиазмъ*), весьма распространенное въ первые вѣва христіанства, и потомъ имѣвшее нерѣдко своихъ приверженцевъ, съ особенной силой возродилось опять во времена реформаціи. Хилиасты были между чешскими гусситами; въ нѣмецкой реформаціи знаменитъ хилиастъ Оома Мюнцеръ; затѣмъ въ XVII-мъ и XVIII-мъ стол. вѣра въ близкое тысячелѣтное царство одушевляла нѣмецкихъ піетистовъ, «вдохновенныхъ» и «пробужденныхъ», которые пробовали даже основать Новый Іерусалимъ. Для Юнга-Штилинга, хотя онъ и желалъ отнестись критически къ вестфальскому народному піетизму, вѣра въ близость тысячелѣтнаго царства осталась догматомъ: эта вѣра увлекла вскорѣ и народныя массы въ южной Германіи и подвергла страшнымъ бѣдствіямъ цѣлыя тысячи людей, отправившихся искать этого царства на горѣ Ааратѣ.

Возвратимся къ г-жѣ Крюднеръ. Біографъ ея рассказываетъ, что въ то время, когда она поселилась въ Карлсруэ, ея благочестіе было простое, ясное и дѣятельное, т. е. прагматическое и свободное отъ мистики, но что потомъ — «она полюбила и поняла многія изъ тѣхъ особенныхъ идей, которыя были предметомъ ея разговоровъ съ Юнгомъ-Штилингомъ. Она предчувствовала ихъ, и авидась въ Карлсруэ только за тѣмъ, чтобы познакомиться съ ученіями этого спиритуализма, привлекательнаго тѣмъ болѣе, что онъ отвѣчаетъ нашей чувствительности и нашему желанію проникнуть въ тайны божественной любви. Юнгъ-Штилингъ открылъ ей перспективу небесныхъ горизонтовъ (*sic*) и простеръ передъ ея глазами область безконечнаго, говоря ей объ отношеніяхъ этого міра съ невидимымъ твореніемъ». Другими словами, онъ преподавалъ ей свои идеи духовидѣнія, предвѣщанія о второмъ пришествіи и т. п.; она перепимала все это очень успѣшно и вскорѣ сама начала прилагать къ дѣлу.

Въ этихъ сношеніяхъ съ Юнгомъ-Штилингомъ, безповойныя стремленія г-жи Крюднеръ принимаютъ тотъ сомнительный и странный характеръ самозваннаго посланничества и предвѣщательства, какой отличаетъ всю ея остальную жизнь. Біографъ ея не находитъ здѣсь, впрочемъ, ничего сомнительнаго, и даже беретъ мистику, или по французскому выраженію «иллюминизмъ», подъ свою защиту; видитъ въ немъ высшую, не мно-

гимъ доступную, степень благочестія, возстаетъ только противъ «злоупотребленій и крайностей» иллюминизма, противъ людей, которые пользовались иллюминизмомъ для удовлетворенія «грязнаго честолюбія или святотатственнаго любопытства», и (исключивъ нѣкоторыя частныя слабости) отдастъ великое уваженіе Сведенборгу, Юнгу-Штиллингу, Сень-Мартену. Дѣйствительно, была разница между этими мечтателями и наглыми шарлатанами, которые одѣвались въ ихъ костюмъ; — но если мы предоставимъ имъ полную свободу убѣжденія, составляющаго дѣло личной совѣсти, и признаемъ ихъ искренность, едва ли можно считать ее достаточнымъ оправданіемъ ихъ общественной роли: какъ скоро они вмѣшиваются въ общественную жизнь и вдаются въ пропаганду, — они отвѣчаютъ за ея содержаніе и тенденціи. Въ этомъ смыслѣ Юнгъ-Штилингъ и его школа не находятъ себѣ оправданія. Въ виду скептическихъ противниковъ Юнгъ-Штилингъ чувствовалъ, что его мистическая профессія нуждается въ защитѣ и оправданіи, и защищалъ ее такимъ образомъ: «Почему — спрашиваетъ онъ — вы считаете великимъ гнѣвомъ челоуѣка, душа котораго блуждаетъ въ области фантазіи и поэтизируетъ? Вы этого не порицаете; но за то, если челоуѣкъ съ богатой фантазіей считаетъ достойнымъ предметомъ религію и имѣетъ объ ней *романическія* понятія, вы хотите изгнать его?» — «И конечно справедливо — замѣчаетъ на это Гервинусъ; — потому что одинъ, въ самомъ обыкновенномъ случаѣ, есть фантастъ на свой страхъ, а другой есть мечтатель, который собираетъ и фанатизируетъ толпу, и переноситъ фантазію въ такія отношенія и въ среду людей, гдѣ ей нѣтъ мѣста. Вестфальскіе піэтисты, послѣдователи Гохманна, утверждали, что скоро будетъ страшный судъ, и что они знаютъ вѣрный доступъ въ городъ свободы, — и еслибы мы, вслѣдъ за Юнгомъ, стали считать эту мономанію за самую сладкую мечтательность, это значило бы слишкомъ далеко простирать чувство поэзіи». А здѣсь, въ дѣятельности Штилинга, и особенно въ дѣятельности г-жи Крюднеръ, это самое и происходило, — какъ ниже увидимъ. Она также принималась пророчествовать, возбуждать массы; быть можетъ, она не разумѣла, чтѣ творить, — но это еще хуже, потому что она имѣла бы возможность уразумѣть.

Кромѣ Штилинга, г-жа Крюднеръ вообще нашла въ южной Германіи цѣлое гнѣздо мистицизма, куда она и применила. Она познакомилась здѣсь съ извѣстнымъ въ свое время пасторомъ Оберлиномъ. Одинъ изъ первыхъ на континентѣ и ревностнѣйшихъ приверженцевъ открывшагося незадолго передъ тѣмъ британскаго Библейскаго Общества, Оберлинъ усердно распростра-

вѣлъ Библію и отличался, какъ говорятъ, искренней, глубокой религіозностью, любовью къ людямъ, и свой мистицизмъ соединялъ съ дѣятельной практической филантропіей. Но въ то же время г-жа Крюднеръ тѣсно сблизилась съ другимъ человѣкомъ, пасторомъ Фонтэнемъ, который имѣлъ большую репутацію въ піетистическихъ кругахъ, и второму даже приписывали одно чудо. На самомъ дѣлѣ это былъ просто пошлый шарлатанъ, для котораго репутація святости, пріятная сама по себѣ, доставляла еще средство для выгодныхъ спекуляцій. Фонтэнъ около этого времени познакомился съ экстатической поселанкой, которая показала ему весьма пригодной для эксплуатаціи легковѣрія. Эта женщина, уже немолодая и очень ограниченная, по имени Марія Кумминъ, приходила по временамъ въ экстатическое состояніе, въ которомъ говорила съ духами и ангелами и получала ихъ пророческія приказанія. Сближеніе г-жи Крюднеръ съ Фонтэнемъ біографъ ея рассказываетъ такимъ образомъ. Она слышала о Фонтэнѣ и желала съ нимъ познакомиться; съ другой стороны Марія Кумминъ объявляла въ своихъ откровеніяхъ о скоромъ прибытіи г-жи Крюднеръ и о великомъ дѣлѣ, которое предстоитъ ей совершить. Когда г-жа Крюднеръ дѣйствительно прибыла въ ту мѣстность, гдѣ жилъ пасторъ, Фонтэнъ встрѣтилъ ее мистическимъ текстомъ; услышавъ о предсказаніяхъ Кумминъ, г-жа Крюднеръ была поражена ими: предвѣщательница казалась таковой простой женщиной, и Фонтэнъ—человѣкомъ, неспособнымъ къ хитрости. Эта проба духовидѣнія, — о которомъ она столько наслышалась отъ Штилинга и Оберлина, — положила начало ея новой карьерѣ. По увѣренію біографа, г-жа Крюднеръ, увлекаясь предсказаніями Маріи Кумминъ, не имѣла никакой мысли о личномъ возвышеніи, но не могла-де отказать отъ содѣйствія исполненію великихъ намѣреній Бога: правда, она, какъ женщина съ умомъ и опытнымъ свѣтскимъ взглядомъ, скоро замѣтила въ Фонтэнѣ недостатки, не совсѣмъ отвѣчавшіе его христіанско-проповѣднической роли, но она «боялась отвергнуть повелѣнія Бога, отвергая того, кто ей передавалъ ихъ».

Нѣтъ сомнѣнія, что Фонтэнъ намуштровалъ Марію Кумминъ должнымъ образомъ, и если г-жа Крюднеръ позволила грубо обмануть себя, то, вѣроятно, этому содѣйствовали именно наклонности ея крайняго и жалкаго самолюбія, присутствіе которыхъ біографъ здѣсь отвергаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, обманъ былъ слишкѣмъ грубымъ, но онъ могъ очень льстить ея тщеславію. Марія Кумминъ на первыхъ же порахъ предвѣщала ей высое призваніе въ царствѣ Божіемъ и указывала именно на

этого Фонтэна, какъ на апостола, назначеннаго трудиться съ ней для обращенія міра. Роль была такъ возвышенна, что г-жѣ Крюднеръ не хотѣлось отказаться отъ нея, а усумниться въ предвѣщаніи—значило лишить самое себя слишкомъ эффектнаго пролога при вступленіи на сцену. Быть можетъ, мы ошибаемся, объясняя такимъ образомъ ея роль въ этомъ дѣлѣ; но по крайней мѣрѣ она долго и потомъ приписывала Фонтэню и Кумминъ сверхъестественные дары, когда уже всѣ нѣсколько разсудительные люди стали считать обоихъ просто наглými обманщиками.

Послѣ сказаннаго, читатель ясно представитъ себѣ, на какой степени находилось обращеніе г-жи Крюднеръ, когда она писала той же своей пріятельницѣ, г-жѣ Арманъ, послѣ предвѣщанія Кумминъ (въ іюнѣ 1808):

«Милый другъ, самый блаженный изъ опытовъ заставляетъ меня сказать, что я—счастливѣйшее изъ созданій. Я только на словахъ могу пересказать вамъ все, что я испытала; въ ожиданіи этого, я молюсь за васъ и думаю, что вы также станете блаженны на этой землѣ. Милый другъ, подумайте, что я испытала *въ настоящемъ смыслѣ слова чуда*; что я была посвящена въ *глубочайшія тайны вѣчности*, и что я могла бы сказать вамъ многое о будущемъ блаженствѣ; нѣтъ, вы не имѣете понятія о счастьи, ожидающемъ всѣхъ тѣхъ, кто отдается вполне Иисусу Христу. Будьте постоянны, приходите къ нему каждый день.... Ахъ, если бы вы знали, какъ онъ насъ любитъ. *Времена приходятъ, и величайшія бѣдствія* будутъ тяготѣть надъ землей; не бойтесь ничего; оставайтесь вѣрны ему. Онъ *соберетъ всѣхъ своихъ вѣрныхъ*; послѣ того *истанетъ его царство*. Онъ придетъ *самъ царствовать тысячу лѣтъ* на землѣ. Отдайтесь ему и просите только вѣры и любви къ нему и къ его небесному Отцу. Поклоняйтесь Отцу и просите у него его святаго Духа» и т. п.

Ревность такъ овладѣла ею, что она отправилась въ Швейцарію лично обращать свою пріятельницу,—эта послѣдняя была такой усердной наперсницей ея съ давнихъ поръ, что конечно обратилась. Въ Женевѣ г-жа Крюднеръ открыла цѣлый кругъ людей, сочувствовавшихъ ея воззрѣніямъ. Она встрѣтилась опять и съ г-жей Сталь; и здѣсь мы опять видимъ ту постороннюю черту, которая, повидимому, вовсе несовмѣстна съ энтузіастическимъ увлеченіемъ и однако постоянно, и теперь, и послѣ, сопровождаетъ религіозную экзальтацію г-жи Крюднеръ. При встрѣчѣ съ г-жей Сталь—разсказываетъ біографъ—«она говорила ей о своемъ счастьѣ, о своемъ сповойствіи, о радостяхъ молитвы; разсказывала свою жизнь, но не упоминала о необыкновенныхъ

фактахъ, которые, быть можетъ, удивили бы г-жу Сталь, не доставивъ ей назиданія. Г-жа Крюднеръ имѣла высоекое мнѣніе объ искренности г-жи Сталь и считала ее способной и предназначенной къ тому, чтобы найти истину, ... и, увѣренная въ успѣхъ борьбы (съ ея тогдашнимъ настроеніемъ), она не торопилась ее *неловкимъ усердіемъ*. Другими словами: она опасалась, что ея чудеса могутъ быть подняты на смѣхъ, и среди своего миссіонерства не забывала салонныхъ нравовъ и свѣтской ловкости, которую теперь употребляла на службу *«этому Спасителю»*.

Между тѣмъ предсказательство Кумминъ продолжалось и г-жа Крюднеръ устраивала по немъ свою жизнь, не сомнѣваясь находить въ немъ непосредственныя указанія самого Бога. Страннымъ образомъ эти указанія направлялись къ устройству личныхъ дѣлъ пастора Фонтэна. Сначала неясно, потомъ яснѣе Кумминъ внушила г-жѣ Крюднеръ, что небо повелѣваетъ ей основать въ Вюртембергѣ (кажется, родина Кумминъ) христіанскую колонію; замѣчательно, что небо указало даже мѣсто и домъ, которые надо было для этого купить. Г-жа Крюднеръ и купила ихъ, и отписала потомъ г-жѣ Арманъ: «мы взяли этотъ домъ по повелѣнію Господа». Въ домъ кромѣ самой г-жи Крюднеръ поселился Фонтэнъ со всей своей семьей и, конечно, Марія Кумминъ. Но они не долго наслаждались своимъ общежитиемъ. Въ прежнія времена Кумминъ дѣлала какія-то предсказанія на счетъ короля Вюртембергскаго, которыя ему не нравились. Теперь, узнавши, что Кумминъ снова появилась въ его владѣніяхъ и привлекаетъ толпы посѣтителей, король велѣлъ посадить ее въ тюрьму, а г-жѣ Крюднеръ объявить, чтобы она оставила Вюртембергъ въ 24 часа. Съ г-жей Крюднеръ должна была конечно удалиться и вся колонія. Въ тяжелыхъ обстоятельствахъ г-жа Крюднеръ, кажется, не понадѣялась, что «небо» уничтожить ея житейскія затрудненія, потому что обратилась въ своимъ аристократическимъ знакомымъ съ просьбами о заступничествѣ: друзья были у нея въ аристократіи старой и новой, между прочимъ и въ числѣ наполеоновскихъ агентовъ ¹⁾.

Она поселилась въ герцогствѣ баденскомъ, куда явилась черезъ нѣсколько времени и Кумминъ, выпущенная изъ тюрьмы и продолжавшая пророчествовать. «Времена приближаются съ каждымъ днемъ, — отписывала г-жа Крюднеръ къ своей пріятельницѣ (это было въ 1809 — 1810 г.): — бѣдствія, угрожающія Европѣ, уподобятся ночи ужасовъ, но заблещетъ также и зари

¹⁾ Биньонъ, Норвегъ.

счастья и мира». Между тѣмъ Фонтэнъ начиналъ тревожить и самое г-жу Крюднеръ, потому что его нравы и способъ дѣйствій далеко не соотвѣтствовали той миссиі, какую ему приписывала Кумминъ. Но г-жа Крюднеръ «не поколебалась въ своей христіанской любви». Она переносила это какъ испытаніе, была довольна, потому что «счастлива душа, побрытая презрѣніемъ, клеветами и посмѣяніемъ», и она была слишкомъ убѣждена въ томъ, что находится подъ спеціальнымъ покровительствомъ неба. Ея письма къ благочестивымъ ея корреспондентамъ уже скоро доходятъ до послѣднихъ предѣловъ экзальтаціи. Въ свои наиболѣе возвышенныя (или фантазерскія) минуты, она ищетъ страданій, потому что «любовь (?) утѣшить насъ своей нѣжностью»; она считаетъ непозволительнымъ имѣть какія-нибудь житейскія заботы, принимать какія-нибудь мѣры, даже просить помощи у Бога: — «я едва молюсь, — пишетъ она въ это время къ одному единомыслящему другу, почитателю г-жи Гюйонъ, — я знаю что сердце Отца *совсѣмъ* подлѣ меня (*tout près de moi*), я знаю его глубокіе виды, или по крайней мѣрѣ часть ихъ... Я вижу только мракъ и однако радуюсь. Онъ всегда приходитъ, Онъ всегда помогаетъ мнѣ. Никогда, никогда Онъ не покидалъ меня въ затрудненіи (?)... Да, мой другъ, часто, очень часто, я имѣла радость получать его внушенія, его ясныя приказанія: пошли, или пойдѣ туда, или туда — къ людямъ, которыхъ *Онъ приотворилъ* (!!), и я получала *деньги*, много денегъ, тамъ, гдѣ не видѣла никакой надежды»...

Это былъ тотъ *квѣтизмъ*, тотъ странный видъ пассивной религіозности, которымъ отличалась знаменитая г-жа Гюйонъ. «Божественная любовь» обнаруживалась въ самыхъ экстравагантныхъ мнѣніяхъ и выходахъ:

«Эта любовь должна обратить въ пепель въ нашихъ сердцахъ все, что въ нихъ есть нечистаго, личнаго и эгоистическаго. Она противна всякой *собственности* (!) и считаетъ ее *воровствомъ у Бога* (!). Она хочетъ все получать отъ него, чтобы все отдавать Ему... Она составить славу церкви искушенной и призванной царствовать съ Христомъ на землѣ *тысячу лѣтъ*».

Теперь для царства этой любви еще не пришло время: вѣрные слуги Христа, которыхъ онъ избираетъ своими исполнителями, теперь преслѣдуются, они должны терпѣть страданія, нести тяжелый крестъ, идти неисповѣдимыми путями; — ихъ часто не признаютъ даже настоящіе христіане. — Эту обычную сектаторскую программу принимаетъ и г-жа Крюднеръ и смысломъ на «неисповѣдимые пути» впередъ оправдываетъ всякія странности и нелѣпости, какія ей вздумалось бы проповѣдовать и дѣлать.

Ея самоотрицаніе доходило наконецъ до геркулесовыхъ столбовъ. Она совершенно забывала о томъ уваженіи, которое ей оказывали въ свѣтѣ. «Когда ей случалось, — говоритъ біографъ, встрѣчаться съ простыми существами, которыя буквально понимали ея признанія въ неспособности, она радовалась этому и говорила: мнѣ *приятно находить себя глупой и неспособной, — любовь поглощаетъ все и оживотворяетъ все*», и проч. Иногда, рассказываетъ тотъ же біографъ, «объятія божественной любви, наполнявшей ея сердце, были такъ сильны, что она не могла удержать этой любви въ границахъ неба и земли. Она прорывалась въ словахъ: «Я испытываю такое счастье, что не могу удержаться, чтобы не желать, чтобы *адъ присоединился къ этому Богу* (que l'enfer vienne à ce Dieu), который такъ добръ, который такъ нѣженъ, который такъ глубоко хочетъ счастья всѣхъ своихъ созданій» (!). Еще одна черта. «Въ своей молитвѣ, которая на этотъ разъ грѣшила тѣмъ, что отдѣляла милосердіе Бога отъ его справедливости, ей случалось даже просить у Бога обращенія сатаны (!). Мы не осмѣлились бы однако судить строго (à la rigueur) это чувство, потому что она обращала его къ Тому, кому мы всегда можемъ повѣрять самыя сокровенныя наши мысли», и проч. Можно спросить, что бы вообще осталось отъ героини этой біографіи, еслибы ея дѣянія судить à la rigueur?

Понятно, что эти идеи и соотвѣтственныя имъ дѣйствія легко вызывали противъ себя если пока не преслѣдованіе, то насмѣшки. Біографъ съ прискорбіемъ замѣчаетъ, что общественное мнѣніе высказывалось противъ г-жи Крюднеръ, что ей приходилось выносить униженіе; и объясняетъ это тѣмъ, что «г-жа Крюднеръ (возвышенностью своихъ стремленій) слишкомъ видимо переходила ту *мѣру христіанства*, которую свѣтъ *согласился терпѣть*». Хорошо еще, еслибъ дѣйствительно г-жа Крюднеръ виновата была только тѣмъ.

Такимъ образомъ г-жа Крюднеръ все больше и больше вступала на ту дорогу, которая впоследствии доставила ей ея странную знаменитость. Она все больше и больше воображала, что ей предстоитъ великое дѣло, что самъ Богъ поручаетъ ей высокую миссію — обращать невѣрующихъ и приготовить тысячелѣтнее царство. Если прежде ей нравилось поучать «Францію» въ своемъ романѣ, то теперь задача была неизмѣримо громаднѣе, — въ ея рукахъ были ключи отъ царствія божія. Мотивы ея ре-

лигіознаго фантазерства развиваются до чрезвычайныхъ странностей. Внѣшніе факты біографіи г-жи Крюднеръ были тѣ, что въ половинѣ 1810 года она отправилась въ Россію, т. е. въ Лифляндію, чтобъ видѣться съ матерью. Она встрѣтилась конечно и съ старыми знакомыми въ моравской общинѣ, сообщила имъ свои религіозные успѣхи, обратила нѣсколькихъ къ ученію, о чистой любви. У нихъ начались собранія, гдѣ они молились, исповѣдывали другъ друга и т. п. Въ числѣ обратившихся былъ и братъ г-жи Крюднеръ, баронъ Фитингофъ, впоследствии членъ комитета русскаго Библейскаго Общества. Продолжая свои эксперименты, г-жа Крюднеръ налагала на себя новыя испытанія и лишенія, взявъ въ руководство эксперимента г-жи Гюйонъ¹⁾.

Въ ноябрѣ 1811 г. она отправилась въ Баденъ. Туда именно призывали ее прореченія Кумминъ, которая вмѣстѣ съ тѣмъ заказала ей привезти изъ Россіи сестру Фонтэна: она жила тамъ уже много лѣтъ и теперь, по указанію того же «неба», должна была присоединиться къ ихъ дѣлу. По дорогѣ въ Баденъ г-жа Крюднеръ уже начала проповѣдовать передъ многочисленными слушателями; такъ было въ Кеннигсбергѣ, Бреславлѣ, Дрезденѣ.

Въ Карлсруэ она встрѣтила Фонтэна, который между тѣмъ приготовилъ ей новый подвигъ, указанный небомъ черезъ посредство Кумминъ. Біографъ говоритъ, что не могъ получить объ этомъ таинственномъ подвигѣ отчетливыхъ свѣдѣній, по сущности этой новой выдумки Фонтэна состояла въ томъ, что г-жа Крюднеръ должна была вступить въ какой-то мистическій союзъ съ братомъ Фонтэна, — человѣкомъ, который, по словамъ біографа, не отличался выгодно ни наружностью, ни умомъ, ни нравственными качествами, и кромѣ того имѣлъ еще какіе-то недостатки. Союзъ былъ повидимому заключенъ, — хотя черезъ нѣсколько времени этотъ «четвертый», какъ обозначала его Кумминъ въ своихъ пророчествахъ, былъ отправленъ на излеченіе въ Женеву, гдѣ онъ получалъ отъ г-жи Крюднеръ щедрую помощь. Въ этомъ послѣднемъ безъ сомнѣнія и заключалась вся цѣль мистическаго союза.

Въ 1812 году, г-жа Крюднеръ продолжала жить въ южной

¹⁾ Для оцѣнки этихъ экспериментовъ необходимы конечно объясненія медиковъ. Опытъ подобной оцѣнки сдѣлалъ Гейнротъ, въ своей «Исторіи Мистицизма» (*Geschichte des Mysticismus*, Leipzig 1832). Книга эта, далеко не полная относительно фактовъ, любопытна между прочимъ и потому, что авторъ ея — медикъ, специалистъ по психіатріи.

Германіи, боялась за существованіе Россіи, утверждала при этомъ, что нисколько не заботится о томъ, если судьба войны лишитъ ее достоянія (потому что «небо» должно же будетъ о ней позаботиться), но впрочемъ имѣла довольно средствъ въ своемъ распоряженіи. Въ октябрѣ этого года она сдѣлала экскурсію въ Страсбургъ, гдѣ ревностно занималась обращеніями и устраивала религіозныя собранія — для нѣмцевъ и для французовъ.

Въ 1813 г., г-жа Крюднеръ отправилась въ Женеву. Здѣсь у нея были друзья, между прочимъ г-жа Арманъ; она встрѣтила еще новыхъ, изъ которыхъ одинъ сталъ потомъ ея правой рукой. Въ Женевѣ была маленькая община моравскихъ братьевъ. Одинъ изъ братьевъ возымѣлъ мысль основать общество *друзей* для чтенія Библии, въ которое дѣйствительно собралось нѣсколько молодыхъ людей, большею частью студентовъ теологіи (это было въ 1810 г.). Въ числѣ ихъ былъ и Анри Эмпейтазъ. Еще задолго до этого, Эмпейтазъ почувствовалъ въ себѣ религіозныя наклонности и налагалъ на себя аскетическія испытанія, — постъ, покаяніе и умерщвленіе плоти. Теперь, черезъ общество «друзей» онъ сблизился съ моравскими братьями и вскорѣ убѣдился въ ихъ принципахъ. Между тѣмъ официальная женевская церковь обратила вниманіе на это движеніе, и нашла нужнымъ остановить его. «Друзья» разошлись въ концѣ 1812 г., но Эмпейтазъ и его товарищъ Герсъ остались вѣрны своимъ убѣжденіямъ, и продолжали вести воскресную школу, основанную ими въ новомъ духѣ. Въ половинѣ 1813 года явилась въ Женевѣ г-жа Крюднеръ. Она поселилась у г-жи Арманъ и конечно тотчасъ же вступила въ сношенія съ небольшою церковью, къ которой ея пріятельница уже принадлежала; она познакомилась конечно и съ Эмпейтазомъ, и услышавъ о тѣхъ притѣсненіяхъ, какимъ онъ подвергается вслѣдствіе своихъ новыхъ связей, она убѣждала его не покоряться и не слушать тѣхъ, которые уговаривали его уступить хотя на время, до посвященія въ пасторы. Въ основаніе она приводила то, что «Господу нужно соединить свой народъ въ этомъ городѣ», и напоминала ему правило, что «человѣческое благоразуміе есть язва христіанства», — котораго сама она твердо держалась. Онъ послушался ея, какъ увидимъ. Въ Женевѣ г-жа Крюднеръ также принимала многочисленныхъ посѣтителей, которыхъ назидала своими ученіями.

Затѣмъ, она «покинула Женеву, осыпанная благословеніями своихъ многочисленныхъ друзей»; ей нужно было вернуться въ Карлсруэ, «куда призывали ее *друія обязанности*».

По дорогѣ она остановилась еще въ Базелѣ, гдѣ у нея также нашлись друзья, занимавшіеся распространеніемъ Библии: здѣсь было свое библейское (и также миссіонерское) общество; она приняла участіе и въ распространеніи благочестивыхъ трактатовъ: «мы напечатали много небольшихъ сочиненій, гдѣ солдаты призываются къ Спасителю и къ чувствамъ благочестія».

Между тѣмъ Эмпейтазъ находился въ очень затруднительныхъ обстоятельствахъ: ему пришлось наконецъ разорвать съ официальной церковью или съ «обществомъ пасторовъ», и въ половинѣ 1814 г. оно рѣшило не давать ему посвященія. Этотъ вопецъ былъ до значительной степени дѣломъ г-жи Крюднеръ, потому что все время она не переставала убѣждать и его и вообще своихъ женевскихъ друзей — не уступать. Письма ея исполнены увѣреніями, что именно такъ хочетъ Богъ, и предвѣщаніями: «Церковь явится; народъ Вѣчнаго соберется... Буря приближается и школы закроются; не будетъ больше священниковъ по образу людей. Священство пріятное Господу будетъ возстановлено, и будетъ преподаваться служеніе чистой любви». Въ другомъ письмѣ: «Скоро бѣдствія заставятъ серьезно подумать тѣхъ, которые васъ преслѣдуютъ. Какъ страшенъ судъ божій! Молитесь ревностно Богу за этихъ несчастныхъ; они слышны». Дальше: «Монахи преклоняются къ землѣ. Многочисленные обращенія совершились въ прусской арміи и уже свѣтитъ заря этой достопамятной эпохи. 1816 г. будетъ очень замѣчательнъ», и т. д. Кончилось тѣмъ, что Эмпейтазу нечѣмъ было жить и нечѣмъ кормить старуху мать. Г-жа Крюднеръ поспѣшила поздравить его съ этимъ, потому что «это такъ и должно быть» по ея теоріи. Но впрочемъ она сообразила, что у него не было такихъ доходовъ, какъ у нея, и пригласила его пріѣхать къ себѣ. Онъ поселился пока у Оберлина, съ которымъ и раздѣлил его пастырско-филантропическіе труды.

Вмѣсто 1816 года въ другихъ предсказаніяхъ г-жи Крюднеръ называется 1815-й. Годы ставились конечно на угадъ, и заниматься предвѣщательствомъ было довольно удобно. Г-жа Крюднеръ жила въ Карлсруэ и Баденѣ; при баденскомъ дворѣ соединялись тогда весьма различные элементы, на которыхъ отражалось тревожное положеніе вещей. Здѣсь была въ то время дочь маркграфини баденской, императрица Елизавета Алексѣевна, которая отсюда должна была отправиться въ Вѣну, гдѣ собирався конгрессъ; здѣсь была королева шведская, далѣе великая герцогиня Стефанія, адоптивная дочь Наполеона, королева Гортензія. Понятно, что тогдашнія политическія тревоженія чувствовались здѣсь особенно сильно, и при разгоряченной фантазіи,

вакою отличалась г-жа Крюднеръ, ей не мудрено было вообразить себя прорицательницей. Самъ біографъ, принимающій серьезно «откровенія» г-жи Крюднеръ, пишетъ объ этомъ времени: «*Событія*, быстро смѣнявшіяся однѣ другими (рѣчь идетъ о 1813 г. и первой половинѣ 1814 года), казалось, *предсказывали* новые ужасы и новые перевороты». Г-жа Крюднеръ и воспользовалась этимъ. Ея предсказанія были того же качества, какъ у Маріи Кумринъ: онѣ были достаточно темны, чтобъ ихъ можно было ловить на словѣ; онѣ затрогивали всеобщее тревожное чувство и потому дополнялись собственными соображеніями тѣхъ, кому высказывались; наконецъ, онѣ вовсе не оправдывались.

Ей какъ будто представлялось нѣчто въ родѣ свѣтопреставленія, или именно начала тысячелѣтняго царства. «Приближается великая эпоха—писала она нѣсколько позднѣе г-жѣ Арманъ:—все будетъ низпровержено, *школы, человѣческія науки, госуда́рства, троны* (!!!). Дѣти божіи будутъ собраны. Просите великой ревности, любезная и драгоценная подруга»... Біографъ смотритъ на эти прорицанія, какъ на нѣчто дѣйствительно сверхъестественное. Правда, вполнѣдствіи ей случилось менѣе двусмысленно говорить объ императорѣ Александрѣ; но остальное оказалось совсѣмъ неловко: нѣкоторые (Наполеоновскіе) *троны* дѣйствительно попадали, но возстановились на ихъ мѣсто старыя; *школы* и *человѣческія науки* остались цѣлы совершенно; «священники по образу *человѣческому*» господствовали по прежнему; «собравшееся стадо» совсѣмъ разбелось, свѣтопреставленія не произошло, и 1816 годъ, если и былъ замѣчательнъ, то вовсе не въ томъ смыслѣ, какъ ожидала г-жа Крюднеръ. Онъ былъ началомъ ея послѣдней, рѣшительной неудачи.

IV.

Первая встрѣча съ императоромъ Александромъ.

«Обязанности», которыя требовали присутствія г-жи Крюднеръ въ Карлсруэ, были, какъ видно, обязанности придворнаго свойства. Расходясь съ обществомъ и съ церковью, г-жа Крюднеръ оставалась въ самыхъ мирно-любезныхъ отношеніяхъ къ придворной сферѣ, и удачно ладила со всѣми взаимно враждебными сторонами: она поддерживала отношенія съ королевой Гортензіей и была въ дружбѣ съ ея довѣреннымъ лицомъ, m-lle Кошле, но въ тоже время нашла союзниковъ и на другой сторонѣ.

Въ Карлсруэ жила тогда, какъ мы замѣтили, императрица Елизавета Алексѣевна, ненавидѣвшая все, что имѣло отношеніе къ Наполеону, и потому холодная къ Гортензін и Стефаніи. Биографъ рассказываетъ, что г-жа Крюднеръ «быстро отличила въ числѣ дамъ императрицы одну изъ тѣхъ избранныхъ душъ, встрѣча съ которыми слишкомъ рѣдко освѣщаетъ наше странничество въ этомъ мірѣ». Эта избранная душа была фрейлина императрицы Елизаветы, m-lle Стурдза.

Надо думать, что г-жа Крюднеръ имѣла особыя причины «быстро» сблизиться съ г-жей Стурдза. Роксандра (Александра) Скарлатовна Стурдза, сестра извѣстнаго Александра Стурдзы, по отзывамъ современниковъ, женщина замѣчательно умная и любезная, была любимой фрейлиной императрицы Елизаветы Алексѣевны. Одаренная пылкимъ воображеніемъ, она увлеклась въ мистицизмъ, господствовавшій тогда эпидемически, и наклонилась въ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ съ княземъ А. Н. Голицынымъ, также съ извѣстнымъ мистикомъ Род. Алекс. Кошелевымъ (гофмейстеромъ и членомъ государственнаго совѣта) и кн. С. С. Мещерской. «Всѣ сіи лица—рассказываетъ одинъ ихъ почитатель, — вели жизнь сокровенную въ Богѣ, и время развѣ раскроетъ потомству подвижничество ихъ, угодное Благословенному государю, Александру I». Съ самимъ императоромъ фрейлина Стурдза сблизилась особенно, кажется, уже въ Вѣнѣ, — но положеніе ея и въ это время, наканунѣ вѣнскаго конгресса, было уже таково, что сближеніе съ ней могло доставить сильныя придворныя связи. Впослѣдствіи, въ 1816 г., Роксандра Стурдза вышла замужъ за веймарскаго министра, графа Эдлинга, и жила въ Веймарѣ. Во время греческаго возстанія, она вмѣстѣ съ своимъ братомъ принимала дѣятельное участіе въ судьбѣ грековъ, спасавшихся тогда въ Россію, при содѣйствіи князя Голицына успѣла устроить сборъ по всей Россіи пособій для грековъ, приходившихъ въ Россію, и для выкупа другихъ изъ турецкаго плѣна. Въ 1824 г. она убѣдила мужа переселиться въ Россію и основалась въ Одессѣ¹⁾.

Г-жа Крюднеръ завязала съ ней самую дружескую связь, цѣль которой едва ли ограничивалась одной евангельской любовью. При ея содѣйствіи, конечно, г-жа Крюднеръ сблизилась и съ самой императрицей. Объ этомъ важномъ дѣлѣ она извѣщала своихъ друзей такъ (въ сентябрѣ 1814 г.):

¹⁾ См. «Краткое свѣдѣніе объ А. С. Стурдзѣ», въ «Чтеніяхъ М. Общ.», 1864, II, 198; «Надгробное слово кн. А. Н. Голицыну», А. Стурдзы, Спб. 1859, стр. 4, 5, 19; «Зал. Вигела», III, ч. V, стр. 63; Perts, Stein's Leben, V, 51.

«Меня постоянно задерживали (отъ поѣдки къ Оберлину, у котораго жилъ и Эмпейтазъ) важныя вещи, и я чувствовала въ душѣ, что я *еще не кончила*. Господь удостоилъ привязать душу императрицы къ пламеннымъ желаніямъ моея души; я не одинъ разъ работала (j'ai eu plus d'un travail) съ этой ангельской женщиной, и въ послѣднее время, когда она уѣзжала, я считала себя свободной и стремилась присоединиться къ вамъ въ любезной моему сердцу долину, но внутренней голосъ говорилъ мнѣ: *дѣло еще не кончено*».

«Работа», о которой говорить г-жа Крюднеръ, были конечно бесѣды съ императрицей. въ которыхъ она вела свою пропаганду, вѣроятно молитвы вмѣстѣ, которыя тогда уже входили въ программу ея «церкви». Дальше она дѣйствительно упоминаетъ, что проповѣдовала Христа императрицѣ, королевѣ голландской и пр., «возвѣщая имъ великія событія».

Отправившись наконецъ къ своимъ друзьямъ, г-жа Крюднеръ ревностно проповѣдовала; они дѣлали молитвенныя собранія, на которыя собиралось множество посѣтителей; г-жа Крюднеръ давала религиозно-наставительные сеансы желающимъ; въ числѣ обращенныхъ былъ между прочимъ полицейскій генераль-комиссаръ въ Майнцѣ, Берггеймъ: онъ оставилъ полицейскую службу, къ великимъ сожалѣніямъ своего семейства «отказался отъ всякихъ повышеній(!), чтобы посвятить себя царству божію», по словамъ біографа. Съ тѣхъ поръ онъ состоялъ при г-жѣ Крюднеръ и впоследствии женился на ея дочери.

Между тѣмъ, когда г-жа Стурдза отправилась съ императрицей въ Вѣну, г-жа Крюднеръ продолжала вести съ ней дѣятельную переписку. Письма ея заняты конечно тѣми же предметами, которые составляли ея «ученіе», совѣтами предаться Христу, обратиться къ «океану любви», и т. д. Предвѣщанія на этотъ разъ начинаютъ ближе касаться императора Александра.

По словамъ біографа, г-жа Крюднеръ «снимала для г-жи Стурдза повязку, закрывавшую глаза дипломатовъ», проводившихъ время въ увеселеніяхъ и не видѣвшихъ хода событій. Она дѣйствительно (въ письмѣ отъ 27 октября 1814 г.) возстаетъ противъ этихъ «печальныхъ удовольствій», грозитъ бѣдствиями, утверждаетъ, что «ангелъ, отмѣчающій предохранительной кровью двери избранныхъ, проходить, и свѣтъ не видитъ его; онъ считаетъ головы, судъ приближается, онъ близокъ, а люди волнуются на вулканѣ». Въ письмѣ говорилось также о Франціи: «бура приближается; эти лиліи... явились, чтобы исчезнуть». Дальше она говоритъ объ императорѣ Александрѣ:

«Вамъ хотѣлось бы говорить о столькихъ великихъ и глу-

бокихъ прекрасныхъ качествахъ души императора. Мнѣ вѣжется, что я уже много знаю о немъ. Я уже давно знаю, что Господь дастъ мнѣ радость его видѣть. Если я буду жива, это будетъ одной изъ счастливыхъ минутъ моей жизни... Я имѣю множество вещей сказать ему, потому что я испытала многое по его поводу (*j'ai d'immenses choses à lui dire, car j'ai beaucoup éprouvé à son sujet*): Господь одинъ можетъ приготовить его сердце къ принятію ихъ; я не беспокоюсь объ этомъ; мое дѣло быть безъ страха и безъ упрека; его дѣло преклониться передъ Христомъ, истиной».

Г-жа Стурдза была поражена этими предсказаніями, и послала письмо императору Александру; онъ получилъ сильное желаніе видѣть г-жу Крюднеръ.

Не трудно объяснить себѣ, почему экзальтація г-жи Крюднеръ обращалась въ эту сторону. Биографъ утверждаетъ, что «г-жа Крюднеръ, по образу *своего* учителя (!), имѣла симпатію ко всѣмъ классамъ, всѣмъ положеніямъ и возрастамъ; она любила дѣтей», и такъ далѣе. Но вѣжется еще больше она любила придворную сферу, и успѣхи въ этой сферѣ были особенно ей интересны. Личность императора Александра стояла въ это время такъ высоко, что примкнуть къ ней такъ или иначе могло быть достаточнымъ предметомъ честолюбивыхъ исканій. А теперь именно представлялась возможность этого съ той стороны, которую г-жа Крюднеръ считала своей спеціальностью. Ей не трудно было знать о тогдашнемъ настроеніи императора; ей конечно были извѣстны факты, изъ которыхъ обнаруживалось, что прежняя наклонность къ сентиментальности теперь принимала у императора все больше и больше характеръ религіознаго мистицизма. Ей были извѣстны, напр., его участіе въ русскому Библейскому Обществу, его покровительство Юнгу Штилингу ¹⁾, его бесѣда съ квакерами во время посѣщенія имъ Лондона; одного изъ этихъ кваверовъ она встрѣтила вскорѣ послѣ того, такъ что могла знать всѣ подробности (*ce cher Grellet le quaker, que nous aimons bien*); много подобныхъ подробностей могла сообщить ей теперь же г-жа Стурдза. Словомъ, въ томъ настроеніи, въ какомъ находился тогда императоръ Александръ, и которое было ей извѣстно, г-жа Крюднеръ находила достаточно поводовъ и надеждъ на сближеніе, въ которому она теперь такъ пламенно стремилась.

¹⁾ Въ упомянутомъ письмѣ къ г-жѣ Стурдза: «князь Голицынъ прислалъ мнѣ гасичу гульденовъ (эку) для нашего стараго Юнга. Я угадываю руку, которая послаетъ ихъ, но молчу. Да благословитъ Всевышній эту руку» и пр.

Въ это время она вообще была очень занята: «ея ревность къ обращенію грѣшниковъ получила новую силу. Она уже основала общество молитвъ, члены котораго обязались молиться спеціально за большое число лицъ. Разсѣянные отъ Балтійскаго до Средиземнаго моря, они приняли имена діаконовъ и діакониссъ: согласіе ихъ горячихъ молитвъ было источникомъ великихъ благодатей». Все время ея было занято ея «обязанностями». Пасторъ Фонтэнъ, между прочимъ, опять сталъ просить г-жу Крюднеръ купить землю въ Вюртембергѣ, гдѣ онъ хотѣлъ основать что-то въ родѣ прежней христіанской колоніи, — и успѣлъ въ этомъ, хотя, казалось бы, его патронша должна была наконецъ понять, съ вѣмъ имѣеть дѣло. Біографъ рассказываетъ, что среди своихъ трудовъ, г-жа Крюднеръ почти не имѣла отдыха, и должна была отказаться отъ дружеской переписки: «до такой степени посѣщенія и *дѣла царства божія* (*les affaires du règne de Dieu*) занимали все ея время».

Но конечно она не отказалась отъ переписки съ г-жей Стурдза. Отъ 4-го февраля 1815 г., г-жа Крюднеръ писала ей между прочимъ: «Величіе миссіи императора въ послѣднее время было еще открыто мнѣ такъ, что мнѣ непозволительно въ ней сомнѣваться. Я преклонялась передъ щедротами Господа, который далъ столько благословеній этому орудію милосердія. Ахъ, какъ мало міръ знаетъ о всемъ томъ, что ожидаетъ его, когда священная политика возьметъ въ бразды все, и когда солнце правосудія покажется для самыхъ слѣпыхъ. Да, милый другъ, я убѣждена, что я *имѣю множество вещей сказать ему*, и хотя князь тѣмъ дѣлаетъ все возможное, чтобы удалить и помѣшать тѣмъ, кто можетъ говорить съ нимъ о божественныхъ вещахъ, Всемогущій будетъ сильнѣе его. Богъ, который любитъ пользоваться тѣми, кто въ глазахъ свѣта служитъ предметомъ униженія и насмѣшекъ, приготовилъ мое сердце въ тому смиренію, которое не ищетъ одобренія людей. Я только ничтожество. Онъ все, и земные цари трепещутъ передъ нимъ», и проч.

Въ февралѣ 1815 г., г-жа Крюднеръ, «по откровенію свыше», какъ серьезно говоритъ ея біографъ, поселилась близъ Шлузтерна, въ курфиршествѣ гессенскомъ; она принялась проповѣдовать въ тамошнемъ населеніи, которое впрочемъ и безъ того уже возбуждено было до послѣдней степени піетистами и Юнгомъ Штиллиномъ. Экзальтація доходила до того, что цѣлыя общины продавали свое имущество, чтобы отправиться искать тѣхъ странъ, гдѣ должно быть въ скоромъ времени основано царство Христово на землѣ. Штиллингъ указывалъ это мѣсто за Кавказомъ; у горы Арарата, куда многія тысячи этихъ несчастныхъ

послѣдователей его (въ особенности изъ Вюртемберга и Баваріи) и дѣйствительно отправились ¹⁾). Биографъ утверждаетъ, что г-жа Крюднеръ «старалась удерживать эти увлеченія воображенія, проповѣдуя повинновеніе и покорность, покаянiе и возрожденіе св. Духомъ». Можетъ быть; но ея проповѣдь дѣйствовала однако именно въ томъ же, бесплодно возбуждающемъ родѣ, и производила далеко не полезное волненіе простодушныхъ людей.

Навонецъ, Наполеонъ ушелъ съ острова Эльбы. Почитатели г-жи Крюднеръ были убѣждены, что она это и предсказывала. Сама она, въ письмѣ къ г-жѣ Стурдза (въ апрѣлѣ 1815), положительно говоритъ, что они «были вѣрно объ этомъ извѣщены милосердіемъ Бога»; она говоритъ, что въ послѣднее время много дѣлаетъ путешествій, и такъ какъ многимъ кажется, что ей бывають извѣстны впередъ политическія событія, то считаютъ, что она принимаетъ участіе въ политическихъ дѣлахъ. Она говоритъ объ этомъ съ большимъ пренебреженіемъ: «увы! еслибъ я знала только то, что происходитъ въ кабинетахъ, я знала бы очень мало и оставалась бы въ мракѣ». Въ слѣдующемъ письмѣ (въ маѣ), она проситъ свою пріятельницу молиться о ней, чтобы она могла выполнить свои *великія обязанности* и не осталась виновной за недостатокъ любви къ Богу, который «осыпаетъ ее благодѣянiями и слышитъ каждую ея молитву».

Когда императоръ Александръ отправился изъ Вѣны къ дѣйствующей арміи, г-жа Крюднеръ поджидала его въ Гейльброннѣ, на пути къ Гейдельбергу. Здѣсь произошла ихъ первая встрѣча, которая потомъ завязала между ними на нѣсколько времени тѣсныя религіозно-мистическія отношенія.

Эти любопытныя отношенія еще не были достаточно разъясняемы въ нашей исторической литературѣ. Религіозная сторона характера императора Александра, какъ и другія стороны этого сложнаго и обильнаго противорѣчіями характера, еще ждутъ своего опредѣленія. Въ настоящемъ случаѣ мы ограничиваемся нѣсколькими подробностями, какія обнаруживаются въ отношеніяхъ императора къ г-жѣ Крюднеръ.

По различнымъ рассказамъ ²⁾, религіозное настроеніе въ первый разъ сильно овладѣло императоромъ Александромъ въ 1812 г. Кн. Мещерская рассказываетъ, что около половины 1812 г. импе-

¹⁾ См. рассказъ объ ихъ печальной судьбѣ въ книгѣ Пинкертонна, *Russia*, стр. 148 — 152.

²⁾ Ср. *Schnitzler*, *Histoire intime de la Russie*, 1847; — *Pinkerton*, *Russia*, стр. 366 и слѣд. (рассказъ княгини С. С. Мещерской); — (*Empyraz*) *Notice sur Alexandre, empereur de Russie*. Par. H. L. E., ministre du Saint-Evangile. Genève 1828 (46 стр.) и др.

раторъ, уѣзжая изъ Петербурга и уже простившись съ семействомъ, удалился въ свой кабинетъ и оканчивалъ нѣкоторыя дѣла передъ отъѣздомъ. Въ это время къ нему вошла женская фигура, которой онъ сначала не узналъ, потому что комната была мало освѣщена. Удивленный такимъ необычнымъ посѣщеніемъ, онъ подошелъ къ ней и узналъ графиню Толстую; она, извинившись въ своей смѣлости, сказала, что хотѣла пожелать ему счастливаго пути, и подала ему бумагу. Императоръ, всегда снисходительный, поблагодарилъ ее и простился съ ней: бумагу онъ спряталъ въ карманъ, предполагая, что это какая-нибудь просьба и что онъ займется ею на досугѣ. На первомъ ночлегѣ, онъ вспомнилъ объ этой бумагѣ и желая развлечься отъ тяготившихъ его заботъ, вынулъ ее и сталъ читать. Но къ изумленію своему онъ увидѣлъ, что въ ней заключался 91-й псаломъ. Онъ прочелъ его и это чтеніе успокоило его.

Потомъ, черезъ значительный промежутокъ времени, онъ былъ въ Москвѣ, въ одинъ изъ критическихъ періодовъ своей жизни. Однажды, оставаясь одинъ въ кабинетѣ, онъ перебиралъ у себя на столѣ книги, и одна изъ нихъ при этомъ упала — и раскрылась, и когда Александръ поднялъ и взглянулъ на нее, онъ увидѣлъ тотъ же псаломъ, который одинъ разъ уже доставлялъ ему утѣшеніе. «Онъ прочелъ его, и нашелъ, что каждое слово псалма примѣнялось къ нему самому; и даже впоследствии, до послѣдней своей минуты, онъ всегда имѣлъ при себѣ этотъ псаломъ, выучилъ его наизусть, и каждое утро и вечеръ читалъ его при молитвѣ».

Есть другіе варианты этого разсказа съ другими подробностями, между прочимъ въ брошюрѣ Эмпейтаза и въ біографіи г-жи Крюднеръ. Мы не будемъ останавливаться на нихъ и разбирать, который точнѣе; достаточно замѣтить тотъ общій фактъ, что это религиозное настроеніе началось съ особенной силой въ тотъ моментъ, когда императоръ Александръ подвергался наибольшимъ и дѣйствительно тяжелымъ испытаніямъ. По различнымъ разсказамъ объ его религиозномъ характерѣ (разсказамъ, большей частью идущимъ отъ людей пѣтистическаго настроенія), до этого времени религиозное чувство дремало въ немъ: «онъ пренебрегалъ источникомъ всякой благодати, онъ не уразумѣвалъ его — онъ былъ совершенно лишень истинной вѣры» (по словамъ княгини Мещерской); при всѣхъ благородныхъ и истинно христіанскихъ стремленіяхъ, которыя были ему врождены, онъ не имѣлъ настоящаго религиознаго чувства, и хотя часто рѣшался исправить свою жизнь, но «его планы исправленія падали при самомъ началѣ; благодать божія, которая одна можетъ из-

мѣнить человѣка, еще не касалась этого невозрожденнаго сердца» (по словамъ женеваго методиста). Теперь, когда стало совершаться это возрожденіе, въ направленіи мыслей и чувствованій императора произошла перемѣна, увлекшая его въ религіозный мистицизмъ. Кн. Мещерская приводитъ слова, которыя говорилъ онъ впоследствии: «я чувствовалъ себя ребенкомъ; опытъ показалъ мнѣ мою несостоятельность; вѣра побудила меня отдаться Тому, кто говорилъ ко мнѣ въ псалмѣ, и внушила мнѣ увѣренность и силы, совершенно для меня новыя. При каждой новой трудности, которую нужно было преодолѣть, при каждомъ рѣшеніи, которое нужно было принять, и при каждомъ вопросѣ, который надо было рѣшить, я преклонялся къ ногамъ моего небснаго Отца — или, углубляясь въ себя на нѣсколько минутъ, я взывалъ къ нему изъ глубины моего сердца, и все чудеснымъ образомъ улаживалось, рѣшалось и исполнялось; всѣ затрудненія исчезали передъ Господомъ, который шельъ впереди меня. Я непрестанно читаю его слово», и т. д. ¹⁾

Не останавливаясь на дальнѣйшихъ подробностяхъ религіозной исторіи императора Александра, уважемъ еще нѣкоторыя общія черты. Прежде всего надобно замѣтить, что его стремленія не удовлетворились обычными церковными формами, и это довольно понятно. Воспитаніе не привязало его къ нимъ; напротивъ, содержаніе его понятій было чуждо этимъ формамъ, оно исполнено было гуманистическими идеалами, въ которыхъ церковность входила очень мало, или не входила вовсе; въ немъ было вѣроятно извѣстное скептическое отношеніе къ формальной религіи. При этомъ общемъ характерѣ его идеальныхъ стремленій, какъ скоро въ немъ пробудилась религіозная потребность, она естественно должна была удовлетворяться только извѣстными идеальными формами религіозности, въ которыхъ входили бы черты его прежнихъ представленій; въ его религіи должны были заключаться сентиментальная романтика и гуманистическіе идеалы. Поэтому онъ и былъ такъ склоненъ къ внушеніямъ піетистовъ и мистиковъ. Съ этого времени его занимаетъ и мысль о наилучшей церковной формѣ въ современномъ христіанствѣ. Онъ конечно признавалъ ту «внутреннюю церковь», которую въ то же время проповѣдовали его приближенные піетисты; противорѣчіе ея съ «внѣшней» церковью, на которое указывала библейско-мистическая школа, было замѣтно ему самому и должно было увеличивать его колебанія. Съ своего перваго религіознаго порыва Александръ былъ очень впе-

¹⁾ Pinkerton, Russia, 369.

чатлителенъ къ возбужденіямъ піэтистическаго характера; внутренняя борьба и неудовлетворенность заставляли его даже искать ихъ. Когда наполеоновскія войны перешли за предѣлы Россіи, и Александръ отправился за границу, для такихъ возбужденій отрывалось широкое поле. На первыхъ же порахъ онъ раздѣляетъ свои религіозныя мечтанія съ королемъ прусскимъ; онъ посѣщаетъ въ Силезіи общины моравскихъ братьевъ, которые поразили его и виѣшнимъ благоустройствомъ своего быта и характеромъ своей религіозности; въ Баденѣ онъ бесѣдуетъ съ Юнгомъ Штиллингомъ; въ Лондонѣ онъ оказываетъ большую благосклонность къ квакерамъ, выражаетъ сочувствіе депутаціи британскаго Библейскаго Общества, и т. д.

Фарнгагенъ фонъ-Энзе въ своихъ «Воспоминаніяхъ» приводитъ любопытный-рассказъ Юнга Штилинга объ одномъ его разговорѣ съ императоромъ. Этотъ разговоръ не лишень интереса, какъ образчикъ религіозныхъ вопросовъ, тогда занимавшихъ императора.

«Юнгъ Штилингъ рассказывалъ, что императоръ Александръ однажды, послѣ продолжительнаго религіознаго разговора, самымъ настоятельнымъ образомъ вызывалъ Штилинга сказать ему, какая изъ христіанскихъ партій, по его мнѣнію, всего больше согласуется съ истиннымъ, чистымъ ученіемъ Христа? Вопросъ не былъ поставленъ такъ сурово, какъ тотъ, на который Наеанъ долженъ былъ отвѣчать Саладину у Лессинга, и Юнгъ не прибѣгнулъ къ сказкѣ, но откровенно признался, что у него нѣтъ отвѣта на этотъ вопросъ, что во всѣхъ христіанскихъ исповѣданіяхъ и сектахъ есть свое хорошее, что ни одна изъ христіанскихъ формъ не закрываетъ пути къ блаженству, что все дѣло заключается въ самомъ человѣкѣ, въ его настроеніи и его дѣйствіяхъ. Императоръ не довольствовался этимъ и думалъ, что должно же быть гдѣ-нибудь больше или меньше, и что таковой изслѣдователь, какъ Юнгъ, долженъ былъ увидѣть, куда склоняются всѣхъ. На новыя настоянія императора и послѣ нѣкотораго размышленія, не можетъ ли онъ какъ-нибудь уступить ему, Юнгъ опять могъ только сказать ему, что его совѣсть не позволяетъ ему допустить здѣсь какое-нибудь предпочтеніе. Наконецъ императоръ сказалъ, что для него самого это дѣло почти рѣшенное, что ему хотѣлось только видѣть свое мнѣніе подтвержденнымъ и другими, что, по его мнѣнію, всего больше отвѣчаютъ этому первообразу герригутеры. «О, да, прибавилъ Юнгъ, герригутеры отличные люди и конечно я люблю ихъ; но и здѣсь дѣло опять не въ формѣ, и если только человѣкъ есть человѣкъ»

хорошій, онъ во всякой формѣ можетъ преуспѣвать». Императоръ не могъ добиться отъ него ничего больше¹⁾.

Мы расскажем въ другомъ мѣстѣ о сношеніяхъ императора Александра съ другимъ, хотя близкимъ, разрядомъ религиозныхъ энтузіастовъ, съ квакерами, въ которыхъ ему опять сочувственно было духовное пониманіе религіи и доведеніе религиознаго принципа до степени единственнаго руководства жизни.

Всѣ эти оригинальныя сближенія показываютъ, какъ сильна была тогда въ Александрѣ религиозная впечатлительность, и какъ внутренняя неудовлетворенность искала себѣ отвѣта въ разныхъ видахъ крайняго религиознаго увлеченія. При этомъ настроеніи его понятно и то впечатлѣніе, какое произвела на него г-жа Крюднеръ.

Въ 1814, во время пребыванія въ Лондонѣ, Александръ бесѣдовалъ съ квакерами, и біографъ г-жи Крюднеръ, быть можетъ не безъ основанія, думаетъ, что его разговоръ съ квакерами о религиозной дѣятельности женщинъ, которую квакеры признавали во всей силѣ — не остался безъ вліянія на императора, и что при встрѣчѣ съ г-жей Крюднеръ онъ уже не имѣлъ никакого предубѣжденія, которое бы мѣшало ея роли. Кромѣ того императоръ тѣмъ легче могъ признать за нею ея проповѣдническую роль, что въ женскомъ обществѣ, — которое Александръ вообще очень любилъ, — онъ встрѣчалъ въ это время примѣры уселеннаго благочестія, отъ которыхъ переходъ къ г-жѣ Крюднеръ уже не имѣлъ въ себѣ ничего особенно рѣзкаго (напр. кн. Мещерская, гр. Толстая, г-жа Стурдза и пр.); — притомъ онъ зналъ о ней уже впередъ и именно отъ лицъ, которыя превлѣлись предъ ея святостью.

Онъ слышалъ чтеніе одного письма г-жи Крюднеръ къ г-жѣ Стурдза, и патетическій тонъ письма кажется произвелъ на него впечатлѣніе. Вѣнская жизнь во время конгресса легко могла увлечь императора отъ его религиозныхъ влеченій, и дѣйствительно рядъ праздниковъ и всевозможныхъ удовольствій не давалъ времени и повода для благочестивыхъ разсужденій. Но полученное внезапно извѣстіе о томъ, что Наполеонъ оставилъ островъ Эльбу и уже двигается къ Парижу, произвело крайне

¹⁾ *Denkwürdigkeiten des eignen Lebens*, 2 изд., Leipz. 1843, III, 360—361. Юнгъ Штилингъ, кажется, не имѣлъ особеннаго дѣйствія на мысли императора. Эмпейтазъ, съ своей стороны, говоритъ, что Штилингъ не имѣлъ яснаго представленія о простыя евангельскихъ истинахъ и не могъ дать Александру истинныхъ утѣшеній религіи. (*Notice*, стр. 8). Это конечно предоставлено было по его мнѣнію, никому иному какъ г-жѣ Крюднеръ.

смятеніе, и самъ Александръ не могъ скрыть тревожнаго волненія. Обстоятельства въ самомъ дѣлѣ были таковы, что только человекъ съ очень твердой энергіей могъ не смутиться передъ ними: Александръ имѣлъ случай разочароваться въ своихъ союзникахъ, а между тѣмъ ему предстояла теперь новая борьба съ страшнымъ противникомъ, имя котораго распространяло энтузіазмъ во Франціи... Александръ отправился къ дѣйствующей арміи, полный безпокойнаго чувства. Передъ нимъ опять вставали мрачныя мысли о своей грѣховности, о ничтожествѣ человѣческихъ плановъ передъ волей Провидѣнія; неизвѣстность тяготила его, и ему вспомнились назиданія и предвѣщанія г-жи Крюднеръ. На пути къ арміи онъ остановился въ Гейльброннѣ, не доѣзжая недалеко до Гейдельберга ¹⁾). Утомленный дорогой, онъ удалился въ свою комнату, когда ему доложили, что его настоятельно желаетъ видѣть г-жа Крюднеръ. Онъ былъ пораженъ неожиданнымъ ея появленіемъ въ ту самую минуту, когда онъ именно вспоминалъ о ней, и когда у него являлось желаніе видѣть ее: онъ тотчасъ принялъ ее.

«Въ этомъ первомъ свиданіи, — рассказываетъ близкій свидѣтель событій ²⁾ — г-жа Крюднеръ старалась побудить Александра углубиться въ самого себя, показывая ему его грѣховное состояніе, заблужденія его прежней жизни и гордость, которая руководила имъ въ его планахъ возрожденія.

— Нѣтъ, государь, рѣзко сказала она ему, вы еще не приближались къ Богочеловѣку какъ преступникъ, просящій о помилованіи. Вы еще не получили помилованія отъ того, кто одинъ на землѣ имѣетъ власть разрѣшать грѣхи. Вы еще остаетесь въ своихъ грѣхахъ. Вы еще не смирились предъ Иисусомъ, не сказали еще какъ мытарь, изъ глубины сердца: Боже, я великій грѣшникъ, помилуй меня! И вотъ почему вы не находите душевнаго мира. Послушайте словъ женщины, которая также была великой грѣшницей, но нашла прощеніе всѣхъ своихъ грѣховъ у подножія вѣста Христова.

«Въ этомъ смыслѣ г-жа Крюднеръ говорила къ своему государю въ теченіи почти трехъ часовъ. Александръ могъ сказать только нѣсколько отрывочныхъ словъ; опустивъ голову на руки, онъ проливалъ обильныя слезы. Всѣ слова, имъ слышанныя, были, по выраженію Писанія, какъ обоюдоострый мечъ, проникающій до раздѣленія души и духа и судящій чувствованія и помысленія сердечныя. Наконецъ г-жа Крюднеръ, испуганная тѣмъ

¹⁾ Упомянутые нами рассказы (у Линкертонна, Шнидлера, Эйнара и др.) нѣсколько разнятся въ подробностяхъ относительно происшедшей здѣсь встрѣчи императора съ г-жей Крюднеръ. Но въ главномъ они сходны.

²⁾ Notice sur Alexandre etc., стр. 12—14.

тревожнымъ состояніемъ, въ какое слова ея повергли Александра, сказала ему: государь, я прошу васъ простить мнѣ тонъ, какимъ я говорила. Повѣрьте, что я со всей искренностью сердца и передъ Богомъ сказала вамъ истины, которыя еще не были вамъ сказаны. Я только исполнила священный долгъ относительно васъ.... Не бойтесь, отвѣчалъ Александръ, всѣ ваши слова наши мѣсто въ моемъ сердцѣ: вы помогли мнѣ открыть въ себѣ самокъ вещи, которыхъ я никогда еще въ себѣ не видѣлъ; я благодарю за это Бога; но мнѣ нужно часто имѣть такіе разговоры и я прошу васъ не удаляться».

На другой день, 5 іюня, Александръ отправился въ главную квартиру. Тотчасъ по приѣздѣ онъ написалъ г-жѣ Крюднеръ, чтобы она приѣхала также, потому что ему хотѣлось подробнѣе говорить о томъ, что давно занимало его мысли. Г-жа Крюднеръ отправилась, и 9-го была въ Гейдельбергѣ. Она поселилась въ простомъ крестьянскомъ домикѣ, на лѣвомъ берегу Неккара, въ десяти минутахъ отъ того дома, гдѣ жилъ (за городомъ) императоръ. Сюда онъ приходилъ обыкновенно черезъ день, по вечерамъ, и проводилъ по нѣсколькѣ часовъ въ душеспасительныхъ бесѣдахъ, чтеніи Писанія и въ молитвахъ съ г-жей Крюднеръ, и ея спутникомъ и сотрудникомъ Эмпейтазомъ. Императоръ обнаруживалъ величайшее смиреніе, говорилъ съ своими собесѣдниками о состояніи своей души, о своихъ прежнихъ грѣхахъ и заблужденіяхъ, и о томъ спокойствіи, которое приобрѣталъ онъ теперь.... Мы не будемъ подробно рассказывать этихъ бесѣдъ. Довольно привести нѣсколько частныхъ. Императоръ больше и больше проникался убѣжденіемъ въ своей грѣховности, въ силѣ покаянія и смиренной молитвѣ. Однажды, когда бесѣда шла объ этомъ предметѣ, онъ сказалъ: «и я могу увѣрить васъ, что часто, когда мнѣ случалось бывать въ слабыхъ (такъ онъ выразился) положеніяхъ, я выходилъ изъ нихъ молитвой. Я скажу вамъ вещь, которая чрезвычайно удивила бы свѣтъ, еслибъ была извѣстна: когда въ совѣщаніяхъ съ моими министрами, далеко не имѣющими моихъ принциповъ, они бывають противоположныхъ мнѣній, я, вмѣсто того чтобы спорить, творю внутренно молитву, и они мало-по-малу приходятъ въ принципамъ чловѣколюбія и справедливости». Онъ уже давно принялъ обыкновеніе каждый день читать св. писаніе, теперь это чтеніе получало для него еще больше мистическаго значенія, и онъ искалъ въ немъ непосредственныхъ отвѣтовъ на свои сомнѣнія. «19-го іюня, — рассказываетъ Эмпейтазъ, — онъ читалъ 35-й псаломъ; вечеромъ онъ сказалъ намъ, что этотъ псаломъ разсѣялъ въ его душѣ всѣ оставшіяся у него безповойства относительно успѣха

войны; онъ былъ убѣжденъ, что дѣйствовалъ согласно съ волей Божіей».

Эти посѣщенія императоромъ г-жи Крюднеръ не могли не обратить на себя вниманія, и имъ приписывали политическую причину. Эмпейтазъ отвергаетъ эти толкованія. Онъ говоритъ, что г-жа Крюднеръ и онъ, призванные особой волей Провидѣнія успокоить душу императора и дать ему утѣшенія вѣры, нарушили бы самыя священныя обязанности, если бы дали мѣсто какому-нибудь постороннимъ планамъ; и что люди разныхъ партій, окружавшіе ихъ, никогда не могли воспользоваться ими для своихъ цѣлей. «Нѣтъ, нѣтъ, когда есть убѣжденіе, что за смертью слѣдуетъ судъ и притомъ судъ, рѣшающій на всю вѣчность; когда знаешь, что человѣкъ, умирающій внѣ общенія со Христомъ, умираетъ, также какъ родился, въ осужденіи; тогда невозможно занимать того, кто ищетъ истинъ Евангелія, какими-нибудь иными предметами кромѣ этихъ неизмѣнныхъ истинъ».

Эмпейтазъ конечно говорилъ искренно, — хотя въ концѣ концовъ эти посѣщенія имѣли и политическое значеніе: люди, окружавшіе императора, должны были понимать, что піэтизмъ, въ который императоръ увлекался, естественно можетъ поудѣйствовать и на его политическую систему, какъ это впоследствии и случилось. Что у г-жи Крюднеръ (а у сотрудника ея еще меньше) не было никакихъ особенныхъ политическихъ плановъ, этому можно повѣрить: для ея самолюбія знаніе небесныхъ путей Провидѣнія было болѣе лестно, чѣмъ земная политика, или другими словами, г-жѣ Крюднеръ казалось, что она приобретаетъ вліянія на императора несравненно больше, чѣмъ какіе-нибудь дипломаты.

25-го іюня императоръ Александръ отправился изъ Гейдельберга, чтобы вступить во Францію. Онъ просилъ г-жу Крюднеръ послѣдовать за нимъ. Она выждала нѣсколько времени, пока очистятся дороги, и 14 іюля была въ Парижѣ.

А. Пыпинъ.

ФЛОРЕНЦІЯ

■

ЕЯ СТАРЫЕ МАСТЕРА.

(Изъ путешествія по Италіи).

Съ давнихъ поръ Италія отовсюду привлекаетъ къ себѣ толпы путешественниковъ. Англичане, французы и нѣмцы какъ будто соперничаютъ между собою въ изученіи этой страны. Нѣтъ въ ней уголка, куда бы они не проникли; нѣтъ памятника, котораго бы они не осмотрѣли; имъ дороги даже нѣмые камни и развалины, какъ слѣды минувшей гражданственности. Опытъ доказываетъ, что и русскій человѣкъ охотно посѣщаетъ Италію и не прочь издать объ ней книгу «воспоминаній». Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы эти дневники и записки были разнообразны или богаты содержаніемъ. Требовательный читатель нынѣшняго времени находитъ въ нихъ мало точныхъ свѣдѣній, а чувствами впечатлѣніями, чувствами и восторгами почти не интересуется. Въ самомъ дѣлѣ, мы ищемъ за Альпами большею частью здоровья, отдыха и наслажденія, предоставляя западнымъ народамъ полную свободу дѣлать тамъ историческія и другія изысканія. Наши знатоки и поклонники Италіи воспѣваютъ на тысячу ладовъ красоты ея природы, хвалятъ, часто безотчетно, или подъ вліяніемъ эстетическихъ увлеченій, картины и статуи эпохи возрожденія, но рѣдко даютъ себѣ трудъ вникнуть въ прошедшую жизнь страны, которая считается колыбелью европейской образованности. Если у кого-нибудь и бывали подоб-

ныя намѣренія, — отъ нихъ не осталось особенно замѣтныхъ слѣдовъ въ русской литературѣ. Кромѣ Кудрявцева, труды котораго прерваны смертью, никто не раскрылъ передъ нами «судьбу Италіи». Лучшія времена ея свободы, искусства и науки для насъ темны или загадочны, а инымъ кажутся слишкомъ отдаленными и вовсе нелюбопытными. Гораздо съ большимъ вниманіемъ слѣдили мы въ недавніе годы черезъ публицистовъ и журнальныхъ корреспондентовъ за ходомъ итальянскаго вопроса. Но вопросъ этотъ затягивается; новая, единая Италія овночательно не устроилась, и трудно сказать, когда, какъ и кѣмъ будетъ устроена; первые энергическіе ея дѣятели сошли или сойти со сцены; исполнятся ли ихъ планы и надежды, неизвѣстно. Между тѣмъ мы согласны, что старая Италія существуетъ по крайней мѣрѣ для художниковъ и посылаемъ ихъ туда учиться, въ силу однажды введеннаго порядка. Теперь спрашивается: можетъ ли русскій художникъ, даже талантливый и зѣдущій въ техникѣ, подготовиться дома къ этому обычному путешествію? Если и можетъ, то развѣ при помощи иностранныхъ сочиненій, не каждому понятныхъ и доступныхъ. Предостерегая его противъ рабской подражательности, требуя, чтобы онъ остался самобытнымъ, не копировалъ тѣхъ или другихъ произведеній безъ разбора, не заимствовалъ чужой манеры, не отвлекался отъ своей почвы, — мы не даемъ ему въ руки надежныхъ пособій и руководствъ для изученія художественныхъ памятниковъ, которые онъ увидитъ. Наши многочисленные любители итальянскаго искусства еще не разработали его исторіи ни въ цѣлости, ни по частямъ; изъ русскихъ книгъ трудно узнать, гдѣ произошли въ Италіи разныя школы зодчества, ваянія и живописи, въ какихъ отношеніяхъ находились онѣ между собою въ обществѣ, что содѣйствовало ихъ развитію или упадку. Мы слышно, чтобы по этому предмету читались въ академіи лекціи и курсы; любознательному художнику ничего не остается, какъ собрать и прочесть разрозненныя замѣтки и противорѣчивыя показанія путешественниковъ. Наша литература не богата даже біографіями великихъ мастеровъ; нѣкоторые изъ нихъ известны только по именамъ; о другихъ написаны отрывочныя замѣтки и рассказаны наиболѣе характерныя анекдоты; полного изнеописанія удостоились очень немногіе. Вѣроятно, пройдетъ много времени, прежде чѣмъ исторія искусства будетъ у насъ работана. Мы смотримъ на нее, какъ на предметъ любопытный только для художниковъ, археологовъ, техниковъ, да развѣ и праздныхъ поклонниковъ изящнаго. Между тѣмъ на Западѣ она давно интересовала мыслящихъ людей, а теперь возбуж-

дасть общественное вниманіе. Въ ней наблюдаютъ разныя явленія умственной и трудовой жизни человѣка, отыскиваютъ и надѣются открыть законы народнаго творчества. Искусство, по словамъ европейскихъ его знатоковъ, не есть роскошь, прихоть или игра воображенія, но орудіе гражданственности. Возникая болѣею частью раньше науки, или въ недоступныхъ для нея сферахъ, оно сильнѣе дѣйствуетъ на массы. Наука обыкновенно доходила въ народу сверху, т. е. при содѣйствіи власти, руководящихъ сословій и школь. Напротивъ, искусство почти вездѣ зарождалось непринужденно въ самомъ народѣ, какъ потребность, какъ инстинктивное стремленіе къ самообразованію. Источникъ всѣхъ искусствъ кроется въ ремеслахъ, которыя составляютъ въ городахъ, на ряду съ торговлею, обычное, любимое занятіе простолюдина и даютъ ему насущный хлѣбъ. Привязываясь къ своему дѣлу, находя въ немъ единственную задачу и радость жизни, ремесленникъ легко доходитъ до *мастерства*, если только не чувствуетъ на себѣ оковъ и не повинуется исключительно чужой волѣ. Подъ именемъ мастеровъ народъ разумѣетъ людей, способныхъ научить ремеслу, знающихъ какъ свойства его матеріаловъ, такъ и самый процессъ, т. е. способы и приемы производства. На языкѣ просвѣщенныхъ классовъ эти люди зовутся или художниками, или же механиками и техниками, смотря по свойству и цѣли ихъ ремесла. Мастерство есть *свободное* (именное) *искусство*, когда въ немъ участвуетъ вдохновеніе и творчество, когда оно служитъ нравственнымъ потребностямъ общества; мастерство, имѣющее въ виду матеріальныя нужды и удобства, также можетъ вызывать изобрѣтательность, совершенствоваться и сдѣлаться *полезнымъ* (практическимъ) *искусствомъ*. Впрочемъ, эта классификація, какъ всѣ научныя дѣленія, условно: разные виды мастерства нерѣдко соединяются въ одномъ лицѣ; кромѣ того, по мѣрѣ успѣховъ искусства, его произведенія получаютъ многостороннее назначеніе. Даже простыя, грубыя ремесла у народовъ, способныхъ къ развитію, недолго остаются неподвижными. Всякое общество конечно болѣе шатается и поддерживается механиковъ и техниковъ, безъ которыхъ ему трудно существовать. Но, несмотря на то, мастера-художники (именно зодчіе) являются въ самой глубокой древности на примѣръ въ Индіи, Египтѣ, Ассиріи, Персидскомъ царствѣ. Въ тѣхъ же странахъ мы находимъ памятники живописи и ваянія. Съ перваго взгляда непонятно, какъ человѣкъ могъ свободно творить тамъ, гдѣ онъ былъ поработенъ и скованъ. Дѣйствительно, произведенія восточныхъ мастеровъ носятъ на себѣ рѣзкіе слѣды чужого давленія и насилія. Самые разнѣрныя егип-

петскихъ пирамидъ и ниневійскихъ дворцовъ показываютъ, что надъ ними работали руки невольниковъ. Но и этими руками, какъ видно, управляли иногда умныя и талантливыя головы. Вообще, если художникъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ религіи и высшихъ побужденій, онъ сбрасываетъ или по крайней мѣрѣ забываетъ тяготѣющій надъ нимъ гнетъ земныхъ силъ и вдохновляется своимъ созданіемъ. Довозательствомъ тому служатъ храмы востока; нѣкоторые изъ нихъ носятъ на себѣ отпечатокъ смѣлой и величественной композиціи; другіе, хотя и не поражаютъ красотою въ цѣлости, но мастерски отдѣланы въ подробностяхъ. Въ Греціи искусство, также вызванное религіею, развилось гораздо шире и свободнѣе, получило вполнѣ самостоятельную жизнь и достигло удивительнаго изящества пластическихъ формъ. Съ своей стороны римляне, подражая грекамъ въ живописи и скульптурѣ, сильно подвинули впередъ зодчество. Въ христіанской Европѣ искусство до XVI столѣтія держалось по преимуществу религіознаго направленія, чему содѣйствовало вліяніе католической церкви. Замѣчательно, что почти всѣ западные народы получили первоначально не книжное, а ремесленное и художественное воспитаніе: книги въ средніе вѣка были доступны только монахамъ да схоластикамъ, напротивъ, тѣмъ раньше въ какой-нибудь странѣ освобождались города, тѣмъ скорѣе совершенствовались разныя ремесла. Вездѣ мастера составляли тогда сильныя корпораціи, пользовались большимъ почетомъ между жителями и нерѣдко захватывали, вмѣстѣ съ купцами, верховную власть въ городахъ. Какъ зодчіе, особенно славились въ то время вольные каменщики. Они, говорятъ, создали и распространили по всей Европѣ такъ называемый готическій стиль.

Но нигдѣ мы не находимъ столько интересныхъ и разнообразныхъ памятниковъ искусства, нигдѣ оно не имѣло такого просвѣтительнаго вліянія въ средніе вѣка, какъ въ Италіи. Дѣятельность итальянскихъ мастеровъ изумительна. Кромѣ ремеслъ, они занимались публичными работами, строили крѣпости, проводили каналы и, что всего важнѣе, явились воспитателями общества, создали въ странѣ умственную жизнь, основали практическія науки и подвинули впередъ самую гражданственность. На произведеніяхъ этихъ мастеровъ можно читать не только задушевные думы, чувства и стремленія итальянскаго народа, но всѣ его опыты, успѣхи и побѣды въ борьбѣ противъ варварства. Искусство въ Италіи, какъ разцвѣло, такъ и увяло вмѣстѣ съ гражданскою и политическою свободою. Любопытно

знать, гдѣ лежатъ его зародыши, изъ какихъ элементовъ оно сложилось и при какихъ обстоятельствахъ пустило корни.

Извѣстно, что Апеннинскій полуостровъ съ V вѣка безпре-
станно подвергался варварскимъ набѣгамъ и былъ театромъ кро-
вопролитной борьбы между разными племенами. Въ это время
погибла римская имперія и вмѣстѣ съ ея гражданственностью
исчезли статуи, картины и другія произведенія древняго искус-
ства. Только колоссальныя зданія, которыхъ нельзя было разру-
шить, или зарыть въ землю, уцѣлѣли и получили новое назна-
ченіе. Таеъ судебныя палаты (базилики) были превращены въ
христіанскія церкви; мавзолеи, цирки и бани — въ крѣпости;
дворцы — въ казармы и богадѣльни. Къ счастью, простой народъ
нашелъ для себя среди кровопролитій довольно надежное убѣ-
жище въ городахъ: нѣкоторые изъ нихъ еще при римлянахъ
были обнесены стѣнами и валами; другіе, напр. Венеція, Равен-
на, находились въ мѣстахъ безопасныхъ и недоступныхъ. Сюда
естественно стекались мирные ремесленники и торговцы. Но
этимъ людямъ пришлось вынести тяжелый экономическій кри-
зисъ. Они должны были или погибать отъ бѣдности, или измѣ-
нить обычные способы, а иногда и самый родъ своихъ занятій;
многія издѣлія и товары, которые имѣли сбытъ во времена рос-
коши и утонченности, оказались теперь ненужными; кромѣ того,
церковь смотрѣла враждебно на разныя отрасли языческой про-
мышленности. Въ виду такихъ обстоятельствъ, ремесла, прино-
роченныя къ прежнимъ потребностямъ, пришли въ упадокъ или
огрубѣли въ Италіи. Но она не надолго погрузилась въ полное
варварство. Уже въ VI вѣкѣ византійскимъ полководцамъ уда-
лось поворотить Сицилію, Неаполитанскія области и Экзархатъ.
Вслѣдъ за побѣдоносными арміями, на завоеванныя земли
устремилась греческіе переселенцы. Между ними оказалось не-
мало людей, способныхъ научить итальянцевъ забытымъ и но-
вымъ ремесламъ: въ восточную имперію еще со временъ Кон-
стантина, вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ, законами и обычаями язы-
ческаго Рима проникли преданія и школы искусства. Правда,
византійскіе мастера нисколько не походили на великихъ ху-
дожниковъ древней Греціи: даромъ творчества и вдохновеніемъ
они не владѣли, но за то были опыты въ обращеніи съ ма-
териаломъ и усвоили извѣстный навыкъ или сноровку въ работѣ.
Между тѣмъ какъ варвары почти не имѣли понятія о церков-
номъ водчествѣ, греки могли строить и украшать христіанскіе
храмы, причемъ употребляли въ дѣло мозаику и живопись.
Кромѣ того они заимствовали отчасти у предковъ, отчасти у
своихъ восточныхъ сосѣдей, искусства чеканить и лить металлы,

обдѣлывать драгоценныя камни и эмаль, вышивать золотомъ и шелками одежды и т. п. Лучшіе памятники византійскаго мастерства въ Италіи относятся къ VI и VII столѣтіямъ. Мы разумѣемъ здѣсь церкви, сооруженныя и отдѣланныя около этого времени въ Римѣ и Равеннѣ. Большею частью онѣ напоминаютъ внѣшнимъ видомъ древнія базилики; но одна изъ нихъ (церковь св. Виталія въ Равеннѣ) имѣетъ круглую форму, поднимается отъ земли съ помощью легкихъ арокъ, какъ куполь, и даетъ высокое понятіе объ опытности и смѣлости строителя. Эта церковь, говорятъ, плѣнила своею красотою Карла Великаго и была взята за образецъ для ахенскаго собора. Греческіе мастера не повинули итальянскихъ областей даже послѣ нападенія лонгобардовъ, сарацинъ и норманновъ, а только разсѣялись по всему полуострову. Къ сожалѣнію, византійское искусство не имѣло настолько жизни, чтобы приспособиться къ характеру чужой страны и не могло поддерѣпить себя изъ отечества свѣжими силами. Если въ такъ-называемый *золотой вѣкъ* Юстиніана оно уже не двигалось впередъ, то иконоборческія и политическія смуты VIII и IX столѣтій должны были нанести ему рововой ударъ. Дѣйствительно, мастера, бѣжавшіе изъ восточной имперіи вслѣдствіе этихъ междоусобій и вызванныя германскими императорами, стояли далеко ниже своихъ предшественниковъ. Они не только ничего не изобрѣтали, но потеряли способность вѣрно воспроизводить старыя оригиналы. Ихъ манера копировать была жалкимъ ремесломъ, бессмысленною рутинною. Почти во всѣхъ отрасляхъ искусства они низвели красоту и гармонію до крайняго уродства; скульптура была имъ запрещена духовенствомъ и слѣдовательно неизвѣстна; даже въ мозаикѣ, которою Византія славилась, они утратили послѣдніе признаки изящества. Всего неудачнѣе изображали они человѣка: напрасно было бы искать у нихъ правильныхъ очертаній лица, стройной постановки тѣла, или естественныхъ движеній. Тотія фигуры, которыми они украсили, съ IX до XII стол. влючительно, храмы св. Марка въ Римѣ и Венеціи, соборъ въ Палермо и церкви южной Италіи, не имѣютъ подобія въ живой природѣ, а напоминаютъ муміи. Подъ этими фигурами, какъ нарочно, нѣтъ почвы: онѣ висятъ въ воздухѣ, озираясь диво и боязливо; малѣйшій жестъ, даже простое поднятіе руки, коситъ ихъ въ сторону и какъ бы грозитъ имъ паденіемъ. Еще рѣзче бросается въ глаза поспѣшность, небрежность и грубость работы на иконахъ и фрескахъ византійскихъ мастеровъ того времени: тѣлесный цвѣтъ здѣсь замѣненъ бурнымъ и кирпичнымъ; натуральныя формы искажены или скрыты подъ пышными одеждами; на

возолоту и драпировку потрачено гораздо больше времени и средствъ, чѣмъ на главную задачу. Вообще талантъ въ Византии не цѣнился; мастеръ боялся высказать въ произведеніи рукъ своихъ какую-нибудь оригинальность, чтобы не навлечь гнѣва духовной или свѣтской власти: подобныя попытки обличали ересь и расколъ, а потому могли подать поводъ къ преслѣдованіямъ. Личность человѣка должна была стереться въ процессѣ ремесла, и дѣйствительно исчезла. Только въ отдѣлѣ миниатюръ и разныхъ побочныхъ украшеній вистью и перомъ греки, до нѣкоторой степени, сохраняли старыя привычки въ тонкой, деликатной работѣ. Но и эти отрасли мастерства мало-по-малу пришли въ упадокъ.

Понятно, что итальянцы не могли сбросить съ себя оковъ греческой школы, пока не овладѣли ея знаніями. До XIII-го столѣтія она, можно сказать, господствовала на полуостровѣ. Но слабыя и разрозненныя попытки отнять у ней первенство, встрѣчаются раньше. Знакомство съ Востокомъ, вторженіе сарацинъ и норманновъ съ юга, соприкосновеніе съ германскимъ сѣвромъ должны были раньше всего отразиться въ зодчествѣ. Дѣйствительно, въ XII-мъ вѣкѣ Ломбардія вырабатываетъ новый, такъ называемый романскій стиль архитектуры; въ южной Италіи и Сициліи обнаруживается вліяніе норманскихъ и мусульманскихъ зодчихъ; даже Венеція, наиболѣе преданная византийскимъ образцамъ, допускаетъ при постройкѣ св. Марка разнохарактерные элементы, а въ мозаичныхъ работахъ дѣлаетъ замѣчательные успѣхи. Около тогоже времени итальянцы, благодаря своей предприимчивости, торговлѣ и морскимъ путешествіямъ, открыли у себя на полуостровѣ, или привезли изъ-за границы образцы древней скульптуры, совершенно забытой греками. Знакомство съ этими памятниками сильно подѣйствовало на ихъ воображеніе. Но вполнѣ самобытное развитіе искусства открывается гдѣ черезъ сто, послѣ удачной борьбы съ гогенштауфенами. Борьба эта, какъ извѣстно, освободила ломбардскіе города отъ старыхъ притязаній императорскаго самовластія. Одолѣвъ Фридриха Барбароссу (1183 г.), они оставили въ его рукахъ одни номинальныя права, а на дѣлѣ превратились въ вольныя общины. Примѣру ихъ послѣдовали города тосканскіе. Такимъ образомъ на всемъ пространствѣ Италіи, кромѣ юга, который подпадалъ иноземному владычеству, и Рима, гдѣ утвердилась духовная власть католическаго міра, — торжествуетъ городская автономія или независимость. Между тѣмъ какъ въ другихъ странахъ Запада королевская власть рано обнаруживаетъ попытки къ централизаціи, — здѣсь почти до конца среднихъ вѣковъ никому изъ мѣст-

ныхъ феодаловъ не удается приобрести перевѣсъ надъ сосѣдами и округлить свои наслѣдственныя области. Политическое раздробленіе въ началѣ не только не повредило, но способствовало быстрому развитію итальянскаго народа. Онъ раньше почувствовалъ себя свободнымъ и обратилъ всѣ силы на устройство и украшеніе городовъ. Въ то время, когда книжное ученіе было слабо и доступно немногимъ людямъ, искусство замѣняло для него науку, а ремесло — грамотность. Мало-по-малу въ вольныхъ общинахъ возникли отдѣльныя школы мастеровъ зодчества, ваянія и живописи, и постоянно соревнуя между собою, стремились превзойти одна другую. Подъ вліяніемъ этихъ школъ итальянцы не только блистательно выказали свои художественныя таланты, но приобрѣли умственный перевѣсъ надъ другими народами и положили основаніе новоевропейской гражданственности.

Три столѣтія продолжалось свободное творчество и благородное состязаніе мастеровъ сѣверной и средней Италіи. Художественные памятники этихъ плодovitыхъ вѣковъ безчисленны и разбѣяны по всему полуострову; кромѣ того, значительная ихъ часть вывезена и приобретена другими народами Европы, напр. многіе образа, картины, статуи, металлическія издѣлія и т. п. Понятно, что исторія итальянскаго искусства очень богата фактами и представляетъ сложное содержаніе. Чтобы разработать ее вполне и съ успѣхомъ, нужно употребить много труда и силъ, изысканій и путешествій. Не всякій способенъ взять на себя такую обширную задачу. Кто посѣщаетъ Италію изрѣдка, урывками на нѣсколько недѣль, тому приходится сдѣлать трудный, но неизбѣжный выборъ между ея оригинальными и разнообразными городами. Спрашивается: какому же изъ нихъ отдать предпочтеніе? Конечно, Риму? Но Римъ, даже въ лучшія времена, не имѣлъ самобытной школы, а только вызывалъ изъ остальной Италіи наиболѣе даровитыхъ мастеровъ. Они пріѣзжали сюда работать обыкновенно къ концу жизни, или на короткій срокъ, по приглашенію папъ. Въ Римѣ собраны произведенія не одного вѣка и не одного народа: здѣсь почти всѣ эпохи гражданственности оставили по себѣ воспоминанія и обломки. За тѣмъ слѣдуетъ Венеція: она манитъ къ себѣ красотой своей живописи и архитектуры. Но роскошная венеціанская школа, какъ видно изъ исторіи, развилась позже другихъ, была сильно привязана къ мѣсту своего рожденія и не охотно выходила за предѣлы республики св. Марка. Починъ и пропаганда въ дѣлѣ искусства принадлежатъ безспорно вольнымъ общинамъ Тосканы. Между ними сама судьба избрала средоточіемъ итальянскаго народнаго

творчества Флоренцію. При видѣ ея негнѣнныхъ памятниковъ и художественныхъ богатствъ, путешественникъ убѣждается въ этомъ невольно и чувствуетъ желаніе ближе узнать людей, которыми она построена и украшена. Флорентинскихъ мастеровъ трудно забыть, даже покидая ихъ отечество. Они безпрестанно о себѣ напоминаютъ въ другихъ городахъ Италіи и пользуются извѣстностью въ цѣлой Европѣ.

Обозрѣвая въ первый разъ Флоренцію нѣсколько лѣтъ тому назадъ, пишущій эти строки былъ особенно пораженъ произведеніями Микель-Анджело и началъ собирать матеріалы, относящіяся къ его жизни и эпохѣ. Но, чтобы точнѣе опредѣлить значеніе этого великаго мастера, оказалось необходимымъ изучать его предшественниковъ, которыхъ онъ самъ высоко цѣнилъ и которые несомнѣнно имѣли на него вліяніе. Такимъ образомъ, кромѣ біографіи Буонаротти (она будетъ издана позже), составились предлагаемая теперь читателямъ замѣтки о флорентинскихъ мастерахъ, жившихъ отъ временъ Данта до половины XV вѣка. Не удовлетворяя требованіямъ специалистовъ по археологіи, онѣ, вѣжета, могутъ служить, за недостаткомъ другихъ сочиненій, нѣкоторымъ пособіемъ для русскихъ художниковъ, любителей искусства и для публики, путешествующей по Италіи. Авторъ употреблялъ на приготовленіе матеріала для этихъ статей немногіе, преимущественно лѣтніе, досуги, не упуская однакоже случая, при поѣздахъ за границу, ознакомишься съ произведеніями флорентинской школы вездѣ, гдѣ они встрѣчаются, — а въ 1868 году снова посѣтилъ на короткое время Тоскану, чтобы освѣжить, провѣрить и дополнить свои первые впечатлѣнія. Біографическія свѣдѣнія и факты по исторіи искусства заимствованы имъ у писателей, наиболѣе извѣстныхъ своими трудами по этому предмету ¹⁾.

¹⁾ Въ прежнее время лучшимъ, почти единственнымъ, біографомъ и цѣнителемъ флорентинскихъ мастеровъ считался Вазари. Но еще въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія Руморъ, Ферстеръ, Гей и другіе путешественники открыли въ его книгѣ большія неточности и промахи. Съ 1861 года идетъ цѣлый рядъ обширныхъ критическихъ изслѣдованій по исторіи итальянскаго искусства. Сюда относится, напримеръ, сочиненіе Pío: Histoire de l'art chrétien. Paris 1861 — 67, 4 vols. Итальянскій оригиналъ появился въ свѣтъ гораздо раньше, но французское изданіе содержитъ много добавленій, весьма драгоцѣнныхъ и, можно сказать, совершенно перелѣванныхъ. При всей своей односторонности и увлеченіяхъ, Pío глубокой знатокъ и тонкій критикъ старыхъ мастеровъ. Въ 1864 году Кроу и Кавалькавелле начали издавать въ Лондонѣ, послѣ многолѣтнихъ изысканій, подробную исторію итальянскаго живописца. До сихъ поръ вышло три тома. Они посвящены преимущественно Флорентинской и Сіенской школамъ, и богаты точными фактами, открытіями и указаніями біографическаго свойства. Англійскіе критики даютъ этому сочиненію названіе «новаго Вазари».

I.

Есть въ Европѣ счастливые города, которые, наперекоръ общему закону, не старѣютъ и не разрушаются. Сама судьба видимо къ нимъ благосклонна: не смѣетъ ихъ тронуть ни пожаръ, ни вражеская рука; надъ ними проносятся безслѣдно политическія бури и капризы измѣнчивой моды. Таеъ цвѣтеть и не увядаетъ красавица долины Арно, любимица путешественниковъ, Флоренція. Давно, слишкомъ триста лѣтъ тому назадъ, она уже лишилась свободы и, казалось, была обречена на запустѣніе. Для тосканскаго края настала «тяжкая година стыда и трага», по выраженію Микель-Анджело; вольныя общины, прежде полныя жизни и силы, превратились въ глухія провинціальныя рощицы; затихла шумная Сіена; поросли травой многолюдныя площади торговой Пизы. Но какая-то чудесная сила сберегла реди этого крушенія отчизну Данта: ни одинъ камень не упалъ съ ея гордыхъ дворцовъ и высокихъ башенъ; добрые герцоги усканскіе, хотя и увлекались строительными наклонностями, но не успѣли, или не рѣшились передѣлать ее по своему вкусу; аже богачи-иностранцы вывезли изъ нея меньше картинъ и статуи, чѣмъ слѣдовало ожидать. Наконецъ, чужеземное иго было вергнуто и Флоренція на нашихъ глазахъ сдѣлалась столицей независимаго королевства. Этотъ счастливый переворотъ грозитъ и нынѣ, не менѣе серьезными опасностями: можно было бояться, что посредственные архитекторы обезобразятъ ея поэтическую наружность. Но правительство Виктора Эммануила щадитъ памятники своей столицы, хотя и находитъ въ ней большія неудобства. До сихъ поръ рѣшено только раздвинуть ея бѣдемъ, открыть кое-гдѣ площади, возвести, по мысли великихъ мастеровъ, недобовченные ими фасады церквей, да реставрировать внутри нѣкоторые публичныя зданія. Эти проекты обдуманы

въ томъ же году американецъ Перкинсъ напечаталъ съ превосходными рисунками ои о тосканскихъ скульпторахъ (London, 2 vols.), замѣчательные по своей полнотѣ и достоинству вниманія всѣхъ любителей искусства. Остается желать, чтобы кто-нибудь разработалъ съ такимъ же успѣхомъ біографіи итальянскихъ зодчихъ. Кромя речисленныхъ сочиненій авторъ имѣлъ подъ рукою отдѣльныя жизнеописанія лучшихъ мастеровъ: они будутъ обозначены на своемъ мѣстѣ, въ примѣчаніяхъ. Изъ сочиненій, посвященныхъ всеобщей исторіи искусства, которыхъ въ послѣднее время вышло множество, — особенно поучительно сочиненіе Лабарта «Histoire de l'art en Italie». Здѣсь собраны точные факты о происхожденіи и успѣхахъ разныхъ ремеселъ какъ въ Италіи, такъ и въ другихъ странахъ Европы, начиная отъ среднихъ вѣковъ до эпохи возрожденія включительно.

ваются зрѣло и приводятся въ исполненіе постепенно. Старая Флоренція отъ нихъ пока не потерпѣла и едва ли потерпитъ. Можно надѣяться, что добрый геній-покровитель искусства спасетъ ее отъ всякихъ бѣдъ и сохранитъ неприкосновенною для будущихъ поколѣній. Изъ людей нынѣшняго времени никто не можетъ смотрѣть на этотъ городъ холодно и вспоминать о немъ равнодушно. Всѣ путешественники признаютъ, что онъ достоинъ безсмертія. Приѣзжая сюда, мы не видимъ кругомъ себя развалинъ, какъ въ Римѣ, и не думаемъ о тлѣнности земного бытія, или о суетѣ дѣлъ человѣческихъ. Намъ чудится, будто мы здѣсь переживаемъ давно - минувшія времена народнаго творчества и возрожденія наукъ. Каждая улица и церковь, каждый дворецъ, почти каждый домъ Флоренціи имѣетъ своихъ пенатовъ. Они не сдвинуты съ мѣста и бережены такъ, какъ нигдѣ. Мы спрашиваемъ съ изумленіемъ: кто ихъ поставилъ и — передъ нами проходитъ цѣлый рядъ великихъ мастеровъ города. Эти люди трудившись не напрасно: куда бы мы ни обратили шаги, всюду ихъ произведенія освѣщаютъ намъ путь. Вотъ площадь господъ (piazza de' Signori), сборное мѣсто флорентинскаго народа. Она нисколько не измѣнилась за три вѣка; на одномъ ея углу стоитъ древній дворецъ (palazzo vecchio), сооруженный для общины (1298 г.), зодчимъ Арнольдомъ ди-Камбіо; на другомъ крытая галерея (loggia de' Lanzi), работы мастера Орканья. У дворца и подъ арками галереи поставлено нѣсколько мраморныхъ статуй; лучшія изъ нихъ сдѣланы золотыми руками Донателло, Микель-Анджело и Бенвенуто Челлини. Тутъ же, въ немногихъ шагахъ отъ площади, красуется церковь св. Михаила (Or' San Michele) — чудо флорентинскаго зодчества. Она отстроена (если судить по ея свѣжести) очень недавно, а на самомъ дѣлѣ — въ XIV-мъ вѣкѣ. Кругомъ, въ наружныхъ нишахъ этой церкви, смотрятъ, словно живыя, изваянія первыхъ сподвижниковъ христіанства. Изъ нихъ Микель-Анджело особенно любилъ св. Марка и, останавливаясь передъ нимъ, спрашивалъ: «Маркъ, отъ чего ты со мной не говоришь?» такъ много выраженія читалъ онъ на лицѣ апостола. Другой герой новой вѣры, св. Георгій, держитъ въ рукахъ щитъ, какъ бы готовая къ борьбѣ. Восхищенный его мужественнымъ видомъ, увѣренный въ его побѣдѣ, Микель-Анджело сказалъ ему: «иди на враговъ!» Внутри церкви путешественникъ любитъ скульптурнымъ алтаремъ Орканья, неподражаемой отдѣлки. Отъ св. Михаила недалеко до собора. Этотъ массивный соборъ обезображенъ во времена герцоговъ. Одинъ изъ тогдашнихъ архитекторовъ безпощадно разрушилъ древній его фасадъ, произведеніе Джіотто, друга Данта. Но бо-

ковья стѣны храма не тронуты и сложены изъ разноцвѣтнаго мрамора съ удивительнымъ искусствомъ. Колокольня Джіотто также невредима. Художники не наглядятся на это великолѣпное зданіе. Оно убрано съ низу до верху мраморными группами и фигурами. Предметомъ этихъ изваяній, исполненныхъ глубокой мысли, служатъ эпизоды изъ исторіи гражданственности и человѣческихъ изобрѣтеній. Куполь собора, первый и самый большой въ западной Европѣ (пространство этого купола 138½ футовъ въ діаметрѣ; высота 133 фута слишкомъ), возведенъ около половины XV-го вѣка зодчимъ Брунеллески. Микель-Анджело, вѣнчая храмъ св. Петра, вѣрно оцѣнилъ заслуги своего флорентинскаго предшественника словами: «повторять тебя не хочу, лучше сдѣлать не умѣю!» Внутренность собора отдѣлана просто и неприхотливо. Въ немъ нѣтъ ни позолоты, ни роскоши, ни штофныхъ матерій, какъ въ церкви Петра, но есть много такого, что можетъ украсить христіанскій храмъ и внушить благоговѣніе зрителю. Здѣсь каждый изъ великихъ художниковъ Флоренціи оставилъ по себѣ память. На право, у главнаго входа, лежатъ кости строителей храма, Джіотто и Брунеллески, погребенныхъ на счетъ общины; на лѣво виднѣтся монументъ зодчему Арнольду ди-Камбіо и портретъ Данта; у главнаго алтара мраморная группа, послѣднее произведеніе (*postremum opus*) Микель-Анджело; чудныя стекла расписаны по рисункамъ Донателло и Либерти. Около собора стоитъ древняя, воспѣтая Дантомъ и дорогая флорентинскому народу крещальня (баптистерій) св. Іоанна (*mie bel san Giovanni*). Ея бронзовыя двери, изображающія событія ветхаго и новаго заветъа, Микель-Анджело называлъ дверьми рая. Одна изъ нихъ вылита Андреемъ Пизанскимъ въ 1330 году; надъ остальными двумя трудился цѣлую жизнь Гиберти. Неблагодарный металлъ не помѣшалъ вдохновенному флорентинскому мастеру создать идеалы красоты и выразить глубокія религіозныя чувства. Онъ примѣнилъ къ своему цѣлу даже перспективу и съ такимъ успѣхомъ, съ какимъ она употребляется въ живописи. При всемъ развитіи и совершенствѣ итейнаго искусства въ настоящее время, двери Гиберти не имѣютъ себѣ подобныхъ въ цѣлой Европѣ. Трудно оторвать отъ нихъ глаза. Иной досужій путешественникъ простоитъ передъ ними цѣлый день. Но чтобы обозрѣть безчисленные памятники Флоренціи, не поселяясь въ ней надолго, нужно рассчитывать часы, дѣлать надъ собою усилія, бороться съ увлеченіями и противъ воли покидать чарующую красоту. Отъ крещальни одна изъ боковыхъ улицъ ведетъ въ историческій, теперь упраздненный, монастырь св. Марка. Здѣсь, молитвою и слезами пи-

саль свои картины Фра Анджелико, здѣсь училъ и проповѣдовалъ Савонарола. Въ обители сохранились до нашего времени свѣжіе слѣды этихъ гениальныхъ людей. Стоить только заглянуть въ корридоры верхняго этажа. Съ правой стороны на одной двери написано: *has cellulas vir apostolicus Hieronymus Savonarola inhabitavit* (въ этихъ кельяхъ жилъ мужъ апостольскій Иеронимъ Савонарола); нѣкто указываетъ келью смиреннаго монаха - художника. Безсмертные фрески Фра Анджелико нисколько не утратили своей свѣжести, ими можно любоваться и въ кельяхъ и въ галлерей, и въ трапезѣ и во внутреннемъ дворѣ монастыря. Перехода отсюда черезъ ближайшую площадь, въ храмъ св. Аннунціаты, и затѣмъ въ домъ братства *del Scalzo*, мы открываемъ новую область искусства и разсматриваемъ стѣнную живопись Андрея дель-Сарто, послѣдняго изъ великихъ флорентинскихъ мастеровъ XVI вѣка. Онъ изумляетъ насъ красотою, легкостью и непринужденностью своего рисунка. Такии же сильныя впечатлѣнія испытываетъ путешественникъ въ другихъ церквахъ Флоренціи. Съ виду онѣ большею частью некрасивы, нѣкоторыя изъ нихъ недостроены, но каждая есть драгоценный музей, въ каждой хранятся воспоминанія прошедшей жизни и славы города, произведенія искусства и науки. Такъ бывшій монастырь св. Маріи (*S-ta Maria Novella*) наполненъ картинами знаменитыхъ живописцевъ, начиная отъ Чимабуэ до XVII столѣтія; въ одномъ изъ боковыхъ придѣловъ церкви *del Carmine* находятся образцовые фрески Мазаччіо и Филиппино Липпи, на котрымъ учились Рафаэль и современные ему художники; стѣны св. Троицы росписаны Доминикомъ Гирландайо, наставникомъ Буонаротти; въ церкви св. Лаврентія стоятъ гробницы Медичи, образцовое произведеніе флорентинскаго рѣзца, а возлѣ нея находится мастерски отстроенная и богатая древними рукописями бібліотека. Пантеономъ великихъ людей служитъ обширный храмъ во имя св. Креста. Здѣсь поставленъ памятникъ Данту и покоится прахъ Макиавелли, Микель-Анджело, Галилея, Альберти, Филикайя, Альфіери.

Кромѣ церквей, во Флоренціи много общественныхъ и частныхъ дворцовъ. Они не щеголяютъ, какъ дворцы Венеціи, причудливыми окнами и красивыми балконами: наружность ихъ сурова и неприступна, но за то внутри они убраны такими произведеніями человѣческаго искусства, какихъ нѣтъ ни въ восточныхъ палатахъ Востока, ни въ Альамбрѣ, ни въ готическихъ замкахъ среднихъ вѣковъ. Здѣсь собрано все, что составляетъ славу и гордость итальянскаго народа, все, чѣмъ онъ превзошелъ и чему научилъ своихъ европейскихъ сосѣдей. Обходъ

иния галереи Уффици и роскошныя залы Питти, путешественник забудетъ, подъ обаяніемъ красоты, тяжелыя тревоги Х вѣка, несносные вопросы текущей политики и даже личныя рты. Одну такъ-называемую Трибуну, гдѣ выставлены первоисные образцы древней скульптуры и живописи времени возрженія, гдѣ женскіе образы Рафаэля оспариваютъ первенство стыдливой Венеры Медичи, гдѣ мраморные борцы, танцующій итъ и рабъ-заговорщикъ, — статуи какихъ-то невѣдомыхъ, именныиъ мастеровъ Греціи и Рима, — вынуждаютъ гордаго мель-Анджело признаться въ безсиліи своего рѣзца, — одну ибуру нельзя опѣнить ни на какія деньги. Въ другихъ вомныхъ сокровища искусства также разсыпаны щедрою рукою. обн, хоть слегка, ознакомиться съ ними, нужно проводить ие дни въ этихъ сказочныхъ, волшебныхъ музеяхъ. Но поивостный обзоръ не насытитъ любознательности: послѣ него иется въ душѣ неодолимое желаніе воротиться назадъ. Паиики Флоренціи имѣютъ какую-то притягательную силу: ихъ иво забыть; они не изглаживаются изъ памяти въ другихъ адахъ Италіи, среди новыхъ впечатлѣній. Тоже нужно замѣь о мастерахъ флорентинской школы. Почти во всѣхъ отлах искусства она не теряетъ, а выигрываетъ отъ сравненія ивоземными. Ея первенствующая и руководящая роль въ исин не подлежитъ сомнѣнію. Съ незапамятныхъ временъ до ихъ дней лучшіе художники всѣхъ странъ стекаются во Флодцію учиться и работать. Только въ этомъ благодатномъ гоѣ геній Рафаэля освободился отъ оковъ Византіи и разцвѣлъ исей красѣ. Каждое дарованіе чувствовало себя здѣсь прииѣе, вѣрнѣе, предприимчивѣе. Иначе и быть не могло. Флоинские мастера больше всѣхъ другихъ способны вдохновить иую силу, дать ей бодрость и надежду на успѣхъ, настаее опытомъ, предостеречь отъ односторонности. На проеніяхъ этихъ мастеровъ лежитъ печать мысли, свободы, ии и спокойствія, отражается трезвое, здоровое, чуждое иостей направленіе, послѣдовательное и преемственное разискусства. Нигдѣ въ новой Европѣ человекъ не проявилъ истороннѣе своихъ художественныхъ дарованій, нигдѣ его иество не достигало такой мужественной силы, нигдѣ эстеиія произведенія не сохраняли такъ долго своей свѣжести, ивъ вѣчно-юной Флоренціи. Неудивительно, что она приобсебѣ повсюду безчисленныхъ друзей и поклонниковъ, что ранцы собираютъ деньги на поддержку ея памятниковъ, и въ ней ищутъ убѣжища, отдыха и высшихъ наслажденій е разнохарактерные люди. Сюда ѣдетъ, словно повинувся

какому-то инстинкту, и богатый англичанинъ, и черствый ириванецъ, и легкій французъ, и педантъ-нѣмецъ, и русскій дворянинъ. Каждый изъ нихъ по-своему смотритъ, судитъ, толкуетъ, даже отрицаетъ, но всѣ они чувствуютъ, что дома у нихъ нѣтъ ничего подобнаго. Короче сказать, Флоренція — избраннѣйшій единственный городъ. Она построена на радость цѣлому миру потому ей данъ долгій вѣкъ.

Если каждый путешественникъ, способный цѣнить прекрасное, испытываетъ невольный восторгъ, посѣщая Флоренцію, какъ сильно должна она дѣйствовать на людей, которымъ знакомо ея славное прошлое. Не даромъ историки стремятся въ этотъ городъ толпами и долго въ немъ заживаются. Для нихъ все, что здѣсь сохранилось, имѣетъ особенную цѣну: они видятъ на древнихъ улицахъ, стѣнахъ и домахъ невидимые простому глазу слѣды и признаки минувшей гражданской войны. Имъ памятна великая борьба за свободу, которая началась въ родинѣ Данта съ среднихъ вѣковъ и завершилась въ XVI столѣтіи тяжелымъ для всей Европы разгромомъ Италіи. Германскій писатель Гриммъ удачно выразилъ чувства и воспоминанія, овладѣвшіе душою историка во Флоренціи. «Въ столицѣ Тосканы, говоря о ней, можно изучать красоту свободнаго народа до тончайшихъ оттѣнковъ. Флоренція незамѣтно покоряетъ себѣ мысли и чувства человѣка. Сначала мы какъ будто путаемся, бродимъ среди разнообразныхъ ея памятниковъ, а потомъ видимъ яснѣе и глубже, что здѣсь все черпало жизнь изъ одного источника — свободы, и самыя малѣйшія подробности отдаленныхъ событій получаютъ для насъ глубокой интересъ. Забывая объ остальной Италіи, мы становимся фанатическими поклонниками флорентинской общины. Ея лѣтописцы посвящаютъ насъ въ дѣла ея древняго времени, будто въ тайны еще живыхъ людей; мы идемъ слѣдомъ по улицамъ, переступаемъ вмѣстѣ пороги, слышимъ изъ оконъ, откуда они смотрѣли. Если на меня, иностранца, это дѣйствовало магически, то какую же сильную прелесть чувствовали вольные флорентинцы къ своей родинѣ? Она была для нихъ средоточіемъ міра. Имъ казалось невозможнымъ жить и умереть въ другомъ городѣ. Отсюда объясняются историческія попытки старыхъ изгнанниковъ вернуться домой, и рекордъ остракизму. Кто терялъ право бесѣдовать съ друзьями на любимой площади и крестить своихъ дѣтей у св. Іоанна, считалъ себя несчастнѣйшимъ изъ людей. Эта крещальня, древнѣйшее публичное зданіе въ городѣ, была священнѣйшимъ флорентинцевъ. Внутри ея красовалась надпись, что она

стоитъ до страшнаго суда. Такую же вѣру въ себя и свой городъ имѣли римляне: для нихъ Капитолій означалъ вѣчность¹⁾.

Европейскіе историки давно сравниваютъ Флоренцію съ Афинами и находятъ между ними большое сходство. Дѣйствительно, во внутреннемъ устройствѣ, въ политической исторіи и даже въ характерѣ населенія этихъ городовъ не трудно отыскать общія черты. Подобно Афинамъ, Флоренція опередила своихъ сосѣдей всестороннимъ развитіемъ наукъ, искусствъ и гражданственности. И здѣсь, и тамъ мы видимъ среди упорной борьбы политическихъ партій вольный полетъ мысли, полную гласность общественной жизни, подвижныя учрежденія, равномѣрную и совмѣстную дѣятельность частныхъ лицъ и цѣлаго народа на пользу общую. Правда, многіе изъ сосѣднихъ городовъ больше отличились на военномъ поприщѣ, нѣкоторые даже превзошли Афины и Флоренцію полезными изобрѣтеніями, открытіями и торговлею. Но эти побѣды были куплены дорогою цѣною. Онѣ потребовали тяжкихъ усилій, исключительнаго труда, крайняго изощренія одной человѣческой способности на счетъ другихъ. Что же касается до общаго образованія, оно было доступно только афинянамъ и флорентинцамъ. Сооруженные ими памятники носятъ на себѣ печать свободнаго творчества и рѣзко отличаются отъ иноземныхъ красотою, гармоніею, совершенствомъ формъ. Въ Афинахъ и Флоренціи не строили такихъ громаднхъ зданій, какъ на Востокѣ, ни воздвигали статуй, въ родѣ Мавзолея или Колосса Родосскаго, но за то не терпѣли ничего тяжелаго, угловатаго, уродливаго. Человѣкъ здѣсь не былъ поработенъ, а повелѣвалъ своимъ дѣломъ, въ чему бы ни прикоснулась его рука. Литературныя произведенія, вышедшія въ обоихъ счастливыхъ городахъ, отмѣчены тѣми же высокими достоинствами. Нигдѣ кромѣ Афинъ не рождались и не могли выработать своего таланта люди, подобные Эввидиду, Софоклу, Аристофану; никто кромѣ флорентинца не написалъ и не могъ написать «Божественной Комедіи».

Спрашивается, гдѣ-же кроются причины такого завиднаго превосходства? Чѣмъ оно было подготовлено, какъ достигнуто и упрочено? Отвѣчать на эти вопросы трудно. Напрасно нѣкоторые писатели думаютъ объяснить величіе Афинъ и Флоренціи отмѣнными качествами климата и почвы. Ссылки на природу здѣсь мало идутъ къ дѣлу. Климатъ и почва гораздо мягче, благопріятнѣе для человѣка, удобнѣе для культуры въ южной Греціи и въ южной Италіи, чѣмъ въ Атикѣ и Тосканѣ. Даже

¹⁾ Leben Michelangelo's, Hannover, 1868 (dritte Ausgabe), erster Band, 7.

если допустить, что воздухъ, вода и земля въ Аѳинахъ и Флоренціи имѣли особенно-живительныя и возбуждающія свойства, все-таки непонятно, почему эти свойства утратили свою чудесную силу, почему нынѣшняя столица Греціи напоминаетъ городъ Минервы только развалинами, почему Флоренція нашего времени похожа на Флоренцію среднихъ вѣковъ только наружностью. Другіе историки призываютъ на помощь вліяніе расы и говорятъ, что въ обоихъ городахъ произошло какое-то счастливое смѣшеніе племенъ. Очень можетъ быть. Къ сожалѣнію, гипотезы этого рода сильно нуждаются въ доказательствахъ и не увеличиваютъ суммы нашихъ свѣдѣній. Ни одному мудрецу не удалось еще раскрыть тайну созданія гениальныхъ людей и народовъ. Чтобы убѣдиться въ блестящихъ способностяхъ аѳинянъ и флорентинцевъ, нѣтъ надобности заходить въ слишкомъ глубокую древность. Достоверно и то, что оба народа, воспользовавшись средствами и одолѣвъ неудобства окружающей ихъ мѣстности, собственнымъ трудомъ, безъ посторонней помощи усовершенствовали свои дарованія. Здѣсь, конечно, многое, если не все, зависитъ отъ энергіи, предприимчивости и неудержимаго стремленія впередъ, отъ практическаго смысла и гражданскаго духа. Эти - то нравственныя силы нужно старательно изслѣдовать, прежде чѣмъ отвѣчать на поставленные впереди вопросы. Такъ именно и дѣлаютъ лучшіе знатоки Аѳинъ и Флоренціи. Не выходя изъ границъ исторіи, они сосредоточиваютъ свое вниманіе на явленіяхъ общественнаго быта, изучаютъ понятія, привычки, нравы и взаимныя отношенія жителей обоихъ городовъ. Результаты, достигнутые при нынѣшнихъ средствахъ науки этимъ путемъ, очень интересны. Народная жизнь Флоренціи, какъ болѣе доступная наблюденію, чѣмъ жизнь древнихъ Аѳинъ, изслѣдована и раскрыта до мелкихъ подробностей. Посмотримъ, какія въ ней подмѣчены своеобразныя черты.

Судя по историческимъ фактамъ, едва ли можно заключить, что величіе флорентинской общины зависѣло отъ ея политическихъ учрежденій. Учрежденія эти, какъ извѣстно, были чрезвычайно шатки. Еще Дантъ упрекалъ своихъ соотечественниковъ въ неумѣнны создать у себя сколько-нибудь твердый порядокъ. Устройство Флоренціи, говоритъ онъ, такъ тонко, что не держится отъ октября до половины ноября ¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ,

¹⁾ Purgatorio, canto VI:

....tanto sottili

Provvedimenti, ch'a messo Novembre

Non giunge quel che tu d'Ottobre fli.

правительства здѣсь мѣнялись съ удивительною быстротою; каждое изъ нихъ могло быть отставлено не только по закону, когда наступалъ срокъ выборовъ, но и по волѣ народнаго вѣча. Это вѣче безпрестанно нарушало спокойствіе и вводило временную диктатуру; почти всѣ должности въ общинѣ замѣщались по жребію; цѣлыя отрасли управленія находились въ рукахъ случайно-составленныхъ комитетовъ; каждый гражданинъ считался способнымъ и могъ быть призванъ къ разнымъ родамъ службы. Удивительно, какъ флорентинцы, при крайней легкости характера и неудержимыхъ наклонностяхъ къ анархіи, успѣли составить и поддержать слишкомъ четыре столѣтія могущественное государство. Нельзя сказать, чтобы имъ помогала слѣпая fortuna или благоприятствовало счастливое положеніе. Правда, Флоренція защищена съ сѣвера и востока Апеннинами, но эти горы не находились въ ея рукахъ. Кромѣ того къ ней была отперта дорога съ запада. Природа окружила прочіе тосканскіе города еще болѣе благоприятными условіями для развитія, но они не умѣли защитить себя противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Одна Флоренція крѣпко боролась за свою независимость и выходила невредимою изъ самыхъ страшныхъ опасностей. Какъ же разгадать это явленіе? Лучшіе историки объясняютъ его очень просто. Флорентинцы, говорятъ они, были, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, въ высшей степени привязаны къ родной общинѣ и видѣли въ ней самую крѣпкую опору своихъ вольностей. Не только во времена феодальнаго самовластія, но до конца среднихъ вѣковъ она служила единственнымъ убѣжищемъ челоуѣческаго достоинства и свободы среди охловратическихъ городскихъ тирановъ Тосканы. «Мы свободны, говоритъ Гриммъ, когда удовлетворена наша потребность трудиться на пользу страны не по приказу, а добровольно, когда мы чувствуемъ, что составляемъ живую часть родины и сами идя впередъ, способствуемъ нашими успѣхами развитію цѣлаго общества. Въ этомъ чувствѣ заключается самый обильный, неиссякаемый источникъ гражданскихъ подвиговъ и доблестей; у флорентинцевъ оно было сильнѣе всякаго другого чувства и въ лучшее время одолѣвало кровавую вражду политическихъ партій. Каждый гражданинъ любилъ общину, какъ самого себя и былъ готовъ бороться за ея свободу. Эта борьба, направленная противъ внѣшняго или внутренняго угнетенія, идетъ неудержимо черезъ исторію Флоренціи. Понятно, почему ни одно правительство не повелѣвало судьбою города безусловно и никакіе посредники или ходатаи за народъ не были здѣсь терпимы: всѣ классы и сословія домогались прямого, непосредственнаго уча-

стія въ публичной жизни. Пока ревность къ народнымъ правамъ и общему благу горѣла въ сердцахъ жителей, Флоренція была сильна во всѣхъ отношеніяхъ, производительна и вполнѣ самостоятельна. Съ измѣненіемъ образа мыслей, свобода угасла, а затѣмъ неизбѣжно наступили времена упадка¹⁾.

Чтобы оцѣнить глубокую вѣрность замѣчаній Гримма, нужно всмотрѣться ближе въ публичную жизнь флорентинскихъ гражданъ. Люди XIX-го столѣтія готовы находить что-то сказочное или преувеличенное въ ея описаніяхъ. Это очень естественно. Вольныя общины среднихъ вѣковъ давно исчезли съ лица земли; политическія идеи и понятія о свободѣ переработались. Европа состоитъ теперь изъ обширныхъ государствъ, въ которыхъ національный патріотизмъ почти сокрушилъ мѣстныя привязанности. Государства эти большею частью приведены или приводятся къ единству, въ ущербъ городской автономіи и привилегіямъ старыхъ провинцій. Обитатели нынѣшнихъ городовъ, особенно большихъ, слишвомъ разрознены въ стремленіяхъ, сходятся между собою чаще подъ вліяніемъ какихъ-нибудь связей, а безъ того знакомятся неохотно и развѣ во имя близкаго, уличнаго сосѣдства. Городское управленіе и благоустройство интересуютъ только тѣхъ изъ нихъ, которые въ немъ принимаютъ непосредственное участіе. Есть и такіе люди, которые всегда и вездѣ остаются чужими, заѣзжими людьми, потому что безпрестанно мѣняютъ свое мѣстопробываніе. Не такъ сложилась жизнь въ Италіи среднихъ вѣковъ. Каждый городъ составлялъ тогда особое государство, а потому приковывалъ къ себѣ жителей крѣпкими, почти неразрывными узами. Находя въ немъ единственное убѣжище и защиту противъ насилія, считаясь внѣ его стѣнъ иностранцами, они тѣснѣе сближались другъ съ другомъ и дома, и на чужбинѣ. Народное представительство было еще неизвѣстно; каждый человекъ говорилъ, отвѣчалъ и дѣйствовалъ за себя въ силу личныхъ правъ и обязанностей; свободная патріотическая дѣятельность, направленная на одинъ пунктъ, сосредоточенная въ городѣ, какъ въ фокусѣ, свѣтила ярче и сильнѣе. Изъ всѣхъ итальянскихъ городовъ, Флоренція была вольною общиною по преимуществу и дѣйствительно вполнѣ достойна этого названія. Здѣсь ничто не происходило келейно и тайно, безъ вѣдома или участія жителей; не только война и миръ, не только законодательство и управленіе, но всякое полезное предпріятіе, даже все, что сколько-нибудь касалось чести и славы города, обсуживалось открыто, или утверждалось на-

¹⁾ Grimm, тамъ же, стр. 8.

роднымъ приговоромъ. Гласность во Флоренціи входитъ въ обычай и пускаетъ корни вмѣстѣ съ развитіемъ учреждений и успѣхами общества. Политическія дѣла никогда не поглощали всего вниманія флорентинцевъ; имъ были доступны и близки самыя разнообразныя человѣческіе интересы. Городъ имѣлъ общія радости и печали, пріобрѣтенія и потери, то-есть, въ полномъ смыслѣ слова жилъ общею жизнію. Привычка къ ней обратилась въ преданіе и оставила по себѣ неизгладимыя слѣды. Кто видѣлъ карнавалы и праздники въ Италіи, тотъ знаетъ, какое участіе принимаетъ цѣлый народъ въ этихъ увеселеніяхъ, какъ вывѣшиваются ковры изъ оконъ и украшаются всѣ дома. Что же было тогда, когда память о свободѣ была свѣжа, когда люди еще не утратили способности дѣйствовать согласно своимъ чувствамъ и желаніямъ? Первые повелители Флоренціи, Медичи, хорошо знали ея общественный духъ и очень искусно угадывали настроеніе ея жителей. Въ примѣръ достаточно привести одно событіе изъ конца XV-го вѣка. Хоронили Симонету, знаменитую красавицу. Народъ ее зналъ и оплакивалъ. Безчисленная толпа провожала покойницу со слезами на глазахъ. Что же дѣлаетъ Лаврентій Медичи? Какъ передовой человѣкъ въ городѣ, онъ пишетъ въ память красавицы печальный сонетъ, идетъ во главѣ погребальной процессіи и такимъ образомъ пріобрѣтаетъ популярность.

Но эпоха упадка не даетъ понятія о широкой, увлекательной жизни флорентинскихъ гражданъ въ средніе вѣка. Чтобы судить о ней, нужно читать «Божественную Комедію» Данта. Яркими красками поэтъ рисуетъ передъ нами Флоренцію своего времени съ ея религіею, политикою, обычаями, страстями и пороками. По самому положенію своему на большой дорогѣ изъ сѣверной Италіи въ южную, этотъ городъ долженъ былъ сдѣлаться сборнымъ мѣстомъ путешественниковъ, центромъ разнаго рода новостей и толковъ. Его жители знали все, что происходило на западѣ Европы и обо всемъ судили открыто, на улицахъ. Дѣятельность человѣческаго ума давно возбудила любопытство этого даровитаго народа. Но наука въ средніе вѣка была темна и слаба; ее замѣняло искусство. Понятно, что флорентинцы, обогатившись промышленностью, стали заботиться объ украшеніи своего города, привлекать къ себѣ иноземныхъ художниковъ и поддерживать отечественныхъ. Скоро здѣсь открылся широкій просторъ свободному творчеству. Нигдѣ въ Италіи публика не сочувствовала такъ искренно новымъ талантамъ; нигдѣ корпораціи и частныя лица не затѣвали такихъ обширныхъ построекъ и не дѣлали болѣе щедрыхъ заказовъ. «Въ ста-

рой Флоренціи, по справедливому замѣчанію Гримма, не клали камня на камень, не рисовали ни одной картины, такъ сказать, безъ народнаго благословенія. Нужно ли было воздвигнуть храмъ или поставить къ нему новыя двери, каждый этимъ интересовался, какъ своимъ собственнымъ дѣломъ, открывалась-ли только что росписанная капелла и всѣ туда стремились. При такомъ эстетическомъ настроеніи публики, художникъ не былъ одинокимъ труженникомъ и не чувствовалъ себя лишнимъ человѣкомъ. Въ его работахъ принималъ сердечное участіе цѣлый городъ. Неудивительно, что искусство во Флоренціи сдѣлалось вполнѣ народнымъ, т. е. близкимъ и дорогимъ народу, росло одновременно съ его свободою, окрѣпло на вольномъ воздухѣ и погибло вмѣстѣ съ общиною, среди которой оно родилось и процвѣтало. Любопытно изслѣдовать, когда именно и при какихъ обстоятельствахъ возникли здѣсь самостоятельныя школы зодчества, вааянія и живописи. Прежде всего бросимъ взглядъ на первые вѣка флорентинской исторіи ¹⁾.

Происхожденіе Флоренціи, какъ независимой общины, можно отнести къ началу XII-го в. Самый городъ былъ основанъ гораздо раньше и упоминается еще римскими писателями. Во времена варварства сюда приходилъ Атилла; въ концѣ VIII-го в. — Карлъ Великій; затѣмъ, около двухъ-сотъ лѣтъ спустя, Тоскана досталась графинѣ Матильдѣ, извѣстной своею преданностью Гильдебранду. Еще въ 1078 г. жители Флоренціи сочли нужнымъ исправить ея древнія стѣны и выбрали изъ среды себя комиссію для надзора за этими работами. По словамъ историка Малеспини, городъ былъ тогда очень бѣденъ, а его населеніе отличалось простотою и даже грубостью нравовъ ²⁾. Но властители тосканскаго края, какъ видно, благопріятствовали самоуправленію. Ежегодно избираемые консулы и сенатъ стоятъ во главѣ Флоренціи съ незапамятныхъ временъ. Въ 1107 г., пишетъ Малеспини, флорентинцы пошли войною на сосѣдніе замки и крѣпости, владѣтели которыхъ не хотѣли имъ добровольно покориться. Эта война имѣла успѣхъ: грозный Монте-Орландо и

¹⁾ Исторія флорентинской общины разработана превосходно. Начиная отъ Малеспини и Виллани до Варки идетъ цѣлый рядъ туземныхъ писателей, между которыми Макиавелли и Гвиччардини занимаютъ самое видное мѣсто. Иностранцы также много трудились по этому предмету. Недавно англичанинъ Тромлопъ нанечаталъ довольно полную исторію Флоренціи подъ заглавіемъ: *History of the Commonwealth of Florence*. Lond. 1865, 4 vols. Здѣсь, кромѣ историческихъ событій, представлено не мало фактовъ о внутренней жизни города.

²⁾ Подробное описаніе Малеспини (гл. 164) почти слово въ слово повторяетъ Дантъ. *Paradiso*, canto XV, 97—120.

матежныи Прато были разрушены. Императоръ Генрихъ IV, желая смирить флорентинцевъ, поставилъ надъ ними своего намѣстника, но они нанесли ему въ 1113 году жестокое поражение. Съ этикъ поръ виѣшняя независимость общины была обезпечена, а ея территория постепенно расширялась на счетъ окрестнаго дворянства.

Не такъ легко было устроить внутренній порядокъ въ общинѣ. Членами ея сдѣлались новые люди, безпокойные феодалы, потерявшіе свои деревенскіе замки. Имъ не было запрещено селиться въ городъ и строить тамъ для себя дворцы. Почти на всѣхъ улицахъ Флоренціи аристократы воздвигли подъ именемъ дворцовъ неприступныя крѣпости съ высокими башнями. Между этими крѣпостями скоро открылись враждебныя дѣйствія. Беззащитный народъ не только не могъ смирить своихъ самовластныхъ гостей, но самъ терпѣлъ отъ нихъ большія притѣсненія: они навязывали ему въ консулы своихъ приверженцевъ и повелѣвали ихъ именемъ. Особеннымъ вліяніемъ въ городъ пользовалась богатая дворянская фамилія Уберти. Не ранѣе 1177 г. жителямъ удалось выбрать независимое отъ нея правительство. По этому поводу во Флоренціи продолжалась четыре года уличная рѣзня. Феодалы задумали даже подавить общину съ помощію императора и подали жалобу на нее Фридриху Барбароссѣ (1184 г.). Фридрихъ отнялъ на время у города судебную власть надъ окрестностями. Но флорентинцы воспользовались его смертью и скоро нарушили стѣснительный декретъ. Въ XIII вѣкѣ мы снова ихъ видимъ въ походахъ противъ сосѣднихъ феодаловъ. Къ сожалѣнію, около этого времени неурядицы между дворянами Флоренціи не только не ослабѣваютъ, а усиливаются. Община, слѣдуя примѣру другихъ итальянскихъ городовъ, возложила рѣшеніе всѣхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ на выборнаго изъ иностранцевъ сановника (*podesta*), въ надеждѣ, что онъ, какъ чужой человекъ, не будетъ потворствовать отдѣльнымъ классамъ и фамиліямъ (1207). Но это нововведеніе не принесло ожидаемой пользы. Только мелкіе люди покорались безпристрастнымъ приговорамъ *podesta*; что же касается до дворянъ, они не хотѣли объ немъ слышать, а предпочитали самосудъ. Въ 1215 году возникла оплаканная Дантомъ распря между семействами Буондельмонте и Амидеи по вопросу объ оскорбленіи женской чести. Всѣ попытки примирить враждебныя стороны оказались безуспѣшными. Дѣло дошло до кровопролитія и страшно взволновало городъ. Лѣтописцы не даромъ называютъ этотъ день роковымъ, несчастнымъ днемъ Флоренціи. Дѣйствительно, съ него идетъ цѣлый рядъ усобицъ между двумя

дворянскими партіями, извѣстными подъ именемъ гвельфовъ и гибеллиновъ. Первые считались приверженцами папской власти, но были въ сущности друзьями свободы и прогресса; вторые, повидимому, защищали права императора, а на самомъ дѣлѣ аристократическое начало. Понятно, что вторая партія имѣла на своей сторонѣ богатство и политическое вліяніе. Напротивъ первая становилась съ каждымъ днемъ многочисленнѣе: къ ней примкнули купцы и за ними простолюдныя (popolo minuto).

Борьба между гвельфами и гибеллинами почти не прерывалась до конца XIII вѣка. Мы не намѣрены описывать ея подробности. Достаточно замѣтить, что въ концѣ концовъ обѣ партіи взаимно ослабили себя жестокостями. Сама судьба помогла этому, давая временный перевѣсъ то одной сторонѣ, то другой. Каждая побѣда обыкновенно влекла за собою истребленіе или изгнаніе противниковъ; обѣ уступкахъ, пощадѣ и амнистіи почти никто не думалъ. Побѣжденные обыкновенно находили убѣжище въ сосѣднихъ городахъ и, соединившись тамъ съ единомышленниками, шли походомъ на отечество. Нѣсколько разъ междоусобія накликали иностранное вмѣшательство на несчастный городъ и грозили ему большими опасностями. Въ 1261 году, послѣ пораженія гвельфовъ при Монтаперти, гибеллины вмѣстѣ съ своими союзниками уже готовились разрушить Флоренцію. Она обязана спасеніемъ только высокому патриотичному изгнаннику Фаринати изъ аристократической фамиліи Уберти. Этотъ человѣкъ, хотя и много потерпѣлъ отъ согражданъ, но умѣлъ забыть личныя обиды и разрушилъ враждебные замыслы своихъ ожесточенныхъ товарищей противъ родного города *). Переживъ первый тяжкій періодъ феодальныхъ междоусобій, флорентинское общество сильно измѣнилось. Дворянскія фамиліи перестали тяготѣть надъ нимъ. Укрѣпленные дворцы гвельфовъ и гибеллиновъ были разрушены въ городѣ самими враждовавшими партіями, или скуплены въ чужія руки. Среднее сословіе выступило впередъ, разбогатѣло и устроилось. Во главѣ его уже въ половинѣ XIII столѣтія становятся такъ-называемые жирные граждане или богачи (popolani grassi). Они группируются сначала по отдѣльнымъ кварталамъ подъ начальствомъ старшинъ, потомъ дѣлятся на гильдіи или корпораціи, участ-

*) Фаринати изображенъ въ десятой пѣснѣ Ада. Жалуясь на несправедливости флорентинскаго народа къ семейству Уберти, онъ гордо напоминаетъ Данту о своемъ поступкѣ. Напрасно поэтъ дѣлаетъ ему упреки за участіе въ междоусобіяхъ: «я дѣйствовалъ тогда вмѣстѣ съ другими и защищалъ родныхъ, говоритъ изгнанникъ, — но я стоялъ одинъ противъ всѣхъ за Флоренцію въ томъ военномъ совѣтѣ, гдѣ рѣшался вопросъ о ея жизни и смерти».

вуютъ въ защитѣ города и наконецъ берутъ въ свои руки власть. Число гильдій и цеховъ непрерывно возрастаетъ. Само дворянство видитъ необходимость къ нимъ приписаться, чтобы не утратить политическихъ правъ. Предводители высшихъ или старшихъ гильдій (*rigioni*), избираемые на кратковременный срокъ, составляютъ родъ государственнаго совѣта, или такъ-называемую синьорію. Въ концѣ XIII вѣка предводитель синьоріи получаетъ титулъ знаменосца правосудія (*gonfaloniere della giustizia*). Около того же времени (1293 г.) издается строгое уложение (*ordini della giustizia*) въ защиту народа отъ дворянъ. Нѣкоторыя изъ его статей замѣчательны крайнею жестокостію. За убійство простолюдина уложение грозитъ аристократамъ смертною казнью, разрушеніемъ дома и конфискаціею имущества, за раны и тяжкіе побои — значительными штрафами и отсѣченіемъ правой руки; предписываетъ производить слѣдствіе и судъ по такимъ дѣламъ въ самый короткій срокъ и строго запрещаетъ оскорбленнымъ прощать самыхъ легкія обиды. Другими статьями дворянство совершенно отстранено отъ должностей, лишено права присутствовать въ синьоріи, входить въ общинный дворецъ и носить оружіе. Наконецъ, всякій простолудинъ, за измѣну государству, объявляется по уложенію дворяниномъ вмѣстѣ съ потомствомъ и преслѣдуется безпощадно.

Уложение 1293 года, очевидно было составлено подъ вліяніемъ глубокой ненависти къ феодальному дворянству. Желая истребить въ своихъ нѣдрахъ послѣдніе остатки мятежной и самовластной аристократіи, флорентинскій народъ объявилъ вѣчную вражду тому сословію, которое такъ недавно правило общиною, въ рукахъ котораго еще находились лучшіе дома въ городѣ и богатѣйшія земли въ окрестностяхъ. Число дворянскихъ фамилій, исключенныхъ уложеніемъ отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ и поставленныхъ подъ строжайшій надзоръ полиціи, простиралось до семидесяти двухъ. Чувствуя себя внѣ покровительства законовъ, отданные на жертву безыменныхъ доносчиковъ и шпіоновъ, эти многочисленныя фамиліи или, лучше сказать, *роды* никакъ не могли примириться съ своимъ положеніемъ. Отсюда объясняются причины новыхъ смутъ и заговоровъ во Флоренціи. Само среднее сословіе, связанное съ дворянствомъ браками и гражданскими отношеніями, скоро раздѣлилось на двѣ враждебныя партіи: бѣлую (народную) и черную (олигархическую). Какъ прежде между гвельфами и гибеллинами, такъ и теперь поводомъ къ усобицамъ служатъ семейныя дѣла. Флорентинцы опять предаются до самозабвенія политическимъ страстямъ, рѣжутъ другъ друга на улицахъ, изго-

иаютъ изъ города цѣлыя массы побѣжденныхъ и впутываются въ войны съ сосѣдами. Напрасно папы дѣлаютъ попытки установить эти кровопролитія личнымъ посредничествомъ, индигматами и легатствами: ничто не помогаетъ. Само правительство наконецъ чувствуетъ свое безсиліе и, опасаясь за существованіе общины, ищетъ для нея вышшаго, болѣе надежнаго защитника, чѣмъ безоружный представитель римской церкви. Эту роль непременно берутъ на себя то французскіе, то неаполитанскіе принцы, то знатные кондотьеры. Имъ обыкновенно поручается начальство надъ войскомъ, съ обязанностью не вмѣшиваться въ вопросы внутренней политики и соблюдать дѣйствующіе законы. Но горькій опытъ показалъ флорентинцамъ, какъ бесполезно и опасно давать власть иностранцамъ. Приглашенные принцы не помогли общинѣ справиться съ врагами и вовсе не заботились о ея благосостояніи: будучи искателями приключеній, они приходили въ чужія страны только наживать. Не разъ Флоренція стояла на краю гибели. Такъ Генрихъ Люксембургскій во время своего похода на тосканскіе города (1312) едва не овладѣлъ ею; грозный повелитель Лукки, Кастручіо Кастравани уничтожилъ ея войска (1325 г.) и готовился потопить ее водами Арно. Въ 1342 г. флорентинцы избрали покровителемъ и главнокомандующимъ одного французскаго кондотьера Вальтера де Бриенна. Этотъ человѣкъ, величавшій себя герцогомъ афинскимъ, воспользовался данными ему полномочіями такъ ловко, что укрѣпился въ публичномъ дворцѣ, окружилъ себя преданною гвардіею, взялъ въ руки городскія власти и принудилъ ихъ объявить свой санъ пожизненнымъ. Община неожиданно очутилась въ рукахъ вооруженнаго деспота и въ теченіи шести мѣсяцевъ испытывала ужасы произвола. Наконецъ, старая пословица сбылась ¹⁾: всѣ классы гражданъ вышли изъ терпѣнія, взбунтовались и при содѣйствіи союзныхъ войскъ изъ Сіены, изгнали недостойнаго кондотьера. Затѣмъ народъ обратилъ свою месть противъ тѣхъ, кого считалъ виновнымъ въ бѣдствіяхъ отечества. Какъ прежде дворянство, такъ теперь среднее сословіе (*popolani grassi*) должно было утратить исключительную власть. Флорентинская община устроилась (20 октября 1343 г.) на новыхъ основаніяхъ. Составъ синьоріи измѣнился: старшія гильдіи удержали за собою право выбирать только ея предсѣдателя (*gonfaloniere*) и двухъ членовъ; младшія гильдіи и ремесленники, которые до сихъ поръ были устранены отъ

¹⁾ Эта пословица говоритъ: *Firenze non si muove, se tutta non si dole* (Флоренція не движется, пока вся не перестрадаетъ).

высшихъ должностей, получили по три представителя, и, слѣдовательно, пріобрѣли большинство голосовъ въ этой коллегіи. Съ своей стороны дворянство просило объ отмѣнѣ самыхъ стѣснительныхъ для него правилъ уложенія. Народъ исполнилъ эту просьбу, но съ нѣкоторыми ограниченіями. Около двадцати аристократовъ, наиболѣе замѣшанныхъ въ междоусобія или поддерживавшихъ герцога аеинскаго, было изгнано; прочіе, въ числѣ пятисотъ, получили дозволеніе остаться въ городѣ на испытаніи и сдѣлаться плебеями; община обѣщала возвратить имъ политическія права не раньше, какъ черезъ пять лѣтъ и подъ условіемъ, чтобы они жили мирно, не обижая простолюдиновъ; въ противномъ случаѣ грозила преслѣдовать ихъ съ прежнею строгостью.

Конституція 1343 года наноситъ ударъ высшимъ или старшимъ гильдіямъ, и, слѣдовательно, всему богатому классу. Флоренція стремится теперь къ демократіи и отерываетъ доступъ къ должностямъ простому народу (*popolo minuto*). Причины этого движенія подготовлены исторіею. Въ самомъ дѣлѣ, флорентинская община первоначально сложилась изъ ремесленниковъ и рабочихъ людей. Составляя коренное ея населеніе, они должны были раньше или позже почувствовать свою силу. Такъ и случилось. Первыми борцами противъ окрестнаго и принаго дворянства выступили *popolani grassi*, фабриканты и банкиры, которымъ раньше удалось нажитья. Но при всемъ стараніи замкнуться въ отдѣльное сословіе, они не могли уврѣпить за собою верховную власть въ городѣ. Ихъ господство, какъ мы видѣли, продолжалось не болѣе полулѣта. Наряду съ ними трудилась и богатѣла масса. Изъ нея безпрестанно и неизбѣжно выдвигались новые люди. Нужно замѣтить, что промышленность въ средніе вѣка далеко не имѣла той твердости, какую она пріобрѣла въ наше время. Фабричныя и мануфактурныя предприятия, хотя и давали тогда громадныя барыши, но за то требовали большого риска; богатство переходило изъ рукъ въ руки съ неимоверною быстротою. Это непостоянство фортуны особенно замѣтно во Флоренціи. Отдѣленная отъ моря довольно значительнымъ пространствомъ, она соперничала съ Генуею и Венеціею только банкирскими предприятиями и не участвовала непосредственно въ морской торговлѣ. Главнымъ подспорьемъ для нея служили суконныя, шерстяныя и шелковыя фабрики. Повидимому, хозяева этихъ заведеній должны были, въ качествѣ капиталистовъ, повелѣвать судьбою рабочаго класса. На самомъ дѣлѣ случилось не такъ. Во-первыхъ, они часто банкротились и, слѣдовательно, мѣнялись; во-вторыхъ, они дорожили наличными трудовыми си-

лами народа. Замѣнить эти силы было трудно и почти невозможно. Переселенія работниковъ изъ города въ городъ случались очень рѣдко и развѣ подь вліяніемъ междоусобій. Напротивъ, положеніе простыхъ ремесленниковъ было болѣе обезпечено отъ состязанія и отъ внѣшнихъ опасностей. Ограничиваясь домашнимъ сбытомъ своихъ произведеній, они могли устроить собственные мастерскія и вступить между собою въ товарищества. Этимъ объясняется сравнительное благосостояніе народа во Флоренціи. По примѣру богачей, онъ также образовалъ свои гильдіи и цехи подь названіемъ низшихъ или младшихъ. Изъ этихъ-то цеховъ по преимуществу выходили великіе мастера, которымъ приписывается основаніе или лучше сказать, возрожденіе живописи, ваянія и зодчества въ средніе вѣка.

Флоренція долго считалась колыбелью новоевропейскаго искусства. Въ наше время это мнѣніе нѣсколько измѣнилось. Древніе памятники Пизы доказываютъ, что она опередила художественнымъ развитіемъ столицу Тосканы. Собственно говоря, иначе и быть не могло. Флоренція, какъ мы видѣли, около двухъ столѣтій томилась подь гнетомъ феодаловъ. Напротивъ, пизанская община, сдѣлавшись независимой еще съ конца IX вѣка (888 г.), гораздо раньше устроилась и разбогатѣла. Главнымъ источникомъ богатствъ была для нея морская торговля. Пизанцы отличались также воинственнымъ духомъ, покорили себѣ окрестные острова и помогали норманнамъ освободить Сицилію отъ сарациновъ. Можно сказать смѣло, что до конца XIII-го столѣтія они были главными двигателями международныхъ сношеній и владыками Средиземнаго моря. На улицахъ и площадяхъ Пизы, теперь мертвыхъ и глухихъ, попадались «толпы турокъ, язычниковъ пареня и всякихъ морскихъ чудовищъ», какъ пишетъ одинъ тамошній поэтъ (*Qui pergit Pisas, videt illic monstra marina*). Туда, по видимому, очень давно привозились изъ Сициліи и южной Италіи памятники древняго искусства, напримѣръ: колонны, саркофаги и т. п. Главнымъ средоточіемъ городской жизни была площадь старшинъ (*degli anziani*), названная при тосканскихъ герцогахъ, неизвѣстно по какой именно причинѣ, площадью рыцарей. И теперь она поражаетъ путешественника своими размѣрами, но стоитъ одиноко и поросла травой какъ повинутый храмъ въ пустынѣ. Еще обширнѣе и величественнѣе соборная площадь. Здѣсь находятся зданія, вмѣщающія въ себѣ всю прошедшую исторію города и лучшіе памятники искусства. Объ этихъ памятникахъ мы намѣрены сказать нѣсколько словъ. Въ благодарность

Богу за побѣды надъ врагами жители Пизы съ 1067 г. начали воздвигать изъ мрамора соборъ и въ 1118 г. уже праздновали его освященіе. Строителемъ этой церкви былъ нѣкто Боскетъ, итальянецъ или грекъ, неизвѣстно. Какъ бы то ни было, ему удалось превзойти своихъ предшественниковъ и достигнуть замѣчательнаго совершенства. Пизанскій соборъ по своей красотѣ и гармоніи есть образцовое произведеніе такъ-называемаго романскаго стиля. Другія зданія въ этомъ родѣ, построенныя раньше или одновременно на сѣверѣ Италіи, стоятъ далеко ниже и кажутся уродливыми или грубыми. Боскетъ создалъ нѣчто новое и гармоническое: фасадъ собора представляетъ безчисленный рядъ изящно закругленныхъ арокъ, возвышающихся однѣ надъ другими въ симметріи и порядкѣ. Онѣ служатъ отчасти опорой и еще болѣе украшеніемъ зданія. Но особенно поразительно его внутреннее единство. Здѣсь мы видимъ выдержанный до конца планъ латинскаго (удлиненнаго) креста, великолѣпныя коринскія колонны и легкую галерею (triforium) вдоль корпуса (нефа). Въ 1174 г. пизанскому зодчему Бонанно, съ товарищемъ изъ нѣмцевъ, поручено было построить при соборѣ башню. Эта башня извѣстна подъ названіемъ падающей. По мнѣнію нѣкоторыхъ, архитекторъ покосилъ ее съ намѣреніемъ, чтобы показать искусство и смѣлость; другіе говорятъ, что уклоненіе произошло по ошибкѣ. Во всякомъ случаѣ, башня стоитъ непоколебимо до нашего времени, несмотря на свою массивность сравнительно съ подобными башнями въ Болоньѣ. Тотъ же Бонанно усовершенствовалъ литейное искусство, заимствованное итальянцами у грековъ. Изъ металлическихъ его произведеній сохранились бронзовыя двери при соборахъ Пизы и Палермо.

Скоро за успѣхами зодчества послѣдовало въ Пизѣ возрожденіе ваянія. Правда, въ Италіи еще издревле держалась скульптура, но лучшія ея преданія были совершенно забыты. Мастера этого рода носили незавидное прозвище каменотесовъ (*tagliapietre*) и болѣею частью помогали зодчимъ отдѣлывать капители колоннъ, да вырѣзывать на стѣнахъ грубыя фигуры святыхъ. Истиннымъ родоначальникомъ новоевропейскихъ ваятелей считается Николай Пизанскій. Онъ родился въ началѣ XIII вѣка (1205—1207). Откуда вышли его предки, изъ Сіены, какъ видно изъ документовъ, или изъ Апуліи, какъ полагаетъ Кроу¹⁾, не беремъ рѣшить; гораздо больше интереса представляетъ для насъ соб-

¹⁾ Дѣятельность пизанскихъ скульпторовъ описана подробно въ книгѣ Перкинза, но приведенные имъ факты о происхожденіи Николая Пизанскаго оспариваются въ исторіи живописи Кроу (*History of painting I, 127—183*).

ственная жизнь и дѣятельность этого гениальнаго человѣка. Еще 15-го лѣтъ отъ роду, онъ былъ назначенъ придворнымъ архитекторомъ Фридриха II Гогенштауфена и присутствовалъ при коронаціи императора въ Римѣ, потомъ сооружалъ замки въ Неаполитанскомъ королевствѣ, гдѣ пробылъ около десяти лѣтъ, и отсюда отправился въ Падую строить знаменитую базилику въ честь св. Антонія. Овончаяная вполслѣдствіи по его плану, она имѣетъ громадныя размѣры и представляетъ удачное электическое соединеніе разныхъ стилей и въ томъ числѣ восточнаго или магометанскаго, занесеннаго изъ южной Италіи. Первый опытъ Николая Пизанскаго въ скульптурѣ есть мраморное изображеніе (рельефъ) снятія со креста на боковой двери Луккскскаго собора (1234 г.). Оно далеко превосходитъ грубыя изваянія прежнихъ каменотесовъ, какъ по композиціи, такъ и по отдѣлкѣ. Изъ Лукки Николай пріѣхалъ во Флоренцію. Здѣсь гвбеллины разрушали дворцы гвельфовъ и поручили ему, какъ своему единомышленнику, сбросить сосѣднюю башню фамиліи Адимари на крещальню св. Іоанна, бывшую тогда каѳедральнымъ соборомъ. Но онъ уклонился отъ вандалскаго поступка и сдѣлалъ требуемый подвопъ такъ ловко, что башня упала мимо крещальни¹⁾. Около двадцати лѣтъ продолжалась зодческая дѣятельность Николая въ Тосканѣ и преимущественно во Флоренціи, гдѣ имъ построены нѣкоторыя дворцы и церковь св. Троицы. Въ 1260 г., уже въ преклонныхъ лѣтахъ, онъ снова обратился въ ваіанію и создалъ знаменитую каѳедру изъ мрамора для крещальни въ Пизѣ. До сихъ поръ каѳедры обыкновенно строились изъ саркофаговъ. Николай отступилъ отъ этой формы и украсилъ свое произведеніе пятью рельефами. Самый замѣчательный изъ нихъ, по мастерству въ постановкѣ фигуръ, есть поклоненіе волхвовъ. Здѣсь ремесло каменотеса уже становится искусствомъ и возвращается къ древнимъ преданіямъ. Очень вѣроятно, что Николай видѣлъ и внимательно изучилъ въ это время какіе-нибудь вновь открытыя и привезенныя въ Пизу памятники римской скульптуры. Слава объ немъ скоро распространилась по сосѣднимъ городамъ. Его пригласили въ Болонью украшать барельефами раку св. Доминика, а потомъ въ Сіену дѣлать новую каѳедру для тамошняго собора. Оба эти произведенія сложѣе и самостоятельнѣе перваго опыта. Николай работалъ надъ ними выѣстѣ съ своимъ сыномъ и учениками, набранными большею частью изъ Флоренціи. Послѣдніе годы жизни онъ провелъ въ южной Италіи, гдѣ строилъ, по просьбѣ Карла Анжуйскаго, въ память

¹⁾ Villani, VI, 34; Trollope, History, I, 127.

его побѣды надъ Конрадиномъ, аббатство, неподалеку отъ Тальянцо. Въ это время жители Перуджіи заказали великому мастеру сдѣлать изваянія для городского фонтана, но онъ успѣлъ только составить планъ и заготовить рисунки, поручивъ выполнение самой работы сыну. Николай Пизанскій умеръ въ 1278 году. Труды его по части зодчества и ваянія цѣнятся высоко. Благодаря путешествіямъ и приглашеніямъ, онъ оставилъ по себѣ слѣды во всей Италіи и нанесъ сильный ударъ варварскому и византійскому безобразію. Поэтому на него справедливо смотрятъ, какъ на одного изъ основателей новоевропейскаго искусства. Ни Дантъ, ни Шекспиръ, говоритъ лордъ Линдзей, не имѣли такого обширнаго и продолжительнаго вліянія на писателей, какое пріобрѣлъ Николай Пизанскій на художниковъ позднѣйшаго времени. Онъ показалъ собственнымъ примѣромъ, прибавляетъ Перкинсъ, гдѣ и какъ нужно учиться. Данное имъ направленіе чувствуется до сихъ поръ. Если его и можно упрекнуть въ томъ, что онъ бралъ свои образцы не прямо изъ природы, а у древнихъ, во всякомъ случаѣ его метода была рациональна, такъ какъ древніе, которымъ онъ подражалъ, достигли, слѣдуя природѣ, совершенства, а потому должны были сдѣлаться воспитателями и руководителями христіанскихъ народовъ на поприщѣ искусства.

По смерти Николая, его сынъ, Джованни, остался главнымъ представителемъ пизанской школы. Но онъ далеко уступалъ отцу въ зодческихъ талантахъ и слѣдовалъ совершенно другому направленію. Построенныя имъ церкви носятъ на себѣ печать готическаго стиля; на примѣръ, часовня св. Маріи della Spina въ Пизѣ: она стоитъ до сихъ поръ на берегу Арно и напоминаетъ своимъ миниатюрнымъ видомъ и причудливыми украшеніями ларчикъ нѣмецкой работы. Другое его произведеніе—Campo Santo или знаменитое кладбище, больше соотвѣтствуетъ своей цѣли и представляетъ форму четырехугольника съ крытыми корридорами и внутреннимъ дворомъ. Это кладбище, усаженное кипарисами, есть одинъ изъ любопытнѣйшихъ музеевъ Пизы. Оно украшено древними саркофагами, надгробными памятниками среднихъ вѣковъ и фресками флорентинскихъ и сіенскихъ живописцевъ. Самъ строитель поставилъ здѣсь эмблематическую статую города въ видѣ женщины съ двумя малютками и помѣстилъ у ея подножія четыре фигуры: мудрости, мужества, умѣренности и правосудія. Впрочемъ эти изваянія кажутся угловатыми, сравнительно съ статуями Николая Пизанскаго. Только разъ сыну удалось превзойти отца, именно въ отдѣлѣ каедръ для церкви св. Андрея въ Пистойѣ: здѣсь убіеніе младенцевъ и распятіе изображены оригинально и драматически. Нужно замѣтить еще, что Джованни

былъ искусенъ въ металлическихъ и эмальныхъ работахъ. Мастерство золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ въ Италіи обязано ему, если не происхожденіемъ, то по крайней мѣрѣ значительными успѣхами. Изъ учениковъ его прославились на этомъ поприщѣ Августинъ и Анджело, уроженцы Сіены.

Послѣднимъ и величайшимъ представителемъ Пизанской школы считается мастеръ Андрей изъ Понтедеры (1270—1345), другъ Джіотто. Но онъ принадлежитъ къ этой школѣ только по мѣсту своего рожденія и воспитанія. Вторымъ его отечествомъ сдѣлалась Флоренція, гдѣ онъ работалъ, провелъ большую часть жизни, получилъ право гражданства и наконецъ умеръ. Дома ему нечего было дѣлать. Пиза въ это время пришла въ упадокъ и потеряла свой флотъ при Мелоріи (1284), въ сраженіи съ генуэзцами. Послѣ этого несчастнаго сраженія городъ уже не могъ поправиться: внутренніе тираны и сосѣди сокрушили его силу и свободу. Напрасно искалъ онъ защиты у германскихъ императоровъ. Они приходили сюда только для того, чтобы брать съ жителей контрибуціи. Въ началѣ XV вѣка Пиза, какъ мы увидимъ, была взята флорентинцами. Ея великіе мастера разсѣлились еще раньше. Изъ учениковъ Андрея его сыновья, Нинъ и Тома, остались въ Тосканѣ, а самый даровитый художникъ, Бальдучіо, ушелъ въ сѣверную Италію.

Теперь не трудно составить понятіе о заслугахъ пизанской школы. Ей неоспоримо принадлежитъ честь почина въ развитіи водчества и ваанія. Въ этихъ двухъ отрасляхъ искусства ея представители были первыми учителями итальянцевъ. Что касается до живописи, она никогда не процвѣтала въ Пизѣ. Вопросъ о томъ, гдѣ именно слѣдуетъ искать самостоятельныхъ ея зачатковъ, давно служитъ предметомъ споровъ. Известно, что такъ называемая византійская манера господствовала почти до половины XIII-го столѣтія на всемъ полуостровѣ. Мастера, которые слѣдовали этому направленію, превосходили одинъ другого безобразіемъ въ отдѣлѣ иконъ. Попытки къ свободному творчеству обнаружались раньше, чѣмъ гдѣ-нибудь, въ Сіенѣ и Флоренціи. Но какому изъ этихъ городовъ слѣдуетъ отдать первенство, рѣшить трудно. Въ обоихъ школы живописи являются почти одновременно. Начнемъ съ Сіены, чтобы потомъ сосредоточить все вниманіе на Флоренціи.

Трудно передать, въ немногихъ словахъ, впечатлѣніе, которое производитъ на путешественника послѣ Флоренціи Сіена. Очарованный столицей Тосканы, онъ ѣдетъ смотрѣть на ея соперницу безъ большихъ надеждъ и даже съ нѣкоторыми про-

тивъ нея предубѣжденіями. Ему извѣстно, что она сама себя истерзала и погубила, что нигдѣ средневѣковья междоусобія не имѣли такого вѣрзкаго и безвыходнаго характера: «Я увижу, думаетъ онъ, антикварный городъ, столь любезный археологамъ, прославленный англичанами, но, вѣроятно, городъ мертвый и скучный; только соборъ, должно быть, любопытенъ». И, не ожидая ничего, идетъ онъ по извилистымъ улицамъ Сіены. Скоро оказывается, что городъ довольно великъ. Это понятно: «въ старину здѣсь считалось до ста тысячъ жителей, а теперь сдѣлалось просторнѣе». Дворцы попадаются на каждомъ шагу. Они колоссальны, какъ флорентинскіе, и не уступаютъ имъ красотою архитектуры. Къ сожалѣнію, внутренность ихъ болѣею частью непривлекательна: они давно лишились своихъ сокровищъ: картины и фрески почти вездѣ исчезли или стерлись; ими богаты только церкви, да часовни или ораторіи. Но по мѣстоположенію Сіена живописнѣе Флоренціи: разбросанная по холмамъ, какъ Римъ, она открыта съ разныхъ сторонъ и богата пейзажами. Окрестности также прекрасны: здѣсь оканчиваются горы и начинается тосканская маремма. Соборъ стоитъ не въ центрѣ, а на одной изъ высотъ и, такъ сказать, владычествуетъ надъ Сіеною. Жители хотѣли дать ему громадныя, почти невиданныя, размѣры; стѣна недостроеннаго нефа тянется далеко въ сосѣднюю улицу. Нынѣшняя церковь есть только поперечная часть (трансептъ) проектированной. Нужно согласиться, что она отдѣлана и убрана роскошнѣе флорентинскаго собора. Чтобы затмить свою соперницу вѣшнимъ блескомъ, Сіена выставила въ своемъ храмѣ на показъ міру чудеса искусства. Рѣзные и накладныя работы по дереву и мрамору (*tarsia, entaglio*), разрисованныя стекла и розетки, алтари изъ драгоценныхъ камней, иллюминированныя рукописи и книги въ ризницѣ ослѣпляютъ глаза. Даже мостовая собора покрыта разноцвѣтными барельефами, сложенными изъ мрамора по рисункамъ лучшихъ живописцевъ. На ней, посрединѣ церкви, изображены событія вѣхаго завѣта, а у входа представлена Сіена, въ видѣ римской волици, окруженная союзными городами. Каодральное начальство только недавно догадалось прикрыть эту мостовую досками, чтобы сберечь ее отъ человѣческихъ ногъ. Въ самомъ дѣлѣ, она устроена не для ходьбы. Но красота собора еще не побѣдитъ путешественника, если онъ знаетъ, что это зданіе сооружено по плану или при помощи пизанскихъ зодчихъ, что надъ лучшими статуями трудились флорентинскіе мастера, что самыя дорогія сокровища скуплены у иностранныхъ художниковъ и принадлежатъ XV или XVI столѣтіямъ. Больше всего поражаетъ Сіена

своею главною площадью (Piazza del campo). Эта площадь имѣетъ видъ подковы и обширнѣе флорентинской. Она переноситъ насъ въ самую глубь среднихъ вѣковъ, когда городъ жилъ силою и волею цѣлаго народа. Мы не находимъ здѣсь никакихъ слѣдовъ мѣстнаго Перикла или Медичи, а видимъ передъ собою вольную итальянскую общину во всемъ ея величїи и, вспоминая, какія кровавыя сцены, какія бури происходили на этой площади, попеременно испытываемъ удивленіе и ужасъ. Публичный дворецъ, современный флорентинскому, посѣдѣлый отъ древности, смотритъ грозно; входъ въ нему сторожитъ таже волчица, эмблема римскаго происхожденія Сиены; только часовня Богоматери-покровительницы города, смягчаетъ суровый стиль фасада, да легкая башня смѣло уносится въ небеса. Эта башня—достойная соперница башни Арнольфа въ Palazzo Vecchio: Леонардо да-Винчи не даромъ восхищался ея красотою. Насупротивъ и по бокамъ дворца стоятъ такіе же гиганты, построенные, словно наперекоръ общинѣ, богачами. Видно, что эти люди были для нея опасны и не скоро смирились. Срединя площади украшена фонтаномъ (Fonte gaja). Сиенскій скульпторъ XV-го вѣка делла-Кверція изобразилъ на немъ библейскія событія; но барельефы этого мастера повреждены, и теперь (1868 г.) восстанавливаются. Таковъ наружный видъ площади. На ней до сихъ поръ шумитъ народъ, но невиннымъ, торговымъ шумомъ. Безпокойныя времена давно прошли...

Внѣшняя судьба Сиены представляетъ много сходства съ судьбою Флоренціи. Обѣ республики возникли почти въ одно время и были раздавлены одною и тою же желѣзною рукою Карла V. Но внутренняя жизнь Сиены устроилась нѣсколько иначе. Здѣсь феодальная аристократія раньше потеряла власть и принуждена была покинуть городъ. Къ сожалѣнію, сиенская община не умѣла удержать легко добытой свободы. Краткій періодъ народовластія ознаменованъ въ этой общинѣ страшными междоусобіями и проскрипціями; простолюдины гибли жертвою собственныхъ страстей; богачи поддерживали тираннію или призывали на отечество внѣшнихъ враговъ. Въ 1369 году Сиенцы еще могли дать отпоръ слабому императору Карлу IV и чуть не уморили его голодомъ на площади, когда онъ оцѣпилъ главныя улицы войсками и дерзнулъ захватить себѣ верховную власть. Но Карлъ V былъ посильнѣе и смирилъ Сиену. По его милости, она досталась вмѣстѣ съ Флоренціею великому герцогу Тосканскому Козьмѣ. Чтобы привести въ повиновеніе мятежный городъ, Козьма послалъ маркиза Мариньяно опустошить ближайшіе хутора и деревни. Съ тѣхъ поръ Сиена уже не подни-

малась, а въ ея окрестностяхъ завелась губительная лихорадка, въ родѣ римской маляріи.

Итакъ, сіенская община отцвѣла быстро. Блестящій періодъ ея жизни обнимаетъ не болѣе полутора ста лѣтъ (1200—1348). Къ этому-то времени нужно отнести происхожденіе самостоятельной школы сіенскихъ живописцевъ. Почти всѣ ихъ произведенія, писанныя клеевыми красками на полотнѣ или на деревѣ, хранятся въ церквахъ города, или собраны въ тамошней академіи изящныхъ искусствъ. Но особенно интересны фрески, удѣлѣвшія въ публичномъ дворцѣ. Разсматривая его внутреннія комнаты не трудно понять, чѣмъ именно отличается и какого направленія держится сіенская школа, сравнительно со школою флорентинскою. Но прежде всего обратимъ вниманіе на ея происхожденіе.

Между древнѣйшими памятниками Сіены сохранились выпуклыя иконы византійской манеры (*alla greca*). Въ нихъ живопись, такъ сказать, смѣшана съ валяніемъ и позолотою. Съ XIII вѣка эти искусства мало-по-малу отдѣляются и разрабатываются независимо. Община, какъ видно, рано начала поощрять зодчество и, по примѣру Пизы, уже въ 1179 г. воздвигла въ честь Богоматери соборный храмъ. Первымъ строителемъ его былъ Ланди, человекъ неизвѣстнаго происхожденія. Когда въ Сіену пріѣхалъ Николай Пизанскій, онъ нашелъ тамъ множество ваятелей, или, говоря точнѣе, ваменотесовъ. Эти рабочіе люди составляли особый цехъ подъ начальствомъ выборныхъ старшинъ (ректоровъ) и приняли его очень дружески. Неудивительно, что Николай подчинилъ ихъ своему вліянію и далъ имъ новое, болѣе художественное направленіе. Изъ его-то школы вышли лучшіе скульпторы и зодчіе Сіены. Въ XIV вѣкѣ они достигли полной самостоятельности. Лучшее ихъ произведеніе есть великолѣпный, единственный въ Европѣ, фасадъ Орвіетскаго собора. Этотъ соборъ сооруженъ подъ руководствомъ Лаврентія Маитани (*Maitani*), сіенскаго художника, съ участіемъ флорентинскихъ и пизанскихъ мастеровъ¹⁾. Главнымъ украшеніемъ фасада служатъ барельефы изъ библейской исторіи. Къ сожалѣнію, въ самой Сіенѣ развитіе зодчества и валянія скоро остановилось вслѣдствіе междоусобій. Знаменитый скульпторъ делла-Кверчіа (XV вѣка), хотя и родился въ этомъ городѣ, но не нашелъ дома ни

¹⁾ Историкъ Орвіетскаго собора делла-Валле говоритъ, что надъ его украшеніемъ трудилось болѣе 350 художниковъ (зодчихъ, скульпторовъ, мозанстовъ, різчиковъ и живописцевъ). Первый камень зданія былъ положенъ въ 1290 году папою Николомъ IV; отдѣлка подробностей продолжалась до конца XVI вѣка.

приставница, ни работы. Ему суждено было вести святальческую жизнь и умереть въ бѣдности. Послѣднимъ представителемъ этой отрасли искусства былъ ученикъ Кверчинъ Веккетта.

Напротивъ, живопись развилась въ Сиенѣ на первыхъ порахъ съ необыкновенною силою, чему содѣйствовали частные заказы, которые были здѣсь въ большомъ ходу, и кромѣ того, общественныя причины. Жители Сиены, отличаясь набожностью, любили выражать свои религиозныя вѣры и семейныя воспоминанія картинами. Обычай расписывать хоругви для церквей и знамена для цеховъ и гильдій также былъ очень распространенъ въ этомъ городѣ съ половины XIII вѣка. Само правительство давало художникамъ много работы въ публичномъ дворцѣ и присутственныхъ мѣстахъ. До сихъ поръ въ архивахъ Сиены сохранились официальные акты, реестры и книги, съ портретами чиновниковъ и городскимъ гербомъ. Даже суды, желая имѣть изображенія преступниковъ, обращались къ живописцамъ съ своими требованиями. Но главною задачею искусства было украшеніе церквей. На этомъ поприщѣ трудилось множество мастеровъ. Они издавна занимали отдѣльный кварталъ въ городѣ (dei Maestri), имѣли корпоративное устройство и въ половинѣ XIV вѣка (1345) начертали для себя хартію; нѣкоторыя ея положенія очень любопытны. «Привзаніе живописца, по словамъ хартіи, состоитъ въ томъ, чтобы изображать людямъ простымъ и неграмотнымъ чудеса добродѣтели и подвиги святой вѣры». Самихъ художниковъ уставъ предостерегаетъ противъ невѣжества и своекористія, указывая имъ на то, что «безъ достаточной силы, знанія, доброй воли и любви къ дѣлу нельзя имѣть успѣха въ искусствѣ».

Живопись въ Сиенѣ приняла сначала религиозное, а потомъ отчасти политическое направленіе. Художники этого города обратили особенное вниманіе на технику и съ успѣхомъ разработали византійскую манеру украшенія иконъ. Нужно согласиться, что по тонкой и тщательной работѣ, особенно по миниатюрной отдѣлкѣ подробностей они не имѣютъ соперниковъ въ Италіи. Замѣчательно, что при этомъ главный предметъ композиціи не былъ ими упущенъ изъ виду. Къ сожалѣнію, сиенскимъ мастерамъ не доставало того спокойствія и величія, которое принадлежитъ неоспоримо школѣ флорентинской. Даже въ живописи *al fresco*, гдѣ они достигли блистательнаго колорита, они не умѣли соразмѣрить дѣлаго съ частями и увлекались крайностями. Постановка группъ и фигуръ рѣдко у нихъ естественна, а большею частью натянута, принужденна. Любя изысканныя движенія и красивыя лица, они скоро впади въ манерность и гримасы, начали изображать конвульсіи вмѣсто жестовъ, услов-

ныя чувства вмѣсто истинныхъ. Впрочемъ, эти упреки мало относятся къ первымъ представителямъ сіенской живописи. Они чисты и наивны, какъ дѣти. На нихъ можно смотрѣть, какъ на основателей идеальной школы. Уже въ началѣ XIV вѣка искусство было доведено ими до высокаго совершенства, несмотря на ихъ привязанность къ византійскимъ преданіямъ. Жаль, что судьба не дала ихъ преемникамъ свободы и досуга работать на пользу своего города съ такимъ успѣхомъ, съ какимъ трудились мастера флорентинскіе. Живопись въ Сіенѣ, послѣ перваго высокаго полета, двигалась впередъ туго и упала быстро. Ея исторія отрывочна и безсвязна. Мы остановимся только на древнѣйшемъ періодѣ.

Первымъ живописцемъ Сіены считается Гвидо. Онъ жилъ, какъ говоритъ преданіе, въ началѣ XIII-го вѣка и написалъ образъ Богоматери, что въ церкви св. Доминика, помѣченный 1221 годомъ. Но знатоки оспариваютъ древность этой иконы и находятъ на ней слѣды подновленія¹⁾. Какъ бы то ни было, она ничѣмъ не отличается отъ греческихъ иконъ. Истиннымъ основателемъ сіенской школы нужно признать Дуччіо ди Бонинсеня, мастера XIV столѣтія. Онъ создалъ самостоятельный стиль и возбудилъ въ себѣ большое сочувствіе въ народѣ. Его Мадонна, окруженная ангелами и святыми, уцѣлѣла въ мѣстномъ соборѣ. Когда, послѣ трехлѣтнихъ работъ она была кончена (1308 г.), жители Сіены торжественно, со свѣчами и при звонѣ колоколовъ, принесли ее на рукахъ изъ мастерской въ храмъ и поставили на мѣсто. Этотъ запрестольный образъ имѣетъ обширные размѣры и сложное содержаніе. На одной сторонѣ доски написана Богоматерь во весь ростъ (Majesta); на другой, въ двадцати восьми миниатюрныхъ отдѣлахъ, представлены событія новаго завѣта. Дуччіо украсилъ свое произведеніе латинскимъ двустишіемъ, въ которомъ, кромѣ молитвы за себя, выразилъ патріотическія чувства. «Святая Богоматерь, гласитъ надпись — дай миръ Сіенѣ и жизнь Дуччіо за то, что онъ изобразилъ тебя»²⁾. Достояннымъ преемникомъ основателя сіенской школы считается Симонъ Мартини или Мемми, другъ Петрарки. Ему поручено было написать *al fresco* въ залѣ общиннаго дворца св. Дѣву, покровительницу города. Мемми, по примѣру Дуччіо, присоединилъ къ своей картинѣ латинскіе стихи. Они направлены, какъ бы отъ имени Богоматери, противъ дурныхъ совѣтниковъ, эгои-

¹⁾ Crow, History I, 180 — 185.

²⁾ Mater Sancta Dei, sis causa Senis requiei,
Sis Duccio vita, te quia depinxit ita!

ство, народныхъ льстецовъ и тирановъ. Этотъ мастеръ приобрѣлъ особъ громкую славу въ Итали. Его приглашали работать во Флоренцію, Пизу, Ассизи, а потомъ вызвали въ Авиньонъ въ папскому двору. Онъ отличался не только искусствомъ писать фрески, но былъ, по словамъ Петрарки, хоѳошимъ портретистомъ. За нимъ непосредственно слѣдовали братья Лоренцетти, Петръ и Амвросій. Послѣдній, о которомъ восторженно отзывается Гиберти, флорентинскій художникъ XV вѣка, росписалъ фресками философскаго и политическаго содержания залу засѣданій во дворцѣ сіенской общины. Эти фрески, къ несчастію, полуразрушенныя, очень любопытны. На одной изъ нихъ изображены выгоды мира, на другой—бѣдствія тиранніи, на третьей—благодѣянія свободы и законности. Авторъ, очевидно, желаетъ наставить и предостеречь своихъ соотечественниковъ на счетъ необходимости разумно управлять государствомъ. Гдѣ у него недостаетъ силы выразить мысль красками, онъ подсказываетъ ее стихами. Аллегорическія фигуры правосудія, мудрости, мира и т. п. заимствованы имъ изъ философскихъ ученій Аристотеля. Трудно воздержаться отъ улыбки при первомъ взглядѣ на эти наивныя произведенія ¹⁾. Но, кромѣ художественнаго интереса, они имѣютъ серьезный, глубокой смыслъ для исторіи Лоренцетти—передовой человекъ своей эпохи. Рисуя передъ нами лицевую и обратную сторону публичной жизни въ Сіенѣ, онъ доказываетъ живымъ примѣромъ, что искусство здѣсь служило народу и отъливалось на его потребности.

Въ своихъ молитвахъ о мирѣ и въ урокахъ правительству, сіенскіе живописцы обнаруживаютъ чутье, свойственное великимъ поэтамъ, и какъ бы предсказываютъ отечеству опасности анархіи. Эти предсказанія скоро сбылись. Въ 1348 г. городъ постигла страшная чума, за нею послѣдовали смуты и едва возникшее искусство потерпѣло крушеніе. Художники, къ несчастію, не могли удержаться отъ вмѣшательства въ политическія распри—нѣкоторые изъ нихъ бросили живопись и сдѣлались демагогами; другіе были принуждены бѣжать. Въ 1368 году реакціонное правительство выгнало изъ Сіены около 4,000 гражданъ, между которыми мастера и ремесленники составляли большинство; къ концу XIV столѣтія община постыдно предала себя въ руки гер-

¹⁾ Лоренцетти простодушенъ, какъ дитя, и старается поразить зрителя рѣзкими контрастами. На фрескѣ, гдѣ онъ изобразилъ мудрое правительство, подданные не село гуляютъ въ городѣ и окрестныхъ деревняхъ, а властители спокойно бесѣдуютъ и творятъ судъ; тираннія окружена у него чудовищами, разбойни, смертоубійцами и всяческими ужасами.

цога миланскаго. Въ виду такихъ невзгодъ, сіенская школа разсѣялась и нашла пристанище въ Умбріи. Правда, въ XV и XVI столѣтіяхъ нѣкоторые представители этой школы, пользуясь свѣтлыми промежутками въ исторіи отечества, приходили домой работать; но спокойное, преемственное развитіе искусства въ Сіенѣ остановилось со смертію Лоренцетти. Слѣдующіе за нимъ живописцы далеко уступаютъ своимъ флорентинскимъ соперникамъ и нерѣдко воспитываются подъ ихъ вліяніемъ. Даже Содома (Баци), самый даровитый и оригинальный мастеръ XVI столѣтія, обязанъ развитіемъ своего таланта Леонарду да-Винчи. Напротивъ того, въ Губбіо, Урбино, Кортонѣ и Перуджіи сіенская школа кладетъ сѣмена на благодарной почвѣ и разрабатываетъ съ успѣхомъ свой идеалъ красоты. Отсюда въ эпоху возрожденія вышелъ гениальный Рафаэль.

Обращаясь снова къ Флоренціи, мы видимъ, что искусство зародилось въ ней почти въ тоже время, какъ и въ Сіенѣ; но на первыхъ порахъ не имѣло большого простора и двигалось впередъ медленно. До половины XIII вѣка строителями города были *лгоземные* зодчіе. Они вызывались аристократами для сооруженія дворцовъ и замковъ; сама община, подавленная феодалами, почти не дѣлала заказовъ. Только крещальня св. Іоанна издавна была предметомъ особенной заботливости жителей. Эта заботливость выразилась трогательно въ 1114 году, когда Пиза, въ благодарность за вѣрную дружбу, предложила флорентинцамъ взять кабую-нибудь вещь изъ отнятой у сарациновъ добычи. Флорентинцы сверхъ ожиданія выбрали не слитки драгоценнаго металла, а двѣ порфирныя колонны и съ восторгомъ поставили ихъ у дверей своей дорогой крещальни ¹⁾. Древнѣйшія церкви Флоренціи большею частью имѣютъ форму базиликъ. Изъ нихъ особенно привлекательна Санъ-Миньято, въ окрестностяхъ города, любимая церковь Мильель-Анджело, которую онъ называлъ прекрасною поселянкою (*la mia bella villanella*) и укрѣпилъ противъ осадныхъ войскъ Карла V. По всей вѣроятности, строителемъ ея былъ иностранецъ. Другая церковь въ честь апостоловъ также сооружена заѣзжими архитекторами. Въ пововинѣ XIII вѣка община уже имѣла своего архитектора, по имени Лапо, но отъ него почти не осталось никакихъ памятниковъ; преданіе говоритъ только, будто онъ строилъ дворецъ для Podesta. Скоро потомъ во Флоренцію прибылъ Николай Пизанскій, о дѣятельности котораго мы упоми-

¹⁾ Malespini, c. 71; Villani, IV, 31.

нали. Нужно прибавить къ его заслугамъ, что ему обязанъ своимъ воспитаніемъ Арнольфъ ди-Камбіо, великій флорентинскій зодчій.

Арнольфъ родился въ 1232 г., началъ учиться своему искусству уже въ зрѣломъ возрастѣ и, не находя работы дома, поступилъ на службу къ Карлу Анжуйскому. Но въ концѣ XIII вѣка флорентинцы вызвали его въ отечество. Одолевъ феодаловъ, разбогатѣвшая община предприняла въ это время множество построекъ. Арнольфъ, несмотря на преклонныя лѣта, оправдалъ надежды согражданъ и успѣлъ до своей смерти (1310 г.) выполнить важнѣйшія изъ порученныхъ ему работъ. Чтобы оцѣнить его дѣятельность, стѣнитъ только взглянуть на Флоренцію съ окрестныхъ высотъ или изъ садовъ Боболи. Публичныя зданія, которыми она справедливо гордится, или построены Арнольфомъ, или начаты по его планамъ и рисункамъ. Онъ расширилъ городскія стѣны, возвелъ крытую сѣвзную галлерей ди хлѣбнаго рынка, которая потомъ была превращена въ церковь (San Michele) и заложилъ фундаментъ обширнаго храма св. Креста, «въ присутствіи духовенства, властей и всего добраго флорентинскаго народа, мужчинъ и женщинъ, причемъ происходили, по словамъ лѣтописца, великія радости и торжества»¹⁾. Но самымъ капитальнымъ его произведеніемъ считается общинный дворецъ, оконченный въ 1298 году. Къ сожалѣнію, обстоятельства не позволили Арнольфу дать этому укрѣпленному зданію вполнѣ правильную форму. Гвельфы требовали, чтобы оно не касалось земли, принадлежавшей прежде гибеллинской фамиліи Уберти, и настояли на сокращеніи его размѣровъ. Кромѣ того, Арнольфу было приказано удержать старую каланчу на площади. Великій зодчій одолѣлъ всѣ постановленныя ему затрудненія и выполнилъ свой проектъ въ общему удовольствію. Каланча или башня не была тронута и, какъ говорить мѣстная пословица, повисла на воздухѣ. Въ самомъ дѣлѣ, архитектурною опоркою служатъ для нея не основныя стѣны, а выступы или побочныя укрѣпленія дворца.

Окончивъ дворецъ, Арнольфъ въ томъ же году принялся за постройку собора. Декретъ флорентинской общины о сооруженіи этого храма уцѣлѣлъ до нашего времени и очень любопытенъ. Въ немъ содержатся между прочимъ слѣдующія мысли: «Благородный народъ обязанъ заявить міру своею мудростью и великодушіемъ внѣшними актами. Поэтому повелѣваемъ нашему главному зодчему сдѣлать для новой церкви (она называлась

¹⁾ Villani, VIII, 7.

тогда Santa Reparata) такой великолѣпный рисунокъ, чтобы онъ отвѣчалъ высокому настроенію соединенной воли гражданъ, чтобы человѣческая изобрѣтательность не могла придумать ничего подобнаго». Гильдія шерстяныхъ торговцевъ отпустила отъ себя большія суммы на работы и побудила правительство для той же цѣли обложить поплиною всѣ вывозные товары. Арнольף началъ строить соборъ въ томъ смѣшанномъ стилѣ, который извѣстенъ теперь подъ названіемъ средневѣкового флорентинскаго стиля. Его формы (заостренные арки и окна) имѣютъ сходство съ готическими, но не выставляютъ наружу анатомическихъ частей, не обнажаютъ организма зданія: слѣдуя древнимъ, водичій скрылъ отъ глазъ зрителя внутреннія опоры своей конструкціи. Вышними украшеніями храма служатъ геометрическія фигуры изъ накладного мрамора разныхъ цвѣтовъ. Арнольף успѣлъ возвести только стѣны и фасадъ, но окончаніе корпуса и внутреннюю его отдѣлку предоставилъ своимъ преемникамъ.

Эпоха Арнольфа ознаменована во Флоренціи появленіемъ великихъ живописцевъ. Правда, эта отрасль искусства была здѣсь и прежде извѣстна, но находилась въ жалкомъ состояніи: византійская манера подавляла таланты. Новое направленіе началось съ Чимабуэ (1240 г.). Онъ происходилъ отъ древней, уважаемой въ городѣ фамилии и, какъ думаетъ Вазари, бралъ первые уроки у греческихъ мастеровъ. Впрочемъ эта тяжелая школа не притупила его природныхъ дарованій. Достигши зрѣлыхъ лѣтъ, онъ почувствовалъ, что пора смягчить жесткость вѣсти, бросить поношенные формы стараго ремесла и вдохнуть жизнь въ человѣческій образъ, искаженный и обезличенный греками. Стремленіе Чимабуэ въ самостоятельности особенно замѣтно на одномъ изъ немногихъ его произведеній, уцѣлѣвшихъ до нашего времени, именно на иконѣ Богоматери, что въ церкви Santa Maria Novella. Говорятъ, будто Карлъ Анжуйскій, проѣзжая черезъ Флоренцію, заходилъ въ домъ художника посмотрѣть на эту икону и былъ удивленъ ея красотою. Еще больше сочувствія высказалъ въ ней флорентинскій народъ. Какъ бы предвидя будущіе успѣхи искусства, онъ торжественно понесъ ее на своихъ рукахъ изъ мастерской въ церковь. Съ этого времени имя Чимабуэ сдѣлалось столько же популярнымъ въ отечествѣ, сколько имя Дуччіо въ Сіенѣ. Оба они удостоились почетнаго триумфа и оба считаются патриархами итальянской живописи. Трудно рѣшить даже, кому изъ нихъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе. Если принять во вниманіе сложность композиціи, нѣжность очертаній, тонкость технической отдѣлки и миниатюрныхъ работъ, сіенскій мастеръ безспорно стоитъ выше

своего соперника. За то Чимабуэ блистаетъ естественностью въ постановкѣ фигуръ, ясностью и гармоніею красокъ. Разсматривая его икону, энтузіасты находили на лицѣ Богоматери кротость и задумчивость, въ младенцѣ—свѣжесть и одушевленіе, въ ангелахъ—граціозныя движенія головъ, благоговѣйныя позы и роскошныя волосы. Критики нашего времени отчасти сочувствуютъ этимъ похваламъ, но прибавляютъ слѣдующія замѣчанія: «голова Мадонны нѣсколько тяжела сравнительно съ тѣломъ; ея лицѣ сильно напоминаетъ типъ греческихъ иконописцевъ, едва смягченный робкою, невкусною рукою; форма носа остается византийскою какъ у Богоматери, такъ и у младенца; лицѣ послѣдняго кажется болѣе мужественнымъ, чѣмъ дѣтскимъ; руки у обоихъ поражаютъ излишнею длиннотою и тонкостью пальцевъ, рѣзко выдѣляющихся отъ висти; суставы сдѣланы неудачно; ноги безобразны; ангелы, окружающіе образъ, нарисованы несоразмѣрно, тѣла у нихъ очень малы, головы велики, только движенія натуральны и пріятны». Какъ бы то ни было, Чимабуэ далъ сильный толчекъ искусству и вполне удовлетворилъ требованіямъ современниковъ. Еще при жизни ему удалось найти себѣ достойнаго ученика. Преданіе говоритъ, что они встрѣтились случайно. Однажды, проѣзжая по большой дорогѣ въ окрестностяхъ Флоренціи, Чимабуэ замѣтилъ мальчика, который сторожилъ скотъ и чертилъ углемъ на камнѣ фигуру овцы. Рисунокъ понравился мастеру. Не долго думая, онъ поговорилъ съ родителями ребенка и взялъ его въ науку. Имя этого настуха—Джіотто Бондоне. Онъ оказался человѣкомъ разностороннихъ дарованій и скоро затмилъ славу своего наставника¹⁾. Ему флорентинская школа больше всего обязана своими успѣхами и превосходствомъ надъ сосѣдними школами. Плодовитость висти Джіотто изумительна. Подобно Николаю Пизанскому, онъ оставилъ памятники своего творчества во многихъ городахъ Италіи и даже былъ приглашенъ въ Авиньонъ, куда впрочемъ не поѣхалъ. Любимымъ его занятіемъ была живопись *al fresco*; вромѣ того онъ заимствовалъ у Чимабуэ искусство росписывать (иллюминировать) манускрипты и книги²⁾, а въ концѣ жизни

¹⁾ Объ этомъ между прочимъ свидѣтельствуетъ Дантъ въ слѣдующихъ стихахъ: «Чистилища» (94—96):

*Credette Cimabue nella pittura
Tener lo campo, ed ora ha Giotto il grido,
Sì che la fama di colui oscura.*

²⁾ Эта отрасль искусства усовершенствована другимъ ученикомъ Чимабуэ, Олери изъ Губбіо, а еще болѣе Франкомъ Болонскимъ, по свидѣтельству Данта. Отечествомъ иллюминаторовъ сдѣлалась не Флоренція, а Умбрія. Сюда, какъ мы увидимъ, пріѣзжалъ учиться Фра Анджелико.

сдѣлался зодчимъ. Мы не будемъ разсматривать въ подробности многочисленныхъ его произведеній, а уважемъ только на главныя, въ которыхъ геній великаго мастера отпечатлѣлся съ особенною силою.

Въ Умбріи, недалеко отъ Перуджии, на одинокой скалѣ стоитъ древній городокъ Ассизи. Обрестности его очень живописны: внизу растутъ въ изобиліи хлѣбъ и оливковое дерево; вершина горы обнажена вѣтрами и при закатѣ солнца бросаетъ пурпуровый отблескъ. Въ этомъ городѣ родился (1182 г.) и сюда пришелъ умереть (1226 г.) св. Францискъ, одинъ изъ подвижниковъ западной церкви въ средніе вѣка. Жизнь его полна чудесъ и видѣній, энтузіазма и самопожертвованія. Будучи сыномъ богатаго человѣка, онъ повинулъ міръ, принялъ обѣтъ нищенства, воздержанія и смиренія, предался религиознымъ восторгамъ и основалъ знаменитый духовный орденъ «меньшихъ братій». Трудно себя представить, съ какимъ благоговѣніемъ народъ относился къ добродѣтелямъ этого человѣка. Едва только разнеслась вѣсть о его кончинѣ, какъ было рѣшено соорудить въ память ему достойный храмъ. Въ Италіи строительное искусство находилось тогда въ колыбели и еще не имѣло Николая Пизанскаго. Наслышавшись о красотахъ готическаго стиля, монахи, при помощи императора Фридриха II, вызвали архитектора изъ Германіи и указали ему мѣсто для зданія на уступахъ скалы, у подножія которой лежалъ гробъ праведника. Зодчіе среднихъ вѣковъ, какъ извѣстно, не стѣснялись трудностями почвы или мѣстности и умѣли побѣждать природу. Геніальный строитель принялся за свое дѣло и воздвигъ надъ могилою Франциска двѣ церкви, нижнюю и верхнюю. Первая изъ нихъ мрачна и таинственна какъ чистилище; лучи солнца едва проникаютъ въ нее; вторая, изображающая рай, свѣтла, обширна и величественна. Вокругъ этого колоссальнаго храма вдутъ въ гору длинныя аркады, отдѣляющія монастырскія строенія; дальше красуются городскія башни, а на верху стоитъ старая, полуразрушенная цитадель. По словамъ путешественниковъ, трудно найдти гдѣ-нибудь такое счастливое сочетаніе природы и человѣческаго искусства, такую гармоническую массу утесовъ и зданій. Видъ Ассизи съ долины, особенно вечеромъ, превосходить своею высокою красотою самыя волшебныя картины ¹⁾.

¹⁾ Подробное описаніе архитектуры этого храма было помѣщено въ Quarterly

Въ 1253 году храмъ св. Франциска былъ снаружи отстроены и освященъ. Но внутренняя его отдѣлка продолжалась около двухъ вѣковъ. Понятно, что здѣсь открылось широкое поле для искусства. Монахи разослали ко всѣмъ тосканскимъ мастерамъ приглашенія росписывать стѣны обѣихъ церквей фресками. Главныя работы взялъ на себя Чимабуэ вмѣстѣ съ своими учениками; сіенскіе художники также отвѣчали на вызовъ и пріѣхали въ Ассизи. Обѣ школы могли теперь свободно состязаться между собою и дѣлать одна у другой полезныя заимствованія. Кромѣ жизни св. Франциска, какъ главной задачи, живописцамъ было поручено изобразить библейскія событія.

Произведенія, которыми Чимабуэ украсилъ верхнюю церковь, почти стерлись отъ времени, но, судя потому, что отъ нихъ осталось, напоминаютъ его манеру и доказываютъ, что въ Ассизи онъ подвинулся нѣсколько впередъ, особенно въ отдѣлкѣ украшеній. Любопытнѣе для историка флорентинской живописи фрески, посвященные жизни св. Франциска. Онѣ не одинаковаго достоинства и сдѣланы учениками Чимабуэ; нѣкоторыя носятъ на себѣ явные слѣды молодой, робкой, но даровитой кисти. По всей вѣроятности, онѣ принадлежатъ Джіотто. По крайней мѣрѣ на нихъ можно впервые наблюдать точный, мастерской его рисунокъ, удачное распредѣленіе группъ, умную композицію и характерность каждой фигуры. Еще совершеннѣе по исполненію фрески нижней церкви, писанныя несомнѣнно рукою этого великаго мастера, въ лѣтахъ мужества. Здѣсь видѣны вполне оригинальный и смѣлый талантъ. Фрески, о которыхъ идетъ рѣчь, имѣютъ аллегорическое содержаніе. Художникъ хотѣлъ истолковать народу обѣты ордена: нищенство, цѣломудріе и повиновеніе. Изображеніе перваго обѣта очень удачно и сильно напоминаетъ Данта. Бѣдность представлена въ видѣ тощей женщины, на терновыхъ иглахъ; надъ нею издѣваются два мальчика; Христосъ обручаетъ ее съ святымъ Францискомъ; ангелы присутствуютъ при обрученіи. Налѣво молодой человекъ, подражая подвижнику церкви, отдаетъ свои одежды бѣдняку; справа стоятъ богачи и сильные земли; ангелъ приглашаетъ ихъ послѣдовать доброму примѣру, но они отворачиваются съ негодованіемъ. Другіе обѣты ордена представлены не такъ ясно и отчетливо: Джіотто передаетъ ихъ символически. Но картина, на которой изображенъ Францискъ во всей славѣ своей, понятна и для непосвященныхъ; здѣсь блистаетъ мужественною красо-

Review, № 208. Въ послѣднее время открыта третья, подземная церковь (кринтъ), гдѣ покоится тѣло св. Франциска.

тою группа ангеловъ. Вообще эти фрески доказываютъ, что рука мастера приобрѣла спокойствіе и легкость, благодаря глубокому изученію человѣческихъ движеній, а колоритъ сдѣлался яснѣе и прозрачнѣе. Почти тоже можно замѣтить объ изображеніяхъ событій новаго завѣта, находящихся въ нижней церкви.

Трудно опредѣлить съ точностію хронологическій порядокъ произведеній Джіотто. Изъ исторіи извѣстно только, что онъ былъ вызванъ папою Бонифаціемъ VIII въ Римъ къ юбилею 1300 года. Къ несчастію, фрески, писанные великимъ мастеромъ въ церквахъ вѣчнаго города, сильно пострадали отъ времени и невѣжественной подмалевки. Но въ храмѣ св. Петра сохранился мозаическій образъ хожденія по водамъ, для котораго онъ готовилъ рисунокъ; кромѣ того, въ церкви Іоанна Латеранскаго уцѣлѣли разрозненные отрывки складныхъ иконъ и стѣнной живописи. По всей вѣроятности, изъ Рима Джіотто отправился въ Неаполь. Здѣсь, въ монастырѣ св. Клары (Santa Chiara), также замѣтны слѣды его кисти. Скоро послѣ того одинъ изъ падуанскихъ богачей, Скровеньи, послалъ къ нему приглашеніе росписать новую часовню въ честь Богоматери (Santa Maria dell' Agnelli). Джіотто переѣхалъ въ Падую всѣмъ домою, пробылъ тамъ нѣсколько лѣтъ и принималъ у себя знаменитаго гостя, своего друга, Данта. Произведенія его кисти лучше сбережены въ этомъ городѣ и сильно интересуютъ художниковъ. Кажется, великому мастеру помогали въ работахъ ученики: одному чело-вѣку было бы не подъ силу выполнить такой сложный заказъ. Всѣ внутреннія стѣны часовни росписаны кругомъ фресками. Предметомъ ихъ служить, кромѣ страшнаго суда, изображеннаго слабо и неудачно, исторія Богоматери и Спасителя. Здѣсь Джіотто рѣшительно отступаетъ отъ рутинны въ композиціи и передаетъ событія новаго завѣта самостоятельно, опираясь только на повѣствованія евангелистовъ. Но съ особенною силою проявилась его оригинальность въ аллегорическихъ фигурахъ добродѣтелей и пороковъ, представленныхъ на нижнихъ стѣнахъ часовни. Отдѣлка этихъ фигуръ во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненна. Онъ доказываютъ, что Джіотто былъ великъ не только въ религиозной живописи, но хотѣлъ возвысить нравственное значеніе искусства и открыть для него внутренній міръ человѣческихъ чувствъ, наклонностей и страстей. Вѣра, надежда, любовь, мудрость, храбрость, умѣренность и правда носятъ у него, какъ и у позднѣйшихъ художниковъ, образъ прекраснѣйшихъ женщинъ; пороки и недостатки людей онъ передаетъ большею частью въ мужескихъ лицахъ, чрезвычайно выразительныхъ и разнохарактерныхъ. Здѣсь знатоки находятъ первые проблески

свободнаго творчества въ итальянской живописи. Задушевную мысль художника, освѣщенную счастливыми контрастами, не трудно отгадать и уловить почти въ каждой фигурѣ, даже безъ эмблематическихъ его поясненій ¹⁾.

Чтобы точнѣе измѣрить силу таланта Джіотто, нужно ознакомиться съ его произведеніями во Флоренціи. Многія изъ нихъ до послѣдняго времени считались утраченными и только недавно, благодаря энергіи любителей искусства, спасены отъ гибели. Сюда принадлежатъ, напримѣръ, историческіе фрески во дворцѣ Подеста или въ такъ-назв. Bargello. Этотъ старый дворецъ долго служилъ тюрьмою, а теперь восстановленъ и обращенъ въ художественный музей ²⁾. Вазари, Виллани и Монетти единогласно говорятъ, что его росписывалъ Джіотто и указываютъ на самое содержаніе картинъ, украсившихъ молельню (капеллу) Подеста. Къ сожалѣнію, во внутреннихъ комнатахъ этого дворца нѣсколько разъ происходили передѣлки. Штукатурки изгладили снаружи всякій слѣдъ кисти знаменитаго мастера. Въ надеждѣ открыть залѣпленные фрески, англичане и американцы собрали подпискою небольшую сумму и склонили правительство начать работы въ Bargello. Штукатурка была снята и поиски увѣнчались успѣхомъ. Кромѣ картинъ религіознаго содержанія, въ капеллѣ Подеста нашлись портреты современниковъ и друзей Джіотто, именно: Карла Валуа, умирителя Флоренціи, Корсо Донати, Брунетто Латини и Данта. Самая драгоценная находка есть, конечно, портретъ великаго флорентинскаго поэта, чудной работы. Вѣрная копія съ него, къ счастью, была немедленно снята и потомъ издана въ Англии Эрнделевымъ обществомъ любителей искусства (Agundel Society). Что касается до оригинала, онъ дважды пострадалъ отъ неискusstныхъ и невѣжественныхъ рубѣ. Работникъ, выдергивая изъ стѣны гвоздь, повредилъ ему глазъ, а реставраторъ искажилъ самое выраженіе лица новыми красками, потому что старья нѣсколько стерлись. Какъ бы то ни было, послѣ этихъ открытій репутація Джіотто очень возвысилась: на него смотрятъ теперь, какъ на основателя портретнаго искусства въ Италиі.

¹⁾ Лучшая критическая оцѣнка этихъ произведеній и всей дѣятельности Джіотто сдѣлана однимъ изъ глубокихъ знатоковъ искусства въ Англии Роскиномъ въ его сочиненіи: *Giotto and his works in Padua*. Lond. 1854 (изданіе Эрнделева общества).

²⁾ Свѣдѣнія объ исторіи этого дворца можно найти въ книгѣ Вельда (*Weld*): *Florence, the new capital of Italy*. Lond. 1867, p. 335. Въ 1868 году Bargello былъ уже открытъ для публики. Только каталогъ хранящихся въ немъ произведеній искусства еще не составленъ. Многія изъ нихъ принадлежатъ частнымъ лицамъ; нѣкоторыя переданы изъ галлерей Уффици.

Не менѣ интересны фрески Джіотто въ церкви св. Креста. Когда-то она вмѣщала въ себѣ богатѣйшее ихъ собраніе; теперь изъ него уцѣлѣла только небольшая часть. Впрочемъ и здѣсь открытія продолжаются; даже есть надежда, что реставраціи будутъ идти искуснѣе, чѣмъ онѣ были начаты въ Bargello. Придѣлъ фамиліи Перуцци (capella Peruzzi) послѣ двадцатилѣтнихъ работъ (1841 — 63 г.) возстановленъ почти въ первоначальномъ видѣ; самый колоритъ Джіотто отчасти уцѣлѣлъ. Здѣсь великій мастеръ является, можно сказать, во всей силѣ таланта и затмѣваетъ своихъ послѣдователей. На стѣнахъ придѣла изображены событія изъ жизни апостола Іоанна и Крестителя съ такимъ драматизмомъ, о которомъ нельзя составить понятія по другимъ фрескамъ XIV вѣка. Джіотто не только мастерски передалъ танецъ Иродіады и легенды о пребываніи Богослова на Патмосѣ, но въ самой композиціи и постановкѣ фигуръ приблизился къ образцамъ древняго искусства. Недавно открыта еще стѣнная его живопись (эпизоды изъ исторіи св. Франциска) въ придѣлѣ фамиліи Барди. По мнѣнію знатоковъ, она принадлежитъ къ болѣе позднему времени, чѣмъ фрески Ассизи. Въ той же церкви уцѣлѣлъ складной запрестольный образъ вѣнчанія Богоматери, къ несчастію, сильно потертый и утратившій первоначальныя краски. Здѣсь привоцываетъ къ себѣ вниманіе хоръ ангеловъ и святыхъ. Джіотто мастерски разставилъ ихъ отдѣльными группами и придалъ каждой группѣ самостоятельность, не нарушая между ними гармоніи. Вообще работы *al fresco* не отвлекли великаго мастера отъ иконописи: образа, рисованные имъ на деревѣ, попадаютъ въ главныхъ картинныхъ галлерейхъ западной Европы, и доказываютъ, что онъ значительно подвинулъ впередъ эту отрасль искусства. Превосходство его надъ старыми иконописцами особенно замѣтно въ изображеніи распятія. Трудно найти предметъ, болѣе высочій и достойный висти христіанскихъ художниковъ. Между тѣмъ послѣдователи византійской манеры разрабатывали исключительно его физическую сторону и, чтобы внушить ужасъ къ прискорбному событію, передавали тѣлесныя муки Спасителя на крестѣ въ самомъ безобразномъ видѣ. Въ церквахъ Флоренціи сохранилось нѣсколько подобныхъ произведеній Джіунты Пизавскаго, Маргаритоне изъ Ареццо и другихъ мастеровъ XIII вѣка. Они въ высшей степени непривлекательны и поражаютъ столько же анатомическими неправильностями, сколько потоками крови. Совершенно иное впечатлѣніе производятъ распятія, писанныя Джіотто, въ Падуѣ и во Флоренціи. Видно, что, отстывая отъ византійскаго ремесла, онъ дѣйствовалъ вполнѣ сознательно, то-есть, служилъ цѣлямъ ис-

куства и вмѣстѣ старался удовлетворить требованіямъ народнаго благочестія; достоинство предмета возвысилось у него само собою, непринужденно. Страдальческій ликъ Испувителя представленъ великимъ художникомъ просто, естественно и выразительно; тѣло изображено безъ судорогъ, безъ обнаженныхъ реберъ, безъ натянутыхъ мускуловъ; боковыя фигуры еще болѣе усиливаютъ трагическое дѣйствіе всей картины. Эти достоинства Джіотто были признаны, даже въ его время, многими заворончаными рутинистами. Изъ художниковъ XIV и XV столѣтія немногіе съ успѣхомъ подражали ему въ изображеніи распятія. Только въ XV вѣкѣ, какъ мы увидимъ, Фра Анджелико раскрылъ новыя стороны этого предмета.

Къ концу жизни, Джіотто воздвигъ себѣ во Флоренціи самый прочный и великолѣпный памятникъ. Въ 1334 г. община сдѣлала его своимъ архитекторомъ и поручила ему, кромѣ другихъ работъ въ городѣ, доканчивать соборъ и поставить къ нему колокольню. «Эта колокольня, по словамъ декрета, должна была превзойти высоту и отдѣлкою всѣ зданія, сооруженныя греками и римлянами въ лучшія времена». Великій мастеръ выполнилъ главныя порученія въ два года. Судьба послала ему сотрудниковъ по скульптурѣ, въ которой самъ онъ, кажется, не имѣлъ техническихъ свѣдѣній, — именно Андрея Пизанскаго. Они познакомились между собою, когда Андрей пріѣхалъ во Флоренцію отливать бронзовую дверь къ крещальнѣ св. Іоанна. Джіотто, какъ видно, помогалъ ему совѣтами въ композиціи и распредѣленіи группъ на этой двери. Въ свою очередь, Андрей вознаградилъ его за услугу, при постройкѣ колокольни и соборнаго фасада. Легко себѣ представить, какъ должно было выиграть искусство отъ соединенія такихъ талантливыхъ людей. Живымъ доказательствомъ тому служитъ колокольня. Ничего подобнаго не произвелъ XIV вѣкъ. Лучшіе критики позднѣйшаго времени соглашаются, что Джіотто, какъ зодчій, превзошелъ вдохновенною изобрѣтательностью самыхъ замѣчательныхъ архитекторовъ. Правда, онъ не успѣлъ докончить своихъ построекъ; колокольня, имъ возведенная, не имѣетъ пирамидальной вершины, какъ было предположено въ проектѣ, и похожа на мозаичный фонарь изъ разноцвѣтнаго мрамора. Но этотъ колоссальный фонарь есть гениальнѣйшее произведеніе ново-европейскаго искусства: золотыя руки Андрея Пизанскаго начертали на немъ, по рисункамъ строителя, чудной красоты изваянія, въ которыхъ изображены успѣхи гражданственности, начиная отъ появленія на землѣ первыхъ людей. Мы видимъ здѣсь не однѣ библейскія картины, — передъ нами проходятъ историческія событія, въ которыхъ че-

ловѣеъ является попеременно труженникомъ, изобрѣтателемъ, общественнымъ дѣятелемъ и господиномъ природы, обрабатываетъ землю, покоряетъ дикихъ животныхъ, ѣздитъ по морямъ, дѣлаетъ полезныя открытія, основываетъ государство и создаетъ науку. Нѣкоторые барельефы добавлены позже Лукою делла-Роббіа и Донателло; но они не такъ соотвѣтствуютъ характеру зданія, какъ тѣ, на которыхъ отпечатлѣлся геній великаго флорентинца, управлявшій чуднымъ и вполне ему послушнымъ рѣзцомъ пизанскаго скульптора.

Джіотто умеръ незадолго до демократическаго переворота во Флоренціи. Онъ былъ геніальнымъ и первымъ по времени мастеромъ, вышедшимъ изъ рядовъ простаго народа. По характеру и образу жизни, сколько мы знаемъ, онъ остался вѣрнымъ своему происхожденію и никогда не обнаруживалъ притязательности, свойственной художникамъ, составляющимъ себѣ карьеру по протекціи. Современники хвалятъ его простоту, благодушіе и остроуміе. Повѣствуемые о немъ анекдоты кажутся грубыми, но въ сущности невинны и забавны. Гдѣ было нужно, онъ умѣлъ выдержать достоинство. Однажды отвѣчая Данту на вопросъ, отчего его картины хороши, а дѣти невзрачны, хотя и похожи на отца, онъ пошутилъ слишкомъ рѣзко надъ собою и надъ природою, напомнивъ, вѣроятно, невзначай, одно мѣсто изъ Сатурналіи Макробія. Въ другой разъ папскій придворный потребовалъ отъ него доказательствъ искусства въ живописи. «Вы хотите имѣть образчикъ моихъ знаній», спросилъ у высокаго посланца удивленный Джіотто и тутъ же начертилъ рукою правильный кругъ. — Неужели вы не дадите образчика получше этого? замѣтилъ летать и получилъ рѣшительный отвѣтъ, что больше ничего не нужно. За то просвѣщенныхъ людей своего вѣка Джіотто высоко цѣнилъ и самъ пользовался ихъ уваженіемъ. Дружба его къ Данту достаточно извѣстна и продолжалась цѣлую жизнь. Историкъ Виллани говоритъ о немъ, какъ умнѣйшемъ изъ живописцевъ; Боввачіо находитъ у него способность воспроизводить природу такъ искусно, что его копію трудно отличить отъ оригинала, и передаетъ написанный имъ образъ Богоматери по завѣщанію, какъ драгоценность, одному изъ своихъ друзей ¹⁾. Высокое мнѣніе о Джіотто раздѣляютъ ученые и художники XV вѣка. «Онъ бросилъ византійскую грубость и превратилъ греческое искусство въ латинское», замѣчаетъ Гиберти. Когда Полиціану было поручено сочинить эпитафію на памятникѣ

¹⁾ Вотъ подлинныя слова этого завѣщанія: Quia nihil aliud habeo dignum te, mitto tabulam meam beatae virginis, opus Joci, pictoris egregii, cujus pulchritudinem igno-
rantes non intelligunt, magistri autem artis stupent.

Джіотто, онъ написалъ, недолго думая, краткія, но мѣткія слова: «этотъ человекъ воскресилъ погибшую живопись» (*per quem pictura extincta revivit*). Критики нашего времени также признають, что, открывая широкій путь къ свободному творчеству, Джіотто самъ сталъ во главѣ этого новаго движенія. Дѣйствительно, трудно отрицать его художественныя дарованія и руководящій умъ. Несмотря на слабость тогдашней техники, онъ понималъ, что искусство можетъ идти впередъ, и смѣло порвалъ цѣпи, наложенныя на него варварствомъ. Направленіе, которое онъ выбралъ, конечно, нельзя назвать идеальнымъ. Сравнительно съ Дуччіо, нѣжнымъ и сладкимъ основателемъ сіенской школы, Джіотто кажется суровымъ, положительнымъ художникомъ. Фигуры у него выразительны и характерны, но не красивы; если на его картинахъ изрѣдка и попадаются изящныя головки, то онѣ созданы, такъ сказать, случайно, вдохновеніемъ, а не придуманы съ намѣреніемъ, не измышлены постояннымъ трудомъ и упражненіемъ кисти. Прелестей человѣческаго лица Джіотто не подмѣчалъ, а рисовалъ его черты большею частью рѣзко или неправильно. Особенно не удавались ему глаза, которые онъ дѣлалъ длинными, узкими и ставилъ слишкомъ близко одинъ къ другому. Сила великаго мастера проявляется больше всего въ зрѣло-обдуманной композиціи, въ искусствѣ соразмѣрять средства съ цѣлью въ мастерской постановкѣ и удачномъ распредѣленіи массъ, въ простотѣ, естественности и одушевленіи, какъ всей картины, такъ и отдѣльныхъ ея частей. Объ этомъ прежніе живописцы-ремесленники не заботились; съ упадкомъ древняго міра, можно сказать, было утрачено самое понятіе о способахъ обращенія съ предметомъ, сколько-нибудь сложнымъ. Никто не умѣлъ представить на иконѣ или на картинѣ стройную группу людей и придать ей жизнь, естественное положеніе и характеръ. Эту тайну постигъ впервые Джіотто. Вотъ почему на него смотрять, какъ на художника-преобразователя! Даже въ кругу религиозныхъ предметовъ онъ явился мастеромъ, пустилъ въ ходъ смѣлыя приемы свободнаго творчества и сдѣлалъ задачей искусства изображеніе дѣйствительнаго міра. Этотъ міръ представляла ему Флоренція, гдѣ человекъ не былъ нравственно изуродованъ и погребенъ, какъ въ Византіи, а жилъ и дѣйствовалъ свободно въ обществѣ.

Но какъ всѣ великіе люди, Джіотто не свободенъ отъ недостатковъ. Византійскія преданія, противъ которыхъ онъ боролся, еще сильно тяготѣють надъ нимъ. Въ этомъ можно убѣдиться, смотря на его иконы: они стоятъ гораздо ниже стѣнной живописи великаго мастера. Не только внѣшняя ихъ отдѣлка в

украшения, но самые лики напоминают старину. Драпировка у Джіотто хотя и оригинальна, но кажется, несмотря на свою пышность, монотонною, условною, изысканною драпировкою. Любя широкія и длинныя одежды, онъ закрываетъ ими формы человѣческаго тѣла. Кромѣ того многія подробности набросаны на его фрескахъ слегка, въ видѣ едва замѣтныхъ очертаній и слабыхъ намековъ. Наконецъ, знаменитый мастеръ часто увлекался аллегорическими изображеніями и заходилъ въ область темнаго и непонятнаго. Эти недостатки особенно замѣтны у его учениковъ. Они составили, какъ видно изъ документовъ—довольно многочисленный цехъ, но къ сожалѣнію, были людьми посредственныхъ дарованій, и не всегда удачно подражали своему наставнику. Таддеј Гадди, крестникъ и любимецъ Джіотто, докончилъ его фрески въ церкви св. Креста, Анджело росписалъ соборъ въ Прато, а Францискъ изъ Вольтерры, человѣкъ талантливый, былъ приглашенъ въ Пизу украшать Campo Santo. Кромѣ этихъ послѣдователей Джіотто, Вазари упоминаетъ съ похвалою о какомъ-то Стефанѣ Флорентинскомъ и говоритъ, будто онъ достигъ замѣчательнаго мастерства въ живописи. Къ сожалѣнію, отъ него осталось очень мало произведеній. Если вѣрить Вазари, Стефанъ отличался глубокимъ знаніемъ анатоміи, первый повялъ законы перспективы, уловилъ подъ драпировкою формы человѣческаго тѣла и вѣрно изображалъ ихъ въ сокращеніи (раккурсѣ). Современники дали ему не совсѣмъ благозвучную кличку, именно величали его обезьяною природы. Еще удачнѣе писалъ иконы и фрески живописецъ XIV вѣка, по прозванію Джіоттино, но и о немъ дошли очень скудныя свѣдѣнія. Затѣмъ лучшими подражателями Джіотто считаются римлянинъ Каваллини, Іоаннъ Миланскій и Антоній Венеціанскій; первые два работали въ Ассизи, послѣдній—въ Венеціи, Пизѣ и Палермо. Имъ, по всей вѣроятности, принадлежитъ насажденіе флорентинской школы на сѣверѣ и на югѣ Италіи.

Что касается до Флоренціи, живопись находилась тамъ въ застоѣ до XV-го столѣтія. Иначе и быть не могло. За смертію великаго двигателя и реформатора, неизбежно слѣдуетъ реакція. Ученики Джіотто лишились въ немъ руководящаго свѣтила и, какъ простые ремесленники, не могли создать сами ничего новаго, а только повторяли уроки своего учителя. Эти повторенія продолжались до тѣхъ поръ, пока его манера не была достаточно усвоена. Дальнѣйшее развитіе искусства принадлежитъ слѣдующему періоду флорентинской исторіи.

Д. Каченовскій.

Владимир Маратович Волков
~~*Александр Александрович*~~
Варвара

ВОСПОМИНАНІЯ

Е. А. ХВОСТОВОЙ.

1812—1835.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

10-го октября 1868 г. въ Петербургѣ послѣ непродолжительной болѣзни, на 57-мъ году отъ роду скончалась Екатерина Александровна Хвостова, урожденная Сушкова. Покойница хорошо была извѣстна въ петербургскомъ обществѣ, въ особенности въ литературно-музыкальных кружкахъ столицы, какъ женщина съ большимъ природнымъ умомъ, не лишенномъ хотя и свѣтскаго, но довольно солиднаго образованія, и искренно оказывавшая сочувствіе къ дѣятельности нашихъ лучшихъ писателей и музыкантовъ. Въ гостинной Е. А., въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, всегда можно было встрѣтить нѣкоторыхъ изъ наиболѣе замѣтныхъ дѣятелей въ области, какъ отечественной словесности, такъ въ особенности музыки. Привѣтливость Е. А., умѣнье говорить, замѣтная острота ума дѣлали бесѣду ея довольно интересной. Вотъ почему преждевременная кончина г-жи Хвостовой была замѣтною утратой въ нѣкоторыхъ кружкахъ петербургскаго общества и вокругъ гроба ея соединилось значительное число лицъ, съ грустью проводившихъ ея останки до могилы.

Покройница оставила послѣ себя собственноручныя записки. Записки эти предоставлены въ наше распоряженіе для обнародованія ихъ, дочерью г-жи Хвостовой, Анастасіей Александровной и Алиной Александровной. — Воспоминанія эти составлены покойницей болѣе *тридцати лѣтъ тому назадъ*, а именно въ 1836—1837 гг. Отъ были

написаны для близкой, какъ выражается сама покойница, „единственной ея пріятельницы“ Марья Сергѣевны Багговуть, урожденной княжны Хованской, супруги знаменитаго генерала Багговута, героя кавказской и восточной войны.

Нежданное извѣстіе о кончинѣ г-жи Багговуть въ 1837 г. было причиною, что записки оборвались, такъ сказать на первой своей половинѣ. По самой цѣли, для какой онѣ написаны, а именно какъ исповѣдь, полная глубочайшей искренности предъ задушевнымъ другомъ, записки эти, казалось, должны были бы носить совершенно интимный характеръ, заключающій въ себѣ мало *общаго* интереса и значенія. Казалось бы, что записки эти должны бы были быть отнесены къ цѣлой массѣ тѣхъ дневниковъ и всевозможныхъ сердечныхъ изліяній, къ изложенію которыхъ такъ расположены наши барышни и барыни въ извѣстный возрастъ и которыя либо весьма охотно уничтожаются или же самими по приходѣ въ болѣе зрѣлый возрастъ или же валяются въ кучѣ семейныхъ бумагъ ближайшихъ родственниковъ.

Между тѣмъ однако записки Екатерины Александровны никакъ не могутъ быть отнесены именно къ этой массѣ безцвѣтныхъ изліяній. При всемъ интимномъ характерѣ, онѣ полны того именно *общаго* интереса, который и даетъ имъ право на появленіе въ свѣтъ. Онѣ имѣютъ, по нашему мнѣнію, довольно большое значеніе въ крайне бѣдной литературѣ нашихъ отечественныхъ мемуаровъ текущаго столѣтія.

Въ чемъ же однако заключается *общій* интересъ этихъ записокъ и ихъ значеніе? Для отвѣта на этотъ вопросъ надо указать на общественное положеніе г-жи Хвостовой въ ту эпоху, которую она описываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ.

Екатерина Александровна принадлежала къ довольно извѣстной фамиліи Сушковыхъ. Изъ этой фамиліи выдвинулось два, три писателя, отмежевавшихъ себѣ мѣстечко на російскомъ Парнассѣ и одна писательница, одаренная, безспорно, значительнымъ талантомъ и занимавшая въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ видное мѣсто въ нашей литературѣ. Это была Евдокія Петровна Сушкова, вышедшая замужъ за графа Ростопчина.

Такимъ образомъ принадлежа, по отцу, къ старинной дворянской фамиліи, покойная Е. А. по матери своей, урожденной княжнѣ Анастасіи Павловнѣ Долгорукой, принадлежала къ именитѣйшимъ родамъ русской аристократіи. Съ этой стороны генеалогія ея переплетается съ фамиліями не только князей Долгорукихъ, но также и Ромодановскихъ, частью князей Голицыныхъ, князей Горчаковыхъ и др.

Связи эти и родство, не принеся въ жизни Екатерины Александровны ни малѣйшаго ей счастья, въ чемъ она искренно сознается, волей-неволей однако, въ періодъ ея дѣтства и дѣвчества, бросили ее въ водоворотъ великосвѣтской жизни какъ московскаго, такъ и петер-

бургскаго обществѣ. Образованіе, полученное ею, было далеко не блестящее; оно не выдавалось изъ общаго уровня тогдашняго моднаго образованія, которое получали достаточныя великосвѣтскія барышни. А между тѣмъ стройный станъ, красивая, выразительная фізіономія, чудныя черныя глаза, сводившіе многихъ съ ума, великолѣпныя какъ смоль волосы, въ буквальному смислѣ доходившія до пять, бойкость, находчивость и природная острота ума, все это дѣлало Екатерину Александровну замѣтной въ великосвѣтскихъ гостинныхъ и въ балныхъ залахъ. Добавьте сюда страсть къ танцамъ и ловкость въ нихъ, и тогда будетъ понятно, что Екатерина Александровна была всегда въ свое, давнопрошедшее, время дорогой гостью на всѣхъ балахъ. Рой поклонниковъ весьма рано жужжитъ вокругъ нея; они принадлежатъ, разумѣется, къ той великосвѣтской средѣ, къ которой принадлежала она сама.

Опредѣливши такимъ образомъ положеніе Екатерины Александровны въ ея молодости, мы тѣмъ самымъ опредѣляемъ и сущность ея записокъ; мы уже знаемъ, что здѣсь не приходится искать ни политическихъ трактатовъ, ни учено-философическихъ взглядовъ, ни глубокой характеристики высшихъ интересовъ русскаго общества прошлаго времени, но за то мы вправѣ искать болѣе или менѣе живой очеркъ великосвѣтскаго общества обѣихъ столицъ того времени, описаніе его, какъ съ внѣшней, такъ сказать, парадной стороны, такъ и въ его домашнемъ быту. И дѣйствительно такому требованію исполнѣ удовлетворяютъ настоящія записки. Предъ нами въ живыхъ эскизахъ проходитъ картина домашняго воспитанія нашихъ великосвѣтскихъ, дворянскихъ барышень первой четверти текущаго столѣтія; мы видимъ наше столбовое дворянское общество въ его провинціальному быту на разныхъ торжественныхъ празднествахъ, — наконецъ въ шумной жизни обѣихъ столицъ; при этомъ не однѣ невинныя, радужныя картинки мелькаютъ предъ нами въ этомъ разсказѣ. Нѣтъ! среди веселящихся фигуръ поднимаются и образы въ довольно трагической обстановкѣ, и здѣсь мы видимъ тѣхъ героевъ, которыхъ только могла создать крѣпостная, дворянская Русь стараго времени, при ея распущенности, при томъ жалкомъ образованіи, которое получало въ тѣ годы большинство представителей этого сословія. Въ тоже время подлѣ этихъ Куролесовыхъ ¹⁾ новѣйшаго времени поднимается полный романической прелести страдающій ликъ молодой женщины.

Такимъ образомъ, еслибъ записки покойной Хвостовой ограничивались только живымъ эскизомъ нашего общества за первыя десятилѣтія настоящаго вѣка, еслибъ онѣ охватили лишь нѣкоторыя стороны быта этого общества, то и тогда бы онѣ заслуживали вниманія и имѣли

¹⁾ Извѣстный типъ въ «Семейной хроникѣ» С. Т. Аксакова.

бы право на обнародованіе ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ нашей литературѣ очень мало мемуаровъ и въ особенности мемуаровъ и воспоминаній русскихъ дамъ, и каждое новое явленіе въ этомъ родѣ должно считаться не безынтереснымъ пріобрѣтеніемъ для русской литературы. Но за записками г-жи Хвостовой есть другое и несравненно большее право на общій интересъ въ средѣ русскихъ читателей. Почти половина этихъ, къ сожалѣнію небольшихъ по объему воспоминаній, посвящена величайшему изъ поэтовъ нашихъ, Михаилу Юрьевичу Лермонтову. Жизнь этого поэта, столь преждевременно погибшаго, чрезвычайно мало извѣстна и весьма недостаточно разслѣдована. Ранніе ли года, въ которые погибъ Лермонтовъ, то ли обстоятельство, что онъ, по своимъ семейнымъ и общественнымъ связямъ, стоялъ почти совершенно въ сторонѣ отъ литературнаго круга, въ то время впрочемъ далеко не многочисленнаго, наконецъ цензурныя ли колодки, сковывавшія рѣчь каждаго о тѣхъ лицахъ, которые такъ или иначе навлекли на себя гоненіе и которые сошли наконецъ съ поприща *преступнымъ образомъ*. — какъ бы то ни было, но біографическія свѣдѣнія о Лермонтовѣ ограничиваются до сихъ поръ двумя, тремя біографическими наѣтками, въ высшей степени мало содержательными, небольшими запискомъ писемъ поэта, вынырнувшихъ въ разныхъ изданіяхъ изъ-подъ луда семейныхъ архивовъ, и наконецъ двумя-тремя десятками статей широкообъщательно толкующихъ о сочиненіяхъ Лермонтова и весьма мало о его жизни. Въ виду этого, каждый новый рассказъ, знакомящій въ Лермонтовымъ, какъ съ человѣкомъ, представляется уже дорогимъ вкладомъ въ русскую литературу, и особенно, когда появляется не маленький рассказъ, не отдѣльный эпизодъ, а длинный рядъ живо и увлѣчительно набросанныхъ воспоминаній объ этой замѣчательной личности. Именно такія воспоминанія мы находимъ во второй половинѣ записокъ покойной г-жи Хвостовой.

Выше мы сказали, что эти записки ведутъ насъ къ бальный партъ въ великосвѣтскія гостиныя московскаго и петербургскаго общества 20-хъ и 30-хъ годовъ. Поэтому и Лермонтова мы встрѣчаемъ въ не въ его домашнемъ быту, не за кабинетнымъ рабочимъ столомъ, за учебной книгой, не за изученіемъ наконецъ лучшихъ поэтовъ Франции и Англіи. Нѣтъ, предъ нами является 16-ти-лѣтній „воспитанный, крайне невзрачной наружности“ мальчикъ съ унылыми выразительными глазами, съ бойкой и злой рѣчью на языкѣ, и съ вѣчно го-вымъ стихотвореніемъ на устахъ. Этотъ мальчикъ развивается, какъ зорится, не по днямъ, а по часамъ, и въ четыре или пять годовъ, которые выхватываются изъ его жизни въ настоящихъ запискахъ, мы видимъ этого юношу развивающимся уже до зрѣлаго мужа. Самолюбіе необъятно, жажда побѣды и первенства на какомъ бы то ни было прищѣ необыкновенна, рѣшимость, энергія и настойчивость во всѣхъ,

самыхъ маловажныхъ поступкахъ неотразимы. Повторяетъ, въ запискахъ г-жи Хвостовой Лермонтовъ преимущественно является какъ въ сферѣ гостиниой, великосвѣтской жизни, но эта-то сторона изъ его біографіи особенно и интересна. Кто не знаетъ, что по своему воспитанію, родственнымъ и общественнымъ связямъ, Лермонтовъ почти исключительно принадлежалъ именно къ этому кругу; кто не знаетъ, что это самое - то общество, заполонивъ молодого поэта преждевременно, такъ сказавъ и стугило его, развивъ въ немъ дурныя особенности его характера, которыя привели его подъ пулю пистолетную пулю гнѣбого г-и Мартынова ¹⁾).

Воспоминая г-жи Хвостовой отличаются замѣчательной искренностью по отношенію къ Лермонтову и именно эта сторона въ нихъ весьма любопытна. Лермонтовъ игралъ въ жизни Е. А. самую крупную роль. Зная это, мы, когда приступали къ чтенію ея воспоминаній, думали встрѣтить въ составительницѣ ихъ барышню большого свѣта добраго, стараго времени, которая, предавшись воспоминаніямъ о своихъ *nobitдахъ*, безъ всякаго сомнѣнія, подниметь себя на высокой pedestalъ и заставитъ въ лучахъ своего сіянія потонуть личность Лермонтова. Но какъ пріятно были мы изумлены, когда увидѣли, что г-и Хвостова съ полной искренностью, отнюдь не дѣлая изъ себя героиню, является, напротивъ, въ образѣ жертвы, чуть окончательно не погибающей вслѣдствіе столкновенія своего съ Лермонтовымъ, съ человѣкомъ на котораго сначала не обращала ни малѣйшаго вниманія и для которой потомъ принесла весьма тяжкія жертвы.

Записки г-жи Хвостовой обнимаютъ періодъ времени съ 1812 по 1836 г. Онѣ написаны въ 1836 и 1837 годахъ въ деревнѣ, когда еще Е. А. была дѣвницей и спустя лишь нѣсколько мѣсяцевъ послѣ страшнаго нравственнаго потрясенія, испытаннаго ею вслѣдствіе знакомства съ Лермонтовымъ. Отсюда эта живость разсказа, эта задумчивость и вѣдъ, отнюдь не предназначавшейся въ то время для печати. Эта вѣдъ съ вѣстью о смерти г-жи Ваггову обрывается; но она, какъ ни кажется, и помимо этого событія *должна была* оборваться: за положенными въ ней событіями въ жизни Е. А. не было уже такихъ сильныхъ толчковъ и потрясеній: бурный, поэтический періодъ ее жизни окончился; начался отдѣлъ прозы тихой, быть можетъ счастливой, и уже не просящейся подъ перо.

¹⁾ Кстати, говорятъ, что этотъ бывшій кавказскій офицеръ, котораго судьба и вергла въ величайшее несчастіе быть убійцею Лермонтова — живъ; почему же бы Мартынову не изложить въ подробномъ и откровенномъ разсказѣ всю исторію своихъ злополучныхъ отношеній къ Лермонтову? Искренность исповѣди искушила бы до какой степени то несчастіе, въ которое г. Мартыновъ былъ, какъ говорятъ, востро противъ воли влеченъ.

Е. А. вышла замужъ въ 1838 или въ 1839 г. за своего перваго поклонника, Александра Васильевича Хвостова, съ которымъ познакомилась еще въ 1829 г. ¹⁾ Многие годы своей супружеской жизни Е. А. провела за границей и наконецъ послѣдніе годы провела въ заботахъ о воспитаніи дочерей.

Въ 1860 г. друзья убѣдили ее заняться своими записками, обработать ихъ и дополнить. Е. А., перечитавъ исповѣдь свою 1836—1837 годовъ, нашла, что она дѣйствительно имѣетъ не одинъ только частный интересъ, а заслуживаетъ появленія въ печати. Но какъ ни принималась она за продолженіе записокъ, отъ всѣхъ этихъ попытокъ остались двѣ-три странички, да небольшое предисловіе къ прежнимъ запискамъ, подписанное 1860-мъ годомъ. Такимъ образомъ, издавая нынѣ записки г-жи Хвостовой, мы выполняемъ только ея *собственное намѣреніе* и никакъ не дѣлаемся нескромными относительно ея памяти. Напротивъ, внимательно перечитавъ ея записки, мы сочли нужнымъ сдѣлать въ нихъ весьма значительныя сокращенія, доходящія до цѣлой трети оставшейся рукописи и, главнымъ образомъ, сдѣлали это по желанію дочерей покойной. Нечего и говорить, что сокращенія эти относятся къ тѣмъ страницамъ, которыя имѣютъ лишь чисто семейный, исключительно частный интересъ, все же что сколько-нибудь характеризуетъ бытъ русскаго общества первыхъ трехъ десятилѣтій текущаго столѣтія, или тѣмъ болѣе, что относится до характеристики Лермонтова, то все это сохранено съ дипломатическою точностью.

Что касается до языка, то и относительно его мы не позволили себѣ сдѣлать никакихъ измѣненій; вслѣдствіе чего нѣкоторые галлицизмы и вообще обороты рѣчи, показывавшіе, что составительница записокъ зачастую думала по-французски, хотя и писала по-русски, уцѣлѣли въ настоящихъ воспоминаніяхъ; впрочемъ, языкъ довольно легокъ, мѣстами даже увлекателенъ, что довольно удивительно, если вспомнить,

¹⁾ А. В. Хвостовъ родился въ 1809, скончался въ 1861 г. Онъ служилъ постоянно на дипломатическомъ поприщѣ, былъ секретаремъ при посольствѣхъ въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Персіи, директоромъ дипломатической канцеляріи въ Тифлисѣ, секретаремъ посольства въ Туринѣ, повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Неаполѣ и наконецъ состоялъ въ званіи генеральнаго консула въ Венеціи, Марсели и Генуѣ, гдѣ и скончался въ 1861 г. Это былъ человѣкъ образованный, и, судя по оставшимся послѣ него бумагамъ, весьма дѣтельно работавшій въ предѣлахъ своихъ служебныхъ обязанностей. Мы видимъ его довольно объемистые и интересныя рукописныя труды на русскомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ. Такъ напр. г. Хвостовъ оставилъ слѣдующія записки: «О духѣ и образѣ австрійскаго правленія въ ломбардо-венеціанскомъ королевствѣ», «De l'état actuel de la ville de Venise», «О выдачѣ американцамъ прейсерскихъ патентовъ и о союзѣ Россіи съ Соединенными Штатами», «О союзѣ навсегда между Соединенными Штатами и Россіей», «Avenir de la question d'Orient», «О вѣрности успѣха экспедиціи въ Индію», «О святыхъ мѣстахъ» и т. д. и т. д.

что Е. А. воспитана была по великосвѣтскимъ тогдашнимъ образцамъ, исключительно на французскій ладъ.

Еще одно слово: небольшой отрывокъ изъ этихъ записокъ, а именно изъ четвертой главы: первая встрѣча съ Лермонтовымъ, уже былъ напечатанъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1857 года, т. XI, стр. 395, подъ заглавіемъ: „Воспоминанія о Лермонтовѣ, отрывокъ изъ записокъ“, безъ имени автора и съ большими сокращеніями. Здѣсь этотъ рассказъ является въ значительно подробнѣйшемъ видѣ, и, въ общей связи съ предшествующими описаніями и послѣдующими, столь интересными рассказами г-жи Хвостовой о Лермонтовѣ, получаетъ несравненно болѣе интересъ. Что касается до стиховъ Лермонтова, приведенныхъ въ-жею Хвостовой (общее число ихъ доходить до дюжины), то они въ первый разъ были напечатаны съ чрезвычайно большими искаженіями въ „Библиотекѣ для Чтенія“ 1844 г., т. 64-й, и отсюда перешли во всѣ изданія сочиненій Лермонтова, между прочимъ и въ послѣднія изданія его сочиненій, принадлежащія г. Глазунову. Они же помѣщены и въ вышепомянутомъ маленькомъ отрывкѣ, напечатанномъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Тѣмъ не менѣе однако мы не сочли нужнымъ выбрасывать ихъ изъ записокъ г-жи Хвостовой, такъ какъ здѣсь, при объясненіи причинъ появленія этихъ стиховъ и при разъясненіи всѣхъ мельчайшихъ обстоятельствъ, при которыхъ они были записаны, они получаютъ весьма большой интересъ. При этомъ два или три изъ этихъ стихотвореній, если только мы не ошибаемся, не были еще напечатаны. Наконецъ замѣтимъ, что мы сочли нужнымъ для удобства чтенія „Воспоминаній“ → раздѣлить ихъ на главы, сдѣлать къ нимъ оглавленія, и привести кое-гдѣ объяснительныя подстрочныя примѣчанія.

С.-Петербургъ.
10 декабря 1868.

М. СЕМЕВСКІЙ.

ОТЪ АВТОРА.

Нѣкоторымъ друзьямъ моимъ рѣшилась я прочитать отрывки изъ воспоминаній о моей жизни, которыя я наскоро набрасывала въ 1836—37 гг., для единственной пріятельницы моей Марьи Сергѣевны Багговутъ, рожденной княжны Хованской.

По несчастію записки эти остались у меня неоконченными, не успѣла я довести моихъ воспоминаній до конца, какъ получила неожиданное и горестное извѣстіе о внезапной кончинѣ моего друга. Съ помощію этихъ записокъ и моего журнала, который я вела, хотя и не очень аккуратно, въ теченіи десяти лѣтъ, мнѣ довольно легко будетъ исполнить теперешнее требованіе снисходительныхъ моихъ друзей.

Я сознаюсь, что записки мои не довольно занимательны, чтобы возбудить общій интересъ, но мнѣ всегда казалось, что чтеніе о прежнемъ воспитаніи, о развитіи ума, о постепенномъ расширеніи понятій — для многихъ читающихъ, имѣютъ болѣе привлекательности, чѣмъ всевозможные вымыслы въ романахъ и повѣстяхъ; какъ бы то ни было, но въ разсказахъ о дѣйствительной жизни часто встрѣчаются мысли, чувства, которыя представлялись уже многимъ и были многими испытаны; впечатлѣнія, даже происшествія, которыя имѣли сильное вліяніе на жизнь, затрудненія, чрезъ которыя многіе перешли, но не потрудились они изложить ихъ на бумагу, а я по себѣ знаю, какъ пріятно встрѣтить сочувственное или обстоятельное выраженіе того, что мы пережили.

Итакъ, я рѣшилась издать мои воспоминанія; мнѣ простятъ незатѣйливый мой разсказъ, за то ужъ только, что многія страницы его относятся къ юношеской и свѣтской жизни Михаила Юрьевича Лермонтова.

Многіе убѣдятся, что Печоринъ и онъ такъ схожи, такъ слиты, что иногда не различишь одного отъ другого. Я не хотѣла бы ничѣмъ помрачить памяти любимаго моего поэта, а главное, человѣка нѣбогда особенно дорогаго мнѣ, и потому одна правда выльется изъ-подъ пера моего. Сердце у Лермонтова было доброе, первые порывы всегда благородны, но непонятная страсть казаться хуже чѣмъ онъ былъ, стараніе изо всякаго слова, изо всякаго движенія извлечь сюжетъ для описанія, а главное необузданное стремленіе прослыть «героемъ, котораго было бы трудно забыть», почти всегда заставляли его пожертвовать эффекту лучшими сторонами своего сердца.

Екатерина Хвостова.

1860 г.

С.-Петербургъ.

I.

Мое рожденіе. — Корнилицы. — Бабушка. — Семейная генеалогія. — Рожденіе сестры. — Жизнь въ деревнѣ. — Прабабушка. — Переездъ въ Москву. — Жизнь отца и судьба матери. — Первая гувернантка. — Разлука съ матерью. — 1812—1820 гг.

Отецъ мой, служившій въ ополченіи, былъ еще вполне молодой мальчикъ, и очень хорошенькій; мать моя Анастасія Павловна, изъ древняго рода князей Долгоруковыхъ, была настоящая красавица и по тогдашнему времени, рѣдко образован-

ная и развитая женщина. Она основательно знала три иностранныхъ языка, но любила болѣе свой собственный; читала все, что попадалось ей подъ руку и даже сама писала стихи; у меня до сихъ поръ хранятся ея тетради съ переводами въ стихахъ изъ Томаса Мура, Юнга и даже Байрона.

Отецъ ея, екатерининскій генералъ, князь Павелъ Васильевичъ Долгорукій, женатый на княжѣ Монморанси ¹⁾, долго не соглашался, чтобъ его красавица дочь вышла замужъ за бѣднаго и незнатнаго ополченца ²⁾, и очень желалъ выдать ее за сороколѣтняго князя Голицына, но молодой и удалой ополченецъ болѣе нравился прекрасной княжнѣ и она поставила на своемъ.

Черезъ годъ послѣ свадьбы явилась я на свѣтъ. Я родилась въ Симбирскѣ, въ 1812 году, 18 марта, но ознакомилась съ родиной своей только по географическимъ картамъ, да по семейнымъ разсказамъ.

Трехъ мѣсяцевъ была я разлучена съ моими родителями: по службѣ своей, отецъ мой былъ вынужденъ оставить Симбирскъ, мать моя поѣхала съ нимъ, оба они препоручили мнѣ попеченіямъ дѣдушки моего Василія Михайловича Сушкова, бывшаго тогда губернаторомъ въ Симбирскѣ, и ласкамъ ея дочерей, моихъ тетокъ — Прасковѣ ³⁾ и Маріи ⁴⁾ Васильевнамъ Сушковымъ.

Мою милую мать не утѣшила, моя первая улыбка, не порывалъ мой безсловесный лепетъ, — я была съ нею разлучена до двухъ лѣтъ.

Кормилица моя, женщина хитрая, бросила меня семимѣсячную, больную, почти умирающую и не имѣла ко мнѣ жалости: она оклеветала передъ дѣдушкой своего мужа и настроила старика, чтобъ онъ отдалъ его въ солдаты, увѣряя и клянясь, что вѣкъ будетъ служить ему усердно, лишь бы избавилъ ее отъ такого буяна и пьяницы; когда же все сдѣлали по ея просьбѣ и наущничанью, она пришла къ дѣдушкѣ и бросила меня къ нему на колѣни, сказавъ: мужъ мой солдатъ — стало быть я вольная и больше не слуга вамъ.

Съ этими словами она выбѣжала изъ комнаты и о ней больше ничего не слыхали и никогда болѣе не видали ее.

Отъ двухъ до шести лѣтъ я жила въ Пензѣ, съ отцомъ и матерью, это были единственные розовые дни моего дѣтства.

¹⁾ Отецъ ея былъ французскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, гдѣ Долгорукій былъ также посланникомъ.

²⁾ Александра Васильевича Сушкова.

³⁾ Оставила я ее въ дѣвцахъ.

⁴⁾ Впоследствии замужемъ за Николаемъ Сергѣевичемъ Беклезовымъ.

Съ какимъ сладостнымъ упоеніемъ и какъ часто переносилъ я въ Пензу, въ нашъ крошечный, хорошенкій, деревянный домикъ на большой Московской улицѣ, окруженный запущеннымъ садомъ. Домъ отдѣлялся отъ улицы густымъ палисадникомъ, гдѣ разрослись на просторѣ черемуха, сирень и шиповникъ; вѣтви ихъ затемняли окна и скрывали улицу, что мнѣ также не нравилось какъ и огородъ; я любила сидѣть на окошкѣ, смотрѣть на прохожихъ, слѣдить за всѣми происшествіями на улицѣ, по которой въ хорошую погоду тонули въ пескѣ, а въ дурную вязли въ грязи и пѣшеходы и экипажи, хотя экипажи въ особенности кареты, были тогда еще рѣдкостью въ Пензѣ, и не одинъ бывало не проѣдетъ не возбудивъ общаго любопытства и различныхъ предположеній: какъ и зачѣмъ ѣдутъ такіе-то, почему не заѣхали туда-то и не случилось ли чего тамъ-то?

Болѣе всѣхъ экипажей производила фуроръ огромная желтая карета бабушки моей Екатерины Васильевны Кожиной (рожд. внаж. Долгорукой), запряженная четвернею съ двумя лакеями на запяткахъ; одинъ изъ нихъ растворялъ съ громомъ дверцы, съ трескомъ отбидывалъ ступеньки, а другой раболѣпно разстилалъ коврикъ у подъѣзда подъ ноги ея бывшему сятельству. Бабушка воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ, и принадлежала, кажется, къ числу воспитанницъ перваго выпуска; она очень гордилась и своимъ воспитаніемъ и своимъ происхожденіемъ; однимъ словомъ, она была вычурна, холодна, почти неприступна и хотя, навѣщая мою мать, она привозила мнѣ карамельки и красныя яблоки, я не очень ее любила: она никогда не ласкала меня, — а дѣтей только и привязываетъ мягкость сердца, которую они предугадываютъ по чутью. Меня тоже часто возили къ бабушкѣ. Какъ теперь смотрю я на нее; она поздно вставала, почти передъ самымъ обѣдомъ, чесалась и мылась въ постелѣ; вмѣсто мыла, употребляла мыкшъ чернаго хлѣба; зато кожа у нея была удивительно нѣжна и тонка. Въ этой же постелѣ кушала она чай. Живо помню я и ея огромный чайный ящикъ, въ которомъ она тщательно хранила чай, сахаръ, кофе и даже сухари, — но какіе это были вкусные сухари! Что за праздникъ бывало, когда она разщедрится и поподуетъ меня сухарикомъ; мнѣ кажется, она никогда и никому ихъ не предлагала — даже матери моей! Носила она почти всегда бѣлый капоть, кругленькій батистовый чепчикъ, съ такими же завязками, изъ которыхъ сооружался огромный бантъ наперед; домашнюю турецкую шаль, съ мелкими пальмами, въ гостяхъ желтую турецкую шаль съ крупными пальмами. Послѣ обѣда она усаживалась на канане, подогнувъ подъ себя ноги, подо-

двигала старинный столѣвъ изъ разноцвѣтнаго дерева, съ мѣдной рѣшеткой вкругомъ, округленный съ боковъ и вырѣзанный полукругомъ напередѣ, и до самаго чая раскладывала grand-ratiéense. Иногда вечеромъ угощала она насъ доморощенными музыкантами и пѣвцами: я очень помню одну изъ пѣвицъ — Акюшу; какъ нравилась она мнѣ, когда жемаясь и поднимая глаза къ потолку, безпрестанно поворачивала головой, точно фарфоровый мандаринъ; по моему понятію (конечно тогдашнему), она съ особеннымъ чувствомъ пѣвала: «Среди долины ровныя», такъ что я бывало расплачусь, просто разревусь и этимъ скандаломъ оканчивался домашній концертъ. По самымъ торжественнымъ днямъ въ семействѣ, въ большой залѣ съ колоннами и хорами устраивались домашніе театры; актерами были же пѣвцы и пѣвицы, музыканты тоже за частую перебѣгали изъ оркестра на сцену, перемѣняя, по обстоятельствамъ, смичекъ на шпагу или на палку.

Покойный мужъ бабушки ввелъ въ ея домъ всѣ эти полубоярскія затѣи, а бабушка, несмотря на свою скупость, продолжала начатое имъ, въ память-ли о немъ, или скорѣе изъ того, чтобы не совсѣмъ забыть его, — не знаю; а слыхала только, что бабушка съ нимъ была очень несчастлива и была рада радехонька, что избавилась отъ него. Да ужъ такъ ведется въ свѣтѣ, — живому противорѣчать, а умри только, все выполнять по его желанію, и всякаго умершаго готовы внести въ списки святыхъ.

Въ спальнѣ у бабушки, по стѣнамъ были развѣшаны портреты всѣхъ возможныхъ князей Долгорукихъ и князей Ромодановскихъ. Болѣе всѣхъ памятенъ мнѣ черты и одежды Кесаря Ромодановскаго и князя Якова Долгорукаго въ напудренныхъ парикахъ и бархатныхъ вафтанахъ; да еще какой-то князь Долгорукій, блѣдный, худой, въ монашеской одеждѣ, — видъ его вводилъ на меня ужасъ и я всегда старалась устыться спиной къ нему ¹⁾. Бабушка любила толковать о своихъ предкахъ, объ ихъ роскошномъ житіи, объ ихъ славѣ, богатствѣ, о мнестяхъ къ нимъ нашихъ царей и императоровъ, такъ что эти разсказы мало по малу вселили во мнѣ такую живую страсть къ нимъ, или лучше сказать къ ихъ титулу и ихъ знатности, что первое мое горе было то, зачѣмъ я не княжна; бабушку

¹⁾ Это безъ сомнѣнія портретъ кн. Дмитрія Ивановича Долгорукаго, сына княгини Натальи Борисовны Долгорукой, рожд. гр. Шереметевой. Этотъ князь Дмитрій род. въ Березовѣ, въ октябрѣ 1738 г. Онъ умеръ въ Киево-Печерскомъ монастырѣ принявъ тайное постриженіе, 26 мая 1769 г.

очень радовала моя благородная гордость, такъ величала она мою непростительную глупость.

Второе мое горе была та минута, въ которую объявили мнѣ, что мать моя дарить меня сестрой Елизаветой ¹⁾. Мнѣ не было еще и четырехъ лѣтъ, а я какъ будто и теперь еще чувствую, какъ болѣзненно сжалось мое сердце тогда; я предугадала, что ласки и заботливость матери будутъ раздѣлены между мной и неожиданной мною сестрой; да и тогда, когда я еще ничего не понимала, ничего не умѣла обдумывать и тогда я хотѣла быть любимой безъ раздѣла. Я на цыпочкахъ вошла въ темную комнату моей матери, робко поцаловала ее и зарыдавъ стала увѣрять ее, что Лиза никогда не будетъ такъ любить ее какъ я, и не будетъ такая послушная, какъ я. Мать моя приласкала меня и успокоила, сказавъ, что она для меня-же подарила меня сестрой, чтобъ мнѣ не скучно было все одной играть, что я должна ее любить и даже заботиться о ней, потому что она такъ еще мала, что не умѣетъ ни говорить, ни ходить, ни кушать какъ я, а что она сама и отецъ будутъ одинаково насъ обихъ любить и ласкать. Несмотря на это увѣреніе, я всѣ девять дней не отходила отъ постели матери, держала съ ней строгую діету, караулила, чтобы она маленькую соперницу не ласкала больше меня, но мало по малу ревность моя утихла и я сама стала навѣчить, цаловать сестру, плакала, когда ее пеленали, и не только не огорчалась когда ее ласкали, но сама просила, чтобъ ею побольше занимались и поскорѣе внучили говорить и бѣгать.

Не прошло года послѣ рожденія Лизы, какъ одинъ разъ ночью я была пробуждена громкимъ голосомъ отца и рыданіями моей матери; я вскочила съ постели, хотѣла бѣжать къ нимъ, но остановилась у дверей при этихъ словахъ отца: «и вотъ за что я умру». Я вскрикнула, они подбѣжали ко мнѣ; я неутѣшно плакала, повторяя: «я не хочу, чтобы папа умеръ». Я старалась вырвать изъ рукъ его бѣлую длинную перчатку. Они оба мной занялись, цаловали, ласкали меня, надавали мнѣ сластей и игрушекъ. Я скоро утѣшилась, не понимая угрожавшей опасности; меня опять уложили и я преспокойно уснула.

На другой день, отца моего не было за утреннимъ чаемъ; мать моя была очень разстроена, при малѣйшемъ стукѣ вздрагивала, подбѣгала къ окну и даже часто принималась плакать, но удерживалась для меня, потому, что я лишь только увижу

¹⁾ Елизавета Александровна, впоследствии вышедшая за Ладженскаго.

бывало ея слезы и сама примусь плавать, хотя и не знала причины горя.

Во время обѣда нашего возвратился отецъ; платье его было разорвано, обрызгано кровью, рука подвязана, и самъ онъ такой блѣдный, такой страшный, что я боялась подойти къ нему и стояла какъ окаменѣлая посреди залы. Матушка при видѣ отца вскрикнула и упала на полъ; онъ въ изнеможениі опустился на ближайшій стулъ. Эта страшная сцена имѣла на меня большое вліяніе; даже и теперь не могу безъ трепета о ней вспомнить и одно слово дуэль наводитъ на меня ужась.

Когда отецъ оправился отъ своей раны и дѣло о дуэли совершенно кончилось, т. е. онъ вышелъ изъ - подъ ареста, мы поѣхали въ деревню матери моей — Знаменское. Тутъ жили мы тихо, пріятно, даже весело. Въ это только время помню я мать мою спокойную и счастливую; она много читала, писала, работала, шута стала учить меня читать и писать.

У нея была своя метода: дасть бывало мнѣ нѣсколько вырѣзанныхъ буквъ, сложить слова: папа, мама, Лиза; растолкуетъ мнѣ, какъ произносить, какъ складывать ихъ, смѣшаетъ буквы и я надъ ними и начинаю трудиться. Когда привичку складывать, она мнѣ покажетъ, какъ надо ихъ писать на бумагѣ; такимъ образомъ очень скоро выучилась я и читать и писать. Съ какимъ бывало восторгомъ я отыщу въ ея книгѣ то слово, которое я умѣла составить; мнѣ кажется, я не больше недѣли училась, какъ уже начала читать *Золотое зеркало*. Прежде бывало, матушка прочтетъ мнѣ вслухъ, съ разстановкой, одну сказочку, потомъ я. Помню какъ отецъ удивился моему чтенію; онъ рѣдко бывалъ съ нами: съ утра уходилъ или на охоту или на рыбную ловлю, и не имѣлъ понятія о нашихъ занятіяхъ; ему было такъ пріятно, что я безъ запинокъ читала, что онъ даже прослезился, и я убѣдилась, что я просто маленькое совершенство.

Мы всѣ жили въ небольшомъ, но очень хорошенькомъ новомъ домѣ, а огромный старый, почти развалившійся домъ занимала моя прабабушка, княгиня Анастасія Ивановна Долгорукая, рожд. княжна Ромодановская, и ни за что ни соглашалась перейти въ новый. Тогда я никакъ не понимала, почему ей такъ нравился этотъ обвалившійся домъ, съ уродливыми подпорками, съ поеривившимися стѣнами, съ огромными печами и съ такою тяжелою мебелью, что я не могла передвинуть ни одного стула; но потомъ и я поняла, какъ трудно разставаться съ тѣми стѣнами, гдѣ мы были счастливы! Воспоминанія и привычка замѣняютъ счастье.

Прабабушкѣ было болѣе ста лѣтъ; она была маленькая, худенькая старушка, но еще очень бодрая, нисколько не възска- тельная и большая охотница рассказывать про былое время. Лицо ея было маленькое и все въ морщинахъ, но очень бѣ- лое, а большіе и еще ясные голубые глаза, такъ ласково, съ такой добротой смотрѣли на меня; нечего и говорить, какъ ба- ловала, какъ нѣжила она меня, — ея первую правнучку. Сама она воспитала мою мать, за то и матушка совершенно посвя- тила себя ей, и чтобъ жить съ нею въ деревнѣ, много пере- несла она несправедливыхъ попрековъ и вспышекъ отъ моего отца. Бѣдная прабабушка въ жизни своей, можно сказать, пере- шла черезъ огонь и воду.

Изъ древняго и богатаго рода князей Ромодановскихъ-Старо- дубскихъ-Ладженскихъ, она перешла еще въ знатнѣйшій родъ князей Долгорукихъ. Въ молодости и судьба и люди — все ей улыбалось, а подъ старость все вдругъ ей измѣнило. Она была расточительна, имѣнье продала, деньги истратила и все вокругъ нея перемѣнилось. Свѣтскіе друзья изрѣдка еще навѣщали ее, а когда прабабушка съ горя уѣхала въ деревню, такъ они ее и совершенно забыли; одна добрая моя мать осталась ей един- ственнымъ утѣшеніемъ, заботливымъ другомъ и ухаживала за нею, какъ самая нѣжная дочь. Бабушка Екатерина Васильевна, дочь ея, была ей почти какъ чужая; вѣрно по скупости своей, она не могла ей простить растратенное богатство. Дѣдушка князь Павелъ Васильевичъ и братъ его князь Сергѣй, часто на- вѣщали старушку и по цѣлымъ недѣлямъ гостили у насъ.

Кстати я расскажу анекдотъ о роскоши прабабушки. Во дни своей блестящей молодости, она была не изъ послѣднихъ красавицъ при дворѣ Екатерины Первой: экипажъ ея былъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ, карета вся вызолоченная, обитая парчей, съ жемчужными вѣстями. Однажды на гуляньѣ лакей остановилъ карету, чтобы поднять одну изъ жемчужныхъ вѣстей, за которую онъ держался. Княгиня такъ на него разгнѣ- валась, говоря, что неучъ срамить ее на весь городъ изъ-за та- кой драни, что пріѣхавъ домой, тотчасъ-же сослала его въ свою Пензенскую деревню.

Я по цѣлымъ днямъ дежурила у прабабушки; въ хорошую погоду гуляла съ ней по саду или усаживаясь у ногъ ея на крыльцѣ, ведущемъ въ садъ, слушала, какъ она мнѣ читала своимъ дребезжающимъ и слабымъ голосомъ Евангеліе и Житія Святыхъ. Слова эти глубоко врѣзались въ сердце мое и заро- жили въ него зерна религіи.

Въ дурную погоду моя главная квартира переносилась въ-

огромной лежанкѣ, возлѣ которой прабабушка всегда сидѣла, и тутъ удовольствія наши были очень разнообразны: мы играли въ дурачки, разставляли солитеръ ¹⁾ и снимали кольца съ меду ²⁾. Какъ мнѣ жаль, что я тогда не умѣла оцѣнить всей кротости, всей доброты моей столѣтней старушки.

Одинъ разъ утромъ, въ домѣ прабабушки выкинуло изъ трубы; опасности никакой не было; матушка старалась растолковать мнѣ это и послала меня къ ней, приказывая развлечь ее разговорами, ласками и строго запретила мнѣ упоминать о пожарѣ.

Но суматоха на дворѣ, бѣготня людей, такъ меня встревожили, что я совсѣмъ перепуганная вбѣжала къ прабабушкѣ; она сидѣла за чайнымъ столикомъ, хотѣла по обыкновенію и меня напоить чаемъ, но я ничего не понимала и на всѣ ея ласки, на всѣ ея распросы, со слезами твердила ей: «мы горимъ, мы сгоримъ бабушка; всѣ насъ бросили, мы однѣ въ домѣ, а домъ нашъ горитъ». Прабабушка встревожилась, вскочила, я подхватила ее подъ руку, даже не подала ей обыкновенную ея опору — палку и опрочетью сбѣжали мы съ ней съ крыльца, тоже бѣгомъ пустились съ ней по двору, но у обѣихъ насъ силы были небольшія и посреди двора мы упали отъ изнеможенія, а между тѣмъ огонь уже потушили. Не помню, побранила-ли меня матушка за мое непослушаніе.

Вскорѣ послѣ этой тревоги, ночью, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дому, загорѣлась наша церковь; я проснулась отъ того, что въ комнатѣ отъ пламени было свѣтло, какъ днемъ, и отъ необыкновеннаго шума на дворѣ. Вся дворня, всѣ мужики были на ногахъ; кто бѣжалъ съ ведромъ, кто съ лѣстницей, били набать; матушка занималась только мной, боясь, чтобы меня не перепугали, а я и не думала объ испугѣ; необычайный свѣтъ отъ пожара, толпящійся народъ придавали праздничный видъ всей деревнѣ. Не понимая ни опасности, ни убытка, я весело смотрѣла на разрушавшуюся церковь. Пожаръ этотъ былъ умышленный: дрянной семинаристъ, сынъ нашего священника, рассердился на отца и выдумалъ этимъ святотатствомъ отомстить ему, поджегъ церковь, но сперва заперъ всѣ двери, забросилъ ключи съ злымъ намѣреніемъ, чтобы ничто не уцѣлѣло въ храмѣ божіемъ. И онъ достигъ своей цѣли, все было поглощено пламенемъ; несмотря на усердіе крестьянъ, не успѣли спасти ни одной иконы.

¹⁾ Игра съ шариками.

²⁾ Игра, состоящая изъ колецъ.

Зимой 1817 года по желанію отца мы поѣхали въ Москву.

Въ вихрѣ большаго свѣта, мои родители скоро распространились съ мирнымъ семейнымъ счастіемъ. Отецъ почти не жилъ дома; матушка сначала грустила, плакала, потомъ и сама стала искать развлеченія, все чаще и чаще выѣзжала; родня у нея была богатая, знатная, и она незамѣтно тратила на свои платья и уборы больше денегъ, чѣмъ позволяли ея доходы. Меня тоже она одѣвала какъ вуюлку, брала почти всегда съ собой на гулянья, обѣды и въ театры.

Такой образъ жизни, а главное безпрестанныя бурныя сцены между отцомъ и матерью много способствовали моему развитію, и я могу сказать со вздохомъ, что съ шести лѣтъ я почти перестала быть ребенкомъ.

Съ дѣтской проникательностью я поняла, что матушка нелюбима, не оцѣнена мужемъ и его семействомъ, но угнетена и преслѣдуема ими. Тогда я еще больше привязалась къ ней и во всей ея роднѣ; съ ней и съ ними я была ласкова, разговорчива, услужлива, послушна; а съ отцомъ и его родней дива, боязлива, упряма и молчалива. Мною руководило мое сердце и я не понимала, что, обходясь такимъ образомъ съ ними, я еще больше ихъ вооружала противъ матери и навлекала ей непріятности.

Отецъ мой имѣлъ доброе сердце, но вспыльчивый и вмѣстѣ съ тѣмъ злопамятный нравъ, необузданныя страсти. Его дурное воспитаніе отчасти извиняетъ это; съ тринадцати лѣтъ онъ былъ отпущенъ отцомъ своимъ на всѣ четыре стороны. Въ минуты гнѣва онъ доходилъ до бѣшенства и тогда металъ и бросалъ въ свои жертвы все, что попадалось подъ руку: стулъ, бутылка, шандаль, ножъ, все безъ разбора и сознанія. Не мудрено, что я его боялась и тряслась, лишь только слышу его голосъ. Онъ часто сводилъ дружбу съ самыми дурными и даже опозоренными людьми, и эти связи, какъ ни были онѣ кратковременны, очень вредили ему въ общемъ мнѣніи. Въ 20-хъ годахъ не было ни одной скандальной исторіи, въ которую бы онъ не былъ заиѣшанъ, бросить ли мужъ жену — онъ ему помогаетъ, усваиваетъ ли жена отъ мужа — онъ ее сопровождаетъ. А сколько завдѣлъ онъ устроилъ; разставляетъ лошадей для убѣгающей негѣсты, а потомъ мирить ее съ родными; жаль, что онъ употреблялъ свою дѣятельность на одно удальство. Само собою разумѣется, что мать моя, отлично образованная, воспитанная сочувствіемъ въ другомъ духѣ, не могла быть счастлива съ нимъ. Дотаточно было однихъ пирушесей, которыя онъ задавалъ своимъ риятелямъ, чтобъ охладить ее къ нему. Я живо помню эти пи-

рушки. Бутылки, трубки, карты валялись на полу и возвышались грудями на столахъ и окнахъ. Въ этой неопратной комнатѣ, въ этой удушливой атмосферѣ, гдѣ-нибудь въ уголку, сидѣла печальная моя мать и часто принуждена была вынимать серьги изъ ушей, или снимать кольцо съ руки, потому что отцу ничего больше не оставалось проигрывать. Въ этой же комнатѣ часто должна была и я присутствовать, чтобы *принести счастье* отцу и отвѣдывать изъ его бокала, покамѣстъ бывало не успѣю стоя и пока матушка не уложитъ меня на диванъ. Иногда случалось, что матушка положить мнѣ въ башмакъ или подъ мой тюфякъ послѣдній рубль, чтобы было чѣмъ на другой день на-кормить меня и Лизу.

Какъ всѣ игроки — отецъ безпрестанно переходилъ отъ щеты въ богатству, отъ отчаянія въ восторгу, а матушка всегда была равно несчастна и грустна.

Съ шести лѣтъ я принуждена была скрывать и часто прятаться передъ отцомъ; онъ готовъ былъ бы избить до смерти мою мать, если бы подозрѣвалъ, что она сберегла рубль для нашего завтрака; по суетѣ игроковъ, онъ возмечталъ бы, что именно этотъ рубль и возвратилъ бы ему все проигранное. Сколько ночей проплакала я съ бѣдной моей матерью во время нашей жизни въ Москвѣ.

Иногда-же, въ дни богатства, у насъ задавались большіе обѣды. Я очень любила эти торжественные дни, все въ домѣ принимало веселый, праздничный видъ: вездѣ разставлялись прѣты, раздвигался столъ длинный, предлинный, по серединѣ ставилось зеркальное плато, а на немъ пропасть фарфоровыхъ вазонокъ, и маленькихъ и большихъ: фрукты въ хрустальныхъ вазахъ такъ и улыбались мнѣ: фигурное миндальное пирожное всегда имѣвшее видъ замка или башни, приводило меня въ восторгъ: блан-манже тоже причудливо подавалось въ видѣ утки, овруженной яицами. Да, любила я эти обѣды; тогда съѣзжались къ намъ всѣ родные матери — Долгорукіе, Горчаковы, Трубежкіе и проч., всѣ они были такіе нарядные, раздушенные, ласковые, такъ тихо говорили, такъ мило смотрѣли, такъ привѣтливо кланялись, что съ самаго ранняго возраста я привязалась къ знати, по одному имени судила о людяхъ и воображала, что графиня или княгиня не можетъ, не вправѣ даже вымолвить грубаго слова, не только сдѣлать что-нибудь предосудительное; къ этому убѣжденію примѣшалось и сравненіе знатныхъ родныхъ съ пріятелями и даже нѣкоторыми родными отца.

Больше всѣхъ родныхъ моей матери любила я княгиню Варвару Юрьевну Горчакову, рожд. княж. Долгорукую, — не потому,

чтобъ она болѣе другихъ ласкала меня, но вообще она была покровительницей многихъ дѣвочекъ моихъ лѣтъ. Большой домъ ея на Никитской, былъ пріютомъ для вдовъ и для сиротъ безъ состоянія. Огромное богатство ея отца, князя Юрія Владиміровича Долгорукаго позволяло ей дѣлать много добра. У ней въ домѣ жили всегда отъ шести до десяти дѣвочекъ, нѣсколько гувернантокъ, пропасть нянюшекъ и горничныхъ.

Я полюбила княгиню съ какимъ-то благоговѣніемъ и теперь еще вспоминаю о ней съ признательностію; она очень любила матушку, такъ часто утѣшала ее, горевала съ ней. Мнѣ было семь лѣтъ; но я уже умѣла оцѣнить, что княгиня добрѣе и выше многихъ женщинъ—она не дѣлала ни малѣйшаго различія между своей дочерью и бѣдными сиротами.

Княгинѣ очень захотѣлось имѣть меня подъ своимъ крылышкомъ, тѣмъ болѣе, что Лидія и Вѣра (дочери ея) предпочитали меня другимъ малюткамъ; но несмотря на то, отличное воспитаніе, которое я могла бы получить въ ея домѣ, ни на всѣ ея выгодныя предложенія (она тотчасъ-же хотѣла положить 100,000 руб. ассиг. въ ломбардъ и по смерти отказать 200 душъ, какъ близкой родственницѣ), отецъ мой, подстрекаемый сестрами, остался непреклоненъ; матушка колебалась, ее плѣняло богатство, но еще болѣе пугала разлука со мной; однакоже, если бы зависѣло отъ нея одной, она бы ввѣрила меня попеченіямъ княгини, лишь бы этимъ упрочить мою будущность.

Ахъ! когда бы она могла предвидѣть, что скоро, и безъ юльзы для меня, рѣшено было насъ разлучить, она бы вѣроятно употребила всѣ старанія, чтобъ уговорить отца согласиться на просьбу княгини. Домъ ея казался мнѣ тогда какимъ-то очаровательнымъ замкомъ, такъ онъ былъ огроменъ и богатъ; правда, юзолота вездѣ почернѣла, мраморныя стѣны вездѣ потрескались, штофъ на мебели весь выдвинулся, обложенныя галунами ивреи всѣ были въ пятнахъ, но все это я припомнила и обсутила впоследствии; даже сальныя свѣчи въ лакейской и въ дѣтскихъ не удивляли меня, тѣмъ менѣе ливрейные лакеи, вяжущіе чулки; у прабабушки въ деревнѣ, старикъ Елифанъ такъже всегда смѣлъ за чулкомъ и продавалъ ихъ на масло въ своему образу.

Помню я очень дѣтскій маскарадъ у княгини, наканунѣ новаго года, помню по двумъ причинамъ: первая—на мнѣ былъ чудесный жидовскій костюмъ и я выиграла въ лотерею пронасть вещицъ; вторая причина—на другой день умеръ отъ удара дѣдушка Василій Михайловичъ и на меня надѣли черное платьѣ. Этотъ годъ замѣчательнъ для меня еще однимъ воспоминаніемъ:

осенью тетка Марья Васильевна Супикова вышла замужъ за кавалергарда Николая Сергѣевича Беклешова.

Пышная свадьба, нарядъ невѣсты, а главное конфетный столъ такъ и мелькаютъ передъ глазами.

Матушка устроила эту свадьбу; такъ какъ кавалергардъ былъ до невѣроятности застѣнчивъ и неразговорчивъ, такъ она за него и при немъ объяснилась съ невѣстой и распорядилась ихъ свадьбой.

Непріятныя обстоятельства принудили насъ оставить Москву; родители мои были еще молоды, жили неразсчетливо, отецъ любилъ разгульную жизнь, матушка любила наряжаться; имѣныя заложили, просрочили, надо было ѣхать въ деревню уладить дѣла и жить поэкономнѣе. Задумали серьезно о моемъ воспитаніи, взяли гувернантку, женщину хитрую, злую, и что всего хуже, старую дѣвку съ сентиментальной головой и развращеннымъ сердцемъ. Она ввралась въ довѣренность моей матери и она, бѣдная, не подозрѣвая ея гнусныхъ замысловъ, вполне предалась ей. Въ этомъ только случаѣ я не заступаюсь за мать свою: излишнее было разсуждать ей съ постороннею о недостаткахъ мужа. Гувернантка передавала все слово отъ слова отцу, вѣроятно даже съ прибавленіями: въ этомъ былъ ея расчетъ, она посѣяла недоувѣрчивость, раздоры и все пошло въ домъ вверхъ дномъ. Необузданный характеръ отца довелъ несчастную мать мою до того, что она скиталась со мною трое сутокъ въ лѣсу; ночью мы украдкой приходили въ село, чтобы переночевать въ крестьянской избѣ, въ отвратительной, удушливой нечистотѣ вмѣстѣ съ крестьянскими дѣтьми; хозяйка со слезами униженія уступала намъ бѣдный пріютъ свой, а сами уходили спать въ клѣтъ, — между тѣмъ, какъ отвратительная гувернантка торжествовала и наслаждалась своими гнусными успѣхами, занявъ въ домѣ и въ сердцѣ отца мѣсто моей бѣдной матери. Прабабушка наконецъ усовѣстила отца и онъ послалъ дворню искать насъ въ лѣсу и просить возвратиться въ домъ, обѣщая быть воздержаннѣе. Но не надолго водворилось спокойствіе; помню я одну страшную ночь, когда огромный охотничій ножъ сверзалъ надъ головой моей несчастной страдальцы; страшно еще раздалась ея вопли въ душѣ моей, и какъ будто теперь смотрю съ отвращеніемъ на растрепанную гувернантку, неистово кричавшую и съ униженіемъ благодарю слугъ, боготворившихъ матушку, что исхитили ее невредимо изъ рукъ ослѣпленнаго и разъяреннаго мужа.

Огласка была на всю губернію. Судъ выѣхался въ это дѣло, выпроводилъ гувернантку; деньги, ея кумиръ, удовлетворили ея

жадность; съ тѣхъ поръ я о ней ничего не слыхала. Дѣдушка и прабабушка явились ангелами-мирителями между супругами; мать моя—добрая, кроткая, благочестивая—все простила; но не надолго водворилось спокойствіе.

Мы опять переѣхали въ Пензу. Рѣдкій день проходилъ безъ ссоры и слезъ. Я любила мать мою, а отца только боялась и дичилась, что также много навлекало ей упрековъ и горя; а кто же виноватъ?... какъ многіе ошибаются, думая, что дѣти не разсуждаютъ и не умѣютъ отличить жертвы отъ притѣснителя.

Теперь я приступаю къ самой горестной, самой ужасной минутѣ моей жизни. Въ одну ночь отецъ прибѣжалъ въ дѣтскую, вытащилъ меня и Лизу изъ кроватокъ, обернулъ насъ одѣялами и убѣжалъ съ нами изъ комнаты; мать моя съ воплями бросилась за нами; онъ ее оттолкнулъ, она взвизгнула и упала на лѣстницѣ: я также кричала и плакала, отецъ ударилъ меня, зажалъ мнѣ ротъ, посадилъ насъ въ карету и отвезъ въ трактиръ. Какъ я плакала всю ночь, какъ сокрушалась! Но какъ далека была отъ мысли, что меня навсегда разлучили съ матерью. На другой день пріѣхала къ намъ бабушка Екатерина Васильевна; она съ отцомъ много кричала, бранилась, ссорилась. До моего слуха долетали только слова: навсегда, Москва, сестра Прасковья, сестра Марья; наконецъ все утихло и меня позвали къ бабушкѣ; я уже сказала, что я не любила ея, но тутъ я съ восторгомъ и слезами бросилась къ пей на шею.— «Хочешь ѣхать ко мнѣ?» спросила она.— Да, да! кричала я съ изступленіемъ, думая, что она отвезетъ меня къ матери.

Бабушка перевезла насъ къ себѣ, отецъ помѣстился у нея во флигелѣ; она успокоивала меня ласками, запретила мнѣ говорить съ отцомъ о матери, общая, что она со временемъ все уладитъ, и что скоро мы будемъ видѣться съ нею; я обѣщала во всемъ ее слушаться, любить ея, лишь бы она соединила меня съ нею. Мнѣ было восемь лѣтъ, но тутъ совершенно кончилось мое дѣтство и я вступила въ жизнь страданія и горя.

II.

Тайны свиданія съ матерью.—Письма и портретъ ея.—Жизнь въ Москвѣ.—Слѣпая бабушка.—Въ Петербургѣ.—Воспитаніе—Смерть матери.—1820—1828 гг.

Непредвидѣнная разлука съ матерью, которую отецъ не позволилъ мнѣ даже поцѣловать на прощанье, нравственно убила и состарила меня. Игрушки, куклы, игры, книжки съ картинками уже не существовали для меня, я проводила цѣлые дни

въ задумчивости, а большую часть ночи въ слезахъ; я, бывало, такъ углублюсь въ свои воспоминанія о ней, что при малѣйшемъ шумѣ, при первомъ громкомъ словѣ, я какъ будто не-пріятно просыпалась, вздрагивала, а слезы такъ и брызгали изъ глазъ. Отецъ, угадывая ихъ причину, бѣсился, убѣгалъ изъ комнаты, сильно хлопнувъ дверью, а я опять съ упоеніемъ вдавалась въ грезы. Онъ запретилъ дѣвушкамъ и людямъ говорить мнѣ о матери, запретилъ мнѣ разспрашивать о ней, кажется запретилъ даже и думать о ней; но несмотря на всѣ эти запрещенія няня моя Анна Мелентьевна всякую ночь передавала мнѣ ея записки, порученія и гостинцы.

До тѣхъ поръ я никогда еще не читала ничего писаннаго и теперь не понимаю, какъ удалось мнѣ прочесть нечетый почеркъ матери безъ малѣйшаго затрудненія и самой писать къ ней.

Кажется, со времени нашей разлуки, прошелъ уже цѣлый мѣсяцъ; я до того тосковала, плакала и исхудала, что добрая моя няня сжалилась надо мной и одинъ разъ утромъ, одѣвая меня, вѣрнопко меня поцѣловала, погладила по головѣ и приговорила: «не тоскуй, голубушка моя, будь только умна, молчи и скрывай свое нетерпѣніе, а я, если и есть грѣхъ послушаться барина, беру его на свою душу и доставлю тебѣ радость поговорить съ маменькой». Я общала нянѣ все на свѣтѣ, лишь бы взглянуть мнѣ на матушку. Кажется, я дала бы скорѣе себя растерзать на куски, чѣмъ высказать свою первую, святую тайну! И точно, зоркій глазъ отца ничего не подмѣтилъ. Въ тотъ же самый день вечеромъ Анна Мелентьевна, укладывая меня спать, шепнула мнѣ: «не спи, моя душечка, а притворись только, что спишь; — какъ всѣ улягутся, мамаша придетъ».

Можно представить мое волненіе, мою радость; — я вся дрожала, ложась въ постель. Не знаю, долго ли я притворялась спящею, но мнѣ вѣкомъ показалось ожиданіе той минуты, когда бабушка съ отцомъ приходили взглянуть, заснули ли мы, и отдать приказаніе запереть всѣ двери; наконецъ они пришли, перекрестили насъ; я изнемогла отъ безпокойства, чтобъ они оба не замѣтили мое пылкое, частое дыханіе и громкое бѣненіе моего сердца.

Няня послѣшно заперла за ними двери, вынула меня изъ кровати, на скорую руку одѣла и отворила окно, подъ которымъ уже стояла несчастная моя мать, въ простомъ врестыанскомъ сарафанѣ. Мы протянули другъ къ другу руки, двое людей помогали ей влѣзть на окно; часа два пробыла она со мной; мнѣ кажется, что ни она, ни я не проговорили ни одного слова, а только плавали и цѣловались.

Ночныя наши свиданія повторялись часто. Екатерина Васильевна сдержала данное мнѣ слово, уговорила отца позволить матери навѣщать насъ; то-то было счастье! Легко понять всю жестокость словъ: позволеніе матери видѣть дѣтей своихъ! Но не долго и это счастье продолжалось: отецъ рѣшился все разомъ покончить и увезти насъ въ Москву къ сестрѣ своей Прасковѣ Васильевнѣ. Бабушка и тутъ оказалась доброй покровительницей матушки; она вызвалась ѣхать съ нами, надѣясь со временемъ убѣдить отца возвратиться въ Пензу; онъ ее во многомъ слушался: — она обѣщала оставить намъ наслѣдство. Приготовленія къ дорогѣ дѣлались тайкомъ ли, или я, сосредоточивая всѣ мои мысли на матушкѣ, не замѣчала ихъ, но одинъ разъ утромъ, я сидѣла съ нею, какъ вдругъ вошелъ отецъ и велѣлъ намъ прощаться, говоря, что мы сейчасъ же ѣдемъ въ Москву. Эта неожиданная вѣсть такъ поразила меня, что я стала плакать, кричать, что не хочу ѣхать; я повисла на шеѣ матери, вцѣпилась въ ея платье; отецъ прибилъ меня, и вѣроятно очень больно; я впала въ безчувственность и ничего уже не помню, какъ простилась съ ней, съ Анной Мелентьевной, какъ выѣхали мы изъ Пензы. Одно впечатлѣніе осталось мнѣ послѣ этого путешествія: мы чуть-чуть не утонули въ Окѣ, ямщикъ и одна изъ лошадей попали ко дну, но какъ это было, Богъ знаетъ!

Въ Москвѣ, на каждомъ шагѣ было для меня новое горе, новые слезы; все мнѣ напоминало ее! Это выводило изъ терпѣнія отца и навлекало на меня его угрозы и наказанія. Родные его безпрестанно твердили мнѣ: «Надо любить папашу, надо забыть мамашу». И этимъ еще болѣе отчуждали меня отъ самихъ себя и отъ него, вселяли къ себѣ недоувѣрчивость, даже отвращеніе, и я все больше и больше думала о матери и боготворила ее.

Я оживала, бывало, когда меня отвозили на деньги или на два къ княгинѣ Варварѣ Юрьевнѣ Горчаковой; тамъ я знала, я чувствовала, что любили мать мою, тамъ я говорила о ней, тамъ я дѣлалась сама собой и плакала, и смѣялась, и бѣгала, и болтала, писала къ ней страстные письма; мнѣ тоже передавали ея записки, потому что у отца цензура была строгая надъ перепиской матери съ восьмилѣтней дочерью. Иногда письма ея рвали на клочки и онъ даже не говорилъ мнѣ, что въ нихъ заключалось; мои письма подвергались той же участи, если въ нихъ я высказывала свою любовь, свою грусть; кончилось тѣмъ, что, выключая писемъ, писанныхъ у княгини, проходили мѣсяцы и она, бѣдная, получала отъ меня только циркуляры о моемъ здоровьѣ, весельи и баловствѣ отца и его родни. Никто вѣрно не

позавидоваль бы этому веселью и этому баловству! Но эти циркуляры, писанные, такъ сказать, изъ-подъ палки, не измѣнили моему правдивому характеру: ни разу не сказала я, что люблю кого-нибудь изъ нихъ; моя единственная, моя безпредѣльная любовь была она одна, отрадой моей грустной жизни были минуты, проведенныя съ ея родственницами. Я любила очень кузину нашу, княжну Елену Николаевну Трубецкую, она всегда говорила мнѣ съ чувствомъ и слезами объ отсутствующей и при всякомъ свиданіи повторяла мнѣ: «люби ее, молись за нее!» Съ радостью также я встрѣчала другую кузину нашу, прекрасную и блистательную графиню Потемкину ¹⁾, хотя она мнѣ показывала мнѣ участія, но мнѣ достаточно было воспоминанія объ ея родственномъ расположеніи въ матери, чтобъ любить и ее. У меня осталось въ памяти какимъ-то волшебнымъ видѣніемъ дѣтства богатое и роскошное убранство ея дома на Пречистенкѣ; какъ-будто теперь еще вижу серебряныя статуи на лѣстницѣ, ея мраморную ванну, окруженную прелестными цвѣтами и рѣдкими растеніями, и ее самую, прелестную, стройную, нарядную, показывающую намъ свои чудные брилліанты.

Черезъ княгиню Горчакову я умоляла матушку прислать мнѣ свой портретъ; какъ ни была она всегда у меня на умѣ и въ сердцѣ, бывали минуты, что образъ ея ускользалъ изъ моей памяти, и чѣмъ больше старалась я его припомнить, тѣмъ сомнительнѣе выходило сходство: то припомню улыбку, то взглядъ, а всего вмѣстѣ выраженія уловить не могу.

Мать прислала мнѣ свой портретъ. Кто знаетъ, можетъ быть мѣсяць, два отгазывала себѣ во многомъ, необходимомъ, чтобъ доставить мнѣ счастье поцаловать ея образъ, дивно переданный на кости.

Отецъ увидѣлъ мой портретъ, но вѣрно мой восторгъ его обидѣлъ, онъ съ запальчивостью вырвалъ его у меня изъ рукъ и разломалъ его на мелкіе куски. Я не могу выразить всего, что произошло въ моемъ сердцѣ при этой жестокой несправедливости отца, и никогда не могла я забыть, какъ глубоко уязвилъ онъ мое сердце. Я скрыла этотъ поступокъ отъ матери, чувствуя по себѣ, какъ было бы ей оскорбительно знать, какое нѣзвое средство придумалъ онъ, чтобы принудить меня забыть ее. Чего не дала бы я, чтобъ собрать обломки дорогого мнѣ портрета, склеить ихъ и сохранять въ вѣотъ вмѣстѣ съ ея благословеніемъ, но онъ и кусочки всѣ подобралъ и бросилъ въ печь.

¹⁾ Родил. княжна Трубецкая, во второй разъ замужемъ за сенаторомъ Подгоскинымъ.

Я уже не пыталась достать другого портрета; я была обречена на всѣ утраты.

Съ полгода прожила я въ Москвѣ съ бабушкой, ничего особеннаго не произошло въ это время; не понимаю, какъ пришла мнѣ тогда мысль скрывать, что я почти все понимала по-французски, что говорили при мнѣ на этомъ языкѣ. Быть можетъ, сначала эта скрытность происходила изъ упрямства, а послѣ изъ расчета, чтобы знать ихъ распоряженія и толки о матушкѣ. Я рѣшительно ни въ чему не имѣла охоты, на меня напала какая-то апатія, я едва передвигала ноги; сижу, бывало, битые часы въ угольѣ, когда другіе дѣти играли и бѣгали, не замѣчая ни шума, ни веселья, угрюмая, печальная, да думаю о бѣдной моей матери.

За уроками тоже, бывало, утону носъ въ книгу, а мысли разбредутся далеко; всѣ рѣшили, что я тупая, лѣнивая дѣвочка, но удивлялись, какъ я такъ хорошо читала и писала по-русски. «Мамаша сама меня учила, отвѣчала я упорно, а чему теперь учать, я не понимаю».

А меня учили только вокабуламъ, которые я знала лучше самой mademoiselle Nadine, взятой мнѣ въ гувернантки бабушкой.

Въ эту зиму я познакомилась съ дядей Николаемъ Васильевичемъ С., братомъ отца моего, и полюбила его. Онъ не ласкалъ меня, но въ немъ проявлялось участіе, доброта, которыхъ я не замѣчала въ другихъ родныхъ отца. Онъ одинъ изъ нихъ говорилъ со мной о матери; разъ онъ усадилъ меня на колѣни и началъ спрашивать о ней; при видѣ моихъ слезъ, онъ потрепалъ меня по щегѣ и сказалъ: «Не плачь, вѣдь ты не навсегда розно съ матерью, опять будешь жить у нея». Онъ первый въ эту пору унынія и отчаянія направилъ мысли мои на лучшее будущее, далъ надежду на свиданіе съ ней и открылъ мнѣ новый волшебный міръ грезъ и мечтаній, въ который я съ жадностію погрузилась, но ни съ кѣмъ я не дѣлилась своими мыслями, я умѣла грустить и радоваться, плакать и надѣяться одна, совершенно одна....

Я создала въ воображеніи своемъ какое-то волшебное царство; первое мѣсто въ немъ занимала матушка, а я второе. Я не могла думать о ней, не ставя себя подлѣ нея, другіе не существовали для меня и не имѣли никакой цѣны, если не относились хотя косвенно къ ней.

У бабушки съ отцомъ произошла ссора; въ это время бабушка отказала m-lle Nadine, а отцу объявила, что не хочетъ жить въ одномъ домѣ съ нимъ. Тутъ они рѣшили, что бабушка

будеть жить полгода въ Москвѣ, гдѣ и домъ купила въ 30,000 руб. асс., на Пречистенкѣ, а другіе полгода въ Пензѣ.

Какъ восхищалась я мысленно этой поѣздкой и временнымъ отсутствіемъ отца; мать моя не будетъ больше отъ него плавать, думала я, и будетъ жить вмѣстѣ съ нами у бабушки. Я какъ будто переродилась и весело замечталась о свиданіи съ ней, съ прабабушкой и Анной Мелентьевной. Но, къ несчастію, пріѣхала въ Москву тетка Марья Васильевна и стала совѣтовать отцу не отпускать меня, а оставить у Прасковьи Васильевны.

«Чѣмъ же мы хуже этихъ сіятельныхъ, говорила она, развѣ у насъ ума не хватитъ воспитать дѣвочку? Ну, пускай Лиза остается у родни матери, а старшая у твоей родни».

Все это я слушала съ убитымъ сердцемъ, потому что они, не стѣняясь моимъ присутствіемъ, говорили при мнѣ по-французски, а я не измѣнила себѣ, привыкнувъ уже скрывать терзавшія меня чувства. Отецъ опять пошумѣлъ съ бабушкой, но подстрекаемый сестрами, не пустилъ меня въ Пензу, а перевезъ къ Прасковѣ Васильевнѣ.

Это внезапное крушеніе всѣхъ моихъ надеждъ еще больше остолбѣнило меня; къ тоскѣ о матери примѣшалось сожалѣніе о сестрѣ и о бабушкѣ, къ которой я горячо привязалась, и я осталась въ кругу ненавистныхъ мнѣ людей, отъявленныхъ враговъ моей обожаемой матери.

Но сверхъ чаянія, отъѣздъ бабушки, такъ сказать, улучшилъ мою судьбу, тѣмъ по крайней мѣрѣ, что черезъ нее я чаще имѣла извѣстія о матушкѣ и могла свободно ей писать, и она, судя по письмамъ, стала повеселѣе отъ присутствія Лизы; всѣ онѣ поддерживали во мнѣ надежду на соединеніе съ ними.

Первое письмо бабушки къ Прасковѣ Васильевнѣ увѣдомило ее, что бѣдная моя мать очень измѣнилась, и что докторъ рѣшили, что у нея аневризмъ въ сердцѣ. Я, конечно, встрѣжилась этимъ извѣстіемъ, но не очень, я думала, что аневризмъ что-то въ родѣ лихорадки; я стала рыться во всѣхъ лексиконахъ и находила только объясненіе, котораго я не понимала: *dilatation d'une artère*. Я прибѣгла къ княгинѣ Варварѣ Юрьевнѣ Горчаковой и княжнѣ Еленѣ Трубецкой, онѣ знали всю опасность, всю неумолимость этой ужасной болѣзни, но не хотѣли растолковать мнѣ ее, а напротивъ, старались разогнать мои черныя мысли и совершенно меня успокоили; въ письмахъ же своихъ матушка никогда не упоминала о своихъ страданіяхъ.

Прасковья Васильевна была добра ко мнѣ потому, что была добра вообще ко всѣмъ, но не любя моей матери, она и меня не любила.

Отца я видала рѣдко, урывками; онъ веселился...

Слабый характеръ тетки далъ мнѣ совершенную свободу и я зполнѣ умѣла ею воспользоваться; я такъ умудрилась, что по недѣлѣ, по двѣ проживала въ Петровскомъ, у княгини Горчаковой.

Прасковья Васильевна была страстная охотница играть въ карты; каждый день въ первомъ часу уѣзжала она въ гости, возвращалась часа въ два ночи, спала до одиннадцати часовъ, передъ отъѣздомъ зайдетъ къ бабушкѣ поздороваться и рассказать, что видѣла, съ кѣмъ играла, а мнѣ задастъ урокъ (съ ней я дошла до французскихъ фразъ, которыя она сама писала мнѣ въ тетрадеу), затѣмъ распрощается съ нами, да и была такова до другого дня. Въ молодости своей, она очень много читала, у нея были два огромные шкафа съ книгами; отъ нечего дѣлать, я принялась читать безъ выбора, безъ сознанія.

Вольтеръ, Руссо, Шатобрианъ, Мольеръ, прошли черезъ мои руки. Вѣрно я очень любила процессъ чтенія, потому что, не понимая философскихъ умствованій, я съ жадностью читала отъ доски до доски всякую попавшуюся мнѣ книгу. Мольера я больше всѣхъ понимала, но не умѣла оцѣнить его; когда же я отыскала: *Paul et Virginie*, да *Mariage de Figaro*, я чуть съ ума не сошла отъ радости; я плакала навзрыдъ надъ смертію *Virginie*, а во всѣхъ знаемыхъ мальчишкахъ искала сходства съ *Chérubin*. Чтеніе этихъ двухъ книгъ объяснило мнѣ, что есть и веселыя книги, и я перевернула библіотеку верхъ дномъ и дорылась до романовъ г-жи Жанлисъ и г-жи Радклиффъ. Съ какимъ замѣраніемъ сердца я изучала теорію о привидѣніяхъ, — иногда мнѣ казалось, что и я ихъ вижу — они наводили на меня страхъ, но какой-то пріятный страхъ.

Изъ романовъ г-жи Жанлисъ болѣе всѣхъ я пристрастилась къ *Адольфинѣ*; я находила сходство между ею и мной — у нея была такая же добрая мать, какъ у меня, и такой же отецъ; очень нравились мнѣ разпросы *Адольфины*, зачѣмъ Богъ сотворилъ то и то? Одинъ разъ она спросила: за чѣмъ Богъ далъ намъ глаза? (она родилась въ подземельи) и спохватясь, продолжала: «знаю, чтобъ плавать!» Въ первомъ письмѣ своемъ къ матери я вклеила эту фразу: «у меня глаза для того только, чтобъ плавать о тебѣ!» Но мнѣ стало совѣстно и я больше не заимствовала фразъ изъ романовъ.

Бабушка *Прасковья Михайловна* была рѣдкая старушка, просто святая женщина; я съ ней сдружилась какъ съ ровестницей, отъ нея я ничего не скрывала, кромѣ моего чтенія. Въ 12-мъ году она ослѣпла; лишеніе зрѣнія развило въ ней до невѣроя-

тія способность узнавать по голосу, какое чувство волновало говорящаго съ нею; ее невозможно было обмануть ни въ чемъ. Я проводила съ ней цѣлыя дни; она учила меня разнымъ молитвамъ, рассказывала мнѣ священную исторію, лакомила меня, много разспрашивала о Знаменскомъ, о прабабушкѣ, о матери моей; съ ней я пускалась въ откровенности и ея выстрадавшее восьмидесятилѣтнее сердце горячо сочувствовало моему грустному прошедшему. Она научила меня прощать и молиться за обидѣвшихъ насъ, допускала, что я могла любить матушку больше, но должна тоже любить и отца.

Когда она полагала, что осталась одна въ комнатѣ, то всегда принималась молиться, и какъ она молилась! Если бы мнѣ удалось хоть разъ въ жизни помолиться съ такимъ рвеніемъ и съ такою чистотой, я была бы, кажется, счастлива на всю жизнь.

Бабушку, Прасковью Михайловну, несмотря на ея слѣпоту, невозможно было обмануть. Вотъ одинъ примѣръ правдивости моихъ словъ: какъ-то удалось въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ скрывать отъ нея смерть брата ея, и тѣмъ легче было это сдѣлать, что онъ жилъ въ Петербургѣ, а она въ Москвѣ; ее увѣряли, что отъ него получаютъ письма, рассказывали, что онъ будто пишетъ то и то, и радовались, что отстранили отъ нея лишнее горе. У бабушки было обыкновеніе, во дни именинъ или рожденія близкихъ ея, заказывать молебны и вынимать части за здравіе. Наканунѣ именинъ покойника, она, какъ и всегда бывало, приказала дѣвушкѣ своей сходить къ ранней обѣднѣ, отслужить молебенъ и принести ей просфору къ тому времени, какъ она проснется. Въ этотъ самый день, бабушка необыкновенно рано позвонила, когда къ ней вошла горничная, бѣдная старушка была вся въ слезахъ и сказала: «Не грѣхъ ли вамъ было такъ долго меня обманывать? я брата видѣла во снѣ и онъ сказалъ мнѣ: полно тебѣ молиться о моемъ здоровьи, помолись объ упокоеніи моей души; я умеръ въ такой-то день, въ такомъ-то часу».

Я забыла рассказать, какое развлеченіе я находила себѣ въ то время, какъ бабушка дремала. Я сидѣла не шевелясь и утверждала почти наизусть имена иностранныхъ принцевъ въ календарѣ, отмѣчала крестиками тѣхъ, которые болѣе подходили во мнѣ по лѣтамъ; начитавшись безъ разбору романовъ и комедій, я возмечтала, что когда-нибудь вдругъ предстанеть передо мной принцъ—и я тоже сдѣлаюсь принцессой; стыдно признаться, что подобная фантазія занимала меня съ десятилѣтняго возраста до вступленія въ свѣтъ, и когда только я не думала о матери моей, то всей душой предавалась созерцанію моего принца:

то представляла его бѣленькимъ, хорошенькимъ, то вдругъ являлся онъ мнѣ грознымъ, страшнымъ; убивалъ всѣхъ, щадилъ меня одну и увозилъ въ свое государство.

Въ половинѣ 1822 года, произошла опять переменѣна въ моей жизни, и не радостная переменѣна. Тетя Марья Васильевна, лишившись единственнаго своего сына, выпросила меня у отца въ замѣнъ этого ребенка, обѣщаясь замѣнить и мнѣ мать мою! Безсмысленное, пошлое выраженіе! Нѣтъ! никакая любовь не можетъ замѣнить намъ эту привязанность, эту нѣжность, эту предусмотрительность, которыми окружаетъ насъ наша мать. Не понимая всей силы этой святой привязанности, мы чувствуемъ ея благодать, и чѣмъ болѣе узнаемъ людей, чѣмъ глубже входимъ въ жизнь, тѣмъ незамѣнимѣе находимъ любовь матери; одна эта любовь свята, безпредѣльна и безъ примѣси самолюбиваго я.

Много я плакала, прощаясь съ бабушкой, даже и со всѣми тѣми, которыхъ оставляла въ Москвѣ; я уже свыклась съ этой монотонной, почти уединенной жизнью, всякая переменѣна была бы мнѣ неприятна, эта же просто пугала меня, еще болѣе удаляя отъ матери и отъ всѣхъ ея родныхъ; дѣтское самолюбие мое тоже страдало; какъ вочующій цыганъ, я не находила постоянного крова и меня перебрасывали, точно мячиъ, съ одного конца Россіи на другой, а ужаснѣе всего то, что мной распоряжались безъ согласія и даже безъ вѣдома матери.

Какъ бы то ни было, но я очутилась въ Петербургѣ, у тетки своей Марьи Васильевны Б.

Марья Васильевна принялась сама учить меня, безъ вокабуловъ и французскихъ разговоровъ дѣло не обошлось, а немного спустя она засадила меня переводить статьи изъ *Leçons de littérature et de morale par Noël et Chapsal*, что было не легкое дѣло; возвышенный языкъ Боссюэта и Массильона меня доводилъ частенько до слезъ.

Она собственноручно написала программу моихъ уроковъ, въ ней заключались: французскій и русскій языки, исторія, географія, мнѣологія и музыка.

Съ французскимъ языкомъ Марья Васильевна умудрилась, какъ я уже объяснила; русскій языкъ, рѣшила она, и безъ того придетъ, нечего за нимъ время терять. Исторію лучше всего изучить по трагедіямъ, это занимательнѣе; для географіи я оказалась слишкомъ молода, и вотъ, все стараніе было приложено къ изученію мнѣологіи, которую она особенно любила и изъ которой я всякій день выучивала по двѣ страницы наизусть. Трагедіи Расина, Корнеля и Вольтера не очень интересовали меня, и не мудрено! Не знавъ, кто были дѣйствующія лица, и не по-

нимая, за что они ссорятся, воюютъ, я иногда просила истолкованія у тетки, но сама она получила очень поверхностное воспитаніе и вопросы мои приводили ее въ смущеніе, она замкнулась и отдѣлывалась этой обычной фразой: «когда ты будешь побольше, то сама все поймешь, не надо беспокоить вопросами старшихъ, неучтиво; а главное, ты этимъ показываешь, какая ты непонятливая; напротивъ, дѣлай видъ, что ты все знаешь».

Когда же, думала я, пойму я совершенно, кто были Эсфирь, Эдипъ, Андромаха, Заира; когда они родились, гдѣ жили, далеко ли отъ Россіи? и я возненавидѣла трагедіи, гдѣ люди являлись всегда вооруженными, злыми, убивали другъ друга, да и женщины были не лучше ихъ. Для меня сдѣлалось сущимъ наказаніемъ чтеніе вслухъ трагедій — и можно себѣ представить, какое я извлекла понятіе изъ нихъ объ исторіи. Съ музыкой поступлено было тоже по единственной въ своемъ родѣ методѣ, собственнаго изобрѣтенія Марьи Васильевны. Сначала она выучила меня, какъ называются клавиши, потомъ кое-какъ растолковала ноты, не говоря, что есть четверти, восьмыя, бѣлыя, не объясняя, что такое пауза, дискантъ, басъ, тонъ, и все показывала съ рукъ и кой-какъ толковала, что *ре* на средней октавѣ пишется такъ, на нижней такъ, — кончалось всегда любимой фразой: «все это само собой придетъ, разбирай только побольше, такъ и привыкнешь читать ноты какъ книгу». Не имѣя ни малѣйшаго понятія о теоріи музыки, никогда я не видала и не трудилась надъ гаммами, а прямо засадили меня за пьесы Штейбеля и Фильда; мало кто повѣритъ истинѣ моихъ словъ, а оно было по несчастію такъ. На бѣду мою, я пристрастилась къ музыкѣ, по четыре часа въ день занималась ею, но должна признаться, что никогда и никто не узнавалъ, что я барабаню, слышалось что-то такое знакомое, но изъ рукъ вонъ безобразное.

Когда же мнѣ минуло пятнадцать лѣтъ, отецъ взялъ мнѣ извѣстнаго Рейнгардта, для *усовершенствованія* меня въ музыкѣ. Онъ, бѣдный, бился со мною мѣсяцевъ пять, ему не пришло на умъ спросить меня о теоріи, потому что по привыкѣ я бѣгло разбирала, бойко играла, прилежно твердила заданный урокъ, а выходило все не то, и Рейнгардтъ очень добросовѣстно поступилъ — отказался. Марья Васильевна меня же разбранила, а я, несчастная, по шести часовъ въ день, просиживала за фортепьяно; это меня совершенно обезкуражило, музыка мнѣ опротивѣла, а отецъ и тетка все еще принуждали меня играть по цѣлымъ часамъ.

Мѣсяца черезъ три по приѣздѣ моемъ къ теткѣ, дядя дол-

женъ былъ ѣхать на выборы во Псковъ. Меня отвезли въ Псковскую деревню къ его дядѣ.

Несмотря на доброе расположеніе ко мнѣ этого дяди, Александра Андреевича Б—ва, я его очень боялась; онъ такой былъ сердитый съ людьми, за малѣйшую вещь колотилъ ихъ своей палкой, и тутъ же въ своей комнатѣ приказывалъ съѣчь виноватаго; если товарищъ наказаннаго не сильные давалъ удары, такъ и его съкли, чтобъ слѣпо исполнялъ барское приказаніе.

Ему служивалъ болѣе всѣхъ его старый камердинеръ; не знаю почему, всѣ его величали барономъ, и первой забавой Александра Андреевича было придирается къ барону и находить его виноватымъ въ одно время съ его сыномъ, десятилѣтнимъ мальчикомъ, и смотря по объему вины, ставилъ ихъ обоихъ въ уголь, или на колѣни посреди комнаты, или привязывалъ веревкой къ стулу; наказанный мальчишка смѣялся, а отецъ горько плакалъ, ворча про себя: «вотъ до чего дожилъ!... съ снѣжкой наказываютъ одинаково... ужъ лучше бы прибили меня!»

Александръ Андреевичъ былъ тогда неизлѣчимо боленъ; у него былъ ракъ на брови, обвязанное и покрытое пластырями лицо его приводило меня въ трепеть, а онъ такъ привязался ко мнѣ, что почти не отпускалъ отъ себя и все ворчалъ на бѣдную тетку мою Ульяну Сергѣевну Б. за меня.

Объ мы не могли долго высидывать въ его комнатѣ, запахъ отъ раны, пластырей и мазей былъ нестерпимъ, къ тому же онъ имѣлъ странную привычку собирать всѣ сальные огарки въ селѣ и жадно слѣдилъ, какъ онѣ догорая то тухли, то вспыхивали, чады такъ и душилъ насъ, и мы съ Ульяной Сергѣевной подъ разными предлогами спасались въ нашу комнату.

Мы прожили четыре года въ деревнѣ, и мнѣ ни разу не случалось видѣть дѣвочки моихъ лѣтъ; сосѣдки наши были или взрослые дѣвушки, или крошки пяти или шести лѣтъ; съ ними мнѣ было скучно, а съ первыми не позволялось долго бесѣдовать.

Въ 1823 году, весной, получила я извѣстіе о кончинѣ прабабушки; вскорѣ послѣ нея скончался и дѣдушка, князь Сергѣй Васильевичъ Долгорукій¹⁾; я еще больше грустила объ одиночествѣ матери моеѣ. Въ концѣ года умеръ и Александръ Андреевичъ Беклешовъ.

Въ 1826 году, дядя мой Николай Сергѣевичъ Беклешовъ, какъ островскій предводитель дворянства, долженъ былъ по

¹⁾ Родной дядя Анастасьи Павловны Сушковой, матери составительницы записокъ.

случаю коронаціи давать обѣды и балы; тетка хотѣла блеснуть своимъ и моимъ туалетами, и нарядила меня бѣдную, четырнадцатилѣтнюю дѣвочку, въ тюлевое платье, вышитое голубой синелью, бусами и шелкомъ съ букетами незабудокъ кругомъ; я была въ восхищеніи, не понимая какой смѣшной могли найти меня всѣ здравомыслящіе люди, но таковыхъ не оказалось!... Другое мое платье было бѣлое дымковое, вышитое серебромъ и пунцовою синелью; словомъ, я донашивала залежалыя платья въ ея приданого.

Дорожный мой туалетъ былъ тоже очень оригиналенъ: у меня никогда до совершеннолѣтія не было манто, а мѣсто его исправлялъ тулупчикъ дядинъ на бѣлыхъ мерлушкахъ, ноги укутывались шалью и мериносовая шапочка на ватѣ довершала мой востюкъ.

Въ скоромъ времени мы переселились въ Петербургъ; по неотступнымъ просьбамъ жены своей, дядя вступилъ въ гражданскую службу.

Марья Васильевна урывками продолжала заниматься мною и я не знаю что бы изъ меня вышло, если бы кто-то изъ нашихъ знакомыхъ или родныхъ не надумилъ ее взять мнѣ гувернантку. Къ счастью моему попали на добрую, образованную и добросовѣстную воспитательницу, мою милую Авдотью Ивановну 1).

Она серьезно испугалась моему невѣжеству, растолковала мнѣ, какъ необходимо имѣть понятіе о многомъ, и съ утра до ночи занималась мною. Ея метода, а еще болѣе ея ласковое, учтирое и дружеское обращеніе со мною, ея искреннее участіе ко мнѣ, много способствовали моимъ успѣхамъ и моему развитію. Она неуспынно старалась выказывать меня со всѣхъ лучшихъ сторонъ; поворчить, бывало, когда мы съ ней наединѣ, но при третьемъ лицѣ всегда меня выхваляла и поощряла. Ея игривое воображеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ, глубокой умъ, начитанность, пылкое и ребячески-доброе сердце, имѣли благотворное вліяніе на меня, и заглядывая въ прошлое, я съ благодарностію и умиленіемъ сознаюсь, что ей одной я обязана тѣмъ, что поняла, чего недоставало мнѣ, и принялась заниматься серьезнымъ чтеніемъ, выписками изъ него, переводами, экстрактами. Да, слишкомъ много сдѣлала она для меня въ два съ половиною года, которые прожила у насъ. Она посоветовала мнѣ писать мой журналъ, сначала поправляла его, а потомъ я уже и не показывала его ей, и дала полную волю своей фан-

1) Умерла около 1863 года въ Петербургѣ.

таин. Сколько въ немъ было изліяній къ матушкѣ и бреду въ моему принцу-невидимкѣ.

Отецъ мой тоже переселился въ Петербургъ; изъ Москвы онъ съѣздивъ въ Пензу, взялъ Лизу отъ матери и бабушки, хотѣлъ ее навязать Марьѣ Васильевнѣ, но та, по счастью, отозвалась, что устарѣла воспитывать дѣтей, и Лизу отдали въ Смольный монастырь, и потому ея воспитаніе по крайней мѣрѣ имѣло болѣе толку, чѣмъ мое.

Дядя и тетка жили открыто, но скучно: проживали много денегъ, но безъ удовольствія для себя и для другихъ. У нихъ было человекъ пятнадцать родныхъ и habitués, которые ежедневно могли являться къ обѣду, но въ числѣ ихъ не было ни одного замѣчательнаго лица, ни по уму, ни по образованію, ни по имени, ни даже по значенію въ свѣтѣ.

Карты были ихъ ежедневное занятіе; съ самаго обѣда до поздней ночи только и раздавались въ гостинной слова: «черви козыри, пять леве, вамъ сдавать», и т. д.

Безъ моего милаго дяди Николая Васильевича С., который своей живостью, своимъ умомъ и неутомимой болтовней оживлялъ нашъ домъ, была бы нестерпимая скука мнѣ.

Въ началѣ января 1828 года, дядю послали по службѣ въ Курскую губернію; теткѣ вздумалось ѣхать съ нимъ до Москвы и прожить тамъ нѣсколько мѣсяцевъ; разумѣется, такъ все и уладилось. Матушка, узнавъ, что я такъ близко отъ нея, написала Марьѣ Васильевнѣ самое трогательное письмо и просила позволенія пріѣхать повидаться со мной. Ей дали это позволеніе и она, несмотря на тяжкую свою болѣзнь, собралась съ послѣдними силами и въ началѣ февраля пріѣхала ко мнѣ.

Никакое перо не можетъ выразить того счастья, которое преисполнило мое сердце, когда я бросилась въ ея объятія, послѣ семилѣтней разлуки.

Я перешла жить въ ея комнату, мы ни на минуту не разлучались, мало спали по ночамъ — все говорили и не могли наговориться. Матушка очень измѣнилась, я ее оставила молодую, цвѣтущую, прекрасную и свидѣлась съ ней больной, изнуренной, состарѣвшейся; горе взяло свое! Отъ аневризма у нея было такое бленіе сердца и всѣхъ жилъ въ груди, что послѣдніе четыре года своей жизни она уже и не пробовала ложиться въ постель, а спала въ креслахъ сидя, а иногда даже стоя дремала въ уголку, опираясь на спинку стула. Чего не перенесла бѣдная моя мать, физически и морально, страшно подумать.

Въ слѣдующемъ году — 1828 матушка скончалась 14-го мая, въ самый Духовъ день, въ деревнѣ Варвары Юрьевны Гор-

чаковой. Я же въ этотъ самый день была на гуляньѣ на Прѣсненскихъ прудахъ, разряженная и веселая, а говорятъ, что есть предчувствіе.

Жизнь матери моей пресѣлась въ одну минуту, она собралась идти къ обѣднѣ, но почувствовала головокруженіе, попросила Варвару Юрьевну не дожидаться ея и мимоходомъ приказать подать ей стаканъ воды; когда же принесли воду, душа ея уже отлетѣла въ лучшей міръ.

Странно родилась бѣдная моя мать. Бабушка моя такъ страдала передъ тѣмъ, чтобъ разрѣшиться, что впала въ летаргію; три или четыре дня ее и младенца ея считали мертвыми; день, назначенный для похоронъ, наступилъ, она лежала уже въ гробу, ждали духовенство, псаломщикъ читалъ псалтырь, бабъ вдругъ столъ подломился и гробъ упалъ; отъ сотрясенія бабушка очнулась и тутъ же въ гробу родила бѣдную мою мать и точно, жизнь, начавшаяся такимъ ужаснымъ образомъ, тяготила ее до послѣдней минуты. Жизнь эту можно разказать въ немногихъ словахъ: родилась въ гробу, пристрадала весь свой вѣкъ и скончалась въ чужомъ домѣ, не имѣя никого изъ ближнихъ подлѣ себя, даже горничной своей, которая приняла бы ея послѣдній вздохъ, передала бы мнѣ ея послѣднее слово!

III.

Первый выѣздъ на балъ. — Выѣзды и успѣхи въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ. — Первые поклонники. — Поѣздка въ Москву и пребываніе у другой теткы. — 1828—1830 гг.

J'ai longtems aimé notre monde,
 Mon âme en tendresse profonde
 Débordait sur tout l'univers,
 Mais la froideur et l'ironie
 L'ont refoulu et l'ont ternie.

Blasvallet.

По возвращеніи изъ Москвы въ Петербургъ, дядя Николай Васильевичъ позаботился оживить нашъ домъ. Мнѣ уже минуло шестнадцать лѣтъ, рѣшено было зимой вывозить меня въ свѣтъ, и дядя сталъ изрѣдка приглашать къ намъ своихъ пріятелей и сослуживцевъ, которые всѣ принадлежали къ высшему кругу общества, но мнѣ не было весело съ ними: я черезъ чуръ была дика и молчалива.

Первый мой выѣздъ былъ на балъ въ Хвостовымъ и теперь еще не могу безъ трепета вспомнить, какъ замирало мое бѣд-

ное сердце во весь этотъ памятный для меня день, 1-го января 1829 года. Я провела его глядясь въ зеркало и любясь первымъ своимъ бальнымъ нарядомъ; платье мое было бѣлое кисейное, обложенное сверхъ рубца à la grecque изъ узенькихъ атласныхъ руло, и съ огромнымъ бантомъ на груди; мнѣ казалось, что никто не могъ быть наряднѣе меня.

Войдя въ ярко освѣщенную залу, у меня потемнѣло въ глазахъ, зазвенѣло въ ухахъ; я вся дрожала. Хозяйка и дочь ея, старались ободрить меня своимъ ласковымъ приѣмомъ и вниманіемъ. Когда же я усѣлась и окинула взоромъ залу, я готова была хотъ сейчасъ уѣхать домой и даже съ радостью, я не знала ни одной изъ дамъ и изъ дѣвушекъ, а изъ знакомыхъ мужчинъ былъ только одинъ. Протанцюю, думала я, одинъ только танецъ, не промолвлю ни словечка, вотъ и останется мнѣ лестное воспоминаніе о моемъ первомъ балѣ. Но боязнь эта скоро исчезла, дамы и дѣвушки заговорили со мной первая (тогда еще не существовала въ свѣтѣ претензія говорить и танцевать только съ представленнымъ лицомъ), а кавалеры безпрестанно подбѣгали, расшаркивались и говорили: *la première, la seconde, la troisième contredanse*. Добрый мой дядя, Николай, какъ нянька ухаживалъ за мною и радовался моимъ успѣхамъ. Первое мое явленіе въ свѣтѣ было блистательно, меня замѣтили и не забыли. Всегда буду и я помнить, какъ единственный мой знакомый В. на этомъ балѣ, танцюя со мною кадрили, спросилъ меня: «танцуете вы мазурку»? — «Конечно», отвѣчала я отрывисто, обидясь, что онъ освѣдомляется, умѣю-ли я ее танцевать. Что же вышло? Заиграли мазурку, всѣ усѣлись попарно, а у меня нѣтъ кавалера; знакомый мой взбѣсился, подлетѣлъ ко мнѣ, говоря: «какъ же вы мнѣ сказали, что танцуете мазурку?»

— Да, отвѣчала я.

— Гдѣ же вашъ кавалеръ?

— Меня никто не позвалъ.

— Я звалъ васъ, а вы сказали, что танцуете.

— Ахъ, Боже мой, я сказала вамъ правду. Я умѣю танцевать мазурку!

Тутъ всѣ, окружающіе насъ, расхохотались. Восхищеніемъ моей наивности не было конца, и это было верхомъ моего триумфа на этотъ вечеръ. У В. была уже дама и онъ подвелъ ко мнѣ сына хозяйки дома, который съ этой же минуты сдѣлался однимъ изъ пламенныхъ и вѣрнѣйшихъ моихъ обожателей ¹⁾.

¹⁾ Этотъ А. В. Хвостовъ десять лѣтъ спустя и женился на составительницѣ записокъ,

2-е января тоже памятно для меня. Одинъ изъ лучшихъ нашихъ habitués, Н. К., уѣзжалъ на турецкую войну, пришелъ въ памь проститься и принесъ мнѣ прощальные стихи, первые въ моей жизни, написанные для меня. Я взяла ихъ съ трепетомъ, который можно было бы ощутить только при первомъ изъясненіи въ любви. Вотъ они, въ сущности очень слабые, плохіе, но не менѣе того заставившіе такъ самодовольно биться мое сердце при чтеніи ихъ :

Прости, цвѣточекъ молодой,
Прости, цвѣточекъ нѣжный, милый,
Хранимый небомъ и судьбой,
Цвѣти подь сѣнію родной.
Прости! мое шумить вѣтрило
И мчится безпріютный челнъ,
Надеждъ коварное свѣтло
Едва мнѣ свѣтять, — грусти полнъ,
Я оставляю градъ чужбины,
Гдѣ молодость мою сгубилъ,
Гдѣ сердце съ счастьемъ скоронилъ!
Мнѣ въ путь ни сердца вздохъ единый
Не полетитъ; — слеза любви
Не канетъ въ горести унылой;
Хоть ты, цвѣточекъ нѣжно-милый,
Хоть ты мой путь благослови!

Конечно, единственное достоинство этихъ стиховъ заключалось только въ томъ, что они были посвящены мнѣ, мысль и даже рѣчмы выерадены изъ Пушкина — но несмотря на то что это, они меня такъ внезапно расположили къ К., что я не на шутку грустила о немъ; сколько разъ со слезами молилась я за него, съ какой жадностью читала донесенія изъ Турціи, и можетъ быть, успѣла бы увѣрится въ любви моей къ нему, если бы не проповѣди и не насмѣшки надо мною дяди Николая, отъ котораго ничто не скрывалось, а еще болѣе ежедневные балы, ухаживанье за мною лучшихъ кавалеровъ не были противудіемъ этой романической грусти.

Въ вопцѣ января, дядю Николая Сергѣевича откомандировали въ Витебскую губернію, производить слѣдствіе объ убіеніи жидами христіанскаго ребенка; тетка до масляницы осталась въ Петербургѣ, а на первой недѣлѣ великаго поста отвезла меня съ Авдотьей Ивановной Фоминой въ деревню, сама же отправилась къ мужу.

Трудно представить себѣ рѣзкій переходъ отъ самой разсѣянной жизни, къ бесѣдѣ глазъ на глазъ съ Авдотьей Ивановной. Намъ строго было запрещено ѣздить къ сосѣдямъ и

принимать ихъ у себя. Нѣмецъ управитель съ женой, да капельмейстеръ полякъ, по воскресеньямъ приходили обѣдать къ намъ.

Издѣка получаемыя письма изъ Петербурга перечитывались мною безпрестанно до полученія новаго письма, и тогда рой воспоминаній о раззолоченныхъ залахъ, чудныхъ кавалергардахъ, блестящихъ нарядахъ, возставалъ передо мной и томилъ меня сожалѣніями.

Въ іюлѣ, Марья Васильевна возвратилась изъ Велижа для празднованія своихъ именинъ. Этотъ день былъ эпохой во всей нашей губерніи: За три и даже за четыре дня до праздника, сѣзжались гости изъ Пскова, изъ другихъ уѣздовъ, и дальніе сосѣди, иногда ихъ набиралось до сорока человѣкъ; всѣмъ *отводились* квартиры: кого помѣстятъ во флигелѣ, кого въ оранжереѣ, банѣ; самыхъ важныхъ въ домѣ, молодыхъ дѣвушекъ въ моей комнатѣ на диванахъ, на кроватяхъ и даже на полу; молодыхъ людей въ *павалку* въ танцевальной залѣ. Во все время пребыванія гостей, я должна была вставать рано, часовъ въ шесть, обойти всѣхъ дамъ по разнымъ ихъ спальнямъ, увѣриться, хорошъ ли имъ подали чай и кофе, а съ девяти часовъ предсѣдательствовать за чайнымъ столомъ въ гостинной. Распиваніе чая и кофе продолжалось часовъ до двѣнадцати; потомъ, всѣ гурьбой переходили въ столовую и принимались плотно завтракать. Никогда я не видѣла такихъ огромныхъ appetitовъ, какъ у псковичей — у нихъ будто были запасные желудки для чужой ѣды.

Мужъ Марьи Васильевны, гдѣ бы онъ ни былъ, всегда отпрашивался въ отпускъ ко дню ея именинъ и въ этотъ годъ прискакалъ изъ Велижа только на трое сутокъ. Торжественный этотъ день начинался поздравленіемъ хора музыкантовъ и, несмотря на несогласные звуки, растроганная помѣщица плакала отъ умиленія и удивленія къ таланту своихъ подданныхъ.

Съ двѣнадцати часовъ навѣзали ближайшіе сосѣди. Въ четыре часа садлись за обѣдъ въ садовой галереѣ, уставленной цвѣтами, увѣшанной гирляндами, а на главной стѣнѣ красовался, сплетенный тоже изъ цвѣтовъ, вензель виновницы торжества; обѣденный столъ, для пущей важности, былъ накрытъ *покоемъ*, уставленъ фруктами въ вазахъ и ананасами въ горшкахъ; фигурное пирожное красовалось по срединѣ стола, а цвѣты и листочки розъ были разбросаны по всей скатерти. Музыка гремѣла, вилки и ножи брицали, мужчины кричали, барыни помалчивали, а барышни шептались; въ критическую же минуту, когда пробки шампанскаго ударили въ потолокъ, музыканты играли тушь, управляющій высказывалъ изъ-за стола

къ дверямъ, махалъ носовымъ влѣтчатымъ платкомъ и раздавался залпъ четырехъ пушекъ; сосѣдки, въ ожиданіи этой минуты, затыкали себѣ уши заранѣе приготовленной хлопчатой бумагой, двѣ же менѣе храбрыя прятались подъ столъ.

Всякій годъ повторялось одно и то же, но восторги сосѣдокъ не истощались и многія изъ нихъ, бѣдненькія, жили только воспоминаніемъ и ожиданіемъ этого дня. Дядя, пріѣзжая въ деревню передъ этимъ праздникомъ, обыкновенно запирался въ кабинетъ, для совѣщанія съ управителемъ, дворецкимъ и поварами, какой изготовить обѣдъ. Несмотря на долгія совѣщанія, нѣсколько лѣтъ съ ряду все была одна программа удовольствій и яствъ; онъ могъ бы поступить, какъ одна изъ моихъ родственницъ: аккуратно всякій день утромъ призывала она повара, толковала съ нимъ битый часъ и рѣшала тѣмъ, что на бумажкѣ напишетъ: «сегодня готовить то же, что вчера». И это продолжалось цѣлые мѣсяцы, но совѣщанія не сокращались.

Въ сентябрѣ, я съ теткой поѣхала въ Велижъ. Семейный совѣтъ присудилъ, что Авдотья Ивановна не нужна болѣе для взрослой, совершенно образованной и свѣтской дѣвушки, и ее отправили въ Петербургъ. Много я плакала, прощаясь съ нею; письма ея, исполненные искренности, дружбы, добрыхъ совѣтовъ и наставленій о чтеніи, были мнѣ большимъ утѣшеніемъ. Тетка, взявъ меня съ собою въ Велижъ, имѣла въ виду жениха, флигель-адъютанта Ш. Онъ вмѣстѣ съ дядей производилъ слѣдствіе надъ жидами. Какъ на зло, Ш. влюбился въ меня, а мнѣ онъ очень, очень не понравился, но въ Велижѣ онъ былъ единственный порядочный кавалеръ и я очень благосклонно съ нимъ разговаривала, и на вечерахъ предпочитала танцовать съ нимъ, чѣмъ съ засѣдателемъ, да почтеннымъ Федоромъ Федоровичемъ, нѣмцемъ-аптекаремъ, который одинъ разъ, галопируя со мной, споткнулся о неровную половицу, топнулъ, плюнулъ, заричалъ на всю комнату: «verflucht», и продолжалъ галопировать, какъ ни въ чемъ не бывало.

По первому пути, я съ теткой должна была возвратиться въ Петербургъ, а какъ на переکورъ мнѣ, до половины декабря, не устанавливалась зима. Я изнывала по обществу, по баламъ, по самому Петербургу; стыдно даже и теперь признаться, какимъ образомъ достигла я до цѣли своихъ желаній и ускорила нашъ отъѣздъ.

У насъ часто бывалъ велижскій предводитель дворянства, князь Д. Онъ былъ очень молчаливъ и робокъ; какъ я ни была неопытна, я не сомнѣвалась въ его любви и преданности ко мнѣ; онъ вспыхивалъ при встрѣчѣ со мной, рука его дрожала, когда

я подавала ему чашку чая, со всеми другими онъ все-таки разговаривалъ, со мною же, съ перваго слова замнется, растеряется и блѣднѣетъ съ досады. Онъ предупреждалъ всѣ мои желанія; ноты, цвѣты, конфеты безпрестанно присылались мнѣ отъ *исидьстнаго*, но посланный неизвѣстнаго былъ извѣстенъ нашимъ людямъ.

Робость князя и его покорность къ моимъ прихотямъ до того меня трогали, что я ни разу не имѣла духа посмѣяться надъ нимъ. Будучи увѣрена, что онъ все сдѣлаетъ мнѣ въ угодность, я стала совѣщаться съ вѣрной наперсницей своей, моей горничной Танюшей, а Танюшѣ не менѣ моего хотѣлось вырваться изъ Велижа; вотъ мы вдвоемъ и придумали, уговорить князя увѣрить тетку, что за двѣ станціи отъ города много снѣгу и отличная санная дорога. Планъ этотъ показался обѣимъ намъ удивительнымъ, но какъ привести его въ исполненіе? Тутъ мы призадумались, потому что князь, хотя и часто навѣщаетъ насъ, но не говоритъ со мной, а только вздыхаетъ, блѣднѣетъ и теряется; чего добраго и не пойметъ моихъ словъ, заслушаясь голоса. Какъ быть, что дѣлать? «Да напишите ему, барышня», сказала Танюша. Я съ восторгомъ одобрила ея мысль, вырвала листокъ изъ тетради и насворо написала невѣроятно глупую записку, которую какъ будто еще вижу передъ собой, вотъ она слово въ слово:

«Любезный князь!

«Я знаю, что вы меня любите, и потому хотите, чтобъ я васъ всегда помнила. Обѣщаю вамъ никогда не забыть васъ, если вы только прикажете въ почтовой конторѣ сказать завтра Марьѣ Васильевнѣ, когда придутъ отъ нея освѣдомиться, хороша ли дорога, чтобъ отвѣчали, что за двѣ станціи много снѣгу. Сдѣлайте это, любезный князь, для меня, увѣряю васъ, всегда буду вспоминать съ благодарностью о васъ и объ оказанной мнѣ услугѣ. Мнѣ такъ нужно и такъ хочется быть къ праздникамъ въ Петербургѣ.»

«Остаюсь навсегда преданная и благодарная

Екатерина Сушкова».

17-го декабря 1829 г.

На другой день, князь блѣдный и растроганный пріѣхалъ самъ извѣстить тетку, что дорога санная отличная и тяжелая почта пришла на полозьяхъ и такъ одушевился, что убѣдилъ Марью Васильевну назначить день отъѣзда своего 20-го числа, чтобы пріѣхать къ праздникамъ въ Петербургъ.

Милый князь! я готова была съ радости прыгнуть ему на шею, поблагодарить и разцаловать за такое примѣрное послушаніе, превышавшее мою просьбу. Итакъ, мы оставили Велижъ; князь провожалъ насъ до третьей станціи, дорога была адская; тетка пищала, визжала, призывала на помощь всѣхъ святыхъ, но всѣхъ окружающихъ бранила, а я просто ликовала, для меня нѣтъ дурныхъ дорогъ на свѣтѣ, а эта вела меня къ цѣли, моихъ желаній, всѣхъ моихъ помышленій; никогда я такъ не стремилась въ Петербургъ.

Мы пріѣхали наконецъ туда въ самый сочельникъ. Черезъ два дня сдѣлали визиты и къ намъ посыпались приглашенія; балы были въ самомъ разгарѣ. Почти у всѣхъ знакомыхъ были положенные танцевальныя вечера. Рѣшительно всѣ дни были разобраны кромѣ субботы, въ которую мы всѣ почтили отъ дѣлъ своихъ и отдыхали; тогда мнѣ и этотъ одинъ день безъ танцевъ былъ тяжелъ и скученъ.

Въ эту зиму я очень сдружилась съ моимъ cousin, княземъ Ростиславомъ Д. Онъ ухаживалъ за миленькой и хорошенькой Ольгой Б. и въ то самое время, какъ надѣялся на взаимность и уже объяснился съ нею, она неожиданно для всѣхъ и для себя, кажется, дала слово шестидесятилѣтнему генераль-адъютанту. Бѣдный Ростиславъ очень грустилъ, повѣрялъ мнѣ свои мысли, чувства, жажду мщенія и разъ зашелъ такъ далеко, что предложилъ мнѣ жениться на мнѣ, лишь бы доказать Ольгѣ, что онъ и не думаетъ больше о ней. Я расхохоталась, поблагодарила его за завидную роль, которую въ своей запальчивости онъ возлагалъ на меня; онъ тоже расхохотался, поцаловалъ у меня руку и мы навсегда остались друзьями.

Когда я рассказала Дарьѣ Михайловнѣ эту шутку, иначе я никогда не смотрѣла на нее, она назвала меня душой, изъясняя, что вотъ именно такъ и ловятъ жениховъ, а я напротивъ, выпускаю ихъ изъ рукъ. Вообще она очень была расположена къ Ростиславу и ухаживала за нимъ (отецъ его, министръ юстиціи, былъ начальникомъ дяди), но одинъ разъ она не на шутку рассердилась на него: онъ обѣдалъ у насъ и не сѣлъ играть съ нею въ карты, отговорясь тѣмъ, что ѣдетъ во французскій театръ и усѣлся подлѣ меня у рабочаго столика. Нѣсколько разъ тетка напоминала ему, что пора ѣхать въ театръ. «Я не хочу видѣть первую пьесу», отвѣчалъ онъ, а ее давно знаю.

— Что дають? спросила я.

— Ma tante Aurore et la fausse Agnès; certes si je viens, ce n'est pas pour la tante mais bien pour la nièce.

Тетка всплила и очень грозно возразила: «однакожь, можно

быть поучтивѣе къ хозяйкѣ дома». Но какъ же взбѣсилась она, когда маленький С. въ своемъ глупомъ собраніи анекдотовъ, комѣстлъ и этоть, а за умъ одного и глупость другого мнѣ же досталось и я порядочно поплатилась за нескромность издателя-грабителя.

Въ эту зиму были блистательные балы у генераль-адъютанта Депреядовича ¹⁾, иногда даже удостоивался онъ посѣщеніемъ в. к. Михаила Павловича. Его высочество изволило меня замѣтить и отличить отъ другихъ сказавъ: «elle est charmante, elle a des manières si distinguées».

Нивогда тетка не была такъ нѣжна ко мнѣ, какъ въ этоть вечеръ, безпрестанно подбѣгала поправлять волосы, цвѣты, словомъ суетилась много, вѣроятно для того, чтобъ и ее замѣтилъ великій князь.

Когда же мы возвратились домой, она стала хвалить, превозносить меня, по обыкновенію приговаривая: «а всѣмъ, рѣшительно всѣмъ ты мнѣ обязана, я одна тебя воспитала, тебя образовала, вотъ и пошла въ люди; еслибы не я, ты бы пропала какъ былиночка» (любимое сравненіе Марьи Васильевны).

Въ маѣ мѣсяцѣ тетка опять собралась въ Велижь, а меня отправила въ Москву къ Прасковѣ Васильевнѣ.

Я рада была отдохнуть отъ постоянного невидимаго, но разсчитаннаго гоненія моей благодѣтельницы.

Прасковья Васильевна приняла меня ласково. Зная необузданный характеръ сестры своей, она имѣла хотя поверхностное понятіе о моей мученической жизни, старалась меня ободрить и утѣшить, даже обѣщала письменно заступиться за меня, дать мнѣ что-то въ родѣ *аттестата* и растолковать сестрѣ, что ужъ я не ребенокъ.

Въ это самое время вошло въ моду заведеніе московскихъ искусственныхъ водъ. Прасковѣ Васильевнѣ предписалъ докторъ пить какую-то воду; само собой разумѣется, что я всегда была готова сопровождать ее, какъ бы поздно ни легла наканунѣ, только бы не пропустить случая поглазѣть на толпу и себя показать. Несмотря на мое почти не учтвое равнодушіе къ московскимъ франтамъ, архивнымъ югошамъ и студентамъ, рой ихъ увивался около меня. Ни одного имени, ни одной фюзіоміи тогдашнихъ моихъ поклонниковъ не осталось въ моей памяти, одинъ только Николай А. зажился въ ней и то потому, что разъ за него мнѣ жутко пришлось отъ Прас-

¹⁾ Вышшаго командиромъ кавалергардскаго полка.

ковы Васильевны. Какъ-то разъ за ужиномъ у тети моей Китрово, онъ мнѣ декламировалъ памфлетъ на водяное общество и умолялъ меня не выдавать его. «Я буду нѣма, какъ рыба», отвѣчала я.

Возвратясь домой, Прасковья Васильевна ужасно разбранила меня за это сравненіе. «Нѣма какъ рыба», повторяла она, расхаживая по комнатѣ, съ понижшею головой и опущенными руками; «да какъ ты могла такъ выразиться? что онъ о тебѣ подумаетъ! откуда ты набралась такихъ сравненій? она сравниваетъ себя съ рыбкой! Какъ это мило, какъ благопристойно!»

Съ этого вечера, тетка запретила мнѣ пускаться въ длинные разсужденія съ А. и даже танцевать съ нимъ; какъ ни представляла я ей, что не онъ, а сама я сравнила себя съ рыбой, все было напрасно и запрещеніе не снято. Что же придумала я? я очень близорука, но Прасковья Васильевна въ сравненіи со мною просто слѣпа, и какъ ни, сильны стекла ея лорнета, онъ ей такъ же полезенъ, какъ пятое колесо каретѣ, и вотъ на ея глазахъ, нисколько не стѣсняясь, я по три, по четыре танца въ вечеръ танцевала съ А. и когда, бывало, она подзоветъ меня къ себѣ и сдѣлаетъ узаконенный вопросъ: «съ вѣмъ ты танцуешь, душенька?» я не запинаясь, аккуратно всадій разъ давала своему неизмѣнному кавалеру другую фамилію; то величала его Ивановымъ, то производила въ Александровы, Платоновы, Федоровы, однимъ словомъ весь календарь перешель въ его имя и она, вперя въ него свой тусклый взоръ и бесполезный лорнетъ, говорила съ добродушной улыбкой: «онъ кажется очень порядочнымъ, какая разница съ этой дрянью А.»! А я, возвратясь къ нему и помирая со смѣха, поздравляла его съ лестной перемѣной мнѣнія о немъ тетки и съ новой его фамиліей.

Да, нечего сказать, была я вѣтрена и неосторожна, но меня такъ несправедливо угнетали и притѣсняли дома, что вырываясь на божій свѣтъ я веселилась, какъ сумасшедшая и подсмѣивалась надъ своими Аргусами. Я воображала, что этимъ наша вѣрное средство изобличать ихъ фальшивое обращеніе со мною, не размышляя, повредить ли мнѣ самой или нѣтъ моя необдуманность. А вѣдь мнѣ все равно доставалось дома: была ли я весела — я воетничала; задумчива — я прикидывалась несчастной, загнанной; пусть же повеселюсь, говорила я себѣ, да въ тому же посмѣюсь надъ ними.

IV.

Первое знакомство съ М. Ю. Лермонтовымъ. — Наружность его. — Его характеръ. — Шутки и забавы надъ нимъ. — Первые стихотворенія Лермонтова, посвященныя мнѣ. — Путешествіе на богомолье въ Троицкую Сергіеву лавру. — Сдѣланной вышивки и стихи Лермонтова. — Разговоръ о будущности поэта. — Экспромты и эпиграммы Лермонтова. — Любовь и ревность. — Разлука. — 1830 г.

Въ Москвѣ я свела знакомство, а вскорѣ и дружбу съ Сашенькой Верещагиной¹⁾. Мы жили рядомъ на Молчановкѣ и почти съ первой встрѣчи сдѣлались неразлучны; на водахъ, на гуляньѣ, въ театрѣ, на вечерахъ, вездѣ и всегда вмѣстѣ. Александръ А. ухаживалъ за нею, а братъ его Николай за мною и мы пути называли другъ друга *belle soeur*.

Меня охотно къ ней отпускали, но не для моего удовольствія, а по расчету: ее хотѣли выдать замужъ за одного изъ моихъ дядей — вдовца, съ тремя почти взрослыми дѣтьми, и всякій разъ, отпуская меня къ ней, приказывали и просили расхваливать дядю и намерять ей о его любви.

Онъ для своихъ лѣтъ былъ еще хорошъ собою, любезенъ по своему, то есть шутникъ (чего я никогда не терпѣла ни въ комъ) и всячески старался плѣнить Сашеньку, слышную богатой невѣстой, но обѣ мы трунили надъ старикомъ, какъ говорится, водили его за носъ, обѣ мы давали ему несбыточныя надежды на успѣхъ, она изъ кокетства, а я изъ опасенія, чтобъ меня не разлучили съ ней, и мы сообща всѣ проволочки, всѣ сомнѣнія, всѣ замедленія, сваливали на безсловесную старушку, мать ея.

У Сашеньки встрѣчала я въ это время ея двоюроднаго брата, неуклюжаго, косолапаго мальчика лѣтъ шестнадцать, или семнадцать, съ красными, но умными, выразительными глазами, со вздернутымъ носомъ и язвительно-насмѣшливой улыбкой. Онъ учился въ университетскомъ пансіонѣ, но ученія его занятія не мѣшали ему быть почти каждый вечеръ нашимъ кавалеромъ на гуляньѣ и на вечерахъ; всѣ его называли просто Мишель и я также, какъ и всѣ, не заботясь ни мало о его фамиліи. Я прозвала его своимъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ и отдавала ему на сбереженіе мою шляпу, мой зонтикъ, мои перчатки, но перчатки онъ часто затеривалъ и я грозила отрѣшить его отъ ввѣренной ему должности.

Одинъ разъ мы сидѣли вдвоемъ съ Сашенькой въ ея кабинетѣ, какъ вдругъ она сказала мнѣ: «какъ Лермонтовъ влюбленъ въ тебя!»

¹⁾ Нынѣ замужемъ за барономъ Гюгелемъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ въ королевствѣ Виртембергскомъ.

— Лермонтовъ! да я не знаю его и, что всего лучше, въ первый разъ слышу его фамилію.

— Перестань притворяться, перестань скрывать, ты не знаешь Лермонтова? ты не догадалась, что онъ любить тебя?

— Право, Сашенька, ничего не знаю и въ глаза никогда не видала его, ни на яву, ни во снѣ.

— Мишель, закричала она, поди сюда, покажись, Catherine утверждаетъ, что она тебя еще не разсмотрѣла, иди-же скорѣе къ намъ.

— Васъ я знаю, Мишель, и знаю довольно, чтобъ долго помнить васъ, сказала я вспыхнувшему отъ досады Лермонтову, но мнѣ ни разу не случилось слышать вашу фамилію, вотъ моя единственная вина, я считала васъ по бабушкѣ Арсеньевымъ.

— А его вина, подхватила немилосердно Сашенька, это красть перчатки петербургскихъ модницъ, вздыхать по нимъ, а онъ даже и не позаботится освѣдомиться объ его имени.

Мишель разсердился и на нее и на меня и опрометью побѣжалъ домой (онъ жилъ почти противъ Сашеньки); какъ ни его ни звали, какъ ни кричали ему въ окно:

Revenez donc, tantôt
Vous aurez du bonbon,

но онъ не возвращался. Прошло нѣсколько дней, а о Мишель ни слуху, ни духу; я о немъ не спрашивала, мнѣ о немъ ничего не говорила Сашенька, да и я не любопытствовала раззнавать, дуется-ли онъ на меня или нѣтъ ¹⁾.

День ото дня Москва пустѣла, всѣ разъѣзжались по деревнямъ и мы, слѣдуя за общимъ полетомъ, тоже собирались въ подмосковную, куда я стремилась съ нетерпѣніемъ, — такъ прискучили мнѣ однообразныя веселости Бѣлокаменной. Сашенька уѣхала уже въ деревню, которая находилась въ полутора верстахъ отъ нашего Большакова, а тетя ея Столыпина жила отъ насъ въ трехъ верстахъ, въ прекрасномъ своемъ Средниковѣ; у нея гостила Елизавета Алексѣевна Арсеньева съ внукомъ своимъ Лермонтовымъ. Такое пріятное сосѣдство сулило мнѣ много удовольствія, и на этотъ разъ я не ошиблась. Въ деревнѣ я наслаждалась полной свободой, Сашенька и я по нѣсколько разъ въ день ѣздили и ходили другъ къ другу, каждый день выдумывали

¹⁾ Напомнимъ здѣсь нѣкоторыя біографическія данныя о М. Ю. Лермонтовѣ. Онъ родился въ Москвѣ 8 октября 1814 г.; потерялъ мать въ 1817 г. и на третьемъ году жизни, оставшись сиротой, взятъ на воспитаніе бабушкой своей Е. А. Арсеньевой (рожд. Столыпина). Съ 1826 по 1832 г. Лермонтовъ учился въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ и въ московскомъ университетѣ.

вали разные parties de plaisir: катанья, кавалькады, богомолья, то-то было мнѣ раздолье!

Въ это памятное для меня лѣто, я ознакомилась съ чудными окрестностями Москвы, побывала въ Сергіевской Лаврѣ, въ Новомъ Іерусалимѣ, въ Звенигородскомъ монастырѣ. Я всегда была набожна, и любимымъ моимъ воспоминаніемъ въ прошедшемъ остались эти религіозныя поѣздки, но впоследствии пришло къ нимъ и освѣтило ихъ и увѣковѣчило ихъ въ памяти сердца другое милое воспоминаніе, но объ этомъ послѣ...

По воскресеньямъ мы ѣзжали къ обѣднѣ въ Средниково и оставались на цѣлый день у Столыпиной. Въ чужѣ отраднo было видѣть, какъ старушка Арсеньева боготворила внука своего Лермонтова; бѣдная, она пережила всѣхъ своихъ и одинъ Мишель остался ей утѣшеніемъ и подпорою на старость; она жила имъ однимъ и для исполненія его прихотей; не нахвалится бывало имъ, не налюбуется на него; бабушка (мы всѣ ее такъ звали) любила очень меня, я предсказывала ей великаго человѣка въ косолапомъ и умномъ мальчикѣ.

Сашенька и я точно мы обращались съ Лермонтовымъ, какъ съ мальчикомъ, хотя и отдавали полную справедливость его уму. Такое обращеніе бѣсило его до крайности, онъ домогался попасть въ юноши въ нашихъ глазахъ, декламировалъ намъ Пушкина, Ламартина и былъ неразлученъ съ огромнымъ Байрономъ. Бродить бывало по тѣнистымъ аллеямъ и притворяется углубленнымъ въ размышленія. Хотя ни малѣйшее наше движеніе не ускользало отъ его зоркаго взгляда, какъ любилъ онъ подъ вечерокъ пускаться съ нами въ самыя сентиментальныя сужденія! а мы, чтобъ подразнить его, въ отвѣтъ подадимъ ему волакъ или веревочку, увѣряя, что по его лѣтамъ ему свойственнѣе прыгать и скакать, чѣмъ привидываться не понятнымъ и не оцѣненнымъ снимкомъ съ первѣйшихъ поэтовъ. Еще очень подсмѣивались мы надъ нимъ въ томъ, что онъ не только былъ не разборчивъ въ пищѣ, но никогда не зналъ, что ѣлъ, телятину или свинину, дичь или барашка; мы говорили, что пожалуй онъ современемъ, какъ Сатурнъ, будетъ глотать булыжникъ. Наши насмѣшки выводили его изъ терпѣнія, онъ споривалъ съ нами почти до слезъ, стараясь убѣдить насъ въ утонченности своего гастрономическаго вкуса; мы побились объ закладъ, что уличимъ его въ противномъ на дѣлѣ. И въ тотъ же самый день, послѣ долгой прогулки верхомъ, велѣли мы напечь къ чаю булочекъ съ опилками! и что же? Мы вернулись домой утомленные, разгоряченные, голодные, съ жадностью принялись за чай, а нашъ-то гастрономъ Мишель не поморщась проглотилъ одну булочку,

принялся за другую и уже придвинулъ къ себѣ и третью, но Сашенька и я, мы остановили его за руку, показывая въ то же время на неудобосваримую для желудка начинку. Тутъ не на шутку взбѣсился онъ, убѣждалъ отъ насъ и не только не говорилъ съ нами ни слова, но даже и не показывался нѣскольکو дней, притворившись больнымъ.

Между тѣмъ, его ваникулы приходили къ концу и Елизавета Алексѣевна собиралась уѣхать въ Москву, не рѣшаясь разстаться съ своимъ Веняминомъ. Вся молодежь и я въ томъ же числѣ, отпросились провожать бабушку съ тѣмъ, чтобъ изъ Москвы отправиться пѣшкомъ въ Сергіевскую Лавру.

Набанунъ отъѣзда я сидѣла съ Сашенькой въ саду; къ намъ подошелъ Мишель. Хотя онъ все еще продолжалъ дуться на насъ, но предстоящая разлука смягчила гнѣвъ его; обмѣнявшись нѣсколькими словами, онъ вдругъ опрометью убѣждалъ отъ насъ. Сашенька пустилась за нимъ, я тоже встала и тутъ увидѣла у ногъ своихъ не очень щегольскую бумажку, подняла ее, развернула, движимая наслѣдственнымъ любопытствомъ прародительницы. Это были первые стихи Лермонтова, поднесенные мнѣ такимъ оригинальнымъ образомъ.

ЧЕРНОКОЮ.

Твои вѣнчиками очи
Яснѣ дня, чернѣ ночи.

Вблизи тебя до этихъ поръ
Я не слышалъ въ груди огня;
Встрѣчалъ-ли твой волшебный взоръ —
Не билось сердце у меня.

И пламень звѣздочныхъ очей,
Который вѣчно можетъ быть
Остается въ груди моей,
Не могъ меня воспламенить
Къ чему-жъ разлукъ первый звукъ
Меня заставилъ трепетать?
Онъ не предвѣстникъ долгихъ мукъ,
Я не люблю! Зачѣмъ страдать?
Однакоже хотъ день, хотъ часъ
Желалъ бы дольше ¹⁾ здѣсь пробить
Чтобъ блескомъ вашихъ чудныхъ глазъ
Тревогу мыслей усмирить ²⁾.

Средниково
12 августа 1830 года.

¹⁾ Въ изд. 1860 г. напечатано: «больше».

²⁾ Въ изд. 1860 г. соч. Лермонтова стихотвореніе это напечатано въ т. II, стр. 95.

Я показала стихи возвратившейся Сашенькѣ и умоляла ее не трунить надъ отрокомъ-поэтомъ.

На другой день мы всѣ вмѣстѣ поѣхали въ Москву. Лермонтовъ ни разу не взглянулъ на меня, не говорилъ со мною, какъ будто меня не было между ними, но не успѣла я войти въ Сашенькину комнату, какъ мнѣ подали другое стихотвореніе отъ него. Насмѣшкамъ Сашеньки не было конца, за то, что мнѣ дано свыше вдохновлять и образовывать поэтовъ.

БЛАГОДАРИЮ!

Благодарю!.. вчера мое признанье
И стихъ мой ты безъ смѣха приняла;
Хоть ты страстей моихъ не повяла,
Но за твое притворное вниманье
Благодарю!

* * *

Въ другомъ краю ты гдѣ-то плѣняла,
Твой чудный взоръ и острота рѣчей
Останутся на вѣкъ въ душѣ моей,
Но не хочу, чтобы ты мнѣ сказала:
Благодарю!

* * *

Я бѣ не желалъ умножить въ цвѣтѣ жизни
Печальную толпу твоихъ рабовъ
И отъ тебя услышать, вмѣсто словъ
Явительной, жестокой укоризны:
Благодарю!

* * *

О, пусть холодность мнѣ твой взоръ укажетъ,
Пусть онъ убьетъ надежды и мечты
И все, что въ сердцѣ возродила ты;
Душа моя тебѣ тогда лишь скажетъ:
Благодарю !)

Среднѣево
12 августа.

На слѣдующій день, до восхожденія солнца, мы встали и бодро отправились пѣшкомъ на богомолье; путевыхъ приключеній не было, всѣ мы были веселы, много болтали, еще болѣе смѣялись, а чему? Богъ знаетъ! Бабушка ѣхала впереди шагомъ, верстѣ за пять до ночлега или до обѣденной станціи отправляли передового готовить заранѣе обѣдъ, чай или по-

*) Стихотвореніе это подъ заглавіемъ: «Благодарность» напечатано въ изданіи: Сочиненія Лермонтова, 1860 г. т. II, стр. 85—86.

стени, смотря по времени. Чудная эта прогулка останется навсегда золотымъ для меня воспоминаніемъ.

На четвертый день мы пришли въ Лавру, изнуренные и голодные. Въ трактирѣ мы перемѣнили запыленные платья, умылись и поспѣшили въ монастырь отслужить молебенъ. На шперти встрѣтили мы слѣпого нищаго. Онъ дряхлою, дрожащею рукою поднесъ намъ свою деревянную чашечку, всѣ мы надавали ему мелкихъ денегъ; услыша звукъ монетъ, бѣднякъ крестился, сталъ насъ благодарить, приговаривая: «пошли вамъ Богъ счастья, добрые господа; а вотъ намедни приходили сюда тоже господа, тоже молодые, да шалуны, насмѣялись надо мною: наложили полную чашечку камушковъ. Богъ съ ними!»

Помолясь святымъ угодникамъ, мы поспѣшно возвратились домой, чтобъ пообѣдать и отдохнуть. Всѣ мы суетились около стола, въ нетерпѣливомъ ожиданіи обѣда, одинъ Лермонтовъ не принималъ участія въ нашихъ хлопотахъ; онъ стоялъ на кофѣняхъ передъ стуломъ, карандашъ его быстро бѣгалъ по ключу сѣрой бумаги и онъ какъ будто не замѣчалъ насъ, не слышалъ, какъ мы шумѣли, усаживаясь за обѣдъ и принимаясь за ботвинью. Окончивъ писать, онъ вскочилъ, тряхнулъ головой, сѣлъ на оставшійся стулъ противъ меня и передалъ мнѣ ново-вышедшіе изъ-подъ его карандаша стихи:

У вратъ обители святой,
Стоялъ просящій подавня,
Безсильный, блѣдный и худой,
Отъ глѣда, жажды и страданья.

* * *

Куска лишь хлѣба онъ просилъ
И взоръ являлъ живую муку,
И кто-то камень положилъ
Въ его протянутую руку!

* * *

Такъ я молилъ твоей любви
Съ слезами горькими, съ тоскою,
Такъ чувства лучшія мои
На вѣкъ обмануты тобою!¹⁾

«Благодарю васъ, monsieur Michel, за ваше посвященіе и поздравляю васъ, съ какою скоростью изъ самыхъ ничтожныхъ

¹⁾ Стихотвореніе это, безъ заглавія, напечатано въ изд. сочиненій Лермонтова. Спб. 1860 г. т. II, стр. 86—87.

словъ вы извлекаете мнѣ экспромты, но не разсердитесь за совѣтъ: обдумывайте и обрабатывайте ваши стихи и со временемъ тѣ, которыхъ вы воспоете, будутъ гордиться вами».

— И сами собой, подхватила Сашенька, особливо первыя, которыя внушили тебѣ такія поэтическія сравненія. Bravo, Мишель!

Лермонтовъ какъ будто не слышалъ ее и обратился ко мнѣ:

— А вы, будете ли гордиться тѣмъ, что вамъ первой я посвятилъ свои вдохновенія?

— Можетъ быть болѣе другихъ, но только со временемъ, когда изъ васъ выйдетъ настоящій поэтъ, и тогда я съ наслажденіемъ буду вспоминать, что ваши первыя вдохновенія были посвящены мнѣ, а теперь, monsieur Michel, пишите, но пока для себя одного; я знаю, какъ вы самолюбивы и потому даю вамъ этотъ совѣтъ, за него вы со временемъ будете меня благодарить.

— А теперь еще вы не гордитесь моими стихами?

— Конечно нѣтъ, сказала я смѣясь, а то я была бы похожа на тѣхъ матерей, которые въ первомъ лепетѣ своихъ птенцовъ находятъ и умъ, и смѣтливость, и характеръ, а согласитесь, что и вы и стихи ваши еще въ совершенномъ младенчествѣ.

— Какое странное удовольствіе вы находите такъ часто напоминать мнѣ, что я для васъ болѣе ничего, какъ ребенокъ.

— Да вѣдь это правда; мнѣ восемнадцать лѣтъ, я уже двѣ зимы выѣзжаю въ свѣтъ, а вы еще стоите на порогѣ этого свѣта и не такъ-то скоро его перешагнете.

— Но когда перешагну, подадите ли вы мнѣ руку помощи?

— Помощь моя будетъ вамъ лишняя и мнѣ сдается, что вашъ умъ и талантъ проложатъ вамъ широкую дорогу и тогда вы, можетъ быть, отречетесь не только отъ теперешнихъ словъ вашихъ, но даже и отъ мысли, чтобъ я могла протянуть вамъ руку помощи.

— Отрекусь! какъ можетъ это быть! Вѣдь я знаю, я чувствую, я горжусь тѣмъ, что вы внушили мнѣ любовью вашей къ поэзіи, желаніе писать стихи, желаніе ихъ вамъ посвящать и этимъ обратитъ на себя ваше вниманіе; позвольте мнѣ довѣрять вамъ все, что выльется изъ-подъ пера моего?

— Пожалуй, но и вы разрѣшите мнѣ говорить вамъ непріятное для васъ слово: благодарю?

— Вотъ вы и опять надо мной смѣетесь; по вашему тону я вижу, что стихи мои глупы, нелѣпы, — ихъ надо передѣлать, особливо въ послѣднемъ куплетѣ, я долженъ бы былъ молить васъ совсѣмъ о другомъ, передѣлайте же его сами не на словахъ, а на дѣлѣ, и тогда я пойму всю прелесть благодарности.

Онъ такъ на меня посмотрѣлъ, что я вспыхнула и не находя, что отвѣчать ему, обратилась къ бабушкѣ съ вопросомъ: какую карьеру избереть она для Михаила Юрьевича?

— А какую онъ хочетъ, матушка, лишь бы не былъ военнымъ.

Послѣ этого разговора я перемѣнила тонъ съ Лермонтовымъ, часто называла его Михайломъ Юрьевичемъ, чему онъ очень радовался, слушала его рассказы, просила его читать мнѣ вслухъ и лишь тогда только подсмѣивалась надъ нимъ, когда онъ бывало, увлекшись разговоромъ, съ жаромъ говорилъ, какъ сладостно любить въ первый разъ и что ничто въ мѣрѣ не можетъ изгнать изъ сердца образъ первой страсти, первыхъ вдохновеній. Тогда я очень серьезно спрашивала у Лермонтова, есть ли этому предмету лѣтъ десять и умѣетъ ли предметъ его вздоховъ читать хотя по складамъ его стихи?

Послѣ возвращенія нашего въ деревню изъ Москвы, прогулки, катанья, посѣщенія въ Средниково снова возобновились, все пошло по старому, но нельзя было не сознаться, что Мишель оживлялъ всѣ эти удовольствія и что безъ него не жилось такъ весело, какъ при немъ.

Онъ писалъ Сашенькѣ длинныя письма, обращался часто ко мнѣ съ вопросами и сужденіями и забавлялъ насъ анекдотами о двухъ братьяхъ Фее и для отличія называлъ одного Fé-nez-long, а другого Fé-nez-court; бѣдный Фенелонъ былъ чѣмъ-то въ университетскомъ пансіонѣ и служилъ цѣлью эпиграммъ, сарказмовъ и каррикатуръ Мишеля.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ, онъ переслалъ мнѣ слѣдующіе стихи, достойные даже и теперя его имени:

По небу полуночи ангелъ летѣлъ (и проч.)

О, какъ я обрадовалась этимъ стихамъ, какая разница съ тремя первыми его произведеніями, въ этомъ ужъ просвѣчивалъ гений.

Сашенька и я, мы первыя преклонились предъ его талантомъ и пророчили ему, что онъ станетъ выше всѣхъ его современниковъ; съ этихъ поръ я стала много думать о немъ и объ его грядущей славѣ.

Въ Москвѣ тогда въ первый разъ появилась холера, всѣ перепугались, принимая ее за что-то въ родѣ чумы. Страхъ заразительнъ, вотъ и мы и сосѣди наши побоались оставаться долѣе въ деревнѣ и всѣмъ караваномъ перебрались въ городъ, слѣдуя вѣроятно пословицѣ: на людяхъ смерть красна.

Бабушку Арсеньеву напли въ горѣ; — ей только что объявили о смерти брата ея Столыпина, который служилъ въ персидскомъ посольствѣ и былъ убитъ вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ.

Прасковья Васильевна была сострадательна и охотно навѣщала больныхъ и тѣхъ, которые горевали и плакали. Я всегда была готова ее сопровождать къ бѣдной Елизаветѣ Алексѣевнѣ, поговорить съ Лермонтовымъ и повидаться съ Сашенькой и Дашенькой С., только что вышедшей замужъ. Я давно знала Дашеньку; она была двумя годами старше меня; я любила ее за ея доброту и наивность. Много ей бывало доставалось отъ насъ; она уже разъ была помолвлена за какого-то сосѣда по деревнѣ и была съ нимъ въ перепискѣ, а когда Катенька К., Додо¹⁾ и я просили ее показать намъ ея письма къ жениху и научить насъ, какъ пишутся тавія письма, она очень откровенно призналась, что мать ея ихъ сочиняетъ, а она только старается ихъ безъ ошибокъ переписывать.

Свадьба эта разстроилась и теперь Дашенька была замужемъ за человѣкомъ почти втрое старше ея и очень гордилась многочисленными взрослыми племянниками и племянницами, дарованными ей этимъ неравнымъ бракомъ. Она требовала отъ нихъ предупредительности, почтенія, лобызанія ручекъ, а они, и я съ ними, безъ милосердія надъ нею подсмѣивались. Одинъ разъ, при ней, Лермонтовъ читалъ вслухъ «Кавказскаго Пѣнника»; Дашенька слушала его съ напряженнымъ вниманіемъ, когда-же онъ произнесъ:

Къ ея постели одинокой
Черкесь молодой и черноокой
Не крася въ тишинѣ ночной.

Она вскричала со слезами на глазахъ: «чудесно, превосходно! ахъ, зачѣмъ я не могу болѣе этого сказать!» Мы всѣ раскотались и какъ ни были мы невинны, мы понимали чутьемъ, что Даша клеветала на себя, бѣдная. Всякій вечеръ послѣ чтенія натѣвались игры, но не шумныя, чтобъ не обезпokoить бабушку. Гуть - то отличался Лермонтовъ. Одинъ разъ онъ предложилъ намъ сказать всякому изъ присутствующихъ въ стихахъ или въ прозѣ, что нибудь такое, что бы приходилось кстати. У Лермонтова былъ всегда злой умъ и рѣзкій языкъ и мы, хотя съ трепетомъ, но согласились выслушать его приговоры. Онъ началъ съ Сашеньки:

¹⁾ Этой Додо Лермонтовымъ написано въ 1830 г. стихотвореніе, напечатанное въ зл. 1860 г. т. II, стр. 76.—«Додо» было уменьшительное имя графини Евдокіи Петровны Ростовичной, рожд. Сушковой.

«Что можете наскоро стихами молвить ей?
 Мнѣ истина всего дороже,
 Подумать не успѣвъ, скажу: ты всѣхъ милѣй;
 Подумаешь, а скажу все тоже».

Мы всѣ ободрили à ргоров и были одного мнѣнія съ Мишелемъ.

Потомъ дошла очередь до меня. У меня чудные волосы и я до сихъ поръ люблю ихъ выказывать; тогда я ихъ носила просто заплетенные въ одну огромную косу, которая два раза обвивала голову.

«Вокругъ лилейнаго чела
 Ты косу дважды обвила;
 Твои плѣнительныя очи
 Ясишь дня, чернишь ночи».

Мишель, почтительно поклонясь Дашенькѣ, сказалъ:

«Ужь ты чего не говори,
 Моя почтенная Marie,
 Въ твоей постели одинокой
 Черкесь молодой и черноокой
 Не крася въ тишинѣ ночной».

Къ обыкновенному нашему обществу присоединился въ этотъ вечеръ необыкновенный родственникъ Лермонтова. Его звали Иваномъ Яковлевичемъ; онъ былъ и глупъ и рыжъ и на свою же голову обидѣлся тѣмъ, что Лермонтовъ ничего ему не сказалъ. Не ходя въ карманъ за острымъ словомъ, Мишель скороговоркой проговорилъ ему: «Vous êtes Jean, vous êtes Jacques, vous êtes roux, vous êtes sot et cependant vous n'êtes point Jean Jacques Rousseau».

Еще была тутъ одна барышня, сосѣдка Лермонтова по Чебарской деревнѣ, и упрашивала его не терять словъ для нея и для воспоминанія написать ей хоть строчку правды для ея альбома. Онъ ненавидѣлъ попрошайекъ и чтобъ отдѣлаться отъ ея настойчивости сказалъ: «ну хорошо, дайте листокъ бумаги, я вамъ выскажу правду». Сосѣдка поспѣшно принесла бумагу и перо, онъ началъ:

«Три граціи.....»

Барышня смотрѣла черезъ плечо на рождающіяся слова и воскликнула: «Михаилъ Юрьевичъ, безъ комплиментовъ, я правды хочу».

— Не тревожьтесь, будетъ правда, отвѣчалъ онъ и продолжалъ:

«Три граціи считались въ древнемъ мірѣ,
Родились вы... все три, а не четыре!»

За такую сцену можно бы было платить деньги; злое торжество Мишеля, душившій насъ смѣхъ, слезы воспѣтой и утѣшенія Jean Jacques, все представляло комическую картину.....

Я до сихъ поръ не дозналась, Лермонтова ли эта эпиграмма или нѣтъ.

Я упрекнула его, что для такого случая онъ не потрудился выдумать ничего для меня, а заимствовался у Пушкина.

— И вы напрашиваетесь на правду? спросилъ онъ.

— И я, потому что люблю правду.

— Подождите до завтрашняго дня. Рано утромъ мнѣ подали обыкновенную сѣренькую бумажку, сложенную запиской, запечатанную и съ надписью: «Ей, правда».

ВЕСНА.

Когда весной разбитый ледъ
Рѣкой взволнованной идетъ,
Когда среди полей мѣстами
Чернѣетъ голая земля
И мгла ложится облаками
На полу-юныя поля,
Мечтанье злое грусть ледѣтъ
Въ душѣ неопытной моей,
Гляжу: природа молодѣтъ,
Не молодѣтъ¹⁾ лишь только ей.
Ланить спокойныхъ пламень алый
Съ годами время унесетъ,
И тотъ, кто такъ страдалъ бывало,
Любви къ ней въ сердцѣ не найдетъ!²⁾

Внизу очень мелко было написано карандашемъ, какъ будто противуядіе этой ѣдкой, по его мнѣнію, правдѣ:

Зови надежду—сновидѣньемъ,
Неправду—истиной зови.
Не вѣрь хваламъ и увѣреньямъ,
Лишь вѣрь одной моей любви!
Такой любви нельзя не вѣрить,
Мой взоръ не скроетъ ничего,
Съ тобою грѣхъ мнѣ лицемѣрять,
Ты слишкомъ ангелъ для того!³⁾

¹⁾ Въ изд. 1860 г. т. II, стр. 170 напечатано: «но молодѣтъ».

²⁾ Въ изд. 1860 г. т. II, стр. 170—171 стихотвореніе это напечатано подъ тремя звѣздочками, въ отдѣлѣ 1830—1831 гг.

³⁾ Въ изданіи 1860 г. т. II, стр. 87.

Онъ непремѣнно добивался моего сознанія, что правда его была мнѣ непріятна.

— Отчего же, сказала я, это неоспоримая правда, въ ней нѣтъ ничего ни непріятнаго, ни обиднаго, ни непредвидѣннаго; и вы, и я, всѣ мы состарѣмся, сморщимся, это неминуемо, если еще доживемъ; да право, я и не буду жалѣть о прекрасныхъ ланитахъ, но вѣроятно пожалѣю о вальсѣ, мазуркѣ, да еще какъ пожалѣю!

— А о стихахъ?

— У меня старыя останутся, какъ воспоминаніе о лучшихъ дняхъ. Но мазурка—какъ жаль, что ее не танцуютъ старушки!

— Кстати о мазуркѣ, будете ли вы ее танцовать завтра со мною у тетюшки Хитровой?

— Съ вами! Боже меня сохрани, я слишкомъ стара для васъ, да въ тому же, на всѣ длинные танцы у меня есть петербургскій кавалеръ.

— Онъ долженъ быть уменъ и милъ?

— Ну, точно смертный грѣхъ.

— Разговорчивъ?

— Да, имѣеть большой навывѣ извиняться, въ каждомъ турѣ оборветъ мнѣ платье шпорами или наступитъ на ноги.

— Не умѣетъ ни говорить, ни танцовать; стало быть, онъ тронулъ васъ своими вздохами, страстными взглядами?

— Онъ такъ косъ, что не знаешь, куда онъ глядитъ и пыхтитъ на всю залу.

— За что же ваше предпочтеніе? Онъ богатъ?

— Я объ этомъ не справлялась, я его давно знаю, но въ Петербургѣ я съ нимъ ни разу не танцевала, здѣсь другое дѣло, онъ конногвардеецъ, а не студентъ и не архивецъ.

И въ самомъ дѣлѣ я имѣла неимовѣрную глупость прозѣвать съ этимъ конногвардейцемъ десять мазурокъ сряду, для того только, чтобъ мнѣ позавидовали московскія барышни. Извѣстно, какъ онѣ дорожатъ нашими гвардейцами; но на балѣ, данномъ въ собраніи по случаю приѣзда в. к. Михаила Павловича, онъ чуть меня не уронилъ и я такъ на него разсердилась, что отказала на отрѣзъ мазурку и замѣнила его возвратившимся изъ деревни А., котораго для этого торжественнаго случая представили официально Прасковѣ Михайловнѣ подъ фирмою петербургскаго жителя и камеръ-юнкера.

Его высочество меня узналъ, танцевалъ со мною, въ мазуркѣ тоже выбиралъ два раза и смѣясь спросилъ, не забыла ли я Пестеля ¹⁾?

¹⁾ Молодой человекъ, ухаживавшій за Е. А. въ петербургскомъ свѣтѣ.

Когда Лермонтову Сашенька сообщила о моихъ триумфахъ въ собраніи, о шуткахъ великаго князя на счетъ Пестеля, я принуждена была разсказать имъ для поясненія о прежнемъ моемъ знакомствѣ съ Пестелемъ и его ухаживаніяхъ. Мишель то блѣднѣлъ, то багровѣлъ отъ ревности и вотъ какъ онъ выразился:

Взгляни, какъ мой спокоенъ взоръ,
Хотя звѣзда судьбы моей
Померкнула съ давнишнихъ поръ,
А съ ней и думы лучшихъ дней.
Слеза, которая не разъ
Рвалась блеснуть передъ тобой,
Ужъ не придетъ, — какъ прошлый часъ
На смѣхъ подосланный судьбой.
Надъ мною посмѣялась ты
И я презрѣнемъ отвѣчалъ;
Съ тѣхъ поръ сердечной пустоты
Я ужъ ничѣмъ не замѣнял!
Ничто не облизитъ больше насъ,
Ничто мнѣ не отдастъ покоя,
И сердце шепчетъ мнѣ подъ часъ:
«Я не могу любить другой!»
Но если первыя мечты
Служить не могутъ больше намъ,
То чѣмъ же ихъ замѣнишь ты?
Чѣмъ ты украсишь жизнь мою,
Когда ужъ обратила въ прахъ
Мои надежды въ семь краю —
А можетъ быть и въ небесахъ!¹⁾

Я не видала Лермонтова съ недѣлю, онъ накопилъ множество причинъ дуться на меня, онъ дулся за Пестеля, дулся кажется даже и за великаго князя, дулся за отказъ мазурки, а болѣе всего за то, что я безъ малѣйшей совѣсти хвасталась своими волосами. За ужиномъ у тетки Хитровой, я побилась объ закладъ съ добрымъ старичкомъ, княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ, о пудѣ конфетъ, за то, что у меня нѣтъ ни одного фальшиваго волоска на головѣ, и вотъ послѣ ужина всѣ барышни, въ надеждѣ уличить меня, принялись трепать мои волосы, дергать, мучить, колоть, а со спартанской твердостью вынесла всю эту пытку и предстала обществу покрытая съ головы до ногъ моею чудной косою. Всѣ ахали, всѣ удивлялись, одинъ Мишель пробормоталъ сквозь зубы: «какое кокетство!»

— Скажите лучше: какая жадность! Вѣдь дѣло идетъ о пудѣ конфетъ; утѣштесь, я подѣлюсь съ вами.

¹⁾ Въ изд. соч. Лермонтова, 1860 г. т. II, стр. 87—88.

Насущные стихи, на другой день, грозно предвѣщали мнѣ будущее.

Когда къ тебѣ молвы разсказъ
Мое названье принесеть
И моего рожденья часъ
Передъ пол-міромъ проклянетъ,
Когда мнѣ пищей станеть кровь
И буду жить среди людей,
Ничью не радуя любовь
И злобы не боясь ни чьей:
Тогда раскаянья книжалъ
Провзять тебя; и вспомнишь ты,
Что при прощаньи я сказалъ.
Увы! то были не мечты!
И если только наконецъ
Моя лишь грудь поражена
То вѣрно прежде зналъ Творецъ,
Что ты страдать не рождена ¹⁾.

Вечеромъ я получила записку отъ Сашеньки: она приглашала меня къ себѣ и умоляла меня простить раскаявающагося грѣшника и, въ доказательство истиннаго раскаянія, прислала новые стихи:

У ногъ другихъ не забывалъ
Я взоръ твоихъ очей;
Любя другихъ, я лишь страдалъ
Любовью прежнихъ дней.
Такъ грусть — мой мрачный властелинъ
Все будить старину,
И я твержу вездѣ одинъ:
«Люблю тебя, люблю!»
И не узнаетъ шумный свѣтъ,
Кто вѣжно таеъ любимъ,
Какъ я страдалъ и сколько лѣтъ
Минувшимъ я гонимъ.
И гдѣ бъ ни вздумалъ я исхать
Подъ небомъ тишину,
Все сердце будетъ мнѣ шептать:
«Люблю ее одну» ²⁾.

Я отвѣчала Сашенькѣ, что записка ея для меня загадочна, что передо мной никто не виноватъ, ни въ чемъ не провинился и слѣдовательно мнѣ некого прощать.

На другой день я сидѣла у окошка, какъ вдругъ къ ногамъ моимъ упалъ букетъ изъ желтаго шиповника, а въ серединѣ

¹⁾ Въ изд. 1860 г. соч. Лермонтова, т. II, стр. 88—89.

²⁾ Въ изд. 1860 г., мы не нашли этого стихотворенія.

торчала знакомая сѣрая бумажка, даже и шиповникъ-то былъ тихонько нарванъ у насъ въ саду.

Передо мной лежить листокъ
 Совѣтъ ничтожный для другихъ,
 Но въ немъ сковалъ случайно рокъ
 Толпу надеждъ и думъ моихъ.
 Исписанъ онъ твоей рукой,
 И я вчера его укралъ.
 И для добычи дорогой
 Готовъ страдать—какъ ужъ страдалъ! ¹⁾

Изъ всѣхъ поступковъ Лермонтова видно, какъ голова его была набита романическими идеями и какъ рано было развито въ немъ желаніе попасть въ герои и губители сердецъ. Да и я, нечего лукавить, стала его бояться, стала скрывать отъ Сашеньки его стихи и блаженствовала, когда мнѣ удавалось ее обмануть.

Въ то время былъ публичный экзаменъ въ университетскомъ пансіонѣ. Мишель за сочиненія и успѣхи въ исторіи получилъ первый призъ, весело было смотрѣть, какъ онъ былъ счастливъ, какъ торжествовалъ. Зная его чрезмѣрное самолюбіе, я ликовала за него. Съ молодую его грызла мысль, что онъ дурень, нескладенъ, не знатнаго происхожденія, и въ минуты увлеченія онъ признавался мнѣ не разъ, какъ бы хотѣлось ему попасть въ люди, а главное, никому въ этомъ не быть обязану кромѣ самого себя. Мечты его уже начали сбываться, долго, очень долго будетъ его имя жить въ русской литературѣ—и до гроба въ сердцахъ многихъ изъ его поклонницъ ²⁾.

Въ концѣ сентября, холера еще болѣе свирѣпствовала въ Москвѣ; тутъ окончательно ее приняли за чуму или общее отравленіе; страхъ овладѣлъ всѣми, балы, увеселенія прекратились, половина города была въ траурѣ, лица вытянулись, всѣ были въ ожиданіи горя или смерти, Лермонтовъ отъ этой тревоги вовсе не похорошѣлъ.

Отецъ мой прискакалъ за мною, чтобъ увезти меня изъ зачумленнаго города въ Петербургъ. Болѣе всего мнѣ было грустно, расставаться съ Сашенькой, а главное, я привыкла къ золотой волюшкѣ, привыкла располагать своимъ временемъ—и вотъ

¹⁾ Въ изд. 1860 г. соч. Лермонтова т. II, стр. 89.

²⁾ Эти строки писаны въ 1837 году, т. е. еще тогда, когда Лермонтовъ былъ живъ, а имя его уже славилось во всей грамотной Россіи.

опять должна возвратиться подъ тяжелое ярмо Марьи Васильевны. Съ неимоверною тоскою простилась я съ бабушкой Прасковьей Петровной (это было мое послѣднее прощаніе съ ней), съ Сашенькой, съ Мишелемъ, грустно, тяжело было мнѣ! Не успѣла я зайти къ Елизаветѣ Алексѣевнѣ Арсеневой, что было поводомъ къ слѣдующимъ стихамъ:

Свершилось! полно ожидать
Послѣдней встрѣчи и прощанья!
Разлуки часъ и часъ страданья
Придутъ — зачѣмъ ихъ отклонять!
Ахъ, я не знала, когда глядѣлъ
На чудные глаза прекрасной,
Что часъ прощанья, часъ ужасный
Ко мнѣ внезапно подлетѣлъ.
Свершилось! голосомъ безцѣннымъ
Мнѣ больше сердца не питать,
Запрусь въ углу уединенномъ
И буду плакать... вспоминать! ¹⁾

1-го октября
1830 г.

Когда я уже успѣлась въ карету и дверцы захлопнулись, Сашенька бросила мнѣ въ окно вмѣстѣ съ цвѣтами и конфетами, исписанный клочекъ бумаги, — не помню я стиховъ вполне:

Итакъ, прощай! впервые этотъ звукъ
Тревожить такъ жестоко грудь мою
Прощай! шесть буквъ приносятъ столько мукъ,
Уносить все, что я теперь люблю!
Я встрѣчу взоръ съ ея прекрасныхъ глазъ,
И можетъ быть... какъ звать... въ послѣдній разъ!

¹⁾ Въ изд. 1860 г. соч. Лермонтова, т. II, стр. 89.

ДУХОВНЫЕ ХРИСТИАНЕ.

Люди божьи, русская секта такъ-называемыхъ духовныхъ христіанъ. Исслѣдованіе з.-профессора церковной исторіи въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ, И. Добротворскаго. Казань, 1869.

Исслѣдованіе г. Добротворскаго о «людяхъ божіихъ» есть довольно важный вкладъ въ нашу литературу о народныхъ ересяхъ. «Люди божіи», иначе «хлысты», составляютъ обширный отдѣлъ той народной ереси, которая стремится вообще къ «духовному христіанству», не удовлетворяясь существующими формами церковнаго христіанства. Въ этихъ ученіяхъ авторъ находитъ вообще два главные разряда. Къ одному принадлежатъ «люди божіи» и, близкіе къ нимъ по главнымъ основаніямъ ученія, скопцы; во второму — духоборцы и молокане. И тѣ и другіе не признаютъ церковныхъ ученій и обрядности; но первые вмѣсто того имѣютъ много своихъ религиозныхъ обрядовъ, и «признаютъ единство или тождество Христа съ нѣкоторыми избранниками божіими и откровеніе Христа въ такихъ избранникахъ», — люди божіи прямо и называютъ подобныхъ руководителей своихъ христами, при которыхъ бывають также богородицы и также апостолы; вторые, т. е. духоборцы и молокане, по словамъ г. Добротворскаго, «признавая внутреннее постоянное дѣйствованіе Христа и св. Духа въ душѣ вѣрующаго, утверждаютъ только равенство или возвышеніе нѣкоторыхъ избранниковъ до степени равенства со Христомъ». Всѣ другія секты духовнаго христіанства, какія извѣстны подъ различными названіями, по мнѣнію автора, составляютъ только видоизмѣненія этихъ четырехъ.

Сущность ученія «людей божіихъ», по опредѣленію автора, состоитъ въ убѣжденіи, что человѣкъ посредствомъ разныхъ спо-

собовъ богоугожденія, называемыхъ ими «тайнственною смертью», доходить до состоянія «тайнственного воскресенія», когда въ него вселяется и дѣйствуетъ въ немъ самъ Богъ. При этомъ люди божіи не различаютъ лицъ св. Троицы. Въ первыя времена ереси такіе избранники большей частью называли себя христианами, не различая себя отъ лица І. Христа; съ конца прошлаго столѣтія они чаще представляютъ себя пророками, которые говорятъ и дѣйствуютъ силой св. Духа, но которые впрочемъ могутъ сдѣлаться и настоящими христианами. Люди божіи не касаются только лица Бога Отца, который живетъ въ свѣтѣ неприступномъ; но и онъ, по ихъ мнѣнію, однажды сходилъ на землю для возстановленія истинной вѣры и жилъ между людьми подъ именемъ Данилы Филиппыча, съ котораго и начинается исторія людей божіихъ ¹⁾.

Книга г. Добротворскаго заключаетъ въ себѣ четыре отдѣла. Въ первомъ излагаются историческія свѣдѣнія о сектѣ людей божіихъ; во второмъ объясняется составъ ихъ общества и описываются ихъ обряды; въ третьемъ излагается ихъ ученіе, и наконецъ въ послѣднемъ помѣщены ихъ пѣсни, съ различными объясненіями. Говоря вообще, книга г. Добротворскаго сообщаетъ не мало важнаго матеріала для объясненія народнаго «духовнаго христіанства», которое въ послѣднее время обратило на себя особенное вниманіе. Таковы нѣкоторыя данныя объ исторіи людей божіихъ, — хотя она далеко не полна (напр. гораздо подробнѣе она передается въ статьяхъ «Р. Вѣстника» 1868), — въ особенности объ ихъ ученіи, и наконецъ пѣсни, которыя въ первый разъ являются напечатанными въ такомъ обширномъ выборѣ. Но при всей цѣнности матеріала, въ самомъ «изслѣдованіи» г. Добротворскаго есть слабыя стороны, на которыхъ мы считаемъ нужнымъ остановиться въ интересѣ дѣла, потому что они составляютъ слишкомъ обыкновенный недостатокъ большей части изслѣдованій о расколѣ. Это — во-первыхъ, недостатокъ яснаго общаго представленія о сущности предмета, что отражается и на частныхъ выводахъ и заключеніяхъ; во-вторыхъ, это — недостатокъ безпристрастія, странно-враждебное отношеніе къ предмету изслѣдованія, меньше похожее на науку, и больше на полицейское слѣдствіе.

Источникомъ, которыми пользовался авторъ изслѣдованія, были

¹⁾ Стр. 5—6. Этотъ Данила Филиповъ, называвшій себя Саваоомъ, и его ученикъ, Иванъ Тимошеевъ Сусловъ, называвшій себя Христомъ, были первые распространители ученія, съ которыхъ начинаются преданія «людей божіихъ». Это первое начало ереси относится ко второй половинѣ XVII-го столѣтія.

исключительно рукописные. Это—рукописи Иакова, еп. саратовскаго, въ послѣдствіи архіепископа нижегородскаго, одна о скопцахъ и хлыстахъ, другая о молоканахъ, еще одно рукописное сочиненіе подобнаго рода, два-три слѣдственныхъ дѣла, производившихся о людяхъ божіихъ, и собраніе ихъ пѣсень. Авторъ справедливо замѣчаетъ, что эти источники не многимъ могутъ быть доступны, и придаетъ имъ большое значеніе, — хотя надо замѣтить, что они далеко не исключительны и не исчерпываютъ предмета; такъ авторъ не пользовался множествомъ официальныхъ дѣлъ, какія были въ рукахъ другихъ изслѣдователей, а отчасти еще и никѣмъ не тронуты. Кромѣ этого, авторъ имѣлъ для своего труда еще только «нѣкоторыя небольшія записки о людяхъ божіихъ, также устные рассказы лицъ, бывшихъ въ близкихъ сношеніяхъ съ еретиками». Нельзя вонечно упрекать автора, что онъ не воспользовался еще однимъ важнымъ источникомъ, который могъ бы пожалуй быть важнѣйшимъ изъ всѣхъ; это—личное знакомство съ людьми, принадлежащими сектѣ, личное наблюденіе ихъ ученія, нравовъ, обрядовъ и т. п. Этотъ источникъ могъ не быть въ распоряженіи у автора, но мы ожидали бы, что авторъ по крайней мѣрѣ оговоритъ отсутствіе этого источника, — которое на дѣлѣ отразилось невыгодно и въ самомъ изслѣдованіи. Мы упомянемъ объ этомъ дальше.

Историческая часть изслѣдованія г. Добротворскаго можетъ быть любопытна для обыкновеннаго читателя, хотя не удовлетворитъ специальныхъ историковъ; она ограничивается немногими указаніями, далеко не разъясняющими происхожденія и развитія секты людей божіихъ. Упомянувъ въ началѣ, что «съ самыхъ почти первыхъ временъ христіанства являлись люди, которые не хотѣли подчиняться церковнымъ уставамъ», авторъ приводитъ нѣсколько примѣровъ ересей, имѣющихъ нѣкоторое сходство съ ученіями людей божіихъ, изъ первыхъ временъ христіанства и среднихъ вѣковъ, и затѣмъ приступаетъ къ русской сектѣ. «Въ половинѣ XVII-го вѣка и въ нашей православной церкви многіе вышли изъ повиновенія іерархіи съ злымъ осужденіемъ всего содержимаго церковно;... они предались самовольному служенію Богу, измыслили свои странные обряды богослуженія и богоугожденія», и проч. (стр. 4 — 5). Затѣмъ авторъ передаетъ, по рассказамъ людей божіихъ и другимъ историческимъ источникамъ, свѣдѣнія о Данилѣ Филиппчѣ, саваоѣ людехъ божіихъ, и объ ихъ христахъ, Иванѣ Сусловѣ, Прокофѣ Лупкинѣ и т. д., съ половины XVII-го и въ теченіи XVIII-го столѣтія. Но отчего эти люди могли вдругъ захотѣть выйти изъ повиновенія іерархіи и предаться самовольному служенію Богу,

авторъ и не пытается объяснять. Единственное предположеніе, какое онъ дѣлаетъ, состоитъ въ томъ, что ересь была занесена изъ чужихъ земель.

«Простымъ самообольщеніемъ и потомъ обольщеніемъ другихъ невозможно объяснить дѣло», — говоритъ г. Добротворскій, и дѣлаетъ слѣдующія разсужденія. «Какимъ образомъ русскому простолюдину могла придти въ голову мысль объявить себя христомъ и отвергнуть церковную обрядность въ то время, когда и образованные люди склонны были болѣе къ внѣшней, обрядовой сторонѣ христіанства, нежели къ мистицизму? Принимая во вниманіе поразительное сходство въ главномъ ученіи людей божіихъ объ отношеніяхъ Христа и св. Духа къ вѣрующему съ вышепоказаннымъ ученіемъ и обрядами западныхъ еретиковъ — бичующихся, пляшущихъ, братьевъ свободаго духа и квакеровъ, можно съ вѣроятностію допустить, что основатели ереси, привязанные къ внѣшности и неспособные къ мистическимъ тонкостямъ, заняли свое ученіе отъ западныхъ еретиковъ. Справедливой представляется догадка одного писателя, который, рассказавши о преслѣдованіяхъ братства бичующихся въ западной Европѣ въ XIV и XV в. со стороны духовной и гражданской власти, замѣчаетъ, что сѣмена его занесены въ наши скиты изгнанною изъ Польши и Богеміи хлыстовщиною». Въ подтвержденіе этой догадки авторъ могъ привести только очень скудные аргументы; во-первыхъ, что въ лѣтописи подъ 1507 г., записано извѣстіе, что за *Краковомъ* явились обманщики, называвшіе себя одинъ — христомъ, другіе — апостолами, и что народъ крѣпко ихъ билъ, и обманъ прекратился; во-вторыхъ, что по показаніямъ одной крестьянки, принадлежавшей къ сектѣ хлыстовъ (въ 1828 г.), эта секта происходитъ отъ гребенскихъ или запорожскихъ казаковъ, жившихъ въ Россіи, а послѣ бѣжавшихъ въ турецкія владѣнія, и что тамъ находится главный настоятель секты. Къ этому извѣстію авторъ прибавляетъ свои соображенія, что, по словамъ Дмитрія Ростовскаго, перваго христа (Суслова) считали родомъ за турчина, что Прокофій Лупкинъ участвовалъ въ азовскомъ походѣ, что Данила Филиповъ (саваоѣ) былъ бѣглый солдатъ и т. п. «Итакъ, — заключаетъ авторъ, — должно думать, что казаки, во множествѣ поселившіеся за юго-западными предѣлами Россіи, заразились здѣсь мнѣніями западныхъ еретиковъ, и положили начало ереси людей божіихъ чрезъ людей, бывшихъ съ ними въ близкихъ сношеніяхъ (Суслова, Лупкина) и потомъ возвратившихся въ Россію» (стр. 24 — 27).

Все это, очевидно, очень мало объясняетъ дѣло. Связь людей божіихъ съ «западною хлыстовщиною» не доказывается ни-

сколько; авторъ называетъ такія отдаленныя явленія (бичующіеся, кваеры и т. п.), и ставитъ между ними и русской сектой такую произвольную связь, что его предположенія теряютъ всякое значеніе.

«Связь людей божіихъ съ западными мистиками замѣтна и въ слѣдующихъ вѣкахъ, до настоящаго, можно сказать, времени», продолжаетъ авторъ и находитъ эту связь въ исторіи мистическаго общества, основаннаго въ 1786 въ Авиньонѣ полякомъ Грабянкой. Это общество было однимъ изъ примѣровъ того фантастическаго мистицизма, которымъ такъ богатъ конецъ XVIII-го столѣтія; Грабянка, между прочимъ, имѣла нѣкоторыхъ послѣдователей и въ Петербургѣ, между масонскими мистиками, но въ сущности это была вещь, совсѣмъ чуждая русской жизни. Г. Добротворскій находитъ въ фантазіяхъ Грабянки объ его собственномъ пророческомъ достоинствѣ и о близкомъ второмъ пришествіи сходство съ ученіями людей божіихъ, и полагаетъ, что это сходство «даетъ полное право заключать о единствѣ происхожденія» авиньонскаго братства и русской секты. Авторъ забываетъ, что авиньонское братство придумано въ концѣ XVIII-го столѣтія, а русскій «саваоѣ» явился уже въ XVII-мъ.

Наконецъ авторъ указываетъ на франкъ-масонство. «Извѣстно, что въ концѣ XVIII-го вѣка франкъ-масонскія идеи и общества распространились по всей Европѣ и проникли къ намъ въ Россію. У насъ также образовались общества мистиковъ и многіе были воспитаны на мистическихъ идеяхъ» и т. д. (стр. 29). Авторъ приводитъ нѣсколько мистическихъ фразъ изъ масонскихъ книжекъ и изъ писаній людей божіихъ и въ этомъ видитъ опять несомнѣнную связь, и, черезъ страницу, принимаетъ, «болѣе чѣмъ съ вѣроятностью», тотъ заключительный выводъ, что ересь людей божіихъ проникла въ Россію «черезъ юго-западные страны (?) отъ западныхъ мистиковъ», и что ихъ ученіе съ развитіемъ западнаго мистицизма дополнялось и развивалось и у насъ и т. д. (стр. 31).

Эти послѣднія соображенія опять до крайности произвольны. Нетрудно конечно найти сходную фразу у масонскихъ мистиковъ и у новѣйшаго, очень грамотнаго, пророка людей божіихъ, какъ Радаевъ, читавшій сочиненія г-жи «Піонъ», — но понятно, что это сходство ничего совершенно не доказываетъ относительно происхожденія секты; это показываетъ только, что въ новѣйшее время грамотные послѣдователи ея искали себѣ для чтенія книгъ, соотвѣтствующихъ ихъ взглядамъ. Какіе «западные мистики» были начинателями секты, и черезъ какія «юго-западные страны» шла она въ Россію, остается покрыто мракомъ неизвѣстности.

Намъ кажется, что этотъ мракъ разсѣялся бы нѣсколько, еслибъ авторъ обратилъ вниманіе на другую сторону дѣла, — именно, на самую народную среду, въ которой совершалось описываемое имъ явленіе. Онъ ни однимъ словомъ не вспомнилъ о религиозной жизни русскаго народа въ XVII-мъ столѣтіи, о тѣхъ прежнихъ религиозныхъ движеніяхъ, въ которыхъ уже не разъ многіе «выходили изъ повиновенія іерархіи» и въ которыхъ возникли и распространились ереси, быть можетъ немногимъ менѣе своеобразныя и радикальныя, чѣмъ секта людей божіихъ. Другіе историки русскаго духовнаго христіанства, въ своихъ стараніяхъ объяснить происхожденіе ереси, считали возможнымъ ссылаться даже на древнее богомилство, и хотя они не приводили никакихъ достаточныхъ аргументовъ, на которыхъ можно было бы построить историческую связь нашихъ «духовныхъ христіанъ» съ богомилами, но въ предположеніи объ этой связи все-таки больше историческихъ вѣроятностей, чѣмъ въ ссылкахъ на какихъ-то «западныхъ мистивовъ» и на «юго-западныхъ страны». Въ исторіи старыхъ русскихъ сектъ, въ родѣ стригольниковъ, жидовствующихъ и т. п., въ исторіи самаго старообрядства съ его различными развѣтвленіями, авторъ нашелъ бы указанія, которыя помогли бы ему объяснить происхожденіе секты. Но если бы даже онъ затруднился опредѣлить обстоятельства, сдѣлавшія возможнымъ первое появленіе секты, передъ нимъ остается другой вопросъ, въ сущности столько-же важный, почти однозначительный: это — вопросъ объ ея распространеніи и современномъ ея существованіи въ народной массѣ. Дѣло въ томъ, что если бы мы даже признали совершенно чуждый русской жизни источникъ секты, и сложили вину ея начала и введенія въ намъ на «западныхъ мистивовъ», то и въ этомъ случаѣ является необходимость опредѣлить: почему секта могла утвердиться на русской почвѣ, — такъ какъ понятно, что она могла утвердиться здѣсь только потому, что нашла къ этому извѣстныя благоприятныя условія, встрѣтила въ умахъ готовность къ воспріятію ея ученія, обрядовъ и т. п. Другими словами, для ея распространенія, и въ настоящее время, требуются тѣ же обстоятельства народно-религиозной жизни, какія сдѣлали возможнымъ ея первое возникновеніе (изъ какаго бы то ни было источника). Такимъ образомъ, объясненіе условій народно-религиозной жизни, способствующихъ сектѣ, становится неизбѣжно необходимымъ.

Къ сожалѣнію, авторъ не обратилъ на это никакого вниманія; повидимому, онъ даже и не думалъ объ этой необходимости. Между тѣмъ, сущность вопроса и заключается въ опредѣленіи религиозныхъ условій народной жизни, дающихъ сектѣ

привлекательность, и тѣхъ религіозныхъ потребностей, которыя ищутъ себѣ удовлетворенія въ ея фантастическомъ ученіи.

Для изученія подобнаго рода требуются еще нныя данныя, кромѣ тѣхъ, съ каковыми приступилъ къ своему изслѣдованію г. Добротворскій. Нужно совершенно спокойное научное отношеніе къ дѣлу, при которомъ изслѣдователь только и можетъ понять внутреннія побужденія, заставляющія людей «выходить изъ повиновенія іерархіи» и искать новыхъ формъ религіозности. До сихъ поръ наша литература о расколѣ была почти исключительно полемическая, обличительная, съ церковной и бюрократической точки зрѣнія. Полемисты того и другого рода не имѣли нивогда спокойнаго отношенія къ предмету, — напротивъ, каждый съ своей точки зрѣнія для достиженія поставленной себѣ цѣли старался отыскать въ разбираемой отрасли раскола сколько можно больше всякихъ нарушеній божескихъ и человѣческихъ законовъ. Съ ихъ точки зрѣнія, все это были поголовно или наглые обманщики, самозванцы, сумасброды, или люди легковѣрные до глупости. Читая многочисленныя сочиненія, существующія въ русской литературѣ и писанныя въ этомъ смыслѣ, мы на каждомъ шагѣ встрѣчаемъ эпитеты подобнаго рода, — которые, если принимать ихъ въ полномъ ихъ значеніи, заставили бы усумниться вообще въ національныхъ способностяхъ русскаго народа. Чтѣ сказать о немъ, если такой огромный контингентъ его (раскольниковъ всякаго рода считается вообще до 11 милліоновъ) такъ испорченъ, такъ склоненъ къ сумасбродству или къ бессмысленному легковѣрью, какъ это надобно предполагать по увѣреніямъ этихъ обличителей? Одно изъ двухъ надо было принять въ этой дилеммѣ: или народъ дѣйствительно страдаетъ этими недостатками, или обличители были неправы. Въ настоящее время писатели о расколѣ начинаютъ дѣлать уступки противъ своихъ прежнихъ приговоровъ. Изученіе предмета и общее развитіе исторической критики и общественнаго мнѣнія оказали нѣкоторое дѣйствіе и на постановку вопроса о расколѣ. Онъ отчасти уже перестаетъ быть въ литературѣ исключительно только предметомъ полемическихъ опроверженій или слѣдственныхъ розысковъ и обличеній. Въ общихъ мнѣніяхъ осужденіе раскола становится не такъ рѣзко; за его послѣдователями признаются иногда и хорошія качества; происхожденіе его въ XVII-мъ столѣтіи объясняется уже цѣлымъ религіознымъ состояніемъ народа, которое должно было въ огромной массѣ создавать именно тѣ понятія, каковыхъ держались начинатели раскола. Многіе изслѣдователи согласились признать, что виной появленія раскола была большая умственно-религіозная неразвитость всего народа вообще, вслѣд-

ствіе которой значительная часть его и могла до такой степени упрямо привязаться къ пустой формѣ потому только, что это была старая форма. Другіе находили даже, что та часть народа, которая во время никоновскихъ нововведеній задала себѣ вопросъ объ этомъ предметѣ и, вслѣдствіе сомнѣній, рѣшилась на сопротивленіе высшему авторитету, была не наименѣе размышлявшая и религіозная часть народа; и что она даже превосходила этими качествами тѣхъ, которые приняли нововведеніе равнодушно, безъ всякаго вопроса объ его правильности и безъ всякихъ разсужденій. Точно также въ настоящемъ состояніи раскола, въ быту и характерѣ его членовъ теперь находятъ уже не только цѣль для обвиненій, но и предметъ серьезнаго общественно-научнаго интереса, который приводитъ не только къ спокойному наблюденію раскола, но даже и къ сочувственному признанію нѣкоторыхъ сторонъ его характера.

Этотъ новый родъ понятій о расколѣ, появившійся одновременно съ тѣмъ, какъ расколъ пересталъ быть канцелярской тайной и сдѣлался предметомъ открытыхъ разсужденій въ литературѣ, — этотъ родъ понятій до нѣкоторой степени отражается и въ мнѣніяхъ г. Добротворскаго. Онъ признаетъ пользу и даже необходимость гласности относительно раскола, видитъ въ ней сильнѣйшее средство къ уничтоженію вреда, происходящаго отъ таинственности многихъ сектъ и ихъ ученій; но къ сожалѣнію ученый профессоръ все-таки не видитъ настоящаго смысла этой «гласности». Онъ разсуждаетъ такимъ образомъ:

«По нашему искреннему убѣжденію обстоятельныя свѣдѣнія о какомъ-нибудь темномъ ученіи, о какихъ-нибудь тайныхъ сектантахъ служатъ лучшимъ началомъ къ обличенію несостоятельности ихъ вѣрованій, лучшимъ средствомъ къ уничтоженію вреда отъ ихъ таинственности. Въ древности возникали въ средѣ христіанскаго общества религіозно-мистическія секты, сильныя софистическою діалектикой, умомъ и энергіей своихъ представителей; но обсуждаемыя и обличаемыя всенародно онѣ исчезали съ изумительной быстротою (?). У насъ напротивъ секты, самыя дикія по своимъ вѣрованіямъ, бѣдныя и внутреннимъ содержаніемъ и внѣшними вождями ихъ, благодаря тайнѣ, въ которой наперерывъ стараются скрывать ихъ и вожди сектъ и православные и по причинѣ которой не знаютъ ихъ ни многіе послѣдователи этихъ сектъ, ни православные, дѣлаютъ изумительныя успѣхи въ простомъ народѣ. Особенно распространяется секта, если, скрывая въ тайнѣ сущность ея ученія, въ то же время открыто вооружаются противъ нея не мѣрами убѣжденія, а полицейскими. ЕСТЬ, должно быть, — думаетъ народъ, — какая-

нибудя опасность для православной вѣры въ ихъ ученіи, если стараются скрывать его, есть, значить, какая-нибудь несостоятельность въ православной церкви, если она защищается противъ какихъ-то невѣдомыхъ еретиковъ силою свѣтской власти. А между тѣмъ ни опасности для православной вѣры, сильной своею истинною, ни опасности для церкви, которой не одолѣютъ врата ада, не представляютъ тайныя секты, такъ успѣшно распространяющіяся у насъ. Вся тайна успѣха этихъ сектъ въ тайнѣ, которой прикрыты онѣ отъ *духовенства* и отъ *правительства*. Особенно это должно сказать о нашихъ мнимо-духовныхъ сектахъ, отвергающихъ церковную виѣшность, къ которой такъ привязанъ православный русскій народъ. Приподнимите завѣсу передъ глазами *народа*, расскажите, какъ эти духовные христіане, большей частью выдающіе себя и почитаемые за самыхъ усердныхъ исповѣдниковъ православной вѣры, искажаютъ вѣру, глумятся надъ церковью, надъ ея обрядами, какъ недостойно Бога-Духа ихъ самовольное богочитаніе, расскажите все это безъ пристрастія, безъ раздраженія, и секты потеряютъ свою таинственную прелесть и о совращеніяхъ рѣже можно будетъ слышать».

Мы совершенно соглашаемся съ авторомъ, что секта можетъ даже усиливаться, когда противъ нея употребляются не мѣры убѣжденія, а мѣры полицейскія, и что эти послѣднія мѣры не совѣмъ соотвѣтствуютъ достоинству вещей, которыя на нихъ въ этомъ случаѣ опираются. Но намъ не совѣмъ ясно, какъ понимаетъ авторъ то раскрытіе сектаторской *тайны*, отъ котораго онъ ждетъ такихъ успѣховъ. Если гласность, рекомендуемая авторомъ, будетъ относиться только къ «духовенству и правительству», — то она должна будетъ, кажется, состоять или въ извѣстныхъ обличеніяхъ, какихъ было не мало и до сего времени, или опять въ полицейскихъ мѣрахъ, въ которыхъ также недостатка не было. Секту людей божіихъ обличилъ такимъ образомъ уже Димитрій Ростовскій. Отъ правительства секты скрывались конечно всего меньше. Относительно этого послѣдняго достаточно сказать, что лѣтъ тридцать тому назадъ, когда расколъ почти совѣмъ не былъ доступенъ обыкновенной (не духовно-обличительной) литературѣ, правительство имѣло о расколѣ обильнѣйшія свѣдѣнія, о какихъ и не воображала эта литература; свѣдѣнія эти могли быть не полны, но для своего времени это были наилучшія свѣдѣнія, какія были только возможны, какія можно было собрать и полицейскимъ и ученымъ путемъ. Достаточно напр. назвать извѣстныхъ специалистамъ изслѣдованія Надеждина, Даля, печатавшіяся для оффиціальнаго

употребленія въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, или напр. такіе труды, какъ рукописи архіепископа нижегородскаго Іакова, которыми пользуется теперь г. Добротворскій. Правда, въ концѣ выписаннаго нами мѣста авторъ какъ будто распространяетъ свое повятіе о гласности дальше указанной сейчасъ области и упоминаетъ о *народѣ*, — но, какъ видитъ читатель, народъ является опять только какъ объектъ назиданія, которое должно исходить отъ расширенной духовно-правительственной зоркости.

Нельзя конечно спорить, что и въ этой формѣ гласность, придаваемая дѣламъ раскола, имѣетъ большую пользу уже съ той одной точки зрѣнія, что общество по крайней мѣрѣ приобрѣтетъ нѣкоторое знаніе о томъ, что происходитъ въ средѣ націи, какія явленія совершаются въ ея религиозной, умственной и общественной жизни. Еще не такъ далеко время и мы еще очень хорошо помнимъ его, — когда общество въ этомъ, и во множествѣ другихъ отношеній, жило въ состояніи темнаго давящаго невѣдѣнія о себѣ самомъ, когда оно рѣшительно, лишено было возможности сколько-нибудь отчетливаго «самознанія», потому что всѣ стороны его жизни, въ которыхъ такъ или иначе совершались извѣстные самостоятельные процессы религиознаго, умственнаго движенія, находились подъ самой строгой казарменной опекой, или изслѣдовались только въ слѣдственно-полицейскомъ смыслѣ. Въ эти времена расколъ считался почти политической тайной; всѣ дѣла его велись секретно; обсужденіе этого вопроса въ литературѣ было абсолютно невозможно. Для тѣхъ, кто помнитъ эти времена, совершенно понятна та большая разница, какая есть между тогдашнимъ и нынѣшнимъ положеніемъ этого вопроса въ общественномъ мнѣніи, хотя и это нынѣшнее положеніе вовсе еще нельзя назвать особенно благоприятнымъ.

Но очевидно, что дѣйствительная гласность предмета означаетъ не одно то, о чемъ говорилъ г. Добротворскій. Раскрытіе «тайны» въ предметахъ общественнаго и народнаго свойства, состоитъ не въ томъ, что тайну беретъ раскрывать только одна сторона, въ то время какъ другая на свою долю не имѣетъ никакой возможности высказать свой взглядъ на предметъ. Это раскрытіе еще меньше заслуживаетъ названія истинной гласности, когда сторона, тайна которой раскрывается, есть сторона безправная и преслѣдуемая, и раскрытіе производитъ сторона, власть имѣющая и расположенная болѣе или менѣе неблагоприятно въ дѣлу. Истина можетъ быть достигнута только тогда, когда высказываются обѣ стороны; и если въ нашихъ судахъ теперь признана справедливость и необходимость адвокатской защиты,

то очевидно того же, въ нормальномъ порядкѣ вещей, слѣдуетъ желать и въ литературномъ обсужденіи общественныхъ явленій, особенно такихъ, которые, какъ описываемыя г. Добротворскимъ секты, до сихъ поръ разсматривались въ литературѣ только съ уголовной точки зрѣнія, безъ всякаго или почти безъ всякаго вниманія къ ихъ такъ сказать фізіологическому значенію въ умственно-религіозной жизни народной массы. Затруднительность дѣла еще увеличивается тѣмъ, что эти секты въ настоящую минуту едва ли могутъ выставить защитника изъ своей среды; эта среда — чисто народная — страдаетъ до сихъ поръ такимъ отсутствіемъ образованія, при которомъ она вѣроятно не сѣмѣла бы даже съ довольною логикою формулировать свои представленія и защищать ихъ¹⁾. Но при такомъ положеніи вещей еще увеличивается обязанность безпристрастія для изслѣдователя: онъ тѣмъ больше обязывается вникнуть въ изслѣдуемое явленіе, прослѣдить его основанія и проявленія, взять въ расчетъ умственные свойства среды, ея обстановку, характеръ тѣхъ учреждений, въ оппозицію которымъ основывается ученіе и т. п. Онъ долженъ войти въ то міровоззрѣніе, какимъ живетъ «темная» масса, уразумѣть ея интересы и потребности, и тогда передъ нимъ раскроется та послѣдовательность, въ какой произошло развитіе секты, объяснится ея характеръ и быть можетъ откроются тѣ истинныя средства, какія могутъ подѣйствовать противъ нея — или уничтожая ея уродливости, или давая удовлетвореніе тѣмъ ея потребностямъ, неудовлетворенность которыхъ въ прежней жизни массы была причиной начала секты.

Наши историки и обличители до сихъ поръ именно очень мало отдають себѣ отчета въ сущности явленія. Сказать напр., что въ XVII-мъ столѣтіи нѣкоторые люди «вышли изъ повиновенія іерархіи» и тѣмъ начали секту людей божіихъ (какъ говорить г. Добротворскій), вовсе не значить что-нибудь сказать о происхожденіи секты; не значить объяснить причину ея явленія, — это только значить указать голый фактъ. Мы замѣтили выше, что большинству изслѣдователей до сихъ поръ представлялось, что расколоучители только безумцы, обманщики, а послѣдователи — глупцы и легковѣрные люди, что секта почти всегда злонамѣренна. Г. Добротворскій держится почти тѣхъ же самыхъ мнѣній, и потому въ его изслѣдованіи мы

¹⁾ Легко можетъ быть, что ббльшая степень образованія сама по себѣ уничтожила бы эти представленія, хотя очень можетъ случиться и то, что ббльшая степень образованія уничтожить грубыя формы секты, которыя теперь такъ легко поддаются владеніямъ, но вмѣсто нихъ произведеть другія, которыя сохраняютъ свою отдѣльность отъ господствующихъ религіозныхъ ученій и формъ.

напрасно стали бы искать достаточнаго отвѣта на существенные вопросы: какія же были наконецъ внутреннія основанія, давшія начало сектѣ, и какъ она стоитъ въ цѣломъ составѣ народной жизни? Авторъ только описываетъ нѣкоторыя внѣшнія частности и все обличаетъ, но ему кажется и не представлялось тѣхъ вопросовъ, отвѣтъ на которые только и даетъ о дѣлѣ истинное понятіе. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ этихъ вопросовъ.

Относительно происхожденія секты мы замѣчали уже, что предположенія автора о происхожденіи ея отъ «западныхъ мистиковъ» черезъ «юго-западные» страны нисколько недоказательны. При этомъ, профессору церковной исторіи слѣдовало бы знать, что секты и ереси могутъ появляться и безъ всякихъ заимствованій извнѣ, какъ естественный продуктъ изъ условій народной жизни. Въ самомъ русскомъ сектаторствѣ авторъ могъ бы найти поразительные образчики того, какъ далеко можетъ простираться народная изобрѣтательность въ этомъ смыслѣ: пусть онъ вспомнитъ «самосожигателей», «странниковъ», «нѣтовщину» и другіе подобные примѣры самородныхъ, ни откуда не заимствованныхъ ересей. Наконецъ, такой же примѣръ самобытной изобрѣтательности авторъ имѣетъ въ изучаемой имъ самой сектѣ, въ одномъ ужасномъ ея отдѣлѣ, свопчествѣ. Здѣсь эта самородная изобрѣтательность дошла до геркулесовыхъ столбовъ безумія и нелѣпости. Таковой секты кажется не существовало нигдѣ на свѣтѣ. — Кромѣ того, если даже секта бываетъ откуда-нибудь заимствована, то ея распространеніе въ народѣ показываетъ тѣмъ не менѣе, что благопріятныя условія для нея есть въ самой почвѣ, на которой она укрѣпляется. Чтобы понять секту, надо было именно войти въ разсмотрѣніе этой почвы. Всякая секта становится въ оппозицію къ господствующимъ церковнымъ и общественнымъ формамъ: противъ чего же направляется ея оппозиція?

Объяснивъ по-своему происхожденіе секты, авторъ затѣмъ не одинъ разъ указываетъ фантастическія безсмыслицы въ представленіяхъ людей божіихъ, и находитъ ихъ очень «загадочными» и крайне предосудительными. Но фантастика, въ томъ или другомъ родѣ — есть почти неизбежное качество всякихъ экзальтированныхъ религіозныхъ представленій; каждое имѣетъ свои фантастическія изобрѣтенія, вѣритъ въ нихъ, и не признаетъ другихъ, считая ихъ нелѣпными. Вопросъ былъ въ томъ, чтобы опредѣлить частныя качества этой фантастики и указать ея источникъ. Наши люди божіи не составляютъ въ этомъ смыслѣ чего либо совершенно исключительнаго. Въ прежнее

время ихъ не безъ основанія считали квакерами или сравнивали съ ними, какъ напр. дѣлаетъ это Филаретъ черниговскій въ своей исторіи русской церкви. Кромѣ квакеровъ есть не мало другихъ сектъ, гдѣ религиозная экзальтація сопровождалась такими же или подобными обрядами, производившими известное нервическое возбужденіе. Эти обряды составляютъ такимъ образомъ не произвольный совершенно результатъ безумства однихъ русскихъ сектантовъ, а встрѣчаются также и во многихъ другихъ примѣрахъ. Сличивъ нашу секту съ ей подобными въ другія времена и у другихъ народовъ, авторъ, быть можетъ, нашелъ бы нѣсколько объясненій для ея «загадочности».

Для характеристики секты очень важно наблюдать ея проявленія въ общественной жизни, по которымъ можно было бы судить объ ея моральномъ вліяніи. Упомянувъ нѣсколько разъ о вредности секты людей божіихъ, авторъ указываетъ эту вредность въ неповиновеніи іерархіи, въ нѣкоторыхъ безнравственныхъ обычаяхъ, но не входитъ ближе въ разсмотрѣніе этого предмета. Онъ упоминаетъ также не разъ, что священники очень часто считаютъ людей, принадлежащихъ къ сектѣ, самыми благочестивыми христіанами; авторъ объясняетъ это тѣмъ, что сами пророки людей божіихъ рекомендуютъ своимъ, еще не выполнѣвъ посвященнымъ, ученикамъ усердіе къ церкви и исполненіе всѣхъ ея обрядовъ, — затѣмъ онъ объясняетъ это лицемеріемъ, которое должно служить только для наилучшаго закрытія принадлежности къ сектѣ. Не знаемъ, насколько это справедливо. Въ другихъ случаяхъ, авторъ признаетъ сектантовъ людьми набожными, въ ихъ пѣсняхъ находитъ нерѣдко выраженіе искренняго и возвышеннаго религиознаго чувства, — и если это такъ, то съ искренней набожностью и высокимъ религиознымъ чувствомъ мало вяжется такое постоянное и изысканное лицемеріе, какое авторъ приписываетъ сектѣ какъ общее правило. Мы не сомнѣваемся, что можетъ существовать много примѣровъ такого лицемерія, но думаемъ, что общая характеристика всей секты въ этомъ смыслѣ была бы возможна только послѣ пристальныхъ и многочисленныхъ наблюденій и тщательной провѣрки своего сужденія. Авторъ едва ли дѣлалъ это послѣднее: свидѣнія, на основаніи которыхъ онъ писалъ свое изслѣдованіе, заимствовались имъ изъ вторыхъ-третьихъ рукъ и ограничиваются въ сущности довольно ограниченнымъ количествомъ рукописнаго матеріала. Онъ ничего не упоминаетъ о личныхъ наблюденіяхъ, а между тѣмъ они были бы именно нужны, и притомъ обширныя. Пророкъ Радаевъ, на котораго особенно часто ссылается г. Добротворскій, по всей вѣроятности

сти вовсе не есть пророкъ типическій и авторъ, кажется, напрасно обращаетъ его слова и дѣйствія на всю секту. Бытовыхъ свойствъ людей божіихъ авторъ не касается вовсе: мы не видимъ, какими моральными вліяніями — въ хорошую или дурную сторону — отзывается здѣсь секта на своихъ послѣдователяхъ. Но какъ важно было бы это знать, понятно само собой. Въ томъ немногомъ, что говорено было до сихъ поръ въ литературѣ объ этомъ предметѣ, мы находили отзывы благопріятные, указывавшіе на извѣстное морализирующее вліяніе сектаторской религіозности. Относительно другой духовной секты, родственной людямъ божіимъ, молоканъ, такихъ отзывовъ сдѣлано было довольно много.

Г. Добротворскій строго осуждаетъ грубость понятій и обрядовъ секты; — но здѣсь опять является вопросъ: составляетъ ли эта грубость исключительную принадлежность секты, и не отражаетъ ли она общее свойство народныхъ представленій, которыя въ другихъ случаяхъ и примѣненіяхъ обнаруживаютъ однако тѣже качества? Если здѣсь доведена иногда до нелѣпости «духовная» религіозность, то съ другой стороны не доходитъ ли почти до равной нелѣпости чисто матеріальное представленіе религіозныхъ предметовъ въ большой массѣ народа, гдѣ вся религія сводится иногда къ немногимъ чисто матеріальнымъ обрядностямъ и суевѣріямъ? Для правильности сужденія, слѣдовало бы, сколько можно, раздѣлить общее и частное, и не дѣлать противъ секты лишняго обвиненія изъ того грубаго уровня понятій, который принадлежитъ цѣлымъ массамъ.

Что, напротивъ, среди людей божіихъ, при всей грубости отдѣльныхъ положеній и обрядовъ, существуетъ и замѣчательно возвышенное религіозное настроеніе, это, какъ мы замѣтили, признаетъ самъ авторъ, когда говоритъ о пѣсняхъ людей божіихъ. «Роспѣвцы (такъ называются у нихъ религіозныя пѣсни) людей божіихъ представляютъ *замѣчательныя произведенія народной поэзіи*, развивающейся, къ сожалѣнію, подъ вліяніемъ ложныхъ еретическихъ воззрѣній: многимъ изъ нихъ нельзя отказать въ искусномъ соединеніи мысли и образа, въ *лубимыхъ чувствахъ и живости фантазіи*» (стр. 51). Указавъ въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ неловкія или вздорныя выраженія (быть можетъ, принадлежащія даже только дурному списку), авторъ замѣчаетъ: «надобно впрочемъ сознаться, что такихъ *промаховъ*, кромѣ заблужденій, собственно принадлежащихъ ереси, встрѣчается *очень немного*, и что есть пѣсни, которыя въ приличныхъ поэтическихъ образахъ воплощаютъ высокое христіанское ученіе и которыя *дѣлаютъ честь пониманію русскаго народа*» (стр. 52).

Но и здѣсь авторъ не желаетъ признать естественнаго развитія религіознаго чувства, которое въ массѣ мало образованной и, быть можетъ, не имѣвшей возможности найти надлежащаго руководства, всегда рискуетъ нарушить традиціонныя рамки и равнодушную привычку. Повторимъ опять, профессору церковной исторіи должны бы быть извѣстны многочисленные примѣры религіозной экзальтаціи и ея явленій, и онъ могъ бы опять обойтись безъ лишняго упрека религіозности русскихъ сектантовъ. Говоря о религіозныхъ мнѣніяхъ людей божіихъ, г. Добротворскій указываетъ способы ихъ благочестивой практики, доходящей до настоящаго аскетизма. «Что, повидимому, можетъ быть возвышеннѣе и святѣе этихъ способовъ?» спрашиваетъ авторъ.... «Предписанія православныхъ аскетовъ даже усилены въ предписаніяхъ людей божіихъ. Но самое-то усиленіе и напряженность этихъ способовъ очищенія души и показываютъ, что они происходятъ не отъ чистаго источника христіанской нравственности: они не столько сходны съ способами богоугожденія православныхъ подвижниковъ, сколько съ предписаніями франкъ-масоновъ и другихъ западныхъ мистиковъ прошедшаго вѣка» (стр. 73). Это обвиненіе намъ несомнѣнно понятно: гдѣ мѣрка аскетизма, по которой авторъ считаетъ его или святымъ или нечистымъ? Какъ спеціалистъ церковной исторіи, г. Добротворскій долженъ знать, что и православные подвижники въ старыя времена прибѣгали къ очень напряженнымъ способамъ очищенія души, иногда къ такимъ, которые по своей чрезвычайности даже не находили себѣ подражателей въ позднѣйшія времена. Но мы уже совершенно не понимаемъ, что именно хочетъ связать авторъ, ссылаясь на франкъ-масоновъ: чѣмъ онъ ихъ считаетъ и какія особенныя «предписанія франкъ-масоновъ» онъ разумѣетъ въ этомъ случаѣ? Мы упоминали выше, что одинъ новѣйшій пророкъ людей божіихъ читалъ сочиненія г-жи Гюйонъ и вѣроятно многія другія мистическія книги, какихъ нѣкогда изданы были у насъ цѣлыя массы: нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что грамотные изъ людей божіихъ могли напасть на эту литературу; но какъ относится это къ самой сектѣ? Не есть ли это только чистая случайность, и въ чему тутъ франкъ-масонство?

Остановимся еще на одномъ пунктѣ. Кромѣ заблужденія, въ которое впадаютъ послѣдователи секты, г. Добротворскій указываетъ въ ней и *обманъ*—конечно, со стороны ея руководителей. Въ самомъ дѣлѣ, очень вѣроятно, что обманъ играетъ значительную роль и въ этой сектѣ, какъ во множествѣ другихъ случаевъ, гдѣ легковѣріе малоразвитыхъ людей эксплуатируется людьми, надѣвающими маску благочестія. Разсказавъ нѣкоторыя

подробности объ одномъ изъ хлыстовскихъ пророковъ, томъ же Радаевъ, авторъ замѣчаетъ: «люди здравомыслящіе въ такихъ дѣйствіяхъ мнимаго пророка видятъ дурачества *обманщика*; но люди божіи—современную премудрость божію, которой міръ не разумѣетъ, потому что безумное божіе мудрѣе человѣковъ (I кор. 1, 21,25)». Но вслѣдъ затѣмъ, изъ словъ самого автора оказывается совсѣмъ иное. «Что касается самихъ пророковъ, то никакая сила не въ состояніи *утрѣтитъ ихъ*, что въ нихъ дѣйствуетъ не Духъ святый, что и они несвободны отъ грѣховъ» (стр. 81). Эта фраза стоитъ тотчасъ за первой. Гдѣ же такимъ образомъ *обманщика*? Если никакая сила не въ состояніи *утрѣтитъ* чело­вѣка, что онъ ошибается, то можно ли называть его *обманщикомъ*, когда онъ говоритъ и другимъ то, въ чемъ самъ такъ глубоко убѣжденъ? Его можно считать чело­вѣкомъ заблуждающимся, находить заблужденіе смѣшнымъ, прискорбнымъ, или какимъ угодно, можно обличить заблужденіе, но уже нельзя говорить объ *обманѣ*, и довольствоваться этимъ дешевымъ объясненіемъ дѣла.

Много другихъ подобныхъ обстоятельствъ долженъ принять въ соображеніе историкъ секты, если желаетъ ставить вопросъ правильно и безпристрастно. «Во тѣмъ возрастаетъ и мракомъ питается секта людей божіихъ—одинъ свѣтъ можетъ озарить и просвѣтитъ грубыхъ, но набожныхъ русскихъ сектантовъ», восклицаетъ авторъ. Справедливо совершенно; но пора, кажется, перестать взваливать всю вину мрака на одинъ народъ; пора, кажется, и тѣмъ, кто считаетъ себя за владѣющаго свѣтомъ, понять причины этого мрака. При должномъ безпристрастномъ изслѣдованіи справедливость вѣроятно заставитъ сказать, что вина лежитъ не на однихъ жертвахъ мрака, что размноженіе русскаго сектаторства и его часто грубый характеръ были въ большой мѣрѣ слѣдствіемъ условій жизни и плохо-духовнаго образованія, стало быть, вина не народа, или по крайней мѣрѣ не одного народа, а также и его руководителей и наставниковъ. Вопросъ объ этомъ духовномъ образованіи отчасти затронутъ въ послѣднее время въ нашей литературѣ, но только отчасти; и въ полномъ своемъ размѣрѣ онъ, можетъ быть еще и не доступенъ для нея въ настоящее время. Литература, или вѣрнѣе, общественное мнѣніе еще не выросли до его серьезной и откровенной постановки. Нѣкоторыя попытки сдѣлать таковаго рода постановку относительно современнаго состоянія этого духовнаго образованія (въ родѣ тѣхъ, какія пробовали «День», «Москва» и т. п.), не имѣли дальнѣйшихъ послѣдствій и остались одиночными опытами. Но если публицистика стѣснена въ изслѣдованіи вопроса относительно настоящей ми-

нута, то науѣ вѣроятно не представилось бы помѣхи выяснить его въ историческомъ отношеніи, опредѣлить для прошедшихъ временъ то отношеніе, въ какомъ размноженіе сектаторства находилось въ положенію духовнаго образованія. Главный потокъ русскаго сектаторства начинается съ XVII-го вѣка, и здѣсь указывается нами отношеніе уже совершенно ясно для изслѣдователей; теперь мы знаемъ напр., что содержаніе старообрядческаго раскола за то время было именно тѣмъ религіознымъ содержаніемъ, какого держалась вся народная масса и большинство ея руководителей: это была выросшая въ наши средніе вѣка популярная форма религіозныхъ представленій и обрядности, форма, которую Никонъ сильно затронулъ исправленіемъ церковныхъ книгъ. Расколъ былъ непосредственнымъ наслѣдіемъ прежняго состоянія духовнаго образованія въ цѣлой массѣ народа. Положеніе этого образованія стало улучшаться со времени основанія правильныхъ школъ, съ конца XVII-го вѣка и въ XVIII-мъ столѣтіи; но расколъ продолжаетъ развиваться и въ прошломъ вѣкѣ, потому что съ одной стороны этихъ новыхъ школъ все-таки было еще слишкомъ недостаточно для цѣлаго народа, и съ другой потому, что часть народа, захваченная движеніемъ, издавна стала во враждебное отношеніе къ господствующей церкви, и враждебность только усиливалась вслѣдствіе преслѣдованій, продолжавшихся почти безъ перерыва съ XVII-го вѣка. Вслѣдствіе того, и тогда и даже въ наше время религіозная пытливость простыхъ классовъ народа и производимое ею движеніе продолжаютъ ускользать отъ церковнаго авторитета: простой человѣкъ, въ сознаніи котораго начинаютъ появляться религіозные вопросы, сомнѣнія, или горячіе порывы, по старой памяти легко обращается въ своему народному проповѣднику, пророку, ересіарху, и легко убѣждается, потому что встрѣчаетъ у него родственныи ему уровеньъ понятій, симпатичную ему религіозную ревность и понятный языкъ. Чтобы «озарить и просвѣтить» такого человѣка правильными понятіями, нужно очень многое: прежде всего нужно было бы, чтобы онъ и нѣсколько поколѣній его предковъ не были оставлены въ безпомощной неразвитости,—а затѣмъ нужно по крайней мѣрѣ, чтобы тѣ, кто стануть его озарять и просвѣщать, приобрѣли его полное довѣріе,—чтобы онъ могъ высказываться не рискуя тѣмъ, что его откровенность тотчасъ повлечетъ на него гоненіе свѣтскаго начальства. Самая книга г. Добротворскаго показываетъ, сколько можно было ожидать такихъ отношеній даже въ недавнее время: цѣлый рядъ приводимыхъ имъ свѣдѣній заимствованы изъ осторожныхъ показаній. Газеты до сихъ поръ сообщаютъ

нерѣдко извѣстія, очень неутѣшительныя относительно распростра-
ненія сектаторства: въ такой-то губерніи усиливается старообрядче-
ство, въ другой распространяется новая ересь, въ третьей явились
«штундовцы» и т. д. Факты эти знаменательны.

Приведемъ еще одну выписку изъ книги г. Добротворскаго.
«Вся тайна успѣха (народныхъ сектъ) въ тайнѣ, которой при-
крыты онѣ и отъ духовенства и отъ правительства» — замѣтилъ
авторъ въ самомъ началѣ своей книги. Въ другомъ мѣстѣ онъ
говорить о пѣсняхъ людей божіихъ: «Необходимо ознакомиться
съ ними для всесторонняго изученія ереси. Здѣсь мы проника-
емъ, такъ сказать, въ самое созиданіе загадочной ереси; увидимъ,
чѣмъ она особенно обольстительна для простолудиновъ и почему
эти еретичи почитаются *вредными для существующаго порядка*.
Нечего и говорить о томъ, что изученіе ихъ пѣсней можетъ
принести, *кому нужно*, существенную *практическую* пользу.
Было уже замѣчено, что эти еретичи, обязанные страшными
клятвами скрывать отъ православныхъ все касающееся ихъ секты,
нерѣдко почитаются за лучшихъ христіанъ даже самими свя-
щенниками: пѣсни или даже два-три метафорическихъ выраженій
изъ нихъ *сейчасъ укажутъ* на существованіе секты въ извѣстной
мѣстности» (стр. 102). Авторъ не говоритъ, кому укажутъ, для
какой цѣли укажутъ, и кому нужно это указаніе: намъ при-
ходитъ въ голову, что стремленіе къ этимъ указаніямъ могло бы
и отсутствовать въ научномъ и безпристрастномъ изслѣдованіи
предмета, и не безъ пользы для изслѣдованія.

Вмѣсто такихъ голыхъ указаній, изслѣдованіе, кажется, должно
бы ужъ лучше остановиться на томъ: въ чемъ собственно мо-
жетъ состоять вредъ отъ людей божіихъ *для существующаго*
порядка, великъ ли этотъ вредъ или малъ, и если требуетъ
преслѣдованія и уничтоженія (а ихъ не можетъ, по закону, не
требовать вещь вредная для существующаго порядка), то въ какой
мѣрѣ и какими средствами. Это — предметъ, далеко еще не вы-
ясненный ни въ литературѣ, ни въ самой жизни и практикѣ.
Въ настоящее время уже нѣтъ того суроваго преслѣдованія вся-
каго раскола, какое считалось необходимымъ еще недавно, —
но эта льгота не есть еще, кажется, общая послѣдовательная
терпимость: между тѣмъ есть мнѣніе, что она могла бы рас-
пространиться на всѣ секты (кромѣ прямо нарушающихъ граждан-
скую безопасность), что предполагаемый *вредъ* народныхъ сектъ
вовсе не такъ великъ, какъ обыкновенно думаютъ. Но къ этому
предмету мы возвратимся въ другой разъ.

А. Н — вь.

ВОЙНА И ВОЙСКО.

Р. Гадыева: Вооруженныя силы Россіи. Москва, 1868.

Послѣдняя большая война, которую вела Россія, застала у насъ такое военное устройство: на счетъ государства содержался постоянно миллионъ солдатъ; служба этихъ солдатъ была почти безсрочная, именно 25-ти-лѣтняя; мало того — сыновья этихъ дѣтей были солдаты по рожденію. Армія эта была «выправлена» по всѣмъ преданіямъ, заимствованнымъ изъ Пруссіи, когда въ самой Пруссіи эти преданія уже были сданы въ архивъ; но собственно боевое образованіе солдатъ было крайне несовершенно; на него всего менѣе обращалось вниманія. Чрезвычайными усиліями, которыя истощали Россію, число солдатъ во время крымской войны было доведено до страшной цифры 2 м. 230 т. человекъ, а между тѣмъ, на главномъ пунктѣ войны, то-есть подъ Севастополемъ, у насъ было на лицо всего около 100 тысячъ пѣхоты. Такая система была отмѣнена самими событіями и съ тѣхъ поръ сдѣлано уже много для рациональнаго устройства русской арміи, такого устройства, которое, не обременяя и страну и солдатъ требованіемъ постоянныхъ страшныхъ жертвованій, вело бы къ истинной цѣли существованія арміи, то-есть къ доставленію государству достаточной боевой силы. Однакоже для этого остается еще сдѣлать очень много.

Вотъ сущность мнѣнія г. Гадыева, автора извѣстныхъ статей о вооруженіяхъ Россіи, который издалъ теперь цѣлое сочиненіе о нашихъ «вооруженныхъ силахъ». Въ этой книгѣ, какъ онъ говоритъ, не только собраны его статьи, напечатанныя въ одномъ журналѣ, но и во многомъ пробѣрены и измѣнены.

Излишне было бы говорить о всесторонней важности того предмета, которому посвящены разсужденія г. Фадѣева, являющіяся теперь въ связномъ и полномъ дѣломъ. Авторъ совершенно справедливо говоритъ, что общество возмужалое и самостоятельное должно непремѣнно интересоваться вопросомъ, въ какомъ положеніи находятся вооруженныя силы государства и быть знакомомъ съ существенными чертами ихъ устройства. То положеніе дѣлъ, которое раскрыла передъ нами крымская война, потому именно и поразило насъ такъ болѣзненно, что мы не знали его; вотъ почему за самоувѣренною и наивною похвалкою «шпиками-де завидаемъ» послѣдовала вдругъ такая реакція въ общественномъ мнѣніи, что оно стало смотрѣть на вооруженную силу государства съ совершеннымъ, преувеличеннымъ недовѣріемъ, съ болѣшимъ недовѣріемъ, замѣчаетъ авторъ, чѣмъ смотрѣла Австрія на свою армию послѣ 1866 года. Нѣтъ сомнѣнія, что знакомство съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ предотвращаетъ и разочарованіе и самообольщеніе. Но замѣтимъ, что незнакомство нашего общества съ положеніемъ нашихъ военныхъ силъ въ прежнее время, нивакъ нельзя вѣнчать въ вину самому обществу.

Другое дѣло теперь; теперь преобразованія по военному вѣдомству обсуждаются съ нѣкоторой гласностью и указаніе на недостатки его не считается преступленіемъ.

Для преобразованія нашихъ военныхъ силъ, и именно въ смыслѣ приданія армии чисто-боеваго характера и отмѣны возможно бѣльшаго числа безплодныхъ стѣсненій, въ нынѣшнее царствованіе сдѣлано очень много. Едва ли, впрочемъ, почтенный авторъ не слишкомъ суживаетъ время важныхъ и плодотворныхъ преобразованій по этой части, утверждая, что оно началось именно съ 1861 года. Съ другой стороны, нивакиа преобразованія по военной части не могутъ увѣковѣчить имя исполнителей иначе, какъ полнымъ успѣхомъ ихъ, доказаннымъ *войною*.

Мы сказали, что періодъ существенныхъ преобразованій по военному вѣдомству, почтенный авторъ едва ли не слишкомъ суживаетъ, начиная его съ 1861 года. Правда, до 1861 года и нельзя было касаться тѣхъ основаній системы, которыя обуславливались существованіемъ крѣпостнаго права. Но улучшеніе оружія и всей аммуниціонной части, реформы по части госпитальной, созданіе въ войскахъ стрѣлковой части, образованіе особаго комитета по улучшеніямъ, подготовлявшаго реформы, уничтоженіе наслѣдственности воинскаго званія упраздненіемъ кантонистовъ, начало преобразованія военно-учебной части и введеніе въ полки обученія грамотѣ—можно ли игнорировать этотъ рядъ важныхъ реформъ, начиная ихъ эру съ 1861 года?

Основанія, по которымъ производились новѣйшія преобразованія, авторъ формулируетъ такъ: 1) съ переходомъ изъ мирнаго положенія въ военное, никакой части дѣйствующихъ войскъ не формировать вновь, а только приводить въ комплектъ существующія части; 2) пополнять войска не иначе, какъ обученными людьми, и для того имѣть въ запасѣ полное количество безсрочно-отпускныхъ, составляющее разницу между мирнымъ и военнымъ положеніемъ; 3) содержаніе въ наличности постоянно-матеріальныхъ запасовъ по размѣру военного времени.

Въ неспеціальномъ журналѣ, мы можемъ имѣть одну цѣль: содѣйствовать къ ознакомленію нашего общества съ интересными, всегда искренними, а порою и нѣсколько оригинальными этюдами автора надъ тѣмъ, каковы должны быть вооруженныя силы Россіи въ ихъ дальнѣйшемъ развитіи, и надъ характеромъ нашей арміи и армій иностранныхъ. Техническихъ подробностей и вычисленій, которыя составляютъ спеціальное достоинство этюдовъ подобнаго рода, мы вѣчно должны избѣгать.

I.

Г. Фадѣевъ ставитъ положеніе, что въ устройствѣ арміи отражается обусловленный исторіею складъ государства и географическія его условія. Это положеніе онъ доказываетъ обзоромъ устройства главныхъ европейскихъ армій. Здѣсь авторъ является не только специалистомъ, основательно изучившимъ свой предметъ, но и замѣчательно безпристрастнымъ наблюдателемъ. Его не подкупили недавнія побѣды, его не ослѣпили послѣднія неудачи. Онъ смотритъ глубже уровня современныхъ впечатлѣній и новѣйшіе факты для него не представляются какъ *novissima verba*. Въ бѣдственной для Италіи битвѣ при Кустоцѣ, онъ видитъ свидѣтельство не негодности, а напротивъ большихъ успѣховъ итальянской арміи; поражение Австріи въ 1866 году не закрываетъ для него ни слабыхъ пунктовъ въ прусской военной организаціи, ни той стороны, которою сильна военная организація Австріи. Обзоръ этотъ такъ интересенъ, что мы передадимъ его сущность.

Что данное устройство военныхъ силъ въ извѣстномъ государствѣ не есть явленіе произвольное, вызванное просто принятою тамъ системою, а исходитъ изъ общаго источника общественныхъ явленій, изъ народнаго духа и исторіи—это авторъ показываетъ прежде всего на Англіи.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Англія вела долгую и гро-

мадную войну съ Франціею и тѣми союзниками, которыхъ подчинила себѣ Франція. На эту войну Англія напрягала всѣ свои силы и однакоже, несмотря ни на значительное населеніе, ни на свое богатство, не могла создать огромной арміи, потому именно, что гражданское устройство страны не допускало того. Неприкосновенность личности—основной принципъ, выработанный политическою жизнью Великобританіи,—не допускаетъ всенародной конскрипціи и заставляетъ ограничиваться личною вербовкою. Въ другихъ государствахъ обращеніе арміи съ мирнаго положенія на военное удваиваетъ или утроиваетъ составъ арміи. Въ Англіи, не только невозможно такое внезапное увеличеніе, но происходитъ даже скорѣе обратное: съ приближеніемъ опасностей въ военной службѣ, число охотниковъ вступать въ нее уменьшается. «Составъ англійской арміи», говоритъ г. Фадѣевъ, «набранный изъ бездомной черни, преимущественно изъ пропащихъ людей, налагаетъ на нее только ей свойственный характеръ. Англійскій солдатъ — *илотъ*, котораго никакое отличіе не можетъ вывести въ люди; между нимъ и офицеромъ лежитъ также непреходимая грань, какъ между средневѣковымъ рыцаремъ и его вилланомъ. Понятно, какимъ образомъ изъ этихъ отношеній истекаетъ духъ англійскаго устава, его исключительное предпочтеніе развернутаго строя. Англійскій солдатъ, котораго всегда держатъ въ суровыхъ рукавицахъ, хотя и одаренъ отъ природы энергическимъ характеромъ, но вслѣдствіе своего общественнаго положенія и военнаго воспитанія становится пассивнымъ до механичности; энергія его обращается исключительно въ устойчивость!»

Несамостоятельность англійскаго солдата обусловливаетъ то, что отдается преимущество тому строю, при которомъ всѣ солдаты постоянно на виду и въ волѣ своихъ офицеровъ.

Однакоже, англійская армія все-таки армія превосходная; она всегда побѣждала «лучшія войска, какія только могутъ быть», именно войска первой французской имперіи. Высокая нравственная и физическая развитость офицеровъ, «грубая твердость толпы» и превосходное снаряженіе дѣлаютъ изъ этой арміи «важное орудіе, во многихъ отношеніяхъ одностороннее и слишкомъ тяжелое, но страшное».

Объ англійской милиціи г. Фадѣевъ отзывается такъ: «Англія имѣетъ милицію изъ зажиточныхъ, полноправныхъ классовъ, но черни ни подъ какимъ видомъ не даетъ оружія въ руки; въ этомъ отношеніи она также вѣрна себѣ, какъ и въ остальномъ». Авторъ замѣчаетъ, что по первымъ постояннымъ войскамъ, введеннымъ въ Англію въ царствованіе Карла II, можно было

предсказать всю нынѣшнюю организацію англійской арміи, до такой степени она есть естественный продуктъ историческихъ условій.

Не трудно было бы развить эту, совершенно вѣрную мысль автора, показавъ, какъ въ самой системѣ пріобрѣтенія офицерскихъ патентовъ въ британской арміи отражается основной принципъ всего государственнаго строя. Замѣтимъ, что рядомъ съ началомъ свободы личности, которое въ строѣ британскаго государства является скорѣе принципомъ ограничительнымъ по отношенію къ власти, въ немъ преобладаетъ принципъ владѣнія, имущества, выражающійся въ цензѣ и лежащій въ самой основѣ власти. Англійское общество есть, дѣйствительно, собраніе личностей, которыхъ матерьяльная неприкосновенность по отношенію къ власти гарантируется строемъ государства; но самый этотъ строй, и самый источникъ власти есть владѣніе, собственность. Государство англійское, особенно въ періодъ между двумя избирательными реформами 1832 и 1867 года, уже перестало представлять исключительно результатъ созданныхъ исторіею привилегій, но не представляло еще и одной совокупности или общности личностей; это было акціонерное общество, въ которомъ акцію представляло имущество, въ которомъ число акцій, т. е. цензъ, опредѣляло власть, и которымъ, какъ всякую имущественную компанію, управляло собраніе сильнѣйшихъ акціонеровъ. Это уже не было государство чисто-аристократическое, потому что аристократическое правленіе основано на историческомъ правѣ, на привилегіяхъ; это не было и народовластіе — несмотря на преобладаніе общинъ — такъ какъ народовластіе основано исключительно на совокупности правъ личныхъ.

Такой строй англійскаго государства отразился и въ арміи покупкою офицерскихъ патентовъ и наймомъ нижнихъ чиновъ. Отсюда, отношеніе между офицеромъ и солдатомъ въ англійской арміи является не только такимъ, какъ оно изображено у г. Оаддѣва, «отношеніемъ между средневѣковымъ рыцаремъ и его вилланомъ»; но еще такимъ, какое можетъ существовать между людьми, изъ которыхъ одинъ нанятъ за деньги, и обязанъ стоять подъ непріятельскимъ огнемъ, потому что получаетъ «королевскій шиллингъ» (the king's shilling) въ день, — а другой самъ заплатилъ деньги за свое мѣсто, заплатилъ деньги за свою власть и естественно смотритъ на мѣсто и власть какъ на свою собственность, правда, совсѣмъ самолюбиемъ собственника, но и совсѣмъ его деспотизмомъ.

Наше замѣчаніе вовсе не оспариваетъ основной мысли г. Оаддѣва; имъ мы хотѣли только дополнить изображенную авто-

ромъ фізіономію англійской арміи. Обстоятельство, на которое мы указали, и служить главной причиною «непереходимости» для солдата той грани, о которой упоминаетъ авторъ. Британскіе офицеры назначаются по тому же принципу, какъ члены британской палаты общинъ: право на власть они имѣютъ по состоянію, и за власть платятъ деньги.

Почти излишне замѣчать, что уже реформа 1867 года составляетъ значительный шагъ къ демократизаціи британскаго государства, къ обращенію его въ совокупность не историческихъ правъ и имущественныхъ силъ, а полноправныхъ личностей. Нѣтъ сомнѣнія, что реформа эта отразится и на англійской арміи измѣненіемъ порядка приобрѣтенія офицерскихъ патентовъ, тогда уничтожится и для солдатъ «непереходимость грани» изъ званія.

Перехода къ отношенію между характеромъ французской арміи и духомъ и складомъ французскаго общества, авторъ объясняетъ «войнолюбіе» французовъ между прочимъ тѣмъ, что французское государство менѣе рискуетъ въ войнѣ, чѣмъ нынѣ. «Вслѣдствіе сильнаго пораженія», говоритъ онъ, «Австрія можетъ рассыпаться, Италия — быть вновь раздроблена и поработана; изъ Пруссіи, даже послѣ ея вѣниггрецкой побѣды, можно еще накромить десятокъ Саксоній; но кто станетъ надѣяться, при совершенной однородности такого сплошнаго государственнаго тѣла, какъ Франція, отхватить отъ нея провинцію и долго удерживать завоеваніе?» Далѣе онъ замѣчаетъ: «дисциплиной штыковъ держатся французскія власти, славой штыковъ онѣ увлекаютъ страну». Внутреннія причины, которыя заставляютъ держать въ Парижѣ цѣлую армію, а въ Ліонѣ корпусъ, дѣлаютъ то, что Франція, хотя и богаче Пруссіи, однако не можетъ выставить пропорціонально своему населенію такой массы свободнаго во вѣншемъ употребленію войска, какъ Пруссія. Дѣло въ томъ, что чисто-народная армія во Франціи, по мнѣнію автора, который имѣетъ разумѣется въ виду только нынѣ существующій порядокъ — невозможна.

Французское правительство, побужденное успѣхами Пруссіи къ увеличенію своихъ вооруженій, не могло однако просто ввести въ своей странѣ прусскую военную систему. Новый законъ только продлилъ срокъ службы съ 7-ми до 9-ти лѣтъ, для того чтобы имѣть большіе резервы и быть въ состояніи, въ случаѣ войны, быстро укомплектовать дѣйствующую армію. Національная гвардія, которая составляетъ одинъ изъ элементовъ новаго военного устройства Франціи, не то, что ландверъ въ Пруссіи. Главное назначеніе національной гвардіи, по мысли правительства, авторъ

видитъ въ томъ, чтобы имѣть на случай войны полмилліона лишнихъ людей для пополненія дѣйствующихъ войскъ; постановленіямъ закона, который ограничиваетъ употребленіе національной гвардіи извѣстными условіями, авторъ не придаетъ значенія, и въ этомъ нельзя съ нимъ не согласиться.

Результатъ нынѣшняго преобразованія французской военной системы въ сущности тотъ, что теперь, съ переходомъ на военное положеніе она удваивается, тогда какъ прежде увеличивалась въ этомъ случаѣ только на двѣ трети. Между тѣмъ, прусская армія въ этомъ случаѣ увеличивается *втрое*. Такой предѣлъ военной силы во Франціи обусловливается именно тѣмъ, что содержаніе огромныхъ кадровъ было бы невозможно въ финансовомъ отношеніи, а оставленіе на большое число новобранцовъ малыхъ кадровъ лишило бы войско сословнаго духа, дѣлало бы его народнымъ, чего не можетъ желать правительство.

Сверхъ того необходимость отдѣлать большія силы для охраненія спокойствія внутри страны дозволяетъ употреблять на внѣшнюю войну только половину силъ. Такъ, въ войну 1859 года, Франція располагала 180-ю тысячами чел. въ Италіи и 50-ю тысячами на Рейнѣ, всего 230-ю тысячами, то-есть цѣлою третью меньше, чѣмъ сколько выставила въ 1866 году Пруссія.

Изъ всего этого—замѣтимъ мимоходомъ—слѣдуетъ, что мнѣніе, будто Франція при наполеоновскомъ, военномъ правленіи сильнѣе по отношенію къ сосѣдямъ, чѣмъ бы она могла быть при правленіи популярномъ—противорѣчитъ нынѣшнему фактическому положенію. Ясно, что именно популярное правленіе не боялось бы дать арміи народный характеръ, а сверхъ того, не имѣло бы нужды отдѣлать цѣлую армію для внутренней «дисциплины», такъ что при немъ-то именно Франція стала бы гораздо могущественнѣе и въ военномъ отношеніи, наперекоръ тому, какъ вообще думаютъ.

Г. Оадѣвъ въ нѣсколькихъ полновѣсныхъ словахъ очерчиваетъ характеръ французской арміи, которой правительство, для своихъ цѣлей, старалось придать характеръ какъ можно болѣе отчужденной отъ народа касты, посредствомъ премій старымъ солдатамъ за поступленіе на вторичную и третичную службу, и дѣлаетъ мѣткое замѣчаніе, что сама исключительная, «железная» строгость французской военной дисциплины обусловливается демократическимъ составомъ арміи, въ которой между офицерами и солдатами нѣтъ сословной грани. Эта суровая внутренняя дисциплина и вмѣстѣ та подложка, каковую даетъ французское правительство военнымъ по отношенію ко всей земщинѣ, *дастъ французскимъ солдатамъ, какъ выражается авторъ, «свой-*

ства наемныхъ бойцовъ, ландскнехтовъ XVI вѣка, дерзость, отвагу, славолюбіе, фанатизмъ къ своему знамени, презрѣніе ко всему не военному».

Мы должны замѣтить, что въ этомъ портретѣ не дорисована одна существенная черта, та внутренняя сила, какую даетъ французской арміи именно ея демократичность. *Tout soldat* — говоритъ французская пословица — *porte dans sa giberne le bâton de maréchal*. Эта пословица возможна только во Франціи и въ Америкѣ; а въ принципѣ этомъ нельзя не видѣть magna возбужденія для того «славолюбія», о которомъ говоритъ авторъ. Сверхъ того, что лучше для дисциплины истинной, боевой, а не парадной — полная ли солидарность солдатъ съ офицерами или уваженіе къ сословному авторитету?

Пруссію г. Өадъевъ не считаетъ еще въ полномъ смыслѣ національностью. «Относительно исторической крѣпости», говоритъ онъ, «Пруссія отличается отъ Австріи только тѣмъ, что та распалась бы безъ всякой боли, между тѣмъ, какъ первая чувствовала бы боль въ минуту разрыва, но только въ эту минуту, не долге. Еслибы въ послѣднюю войну австрійцамъ удалось рѣшительно взять верхъ, Силезія, прусская Саксонія, рейнскія провинціи стали бы кричать, вѣроятно, ощутили бы, какъ ихъ отдираютъ отъ бранденбургской монархіи; но черезъ три года, онѣ были бы спокойны, чувствовали бы себя дома, подъ другими, нѣмецкими правительствами».

Прусская военная система основана на томъ фактѣ, что война, когда она представлялась Пруссіи, всегда являлась передъ нею какъ борьба за существованіе. Отсюда вся военная система Пруссіи построена на поголовномъ ополченіи. Прусская армія — народное войско, и вмѣстѣ съ тѣмъ вся Пруссія — военный лагерь. Въ 1866 году, всего черезъ мѣсяць по объявленіи войны, дѣйствующія войска Пруссіи состояли изъ 360 тысячъ чело- вѣкъ.

Прусская армія держится преимущественно офицерами. Мелкопомѣстное дворянство изъ роду въ родъ служитъ въ военной службѣ и въ этихъ — то наследственно-подготовленныхъ офицерахъ вся сила прусской арміи. «Хорошо подученное ополченіе, предводительствуемое наследственнымъ военнымъ и волнственнымъ дворянствомъ». Въ прусскихъ солдатахъ преобладаютъ именно качества ополченія. По отзыву автора, прусскій солдатъ тѣмъ лучше, чѣмъ онъ моложе, чѣмъ старше тѣмъ хуже — совершенно на оборотъ тому, что замѣчается во всѣхъ другихъ арміяхъ. Военная система, основанная на народномъ ополченіи, разумѣется возможна только въ такой странѣ, въ ко-

той правительство может вполне положиться на низшіе классы, и которая имѣетъ хорошіе пути сообщенія. По самому существу своему, прусское военное устройство — чисто-оборонительное. Для упорныхъ, наступательныхъ войнъ оно не годится, потому что нація не можетъ выносить долго чрезвычайнаго напряженія. Могущество, проявленное Пруссіею въ послѣднюю войну, которая продолжалась двѣ недѣли, едва ли можетъ представить намъ мѣру силы Пруссіи при участіи въ великой борьбѣ, которая нѣсколько разъ склонялась бы то на одну, то на другую сторону. При нынѣшней общей склонности преувеличивать дѣйствительное могущество Пруссіи, представляетъ особый интересъ слѣдующее мнѣніе г. Фадѣева: «Призывая въ армію сразу почти все населеніе способное носить оружіе, Пруссія уподобляется человѣку, выходящему на бой съ однимъ зарядомъ; если онъ не свалитъ противника первымъ выстрѣломъ, онъ останется передъ нимъ безоружнымъ. Очевидно, что противъ государства, котораго нельзя свалить разомъ, какъ Франція, не говоря уже о Россіи, прусскій натискъ составляетъ не больше какъ дѣтній ливень, конца котораго можно дожидаться подъ первымъ навѣсомъ».

Г. Фадѣевъ, выставляя особенности арміи австрійской, также обусловленная исторіею и географическими данными, указываетъ какъ на самую слабую ея сторону, на непониманіе офицерами солдатъ и наоборотъ. Но правительство сдѣлало въ своей заботливости о созданіи чисто корпоративной, вполне преданной арміи чудеса: три четверти, если не девять десятыхъ этой арміи, принадлежатъ къ національности *императорской портупей* и «готовы биться хоть противъ отцовъ и братьевъ», до такой степени «полковой духъ задушилъ въ нихъ духъ народный». Это чудо, совершенное австрійскимъ правительствомъ, тѣмъ удивительнѣе, что солдаты въ австрійской арміи замѣщаются въ полки по національностямъ. Мы должны однако нѣсколько усомниться въ полнотѣ этого «чуда», на которое указываетъ авторъ, когда припомнимъ, что именно Австрія, которая, сколько намъ извѣстно, одна только размѣщаетъ солдатъ въ полки по національностямъ (вынужденная къ тому очевидно невозможностью поступать иначе) — и придумала такъ-называемый *Нербанн*, то-есть систему, по которой славянскіе полки посылались въ итальянскія области, а нѣмецкіе полки въ области славянскія. Стало быть, само оно никогда, т. е. еще нѣсколько вѣковъ назадъ, точно такъ какъ и теперь, не было увѣрено, что его полки признаютъ только одну національность — «национальность императорской портупей». Но это замѣчаніе и касается только одной Австріи,

несколько не отрицая пользы распределенія солдатъ въ полки по мѣстностямъ, въ которыхъ они набраны.

Итакъ, въ каждомъ государствѣ, военное устройство опредѣлялось историческими и географическими условіями и потому въ каждомъ государствѣ оно до нѣкоторой степени самобытно. Въ одномъ только русскомъ устройствѣ такой самобытности не оказывается. Со времени петровой реформы, тутъ все строилось подражаніемъ и фридриховская система все еще преобладала у насъ въ то время, когда вся Европа давно ее бросила. Впрочемъ, и въ нашей прежней военной организаціи сказалося одно народное, историческое условіе: крѣпостное право. Оно лишило Россію возможности ввести у себя кратко-срочную военную службу и имѣть запасныя войска, потому что нельзя было проводить много людей чрезъ военную службу, когда она освобождала ихъ отъ крѣпостной зависимости. Сверхъ того, существованіе крѣпостного права имѣло вліяніе на громадное развитіе мѣстныхъ войскъ у насъ. Численность внутренней стражи доходила до 180 тысячъ человекъ. Понятно, что при закрѣпленіи 20 милліоновъ, необходимо было постоянное присутствіе во всѣхъ мѣстностяхъ значительной военной силы, а это, разумѣется, уменьшало нашу силу внѣшнюю.

II.

Главнымъ правиломъ при преобразованіи нашей арміи, мы уже выше сказано, служилъ принципъ возможно большей растяжимости. Держать постоянно въ наличности весь итогъ силъ, необходимыхъ для войны, невозможно. Напротивъ, всѣ государства убѣдились въ той истинѣ, которую мы, видоизмѣняя извѣстное изреченіе, формулируемъ такъ: «если хочешь войны, будь бережливъ въ мирѣ», — чѣмъ меньше будешь вздерживать на армію въ мирное время, тѣмъ больше будешь имѣть средствъ на случай войны. Отсюда правило, что чѣмъ больше разница въ наличномъ составѣ людей по мирному положенію, сравнительно съ военнымъ, тѣмъ сильнѣе можетъ быть государство въ моментъ боя. Чтобы содержать какъ можно меньше людей во время мирное, приходится выбирать одно изъ двухъ: или расформировывать цѣлыя части и составлять ихъ вновь для войны, или же оставлять въ каждой части кадры, и вслучаѣ войны только такъ скакать вливать въ готовые сосуды наплывъ большей численной силы. Ясно, что послѣдняя система рациональнѣе.

Она и принята у насъ. Такъ, вмѣсто прежнихъ 28 пѣхот-

ныхъ дивизій, учреждено 47 дивизій. Въ нихъ батальоны, которыхъ комплектъ — 1,000 человекъ, въ мирное время ограничиваются составомъ въ 680, 500 и 320 человекъ (три степени). Такимъ образомъ, при переходѣ въ мирному положенію, пѣхота можетъ быть сокращена на цѣлую треть, а между тѣмъ, остаются непривосновенными всѣ звенья грозной боевой системы и приготовленіе къ войнѣ можетъ совершаться не валовымъ приливомъ необработанныхъ силъ, а правильною методою, которая допускаетъ подготовленіе вновь прибывающихъ и ручается за равное достоинство даже малѣйшихъ боевыхъ единицъ. Для подготовки людей къ обязанностямъ службы учреждены въ пѣхотѣ, кавалеріи и артиллеріи резервные части.

Нынѣшнюю организацію русской арміи авторъ признаетъ достаточною для отпора той силѣ, какую Россія имѣла передъ собою въ крымскую войну. Но онъ признаетъ ее рѣшительно недостаточною по нынѣшнимъ обстоятельствамъ.

Со времени крымской войны, въ Европѣ произошли важныя перемены; возникло новое первостепенное государство—Италія, Пруссія стала великою державою уже не по имени только, а въ дѣйствительности, и всѣ государства значительно увеличили свои арміи. Г. Фадѣевъ говоритъ: «Германія и Испанія, прежде все равно (?) какъ бы не существовавшія въ общемъ итогѣ, вносятъ теперь въ политическое равновѣсіе міра полмилліона дѣйствующихъ войскъ, а съ Соединенными Штатами итогъ приращенія нельзя даже исчислить.» Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ, что 200-тысячная дѣйствующая армія Италіи составляетъ важную и для насъ разницу въ военномъ равновѣсіи Европы потому именно, что для насъ она можетъ означать 200-тысячное подрѣпленіе арміи французской; но если принимать постоянное дѣленіе европейскихъ государствъ на враждебныя и союзныя съ нами, то слѣдуетъ признать, что усиленіе Пруссіи, въ которой мы можемъ предполагать союзника настолько же, какъ въ Италіи врага, восстанавливаетъ балансъ въ нашу пользу. О Соединенныхъ Штатахъ, намъ кажется, едва-ли можно серьезно говорить какъ объ европейской военной державѣ. Война въ Америкѣ показала, какую страшную силу можетъ развернуть эта могущественная республика въ случаѣ нужды. Она явила никогда невиданный примѣръ милліоннаго ополченія волонтеровъ; до тѣхъ поръ только примѣръ республиканской Франціи представлялъ нѣчто въ этомъ родѣ, хотя и въ гораздо меньшихъ размѣрахъ. Но громадная вооруженная сила Соединенныхъ Штатовъ — чисто-оборонительная и не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ принимаема въ расчетъ при взвѣшиваніи положенія дѣлъ

въ Европѣ. Даже участіе въ европейской войнѣ сѣверо-американскаго флота, на которое разсчитываетъ авторъ, въ другомъ мѣстѣ, представляется весьма проблематичнымъ по смыслу всей политики союза. Девизъ «Америка — американцамъ» имѣетъ и отрицательный смыслъ; онъ означаетъ также «американцамъ — Америка».

Но важнѣе всего тотъ фактъ, что отношеніе численности нашей дѣйствующей арміи къ итогу дѣйствующихъ иностранныхъ армій или, что тоже, относительная военная сила Россіи въ Европѣ уменьшилась. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, дѣйствующія силы Россіи составляли почти *половину* дѣйствующихъ силъ остальныхъ великихъ державъ взятыхъ вмѣстѣ, а теперь составляютъ только третью послѣднихъ. Да сверхъ того, у насъ нѣтъ резервовъ. Съ резервными же войсками (которые могутъ быть введены въ дѣло), силы первоклассныхъ державъ Европы относятся къ силамъ Россіи какъ 4 къ 1¹⁾. Вотъ исчисленіе дѣйствующихъ силъ и резервовъ европейскихъ государствъ:

Англія	72,000	12,000	милиціи, кромѣ волонтеровъ
Франція	480,000	400,000	національной гвардіи.
Италія	300,000	—	»
Сѣверо-германскій Союзъ.	507,000	200,000	ландвера, кромѣ зап. войскъ
Австрія	486,000	360,000	5-хъ и 6-хъ батальоновъ, и граничныхъ войскъ, волон- кромѣ 4-хъ зап. батальоновъ
	1,844,000	870,000	
Россія	650,000	—	кромѣ 13 крѣп. бат. ничто ²⁾

Каковы бы ни были эти цифры, ясно одно, именно, что если русскія дѣйствующія силы составляютъ и нынѣ 650 тысячъ чел., какъ онѣ составляли въ 1853 году (не считая 6 дивизій на Кавказѣ), то въ виду очевидно увеличившихся вооруженій Европы, онѣ уже не занимаютъ прежняго мѣста.

Собственно говоря, если въ итогѣ армій шести первоклас-

¹⁾ Авторъ говоритъ: «Считая резервы, которыхъ у насъ совсѣмъ нѣтъ, наши силы составляютъ лишь пятую часть *противъ* суммы пяти главныхъ державъ». Замѣтъ, что термины сравненія у г. Фадѣева неодинаковы. Такъ, по приводимымъ имъ цифрамъ 1853 года, русская армія въ самомъ дѣлѣ составляла почти половину суммъ остальныхъ первоклассныхъ; по его же цифрамъ настоящаго времени, русская армія составляетъ около одной шестой не суммы *остальныхъ* первоклассныхъ армій, а *итого* войскъ *всѣхъ* великихъ державъ, включая и Россію. О самыхъ цифрахъ, приводимыхъ авторомъ, слышно было бы спорить, такъ какъ, кромѣ Сѣверо-германскаго союза и Англіи, всѣ онѣ еще преобразуются, такъ что въ исчисленіи ихъ будетъ всегда доля произвола, смотря по тому, брать ли цифры предположенныя или наличныя въ данную минуту.

СНУХЪ державъ, наша армія представляетъ одну пятую, то таковой фактъ казался бы утѣшительнымъ: значить у насъ все-таки болѣе дѣйствующаго войска, чѣмъ приходилось бы на нашу долю, если бы вывести среднюю цифру.

Но г. Оадъевъ доказываетъ, что наше положеніе исключительное и съ этимъ нельзя не согласиться, до нѣкоторой степени. Такъ какъ рѣшеніе вопроса о необходимой для государства силѣ вооруженій зависитъ болѣе всего отъ взгляда на политическія отношенія, то мы должны изложить политическій взглядъ автора.

Перемѣны, происшедшія въ Европѣ со времени крымской войны, были благопріятны для большинства великихъ державъ; даже Австрія «утратила однѣ мечты, конечно очень розовыя (?), но потерпѣла мало ущерба въ дѣйствительности». Не говоря о только-что сплотившейся Италіи, Пруссія и Франція пріобрѣли новыя владѣнія, Англія же пріобрѣла въ усилившейся Пруссіи континентальный оплотъ. Для одной Россіи совершился въ Европѣ перемѣны скорѣе неблагопріятны, чѣмъ наоборотъ. Въ Италіи явилась союзница «конечно не дружественному намъ лагерю»; объединеніе Германіи сдѣлало прусскій союзъ не безусловнымъ и сверхъ того лишило насъ исключительнаго положенія, какое мы имѣли на Балтійскомъ морѣ; пораженіе Австріи, обращая все ея тяготѣніе на юго-востокъ, также неблагопріятно для насъ.

Но этого мало: оставляя въ сторонѣ упоминаемый авторомъ интересъ Европы къ Польшѣ и Финляндіи, какъ несущественный, нельзя не согласиться съ нимъ, что западная Европа подвинулась къ намъ ближе тѣмъ, что взяла въ свои руки опеку надъ румынскими княжествами и христіанскими населеніями Турціи.

Впрочемъ, авторъ идетъ еще далѣе; онъ ставитъ положеніе, что вся Европа въ сущности враждебна Россіи. «Хотя великія западныя державы», говоритъ онъ, «обрѣзываютъ не церемонясь, когда могутъ, одна другую, но существованіе каждой изъ нихъ, даже существованіе въ нормальной силѣ, за нею признанной, обезпечено всею Европой. Это обезпеченіе нисколько не простирается на насъ. Если бы можно было лишить Россію ея европейскаго положенія, отрѣзать ее отъ морей, забросить ее даже за Москву, многіе были бы рады содѣйствовать такому счастливому событію, а изъ прочихъ принято бы о насъ не потужить, не написалъ бы ни одной дипломатической ноты въ нашу пользу. Сочувствуя намъ въ 1812 году, Европа сочувствовала только себѣ, своему безпомощному положенію передъ Наполеономъ. Нѣтъ

сомнѣнія, что въ душѣ, въ общественномъ настроеніи, независимо отъ дипломатическихъ интересовъ, западная Европа въ общей массѣ намъ враждебна». Въ этихъ словахъ есть преувеличеніе, но есть и доля правды. Авторъ не обходитъ и причину этой враждебности, изъ которыхъ главная по его мнѣнію та, что западныя державы считаютъ насъ всѣхъ, русскихъ и не русскихъ славянъ и православныхъ, людьми чужими. Что славянскій православный міръ стоитъ въ Европѣ особнякомъ — это правда, но едва ли тутъ главную роль играетъ именно исповѣданіе. Нельзя напр. сказать, чтобы западная Европа считала Грецію чуждою себѣ страной, хотя страна эта и православная, нельзя не замѣтить, что и въ нашихъ глазахъ эллинь гораздо болѣе похожъ на итальянца и имѣетъ съ нимъ гораздо болѣе общаго, какъ личность, чѣмъ сколько онъ похожъ на серба. Зависитъ это просто отъ того, что Греція до половины XV-го вѣка была близка Европѣ самою политическою жизнью, и по торговлѣ была близка ей всегда, между тѣмъ, какъ міръ восточныхъ славянъ былъ извѣстенъ Европѣ только изъ описаній путешественниковъ. Посмотрите, какое понятіе имѣлъ о Россіи еще Монтескье; да и до сихъ поръ насъ знаютъ въ Европѣ очень неудовлетворительно, а не понимаютъ почти совсѣмъ.

Что Европа прошла черезъ феодальную систему, а восточное славянство — нѣтъ, въ этомъ обыкновенно видятъ коренное различіе между Западомъ и Востокомъ. Но едва ли и это различіе можно признать существеннымъ. Вѣдь сословная рознь существовала и у насъ, а со времени петровской реформы у насъ рознь эта даже постоянно усиливалась, въ то время какъ на Западѣ она постепенно сглаживалась. Правда, въ европейскихъ нравахъ до сихъ поръ сохраняется гораздо болѣе, чѣмъ то замѣтно у насъ, дворянская идея; нѣмецкій баронъ болѣе думаетъ о своемъ баронствѣ, когда относится къ образованному бюргеру, чѣмъ русскій баронъ. Но за то самъ герцогъ Ноайль или Ларошфуко болѣе имѣетъ общаго съ французскимъ крестьяниномъ, чѣмъ у насъ прирожденный чиновникъ или любой офицеръ съ мужикомъ. Французскій крестьянинъ ѣстъ бѣлый хлѣбъ и пьетъ вино, какъ и герцогъ, обоихъ ихъ одинаково воодушевляютъ нѣсколько народныхъ идей.

Отчужденность восточнаго, славянскаго, православнаго міра отъ Запада, какъ фактъ историческій, конечно зависѣла отъ всѣхъ причинъ, приведенныхъ выше, но эти причины давно перестали дѣйствовать: мы — чужіе для Европы вовсе не потому, что въ настоящее время ходимъ въ иную церковь или менѣе проникнуты дворянскою идеею (которой нѣтъ и у американцевъ,

очень близкихъ Европѣ), а просто потому, что мы не жили одною жизнью съ Европою, не участвовали въ общемъ ея развитіи.

Но какъ бы то ни было, самое незнакомство или несходство еще едва ли непремѣнно вызываетъ враждебность. Тутъ главнымъ образомъ дѣйствуютъ просто политическія причины. Можно навѣрное сказать, что Европа точно также была враждебна Франціи, начиная съ Карла VIII и Людовика XII. Съ тѣхъ поръ Европа всегда была готова къ коалиціи противъ Франціи.

Можно было бы сказать многое и противъ того различія, которое авторъ проводитъ между отношеніями нашими къ Европѣ во время священнаго союза и теперь, когда наша политика не игнорируетъ интересовъ національности. Онъ говоритъ, что Европа во время священнаго союза только потому не соперничала съ нами, что мы «пошли къ ней въ службу, ступевались и едва ли не перестали быть русскими». Этого рода разсужденіе у насъ повторяется часто. Но священный союзъ предполагалъ общее отреченіе отъ идеи національности, онъ исключалъ эту идею, казавшуюся революціонною. Развѣ, когда Пруссія, подъ нашимъ же вліяніемъ, повинута шлезвигъ-гольштейнцевъ, она не «переставала быть нѣмецкою»? Мы колебались сперва освободить Грецію, однакоже освободили ее, а сдѣлала ли что-нибудь бурбонская Франція для освобожденія Италіи? Странно требовать совмѣщенія въ одной системѣ самыхъ противоположныхъ идей. Роль Россіи въ священномъ союзѣ была далеко не послѣдняя и потому нельзя сказать, что мы «пошли къ нему на службу».

Что пока существовалъ этотъ союзъ, не было соперничества нашего съ Европою, а когда мы стали отчасти допускать въ нашу политику принципъ національностей, то соперничество проявилось, — это совершенно естественно. Не было борьбы потому, что былъ союзъ, а принципъ національностей не въ однихъ нашихъ отношеніяхъ къ Европѣ вызываетъ соперничество. Онъ необходимо обуславливаетъ общее соперничество въ Европѣ, онъ-то и разрушилъ всѣ союзы. Итакъ, напрасно выставлять Европу столь коварною, что она требуетъ отъ насъ непремѣнно прислужничества и готова соединиться противъ насъ *только* потому, что мы не хотимъ служить ей.

Для чего такая очевидная натяжка? Развѣ и безъ этого нельзя доказать вполне убѣдительно то, что доказать требуется, именно, что при всеобщемъ усиленіи вооруженій и со стороны Россіи естественно не отставать, что, особенно въ восточномъ вопросѣ, мы должны имѣть въ виду коалицію, а стало быть и принимать на таковой конецъ соотвѣтственныя мѣры? «Съ тѣхъ поръ,

какъ Россія стала становиться русскою — говоритъ авторъ — мы всегда должны быть готовы въ такому обороту дѣлъ». Ну, а Пруссія, съ тѣхъ поръ, какъ она «стала становиться» нѣмецкою, развѣ не должна быть также готова встрѣтить коалицію? Отчего это мы всегда расположены думать, что то, что съ нами случилось, не случилось еще ни съ кѣмъ, что на все у насъ были какія-то особыя причины, и все, что мы ни испытываемъ, безпримѣрно въ исторіи?

III.

Итакъ, рѣшено, что мы должны обусловливать размѣръ нашихъ вооруженій неминуемостью коалиціи. Слѣдуетъ, стало быть, разсмотрѣть, сколько намъ можетъ потребоваться силъ, взвѣсить наши шансы и разчислить, какъ наши силы должны быть размѣщены. Главныя выгоды Россіи въ военномъ отношеніи заключаются, конечно, въ томъ, что Россія — громадное государство. Считая въ Россіи, въ 1868 году, населеніе въ 80 милліоновъ, какъ то дѣлаетъ авторъ ¹⁾, получимъ цифру, которая превосходитъ итогъ населенія Франціи, Австріи, Бельгіи и Голландіи. Отношеніе между численностью арміи и числомъ населенія у насъ гораздо меньше, чѣмъ въ другихъ континентальныхъ большихъ государствахъ. Еслибы Россія вооружилась въ такомъ размѣрѣ, какъ Пруссія, то у ней оказалось бы на лицо 3 милл. 200 тысячъ солдатъ. Впрочемъ, предѣлъ возможнаго здѣсь опредѣляется прежде всего экономическимъ положеніемъ и опредѣляется у насъ, конечно, гораздо ниже этой нормы. Авторъ хотя и не сказалъ этого, но долженъ былъ имѣть это въ виду. Изъ того, что Пруссія на 18¹/₂ милл. населенія могла бы содержать 720 тысячъ солдатъ, вовсе не слѣдуетъ, что даже съ 80-ти милліоннымъ населеніемъ мы могли бы содержать болѣе, чѣмъ трехмилліонную армію. Правда, содержаніе солдата (по мирному положенію) у насъ обходится дешевле, чѣмъ гдѣ-либо. Англійскій солдатъ стоитъ въ годъ 2,737 франковъ, французскій 923, прусскій 734, а русскій только 560 франковъ; но нашъ военный бюджетъ, сравнительно съ общимъ, и теперь тяжелъ, чѣмъ въ Пруссіи. Громадное пространство Россіи дастъ ей ту выгоду въ войнѣ, что она не можетъ быть побѣждена совершенно, какъ напр. Франція въ 1814 году или Пруссія въ 1806. Еще выгода Россіи въ военномъ отношеніи — что у насъ нѣтъ

¹⁾ По Статист. Врем. за 1866 г. выходитъ цифра около 69 милл. 600 т.

причины, которая бы препятствовала даже въ минуту величайшей опасности вооружить народную массу. Напротивъ, у насъ уже не разъ обращались къ ополченію, и авторъ въ ополченіи именно видитъ тотъ резервъ, котораго намъ недостаетъ для необходимаго уравниванія нашихъ силъ. Что уравниваніе это — т. е. увеличеніе — необходимо, авторъ доказываетъ, между прочимъ, особенною важною, какую получило въ военномъ дѣлѣ, въ настоящее время, количество войска въ сравненіи съ качествомъ.

Главное преимущество старыхъ, опытныхъ войскъ заключается въ ихъ «силѣ удара». Но при усовершенствованіи огнестрѣльнаго оружія, въ «силѣ удара» не такъ часто приходится обращаться. «Теперь — говоритъ авторъ — уже не побьешь съ десятию тысячами тридцать или двадцать тысячъ европейскихкихъ войскъ, какъ сплошь и рядомъ случалось прежде». Въ послѣдней битвѣ при Кустоцѣ оказалось, что армія недавно образованная, и состоявшая изъ наименѣе годныхъ для военнаго дѣла элементовъ, продержалась на полѣ сраженія цѣлый день противъ опытныхъ войскъ потому только, что численныя силы были равны.

Главныя невыгоды Россіи въ дѣлѣ войны съ Европою заключаются въ томъ, что Россія всегда должна быть готова встрѣтить противъ себя не одну державу, а коалицію, и сверхъ того, не можетъ знать навѣрное, куда будетъ направленъ ударъ противниковъ, между тѣмъ, какъ каждое другое государство болѣе или менѣе вѣрно знаетъ, съ какой именно стороны можетъ быть нанесенъ ударъ. Отсюда является для насъ необходимость растягивать наши силы. Надо прибавить, что такъ какъ въ союзѣ противъ насъ, по всей вѣроятности, будетъ хоть одна морская держава, то намъ придется, какъ уже было, защищать огромную линію береговъ отъ опасности десанта, который можетъ быть произведенъ во многихъ пунктахъ. Сама столица стоитъ на берегу. Берега Балтійскаго, Чернаго, Бѣлаго морей, 14 крѣпостей, лежащихъ вдоль западной и южной границъ, Царство Польское и западныя губерніи, да Кавказъ, то-есть двадцать шесть губерній — все это должно быть занято, обезпечено силами, которыя останутся мертвыми. Изъ этого г. Ѳадѣевъ выводитъ заключеніе, что одними постоянными войсками мы никакъ обходиться не можемъ. Чтобы при войнѣ обезпечить все то, что требуетъ обезпеченія, да еще имѣть достаточное число свободныхъ дѣйствующихъ войскъ, надо имѣть такую армію, «какой не было ни у Чингисхана, ни у Наполеона въ то время, когда онъ распорядился Европою, ни у кого не было». Геогра-

фическое положеніе Россіи обусловливаетъ для насъ необходимость содержать во время войны большое число войскъ временныхъ.

Вотъ какъ авторъ разчисляетъ, основываясь на примѣрѣ восточной войны, распредѣленіе войскъ, которыя необходимы для обороны: «Оборонительныя средства будутъ сосредоточены въ четырехъ мѣстностяхъ: 1) на берегахъ балтійскихъ, 2) въ западныхъ губерніяхъ, 3) на берегахъ черноморскихъ, 4) на Кавказѣ». Для обезпеченія этихъ мѣстностей, необходимо временныхъ войскъ съ небольшимъ 400 тысячъ человекъ (составъ 34 дивизій). Но лучше было бы прибавить къ нимъ еще около 80 тысячъ, въ видѣ помощи дѣйствующимъ войскамъ и на всякій случай. Такимъ образомъ, примѣрная цифра войскъ временныхъ или резервныхъ, опредѣлена.

Затѣмъ спрашивается, каковы должны быть силы дѣйствующія. Необходимая численность ихъ опредѣляется предполагаемою численностью непріятеля. Для этого г. Гауфевъ употребляетъ такой приемъ: онъ предполагаетъ, что имѣя достаточно силъ мы, въ 1855 году, чтобы избавиться отъ морской войны, сдѣлали бы нападеніе на Австрію (допуская, что Пруссія не вступила бы за нее). Въ такомъ случаѣ французы, вмѣстѣ съ австріяками и итальянцами, стали бы дѣйствовать противъ насъ на Карпатахъ; на Дунаѣ и въ Азій остались бы противъ насъ турки съ англичанами. Принявъ за вѣроятное такое распредѣленіе войскъ союзниковъ, авторъ перелагаетъ тогдашнія силы ихъ въ новыя цифры, сообразно съ нынѣшнимъ составомъ армій, которыми они могутъ располагать, по новой организаціи европейскихъ войскъ. Выходитъ, что австріяковъ было бы 350 тысячъ, французовъ 150 тысячъ, итальянцевъ 100 тысячъ (сравнительно съ французами не слишкомъ ли много?). Силы же турокъ и англичанъ на Дунаѣ и въ Азій авторъ опредѣляетъ прежними цифрами ихъ войскъ, участвовавшихъ въ восточной войнѣ и ставить 100 тысячъ на Дунаѣ и 70 т. въ Азій.

Значитъ, Россіи пришлось бы выставить 600 тысячъ человекъ въ западной арміи, 100 т. въ южной и 70 т. на Кавказѣ, на берегу Чернаго моря и по турецкой границѣ: всего 770 т. чел. дѣйствующихъ войскъ. Вдобавокъ къ этой массѣ потребовались бы еще, кромѣ резервныхъ войскъ, войска для обезопасенія отъ Швеціи, для удержанія въ Оренбургскомъ краѣ и Сибири, на конецъ для подкрѣпленія резервовъ-ополченій нѣкоторыми количествами войскъ опытныхъ — 130 т., всего съ арміями 900 тысячъ. Эти 900 т. дѣйствующихъ войскъ, вмѣстѣ съ 480 т. резервовъ-ополченій, составили бы 1,380,000 чел. кромѣ пол-

зовыхъ депò и нестроевыхъ. Цифра огромная, но вѣдь къ концу восточной войны у насъ числилось войска еще гораздо больше, только цѣлыя три четверти его было неспособно.

Въ приведенномъ расположеніи дѣйствующихъ войскъ авторъ видитъ не частный случай, зависѣвшій собственно отъ тогдашнихъ обстоятельствъ, а *нормальное распределение русскихъ силъ при всякой борьбѣ противъ европейскаго союза*. Постоянная война могла бы быть рѣшена въ нашу пользу только успѣхомъ на западной границѣ. «Гордіевъ узелъ», говоритъ онъ, «перенесенъ на другую почву; отнынѣ румянцовскіе походы не могутъ болѣе приносить плодовъ и судьба всѣхъ вопросовъ, ставящихся насъ съ Западомъ не только по турецкимъ, но даже по азіатскимъ дѣламъ, если они доростутъ до такихъ размѣровъ, должна рѣшаться на европейскихъ поляхъ; однимъ словомъ — вся боевая сила Россіи заключается въ ея западной арміи, стоящей на своемъ натуральномъ базисѣ, на Вислѣ». Остальныя арміи могутъ играть только второстепенную роль, но судьба всякой нашей борьбы съ Европой будетъ рѣшаться на западной границѣ. Если бы въ восточной войнѣ намъ выпали блестящіе успѣхи на Балканахъ и въ Анатолиі», говоритъ авторъ, «то мы проиграли бы дѣло на Вислѣ, къ чему повели бы насъ эти успѣхи? Если же, напротивъ, союзники одержали бы верхъ надъ нами на Днѣстрѣ, овладѣли Крымомъ, Закавказьемъ, Финляндіей и даже Петербургомъ (!), но въ тоже время ихъ силы были бы на голову разбиты на поляхъ средней Европы, кто диктовалъ бы условія мира?»

Намъ думается, что авторъ здѣсь увлекается слишкомъ далеко принятымъ имъ методомъ для доказательства, что армія наша должна имѣть резервы, какъ всѣ европейскія арміи. Эта необходимость, какъ намъ кажется, можетъ быть доказываема посредствомъ самаго простаго умозрѣнія: всѣ даютъ своимъ арміямъ болшую растяжимость, увеличиваютъ наличный составъ дѣйствующихъ войскъ и создаютъ резервы, стало бытъ и Россія должна дѣлать это въ пропорціи нашего населенія и экономическихъ средствъ — вотъ и все. Но г. Оадѣвъ хочетъ доказать свою мысль болѣе наглядно, такъ сказать математически, вычисленіями, и принимаетъ для этого методъ нѣсколько искусственный. Когда говорятъ о возможности для Россіи войны, то имѣютъ въ виду преимущественно вопросъ восточный. И г. Оадѣвъ имѣетъ преимущественно въ виду именно этотъ вопросъ. Тѣ политическія необходимости, которыя обуславливаютъ, что вся дѣятельность или жизнь государства «не можетъ заключаться въ его предѣлахъ», какъ онъ говоритъ въ заключеніи своей

книги—относятся очевидно къ вопросу восточному. Не можетъ же быть, чтобы военный специалистъ, человѣкъ практической, имѣлъ въ виду вложить въ основу преобразования нашей арміи «необходимость» присоединить къ Россіи славянъ австрійскихъ, которые борятся именно за политическую самостоятельность своихъ народностей. Что авторъ имѣетъ въ виду преимущественно войну изъ-за восточнаго вопроса, это ясно и изъ того, что вся его система основана на предположеніи коалиціи противъ насъ; а общая коалиція противъ насъ именно только по восточному вопросу и несомнѣнна. Во всякомъ иномъ вопросѣ, если мы предположимъ возможность союза противъ насъ, то должны предположить и возможность союзника на нашей сторонѣ. Странно было бы думать, что по какому бы то ни было вопросу всегда будетъ

«Европа противъ насъ. Окружено врагами
Отечество со всѣхъ сторонъ».

Еще страннѣе влечь въ основу военной организаціи одного государства мысль, что это государство должно быть постоянно готово дать отпоръ всему міру.

Между тѣмъ, вотъ какъ поступаетъ почтенный авторъ.

Да, по восточному вопросу мы должны всегда ожидать коалиціи; восточнаго вопроса мы все-таки не можемъ навсегда упускать изъ виду; очень легко можетъ даже случиться, что вооруженное вмѣшательство здѣсь будетъ намъ навязано независимо отъ нашей инициативы. Предположимъ, напр., обширное славянское возстаніе въ земляхъ Турціи и рѣшимость Франціи, Англии и Австріи занять эти земли своими войсками.

Но за то именно по восточному-то вопросу и мало вѣроятно, чтобы базисомъ операцій сдѣлалась Висла и чтобы восточный вопросъ сталъ рѣшаться на Карпатахъ коалиціею противъ уединенной Россіи. Во всякомъ случаѣ, такая гипотеза дѣлаетъ невозможнымъ спокойное присутствіе на Карпатахъ 150 тысячъ французовъ, а что касается 100 тысячъ итальянцевъ, то съ какою же стати они будутъ тамъ? Отчего предполагать, что Пруссія останется нейтральною, а Италія непременно пойдетъ на насъ, вмѣстѣ съ Австріею? Это большая политическая путаница. Правда, союзъ Пруссіи съ Россіею нынѣ не такъ вѣренъ, потому что Пруссія стала почти Германіею. Но за то же вѣдь и Италія — не Сардинія. Выслуживаться въ восточномъ вопросѣ, чтобы получить производство въ Европѣ ей нѣтъ болѣе нужды. Да и что же она могла бы получить за такую службу? Триестъ? Итальянскій Тироль? Нѣтъ, потому что она дѣйствовала бы въ

союзъ съ Австріею. Римъ? Но развѣ Римъ уйдетъ отъ Италіи? Завоевывать себѣ Римъ въ Византіи она можетъ также мало, какъ западныя державы рѣшать балканскій вопросъ на Карпатскомъ хребтѣ. Все это непрактично и подобныя предположенія принадлежать скорѣе къ области политическихъ мечтаній, чѣмъ сужденій чисто-фактическихъ, которыя одни могутъ служить основами для рѣшенія такого практическаго вопроса, какъ вопросъ о преобразованіи или усиленіи арміи.

Мы не можемъ не признать черезчуръ произвольною постановку вопроса, дѣлаемаго авторомъ: «если бы въ восточной войнѣ намъ и выпали блестящіе успѣхи на Балканахъ и въ Анатолиі, но мы проиграли бы дѣло на Вислѣ, къ чему бы повели насъ эти успѣхи?» Несомнѣнно, что ни къ чему, какъ несомнѣнно, что если мы сложимъ два да два, то будетъ четыре. Но если приходится слагать два и одинъ? Вопросъ въ томъ, было ли бы вообще *дѣло на Вислѣ* въ восточной войнѣ?

На этотъ вопросъ отвѣчаетъ отрицательно прежде всего самъ фактъ: такого дѣла *не было*. Между тѣмъ, западныя державы, конечно, очень хорошо понимали и въ 1853 году, что восточный вопросъ можно было рѣшать самымъ радикальнымъ образомъ именно между Вислою и западною Двиною, что десантъ на южномъ берегу Балтійскаго моря, въ тылу западной русской арміи могъ бы быть опаснѣе для Россіи, чѣмъ на берегу Чернаго моря. Посмотрите, какъ упрекаетъ западныя державы въ нерѣшительности Мѣрославскій ¹⁾ за то, что они этого не сдѣлали. Стало быть, мысль о рѣшеніи восточнаго вопроса на Вислѣ — не нова и не могла не быть въ виду у союзниковъ, однакоже они ея не приняли. Причины, по которымъ они не приняли ея тогда, остаются и теперь: главная изъ нихъ та, что Англія, имѣя въ виду собственно-восточный вопросъ, не захочетъ отстаивать цѣлость Оттоманской имперіи въ иномъ бассейнѣ, какъ въ бассейнѣ Чернаго моря; она не согласится на такой планъ охраненія Турціи, который вмѣсто охраненія ея велъ бы къ передѣлѣ карты Европы.

Если же въ прошлую войну западныя державы не перенесли восточный вопросъ съ естественнаго его театра на отдаленную и опасную во всѣхъ отношеніяхъ сцену, то кто же перенесъ бы его туда, на Вислу? Неужели Россія? Неужели она, сильная въ Крыму именно пространствомъ, неуязвимая на этомъ отдаленномъ поморьѣ, могла добровольно перенести борьбу въ

¹⁾ «De, la Nationalité Polonaise».

мѣстность, близкую къ центру имперіи, въ мѣстность, гдѣ, какъ говорить самъ г. Фадѣевъ, всякое положеніе было бы опасно?

Итакъ, совершенно излишне спрашивать, къ чему повели бы насъ блестящіе успѣхи на Балканахъ, «если бы мы проиграли дѣло на Вислѣ». Такого дѣла тамъ не могло быть иначе, какъ еслибы дѣйствительно мы сами сдѣлали нападеніе на Австрію, какъ то быть можетъ и совѣтовали нѣкоторые горячія головы, которые негодовали на нее за то, что она «удивила свѣтъ неблагодарностью». Но такое дѣйствіе съ нашей стороны было бы величайшимъ неблагоразуміемъ. Это было бы тоже самое, что вступленіе австрійцевъ въ Пиемонтъ въ 1859 году.

Такъ какъ у г. Фадѣева все исчисленіе необходимаго для Россіи состава дѣйствующихъ войскъ и резервовъ построено именно на предположеніи, что восточная война для насъ разиграется непременно на Вислѣ, то все это исчисленіе, по которому выходитъ, что у насъ должно быть въ случаѣ войны 1,380,000 солдатъ подъ ружьемъ, кромѣ резервовъ, инструкторовъ и нестроевыхъ, что однихъ дѣйствующихъ войскъ у насъ должно быть 60 пѣхотныхъ дивизій 13-ти-баталіоннаго состава, кромѣ кавалеріи и специальныхъ оружій — представляется далеко не убѣдительною.

Между тѣмъ, авторъ прямо говоритъ: «Повуда русскія сѣны не доведены до вышепоказаннаго итога, самыя напряженныя усилія нашей дипломатіи могутъ имѣть только ораторскій, но не политическій успѣхъ».

Авторъ идетъ далѣе доказывая, что усиленіе нашихъ вооруженій должно быть произведено именно въ томъ огромномъ размѣрѣ, на который онъ указываетъ: онъ утверждаетъ, что даже въ одиночной борьбѣ съ Австріею и Пруссіею наши нынѣшнія силы недостаточны и что оставаясь при нихъ, мы рискуемъ на первыхъ порахъ имѣть важный неуспѣхъ.

Замѣчанія, которыя мы сдѣлали, касаются собственно произвольности того метода, которымъ авторъ дошелъ до очевидно-чрезмѣрной и непосильной намъ цифры войскъ. Оговоримся здѣсь же, что мы вовсе не доказываемъ, чтобы Россія должна была отставать въ военномъ отношеніи отъ другихъ великихъ державъ, не отрицаемъ и мысли объ ополченіи (только не въ такихъ размѣрахъ). Мы хотимъ провести только ту мысль, что сумма нашихъ вооруженій должна опредѣляться нашими экономическими силами, а не воображаемою необходимостью быть наготовѣ, чтобы дать отпоръ всему міру.

Вотъ почему мы должны оспорить и послѣдній доводъ автора, будто даже при нынѣшнихъ силахъ мы не можемъ защититься

отъ нападенія одной Австріи или одной Пруссіи, при нейтралитетѣ остальныхъ державъ. Это—очевидное преувеличеніе. Натяжка состоитъ именно вотъ въ чемъ: авторъ вычисляетъ, что Австрія, употребивъ противъ насъ всѣ дѣйствующія силы, какими располагала въ 1866 году, выставитъ 350 тысячъ человѣкъ, даже если усилить свои обсерваціонныя силы въ славянскихъ земляхъ на 60 тысячъ человѣкъ. Россія же, по словамъ его, и въ случаѣ сепаратной войны съ Австріею должна будетъ отчислить *двадцать девять* дивизій изъ 47 для обезпеченія на всякій случай юга отъ Турціи, Финляндіи и Петербурга отъ Швеціи, западнаго края отъ мятежа, такъ что для дѣйствующей арміи останется всего 18 дивизій, т. е. 230 тысячъ человѣкъ противъ 350 тыс. австрійцевъ.

Но если наши окраины такъ нуждаются въ обезпеченіи, что мы въ случаѣ, войны съ Австріею должны отряжать большую часть силъ противъ Турціи, Швеціи и мятежа, то спрашивается, неужели же Австрія такъ неуязвима, что она можетъ бросить на насъ всѣ тѣ дѣйствующія войска, которыя у нея находились въ 1866 году въ Богеміи и Италіи? Неужели же ей не нужно было бы принять въ опасной борьбѣ съ нами предосторожностей со стороны Пруссіи и Италіи, какъ намъ со стороны Турціи и Швеціи? Такая система доказательства выведенной имъ цифры разсчитана авторомъ «на штатскихъ». Но вѣдь и они считать умѣютъ.

Ту же самую натяжку легко указать и въ приводимомъ авторомъ разчисленіи силъ при сепаратной войнѣ Россіи противъ Пруссіи.

IV.

Мы послѣдуемъ теперь за г. Оадѣвымъ въ изложеніи главныхъ чертъ предполагаемаго имъ устройства. Здѣсь мы встрѣчаемся съ нѣсколькими новыми и свѣтлыми мыслями. Остановимся прежде всего на народномъ ополченіи, на которое авторъ возлагаетъ роль резервовъ или временныхъ войскъ.

Къ ополченію обращались уже въ 1807, 1812 и 1855 годахъ, и то преимущество строя русскаго государства, что оно безъ недобѣрія можетъ вооружать народъ, пользоваться «вооруженною земскою силой», такъ велико, что не слѣдовало бы отстранять его отъ себя. Ополченію авторъ предназначаетъ такую роль: при переходѣ на военное положеніе, ополченіе замѣняетъ всѣ не прямо боевыя части, т. е. занимаетъ вѣрности, охраняетъ границы,

исполняетъ обязанности внутренней стражи, и проч., такъ, что отъ дѣйствующихъ войскъ отвлекались только инструкторы для обученія рекрутъ.

«Но земская сила», говоритъ авторъ, «существуетъ до сихъ поръ въ русскомъ государствѣ только какъ возможность, какъ стихійная сила, какъ статуя существуетъ въ глыбѣ мрамора для глаза художника». Если вызывать ее на помощь внезапно, уже во время борьбы, то трудно формировать ее, да и явится она неготовая, необработанная. Чтобы ополченіе было однимъ изъ дѣйствительныхъ факторовъ нашихъ военныхъ силъ, надо, чтобы ополченіе было постояннымъ учрежденіемъ, то-есть, чтобы существовала постоянная роспись и чтобы каждый, принадлежащій къ нему, не только зналъ о томъ, но и получалъ нѣкоторую подготовку. Авторъ вставляетъ здѣсь большое замѣчаніе, что русскій простолюдинъ по врожденной смѣлости и вмѣстѣ покорности очень скоро дѣлается солдатомъ (скорѣе всякого иного, «кромя француза», прибавляетъ авторъ), но техника военного дѣла для него затруднительнѣе чѣмъ для европейца потому именно, что нигдѣ въ простомъ народѣ не распространено такъ мало огнестрѣльное оружіе, какъ въ Россіи. Европейецъ-рекрутъ знакомъ съ ружьемъ; «русскій рекрутъ въ первое время боится своего ружья, хотя не боится пули».

Итакъ, ополченцамъ необходима подготовка: они должны знать свое начальство и учиться употреблять оружіе. Въ ополченіе будутъ призываться люди постепенно по классамъ возраста, напр. 22, 21, 20 лѣтъ, начиная со старшаго. Къ ополченію неудобно призывать населенія Царства Польскаго, Закавказскаго края, казачьяго войска и кочевниковъ. Принимая остальное населеніе въ 64 милл., классъ напр. 20-ти-лѣтковъ составляетъ около 614 тысячъ; авторъ полагаетъ, что изъ этого числа ополченіе можетъ требовать ежегодно 160 тысячъ, не стѣсняя рекрутскаго набора.

Офицеры въ ополченіи должны быть постоянные; до званія начальниковъ дружинъ—выборные отъ земства, начиная отъ дружинныхъ начальниковъ—по назначенію военного вѣдомства. Области, которыя не будутъ нести на себѣ тягости ополченія, авторъ предлагаетъ обложить прибавочнымъ рекрутскимъ наборомъ.

Для военной подготовки, безъ которой ополченіе будетъ только на бумагѣ или будетъ негодно къ дѣлу, авторъ предлагаетъ: ежегодно собирать всѣ разряды ополченія дружины въ одномъ мѣстѣ, въ центрѣ военнаго участка, недѣли на три; тутъ люди узнаютъ свое начальство и приучатся къ оружію; по расчету автора, на это бы потребовалось (вмѣстѣ съ жалованьемъ офи-

церамъ, продовольствіемъ людей, ремонтомъ ружей и матеріалами для стрѣльбы) около $2\frac{1}{2}$ милл. рублей. «Никакого обмундирования не нужно», говоритъ авторъ; онъ не требуетъ и строгаго единообразія въ одеждѣ, даже при походѣ, и полагаетъ возможнымъ ограничиться какою-нибудь отмытвой по дружинамъ.

Расходъ въ $2\frac{1}{2}$ милл. ежегодно — конечно, ничтоженъ въ сравненіи съ огромною выгодною имѣть въ своемъ распоряженіи массу подготовленныхъ къ военному дѣлу людей. Но тутъ является возраженіе гораздо болѣе серьезное: во чтѣ обойдутся крестьянину три недѣли житья въ городѣ, въ рабочую пору (такъ какъ сборы зимою неудобны), сколько онъ не заработаетъ и сколько онъ издержитъ самъ сверхъ казеннаго расхода на прокормленіе?

Это возраженіе очень существенно. Но намъ не хотѣлось бы думать, что оно составляетъ неустранимое препятствіе для осуществленія системы военного устройства въ родѣ той, начало которой предлагаетъ почтенный авторъ. Въ народномъ хозяйствѣ каждая лишняя издержка или лишнее отвлеченіе отъ труда все равно скажется, въ какой бы формѣ эти новыя тягости ни появлялись. Если справедлива мысль, что увеличеніе вооруженной силы необходимо, то развѣ усиленіе или учащеніе наборовъ не будетъ такою же тягостью? Если вѣренъ новѣйшій принципъ военной организаціи, что вооруженная сила государства тѣмъ больше можетъ быть въ моментъ войны, тѣмъ меньше оно содержитъ солдатъ постоянно подъ ружьемъ на казенномъ пайкѣ, да у крестьянъ же на постоѣ, — то почему же не допустить логическаго послѣдствія этого принципа: замѣны *увеличенія постоянной арміи*, — ежегодными краткосрочными сборами дружинъ ополченія?

Нельзя не согласиться также и съ тѣмъ аргументомъ, который приводитъ авторъ, именно: «лучше держать лишнихъ 30 т. человекъ подъ ружьемъ (мѣсячный сборъ ополченія по годовому разсчету) и быть сильнымъ, чѣмъ оставаться безъ нихъ недостаточно-сильнымъ, отвлекая отъ труда 800 тысячъ человекъ ежегодно.»

При переформированіи пѣхоты авторъ, имѣя уже въ виду ополченіе, совѣтуетъ обратить въ дѣйствующія войска разныя части, которыя содержатся нынѣ для подспорья во время войны, какъ-то: вѣрнопольскіе полки, кавказскіе линейные батальоны, внутреннюю стражу, часть артиллерійскихъ гарнизоновъ, и почти всѣ нестроевыя команды, въ томъ числѣ и деньщиковъ. Нестроевыя команды нужно уничтожить для сбереженія въ людяхъ, а мѣстныя войска потому, что они — низшаго качества,

а по содержанію сравнены нынѣ съ дѣйствующими. Внутреннюю стражу авторъ совѣтуетъ замѣнить жандармами. Внутренняя стража еще недавно составляла 140 т. чел. Теперь она уменьшена до 94 т., по спискамъ, но приведеніе части ея въ кадровый составъ уменьшило ее вѣроятно до 80 т. человекъ. Авторъ увѣряетъ, что 25 хорошихъ жандармовъ сдѣлаютъ гораздо больше, чѣмъ 100 инвалидовъ. Замѣчательно, что въ Россіи есть сто тыс. чел. вооруженныхъ людей, солдатъ, да еще столько же полицейскихъ служителей для сохраненія внутренней безопасности, а между тѣмъ «преслѣдованіе злоумышленниковъ, способныхъ къ сопротивленію» производится безоружными поватия. Гарнизонная стража не годится ни для охраненія тюремъ, ни для конвоирования арестантовъ, ни для поимки бѣглыхъ. Съ плохимъ войскомъ всегда будутъ здѣсь злоупотребленія и бесміе. «Для поимки и караула арестантовъ», говоритъ авторъ, нужны люди расторопные, опытные, посвященные въ это дѣло, настоящіе жандармы, вооруженные вдобавокъ не ружьемъ, а револьверомъ». Авторъ указываетъ на множество бывающихъ у насъ побѣговъ и на злоупотребленія въ тюрьмахъ и въ этомъ отношеніи недавно помѣщенный въ «Вѣстникъ Европы» статья г. Максимова вполне подтверждаютъ мысль автора. Жандармовъ, хорошо оплаченныхъ и вооруженныхъ авторъ полагаетъ достаточно по 25 на уѣздъ, а всего 30 тысячъ; что въ сравненіи съ внутреннею стражею составило бы огромную экономію.

Обращеніе крѣпостныхъ полковъ, линейныхъ баталіоновъ и внутренней стражи въ дѣйствующія войска увеличило бы послѣднія 8-ю дивизіями, не прибавивъ ни одного солдата къ вѣличнымъ спискамъ военнаго министерства, и преобразование это, по словамъ автора, могло бы быть произведено въ теченіе одного года.

Относительно важнаго вопроса о срокахъ военной службы г. Фадѣевъ признаетъ возможнымъ ограниченіе этой службы 12-ю годами, и даже только 3 $\frac{1}{2}$ года присутствія подъ знаменами, въ мирное время, именно $\frac{1}{2}$ года въ рекрутскомъ дептѣ, и 3 года въ полку. Онъ утверждаетъ, что послѣ полугода, проведеннаго въ резервахъ, трехлѣтній срокъ совершенно досточень для образованія солдата. Впрочемъ онъ выставляетъ этотъ срокъ какъ возможный минимумъ и обращаетъ вниманіе на то, что срокъ дѣйствительной службы во фронтѣ, за который непременно бы слѣдовало увольненіе въ безсрочный отпускъ, у насъ не узаконенъ и зависитъ отъ усмотрѣнія военнаго министерства, согласно съ обстоятельствами.

Но срокъ 3 $\frac{1}{2}$ года пребыванія въ рядахъ авторъ только

признаетъ возможнымъ; совѣтуетъ же онъ установить теперь же шестилѣтній срокъ, какъ соответствующій дѣйствительности.

Для характера арміи важна не столько продолжительность полного срока службы и срока пребыванія въ рядахъ, сколько отношеніе между этими двумя сроками. Такъ, до послѣдняго времени во Франціи и Пруссіи былъ одинъ и тотъ же полный срокъ службы — 7 лѣтъ; только отношеніе числа пребывающихъ въ рядахъ въ числу отпускныхъ было различно, но эта-то разница такъ важна, что французская армія была арміей долгосрочной, военною корпораціею, между тѣмъ, какъ армія прусская была народная.

Одна изъ новыхъ, своеобразныхъ и очевидно-дѣльныхъ мыслей у автора, это его проектъ распредѣленія полковъ по рекрутскимъ участкамъ, или, иными словами, распредѣленіе солдатъ въ полки по мѣстностямъ, въ которыхъ они набраны. Авторъ ставитъ совершенно безспорное положеніе — что общество земляковъ въ пользу сильнѣе можетъ удержать солдата отъ дурныхъ поступковъ, чѣмъ одинъ страхъ передъ начальствомъ. «Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ г. Фадѣевъ, что рекрутъ разовьется несравненно скорѣе между одноземцами, чѣмъ между чужими. *Онъ пойдетъ изъ деревни въ полкъ какъ пздятъ въ гости отъ отца къ дядю; военная служба окончательно перестанетъ нутать русскаго челоовъка.* Нравственность людей въ полкахъ улучшится... Люди станутъ за свой полкъ, какъ стоятъ за свой домъ. Кто же выдастъ родного, кто отстанетъ отъ сосѣда, чтобы тотъ осрамилъ потомъ передъ братьями и невѣстой?»

Прибавимъ, что формированіе полковъ изъ одноземцевъ окажется и то благотворное послѣдствіе, что связь между людьми ушедшими въ солдаты и родиною не будетъ порвана. Сверхъ того, одноземство въ пользу много способствовало бы образованію артелей.

Въ пользу своего мнѣнія о распредѣленіи рекрутъ въ полки по мѣстностямъ посредствомъ учрежденныхъ для того полковыхъ рекрутскихъ участковъ, авторъ приводитъ доказательство въ прамѣрѣ отпускныхъ, возвращающихся въ ряды. Оказалось, что если безсрочно-отпускные попадали, по призыву на службу, въ прежнюю свою часть, то прежнія воспоминанія и привычки брали верхъ, и они служили по прежнему. Но когда безсрочные причислялись къ другимъ командамъ, то въ нихъ проявлялись всѣ послѣдствія отвычки и отъ службы и отъ труда; безсрочные, въ чужихъ командахъ, оказывались людьми буйными и развращающими молодыхъ солдатъ. Вліаніе ихъ на молодыхъ солдатъ было тѣмъ пагубнѣе, что имъ придавала въ глазахъ

послѣднихъ значеніе прежняя ихъ служба, а иногда и нашивки и кресты, которыми они были украшены. Безсрочные оказывались гораздо хуже новобранцовъ. «По общему голосу, говоритъ г. Оадѣвъ, каждый безсрочный ослаблялъ войсва двумя людьми: во-первыхъ, самъ онъ никуда негодился, во-вторыхъ, надобно было отдѣлить еще одного служащаго солдата, чтобы караулить его». Авторъ ссылается еще на примѣръ послѣдней арміи Наполеона; она была составлена исключительно изъ старыхъ боевыхъ солдатъ, возвратившихся изъ плѣна и дальнихъ гарнизоновъ, со всѣхъ концовъ Европы. Но эти солдаты были сведены въ новые полки, не знали ни своихъ начальниковъ, ни товарищей. «Наполеонъ говорилъ: *la terre qui porte cette armée en est fière*, и онъ былъ правъ относительно одиночныхъ людей. Но вотъ что случилось: эти старые солдаты бились какъ львы, но эти молодые полки... лишенные общей души, — какъ только счастье не повезло имъ, закричали «измѣна» и рассыпались..., чего не случалось въ такой степени даже съ полками рекрутъ, выведенныхъ на убой въ 1813 году».

Необходимость нравственной связи въ полку очевидна. Полкъ долженъ быть товариществомъ, или, какъ выражается авторъ, вторымъ, маленькимъ отечествомъ, и конечно лучше всего, если солдаты будутъ связаны между собою мыслью о настоящей родинѣ, связью сосѣдскихъ или одноземскихъ отношеній. Авторъ предлагаетъ образовать полки съ именами мѣстностей, изъ которыхъ они набраны, и это едва ли не было бы еще болѣе полнымъ и дѣйствительнымъ примѣненіемъ его мысли.

Правда, онъ признаетъ, что въ полку можно и искусственно создать, такъ сказать, второе отечество. Онъ ссылается на кабардинскій полкъ, который прославился на Кавказѣ и которого сила была именно въ томъ, что солдаты проникались славой полка и дѣлались солидарны въ общей мысли, что они «кабардинцы» и что кабардинцы должны постоять за себя. Но для этого нужно именно, чтобы полкъ постоянно бывалъ въ дѣлѣ; не трудно понять, что иначе преданія полевои славы и гордость солдата принадлежать къ такому-то полку утратятся и если будутъ поддерживаться, то развѣ напоминаніями въ приказахъ и рѣчахъ начальниковъ, а не въ живомъ, всеневномъ сознаниі солдата. Авторъ говоритъ, что для качества полка чрезвычайно важно, чтобы онъ составлялъ нѣчто въ родѣ маленькой національности; и это очевидно. Но онъ прибавляетъ: «національности естественной или выдѣланной — все равно». Едва ли это все равно. Повторяемъ, что такую индивидуальность или живую личность можетъ создать полку, въ однозем-

ства солдатъ, только постоянная боевая служба полка. А постоянная боевая служба тѣхъ же полковъ и была возможна именно при такой войнѣ, какаѣ была на Кавказѣ. Войска дѣйствующія тамъ вырабатывались по необходимости въ войска мѣстные, — не въ обыкновенномъ, а въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Въ этихъ особенныхъ условіяхъ, полки могутъ получить особые характеры, обратиться такъ сказать въ личности именно только тогда, если они будутъ состоять изъ одноземцовъ. Когда авторъ говоритъ: «надобно непременно, чтобы полкъ имѣлъ свой нравственный оттѣнокъ, свою оригинальность, свои обычаи; чтобы солдату, забредшему въ чужую часть, говорили: «ну, съ перваго слова видѣнъ куринецъ», «вотъ за версту признали эриванца» и чтобы дѣйствительно куринца можно было признать съ перваго слова, а эриванца отличить за версту». Эти слова невольно возбуждаютъ улыбку, потому что въ нихъ есть преувеличеніе и уклоненіе отъ первоначальной мысли самого автора. Здѣсь авторъ опять сослался на два полка кавказской арміи, какъ вообще примѣры свои онъ беретъ оттуда, или лучше сказать изъ прошлаго кавказской арміи. Нѣтъ ничего невозможнаго, что «куринца» или «эриванца» можно было отличить другъ отъ друга, если и не съ перваго слова, и не за версту, то по нѣкоторымъ установившимся обычаямъ, хотя бы въ дѣйствительности «куринецъ» былъ новгородецъ, а «эриванецъ» — костромичъ. Но это все зависѣло отъ той солидарности солдатъ въ полку, которую могла создать только *постоянная* боевая служба, и отъ той обособленности частей, которая и возможна была именно только на Кавказѣ.

Спрашивается: неужели же можно ожидать, чтобы солдатъ*** пѣхотнаго его свѣтлости принца*** полка, котораго и имя выговорить солдату трудно, и который два года стоялъ въ ковенской губерніи, потомъ годъ въ московской, а въ настоящее время стоитъ, положимъ, въ эстляндской губерніи; который въ продолженіи этого времени стоялъ два раза въ городѣ, десять разъ въ деревняхъ, то жилъ въ казармахъ, то помогалъ крестьянамъ въ работахъ, по найму, то употреблялся на казенную работу; въ которомъ есть люди, сошедшіеся со всѣхъ концовъ Россіи, не имѣющіе между собой ничего общаго, кромѣ языка, команды и звука барабана, не слыхавшіе даже, былъ ли когда ихъ полкъ въ дѣлѣ, — можно ли, повторяемъ, ожидать, чтобы этотъ полкъ былъ личностью, какъ напр. «ярославскій» полкъ, составленный изъ ярославцевъ?

Итакъ, напрасно говорить — *все равно*, естественна ли или искусственна особность, создаваемая въ полку. Авторъ здѣсь от-

ступилъ отъ строгаго проведенія своей же именно мысли, которая даетъ благотворный задатокъ для преобразованія арміи, для вселенія въ полки не искусственнаго, а истиннаго духа живой, земской индивидуальности.

«Распределение рекрутскихъ участковъ по полкамъ»¹⁾, вотъ какъ называетъ авторъ примѣненіе на практикѣ свою мысль объ образованіи полковъ изъ одноземцевъ. Но едва ли мысль не была бы примѣнена логичнѣе и полнѣе, если бы ее формулировать на практикѣ такъ: распределение и «именованіе полковъ по рекрутскимъ участкамъ».

Мы считаемъ лишнимъ приводить здѣсь тѣ аргументы, которые почерпаетъ авторъ во вредности организаціи арміи, основанной по старой прусской системѣ, системѣ мертвенной солдатчины и плацпараднаго совершенства. Система эта проводилась у насъ долгое время съ такою выдержанностью, такою энергіею, которыми, въ сожалѣнію, не отличались никогда другіе наши административныя попеченія или предпріятія, и проводилась у насъ съ особеннымъ рвеніемъ и строгостью именно съ того времени, какъ въ отечествѣ своемъ, въ Пруссіи она была уже признана негодною и радикально отмѣнена.

Что касается до возраженія, что при образованіи полковъ по участкамъ, «въ нихъ возникнутъ всѣ недостатки австрійскаго войска», т. е. собственно затруднительность общей команды, то оно падаетъ само собою передъ тѣмъ фактомъ, что русскій элементъ въ Россіи преобладаетъ въ огромномъ размѣрѣ именно численностью и въ арміи всѣ нерусскіе элементы растворяются въ немъ. Но здѣсь, какъ и въ проектѣ постоянного ополченія, авторъ допускаетъ исключеніе для нѣкоторыхъ окраинъ государства. Само собою разумѣется, что нельзя вербовать полковъ изъ однихъ поляковъ, финляндцевъ, остзейцевъ, кавказцевъ. Рекруты инородческихъ мѣстностей придется размѣстить по русскимъ полкамъ, гдѣ они не нарушатъ мѣстнаго, чисто-русскаго характера потому, что представлятъ небольшой и безсвязный элементъ.

Наконецъ, возраженіе относительно безопасности такого формированія полковъ по земскимъ отличіямъ, то достаточно сказать, что если оно допущено въ Австріи, то ужъ въ Россіи не

¹⁾ Авторъ предполагаетъ раздѣлить Россію на дружинныя участки для ополченія и рекрутскіе для полковъ, и управленіе обоими сосредоточить въ однихъ рукахъ. Военный участокъ состоялъ бы изъ одного рекрутскаго и двухъ дружинныхъ, на населеніе въ 183 т. душъ мужскаго пола. Изъ этого населенія ежегодно вызывалось бы 316 рекрутовъ (2% на 1000), а ополченцевъ 6 на 1000. Все число людей, служащихъ или подлежащихъ призыву въ участкѣ—7180, чел. около 54 на 1000. Всѣхъ военныхъ участковъ было бы 240.

можетъ быть и малѣйшаго опасенія въ этомъ отношеніи. Въ Австріи хотя и существуетъ Heerbann, какъ мы сказали выше, но полки все-таки національные. А въ востромской губерніи можно положиться и на востромской полкъ, даже болѣе чѣмъ на славянскій въ Триестѣ. Но сверхъ того, нѣтъ нужды держать полки постоянно въ той мѣстности, изъ которой они набраны. Это даже невозможно потому, что рекрутскій наборъ распределяется равномерно, и расположеніе войскъ не можетъ быть равномерно по имперіи.

Изъ другихъ частности, касающихся преимущественно образованія пѣхоты, упомянемъ еще, что авторъ считаетъ нужнымъ усилить жалованье унтеръ-офицерамъ, положить преміи вновь опредѣляющимся изъ молодыхъ солдатъ и образованіе при каждой дивизіи 13-го стрѣлковаго батальона. Между прочимъ мы встрѣчаемъ у автора положительное увѣреніе, что «нынѣшніе наемники», т. е. охотники, нанимающіеся въ войска за очередныхъ или жеребьевыхъ рекрутъ, «не могутъ быть терпимы въ войскѣ», что изъ нихъ выходятъ не «защитники родной земли, а колодники арестантскихъ ротъ». Напомнимъ здѣсь, что правительство, побужденное именно злоупотребленіями существующими при наймѣ охотниковъ семействами, на которыя падаетъ рекрутчина, недавно издало постановленіе о дозволеніи вмѣсто частнаго найма прямого взноса опредѣленной (время отъ времени подлежащей измѣненію) суммы.

По предположенному авторомъ устройству, дѣйствующая пѣхота состояла бы изъ 768 т. чел., изъ которыхъ въ мирное время находилось бы на службѣ 373 т. чел., а около 400 т. дома. Съ 480 т. чел. ополченія, это составило бы цифру 1,248,000 штыковъ, которые Россія могла бы выставить въ военное время.

V.

Извѣстно, что въ послѣднихъ войнахъ кавалерія не играла большой роли; не менѣе извѣстно однакоже и то, что безъ кавалеріи нельзя совершенно разбить непріятели. Вспомнимъ только, какъ сожалѣлъ Сентъ-Арно, что не имѣлъ достаточно кавалеріи подъ Альмой; будь у него достаточно число конницы и вся крымская война могла принять иной оборотъ. Движеніе русской арміи на Бахчисарай могло превратиться въ полное отступленіе и Севастополь могъ быть взятъ съ сѣверной стороны en un coup de main. Этотъ примѣръ гораздо убѣдительнѣе свидѣтель-

ствуеть о значеніи кавалеріи, чѣмъ тѣ, которые приводятъ г. Өадѣвъ, почерпая ихъ изъ варскаго компаніи.

Г. Өадѣвъ признаеть пользу кавалеріи, но находитъ необходимымъ совершенно преобразовать нашу. Онъ ссылается на иностранцевъ, которые низво цѣнять русскую кавалерію, и отчасти соглашается съ ними, приводя, впрочемъ, въ доказательство возможности у насъ хорошей конницы, славные подвиги нижегородскаго драгунскаго полка на Кавказѣ. Кавалерія наша, по словамъ его, совершенно основана еще на началахъ той прусской, плацпарадной системы, которая заставляла насъ нѣвогда «подпиливать на ружьяхъ гайки для звучности приемовъ». Система эта теперь уже значительно «вытравлена» въ пѣхотѣ, но въ кавалеріи все еще крѣпко держится. Наша кавалерія — манежная. Мысль всего преобразования, которое онъ предлагаетъ по этой части, ясно высказывается въ слѣдующемъ анекдотѣ. Одинъ англичанинъ, послѣ похода, говорилъ ему: «ахъ какая у васъ есть кавалерія!» Авторъ съ патріотической гордостью сталъ перечислять ему лучшіе гвардейскіе полки. Но англичанинъ, въ удивленію его, вдругъ сказалъ: «ну что вы говорите о мужикахъ, съ трудомъ обученныхъ верховой ѣздѣ? Развѣ у насъ такъ ѣздятъ? Нѣтъ, у васъ есть дѣйствительно несравненная кавалерія, только не эта; ваши лейбъ-казаки, вашъ атаманскій полкъ, линейцы и черкесы! Это не люди верхомъ, а центавры. До чего бы мы довели такіе кавалерійскіе элементы, еслибъ они у насъ были!»

Кавалеріи природной авторъ отдаеть полное предпочтеніе передъ обученною и выражаетъ удивленіе, какииъ образомъ мы, имѣя подъ рукою цѣлые кавалерійскіе народы, набираемъ изъ нихъ только иррегулярную конницу, которая употребляется на объѣзды, кордоны и т. д., а боевую, регулярную конницу создаемъ съ великииъ трудомъ и издержками «изъ мужиковъ». Это, говоритъ онъ, все равно, какъ еслибы Англія, богатая прибрежнымъ населеніемъ, стала набирать своихъ матросовъ изъ земледѣльцевъ внутреннихъ графствъ. Этимъ мы обязаны нѣмецкимъ рутинерамъ, которые устраивали нашу кавалерію съ самаго начала. «Виѣсть съ магдебургскимъ городовымъ правомъ», замѣчаетъ г. Өадѣвъ, «завелась въ Россіи и магдебургская кавалерія». Глава о конницѣ въ книгѣ г. Өадѣва едва ли не самая любопытная; она написана съ тою увлекательностью, какою сообщаетъ сильное убѣжденіе, и въ справедливости основной его мысли нельзя не убѣдиться. Нѣтъ сомнѣній, что природная кавалерія при обученіи строевыиъ движеніямъ должна быть лучше искусственной, какъ нѣтъ сомнѣній, что выносливые и горячіе донскіе кони лучше для самого *дѣла*, чѣмъ тѣ великоболыныя

вырасирскія машины, изъ которыхъ многія разстроиваются на переходѣ изъ Гатчина или Царскаго Села въ Петербургъ ¹⁾.

Но дѣло въ томъ, что мѣры, какія предлагаетъ авторъ для замѣны всей нашей легкой кавалеріи казачьею (такъ какъ г. Фадѣевъ считаетъ необходимымъ рѣшительно отмѣнить всѣхъ этихъ гусаръ и уланъ), совершенно уничтожили бы войско донское, какъ населеніе, въ его нынѣшнемъ видѣ, и между тѣмъ все-таки оставили его населеніемъ, обязаннымъ поголовно службою. Одна изъ главныхъ мѣръ, указываемыхъ авторомъ, для того, чтобы сообщить казачьимъ полкамъ всѣ качества хорошей регулярной кавалеріи, состоитъ въ снабженіи донскихъ полковъ регулярными офицерами, т. е. не казаками. Это уже уничтожаетъ всю особенность донскаго войска. Казачьихъ офицеровъ авторъ не цѣнитъ. Такъ какъ въ войскѣ донскомъ всѣ военные, то каждый чиновникъ или писарь можетъ попасть въ начальники во фронтъ и это не исключеніе, а правило: чиновники, находясь при штабахъ, ближе къ высшему начальству. А какъ командованіе полкомъ—дѣло выгодное—есть идеалъ всякаго казака, то отсюда выходитъ, что донскими сотнями и полками командуютъ, по словамъ автора, страпчіе и секретари, а урядниковъ дѣлаютъ изъ писарей. Авторъ поэтому требуетъ полного отдѣленія въ войскѣ части военной отъ гражданской, и это очень рационально, но такъ какъ для того, чтобы замѣнить всю регулярную легкую кавалерію, казакамъ придется все-таки служить поголовно, то выходитъ, что реформа автора только посягнула бы на привилегіи войска донскаго, но не сравняла бы его въ отбыванія военной повинности со всею имперіею. Въ Австріи не разъ была заявляема мысль объ уничтоженіи исключительнаго положенія Военной границы, но никто не предлагалъ уничтожить только ея особенность, и граничаръ все-таки обязать поголовно службою.

Съ обращеніемъ донцовъ въ регулярную кавалерію, авторъ предлагаетъ создать иррегулярную кавалерію изъ кавказцевъ, калмыковъ, ногайцевъ и другихъ кочевниковъ, природныхъ кавалеристовъ.

Не знаемъ, почему г. Фадѣевъ придаетъ такую важность тому

¹⁾ Замѣтимъ здѣсь однако, что для замѣны регулярной кавалеріи казачье войско должно приобрести еще нѣкоторыя качества. Искусство верховой ѣзды еще далеко не все для боевого кавалериста. Примѣръ стройныхъ казачьихъ атакъ, на которые ссылается авторъ по кавказской практикѣ, не убѣдитъ никого, кто видѣлъ въ европейской войнѣ, какъ трудно даже заставить казаковъ сдѣлать атаку, и какъ эта атака рѣдко бываетъ рѣшительна; казаки гнаютъ много, и не дойдя до неприятельскаго фронта обращаются назадъ, а потомъ идутъ опять. Это—отчасти азиатская джигитовка, рассчитанная на то, чтобы устрашить неприятеля, а не сломить его. Другое дѣло—при преслѣдованіи.

факту, что число русскихъ дворянъ въ военной службѣ уменьшилось и уменьшается, что сословіе офицеровъ пополняется изъ другихъ классовъ, преимущественно же изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей. «Русскіе офицеры уже не рождаются», не безъ сожалѣнія говоритъ авторъ. Какъ будто русскіе дворяне рождались офицерами, какъ чересы — кавалеристами! Извѣстно, что во Франціи офицеры уже давно не рождаются. Самъ Наполеонъ и его маршалы не были рождены офицерами и однакожъ....

«Первая потребность арміи», говоритъ г. Оадѣвъ, «высокое мнѣніе военныхъ о своемъ званіи, находящее сочувственный отзывъ въ обществѣ». Далѣе, онъ приводитъ обращенія къ себѣ меланхолическія слова одного генерала: «грустно, а нельзя не видѣть — военное званіе у насъ въ упадкѣ; съ каждымъ днемъ оно теряетъ свое обаяніе, приманку и сочувствіе общества. На юношуконьера смотреть съ пренебреженіемъ, и барышни перестали заглядываться на молодого корнета..... Если во Франціи или Германіи ребенокъ скажетъ, что онъ хочетъ быть генераломъ, мать подѣлуетъ его съ гордостью и гости обласкаютъ; если тоже скажетъ русскій мальчикъ, то это сочтутъ противной пошлостью и будутъ правы» и т. д. И генераль, писавшій эти курьезныя строки, и авторъ, приводящій ихъ безъ оговорки, повидимому не отдають себѣ отчета, почему это такъ (если только это *вполнѣ такъ*). Они забываютъ, что не далѣе какъ лѣтъ 10—15 тому назадъ у насъ была несравненно большая крайность въ смыслѣ противоположномъ и что реакція противъ этой чудовищной и смѣшной крайности, господствовавшей и во всемъ строе государства, и въ обществѣ, вполнѣ естественна. Виндигрець говаривалъ, что «человѣкъ начинаетъ быть человѣкомъ только съ баронскаго званія». Нѣчто подобное не только было, но господствовало у насъ цѣлыхъ тридцать лѣтъ, если не больше, съ тою только разницею, что «нѣчто» заключалось не въ баронствѣ, а въ эполетахъ. Неужели же при первомъ, хотя еще далеко не полномъ пробужденіи въ общества здраваго смысла, не должна была явиться реакція, пожалуй и съ нѣкоторыми преувеличеніями, въ свою очередь? Дошла ли эта реакція до того, что барышни уже перестали засматриваться на корнетовъ—въ этомъ позволительно усомниться, да если бы это и было, то едва ли могло бы имѣть серьезное вліяніе на боевое достоинство арміи, такъ какъ корнеты въ ней—далеко не важнѣйшій элементъ. Вотъ отзывъ самаго автора:

«Наши офицеры по большей части не знали и не любили никакихъ военныхъ упражненій, въ нихъ рѣдко появлялась какая-нибудь черта природной удалы (какова удалы, замѣтимъ), столь свойственной всякому молодому человѣку, даже

не изъ военнаго сословія. Съ тѣхъ поръ они занялись этими предметами какъ службой, но только на ученьи. Въ своемъ кружку между ними никогда не было рѣчи о военномъ дѣлѣ, выходящемъ изъ предѣловъ вседневнаго ученья; война мало интересовала ихъ, они посвящали себя не войнѣ, а военной службѣ, что совсѣмъ не одно и тоже. Въ начальникѣ и товарищѣ они мало цѣнили военныя качества, уважали его не по боевой заслугѣ, если такая и была за нимъ, а скорее по другимъ, общежительнымъ качествамъ. У насъ до сихъ поръ еще бываетъ,—я бы могъ привести примѣры,—что трусъ, явно опозорившійся, терпится въ полку, иногда даже считается добрымъ малымъ. Никогда такой вещи не случается въ другой арміи, гдѣ осрамившійся въ бою прапорщикъ, не только генералъ, разглашается стоустою молвой, и если не будетъ разстрѣлянъ, то нигдѣ уже, по крайней мѣрѣ, не найдетъ себѣ мѣста.

Послѣ этого, основательно ли сожалѣть, что число дворянъ въ офицерствѣ уменьшается, и можно ли говорить, что у насъ офицеры «рождались»?

Изъ мѣръ, которыя предлагаетъ авторъ въ улучшенію качества офицерскаго сословія, главныя: исключеніе изъ военнаго званія всего прямо не-военнаго (т. е. нестроевыхъ офицеровъ), чтобы эполеты были знѣкомъ настоящей боевой службы, и принятіе новой системы производства, такъ, чтобы производство по линіи прерывалось на извѣстномъ чинѣ и выше его можно бы подниматься уже только за отличіе; наконецъ—ограниченіе числа офицеровъ числомъ *мѣста* для нихъ, т. е. штатомъ.

Въ обзорѣ условій, которыми должны опредѣляться вооруженія Россіи и при изложеніи мѣръ, предлагаемыхъ авторомъ для преобразования арміи, намъ случалось не соглашаться съ нѣкоторыми, довольно существенными его положеніями. Но мы должны высказать, въ заключеніе, еще разъ, что самыя начала, которыя авторъ кладетъ въ основу своихъ реформъ, нельзя не признать вполне раціональными, а за самимъ авторомъ не признать заслуги, какъ по оригинальности и новизнѣ многихъ мыслей, такъ и по независимости его отъ многихъ предразсудковъ, укоренившихся въ его спеціальности.

Что въ будущемъ истинная сила государства опредѣлится именно степенью «народности» ихъ армій—въ этомъ уже теперь сомнѣваться нельзя. Постоянныя, корпоративныя, отчужденныя отъ земли арміи истощатъ тѣ государства, которыя будутъ содержать и увеличивать ихъ, въ соревнованіи съ тѣми странами, въ которыхъ военная сила будетъ народная и которая осуществитъ на дѣлѣ похвальбу Помпея, что «топнувъ ногой, онъ можетъ вызвать изъ нѣдръ земли новое войско».

Р.

АНГЛІЙСКІЙ РАДИКАЛЪ

ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ.

The Life and Correspondence of Thomas Slingsby Duncombe, late M. P. for Finsbury. Edited by his son, Thomas H. Duncombe. 2 vols.

Гервинусъ замѣчаетъ, что въ наше время нѣтъ болѣе героевъ, нѣтъ личностей гениальныхъ, стоящихъ такъ высоко, во своей силѣ, надъ общимъ уровнемъ, чтобы онѣ могли навязывать свою волю исторіи человѣчества и увлекать его на тѣ пути, на которые вступаютъ сами. Авторъ исторіи Юлія Цезаря держится совершенно противоположнаго мнѣнія. Онъ говоритъ о прежнихъ герояхъ и генияхъ, законодателяхъ судебъ человѣчества такъ, что ихъ примѣромъ оправдываются новые претенденты на ихъ роль. Исторія самого автора жизни Юлія Цезаря послужитъ лучшею критикою защищаемаго имъ притязательнаго положенія. Трудно не согласиться съ Гервинусомъ, что время героевъ въ самомъ дѣлѣ миновало, и что человѣчество живетъ нынѣ сознательною общественною жизнью не въ нѣсколькихъ избранныхъ только, а въ милліонахъ личностей и идетъ къ тому времени, когда въ дѣлѣ политическаго наслѣдства не будетъ болѣе различія избранныхъ отъ званыхъ.

Есть страна, гдѣ уже давно общество жило политической сознательною жизнью въ болѣе или менѣе многочисленномъ, по своему составу, классѣ, который поэтому и называется привилегированнымъ классомъ, и гдѣ центръ, ядро, фокусъ политической жизни и силы заключался издавна именно въ этомъ классѣ.

Надъ нимъ могли возвышаться и падать династїи, вокругъ нихъ возникали разныя внѣшнія случайности, война, голодъ, открытія далекихъ странъ, мятежи, торговыя событія, — факты, отъ которыхъ погибалъ или богатѣлъ народъ. Все это, конечно, имѣло вліяніе на внутреннюю политическую жизнь, на политическое развитіе, но не иначе — какъ посредствомъ того же привилегированнаго класса, который какъ бы заключалъ въ своемъ кристаллѣ палладіумъ этой страны или то слово, которое римляне хранили какъ ключъ Капитолія.

За то человѣкъ, принадлежащій къ этому классу, самъ въ себѣ носитъ живое отраженіе политической жизни своей страны; его біографія — періодъ ея исторїи. Онъ — не герой, а между тѣмъ съ его жизнью связана именно вся жизнь государства; онъ не геній, но частица того общества, которое въ своей коллективности представляетъ величайшій изъ геніевъ, геній далеко болѣе могущественный и плодотворный, чѣмъ тотъ, который проявляется въ таеъ-называемыхъ «людяхъ судьбы», этихъ самозванцахъ и нерѣдко ложныхъ пророкахъ новой миссіи.

Такое сословіе представляется въ Англїи классомъ, изъ котораго составляется палата общинъ. Описаніе жизни одного изъ замѣтныхъ, изъ дѣятельныхъ членовъ палаты общинъ не можетъ не быть вмѣстѣ описаніемъ цѣлой эпохи общественной жизни Англїи. Мало того, роль Англїи въ Европѣ, особенно роль нравственная таеъ велика, что и для странъ континента англійская палата общинъ представляетъ самый почтенный, самый надежный ареопагъ въ дѣлахъ, касающихся общихъ интересовъ. Итаеъ, въ жизнеописаніи долго участвовавшаго въ дѣятельности этой палаты члена, непременно отразятся и многіе изъ важныхъ фактовъ жизни континентальной.

Между такими типическими членами англійской палаты общинъ не послѣднее мѣсто принадлежало нѣвогда аристократическому радикалу Томасу Дэнкомбу, котораго жизнеописаніе, съ перепискою, недавно издано сыномъ его. Сочиненіе это надѣлало шуму въ западно-европейской прессѣ, по нѣкоторому спеціальному его интересу. Но прежде чѣмъ приступить къ той части книги, которая представляетъ именно этотъ интересъ, мы представимъ очеркъ жизни самого Дэнкомба, сопровождая его бѣглымъ взглядомъ на жизнь англійскаго общества въ первой четверти нынѣшняго вѣка. Дэнкомбъ — конечно не герой и не геній; но онъ именно одна изъ тѣхъ частицъ, въ которыхъ отражалась политическая жизнь Англїи и которыхъ число, идя отъ реформы къ реформѣ, будетъ все умножаться, пока набонецъ,

она не совпадетъ съ членами взрослого населенія соединеннаго королевства.

Въ новомъ романѣ Виктора Гюго *) мы видѣли мастерскую и вмѣстѣ ужасающую картину той отдаленной эпохи исторіи англійскаго общества, когда аристократія лежала тяжелымъ гнетомъ надъ массой; тѣмъ любопытнѣе для насъ теперь встрѣтить въ литературѣ тотъ же типъ въ позднѣйшей его формаціи, почти непосредственно предшествующей современному положенію ищей. Жизнь и переписка Дэнкомба удовлетворяетъ насъ въ этомъ отношеніи, какъ нельзя болѣе.

Томасъ-Слингсби-Дэнкомбъ принадлежалъ по своему имени и родственнымъ связямъ къ англійской аристократіи. Въ фамиліи Дэнкомбовъ были въ разные времена титулы баронетскій, баронскій и графскій. Одинъ изъ Дэнкомбовъ былъ возведенъ въ 1747 году въ графское достоинство. Это былъ графъ Февершамъ, баронъ Даунтонъ. Онъ умеръ не оставивъ потомства мужескаго пола, но титулъ перешелъ на другого Дэнкомба. Братъ этого Дэнкомба, графа Февершамъ, былъ отецъ Томаса-Слингсби-Дэнкомба. Дэнкомбы находились въ родствѣ съ графами Карлеманъ и Галлоуаемъ, маркизомъ Кинсберри, даже съ герцогами Бокингэмами. Томасъ Дэнкомбъ, родившійся въ 1796 году, воспитывался въ коллегіумѣ Гарроу, аристократической школы, гдѣ его товарищемъ, между другими молодыми людьми высшаго круга, былъ и Пальмерстонъ. Пятнадцати лѣтъ отъ роду, онъ, по тогдашнему обычаю, поступилъ прапорщикомъ въ гвардейскій полкъ и съ этимъ полкомъ сдѣлалъ въ 1813—1814 походъ въ Нидерланды. Участвовалъ ли онъ въ походѣ въ 1815 году, неизвѣстно, но въ битвѣ подъ Ватерлоо онъ не былъ. Въ этомъ году онъ получилъ чинъ поручика, который равнялся чину армейскаго капитана и далѣе въ военной службѣ не пошелъ.

Возвратясь въ Англію, онъ вступилъ въ большой свѣтъ, въ которому принадлежалъ по связямъ. Въ то время процвѣтали въ Англіи *дэнди*. Принцъ-регентъ, какъ извѣстно, считалъ себя первымъ «дэнди» въ Европѣ. Въ числѣ окружавшихъ его свѣтилъ дэндизма были: герцогъ Аргайль, герцогъ Бьюфортъ, лорды Фолей, Алвэнли, Россъ, аристократы безъ титуловъ — Дэмеръ, Стэндишъ, Брэдшо. Но въ этомъ же обществѣ и даже на первомъ планѣ являлись люди, вовсе не принадлежавшіе къ нему по рожденію, какъ Томъ Рэксъ, купецъ и въ особенности знаменитый Броммелль. У Броммелля не было ни имени, ни род-

*) «L'homme qui rit» — романъ, съ содержаніемъ котораго мы имѣли уже случай познакомиться читателей. См. выше: июль 817—871; июль, 297—303 стр. — *Ред.*

ственныхъ связей съ аристократическимъ кругомъ, ни даже собственныхъ средствъ, чтобы жить въ немъ. Появленіе его тамъ не объясняется и личными достоинствами, которыя, въ особенности въ то время, сами по себѣ не могли отворить ни передъ кѣмъ двери салоновъ британской аристократіи.

Броммелль былъ человѣкъ жалкій. Онъ сперва жилъ на деньги, которыя выигрывалъ въ клубахъ, потомъ бѣжалъ отъ проигрышей на континентъ, гдѣ покровители его доставили ему постъ консула въ Каэнѣ, и наконецъ, содержался подпискою отъ членовъ той же аристократіи, боготворившихъ этого «властиителя фэшона». Громадный успѣхъ Броммелля въ тогдашнемъ большомъ свѣтѣ Англіи лучше всего характеризуетъ пустоту, распущенность и даже безвкусіе этого свѣта. Манеры Броммелля, какъ и принца-регента, были верхъ негѣпой аффектаціи, смѣшанной съ неимовѣрной грубостью. Въ этой счастливой комбинаціи, выражаясь современнымъ словомъ, состоялъ тогда «шикъ».

Въ книгѣ біографа Дэнкомба мы встрѣчаемся со всѣми представителями «фэшона» въ Англіи, съ 1816 года до шестидесятыхъ годовъ, точно также, какъ и почти со всѣми политическими дѣятелями Великобританіи за это время. Но очерки лицъ, которые намъ даетъ біографъ, такъ коротки, что они не представляютъ сколько-нибудь цѣльной характеристики. Имена являются одно за другимъ, часто въ нимъ прилагается текстъ какого-нибудь письма отъ знаменитости къ Дэнкомбу, но все это сдѣлано болѣе для ознакомленія читателя съ жизнью самого Дэнкомба и въ особенности для обнаруженія его близкихъ связей со всѣми знаменитостями, чѣмъ для изображенія событій или очерка какого-нибудь періода. Сама біографія Дэнкомба не такъ интересна для насъ, какъ нѣкоторыя постороннія свѣдѣнія, приводимыя въ книгѣ о его жизни и корреспонденціи. На нихъ мы особенно и обратимъ вниманіе, присоединивъ къ нимъ краткій очеркъ его жизни и отношеній.

Дэнкомбъ, котораго отецъ былъ, считая на наши деньги, миллионеръ и котораго связи мы уже упомянули, разумѣется долженъ былъ вступить въ нѣсколько модныхъ клубовъ, играть въ высокую игру, «протежировать тюрфъ» и театры, наконецъ сдѣлаться членомъ палаты общинъ. Все это само собою слѣдовало: it was due to his position и все это осуществилось очень просто: за наличныя деньги. Первый клубъ, въ который онъ вступилъ, носилъ чисто-англійское названіе «The Beef-Steak Club». Тамъ, какъ во всѣхъ клубахъ, процвѣтала азартная игра. Проигрывались громадныя суммы. Такъ банкиръ Дроммандъ проигралъ *Beau* Броммеллю 20-ть тысячъ фунтовъ въ вистъ, въ одну

ночь, въ White's club; мистеръ Спэрриеръ проигралъ въ Graham's club имѣніе въ 28 тысячъ фунтовъ и сверхъ того все, что имѣлъ; графъ Сифтонъ проигралъ въ разное время въ Crockford's club 240 тысячъ фунтовъ! Были и такіе, которые нажили или увеличили состояніе игрою въ клубахъ. Такъ лордъ Р. Спенсеръ, братъ герцога Марльборо, выигралъ въ Brooke's club 100 тысячъ фунтовъ.

Биографъ Дэнкомба говоритъ, что аристократія сильно пострадала отъ большихъ проигрышей. Наконецъ, сами клубы сперва упали, а потомъ измѣнили характеръ, переставъ быть настоящимъ игорнымъ домомъ. Дэнкомбъ въ свою очередь порядочно заплатился въ Beef-Steak's. Новые клубы имѣли уже болѣе серьезный характеръ. Такъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ основались два знаменитѣйшіе политическіе клубы: Carlton club, учрежденный герцогомъ Уэллингтономъ (торійскій) и Reform club (либеральный), въ который вступилъ и Дэнкомбъ.

На выборахъ 1826 года, онъ явился кандидатомъ либеральной партіи въ Гертфордъ и купилъ себѣ избраніе, having bribed handsomely, какъ наввно выражается его биографъ. Онъ вышелъ изъ гвардіи, но числился капитаномъ въ Йоркшейрскомъ гусарскомъ полку и нашелъ для своихъ денегъ новое помѣщеніе въ пари на скачкахъ, гдѣ отличались представители британской аристократіи и нѣкоторые иностранцы, какъ венгерець графъ Баттыаньи и французъ, извѣстный графъ д'Орсэ, «первый джентльменъ по обѣимъ сторонамъ пролива», какъ его звали во Франціи. Первый джентльменъ былъ постоянно въ долгахъ. Въ тогдшнемъ лондонскомъ свѣтѣ была мода на оригиналовъ и на прозвища. Здѣсь намъ представляются «король Алленъ», ирландскій виконтъ, который не могъ спать безъ лондонскаго шума, такъ что живя въ приморскомъ городѣ онъ спалъ только тогда, когда передъ его окнами нарочно ѣздила всю ночь карета; «Золотой Шаръ» — гусарскій офицеръ, славившійся красотою, который разбросалъ на вѣтеръ огромное состояніе и женился наконецъ на первой танцовщицѣ; «Молчаливый Заяцъ», названный такъ именно потому, что онъ былъ замѣчательный и остроумный красобай; будучи въ Италиі, онъ пошелъ исповѣдываться къ католическому священнику и наговорилъ на себя такихъ преступленій идя все crescendo, отъ одного ужаса къ другому, что патеръ, въ отчаяніи, убѣждалъ изъ конфессіонала; «Серебряный шаръ», прославившійся тѣмъ, что одна актриса выскала съ него путемъ суда 3,000 фунтовъ за неисполненіе обѣщанія жениться на ней; «Кангуру-Кукъ», франтъ, котораго настоящая фамилія была Кукъ, но который такъ привыкъ къ своему прозвищу, что однажды,

находясь на адмиральскомъ кораблѣ, серьезно испугался команды «Кангуру, сняться съ якоря», относившейся къ одному изъ судовъ эскадры; «Монахъ Льюизъ», популярный депутатъ и литераторъ, котораго звали такъ за сомнительную нравственность его романа «Монахъ»; онъ былъ одинъ изъ фаворитовъ принцессы Уэльской. Другимъ давали плоскія прозвища безъ всякаго отношенія къ ихъ характерамъ. Такъ старуху маркизу Салисбери называли «Старый Сарумъ», по имени принадлежавшаго ей мѣстечка, а лорда Йармоута — «Красная Селедка», потому что городъ Йармоутъ — рыболовный и еще за то, что лордъ былъ рыжій.

Дэнкомбъ, какъ мы уже сказали, былъ либераль, несмотря на то, что принадлежалъ къ ультра-торійской фамилии. Онъ даже былъ въ числѣ «крайней» либеральной партіи и въ началѣ своей карьеры считался республиканцемъ. Онъ присталъ къ этой партіи (которая впрочемъ не была республиканскою въ серьезномъ смыслѣ) отчасти по дружбѣ къ г. Ламбтону, который потомъ былъ посланникомъ въ Петербургѣ. Мы находимъ въ одномъ изъ писемъ Дюргэма къ Дэнкомбу слѣдующія слова по поводу французской революціи 1830 года: «что за славная нація, эти французы! Боюсь, что у англичанъ нѣтъ и миллионной части ихъ практическаго духа».

Извѣстно, что французская революція 1830 года сильно отозвалась въ Англіи; она возбудила тамъ реакцію противъ безусловнаго преобладанія аристократіи и была побужденіемъ къ парламентской реформѣ 1832 года, которая была въ Англіи настоящей революціею, гораздо болѣе прочною, по своимъ результатамъ, чѣмъ июльская революція во Франціи. «Друзья народа», къ которымъ принадлежалъ Дэнкомбъ, были въ то время особенно популярны въ Англіи и пристать къ нимъ было лучшимъ средствомъ скоро пріобрѣсть популярность и значеніе. По всей вѣроятности это именно и побудило Дэнкомба примкнуть къ радикаламъ.

Когда билль о реформѣ, прошедшій въ палатѣ общинъ, въ 1832 году, былъ отвергнутъ палатою лордовъ, въ странѣ началась сильная агитація, въ которой и Дэнкомбъ игралъ роль и между прочимъ произнесъ необузданную рѣчь въ палатѣ противъ торійскаго министерства, въ которой онъ сказалъ о лордѣ Линдгорстѣ: «вся его жизнь была продолжительною сценой политической преступности». Королю, который самъ благопріятствовалъ реформѣ, удалось наконецъ образовать кабинетъ изъ виговъ, подъ предводительствомъ лорда Грея, и билль прошелъ въ палатѣ лордовъ, послѣ того, какъ нѣкоторыхъ изъ ея самыхъ «завзятыхъ» членовъ упростили не подавать голоса при послѣднемъ чтеніи.

На выборахъ, которые послѣдовали за принятиемъ билля о реформѣ, Дэнкомбъ былъ побѣжденъ въ Гертфордѣ приверженцами владѣльца этого мѣстечка, лорда Салисбери. Между тѣмъ, на борьбу съ нимъ, Дэнкомбъ издержалъ своихъ денегъ и денегъ своей партіи до 40 тысячъ фунтовъ (260 тысячъ рублей). Дѣло въ томъ, что маркизъ Салисбери держалъ своихъ арендаторовъ на привязи, возобновляя ихъ аренды не болѣе какъ на двѣ недѣли и тотчасъ прогоняя тѣхъ, которые дѣлялись подозрительно, какъ склоняющіеся на противную сторону. Большая часть издержекъ Дэнкомба произошла отъ необходимости прискивать помѣщенія для этихъ бѣдныхъ изгнанниковъ. Слѣдствіи по обвиненію въ подкупахъ въ это время были часты и нерѣдко вели къ уничтоженію избраній; тѣмъ не менѣе, подкупъ былъ общимъ правиломъ и жалобы возникали только въ случаяхъ слишкомъ очевидно-скандалезныхъ.

Въ 1834 году, Дэнкомбъ снова былъ избранъ въ палату общинъ; на этотъ разъ онъ явился представителемъ одного изъ столичныхъ округовъ — Финсбери. Средствами при этомъ были, какъ рассказываетъ его сынъ: расточительная щедрость и самая энергическая ловля голосовъ (canvassing). Другъ Дэнкомба, лордъ Дюргэмъ былъ членомъ кабинета виговъ подъ предсѣдательствомъ лорда Грея, кабинета проведшаго реформу. Но Дюргэмъ не долго ужился со своими товарищами. Онъ вышелъ изъ кабинета въ 1834 году. Радикальная партія, которой аристократическій элементъ представлялся Дюргэмомъ и Дэнкомбомъ, уже въ то время требовала реформы, болѣе искусственной, чѣмъ была та, которую удалось провести въ 1832 году. Дюргэмъ былъ одинъ изъ защитниковъ реформы 1832 года, но подобно тому какъ въ наше время (въ 1865 и 1866 г.) Брайтъ былъ защитникомъ проекта реформы Росселя-Гладстона, т. е. желалъ, чтобы было сдѣлано *хоть что-нибудь*, самъ сознавая, что нужна болѣе широкая реформа, «a real Reform», какъ онъ выражается въ одномъ письмѣ къ Дэнкомбу, писанномъ въ 1834 году.

Уже въ то время, то-есть за тридцать три года до введенія нынѣшней дизраэлевской реформы, основанной на household suffrage (право голоса непосредственныхъ нанимателей помѣщеній), радикалы требовали этого. Они шли еще далѣе; они требовали того же, чего радикалы требуютъ и теперь — тайной подачи голосовъ, избранія посредствомъ ballot. Эти мысли защищали въ своихъ рѣчахъ и Дюргэмъ и Дэнкомбъ. Понятно, что Дюргэмъ не могъ долго остаться въ кабинетѣ Грея, который былъ настоящимъ вигомъ, умѣреннымъ либераломъ.

Дюргэмъ былъ назначенъ впоследствии посланникомъ въ Пе-

тербургъ и приглашалъ своего пріятеля пріѣхать посмотрѣть на нашу столицу, въ особенности же на нашъ петербургскій праздникъ, наши маневры и смотры. Вотъ одно изъ писемъ Дюргэма къ Дэнкомбу отсюда:

«Михайловское, іюня 22, 1836.

«Любезный Д. Спасибо за Sillery. Надѣюсь, вы сами можете выпить его. Вы спрашиваете, когда будетъ петергофскій праздникъ; — 13-го іюля. Судя по приготовленіямъ, думаю, что онъ представитъ одно изъ прекраснѣйшихъ зрѣлищъ, какія можно вообразить. Фонтаны лучше чѣмъ версальскіе! Сады съ деревьями столь же высокими, какъ въ Кенсингтонскихъ садахъ; онѣ освѣщаются мириадами шваликовъ до самыхъ верхушекъ! Не забудьте привезти съ собою мундиръ: *это необходимо* въ здѣшней странѣ. Военные маневры начнутся недѣлю черезъ три и будутъ прекрасны: по меньшей мѣрѣ при 30 тысячахъ человекъ. Театръ дѣйствій — ближайшая окрестность этой мызы, которая находится подлѣ самаго Петергофа, миляхъ въ пятнадцать отъ Петербурга.

Всегда вашъ Д.»

Но Дэнкомбъ былъ задержанъ парламентскою борьбою и необходимостью позаботиться о своей кандидатурѣ при новыхъ выборахъ.

Упомянувъ здѣсь о направленіи, котораго держалась уже 33 года тому назадъ радикальная партія въ Англіи, мы воспользуемся этимъ случаемъ, чтобы оцѣнить политическій характеръ самого Дэнкомба. Мы привели выше откровенное сужденіе его сына, что онъ присталъ къ радикальной партіи или къ *extreme views* потому собственно, что направленіе радикальной партіи было особенно популярно въ Англіи послѣ французской революціи 1830 года. Въ извѣстной литературной газетѣ «Athenaeum» мы находимъ статью о книгѣ Дэнкомба, высказывающую между прочимъ упрекъ сыну Дэнкомба за мнѣніе, будто его отецъ присталъ къ радикаламъ потому только, что видѣлъ въ содѣйствіи имъ легчайшее средство пріобрѣсть политическое значеніе. Не слѣдуетъ забывать, говоритъ авторъ этой статьи, что провозглашая крайнія мнѣнія, Дэнкомбъ тѣмъ самымъ закрывалъ себѣ путь къ достиженію высокаго положенія. Но можно ли въ самомъ дѣлѣ такихъ людей, какъ Дэнкомбъ, признавать серьезными радикалами? Возраженіе критика «Athenaeum'a» опровергается примѣромъ друга Дэнкомба, лорда Дюргэма, такого же рѣшительнаго радикала на словахъ. Вѣдь былъ же онъ министромъ въ кабинетѣ Грея, а потомъ посланникомъ въ Петербургѣ. Правда, Дэнкомбъ былъ пріятелемъ Мадзини, Кошута,

Тюрра и т. д. Но самъ авторъ статьи Athenaeum'a очень хорошо отмѣтилъ характеръ этой привязанности, замѣтивъ, что онъ сочувствовалъ и помогалъ изгнанныкамъ не потому, что они—революціонеры, а потому, что они—преслѣдуемые, «бѣдвяти», poor devils. «Самъ онъ, разорившійся игрокъ,—говоритъ Athenaeum,—былъ «a poor devil» и всякое наденіе, лишеніе правъ вызывало въ немъ сочувствіе и готовность въ услугамъ». Тѣ же критикъ замѣчаетъ, что нельзя считать революціонеромъ Дэнкомба, который оказывалъ содѣйствіе Людовигу-Наполеону, очень хорошо зная намѣренія этого «гражданина». Прибавимъ, что Дэнкомбъ былъ другъ Пальмерстона, и вся практическая дѣятельность представителя Финсбэри за послѣднюю половину его политической жизни состояла въ оказаніи поддержки кабинетамъ, въ которыхъ былъ членомъ Пальмерстонъ. Это тоже нѣсколько не похоже не только на *революціонерность*, но и на радикализмъ. Итакъ, почему же не согласиться съ сыномъ Дэнкомба, что отецъ его избралъ радикальное направленіе именно только какъ кратчайшій путь въ приобрѣтенію значенія?

Но возвратимся къ анекдотической сторонѣ книги, къ картинѣ англійскаго общества тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Дуэли, которыя въ настоящее время совсѣмъ вышли изъ англійскихъ обычаевъ, были очень часты въ первой четверти вѣка и даже послѣ. Особенно готовы были драться при каждомъ случаѣ ирландцы. Знаменитый О'Коннель, въ одной изъ своихъ рѣчей, назвалъ дублинскій муниципалитетъ «нищенскою корпораціею». Его вызвалъ членъ муниципалитета д'Эстерръ, и былъ убитъ при первомъ обмѣнѣ пулями. Въ двадцатыхъ годахъ было нѣсколько политическихъ дуэлей, кончавшихся смертью одной изъ сторонъ. Замѣчательно, что О'Коннель, послѣ первой своей дуэли, имѣвшей бѣдственный исходъ, положительно отказывался отъ другихъ. Его вызывали не разъ, но онъ не дрался. Однажды за него выступилъ его сынъ. Общество смотрѣло съ презрѣніемъ на отказывавшихся «дать удовлетвореніе» и сочувственно относилось ко всякимъ насиліямъ, какимъ ихъ подвергали. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ, книгопродавецъ Фрэзеръ сталъ издавать извѣстный свой мѣсячный журналъ «Fraser's Magazine». Въ немъ сперва появлялись карикатуры на извѣстныхъ людей, съ прибавленіемъ ѣдкихъ комментаріевъ, которые сочинялъ нѣкій докторъ Мэгиннъ. И Дэнкомбъ былъ жертвою одного изъ номеровъ Фрэзерова журнала. Онъ вызвалъ издателя, который однако пожаловался полицейскому судѣ, и потомъ, когда судья обязалъ Дэнкомба не нарушать спокойствія, предложилъ Дэнкомбу прислать опроверженіе въ журналъ. Така

же исторія случилась съ членомъ одной аристократической фамили, «достопочтеннымъ» Грэнтли-Беркелей и онъ при встрѣчѣ съ Фрэнзеромъ прибилъ его хлыстомъ. Тоже самое сдѣлалъ Дэнкомбъ съ издателемъ сатирическаго листа «The Age».

Въ книгѣ приведено много примѣровъ дуэлей въ тридцатыхъ годахъ; изъ нихъ мы упомянемъ только объ одномъ. Англичанинъ, капитанъ Гессъ, извѣстный въ лондонскомъ свѣтѣ по своимъ интимнымъ отношеніямъ къ королевѣ Каролинѣ, выигралъ въ 1832 году, въ Парижѣ, большую сумму у нѣкоего Леона, незаконнаго сына Наполеона I. Леонъ, взбѣшенный проигрышемъ, намекнулъ, что Гессъ *слишкомъ* счастливъ въ игрѣ, а Гессъ вызвалъ его. Замѣчательно, что передъ поединкомъ былъ призванъ нотаріусъ для составленія акта о суммѣ, не заплаченной Леономъ. Гессъ былъ убитъ.

Англійское высшее общество, назадъ тому всего лѣтъ тридцать, было далеко не похоже и на то, каково оно теперь. Такъ, на примѣръ, неумѣренность въ винѣ была всеобщей. «Послѣ обѣда, когда дамы вставали изъ за-стола», говоритъ біографъ, «гости обыкновенно начинали опоражнивать стаканъ за стаканомъ крѣпкаго портвейна или кружку за кружкой еще болѣе крѣпкаго пунша, до тѣхъ поръ, пока всѣ, одинъ за другимъ, не пошатаются подъ столъ, а хозяина слуги не унесутъ въ безчувственномъ состояніи въ его спальню». Такимъ образомъ, выпивалось каждымъ гостемъ по три или по четыре бутылки вина. Между современниками Дэнкомба въ гвардіи, на такого джентльмена, который избѣгалъ крайней неумѣренности, смотрѣли какъ на «дрянь». «Шестибутылочные» люди (the six-bottle men) — такъ какъ были и такіе — служили предметомъ удивленія, смѣшаннаго съ завистью со стороны менѣе сильныхъ пьяницъ. Нынѣшнее поволеніе обязано преимущественно умѣренности лучшимъ положеніемъ своего здоровья и своихъ средствъ.

Мудрено-ли, что французы, близко познакомившись съ англичанами во время занятія Парижа союзниками и при реставраціи, приняли поговорку *voire comme un Anglais*. Вообще распущенность тогдашняго англійскаго общества, съ которою многіе читатели навѣрное знакомы по тѣккереевой *Vanity-Fair*, представляетъ замѣчательный контрастъ съ тѣмъ, какимъ оно является нынѣ. Такой большой перемѣны не было въ этомъ періодѣ ни въ одномъ изъ континентальныхъ аристократическихъ кружковъ. Едва ли мы ошибемся, приписавъ отчасти и этотъ результатъ дѣйствию реформы 1832 года, которая, серьезно поколебавъ исключительное господство родовой аристократіи, измѣнила и политическую жизнь, и финансовое устройство, и

систему внѣшней политики и самую общественную жизнь Великобританіи. Въ этой парламентской странѣ измѣнить *основаніе* власти, перенести ея центръ значитъ переименовать всю жизнь страны и нельзя себѣ представить, какъ отлично будетъ англійское общество отъ нынѣшняго, черезъ какихъ-нибудь десять два лѣтъ, когда проникнетъ во всѣ поры организма Великобританіи новая реформа, реформа въ смыслѣ демократическомъ.

Ближайшее знакомство съ Франціею отозвалось въ Англии между прочимъ преобразованиемъ кухни. До 1815 года, самые великолѣпные обѣды британскихъ лордовъ были примѣчательны собственно только роскошью посуды и количествомъ говядины и пудинговъ, изъ которыхъ состояли эти нехитрые гастрономическія exhibitions. Въ Парижѣ лорды отвыкли отъ заветнаго ростбифа и традиціонныхъ плом-пудинговъ и вслѣдъ за возвращавшимися въ Англію побѣдителями, въ нее вторглись побѣжденные въ качествѣ французскихъ поваровъ и въ свою очередь завоевали Англію. Знаменитѣйшимъ представителемъ ихъ былъ впоследствии, уже въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, поваръ Соё, который приобрѣлъ славу такъ сказать всемірную. Первыми законодателями french cookery и учредителями настоящей гастрономіи въ Англии были лорды Дэдди, Личфильдъ, Сифтонъ, Фолей и другіе. Само собою разумѣется, что Дэнкомбъ бывалъ гостемъ у всѣхъ ихъ и «общимъ другомъ», несмотря даже на различіе мнѣній. Такъ, онъ бывалъ у Росселя (въ то время лорда Джона Росселя), хотя не былъ его политическимъ приверженцемъ и даже считалъ его самозванцемъ, такъ какъ лордъ Джонъ постоянно выдавалъ себя за главнаго виновника реформы 1832 года и въ самомъ дѣлѣ усвоилъ себѣ это значеніе, между тѣмъ, какъ, по мнѣнію Дэнкомба, истиннымъ главнымъ авторомъ реформы былъ другъ его, лордъ Дюргэмъ.

Дэнкомбъ былъ «душою общества» въ аристократическихъ собраніяхъ; особенно его любили дамы. Приглашенія такъ и сыпались на него; всѣ звали его: «пріѣзжайте, чтобы намъ было повеселѣе». Такъ онъ проводилъ свою частную жизнь въ постоянныхъ визитахъ, какъ въ самомъ Лондонѣ, такъ и въ замкахъ, въ то время, которое называется «охотничьимъ сезономъ». Состояніе Дэнкомба, которому нанесли сильныя удары игра и банкротство одного лорда-пріятеля, таило болѣе и болѣе подъ влияніемъ его періодическихъ расходовъ на выборы и издержекъ необходимыхъ для поддержанія связей. Сверхъ того, политическія подписки тоже не мало стоили популярному депутату. Такъ, онъ вносилъ по сотнямъ фунтовъ въ разныя общества, давалъ взаймы и т. п. Въ 1834 году уже его денежные дѣла находи-

лись въ очень плохомъ положеніи и онъ долженъ былъ занять подъ поручительство, которое доставилъ ему лордъ Дюргэмъ, 2 тысячи фунтовъ, которые и заплатилъ впоследствии. Но впоследствии долги его возросли до громадной цифры многихъ сотенъ тысячъ. Одному лорду Честерфильду онъ былъ долженъ до 100 тысячъ фунтовъ и принужденъ былъ просить уменьшенія долга. Долгъ этотъ былъ пониженъ до суммы 38 тысячъ фунтовъ. Главная потеря его была причинена именно банкротствомъ одного лорда, который въ книгѣ не названъ. Въ 1848 году, умеръ его отецъ и родовое имѣніе его Конгровъ поступило въ его владѣніе. Но сумма долговъ была уже такъ велика, что и это наслѣдство не улучшило положенія Дэнкомба. Оно дало ему только возможность удовлетворить главныхъ кредиторовъ. Имѣніе это онъ продалъ съ аукціона въ 1848 году, за 130 тысячъ фунтовъ (845 тыс. руб.).

Въ числѣ тѣхъ роог devils, за которыхъ, по выраженію «Атенея», заступался Дэнкомбъ, были министры Карла X, посаженные въ гамскій замокъ по приговору палаты пэровъ, за нарушеніе конституціи іюльскими декретами. Дэнкомбъ заступился за нихъ въ 1836 году, когда англійская аристократія, какъ торійская, такъ и вигистая была очень разжалоблена немилосердною строгостью, съ какою содержались эти государственные преступники, хотя эта строгость вовсе не была чрезмерною. Эти господа сидѣли въ тюрьмѣ за дѣло — вотъ и все. Женѣ главнаго изъ нихъ, князя Полиньяка, было дозволено жить въ деревнѣ близъ замка и видѣться съ мужемъ ежедневно. Каждому изъ арестантовъ позволяли гулять въ вѣрнопномъ садикѣ, разумѣется подъ стражею. Однимъ словомъ, ничего ужаснаго тутъ не было, если не считать ужаснымъ самый тотъ фактъ, что князь и графъ, бывшіе министры, сидятъ въ тюрьмѣ за совершенное ими преступленіе, стоившее Франціи множество жизней.

Но сочувствіе въ аристократической Англій въ нимъ было, и Дэнкомбъ выступилъ его органомъ. Жены узниковъ, прочитавъ его рѣчь, обратились къ нему съ благодарственными письмами, онъ вступилъ въ рыцарскую переписку съ этими дамами и общалъ имъ свое содѣйствіе. Послѣ тщетнаго обращенія къ вмѣшательству англійскаго министерства, которое, разумѣется, ничего не могло сдѣлать, Дэнкомбъ внесъ въ палату общинъ формальное предложеніе: пригласить министерство къ ходатайству передъ французскимъ правительствомъ объ освобожденіи гг. Полиньяка, Пейроннѣ, Шантелоза и Гернонъ-де-Ранвилля. По этому поводу онъ произнесъ одну изъ своихъ блестящихъ

рѣчей. Но лорды Пальмерстонъ и Джонъ Россель положительно отказались отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла иностраннаго государства, выражая впрочемъ надежду, что французское правительство само сдѣлаетъ то, о чемъ шла рѣчь, и Дэнкомбъ долженъ былъ взять свое предложеніе назадъ. Но слава «рыцарской защиты» осталась при немъ, и самъ Пейроннэ написалъ въ нему благодарственное письмо. Вся эта переписка и рѣчь Дэнкомба помѣщены въ книгѣ его біографа.

Когда другъ Дэнкомба, Дюргэмъ, отозванный изъ Петербурга, былъ назначенъ губернаторомъ верхней Канады, Дэнкомбъ предпринялъ путешествіе туда, въ 1838 году и въ томъ же году возвратился, потому что Дюргэмъ не ужился и тамъ съ вигами и оставилъ свой постъ, не дождавшись отвѣта на посланное имъ прошеніе объ отставкѣ.

Такъ какъ намъ сейчасъ придется упомянуть объ участіи Дэнкомба въ чартистскомъ движеніи, то не мѣшаетъ еще разъ пояснить, что въ его характерѣ не было ничего революціоннаго. Сынъ конечно хорошо зналъ отца, и на его свидѣтельство можно положиться. Разсказавъ о милости, въ какой отецъ его былъ у герцогини кентской, которая даже поддерживала его друзей на выборахъ, и упомянувъ, что представитель Финсбери имѣлъ случай часто честь бесѣдовать съ принцессою Викторією, которой таланты и любезность онъ потомъ расхваливалъ своимъ друзьямъ, младшій Дэнкомбъ дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: «еслибы когда либо во мнѣніяхъ его было что либо опасное, то этотъ высокомилоствивый способъ завербовать его въ число друзей юной принцессы, былъ достаточенъ по отношенію къ человѣку его рыцарской природы, чтобы изгнать ихъ». Мы вовсе не имѣемъ цѣлью выразить сожалѣніе о томъ, что Дэнкомбъ не былъ или былъ серьезнымъ радикаломъ, а тѣмъ болѣе революціонеромъ. Мы хотимъ только выяснить его характеръ и показать, что аристократическіе радикалы столь же мало, какъ аристократическіе тори или виги, могли сознательно вести Англію въ перемѣнѣ системы ея жизни. Old England, Британія джентльменовъ дорога была имъ всѣмъ въ одинаковой степени. Лордъ Дюргэмъ еще при жизни Вильгельма IV открыто отказался отъ «крайнихъ мнѣній».

Въ маѣ 1841 года, Дэнкомбъ былъ избранъ чартистскимъ комитетомъ для представленія парламенту адреса чартистовъ, подписаннаго 1,300,000 лицами и требовавшаго освобожденія арестованныхъ чартистовъ. Министры воставали противъ этого адреса, какъ противъ покушенія на вмѣшательство въ судебное дѣло. Но въ палатѣ голоса раздѣлялись поровну, такъ что только

голосъ спикера, который, по своей обязанности въ подобныхъ случаяхъ, вотировалъ за status quo, далъ перевѣсъ партіи министерства, и оно едва не вышло въ отставку. За то все-таки вскорѣ оно принуждено было, вслѣдствіе новыхъ поражений, распустить общины.

Года 1841 и 1842 представляютъ время наибольшей популярности Дэнкомба. Онъ сблизился съ чартистами, особенно съ Куперомъ и Фергюсомъ О'Конноромъ, и сдѣлался однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ представителей радикальной партіи. Въ сессію 1842 года, онъ представилъ палатѣ общинъ «адресъ народа», адресъ въ смыслѣ чартистской программы, съ 3¹/₂ милліонами подписей. Дэнкомбъ требовалъ, чтобы палата допустила въ свою залу и выслушала депутацію отъ авторовъ адреса, и это требованіе было сочтено до такой степени «крайнимъ», что даже Робахъ возсталъ противъ него. Само собою разумѣется, что министерство, въ лицѣ Пила и сэра Дж. Грэгга, отвергало это требованіе. Въ пользу его оказалось только 49 голосовъ, цифра, показывающая, какъ слаба была радикальная партія въ парламентѣ даже черезъ десять лѣтъ послѣ реформы. Но это рѣшеніе палаты вызвало безпокойства и беспорядки по всей странѣ. Правительство приняло сильныя мѣры, арестовавъ ораторовъ, говорившихъ въ возбудительномъ духѣ, между ними и Фергюса О'Коннора. Дэнкомбъ, разумѣется, арестованъ не былъ, такъ какъ его рѣчи были проникнуты не только радикализмомъ, но и осторожностью. Одна французская газета того времени, «Le Courrier de l'Europe», оцѣнивая агитацію въ Англіи и ея вождей, выражалась такъ о Дэнкомбѣ: «Г. Дэнкомбъ—радикаль, но онъ не желаетъ стремиться въ осуществленію своихъ убѣжденій посредствомъ беспорядка. Въ его парламентскихъ рѣчахъ преобладаетъ духъ добросовѣстности и искренность убѣжденія, которые внушаютъ довѣріе людямъ наиболѣе отдаленнымъ отъ его политическихъ воззрѣній; онъ — Гарнье-Пажесъ англійской трибуны».

Внѣ-парламентская дѣятельность представителя Финсбери въ это время была огромна, какъ то слѣдовало изъ его популярности. Всѣ важнѣйшіе города Великобританіи: Мэнчестеръ, Ливерпуль, Эдинбургъ, Йоркъ, Бирмингемъ, Лидсъ, Шеффилдъ, Рочдэль, Гуль и т. д. приглашали его пріѣзжать на митинги, изъ которыхъ нѣкоторые устраивались собственно въ честь его самого. Въ печати появилось нѣсколько біографій его; однимъ словомъ, онъ игралъ въ это время роль трибуна, и 1842 годъ представилъ вершину его политическаго значенія.

Въ 1844 году въ Англіи надѣлала много шума жалоба Джу-

зепе Маццини на сообщничество англійскаго правительства съ неаполитанскимъ, напскимъ и австрійскимъ въ преслѣдованіи итальянскихъ патріотовъ и борьбѣ съ итальянскою національною партіею. Онъ жаловался, что англійское правительство позволяло себѣ вскрывать его письма и потомъ отправляло ихъ по назначенію, съ прежнею, подправленною печатью, а между тѣмъ содержаніе ихъ сообщало деспотамъ Италіи, такъ что итальянскія правительства были предупреждены о намѣреніяхъ патріотовъ, а патріоты, не подозрѣвая, что за ними слѣдять, дѣлались жертвами устроенныхъ для нихъ ловушекъ. Такъ погибли братья Бандьера, предпринявшіе изъ Корфу высадку на берегъ Калабріи. Обвиненіе это было очень серьезно для министровъ въ той странѣ какъ Англія. Тайна частной переписки — одно изъ первыхъ условій личной неприкосновенности, и общественное мнѣніе въ Англіи произнесло строгій приговоръ въ особенности надъ другомъ Пилля, сэромъ Джемсомъ Грэггомъ, который сдѣлалъ распоряженіе о вскрытіи писемъ Маццини. Министерство оправдывалось тѣмъ, что оно, признавъ нужнымъ, въ интересѣ международной безопасности, вскрывать письма нѣкоторыхъ агитаторовъ, сообщало изъ содержанія ихъ угрожаемымъ правительствамъ только то, что не могло компрометтировать лично ни одного изъ людей, находившихся у нихъ подъ рукою. Но слѣдствіе, для котораго были назначены особыя коммиссія палаты общинъ и палатою лордовъ, обнаружило, что система вскрытія писемъ была общепринятою практикою всѣхъ администрацій, какъ торійскихъ, такъ и вигистскихъ; что въ этомъ былъ повиненъ не одинъ сэръ Дж. Грэггъ, но и лорды Пальмерстонъ, Мельборнъ, Джонъ Россель, Ландсдоунъ и т. д.; наконецъ, что вскрываемы были письма не одного Маццини и не однихъ итальянскихъ эмигрантовъ, но и самихъ англичанъ, напримѣръ — лордъ Брума.

Маццини громко протестовалъ противъ такого злоупотребленія, и голосъ его, хотя иностранца и извѣстнаго заговорщика, не былъ оставленъ безъ вниманія, во-первыхъ, потому, что дѣло это касалось и самаго англійскаго общества, а во-вторыхъ потому, что за Маццини заступились два вліятельные человѣка: знаменитый историкъ Карлейль и Дэнкомбъ. Карлейль напечаталъ письмо, въ которомъ отдавъ полную справедливость высокимъ качествамъ Маццини какъ человѣка, поставилъ выше всякаго сомнѣнія его правдивость. Дэнкомбъ съ своей стороны, будучи знакомъ съ Маццини уже съ тридцатыхъ годовъ, какъ о томъ будетъ сказано ниже, принялъ на себя главную роль по этому дѣлу въ палатѣ общинъ и былъ виновникомъ произведеннаго по нему

слѣдствія. Сынъ его обвиняетъ Маццини въ томъ, что въ своей автобіографіи онъ только едва упоминаетъ о Дэнкомбѣ по этому поводу, приписывая все дѣйствіе, произведенное на англійскій парламентъ, себѣ, между тѣмъ какъ, по увѣренію біографа Дэнкомба, одинъ Маццини ничего бы не могъ сдѣлать въ этомъ случаѣ.

Вся эта исторія кончилась обѣщаніемъ со стороны англійскихъ министровъ отказаться на будущее время совершенно отъ той практики «чернаго кабинета», которая, безъ сомнѣнія, никакъ не соответствовала учрежденіямъ и духу Великобританіи.

Мы переходимъ теперь къ той части книги Дэнкомба младшаго, которая представляетъ наиболѣе «пикантный» интересъ, касаясь интимныхъ отношеній финсберійскаго депутата къ лицамъ стоящимъ высоко и излагая болѣе или менѣе достовѣрныя свѣдѣнія о тѣхъ закулисныхъ событіяхъ, въ которыхъ Дэнкомбъ принималъ неизвѣстное доселѣ участіе. Эта часть книги именно и привлекла въ особенности вниманіе журналистики. Главныя лица, выступающія здѣсь — принцъ Людовикъ - Наполеонъ и изгнанный изъ своихъ владѣній, извѣстный по эксцентричности своего характера, герцогъ Карлъ брауншвейгскій. Передавая эти свѣдѣнія, мы конечно далеки отъ того, чтобы ручаться за нихъ; для провѣрки ихъ нѣтъ, кромѣ прямо-заинтересованныхъ лицъ, не имѣетъ данныхъ. Мы же можемъ только представить вопросъ такъ, какъ онъ поставленъ въ европейской печати. Принцъ Людовикъ Бонапартъ посѣтилъ Англію въ первый разъ въ 1831 году. Это было послѣ извѣстной революціонной попытки въ Романѣ, въ которой оба сына бывшаго короля голландскаго приняли участіе. Принцу Людовику было тогда 23 года. Попытка эта кончилась бѣгствомъ революціонеровъ при приближеніи австрійцевъ. Итальянцы до сихъ поръ вспоминаютъ съ улыбкою о «битвѣ» при Римини, въ которой патріоты бѣжали «потерявъ башмаки». Въ Италіи есть еще довольно живыхъ свидѣтелей этого дѣла, знавшихъ въ то время лично принцовъ Бонапартъ. Намъ лично случалось слышать отъ одного изъ современниковъ подробности бѣгства, которое даже въ то время, когда въ Италіи каждый, кто только покушался противъ существовавшаго порядка, становился личностью какъ бы священною въ общественномъ мнѣніи, возбудило общій смѣхъ. Принцъ Людовикъ Бонапартъ не любилъ впослѣдствіи воспоминаній объ участіи своемъ въ этомъ дѣлѣ, хотя надо впрочемъ замѣтить, что въ извѣстномъ, въ свое время надѣлавшемъ много шума и бывшемъ даже причиною къ перемѣнамъ въ министерствѣ французской республики, письмѣ къ своему адъютанту, полковнику Эдгару Нею,

президентъ республики ссылаясь на этотъ эпизодъ своей жизни. Это письмо было первою попыткою новаго Наполеона побудить папу въ реформамъ, попыткою, которая впоследствии периодически возобновлялась, скорѣе съ цѣлью оправдать присутствіе французскихъ войскъ въ Римѣ, чѣмъ съ надеждою на непосредственный успѣхъ самого заявленія. «Я не забуду», писалъ президентъ, «что нѣкогда самъ сражался на поляхъ Италіи за ея независимость».

Между тѣмъ, временное правительство, провозглашенное революціонерами, которые объявили низложеннымъ папу Григорія XVI, рассчитывая на помощь со стороны Франціи (Франція Людовика-Филиппа!), стѣснялось присутствіемъ въ лагерѣ революціи претендента на французскій престолъ. Оно постаралось удалить ихъ въ Форли, гдѣ старшій принцъ¹⁾ заболѣлъ корью и умеръ.

Принцъ Людовикъ Бонапартъ вынесъ изъ своего участія въ революціонномъ движеніи только свѣдѣнія о правилахъ карбонариевъ и страхъ передъ ихъ тайной местию. Сочувствія къ цѣлямъ молодости нельзя предполагать въ послѣднемъ и столь энергичномъ защитникѣ свѣтской власти папъ. Бывшій революціонеръ, сражавшійся за отмену этой власти, принесть ей, черезъ 36 лѣтъ, въ жертву цвѣтъ итальянской молодежи, испробовавъ на нихъ въ первый разъ «чудесныя» ружья Шасспò.

Послѣ «эскапады» въ Римини, принцъ Людовикъ, съ матерью своею, носившею титулъ герцогини Сень-Ле, пріѣхалъ въ Парижъ, но французское правительство не позволило имъ остаться тамъ и они уѣхали въ Англію. Дэнкомбъ въ это время былъ близко знакомъ съ бонапартистами Морни и Валуевскимъ и вѣроятно познакомился и съ принцемъ въ этотъ первый пріѣздъ его въ Англію. Но принцъ на этотъ разъ пробылъ въ Англіи всего нѣсколько мѣсяцевъ и отправился въ Швейцарію. Проживъ годовъ пять въ Арненбергѣ, въ кантонѣ Тургау и повидимому посвятивъ себѣ изученію военнаго дѣла (въ 1833 году онъ написалъ свою книгу объ артиллеріи) принцъ, сдѣлавшійся гражданиномъ Швейцаріи и даже капитаномъ въ одномъ изъ бернскихъ полковъ, — въ 1836 году вдругъ, неожиданно совершилъ свою стразбургскую революціонную попытку. Взятый въ плѣнъ, онъ былъ сосланъ въ Америку, съ обѣщаніемъ не возвращаться

¹⁾ У Людовика Бонапарта, короля голландскаго, было три сына. Первый умеръ еще въ дѣтствѣ, въ 1806 г. Второй, о которомъ говорится здѣсь, Наполеонъ-Людвикъ, кронпринцъ голландскій, герцогъ клеветскій и бергскій, родился въ 1804 г., умеръ въ 1831 г.

во Францію. Но подъ предлогомъ болѣзни своей матери онъ вскорѣ явился опять, сперва въ Швейцарію, потомъ и въ Англію, гдѣ и прожилъ два года. Авторъ «Жизни и корреспонденціи Дэнкомба», упоминаетъ о слухахъ, что въ это время жизнь принца не была примѣрная, но съ своей стороны ничего не прибавляетъ къ этимъ слухамъ.

Доказательствомъ того, что личный характеръ принца въ періодъ, о которомъ мы говоримъ, не былъ компрометтированъ въ общественномъ мнѣніи, служитъ фактъ, что онъ жилъ въ высшемъ обществѣ Англій, гдѣ явные пороки уже во всякомъ случаѣ затворяютъ дверь даже и передъ иностранцемъ. Леди Голландъ и леди Блессингтонъ были отъявленными бонапартистками, и принцъ въ ихъ салонахъ не скрывалъ своихъ честолюбивыхъ видовъ, но всѣ видѣли въ немъ мечтателя. Въ этомъ обществѣ вращался и Дэнкомбъ.

Сынъ Дэнкомба рассказываетъ въ числѣ разныхъ анекдотовъ о рыцарскомъ турнирѣ, устроенномъ лордомъ Эглингтономъ, въ которомъ принцъ Наполеонъ сразился на мечахъ съ однимъ англичаниномъ, и оба выказали такую горячность, что зрители принуждены были развести ихъ. Онъ появлялся и въ аристократическомъ литературномъ кружкѣ, къ которому принадлежали Эдвардъ Болверъ (впослѣдствіи лордъ Литтонъ) и Дизраэли. Авторъ записокъ упоминаетъ о ходившихъ въ то время слухахъ, что передъ своимъ булонскимъ предпріятіемъ принцъ имѣлъ совѣщанія съ министрами, лордами Мельборномъ и Пальмерстономъ, и приводитъ формальное опроверженіе этихъ слуховъ герцогомъ Веллингтономъ. Авторъ съ своей стороны замѣчаетъ, что принцъ считался въ то время республиканцемъ и не могъ имѣть сношеній съ британскими министрами.

Булонская попытка, 6 августа 1840 года, привела принца снова въ плѣнъ къ королю Людовику-Филиппу и, какъ извѣстно, судъ перовъ приговорилъ его къ вѣчному заключенію и онъ былъ помѣщенъ въ гамскомъ замкѣ, въ тѣхъ самыхъ покояхъ, гдѣ содержались прежде князь Полиньякъ и другіе министры Карла X. Въ заключеніи принцъ придумывалъ проекты по части политической экономіи, «размышленія» объ англійской исторіи и писалъ друзьямъ своимъ въ Англій, что онъ «нисколько не жалуется на свое положеніе и совершенно покоряется ему». Однакоже, какъ замѣчаетъ авторъ, «несмотря на этотъ философскій духъ, друзья его слишкомъ хорошо знали, что онъ ухватится за мысль о побѣгѣ, если только онъ ему будетъ представленъ практически-возможнымъ.»

Прежде всего предстояло вступить въ тайныя сношенія съ

гамскимъ заключеннымъ. Съ этой цѣлью, самъ принцъ обратился въ правительству съ представленіемъ противъ строгости, съ какою его содержали. Людовикъ-Филиппъ согласился допустить облегченіе; и слугѣ принца дозволено было выходить изъ замка въ городъ. Мѣра эта представляется такой явной неосторожностью, что намъ невольно приходится предполагать со стороны самого короля-гражданина нѣкоторое желаніе освободиться отъ своего плѣнника. Какъ бы то ни было, ясно, что Людовикъ-Филиппъ не могъ же самъ устроить побѣга, чрезъ своихъ агентовъ, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что понадобились средства на подготовленіе этого побѣга, т. е. сказавъ просто— на подкупъ тюремщиковъ. Здѣсь-то Дэнкомбъ, по его рассказамъ, которые очень вѣроятны, и явился главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Онъ счумѣлъ составить союзъ между двумя претендентами, изъ которыхъ одинъ былъ лишенъ престола, и добивался его, а другой никогда не царствовалъ, но желалъ царствовать. Второй въ этомъ союзѣ былъ герцогъ Карлъ брауншвейгскій. Въ своемъ мѣстѣ мы расскажем о судьбѣ этого принца, какъ ее описываетъ авторъ, прибавивъ къ его характеристикѣ данныя, относящіяся къ его изгнанію. Здѣсь же достаточно будетъ сказать, что, по словамъ автора, изгнанный герцогъ брауншвейгскій согласился дать средства на освобожденіе принца Бонапарта, съ тою цѣлью, чтобы современемъ чрезъ него возстановить свои «права». Какъ ни химериченъ былъ такой проектъ, не трудно повѣрить, что человѣкъ, съ характеромъ герцога брауншвейгскаго, могъ быть склоненъ къ нему.

Дэнкомбъ былъ изобрѣтателемъ этого союза и главнымъ руководителемъ при переговорахъ о немъ. Эти переговоры въ Парижѣ и Гамбѣ велись Дэнкомбомъ, по его показанію, чрезъ секретаря его, Смита. Этотъ Смитъ, да еще графъ д'Орси были свидѣтелями при заключеніи союза и подписались подъ его проектомъ. Вотъ переводъ этого интереснаго документа, писаннаго по-французски:

«Въ Гамбѣ 1840 г.»

«Мы, Карлъ, и проч., герцогъ брауншвейгскій, и мы, принцъ Наполеонъ-Людовикъ Бонапартъ, условились о нижеслѣдующемъ:

Ст. I.—Мы обѣщаемъ и клянемся честью и на св. евангеліи помогать другъ другу, именно—намъ, великому герцогу брауншвейгскому вступить вновь во владѣніе герцогствомъ брауншвейгскимъ и, буде окажется возможнымъ, обратить всю Германію въ единую націю, давъ ей конституцію, сообразную съ ея нравами, потребностями и современнымъ прогрессомъ; и намъ, принцу Н. Л. Бонапарту возвратить Франціи полное пользованіе ея народовластіемъ

(*souveraineté nationale*), котораго она была лишена въ 1830 году и предоставить ей возможность свободно произнести рѣшеніе о той формѣ правленія, которое она пожелаетъ имѣть.

Ст. II. — Тотъ изъ насъ, который первый достигнетъ верховной власти въ какомъ бы то ни было качествѣ, обязывается предоставить другому, оружіемъ и деньгами, помощь необходимую послѣднему для достиженія предположенной имъ цѣли; а сверхъ того, дозволить и облегчить вербовку достаточнаго числа людей для исполненія этого плана.

«Ст. III. — Въ продолженіи изгнанія, тяготѣющаго надъ нами, мы обязываемся взаимно помогать одинъ другому для возвращенія себѣ тѣхъ политическихъ правъ, которыя у насъ похищены; въ предположеніи, что одному изъ насъ можно будетъ возвратиться въ его отечество, другой обязывается поддерживать дѣла своего союзника всѣми возможными средствами.

«Ст. IV. — Обязываемся сверхъ того, никогда не обѣщать, совершать и подписывать никакого отказа или отреченія въ ущербъ нашихъ политическихъ или гражданскихъ правъ, но напротивъ — дѣйствовать согласно и братски поддерживать другъ друга во всѣхъ обстоятельствахъ нашей жизни.

«Ст. V. — Если впослѣдствіи и когда будемъ пользоваться полною свободой, мы сочтемъ приличнымъ внести въ настоящій трактатъ измѣненія, зависящія отъ личнаго положенія каждаго изъ насъ, или отъ общихъ нашихъ интересовъ, то обязываемся произвестъ эти перемѣны по общему согласію, подвергая пересмотру постановленія этой конвенціи въ томъ, что она можетъ содержать въ себѣ недостаточнаго вслѣдствіе обстоятельствъ, при которыхъ она состоялась».

«Утверждено и проч.

«Въ присутствіи Г. Т. Смита и графа Орси».

Въ этомъ курьезномъ документѣ есть множество ошибокъ противъ французскаго языка; это объясняется фактомъ, что составители его были не французы. Но ошибки эти ¹⁾ сами по себѣ уже доказываютъ, что приведенный текстъ не былъ окончательнымъ. Принцъ Бонапартъ, какъ французскій писатель, не оставилъ бы ихъ, еслибы имѣлъ эту бумагу въ рукахъ. Это показываетъ, что приведенный проектъ былъ составленъ агентами Смитомъ и Орси, на основаніи словесныхъ переговоровъ съ обѣими сторонами и составленъ *en* гамскаго замка. На подлинномъ документѣ, разумѣется, должны быть подписи самихъ участ-

¹⁾ Такъ напр. слово *arrivées* вмѣсто *privées*, пропускъ второго *nom* въ *nom* *nom* *engageons*, неправильное спряженіе глаголовъ, неправильная орфографія.

никовъ договора. Лондонскій корреспондентъ аугсбургской «Allgemeine Zeitung» съ своей стороны утверждаетъ это и говоритъ, что о мѣстѣ его храненія извѣстно сэру Франсису Гэду. Ясно во всякомъ случаѣ, что подлинный документъ не находится въ рукахъ сына и біографа Т. Дэнкомба, который напечаталъ приведенный нами проектъ, не упоминая о существованіи позднѣйшаго, подлиннаго трактата въ томъ же смыслѣ.

Къ сожалѣнію, біографъ Дэнкомба не имѣлъ возможности или не счелъ нужнымъ сообщить подробностей самаго заговора относительно освобожденія претендента изъ Гама и подробностей его бѣгства. Въ этомъ мѣстѣ необходимо привести подлинныя слова рассказчика: «Тогда-то Шарль Тэленъ, слуга, и д-ръ Конно¹⁾, врачъ, были посвящены въ планъ осуществленія бѣгства принца, а самому принцу дано было знать о предполагаемомъ и объ *условіяхъ*, на которыхъ онъ могъ сдѣлаться свободнымъ. Предписана была строжайшая тайна, и справедливость побуждаетъ сказать, что она была вполнѣ соблюдена, такъ что даже въ разныхъ обнародованныхъ рассказахъ, не было ни одного намека на какое либо содѣйствіе извнѣ стѣнъ тюрьмы или на то, что между плѣнникомъ и кѣмъ либо, иностранцемъ или туземцемъ, были тайныя сношенія во время его заключенія. Принцъ нашелъ себѣ дорогу изъ крѣпости въ одеждѣ работника, неся доску, въ то время, какъ приготовленная докторомъ Конно фигура лежала на его диванѣ, представляя больного.»

Замѣчательно, что бѣгство арестанта было открыто только тогда, когда онъ уже переѣзжалъ черезъ бельгійскую границу по желѣзной дорогѣ. Въ этомъ обстоятельствѣ, которое сынъ Дэнкомба приводитъ какъ образецъ ловкости, съ какою были обмануты комендантъ и тюремщикъ, нельзя не видѣть подтвержденія догадки, что коменданту было предписано самимъ правительствомъ «не смотрѣть въ оба» за его пансіонеромъ.

Принцъ 29 мая 1846 года былъ уже въ Лондонѣ, просидѣвъ въ Гамѣ около пяти съ половиною лѣтъ. Прибывъ въ Лондонъ, онъ послалъ письмо къ французскому посланнику, графу Сентъ-Олеру, съ извѣстіемъ о своемъ освобожденіи и уведомилъ о томъ же англійскихъ министровъ. Врачъ принца и его слуга были подвергнуты заключенію, «но, замѣчаетъ біографъ Дэнкомба, въ Парижѣ находился нѣкто, кого никто не думалъ безповинно, нисколько его не подозревая, хотя онъ былъ самый

¹⁾ Не знаемъ, дожилъ ли слуга до вознагражденія. Но докторъ Конно теперь облеченъ всякими почестями, состоитъ близкимъ человекомъ и (сынъ его — главный другъ и товарищъ императорскаго принца.

дѣятельный, но скрытый заговорщикъ, и имѣлъ въ рукахъ та-кой ключъ къ государственнымъ тайнамъ, который могъ отворить наиболѣе крѣпко-замкнутые ящики во дворцѣ короля-гражданина». Тутъ разумѣется, конечно, герцогъ брауншвейгскій, такъ какъ Дэнкомбъ, повидимому, былъ въ это время въ Лондонѣ.

Биографъ Дэнкомба относится къ февральской революціи съ легкомысліемъ и поверхностностью чисто-свѣтскаго человѣка, дилеттанта, видающаго въ крупныхъ историческихъ фактахъ не болѣе какъ пріятное excitement. Въ дальнѣйшемъ разсказѣ его о томъ, какъ въ республикѣ восторжествовалъ бонапартизмъ и какъ онъ наконецъ сломалъ ее, авторъ видитъ только неизбѣжную, хотя и поддѣрженную искусственными средствами развязку. Но поверхностность его высказывается въ томъ, что неуспѣхъ республики онъ приписываетъ единственно неспособности и ошибкамъ членовъ временнаго правленія, а нелѣпостью ихъ дѣйствій оправдываетъ покушеніе претендента на тотъ порядокъ, которому онъ свободно присягалъ. Людовикъ-Наполеонъ уже на четвертый день революціи явился въ Парижѣ. Но агенты его, между которыми главнымъ авторъ называетъ нѣкоего Тамблера, убѣдили его, что появленіе его, во время самаго разгара республиканизма—преждевременно, и онъ возвратился въ Лондонъ. Между тѣмъ національное собраніе, дозволивъ всѣмъ бонапартистамъ возвратиться во Францію, сдѣлало именное исключеніе относительно Людовика-Наполеона. Принцъ протестовалъ противъ этого исключенія въ письмѣ 23 мая 1848 года, а агенты его стали энергически готовить ему дорогу. Въ разныхъ мѣстностяхъ стали появляться воззванія въ бонапартистскомъ смыслѣ и республиканское правительство не сумѣло открыть участія иностранцевъ въ этомъ дѣлѣ.

Принцъ въ іюнѣ 1848 года написалъ письмо къ Кавеньяку, въ которомъ объявлялъ, что несмотря на запрещеніе ему въѣзда во Францію, онъ приметъ званіе народнаго представителя, если оно будетъ ему предложено, и исполнитъ волю избирателей, но что если бы появленіе его во Франціи могло нарушить ея спокойствіе, то онъ предпочелъ бы остаться въ изгнаніи. Это письмо было просто избирательнымъ манифестомъ и послѣдствіемъ его было избраніе принца въ нѣсколькихъ департаментахъ. Онъ принялъ избраніе сенскаго департамента, и 26 сентября 1848 года уже читалъ въ національномъ собраніи рѣчь самаго примирительнаго свойства, а 24-го ноября онъ обнародовалъ свою кандидатуру на президентство республики. Въ своей profession de foi, онъ объявлялъ, что не имѣетъ честолюбія и что не

обончаніи четырехлѣтняго президентства онъ поставитъ себѣ долгомъ чести передать власть своему преемнику, нисколько не стѣснивъ свободы. Авторъ видитъ въ этомъ и подобныхъ общаніяхъ, которыя расточалъ претендентъ, только неизбежное по духу времени и обстоятельствамъ шарлатанство. «Языкъ добродѣтельныхъ увѣреній, говоритъ онъ, служилъ общимъ, уже почти исчерпаннымъ источникомъ со времени изгнанія Карла X, и новый кандидатъ на президентство былъ принужденъ обмѣнъ свои заявленія въ популярную форму». Вотъ какъ смотритъ Дэнкомбъ junior на увѣреніе въ политической честности! Она является у него только какъ модная во время народныхъ движеній форма. Надо много легкомыслія чтобы считать извѣстительнымъ шарлатанствомъ преднамѣренно-фальшивыя увѣренія человѣка, что онъ честно исполнитъ добровольно принимаемый на себя долгъ. Но кромѣ легкомыслія, надо еще и явное пристрастіе къ виновному, чтобы оправдывать его вину увѣреніемъ, что и другіе не лучше бы поступили на его мѣстѣ. «Материаловъ для мощенія нѣкоторой мѣстности, замѣчательной по высотѣ своей температуры — говоритъ онъ, примѣняясь къ извѣстной пословицѣ — въ этой деклараціи не было видно болѣе, чѣмъ въ безумныхъ словозверженіяхъ Ламартина или болѣе жестокихъ заявленіяхъ Кавеньяка». Это — уже преднамѣренныя фальшь со стороны автора. Кавеньяка, — который, командуя раздраженною противъ корифеевъ республики арміею и будучи облеченъ верховною властью, сдалъ ее безъ малѣйшаго колебанія вновь избранному президенту, хотя этотъ человѣкъ былъ его соперникомъ на выборахъ, и хотя онъ не могъ не видѣть въ немъ претендента на императорство — никто не имѣетъ права подозрѣвать въ неискренности; Ламартина можно упрекать въ томъ, что «словозверженія» онъ поставилъ на мѣсто серьезнаго дѣла, но нѣтъ никакихъ основаній подозрѣвать, чтобы онъ когда-нибудь поставилъ преступное дѣло на мѣсто пустыхъ словозверженій.

Принцъ Бонапартъ на выборахъ 10 декабря 1848 года получилъ болѣе пяти съ половиною милліоновъ голосовъ, между тѣмъ какъ въ пользу генерала Кавеньяка было подано только около четвертой части этого числа, а за другихъ кандидатовъ высказалось незначительное меньшинство, и 20 декабря, гражданинъ Карлъ-Людовикъ Наполеонъ Бонапартъ былъ провозглашенъ въ законодательномъ собраніи президентомъ республики и торжественно присягнулъ охранять ее, а въ посланіи своемъ выразился въ духѣ примирительномъ для всѣхъ партій. По мнѣнію біографа Дэнкомба, «каждый французъ, знакомый съ исто-

рією вѣка, долженъ былъ смотрѣть на эти заявленія только какъ на нѣчто символическое».

Еслибы правитель, въ рукахъ котораго уже болѣе 16 лѣтъ безусловно находятся судьбы Франціи, успѣлъ въ это время въ самомъ дѣлѣ успокоить страну, подвинуть ея внутреннее развитіе, не напрягая ея силъ на бесплодныя предпріятія и примирилъ бы съ собою французскій народъ, такъ что династію его можно было бы считать упрочившеюся, то теперь орлеанская монархія и республика 1848 года принадлежали бы уже архиву исторіи и можно было бы произносить о нихъ сужденіе хладнокровное, безпристрастное, какъ о фактахъ минувшихъ. Но никто не скажетъ, что результаты правленія Наполеона III именно таковы. Вотъ почему и теперь, хотя уже орлеанская монархія и республика 1848 года отдалены отъ насъ порядочнымъ періодомъ времени, не насталъ еще удобный моментъ для окончательнаго приговора надъ ними. Онѣ еще принадлежатъ настоящему въ видѣ партій, которыя, основательно или нѣтъ, рассчитываютъ на будущее. Въ революціи 1848 года, конечно, нельзя видѣть только «полуфарса и полутрагедіи», какъ выражается біографъ Дэнкомба, а въ дѣятеляхъ ея только глупцовъ (imbéciles)». Революція 1848 года была логическимъ послѣдствіемъ и дополненіемъ революціи 1830 года. Движеніе, эскамотированное Людовикомъ-Филиппомъ въ свою пользу, должно было повториться противъ короля буржуазіи. Притомъ, нѣтъ сомнѣнія, что эта отсрочка окончательнаго результата на 18 лѣтъ много ему повредила. Правленіе Людовика-Филиппа покопало нравственныя силы Франціи, столь свѣжей, столь полной юношескихъ силъ во время агитаціи противъ старшей линіи Бурбоновъ. Правленіе короля буржуазіи повело въ явному разладу между массою народа и буржуазіею. вмѣстѣ съ тѣмъ саму буржуазію оно развратило, обративъ Францію въ гостинный дворъ, въ которомъ деньги были и главной цѣлью и главнымъ средствомъ, а политическая жизнь превратилась въ интриги нѣсколькихъ котерій. Правленіе Людовика-Филиппа, съ его обработкою выборовъ и закулисною подготовкою парламентскихъ рѣшеній, компрометтировало во Франціи парламентское правленіе. Во всемъ этомъ нельзя не согласиться съ республиканскими писателями. Отсюда, революцію 1848 года, какъ неожиданна она ни была для минутныхъ свидѣтелей, нельзя не признавать неизбѣжною.

Но съ республиканскими писателями нельзя согласиться въ народномъ значеніи, которое они придаютъ республикѣ 1848 года. Недостаточно провозгласить республику, чтобы имѣть истинное народовластіе; недостаточно для этого отменить цензъ.

Для того, чтобы народъ воспользовался властью, необходимо, чтобы онъ стоялъ на гораздо высшей степени развитія, чѣмъ находилась масса населенія Франціи при Людовикѣ-Филиппѣ. Половина этого населенія была неграмотна. Изъ остальной половины только незначительное по числу меньшинство, именно буржуа и парижскіе рабочіе принимали участіе въ политикѣ, знали хотя бы по именамъ главныхъ политическихъ дѣятелей и хотя поверхностнымъ образомъ цѣли партій. Какое же употребленіе могла сдѣлать изъ своей власти масса? Вотъ, она и сложила свои права подъ ноги претендента съ общеизвѣстнымъ, льстивнымъ народному самолюбію именемъ.

Къ сожалѣнію, нельзя не признать, что избраніе принца Бонапарта въ президенты республики было несомнѣнно болѣе непосредственно дѣломъ народа, чѣмъ осуществленіе революцій 1830 и 1848 года. Слѣбая, но несомнѣнная воля большинства народа въ этомъ избраніи доказывается документально. (О позднѣйшихъ примѣненіяхъ *suffrage universel*, какъ о произведенныхъ подъ вліяніемъ торжествующей силы, уже нельзя сказать этого). Что масса не любила Бурбоновъ—въ этомъ сомнѣваться нельзя. Что масса не любила и короля буржуазіи—въ этомъ тоже трудно сомнѣваться, потому что масса никогда не сочувствуетъ преобладанію одного сословія. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что революція 1830 года и неизбѣжное ея послѣдствіе — переворотъ 1848 года были *въ духѣ народа*. Но совершены *имѣ* онѣ не были, онѣ были сдѣланы партіями, въ его имя. Но недостаточно развитая для раціональнаго пользованія властью, для подавленія партій громкимъ единымъ инстинктомъ большинства, масса французскаго народа допустила искаженіе февральской революціи, какъ она допустила искаженіе революціи іюльской.

Тѣже буржуа, напуганные социалистами, поспѣшили учредить въ республикѣ диктатуру въ лицѣ генерала Кавеньяка; это было сознательное отреченіе буржуазіи отъ республики. А масса народа предоставила высшую власть не представителю ясно сознанныхъ интересовъ, даже не человѣку лично-извѣстному и популярному, а просто одному имени, призраку. Это было несознательное отреченіе отъ республики массы народа.

Всѣ разглагольствія о «роковой судьбѣ Франціи, увлекаемой потокомъ революцій», о «легкомысліи французовъ», какъ препятствіи для прочнаго установленія у нихъ порядка, о вредѣ «сбиваться съ историческаго пути и вступать на опасное поле политическихъ экспериментовъ», о «неспособности централизованной Франціи къ республиканскому правленію», о «несогласіи демократіи съ характеромъ французской націи», — точно также

какъ о «вѣроломствѣ и коварствѣ личностей», о «несчастіи, въ которое повергало Францію постоянное эскамотированіе ея народнаго принципа», о «бѣдственномъ устраниніи палладіума Франціи — принциповъ 1789 года», — однимъ словомъ, всѣ общія мѣста, слышанныя нами со всѣхъ сторонъ при обсужденіи ювѣйшей французской исторіи, падаютъ въ ничто передъ противнымъ фактомъ: неразвитая масса не можетъ управлять своею судьбой, а масса развитая съумѣетъ управиться и съ препятствіями, и съ честолюбцами, съумѣетъ заглушить говоръ партій рожкимъ голосомъ сознанный народомъ идеи. Такъ развитая масса въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ одолѣла не уличную раву, а громадный мятежъ цѣлаго класса, продолжала свое дѣло несмотря на то, что былъ убитъ ея вождь, и устроивала вой дѣла несмотря на то, что новый вождь старался сбить ее съ пути. Эта развитая масса сломила классъ, достаточно могущественный для устройства отдѣльнаго государства; она съумѣла бойтись безъ Линкольна, а Джонсона едва не предала суду. Изъ государства федеративнаго она, на время предоставивъ чрезвычайныя полномочія президенту, обратила республику въ государство централизованное, изъ мирнаго въ военное, изъ неимѣвшаго долга въ наиболѣе отягощенное долгами. И однакожь, это не привело ни къ упроченію централизаціи, ни къ установленію военной диктатуры, ни къ банкротству. И вотъ, та же масса, вердо идущая за ясно сознанныю идеею, по минованіи надобности отмѣнила централизацію, распустила армію, уплачиваетъ долгъ и возвращается въ нормальное положеніе. Что смогли противъ нея личности, которыя задумали мѣшать ей? Ничего. Изъ бійства Линкольна произошла не революція, а «казнь убійцы, и Джонсона хотѣли предать суду какъ и Джефферсона.

Вашингтону ставятъ въ великую заслугу, что онъ не сдѣлался Наполеономъ. Но вѣдь и въ то время масса сѣверо-американцевъ остояла изъ людей развитыхъ, а въ развитой массѣ появленіе Наполеоновъ невозможно, потому именно, что оно бываетъ только плодомъ народнаго недоразумѣнія, разлада, происходящаго отъ непониманія общаго интереса.

И вотъ, путь революцій современемъ закроется для Франціи все не потому, что она возвратится на «историческую почву» ли потому, что некому будетъ «эскамотировать великихъ принциповъ 1789 года», а самымъ простымъ образомъ тогда, какъ масса населенія Франціи будетъ такъ развита, какъ масса въ ъверной Германіи; когда Франція пойметъ, чего она хочетъ, и тогда окончательный порядокъ будетъ установленъ не случайными, а сознательною волею народа. Затѣмъ, будетъ ли этотъ

порядокъ введенъ мирно, путемъ избранія или посредствомъ революціи, мирной какъ всякое проявленіе силы, противъ которой бороться нельзя — это совершенно все-равно. Тутъ кончатся и недоразумѣнія, и «потоки революцій» и дальнѣйшее развитіе пойдетъ правильно. Если оно и не будетъ совершаться на «почвѣ исторической», не будетъ основано на какой-нибудь «Rechts-continuität» — то объ этомъ будутъ сожалѣть только любители геральдики.

Къ такому результату Франція идетъ, подвигается каждый годъ, потому что каждый годъ въ ней уменьшается процентное содержаніе неграмотныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ начинаетъ дѣлать успѣхи ассоціаціонная идея, das Genossenschaftswesen, такъ сильно охватившее и такъ сильно объединяющее сѣверную Германію. Просвѣщеніе, скрѣпленіе массы французскаго народа цѣпью ассоціацій — вотъ основанія будущаго, вѣроятно недалекаго, установленія во Франціи истиннаго народовластія. Такая увѣренность, основанная на очевидности, побуждаетъ насъ смотрѣть съ философскимъ спокойствіемъ на всѣ тѣ эскамотажи, которыхъ мы были свидѣтелями въ исторіи Франціи.

Обратимся теперь къ другому изъ двухъ союзниковъ, заключившихъ приводимый Дэнкомбомъ договоръ, къ герцогу брауншвейгскому. Онъ былъ второй сынъ герцога Карла-Вильгельма-Фердинанда, извѣстнаго полководца, который въ 1806 году умеръ отъ раны, полученной въ битвѣ при Іенѣ, гдѣ онъ командовалъ пруссаками. Брауншвейгъ при французскомъ владычествѣ принадлежалъ вестфальскому королевству. Послѣ лейпцигской битвы, младшій сынъ Карла-Вильгельма-Фердинанда, герцогъ Фридрих-Вильгельмъ возвратился въ свое владѣніе, но въ 1815 году онъ былъ убитъ при Quatrebras. За нимъ вступилъ во владѣніе Брауншвейгомъ старшій сынъ его, герцогъ Карлъ, сперва подъ опекою ганноверскаго (англійскаго) короля, а въ 1823 году уже какъ самостоятельный государь. Тетка его, сестра его отца, принцесса Каролина была замужемъ за англійскимъ королемъ Георгомъ IV.

Герцогъ Карлъ брауншвейгскій предался самой «неправильной» жизни, и единственными законами, которые онъ признавалъ, были его капризы. Онъ ввелъ почти абсолютное правленіе, употреблялъ свою власть на приращеніе своего частнаго имущества, а когда ландтагъ подвергъ пересмотру уложеніе, то онъ не призналъ этого пересмотра и ввелъ въ страну такимъ образомъ «конституціонный кризисъ», котораго въ періодъ съ 1815 — 1848 года, какъ извѣстно, миновало рѣдкое изъ германскихъ малыхъ государствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ вступилъ въ споръ съ мужемъ

своей тетки, англійскимъ королемъ Георгомъ IV, по дѣламъ его опекуинства надъ собою, и споръ этотъ былъ перенесенъ на разсмотрѣніе германскаго союзнаго сейма.

Въ тотъ же сеймъ поступили и жалобы подданныхъ Брауншвейга на самого герцога Карла. Французская революція 1830 года отразилась и въ Брауншвейгѣ. Герцогъ Карлъ былъ изгнанъ и дворець его сожженъ 7 сентабря 1830 года. Тогда пріѣхалъ изъ Берлина и принялъ правленіе Брауншвейгомъ братъ герцога Карла, принцъ Вильгельмъ. Союзный сеймъ призналъ его 2-го декабря 1830 года царствующимъ герцогомъ. Но герцогъ Карлъ объявилъ его узурпаторомъ и сдѣлалъ нѣсколько попытокъ возвратити себѣ власть, которыя однакоже неудались. Въ 1832 году, была введена новая конституція, которая освящала устраненіе герцога Карла отъ престола.

Чтобы уяснить, до какой степени были безнадежны дальнѣйшія домогательства изгнаннаго владѣтеля, достаточно связать, что преемникъ его оперся на сеймъ и предпринялъ въ согласіи съ нимъ реформы. Новый герцогъ созвалъ въ 1833 году брауншвейгскій сеймъ, который утвердилъ законы по устройству финансовъ, по преобразованію городскихъ учреждений и т. д. Послѣ этого, честолюбивому и корыстолюбивому герцогу Карлу не оставалось рѣшительно никакой серьезной надежды на восстановленіе его власти. Политическій осужденный, сидѣвшій въ вѣрности, могъ конечно обѣщать ему невозможное, чтобы воспользоваться отъ него готовою помощью, тѣмъ болѣе, что осужденный этотъ и для себя рассчитывалъ на невѣроятное. Самъ герцогъ Карлъ могъ сохранить увѣренность въ неминувости своей конечной побѣды, потому что это было согласно съ его чисто-авантюристскимъ характеромъ.

Но трудно допустить, чтобы представитель Финсбери въ палатѣ общинъ серьезно вѣрилъ какъ въ шансы изгнаннаго герцога, такъ, въ послѣдствіи, и въ искренность намѣренія Людовика-Наполеона помочь ему. Дэнкомбъ могъ, конечно, въ своихъ сношеніяхъ съ герцогомъ брауншвейгскимъ не разочаровывать его, просто изъ дружбы или изъ вѣжливости; но стараться объ осуществленіи мечты герцога, помогать ему въ переговорахъ, посылать своего секретаря съ порученіями по его дѣламъ и проч., онъ могъ только не столько вслѣдствіе надежды успѣха, сколько для достиженія личныхъ своихъ, какъ увидимъ далѣе, далеко не безкорыстныхъ цѣлей.

Изложивъ вкратцѣ исторію герцога Карла, и объяснивъ нашъ взглядъ на участіе Дэнкомба въ его мечтательныхъ предпріятіяхъ, возвратимся къ разсказу его біографа, въ которомъ мы найдемъ

нѣсколько характеристическихъ, въ разныхъ отношеніяхъ подробностей.

Герцогъ Карлъ воспитывался въ Англии; какъ принцъ брауншвейго-ганноверской фамилии, онъ былъ родственникомъ царствующаго въ Англии дома, и родство это, какъ выше сказано, подтвердилось бракомъ его тетки съ принцомъ Уэльскимъ, который потомъ былъ регентомъ (во время удаленія безумнаго Георга III отъ правленія) и наконецъ королемъ, подъ именемъ Георга IV.

Но родство это повело ко враждѣ между брауншвейгскимъ и англійскимъ домами. Регентъ ненавидѣлъ свою жену принцессу Каролину и запретилъ ея племяннику, принцу Карлу, посѣщать ее. Принцъ Карлъ отвѣчалъ ему, что «онъ имѣетъ отъ отца приказаніе посѣщать ея высочество разъ каждыя двѣ недѣли и будетъ дѣлать это непремѣнно, пока не получитъ противнаго приказанія отъ той власти».

Георгъ IV возненавидѣлъ принца Карла. Въ свою очередь, герцогъ Карлъ возненавидѣлъ англійскаго-ганноверскаго короля во время опеки Георга IV надъ нимъ, въ первые годы царствованія Карла. Взаимное раздраженіе усилилось до того, что англійскій король дозволилъ себѣ возмутительное дѣйствіе относительно своего племянника. Во время первой французской революціи герцогъ Брауншвейгскій укрылся на время въ Англии и помѣстилъ въ англійскихъ фондахъ свой частный капиталъ. Этотъ-то капиталъ брауншвейгскаго дома Георгъ IV, разсорившись со своимъ племянникомъ, конфисковалъ. Герцогъ Карлъ жаловался веронскому конгрессу и германскому союзному сейму и скандалъ взаимныхъ обвиненій между родственниками путемъ печати продолжался долгое время, пока, наконецъ, союзный сеймъ въ 1828 году не рѣшилъ дѣло въ пользу Георга IV.

Герцогъ Карлъ обвинялъ мужа своей тетки между прочимъ и въ намѣреніи присоединить Брауншвейгъ къ Ганноверу. Съ своей стороны, Георгъ IV считалъ его сумасшедшимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что герцогъ Карлъ Брауншвейгскій вполнѣ заслуживалъ изгнанія; правленіе его было невыносимо; нѣтъ сомнѣнія также, что личный характеръ его далеко не давалъ ему правъ на сочувствіе. Но едва ли не столь же несомнѣнно, что такимъ его сдѣлали именно преслѣдованія и несправедливости опекуна, которыя должны были доводить до изступленія эту раздражительную натуру.

Послѣ своего изгнанія, онъ поѣхалъ снова въ Англию, гдѣ царствовалъ уже Вильгельмъ IV, который далъ ему неопредѣленные обѣщанія помощи. Послѣ неудачной попытки склонить

своихъ подданныхъ къ контр-революціи, опъ уѣхаль въ Парижъ. Здѣсь Вильгельмъ IV и герцогъ кэмбриджскій начали противъ него процессъ, основываясь на трактатѣ, заключенномъ между братомъ герцога Карла, вступившимъ послѣ него на брауншвейгскій престолъ, герцогомъ Вильгельмомъ и королемъ Вильгельмомъ IV, объ отдачѣ капиталовъ, находящихся въ рукахъ герцога Карла, подъ опекуное управленіе герцога кэмбриджскаго. Герцогъ Карлъ самъ явился во французскій судъ для защиты своего дѣла. Но судъ призналъ себя некомпетентнымъ.

Въ Англіи герцогъ Карлъ (котораго далѣе мы будемъ называть герцогомъ Брауншвейгскимъ) сошелся съ Дэнкомбомъ и сталъ просить его совѣта и помощи во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ. Въ Англіи герцогъ далеко не былъ популяренъ. Уже одной правды достаточно было для этого. Но кромѣ правды, и быть можетъ болѣе ея дѣйствовали всевозможныя клеветы, заботливо разсѣиваемыя его врагами. Его обвиняли въ разныхъ преступленіяхъ, которыхъ онъ вовсе не совершилъ, даже въ убійствѣ. Замѣчательно, что въ тоже время его упрекали за *ношеніе бороды* и что этотъ упрекъ въ Англіи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ дѣйствовалъ также сильно, какъ обвиненіе въ нехорошемъ дѣлѣ. Герцогъ нѣсколько разъ обращался къ покровительству суда. Въ 1842 году авторы двухъ ругательныхъ статей противъ герцога были признаны виновными судомъ присяжныхъ и приговорены къ заключенію въ ньюгэтской тюрьмѣ.

Въ 1843 году, герцогъ Карлъ Брауншвейгскій въ свою очередь обратился къ юстиціи для разбора дѣла его съ братомъ, прежнимъ англійскимъ королемъ, и намѣстникомъ его въ Ганноверѣ, герцогомъ кэмбриджскимъ. Онъ представилъ въ канцлерскій судъ Англіи копію съ трактата, подписаннаго королемъ Вильгельмомъ, герцогомъ Вильгельмомъ брауншвейгскимъ (преемникомъ Карла) и герцогами комберлэндскимъ, сѣссекскимъ и кэмбриджскимъ. Какъ сказано выше, между агнатами герцога Карла состоялось соглашеніе о взятіи подъ опеку всего его имущества. На этомъ основаніи, преемникъ его вступилъ, въ Брауншвейгѣ, въ полное пользованіе всѣми удѣльными недвижимостями и капиталами, и распоряжался ими, конечно не давая отчета своему изгнанному брату. Между тѣмъ, герцогъ Карлъ утверждалъ, что на его долю изъ имущества, оставленнаго въ Брауншвейгѣ, должно было прійтись нѣсколько сотенъ тысячъ фунтовъ стерл. Другія суммы, захваченныя у него въ Ганноверѣ, остались въ распоряженіи герцога комберлэндскаго, который, сдѣлавшись королемъ ганноверскимъ, принялъ опеку отъ герцога кэмбриджскаго, который ему одному и отдалъ отчетъ въ этихъ суммахъ.

На все это жаловался герцогъ Карлъ въ ванцлерскій судъ. Король ганноверскій далъ отзывъ о неподсудности его этому суду, но этотъ протестъ былъ устраненъ судомъ. Тогда король ганноверскій просилъ отсрочки (*demurrer*), которая и была предоставлена ему въ 1844 году. Затѣмъ, герцогъ Карлъ перенесъ это дѣло въ палату лордовъ, ссылаясь въ своемъ прошеніи на тѣ обстоятельства, что проситель — *подданный* британскаго королевства, а отвѣтчикъ — *пэръ* того-же королевства.

Дэнкомбъ взялся возбудить вопросъ о правахъ герцога Карла въ палатѣ общинъ. Сынъ его объясняетъ, что прежде возбужденія въ палатѣ вопроса, онъ счелъ долгомъ сдѣлать попытку къ частному соглашенію между тяжущимися сторонами. Но перенесеніе этого дѣла въ палату общинъ, очевидно, не представляло шансовъ успѣха, и потому мы вольны объяснить дѣло такъ, что Дэнкомбъ употребилъ этотъ шагъ какъ угрозу противъ ганноверскаго короля, отправляя къ нему своего секретаря для достиженія «добровольной» уступки. Отправляя своего секретаря Смита къ ганноверскому королю, Дэнкомбъ послалъ ему письмо, въ которомъ просилъ у короля аудіенціи своему посланному и сообщалъ, что онъ счелъ долгомъ, предварительно обращенія къ парламенту, сдѣлать попытку къ примиренію.

Само собою разумѣется, что изъ этого ничего не вышло. Ганноверцы, сидѣвшіе на англійскомъ престолѣ или окружавшіе его, никогда не боялись «преданія гласности» своихъ фамильныхъ дразгъ. Король ганноверскій Смита не принялъ, а на письмо Дэнкомба велѣлъ отвѣчать, что обязанъ ему за вниманіе, но «не считаетъ настоящаго дѣла такимъ, которое бы могло быть предметомъ частныхъ и скрытыхъ» со стороны короля переговоровъ. Герцогъ Карлъ лучше зналъ характеръ своего почтеннаго родственника и впередъ говорилъ своему ходатаю, что эта попытка не поведетъ ни къ чему, какъ то видно изъ одной записки герцога, приводимой біографомъ Дэнкомба.

Претензіи герцога Карла, въ смыслѣ юридическомъ, были, конечно, основательны. Нельзя не согласиться съ біографомъ Дэнкомба, когда онъ говоритъ: «не легко понять, на какомъ законномъ основаніи герцогъ былъ лишенъ частнаго своего имущества въ Ганноверѣ, такъ какъ даже въ случаѣ изгнанія владѣтелей, такая собственность оставалась почти всегда неприкосновенною. Право силы, кто бы имъ ни пользовался, германскій ли сеймъ или ганноверскій король, едва ли можетъ считаться достаточнымъ авторитетомъ въ девятнадцатомъ столѣтіи; а по мнѣнію, выраженному германскими юристами, къ которымъ обращался герцогъ, нивакого иного права, на которое можно было

бы сослаться для оправданія этого дѣйствія, не было». Нельзя также не найти отчасти справедливымъ слѣдующее примѣчаніе, сдѣланное герцогомъ на памятной запискѣ для Дэнкомба, при внесеніи дѣла въ палату общинъ: «Г. Дэнкомбъ можетъ замѣтить, что, такъ какъ Англія¹⁾ лишила меня моего герцогства и моей частной собственности, то я имѣю такое же право на полученіе значительной пенсін отъ этой страны, какъ тѣ индійскіе владѣтели, у которыхъ Англія отнимаетъ ихъ государства и которымъ она за то даетъ большіе доходы. На такую пенсію я имѣлъ бы во всякомъ случаѣ болѣе права, чѣмъ тѣ изъ членовъ моей королевской фамиліи, которые, уже обогатившись похищеннымъ ими у меня, получаютъ, однако, большія пенсін отъ Англіи, какъ комберлендскій съ сыномъ *от Ганноверъ*, камбриджскій, съ сыномъ и дочерью; между тѣмъ, какъ я проживаю *здѣсь* собственныя мои деньги».

Все это такъ, но безпристрастный читатель отнесется къ этимъ претензіямъ такъ, какъ отнеслась къ нимъ англійская палата общинъ, то-есть, приметъ во вниманіе побочныя обстоятельства, которыя являются въ характерѣ самого истца. Правда, собственно образъ жизни герцога (между прочимъ «ношеніе имъ бороды») не уменьшаетъ права его на частную его собственность. Но нельзя забыть, что герцогъ Карлъ значительно приумножилъ свою частную собственность во время своего правленія и былъ изгнанъ своими подданными отчасти именно за произвольное распоряженіе государственными доходами. Это не извиняетъ личной несправедливости его родственниковъ по отношенію къ нему, но вполне объясняетъ нерасположеніе общественнаго мнѣнія къ поддержкѣ его притязаній.

Дэнкомбъ вносилъ въ палату общинъ два раза прошеніе герцога брауншвейгскаго, но безуспѣшно. Герцогъ, слѣдуя своему необузданному праву, самъ, какъ бы нарочно, портилъ свое дѣло, выступая передъ судъ общественнаго мнѣнія въ печатныхъ, на полненныхъ спѣсью, реторикою и бранчивостью «манифестахъ». Одинъ изъ нихъ буквально приведенъ въ біографіи Дэнкомба (изданный въ 1847 году). Въ немъ герцогъ обвиняетъ своего брата даже въ покушеніи на убійство и говоритъ о «разбойникахъ въ Брауншвейгѣ», о повинующихся имъ «плутахъ-измѣнникахъ» и о «мошеничествахъ» самозванцевъ-опекуновъ. Понятно, что появленіе подобнаго «манифеста» въ то самое время, какъ вопросъ былъ возбужденъ въ палатѣ общинъ, дѣлало просто почти невозможнымъ для серьезныхъ людей становиться на сторону истца.

Почему же Дэнкомбъ принималъ на себя эту неблагодарную

роль? Разумѣется, изъ дружбы. Но остановить его усердіе не могло, конечно, и *завѣщаніе*, сдѣланное въ 1846 году герцогомъ брауншвейгскимъ въ его пользу, предоставлявшее ему, Томасу Слингсби Дэнкомбу *все наслѣдство* герцога, а секретарю его, усердному Смиту — тридцать тысячъ фунтовъ!

Документъ этотъ напечатанъ цѣликомъ въ книгѣ, о которой мы говоримъ. Въ немъ герцогъ завѣщаетъ похоронить его со всѣми почестями, подобающими его сану владѣтеля, дѣлаетъ распоряженія относительно своего надгробнаго памятника, приказываетъ заплатить свои долги въ столь скоромъ времени, какъ то дозволяетъ приличіе, «послѣ» его смерти формально запрещаетъ вступать въ какія бы то ни было сдѣлки съ «узурпаторомъ» Вильгельмомъ брауншвейгскимъ, королемъ ганноверскимъ и герцогомъ кэмбриджскимъ и, наконецъ, завѣщаетъ все свое движимое и недвижимое имущество и все причитающееся ему въ Англіи, Ганноверѣ, Брауншвейгѣ и во всѣхъ мѣстахъ, Дэнкомбу и Смиту — за то, что они нѣсколько разъ оказывали ему содѣйствіе, при защитѣ его дѣла и его репутаціи; ихъ же назначаетъ и душеприказчиками.

Безъ сомнѣнія, главнымъ побужденіемъ герцога Карла при составленіи этого завѣщанія была ненависть его къ родственникамъ и желаніе уже при жизни существенно отомстить имъ, лишая ихъ своего наслѣдства. Дружба къ Дэнкомбу, конечно, также имѣла вліяніе. Но замѣчательно, что, составивъ завѣщаніе въ пользу своихъ англійскихъ друзей, герцогъ считалъ себя совершенно свободнымъ отъ всякаго обязательства давать имъ какое бы то ни было вознагражденіе при жизни. Изъ переписки Смита съ Дэнкомбомъ видно, что герцогъ постоянно боялся, какъ бы они не считали его въ долгу у себя, и они увѣрили его, что работаютъ для него просто «изъ удовольствія это дѣлать», какъ выражается въ одномъ письмѣ г. Смитъ. Итакъ, въ дружбѣ, связывавшей изгнаннаго герцога съ Дэнкомбомъ, представляется слѣдующая характеристическая черта: герцогъ, сдѣлавъ завѣщаніе, безцеремонно и даромъ пользуется временемъ и трудами своихъ англійскихъ друзей, а Дэнкомбъ и Смитъ не щадятъ усилій, рассчитывая на миллионное наслѣдство.

Наслѣдство въ самомъ дѣлѣ было обольстительно: изъ списка движимаго имущества герцога, полученнаго Дэнкомбомъ отъ герцога въ 1847 году, оказывается, что у него было въ то время иностранныхъ фондовъ, драгоценныхъ камней и серебра на 300,000 фунтовъ (около 2 милл. рублей). Герцогъ безпрестанно покупалъ и мѣнялъ иностранные фонды (русскихъ въ то время у него было на 50 т. фунтовъ) и одною изъ его причудъ была

страсть къ драгоценнымъ камнямъ, особенно къ брилліантамъ. Камней и серебра у него было на 300 тысячъ фунт. У Смита находился подробный списокъ имуществъ герцога, на тотъ случай, еслибы владѣльцу пришлось уѣхать съ мѣста ихъ храненія или выслать ихъ куда-либо. Однажды, въ 1848 году, таковой случай представился, и г. Смитъ удалось имѣть въ рукахъ значительную часть этихъ драгоценностей. По этому поводу онъ писалъ Дэнкомбу между прочимъ: «Одно вѣрно, именно то, что у меня въ рукахъ, въ настоящее время, порядочная сумма въ неподдѣльныхъ (genuine) бумагахъ и въ самомъ дѣлѣ, еслибы онъ согласился оставить въ моемъ домѣ всѣ свои значительнѣйшія количества облигацій (иностранныхъ) займовъ, которыхъ онъ теперь не намѣренъ мѣнять, то это было бы очень важно для насъ при его смерти; у меня онѣ были бы столь же безопасны, какъ у него самого, и я не дотронулся бы ни до одного шиллинга, до его смерти».

Томасъ Дэнкомбъ не успѣлъ воспользоваться наслѣдствомъ герцога брауншвейгскаго. Остается вопросомъ, воспользуется ли обѣщанною ему частью г. Смитъ, который выступилъ теперь съ опроверженіемъ нѣкоторыхъ изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ сыномъ представителя Финсбери. Во всякомъ случаѣ нельзя не признать нѣсколько страннымъ обнародованіе младшимъ Дэнкомбомъ нѣкоторыхъ не совсѣмъ лестныхъ для памяти его отца подробностей о его сношеніяхъ съ герцогомъ брауншвейгскимъ и императоромъ французомъ.

Какъ бы то ни было, онѣ характеризуютъ и этихъ «друзей» Дэнкомба. Чтобы придать еще одну черту къ портрету герцога Карла, какъ онъ обрисовывается приведенными фактами, упомянемъ, что въ 1851 году, герцогъ самъ уже, приближаясь къ пятидесятилѣтію, вдругъ увлекся аэронавтикою и сталъ подниматься на аэростатахъ съ извѣстнымъ воздухоплавателемъ Гриномъ. А когда противъ него въ Англии былъ начатъ какой-то непріятный процессъ, онъ улетѣлъ на воздушномъ шарѣ черезъ Ламаншъ, во Францію.

Дэнкомбъ не забылъ другого своего «друга», такъ счастливо перемѣнившаго свое мѣсто жительства во Франціи. Онъ неоднократно посылалъ Смита въ Парижъ, съ «частными порученіями». Въ чемъ состояли эти порученія — біографъ его не объясняетъ. Но журналистика не преминула объяснить ихъ намекомъ на разстройство частныхъ дѣлъ представителя Финсбери. При этомъ оговоримся, однако, что въ книгѣ его сына нѣтъ данныхъ для такого вывода, и что положеніе Дэнкомба, какъ члена парламента, дѣлаетъ его мало вѣроятнымъ.

Но не всѣ порученія, даваемые Смитту, имѣли характеръ частныхъ. Онъ посылался и для возобновленія переговоровъ объ исполненіи трактата, условленнаго въ Гамбѣ. Въ письмѣ Смита, помѣченномъ 5 декабря 1849 года, мы находимъ уклончивый отвѣтъ президента республики; онъ говоритъ, что при существующемъ національномъ собраніи имѣеть слишкомъ мало власти и что до распущенія его, онъ ничего не можетъ сдѣлать для исполненія трактата. Г. Смитъ не церемонится въ этомъ письмѣ: г-на Морни онъ называетъ «молочнымъ братомъ» президента, а относительно дальнѣйшихъ видовъ послѣдняго выражается такъ: «Я думаю, что онъ сидитъ крѣпко и мѣсяцевъ черезъ двѣнадцать будетъ императоромъ — *ça c'est entre nous*», прибавляетъ осторожный секретарь.

Другой свидѣтель гамской конвенціи, графъ Орси, писалъ въ февралѣ 1850 года, что онъ имѣлъ продолжительный разговоръ съ президентомъ относительно герцога и что все будетъ устроено въ обоюдному удовольствію, что президентъ высказалъ намѣреніе энергически взяться за дѣло, вступить въ переговоры съ лордомъ Пальмерстономъ и Россією. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ требовалъ отъ Дэнкомба подробной записки о правахъ герцога, чтобы исполнѣ ознакомить принца Людовика-Наполеона и лорда Пальмерстона съ положеніемъ дѣла герцога.

Но Дэнкомбъ какъ видно не дождался «энергическаго дѣйствія» президента и обратился самъ къ лорду Пальмерстону уже съ просьбою о приостановленіи неприятнаго для герцога процесса. Вотъ отвѣтное письмо Пальмерстона: «Любезный Дэнкомбъ, — сожалѣю, что мы не можемъ помочь герцогу брауншвейгскому въ дѣлѣ, о которомъ вы упоминаете въ вашей запискѣ. Иностранцы принцы, какъ и наши, подлежатъ законамъ этой страны, пока въ ней живутъ, и правительство не имѣетъ возможности вмѣшиваться въ судебныя дѣла, касающіяся иностраннаго принца или останавливать ихъ ходъ во вниманіе къ его королевскому происхожденію и положенію. Точно также правительство не имѣетъ возможности высылать иностраннаго принца изъ страны. Въ дѣйствительности, юридическое положеніе иностраннаго царствующаго дома, пока онъ находится въ этой странѣ, совершенно одинаково съ положеніемъ британскаго подданнаго. Искренно вашъ *Пальмерстонъ*».

Когда въ день государственнаго переворота въ Парижѣ завязалась борьба на улицахъ, герцогъ брауншвейгскій поспѣшно уѣхалъ въ Бельгію и пригласилъ г. Смита управлять всѣмъ своимъ имуществомъ, оставшимся въ Парижѣ. Въ письмахъ своихъ Смитъ наставляетъ на опасности, которой онъ долженъ былъ

подвергнуться. Онъ неоднократно видѣлся съ секретаремъ принца-президента, Мокаромъ и докторомъ Конно, но, несмотря на общанія ихъ, не могъ добиться аудіенціи у «союзника герцога брауншвейгскаго», союзника, который уже дѣйствовалъ, обходясь безъ помощи своихъ «друзей». Смитъ, между прочимъ, опровергаетъ официальные показанія о числѣ жертвъ этихъ дней, утверждая, что убито было гораздо болѣе.

Государственный переворотъ произвелъ въ Англии огромное и совершенно-враждебное виновнику его впечатлѣніе. Англійская печать и во главѣ ея «Times» возстали на президента, низвергшаго республику, и самъ онъ не остался равнодушнымъ въ взрыву ея негодованія. Одинъ изъ приближенныхъ его, графъ Орси, писалъ къ Дэнкомбу, что президентъ, «общій другъ» ихъ, уполномочиваетъ Дэнкомба защищать переворотъ въ Англии совершенно по его усмотрѣнію. Это письмо было отвѣтомъ на письмо самого Дэнкомба. Слѣдуетъ, стало быть, думать, что Дэнкомбъ самъ вызвался на эти услуги и въ отвѣтъ президента нельзя не видѣть вмѣстѣ и желаніе найти защитника въ Англии и опасенія связываться съ Дэнкомбомъ. Орси сообщаетъ ему всѣ софизмы, которые можно привести съ цѣлью оправданія переворота 2 декабря 1851 года, но сообщаетъ ихъ не отъ себя, а отъ «друга», говорить только, что онъ даетъ Дэнкомбу *carte blanche*. Эта переписка не дѣлаетъ большой чести члену англійскаго парламента и еслибы о ней знали въ то время, то, безъ сомнѣнія, Дэнкомбъ подвергся бы настоящему ostracismу въ общественномъ мнѣніи.

Достаточно было одного подозрѣнія въ солидарности англійскаго министерства съ переворотомъ, чтобы поставить министерство въ непопулярное положеніе. Тогда произошла памятная ссора между лордами Росселемъ и Пальмерстономъ. На Пальмерстона прежде всего падало подозрѣніе. Въ то же время на него предъявлено было неудовольствіе и съ другой стороны, именно со стороны принца-супруга, Альберта, котораго вмѣшательства въ дѣла Пальмерстонъ не допускалъ, за чтò Англии, вонечно, слѣдовало быть благодарною своему министру. Изъ всѣхъ владѣтельныхъ домовъ, содержавшихся Германіею, кобургскій домъ, въ нынѣшнемъ столѣтіи, выказалъ наиболѣе способности къ достиженію, посредствомъ и подъ предлогомъ разныхъ международныхъ комбинацій, своихъ чисто-фамиліальныхъ выгодъ. Главн германскихъ владѣтельныхъ герцогскихъ и княжескихъ фамилій, находясь въ родствѣ съ царствующими домами всей Европы, остаются центрами общихъ фамиліальныхъ интересовъ и стараются проводить ихъ посредствомъ тѣхъ принцевъ фамиліи, которые

сдѣлались членами домовъ, царствующихъ внѣ Германіи, насколько это возможно по обстоятельствамъ и по характерамъ лицъ участвующихъ въ фамиліномъ интересѣ. Главный пріемъ этой «домашней» политики (Hauspolitik) состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ сдѣланныхъ связей дѣлать новыя связи, доставлять за границею высое положеніе другимъ принципамъ дома, а вмѣстѣ съ тѣмъ стараться, при случаѣ, о расширеніи фамиліаго владѣнія—Familiensitz—въ Германіи. Образцовымъ представителемъ таковой политики устройства фамиліальныхъ дѣлъ при помощи всѣхъ великихъ и малыхъ международныхъ событій, подчиненія судьбы Европы выгодамъ мелкопомѣстнаго княжескаго дома былъ принцъ Леопольдъ кобургскій, впоследствии король бельгійцевъ. Въ его лицѣ главою фамиліи былъ государь, сидѣвшій не на наслѣдственныхъ герцогскихъ креслахъ, а на иностранномъ престолѣ. Кобурги англійскіе, португальскіе и собственно кобургскіе, не говоря уже о бельгійскихъ, безпрекословно признавали его своимъ главою. Ихъ совмѣстныя дѣйствія и степень ихъ вліянія на ходъ дѣлъ въ Европѣ, въ смыслѣ фамиліальныхъ интересовъ, представляютъ вѣчно современемъ любопытный сюжетъ для изученія любителямъ историческихъ курьезовъ.

Самому Леопольду не удалось стать на ступеняхъ великобританскаго престола. Но фамиліальное дѣло не было потеряно; оно было только отложено. Впоследствии его возобновили съ другого конца, и супругомъ королевы англійской Викторіи сталъ все-таки кобургскій же принцъ. Этотъ принцъ какъ только услышалъ о кончинѣ короля англійскаго Вильгельма IV, отца королевы Викторіи, тотчасъ прервалъ свой университетскій курсъ въ Боннѣ и поспѣшилъ въ Лондонъ, такъ какъ онъ уже былъ знакомъ молодой королеви. Замѣтимъ, что король Леопольдъ, устраивая положеніе кобургскаго принца, вселилъ еще въ молодую королеву убѣжденіе, которое, какъ видно изъ ея собственныхъ разсказовъ¹⁾, она сохраняетъ до сихъ поръ, что принцъ Альбертъ, вступая съ нею въ бракъ, «жертвовалъ собою».

Этотъ-то принцъ, принцъ Альбертъ, какъ онъ ни былъ либераленъ и остороженъ—а нужно отдать кобургскому дому справедливость: онъ легко уживается съ конституціонализмомъ—старался всегда имѣть нѣкоторое вліяніе на дѣла. Онъ и король бельгійцевъ Леопольдъ, въ которому королева Викторіа питала

¹⁾ The Early Years of his Royal Highness the Prince Consort, compiled, under the direction of her Majesty the Queen, by Lieut. General the Hon. C. Grey. London 1868.
Leave's from the Journal of our Life in the Highlands from 1848 to 1861. London 1868.

глубокое уваженіе, имѣли большое вліяніе на королеву и увлекли ее въ свои чисто-фамиліи, отчасти германско-консервативныя, отчасти германско-патріотическія, но во всякомъ случаѣ совершенно чуждыя интересамъ Великобританіи, комбинаціи. Вспомнимъ, что даже послѣ смерти принца Альберта, королева Викторія сама, подъ вліяніемъ его памяти и убѣжденій короля бельгійцевъ, напереворъ очевидному желанію англійской націи рѣшительно отказалась отъ всякаго энергическаго шага въ пользу несчастной Даніи.

Принцу Альберту, когда онъ вступилъ въ бракъ съ королевою Викторією, было всего 21 годъ, и онъ самъ, разумѣется, могъ считать себя способнымъ къ направленію политики великой державы. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Германіи такое притязаніе съ его стороны было бы признано вполне законнымъ и естественнымъ; даже въ Англии нашелся министръ, лордъ Мельборнъ, который съ самого начала допустилъ вмѣшательство принца Альберта въ дѣла. Принцъ писалъ своему отцу въ Кобургъ: «я всегда излагаю свои взгляды на бумагѣ и затѣмъ сообщая ихъ лорду Мельборну. Онъ рѣдко отвѣчаетъ мнѣ, но я часто имѣлъ удовольствіе видѣть, что онъ дѣйствуетъ совершенно согласно съ тѣмъ, что было мною сказано». Лордъ Россель тоже не прочь былъ уступать вліянію принца-супруга и, какъ мы сейчасъ увидимъ, выказалъ это впоследствии въ очень важномъ случаѣ. Но кто рѣшительно не былъ расположенъ признавать государственную мудрость въ двадцатилѣтнемъ юношѣ на томъ основаніи, что онъ — нѣмецкій принцъ, это — лордъ Пальмерстонъ. Несклонность свою въ нѣмецкой придворной дисциплинѣ Пальмерстонъ обнаружилъ съ первыхъ же встрѣчъ своихъ съ принцемъ Альбертомъ и этимъ навлекъ на себя съ самаго начала неблаговоленіе королевы. Принцу тѣмъ легче было подорвать кредитъ Пальмерстона у королевы, что какъ разъ во время празднествъ бракосочетанія въ виндзорскомъ замкѣ случилась съ Пальмерстономъ любовная исторія (разсказывали, будто какая-то придворная дама даже громко кричала о помощи, однимъ словомъ разсказывали донъ-жуановскую сцену). Королева Викторія съ тѣхъ поръ какъ можно болѣе избѣгала личныхъ переговоровъ съ Пальмерстономъ, когда ему случалось быть въ министерствѣ, а это, какъ извѣстно, случалось часто и наконецъ сдѣлалось нормальнымъ положеніемъ.

Возвратимся теперь къ кризису, происшедшему въ Англии по поводу переворота 2-го декабря во Франціи, о которомъ разсказываетъ біографъ Дэнкомба. Принцъ Альбертъ не могъ не вмѣшаться въ такое важное дѣло, какъ одобреніе или неодобре-

ніе Англіи предпріятію французскаго претендента. Лордъ Пальмерстонъ не обратилъ вниманія на совѣты принца и былъ внѣзапно уволенъ, какъ говорили, по требованію перваго министра, лорда Джона Росселя. Но правда была, что лордъ Россель хотѣлъ услужить двумъ сторонамъ: во-первыхъ, общественному мнѣнію — взваливъ на Пальмерстона павшее на кабинетъ подозрѣніе въ солидарности съ французскимъ президентомъ и принося Пальмерстона въ жертву общественному негодованію; во-вторыхъ — королевѣ и ея супругу.

При преніяхъ объ адресѣ въ палатѣ общинъ, лорду Джону пришлось объяснить произвольное увольненіе популярнаго министра и принять эту совершенно-непарламентскую мѣру на себя. Изъ объясненія его видно было, что маркизъ Нормэнби, посоль въ Парижѣ, жаловался на противорѣчія между инструкціями, какія посылались ему правительствомъ, съ смысломъ частныхъ разговоровъ Пальмерстона съ графомъ Валевскимъ, французскимъ посломъ въ Лондонѣ. Ясно, что Нормэнби, если бы онъ понималъ свое положеніе какъ агента британской политики, а не какъ представителя англійскаго двора и его фамиліальныхъ симпатій и антипатій, обратился бы за разъясненіемъ противорѣчій — если только онъ могъ серьезно нуждаться въ такомъ разъясненіи — въ самому Пальмерстону, частнымъ образомъ. Вѣдь известно же, что вся сущность дипломатическихъ сношеній повѣряется именно частнымъ письмомъ, а официальные сообщенія представляютъ только формальные результаты такихъ переговоровъ. Но лордъ Нормэнби, какъ видно изъ его поступка, вмѣстѣ съ лордомъ Росселемъ проводили виды «правительства» въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ правительство при германскихъ дворахъ. Вотъ почему онъ и просилъ официально разрѣшенія недоумѣній, вслѣдствіе чего сдѣлалась неизбежной ссора между Росселемъ и Пальмерстономъ, и послѣдній былъ уволенъ, какъ «непокорный министр».

Объясненіе, данное Росселемъ въ палатѣ, конечно, не представляло лицъ, которыя въ парламентской странѣ не могутъ являться руководителями политики. Онъ только сослался на противорѣчія, о которыхъ упоминалъ Нормэнби и на «неправильности въ дѣлопроизводствѣ». Пальмерстонъ не оставилъ этого объясненія двухъ изъ самыхъ неспособныхъ дипломатовъ нашего времени (Росселя и Нормэнби) безъ отвѣта. Отвѣтъ его былъ сокрушительнъ для авторитета министровъ. Дѣло въ томъ, что они сами смотрѣли на отношенія къ Франціи точно такъ, какъ Пальмерстонъ, но только хотѣли избѣгнуть столкновенія съ дворомъ. Пальмерстонъ, съ обычною своею саркастичностью,

что называется «вывелъ на чистую воду» Росселя и другихъ «порочныхъ» своихъ товарищей. Онъ объяснилъ, что если въ частномъ разговорѣ съ графомъ Валевскимъ онъ сдѣлалъ какую-либо ошибку, выражая мнѣніе объ образѣ дѣйствій французскаго президента, то вину въ этой ошибкѣ должны раздѣлять съ нимъ премьеръ и другіе министры потому, что *все они частнымъ образомъ высказали Валевскому одобреніе въ одинаковыхъ выраженіяхъ.*

Пренія достаточно выяснили истинную причину увольненія Пальмерстона, и можно сказать, что Россель этою мѣрою скорѣе оказалъ ему услугу, потому что мнѣніе большинства членовъ было очевидно за Пальмерстона. Тутъ вопросъ о солидарности съ Наполеономъ сталъ на второй планъ, а на первый становился вопросъ объ охраненіи парламентаризма въ Англии, и Пальмерстонъ выступалъ въ характерѣ его защитника, характеръ, который въ Англии популярнѣе всякихъ иныхъ. Вся интрига обратилась во вредъ маркизу Нормэнби и лорду Джону Росселю. Что касается лицъ, еще болѣе высоко поставленныхъ, то они имѣли удовольствіе видѣть черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда кабинетъ Росселя палъ и составленіе новаго министерства пришлось поручить главѣ оппозиціи, лордъ Дэрби поставилъ условіемъ—возвращеніе Пальмерстону должности министра иностранныхъ дѣлъ.

Такимъ образомъ для Пальмерстона постарались какъ нельзя лучше и временные друзья его, виги, во-время исключивъ его изъ кабинета, возвративъ ему популярность, и временные противники его, тори, включивъ его въ свой кабинетъ.

Разбирая книгу біографа Дэнкомба и обращая въ ней вниманіе преимущественно на то, что относится къ замѣчательнымъ явленіямъ новѣйшей исторіи, мы должны однакоже возвращаться иногда къ хронологической нити, чтобы не упускать изъ виду и самой біографіи представителя Финсбери. Дэнкомбъ принадлежалъ къ числу тѣхъ политическихъ людей въ Англии, которые призадумывались насчетъ необходимости войны съ Россією изъ-за восточнаго вопроса. Въ рѣчи, произнесенной на митингѣ въ Финсбери, онъ высказалъ мнѣніе, что не слѣдуетъ бросаться въ эту войну безъ оглядки, и порицалъ политику правительства. Правда, главою Foreign Office былъ въ то время не Пальмерстонъ, другъ Дэнкомба, а лордъ Кларендонъ. Когда началась война, открылись страшные недостатки въ организаціи военнаго хозяйства въ Англии и когда по этому поводу разразилась буря надъ министерствомъ, въ которомъ уже снова былъ Пальмерстонъ, Дэнкомбъ защищалъ министерство и даже военнаго министра, гер-

цога Ньюэстля, на котораго ссылались въ то время обвиненія. Въ книгѣ его сына есть благодарственное письмо герцога по этому поводу.

Здоровье Дэнкомба давно было сильно потрясено, а между тѣмъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ онъ занимался парламентскими работами съ замѣчательнымъ рвеніемъ, и вся польза, какую могли ему принести лекарства поглощалась усиленнымъ его трудомъ. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ самыхъ разнообразныхъ дѣлахъ. Онъ ходатайствовалъ за безусловное помилуваніе прежнихъ чартистовъ, защищалъ интересы разныхъ ирландцевъ и больше всего — защищалъ правительство. Между прочимъ, онъ помогалъ сэру Чарльзу Нэпиру оправдываться въ его неуспѣхѣ. Когда говорится о работахъ англійскаго представителя, то надо имѣть въ виду, что существенную часть ихъ составляетъ также предсѣдательство или участіе въ митингахъ, приемъ депутацій и вся парламентская дѣятельность, происходящая внѣ парламента.

Сынъ Дэнкомба жалуется, что депутаціи отъ избирателей отнимали много времени у его отца и сильно надоѣдали ему, особенно депутаціи отъ *рабочихъ*. Онъ приводитъ даже, какъ примѣръ навоилности рабочихъ въ ихъ предположеніи учить членовъ парламента, цѣлую бесѣду Дэнкомба и его товарища Чарльза (другого члена Финсбери) съ одною изъ такихъ депутацій. Но намъ это бесполезное свиданіе, при которомъ членъ парламента безпрестанно кричитъ на своихъ довѣрителей: молчать! (hold your tongue!) представляется просто какъ иллюстрація той вѣстной истины, что палата общинъ до настоящаго времени не была представительствомъ народа. Какой-нибудь Дэнкомбъ, потомокъ графа Февершэма, воспитанный съ Пальмерстономъ, пріятель Наполеона III и герцога Брауншвейгскаго, издерживающій нѣсколько тысячъ фунтовъ на свое избраніе и не получающій отъ націи ни копѣйки за ту честь, которую онъ оказываетъ ей своимъ представительствомъ, естественно не можетъ смотрѣть на рабочихъ какъ на своихъ довѣрителей, мнѣніе ихъ не можетъ считать не только обязательнымъ для себя, но даже заслуживающимъ почтенія, и выслушивать депутацію отъ рабочихъ разныхъ городовъ не можетъ такъ, какъ ихъ выслушиваетъ президентъ Соединенныхъ Штатовъ, самъ вышедшій изъ массы и поставленный ею какъ уполномоченный, съ жалованьемъ отъ нея и строгою шредъ нею отвѣтственностью. «Не могъ же онъ, говоритъ сынъ Дэнкомба, отрыватья отъ своихъ занятій, чтобы выслушивать «декларацию», которая, по словамъ депутаціи, одинаково касалась интересовъ британской короны и сальфордскихъ или Ньюэстльскихъ

Джонсоновъ! Конечно, замѣтимъ имъ; но есть другая парламентская страна, населенная британскимъ племенемъ, страна, въ которой ньюйорскіе или бостонскіе Джонсоны смѣло являются объяснять свои виды въ самый дворецъ правительства. И тамъ ихъ выслушиваютъ и принимаютъ ихъ слова къ свѣдѣнію. Почему? Потому что сидитъ тамъ такой же, какъ они, Джонсонъ.

Мы сказали выше, что одною изъ характеристическихъ чертъ его публичной дѣятельности была всегдашняя готовность защищать разныхъ изгнанниковъ. Такъ, онъ сблизился съ Кошутомъ, когда тотъ явился въ Англию, и оказалъ венгерскому эмигранту нѣсколько услугъ. Изъ писемъ Кошута къ Дэнкомбу, помѣщенныхъ въ книгѣ, интересно то, которое относится къ Карсу. Кошутъ утверждаетъ, что союзники, стоявшіе въ Крыму, легко могли подать помощь Карсу, сдѣлавъ высадку въ Батумъ, что заставило бы генерала Муравьева отступить къ Тифлису или по меньшей мѣрѣ въ Ахалцыху, такъ какъ ему угрожала бы опасность быть отрѣзаннымъ. Кошутъ говоритъ, что сдѣлать это было тѣмъ легче, что союзная армія въ Крыму стояла праздно въ то время на зимнихъ квартирахъ, а между тѣмъ у союзниковъ было множество транспортовъ и ничего не стоило отдѣлить 30-ти тысячный отрядъ для защиты Карса. Не сдѣлано это было, какъ утверждаетъ Кошутъ, просто потому, что Наполеонъ не хотѣлъ помѣшать намъ одержать побѣду въ Азіи, которая дала бы нѣкоторое удовлетвореніе нашему національному самолюбію и позволила бы намъ заключить миръ и даже союзъ съ Франціею, что было главною цѣлью крымской войны со стороны императора французовъ, который только хотѣлъ, чтобы Россія его признала.

Возможна-ли была диверсія, о которой говоритъ Кошутъ или нѣтъ — объ этомъ предоставляемъ судить специалистамъ. Но замѣтимъ, что крымская война была дѣломъ не одного Наполеона и что она доставила очевидно болѣе выгодъ Англии, Австріи и даже Пруссіи (которая обогатилась въ это время транзитомъ, вслѣдствіе блокады нашихъ портовъ), чѣмъ Франціи. Что касается собственно династическихъ интересовъ Наполеона, то интересъ его былъ именно въ войнѣ, окончательно разрушившей преданіе священнаго союза и коалицію противъ Франціи, а не въ мирѣ, которымъ эта война должна была закончиться.

Кошутъ, какъ извѣстно, былъ принятъ въ Англию съ энтузіазмомъ. Одному изъ его приверженцевъ въ Англию пришла даже мысль открыть подписку въ его пользу. Но дѣло это было спорчено самимъ начинателемъ его, такъ какъ въ своемъ энтузіазмѣ къ Кошуту онъ ни съ того, ни съ другого, провѣсь

сравненіе между нимъ и знаменитымъ Фоксомъ, котораго при этомъ случаѣ безпощадно унижилъ.

Дэнкомбъ находился также въ сношеніяхъ съ Тюрромъ и съ Маццини. Тюрръ переписывался съ нимъ по восточному вопросу, и въ этой корреспонденціи является столь же хорошо знакомымъ съ восточными дѣлами, сколько плохо—съ французскимъ языкомъ. Маццини присылалъ Дэнкомбу записки о характерѣ своихъ дѣйствій въ Римѣ, во время республики, для оправданія себя отъ упрека въ терроризмъ. Онъ обращался къ Дэнкомбу, также какъ къ извѣстному либералу Стэнфильду съ просьбою возстановить факты предъ общественнымъ мнѣніемъ въ Англии. Замѣчательно, что всѣ вообще агитаторы и вожди народныхъ движеній, какъ Кошутъ, Маццини, Гарибальди чрезвычайно дорожатъ своею репутаціею въ Англии и слѣдятъ заботливо за каждымъ видоизмѣненіемъ въ ея общественномъ мнѣніи.

Дэнкомбъ былъ однимъ изъ посредниковъ между ними и общественнымъ мнѣніемъ Англии и англійскимъ парламентомъ. Онъ говорилъ въ палатѣ общинъ въ пользу Венгріи, въ пользу Италіи, представлялъ адреса палатѣ отъ эмигрантскихъ комитетовъ, разсылалъ въ редакціи отвѣты или объясненія по разнымъ вопросамъ, касавшимся національностей, наконецъ оказывалъ менѣе значительнымъ эмигрантамъ личную помощь въ разныхъ случаяхъ, обращаясь къ министрамъ для устраненія какихъ либо затрудненій. Въ Лондонѣ существовалъ въ то время комитетъ «друзей Италіи» и по просьбѣ Маццини, Дэнкомбъ сдѣлался членомъ этого комитета, представлялъ его адреса и т. д.

Чтобы показать, въ какихъ отношеніяхъ онъ находился въ извѣстнымъ агитаторамъ и вмѣстѣ, какъ они дорожатъ знакомствомъ съ членомъ англійскаго парламента, какъ они высоко цѣнятъ положеніе англійскаго commoner, мы приведемъ въ сокращеніи три письма къ Дэнкомбу.

«Любезный г. Дэнкомбъ,—событія близко предстоятъ Италіи; событія эти, если найдется вождь, разумѣется не представлятъ опасности для вашего союза съ Франціею. Цѣль, на которую направляются теперь наши намѣренія—Австрія и вы, съ вашимъ вооруженнымъ нейтралитетомъ, который виситъ, какъ Дамокловъ мечъ, одинаково надъ головами враговъ и друзей, не можете сѣтовать, что мы хотимъ дать Австріи работу гдѣ либо на турецкой границѣ.

«Я не стану просить васъ теперь сдѣлать что либо для насъ. Все, что вы могли, вы сдѣлали уже въ 1853 году. Но такъ какъ одинъ изъ вашихъ друзей и товарищей, г. Коллеттъ, сказалъ мнѣ, тому нѣсколько времени, что когда приблизится кризисъ, онъ

быть бы готовъ сдѣлать что-нибудь по соглашенію съ вами, то я обратился къ нему; затѣмъ прошу васъ, если вы продолжаете смотрѣть на наше дѣло какъ на доброе и святое, поддерживать, въ случаѣ если онъ къ вамъ обратится, его намѣреніе сдѣлать для насъ все что онъ можетъ.

Навсегда вамъ преданный

Иосифъ Маццини.

7 апрѣля 1864 г.

Это письмо предшествовало одной изъ тѣхъ отчаянныхъ и бесплодныхъ попытокъ, которыя Маццини предпринималъ въ пятидесятыхъ годахъ.

«Любезный сэръ, — Вы были столь добры, дозволили мнѣ обратиться къ вамъ въ случаяхъ, когда мнѣ понадобится справка въ дѣлахъ парламента. Теперь мнѣ именно очень нужны «свѣдѣнія книги» 1848 — 49, относительно итальянскихъ дѣлъ. Нельзя ли прислать ихъ мнѣ на нѣсколько дней» и проч.

«Вамъ быть можетъ будетъ интересно услышать, что Кавуръ интригуетъ теперь въ пользу Мюрата. Я знаю объ этомъ изъ самаго лучшаго источника.

«Въ видѣ демонстраціи противъ подписки на 100 пушекъ для усиленія александрийской крѣпости 100 пушками, итальянская національная партія открыла въ редакціи «l'Italia e Popolo» подписку на 10,000 ружей. Возраженіе это основательно: не оборонительною политикою можетъ быть подвинуто впередъ дѣло итальянской независимости. Національная партія надѣется или, скорѣе, льститъ себя надеждою, что сочувствіе Англій выразится въ отношеніи къ этой подпискѣ шиллингами и полушиллингами на покупку ружей; вѣдь фунты проявляютъ же сочувствіе къ оборонительнымъ пушкамъ. Но патріоты ошибаются. Имъ не дадутъ ни одного пенса. Общественное мнѣніе находится въ совершенномъ невѣдѣніи относительно характера и намѣреній туринскаго кабинета, хотя лордъ Пальмерстонъ и оповѣстилъ міру (не стоитъ благодарности), что только представленіемъ прекраснаго примѣра либеральныхъ учреждений «туринское правительство можетъ содѣйствовать освобожденію Италіи». Я желалъ бы знать, какимъ возможнымъ образомъ этотъ «прекрасный примѣръ» побудитъ Австрію удалиться за Альпы, или папу — отречься отъ его свѣтской власти, «худшаго изъ всѣхъ человѣческихъ изобрѣтеній»; а между тѣмъ, эти два пункта именно и составляютъ итальянскій вопросъ.

«Какъ бы то ни было, курьезныя дѣла стряпаются на полуостровѣ, и одно изъ нихъ именно участіе защитника Италіи на парижскомъ конгрессѣ въ заговорѣ съ Мюратомъ. Позволить ли

есентъ-джемскій кабинетъ обмануть себя или будетъ (сознательно) продолжать плясать по дудѣ Бонапарта? Боюсь, что такъ. Но никакая первостепенная держава не можетъ безнаказанно снисходить на вторую степень. Это мильтоновъ мостъ, ведущій тихо, удобно и безопасно внизъ, въ —

«Покорнѣйшій вашъ слуга
Кочутъ».

28 августа 1856 г. (писано съ острова Уайта).

Приведемъ письмо еще одного знаменитаго патриота:

«М. Г.—Сэръ Дж. Ромилли почтилъ меня визитомъ, чтобы сообщить мнѣ о вашей любезности. Съ глубокою благодарностью воспользуюсь я вашимъ благосклоннымъ предложеніемъ—сопровождать васъ на ваши выборы. Я впередъ радуюсь знакомству политическаго человѣка, столь высоко стоящаго въ общественномъ мнѣніи и котораго краснорѣчивое слово, произнесенное въ пользу моего отечества, еще отзывается въ моемъ сердцѣ. Но я не дозволю себѣ допустить безпокойство, которое вы предполагали принять на себя—забъхать за мною и поспѣшу самъ завтра утромъ, чтобы привести вамъ мое почтеніе и признательность и отдаться совершенно въ ваше распоряженіе. На случай вашего отсутствія въ это время, то-есть между 12 ч. и часомъ по полудни, трудитесь оставить указаніе для меня о мѣстѣ и часѣ, гдѣ я когда я могу найти васъ, чтобы отправиться съ вами на мѣсто выборовъ.

«Примите, м. г., выраженіе моей живѣйшей благодарности и отличнаго почтенія

«Преданный вамъ
Карлъ Поэріо».

Карлъ Поэріо писалъ это въ Лондонѣ, въ апрѣлѣ 1859 года, послѣ избавленія своего изъ неаполитанской тюрьмы, въ которой онъ, больной, много лѣтъ просидѣлъ на цѣпи. Онъ пожелалъ видѣть англійскіе выборы, и такъ какъ въ то время предстояли выборы въ Финсбери, то онъ и обратился въ Дэнкомбу.

Между тѣмъ, дѣла Дэнкомба по отношенію къ двумъ ганскимъ союзникамъ не подвигались. Заключенный превратился въ депутата, президента республики, диктатора, наконецъ императора, и повидимому совершенно забылъ объ изгнанномъ герцогѣ. Замѣчательно, что Смитъ, безпрестанно ѣздившій въ Парижъ и оказывавшій герцогу небезкорыстныя услуги, ни разу не упоминаетъ въ своихъ письмахъ къ Дэнкомбу о какомъ

либо сношеніи между Людовикомъ-Наполеономъ и принцемъ Карломъ. Какъ кажется, они даже не видѣлись. Смитъ въ 1854 г. представилась уже близость награды за его труды: герцогу Брауншвейгскому сдѣлалось худо, наконецъ съ нимъ случился ударъ. Въ словахъ, которыми онъ сообщаетъ объ всемъ этомъ Дэнкомбу, видно низкое чувство надежды. Но герцогъ поправился и зажилъ попрежнему, а Смитъ пріискалъ себѣ разныя занятія. То онъ хлопочетъ объ учрежденіи воммерческаго общества въ Парижѣ, то онъ является инженеромъ во французскомъ лагерѣ, и все это не мѣшаетъ ему зорко слѣдить за наслѣдникомъ, которымъ герцогъ продолжалъ постоянно поддразнивать его. Въ тоже время службу свою Дэнкомбу онъ исполнялъ преимущественно грубою лестью, которую расточалъ ему въ своихъ письмахъ при каждомъ случаѣ.

Герцогъ, между тѣмъ, раздѣлялъ свое время между странными дипломатическими заявленіями и заботою о покупке новыхъ брилліантовъ. Смитъ писалъ въ 1856-мъ году, что австрійскій кабинетъ выразилъ согласіе принять его въ Вѣнѣ и признать его царствующимъ лицомъ, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ, во-первыхъ, женился, во-вторыхъ, помирился съ своимъ братомъ Вильгельмомъ и забылъ о прошломъ. Но герцогъ Карлъ, не имѣя никакихъ средствъ даже свергнуть своего брата, ни за что не хотѣлъ обѣщать ему прощеніе. Онъ отвѣчалъ, что не имѣетъ ничего противъ брака, но удерживаетъ за собою полное право наказать своего брата; что судьбу послѣдняго рѣшить палачъ и что онъ, герцогъ Карлъ брауншвейгскій, проситъ австрійское правительство предоставить «свободный ходъ брауншвейгскому правосудію». Это писалъ, повторяемъ, человѣкъ, который для завоеванія своего владѣнія могъ разсчитывать на дѣйствительную помощь развѣ только Смита. Бриллиантами своими герцогъ занимался еще болѣе, чѣмъ «государственными» дѣлами. Изъ каталога ихъ, напечатаннаго по его распоряженію въ Парижѣ, оказывается, что они были оценены въ 1860 году въ 15,300,000 франковъ. А между тѣмъ, герцогъ не хотѣлъ разсчитаться какъ слѣдуетъ даже съ типографшиномъ Вельзенеромъ, напечатавшимъ каталогъ, и предлагалъ ему 3,500 фр., между тѣмъ, какъ судъ, въ которому Вельзенеръ обратился, призналъ справедливымъ вознагражденіе въ 6,000 фр., которое и присудилъ принца заплатить. Въ 1861 году, какъ извѣстно, онъ чуть не лишился части брилліантовъ, которыхъ у него было тогда 1200 камней. Камердинеръ его, захвативъ ихъ сколько могъ, цѣною около милліона франковъ, бѣжалъ въ границъ, но былъ задержанъ по телеграфу, и украденные имъ камни почти всѣ возвращены владѣльцу.

Давно уже Дэнкомбъ не видѣлся и даже не переписывался со своимъ завѣщателемъ, и должно полагать, что ему самому брауншвейгское наслѣдство представлялось совершенно сомнительнымъ, между тѣмъ какъ проѣхавъ Смитъ продолжалъ вертѣться вокругъ лабомаго куска. Когда герцогъ далъ Дэнкомбу въ руки свое завѣщаніе въ его пользу, то взялъ съ него обѣщаніе возвратитъ ему этотъ документъ при его требованіи. Въ 1861 году, Дэнкомбъ по обыкновенію отправилъ своего секретаря къ герцогу въ Божонъ и вскорѣ получилъ отъ Смита извѣщеніе, что герцогъ требуетъ свое завѣщаніе назадъ. «Я въ послѣднее время много думалъ о моемъ завѣщаніи — сказалъ герцогъ Смигу—и намѣренъ придать ему иную законную форму, а потому возьмите завѣщаніе у г. Дэнкомба». Потомъ прибавилъ, говоря, какъ замѣчаетъ Смитъ, *во множественномъ числѣ*: «вамъ будетъ здѣсь менѣ хлопотъ съ французскимъ завѣщаніемъ, чѣмъ съ английскимъ». Затѣмъ онъ вручилъ Смигу слѣдующую записку: «уполномочиваю г. Джорджа Смита принять обратно мое завѣщаніе изъ рукъ г. Томаса Дэнкомба, съ цѣлью согласить его съ французскими законами. Парижъ, 18 марта, 1861 г. Герцогъ брауншвейгскій».

Пріѣхавъ въ Англію, Смитъ предъявилъ свое полномочіе и получилъ завѣщаніе, о которомъ затѣмъ Дэнкомбъ не имѣлъ болѣе никакого извѣстія. «Такимъ образомъ, говоритъ біографъ, блестящій пузырь для Дэнкомба лопнулъ. Безъ сомнѣнія, сдѣлано было иное завѣщаніе, которое принесетъ такое же разочарованіе; но самъ Дэнкомбъ никогда не давалъ себѣ труда узнавать».

Отчего произошла такая пережѣна—біографъ не говоритъ. Но такъ какъ Дэнкомбъ давно уже не видался съ герцогомъ, а вокругъ герцога постоянно были одна, часто упоминаемая Смитомъ, *графиня* и самъ Смитъ, то по всей вѣроятности завѣщаніе было измѣнено въ ихъ пользу. Быть можетъ, это было сдѣлано по внушенію самого почтеннаго Смита. Наше предположеніе основано на слѣдующихъ соображеніяхъ: сынъ Дэнкомба, напечатавъ свою книгу безъ согласія герцога и Смита и вонечно къ большому ихъ неудовольствію, тѣмъ самымъ показалъ, что отецъ его болѣе ничего не ожидалъ отъ нихъ и не считалъ ихъ болѣе своими друзьями. Самое обнародованіе этой исторіи не имѣетъ иной цѣли, какъ мести посредствомъ обличенія. Замѣтимъ еще, что Смитъ въ письмѣ къ Дэнкомбу, когда еще завѣщаніе не было взято у него обратно, заботливо выставлялъ, что выражая свое намѣреніе измѣнить завѣщаніе и обращаясь къ нему, Смигу, герцогъ говорилъ во множественномъ числѣ, т. е. Смигу хотѣлось убѣдить Дэнкомба, что завѣщаніе не будетъ измѣнено въ пользу

одного Смита. Наконецъ, сынъ Дэнкомба, говоря о новомъ завѣщаніи, считаетъ долгомъ заявить, что и оно принесетъ разочарованіе.

Дэнкомбъ въ послѣдніе годы своей жизни, несмотря на совершенно падающія силы, продолжалъ принимать дѣятельное участіе во всѣхъ парламентскихъ работахъ. Когда послѣ повушенія Орсини, министерство внесло въ палату общинъ билль противъ иностранныхъ заговорщиковъ, то Дэнкомбъ былъ поставленъ въ затруднительное положеніе. Какъ пріятель императора Наполеона, онъ былъ возмущенъ попыткою Орсини и его сообщниковъ, но какъ либераль, онъ не могъ поддерживать билля, въ которомъ общественное мнѣніе видѣло внушеніе иностраннаго правительства и ограниченіе права убѣжища политическихъ эмигрантовъ, которымъ такъ гордится Англія. Дэнкомбъ избралъ средній путь: онъ произнесъ рѣчь въ защиту императора Наполеона отъ сдѣланныхъ на него нападеній, но голоса за билль не подалъ.

Дэнкомбъ, какъ всякій дѣятельный политическій человѣкъ въ Англіи, писалъ много брошюръ. Почти по всякому важному вопросу, выступавшему на сцену, онъ выражалъ свое мнѣніе не только рѣчами въ палатѣ, но и брошюрами. Онъ предпринялъ исторію «Евреевъ въ Англіи», по поводу своихъ усилій къ отмѣнѣ стѣснительной для нихъ присяги, но не кончилъ этого труда. Онъ упражнялся и въ стихахъ, даже французскихъ, но не печаталъ ихъ, и очень хорошо дѣлалъ. Литературнымъ занятіямъ онъ посвящалъ то время, которое болѣзнь отнимала у его парламентскихъ работъ. Болѣзнь его состояла въ хронической астмѣ—послѣдствіе сильной простуды, которую онъ получилъ въ 1845 году, осматривая понтоны, гдѣ содержатся арестанты, какъ членъ комиссіи, назначенной для этого парламентомъ. Онъ неожиданно умеръ отъ удушья, 18 ноября 1861 года. Біографъ и сынъ его говорятъ, что либеральная партія дала ему прозваніе: *honest Tom Duncombe*. Онъ оставилъ дѣла свои дѣйствительно въ крайнемъ разстройствѣ.

Л. Ц.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Право приобретѣнія дворянскихъ вотчинъ въ Эстляндіи. — Празднованіе юбилея освобожденія крестьянъ въ Остзейскомъ краѣ. — Крестьянскій вопросъ и волонеры на балтійскихъ дѣлахъ. — Съѣздъ петербургскаго епархіальнаго духовенства. — Выборное начало среди духовенства. — Новый уставъ духовныхъ академій. — Нѣкоторыя стороны желѣзно-дорожнаго дѣла. — Наши дѣла на Востокаѣ. — Измѣненіе въ судебныхъ уставахъ.

Государственная жизнь, съ того момента, когда она недовольствуется уже узкою программой непосредственныхъ стремленій къ увеличенію боевой и финансовой силы государства, а идетъ далѣе, сближается съ жизнью общественною, такъ сказать, «принадаетъ къ землѣ» и изъ этого прикосновенія почерпаетъ новую, органическую, истинную силу, — имѣетъ предъ собою двѣ постоянныя задачи. Одна изъ нихъ — проведеніе въ законодательство и политическую практику принципа гуманности, въ широкомъ смыслѣ, то - есть ставить себѣ главной цѣлью права гражданской личности и равновѣсіе правъ всѣхъ личностей въ ихъ совокупности; это есть положительная функція реформы. Другую задачу разумной реформы можно назвать отрицательною, въ смыслѣ относительномъ; это есть уничтоженіе всякаго рода внутреннихъ заставъ и шлагбаумовъ, за которыми скрываются неравноправность и отчужденіе, по бѣльшей части невыгодныя не только для стоящихъ передъ заставою, но и для тѣхъ, мнимыхъ счастливецъ, которые стояли за нею. Мы разумѣемъ здѣсь, конечно, всякаго рода привилегіи, сословныя или мѣстныя, все равно. На привилегіяхъ, какъ дознано, не создается ничего прочнаго и имѣющаго реальное право на жизнь; держатся же за эти привилегіи обыкновенно по тому недоразумѣнію, по которому человѣку свойственно вообще держаться за пѣчто не всѣмъ доступное, пока онъ, наконецъ, не уяснитъ себѣ простой истины, что интересъ общества состоитъ въ общеніи, а не въ отчужденіи его членовъ, и что всякое отчужденіе вредно уже по-

тому, что вносить въ дѣятельность привилегированныхъ условія и обязательства искусственныя.

Въ прошломъ мѣсяцѣ намъ случилось говорить объ уничтоженіи, хотя и неполномъ, двухъ внутреннихъ заставъ: объ отиѣнѣ наслѣдственности духовнаго званія и наслѣдственной обязательности службы въ казачьихъ войскахъ. Теперь предстоитъ рушиться послѣдней заставѣ, отдѣлявшей право владѣнія землею въ Остзейскомъ краѣ отъ того же права во всей имперіи.

Недавно опубликовано утвержденное уже предположеніе о представленіи «лицамъ всѣхъ сословій христіанскихъ исповѣданій» приобретать на правѣ собственности дворянскія вотчины въ Эстляндской губерніи и на островѣ Эзелѣ. Въ дѣйствительности, дворянскія вотчины — Rittergüter — въ Остзейскомъ краѣ съ давнихъ поръ нерѣдко находились во владѣніи лицъ, не принадлежавшихъ къ дворянскому сословию этого края и даже вообще къ дворянству. Но это владѣніе, до послѣднихъ годовъ, называлось «пользованіемъ» на долгосрочныхъ контрактахъ. Отсюда происходило то ненормальное и совершенно-противуэкономическое явленіе, что надъ приобретателями такихъ вотчинъ постоянно тяготѣла не только отдаленная перспектива несогласія именного владѣльца на возобновленіе контракта, но и право выкупа владѣльцемъ уступленной въ пользованіе земли, при извѣстныхъ условіяхъ и, наконецъ — часто повторявшіеся слухи о предполагавшихся, будто бы, правительствомъ ограничительныхъ мѣрахъ относительно правъ такихъ долгосрочныхъ арендаторовъ. Намъ извѣстенъ примѣръ — и такихъ примѣровъ было вѣроятно не мало — что значительное имѣніе въ Курляндіи, на устройство котораго было потрачено много труда условнымъ собственникомъ его, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, было переуступлено имъ именно подъ вліяніемъ одного изъ подобныхъ слуховъ, такъ какъ этому условно-собственнику естественно казалась не-пріятною перспектива, что имѣніе, имъ устроиваемое, можетъ нѣкогда быть выкуплено у его дѣтей по какой-нибудь фантастической цѣнѣ, которая согласовалась бы съ цѣною его купли, но никакъ не соотвѣтствовала бы цѣнѣ имѣнія въ томъ видѣ, въ какой онъ привелъ его изъ совершеннаго разоренія.

Само собою разумѣется, что такія условія должны были отражаться неблагоприятно прежде всего на цѣнности самихъ же дворянскихъ вотчинъ въ Остзейскомъ краѣ, подобно тому, какъ запрещеніе лицамъ постороннимъ приобретать недвижимую собственность въ земляхъ Войска Донскаго отзывалось неблагоприятно на цѣнности этихъ земель, препятствовало приливу къ нимъ капиталовъ и разработкѣ.

Остзейское дворянство, въ числѣ прочихъ своихъ привилегій, не мало гордилось и этою «неотчуждаемостью изъ рыцарскаго сословія» дворянскихъ вотчинъ. Но пришло время, когда само мѣстное дворян-

ество, по крайней мѣрѣ относительно этой привилегіи. убѣдилось, что искусственная отчужденность можетъ быть невыгодна и для тѣхъ, кто стоитъ за завѣтною заставою. Ограничивая число покущиковъ своими условіями, эта привилегія вредила конкуренціи, стало быть искусственно понижала цѣнность земли въ такихъ вотчинахъ. Съ 1866 года отмѣнены ограниченія права на приобрѣтеніе этихъ вотчинъ въ губерніяхъ Курляндской и Лифляндской. Теперь наступила и для Эстляндіи съ Эзелемъ очередь освободиться отъ вредной привилегіи.

Дворянства эстляндское и эзельское сами постановили испросить законодательной отмѣны ея и разрѣшенія лицамъ всѣхъ «христіанскихъ» сословій приобрѣтать въ этихъ мѣстностяхъ дворянскія помѣстья. Такимъ образомъ, то - есть по окончательной санкціи этого предположенія законодательнымъ путемъ, ограниченіе это будетъ уже отмѣнено во всемъ Остзейскомъ краѣ. Останется пожелать, чтобы остзейское дворянство, сознавъ на дѣлѣ, хотя въ одномъ случаѣ, невыгодность своей изолированности, провело и въ свои обычай тотъ принципъ, который по его же инициативѣ проведенъ въ законодательство. Мы говорили объ отношеніяхъ остзейскаго дворянства къ поселяющимся среди его землевладѣльцамъ другихъ сословій или хотя бы тоже дворянскаго, но не остзейско-дворянскаго сословія. Въ этомъ отношеніи остзейцамъ предстоитъ еще сдѣлать значительное усиліе, чтобы приблизиться къ обще-европейской современности; остзейское дворянство въ этомъ отношеніи принадлежитъ къ рѣдкимъ уже теперь исключеніямъ въ Европѣ вообще, и даже въ частности въ сѣверной Германіи. Съ остзейскимъ дворянствомъ въ кичливости едва ли сравняются даже дворянства мекленбургское и померанское. Остзейскій дворянинъ едва ли даже признаетъ дворянникомъ дворянина російскаго.

Съ точки зрѣнія самыхъ геральдическихъ понятій можно оспаривать такія претензіи. Внесеніе имени въ «матрикулы» само по себѣ и по этимъ понятіямъ не можетъ сообщать никакого преимущества. «Рыцарское» происхожденіе остзейскаго дворянства не одинаково съ рыцарскимъ происхожденіемъ дворянства западной Европы, потому что остзейское рыцарство было католическое учрежденіе, прекратившееся съ паденіемъ католицизма въ краѣ, и орденское рыцарство вслѣдственнымъ не было. Но оставивъ въ сторонѣ подобныя архаическія, чтобы не выразиться рѣзче, данныя для спѣси, достаточно сдѣлать обращеніе къ здравому смыслу. Дѣльный, хотя и не «матрикулированный» человѣкъ, который употребитъ капиталъ на улучшеніе какой-нибудь дворянской вотчины въ Остзейскомъ краѣ — даже если бы онъ принадлежалъ и не къ христіанскимъ сословіямъ — навѣрное заслуживалъ бы болѣе почтенія, чѣмъ любой потомокъ цѣлой вереницы «рыцарей» крѣпостного права.

Все это старыя истины. Но желательно бы видѣть поскорѣе мѣст-

ное примѣненіе ихъ въ остзейскихъ нравахъ потому именно, что общественное положеніе мѣстныхъ землевладѣльцевъ изъ не-дворянъ, или дворянъ не-туземныхъ весьма незавидно, а недавно было даже просто нестерпимо: они положительно исключены изъ общества. На эту дикость нравовъ жалуются всѣ, кто только имѣлъ отношенія къ остзейскому юнкерству на мѣстѣ его произрастанія. На службѣ, въ имперіи, оно умѣетъ откладывать эту кичливость, но сирятавъ ее, бережетъ, какъ завѣтный клейнодъ и, возвратясь домой, является во всеоружіи независимаго матрикулярнаго величія и служебныхъ отличій, приобретенныхъ точнымъ исполненіемъ возложенныхъ обязанностей.

Прошлый мѣсяць ознаменовался въ Остзейскомъ краѣ празднованіемъ пятидесятилѣтія личнаго освобожденія крестьянъ въ 1819 году. Нѣкоторые изъ нашихъ органовъ печати сочли нужнымъ доказывать, что празднованіе этого событія не могло быть «народнымъ», что это было дѣло, задуманное остзейскими націоналами, подготовленное пасторами и шульмейстерами, что обычные нѣмецкіе концерты, происходившіе по этому поводу, не имѣютъ ничего общаго съ истинно-народнымъ ликованіемъ и т. п. Какъ будто трудящійся народъ когда-либо и гдѣ-либо занимается устройствомъ юбилеевъ! Очень вѣроятно, что огромное большинство латышей и эстовъ не только не помнятъ, какого именно числа и въ какомъ году состоялась мѣра личнаго освобожденія, но даже не отдають себѣ яснаго отчета и въ послѣдствіяхъ, какія имѣла эта мѣра относительно правъ крестьянъ на пользованіе землею. Работающему люду некогда затверживать причины нынѣшняго, обѣднаго положенія. Крестьяне даже и въ лѣтосчисленіи-то весьма не тверды, такъ что почина въ юбилеяхъ отъ нихъ ожидать ужъ никакъ нельзя, да и участія въ празднествахъ ожидать трудно, развѣ по специальнымъ приглашеніямъ.

Другое дѣло вопросъ—было ли съ чѣмъ поздравлять себя эсто-латышскому населенію, при пятидесятилѣтней годовщинѣ освобожденія, въ томъ видѣ, какъ оно совершено въ 1819 году. На этотъ вопросъ не только русскіе, но и всякіе органы, которые только захотятъ заняться имъ, отвѣчали или должны будутъ отвѣчать не иначе, какъ отрицательно. Освобожденіе 1819 года было обезземеленіе. Но нѣмецкіе органы не любятъ заниматься этимъ вопросомъ. Книга г. Ширрена, о которой мы будемъ имѣть случай говорить, столь подробно и всесторонне трактующая о юридической особности балтійскихъ провинцій, совсѣмъ устраняетъ вопросъ наиболѣе реальный, вопросъ о положеніи огромнаго большинства населенія въ краѣ, и о тѣхъ результатахъ, какіе имѣла нѣмецкая культура для преуспѣванія этого большинства. При такомъ самоустраненіи г. Ширрена отъ этого вопроса первымъ возраженіемъ ему само собою представляется именно онъ: если край провозглашаютъ нѣмецкимъ на томъ основаніи, что нѣмец-

кій элементъ создалъ его культуру, то-есть его матеріальное и нравственное развитіе, то этотъ аргументъ обращается прямо противъ самаго тезиса, какъ только будетъ доказано, что большинство населенія нѣмецкою культурою воспользовалось мало, а въ текущемъ столѣтіи вмѣсто развитія, пошло назадъ въ матеріальномъ отношеніи.

Крестьяне до 1819 года безспорно пользовались землею, а съ тѣхъ поръ, если желаютъ упрочить за собою осѣдлость, должны землю эту покупать. Не говоря уже о той бѣдственной переимѣнѣ, какую произвело въ положеніи балтійскихъ крестьянъ обезземеленіе, о томъ непрочно пользованіи хозяйствомъ, въ какое оно поставило крестьянъ, и самая возможность выкупа земли отъ помѣщиковъ была крайне ограничена. Это доказывается фактомъ, что съ 1819 года по настоящее время въ Эстляндіи изъ 750 тысячъ десятинъ земли не болѣе 8,000 дес. перешли во владѣніе крестьянъ. Фактъ этотъ свидѣтельствуетъ о недостаточности средствъ крестьянъ, объ отсутствіи у нихъ сбереженій, такъ какъ первое употребленіе, какое крестьяне, гдѣ бы то ни было, дѣлаютъ изъ своихъ сбереженій, если имѣютъ возможность осуществить сбереженія, это—покупка обрабатываемой ими для себя земли. Результатомъ экономической переимѣны, происшедшей въ 1819 году, когда, подъ предлогомъ добровольной уступки своей крѣпостной власти надъ людьми, остзейскіе помѣщики выхлопотали себѣ окончательную отиѣну всѣхъ ограниченій ихъ права распоряжаться землею, было то, что даже это, изъ вѣка въ вѣкъ забытое и приученное къ терпѣнію населеніе стало искать чрезвычайнаго пути для выхода изъ такого положенія. Религіозное движеніе сороковыхъ годовъ, какъ сознаются сами нѣмецкіе авторы—ошибочно полагая, что этимъ они уменьшаютъ значеніе этого факта — побуждалось стремленіями болѣе экономического, чѣмъ религіознаго свойства. Нѣмецкіе авторы видятъ въ этомъ осужденіе самого факта, который представляется такимъ образомъ какъ неискреннее религіозное движеніе. Но фактъ движенія въ этомъ смыслѣ пріобрѣтаетъ еще гораздо болѣе значеніе.

Пусть этотъ несчастный народъ въ самомъ дѣлѣ, какъ утверждаютъ нѣмецкіе публицисты, не имѣлъ причинъ отречься отъ своей вѣры, не былъ даже знакомъ съ догматами того исновѣданія, въ которое обращался; пусть его побуждали только фальшивые слухи о предстоящемъ надѣленіи казенною землею тѣхъ, кто обратится въ православіе; пусть будетъ правда, что впоследствии, когда ложные слухи не оправдались, множество обратившихся впали въ отчаяніе, отагощенное еще угрызениями совѣсти.... Пусть все было такъ, какъ описываютъ нѣмецкіе публицисты. Но противъ кого же долженъ служить тотъ обвинительный фактъ, который они слагаютъ изъ удостоиваемыхъ ими обстоятельствъ? Они предъявляютъ его противъ православнаго духовенства. Но не очевидно ли, что обвиненіе это на-

даетъ именно на безвыходное экономическое положеніе крестьянъ и на виновниковъ этого положенія. Если крестьяне отворачивались отъ лютеранства и переходили въ православіе единственно по религиозному убѣжденію — чему вѣроятно были также примѣры — то это свидѣтельствовало бы только противъ расположенія этого народа къ догматамъ и обрядамъ лютеранскаго исповѣданія. Но вины тутъ не было бы ничьей, учили ихъ религія нѣмцы, и естественно учили вѣрѣ своей. Не ихъ вина, если эсты и латыши почувствовали болѣе влеченія къ вѣрѣ православной.

Но если крестьянское населеніе стало обращаться массами въ господствующую въ имперіи вѣру не по искреннему религиозному убѣжденію, а по причинѣ бѣдственности своего положенія, какъ то утверждаютъ нѣмецкіе писатели, то вся та вина, которую они такъ страстно изображаютъ — падаетъ на создавшихъ бѣдственное, безземельное и притомъ все-таки закрѣпощенное положеніе крестьянъ.

Въ этомъ отношеніи, движеніе сороковыхъ годовъ еще не сказало своего послѣдняго слова. Въ новѣйшее время оно отразилось въ страсти къ переселенію, объявившей эстевъ. По официальнымъ свѣдѣніямъ за первые четыре мѣсяца нынѣшняго года, изъ Эстоніи переселилось въ Россію болѣе 4,000 крестьянъ.

Мы говоримъ объ обезземеленіи, которое было послѣдствіемъ «освобожденія» крестьянъ въ 1819 году. Но важно ли было наконецъ значеніе и самаго этого освобожденія, въ смыслѣ правъ крестьянской личности? Само собою разумѣется, что уже самое обезземеленіе отворачивало возможность дѣйствительной независимости крестьянъ. Но и самаго положенія 1819 года, и дополнившая ихъ впоследствии юридическая и административная практика оставляли помѣщику, въ жизни повседневной, почти полный произволъ. Патримоніальная юстиція уничтожена не была; помѣщичья контора сохранила даже право тѣлеснаго наказанія крестьянъ. Постановленія призрачнаго мірскаго суда не имѣли силы безъ утвержденія помѣщичьей власти; паспорта крестьянамъ выдавались помѣщичьею же конторою. Если присоединить къ этому предоставленное помѣщикамъ право увольнять отъ рекрутскаго набора извѣстный процентъ крестьянъ безусловно, а изъ остальныхъ любого посредствомъ передачи ему усадьбы, то окажется, что крестьянинъ, по прежнему, совершенно зависѣлъ отъ помѣщика. Не забудемъ, что всѣ отношенія крестьянскаго общества къ администраціи и администраціи къ крестьянскимъ обществамъ происходили чрезъ посредство помѣщичьей конторы.

Стало ли покупать такое «освобожденіе» потерю права на землю? Конечно — нѣтъ, и никакая аргументація, никакія нареканія нѣмецкой печати на какія бы то ни было мѣры администраціи въ балтійскомъ краѣ или на какія бы то ни было выходки русскихъ газетъ —

не могутъ изгладить слѣдующаго неопровержимаго факта: освобожденіе 1819 года, какъ оно обусловилось тогдашними положеніями и истолковалось практикой, обнаруживаетъ только чистую помѣщичью спекуляцію; плодомъ этой спекуляціи явилось невыносимое положеніе крестьянъ, заставившее ихъ обращаться къ путямъ чрезвычайнымъ для выхода изъ этого положенія. Исторія крестьянскаго дѣла въ балтійскомъ краѣ, какъ и вся исторія отношеній нѣмецкихъ колонистовъ къ туземному населенію есть не что иное, какъ рядъ насилій и хитростей, направленныхъ къ эксплуатаціи.

Мы не касаемся вопроса о германизаціи или руссификаціи латышей и эстовъ. Вопросъ этотъ, который нѣмцы ставятъ на первомъ планѣ, только ведетъ къ пререканіямъ и спорамъ, въ которыхъ, если хотите, правы обѣ стороны, потому что по этому вопросу ничего доказать нельзя, а рѣшить его можетъ только время. Народъ самъ обратится къ той нравственной силѣ, которая успѣетъ приобрести его сочувствіе, и вопросъ о національности рѣшится сообразно тому, кто поведетъ эстовъ и латышей впередъ, кто выведетъ ихъ изъ бѣдственнаго положенія, а не сообразно тому, на какомъ языкѣ будутъ издаваться губернскія вѣдомости. Мы не касаемся этого вопроса еще и потому, что, желаемъ избѣжать всякаго произвольнаго положенія, а тѣмъ болѣе оскорбительной выходки противъ какой бы то ни было національности, или низкаго заподозриванія въ измѣнѣ или противо-законныхъ стремленіяхъ—какія, къ сожалѣнію, нерѣдко бросаются въ этихъ спорахъ и притомъ бросаются обѣими сторонами.

Все это только затемняетъ главное дѣло. Вопросъ стоитъ выше личностей и корпорацій, не говоря уже о томъ, что всякое дѣло между порядочными людьми стоитъ выше низостей. Вопросъ въ томъ, что положеніе большинства балтійскаго населенія бѣдственно, что бѣдственность его въ значительной степени обусловлена именно существующими порядками, и что эти-то порядки, которые характеризуются однимъ словомъ: «обезземеленіе», необходимо отиѣнить. Пусть нѣмецкіе публицисты доказываютъ сколько угодно, что Остзейскій край принадлежитъ нѣмецкой культурѣ; мы искренно преклоняемся передъ нѣмецкою культурою и передъ всѣмъ тѣмъ, въ чемъ дѣйствительно отражается *культура*. Но странно было бы все то, что ни сдѣлали, ни учредили нѣмцы гдѣ бы то ни было, относить къ нѣмецкой культурѣ. Ни биронскихъ порядковъ у насъ въ Россіи, ни мекленбургскихъ порядковъ, ни крестьянскихъ порядковъ въ Остзейскомъ краѣ мы относить къ ней не можемъ, не можемъ потому именно, что уважаемъ и нѣмецкую культуру и прежде всего — здравый смыслъ.

Это было бы подражать тѣмъ нѣмецкимъ писателямъ, которые, разбирая балтійскій вопросъ, постоянно распространяются о жестокости

Ивана Грознаго; какъ будто несомнѣнною жестокостію Грознаго можно доказать невозможность надѣленія балтійскихъ крестьянъ землею.

Нынѣшнее неудержимое стремленіе эстовъ къ переселенію доказываетъ, что балтійскій народъ поставленъ въ необходимость искать себѣ исхода изъ нынѣшняго положенія и будетъ искать его тѣмъ или инымъ чрезвычайнымъ путемъ. Такъ или иначе, это обстоятельство предполагаетъ пожертвованія со стороны Россіи въ пользу остзейскихъ землевладѣльцевъ. Надѣленіе балтійскихъ крестьянъ землею внутри имперіи, подавленіе русскими солдатами возможныхъ смуть среди искони обижасемаго народа, охраненіе ими привилегій и нѣмецкихъ помѣщичьихъ, которые ими пользуются — всѣ эти чрезвычайныя мѣры, во-первыхъ, сами по себѣ ненормальны и только палліативны по значенію. Во-вторыхъ, онѣ сопряжены съ дѣйствительною жертвою со стороны Россіи, съ пожертвованіями и землями, и людьми и — справедливостію.

На какомъ основаніи Остзейскія губерніи могутъ ожидать отъ Россіи этой жертвы, если онѣ — какъ намъ доказываютъ — собственность нѣмецкой расы, нѣмецкое владѣніе на вѣки, не имѣющее ничего общаго съ русскимъ народомъ?

Вотъ почему единственный исходъ, сообразный и съ справедливостію, и съ раціональнымъ, то-есть кореннымъ воспособленіемъ большинству балтійскаго населенія, и съ общими законами, дѣйствующими нынѣ по всѣмъ окраинамъ имперіи, независимо отъ всякихъ привилегій, которыя всегда подлежатъ отмѣнѣ, насколько онѣ даны въ ущербъ третьяго лица, единственный и неизбѣжный исходъ, говоримъ мы, есть — примѣненіе къ Остзейскому краю положенія 19 февраля 1861 года, въ его общемъ, благодѣтельномъ принципѣ.

Разбирая отчетъ г. оберъ-прокурора св. синода, то-есть тѣ извлеченія изъ отчета, которыя были опубликованы, мы съ удовольствіемъ останавливались на мысли о примѣненіи къ духовной администраціи начала выборнаго, къ которому самый отчетъ высказывалъ сочувствіе. Недавно коснувшись общаго положенія нашего духовенства, мы указали между прочимъ на ту темную сторону его быта, которая представляется смѣшеніемъ въ духовной администраціи всѣхъ функций власти, то-есть полного подчиненія духовнаго лица непосредственному его начальнику, который, говорили мы, для подчиненныхъ своихъ не только высшее должностное лицо, но и наставникъ, и судья. Совершенная изолированность духовной среды, говорили мы еще, даетъ поводъ допускать мысль о возможности злоупотребленій, прикрываемыхъ безгласностію дѣлопроизводства и полнымъ произволомъ начальниковъ надъ подчиненными.

И эти истины не новы. Но чѣмъ болѣе истина, не осуществленная еще въ законодательствѣ или общественномъ устройствѣ, вообще уяс-

вилась и утвердилась въ сознаниі общества, тѣмъ чаще и неотвѣтчивѣе должна она являться на свѣтъ, формулируясь въ слово общественной потребности.

Нмиѣшній сѣздъ духовенства петербургской епархіи самымъ убѣдительнымъ образомъ обнаружилъ, что общая мысль о невыгодности и несовременности дальнѣйшаго лишенія духовенства тѣхъ живительныхъ началъ самоуправленія и гласности, которыя постепенно входятъ въ бытъ всего общества, какъ нельзя лучше сознается самимъ духовенствомъ. Нмиѣшній сѣздъ представилъ явленіе новое и въ высшей степени сочувственное. Члены его выступили съ обдуманннмъ, зрѣлымъ, строго законнымъ и очень рѣшительнымъ словомъ въ защиту необходимости проведенія въ бытъ духовенства началъ выборнаго управленія и общественнаго контроля. Рѣчи оо. Никольскаго и Морошкина, если на нихъ смотрѣть безотносительно, не представляютъ ничего необыкновеннаго; это просто дѣльныя и убѣдительныя заманія двухъ членовъ сословія о нуждахъ этого сословія и о необходимости устраненія нѣкоторыхъ безпорядковъ.

Но такъ глуха, такъ непроходимо безгласна, безотвѣтна была та среда, въ которой раздались эти голоса, такъ опутана она издревле всѣми тѣми узами, которыя устраняютъ возможность всякаго независимаго шага, всякой ссылки на несомнѣнную возможность злоупотребленій, — что въ рѣчахъ этихъ почтенныхъ членовъ сѣзда можно видѣть настоящій гражданскій подвигъ. Онѣ представляютъ драгоцѣнное гласное свидѣтельство о томъ положеніи дѣлъ, которое и прѣжде было всѣмъ извѣстно; а неограниченное сочувствіе, каковыя слова эти были встрѣчены всѣмъ собраніемъ, доказываетъ, что всѣ тѣ порядки, которые оо. Никольскій и Морошкинъ иллюстрировали примѣрами, давно тяготѣли на душѣ каждаго изъ присутствовавшихъ, и быть можетъ не одинъ разъ и не одного изъ нихъ приводили въ горькое раздумье, ломали его энергію, его желаніе служить обществу по чистой совѣсти и по мѣрѣ силъ.

Это взиманіе трехрублеваго налога съ лицъ духовнаго званія, въ числѣ которыхъ много недостаточныхъ, въ то время, когда домъ, который могъ бы приносить тысячъ двадцать, отдается внаймы за шесть тысячъ; это преобладаніе секретаря въ дѣлахъ, идущихъ на усмотрѣніе высшей власти; это произвольное распоряженіе столчнвыхъ протопоповъ церковнымъ имуществомъ; эта невозможность какой бы то ни было апелляціи въ случаѣ нежеланія содѣйствовать неправильнымъ поступкамъ прямого начальника; эти 700-рублевныя обѣды на церковныя суммы, когда съ бѣднаго сельскаго священника взимаютъ столько налоговъ, то прямымъ, то косвеннымъ путемъ, въ видѣ обязательныхъ подписокъ, — какаа яркая и доказательная картина невозможности поддерживать далѣе старую систему. «Что жо-

жетъ сдѣлать священникъ своимъ протестомъ противъ своего настоятеля, когда онъ встрѣчаетъ послѣдняго на всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ», сказалъ о. Морошкинъ; «настоятель есть и доносчикъ на священника, въ качествѣ благочиннаго, и слѣдователь, какъ членъ консисторіи, назначающей слѣдователей надъ протестомъ, и судья его, тоже въ качествѣ члена консисторіи. Да даже, еслибъ настоятель не былъ членомъ консисторіи и благочиннымъ, то и тогда протестъ священника встрѣтилъ бы неблагосклонный приемъ, какъ у благочиннаго, который, по большей части, самъ настоятель церкви и повиненъ въ тѣхъ же грѣхахъ, такъ и въ консисторіи, гдѣ сидятъ, по большей части, или настоятели, или благочинные, или близко стоящіе къ этимъ должностямъ, и гдѣ всячески отставляется принципъ настоятельской, въ видахъ поддержанія *порядка* и *субординаціи* въ причтѣ».

Да, таковъ дѣйствительно преобладающій въ духовномъ управленіи принципъ: порядокъ и субординація и безапелляціонность прежде всего; затѣмъ правило — «не выносить сора изъ избы». Естественно, что при такихъ правилахъ изъ избы можно вынести *все*, лишь бы не выносить изъ нея соръ. И вотъ, оказывается, что бывали случаи когда богатѣйшія приходскія церкви не имѣли средствъ купить дровъ, для отопленія!

Спрашивается теперь, не будетъ ли сочтено иными членами духовнаго сословія и настоящее открытое заявленіе о нуждахъ духовенства, за неповзволительное вынесеніе сора изъ избы, которое можетъ пошатнуть въ обществѣ уваженіе къ духовному сану, а затѣмъ къ церкви и такъ далѣе — вплоть до полнаго торжества «безвѣрія и разврата», которымъ обыкновенно пугаютъ приверженцы потемокъ. Но такіа лица изъ духовенства, еслибъ они нашлись, разсуждая подобнымъ образомъ, показали бы, что они совершенно не знаютъ или не хотятъ знать того мнѣнія о хозяйственныхъ порядкахъ нѣкоторыхъ частей церковнаго управленія, которое искони установилось у насъ во всемъ народѣ. Факты, указанные оо. Никольскимъ и Морошкинымъ, ничего не прибавляютъ къ такому твердо установившемуся въ народѣ убѣжденію, убѣжденію, которое притомъ подтверждается личнымъ опытомъ каждаго, кому только приходилось имѣть дѣло съ низшею и второстепенною духовною администраціею. А кому же не приходилось имѣть съ нею дѣло? Возьмемъ простой примѣръ. Смѣло можно сказать, что нѣтъ въ Россіи ни одного человѣка знающаго, что такое метрическое свидѣтельство и что свидѣтельства эти утверждаются въ консисторіяхъ, который бы не былъ убѣжденъ — какъ въ томъ, что дважды два четыре — въ томъ фактѣ, что удостовѣренія метрическаго свидѣтельства, то-есть самой простой административной операціи, требующей получаса времени — нельзя добиться ранѣе

какъ *черезъ годъ* послѣ подачи о томъ прошенія, если ограничиться подачею только прошенія.

Насколько же могутъ заявленія, подобныя тѣмъ, о которыхъ мы говоримъ, уронить чей бы то ни было авторитетъ? Объ этомъ нельзя и говорить серьезно, или лучше сказать — это можно утверждать только не искренно, это могутъ утверждать тѣ, кому не столько дорого истинное положеніе дѣла передъ общественнымъ мнѣніемъ, сколько оставленіе самаго дѣла въ его исконномъ положеніи.

Предстоитъ ли надобность доказывать, что такъ какъ безобразіе нынѣшнихъ порядковъ бросается въ глаза на каждомъ шагѣ, и возможность злоупотребленій не только предполагается общественнымъ мнѣніемъ, въ видѣ какой-нибудь смѣлой, пожалуй, вольнодумной шпитезы, но положительно сознается всѣмъ обществомъ на безпрестанномъ опытѣ, то открытое указаніе на эти злоупотребленія со стороны людей изъ самого духовенства можетъ принести только пользу этому сословію? Равнѣ неизвѣстно, что нынѣ народъ относитъ темныя стороны второстепеннаго и низшаго духовнаго управленія прямо къ самому сословію духовенства, объясняя эти темныя стороны характеромъ, даже наслѣдственными свойствами сословія? И когда среди его встаютъ благонамѣренные люди и говорятъ: вина въ этихъ злоупотребленіяхъ должна падать на систему управленія; при такой системѣ, каковы бы ни были люди, лучшихъ порядковъ и быть не можетъ; гдѣ царствуютъ произволъ, безконтрольность, молчаніе — тамъ нѣтъ простора для добрыхъ намѣреній, тамъ должны гложуть чистыя побужденія, — когда такъ говорятъ люди изъ самого духовенства, разумно ли было бы отвергать это и видѣть въ ихъ указаніяхъ на злоупотребленія посягательство на характеръ духовенства? Утверждать, что не существующая система виновата въ злоупотребленіяхъ, которыхъ скрыть нельзя, не значило-ли бы утверждать, что эти темныя стороны обусловлены именно самимъ характеромъ духовенства, тѣми наслѣдственными его свойствами, о которыхъ въ народѣ ходятъ поговорки?

Дѣло слишкомъ ясно и распространяться объ этой сторонѣ его, то-есть о томъ, какъ должны быть приняты заявленія членовъ петербургскаго сѣзда духовенствомъ вообще и духовнымъ начальствомъ въ особенности, не стоило бы, еслибы мы не имѣли въ виду уже готовыхъ возраженій въ этомъ смыслѣ, заявленныхъ въ печати, однимъ изъ членовъ того же сѣзда, именно священникомъ Образцовымъ. Онъ выразилъ опасеніе, чтобы «эти ораторы» (оо. Никольскій и Моршкинъ) своими «не безъ жолчи высказанными рѣчами не оказали духовенству медвѣжьей услуги»; «чтобы пріемомъ своимъ не сдѣлали неприятнымъ начальству то, что оно и само, безъ сомнѣнія, считаетъ прекраснымъ (т. е. выборное начало), а мы между тѣмъ ищемъ этого

черезъ укоръ начальству.» Вотъ въ виду такихъ-то толкованій, мы и считаемъ обязанностью свѣтской печати разъяснять самому духовенству его положеніе передъ общественнымъ мнѣніемъ. «Медвѣжьей» услугою могутъ быть никакъ не указанія на систему, какъ виновницу зла, потому что систему легко измѣнить; «медвѣжьей» услугою скорѣе можно бы назвать именно тотъ приѣмъ, который состоялъ бы въ оправданіи существующей системы, потому что тогда оказывающіеся недостатки могли бы быть объясняемы только самымъ характеромъ духовенства и относимы къ нравственной винѣ его самого.

О. Образцовъ, въ другомъ мѣстѣ, заявляя, что онъ самъ «весь въ пользу выборнаго начала и желаетъ его, быть можетъ больше, чѣмъ тѣ ораторы, которые потому только и возвышаютъ голосъ о немъ, что видятъ злоупотребленія при теперешнемъ порядкѣ выборовъ (т. е. не выборовъ, а просто назначеній) на различныя должности въ духовенствѣ». «Чтобы видѣть осуществленіе этого начала на дѣлѣ въ нашемъ духовенствѣ», говоритъ еще о. Образцовъ, «для этого рѣшительно нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ громогласнымъ рѣчамъ о какихъ-то (!) злоупотребленіяхъ со стороны лицъ, поставленныхъ на тѣ или другія должности епархіальнымъ начальствомъ и только выходя отъ этихъ злоупотребленій требовать отиѣны стараго начала, какъ сдѣлали это оо. Никольскій и Морошкинъ, которые тѣмъ самымъ только ограничили важность (!) той мысли, которую они такъ энергично проводятъ. А что если и при выборномъ началѣ останутся тѣ же злоупотребленія? Ужели выборное начало тогда нужно будетъ признать не лучшимъ стараго начала? Уже ли мы должны будемъ разочароваться въ его важности, если оно не приведетъ къ тѣмъ результатамъ, для достиженія которыхъ мы подняли о немъ рѣчь? Нѣтъ, какъ дѣйствительно лучшее по дознанному опыту, оно будетъ всегда хорошо, а слѣдовательно и искать его нужно, основываясь на его внутреннемъ достоинствѣ, а не на злоупотребленіяхъ, которыя, можетъ статься, вовсе не отъ того и происходили, что не было въ обычаѣ выборное начало». Далѣе, о. Образцовъ оговаривается даже, что злоупотребленія, о которыхъ шла рѣчь, требуютъ еще доказательства.

Спрашивается, кто тутъ оказываетъ духовенству «медвѣжьей» услугу? Если злоупотребленія происходятъ не отъ системы, то отчего же она происходитъ и къ чьей винѣ относятся? Если и по примѣненію къ духовенству выборнаго начала, то-есть послѣ предоставленія самому духовенству назначать на должности лучшихъ людей изъ своей среды, оказались бы прежнія злоупотребленія — возможность чего о. Образцовъ, повидимому, допускаетъ — то не значило ли бы это, что духовное сословіе просто нравственно-несостоятельно, что поручить должность лучшимъ людямъ оно не умѣетъ или не хочетъ? Если люди будутъ тѣ же, и злоупотребленія могутъ быть тѣ же. «Вну-

треннее достоинство» выборнаго начала въ томъ и состоитъ, что не должность попадутъ не всѣ тѣ лица, которыя нынѣ «поставлены епархіальнымъ начальствомъ». Желательно бы знать, какое же еще внутреннее достоинство можетъ имѣть выборное начало, кромѣ того, что люди будутъ иные, и злоупотребленія прекратятся, и надо имѣть слишкомъ невыгодное мнѣніе о всемъ составѣ духовенства, чтобы думать иначе.

Еще любопытнѣе было бы знать, почему же выборное начало будетъ лучше стараго, если бы при немъ злоупотребленія не прекратились и почему же «разочаровываться въ его важности», если бы оно «не привело къ тѣмъ результатамъ, для достиженія которыхъ поднята о немъ рѣчь»?

Въ словахъ о. Образцова много такого, чего мы разбирать не смеемъ; «жолчи и укора начальству», которыя онъ примѣтилъ въ откровенномъ заявленіи о злоупотребленіяхъ, обусловленныхъ безобразною системою, уничтожающею и всѣ благія предначертанія начальства — мы, люди свѣтскіе, въ этихъ рѣчахъ не видимъ. По этой логикѣ, губернскаго прокурора слѣдовало бы признавать официальнымъ врагомъ правительства, и въ апелляціи прокурора суда на несправильное судебное рѣшеніе — видѣть посягательство на авторитетъ суда.

Напомнимъ только, что безъ указанія на злоупотребленія, истеняющія изъ старой системы, невозможно было обойтись въ доказательствѣ необходимости ея замѣны системою, которая основана на иномъ принципѣ. Съѣздъ епархіальнаго духовенства не есть митингъ дилеттантовъ, которые постановляютъ общія рѣшенія, безъ фактическаго вывода, и провозглашаютъ принципы «по внутреннему ихъ достоинству», не вывода необходимости ихъ примѣненія изъ дѣловой практики, изъ непосредственныхъ, дѣйствительныхъ случаевъ, касающихся дѣлъ опредѣленнаго управленія. Съѣздъ епархіальнаго духовенства занимается не выработкою и провозглашеніемъ общихъ принциповъ, и всѣ разсужденія его, имѣя практическій, дѣловой характеръ, должны основываться на томъ наличномъ матеріалѣ, который представляется дѣлами его округа.

Въ хроникѣ крупныхъ фактовъ прошлаго мѣсяца мы должны занести еще одну новость, важную для духовенства, именно окончательное утвержденіе новаго устава православныхъ духовныхъ академій. Въ свое время мы говорили о проектѣ этого устава. Въ томъ видѣ, какъ онъ подвергся теперь утвержденію, изъ учебной программы, определяемой проектомъ, исключены нѣкоторые предметы, не входящіе въ кругъ специальныхъ познаній, необходимыхъ богословамъ и проповѣдникамъ. Разбирая прежде проектъ устава, мы обратили вниманіе на оправдывавшуюся и въ этомъ случаѣ склонность нашихъ учебныхъ про-

граммъ къ невозможной и непрактичной всеобъемлемости. Исключеніе изъ программы преподаванія въ академіяхъ предметовъ не-спеціальныхъ, имѣеть значеніе не только по отношенію къ удобству преподаванія въ нихъ самихъ. Духовныя академіи, по уставу, имѣють двѣ цѣли: доставлять высшее богословское образованіе и готовить преподавателей для духовно-учебныхъ заведеній. Вотъ, въ виду этой-то послѣдней цѣли, въ учебную программу академій и были сперва включены нѣкоторые предметы общаго образованія и въ этомъ-то именно смыслѣ и слѣдовало опровергать необходимость такого включенія такъ какъ ясно, что не предстоитъ необходимости, чтобы въ семинаріяхъ даже математика преподавалась непременно монахами или лицами, получившими богословское образованіе. Это исходило изъ принципа корпоративной замкнутости, и пріятно видѣть, что мысль эта въ настоящемъ случаѣ не прошла.

Новымъ уставомъ, (который будетъ введенъ въ петербургской и кievской академіи), эти высшія духовныя училища получаютъ устройство, сходное съ устройствомъ университетовъ: раздѣленіе на факультеты, совѣтъ, ректоръ изъ профессоровъ, уравненіе академическихъ профессоровъ съ университетскими въ содержаніи и т. п. Все это можно признать практичнымъ, потому что даже нашъ университетскій уставъ, несмотря на всѣ его несовершенства, для духовныхъ академій составляетъ важный прогрессъ. Замѣтимъ, впрочемъ, что примѣненію выборнаго начала въ духовномъ управленіи на этотъ разъ не вполне повезло: ректоры академій не будутъ избираемы совѣтами, а назначаемы и притомъ непосредственно самимъ синодомъ. Почему совѣтъ духовной академіи не будетъ имѣть права избирать ректора, какъ избираютъ своихъ ректоровъ совѣты семинарій — объяснить не легко. Правда, оговорено, что синодъ будетъ избирать ректоровъ академій изъ духовныхъ лицъ, извѣстныхъ своими достоинствами и имѣющихъ степень доктора богословія. Но вѣдь достаточно было ограничить этими условіями выборъ ректоровъ и затѣмъ предоставить избраніе ихъ совѣтамъ, которые будутъ избирать инспекторовъ. Здѣсь уставъ, очевидно, сдѣлалъ уступку принципу бюрократической субординаціи, бюрократической, а не истинной, такъ какъ можно ли сказать вообще, чтобы среди ученаго, да и всякаго сословія, начальникъ, облеченный авторитетомъ общественнаго избранія, имѣлъ менѣе нравственной, то есть дѣйствительной силы и значенія, чѣмъ начальникъ, поставленный хотя бы высшимъ административнымъ мѣстомъ?

Для снабженія второстепенныхъ духовныхъ училищъ наставниками, въ академіяхъ полагаются казеннокоштные студенты, съ обязательною службою потомъ по духовно-учебной части по полутора года за годъ слушанія ими курса въ академіи. Не пора ли оставить систему казеннокоштнаго образованія съ обязательною службою? Не вѣрнѣе ли до-

стигалась бы цѣль посредствомъ увеличенія учительскихъ окладовъ въ семинаріяхъ, если и нынѣшніе оклады недостаточны для привлеченія способныхъ, людей? Одно изъ двухъ: или магистръ будетъ состоять при семинаріи добровольно, тогда нѣтъ причины обязывать его срокомъ; или онъ будетъ учить потому только, что прекрѣпляетъ въ учебному вѣдомству, и будетъ служить шесть лѣтъ только для Рахили, которая въ настоящемъ случаѣ представляется выгоднымъ приходомъ! Мало можно ожидать пользы для учебнаго дѣла въ послѣднемъ случаѣ. Вообще же говоря, съ филологическимъ институтомъ и духовными академіями, едва ли у насъ государство ужъ не слишкомъ много будетъ приплачивать на безвозмездное развитіе элленціи, въ то самое время, когда мы жалуемся, что на всѣхъ русскихъ желѣзныхъ дорогахъ незамѣтно даже русскаго просторѣчья.

Включеніе оговорки относительно бесплатной перевозки почты въ концессию либавской желѣзной дороги, повторилось въ обнародованныхъ за прошлый мѣсяць проектахъ новыхъ концессій. Сверхъ того, обнародовано новое постановленіе, которое должно придать болѣе единства перевозкѣ почты по желѣзнымъ дорогамъ. Управление этою перевозкою сосредоточено въ почтовомъ департаментѣ, а линіи дорогъ будутъ раздѣлены на участки, изъ которыхъ каждый, завися непосредственно отъ департамента, будетъ распорядиться отправленіемъ почты по желѣзной дорогѣ своего участка. По этому поводу учреждается новый штатъ почтовыхъ чиновниковъ, ихъ помощниковъ, развѣдныхъ и такъ далѣе. Надо надѣяться, что эта мѣра будетъ содѣйствовать болѣе исправному достиженію и періодическихъ изданій въ будущемъ году. Новый штатъ сопряженъ съ новымъ расходомъ въ 17 тысячъ рублей и нѣтъ повода сомнѣваться, что этотъ новый расходъ вознаградится успѣхомъ самаго дѣла и что въ послѣдующіе года мы не увидимъ въ почтовомъ управленіи несомнѣнаго факта одновременнаго увеличенія средствъ самаго управленія и возложенія имъ части работы по почтовой пересылкѣ на постороннихъ лицъ, не говоря уже о возвышеніи платы за пересылку журналовъ, которая если въ нынѣшнемъ году и объясняется недоразумѣніемъ, то въ будущемъ году едва-ли достаточно будетъ оправдываться тѣмъ же основаніемъ.

Но относительно самаго сообщенія по желѣзнымъ дорогамъ остается еще сдѣлать важное соглашеніе, именно соглашеніе о прямомъ сообщеніи по разнымъ линіямъ. По слуху, предполагается собраніе уполномоченныхъ отъ желѣзно-дорожныхъ обществъ, съ цѣлью установить соглашеніе по этому предмету. Перегрузка товаровъ, часто съ огромною потерей времени, до сихъ поръ положительно не дозволяетъ промышленникамъ рассчитывать на такой маршрутъ товаровъ, который включаетъ линіи разныхъ компаній. Объ удешевленіи товарнаго дви-

женія при избѣжаніи такой перегрузки нечего и говорить. Остается пожелать, чтобы проект этотъ скорѣе осуществился и чтобы уполномоченные различныхъ обществъ имѣли въ виду при соглашеніи не кратковременныя, исключительныя выгоды, а конечный результатъ, который будетъ заключаться въ усиленіи товарнаго движенія по всѣмъ линіямъ вообще, вслѣдствіе такой мѣры.

Публикація нормальныхъ концессій въ видѣ кондицій для конкурса продолжается. Въ числѣ вновь опубликованныхъ концессій упомянемъ одну, по которой никакой гарантіи правительствомъ дохода не полагается, именно о концессіи на скопинскую дорогу. Любопытно будетъ видѣть, достанется ли эта концессія директору скопинскаго банка, и присоединится ли къ одному смѣлому предпріятію другое смѣлое предпріятіе.

Въ настоящее время, въ ходѣ желѣзно-дорожнаго дѣла у насъ мы видимъ только факты самаго благопріятнаго свойства: конкуренція на концессіи большая, приливъ иностранныхъ капиталовъ продолжается, цѣны на желѣзно-дорожныя бумаги, на нашей биржѣ, благодаря необыкновенно развившейся спекуляціи, держатся высоко, причѣмъ доказательствомъ спекулятивнаго элемента въ ихъ биржевой цѣнности служитъ именно то обстоятельство, что особенно хорошо стоятъ тѣ бумаги, которыхъ выпущено менѣе. Все это — явленіе отраднаго свойства и на горизонтѣ желѣзно-дорожнаго дѣла не показалось еще ни облачка. Но среди всего этого благополучія не надо упускать изъ виду, что важнѣе прилива иностранныхъ капиталовъ и цѣнности бумагъ — качество самой постройки желѣзныхъ дорогъ. То — явленія временныя, золотой дождь можетъ высохнуть также скоро, какъ быстро онъ выпалъ; но каково будетъ бѣдствіе, если современемъ наши желѣзныя дороги, при системѣ раздѣленія постройки ихъ и окончательнаго владѣнія ими окажутся построенными наскоро, построенными плохо? Уже доходятъ порой слухи, что «американская» система постройки дорогъ успѣла акклиматизироваться у насъ; что при постройкѣ ихъ первую и важнѣйшую роль играетъ *срокъ*; что строителями даже назначаются огромныя преміи за окончаніе работъ къ извѣстному сроку во что бы то ни стало. Естественно, что при такихъ преміяхъ всѣ строители, то-есть и младшіе и старшіе, обязанные наблюдать за младшими, заинтересованы въ окончаніи *всей* линіи; не будь работы кончены въ одномъ мѣстѣ, потому-ли что повѣрка показала, что онѣ были произведены или потому, что представились непредвидѣнными трудности (а то и другое непременно должно быть въ частныхъ случаяхъ) — и всѣ лишаются обѣщанной преміи. При такой системѣ спѣшность, даже чрезмѣрная, не обращающая вниманія ни на что, является неизбѣжною и страшно подумать о результатахъ, которые она можетъ оказать современемъ.

Поэтому, общественное мнѣніе вправѣ ожидать, что будутъ употреблены всѣ средства самой строгой повѣрки работъ со стороны правительственной власти, которая не должна принимать ни въ какое оправданіе или объясненіе неточности соблюденія техническихъ правилъ, спѣшность постройки, возложенную предпринимателями на строителей, и имѣть въ виду, что одобреніемъ произведенныхъ работъ она принимаетъ всю отвѣтственность за будущее на себя. Вполнѣ добрая энергія главнаго начальника строительнаго вѣдомства, мы считаемъ однако обязанностью печати постоянно напоминать объ этомъ истинно-великомъ національномъ интересѣ. Первая акціонерная горячка у насъ привела къ печальнымъ послѣдствіямъ въ самомъ началѣ. Но если вторая акціонерная и строительская горячка приведетъ къ печальнымъ результатамъ, то это выразится рядомъ не однихъ экономическихъ катастрофъ.

Преніе въ англійской палатѣ общинъ и рѣчь главы британскаго правительства объ отношеніяхъ между Англіею и Россіею по дѣламъ Средней Азіи показываютъ, что хотя опасенія относительно нашихъ успѣховъ на Востоку еще далеко не исчезли въ англійскомъ обществѣ, но нынѣшнее правительство не раздѣляетъ ихъ и будетъ слѣдовать въ Сѣверной Индіи той-же политикѣ, какой держался прежній генералъ-губернаторъ. Рѣчь Гладстона, и вызванная ею статья въ нашей французской газетѣ заставляютъ думать, что переговоры, происходившіе по этому предмету, ограничились однимъ обмѣномъ мнѣній и притомъ вполнѣ благопріятнаго свойства.

Мы желали бы имѣть возможность занести въ хроніку столь же благопріятное окончаніе тѣхъ внутреннихъ неурядицъ, которыя обнаружались въ тылу нашей позиціи въ Средней Азіи, именно въ степяхъ зауральскихъ. Къ сожалѣнію, неурядица эти еще не кончились и стѣсняють торговлю. Въ виду такого опыта, не слѣдуетъ ли подумать о возвращеніи въ организациі степного управленія къ прежнимъ порядкамъ, существовавшимъ до введенія новаго положенія и которые имѣли то преимущество, что они все-таки обусловливали какой-нибудь порядокъ? Недавно, въ одномъ еженедѣльномъ изданіи выставлены были слѣдующіе краснорѣчивые факты: по новому положенію киргизы платятъ податей на 5 р. 50 к. съ семьи болѣе противъ прежняго; по новому положенію въ одной области вмѣсто 8—107 чело-вѣкъ «начальниковъ», то-есть русскихъ должностныхъ лицъ. Эти факты говорятъ сами за себя.

Сверхъ того, намъ уже случилось обратить вниманіе, въ одной изъ хроникъ, на неудобство поручать введеніе новаго положенія среди киргизовъ офицерамъ уральскаго казачьяго войска, которыхъ киргизы считаютъ издревле своими врагами. На это обстоятельство указываетъ и та интересная статья, о которой мы упомянули.

Въ заключеніе не можемъ не занести на страницы нашей лѣтописи одну законодательную мѣру послѣдняго времени, по поводу которой, когда она еще обсуждалась въ высшихъ сферахъ и существовала лишь въ видѣ предположенія, слышалось въ обществѣ не мало толковъ и опасеній и которую, когда она, во второй половинѣ минувшаго іюни мѣсяца, была республикована, какъ положительный законъ, всѣ сочувствующіе новымъ судебнымъ установленіямъ встрѣтили съ тѣми мыслями, съ которыми встрѣчается всякій совершившійся и потому неотвратимый уже фактъ. Мы говоримъ: объ освобожденіи нѣкоторыхъ лицъ, вызываемыхъ въ качествѣ свидѣтелей, отъ личной явки къ слѣдствію и суду. Новый законъ, въ видѣ дополненій къ различнымъ статьямъ судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г., освобождаетъ отъ личной явки, въ качествѣ свидѣтелей, къ слѣдствію и суду нѣкоторыхъ, т. е. въ дѣйствительности всѣхъ, занимающихъ высшія ступени служебной лѣстницы, въ губерніахъ же всѣхъ начальствующихъ лицъ, а именно: особъ, имѣющихъ чины первыхъ двухъ классовъ: членовъ государственнаго совѣта, министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями, товарищей ихъ, статсъ-секретарей, командующихъ войсками военныхъ округовъ, генераль-адъютантовъ, а также, въ предѣлахъ подвѣдомственной имъ мѣстности: начальниковъ дивизій и равныхъ имъ по должности военныхъ и морскихъ чиновъ, архіереевъ, губернаторовъ, градоначальниковъ и, въ столицахъ, оберъ-полицеймейстеровъ, равно исправляющихъ обязанности вышеозначенныхъ лицъ. Привилегія, устанавливаемая новымъ закономъ для этихъ лицъ, заключается въ томъ, что въ случаѣ вызова ихъ въ качествѣ свидѣтелей, по уголовнымъ дѣламъ, къ мировому судѣ, судебному слѣдователю или въ судъ, къ судебному слѣдствію, они, въ теченіи трехъ дней со времени полученія повѣстки, могутъ просить о допросѣ ихъ въ мѣстѣ ихъ жительства, т. е. на дому. По судебнымъ же уставамъ свидѣтели допрашиваются въ мѣстѣ ихъ жительства только въ случаѣ болѣзни или такихъ законныхъ причинъ, которыя дѣйствительно препятствуютъ имъ лично явиться. Независимо отъ этого какъ мировой судья, такъ и судебный слѣдователь не вызываютъ къ себѣ свидѣтелей, а сами обязаны отправиться къ нимъ для снятія показаній, когда требуется допросить значительное число лицъ, живущихъ въ одномъ мѣстѣ или околоткѣ, или вообще, когда слѣдователь признаетъ болѣе удобнымъ спросъ свидѣтелей на дому (ст. 71, 433 и 434 уст. уг. суд.). Точно также только болѣзнь, дальная отлучка или другія законныя причины освобождаютъ, по уставу, свидѣтелей отъ личной явки къ судебному слѣдствію въ окружной судъ. Привилегированныя же по новому закону лица, освобождаясь отъ личной явки въ судъ, могутъ просить о томъ, чтобы членъ суда отправился къ нимъ на домъ и снялъ съ нихъ допросъ, который послѣ на судѣ и можетъ быть про-

читанъ, сравнѣ съ показаніями большнхъ или находящихся въ дальней отлучкѣ лицъ. Точно также и во гражданскимъ дѣламъ мировой судья или членъ окружнаго суда, для снятія свидѣтельскихъ показаній съ привилегированныхъ лицъ, долженъ будетъ отправляться къ нимъ, подобно тому, какъ это постановлено уставомъ относительно большнхъ, на домъ, въ сопровожденіи, конечно, тяжущихся, ихъ повѣренныхъ и тѣхъ постороннихъ, приглашенныхъ каждою стороною, лицъ, о которыхъ упоминаетъ уставъ гражд. суд. (ст. 390), но молчитъ новый законъ. Послѣдній, впрочемъ, какъ всякая привилегія, по правиламъ юридической интерпретаціи, долженъ быть толкуемъ и въ этомъ отношеніи въ ограничительномъ смыслѣ, т. е. изъ устава остается все то въ силѣ, что именно не отиѣнено, а въ данномъ случаѣ не дополнено новымъ закономъ. Число лицъ, отправляющихся такимъ образомъ вмѣстѣ съ членомъ суда, къ свидѣтелю на домъ, можетъ быть довольно порядочное.

Нужно замѣтить, что новый законъ, болѣе важный по принципу, который въ немъ нашелъ себѣ выраженіе, чѣмъ по кругу практическаго своего дѣйствія, не есть въ сущности новый. Старый, дѣйствовавшій до судебной реформы, XV т. св. зак., трактуетъ о вызовѣ свидѣтелей къ предварительному слѣдствію и упоминаетъ объ общегражданской обязанности являться лично для свидѣтельства, допускаетъ въ правила, по которому свидѣтели должны быть вытребованы для допроса въ мѣсто, гдѣ производится слѣдствіе, прежде всего то изъятіе, что знатные люди и лица женскаго пола дворянскаго состоянія могутъ быть допрашиваемы на дому чрезъ отраженныхъ къ нимъ чиновниковъ (ст. 1091). Такимъ образомъ, опустивъ лицъ женскаго пола дворянскаго состоянія, новый законъ заключаетъ въ себѣ лишь реставрацію стараго начала, въ нѣсколько болѣе подробномъ изложеніи. Обширнаго круга примѣненія реставрированное начало не можетъ имѣть потому, что оно касается вершинъ административнаго и вообще служебнаго, а въ столицахъ и полицейскаго міра, суды же обыкновенно имѣютъ дѣло съ большинствомъ, которое принадлежитъ къ болѣе скромнымъ общественнымъ сферамъ. Во всякомъ случаѣ эта реставрація имѣетъ для уголовнаго суда болѣе серьезное значеніе, чѣмъ для гражданскаго, потому что въ послѣднемъ доказательство посредствомъ свидѣтелей, именно въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, — представляется рѣдкимъ исключеніемъ. Но въ уголовномъ судѣ въ девяносто девяти случаяхъ изъ ста все основано на показаніяхъ свидѣтелей. При этомъ наукою права и законодательствомъ всѣхъ европейскихъ народовъ признано, что составить себѣ сколько-нибудь точное убѣжденіе о доказательной силѣ извѣстнаго показанія можно только тогда, когда самъ свидѣтель лично дастъ показаніе предъ судомъ, когда стороны, обвинитель и защитникъ, судьи и присяжные предлагаютъ ему, или

по крайней мѣрѣ имѣютъ право предлагать вопросы на самомъ судѣ, и когда по отвѣтамъ и по цѣлому впечатлѣнію, производимому личностію свидѣтеля, можно судить о степени достовѣрности его показаній, т. е. что свидѣтель не только желаетъ и имѣетъ доброе намѣреніе показать правду, но что онъ въ состояніи показать ее, потому что находился въ такихъ условіяхъ или отношеніяхъ съ лицами судебной драмы, что онъ можетъ знать то, о чемъ показывается. Поэтому всѣ европейскія законодательства признаютъ обязанность личной явки въ судъ, въ качествѣ свидѣтеля, общегражданскою, которая никого унижать не можетъ, какъ бы высоко званіе его ни было. Въ аристократической Англіи герцогъ кембриджскій не считалъ для себя оскорбленіемъ, когда по дѣлу о злоупотребленіяхъ при продажѣ офицерскихъ чиновъ въ арміи, былъ вызванъ и явился въ судъ въ качествѣ свидѣтеля. А по другому дѣлу, по которому подсудимый обвинялся въ богохуленіи и въ доказательство того, что мнѣнія объ однихъ и тѣхъ же теологическихъ вопросахъ весьма различны въ различныхъ вѣроисповѣданіяхъ, сослался на епископа кантерберійскаго и на другихъ духовныхъ особъ, — они, несмотря на высокое ихъ общественное положеніе, по просьбѣ защитника, были вызваны и явились въ судъ въ качествѣ свидѣтелей. Въ примѣръ того, что никто въ Англіи не вправе отказываться отъ обязанности свидѣтельствовать въ судѣ, ставится англійскими юристами слѣдующій школьный вопросъ, отсылающійся анекдотомъ, но имѣющій свой практическій смыслъ: что еслибы привѣцъ валлійскій ѣхалъ вмѣстѣ съ первыми лицами королевства въ одной колясцѣ и очутились бы они на какомъ-нибудь перекресткѣ именно въ ту минуту, какъ тамъ поднялся споръ у трубочиста съ яблочной торговкой изъ-за пенни, то въ правѣ ли бы они были, если бы на нихъ спорящіе сослались, отказаться отъ свидѣтельства? Только лицо короля или королевы изъято отъ этой всеобщей обязанности лично свидѣтельствовать на судѣ. Конечно во всемъ, что касается уваженія къ закону и къ требованіямъ правосудія, Англія далеко оставила за собою другія государства. Но и законодательства другихъ странъ крайне туго въ допущеніи изъятій въ этомъ отношеніи, такъ какъ въ основѣ ихъ лежитъ та мысль, что какъ бы возвышенно ни было общественное положеніе лица, достоинство его нисколько не можетъ пострадать отъ того, что оно исполнитъ требованіе закона точно также, какъ и простые граждане, и что стоить только распространить привилегію, освобождающую отъ личной явки въ судъ на какъ можно большее число лицъ, и публичный гласный судъ мало чѣмъ будетъ отличаться отъ стараго келейнаго и письменоводствомъ занятого суда, не причинявшаго никакого беспокойства высокопоставленнымъ лицамъ, но плодомъ котораго всѣ европейскія государства вкусили и еще помнятъ.

Можетъ быть, эта самая мысль была причиною, что новый нашъ законъ только факультативно освобождаетъ привилегированныхъ лицъ отъ личной явки въ качествѣ свидѣтелей къ слѣдствію и суду, предоставляя личному усмотрѣнію этихъ лицъ явиться или не явиться. И ми едва ли ошибемся, если скажемъ, что собственный нравственный интересъ этихъ лицъ, интересъ службы и ихъ вѣдомства стоимъ же, сколько и интересъ правосудія, будутъ часто служить для нихъ весьма сильнѣмъ побужденіемъ явиться, въ томъ или другомъ случаѣ, лично на судъ въ качествѣ свидѣтелей. Положимъ, повторилось бы, что Воже упаси, такое расхищеніе казенныхъ суммъ, какое связано съ именемъ бывшего директора одной изъ канцелярій св. синода, т. е. Гривскаго, или расхищеніе казеннаго имущества, какое связано съ именемъ Вердеревскаго. Очевидно, что преступленіе въ такихъ сферахъ могло бы побудить лицъ, принадлежащихъ къ начальству подсудимы, въ интересахъ полнаго раскрытія истины, явиться вслѣдствіе полученной изъ суда новѣстки лично, хотя бы иное изъ этихъ лицъ, въ положенію своему, формально и могло сослаться на новый законъ.

Мы не считаемъ себя въ правѣ подвергать разбору всѣ возможные мотивы новаго закона, но что вопросъ здѣсь былъ весьма важнаго свойства, видно изъ самаго текста закона, какъ онъ обнаруживаетъ, именно изъ того, что въ государственномъ совѣтѣ послѣдовали по этому предмету разныя мнѣнія, произошло развогласіе. Не имѣетъ ли также достаточно данныхъ, чтобы судить о томъ, какіе именно случаи выводовъ къ слѣдствію и суду были ближайшею побудительною причиною для законодательства къ дополненію судебныхъ уставовъ въ этотъ направленіи. Сколько извѣстно, въ Петербургѣ было лишь нѣсколько выводовъ со стороны судебныхъ слѣдователей г. оберъ-полицейскостеру,—выводовъ, по которымъ требовались объясненія отъ слѣдователей. Кромѣ того извѣстно, что однажды по одному уголовному дѣлу, возбужденному въ Москвѣ, одинъ изъ петербургскихъ судебныхъ слѣдователей, по порученію московскаго, долженъ былъ допросить под присягою покойнаго князя Меншикова. Само собою разумѣется, что въ этихъ и еще въ нѣсколькихъ подобныхъ случаяхъ судъ, когда до него доходили жалобы вызываемыхъ лицъ, именно когда эти жалобы не останавливались гдѣ-нибудь въ болѣе высокихъ сферахъ, дѣлалъ съ своей стороны все возможное, чтобы требованіе закона, если оно въ данномъ случаѣ дѣйствительно представлялось, было исполнено съ крайней предупредительностію и съ наименьшимъ безпокойствомъ для лицъ, которыхъ необходимо было допросить въ качествѣ свидѣтелей.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1 (18) августа 1869.

ГРАФЪ БИСМАРКЪ И ВОПРОСЪ ОБЪ ЕДИНСТВѢ ГЕРМАНИИ.

Историческій очеркъ развитія идеи нѣмецкаго единства. — Антагонизмъ между Пруссією и Австрією. — Фридрихъ II и гегемонія Пруссіи. — Вторженіе Наполеона и война за освобожденіе. — Фридрихъ-Вильгельмъ III и священный союзъ. — Національное движеніе 1848 г. и франкфуртскій парламентъ. — Попытки Фридриха-Вильгельма IV. — Торжество Австріи. — Прусская политика съ 1859 года. — Графъ Бисмаркъ, его жизнь и дѣятельность.

Грозныя тучи, которыя нѣкогда заволокли весь политическій горизонтъ западной Европы послѣ народнаго движенія 1848 г., въ наше время очевидно съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе разсѣиваются, и теперь уже не можетъ быть, кажется, никакого сомнѣнія, что несчастная, черная полоса реакціи должна уступить свое мѣсто свѣтлой полосѣ истиннаго либерализма. Мы не станемъ розыскивать, когда именно, въ какой моментъ началось это общественное пробужденіе Европы, не станемъ говорить, откуда оно пошло и гдѣ встрѣчало себѣ наибольшее сопротивленіе, — все это фактъ, который бросается въ глаза, когда смотришь на совершающіяся нынѣ кругомъ событія. Сильное, порывистое стремленіе къ свободѣ, сказавшееся съ такимъ могуществомъ во Франціи, что вторая имперія, основанная на личномъ правленіи или, что тоже, на произволѣ, ищетъ себѣ спасенія въ парламентаризмѣ и вынуждается бросить якорь на томъ именно, мѣстѣ, съ котораго она желала столкнуть Францію, едва ли остановится и удовлетворится либеральными мѣрами и уступками, дѣлаемыми правительствомъ, но которыя для націи, вспомнившей свое великое прошедшее, останутся только иллюзіями и уступками. Спокойное, но рѣшительное движеніе Англіи впередъ по пути самыхъ радикальныхъ реформъ не менѣе убѣдительно доказываетъ, что и тамъ общество вышло изъ того полузабытѣя, до котораго оно доведено было продолжительнымъ удачиваніемъ псевдолиберальнаго Пальмерстова. Даже Испанія сбросила наконецъ съ себя

грубое господство деспотическихъ Бурбоновъ и не останавливается ни предъ какими затрудненіями — наслѣдіемъ прежняго порядка, чтобы установить у себя широкую и прочную свободу. Нужно ли говорить объ Австріи, этомъ ядрѣ старой реакціи, которая цѣлымъ рядомъ немислимыхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ реформъ и самыхъ эвергическихъ мѣръ, старается залечить свои тяжелыя раны, нанесенныя ей абсолютизмомъ Габсбурговъ. Все это факты, не видѣть которыхъ могутъ только слѣпые, все это событія, которыя громко свидѣлствуютъ объ одномъ, что послѣдній часъ реакціи 1848 года пробилъ, что мрачная полоса миновалась, что на Западѣ прошла пора произвола отдѣльныхъ личностей и наступила пора разумнаго господства самихъ народовъ. Возможно-ли, чтобы при такомъ общемъ положеніи Европы, когда все пробудилось, все ожгло, одна Пруссія отстала отъ общаго хода и терпѣливо выносила ту систему милитаризма, которая воспользовалась громкими событіями 1866 года и незаконно приписала себѣ весь ихъ блескъ и всю ихъ выгоду? Возможно-ли, чтобы Пруссія, въ которой образованность стоитъ такъ высоко, не произвела наконецъ своего veto надъ рѣшеніями, постановленіями, приговорами абсолютной власти, какимъ бы ореоломъ славы она ни стужила открытъ себя. Если бы это было такъ, то нужно было бы усомниться въ могуществѣ цивилизаціи, силѣ знанія, образованности, нужно было бы отчаяться въ пользѣ распространенія среди народа самыхъ гуманныхъ идей. Всѣ эти идеи, все это образованіе, знаніе, вся цивилизація, все это было бы пустою затѣю, ненужною забавою, если бы они не вели самымъ неуклоннымъ путемъ къ тому, чтобы народъ умѣлъ сознать и умѣлъ пользоваться своими неотъемлемыми правами. Безъ этого умѣнія пользоваться своими правами нѣтъ политической свободы, а безъ политической свободы нѣтъ, строго говоря, и народа въ полномъ значеніи этого слова. Конечно, мы не станемъ дѣлать такого грустнаго предположенія относительно Пруссіи. Общество, народъ могли быть увлечены военною славой, тѣмъ болѣе что въ этой славѣ они увидѣли наконецъ осуществленіе «великой идеи», идеи нѣмецкаго единства, но увлеченіе это не могло быть продолжительное; скоро народъ долженъ былъ понять, что милитаризмъ, правительственный произволъ могли быть допущены только какъ средства, и то какъ дурныя средства, для приближенія къ цѣли, но что средства не должны быть обращены въ самую цѣль, и что даже, если средства эти укореняются въ странѣ, то они въ концѣ концовъ обратятся противъ желанной цѣли, такъ какъ система милитаризма и произволъ вовсе не созданы для того, чтобы укрѣплять подъ собою единство народовъ.

Два-три года нужно было для того, чтобы эта истина, какъ ни проста она, проникла въ общественное сознаніе, чтобы прошелъ жаръ

увлеченіи, и чтобы въ обществѣ почувствовалась наконецъ реакція противъ всемогущества побѣдителей при Садовой. Теперь только кажется наступаетъ пора народнаго отрезвленія, и политическій смыслъ націи подсказываетъ ей, что пора положить предѣлъ полновластію правительства и его гордаго министра, что пора снова взять свою часть въ дѣлѣ правленія. Увлеченіе продолжалось до тѣхъ поръ, пока всѣ видѣли только одно: пройденный путь и достигнутые результаты, пока всѣ ждали и надѣялись, что власть, въ пользу которой нація отказалась отъ своихъ политическихъ правъ, также легко сѹмѣетъ закончить дѣло нѣмецкаго единства, какъ легко, казалось, она сдѣлала къ нему значительный шагъ впередъ. вмѣсто оправданія своихъ ожиданій, что же на самомъ дѣлѣ увидѣла нація? Идея нѣмецкаго единства съ 1866 года не только не сдѣлала рѣшительнаго шага впередъ, но скорѣе даже можно сказать, что она почувствовала себя какъ то болѣе робкою и нѣсколько попятилась назадъ. Строго говоря, иначе оно и быть не могло. Путь, которымъ прусская политика желала осуществить дорожную для нѣмцевъ мечту германскаго единства, путь, которымъ она, правда, и достигла значительныхъ результатовъ, былъ тѣмъ не менѣе путемъ ложнымъ, опаснымъ, способнымъ довести до весьма важныхъ затрудненій, которыя съ каждымъ днемъ должны увеличиваться. Единственное средство для дѣйствительнаго торжества прусской политики, единственное средство, чтобы закрѣпить за собою выгоды войны 1866 года и заставить позабыть рядъ насилій, захватовъ, деспотическихъ мѣръ, было — вооружиться тотчасъ послѣ окончанія военной кампаніи самою широкою свободою, и только ею подчинить себѣ присоединенныя земли и заставить позабыть ихъ о старыхъ порядкахъ. Только водвореніе истиннаго, свободнаго и представительнаго правленія въ сѣверо-германской федераціи могло заставить южную Германію пожелать скорѣйшаго соединенія съ сѣверомъ. Такова ли на самомъ дѣлѣ была политика правительства и графа Бисмарка? Вовсе нѣтъ. Прежде всего политика ихъ, вмѣсто того, чтобы быть въ полномъ смыслѣ слова германскою, была чисто прусскою; и въ то время, когда нація, отправляясь проливать свою кровь, въ самомъ дѣлѣ думала о германскомъ единствѣ, прусскіе политики думали только объ увеличеніи Пруссіи. Интересы династическіе торжествовали надъ интересами народными, и потому торжество это не могло быть прочно. Политика, имѣвшая во главѣ деспотическое правительство и не менѣе деспотическаго по своему характеру Бисмарка должна была въ концѣ концовъ вызвать раздраженіе, сопротивленіе и, главное, недовѣріе. Очарованіе, распространенное Бисмаркомъ, могло продолжаться только подъ однимъ условіемъ, — идти впередъ и впередъ по пути германскаго единства, ради котораго нѣмцы съ охотою жертвуютъ своею политическою свободою. Но лишь

только онъ вынужденъ былъ остановиться въ расширеніи Пруссіи, которое въ своемъ конечномъ результатѣ обратится все-таки на пользу этого единства, остановиться подъ угрозой внѣшнихъ столкновеній и можетъ быть гибельной для его дѣли войны, тогда тотчасъ всѣ эти чувства раздраженія и недовольства должны были выйти наружу.

Не говоря уже о присоединенныхъ провинціяхъ, гдѣ недовольство и раздраженіе должно сильно беспокоить прусское правительство, недовѣріе закралось въ сердца даже горячихъ сторонниковъ полномочнаго министра, и это недовѣріе выразилось въ послѣднюю сессію федеральнаго парламента по поводу преній о новыхъ налогахъ. Отказъ въ требуемыхъ средствахъ тѣмъ болѣе долженъ былъ удивить графа Бисмарка, что это было первое пораженіе со времени его триумфальнаго шествія въ Берлинъ, послѣ кампаніи 1866 года. Его лучезарная звѣзда какъ бы внезапно померкла въ то самое время, когда тусклая звѣзда дѣлаго народа одинаково внезапно получила новый блескъ. Недовольство, обнаружившееся въ парламентѣ, можетъ быть должно служить ручательствомъ, что народъ снова обратится къ своимъ правамъ и лишитъ прусское правительство возможности дѣйствовать произвольно; это, безъ сомнѣнія, было бы выгодно не только для одной Пруссіи, но и для дѣла германскаго единства, которому если и суждено осуществиться, то не иначе какъ посредствомъ свободы и мирнаго развитія этой идеи. Идея эта, давно коренящаяся въ народѣ, до сихъ поръ была употреблена только какъ орудіе для возвышенія прусскаго могущества и для выгодъ Гогенцолернской династіи, выгоды же нѣмецкой націи оставались на заднемъ планѣ. Должна была наступить пора, когда подобное злоупотребленіе «великой идеи» должно было обнаружиться, выясниться въ общественномъ сознаніи и тогда, вмѣсто увлеченія и преклоненія передъ узкою политикою прусскаго министра, наступитъ недовѣріе и боязнь слѣдовать по проложенному имъ пути. Наступила ли эта минута для Пруссіи или нѣтъ, мы не беремся утверждать; покажѣтъ очевидно только одно, что въ общественномъ мнѣніи происходитъ поворотъ, и поворотъ этотъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть выгоденъ для прусскаго правительства, которое до сихъ поръ источникъ всей власти видитъ въ «божественномъ» правѣ. Первое пораженіе въ федеральномъ парламентѣ должно было прозвезсти тѣмъ болѣе впечатлѣніе, что старая борьба между парламентомъ и правительствомъ была давно забыта, и то всеобщее колѣнопреклоненіе, которое было результатомъ Садовы, дало увѣренность побѣдителямъ, что внутри страны они никогда болѣе не встрѣтятъ сопротивленія. Быть можетъ, и безъ сомнѣнія многое говорить за такое предположеніе, что именно вслѣдствіе этого пораженія графъ Бисмаркъ рѣшился удалиться отъ дѣлъ, отказаться отъ званія министра-президента прусскаго кабинета и со-

манить за собою одно только званіе федеральнаго канцлера. Конечно, только сильный политическій круговоротъ, въ которомъ находилась въ послѣднее время Европа, можетъ объяснить, что на это мѣненіе полновластнаго прусскаго министра не было обращено достаточно вниманія, что удаленіе это совершилось какъ то глухо, въ тиши. Удаленіе графа Бисмарка, хотя можетъ быть и кратковременно съ политической сцены, рѣшимость оставить прусское министерство, составляетъ какъ бы новый фазисъ въ его карьерѣ, и во всякомъ случаѣ минута эта какъ нельзя болѣе удобна, чтобы заняться ою интересною личностью, прослѣдить жизнь и дѣятельность этого государственнаго человѣка, который, какъ бы разныя ни судили его, имѣетъ крупное мѣсто въ исторіи Германіи. Болѣе близкое знакомство съ этою оригинальною фигурою представляетъ тѣмъ болѣе интереса, что, знакомясь съ нимъ, мы неизбежно, хотя и въ крупныхъ очертаніяхъ, знакомимся съ исторіею борьбы за гегемонію въ Германіи между Пруссіею и Австріею и рядомъ съ этимъ съ исторіею идеями германскаго единства. Но чтобы хорошо понять дѣятельность этого человѣка, чтобы опредѣлить насколько велика его собственная инициатива въ дѣлѣ возведенія Пруссіи на счетъ Австріи и въ дѣлѣ нѣмецкаго единства, знамя котораго онъ не разъ подымалъ высоко въ своихъ рѣчахъ, объясняя этою дорогою для нѣмцевъ идеею свои дѣянія и поступки, нужно посмотреть, въ какомъ положеніи находилась Австрія и Пруссія и на чемъ остановилась, на какомъ осознанномъ фактѣ, идея нѣмецкаго единства до появленія Бисмарка историческую сцену.

Событія, которыхъ весь міръ былъ свидѣтелемъ три года назадъ, событія, которыя измѣнили взаимныя положенія европейскихъ державъ, являются довольно глубоко въ исторіи Германіи, и ихъ никогда не забыть безъ того, чтобы не обернуться назадъ, по крайней мѣрѣ лѣтъ сто или восемьдесятъ. Безъ сомнѣнія, какъ бы ни былъ развитъ историческій смыслъ у одного изъ лучшихъ нѣмецкихъ историковъ, прихв. Зибеля, тѣмъ не менѣе онъ никогда бы не могъ такъ вѣрно речествовать въ 61 году то, что случилось только въ 66 г., еслибы шедшее не руководило его въ созерцаніи будущаго. «Также вѣрно, какъ Зибель въ ту пору, какъ-то, что рѣки текутъ къ морю, въ мавин образуется, рядомъ съ Австріею, болѣе или менѣе узкая фелція подъ управленіемъ Пруссіи. Чтобы достигнуть этого, прибѣгнуть ко всевозможнымъ средствамъ, къ убѣжденію, къ дипломатіи и къ силѣ, въ случаѣ сопротивленія, къ войнѣ». Нельзя было предсказывать это удачно, событія подтвердили слова историка буква въ букву. Такое предсказаніе основывалось на двухъ фактахъ, которыя проходятъ червою линіею концевъ XVIII ст. и чрезъ все XIX ст. Одинъ изъ этихъ фактовъ, страсть къ единству, порывистое увлеченіе этою идеею, которая

ясно выразилась, правда, только въ началѣ нашего столѣтія, когда война противъ Наполеона, знаменитая Befreiungskrieg пробудила нѣмецкій народъ къ новой жизни, къ новымъ понятіямъ. Другой фактъ— это вѣковая борьба между Австрією и Пруссією, которая получила совершенно ясный смыслъ только при Фридрихѣ II, чертившемъ программу своей политики, программу увеличенія Пруссіи очень близкую съ тою, которую выполнялъ графъ Бисмаркъ.

Фридрихъ II нисколько не скрывалъ своего желанія расширить прусское государство, унижить Австрію, безъ того однако, чтобы идея національнаго единства коренилась въ его головѣ. Онъ боролся, воевалъ ради своихъ династическихъ интересовъ, а объ интересахъ нѣмецкаго народа онъ собственно мало и думалъ, отчасти по той причинѣ, что онъ не любилъ нѣмецкаго языка, не возлагалъ очень блестящихъ надеждъ на своихъ соотечественниковъ и питалъ только обожаніе къ французской націи, несмотря на то, что съ французскимъ правительствомъ онъ также не очень стѣснялся. Ему нужно было расширить наслѣдіе своихъ отцовъ, ему хотѣлось имѣть преобладающее вліяніе въ Германіи, однимъ словомъ ему нужно было, какъ понадобилось это и графу Бисмарку, перенести центръ тяготѣнія всѣхъ мелкихъ нѣмецкихъ государствъ изъ Вѣны въ Берлинъ. Въ виду этой «необходимости», онъ велъ съ Австрією четыре ожесточенныя войны, результаты которыхъ было значительное округленіе владѣній Фридриха II. Антагонизмъ между двумя государствами, или можетъ быть вѣрнѣе между двумя дворами, росъ не по днямъ, а по часамъ. Въ интригахъ, которыя связываются съ раздѣломъ Польши, вражда достигла самыхъ крайнихъ размѣровъ. Въ началѣ семилѣтней войны одинъ изъ самыхъ приближенныхъ людей Фридриха II, генералъ Винтерфельдъ давалъ прямой совѣтъ: «завоевать всю Германію и дать ей силу опоры противъ чужестранцевъ, соединивъ ее въ одно государство». У стремленій націи тогда разумѣется не было и помину, до нея никому не было дѣла, ее никто и не думалъ спрашивать, чего она хочетъ или не хочетъ. Если форма обращенія графа Бисмарка съ ероднымъ мнѣніемъ нѣсколько и разнится отъ формы обращенія въ XVIII столѣтіи въ Пруссіи, то традиціи все-таки такъ сильны, что часто полновластному министру удавалось забывать, что Германія XIX ст. нѣсколько другая, чѣмъ Германія XVIII ст. При этомъ конечно самое грустное то, что эта забывчивость не только сходила ему съ рукъ, но увѣнчивалась успѣхомъ. Сходство, впрочемъ между Фридрихомъ II и его совѣтниками и Вильгельмомъ и его министромъ заключается не только въ нѣсколько презрительномъ отношеніи къ народу, но и въ самомъ планѣ дѣйствій. Такъ, генералъ Винтерфельдъ не только объявлялъ во всеуслышаніе, что въ теченіи жизни чѣмъ двухъ лѣтъ все старое устройство будетъ разрушено и въ

ронѣ нѣмецкихъ цезарей воссядетъ Фридрихъ II, но также и то, какъ должна быть ведена война. Проникнуть въ Венгрію, сдѣлать юзваніе къ недовольнымъ, этотъ планъ Бисмарка во время кампаніи 16 года, когда велись переговоры съ венгерскими генералами Клаузой и Кошутомъ, все это дѣликомъ заимствовано у совѣтника Фридриха II. Какъ король Вильгельмъ I предлагалъ нѣмецкимъ князьямъ стронть плотную конфедерацію, подѣ верховнымъ господствомъ прусскаго величества, такъ точно и Фридрихъ II желалъ ввести подобное федеративное начало, разумѣется съ одною дѣлію усиленія прусскаго гогущества. «Нужно заставить понять этихъ людей (онъ говоритъ про нѣмецкихъ князей), что они могутъ рассчитывать на нашу помощь, а го ихъ собственный интересъ дѣлаеть такое учрежденіе необходимымъ; во всякомъ случаѣ не нужно сидѣть сложа руки. Никогда «эти оди» не сдѣлають ничего по своей собственной иниціативѣ. Куйте елѣзо пока горячо и какъ можно скорѣе». Преимущество Фридриха II предѣ нынѣшнимъ правительствомъ заключается только въ томъ, что гь, какъ человекъ развитой, менѣе вѣровалъ въ божественное происхождение своей власти, менѣе толковалъ о немъ, и потому презрительное обращеніе съ владѣтельными князьями было въ немъ несравненно тественнѣе чѣмъ у настоящаго правительства. Какъ теперь германое единство встрѣчаетъ себѣ сопротивленіе въ европейской дипломатіи, такъ точно и тогда проектируемая Фридрихомъ федерація встрѣла отпоръ въ иностранныхъ державахъ, и Франція тогда, какъ и перь, главнымъ образомъ не допускала осуществиться желанію Фридриха II. «Французскій дворъ, писалъ парижскій посланникъ баронъ мльдъ (нынѣ посланникомъ былъ графъ Гольцъ), въ мартѣ 1785 г., французскій дворъ вовсе не отнесется сочувственно къ такой ассоаціи, предпочитая удерживать князей южной Германіи въ своей ключительной зависимости». Безъ сомнѣнія, графъ Бисмаркъ не умѣлъ бы отвѣтить лучше на такое заявленіе, чѣмъ отвѣтилъ Фридрихъ II, говоря: «одобрить Франція или не одобрить союзъ жду нѣмецкими князьями, въ сущности намъ это рѣшительно е равно. Идея эта хороша сама по себѣ, и это главное, на б нужно обращать вниманіе. Мнѣ кажется, что мы не должны гть слугами ни французовъ, ни австрійцевъ, ни русскихъ». Лѣтомъ 85 года союзъ между нѣмецкими князьями и Фридрихомъ II былъ ключень, нѣкоторые изъ нихъ прямо вошли въ эту федерацію, съ угими онъ заключалъ, какъ сдѣлано было въ 1866 году, военныя пвенціи, въ силу которыхъ войска этихъ владѣтельныхъ князей на учай войны поступали подѣ начальство прусскаго короля, т. е. при- единялись къ его арміи и содержались на его счетъ. Но какъ этотъ юзъ, эта федерація была только федераціею князей безѣ участія и зъ воли народа, то поѣтому она и не могла быть прочна. Сала ны-

нѣшней федераціи только и заключается въ томъ, что это новое политическое устройство отвѣчаетъ стремленіямъ народа и какъ бы осуществляетъ его мечту, его идею; и если бы для нынѣшней федераціи наступилъ когда-нибудь опасный кризисъ, то только благодаря тому, что въ эту федерацію были введены нѣкоторыя части нѣмецкаго народа, помимо ихъ воли, помимо ихъ желанія, введены были путемъ завоеваній и насилій. Въ 1785 г., дѣло было совершенно иначе; тогда, собственно говоря, не было и сопротивленія народа, потому что не было и народа, т. е. у него не было ни своей воли, ни своихъ правъ, ни своихъ требованій и стремленій, народъ былъ только послушнымъ орудіемъ. Понятное дѣло, что федерація Фридриха II, лишняя живого духа, который можетъ быть только когда политическое устройство отвѣчаетъ народнымъ стремленіямъ, не закрѣпленная, какъ теперь, сильною идеею германскаго единства, должна была рушиться какъ только исчезъ человекъ, личною волею котораго она была установлена. Въ союзъ 1785 г. не было своей собственной внутренней силы и потому она пала, какъ только смерть унесла съ исторической сцены Фридриха II, что случилось на слѣдующій годъ существованія этого союза.

Наслѣдники Фридриха II не могли, не имѣли силы продолжать дѣло его рукъ. Одна бездарность слѣдовала за другою, и по выраженію одного изъ біографовъ Бисмарка, Бамбергера, со времени смерти Фридриха II только и видно было, какъ «слабые умы смѣняются узкими умами». Всѣ они дѣлаются какими-то яркими представителями абсолютизма, признавая для себя только одни законы, конечно не писанные, божественнаго права. У преемниковъ Фридриха II не только не было воли, рѣшимости, способности продолжать его дѣло, но не было даже желанія; они всего боялись и виѣсть хотѣли, чтобы всѣ боялись ихъ. Въ трудную минуту для нѣмецкаго народа, когда началась война съ Франціею, на прусскомъ престолѣ сидѣлъ человекъ, лишенный всякаго характера, всякой способности, Фридрихъ-Вильгельмъ III, который при другихъ свойствахъ легко могъ бы выполнить программу Фридриха II. Виѣсто того, онъ счумѣлъ только самымъ неблагоприятнымъ образомъ поступить съ нѣмецкимъ народомъ, который, въ награду за пролитую имъ кровь для избавленія отечества отъ иностраннаго ига, получилъ въ награду самый возмутительный деспотизмъ и рядъ дикихъ преслѣдованій, направленныхъ противъ тѣхъ свѣжихъ общественныхъ элементовъ, которые болѣе другихъ содѣйствовали освобожденію народа. Впрочемъ, какъ нѣтъ худа безъ добра, такъ и тутъ вторженіе Наполеона, цѣлымъ рѣзкомъ пролитой крови, отчаянная борьба, окончившаяся въ результатѣ священнымъ союзомъ, который не былъ особеннымъ счастьемъ для нѣмецкой націи, все это имѣло свою хорошую, даже благодѣтельную сторону, какъ ни странно это на первый взглядъ

смотря на то, что въ концѣ XVIII столѣтія наступилъ въ Германіи какъ бы золотой вѣкъ литературы, несмотря на то, что имена Ксипта, Гете и Шаллера, какъ крупныя свѣтила озарили своимъ свѣтомъ всю Германію, и своими общими для всѣхъ нѣмцевъ произведеніями положили первый камень, и самый прочный, нѣмецкаго единства, хотя они и не были поэтами національными, а гораздо скорѣе представителями общихъ гуманныхъ началъ, несмотря на этотъ литературный блескъ Германіи конца XVIII столѣтія, народъ все-таки былъ погруженъ въ тупое оцѣпенѣніе, въ которомъ его держала политическая власть стараго порядка, всюду почти потрясеннаго французскою революціею. Ненависть къ игу Наполеона и оскорбленіе и униженіе, причиненныя его побѣдами вывели нѣмецкій народъ изъ его оцѣпенѣнія и пробудили въ немъ чувство собственнаго достоинства. Сраженія противъ Наполеона можно было только тѣми орудіями, которыми самъ употреблялъ — что было понято замѣчательнымъ государственнымъ человѣкомъ того времени Штейномъ, который тогда провозгласилъ необходимость создать нѣмецкое отечество, т. е. осуществить идею германскаго единства, которая только-что пустила свое зерно. Штейнъ вооружается орудіемъ революціи и освобождаетъ народъ. Устроенный тогда «Tugendbund» соединяетъ нѣмцевъ всей Германіи, возбуждаетъ въ нихъ ненависть къ чужеземному господству, возбуждаетъ ихъ патріотизмъ и воспламеняетъ ихъ для борьбы общаго отечества. Тогда тѣ самые принципы, которые проплатаны были французскою революціею, идеи свободы и равенства, жившія душу въ безжизненное тѣло Германіи, обращаются противъ Франціи, и народъ, вдохновляемый пѣснями Кернера, этими небными марсельезами, идетъ отражать несмѣтныя полчища Наполеона. Вторженіе этого вонтеля было благотѣльно для Германіи, потому что оно пробудило къ жизни находившійся въ летаргическомъ состояніи народъ; эта минута зарождаетъ идею нѣмецкаго единства, которая, въ сущности, неповинна въ томъ, что породила столько потрясеній. Идея эта, явившаяся какъ результатъ войны за освобожденіе, въ своемъ основаніи либеральна и рано или поздно должна была освободить Германію отъ притязаній Гогенцолерновъ, какъ освободила отъ деспотизма Габсбурговъ, принудивъ ихъ вступить въ свободныхъ правительствъ.

Въ то время, когда нѣмецкій народъ дрался за свое освобожденіе, въ то время, когда общая опасность пробудила въ немъ первое чувство патріотизма и сознаніе своего единства, нѣмецкіе князья, съ кимъ королемъ во главѣ, преклонялись передъ Наполеономъ и изъ него принимали повышенія въ чинахъ: одинъ изъ ландграфа дѣлался герцогомъ, другой изъ герцога великимъ герцогомъ, третій назывался проползалъ въ короли. Таковы были интересы этихъ прави-

телей народовъ. Если при этомъ общемъ повышеніи въ чинѣ однихъ прусскій король остался при своемъ, и не былъ произведенъ въ германскіе императоры, то вовсе не потому, чтобы Наполеонъ не желалъ даровать ему этого титула или чтобы Фридрихъ-Вильгельмъ III не хотѣлъ его принять. Совсѣмъ нѣтъ; если король Фридрихъ-Вильгельмъ не сдѣлался императоромъ, то только потому, что его слабая натура не посмѣла рѣшиться даже на этотъ шагъ; голова его была слишкомъ закружена всякими династическими и другими подобными началами, чтобы отважиться на какую-нибудь энергическую мѣру, хотя для того, чтобы стать во главѣ Германіи съ дозволенія, даже по приглашенію Наполеона, и не требовалось особенной энергіи. Безъ всякаго сомнѣнія, обладавъ Фридрихъ-Вильгельмъ III энергическою волею, будь у него сколько-нибудь развитъ духъ инициативы, тогда бы, при томъ настроеніи нѣмецкаго народа, при томъ пробужденномъ и сильно сказавшемся тогда чувствѣ единства, чувствѣ, котораго такъ не доставало еще недавно Фридриху II, и ему не было бы ничего легче какъ совершить, и совершить безъ насилія, то, что было сдѣлано три года назадъ королемъ Вильгельмомъ и графомъ Бисмаркомъ, и можетъ быть даже въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Въ 1804 году, Наполеонъ, желая провозгласить во Франціи наследственную имперію, сообщилъ о своихъ намѣреніяхъ Фридриху-Вильгельму, предлагая ему послѣдовать его примѣру и возложить на себя императорскую корону. Фридрихъ-Вильгельмъ, выражая первому консулу свое живѣйшее сочувствіе и уговаривая его не откладывать своего намѣренія, выражался вмѣстѣ съ тѣмъ относительно себя, что онъ доволенъ своею судьбою, и желалъ только сохранить то положеніе, въ которое Провидѣніе поставило его царственный домъ. Трусость и осерсеніе стать въ какое бы то ни было отношеніе, даже косвенное, съ революціонными началами, заставило его отклонить предложенія Наполеона какъ теперь, такъ и позже, въ 1806 году, когда провозглашена была рейнская конфедерація, и когда Фридриху-Вильгельму III снова предлагали встать во главѣ федераціи и облечься въ императорскую мантию, однимъ словомъ, предлагали то, къ чему такъ стремился рѣшительный Фридрихъ II. «Король, отвѣчалъ прусскій министръ на сообщеніе Талейрана, въ восторгѣ; онъ смотритъ на себя не только какъ на союзника Франціи, но какъ на личнаго друга императора Наполеона», но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ еще разъ отказывался отъ предложенія стать во главѣ Германіи. Во всемъ этомъ поведеніи видна какая-то робость, униженіе передъ Наполеономъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и ненависть къ нему, которая привела къ войнѣ между Франціею и Пруссіею, въ которой Пруссія потерпѣла страшное пораженіе. Въ какомъ отчаяніи ни повергла битва при Іенѣ нѣмецкую націю, во она только не могла задушить того патриотическаго чувства, которое при

дѣлось въ Германіи, и сдѣлала его какъ бы еще болѣе закаленнымъ. Чувство это никогда не должно было больше умереть, съ теченіемъ времени оно получило только болѣе яркую и выдержанность.

Это патріотическое чувство, вызванное вторженіемъ Наполеона, и идея нѣмецкаго единства, зародившаяся во время борьбы съ нашествіемъ французовъ, не только сама по себѣ не имѣетъ ничего апатичнаго, но, напротивъ того, какъ всякое дѣйствительное требованіе націи, сохраняетъ право на самое широкое сочувствіе. Но идея нѣмецкаго единства, такъ какъ она понимается цѣлою націею, или по крайней мѣрѣ ея лучшими представителями, есть вовсе не то, что дѣйствительно понимаютъ прусскіе монархи и ихъ министры. Одни видятъ въ ней такой союзъ нѣмецкаго народа, въ основаніи котораго жала бы самая полная свобода; другіе не хотятъ признавать въ ней ничего другого, какъ стремленіе создать большую военную державу, которая была бы страшилищемъ цѣлой Европы. Поэтому не трудно понять, что если идея, такъ какъ она понимается истинными нѣмецкими патріотами, заслуживаетъ полнаго сочувствія, то второй видъ ея долженъ естественно отталкивать отъ себя и возбуждать чувство глубокой антипатіи. Что это различіе въ пониманіи идеи нѣмецкаго единства не есть вымышленное, въ этомъ ручается историческое благо протекшаго столѣтія. Каждый разъ, что стремленіе осуществить эту идею шло изъ самой націи, каждый разъ это стремленіе находило себѣ ярое сопротивленіе и вражду, выходившую отъ цѣлхъ же нѣмецкихъ правительствъ. Оно и естественно. Когда сама нація желала осуществить эту идею, то она видѣла въ ея осуществленіи задатокъ такого прочнаго политическаго устройства народа, которое съ успѣхомъ могло бы отразить не только внѣшнее нападеніе непріятеля, но и другое нападеніе, болѣе опасное, потому что оно касалось болѣе глубокихъ корней и превращается какъ бы въ нормальное состояніе, нападеніе деспотической власти. Осуществить идею нѣмецкаго единства для истинно либеральной партіи въ Германіи значило дать Германіи такое федеративное устройство, которое въ основаніи своемъ имѣло бы прочную и широкую политическую свободу, и стремленіе освободить себя отъ всѣхъ мелкихъ тирановъ во всемъ было направлено на то, чтобы замѣнить нѣсколькихъ мелкихъ тирановъ однимъ крупнымъ. Если послѣдніе событія въ Германіи, происшедшія между значительной частью населенія передъ гордыми побѣдами, которые руководились въ своихъ дѣйствіяхъ произволомъ, и которые бы опровергали это положеніе, то опроверженіе это кажущееся, но въ сущности остается фактомъ и его нельзя оспаривать, но только тогда получаетъ смыслъ, когда ясна становится его причина. Если значительная часть нѣмцевъ преклонилась передъ

успѣхомъ короля и его министра, то отчасти оттого, что одни, въ нетерпѣннн видѣть скорѣйшее осуществленіе дорогой идеи, повѣрили увѣреніямъ прусскаго правительства, что дѣло идетъ вовсе не о династическихъ интересахъ, а объ общемъ благѣ Германіи, отчасти оттого, что другіе, думая, что съ однимъ легче справиться чѣмъ со многими, надѣялись, и съ большимъ основаніемъ, скоро отнять у прусскаго короля ту власть, которую онъ самъ отнялъ у другихъ нѣмецкихъ владѣтелей. Правительство и народъ стали въ противорѣчіе: одно думало воспользоваться идеею національнаго единства, ради своихъ династическихъ интересовъ, въ то время, какъ народъ думалъ воспользоваться династическими интересами Гогенцоллерновъ для осуществленія идеи нѣмецкаго единства. Фактъ же остается тотъ, что самое осуществленіе этой идеи неизбѣжно идетъ въ разрѣзъ съ узкими династическими интересами, и это какъ нельзя лучше всегда понималось всѣми нѣмецкими правительствами.

Какъ ни недалководиденъ былъ Фридрихъ-Вильгельмъ III, но и онъ понялъ, что движеніе, вызванное этою идеею, и воодушевившее нѣмцевъ въ славной войнѣ за освобожденіе, могло обратиться противъ него, и потому, бросившись въ священный союзъ, старался рѣшительной реакціе задупить пробудившееся въ народѣ, благодаря вторженію Наполеона, живое чувство національнаго единства. Но 1813 годъ какъ бы освятилъ это чувство, укрѣпилъ его въ народѣ и съ тѣхъ поръ оно продолжаетъ расти. Напрасно душила его реакція, напрасно Меттернихъ боролся съ нимъ, нѣмецкая молодежь, какъ священный огонь, продолжала хранить его въ своихъ сердцахъ. Оно слывалось съ новою силою при каждомъ удобномъ случаѣ. Вступленіе на престолъ сына Фридриха-Вильгельма III—Фридриха-Вильгельма IV снова пробудило старыя надежды, и сильное движеніе распространилось по Германіи. Чувство національнаго единства, потребность свободы громко выразились на франкфуртскомъ парламентѣ 1848 г., который предложилъ Фридриху-Вильгельму IV, разгудивавшему тогда съ трехцвѣтнымъ знаменемъ по улицамъ Берлина, императорскую корону. Фридрихъ-Вильгельмъ IV, хотя обѣщалъ быть «нѣмецкимъ королемъ», но не рѣшался открыто принять императорскую корону, опасаясь и не довѣряя народному движенію. Не смѣя прямо противиться народнымъ требованіямъ, онъ оставлялъ народъ привѣтствовать себя какъ императора Германіи, но лишь только реакція вставала надъ революціею, лишь только она была подавлена, какъ, испуганный даромъ революціи, онъ отбрасываетъ императорскую корону изъ боязни войны съ Австріею, и еще болѣе конечно оттого, что онъ чувствовалъ непрочность вѣнка, возлагаемаго на голову свободнымъ народнымъ движеніемъ.

Но отказываясь отъ короны, предложенной ему національнымъ се-

браніемъ во Франкфуртѣ, онъ не отказывался все-таки удовлетворить до нѣкоторой степени чувству единства, отнимая у него только всякій революціонный характеръ. Онъ рѣшился привести въ исполненіе мысль умѣренныхъ депутатовъ франкфуртскаго парламента, которые желали, чтобы Пруссія подчинила своему вліянію маленькія нѣмецкія государства, поставила ихъ въ вассальное къ себѣ отношеніе, считая подобное устройство уже за значительный шагъ къ осуществленію идеи германскаго единства. На франкфуртскомъ парламентѣ происходила борьба между тремя партіями, изъ которыхъ одна, именно партія Grossdeutsch, желала, чтобы всѣ нѣмецкія земли, не исключая и австрійскихъ владѣній, составили одно большое государство съ императоромъ во главѣ, другая партія, Kleindeutsch, стремилась доставить гегемонію Пруссіи, къ которой должны были пристать плотно всѣ нѣмецкія земли, за исключеніемъ Австріи, что прямо противорѣчило широкой идеѣ единства всѣхъ нѣмцевъ, и наконецъ третья партія, тоже многочисленная, партія антимо-нархистовъ, во главѣ которой стояли Гекеръ и Струве. Партія эта домогалась федеративнаго устройства на подобіе Сѣверо-американскихъ Штатовъ, т. е. уничтоженія наслѣдственной монархіи и замѣщенія ея свободно избираемымъ парламентомъ съ временнымъ президентомъ. Если эта послѣдняя партія была глубоко антипатична королю Фридриху-Вильгельму IV, что впрочемъ и не требуетъ объясненій, то программа первой партіи, т. е. Grossdeutsch, тоже не могла ему улыбаться, такъ какъ вліяніе Австріи никогда бы не допустило Пруссіи до преобладающей роли, къ которой она стремится уже такъ давно. Программа партіи Kleindeutsch болѣе всего подходила ему, и нѣтъ сомнѣній, что онъ могъ бы ее осуществить, если бы не устрашилъ войны съ Австріею и еще болѣе помощи революціи, которая наводила на него ужасъ. Фридрихъ-Вильгельмъ IV пытался осуществить эту программу при помощи своего талантливаго министра, генерала Радовица мирными средствами, т. е. не принимая помощи революціи и одинаково избѣгая ссоры съ Австріею. Съ этою дѣлюю онъ созвалъ парламентъ въ Эрфуртѣ въ 1849 г., парламентъ, на которомъ должно было начаться осуществленіе программы партіи Kleindeutsch, но Австрія, которая только что вышла побѣдительницею, при чужой помощи, изъ своей борьбы съ Венгіею и Италіею, борьбы славной для побѣжденныхъ, быстро повернула дѣло, разрушила планы Фридриха-Вильгельма, оторвала отъ союза съ Пруссіею Саксонію и Ганноверъ, успокоила испуганныхъ маленькихъ нѣмецкихъ князей и такимъ образомъ принудила какъ можно поскорѣе распустить созванный въ Эрфуртѣ парламентъ. Это было полное фіаско для Фридриха-Вильгельма IV, но впереди его ждали еще болѣе черные дни, какъ бы въ

наказаніе за то, что онъ измѣнилъ своимъ обѣщаніямъ, обманулъ народное движеніе.

Во главѣ австрійскихъ дѣлъ стоялъ человекъ, какъ нельзя болѣе рѣшительный, за отсутствіемъ другихъ политическихъ добродѣтелей, обладавшій однимъ достоинствомъ — откровенностью въ своей реакціонной политикѣ, именно князь Шварценбергъ, который открыто высказалъ свою программу относительно Пруссіи. «Чтобы уничтожить Пруссію—произнесъ онъ—нужно ее унижить», и эти слова съ необыкновенною энергіею онъ началъ приводить въ исполненіе. Фридрихъ-Вильгельмъ IV, чтобы удержать за собою теперь его единственную надежду — либеральную партію, поддерживалъ возставшихъ въ Гольштиніи, желавшихъ оторвать Шлезвигъ отъ Даніи, и возставшихъ въ Гессенѣ, которые прогнали своего электора и его ненавистнаго министра Гассенпфуга. Австрія немедленно приняла сторону владѣтельныхъ князей и потребовала вездѣ возстановленія «порядка». Князь Шварценбергъ, желавшій прежде всего униженія Пруссіи, обратился къ Фридриху-Вильгельму IV съ надменнымъ требованіемъ вывести войска изъ Гольштиніи и Гессена. Фридрихъ-Вильгельмъ, оставленный всѣми нѣмецкими князьями, находился въ крайней нерѣшительности, и только уступая совѣтамъ Радовица, онъ неохотно далъ свое согласіе на сопротивленіе. Все было готово къ войнѣ, аванпосты обѣялись уже нѣсколькими ружейными выстрѣлами, но въ самую послѣднюю минуту Фридрихъ-Вильгельмъ испугался борьбы и уступилъ. Шварценбергъ торжествовалъ, и новый министръ Фридриха-Вильгельма, смѣнившій Радовица, баронъ Мантейфель, отправился въ Ольмюцъ, гдѣ было подписано торжественное подчиненіе короля прусскаго волю императора австрійскаго. Для того, чтобы еще болѣе унижить Пруссію, Шварценбергъ обнародовалъ родъ манифеста, въ которомъ презрительно говорилъ о попыткахъ Фридриха-Вильгельма установить новый порядокъ вещей и съ достоинствомъ возвѣщалъ, что «порядокъ» возстановленъ въ Германіи, или иными словами: старый, обезсиленный германскій сеймъ снова открытъ подъ предсѣдательствомъ Австріи. Вся борьба, значить, не привела ровно ни къ чему, положеніе дѣлъ въ Германіи осталось въ томъ положеніи, которое создано было въ 1815 году волею священнаго союза. Актъ подчиненія и повинненія, подписанный въ Ольмюцѣ, былъ глубокимъ оскорбленіемъ для наслѣдниковъ Фридриха II и для его военной монархіи, которая съ того времени не переставала жаждать мщенія. Австрія торжествовала, она не видѣла уже предѣловъ своего всемогущества, реакція съ болѣею чѣмъ когда-нибудь силою могла, казалось, безнаказанно въ ней владычествовать. Торжество реакціонной Австріи не должно быть долговременно. Человекъ, который долженъ былъ отомстить ей и унижить старую Австрію, выступилъ уже на историческую сцену, хотя и трудно было во

его первымъ политическимъ шагомъ предугадать въ немъ будущаго закоренѣлаго врага Австріи, врага, который долженъ былъ затмить мрачное униженіе Ольмюца блестящимъ торжествомъ Садовой. Обратимся же теперь къ графу Бисмарку, прослѣдимъ его дѣятельность и взглянемъ, какимъ путемъ повелъ впередъ дѣло германскаго единства этотъ человекъ, одаренный замѣчательно сильною волею.

Графъ Отто Бисмаркъ - Шенгаузенъ родился 1 апрѣля 1815 года, въ помѣстьи Шенгаузенъ. Родъ его принадлежитъ къ одному изъ самыхъ старинныхъ нѣмецкихъ родовъ, которымъ можетъ гордиться теперь Бранденбургія — это сердце прусскаго государства. Нѣсколько вѣковъ уже какъ родъ Бисмарковъ отличается въ военной службѣ, которая всегда находится въ особенномъ почетѣ вездѣ, гдѣ господствуетъ система милитаризма, гдѣ правительство держится не столько любовью народа, сколько штыками своей арміи. Въ Пруссіи военная служба до сихъ поръ еще пользуется особенными преимуществами, военные составляютъ какъ бы особую касту, высоко стоящую надъ всѣми остальными смертными; да и какъ могло бы быть иначе, когда даже такой свободный мыслитель и философъ, какъ Фридрихъ II, этотъ идеалъ всѣхъ прусскихъ королей, и тотъ декретировалъ, что простому лейтенанту арміи всегда должно быть оказываемо преимущество даже передъ королевскими совѣтниками, если только они не служили въ военной службѣ. Военная служба, слѣдовательно, составляетъ какъ бы наслѣдіе прусскаго дворянства, партіи феодаловъ или, какъ называется въ Германіи, юнкерской партіи. Какимъ-то счастливымъ случаемъ молодой Бисмаркъ миновалъ исключительно военной карьеры, и несмотря на то, что отецъ его служилъ въ кавалеріи и былъ шефомъ эскадрона, сына своего онъ предназначилъ для администраціи. Въ виду этого Бисмаркъ сталъ изучать право, административныя науки и успѣлъ перебывать въ нѣсколькихъ университетахъ, главнымъ образомъ въ берлинскомъ и геттингенскомъ. Въ университетахъ, рядомъ съ правомъ, которое онъ изучалъ, онъ изучалъ еще и другую любимую науку нѣмецкихъ студентовъ: пить пиво въ геркулесовскихъ размѣрахъ и драться на дуэли. Бисмаркъ всегда жадно искалъ случая подраться, приобрѣлъ себѣ славу извѣстнаго дуэлиста, и рассказываютъ, что въ парламентѣ многіе изъ его враговъ до 66 г. носили на себѣ слѣды Бисмарковской ловкости. Его высокій ростъ, сильное тѣлосложеніе, постоянно воинственный нравъ какъ бы предопредѣляли его къ военной службѣ, и судя по тому, что до сихъ поръ онъ съ любовью носитъ военный мундиръ, служба эта была бы въ его вкусѣ. Несмотря на свое университетское образованіе, онъ съ жаромъ схватился за понятія и воззрѣнія своихъ праотцевъ, за ихъ политическую религію и скоро сдѣлался самымъ чистокровнымъ типомъ нѣмецкаго «юнкера». Стремительно бросившись въ ряды феодальной партіи, которая для со-

храненія своихъ привилегій твердо поддерживала начало абсолютной королевской власти, Бисмаркъ, какъ только ему представился случай, старался выдвинуть себя впередъ, дѣлаясь необузданнымъ защитникомъ самыхъ ретроградныхъ идей и ведя ярую атаку противъ идей новаго времени, противъ политическаго равенства и конституціонной свободы. Случай представился ему скоро. На созванномъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV, въ 1847 г., собраніи представителей страны, Бисмаркъ явился представителемъ дворянства своего округа, и тутъ на этомъ собраніи въ первый разъ публично заявилъ себя, какъ самый отъявленный реакціонеръ. Онъ объявилъ, что жертвы, которыя принесъ народъ въ 1813 году для отраженія Наполеона, для своего освобожденія и для спасенія трона, не дали ему никакого права требовать себѣ конституціи, что прусскіе короли царствовали не по волѣ народа, а по волѣ Бога, и потому все, что они даруютъ, должно быть принимаемо какъ необыкновенная милость. Такіе біографы-панегиристы графа Бисмарка, какъ George Hesekiel ¹⁾, восторгаются этимъ періодомъ его дѣятельности, хотя періодъ этотъ доказываетъ, по нашему, только одно: бѣдность политическаго развитія Бисмарка въ ту эпоху и совершенное непониманіе ни интересовъ, ни требованій времени. Впрочемъ, не всѣ біографы Бисмарка до такой степени слѣпы къ своему герою и для нѣкоторыхъ изъ нихъ этотъ періодъ его жизни представляется какъ нельзя болѣе грустнымъ; такъ, напр., Бамбергеръ въ своей книгѣ «Monsieur de Bismark» совершенно справедливо замѣчаетъ по поводу его возврѣній того времени, что «невозможно избѣгнуть, чтобы Бисмаркъ 1847 года не вставалъ иногда между Бисмаркомъ нашихъ дней и тѣми, довѣріе которыхъ было бы для него такъ дорого». По поводу этого можно только замѣтить, что если Бисмаркъ и измѣнился въ своихъ мнѣніяхъ, что не можетъ быть подвержено сомнѣнію, то тѣмъ не менѣе сплошь и рядомъ въ его нынѣшнихъ словахъ и поступкахъ рѣзко звучитъ реакціонная нота 1847 г. Во время національнаго движенія, 1848 г., Бисмаркъ былъ совершенно устраненъ отъ общественной дѣятельности, не будучи избранъ ни въ берлинскій, ни въ франкфуртскій парламенты. Удалившись къ себѣ въ помѣстье, онъ въ уединеніи проклиналъ революцію и негодовалъ на униженіе короля во время мартовскихъ дней и на появленіе трехцвѣтнаго знамени. «Единственное средство, чтобы избавиться отъ этого движенія—говаривалъ Бисмаркъ съ пѣною на губахъ—это сжечь всѣ города, эти гнѣзда революціи». Слова эти хорошо рисуютъ его рѣшительный характеръ съ одной стороны, и съ другой мрачность идей и тенденцій феодальной, аристократической партіи. Откуда бы ни выходила либеральная реформа, Бисмаркъ немедленно съ яростью набрасывался на нее. Когда Фридрихъ-

¹⁾ Das Buch vom Grafen Bismark. 1869 г.

Вильгельмъ IV, вынужденный обстоятельствами, далъ конституцію, Бисмаркъ былъ избранъ, въ 49 году, сначала въ прусскую палату; а потомъ и въ неудачный эрфуртскій парламентъ. Бисмаркъ чувствовалъ глубокое отвращеніе къ этимъ уступкамъ, и со всею свойственною ему силой нападалъ на стремленія сблизить короля съ народною партіею. «Это трехцвѣтное знамя—говорилъ онъ, обращаясь къ министрамъ—которымъ вы украшаете наши скамьи, никогда не будетъ монимъ, потому-что это знамя возмущенія и баррикады». Какъ ни затемнена была его голова всевозможными допотопными мѣтніями и воззрѣніями въ видѣ тѣхъ, которыя мы привели для примѣра, Бисмаркъ все таки понималъ, что для успѣшной борьбы съ либеральнымъ движеніемъ нужно заимствовать у враговъ ихъ оружіе, и въ самомъ дѣлѣ, Бисмаркъ, какъ рассказываетъ его льстивый биографъ Hesekei, заводитъ газеты, содѣйствуетъ основанію реакціонныхъ обществъ, Verein'овъ, которыхъ въ то время было такое множество въ Германіи. Не было такого національнаго стремленія, котораго Бисмаркъ не заявлялъ бы себя заклятымъ врагомъ, и при этомъ самое любопытное то, что онъ болѣе всего нападалъ на тѣ именно мѣры, которыя пятнадцать лѣтъ спустя онъ самъ сталъ приводить въ исполненіе съ такою грубою безцеремонностью. Въ то время онъ защищалъ права Даніи и осуждалъ войну въ Шлезвигѣ; въ то время онъ скорбѣлъ, что прусское правительство поддерживаетъ народъ въ Гессенѣ противъ электора и тѣмъ нарушаетъ святость монархическаго принципа; въ то время онъ требовалъ полнаго соглашенія съ Австріею, чтобы вмѣстѣ съ нею вырвать всѣ революціонныя корни; въ то время наконецъ, когда всѣ до глубины души были оскорблены униженіемъ, нанесеннымъ въ Ольмюцѣ Шварценбергомъ, Бисмаркъ какъ нельзя болѣе одобрялъ рѣшимость прусскаго короля уступить Австріи. «Я не понимаю,—говорилъ онъ тогда,—что у Австріи оспариваютъ право именоваться нѣмецкою державою. Развѣ она не наслѣдница старой германской имперіи и развѣ во многихъ случаяхъ она не поддерживала славу нѣмецкаго оружія?» Фанатизмъ его ультра-монархическихъ мѣтній и непримиримая ненависть ко всему, что отзывалось либерализмомъ, понравилась королю и сдѣлали изъ него приближенное къ трону лицо. Король полюбилъ этого молодого еще человѣка, который въ своихъ ретроградныхъ мѣтніяхъ шелъ дальше любого отжившаго уже старика и, разумѣется, не замедлилъ вознаграждать его за подобную преданность. Въ то время, когда реакція начала уже размахивать своими расправленными крыльями, люди, подобные Бисмарку, могли считаться драгоцѣнною находкою, и мѣсто, которое нашелъ ему король, было какъ нельзя болѣе по немъ. Въ 1851 году онъ былъ отправленъ первымъ секретаремъ посольства во Франкфуртъ, гдѣ роль представителя Пруссіи при германскомъ сеймѣ, возстановленномъ Австріею, считалась крайне затруднительною и требо-

вала большой дипломатической тонкости. Бисмарку, как поклоннику и безпрекословному почитателю Австріи, роль эта была, впрочем, легче, чѣмъ кому бы то ни было другому. Рассказываютъ, что король былъ очень удивленъ поспѣшностью, съ которою принялъ Бисмаркъ предложеніе ѣхать во Франкфуртъ, и не удержался, чтобы не указать ему на всю трудность положенія. «Ваше величество, съ самоувѣренностью, которая характеризуетъ его, можетъ испытать меня, отвѣчалъ Бисмаркъ, если дѣло не пойдетъ, то я могу быть черезъ шесть мѣсяцевъ, или даже еще раньше, отозванъ». Дѣло въ самомъ дѣлѣ должно было пойти на ладъ, потому что Австрія не могла даже желать болѣе удобнаго ей представителя, чѣмъ Бисмаркъ, который такимъ образомъ выражалъ свое profession de foi: «я держусь убѣжденій средних вѣковъ, убѣжденій тѣмъ, какъ ихъ называютъ, и всѣ предразсудки я всосалъ вмѣстѣ съ молокомъ матери». Какъ такому человѣку было не распинаться за реакціонную въ то время Австрію, какъ было не хвататься ему за нее, какъ за якорь спасенія. Вскорѣ по пріѣздѣ во Франкфуртъ онъ былъ, изъ перваго секретаря, сдѣланъ посланникомъ, должность, которую онъ занималъ впродолженіи восьми лѣтъ, т. е. до 1859 г. По пріѣздѣ во Франкфуртъ онъ немедленно сдѣлалъ визитъ недалеко отсюда жившему Меллерниху, политику котораго онъ долженъ былъ нанести скоро такой тяжелый ударъ.

Пріѣхавъ во Франкфуртъ съ самымъ полнымъ, безграничнымъ уваженіемъ къ Австріи и съ ненавистью къ національному движенію, онъ уѣхалъ отсюда съ злобою и ненавистью къ Австріи и съ рѣшимостию по крайней мѣрѣ воспользоваться стремленіемъ къ единству для достиженія своей цѣли: возвеличенію Пруссіи въ ущербъ Австріи. Какимъ образомъ совершился этотъ переворотъ въ приверженцѣ убѣжденій «среднихъ вѣковъ»—воистиннѣ самый интересный вопросъ, который, къ сожалѣнію, мы не находимъ разъясненнымъ ни у одного изъ его биографовъ. Если невозможно объяснить перемѣну совершившуюся въ графѣ Бисмаркѣ одними дурными отношеніями, которыя очень скоро установились между нимъ и австрійскимъ представителемъ Рехбергомъ, то тѣмъ не менѣе, въ связи съ жаждою дѣятельности, съ желаніемъ дѣйствовать, играть роль и имѣть вліяніе на дѣла, нельзя упускать изъ виду при объясненіи перемѣны образа мыслей прусскаго представителя на сеймѣ и этихъ дурныхъ отношеній. Бисмаркъ, по своему характеру, не такой человѣкъ, который позволилъ бы кому-нибудь наступить ему на ногу, и потому рѣзкій, самоувѣренный и нѣсколько презрительный тонъ, съ которымъ обращался со всѣми австрійскій представитель, долженъ былъ сильно подѣйствовать на Бисмарка. Рассказываютъ, что однажды представитель Австріи принялъ его крайне безцеремонно, съ сигарою во рту и не прося его даже сѣсть; Бисмаркъ вытащилъ свой портъ-сигаръ, и со словами: позвольте

огня, закурилъ сигару и усѣлся на кресло. Конечно, такія мелкія причины не могли еще произвести переворота въ умѣ Бисмарка, но трудно не допустить, чтобы именно эти мелкія причины не помогли ему раскрыть глаза на ту жалкую роль, которую игралъ сеймъ подъ предсѣдательствомъ Австріи. Ему, какъ прусаку, должно было показаться обидно то зависимое положеніе, въ которое поставлена была Пруссія, его должна была возмутить теперь, когда онъ представлялъ собою Пруссію, фраза князя Шварценберга, что Пруссію нужно унижить, ему могло въ самомъ дѣлѣ здѣсь, на мѣстѣ постоянныхъ столкновений, сдѣлаться ясно стремленіе Австріи поставить Пруссію въ вассальное къ себѣ отношеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ могъ убѣдиться въ желаніи мелкихъ государствъ постоянно поддерживать антагонизмъ между двумя большими нѣмецкими государствами. Всего этого конечно было бы достаточно, чтобы объяснить въ Бисмаркѣ совершившуюся перемѣну по отношенію къ Австріи, но тѣмъ не менѣе нельзя не пожалѣть, что мы не имѣемъ болѣе прочныхъ свидѣтельствъ, чѣмъ догадки, анекдоты, нѣкоторыя извлеченія изъ писемъ, которыя могли бы служить доказательствомъ искренности его внутренняго переворота, не говоря уже о томъ, какую убѣдительность могли бы имѣть для всѣхъ основанія, заставившія отбросить «убѣжденія тьмы», такого человѣка какъ Бисмаркъ. Какія мысли тревожили безпокойный умъ Бисмарка до 1856 года—трудно сказать, не имѣя никакихъ болѣе или менѣе достовѣрныхъ свѣдѣній по этому предмету. Какъ скоро произошла въ Бисмаркѣ перемѣна по его пріѣздѣ во Франкфуртъ, тоже нельзя опредѣлить, понадобилось ли ему нѣсколько мѣсяцевъ, или цѣлыхъ пять лѣтъ отъ 1851 до 1856 года, чтобы отказаться отъ своихъ средневѣковыхъ убѣжденій, все это покрыто непроницаемою таинственностью. Извѣстно только, что въ 1856 г. перемѣна въ немъ уже совершилась, и мы читаемъ въ отрывкѣ одного письма, приведенномъ его угодливимъ біографомъ Гезекилемъ, по поводу герцогствъ Шлезвига и Гольштейна, противъ которыхъ онъ прежде ратовалъ, сочувственныя слова и обвиненія противъ Австріи, что она «тайно будетъ оставаться другомъ Даніи и въ своей печати набьетъ полный ротъ нѣмецкими фразами и станетъ вмѣнять Пруссіи въ вину, что ничего не дѣлается». Въ слѣдующемъ, сдѣлавшемся извѣстнымъ письмѣ, писанномъ два года позже, именно въ 1858 году, онъ еще болѣе рѣшительно нападаетъ на Австрію, и выставляетъ на видъ необходимость поставить Пруссію во главѣ Германіи и средство къ тому онъ видитъ въ таможенномъ парламентѣ, который долженъ застѣнить прежній таможенный союзъ, который, по мнѣнію Бисмарка, нкуда не годится. Какъ же достигнуть этого парламента: «Палаты і печать могли бы сдѣлаться, говоритъ онъ въ этомъ письмѣ, могущественнымъ средствомъ для нашей внѣшней политики.... Палаты и

печатать должны бы широко обсуждать систему нѣмецкихъ таможенъ, съ прусской точки зрѣнія. Тогда бы снова къ вамъ обратилось усталое вниманіе Германіи, и для Пруссіи былъ бы тотъ результатъ, что наша палата сдѣлалась бы слюю въ Германіи». Такимъ образомъ Бисмаркъ приходитъ къ тому, что призываетъ на помощь тѣ силы свободы, противъ которыхъ онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ велъ отчаянную борьбу. Но это письмо, если оно важно какъ свидѣтельство того, что въ Бисмаркѣ пропало почитаніе къ реакціонной Австріи и что въ головѣ его созрѣлъ планъ новой политики, то важно еще и въ томъ отношеніи, что служитъ доказательствомъ, что этотъ новый планъ не былъ широкимъ планомъ, въ которомъ мысль была бы занята благомъ цѣлой Германіи, стремленіемъ осуществить идею нѣмецкаго единства, о которомъ Бисмаркъ не упускалъ случая говорить или самъ, или заставляя говорить о немъ короля, а исключительно планомъ усиленія Пруссіи. Бисмаркъ не могъ тогда, какъ не можетъ и теперь, еще разстаться съ узкими идеями, съ узкими династическими интересами, которыя продолжаютъ играть для него главную роль. Бисмаркъ заставляетъ подчиниться благо Германіи благу Пруссіи, т. е. благу ея династіи, въ то время какъ истинные государственные люди, въ родѣ Штейна, на первомъ планѣ ставили благо нѣмецкаго народа, не думая обо всемъ остальномъ. Глубина взгляда, ширина воззрѣній—вотъ чего недостаетъ Бисмарку, чтобы быть замѣчательнымъ государственнымъ человѣкомъ. Онъ не можетъ отдѣлаться отъ иро-соверданія юнкерской партіи, которая до сихъ поръ слишкомъ часто связывается въ его дѣйствіяхъ, несмотря на то, что онъ отошелъ отъ него на довольно значительное разстояніе.

Въ такомъ враждебномъ отношеніи къ Австріи и съ готовымъ планомъ возвеличенія Пруссіи застала Бисмарка итальянская война 1859 года. Съ его рѣшимостью, съ его страстью дѣйствовать быстро и не останавливаться ни передъ чѣмъ, еслибы Бисмарку была предоставлена свобода дѣйствовать, онъ бы не задумался какъ ему поступить. Въмѣсто того чтобы колебаться помочь Австріи или нѣтъ, объявить или не объявить войну Франціи, Бисмаркъ обратился бы противъ Австріи и воспользовался бы стѣснительными обстоятельствами, въ которыхъ находилась она, чтобы совершенно передрѣзать всю карту Германіи. Графъ Бисмаркъ такъ открыто выражалъ свое мнѣніе, какъ должна дѣйствовать Пруссія, что испугавшееся правительство послѣшило перевести его на другой постъ и отправило его посланникомъ въ Петербургъ, откуда онъ написалъ министру иностранныхъ дѣлъ Шлейнницу письмо, въ которомъ какъ бы резюмировалъ свою будущую программу дѣйствій: «Изъ восьмилѣтняго отправленія моей должности въ Франкфуртъ я выработалъ себѣ убѣжденіе, какъ результатъ моей опытности, что старыя союзныя учрежде-

нія представляютъ для Пруссіи тяжелыя, и въ критическое время пагубныя для ея существованія оковы, не доставляющія тѣхъ вознагражденій, которыя Австрія, при несравненно бѣльшей свободѣ дѣйствій, получаетъ отъ нихъ», и сдѣлавъ такое вступленіе, онъ переходитъ прямо къ требованію разорвать эти оковы, говоря: «случай уничтожить эти препятствія не представится снова такъ скоро, если мы не воспользуемся настоящимъ положеніемъ». Однимъ словомъ, онъ требуетъ, чтобы знамя прусской политики было поднято высоко, чтобы правительство не боялось порвать связи съ германскимъ союзомъ, что напротивъ, чѣмъ скорѣе это будетъ сдѣлано, тѣмъ выгоднѣе это будетъ для Пруссіи. «Отношенія Пруссіи къ германскому союзу, заканчиваетъ онъ свое письмо, представляютъ болѣзнь, которую нужно вылечить въ удобное время, если же нѣтъ, то рано или поздно для излеченія ея мы должны будемъ употребить огонь и желѣзо». Графъ Бисмаркъ не оставилъ свои слова мертвою буквою, не прошло и нѣсколькихъ годовъ, какъ отъ буквы до буквы онъ выполнилъ свою программу. Программа Бисмарка въ 59 г. была слишкомъ радикальна, и потому Пруссія не рѣшилась сдѣлать того, что она сдѣлала въ 1866 году, но вліяніе было важно все-таки въ томъ отношеніи, что прусское правительство удержалось отъ соблазна помочь Австріи, объявивъ войну Франціи и Италіи. Пруссія сохранила нейтралитетъ, по поводу котораго австрійскій императоръ, державшійся въ то время еще габсбургскихъ традицій, обнародовалъ манифестъ, содержавшій жестокія нападенія на прусское правительство, безсовѣстно, какъ говорилось въ этомъ манифестѣ, повинувшее своего стараго союзника.

Назначеніе Бисмарка въ Петербургъ не было для него особенно пріятно, такъ какъ оно удаляло его отъ внутренней политики Пруссіи, за которою въ послѣднее время онъ слѣдилъ съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ. Свиданіе короля прусскаго съ австрійскимъ императоромъ въ 1860 году въ Теплицѣ породило различныя толки о сближеніи двухъ дворовъ и о новыхъ гарантіяхъ, будто бы данныхъ Пруссіею Австріи, что оставшіяся за нею итальянскія владѣнія, т. е. Венеціанская область, Итальянскій Тироль, не будутъ оторваны отъ габсбургской короны. Толки эти сильно встревожили гр. Бисмарка, и онъ высказалъ свои политическія безпокойства въ одномъ письмѣ изъ Петербурга, въ которомъ сильно жалуется на то, что его держатъ вдали отъ интимной политики прусскаго двора, что онъ ничего не знаетъ ни о намѣреніяхъ, ни о стремленіяхъ, ни о видахъ правительства. Оставаясь въ Петербургѣ, вдали отъ главнаго театра дѣйствій, Бисмаркъ, въ этомъ трудно сомнѣваться, не упустилъ случая, чтобы обезпечить за собою на будущее время нейтральное отношеніе Россіи къ могущимъ возникнуть въ будущемъ политическимъ столкнове-

нїемъ, и тѣмъ продолжалъ содѣйствовать будущему осуществленію крѣпко заставшей въ его головѣ программы. Нельзя не пожалѣть, что его біографы не сообщаютъ никакихъ писемъ, которыя могли бы пролить свѣтъ на дипломатическую дѣятельность Бисмарка въ Петербургѣ, такъ точно какъ не сообщаютъ ничего, что было бы для насъ особенно любопытно, изъ его наблюденій надъ русскими государственными людьми, его воззрѣній на русское высшее общество, въ которомъ онъ былъ принятъ очень хорошо, и наконецъ его взглядовъ на русскія учрежденія, съ которыми онъ, будучи одаренъ значительною любознательностью, долженъ былъ познакомиться. Всѣ письма его изъ Петербурга, которыя опубликованы, дѣтски невинны по своему содержанию, и потому кромѣ самыхъ общихъ впечатлѣній, вынесенныхъ имъ изъ Россіи, ровно ничего нельзя узнать. Общія впечатлѣнія ограничиваются у него замѣчаніями, брошенными вскользь о красотѣ Петербурга, о поразительной оригинальности Москвы, о томъ, что «тихо закладывать и быстро ѣхать — лежитъ въ натурѣ русскаго народа» объ особенной любви русскихъ къ зеленому цвѣту и т. д. Конечно, человекъ, рѣшившійся выучиться и въ самомъ дѣлѣ выучившійся какъ гр. Бисмаркъ по-русски, долженъ былъ сдѣлать болѣе любопытныя наблюденія. Вообще же говоря, жизнь въ Петербургѣ ему не особенно нравилась, судя по одному письму, въ которомъ онъ говоритъ: «я испытываю какую-то тоску по родинѣ отъ моей квартиры на Англійской набережной, съ ея успокоивающимъ видомъ на покрытую льдомъ Неву», такъ что, можно смѣло предполагать, что онъ былъ очень доволенъ, когда весной 1862 года онъ былъ назначенъ посланникомъ въ Парижъ. Между отправленіемъ его въ С.-Петербургъ и назначеніемъ въ Парижъ прошло все-таки почти три года, и въ это время Бисмаркъ все-таки не оставался въ полномъ бездѣйствіи. Онъ успѣлъ нѣсколько разъ съѣздить въ Германію, и въ частыхъ бесѣдахъ съ королемъ Вильгельмомъ старался увлечь его своею чисто-прускою программю, куда впрочемъ теперь онъ началъ примѣшивать интересы Германіи, которой онъ желалъ дать такія учрежденія, которыя покровительствовали бы ея матеріальнымъ выгодамъ. Король не сдавался, «воспитанный въ самомъ строгомъ милитаризмѣ, постоянно одолюваемый призракомъ революціи, который выросъ передъ нимъ въ 1848 г.; онъ былъ мало склоненъ улетать въ невѣдомыя страны, куда звалъ его будущій министръ. Только послѣ долгихъ совѣщаній, онъ попросилъ Бисмарка представить ему письменную записку о всемъ, что онъ развивалъ передъ нимъ, что этотъ и сдѣлалъ въ Кенигсбергѣ во время празднествъ коронаціи, на которой Вильгельмъ постарался немедленно заявить, что онъ царствуетъ не волю народа, а на основаніи божественнаго права. Склонивъ болѣе или менѣе короля къ своей программѣ, Бисмаркъ по своимъ приѣздѣ

въ Парижъ началъ ту дипломатическую атаку Наполеона III, которая увѣнчалась такимъ блестящимъ успѣхомъ. Бисмарку нужна была увѣренность, что въ случаѣ войны между Пруссіею и Австріею, Франція не приметъ сторону послѣдней, и, какъ подтвердили событія, онъ совершенно успѣлъ въ своемъ желаніи. Недолго оставался онъ посланникомъ въ Парижѣ: не прошло и шести мѣсяцевъ, какъ онъ былъ вызванъ въ Берлинъ, гдѣ ему и поручено было главное управление министерствомъ. Эта минута была самая рѣшительная въ политической дѣятельности Бисмарка: ему предоставлена была возможность осуществить свою программу, и, нужно ему отдать справедливость въ этомъ отношеніи, онъ не потерялъ ни одной минуты, чтобы начать приводить въ исполненіе предначерченный имъ планъ.

Планъ этотъ не шелъ многимъ дальше того, о чемъ мечталъ совѣтникъ Фридриха Вильгельма IV генералъ Радовицъ, т. е. увеличить Пруссію, дать ей нѣсколько иныхъ границы и поставить ее во главѣ Германіи. Прежнія границы Пруссіи казались какими-то неестественными и давно уже Лудвигъ Верне, говоря объ этомъ государствѣ, выразился такимъ образомъ: «Пруссія съ своими дурно скроенными и слишкомъ длинными границами, похожа на молодого человѣка, который носить слишкомъ широкое платье; но подождите, когда онъ вырастетъ, оно ему будетъ въ пору, т. е. другими словами, Пруссіи нужно было растолстѣть, чтобы платье «на молодомъ человѣкѣ» сидѣло хорошо. Помимо этой полноты, былъ другой важный вопросъ, — это дурная организація германскаго союза, на который Бисмаркъ такъ сѣтовалъ, проживъ нѣсколько лѣтъ во Франкфуртѣ. Сеймъ, созданный священнымъ союзомъ, не внушалъ въ себѣ другого чувства, кромѣ недоуверія и презрѣнія. Необходимость обновленія, перестройка его чувствовалась давно уже всѣми, и послѣ того, что слѣпая реакція одержала верхъ надъ усиліями и стремленіями нѣмецкихъ патриотовъ, которые въ 48 году были на единственной вѣрной дорогѣ, чтобы дать Германіи прочное, основанное на свободѣ устройство, теперь сами герцоги, князья и другія властелины Германіи стали думать, какую бы лучшую организацію дать этому несчастному сейму. Въ 1860 г. герцогъ Саксенъ-Мейнингенъ предложилъ систему извѣстную подъ именемъ Тriaс-Идеи, въ которой конфедерація, для большаго единства и силы, имѣла бы только трехъ представителей — директоровъ, одного назначеннаго Пруссіею, одного Австріею, и одного мелкими нѣмецкими государствами. Въ 1861 г., герцогъ Саксенъ-Кобургскій предложилъ, возвращаясь къ 48 году, здравую идею прямого представительства всего нѣмецкаго народа, но идею эту, какъ и слѣдовало ожидать, какъ идею демократическую и революціонную, всѣ владѣтельные особы отвергли съ негодованіемъ. Наконецъ, австрійскій императоръ, чтобы не отстать отъ другихъ, предложилъ и свою систему, и для осущест-

влянія ея собралъ во Франкфуртъ конгрессъ князей, но вслѣдствіе упорной оппозиціи Пруссіи, и систему австрійскаго императора для новой организаціи союза постигла та же участь, какъ и другія системы. Дѣла оставались въ прежнемъ положеніи, т. е. въ самомъ худшемъ, пока наконецъ не явился Бисмаркъ съ своею чисто-прускою системою, которой онъ, до поры до времени, и доставилъ полное торжество. Онъ поставилъ передъ собою двѣ задачи: расширить границы Пруссіи и разрушить прежнюю организацію германскаго союза, двѣ цѣли, къ которымъ онъ и пошелъ, не разбирая, не задумываясь о средствахъ. Ему въ дѣйствительности чужды были двѣ идеи, занимавшія умы Германіи: идея свободы и идея единства, ему чужды были споры о томъ, какимъ образомъ осуществить ту и другую, добиться ли свободы посредствомъ единства, или какъ говорилось у нѣмцевъ *durch Einheit zur Freiheit*, или имъ добиться единства посредствомъ свободы, что выражалось словами *durch Freiheit zur Einheit*; онъ собственно не признавалъ ни того, ни другого стремленія, и если махалъ знаменемъ единства, то исключительно съ тою цѣлю, чтобы пробудить нѣмецкій патріотизмъ и воспользоваться имъ для увеличенія Пруссіи и ея могущества. Что же касается до идеи свободы, то онъ очень безцеремонно, почти при первомъ своемъ появленіи въ прусскій парламентъ въ качествѣ министра, выразился такимъ образомъ: «для Германіи нуженъ не либерализмъ Пруссіи, нужна ея сила. Она должна ее увеличить, чтобы воспользоваться выгодною минутою, которую уже разъ упустили. Наши границы не таковы, каковы должны они быть у хорошо устроеннаго государства. Во всякомъ случаѣ помните только одно: великіе вопросы разрѣшены будутъ не вашими рѣчами и не вашими рѣшеніями — это была ошибка 1848 и 1849 годовъ — они разрѣшены будутъ желѣзомъ и кровью». Рѣзкое, надменное обращеніе, обращеніе гораздо скорѣе солдата и деснота, чѣмъ конституціоннаго министра, съ перваго раза возстановили противъ Бисмарка не только прусскую палату, но и все общественное мнѣніе. Ничто не можетъ быть болѣе жалко и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе возмутительно, какъ поведеніе Бисмарка по отношенію къ народному представительству. Едва-ли когда-нибудь было видано, разумѣется, въ странѣ цивилизованной, такое грубое безстыдство, такой отвратительный цинизмъ, такое страшное презрѣніе къ народнымъ правамъ, какое выказалъ графъ Бисмаркъ въ своей парламентской дѣятельности. Тутъ вполне сказалась вся деспотическая натура Бисмарка, его ненависть къ свободнымъ учрежденіямъ, его страсть къ произволу, однимъ словомъ всѣ тѣ свойства, которыя не могутъ быть выкуплены никакимъ успѣхомъ, никакими побѣдами, потому что они наносятъ народу величайшій ударъ, величайшее зло, деморализируя, развращая его, уничтожая въ немъ краеугольный камень нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія — понятіе или вѣрнѣе чувство права. Прусская палата депу-

татовъ, нужно отдать ей справедливость, вела себя въ то время съ большимъ достоинствомъ, она упорно боролась съ правительствомъ, и уступала только тогда, когда сила ломала ее. Три съ половиною года продолжалась эта лютая вражда между Бисмаркомъ и палатой, которую поддерживалъ народъ, посылая въ палату, каждый разъ, что правительство ее распускало, тѣхъ же самыхъ депутатовъ. Распустить палату, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ собирать налоги безъ того, чтобы они были утверждены народными представителями, все это сдѣлалось обычнымъ дѣломъ для прусскаго правительства. Яблокомъ раздора между правительствомъ и палатой служилъ постоянно новый военный законъ, который долженъ былъ дать совершенно иную организацію прусскому войску. Два раза подъ-рядъ палата была распущена самымъ безцеремоннымъ образомъ, въ третій разъ ей просто объявили, что обойдутся безъ ея согласія для утверженія бюджета. Конституція такъ цинично была нарушаема, что можно смѣло было сказать, что конституціи вовсе не существовало, а было только личное, произвольное правленіе короля Вильгельма и гр. Бисмарка. Нельзя перечислить тѣхъ оскорбительныхъ выходокъ, которыя позволялъ себѣ Бисмаркъ, по отношенію къ палатѣ; ему ничего не стоило бросить въ лицо всей палатѣ такую фразу: «когда мы будемъ того мнѣнія, что нужно начать войну, мы начнемъ съ вашимъ или безъ вашего согласія». Конечно, подобное обращеніе съ представителями страны, такое презрительное отношеніе къ народной волѣ возмущаетъ только въ конституціонномъ правленіи, но въ томъ-то и состоитъ преимущество какой бы то ни было конституціи, что подобное обращеніе съ мнѣніемъ страны является въ конституціонныхъ странахъ какъ нарушеніе права, какъ результатъ случайнаго перевѣса грубой матеріальной силы, и потому такое презрѣніе къ общественному мнѣнію не можетъ быть само разсматриваемо, какъ право. Потому въ Пруссіи система Бисмарка вызвала общественное негодованіе, которое захватило даже самыя высшія сферы. На публичномъ собраніи въ Данцигѣ, на которомъ присутствовалъ наследный принцъ прусскій, онъ громко объявилъ, что новые стѣснительные законы противъ печати были изданы безъ его вѣдома и что онъ не одобряетъ ихъ. Принцъ прусскій въ своемъ либерализмѣ дошелъ до того, что написалъ письмо отцу, королю, въ которомъ рѣзко протестовалъ противъ порядка, подвергающаго опасности его права на корону. Результатъ этого письма былъ тотъ, что наследникъ престола нашелъ себя вынужденнымъ удалиться отъ двора. Самый грубый деспотизмъ торжествовалъ на всѣхъ пунктахъ, душою его былъ гр. Бисмаркъ. Таковъ былъ характеръ дѣятельности Бисмарка во внутренней политикѣ; еще рѣшительнѣе дѣйствовалъ онъ во всѣхъ внѣшнихъ столкновеніяхъ, направленныхъ къ тому, чтобы разорвать связь съ преж-

ннѣ германскіе союзомъ и довести до войны натянутыя отношенія, существовавшія между Пруссіею и Австріею.

Не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ со вступленія Бисмарка въ министерство, какъ онъ вошелъ въ объясненія съ австрійскимъ посланникомъ при берлинскомъ дворѣ, съ графомъ Кароли, выражая ему, что отношенія между двумя державами не могутъ оставаться въ томъ видѣ, какъ они существуютъ, что они должны уллучшиться или ухудшиться, и что Пруссія одинаково готова, какъ на одинъ исходъ, такъ и на другой. Идя прямо къ своей цѣли, къ разрыву съ Австріею, Бисмаркъ высказалъ графу Кароли, что онъ не потерпитъ того, чтобы Австрія возбуждала всѣ маленькія государства Германіи противъ Пруссіи; что если вѣнскій кабинетъ утѣшаетъ себя надеждою, что Пруссія въ войнѣ Австріи съ какою-нибудь другою державою всегда будетъ стоять на сторонѣ первой, то онъ жестоко ошибается, и что если Австрія не намѣрена жить въ самой полной дружбѣ съ Пруссіею, то нѣтъ ничего болѣе вѣроятнаго какъ союзъ Пруссіи съ враждебною Австріею державою, въ случаѣ подобномъ войнѣ Австріи и Италіи въ 1869 году. Слова Бисмарка были такъ ясны, что трудно ихъ было не понять. Австрійское правительство доказало, что оно уразумѣло какъ нельзя лучше, чего добивался Бисмаркъ, когда жаловалось, что Пруссія требуетъ отъ Австріи, чтобы она отказалась отъ своего положенія въ Германіи, чтобы она подчинилась первенству Пруссіи въ нѣмецкихъ дѣлахъ, чтобы она перенесла, наконецъ, центръ тяготѣвня имперіи изъ Вѣны въ Пестъ. Подобныя объясненія, какъ тѣ, которыя происходили между Бисмаркомъ и представителемъ Австріи, не могли, разумѣется, содѣйствовать уллучшенію отношеній между двумя дворами. Отношенія эти съ каждымъ днемъ становились все болѣе и болѣе натянутыми, и весьма вѣроятно, что еще въ 1863 году разыгрались бы событія 66 года, если бы смерть датскаго короля Фридриха VII не открыла снова шлезвигъ-гольштинскаго вопроса, который долженъ былъ на нѣкоторое, очень короткое время примирить двухъ заклятыхъ враговъ, чтобы потомъ съ новою силою возстановить ихъ другъ противъ друга.

Бисмаркъ какъ нельзя болѣе ловко воспользовался вопросомъ объ этихъ герцогствахъ, чтобы порвать отношенія съ сеймомъ и вмѣстѣ уллучшить владѣнія Пруссіи. Сеймъ желалъ присоединить эти герцогства къ союзу, поддерживалъ права на нихъ герцога Аугустенбургскаго, который бы только уллучшилъ собою число маленькихъ нѣмецкихъ князей. Пруссія желала совершенно противнаго, она не только не хотѣла уллучшить сейма, но жаждала его разрушенія и вмѣстѣ съ этимъ присоединенія герцогствъ къ своимъ владѣніямъ. Австрія колебалась и не знала, на что ей рѣшиться, поддерживать ли лондонскій трактатъ 1852 г., въ силу котораго король датскій признавался наследникомъ этихъ герцогствъ, или встать во главѣ нѣмецкаго движенія во имя независимости гер-

догствъ. Сеймъ приказалъ занять союзными войсками герцогство Гольштейнъ, Бисмаркъ немедленно занялъ прусскими войсками Шлезвигъ; Австрія, чтобы не остаться въ сторонѣ отъ движенія, пошла вслѣдъ за Пруссіею и заняла Шлезвигъ одинаково своими войсками. Трудно себѣ представить что-нибудь болѣе безтактное, чѣмъ поведеніе вѣнскаго кабинета, когда онъ бросился въ разставленные Бисмаркомъ сѣти, рѣшившись идти противъ сейма, который составлялъ силу Австріи въ Германіи. Австрія не только пошла на приглашеніе Бисмарка соединиться съ Пруссіею, чтобы отстранить вмѣшательство сейма въ дѣла герцогствъ и дѣйствовать вдвоемъ, какъ подобаешь большимъ нѣмецкимъ державамъ, но еще потребовала отъ сейма, чтобы онъ приказалъ принцу-претенденту выѣхать изъ герцогствъ. Сеймъ отказался: результатъ хорошо извѣстенъ. Сеймъ нравственно былъ уничтоженъ. Пруссія въ соединеніи съ Австріею разбили окончательно слабую Данію, но эта побѣда должна была дорого стоить Австріи. Она скоро почувствовала по тону, съ которымъ сталъ говорить Бисмаркъ, свою крупную ошибку, и стала стараться опять сойтись съ сеймомъ, который продолжалъ поддерживать герцога Аугустенбургскаго. Бисмаркъ дѣлалъ всевозможныя сопротивленія. Отношенія между прусскими и вѣнскими кабинетами сдѣлались, благодаря временной дружбѣ и общему дѣйствію въ герцогствахъ, еще болѣе натянутыми, такъ что на нѣсколько мѣсяцевъ пришлось остановить всякіе переговоры. Лѣтомъ 1865 г. Бисмаркъ уже не скрывалъ необходимости войны между Пруссіею и Австріею, и выражалъ открыто желаніе, чтобы дѣло дошло до драки какъ можно скорѣе. Назначеніе Пруссіи—говорилъ онъ—было взять въ свои руки судьбы Германіи. Съ этой минуты до лѣта 66 года, когда вспыхнула знаменитая война, время проходило въ постоянныхъ дипломатическихъ столкновеніяхъ, которыя съ каждымъ днемъ дѣлались все рѣзче и язвительнѣе. Наконецъ, послѣ долгихъ приготовленій, Австрія рѣшила собрать представителей герцогствъ, чтобы они сами рѣшили свою судьбу, и предоставили сейму, какъ высшей инстанціи, произнести послѣднее слово. Позднее раскаяніе Австріи не привело ни къ чему.

Дѣло это происходило 1-го іюля 1866 года. Пруссія объявила рѣшеніе сейма поставить на военную ногу три корпуса арміи, рѣшеніе, принятое какъ демонстрація противъ Пруссіи, противившейся постановленіямъ сейма, за актъ нарушающій федеральный союзъ, и потому отнынь признала его уничтоженнымъ. Давно желанная минута рѣшить вопросъ о гегемоніи между Австріею и Пруссіею, вопросъ объ увеличеніи Пруссіи и уничтоженіи стараго германскаго союза, при помощи огня и желѣза, наступила. Бисмаркъ, давно приготовляясь къ ней, не упустилъ случая, чтобы воспользоваться имъ для осуществленія своей прусской программы. За два мѣсяца до объявленія войны былъ заключенъ союзъ между Пруссіею и Италіею, союзъ, который

имѣлъ результатомъ своимъ самое полное пораженіе старой Австріи и реакціонной политики Габсбурговъ. Битва при Садовой заканчивается собою цѣлый длинный періодъ исторіи Германіи, она отмѣтила собою новый фазисъ въ осуществленіи идеи нѣмецкаго единства.

Трудно представить себѣ болѣе грустную, болѣе жалкую картину, какъ ту, которая представляла собою Пруссія на другой день послѣ Садовой. Никогда еще превращеніе не было такъ быстро, никогда еще декорации не мѣнялись съ такою поспѣшностью. Народъ, который смотрѣлъ съ ненавистью на господство абсолютизма и тупого милитаризма, пвидѣлъ въ Бисмаркѣ деспота, презирающаго всякое народное право, всякую свободу, такъ какъ никого не обманывали его фразы о благѣ Германіи, теперь опьянѣлъ отъ успѣха, обезумѣлъ отъ военныхъ побѣдъ. Бисмаркъ, думали, отомстилъ за неудачу въ Ольмюцѣ, хотя онъ ей когда-то апплодировалъ, и 1866-ый годъ поставилъ министра на аногею его славы, дальше было идти некуда, а такъ какъ ничто въ мірѣ не останавливается, то съ этой минуты должно было начаться его постепенное пониженіе. Напрасно сталъ бы увѣрять себя гр. Бисмаркъ, что совершенное имъ дѣло прочно. Нѣтъ, оно не прочно, потому что оно не отвѣчаетъ истиннымъ требованіямъ нѣмецкаго народа, который стремится осуществить идею германскаго, а не прусскаго единства и еще потому, что въ основаніе его не положена свобода, которая одна только и дѣлаетъ зданіе прочнымъ и непоколебимымъ. Если народъ ликовалъ побѣду, если онъ ненависть смѣнилъ на любовь къ тому человѣку, который былъ главнымъ двигателемъ событій 1866 г., то онъ можетъ найти себѣ извиненіе только въ томъ, что въ этихъ событіяхъ онъ все-таки видѣлъ шагъ впередъ на пути къ единству Германіи, хотя за этотъ шагъ онъ и заплатилъ слишкомъ дорогою цѣною, прощая тѣмъ, которые въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ попирали его права. То, что въ этомъ случаѣ можетъ служить утѣшеніемъ народу, тѣмъ самымъ можетъ утѣшаться и графъ Бисмаркъ: работа его рукъ, сдѣланная въ узкихъ интересахъ, въ концѣ концовъ обратится на пользу Германіи, если только польза Германіи—польза народа сдѣлается ему когда-нибудь дорога. Исторія, провознося надъ Бисмаркомъ свой приговоръ, скажетъ, что этотъ человѣкъ, обладавшій сильной, энергической волею, содѣйствовалъ осуществленію идеи нѣмецкаго единства, но вмѣстѣ съ тѣмъ она осудитъ его за избранный имъ путь, такъ какъ ничто не можетъ быть пагубнѣе, какъ втоптать въ грязь народныя права, покуситься на свободу народа—упрекъ, отъ котораго никогда ни будетъ освобожденъ никакой государственныи человѣкъ, чѣмъ бы онъ ни оправдывалъ этого покушенія.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ

І Ю Л Ъ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

изображенія М. С. Никитина, съ его портретомъ, видомъ надгробнаго памятника, fac-simile и биографіей, составленъ М. О. Де-Пуле 2. т. Изданіе А. Р. Михайлова. Воронежъ, 1869.

Въ 1860 г. одинъ изъ рецензентовъ, разбиравшее второе изданіе стихотвореній Никитина, писалъ: «г. Никитинъ, вѣроятно, думалъ, что и господа такъ пишутъ, то почему и мнѣ не такъ». Взглядъ на Никитина, какъ на поэта-француза, поэта-мѣщанина, какъ на подражателя и, пожалуй, продолжателя Кольцова, до сихъ поръ господствуетъ если не въ литературѣ, то въ публикѣ. На самомъ дѣлѣ, Никитинъ по своему стоялъ нисколько не ниже многихъ нашихъ второстепенныхъ поэтовъ, на которыхъ мы не смотримъ, какъ на поэтовъ-мѣщанъ и поэтовъ-дворянковъ. «Никитинъ почти не вышелъ изъ заставы Воронежа; мѣщаниномъ онъ былъ только по названію, а дворянкомъ по одной профессіи; его воспитала не «сермяжная Русь», о которой онъ судилъ только по сказаніямъ на его дворѣ извошцакамъ, не по книжкамъ, которыхъ онъ никогда не видалъ, а литература сороковыхъ годовъ». Такъ говоритъ о немъ г. Де-Пуле, прекрасно написавшій его биографію. «Конечно, прибавляетъ онъ, литераторъ-дворянинъ далеко не то (?), что литераторъ-дворянинъ, литераторъ-москвичъ или пе-

тербуржецъ: до нѣкоторой степени ему присуще было то, что въ немъ предполагалось, но только до нѣкоторой. Непосредственнаго, напримѣръ, даже Кольцовскаго, отношенія къ окружающей его жизни у Никитина не было и быть не могло... Онъ, какъ питомецъ литературы 40-хъ годовъ, конечно, не доучившійся, стремился къ направленію, въ практической пользѣ въ поэзіи, и это стремленіе увеличилось по мѣрѣ его развитія». Мы думаемъ, напротивъ, что между литераторомъ-дворянкомъ, каковымъ былъ Никитинъ, и литераторомъ-дворянникомъ, каковыхъ много, никакого существеннаго различія не было, даже въ предметахъ вдохновенія. Никому не приходитъ въ голову называть г. Некрасова поэтомъ-крестьяниномъ на томъ основаніи, что предметъ его вдохновенія по преимуществу мѣръ крестьянскій; конечно, г. Некрасову представлялось болѣе широкое поле для вдохновенія, такъ какъ онъ вращался въ болѣе широкомъ кругу; но и для Никитина настало это время, когда онъ вышелъ изъ узкаго міра дворянской жизни и вступилъ въ кругъ людей развитыхъ и просвѣщенныхъ; съ этого собственно времени стихотворенія Никитина и приобретаютъ значеніе: все, что онъ написалъ прежде — носитъ на себѣ отпечатокъ подражательности то Кольцову, то другимъ поэтамъ, и почти ничтожно

но внутреннему своему содержанию. Такимъ образомъ о Никитинѣ, какъ о поэтѣ-дворникѣ, не можетъ быть и рѣчи.

Иванъ Савичъ Никитинъ родился въ Воронежѣ 21 сент. 1824 г.; отецъ его, по происхожденію изъ духовнаго званія, выписался въ воронежскіе мѣщане и, устроивъ свой восковой заводъ, велъ большую торговлю восковыми свѣчами; торговые обороты его простирались не менѣе, какъ на сто тысячъ р. ас. въ годъ; будучи человекомъ умнымъ и относительно образованнымъ, Никитинъ хотѣлъ вывести своего единственнаго сына въ люди и предвизначалъ его въ университетъ. Съ этой цѣлью онъ отдалъ его въ духовное училище, по окончаніи курса въ которомъ, мальчикъ перешелъ въ семинарію и кончилъ философскій курсъ однимъ изъ первыхъ учениковъ. Между тѣмъ дѣла его отца стали разстроиваться замѣтно вслѣдствіе того, что торговля восковыми свѣчами изъ свободной мало-по-малу стала принимать характеръ монополии; Никитинъ-отецъ не выдержалъ неудачи и сталъ прибѣгать къ обыкновенному несчастному утѣшенію русскаго человѣка — къ чаркѣ, при чемъ обнаруживалъ крайнее самоудурство; эта перемѣна въ мужѣ отразилась и на женѣ его: тихая, любящая женщина не вынесла капризовъ и безобразій своего мужа и тоже начала пить. Она страдала этимъ недугомъ три года, до самой своей смерти, которая сильно подѣйствовала на мужа. Съ отчаянія онъ сталъ пить еще сильнѣе и совершенно разорился. Среди такой обстановки началось отрочество И. С. Никитина; изъ матеріальнаго довольства онъ вдругъ попалъ въ бѣдность, почти въ нищенство; отъ книгъ и мечтаній объ университетѣ — въ среду кулаковъ, къ заработку насущнаго хлѣба продажей на базарѣ разной мелочи, причемъ ничтожный барышъ добывался средствами, передъ которыми должна была возмущаться чуткая натура молодого человѣка пока не притерѣлась. Отецъ его продолжалъ пить и почти ежедневно повторялся такая сцена: пьяный человекъ начиналъ кричать на весь домъ: «Иванъ Савичъ! Подлецъ... А кто далъ тебѣ образованіе и вывелъ въ люди? А? не чувствуешь! Не считаешь отца! Не кормишь его хлѣбомъ! Вонъ изъ моего дома!» И въ молодого человѣка летѣли огурцы, хлѣбъ, солонка, рюмка, стаканы. Онъ терялся и вадалъ духомъ. Блѣдный, взможденный, съ

усталостью и страданіемъ во взорѣ, одѣтый почти въ рубище, обутый въ дырявые сапоги, загнанный, часто голодный, сидѣлъ онъ у порога дома, или лежалъ на сѣновалѣ съ головою въ рукахъ, или бродилъ по городу и окрестностямъ безъ всякаго дѣла. Онъ пробовалъ наняться въ прикащики, но его не брали, предполагая, что онъ насгѣдовалъ отъ этой несчастною болѣзни.

Такое состояніе продолжалось довольно долго, пока Никитинъ не собрался съ духомъ и не рѣшился морвать съ своимъ прошлымъ и сталъ дворникомъ, обратившись въ хозяина работника: во всякое время дня и ночи онъ встрѣчалъ и провожалъ извозниковъ, вынималъ сѣно и овесъ, прислуживалъ имъ при трапезѣ, часто даже самъ страпалъ для нихъ бѣгалъ въ кабакъ за водкой. Эта трудовая жизнь вознаграждалась вскорѣ нѣкоторымъ довольствомъ, но семейныя бури не только не утихали, увеличивались съ каждымъ днемъ. Между отцемъ и сыномъ, говорить г. Де-Пуж, образовались странныя, прискорбныя отношенія, продолжавшіяся до смерти послѣдато. Они другъ друга любили и оба другъ друга, идя по своему, мучали. Когда Савва Евлевичъ былъ въ трезвомъ состояніи, трудно было найти отца, который бы такъ кротко и доброво относился къ сыну; но за то когда было поискать сына, который бы за подобнымъ обращеніемъ отвѣчалъ такой суровостью и дерзостью. Когда старикъ бывалъ пьянъ и буйствовалъ, можно было удивляться кротости сына, ухаживающаго за нимъ, какъ за ребенкомъ, безъ всякой горечи и досады. На замчанія друзей своихъ о неровности обращенія съ отцемъ, Никитинъ обыкновенно отвѣчалъ: «Чтожъ дѣлать! Иначе я не могу!» На слѣдующія — оставить отца, обезпечить его всѣмъ необходимымъ, переѣхать на особую квартиру, или совсѣмъ выѣхать изъ города, онъ отвѣчалъ: «тѣмъ же не могу, прибавляя: «безъ меня совсѣмъ пропадетъ». Не разъ покойный говаривалъ: «Я въ состояніи убить того, кто пришелъ бы обидѣть старика въ моихъ глазахъ, но когда онъ отрывается и смотритъ прямо мыслящимъ человекомъ, вся желчь приливаетъ къ моему сердцу, и я не въ силахъ вступить ему моихъ страданій».

Среди этой тяжелой жизни, погруженный въ мелкія заботы, отравленный пьянствомъ...

икитинъ не забывалъ, однако, книгъ своихъ, въ свободныя минуты перечитывалъ Пушкина, Жуковскаго, Бѣлинскаго, Гоголя. Стихи нагъ онъ писалъ еще въ семинаріи, писалъ легко и много, писалъ и рвалъ. Лучшія, его мнѣнію, онъ посылалъ въ журналы, но не печатали. Наконецъ, въ 1853 г. два его стихотворенія напечатаны были въ «Воронежскій Губ. Вѣдомостяхъ» и обратили на себя вниманіе, какъ нѣкоторыхъ столичныхъ литераторовъ, такъ и образованныхъ людей въ Воронежѣ. Никитина отыскали на его постояломъ дворѣ и ввели въ кружокъ образованныхъ людей Воронежа. Съ особеннымъ сочувствіемъ отнеслись къ нему: Н. И. Второвъ, мѣдвѣдствій вице-директоръ хозяйственнаго артамента министерства внутреннихъ дѣлъ, Ѳ. Де-Пуле, учитель русской словесности корпусъ, И. А. Придорогинъ, образованный воронежскій купецъ, и нѣкоторые другіе. Даны были его стихотворенія, къ которымъ Ника отнеслась снисходительно; говоря откровенно, въ этомъ первомъ изданіи стихотвореній не было ничего ни замѣчательнаго, ни гнѣнальнаго, кромѣ довольно звучнаго стиха гѣсколькихъ картинокъ природы, гдѣ проявилось нѣкоторое поэтическое чувство. Дворецъ по ремеслу, Никитинъ являлся въ своихъ стихахъ обыкновеннымъ, образованнымъ стихотворцемъ, переплывавшимъ темы извѣстныхъ нашихъ поговѣ, не внося въ нихъ ничего своего, и даже подчинявшимся той ритмически-барabanной трескотнѣ, которая, примѣръ, слышалась въ эпоху крымской войны даже у такого недюжиннаго поэта, какъ г. Яковъ.

Долго пригнетенная силою неблагоприятныхъ обстоятельствъ, опустившаяся, но даровая натура Никитина быстро поднялась среди ой обстановки, среди симпатій того кружка, который онъ попалъ; не бросая дворничества, онъ отдыхалъ въ этой новой жизни, раздѣлялся чтеніемъ, котораго теперь было въ ю, бесѣдами, гдѣ слышалась живая, просвѣтлая рѣчь и изученіемъ французскаго и нѣкаго языковъ. Новые друзья указали ему его среду, гдѣ могъ онъ найти почти незатый источникъ для вдохновенія. Никитинъ писалъ большую поэму «Булакъ», которая имѣла значительный успѣхъ и поправила его матеріальныя средства. Между этой поэмой и

прежними его стихотвореніями лежать почти цѣлая бездна. Тутъ и стихъ ярче, и взглядъ на жизнь шире, и характеръ главнаго дѣйствующаго лица, мѣщанина, весь свой вѣкъ пробивающагося плутнями, нарисованъ крупными чертами; растянность, прозанчность и ненужность нѣкоторыхъ сценъ ослабляютъ общее впечатлѣніе, но частности поэмы, вѣрно схваченныя бытовыя картины, переданныя иногда сжатимъ, сильнымъ языкомъ, и одушевляющая поэму гуманная мысль мирять читателя съ ея недостатками. Заключительные стихи поэмы, съ которыми авторъ обращается къ герою, прекрасны:

Ты стѣбъ, но велика-ль утрата?
Васъ много. Тысячи кругомъ,
Какъ ты, погибли подъ ярмомъ
Нужды, невѣжества, разврата!
Придетъ ли наконецъ пора,
Когда блеснутъ лучи разсвѣта;
Когда зародятся добра,
Когда зародятся добра,
На почвѣ, солнцемъ разогрѣтой,
Взойдутъ, созрѣютъ въ свой чередъ
И принесутъ сторицный плодъ;
Когда минетъ проказа вѣка
И воцарится честный трудъ,
Когда увидимъ человѣка—
Добра божественный сосудъ?..

Къ этой мысли онъ часто возвращался и въ дальнѣйшихъ своихъ произведеніяхъ, не какъ безплодный, сантиментальный мечтатель, а какъ человѣкъ жизни, выработавшій себѣ реальныя идеалы. Г. Де-Пуле говоритъ справедливо, что «въ Никитинѣ, въ грубой формѣ дворника, въ несовсѣмъ изящномъ образѣ купца, было содержаніе полное, былъ человѣкъ съ цѣльнымъ нравственнымъ обликомъ, человѣкъ глубоко реальный, въ одно и тоже время думающій и о барышѣ, и о возвышенныхъ идеалахъ». Но именно этого сочетанія и не понимали нѣкоторые друзья его, идеалисты сороковыхъ годовъ: когда Никитинъ открылъ книжный магазинъ въ Воронежѣ и предался этому дѣлу со всей энергіей своей природы и съ глубокимъ практическимъ смысломъ, ни въ чемъ, однако, не измѣняя либерализму, друзья его подняли вопль: «Никитинъ погибъ», «Никитинъ сталъ кулакомъ». Они, эти прекраснодумные идеалисты, воспитавшіе Никитина лучшимъ млекоомъ своихъ стремленій, ожидали, что Никитинъ посмотритъ на книжный мага-

знать, какъ на пропаганду, какъ на средство дѣять на толпу и просвѣщать ее, навязывать ей, такъ сказать, въ своемъ родѣ лучшее млеко. Какъ человѣкъ практической, Никитинъ понималъ, что книжное предпріятіе тогда только дастъ плоды, когда оно ведется разумно, ровно, безъ лишнихъ претензій, безъ навязыванія и зазыванія, когда онъ имѣетъ въ виду не удовлетвореніе тенденціозныхъ стремленій его хозяина или его друзей, а удовлетвореніе разнокалиберной массы публики; задача такого торговца не быть ниже этой толпы, но и не быть ей въ лицо своимъ превосходствомъ и наставничествомъ. Такого совершеннаго, почти идеальнаго книжнаго торговца, какимъ былъ Никитинъ, какимъ онъ сдѣлался въ теченіи какихъ-нибудь трехъ лѣтъ, мы¹⁾ не знаемъ среди современныхъ книжныхъ торговцевъ, конечно, столичныхъ отнюдь не исключая. Онъ умѣлъ удовлетворить всѣмъ, самымъ разнообразнымъ желаніямъ, и въ то же время умѣлъ поставить свой магазинъ такъ, что онъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ клуба, куда сходились для бесѣды, для полученія газетныхъ извѣстій, даже люди высокопоставленные, напр., мѣстный губернаторъ. Еслибъ Никитинъ пожелалъ дольше, онъ нажилъ бы себѣ в состояніе, и приобрѣлъ бы своимъ магазиномъ именно то вліяніе, о которомъ мечтали друзья его, идеалисты сороковыхъ годовъ, преисполненные высокаго стремленія, но неумѣлые, жалкіе практики, изъ рукъ которыхъ не только вышло всякое дѣло, но всякое дѣло въ рукахъ ихъ портилось. Бѣднее, они удивлялись бы этому чуду, но не поняли бы его.

Мы не даромъ распространились о книгопродавческой дѣятельности Никитина: онъ былъ вѣренъ себѣ и въ жизни, и въ произведеніяхъ. Идеаломъ его были—трудъ, энергія, дѣло. Вступивъ на самостоятельную дорогу, обезпеченный своимъ магазиномъ, онъ только тутъ началъ писать самостоятельно, не подчиняясь совѣтамъ нѣкоторыхъ друзей, которые сбивали его на пошлый сантиментализмъ, благодаря которымъ онъ испортилъ своего «Кузлака», внеся въ него эту приторность въ образѣ молодой дѣвушки, которая въ первоначальной редакціи поэмы (въ настоящемъ изданіи поэма напечатана въ обихъ редакціяхъ) го-

раздо естественнѣе и лучше. Будучи не въ вѣкомъ разговоръ, а дѣла, онъ и въ стихахъ своихъ проповѣдовалъ то же: ему не нравилась эта глубокая инстинктъ его кривизна и своей природы. Кромѣ «Кузлака», есть у него другая поэма «Тарась», довольно слабымъ, но хорошо выдержанная въ цѣломъ, но по своимъ частностямъ заслуживающая вниманія. Тамъ это—крестьянство, натура даровитая, не удовлетворяющаяся окружающею ей бѣдой жалкой обстановкой; стремленія его выйдутъ на стезени инстинктовъ, но она такъ сама что онъ покидаетъ домъ и идетъ искать себѣ лучшей доли; онъ занимается въ конюшняхъ, потому въ бурлаки; его сильная натура все ломитъ передъ собою, не знаетъ тали и поля широкой отаги; Никитинъ совладавъ съ своей задачей и хотючи утопить героя, но задумана была поэма, и намъ извѣстно, въ широкомъ размахѣ: Тарась долженъ былъ пробиться сквозь все препятствія, побывать во всѣхъ углахъ Рурлада и подниматься и выдти изъ него въ борьбу побѣдителемъ! Никитинъ умѣлъ сдѣлать его олицетвореніемъ энергіи, бодрости, которую онъ и самъ имѣлъ въ себѣ. Онъ былъ сказать въ своемъ «Кузлакѣ»:

Какъ узникъ, рвался я на волю.
Упрямо дѣла разбивалъ!
Я свѣта, воздуха желалъ!
Въ моей тюрьмѣ мнѣ было тѣсно!
Ни силъ, ни жизни молодой
Я не жалѣлъ въ борьбѣ съ судьбой.

«Упрямо разбивать дѣла», «не жалѣть силъ, ни жизни въ борьбѣ съ судьбой»—идеалы съ самой симпатичной стороны могутъ намъ характеръ поэта. Его мораль—ладъ между словомъ и дѣломъ, между мечтою и ея осуществленіемъ, и, самъ закаленный въ борьбѣ съ жизнью, онъ проклиналъ и «проечное слово» и «мертвую дѣлю» и безцѣльную тоску:

Стыдъ, кто бессмысленно гуляетъ,
Листья зашепчутъ—онъ глѣмъ!
Слава, кто истинѣ служитъ,
Истинѣ жертвуетъ всѣмъ.

Въ стихотвореніи «Разговоры», эта же выраженна ярче и полнѣе:

Гдѣ-жъ вы, слуги добра?
Выходите впередъ...

¹⁾ Подумавъ эти строки хорошо зналъ Никитина.

Показайте примѣры!
 Поучайте народъ.
 Намъ разумный порывъ,
 Наму честную рѣчь
 Надо въ кровь претворить,
 Надо плотью облечь.
 Какъ повѣрить словамъ —
 По часамъ мы растемъ!
 Закричать: «помоги!» —
 Черезъ пропасть шагнемъ!
 Въ насъ душа горяча,
 Наша воля крѣпка,
 И печаль за другихъ,
 Глубока, глубока!...
 А приходитъ пора
 Добрый подвигъ начать, —
 Такъ намъ жаль съ головы
 Волосокъ потерять:
 Тутъ раздумье и лѣнь,
 Тутъ насъ робость возьметъ;
 А слова... на словахъ
 Соколиный полетъ!...

Думи объ этомъ разладѣ вырывали иногда
 него глубоко прочувствованныя и вѣстѣ съ
 мѣ дышашія какимъ-то безсильнымъ отчая-
 нымъ строки:

Чужихъ страданій жалкій зритель,
 Я жизнь растратилъ безъ плода,
 И вотъ проснувшись совѣсть-мстителъ
 И сжегъ лицо огнемъ стыда.
 Чужой бѣдой я волновался,
 Отъ слезъ чужихъ я не спалъ ночь —
 И все молчалъ, и все боялся,
 И никому не могъ помочь.
 Убить нуждой, убить трудами,
 Мой братъ и чахъ и погибалъ,
 Я закрывалъ лицо руками —
 И плакалъ, плакалъ — и молчалъ.
 Я слышалъ злу рукоплесканья
 И все терпѣлъ, едва дыша;
 Подъ пыткой негодования
 Молчала рабская душа!
 Мой духъ сроднился съ духомъ вѣка,
 Тропой пробитою я шелъ;
 Святую личность человѣка
 До пошлой мелочи низвелъ.

Но онъ не останавливался долго на отчая-
 нѣ, такъ какъ чувство это—чувство слабыхъ,
 школьнѣ окрѣвшихъ натуръ или такихъ, ко-
 нима потеряли всякую вѣру въ жизнь. Чело-

Томъ IV. — Августъ, 1869.

вѣкъ по преимуществу реальный, Никитинъ не
 могъ не видѣть новой, молодой жизни и къ
 ней обращался съ привѣтомъ, въ которомъ,
 однакожъ, продолжали звучать скорбныя ноты:

Неужто, молодое племя,
 Въ тебѣ воскреснетъ наше время,
 Развратъ души, развратъ ума,
 Все это зло, вся эта тьма?
 Намъ гдѣ нѣтъ пропасти исхода...
 Влачась и въ прахѣ, и въ пыли,
 О, еслибъ мы сказать могли:
 «Вамъ, дѣти, счастье и свобода,
 Широкий путь, разумный трудъ!...»
 Увы! невѣдомъ божій судъ.

Въ стихотвореніи къ поэту-обличителю онъ
 опять обращается къ молодежи:

Не легка твоя будетъ дорога,
 Но видъ, — не погибнетъ твой трудъ!
 Знамя чести и истины строгой
 Только крѣпкіе въ бурю везутъ.

Какой цѣлный долженъ быть характеръ,
 чтобъ не утратить вѣры во всемогущую энер-
 гію, когда жизнь изломала, измучила и погу-
 била Никитина, когда радостные дни были у
 него на счету, а горемъ исполнены были длин-
 ные годы. Измученный этимъ горемъ, измучен-
 ный болѣзнями, которыя нѣсколько лѣтъ пе-
 редъ смертью почти не покидали его, онъ
 только-что началъ-было дышать свободно,
 только что началъ ему улыбаться жизнь и лю-
 бовь дѣвушки манила его къ себѣ, наполняя
 его истерзанное сердце своимъ всеисцѣляю-
 щимъ ароматомъ, какъ чашотка свела его въ
 могилу. Но и умеръ онъ какъ боецъ. Дѣвушка,
 любившая его и имъ любимая, вызывалась хо-
 дить за нимъ во время болѣзни — онъ отка-
 зался. Послѣдніе дни страдальца были ужасны,
 но онъ не потерялся. Болѣзнь сдѣлала его раз-
 дражительнымъ; отецъ нѣсколько дней не пилъ
 и жаловался г. Де-Пуле, что сынъ не бережетъ
 себя, постоянно волнуется. «Я чувствовалъ,
 говорить г. Де-Пуле, потребность сказать хоть
 что-нибудь—и сказалъ фразу о необходимости
 спокойствія для больного».

«Никитинъ быстро приподнялся съ дивана и
 сталъ на ноги, шатаясь и едва держась руками
 за столъ. Онъ былъ страшенъ, какъ поднявшійся
 изъ гроба мертвецъ. «Спокойствіе!... восславу
 умирающій. — Теперь поздно говорить о спокой-

стаи!... Я себя убиваю?!... Нѣтъ,—вотъ мой убійца!...» Горящіе глаза его обратились къ ошеломленному и уничтоженному отду. Умирающій опустился на диванъ, застался и оборотился къ стѣнѣ, погрузившись снова въ забытіе. Старикъ заплакалъ.

«Смерть прервала страданія Никитина 16 октября (1861 г.) въ половинѣ пятого часа пополудни. Съ самаго ранняго утра, неотрезвившійся старикъ не выходилъ изъ комнаты умирающаго сына. Онъ стоялъ у его смертнаго одра и взывалъ сильнымъ голосомъ: «кому отказываешь магазинъ? гдѣ ключи? подай сюда духовную!» Эти слова, не произносимыя, а выкликаемыя, повторялись на всѣ лады: Иванъ Савичъ! подай ключи... Иванъ Савичъ! гдѣ деньги и т. д. Произносились и слова, угрожающія проклятіемъ!... Умирающій судорожно выдрагивалъ и умолялъ глазами сестру отвести старика въ другую комнату. Я былъ свидѣтелемъ этой сцены въ три часа пополудни. Кое-какъ я уговорилъ старика, сказавъ, что духовная у меня, что содержаніе ея онъ скоро узнаетъ, что деньги всѣ дѣлы. Я не имѣлъ духу присутствовать при послѣднихъ минутахъ умирающаго страдальца. Я былъ уничтоженъ картиною такой смерти. «Баба, баба!» еще былъ въ силахъ сказать мнѣ Никитинъ. Это были послѣднія его слова. Все было уже кончено, когда черезъ часъ я возвратился съ сестрой въ этотъ домъ смерти и ужасовъ».

Мы болѣе говоримъ о жизни и характерѣ Никитина, чѣмъ о его произведеніяхъ, потому что вполне раздѣляемъ мнѣніе г. Де-Пуле, что «лучшая поэма, созданная имъ — его жизнь, лучший типъ — онъ самъ». Не обладая большимъ поэтическимъ талантомъ, онъ не зарылъ въ землю тотъ, который имѣлъ, оставивъ нѣсколько прекрасныхъ стихотвореній, главное достоинство которыхъ — трезвость мысли, отсутствие фальшивой сентиментальности при глубокомъ чувствѣ и опредѣленности образовъ. Міръ его произведеній не великъ, за то исчерпанъ вполне сознательно и добросовѣстно. Онъ «служилъ» литературѣ, смотрѣлъ на нее какъ на великую, чистую силу, быть работникомъ, которой считалъ онъ за великое благо и утѣшеніе. «Не знаю, быть можетъ я только пономарь въ поэзіи, — да и куда въ самомъ дѣлѣ намъ въ жрецы гдѣтъ — говаривалъ онъ, съ своею обычною, непритворною скромностью, но и пономарь что-нибудь значить, когда съ толкомъ и смысломъ дѣлаетъ дѣло». Кромѣ стихотвореній, онъ оставилъ большую повѣсть

«Записки семинариста», написанную прекраснымъ языкомъ и хорошо рисующую семинарскій бытъ. Въ этой повѣсти есть небольшое но прекрасное стихотвореніе, могущее служить эпитафіей на могилѣ Никитина:

Вирты заступомъ яма глубокая,
Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь безпріютная, жизнь терпимая,
Жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая —
Горько она, моя бѣдная, яма
И, какъ стѣнной огонекъ, замирая.
Что же? Усни, моя доля суровая!
Крѣпко закроется крышка сосновая
Плотно сиромъ земли придавится,
Только однимъ человѣкомъ убавится.
Убылъ его никому не больно,
Память о немъ никому не нужна!...
Вотъ она — слышится пѣснь беззаботная —
Гостя погода, пѣвушка залетная,
Въ воздухѣ синемъ на волгѣ купается;
Звонкая пѣснь серебромъ разсыпается.
Тше!... О жизни покончить ^{хотѣлъ бы}
Больше не нужно ни пѣсень, ни слезъ!

Что касается самого изданія «Сочиненій Никитина», то оно довольно неудовлетворительно. Дѣло въ томъ, что издатель кн., г. Михайловъ, какъ видно, человѣкъ, зараженный сентиментальнымъ мѣстнымъ патріотизмомъ: ему казалось, что если Никитинъ родился въ Воронежѣ, то и стихотворенія его должны быть изданы въ Воронежѣ же. Но извѣстно, что нѣкоторыя лица, вполне компетентныя въ издательскомъ дѣлѣ, предлагали Михайлову наблюдать за изданіемъ въ какой-нибудь изъ столицъ, гдѣ сочиненія Никитина можно было бы издать безъ цензуры совершенно безопасно; г. Михайловъ, котораго умирая, Никитинъ поручилъ изданіе своихъ сочиненій съ тѣмъ, чтобъ вырученныя деньги употреблены были съ благотворительною цѣлью — не на колокола только — не согласился онъ предпочесть издать Никитина съ предостереженіемъ, съ искаженіями, за то въ Воронежѣ провинцій, какъ извѣстно, не наступило безцензурное время. Вслѣдствіе этого имѣли пропуски цѣлыхъ стихотвореній, какъ въ «Опять знакомыя видѣнья» (напечатано въ «Русской Бесѣдѣ», 1858, кн. IV, стр. 3) отдѣльныхъ строкъ и стиховъ, нѣсколько мѣстъ въ «Запискахъ семинариста». Такимъ образомъ, г. Михайловъ оказалъ много вреда

Никитину, котораго онъ принесъ въ жертву досѣ sentimentalности и воронежскому патлотизму.

Изпостережія Н. Пушкирева. Сиб. 1689.

Вотъ поэтъ съ великими претензіями, которому, однакожъ, рецензентъ долженъ быть благодаренъ за то, что самъ онъ прямо ставитъ вопросъ о своемъ значеніи на російскомъ Парнасѣ. Подобно Лермонтову, который говоритъ: «Нѣтъ, я не Байронъ», г. Пушкиревъ говоритъ: «Нѣтъ, я не Ювеналъ». Еще и! «Нѣтъ, я не гениі мривой» — въ этомъ мѣже не позволительно сомнѣваться, «но стъ ъвеналомъ ми дѣти матери родной» — очень низкіе родственники, значить:

И съ той же цѣлью благородной
Караи мы, и я, и онъ,
Я — несвободный, онъ свободный,
Онъ — Римъ, я — русскій Вавилонъ.

Чтожъ російскій Ювеналъ замѣтилъ въ себѣ Вавилонъ, подъ которымъ, конечно, можно разумѣть Петербургъ; на что онъ общаетъ «своей озлобленной ѣдкій умъ», свой радивный языкъ», на кого «грозно налетѣть» онъ съ «сатирой забрызганной кровью»? о все самъ г. Пушкиревъ такимъ образомъ стуетъ свои способности). Увы, при помѣ этихъ достохвальныхъ качествъ на сакъ стихотвореніяхъ, оказывается, что но сатирика даже шута близкимъ родственомъ Ювенала назвать нельзя. Предметы сатиры: «вошлющая грязь», «мерзость», «мусоръ безумій ѣвковыхъ», «развратъ», «ны и сплетницы модныя», «красивыя бани», «ловкіе кавалеры», танцы и коньки. такое разумѣть онъ подъ «зломъ», подъ «оромъ безумій ѣвковыхъ» — остается понымъ мракомъ неизвестности. Еслибъ Ювеналъ наполнялъ свои сатиры не яркими карми нравовъ, не строгоопредѣленными обми, а словами въ родѣ тѣхъ, которыя ѣбляетъ г. Пушкиревъ — имя его остави неизвѣстно даже его современникамъ. гасается «красивыхъ барышень» и «франъ ношло-безцѣвтныхъ», то они возбуж негодование сатирика преимущественно что, во-первыхъ, танцуютъ, или, какъ нравился, «прыгаютъ, какъ козы», и во къ тѣмъ, что катаются на конькахъ. егодуетъ, что эти люди «изучили худо-

жество поражать насъ умомъ своихъ ногъ», что «имъ кажется, что мозгъ не въ головкахъ, а гдѣ-то тамъ въ носкахъ красивыхъ». Чтожъ, можно и на это негодовать, но тогда представляется вопросъ: зачѣмъ повѣрять міру подобное негодование, вызывающее только сострадательную улыбку? «Ѣдкій умъ» и «забрызганная кровью сатира» г. Пушкирева посвящаютъ также не мало строкъ специально женщинамъ: сатирикъ поражаетъ ее за то, что она «наблюдаетъ за дойкой коровъ», «готовитъ молочные скопы», «печенья», «приучается солить огурцы», занимается «кухней, дѣвичьей, дѣтскою и спальней». Опять предметы достойные сатиры. Чего жъ хочетъ отъ женщины г. Пушкиревъ? Онъ, по обыкновенію, и самъ не знаетъ чего, и, обращаясь къ женщинамъ, совѣтуетъ ей идти за «честныхъ принциповъ бойцами», за «новыми людьми, рыцарями сътъ»; но что это за честные принципы, что это за рыцари сътъ — неизвѣстно. Для многихъ весьма перодовыхъ людей идеаломъ женщины является американка, и, однако, она занимается и кухней, и дѣтскою, и спальней, и даже на счетъ коровъ и молочныхъ скоповъ великая мастерица. Пробуетъ г. Пушкиревъ спуститься въ глубь исторіи и тамъ поискать сочувственныхъ идеаловъ. «Исторія земли родной», по его словамъ, «была его любимой книгой». Однако, исторіи-то онъ и не знаетъ, къ сожалѣнію, уѣвряя насъ, напр., что «царь Иванъ» употреблялъ «крушительный таранъ» и «громилъ псковские палисады», и «упали стѣны псковичей, недвижною грудю камней легли ихъ каменные своды». Мы совѣтуемъ г. Пушкиреву прочитать превосходное, дышащее глубокимъ чувствомъ, описаніе конца псковской воли, оставленное неизвѣстнымъ лѣтописцемъ. Это одно изъ превосходныхъ, единственныхъ мѣстъ русскихъ лѣтописей. А пока сообщимъ г. Пушкиреву, что Псковъ присоединенъ къ московскому государству при Василѣ Ивановичѣ, причѣмъ не было употреблено «крушительнаго тарана», понадобившагося «Ѣдкому уму» новаго сатирика, для рифмы къ Ивану.

Впрочемъ, мы должны сказать, что г. Пушкиревъ все-таки стихотворецъ изрядный: у него встрѣчаются игривые, легкіе стихи, такъ что, при стараніи, онъ можетъ дойти до степеней извѣстныхъ, и случится это тѣмъ скорѣе, чѣмъ послѣднѣе сброситъ онъ съ себя

мрачный кафтанъ сатирива, взятый имъ на прокатъ у гг. Некрасова и Барбье, и богѣе трезво и опредѣленно отнесется къ окружающей его жизни. Въ настоящее же время у г. Пушкирева столько незрѣлаго, ребячески-фальшиваго и напускного, что такъ и видишь передъ собою пятнадцатилѣтняго юношу, который старается всѣхъ увѣрить, что ему за сорокъ.

Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ. Историческій очеркъ раскольниковскаго ученія о бракѣ. Выпускъ первый (отъ начала раскола до царствованія императора Николая I). Э. О. профессора с.-петербургской духовной академіи *И. Нильскаго*. Спб. 1869.

Сочиненіе это представляетъ тотъ интересъ, что въ немъ излагается ученіе раскольниковъ о гражданскомъ бракѣ въ томъ видѣ, какъ оно ими выработано со стороны догматической и какъ осуществлено въ жизни. Извѣстно, что расколъ въ самомъ своемъ началѣ раздѣлился на двѣ группы — поповцевъ, признававшихъ бѣжное священство и непоповцевъ, оставшихся вовсе безъ священства. Предметъ сочиненія г. Нильскаго составляютъ собственно непоповцы, такъ какъ у поповцевъ семейная жизнь осталась въ томъ же видѣ, какъ была до Никона. Последніе, какъ скоро увидѣли, что рискуютъ остаться безъ священства и, слѣдовательно, безъ таинства, немедленно пошли на сдѣлку съ православною церковью, которую считали еретическою. Непоповцы поступили послѣдовательно: не желая принимать ничего отъ еретической церкви, они остались вовсе безъ священства и при тѣхъ только таинствахъ, которыя, по примѣру древней христіанской церкви, могли, вслучаѣ нужды, совершаться и людьми непосвященными, именно при таинствѣ крещенія и исповѣди. Другія таинства, исключая брака, прямо не касались социальныхъ отношеній; но вопросъ о бракѣ немедленно выступилъ впередъ, какъ скоро перемерли священники до-никоновскаго рукоположенія. Какъ же порѣшили съ этимъ существеннымъ вопросомъ непоповцы? Они пришли къ требованію всеобщаго дѣвства на томъ основаніи, что нѣтъ болѣе законныхъ совершителей брака, и въ первое время дѣвство дѣйствительно соблюдалось въ скитахъ такъ строго, что женщины отдѣлялись отъ мужчинъ даже во время молит-

венныхъ собраній. Самыя вѣтшія обстоятельства способствовали безконечнѣе соблюдать цѣломудріе: они ожидали второго пришествія Христа, для чего надо было хранить себя въ чистотѣ; ихъ преслѣдовали, особенно въ силу указа Софіи Алексѣевны, въ 1684 г., когда они должны были скрываться въ дѣсахъ, не имѣть пристанища и ежеминутно ждать смерти. Многія тысячи народа погибли тогда жертвою собственнаго фанатизма и преслѣдованій власти. Не желая попасть въ руки власти, раскольники сожигали себя въ овинахъ, въ избахъ, часто связываясь веревками по двое и по-трое «въ снопы», морили себя голодомъ, топились въ водѣ, рѣзались, бросались въ разжегшую въ домѣ своемъ печь, и кто какъ могъ, для сохраненія древняго благочестія, самоубійственно вездѣ и всюду умираху». Г. Нильскій указываетъ еще на одну причину, которая должна была привести къ безбрачій людей, рѣшившихся дорого отстоять противъ власти свои убѣжденія: на Руси всѣ общества, когда либо составлявшіяся для преслѣдованія какой либо трудной и опасной цѣли, первымъ условіемъ для своихъ членовъ поставляли безженство.

При Петрѣ раскольники отдохнули; уже въ 1703 г. онъ объявилъ, что «по дарованной ему отъ Всевышняго власти, совѣсти человеческой приневолитъ не желеть и охотно предоставляетъ каждому христіанину на его отвѣтственность пещись о блаженствѣ души своей», и обѣщалъ «крѣпко смотрѣть, чтобы никто, какъ въ своемъ публичномъ, такъ и въ частномъ отправленіи богослуженія обезьяненъ не былъ». Такимъ образомъ раскольники могли существовать открыто, обязанное послѣдствіе вносило только двойною окладомъ большинство бросило укрывательство во дѣсамъ, устроилось въ осѣдлую жизнь въ городахъ и селеніяхъ или основало скиты; тогда особенно фанатичные не хотѣли мириться съ преобразователемъ и за бритые бороды, за несоблюденіе постовъ, за вѣру въ «поганыхъ нѣмцевъ» и проч., провозгласили его антихристомъ и наполнили собою застѣжки преображенскаго приказа, будучи обвинены въ окорбленіи величества. Хотя послѣ дѣла дворянина Алексѣя Петровича, Петръ пригласилъ раскольниковъ дѣла къ «злѣдѣйственнымъ», и въ существѣ, кто не возставалъ прямо пре-

нѣвъ власти, могъ жить спокойно. Раскольничьи общины стали процвѣтать. въ скитахъ явилось изобиліе и вмѣстѣ съ тѣмъ понатрунись нравы даже въ такой знаменитой области, какъ Выговская. Вопросъ о бракѣ снова сталъ тревожить защитниковъ дѣвства, и въ то время, какъ одни предлагали искать священства, для совершения таинствъ, на христіанскомъ Востокѣ, другіе, путемъ размышленія и чтенія книгъ, стали проповѣдовать возможность и необходимость брака даже въ настоящихъ условіяхъ безпоповщины. Замѣчательнымъ проповѣдникомъ и писателемъ въ этомъ смыслѣ явился стародубскій крестьянинъ Иванъ Алексѣевъ. Уже 19-ти лѣтъ онъ былъ готовъ на борьбу противъ «тѣмы и суевѣрія, невѣжества и глупости» безпоповцевъ. Онъ не ограничился чтеніемъ и размышленіемъ, но посѣтилъ самыя значительныя безпоповскія общины: былъ въ Поморьѣ, въ Москвѣ, въ Польшѣ и sondировалъ вездѣ ту почву, на которой ему приходилось бросить сѣмена семейной жизни. Въ нѣкоторыхъ общинахъ свободное сожитіе дошло до явнаго разврата; проповѣдники безбрачія, удовлетворяя свои страсти и вмѣстѣ съ тѣмъ желая показаться строгими дѣвственниками въ глазахъ общины, или умерщвляли дѣтей или по крайней мѣрѣ не призвали ихъ своими, такъ что дѣти жили въ общинѣ въ качествѣ сиротъ, безъ заботъ отца и ласкъ матери. Алексѣевъ яркими красками рисуетъ состояніе раскольническихъ общинъ, проживавшихъ въ мнимои дѣвствіи, и излагаетъ новую теорію брака. Онъ пришелъ къ тому убѣжденію, что бракъ есть тайна, но не въ смыслѣ таинства, какъ понимаетъ его православная церковь, а въ смыслѣ таинственного значенія супружеской любви, какъ образа любви Христа къ церкви, что бракъ установленъ самимъ Богомъ еще при созданіи первыхъ людей, и такъ какъ основаніемъ его служатъ благословеніе, преподанное Богомъ Адаму и Евѣ, а чрезъ нихъ и всѣмъ ихъ потомкамъ, то для заключенія брака требуется только взаимная любовь брачующихся и согласіе ихъ на вступленіе въ бракъ, выраженіе словами передъ свидѣтелями, и согласіе родителей; послѣднее необходимо для того, чтобъ изразить въ немъ законную родительскую часть надъ дѣтми и чтобъ не допустить въ бракъ какихъ либо злоупотребленій, напр.

близкаго родства. Церковное же вѣнчаніе, по словамъ Алексѣева, никакого другого значенія не имѣетъ и имѣть не можетъ, какъ только «общенароднаго христіанскаго обычая», существовавшаго и до христіанства у разныхъ народовъ, только въ другихъ формахъ. Вѣнчающій священникъ играетъ только роль свидѣтеля; изъ самой церковной практики, изъ того, напр., что церковь принимала безъ повторенія языческіе, іудейскіе и еретическіе браки, Алексѣевъ вывелъ заключеніе, что церковное вѣнчаніе, по суду самой церкви, не существенно необходимо для брака и что бракъ и безъ него можетъ быть законенъ; но Алексѣевъ все-таки не допускалъ брака безъ вѣнчанія въ церкви такъ какъ, по его мнѣнію, бракъ обусловливался тремя согласіями: согласіемъ жениха и невѣсты, родителей и согласіемъ общенароднымъ, и это послѣднее согласіе лучше всего можетъ быть выражено священнодѣйствіемъ; но такъ какъ священнодѣйствіемъ не дается никакой благодати, такъ какъ оно есть только обычай, то естественно, что оно можетъ совершаться и въ православной, т. е. еретической церкви. Ученіе это вызвало бурю въ расколѣ: какъ на всякаго новатора, на него посыпались насмѣшки, брань, клевета, проклятія, а такъ какъ онъ былъ еще очень молодъ, то противники обзывали его «дерзкимъ мальчишкой»—всѣ эти приемы, какъ извѣстно, употребляются не въ одной раскольничьей литературѣ. Алексѣевъ отвѣчалъ своимъ противникамъ съ прежнею смѣлою логикою и между прочимъ замѣчалъ, что «не всякое и всякаго старика дѣло согласно съ волею божіею». Въ то время какъ полемика шла, ученіе Алексѣева принималось нѣкоторыми раскольниками и въ 1757 г. вокругъ него сгруппировалось уже дѣльное общество людей, которыхъ противники его называли «новоженами». Однако, новожены были поставлены въ затруднительное положеніе: вскорѣ послѣ учрежденія синода, церковная власть издала по вопросу о бракахъ раскольниковъ постановленія, по которымъ раскольники могли вѣнчаться въ церкви православной не иначе, какъ принявъ предварительно «православіе, обязавшись, присягою и сказками, что имъ впредь расколу не держать, но быть въ содержаніи правобѣрія твердымъ и съ раскольниками никакого согласія не имѣть»; этотъ указъ существовалъ въ качествѣ

дѣствующаго закона до 40-хъ годовъ настоящаго столѣтія, когда дозволено было православнымъ священникамъ вѣнчать раскольниковъ, не обязывая ихъ обращаться къ церкви православной. Такимъ образомъ, предстояло какъ-нибудь обойти дѣствующія постановленія, и они обходились довольно легко, благодаря отчасти невѣжеству православныхъ священниковъ, которые не знали о существованіи вышеупомянутаго закона, отчасти подкупу, которымъ раскольники вообще многое для себя сдѣлали. «Бракоборцы», то-есть дѣвственники, въ своемъ гнѣвѣ на Алексѣева и новоженовъ дошли до того, что признали браки, освященные въ православныхъ церквахъ, не только блудомъ, но даже хуже блуда, и стали проповѣдывать, что лучше хотя четырехъ или пять женъ или десять, невѣнчанныхъ въ бракъ имѣть и съ ними блудиться, нежели одну бракомъ сопряженную». Мало этого: они отлучали новоженовъ отъ своего общества, запрещали помогать роженкамъ и проч. Все это относится къ безповодкамъ едосѣвцамъ; другіе безповодцы, какъ напр. поморцы, относились къ брачующимсянисходительнѣе, а среди выговцевъ явились учителя, которые пошли дальше Алексѣева, то-есть стали проповѣдывать, что бракъ можетъ быть законно совершенъ и безъ священническаго вѣнчанія. Это ученіе также нашло себѣ послѣдователей, но было невзгодно для женщинъ, потому что подобныя браки не признаваемые ни церковью, ни гражданскою властью, не заключали въ себѣ никакой «крѣпости» и вмѣстѣ зависѣли отъ произвола мужа, который могъ оставить свою «гражданскую» жену во всякое время вмѣстѣ съ дѣтьми на произволъ судьбы. Вслѣдствіе этого безповодцы, жившіе въ Польшѣ, стали обращаться къ есендзамъ и за деньги покупали у нихъ фальшивыя свидѣтельства о мнимомъ вѣнчаніи ихъ браковъ въ костелахъ.

Царствованіе Петра III и Екатерины дало раскольникамъ новыя льготы: Екатерина издавала нѣсколько указовъ, которыми позволялось всѣмъ отбывшимъ изъ Россіи раскольникамъ возвратиться на родину, не платя въ шесть лѣтъ податей, избирать какой угодно образъ жизни, занимать общественныя должности и даже по-вѣляло было не употреблять ни на бумагѣ, ни въ «словесномъ разговорѣ» наименованіе «раскольникъ».

Благодаря этимъ мѣрамъ, въ Москвѣ ус-

троены были значительныя общины — поморцами «Рогожское кладбище», безповодками — «Преображенское кладбище», и поморцами — «Покровская часовня» и проч. Такъ какъ во главѣ этихъ общинъ стали люди умные, богатые и вліятельные, то съ этого времени и рѣшеніе разныхъ вопросовъ, социальныхъ и религіозныхъ, стало зависѣть отъ Москвы. Въ вопросѣ о бракѣ «Покровская часовня» стала на сторонѣ ученія, выработаннаго такими людьми, какъ Алексѣевъ; представитель Преображенскаго кладбища, всемогущій Ковлинъ, находившійся въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ сановниками и дѣлавшій что хотѣлъ, сталъ на сторонѣ дѣвственникововъ. Ему принадлежить знаменитое изреченіе: «не согрѣшивши, и покаешься; не покавшись, не спасешься. Въ раю много будетъ грѣшниковъ, только тамъ не будетъ ни одного еретика. Нынѣ брака нѣтъ, и брачующіеся въ никоніанскихъ храмахъ — предлюбодѣи, еретики». Преображенское кладбище сдѣлалось пріютомъ разврата, самъ Ковлинъ жилъ настоящимъ султаномъ съ гаремомъ: «многажды случалось брать съ сестрою, кумъ съ кумою, многаяжды при молитвенныхъ дохахъ, во время службы великихъ праздниковъ, и тоцію прихожане только, но и сами тѣ служащіе ту сквернодѣііе творили». На собранияхъ поморцевъ и едосѣвцевъ у Ковлина для разсужденій о бракѣ, приверженцы послѣднего позволяли себѣ такого рода изреченія, не вызывавшія со стороны Ковлина никакого замѣчанія: «лучше нынѣ имѣть сто блудницъ, нежели брачйтися»; «лучше со стѣ двотными смѣситися, нежели законнымъ бракомъ одну жену имѣти». Поморцы должны были вести полемику съ бракоборцами чрезвычайно осторожно, такъ какъ оскорблять такого человека, какъ Ковлинъ, было большимъ рѣшомъ. Благодаря этому обстоятельству, Ковлинка приняла довольно спокойный богослужеско-соціальный характеръ. Представитель Покровской часовни и ея основатель, Василій Емельяновъ явился достойнымъ продолжателемъ Алексѣева: онъ требовалъ для законнаго брака: согласіе жениха и невѣсты, родительское благословеніе, обрученіе, свидѣтелей и законныя лѣта вступающихъ въ бракъ. Что касается вѣнчанія, то оно, какъ «только благолѣпное украшеніе, случайно устроенное», не снмѣнію, можетъ быть совершено и «иужами и

рукоположенными», что и подтверждалось приходами из древней церкви. Въ этомъ смыслѣ гражданскій бракъ разрабатывался и далѣе. Среди безпоповцевъ являлось все болѣе и болѣе приверженцевъ семейной жизни—одни заключали браки въ православныхъ и единовѣрческихъ церквахъ, очищая себя потомъ эпитиміями, другіе заключали гражданскіе союзы, принимая благословеніе въ Покровской часовнѣ. Правы, разумѣется значительно выигрывали въ томъ и другомъ случаѣ. Чтобы уничтожить развратъ и дѣтубійство, допускаемое какъ принципъ, правительству, въ интересахъ котораго, конечно, было соблюденіе нравственности подданныхъ, стоило бы только издать постановленіе, признающее за гражданскими союзами безпоповцевъ всѣ имущественныя и другія послѣдствія обыкновеннаго брачнаго союза. Такое постановленіе было бы тѣмъ логичнѣе, что безпоповцы «фарисейски», такъ сказать, относились къ церковному вѣчанію, которое не мѣшало многимъ изъ нихъ расторгать бракъ и становиться снова бракоробцами, между тѣмъ какъ, по словамъ г. Нильскаго, «у поповцевъ больше уважался бракъ и рѣже случались самовольныя расторженія брачныхъ союзовъ», то-есть такихъ, которые носили на себѣ гражданскій характеръ. Для «прочности» такого брака поповцы старались растолковать въ свою пользу мнѣніе государственнаго совѣта (1819 г.) по дѣлу поручика Шелковникова о разводѣ его съ женою его: «для охраненія твердости брачныхъ союзовъ постановлялось правиломъ, чтобъ никакія въ гражданскомъ управленіи мѣста и лица не допускали и не утверждали между супругами обязательствъ и другихъ актовъ, въ коихъ будетъ включаться условія жить имъ въ разлученіи, или какое-либо другое произвольное ихъ желаніе, клонящееся къ разрыву супружескаго юза». Постановленіе это было утверждено «съ таковымъ дополненіемъ, чтобъ оно распространено было на всѣ христіанскія исповѣданія, т. е. какъ на тѣ, въ коихъ брачный союзъ почитается таинствомъ, такъ и на тѣ, въ коихъ ный принимается за *гражданскій актъ*». Къ сожалѣнію, расколъ не признается отдѣльнымъ исповѣданіемъ, и то, что должно бы гарантироваться закономъ, гарантировалось подку-
мъ...

Нечего говорить, конечно, что нашъ авторъ

смотреть на гражданскій бракъ не только раскольниковою, но и вообще, довольно неприязненно. По его мнѣнію, это—дѣло «ревнителей женской эманципаціи» и «гражданская жена», есть, «строго говоря», та же «любовница». Къ сожалѣнію для г. Нильскаго, гражданскій бракъ признается законодательными просвѣщенныхъ европейскихъ странъ, и никто намъ не возьметъ предсказать, что наше прогрессирующее законодательство никогда не признаетъ его. Лучшие представители безпоповщины совершенно удовлетворительно разработали этотъ вопросъ съ догматической его стороны и въ этомъ отношеніи предупредили многихъ европейцевъ. Становясь на сторону бракоробцевъ въ понятіи о бракѣ, г. Нильскій беретъ сторону новоженцовъ, когда дѣло идетъ о «послѣдствіяхъ», т. е. когда приходится выбрать между развратомъ и семейною жизнью, на какихъ бы началахъ она ни устроилась. Конечно, отъ мало-мальски просвѣщеннаго писателя и нельзя ожидать другого взгляда, потому что иначе пришлось бы согласиться съ циническими положеніями Бовыллина; но какъ ни ничтожна эта уступка, она логически ведетъ къ необходимости законныхъ гарантій, какъ для церковнаго, такъ и для гражданскаго брака, если только мы хотимъ откровенно и честно относиться къ фактамъ и не мириться на томъ, что называется фарисействомъ или благовиднымъ обманомъ самихъ себя. Признавая полноправность русскихъ подданныхъ католиковъ и протестантовъ, выказывая себя либеральнымъ къ еврейству, мы съ какимъ-то упорствомъ продолжаемъ считать расколъ во многихъ отношеніяхъ внѣ закона: онъ у насъ считается уклоненіемъ отъ православія и заблужденіемъ; но, по понятіямъ нашихъ многихъ писателей, въ особенности духовныхъ, католичество есть также уклоненіе отъ православія, отъ греческой церкви со временъ Фотія, и, однако, русскіе подданные-католики пользуются покровительствомъ законовъ; лютеранство еще больше уклоненіе отъ православія, потому что, вышедши изъ католичества, оно, конечно, ни малѣйше не приблизилось къ православію. Г. Нильскій говоритъ, что общія начала нашего законодательства относительно раскольниковъ, до царствованія императора Николая I, по тогдашней терминологіи, выражались словами «смотрѣніе» на расколъ и всѣ его дѣй-

ствія «своезъ палки», безъ «явнаго вида покровительства». Кто-жъ отъ этого выигрывалъ! Въ сущности никто, потому что обѣ стороны находились другъ къ другу въ фальшивомъ положеніи, не то тайныхъ друзей, не то явныхъ враговъ, при чемъ производъ со стороны сильныхъ всегда игралъ первенствующую роль.

Мы должны отдать справедливость г. Нильскому за ясное, живое и занимательное изложеніе избраннаго имъ предмета, при чемъ онъ старался относиться объективно къ той и другой сторонѣ, насколько, конечно, было это возможно. Сочиненіе его, вслѣдствіе того, много выигрываетъ и для массы публики, и мы желаемъ поскорѣе встрѣтить въ печати второй выпускъ.

Современныя лѣтописи раскола. Выпускъ первый. Вѣлкриницкій соборъ 1868 г. и отношенія къ нему акты и письма. Издаеъ Н. Субботина. Москва, 1869.

Поповщина — синонимъ буквѣдства и застои—какъ остановилась она на имени *Исуса*, на восьмиконечномъ крестѣ, на сугубомъ аллилуйѣ и проч., такъ и застыла на нихъ. Нѣсколько глѣтъ тому назадъ, этотъ застои поколебало такъ называемое «Окружное посланіе», которое старались изъять изъ поповщинскаго толка очевидныя негнѣности, бывшія предметомъ жаркихъ споровъ въ теченіи двухъсотъ глѣтъ. Въ немъ излагалось, что грекороссійская церковь вѣруетъ въ того же единого Бога, какъ и поповщина, что хотя правильнѣе писать имя Христа *Исусъ*, но оно писалось также и до Никона *Исусъ* и что не слѣдуетъ Исуса хулить и именовать «инымъ Богомъ и антихристомъ»; что не слѣдуетъ также хулить и четырехъвѣчный крестъ, и вообще всякое крестоулевіе и кресторугательство отвергается и уничтожается, и проч. Это «Окружное посланіе» сдѣлалось предметомъ раздора въ поповщинѣ: одни, болѣе благоразумные, приняли его, какъ основанное на словахъ св. писанія, другіе, болѣе невѣжественные и фанатичные отвергли его и признали, что «христіанамъ читать оное и слушать не подобаетъ». Раздоръ этотъ, грозившій раздѣлить поповщину на два лагеря — окружниковъ и претивоокружниковъ, старались утишить на нѣсколькихъ соборахъ въ Москвѣ и на соборѣ въ Бѣлой-Криницѣ въ 1868 г., куда собирались депутаты отъ всего старообрядчества. Говора откровенно, соборы эти представляютъ

скорѣи интересъ юмористическій, чѣмъ всякіи другой. Претивоокружники, напр., провозглашаютъ, что церковь великороссійская под именемъ Исуса вѣруетъ въ сына сатаны и сей Исусъ есть не единосущный Отцу, но явъ Богъ, антихристъ; другіе видоизмѣняютъ это мнѣніе такимъ образомъ, что *Исусъ*, въ котораго вѣруетъ всероссійская церковь, родился восемь глѣтъ спустя послѣ *Исуса*, Христа Спасителя, и мать его была освящена къ его зачатію также нашествіемъ св. Духа чрезъ слово архангела Гавріила, но этотъ Исусъ былъ протинивъ Христовъ, антихристъ, и былъ распятъ на крестѣ двусоставномъ, который по этому и почитается грекороссійскою церковью. Невѣжественные безоповцы утверждаютъ, что на всѣхъ языкахъ надо писать и говорить Исусъ, ибо это имя было дано Христу при его рожденіи, именно на русско-славянскомъ языкѣ. Вѣлкриницкій соборъ привелъ только къ шуму и крикамъ и потомъ къ ожесточенной письменной полемикѣ. Очевидецъ соборныхъ дѣяній рассказываетъ: «Одни кричатъ: *Исуса* приняли! другіе кричатъ: одного Бога съ великороссійскою церковью имѣють. А Гоша Меркуловъ, стоявшій въ сторонѣ, видитъ, что одинъ боташанскій раздорникъ стоитъ молча—топнуетъ его, да и говорить: чего ты молчишь! поди въ кучу, кричи что-нибудь! Бывшіе во близости поватились со смѣху».

Г. Субботинъ, извѣстный очень хорошою монографіей о Никонѣ и многими статьями съ современнымъ движеніи въ расколѣ, предпринялъ изданіе отдѣльныхъ статей о происшедшихъ въ расколѣ событіяхъ, и, въ видѣ предложенія къ нимъ, печатаетъ самыя матеріалы, по которымъ онѣ составлены. «Собраніе такого рода статей и особенно старообрядческихъ документовъ, не многимъ доступныхъ, говоритъ онъ, можетъ имѣть интересъ не только для современныхъ писателей, но по всей вѣроятности будетъ не безслѣдно, именно какъ лѣтопись, и для будущаго историка той замѣчательной эпохи, каковую переживаетъ теперь расколъ». Всякій раздѣлитъ это мнѣніе почтеннаго издателя.

Джонъ Стюартъ Милль. Утилитарианизмъ. О свободѣ. Переводъ съ англійскаго А. Н. Невдомскаго. Спб. 1866 — 1869.

Въ одномъ мѣстѣ своего изслѣдованія о свободѣ, Милль говоритъ: «какъ скоро жи

достигаютъ такого состоянія, что становятся способны развиваться черезъ свободу — а такого состоянія давно уже достигли всѣ народы, которыхъ можетъ касаться наше изслѣдованіе и т. д. Разумѣли ли великій англійскій мыслитель при этомъ и насъ — мы не знаемъ, но вотъ что мы должны замѣтить: русскій переводъ двухъ его изслѣдованій, объ утилитаризмѣ и о свободѣ, былъ напечатанъ въ 1866 году и не дозволенъ къ выпуску. Можемъ ли мы, на этомъ основаніи, утверждать, что въ 1866 г. мы не принадлежали еще къ народамъ, которые способны развиваться черезъ свободу? Во всякомъ случаѣ, два года тому назадъ насъ еще считали неспособными и ждали того момента, когда мы сдѣлаемся способны. Прошло немного болѣе двухъ лѣтъ, и сочиненіе Милля, съ нѣкоторыми пропусками, освобождается изъ-подъ ареста и дѣлается достояніемъ читающей русской публики. Можемъ ли мы заключить изъ этого, что въ теченіи двухъ лѣтъ мы, наконецъ, достигли той степени цивилизаціи, при которой получили способность развиваться черезъ свободу? Надо полагать, что можемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, мы можемъ поздравить себя, что ростемъ такъ чрезвычайно быстро.

Милль считаетъ себя первымъ, который ввелъ въ употребленіе слово «утилитаризмъ» или «утилитарианъ». Въ понятіи массы читателей это слово легко мѣшается съ материализмомъ, такъ какъ масса болѣе склонна судить поверхностно, чѣмъ углубляться въ предметъ. Что это въ самомъ дѣлѣ за ученіе, которое признаетъ мѣриломъ добра и зла — пользу? Не есть ли это самый грубый эгоизмъ, приводящій всѣ требованія жизни къ удовлетворенію того, что человѣкъ можетъ считать мильзой. Все дѣло, однако, заключается въ томъ, что должно разумѣть подъ именемъ мильзы? Утилитаристы считаютъ свое ученіе теоріей счастья. Все, что человѣкъ желаетъ, является ему потому, что или желаемое само заключаетъ въ себѣ конечную дѣлю, или служитъ средствомъ для достиженія конечной дѣли, а эта конечная дѣль есть существованіе, наиболѣе богатое наслажденіями, въ количественно, такъ и качественно. Мильза эта кладется утилитаризмомъ какъ основный принципъ нравственности, которая можетъ быть опредѣлена слѣдующимъ обра-

зомъ: такіа правила для руководства человѣку въ его поступкахъ, чрезъ соблюденіе которыхъ достигается всему человѣчеству существованіе наиболѣе свободное отъ страданій и наиболѣе богатое наслажденіями, — и притомъ не только человѣчеству, но, насколько это допускаетъ природа вещей, и всякой твари, которая только имѣетъ чувство. Истинный духъ утилитарной доктрины заключается въ ученіи Иисуса Христа: дѣлай другому, что желаешь, чтобы тебѣ самому дѣлали; люби ближняго, какъ самого себя. «Какъ средство приблизиться сколько возможно къ этому идеалу, говоритъ Милль, — утилитаріанскій принципъ требуетъ во-первыхъ, чтобы въ обществѣ существовали такіе законы и такіа учрежденія, которыя бы приводили въ наиболѣе большую гармонию индивидуальное счастье, или, какъ это обыкновенно говорится, индивидуальныя интересы, съ общими интересами для всѣхъ, — и во-вторыхъ, чтобы воспитаніе и общественное мнѣніе, которыя имѣютъ столь громадное вліяніе на образованіе человѣческихъ характеровъ, впечатлѣвали въ умъ каждого индивидуума, что его точное счастье неразрывно связано со счастьемъ всѣхъ, и возможно для него только при томъ условіи, если онъ въ своихъ поступкахъ будетъ руководствоваться такими правилами, которыя имѣютъ дѣлю достиженія общаго счастья. Однимъ словомъ, утилитаріанскій принципъ требуетъ, чтобы каждый индивидуумъ былъ доведенъ до сознанія, что его собственное счастье для него невозможно, если его поступки будутъ противорѣчить общему счастью, — онъ требуетъ, чтобы стремленіе къ общему счастью сдѣлалось обычнымъ мотивомъ поступковъ каждого индивидуума, и чтобы этотъ мотивъ имѣлъ широкое и преобладающее значеніе въ человѣческой жизни».

Издатель поступилъ совершенно раціонально, соединивъ въ одной книгѣ два, отдѣльно изданныя въ Англіи сочиненія Милля: они имѣютъ между собою глубокую внутреннюю связь. Если принципъ утилитаризма требуетъ общаго счастья, то счастье достижимо наиболѣе широко развитіемъ человечества, а это развитіе немислимо безъ свободы. Являясь горячимъ противникомъ тираніи, въ какомъ бы видѣ она ни являлась, въ видѣ ли одного деспота, въ видѣ ли тираніи самодержавія

народа и общественнаго мнѣнія, Милль строитъ принципъ свободы на основаніяхъ самыхъ широкихъ. «Не свободно то общество, говоритъ онъ, какая бы ни была его форма правленія, въ которомъ индивидуумъ не имѣетъ свободы мысли и слова, свободы жить, какъ хочетъ, свободы ассоціаціи,—и только то общество свободно, въ которомъ всѣ эти виды индивидуальной свободы существуютъ абсолютно и безразлично одинаково для всѣхъ его членовъ. Только такая свобода и заслуживаетъ названія свободы, когда мы можемъ совершенно свободно стремиться къ достиженію того, что считаемъ для себя благомъ, и стремиться тѣми путями, какіе признаемъ за лучшіе,—съ тѣмъ только ограниченіемъ, чтобъ наши дѣйствія не лишали другихъ людей ихъ блага, или не препятствовали бы другимъ людямъ въ ихъ стремленіяхъ къ его достиженію.... Предоставляя каждому жить такъ, какъ онъ признаетъ за лучшее, человечество вообще гораздо болѣе выигрываетъ, чѣмъ принуждая каждого жить такъ, какъ признаютъ за лучшее другіе». Онъ требуетъ безусловной свободы мнѣній, свободы совѣсти, свободы сходовъ и проч. «Я отрицаю, говоритъ онъ, чтобъ самъ народъ имѣлъ право какимъ бы то ни было образомъ стѣснять свободу выраженія мнѣній, чрезъ посредство ли правительства, или какънибудь иначе; я утверждаю, что такого права вовсе не существуетъ,—что его одинаково не имѣютъ никакія правительства, ни самыя лучшія, ни самыя худшія, какія бы то ни было. Когда это мнимое право примѣняется на дѣлѣ вслѣдствіе требованія общественнаго мнѣнія, то это не только не менѣе вредно, но даже еще болѣе вредно, чѣмъ когда оно примѣняется вопреки общественному мнѣнію. Если бы весь родъ человѣчскій за исключеніемъ только одного индивидуума былъ извѣстнаго мнѣнія, а этотъ индивидуумъ былъ мнѣнія противнаго, то и тогда все человечество имѣло бы не болѣе права заставить молчать этого индивидуума, чѣмъ какое бы имѣлъ и самъ индивидуумъ заставить молчать все человечество, еслибъ имѣлъ на то возможность... Особенное качество дѣйствій, нарушающихъ свободу слова, состоитъ въ томъ, что они во всякомъ случаѣ составляютъ воровство по отношенію ко всему человечеству, какъ къ будущимъ, такъ и къ настоящимъ поколѣніямъ,

какъ по отношенію къ тѣмъ, кто усвоилъ бы себѣ преслѣдуемое мнѣніе, такъ и по отношенію къ тѣмъ, кто бы его отвергъ. Если мнѣніе правильно, то запрещать выражать его значитъ запрещать людямъ знать истину и препятствовать имъ выдти изъ заблужденія; если же мнѣніе неправильно, то препятствовать свободному его выраженію значитъ препятствовать достиженію людьми не меньшаго блага, чѣмъ въ первомъ случаѣ, а именно: болѣе яснаго уразумѣнія истины и болѣе глубокаго въ ней убѣжденія, какъ это обыкновенно имѣетъ своимъ послѣдствіемъ всякое столкновеніе истины съ заблужденіемъ».

Развивъ съ обычной своей логикой всѣ эти намѣренія въ теоріи, Милль посвящаетъ послѣднюю главу своего сочиненія пригнѣванію теоріи къ практикѣ, преслѣдуя и тутъ волю индивидуальную свободу, насколько она имѣетъ свободу другихъ. Говоря о правительственномъ вмѣшательствѣ, Милль не допускаетъ его даже и въ такія дѣла, которыя правительственные чиновники могутъ сдѣлать усгѣшнѣе, чѣмъ частныя лица, не допускаетъ потому, что предоставленіе такихъ дѣлъ частной дѣятельности служитъ могущественнымъ средствомъ къ умственному воспитанію индивидуума, къ упражненію ихъ способности сужденія, и ближайшему знакомству ихъ съ предметами, которые ихъ касаются. Это возмѣняетъ личность изъ узкаго круга его семейныхъ и эгоистическихъ стремленій и вводитъ въ сферу общихъ интересовъ, направляетъ его дѣятельность къ такимъ дѣламъ, которыя соединяютъ, а не разъединяютъ людей. Правительственная дѣятельность всегда и во всемъ и повсюду имѣетъ склонность къ однообразію,—дѣятельность индивидуальная посредствомъ свободныхъ ассоціацій всегда отличается склонностію къ беззачетному разнообразію. Все, что можетъ сдѣлать въ этомъ отношеніи государство полезнаго—это было такъ сказать, центральнымъ складочнымъ пунктомъ, откуда бы всѣ могли почерпать то, что уже извѣдано опытомъ другихъ людей. Обязанность государства состоитъ въ томъ, чтобъ не только не препятствовать своимъ гражданамъ производить новыя опыты, но и заботиться о томъ; чтобъ каждый, желающій извѣсти новый опытъ, могъ воспользоваться всѣми по этому предмету опытами другихъ.

людей. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, правительству склонны развивать свое вмѣшательство, доводить его до крайнихъ предѣловъ, причемъ увеличивается число людей, возлагающихъ на правительство свои надежды и опасенія, теряющихъ личную энергію, а дѣятельные, честолюбивые члены общества обращаются въ простыхъ слугъ правительства; отсюда рождается бюрократія и начинается опекать общество, которое становится неспособнымъ, по недостатку практическаго опыта, обсуждать или сдерживать бюрократическую дѣятельность; мало этого: сами правители подпадаютъ подъ опеку бюрократіи: «Конечно, замѣчаетъ Милль, правитель можетъ сослать въ сондукъ любого изъ членовъ бюрократіи, но онъ не можетъ управлять безъ нея и противно ея интересамъ;» даже и въ такомъ случаѣ, когда правитель воодушевленъ реформаторскими замыслами, бюрократія можетъ поставить ему серьезныя препоны однимъ своимъ пассивнымъ отношеніемъ къ дѣлу. «Политическая организація бюрократическихъ странъ представляетъ намъ сосредоточеніе всего опыта, всей практической способности народа въ одну дисциплинированную корпорацію для управленія остальною его частью, — и чѣмъ совершеннѣе эта организація, чѣмъ болѣе привлекаетъ она къ себѣ способныхъ людей изъ всѣхъ слоевъ общества, тѣмъ успѣшнѣе воспитываетъ она людей для своихъ цѣлей, тѣмъ полнѣе общее порабощеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и порабощеніе ея самихъ членовъ бюрократіи. Въ такихъ странахъ правители настолько же рабы бюрократической организаціи и дисциплины, насколько управляемые — рабы правителей».

Какъ видно изъ приведенныхъ отрывковъ, идеи о свободѣ у Милля даютъ возможность каждому усвоить себѣ здравый, широкій взглядъ на задачи общественной и политической жизни, при руководствѣ которыми и можетъ быть только плодотворна дѣятельность, имѣющая въ виду общіе интересы. Переводъ книги весьма удовлетворительный; пропусковъ противъ оригинала довольно много, но читатель можетъ судить по приведенному нами, что въ переводѣ осталось еще много поучительнаго.

Движеніе законодательства въ Россіи. Отдѣлы I, II, III и IV. Д. с. с. Григорій Бланкъ. Спб. 1869.

Представьте себѣ, что вы созерцаете великолѣпный готическій соборъ, гдѣ все поражаетъ васъ гармоніей и стройностью и гдѣ стрѣльчатныя башни уносятся въ облака; представьте себѣ также, что рядомъ съ этимъ созданіемъ гениальнаго ума вы видите груду необтесанныхъ камней, изъ которыхъ первобытный человѣкъ строитъ себѣ логовище. Представивъ себѣ это, вы наглядно поймете разницу, какъ въ задачахъ, такъ и въ исполненіи, между сочиненіемъ Милля и россійскаго дѣятельнаго статскаго совѣтника Григорія Бланка. Кто слѣдилъ за нашею журналистикою настоящаго царствованія, тому известно имя д. с. с. Григорія Бланка, его идеалы и понятія. Онъ принадлежить къ той русской оппозиціи консерваторовъ, за которой слѣдовало бы усвоить наименованіе «пугачевщины», производя это слово не отъ Пугачева, а отъ глагола «пугать». Какъ только правительство вступило на путь реформъ, они подняли свои робкіе голоса, зашептали и зафыли фистулой, праячася мгновенно, какъ улетки въ раковину, когда «по справкамъ» оказывалось, что «лучше помолчать»; когда эпоха молчанія проходила, они снова шептали и ворчали, и метали они слова угрозы, которыя мѣшались со словами самой.... преданной лести, пророчили они бѣдствія, предостерегали, униженно предостерегали, рабски предостерегали, и опять уходили въ свою раковину. Лесть и угроза тому же самому предмету, казалось бы, понятія несомнѣстимыя, но это-то и служитъ отличительнымъ признакомъ консервативной «пугачевщины», что она обыкновенно начинаетъ съ самыхъ льстивыхъ заявленій своей преданности, въ которой, однако, никто не нуждается, и между строками старается дать замѣтить о своей «независимости и даже о своей оппозиціи, которой никто не страшится. Она, эта пугачевщина, обыкновенно говоритъ о своей «пламенной» любви къ отечеству и приглашаетъ правительство соединиться съ нею тѣснѣе и тѣснѣе, ибо она состоитъ изъ «чистинныхъ, неподкупныхъ сыновъ отечества, которые помнятъ данную отечеству и монарху присягу, повелѣвающую върноподаннымъ предупреждать и всѣми силами искоренять зло,

не щади живота своего». Все это говорится для красоты слога, отличающагося дубоватостью, галицизмами и германизмами, все и въ особенности то, что касается «живота», ибо все дѣло именно въ этомъ животѣ и заключается, который пугачевщина бережетъ больше всего. Она желаетъ себя устроить мягкое логовище, откуда бы безопасно можно рычать на всѣхъ прохожихъ и даже заставлять ихъ снимать передъ собою шапки, низко кланяться и признавать ея авторитетъ. Все, что мѣшаетъ ей, она старается заподозрить въ самыхъ дурныхъ замыслахъ: у нея, этой отживающей, жующей всякую жвачку, социализма, прудуновизма и проч., пугачевщины, нѣтъ ни доблести, ни силы для того, чтобы самой что-нибудь сдѣлать для себя собствен-

ными силами, и она умоляетъ, кланяется, проситъ, чтобы ее оградили и наградили, если не желаютъ лишиться «истинныхъ, неподкупныхъ сыновъ отечества». Слѣдуетъ ли ограждать и награждать тѣхъ, которые стараются устроить благополучіе своей кучки на счетъ бѣдствій миллионновъ, и которые даже благотворительность заподозрѣваютъ въ революціонной пропагандѣ? Мы прошли бы даже молчаніемъ это новое твореніе г. Бланка, если бы онъ не заманивалъ заглавіемъ читателей. Впрочемъ, мы автора предупреждаемъ опытныхъ, что все, что ни пишется людьми подобнаго настроенія, все это пишется вовсе не для того, чтобы въ самомъ дѣлѣ говорить объ избранномъ ими предметѣ: имъ хочется имѣть лишній случай сказать свое любимое *sacrum sensu* и т. д.

А. С.-н.

М. СТАСЮЛВИЧЪ

СО Д Е Р Ж А Н І Е

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

ІЮЛЬ — АВГУСТЪ, 1869.

Книга седьмая. — Іюль.

	Стр.
Дача на Рейнѣ. — Романъ Б. АУЭРБАХА, въ пяти частяхъ. Часть третья. — Книга восьмая. — I-XI. — Книга десятая. — I-V. (Переводъ съ рукописи) .	5 ✓
Последніе годы Речи-Посполитой. — 1787-1795 гг. — Глава вторая — I. Сеймики 1790-го года; открытіе сейма съ двойнымъ числомъ пословъ; пьеса Нѣмцевича; возобновленіе дѣла о Гданскѣ и Торунѣ. — II. Устройство сеймовъ; мѣщанское дѣло; городской уставъ. — III. Приготовленіе къ перевороту; день 8-го мая; провозглашеніе конституціи; торжество въ Варшавѣ. — Н. И. КОСТОМАРОВА .	89 ✓
Биржевой Олимпъ и акціонерная міеологія. — Статья третья. — Л. ПОЛОНСКАГО .	155
Ниронъ. — Трагикомедія К. Гуцкова. — Картина восьмая девятая и десятая. — В. П. БУРЕНИНА .	184 ✓
Италія и Мандиччи. — 1808-1868 — XII-XIV. — В. И.	210 ✓
Декабрьскій переворотъ во Франціи. — VII-XII — И. Н.	244
Иностранная литература. — Новый романъ Виктора Гюго. — «L'homme qui rit». — XI-XIX. — А. С.	297
Современная Испанія. — «Les Révolutions d'Espagne contemporaine», par Ch. de Mazade; «Le général Prim», par Louis Blairet. — Л. А.	354
Внутренніе Овозраженіе. — Реформы относительно духовенства: отиѣна наследственности духовнаго званія; опредѣленіе приходовъ и приходскаго духовенства. — Подсудность духовенства. — «Свѣтская рука» въ духовныхъ дѣлахъ. — Законы о святотатствѣ, и наказанія по духовнымъ винамъ. — Преобразование въ положеніи казачьихъ населеній. — Отиѣна обязательности службы. — Отводъ земель. — Концессія либавской дороги. — Отчетъ главнаго общества желѣзныхъ дорогъ. — Контрактъ съ братьями Уайнентъ	362
Иностранное Овозраженіе. — Событія во Франціи. — Выборы 24-го мая и 7-го іюня. — Народное движеніе. — Старая оппозиція и радикальная партія. — Письмо Персианъ и программа Наполеона. — Книга Тено: Les visserets en 1858. — Сѣверо-германскій и таможенный парламенты. — Регенство въ Испаніи. — Палата лордовъ и билль объ ирландской церкви	382
Корреспонденція изъ Берлина. — Новый ремесленный уставъ и еврейскій вопросъ въ Пруссіи. — К.	408
Литературныя Извѣстія. — Іюль. — I. Русская Литература — «Общепонятныя естественно-научныя, гигиеническія и медицинскія сочиненія». Перев. съ кѣм. С. Ловцова. — Ю. Р. — II. Иностранная Литература: Lettres	

sur l'Instruction Publique en Russie, adressées à Monsieur le comte D. Tolstoï ministre de l'Instruction Publique. Par D. K. Schédo-Ferrocî.—Les Révolutions, par Pascal Duprat.—Novellen, von Karl Büchner.—Musikalische Charakterbilder, von Otto Gumprecht. — Л. А.-ва. 423

Книга поэмная. — Августъ.

- ✓ Дача на Рѣйнѣ. — Романъ Б. АУФРБАХА, въ пяти частяхъ. Часть третья. — Книга десятая. — VI-XVI. — Книга десятая. — I-VIII. (Переводъ съ рукописи) 447
- ✓ Последние годы Речи-Посполитой. — 1787-1795 гг. — Глава вторая. — IV. Поселеніе иностранныхъ посланниковъ; нашествіе Екатерины II; отношенія къ Пруссіи; чертъ варшавскаго общества; протестація Щенскаго Поточкаго. — V. Дѣятельность сейма 1791 года; лирика сейма; разгудъ въ Польшѣ; осторожность Булгакова. — VI. Волненіе въ Польшѣ. — VII. Возобновленіе дѣятельности сейма; соединеніе князействъ; дѣло о старостахъ; преобразование судовъ. — VIII. Дѣло о Щенскомъ Поточкомъ и Ржевускомъ; ихъ осужденіе; отъѣздъ Браницкаго. — Н. И. КОСТОМАРОВА 548
- ✓ Г-жа Кривдикъ. — Статья первая. — I. Молодость г-жи Кривдикъ. — II. Литературные труды: «Валерія». — III. Обращеніе. — IV. Первая встрѣча съ императоромъ Александромъ. — А. Н. ПЫПИНА 568
- ФЛОРЕНЦИЯ И ЕЯ СТАРИЕ МАСТЕРА. (Изъ путешествія по Италіи). — I. — Д. И. КАЧЕНОВСКАГО. 636
- ✓ Воспоминанія Е. А. ХВОСТОВОЙ. — 1812 — 1835 г. — I — IV 684
- Крѣпка. — Духовные христіане. — Люди Божіи, русская секта такъ называемыхъ духовныхъ христіанъ. — Исслѣдованіе И. Добротворскаго. — А. Н.-ва. 741
- Война и Войско. — Р. Фадѣва: Вооруженныя силы Россіи. — Р. 759
- Иностранная литература. — Англійскій радикалъ тридцатыхъ годовъ. — The Life and Correspondence of Thomas Stingsby Duncombe. — Л. А.-ва. 794
- Внутреннее Овозраженіе. — Право пріобрѣтенія дворянскихъ вѣтчинъ въ Эстляндіи. — Крестьянскій юбилей въ Отзейскомъ краѣ. — Крестьянскій вопросъ и полемика по балтійскимъ дѣламъ. — Съѣздъ петербургскаго епархіальнаго духовенства. — Выборное начало среди духовенства. — Новый уставъ духовныхъ академій. — Нѣкоторыя стороны желѣзно-дорожнаго дѣла. — Наши дѣла на Востокѣ. — Измѣненіе въ судебныхъ уставахъ. 842
- Иностранное Овозраженіе. — Графъ Бисмаркъ и единство Германіи. — Историческій очеркъ развитія идеи нѣмецкаго единства. — Антагонизмъ между Пруссіей и Австріей. — Фридрихъ II и гегемонія Пруссіи. — Вторженіе Наполеона и война за освобожденіе. — Фридрихъ Вильгельмъ III и священниій союзъ. — Национальное движеніе 1848 г. и франкфуртскій парламентъ. — Политки Фридриха-Вильгельма IV. — Торжество Австріи. — Прусская политика съ 1850 года. — Графъ Бисмаркъ, его жизнь и дѣятельность 868
- Литературныя Извѣстія. — Июнь. — I. Русская Литература: — Сочиненія И. С. Никитина. Состав. М. Ф. де Пуле. — Стихотворенія Н. Пумгарева. — Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ. И. Нильскаго. — Современныя гѣтонскіе расколы. Изд. Н. Субботинъ. — Джонъ Стюартъ Милль, перев. съ англійскаго А. Н. Невѣдомскаго. — Движеніе законодательства въ Россіи. Григорія Бланка. — А. С.-нъ. 881

КНИЖНАЯ РУССКАЯ ТОРГОВЛЯ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ А. Ѳ. БАЗУНОВА.

На Невскомъ Проспектѣ, № 30.

Въ теченіи іюля поступили вновь слѣдующія книги:

- ОБЗОРЪ ХРОНОГРАФОВЪ РУССКОЙ РЕДАКЦИИ СЪ ИЗБОРНИКОМЪ СЛАВЯНСКИХЪ И РУССКИХЪ СОЧИНЕНІИ И СТАТЕИ, ВНЕСЕННЫХЪ ВЪ ХРОНОГРАФЫ РУССКОЙ РЕДАКЦИИ.** Андрея Попова, выпускъ II-й, двѣ книги М. 1869 г. Цѣна 6 р. съ пер. 6 р. 50 к.
- ЗАПИСКИ АЛЕКСѢЯ ПЕТРОВИЧА ЕРМОЛОВА, СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.** Изд. Н. П. Ермоловымъ. Часть II-я 1816—1827 г. М. 1868 г. Ц. 2 р. 50 к. съ пер. 3 р.
- СВѢТИЛА НАУКИ ОТЪ ДРЕВНОСТИ ДО НАШИХЪ ДНЕИ, ЖИЗНЕОПИСАНІЕ ЗНАМЕНИТЫХЪ УЧЕНЫХЪ И КРАТКАЯ ОЦѢНКА ИХЪ ТРУДОВЪ.** Соч. Луи Фитье, съ 38-ю портретами и гравюрами, пер. съ франц. Н. Страхова. Спб. 1869 г. Цѣна 4 р. съ пер. 4 р. 40 к.
- ОБЗОРЪ ФИЛОСОФІИ СЕРЪ ВІЛЬЯМА ГАМИЛЬТОНА И ГЛАВНЫХЪ ФИЛОСОФИЧЕСКИХЪ ВОПРОСОВЪ, ОБСУЖДЕННЫХЪ ВЪ ЕГО ТВОРЕНІЯХЪ.** Джона Стюарта Милля, пер. Н. Хмѣлевскаго. Спб. 1869 г. Цѣна 4 р. съ пер. 4 р. 40 к.
- СОЧИНЕНІЯ НИКИТИНА,** съ его портретомъ, видомъ надгробнаго памятника, и факсимиле, биографіей, сост. М. Ѳ. де-Пуле. 2 части. Воронежъ. 1869 г. Цѣна 3 р. съ пер. 3 р. 50 к.
- ЧЕХЪ ЯНЪ ГУСЪ,** изъ Гусинца. Письма Яна Гуса выбранныя Мартиномъ Лютеромъ. Спб. 1869 г. Цѣна 1 р. съ пер. 1 р. 30 к.
- ЧЕШСКИЕ И НѢМЕЦКІЕ СКАЗКИ.** Эд. Лабуэ, т. II-й Спб. 1869. Цѣна 1 р. 75 к. съ пер. 2 р.
- ЧЕЛОВѢКЪ, КОТОРЫЙ СМѢТСЯ,** романъ В. Гюго. Пер. съ франц. т. I-й. Спб. 1869 г. Цѣна 1 р. 30 к. съ пер. 1 р. 60 к.
- ПАНЪ ХАЛЯВСКИЙ.** Соч. Гр. Ѳ. Квитки-Основьяненко, 2 час. съ портретомъ автора. Изд. 3-е Спб. 1869 г. Цѣна 1 р. съ пер. 1 р. 30 к.
- ТЕОРІЯ СЛОВЕСНОСТИ.** Руководство при разборѣ образцовъ словесности и при письменныхъ упражненіяхъ учебниковъ. Е. Вѣльскаго М. 1869 г. Цѣна 75 к. съ пер. 1 р.
- КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ АРАБОВЪ** въ первые вѣка Геджиръ (622—1100) г. и ея выраженія въ поэзіи и искусствѣ. В. К. Надлера. Харьковъ 1869 г. Цѣна 75 к. съ пер. 1 р.
- ШАХМАТНАЯ ИГРА.** Теоретическое и практическое руководство. Пер. съ нѣмец. Г. Р. Нейманъ. Спб. 1869 г. Цѣна 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 80 к.
- ПСИХО-ФИЗИОЛОГИЧЕСКІЕ ЭПИЗОДЫ.** А. Бэна, пер. съ англійскаго Речениуса. Спб. 1869 г. Цѣна 30 к. съ пер. 50 к.
- СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА ДЛЯ РУССКИХЪ ОФИЦЕРОВЪ.** Составлена по Высочайшему повелѣнію трудами инж. Г. М. Квиста, П. Г. Коппинскаго-Максимова, Фишера и Левинскаго, полк. Вадара, кап. Головина, штаб-кап. Ростовскаго и д-ра мед. кол. совѣтника Недапа, подъ общою редакціею генер. штаба генералъ-майора Махотина. Спб. 1869 г. Цѣна 3 р. съ пер. 3 р. 30 к.
- РИМСКІЕ ПАПЫ, ИХЪ ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО** въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Соч. Леопольда Ранке, перев. съ нѣмецк. томъ II-й. Спб. 1869 г. Цѣна за оба вышедшія тома 5 р. съ пер. 5 р. 50 к.

BULLETIN

DES NOUVEAUTÉS LITTÉRAIRES

DE LA LIBRAIRIE **A. Münx (K. Ricker)**. A ST. PÉTERSBOURG.

Persp. de Newski, maison Maderni № 14.

- Adam.** Kraft u. seine Schule. Heft 1—6. — à 1 r. 60 c.
- Aus den Mémoires eines Russischen Dekabristen.** — 2 r. 45 c.
- Bastian,** Reisen im indischen Archipel. — 4 r. 59 c.
- Bluntschli,** Geist und Charakter der politischen Parteien. — 1 r. 20 c.
- Bolton,** Geological fragments. — 2 r. 75 c.
- Caumont,** Abcdaire d'archéologie. — 2 r. 65 c.
- Chenu,** Statistique de la campagne 1859. 2 vols. — 28 r.
- Cherubin,** De l'extinction des espèces. — 90 c.
- Czermak,** Populäre physiologische Vorträge. — 2 r. 25 c.
- Eckardt,** Baltischen Provinzen Russlands. — 3 r. 50 c.
- Edwards,** The life of Rossini. — 7 r.
- Epistola.** — novissimæ obscurorum virorum. — 70 c.
- Essenwein,** Die mittelalterlichen Kunsdenkmale. Krakau. — 21 r. 60 c.
- Foerster,** Geschichte der Italienischen Kunst. Bd. — 2 r. 45 c.
- Gaedertz,** Adrian von Ostade. Sein Leben und seine Kunst. — 2 r. 5 c.
- Gindely,** Geschichte des 30-jährigen Krieges. Bd. I. — 3 r. 60 c.
- Girard,** France et Chine. 2 vols. — 5 r. 25 c.
- Goltz,** Die Weltklugheit und die Lebensweisheit. 2 Bde. — 2 r. 70 c.
- Hagen,** 8 Jahre a. d. Lebes Mich. Ang. Buonaroti. — 2 r. 25 c.
- Helly,** Dictionnaire des pseudonymes. — 1 r. 10 c.
- Lefebure,** Hist. des Cabinets. 4 vols. — 9 r. 80 c.
- Lobe,** Consonanzen u. Dissonanzen. — 2 r. 70 c.
- MilI,** Analysis of human mind. 2 vols. — 14 r.
- , The subjection of women. — 2 r. 50 c.
- Pouchet,** Pluralité des races humaines. — 1 r. 25 c.
- Réaume,** Histoire de Bossuet. 2 vols. — 7 r.
- Riche,** De l'organisme. — 35 c.
- Rochefort,** Oeuvres. — 1 r. 5 c.
- Stahr u. Lewald,** Ein Winter in Rom. — 3 r. 60 c.
- Struve,** Das Seelenleben oder die Natur des Menschen. — 1 r. 80 c.
- Sybel,** Kleine historische Schriften. Bd. I. II. — 5 r. 40 c.
- Wagner's** Jahresbericht für chemische Technologie. Jahrg. 1868. — 5 r. 40 c.
- Wattenbach,** Eine Ferienreise nach Spanien u. Portugal. — 2 r. 25 c.
- Zeller,** Entretiens l'histoire. — 1 r. 40 c.
- Zenker,** Der Suezkanal u. seine commercielle Bedeutung. — 70 c.

ист
едва

592566

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ИЗДАЮЩІЙСЯ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 7-ая.

ЮЛЬ. 1869.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Digitized by Google

КНИГА 7-ая. — ЮЛЬ, 1869.

- I. — ДАЧА НА РЕЙНѢ. — Романъ Б. Ауэрбаха, въ пяти частяхъ. — Часті третья — Книга восьмая. — I-XI. — Книга девятая. — I-V. (Переводъ съ рукописи).
- II. — ПОСЛѢДНИЕ ГОДЫ РЪЧИ-ПОСПОЛИТОН. — 1787-1795 гг. — Глава первая — I. Сеймики 1790-го года; открытіе сейма съ двойнымъ числомъ пословъ князя Пшемислава; возобновленіе дѣла о Гданскѣ и Торунѣ. — II. Устройство сейма мѣщанское дѣло; городской уставъ. — III. Приготовленіе къ перевороту; 20-го мая; провозглашеніе конституціи; торжество въ Варшавѣ. — II. П. Бисмаркова
- III. — БИРЖЕВОЙ ОЛИМПЪ И АКЦИОНЕРНАЯ МИФЛОГИЯ. — Статьи третья — Л. Полонскаго.
- IV. — НЕРОНЪ. — Трагикомедія К. Гудкова. — Картины восьмая, девятая и десятая — В. П. Буренина
- V. — ИТАЛІЯ И МАЦЦИНИ. — (1806-1868). — XII-XIV. — В. И.
- VI. — ДЕКАБРЬСКІЙ ПЕРЕВОРОТЪ ВО ФРАНЦІИ. — VII-XII. — II. И.
- VII. — ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА. — НОВЫЙ РОМАНЪ ВИКТОРА ГЮГО — «L'homme qui rit». — XI-XIX. — А. С-на
- VIII. — СОВРЕМЕННАЯ ИСПАНІЯ. — «Les Révolutions d'Espagne contemporaines», par M. de Mazade; «Le général Prim», par Louis Blairet. — Л. А-ва
- IX. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Реформы относительно духовенства: отмена наследственности духовнаго званія; опредѣленіе приходовъ и приходского духовенства. — Потусторонность духовенства. — «Святская рука» въ духовныхъ дѣлахъ. — Законы о святотатствѣ и наказанія по духовнымъ вѣдамъ. — Преображеніе и положеніе казачьихъ населеній. — Отяженіе обязательности службы. — Отчеты мѣль. — Концессія либавской дороги. — Отчетъ гласнаго общества земледѣльцевъ. — Контрактъ съ братьями Уайнберъ.
- X. — ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Событія во Франціи. — Выборы 24-го мая и 1-го іюня. — Народное движеніе. — Старая оппозиція и радикальная партія. — Планъ Персины и программа Наполеона. — Книга Тено: Les visages en 1868. — Северо-германскій и таможенный парламенты. — Регентство въ Испаніи. — Билль лордовъ и билль объ ирландской церкви.
- XI. — КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА. — Новый ремесленный уставъ и прусскій вопросъ въ Пруссіи. — К.
- XII. — ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ. — Іюнь. — I. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: — Обзоръ повятныхъ естественно-научныхъ, гигиеническихъ и медицинскихъ сочиненій. — Сопровожденъ съ пѣм. С. Ловцова. — Ю. Р. — II. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА: — Lettres de l'Instruction Publique en Russie, adressées à Monsieur le comte D. Tolstoj, Ministre de l'Instruction Publique. Par D. K. Schédo-Ferroti. — Les Révolutions de Pascal Duprat. — Novellen von Karl Büchner. — Musikalische Charakterbilder von Otto Gamprecht. — Л. А-ва.
- XIII. — БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Новая книга.

Объявленіе о русской книжной торговлѣ: А. Ф. Вазунова.

ВѢД. Редакція имѣетъ честь обратить вниманіе иногородныхъ подписчиковъ на подписки, помещенныя ею на послѣдней страницѣ обертки, для предупрежденія ошибокъ и сокращенія переписки въ случаѣ жалобы на потерю книжки журнала.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

шла къ исторіи масонства въ Россіи 12-го столѣтія. Академика П. Пекарскаго. 1869.

Пекарскому поручено было Академіей представить разбор одного сочиненія, касающаго исторіи масонства въ Россіи (книжки г. Лонгинова?); при этомъ президиумъ Академіи, графъ Литке, исходатайствовали Пекарскаго дозволеніе министерства вѣдомствъ дѣлъ воспользоваться матеріалами объ этомъ предметѣ, находящимися въ Государственномъ Архивѣ. Эти историческіе матеріалы, по добротности другихъ подобныхъ, къ сожалѣнію сихъ поръ оставались недоступны для издателя; г. Пекарскому въ первый разъ довелось счастливый случай пользоваться масонскими рукописями, находящимися въ Архивѣ. Знать ихъ было довольно значительно, такъ г. Пекарскій съчелъ нужнымъ издать эти матеріалы отдѣльно отъ упомянутаго разбора. Онъ издаетъ находящіеся въ Архивѣ рукописи мажорнаго содержанія, многія списалъ и напечаталъ настоящей книжкѣ, сопровождалъ свои выписки многими замѣчаніями. Приводимыя имъ выписки рукописей и выписки отчасти заключаютъ совершенно новыя извѣстія о русскомъ масонствѣ, отчасти дополняютъ уже извѣстное. Въ этой своей книжкѣ г. Пекарскій помѣстилъ хронологическій указатель событій изъ исторіи русскаго масонства въ XVIII-мъ столѣтіи. Подобныя работы г. Пекарскаго отличаются вообще большой аккуратностью, и этотъ указатель конечно окажетъ не малую помощь въ дальнѣйшихъ изысканіяхъ масонства, тѣмъ болѣе, что онъ идетъ съ тѣмъ есть въ библиографическій указатель существующей у насъ литературы по этому предмету.

Какъ сборникъ новаго матеріала, выписаннаго г. Пекарскимъ въ госуд. архивъ, книга его представляетъ много любопытнаго для спеціалиста по русской исторіи и литературѣ; для большаго публики она едва ли будетъ удобнымъ чтеніемъ, — потому что это — только матеріалъ, заключающій прежнія изложенія и совершенно лишены исторической связи и освѣщенія. — Не имѣющимъ слѣдуетъ предупредить, — говорить на 1-й страницѣ г. Пекарскій, — что я съ намѣреніемъ воздерживался высказывать окончательныя взгляды и личныя свои соображенія. Кому извѣстно настоящее положеніе, въ которомъ находится разработка исторіи русскаго масонства, тотъ, конечно, пойметъ причину такой воздержности: пред-

метомъ этимъ у насъ занимались такъ мало, что пробѣлы и неполноты встрѣчаются почти на каждомъ шагѣ. Поэтому нѣсколько не удивительно, что если, на основаніи того немногаго, что собрано для исторіи русскаго масонства въ настоящее время, начать строить соображенія и дѣлать выводы, то какъ гдѣ, такъ и другіе могутъ потомъ оказаться неутвержденными или преждевременными, и стало-быть, мало полезными.»

Намъ кажется довольно странной эта боязнь. Если бы всѣ такъ опасались дѣлать соображенія изъ страха, что они «могутъ оказаться неутвержденными», то положительно можно сказать, что никогда бы не существовало никакой науки. Матеріалъ исторической науки, какъ и вообще науки, никогда не можетъ считаться совершенно полнымъ, и текущая дѣятельность науки въ томъ именно и состоитъ, чтобы опредѣлить значеніе даннаго матеріала, съ тѣмъ, чтобы найти путь и для отысканія новаго и для созданія научной системы. Въ этомъ частномъ случаѣ мы также полагаемъ, что извѣстныя «соображенія» о русскомъ масонствѣ весьма возможны и въ настоящее время: неужели дѣйствительно масонство есть такая головоломная мудрость, что о немъ и сообразить ничего нельзя?

Когда г. Пекарскій издаетъ также и свой разборъ, мы надѣемся возвратиться еще разъ къ изданному теперь «Дополненіямъ».

Бесѣды на пути изъ Европы въ Америку. Сочиненіе доктора Шубарта. Чтеніе для дѣтей старшаго возраста. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва 1869.

Наша дѣтская литература, для младшаго и старшаго возраста, постоянно увеличивается множествомъ книгъ, переводимыхъ въ особенности съ нѣмецкаго и французскаго; но это множество книгъ вовсе не значитъ, чтобы эта литература была дѣйствительно богата хорошимъ чтеніемъ. Выборъ книгъ издателями и переводчиками слишкомъ часто бываетъ самый несчастный. Къ числу таковыхъ принадлежитъ и книжка доктора Шубарта, которая не лучше и не хуже многихъ подобныхъ сочиненій. Въ рамку путешествія довольно нескладно вставлены рассказы поучительнаго свойства, біографіи разныхъ замѣчательныхъ лицъ, и т. п. Сами по себѣ они могли бы быть интересны, но докторъ Шубартъ по своему украшаетъ ихъ вравоученіемъ и моралью, которыя скучны и не умны. Въ прибавленіи ко всему, произведеніе доктора Шубарта передано по русски соотвѣстственнымъ образомъ — вяло и тяжело.

ПРАВИЛА ПОДПИСКИ НА „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.“

1. Подписка принимается только на годъ: 1) *без доставки* — 14 руб.; — 2) *стаккою на домъ въ Спб. по почтѣ*, и въ *Москву, чрезъ кн. мн. Н. Г. Соловьева* — 15 руб.; 3) *съ пересылкою въ губерніи и въ Москву, по почтѣ* — 17 рублей.

2. *Городскіе подписчики въ Спб.*, желающіе получить журналъ съ доставкою, обращаются въ Контору Редакціи, и получаютъ билетъ, вырванный изъ книги въ цѣнѣ; при этомъ, во избѣжаніе ошибокъ, просятъ представить свой адресъ лично, а не диктовать его, что бываетъ причиною важныхъ ошибокъ. — Желающіе получить журналъ безъ доставки присылаютъ за книгами журнала, прилагая билетъ для вырванія изъ книги.

3. *Городскіе подписчики въ Москву*, для полученія журнала на домъ, обращаются съ подпискою въ кн. магазинъ Н. Г. Соловьева, и вносятъ только 15 рублѣ; билетъ же получаютъ по почтѣ адресуются прямо въ Редакцію, и присылаютъ 17 рублѣ.

4. *Иногородные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ*, исключительно въ Редакцію, и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и *того почтового мѣста*, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (или въ губернской и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) *лично*, для своихъ комиссіонеровъ въ Спб., въ Контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

Подписка въ Почтовыхъ Конторахъ не допускается.

5. *Иностранные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ* прямо въ Редакцію, какъ и иногородные; 2) *лично*, или чрезъ своихъ комиссіонеровъ въ Спб., въ Контору для городскихъ подписчиковъ, внося за экземпляръ съ пересылкою: *Пруссія и Ганновер* — 18 руб.; *Бельгія* — 19 руб.; *Франція и Данія* — 20 руб.; *Англія, Швеція, Испанія и Португалія* — 21 руб.; *Швейцарія* — 22 руб.; *Италія и Римъ* — 23 рубля.

6. Въ случаѣ неполученія книги журнала, подписчикъ непревозводимо жалобу прямо въ Редакцію, съ помянутіемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея итменеза. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно предстаетъ въ Газетную Экспедицію дублировать для отсылки съ первою почтовою; но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно справиться съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отъ нея послѣдней.

7. «Вѣстникъ Европы» выходитъ перваго числа ежемѣсячно, отдѣльными книжками отъ 25 до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ — шесть томовъ въ годъ. Для городскихъ подписчиковъ и получающихъ безъ доставки книги сдаются въ Контору и на Городскую Почту въ день выхода книги, а для иногородныхъ и иностранныхъ — въ теченіи первыхъ пяти дней мѣсяца въ порядкѣ тиражѣ.

8. Городскимъ и иногороднымъ подписчикамъ журналъ доставляется въ сумѣ и доложкѣ; иностраннымъ — въ бандероляхъ.

9. Переимѣна адреса сообщается въ редакцію такъ, чтобы извѣщеніе могло дойти до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью извѣстить редакцію одновременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой конторѣ свой новый адресъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а редакцію извѣстить о переимѣнѣ адреса для слѣдующихъ нумеровъ. При переимѣнѣ адреса необходимо указывать мѣсто прежняго отправленія журнала.

М. СТАСЮЛЕВИЧЪ

Издатель и отвѣтственный редакторъ.

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»:
Галерейн, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Невскій просп., 30.

Редакція проситъ выславшихъ подписную сумму на 1869 годъ, на время нынѣ объявленіемъ, а именно 16 рублей, дослатъ ей одинъ рубль для вырванія отъ Почтамту.

592566

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ИЗДАНИЕ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 8-ая.

АВГУСТЪ. 1869.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 8-ая. — АВГУСТЪ, 1869.

- I. — ДАЧА НА РЕЙНЪ. — Романъ Б. Ауэрбаха, въ пяти частяхъ. — Часть третья. — Книга девятая. — VI-XVI. — Книга десятая. — I-VIII. (Переводъ съ русскаго.)
- II. — ПОСЛѢДНИЕ ГОДЫ РЪЧИ-ПОСПОЛИТОЙ. — 1787-1795 гг. — Глава первая. — IV. Поведеніе иностранныхъ посланниковъ; намѣренія Екатерины II; отношенія къ Пруссіи; черты варшавскаго общества; протестанція Шенского Ватикана. — V. Дѣятельность сейма 1791 года; лимита сейма; разпуты въ Польшѣ; осторожность Булгакова. — VI. Возненіе въ Польшѣ. — VII. Возобновленіе дѣятельности сейма; соединеніе казначействъ; дѣло о старостахъ; преобразованіе судовъ. — VIII. Дѣло о Шенскомъ Потокскомъ и Ржевскомъ; къ которому отъѣздъ Браницкаго. — **И. И. Костомарова**.
- III. — Г-ЖА КРЮДНЕРЪ. — Статья первая. — I. Молодость г-жи Крюднеръ. — II. Литературные труды: «Валерія». — III. Обращеніе. — IV. Первая встреча съ императоромъ Александромъ. — **А. И. Пыпина**.
- IV. — ФЛОРЕНЦІЯ И ЕЯ СТАРЫЕ МАСТЕРА. (Изъ путешествія по Итали). — I. — **Д. И. Каченовскаго**.
- V. — ВОСПОМИНАНІЯ Е. А. ХВОСТОВОЙ. — 1812 — 1835 г. — I — IV.
- VI. — КРИТИКА. — ДУХОВНЫЕ ХРИСТІАНЕ. — Люди Божіи, русская секта именованныхъ духовныхъ христіанъ. — Исслѣдованіе И. Добротворскаго. — **А. И. Пыпина**.
- VII. — ВОЙНА И ВОЙСКО. — Р. Фадѣева: Вооруженныя силы Россіи. — Р.
- VIII. — ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА. — АНГЛІЙСКІЙ РАДИКАЛЪ ТРИДЦАТИ ПЯТИ ЛѢТЪ. — The Life and Correspondence of Thomas Stingsby Duncombe. — **Д. И. Каченовскаго**.
- IX. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Право приобрѣтенія дворянскихъ имѣній въ Эстляндіи. — Крестьянскій юбилей въ Отзейскомъ краѣ. — Крестьянскій вопросъ и полемика по балтійскимъ дѣламъ. — Съѣздъ петербургскаго старшинскаго дворянства. — Выборное начало среди духовенства. — Новый уставъ духовной академіи. — Нѣкоторыя стороны желѣзно-дорожнаго дѣла. — Намѣренія въ Стокгольмѣ. — Измѣненіе въ судебныхъ уставахъ.
- X. — ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — ГРАФЪ БИСМАРКЪ И ЕДИНСТВО ГЕРМАНИИ. — Историческій очеркъ развитія идеи нѣмецкаго единства. — Актъ мира между Пруссіею и Австріею. — Фридрихъ II и гегемонія Пруссіи. — Востаніе Наполеона и война за освобожденіе. — Фридрихъ Вильгельмъ III и сѣверный союзъ. — Національное движеніе 1848 г. и французскій парламентъ. — Паденіе Фридриха-Вильгельма IV. — Торжество Австріи. — Прусская политика съ 1850 года. — Графъ Бисмаркъ, его жизнь и дѣятельность.
- XI. — ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ. — Июль. — I. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. — Сочиненія И. С. Никитина. Состав. М. Ф. де Пуле. — Стихотворенія И. Чулковскаго. — Семейная жизнь въ рускомъ расколѣ. И. Нильскаго. — Современныя дѣла русскаго раскола. Изд. Н. Субботина. — Джонъ Ствартъ Милль, перев. съ англійскаго А. И. Невѣдомскаго. — Движеніе законодательства въ Россіи. Гр. Бланка А. С.
- XII. — БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Новыя книги.

Объявленія: I. О русской книжной торговлѣ: А. Ф. Балунова. — II. Объ иностранной книжной торговлѣ: А. Мюнкса.

ВЪ. Редакція имѣетъ честь обратить вниманіе иногородныхъ подписчиковъ на свои подписки, помѣщенные ею на послѣдней страницѣ обертки, для предупредительнаго извѣщенія и сокращенія переписки въ случаѣ жалобы на потерю книжки курьеромъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

для изученія исторіи русской словесности.
К. Тимоеева. Спб. 1869.

Мнѣ, какъ то принято, кажется, въ нынѣшней программѣ преподаванія, ограниченными фактическими свидѣніями о и литературныхъ произведеніяхъ, безъ объясненія разницы между различными русской исторіи и народнаго развитія. Исторической связи авторъ заботится такъ о «второмъ» періодѣ (съ татарскаго до Петра) онъ намелся сказать только факты. Сказавши по нѣскольку словъ о Несторѣ, заѣхавши Владиміра Мономаха о Полю Игоревѣ, народныхъ сказаніяхъ, авторъ, послѣ этихъ двухъ стратическомъ періодѣ, переходитъ прямо къ Русской Державинѣ, фонъ-Вазинѣ, Дмитріеву такъ что юный читатель совершенно не будетъ заключать, что Несторъ былъ историкъ, какъ Державинъ, а авторъ Слово Игоревѣ, какъ Дмитріевъ, съ тѣмъ замѣчаніемъ, что у одного было больше таланта стихотворнаго таланта» и «церковно-славянскіе обороты, чѣмъ у другого, и т. п. Стихи новыхъ писателей, составленныя въ Пособіи» по извѣстному рецепту похвалы и порицательныхъ эпитетовъ, не оскоби и изобразительны, а нѣтъ до довольно странные обороты, наприм. «и Ольга (въ романѣ Гончарова)—порядки: по образцу ихъ можно смѣло сложить». Въ стихотвореніи *Маша* (Несказана весьма поучительная мысль (!) въ часто страсть къ нарядамъ и мониничъ доводитъ ихъ мужей до прежде смерти отъ чрезмѣрныхъ трудовъ и денегъ на прихоти жены», и т. п. Судить по учебнику г. Тимоеева о поамого преподаванія исторіи русской, которому учебникъ хочетъ служить, нѣ, вѣроятно, очень незавидно.

и французскіе писатели. Выпускъ второй. Выпускъ издатель продолжаетъ прежнее дѣло, а именно знакомитъ русскую съ тѣми современными писателями, борясь съ общественными и пороками, ярко рисуютъ ихъ кар глазами современниковъ, вызывая въ о неудовольствіи къ дурнымъ нравственнымъ и политической жизни. Въ выпускѣ, въ такомъ же добросовѣстномъ отъ перепоръ, какъ и прежде, мы между прочимъ, имя Мориса Жюль, авторъ нѣкоторыхъ «Разговоровъ въ аду Монтескье». Помѣщенная статья изъ

Пессара нѣтъ близкое отношеніе къ тому, что такъ недавно волновало Францію: въ ней мы находимъ живое изображеніе провинціальной французской бюрократіи и правительственныхъ маневровъ при выборѣ официальныхъ кандидатовъ. Вообще, русской сборникъ, въ формѣ пріятнаго и разнообразнаго чтенія даетъ намъ наглядное понятіе о вопросахъ внутренней жизни, волнующихъ современную Францію.

Учебникъ всеобщей исторіи, въ трехъ концентрическихъ курсахъ. Сост. Н. Оселинниковъ. Курсъ первый. Второе изданіе. Спб. 1869.

Мы имѣли уже случай познакомить нашихъ читателей съ достоинствами новой системы этого учебника, еще при первомъ его изданіи. Авторъ выводитъ свою систему изъ правильного убѣжденія, что въ преподаваніи приходится имѣть дѣло не столько съ наукой, сколько съ ученикомъ, а потому раздѣленіе курсовъ исторіи должно быть приспособлено къ различію возраста учащихся. Онъ дѣлитъ преподаваніе исторіи не по періодамъ, а по кругамъ, изъ которыхъ каждый заключаетъ въ себя всѣ періоды, но каждый долженъ имѣть свой объемъ и свою форму, сообразно возрасту обучающагося. Въ новомъ изданіи авторъ привнесъ въ соображеніе сдѣланныя ему замѣчанія и значительно исправилъ свой трудъ, заслуживающій во всякомъ случаѣ вниманія нашихъ педагоговъ.

Сводъ рѣшеній кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената и разъясненія ими законоположенія. Изд. Я. И. Утина. Часть I, 816 стр. Часть II, 236 стр. Цѣна за двѣ части 2 р. 75 к.

Лучшимъ доказательствомъ того, что этотъ сборникъ дѣйствительно отвѣчаетъ потребностямъ нашего судебного міра, служитъ выходъ ея *вторымъ изданіемъ* въ такое непродолжительное время. Менѣе чѣмъ въ шесть мѣсяцевъ все первое изданіе было распродано. Новое дополнено какъ тѣми кассационными рѣшеніями 1867 года, которыхъ не вошли въ первое изданіе, такъ и въ особенности рѣшеніями 1868 года. Издатель не безъ основанія полагаетъ, что его «Сводъ» можетъ вполне замѣнить тѣ официальные сборники рѣшеній сената за 1866 и 1867 года, которыхъ уже нѣтъ въ продажѣ. Мы убѣждены, что «Сводъ» этотъ, не смотря на нѣкоторые недостатки, сознаваемые самимъ издателемъ въ предисловіи ко второму изданію — недостатки почти неизбежные въ подобномъ трудѣ — останется еще на долго настоятельною книгою нашихъ юристовъ-практиковъ именно потому, что гораздо удобнѣе и скорѣе отыскать какое нибудь рѣшеніе сената подъ соотвѣтствующею статью судебного устава, чѣмъ рыться въ массѣ однородныхъ рѣшеній официальныхъ сборниковъ за нѣсколько лѣтъ.

ПРАВИЛА ПОДПИСКИ НА „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.“

1. Подписка принимается только на годъ: 1) *безъ доставки* — 14 руб.; — 2) *съ доставкой на домъ въ Спб. по почтѣ, и въ Москву, чрезъ кн. маи. Н. Г. Соловьева* 15 руб.; 3) *съ пересылкою въ губерніи и въ Москву, по почтѣ* — 17 рублей.

2. *Городскіе подписчики въ Спб.*, желающіе получить журналъ съ доставкой, обращаются въ Контору Редакціи, и получаютъ билетъ, вырѣзанный изъ книги Рецензій; при этомъ, во избѣжаніе ошибокъ, просятъ представлять свой адресъ письменно, а не диктовать его, что бываетъ причиною важныхъ ошибокъ. — Желающіе получить журналъ безъ доставки присылаютъ за книгами журнала, прилагая билетъ для помѣтки книгъ.

3. *Городскіе подписчики въ Москву*, для полученія журнала, на домъ, обращаются съ подпискою въ кн. магазинъ Н. Г. Соловьева, и вносятъ только 15 рублей, билетъ же получаютъ по почтѣ адресуются прямо въ Редакцію, и присылаютъ 17 рублей.

4. *Иногородные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ*, исключительно въ Редакцію, и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и *того почтового мѣста*, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) *лично*, для чего своихъ комиссіонеровъ въ Спб., въ Контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

Подписка въ Почтовыхъ Конторахъ не допускается.

5. *Иностранные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ* прямо въ Редакцію, и въ иногородные; 2) *лично*, или чрезъ своихъ комиссіонеровъ въ Спб., въ Контору для городскихъ подписчиковъ, внося за экземпляръ съ пересылкою: *Пруссія и Германія* — 18 руб.; *Бельгія* — 19 руб.; *Франція и Данія* — 20 руб.; *Англія, Швейція, Испанія и Португалія* — 21 руб.; *Швейцарія* — 22 руб.; *Италія и Римъ* — 23 рубля.

6. Въ случаѣ неполученія книги журнала, подписчикъ препровождаетъ билетъ прямо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея штемпеля. По полученіи такой жадыбы, Редакція немедленно препровождаетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно справиться съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворить только по полученіи бѣта послѣдней.

7. «Вѣстникъ Европы» выходитъ перваго числа ежемѣсячно, отдѣльными книжками отъ 25 до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ, шесть томовъ въ годъ. Для городскихъ подписчиковъ и получающихъ билетъ экземпляры книгъ сдаются въ Контору и на Городскую Почту въ день выхода книги, а для иногородныхъ и иностранныхъ — въ теченіи первыхъ пяти дней мѣсяца въ порядкѣ очереди.

8. Городскимъ и иногороднымъ подписчикамъ журналъ доставляется въ шифрѣ, ложкѣ; иностраннымъ — въ бандероляхъ.

9. Перемена адреса сообщается въ редакцію такъ, чтобы извѣщеніе могло поступить до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью извѣстить редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой конторѣ свой новый адресъ дальнѣйшаго отправления журнала, а редакцію извѣстить о переменѣ адреса для будущихъ номеровъ. При переменѣ адреса необходимо указывать мѣсто прежняго правленія журнала.

М. СТАСОВЛЕВИЧЪ

Издатель и отвѣтственный редакторъ

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»:
Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА
Невскій просп., 30.

Редакція проситъ выславшихъ подписную сумму на 1869 годъ, по прежнимъ объявленіямъ, а именно 16 рублей, дослати ей одинъ рубль для возврата Почтанту.

B'D.

